

В. М. Кулиш

**ИСТОРИЯ
ВТОРОГО
ФРОНТА**

**ВТОРАЯ
МИРОВАЯ
ВОЙНА**

**В ИССЛЕДОВАНИЯХ
ВОСПОМИНАНИЯХ
ДОКУМЕНТАХ**

В. М. КУЛИШ

**ИСТОРИЯ
ВТОРОГО
ФРОНТА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1971

Введение

Предпринятое 6 июня 1944 г. вторжение американско-английских экспедиционных сил в Европу с запада и последующие их действия на континенте вошли в историю второй мировой войны под названием «второй фронт». Им предшествовала длительная борьба за создание этого фронта, в процессе которой выявились интересы, позиции и цели социальных групп и политических кругов в странах антифашистской коалиции, а также их взгляды на способы войны.

Мысль о втором фронте против гитлеровской Германии и ее сателлитов в Европе возникла в дни складывания антифашистской коалиции, вскоре после вторжения фашистских армий в Советский Союз.

В период войны этот вопрос неоднократно обсуждался правительствами и высшими военными штабами. Он не сходил со страниц газет и журналов воюющих государств как антифашистской коалиции, так и ее противников. Вопрос об открытии второго фронта в то время волновал, хотя и по разным причинам, большинство людей не только в Европе и Америке, но и в других странах. С ним так или иначе связывались надежды всех прогрессивных сил мира на быстрое избавление человечества от ужасов и тягот войны.

Поэтому не удивительно, что события, связанные с вторым фронтом, до настоящего времени являются одной из важных проблем историографии второй мировой войны. Однако проблема эта разработана еще недостаточно, хотя ей уделяют много внимания как советские, так и буржуазные историки. Отдельные аспекты данной проблемы более или менее обстоятельно рассмотрены в многочисленных трудах по истории минувшей войны. Абсолютное большинство их авторов признают, что изучение вопроса о втором фронте исключительно важно для глубокого понимания сущности антифашистской коалиции и всесторонней оценки вклада ее участников в достижение победы над фашистскими захватчиками, политики США и Великобритании, военного искусства их вооруженных сил и основных событий в Европе того периода. Принципиальное различие политических и идеологических оценок событий, связанных с вторым фронтом в Европе, у советских и буржуазных историков обуславливает и различный подход их к исследованию этой проблемы и различные результаты его,

Советская историография

В Советском Союзе изучение истории второго фронта началось вскоре после войны. Внимание советских историков и публицистов привлекло издание в 1946—1948 гг. в США и Великобритании итоговых докладов начальников высших штабов и командующих войсками на театрах военных действий, а также дневников и мемуаров многих участников событий. В этих публикациях была сделана первая попытка обобщить опыт действий вооруженных сил США и Великобритании, а заодно и истолковать историю второй мировой войны, важнейших ее событий в выгодном для себя свете. Уже в этих первых работах преувеличивалось значение американских и английских вооруженных сил в разгроме фашистского блока в Европе и тем принижалась роль Советского Союза в войне.

Возникла необходимость разоблачить буржуазных фальсификаторов, выявить причины и силы, мешавшие своевременному открытию второго фронта. В связи с этим большое политическое и идеологическое значение приобрело освещение в печати решающей роли СССР в разгроме гитлеровской Германии, борьбы Советского правительства, прогрессивных сил США и Великобритании, прежде всего коммунистов, и народов оккупированных стран за открытие второго фронта.

Действия американских и английских вооруженных сил в Западной Европе в 1944—1945 гг. по своему размаху и результатам — наиболее крупные во второй мировой войне. Опыт их в дальнейшем широко использовался в процессе новых военных приготовлений этих стран. Данное обстоятельство также определило необходимость исследования операций на втором фронте.

Изучение вопроса о втором фронте в Советском Союзе до середины 50-х годов не отличалось высокой активностью. В то время советские историки и публицисты имели в своем распоряжении весьма ограниченный круг источников. Им были доступны факты, зачастую почерпнутые из работ, публикуемых в США и Великобритании, немецкие трофейные документы, оказавшиеся в архивах Министерства обороны СССР, обнародованные еще в период войны материалы. Тем не менее советские исследователи сделали серьезный вклад в изучение истории второго фронта. Они подвергли критике многие труды зарубежных авторов, фальсифицировавших историю, тенденциозные публикации документов, мемуарную литературу. Это позволило им осветить основные моменты политики правительств США и преимущественно Великобритании в вопросе о втором фронте, разоблачить некоторые их закулисные махинации, которые привели к откладыванию решения его до середины 1944 г.¹ Появился ряд статей с описанием и первыми попытками исследования операций союзных

¹ См. М. П. Толченев. За кулисами подготовки второго фронта. М., 1947.

армий в Западной Европе в 1944—1945 гг.² Наконец, выходом в свет книги советского журналиста Д. Краминова³ было положено начало мемуарной литературе в этом вопросе. Вся эта литература давала определенное представление о проблеме и роли второго фронта в Европе.

Большое значение для разработки истории второго фронта в Европе имела опубликованная Совинформбюро в 1948 г. историческая справка «Фальсификаторы истории»⁴. В этом документе впервые констатировалось, что целью американских и английских правящих кругов в войне являлось не только ослабление их наиболее опасного конкурента — фашистской Германии, но и Советского Союза, который, как предполагали в США и Великобритании, должен был попасть после войны в зависимое от них положение. Подчеркивая тесную взаимосвязь между данными целями и политикой обоих западных союзников, Совинформбюро отмечало, что второй фронт в Европе был открыт только тогда, когда стало ясно, что Советский Союз в состоянии один разгромить фашистскую Германию и оказать помощь народам Европы в освобождении от фашистского ига.

На примере истории второго фронта в Европе в справке «Фальсификаторы истории» показывалось принципиальное различие в отношении к выполнению союзнического долга правительств США и Великобритании, с одной стороны, и Советского правительства — с другой. Политике проволок и саботажа противопоставлялось добросовестное выполнение Советским правительством союзнических обязательств.

Когда американские и английские армии, указывалось в исторической справке, попали в трудное положение в Арденнах и Черчилль попросил Советское Верховное Главнокомандование предпринять на советско-германском фронте такие действия, которые облегчили бы их участь, последнее, не дожидаясь наступления благоприятных условий погоды, приказало своим войскам перейти 12 января 1945 г. в наступление.

Справка Совинформбюро привлекла внимание историков к исследованию широкой проблемы — выполнения правительствами США и Великобритании союзнического долга перед СССР по оказанию ему военной и материальной помощи в период войны. Что же касается самой истории второго фронта, то соответствующие положения

² Л. М. Еремеев. Подготовка к нормандской операции. — «Морской сборник», 1946, № 2, стр. 20—87; В. И. Натесов. Воздушно-десантные операции союзников. — «Информационный бюллетень Военной академии им. М. В. Фрунзе», 1945, № 2, стр. 20—34; Е. Болгин. Арденны. — «Военный вестник», 1955, № 5, стр. 80—88; Н. Лапин. Англо-американские фальсификаторы истории второй мировой войны (О провале немецкого наступления в Арденнах). — «Вопросы истории», 1950, № 5, стр. 37—50 и др.

³ Д. Краминов. Второй фронт. Записки военного корреспондента. М., 1948 (второе, дополненное, издание этой работы вышло в 1959 г. под названием «Правда о втором фронте»).

⁴ «Фальсификаторы истории (Историческая справка)». М., 1948.

справки, изложенные тезисно, в порядке постановки вопроса, к сожалению, в ряде случаев были восприняты как уже всесторонне исследованные и полностью выясненные.

Авторы, касавшиеся в своих трудах проблемы второго фронта, нередко уклонялись от научной разработки ее, ограничиваясь цитированием и комментированием отдельных мест из этого документа. При этом повторялись даже некоторые фактические неточности, содержащиеся в справке. Так, в ней отмечалось, что из Арденн на советско-германский фронт была переброшена 5-я немецкая танковая армия⁵, тогда как она до своей капитуляции в Руре в середине апреля 1945 г. находилась на Западе. Неточно был изложен и немецкий план наступления в Арденнах⁶. В ряде случаев положения справки, относившиеся к одному периоду истории второго фронта, механически распространялись на другой его период, что приводило к неправильной оценке последнего. В частности, правильное положение о преднамеренном затягивании правительствами США и Великобритании открытия второго фронта необоснованно распространялось на характеристику действий американских и английских войск после их высадки в Западной Европе. Ошибки и промахи союзного командования, провалы операций, затяжной характер боев в Нормандии, остановка наступления перед позицией «Зигфрид» и поражение 12-й американской группы армий в Арденнах — все это истолковывалось не иначе, как преднамеренные действия, определявшиеся политикой правительств США и Великобритании, хотя на самом деле эти правительства в тот период стремились как можно скорее ввести свои войска в Центральную Европу.

Следует также отметить, что в Справке Совинформбюро основное внимание уделялось противоречиям между СССР и его западными союзниками. Англо-американские противоречия и их влияние на политику и стратегию обеих стран, в частности на решение вопроса о втором фронте, не вскрывались. В трудах некоторых советских историков дело представлялось так, что между правительствами США и Великобритании по этому вопросу не было серьезных разногласий.

В последующие годы, начиная с середины 50-х годов и до настоящего времени, исследование проблемы второго фронта в Европе стало глубже, а борьба против буржуазных фальсификаторов — всесторонней. Наряду с критикой отдельных работ советские историки перешли к анализу буржуазной литературы по всей проблеме в целом, разоблачая попытки использовать историю второго фронта в Европе в целях холодной войны и разжигания военного психоза.

За 15 лет опубликованы результаты ряда исследований проблемы второго фронта, проведенных советскими историками как специально, так и в процессе изучения истории второй мировой войны.

⁵ См. «Фальсификаторы истории», стр. 77—78.

⁶ Там же, стр. 76.

Основные выводы из них вошли в различные учебники по истории⁷. Исключительно важное значение для исследования истории второго фронта имело обнаружение переписки главы Советского правительства с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны Советского Союза⁸ и материалов конференций глав правительств трех великих держав в Тегеране и Ялте⁹, а также мемуаров видных советских военачальников и дипломатов. Советские историки получили возможность более основательно изучить проблему второго фронта — одну из важнейших в минувшей мировой войне — и дать обоснованную оценку отношениям к ней союзников.

Направления исследований сохранялись прежние — политика и стратегия союзников по вопросу о втором фронте, определение роли этого фронта в войне против фашистского блока в Европе, военное искусство вооруженных сил западных союзников в войне в Европе. Но в процессе их изучения выявлялись новые аспекты и стороны, без глубокой проработки которых нельзя было познать суть основных направлений. Советские историки уделили много внимания интересам и целям союзников в Европе, их оценкам и действительной роли второго фронта в войне, отношениям союзников в процессе борьбы по вопросу о втором фронте и, наконец, исследованию военных действий в Западной Европе в 1944—1945 гг. Не имея возможности разобрать детально каждую из работ советских авторов, рассмотрим кратко основные моменты и результаты исследования всей проблемы.

Начнем с определения понятия «второй фронт», поскольку это, как нам представляется, имеет важное значение для установления действительной роли данного фронта во взаимоотношениях между союзниками и в войне.

Как известно, и в период войны, и после нее в Советском Союзе и за рубежом много говорилось и писалось о взаимопомощи между союзниками и особенно о военной помощи СССР со стороны западных союзников. Постепенно вопрос о помощи вообще стал ассоциироваться со вторым фронтом как конкретной формой этой помощи. Такое представление из публицистики перешло в научную литературу и вольно или невольно стало оказывать влияние на историков. Не-

⁷ См. «История Коммунистической партии Советского Союза», изд. 2. М., 1963, стр. 553—554 (см. также последующие издания); «Новая и новейшая история», учебное пособие, ч. II (1939—1959). М., 1959; «История международных отношений и внешней политики СССР», т. II (1939—1945). М., 1962; «История международных отношений и внешней политики СССР», т. II. 1939—1945 гг. М., 1967, и др.

⁸ См. «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. I—II. М., 1957.

⁹ См. «Тегеранская конференция руководителей трех великих держав». — «Международная жизнь», 1961, № 7—8; «Крымская и Потсдамская конференции руководителей трех великих держав». — «Международная жизнь», 1965, № 6—9.

мало тому способствовало и то, что именно такое определение сути второго фронта, как это будет показано ниже, господствует в американской и английской исторической литературе.

М. П. Толченев в упоминавшейся выше брошюре, первой специальной работе о втором фронте, сделал попытку на основе опубликованных к тому времени за рубежом материалов и мемуаров разоблачить закулисные махинации правительств Великобритании и США, имевшие целью как можно дольше не оказывать существенной военной помощи Советскому Союзу, не открывать второй фронт.

Такое же примерно определение содержится в первой крупной статье, анализирующей изданные до 1957 г. работы буржуазных авторов о втором фронте, академика И. М. Майского¹⁰, а затем в его мемуарах. И. М. Майский рассматривает данную проблему только с одной точки зрения, а именно — как США и Великобритания выполняли свои обязательства по оказанию военной помощи Советскому Союзу. «Когда сейчас, много лет спустя, — пишет он в мемуарах, — суммируешь весь материал, относящийся к вопросу о втором фронте, становится совершенно ясно, что мотивы помощи СССР играли второ- и третьестепенную роль в организации вторжения во Францию летом 1944 г. А на протяжении трех лет, которые ушли на борьбу за второй фронт, главным противником последнего неизменно оказывался... Черчилль. Вот как на практике расписывалась его формула о том, что англичане окажут СССР в этой войне «всю ту помощь, на которую они способны»¹¹.

В двух других работах — Б. И. Марушкина и Н. Н. Яковлева, А. Е. Куниной и Б. И. Марушкина¹², — а также в книге Н. Н. Яковлева «Новейшая история США»¹³ еще более определенно, чем в статье академика И. М. Майского, вся суть проблемы второго фронта сводится только к военной помощи Советскому Союзу.

В 1958 г. вышла в свет работа Ю. И. Вольского, в которой рассматривается отношение правительства Великобритании к вопросу о втором фронте в 1941—1943 гг.¹⁴ Пытаясь раскрыть понятие «второй фронт», автор заявляет, что это такие действия союзных армий во Франции, которые могли бы оказывать прямую эффективную помощь СССР¹⁵. В результате Ю. И. Вольский свел выяснение позиции правительства Великобритании лишь к тому, как английское пра-

¹⁰ И. М. Майский. Проблема второго фронта в англо-американской историографии. — «Вопросы истории», 1958, № 1, стр. 63.

¹¹ И. М. Майский. Воспоминания советского посла. Война 1939—1943. М., 1965, стр. 146—147.

¹² Б. И. Марушкин, Н. Н. Яковлев. Вопрос о взаимоотношениях СССР и США в период второй мировой войны в американской историографии. — «Новая и новейшая история», 1957, № 3; А. Е. Кунина, Б. И. Марушкин. Миф о миролюбии США. М., 1960, стр. 199.

¹³ Н. Н. Яковлев. Новейшая история США. 1917—1960. М., 1961.

¹⁴ Ю. И. Вольский. Вопрос о создании второго фронта в Европе во внешней политике Англии (1941—1943 гг.). — «Вопросы новой и новейшей истории» («Ученые записки», № 33, АОИ при ЦК КПСС). М., 1958, стр. 20—58.

¹⁵ Там же, стр. 25—26.

вительство относилось к военной помощи своему союзнику — СССР. Соответственно он сформулировал и выводы: «1) все военные предпрятия английского правительства в 1942—1943 гг., которые, по утверждению Черчилля, имели своей целью оказать помощь советскому народу в его борьбе с гитлеризмом, объективно преследовали узкокорыстные захватнические цели английской политики и были направлены по существу на противодействие росту во всем мире политического престижа Советского Союза...; 2) никакими ухищрениями нельзя скрыть того факта, что сам Черчилль был последовательным противником создания второго фронта»¹⁶.

Дипломатической борьбе за создание второго фронта в Европе в 1941—1943 гг. посвящена работа И. Н. Земскова, опубликованная в августе—сентябре 1961 г. в журнале «Международная жизнь», а позже изданная отдельной брошюрой¹⁷. В отличие от других исследователей этой проблемы, в трудах И. Н. Земсков использовал наряду с документами и публикациями буржуазных историков материалы Архива внешней политики СССР. Это позволило автору более убедительно показать последовательность Советского правительства в решении вопроса о втором фронте, разоблачить непоследовательность политики правительств США и Великобритании. Однако проблема второго фронта в названных работах И. Н. Земскова определяется как оказание помощи Советскому Союзу. Отношение к ней со стороны американского и английского правительства не связывается с проводимым ими в период войны политическим и стратегическим курсом. Вследствие этого не показывается разница между тем, что вкладывало в понятие «второй фронт» Советское правительство и что подразумевали под ним правительства США и Великобритании. Кроме того, приоритет в высказывании идеи второго фронта в Европе автор необоснованно отдает английскому лорду Бивербуку.

Такой подход, выработавшийся, по-видимому, под влиянием упомянутой выше Справки Совинформбюро, был присущ в то время подавляющему большинству работ советских историков. Но он — правильный в части определения роли военной помощи, оказываемой СССР западными союзниками, — не позволяет охватить всю проблему в целом, не дает возможности оценить ее значение в отношениях между великими державами и в войне против фашистского блока в Европе. Хотя того авторы работ или нет, такой подход в какой-то мере оправдывает поведение правительств США и Великобритании, поскольку для них и после заключения антигитлеровского военного союза СССР оставался классово враждебным государством, борьбу против которого они не прекращали. Далее в этих работах дело представляется таким образом, будто понятие «второй фронт»

¹⁶ Там же, стр. 54—55.

¹⁷ И. Земсков. Дипломатическая история второго фронта. — «Международная жизнь», 1961, № 8, 9; *он же*. Из дипломатической истории второго фронта в Европе (1941—1944 гг.). Документальный очерк. М., 1961.

оставалось неизменным на протяжении всех военных лет и рассматривалось одинаково всеми союзниками, хотя на самом деле в понимании его отражались как интересы каждого из них, так и изменения условий ведения войны.

Советские историки, естественно, уделили внимание выяснению причин и целей затягивания западными союзниками решения вопроса о втором фронте до середины 1944 г. Они установили полное единство причин и целей, определявшихся антисоветской направленностью политики правительств США и Великобритании. Эта идея была впервые изложена в Справке Совинформбюро. В дальнейшем она нашла конкретное воплощение в ряде работ по истории второй мировой войны вообще и по истории второго фронта в Европе в частности. В ходе исследований выявлялись различные аспекты антисоветской политики правящих кругов США и Великобритании, которые оказывали влияние на решение ими вопроса о втором фронте.

Академик И. М. Майский объясняет политику Великобритании в этом вопросе главным образом традиционным для нее стремлением переложить основную тяжесть войны на своих континентальных союзников, а также британской политикой «равновесия сил» в Европе, нацеленной в данном случае на то, чтобы Советский Союз вышел из войны максимально ослабленным. «...Ряд серьезнейших свидетельств (включая свидетельство самого Черчилля), — подчеркивает автор, — позволяют сделать вполне обоснованное заключение о позиции британского премьера в вопросе о втором фронте в Северной Франции. Эта позиция по существу сводилась к тому, чтобы всячески избегать создания второго фронта и стремиться поставить Германию на колени посредством ее истощения и развертывания военных операций на второстепенных направлениях, возлагая, таким образом, основное бремя войны на Советский Союз. Такая политика означала удлинение сроков войны и увеличение жертв и материальных потерь в СССР и оккупированных врагом странах»¹⁸.

Отметив далее, что правящие группировки США видели в Германии наиболее опасного конкурента и были заинтересованы в укреплении своих позиций в Европе, И. М. Майский сделал вывод, будто для США было важно как можно скорее покончить с войной в Европе и переключить основные усилия на борьбу с Японией. Затем следует утверждение: «С момента вступления США в войну американское правительство стало отстаивать трансатлантическую операцию (т. е. открытие второго фронта — В. К.)»¹⁹.

Работа И. М. Майского интересна тем, что в ней кроме общих, антисоветских действий западных союзников отмечается значение серьезных противоречий в их отношениях. «В основе борьбы по проблеме второго фронта внутри антигитлеровской коалиции, — пишет он, — лежали противоречия двух систем — капиталистической и социалистической... Наряду с этой главной линией противоречий име-

¹⁸ «Вопросы истории», 1958, № 1, стр. 72.

¹⁹ Там же, стр. 68.

лась и другая, несравненно менее существенная — линия противоречий между США и Англией, обуславливавшаяся различными, а иногда и прямо противоположными экономическими и политическими интересами обоих названных государств»²⁰.

Однако распространение этого правильного положения на исследование конкретной политики без учета сложившейся в каждом отдельном случае обстановки не позволило ему дать обоснованную оценку позиций правительства США и Великобритании в вопросе о втором фронте. Получилась упрощенная схема: Черчилль — ярый противник трансламаншской операции, Рузвельт — сторонник ее. В целом же стратегия западных союзников определялась тем, чья точка зрения возьмет верх в их дискуссиях. И. М. Майский пишет: «Надо отдать справедливость Черчиллю, — он проявил совершенно исключительные твердость, последовательность и искусство в проведении своей линии при совместной с американцами разработке планов генеральной стратегии войны. И так как Черчилль очень хорошо знал, чего он хочет, а Рузвельт... не имел вполне определенной концепции о том, как надо вести войну, то именно Черчиллю, несмотря на громадный перевес сил США, долго удавалось фактически руководить военными действиями англо-американского блока. Чрезвычайно ярко это выявилося в вопросе о втором фронте»²¹.

В этом выводе содержатся две неточности: исследование стратегии США и Великобритании в период второй мировой войны показывает, что Черчилль никогда не был фактическим руководителем военными действиями англо-американского блока, хотя ему довольно часто принадлежала инициатива в постановке вопросов на обсуждение; нет также оснований для предположения, будто Рузвельт не имел «вполне определенной концепции» ведения войны. Все это, на наш взгляд, определилось чрезмерной переоценкой автором роли субъективного момента, точнее персонификацией стратегии западных союзников.

В упоминавшихся выше работах И. Н. Земсков также противопоставляет политику Черчилля в вопросе о втором фронте политике Рузвельта, считая последнего безусловным сторонником создания второго фронта в 1942 г., встречавшего, однако, сопротивление тех влиятельных кругов, которые не были заинтересованы в скором окончании войны. В какой-то мере переоценивается степень влияния Черчилля на выработку союзнической стратегии и в мемуарах Н. Г. Кузнецова, когда он пишет, что «после долгих обсуждений Черчиллю удалось убедить Рузвельта в необходимости высадки экспедиционных войск в Африке»²². Этот вариант больше устраивал Черчилля, так как «его можно было осуществить без риска»²³. Вполне вероятно, что желание избежать риска имело место в пла-

²⁰ Там же, стр. 84.

²¹ И. М. Майский. Воспоминания советского посла, стр. 256.

²² Н. Г. Кузнецов. На флотах боевая тревога. М., 1971, стр. 210.

²³ Там же.

нировании операций английских вооруженных сил. Но все-таки главную роль играло не это, а английская политика в бассейне Средиземного моря.

Другие исследования советскими историками внешней политики США в период второй мировой войны дают основания полагать, что, несмотря на различия в подходе к проблеме второго фронта, американская точка зрения на ее разрешение в принципе совпадала с английской.

В большой работе «Внешняя политика США в эпоху империализма» Н. Н. Иноземцев подверг критике версию американских буржуазных историков, утверждающих, будто правящие круги США твердо, последовательно, чуть ли не свято выполняли свои обязательства в отношении второго фронта, а откладывать его приходилось из-за позиции, занятой правительством Черчилля, и объективных военных причин. На основе фактов и ряда высказываний буржуазных историков и мемуаристов Н. Н. Иноземцев пришел к выводу, что правящие круги США повинны в затягивании решения вопроса о втором фронте не менее, чем правительство Великобритании²⁴.

Л. В. Поздеева провела специальное исследование англо-американских отношений в годы второй мировой войны и пришла к заключению, что стратегические принципы США и Англии в Европе совпадали. Оба правительства исходили из расчета на всемерное затягивание борьбы на советско-германском фронте — решающем фронте второй мировой войны. Их разногласия не затрагивали этого основного вопроса. «Цели военной стратегии каждой из западных держав определялись всей совокупностью их империалистических интересов; расхождения в области стратегии определяли специфику и столкновение этих интересов. Так, стратегические взгляды США на способы борьбы с Германией и Италией соответствовали их планам мирового господства, их стремлению стать главной силой антифашистской коалиции. Метод лобового удара по Германии с Запада, с американской точки зрения, лучше всего отвечал этим устремлениям. . . Английская стратегия была стратегией обороны и укрепления британской колониальной империи в ее ключевых звеньях — на Ближнем и Среднем Востоке, в Индии и пр.»²⁵.

Такая постановка вопроса дает возможность более полно выявить суть второго фронта, в которой сложно сочетались антисоветская политика западных союзников и действия, диктуемые интересами и целями каждого из них. Соответственно ими выбирались и методы вооруженной борьбы, состоявшие в том, чтобы прежде всего использовать сложившуюся обстановку в интересах максимально возможного осуществления своих целей.

В связи с этим нельзя признать обоснованным мнение, что стра-

²⁴ Н. Иноземцев. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960, стр. 410—412.

²⁵ Л. В. Поздеева. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. 1941—1945. М., 1969, стр. 118—119.

тегия США и Великобритании разрабатывалась «в полном соответствии с политикой выжидания исхода вооруженной борьбы на советско-германском фронте...»²⁶ В отношении исследуемой нами проблемы такое мнение можно было бы признать правильным лишь в том случае, если отождествлять ее полностью с вопросом о военной помощи СССР западными союзниками, а всю политику последних ограничить только их отношениями к Советскому Союзу. На самом деле оба эти явления были более широкими и сложными. Не отрицая правильности общеизвестного факта, что «политические цели оказывали непосредственное влияние на планирование и ведение войны»²⁷, исследование политики и стратегии западных союзников во второй мировой войне вообще и при решении вопроса о втором фронте не может ограничиться только выяснением этой прямой связи. Немалую роль играли также опосредствованные экономикой, техникой, внутренней политикой, морально-психологическими и прочими условиями связи между политикой и военной стратегией. Наконец, имели большое значение конкретные политические и стратегические обстоятельства, складывавшиеся в ходе войны, и способность учитывать их политическим и стратегическим руководством обеих стран. В целом же политика западных союзников характерна не «выжиданием», а активными и целенаправленными действиями в своих собственных интересах.

Советские исследователи истории второй мировой войны занимались также изучением средиземноморской стратегии западных союзников, которая фактически являлась альтернативой второго фронта в Европе, а также части ее, получившей наименование балканского варианта. Во всех без исключения работах, посвященных этому вопросу²⁸, делается общее заключение, что средиземноморская стратегия имела антисоветскую направленность. Расхождения между авторами касаются лишь частностей и отдельных деталей проблемы.

Под «балканским вариантом» А. Некрич, например, понимает «комплекс планов, рассчитанных на то, чтобы сорвать открытие второго фронта в Европе, т. е. высадку англо-американских войск в Западной Франции, противопоставляя ей идею нанесения немецко-фашистской армии удара на Балканах». Иными словами, «балканский вариант» рассматривается как преднамеренные действия правительств США и Великобритании, направленные исключительно к ослаблению Советского Союза. «Вся затея с «балканским вариантом», — пишет он, — имела ярко выраженную политическую подоплеку и была заострена против Советского Союза и народно-освободительного движения в оккупированной фашистами Европе».

²⁶ В. А. Секисов. *Война и политика*. М., 1970, стр. 229, см. также стр. 397.

²⁷ Там же, стр. 23.

²⁸ Н. Н. Яковлев. *США и Англия во второй мировой войне*. М., 1961, стр. 158—164; *оп же*. *Новейшая история США*, стр. 374—382; А. Некрич. Балканский вариант. — *Международная жизнь*, 1959, № 8; Н. И. Лебедев. «Балканский вариант» англо-американской стратегии в период второй мировой войны. — *Новая и новейшая история*, 1959, № 5, стр. 41—60.

Причем автор считает, что этот вариант проводился главным образом англичанами.

Н. И. Лебедев дополняет это мнение тем, что «... «балканский вариант» с самого начала являлся неотъемлемой частью средиземноморской стратегии, главная цель которой заключалась в затягивании войны между СССР и Германией с целью их взаимного истощения».

В рассматриваемых работах, таким образом, не нашла отражения другая сторона вопроса, а именно та, что «балканский вариант» был продолжением колониальной политики правящих кругов США и Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке.

По мнению Н. И. Лебедева, средиземноморская стратегия «восторжествовала потому, что в рассматриваемый период (в 1942 г. — *В. К.*) она соответствовала интересам правящих кругов как Англии, так и США, которые с ее помощью надеялись обеспечить себе важные стратегические позиции в этой части мира»²⁹. В этом утверждении бесспорно то, что средиземноморская стратегия соответствовала интересам правящих кругов обеих стран. Но последние не ограничивались только стремлением обеспечить себе «важные стратегические позиции». Их интересы были прежде всего экономическими и политическими, направленными к установлению господства в этой части мира, а средиземноморская стратегия — одним из решающих средств для достижения данной цели.

Более четко определил суть средиземноморской стратегии США и Великобритании и ее связь с решением проблемы второго фронта в Европе И. Е. Зайцев. Он пишет: «Принятие союзническими правительствами решения сосредоточить усилия в 1942 и 1943 годах в бассейне Средиземного моря объясняется прежде всего тем, что американские правящие круги так же, как и английские, ставили на первый план достижение своих интересов в бассейне Средиземного моря, хотя это и было в ущерб общим интересам антигитлеровской коалиции, так как не создавало ощутительных трудностей для фашистской Германии»³⁰.

Сопоставляя выдержки из книг различных буржуазных исследователей и мемуаристов, советские исследователи показали беспочвенность утверждений тех буржуазных историков, которые пытались оправдать оттяжку высадки союзных войск во Франции нехваткой военных материалов ввиду поставок их в СССР по ленд-лизу, неподготовленностью США к войне, занятостью американских войск на Тихоокеанском театре и пр.³¹

Если политические, антисоветские соображения играли решающую роль в затягивании решения вопроса о втором фронте, то, по видимому, они же имели не меньшее значение для открытия этого

²⁹ Н. И. Лебедев. Указ. соч., стр. 45.

³⁰ И. Зайцев. К вопросу об открытии второго фронта и его роли во второй мировой войне. — «Военно-исторический журнал», 1959, № 6, стр. 57.

³¹ «Новая и новейшая история», 1957, № 3, стр. 153; А. Е. Кушина, Б. И. Марушкин. Указ. соч., стр. 220.

фронта в 1944 г. Именно эта черта была подмечена советскими историками. Например, в книге А. Е. Куниной и Б. И. Марушкина отмечается: «Высадка американско-английских войск в Нормандии в 1944 г. была вызвана отнюдь не военными соображениями (помочь союзнику), а чисто политическими»³². Н. Н. Яковлев в своей обстоятельной работе «Новейшая история США. 1917—1960» пишет, что принятое на совещании в Квебеке (Канада) решение открыть второй фронт «было продиктовано только политическими мотивами: с одной стороны, сохранить хорошие отношения с СССР и, с другой стороны, не допустить освобождения Западной Европы советскими вооруженными силами»³³.

Примат политики перед стратегией не исключает роли чисто военных обстоятельств и соображений, оказавших влияние на принятие решения о создании нового фронта. Как мы увидим ниже, имела и военная целесообразность создания второго фронта в 1944 г.

Большое место в истории второго фронта занимала борьба за его создание. Советские историки уделили много внимания выяснению причин, природы и результатов этой борьбы. Решающую роль в ней играли противоречия между СССР и его западными союзниками. Как отмечал академик В. Хвостов в рецензии на публикацию переписки между главами великих держав в годы Великой Отечественной войны, между союзниками «единственным серьезным разногласием, по которому по существу так и не было достигнуто единодушие, был вопрос об открытии второго фронта во Франции. Точнее говоря, соглашение и тут было достигнуто, но оно настолько запоздало, что роль второго фронта в разгроме фашизма оказалась куда менее значительной, чем она была бы при своевременном его открытии»³⁴.

С момента первого послания главы Советского правительства премьер-министру Англии от 18 июля 1941 г. начали проявляться две политические концепции, которые предопределили различные методы ведения войны³⁵.

Если Советское правительство, выражая интересы народов своей страны и народов Европы и Америки, последовательно настаивало на скорейшем открытии второго фронта, то правительства США и Англии, неоднократно (в 1942 и 1943 гг.) обещавшие предпринять вторжение в Северную Францию, неизменно уклонялись от выполнения этого обязательства. Как пишет А. Некрич, «высадка союзников в Нормандии прежде всего отвечала политическим интересам Англии и США. Но в то же время она отвечала и интересам скорейшей победы над гитлеровской Германией, то есть общим целям всех участников антигитлеровской коалиции»³⁶.

³² А. Е. Кунина, Б. И. Марушкин. Указ. соч., стр. 222.

³³ Н. Н. Яковлев. Новейшая история США, стр. 379.

³⁴ «Правда», 14.IX 1957.

³⁵ А. Некрич. Из истории великой коалиции. — «Мировая экономика и международные отношения», 1957, № 4, стр. 115.

³⁶ Там же, стр. 120.

В. Г. Трухановский сначала в статье «Важный этап в англо-советских отношениях периода второй мировой войны»³⁷, а позже в книге «Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939—1945)»³⁸ много места отвел освещению борьбы между СССР, Великобританией и США по вопросу о втором фронте. Он показал, что разногласия по этому вопросу существовали не только между СССР и западными союзниками, но и внутри стран и правящих кругов последних.

Основываясь на опубликованных документах, а также на мемуарах и дневниках видных политических и военных деятелей США и Великобритании, И. М. Майский пишет, что требования открыть второй фронт «шли с двух сторон — со стороны СССР и со стороны народных масс и определенных группировок правящих кругов Англии и США»³⁹. Последовательную борьбу Советского правительства в этом направлении активно поддерживали широкие круги трудящихся США и Англии, так как «для них война была антифашистской войной; они стремились к полному разгрому гитлеровской Германии; они хотели как можно быстрее покончить с войной, которая несла народным массам особенно тяжелые страдания. А сверх того они чувствовали искреннюю симпатию к советским рабочим и крестьянам, которые как раз в то время переживали особенно суровые испытания. Из всех этих мотивов вытекал вывод: надо возможно скорее открыть второй фронт, лучше всего в Северной Франции»⁴⁰. В правящих кругах США и Великобритании такой точки зрения придерживались, в частности, видный английский политический деятель Д. Ллойд Джордж, газетный король лорд Бивербрук и др. В целом же эти круги в 1942—1943 гг. были противниками вторжения во Францию.

Много внимания проблеме второго фронта в Европе уделил в своем труде «Антигитлеровская коалиция» В. Л. Израэлян⁴¹. Рассматривая важнейшие формы и методы политической и дипломатической борьбы Советского правительства за создание второго фронта, автор кратко описывает конференции правительств союзных держав, на которых обсуждался вопрос о вторжении американских и английских войск в Западную Европу, и впервые приводит многие факты, свидетельствующие о размахе борьбы широких масс трудящихся США и Великобритании за сокращение сроков войны.

Материалы второго и третьего томов «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза», подготовленных Институтом марксизма-ленинизма, свидетельствуют о последовательной борьбе Совет-

³⁷ «Вопросы истории», 1961, № 6, стр. 39—61.

³⁸ В. Г. Трухановский. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939—1945). М., 1965.

³⁹ «Вопросы истории», 1958, № 1, стр. 64.

⁴⁰ Там же, стр. 66.

⁴¹ В. Л. Израэлян. Антигитлеровская коалиция (Дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы второй мировой войны). М., 1964.

ского правительства за своевременное открытие второго фронта⁴², что отвечало интересам широких масс трудящихся США, Великобритании и оккупированных фашистскими захватчиками европейских стран⁴³. Однако главное внимание авторы сосредоточили на рассмотрении дипломатических форм этой борьбы (переписка, переговоры, конференции и т. д.).

В целом же, несмотря на серьезные противоречия и непоследовательность поведения представителей правящих кругов США и Великобритании, второй фронт был открыт, хотя и с большим опозданием. Естественно, что это сказалось на его значении в разгроме фашистского блока в Европе. Открытие в 1942—1943 гг. второго фронта, способного отвлечь с советско-германского фронта 40—50 дивизий, замечает И. М. Майский, могло облегчить бремя СССР, уменьшить его потери, а также сократить сроки и жертвы всей мировой войны⁴⁴.

Отсутствие же такого фронта, как показывается в «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза», значительно увеличило трудности Советского Союза и его армии в войне против фашистской Германии. Гитлеровское командование имело возможность направлять против СССР основную массу своих вооруженных сил, резервов и материальных средств, мобилизованных не только в самой Германии, но и награбленных в оккупированных странах Европы⁴⁵.

В этом труде подчеркивается, что отсутствие второго фронта позволяло гитлеровскому командованию преодолевать огромные трудности, вызванные рядом серьезных поражений на Востоке в 1941 и 1942 гг., восполнять потери и создавать новые войсковые соединения, используя значительные материальные ресурсы и людские резервы своей страны и оккупированной Европы⁴⁶.

К началу 1944 г., как отмечено в четвертом томе, политика умышленного затягивания открытия второго фронта исчерпала себя. США и Великобритания подготовили и провели морскую десантную операцию в Нормандии и в результате последующего наступления к концу 1944 г. изгнали немецко-фашистские войска из Франции, Бельгии и части Нидерландов.

Но и после вторжения войск союзников во Францию советско-германский фронт оставался главным, решающим фронтом второй мировой войны, так как здесь продолжало действовать 70% сухопутных сил фашистской Германии⁴⁷. Тем не менее, как это показы-

⁴² «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 2. М., 1961, стр. 179—180, 252—255, 363—364; т. 3. М., 1961, стр. 496—499, 502—503, 506—514.

⁴³ Там же, т. 2, стр. 205, 255; т. 3, стр. 499—502.

⁴⁴ См. «Вопросы истории», 1958, № 1, стр. 63.

⁴⁵ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 2, стр. 252—253, 363—364; т. 3, стр. 8, 10, 603.

⁴⁶ Там же, т. 3, стр. 606.

⁴⁷ Там же, т. 4, стр. 200, 553.

ваются в четвертом томе, второй фронт сыграл определенную роль в разгроме фашистской Германии. После его открытия немецкие дивизии, находившиеся в Западной Европе, уже не могли рассматриваться как потенциальный резерв, который мог быть использован против Красной Армии. Кроме того, союзники оттянули на себя часть стратегических резервов противника и захватили ряд важных экономических районов⁴⁸. Открытие второго фронта означало победу общего дела антифашистской коалиции, свидетельствовало о ее прочности⁴⁹. В четвертом томе дано краткое описание действий американских и английских войск в Западной Европе, а также борьбы народов Франции, Бельгии, Голландии, Дании за свое освобождение⁵⁰.

Изучение второго фронта в Европе с военно-исторической точки зрения продолжается на протяжении всего послевоенного периода. За это время было опубликовано много статей и очерков, в которых описывались и исследовались важнейшие операции союзников в Западной Европе в 1944—1945 гг. Наибольшее внимание было уделено важнейшим из них: морским десантным операциям в Нормандии и на юге Франции, окружению немецких войск в районе Фалеза и особенно наступлению немцев в Арденнах.

Серьезным вкладом в исследование этих операций явился коллективный труд «Вторая мировая война. 1939—1945 гг.»⁵¹. В нем показана решающая роль побед Советской Армии в разгроме гитлеровской Германии и ее европейских сателлитов. Констатируя, что как до, так и после открытия второго фронта в Европе основные войска фашистского блока находились на советско-германском фронте, авторы отмечают, что политика правящих кругов США и Великобритании, сознательно затягивавших открытие второго фронта до июня 1944 г., позволяла немецкому командованию направлять свои ресурсы на Восток и тем не только восполнять понесенные потери, но и до конца 1942 г. увеличивать здесь свои силы⁵².

Следует отметить, что факт постоянной переброски немецких дивизий с Запада, в том числе из Франции, Бельгии и Голландии, на советско-германский фронт показан вполне убедительно. Но поскольку стратегическая обстановка в Западной Европе не анализируется, читателю трудно определить, была ли у англо-американских войск возможность осуществить вторжение в Северную Францию в 1941—1943 гг. Сделав краткое описание боевых действий в Западной Европе за период с 6 июня 1944 г. до конца войны⁵³ и при-

⁴⁸ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 4, стр. 113, 657.

⁴⁹ Там же, стр. 501.

⁵⁰ Там же, стр. 507—553.

⁵¹ «Вторая мировая война. 1939—1945 гг. Военно-исторический очерк». М., 1958.

⁵² Там же, стр. 10—11, 247—248, 281—282, 286—287, 335—336, 378—379, 543, 573—574, 671, 700, 717.

⁵³ Там же, стр. 637—663, 712—717.

ведя ряд интересных фактических данных о численности англо-американских и немецко-фашистских войск, авторы далее пишут, что «после открытия второго фронта правящие круги США и Англии стремились уже не к затягиванию войны, как раньше, а к тому, чтобы захватить и оккупировать возможно больше стран Европы, не допустить выхода советских войск в Центральную Европу»⁵⁴.

Таким образом, актуальность рассмотрения проблемы второго фронта в Европе признается советскими историками, и этот факт зафиксирован в ряде исследовательских работ. Советская историография на основе различных документов и материалов вскрыла антисоветскую направленность политики правящих кругов США и Великобритании в вопросе о втором фронте. Она показала, что невыполнение ими в назначенные сроки неоднократных обещаний осуществить вторжение в Западную Европу позволило фашистскому блоку в Европе направлять основные силы на Восток и вести войну до середины 1944 г. фактически на одном советско-германском фронте, что не могло не повлечь за собой затягивания сроков войны, увеличения ее тягот, особенно для советского народа. В советской исторической литературе высказана также мысль о наличии благоприятных условий для создания второго фронта в 1942 и 1943 гг.

Однако вопрос о возможности создания второго фронта Великобританией в 1941 г. исследован меньше всех других. Кроме того, в работах советских историков имеются противоречивые, взаимоисключающие суждения об отношении правительства США к войне в Европе.

Поскольку же проблема англо-американского вторжения в Европу исследовалась советскими историками преимущественно с точки зрения оказания Великобританией и США военной помощи Советскому Союзу, полностью раскрыть содержание понятия «второй фронт», как одного из существенных и важнейших аспектов политики и стратегии коалиционной войны, не удалось. Изучение политических и дипломатических вопросов отдельно от военных и наоборот помешало выяснить сущность взаимосвязи политики и стратегии США и Великобритании, а также серьезного несоответствия между общесоюзными целями войны и эгоистическими интересами американских и английских правящих кругов и влияние последних на решение проблемы второго фронта.

Работы советских историков по изучению важнейших вопросов истории второго фронта в Европе, собранные в них факты и материалы, а также сделанные советскими историками выводы подготовили условия для рассмотрения всей истории второго фронта.

⁵⁴ Там же, стр. 670.

Буржуазная историография

Буржуазная историческая литература, в которой так или иначе рассматривается эта проблема, весьма обширна. Оценки роли второго фронта и отношения к нему в 1942 и 1943 гг. со стороны правительств и военных кругов США и Великобритании, описания действий американских и английских войск в Западной Европе можно встретить и в обширных трудах по истории второй мировой войны и в работах, посвященных различным ее проблемам. Наряду с этим в США и Великобритании вышли в свет монографические работы об отдельных периодах или сторонах истории второго фронта в Европе, не охватывающие, однако, всю проблему в целом. Много внимания этому вопросу уделено в изданных здесь же мемуарах видных политических и военных деятелей⁵⁵.

Сроки открытия второго фронта и причины его откладывания — важнейшая тема, широко обсуждаемая буржуазными историками. Правда, была сделана попытка объявить эти вопросы несущественными для истории и тем искусственно уменьшить их значение. Такую неблагодарную роль взял на себя американский исследователь Р. Шервуд, обработавший записки и документы Гарри Гопкинса, ближайшего советника Ф. Д. Рузвельта. Он заявил, что «дискуссия о втором фронте будет, вероятно, продолжаться до тех пор, пока будут живы непосредственные его участники, но после этого единственное, что будет иметь значение, — это тот факт, что он действительно был открыт в точно намеченный срок и что тем самым была вписана новая страница в мировую историю. Никто сейчас не тратит понапрасну времени на размышления, правильно ли поступил Вильгельм Завоеватель, когда избрал для своих завоеваний 1066 год»⁵⁶.

Но мнение Шервуда не разделили ни его соотечественники — американские историки, ни тем более английские. Как те, так и другие уделяют упомянутому вопросу много внимания.

Вскоре после войны (в 1946 г.) демобилизованный американский офицер Ральф Ингерсолл выпустил в свет сенсационную книжку «Совершенно секретно»⁵⁷, в которой он уже как «частное лицо» впервые рассказал о действиях американских и английских штабов и войск в Европе в 1943—1945 гг. Будучи участником событий, да еще на посту офицера штаба союзных экспедиционных сил, он многое знал и поэтому привел в своей книге большое количество фактов, относящихся к планированию и проведению действий американских и английских войск в Европе, структуре командования и разногласиям союзников по стратегии войны в Европе, дал меткие характеристики многим генералам. В отличие от своего коллеги по союзному штабу английского майора Джона Долглейша,

⁵⁵ См. библиографию в конце книги.

⁵⁶ Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. II. М., 1958, стр. 504.

⁵⁷ Р. Ингерсолл. Совершенно секретно. М., 1947.

книга которого, вышедшая несколько раньше, была посвящена главным образом технике планирования снабжения войск вторжения в Европу⁵⁸, Ингерсолл уделил основное внимание проблеме англо-американских взаимоотношений в процессе подготовки и осуществления операций союзников в Северо-Западной Франции.

По словам Ингерсолла, явно антисоветская направленность политики и стратегии англичан во время войны была нейтрализована американцами, а победа США и Великобритании в Европе явилась торжеством американской, а не английской стратегии. «Во время войны, — писал он, — англичане пытались направлять нашу (американскую. — *В. К.*) военную политику на путь, который им был желателен, — это был путь антирусский. Это им не удалось»⁵⁹. Причина этого, по его мнению, заключалась в том, что американцы уже тогда «знали, чего они хотят, и были достаточно сильными и достаточно ловкими, чтобы добиться своей цели». Англичане же не смогли навязать американцам «свою волю, и война была так или иначе выиграна по нашему (американскому. — *В. К.*) способу. Она была выиграна путем лобового штурма на европейском континенте, без оглядки на возможное нарушение послевоенного равновесия сил в Европе»⁶⁰.

Ингерсолл, таким образом, был первым, кто открыто поставил вопросы, дискутируемые в американской и английской буржуазной историографии второй мировой войны до настоящего времени.

В то время только начиналось изучение истории второй мировой войны, и, естественно, утверждения Ингерсолла было трудно опровергнуть. С другой стороны, Черчилль, претендуя на роль ведущего идеолога империализма, вскоре после выхода книги Ингерсолла выступил в Фултоне (США) с речью, в которой призвал к «объединению всей англосаксонской расы», чтобы господствовать в мире. Поэтому приведенные Ингерсоллом факты, хотя они и подавались односторонне, были восприняты широким читателем, прежде всего советским, как разоблачение антисоветской политики Черчилля, которую он проводил еще в годы второй мировой войны и, в частности, в вопросе о втором фронте. Именно этим можно объяснить успех книги. Но вместе с критикой Черчилля она навязывала читателю и идеализацию как политики правительства США, которое представлялось Ингерсоллом в роли последовательного борца за открытие второго фронта, так и американской стратегической концепции, будто бы наиболее соответствовавшей условиям второй мировой войны.

Мнение, что американцы настаивали на своевременном открытии второго фронта, а англичане, прежде всего Черчилль, старались всеми правдами и неправдами затянуть решение этого вопроса, перекочевало из полумемуарной книги Ингерсолла в солидные

⁵⁸ *Д. Долглейш*. Как мы планировали второй фронт. Внутренняя история второго фронта. М., 1946.

⁵⁹ *Р. Ингерсолл*. Указ. соч., стр. 463.

⁶⁰ Там же, стр. 455.

исследования и получило распространение в американской и, как уже отмечалось, даже в советской историографии второй мировой войны. При этом американские историки прибегают к весьма примитивному приему: очень подробно описывают те случаи, когда их политические и военные деятели предлагали осуществить вторжение англо-американских войск в Европу в 1942 и 1943 гг., а англичане выдвигали контраргументы, и в то же время становятся крайне скупыми на объяснения, если возникает необходимость вскрыть причины соглашений США и Англии по этому вопросу и их неоднократных отказов от выполнения обязательств о немедленном открытии второго фронта. Это относится и к документированным произведениям, и к соответствующим томам изданной в США официальной истории «Американская армия во второй мировой войне», и к опубликованным докладам начальников штабов вооруженных сил и командующих американскими войсками на театрах военных действий.

Непосредственно после разгрома гитлеровской Германии, когда в сознании людей минувшая мировая война и прежде всего подвиг советского народа еще не были заслонены другими событиями, когда еще живы были в памяти массовые выступления населения США и Великобритании за немедленное открытие второго фронта, — в то время в Соединенных Штатах даже буржуазные социологи в своих работах так или иначе поддерживали идею продолжения сотрудничества с Советским Союзом и в мирное время, а проблему второго фронта включали в число главных в политике и стратегии США и Великобритании, рассматривая ее как одну из форм военной помощи Советскому Союзу. Вряд ли кто-либо из видных деятелей второй мировой войны или историков рискнул бы тогда выступить открыто с осуждением политики военного союза западных держав с СССР или с заявлением, что открытие второго фронта в Европе не преследовало цель оказания военной помощи Советскому Союзу. Ведь именно так ставился этот вопрос в абсолютном большинстве резолюций, посланий главам правительств США и Великобритании, принятых на митингах, конгрессах профсоюзов и других массовых собраниях.

Еще в период войны Рузвельт и Черчилль, оправдывая политику откладывания второго фронта, неоднократно ссылались на нехватку сил и средств. Эта версия широко распространялась среди общественности США и Англии, а после войны нашла отражение в исторической и особенно в мемуарной литературе.

Такую точку зрения попытался весьма своеобразным способом подтвердить, например, английский военный теоретик и историк Б. Х. Лидделл Гарт, опубликовавший в 1948 г. книгу «По ту сторону холма» (в США она вышла позднее под названием «Немецкие генералы говорят»). В его работе английские аргументы по поводу затяжки открытия второго фронта «подкрепляются» мнением гитлеровских военных руководителей. Так, сообщая о своих беседах с пленными генералами вермахта, Лидделл Гарт приводит следую-

щее «беспристрастное» высказывание фельдмаршала Рундштедта: «Я был удивлен, что вы (англичане. — *В. К.*) не предприняли попытки вторжения в 1941 г., когда наши армии продвигались далеко в глубь России. Но в то время я сам был на Восточном фронте и не имел дела с обстановкой на Западе. Когда же я прибыл туда (в Западную Европу. — *В. К.*) и изучил обстановку лучше, я уже не ожидал вторжения в ближайшие сроки, так как я узнал, что ваших ресурсов было недостаточно для этого»⁶¹.

Версия о том, что политические и военные деятели Великобритании и США вполне признавали необходимость вторжения их войск во Францию, но отложили его на более позднее время, когда накопятся ресурсы, необходимые для успешного выполнения этой задачи, после войны с особенной настойчивостью распространялась видными участниками этих событий в их воспоминаниях⁶². Авторитет мемуаристов, их большое знание фактов, естественно, не могли не оказать влияния на концепции историков и журналистов, прежде всего на тех, кто не проводил самостоятельного исследования проблемы, а полагался всецело на факты, документы и оценки событий, приведенные в воспоминаниях. Поэтому мы встречаемся с этой версией и в ряде работ историков и журналистов⁶³.

Особенно показательна в этом отношении книга американского участника событий и историка Альберта Нормана «Операция Оверлорд». Используя в качестве главных источников воспоминания Черчилля, Арнольда и написанную на их основе книгу Х. Болдуина, он пишет, что в 1942 г. английский военный кабинет решил не предпринимать вторжения во Францию ограниченными силами и ресурсами, которыми тогда располагали союзники⁶⁴. При этом он не объясняет, действительно ли не хватало ресурсов вообще или решение английского кабинета было вызвано другими соображениями, например нехваткой сил и средств для осуществления вторжения в Западную Европу наряду с проведением операций в бассейне Средиземного моря.

⁶¹ *B. H. Liddell Hart. The Other Side of the Hill. Germany's Generals. Their Rise and Fall, with their Own Account of Military Events 1939—1945. London, 1948, p. 237—238.*

⁶² *H. L. Stimson, M. Bundy. On Active Service in Peace and War. New York, 1947, ch. XVII; D. D. Eisenhower. Crusade in Europe. New York, 1948, ch. 4—6; H. H. Arnold. Global Mission. New York, 1949, ch. 18—19; W. D. Leahy. I Was There. New York, 1950, ch. 9; W. Churchill. The Second World War, v. II. London, 1949, ch. XIV—XV; v. III, 1950, ch. XXII, XXXIII—XXXVII; v. IV, 1951, ch. XVIII—XX, XXII, XXV, XXX; M. W. Clark. Calculated Risk. New York, 1950, ch. 3, 16.*

⁶³ *P. Шерпуд. Указ. соч., т. I—II; H. W. Baldwin. Great Mistakes of the War. New York, 1949; W. F. Graven, J. L. Cate. The Army Air Forces in World War II, v. I, ch. 7; A. Bryant. The Turn of the Tide. 1939—1943. London, 1957; idem. Triumph in the West. 1943—1946. London, 1959; A. Norman. Operation Overlord. Design and Reality. Harrisburg (Pennsylvania), 1952.*

⁶⁴ *A. Norman. Op. cit., p. 18.*

О планах союзников на 1943 г. Норман пишет более определенно. Он отмечает, что на конференции в Касабланке Черчилль и Рузвельт приняли решение развить успех, достигнутый в Северной Африке, считая, что оно соответствует коренным условиям обстановки. Что касается второго фронта в Европе, то, по мнению автора, «союзники не имели необходимого технического оснащения, чтобы осуществить решительное вторжение во Францию в 1943 г. Немцы разместили здесь, а также в Бельгии и Нидерландах приблизительно 1370 тыс. солдат и офицеров, а западные державы не могли надеяться разгромить их в том году. Ни весной, ни летом 1943 г. у союзников не имелось также возможности завоевать господство в воздухе над континентом»⁶⁵.

По мере изучения возможностей США и Великобритании историки все больше стали говорить, что недоставало главным образом специальных десантных судов, а сил и других боевых средств было достаточно. Но и эта точка зрения оказалась недолговечной. В работе английского историка Эллиса «Победа на Западе» приводятся сводные данные о производстве десантных судов (крупных, средних и мелких) по годам за всю войну. Оказывается, в 1932—1942 гг. в Великобритании было построено 925 таких судов, в США — 6958, а всего — 7883, в 1943 г. в Великобритании — 1462, в США — 14 721, а всего — 16 183. Правда, среди них была лишь небольшая часть крупных десантных судов (в 1939—1942 гг. их было построено 62, в 1943 г. — 347)⁶⁶. Если сравнить эти данные с числом специальных судов, использованных в десантной операции союзников в Нормандии в 1944 г. (4126 единиц)⁶⁷, то станет очевидным, что дело было не в недостатке десантных средств, а, по всей вероятности, в других, более важных обстоятельствах.

По мере развития правящими кругами США и Великобритании политики холодной войны против Советского Союза и других социалистических государств, в связи с бешеной антисоветской и антикоммунистической пропагандой все настойчивее стали повторяться утверждения, что сам факт открытия второго фронта в Европе был результатом ошибочной политики западных союзников. При этом некоторые американские историки и социологи, признавая, что политика правительства США в вопросе об открытии второго фронта имела антисоветскую направленность, с откровенным сожалением заявляют, что она проводилась непоследовательно и недостаточно энергично.

Одним из первых выступил в таком духе бывший глава американской военной миссии в Советском Союзе генерал-майор Джон Р. Дин. Он утверждал, что заинтересованность Советского правительства в открытии второго фронта в 1942 и 1943 гг. не столько

⁶⁵ *A. Norman*. Op. cit., p. 25—26.

⁶⁶ *L. F. Ellis, G. R. G. Allen, A. E. Warhurst, J. Robb*. *Victory in the West*, v. I. London, 1962, p. 514.

⁶⁷ *Ibid.*, p. 507.

определялась условиями второй мировой войны, сколько «была жизненно важной для русской национальной политики, принятой задолго до войны и настойчиво проводимой со времени ее возникновения».

Когда появившаяся в первые дни установления Советской власти, гласила версия Дина, надежда советских лидеров на то, что окончательный конфликт между капитализмом и коммунизмом возникнет из противоречий между капиталистическими державами и приведет к «мировой революции, гибели капитализма и триумфальному шествию коммунизма», не оправдалась, тогда внутри страны широко стала пропагандироваться идея опасности капиталистического окружения. С приходом Гитлера к власти, писал далее американский генерал, угроза осуществлению большевистской программы стала реальной, и Советский Союз обратился к западным державам, чтобы его спасли, защитили от Германии. Исходя из этих построений, Дин не видит ничего неожиданного ни в том, что Советский Союз стал искать помощи на Западе, когда Германия повернула против него в 1941 г., ни в том, что западные державы откликнулись на этот призыв, ибо, как он утверждает, обе стороны руководствовались исключительно тем, что «победа стала бы возможной, если бы Германия была зажата с двух направлений»⁶⁸.

Нет нужды доказывать, что все изложенное Дином не имеет ничего общего с действительной политикой Коммунистической партии и Советского правительства. Его рассуждения привлекают внимание лишь в связи с тем, что в отличие от других буржуазных авторов, пишущих об истории второго фронта, он пытается оправдать политику западных держав ссылками на им же самим изобретенные «тайные замыслы» Советского Союза, который настойчиво добивался вторжения союзников в Западную Европу якобы с тем, чтобы создать условия для последующего осуществления своей конечной цели — установления «большевистского режима во всем мире». Так генерал Дин пытался создать у читателя впечатление, будто в раннем открытии второго фронта был заинтересован только Советский Союз, а для западных держав было наиболее выгодным откладывать его.

Более того появились работы, в которых необходимость открытия второго фронта в Западной Европе вообще ставится под сомнение.

Так, Х. Болдуин в изданной в 1949 г. книге «Грубейшие ошибки войны» заявляет: «В феврале 1945 г. в Ялте и 6 июня 1944 г. (день вторжения союзников в Нормандию) можно сказать, что мы потеряли мир». Эта потеря, по мнению автора, состоит в том, что после войны ряд государств в Европе отпал от системы капитализма и твердо встал на путь социализма, причем «столь печальные результаты» были-де следствием не закономерного процесса общественного

⁶⁸ J. R. Deane. The Strange Alliance. The Story of Our Efforts of Wartime Cooperation with Russia. New York, 1947, p. 17—18.

развития, а грубейших ошибок Рузвельта и его правительства во время войны⁶⁹.

Основной из них якобы было то, что США не имели четко выраженной политической цели войны. «Главные грехи американцев военного времени определялись их политической незрелостью, — пишет Болдуин. — Мы сражались, чтобы выиграть войну. Мы не вспомнили, что войны являются преимущественно продолжением политики иными средствами, что войны преследуют цели, что войны без целей представляют собой бессмысленную резню... Соединенные Штаты, иными словами, не имели целей мира; мы имели лишь крайне неопределенные идеи, выраженные также в совершенно неясных общих принципах (Атлантическая хартия, Объединенные Нации) того послевоенного устройства мира, которого мы хотели»⁷⁰.

Опасность такой наивности США усугублялась будто бы тем, что их партнером по войне был Советский Союз, тайно стремившийся к победе международного коммунизма. «Знай мы это, а весь послевоенный опыт указывает на то, что мы должны были знать это, — подчеркивается в книге, — мы понимали бы наш союз с Россией как временный брак по расчету, каким он в действительности и был»⁷¹.

Эти «истины», как утверждал Х. Болдуин, были недоступны Рузвельту и его администрации, поэтому американская политика в период войны не преследовала определенных, далеко идущих анти-советских целей, следствием чего и явилась «порочная» стратегия США в Европе. Основными ошибками были, по мнению автора книги, принятие цели безоговорочной капитуляции Германии и как одного из важнейших средств ее достижения — обязательства открыть второй фронт в Западной Европе⁷². Далее заявляется, что «американская сторона не прислушалась к мудрому совету Черчилля и вместо продолжения активных рещающих действий с целью выхода в долину Дуная и даже к Варшаве настаивала на быстрейшем открытии второго фронта в Западной Европе», результатом чего «явилась потеря Восточной Европы»⁷³.

Подчеркивая, что принятие в Тегеране решения о вторжении американских и английских войск в Западную Францию было важнейшим условием, определившим послевоенную политическую судьбу стран Восточной Европы, Болдуин пишет: «Дальнейшие соглашения между Лондоном и Москвой в 1944 г., связанные с сосредоточением военных сил западных держав во Франции, вместо того, чтобы направить их в Южную и Центральную Европу, еще больше укрепили позиции России... Сегодня некоторые главные творцы нашей политики поняли свои ошибки, многие же наши крупные военные дея-

⁶⁹ H. W. Baldwin. Op. cit., p. 1.

⁷⁰ Ibid., p. 2—3.

⁷¹ Ibid., p. 9.

⁷² Ibid., p. 14—25.

⁷³ Ibid., p. 25—45.

тели периода войны вполне допускают, что были правы англичане, а мы (американцы. — В. К.) были неправы»⁷⁴.

Наконец, третьей грубейшей ошибкой Болдуин считает то, что американские стратеги не упредили Советскую Армию в захвате ключевых пунктов Центральной Европы — Берлина, Праги и Вены. «Мы могли бы продвинуться дальше на восток, — заявляет он, — но политическую игральную кость уже метнули; не много можно было получить в военном отношении, если политика проиграла дело»⁷⁵.

В этой небольшой, насквозь антисоветской книжке, написанной главным образом на основе мемуаров и исследований, вышедших к тому времени в США и Англии, показаны основные направления, по которым велась фальсификация истории второго фронта в Европе. Правда, они содержались и в более ранних книгах и статьях, но Болдуин поставил их в центр освещения событий второй мировой войны в Европе.

С критикой Рузвельта, якобы не имевшего ясно выраженных политических целей в войне, выступили и американские историки М. Мэтлофф и Э. Снэлл. Но в отличие от Болдуина они видят основную ошибку президента в том, что при решении вопроса о втором фронте он подпал под влияние Черчилля, предложившего вторгнуться в Северо-Западную Африку, и не послушался американских начальников штабов, которые советовали считать высадку в Западной Европе главной операцией вооруженных сил США и Великобритании в 1942 г.⁷⁶

Не согласился с Болдуином также известный обозреватель Уолтер Липпман. По его мнению, высадка американских и английских войск на Балканах привела бы к созданию общего советско-англо-американского фронта в Восточной Европе против Германии, а после поражения последней советские войска смогли бы вступить не только в Восточную и Центральную Европу, но и в Западную. «В 1942—1943 гг., — писал он, — я был убежден в правильности черчиллевской стратегии. Тогда казалось невозможным вступление Советской Армии в Европу. Но как только стало очевидным, что Германия будет оккупирована, я изменил свое мнение и понял, что Стимсон и Маршалл были правы как с политической, так и с военной точки зрения, стремясь ввести крупные англо-американские войска в Западную Германию... Это был отказ от Балкан и долины Дуная для того, чтобы выиграть Францию, Бельгию, Нидерланды и Западную Германию»⁷⁷.

Эту точку зрения разделяет и упомянутый выше Р. Шервуд. «Часто говорилось, — писал он, — что выступление Черчилля в за-

⁷⁴ Ibid., p. 42.

⁷⁵ Ibid., p. 57.

⁷⁶ См. М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг. М., 1955, стр. 119—124.

⁷⁷ «The Atlantic Monthly», March 1950.

щиту нападения на Европу со стороны «мягкого подбрюшья» свидетельствовало о его дальновидности, что им двигало стремление удержать Красную Армию вдали от бассейна Дуная и от Балкан... В этой связи можно задать вопрос: если бы силы англо-американцев были сосредоточены в Южной и Юго-Восточной Европе, что в конечном счете могло бы помешать русским проникнуть в Рур, Саар и даже в Нормандию?»⁷⁸

Американский военный историк, автор многотомной истории «Военно-морской флот США во второй мировой войне», С. Морисон также откровенно заявляет, что американский план открытия второго фронта преследовал цель захвата важных ключевых пунктов в Европе, а вовсе не оказание помощи Советскому Союзу. Одновременно он подчеркивал, что политика откладывания второго фронта в Европе не позволила правительству США полностью осуществить его антисоветские цели. «... Мы всегда, — писал он, — с тоской будем думать о том, как было бы замечательно, если бы мы могли разбить Германию на год раньше, — было бы потеряно гораздо меньше жизней, было бы меньше разрушений, но, что самое главное, мы бы значительно меньше зависели от России»⁷⁹.

Чаще всего в американской историографии объясняют намерение правительства США открыть второй фронт в Европе в 1942 г. тем, что оно якобы имело целью удержать Советский Союз от заключения сепаратного мира с Германией. Но как только стало ясно, что наступательные возможности немецких войск на востоке иссякли и что советско-германский фронт, оттягивавший на себя основные силы и материальные средства фашистской Германии, сохранится еще надолго, вопрос о немедленном открытии второго фронта отпал и снова возник только в конце 1943 г.

Эта мысль высказана в работах Шервуда, Хиггинса и Фейса. Последний писал, что к моменту открытия конференции в Касабланке (январь 1943 г.) США и Великобритания могли выработать свою, выгодную им стратегическую концепцию, предусматривавшую в 1943 г. проведение операций в районе Средиземного моря, в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане. Такое решение было принято потому, что, поскольку советские войска тогда окружили 6-ю немецкую армию под Сталинградом и вели успешное наступление, следовательно, «не было больше необходимости принимать во внимание возможность создания критической обстановки на Восточном фронте, требующей неожиданного спасательного усилия от Запада»⁸⁰.

Итак, для большинства американских работ о втором фронте общим является утверждение, что затягивание его открытия до середины 1944 г. объяснялось позицией Черчилля. Такая мысль

⁷⁸ *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. II, стр. 218.

⁷⁹ *S. E. Morison*. *American Contributions to the Strategy of World War II*. London, 1958, p. 35—36.

⁸⁰ *H. Fets*. *Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought*. New Jersey, 1957, p. 105.

высказывается независимо от того, оправдывает автор эту позицию или критикует⁸¹.

Английские историки, официальные и неофициальные, не опровергают этого факта. Но большинство из них упорно проводит мысль, что только британская стратегическая концепция второго фронта могла привести к укреплению политических и стратегических позиций США и Великобритании в Европе и во всем мире и ослабить Советский Союз, а также высказывает сожаление, что американцы, обладавшие гораздо большими экономическими и военными возможностями, не приняли английский план.

При этом подчеркивается, что англичане в принципе не были против открытия второго фронта. У. Черчилль, например, писал: «В Америке утвердилось мнение, будто я старался помешать осуществлению операции «Оверлорд» и тщетно пытался склонить союзников предпринять массовое вторжение на Балканы или крупную кампанию в восточной части Средиземного моря, которая поставила бы крест на операции «Оверлорд»». Стремясь опровергнуть это мнение, бывший британский премьер-министр утверждал, что он в действительности ратовал за проведение операций в Италии с последующим вторжением на Балканы, но делал это для того, чтобы «не пренебрегать восточной частью Средиземного моря со всеми преимуществами, которые она могла дать при условии, конечно, что не будут отвлечены силы, могущие быть использованными в операции форсирования Ла-Манша»⁸².

У. Черчилль неоднократно подчеркивал, что он был за вторжение в Северную Францию, но осуществить его намеревался не ранее 1943 г. «Я всегда считал, — писал он в третьем томе мемуаров, — что решительное наступление на оккупированные немцами страны в максимально широких масштабах является единственным способом выиграть войну и что такое наступление следует наметить на лето 1943 г.»⁸³

Позднее Черчилль добавил, что, поскольку англо-американским войскам удалось полностью очистить всю Северную Африку от противника только в мае 1943 г., а не в 1942 г., как планировалось, то и вторжение в Северную Францию пришлось отложить на 1944 г. Уже после войны он вновь заявлял, что английский стратегический курс был правильным. «Теперь я уверен, — писал он, — что даже если бы операция «Торч» закончилась в 1942 г. так, как я надеялся, или если бы даже не пытались ее осуществить, попытка форсировать Ла-Манш в 1943 г. повлекла бы за собой серьезное поражение с огромными потерями, что имело бы неподдающиеся определению последствия для исхода войны. Я стал сознавать все это яснее в те-

⁸¹ Особенно настойчиво подчеркивается это положение в книге Т. Хиггинса (*T. Higgins. Winston Churchill and the Second Front. 1940—1943. New York, 1957*).

⁸² *W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 304.*

⁸³ *Ibid., v. III, p. 581.*

чение 1943 г. и поэтому примирился с неизбежностью отсрочки операции «Оверлорд», несмотря на то что полностью понимал раздражение и гнев нашего советского союзника»⁸⁴.

Таким образом, точка зрения Черчилля, а следовательно, политического и военно-стратегического руководства Великобритании состояла в том, что невозможно было добиться окончательной победы без вторжения американских и английских армий в Западную Европу. Осуществить же его планировалось только после достижения английских политических и военных целей в бассейне Средиземного моря. Подтверждением того, что такой взгляд существовал, являются дневники и биографические материалы бывшего начальника имперского генерального штаба фельдмаршала Алана Брука, обработку и публикацию которых он доверил английскому историку А. Брайанту.

Поскольку до середины 1943 г. средиземноморская проблема была главной, ведущей в стратегии США и Англии, Брайант вместе с Бруком рассматривает постулированные в 1941—1943 гг. со всех сторон требования немедленно открыть второй фронт как вопрос об оказании непредусмотренной британским стратегическим планом военной помощи Советскому Союзу. Любопытно, что Брайант, отмечая убежденность Брука в том, что достижение победы зависело от успешного вторжения в Европу с моря, в то же время не скрывает, что связанные с его подготовкой проблемы начали интересовать фельдмаршала и его коллег — начальников других штабов — только в июле 1943 г.⁸⁵

Представляя дело таким образом, будто Брук был подлинным творцом средиземноморской стратегии союзников, Брайант пытается доказать, что осуществление ее якобы полностью заменило собой второй фронт и отвлекало часть сил стран оси. В результате, утверждает он, «русские получили превосходство в воздухе, которого до этого им так недоставало. Красная Армия, хотя она была еще в 300 милях от германских границ, смогла наступать на всем своем центральном и южном фронтах, и это наступление продолжалось»⁸⁶.

Эти необоснованные взгляды на роль действий союзных вооруженных сил в бассейне Средиземного моря подверг резкой критике Б. Х. Лидделл Гарт в рецензии на эту книгу Брайанта. Он показал, что это не что иное, как довольно неуклюжая попытка оправдать средиземноморскую стратегию союзников с военной точки зрения, хотя именно с этой стороны она и не выдерживает никакой критики. «При сравнительном поглощении сил 30 союзных дивизий против 22 немецких и при соотношении реальных сил два к одному, — писал Лидделл Гарт, — продолжение союзнического наступления в Италии оказалось невыгодным стратегическим предприятием. Оно также

⁸⁴ *W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 586.*

⁸⁵ *A. Bryant. The Turn of the Tide. 1939—1943, p. 655.*

⁸⁶ *A. Bryant. Triumph in the West. 1943—1946, p. 29.*

не «сделало возможным» вторжение в Нормандию путем «отвлечения» оттуда немецких сил, как это утверждает Брайант. В действительности... это наступление не смогло воспрепятствовать противнику усилить оборону в Северо-Западной Европе»⁸⁷. Однако при этом Лидделл Гарт не вскрыл действительных причин такого упорства англичан в проведении их стратегической линии.

Разногласия между американцами и англичанами по вопросу о стратегии второго фронта в Европе, как отмечает Х. Болдуин в рецензии на книгу Брайанта, отразились и в острых дебатах между приверженцами развертывания основных действий на Тихом океане и сторонниками первоочередности задачи разгрома Германии. Споры велись и по вопросам подготовки и проведения операции в Нормандии и на юге Франции, а также о том, что предпочтительнее — стратегия сосредоточенного удара или наступление против Германии на широком фронте и др.⁸⁸

В связи с этим следует отметить, что против утверждений Брайанта о решающей роли англичан в определении стратегической линии союзников выступил С. Морисон. В одной из своих лекций о вкладе США в стратегию второй мировой войны, изданной в 1958 г. отдельной брошюрой⁸⁹, он заявил: «Брайант хотел бы, чтобы мы поверили, будто каждый американец, имевший возможность влиять на стратегию в вопросах ведения войны, был не более чем добродушным дилетантом, который никогда не командовал значительным числом войск и никогда не работал над проблемами стратегии»⁹⁰.

Доказывая, что важнейшие стратегические установки, составившие основу ведения второй мировой войны в Европе, были приняты по настоянию американской стороны, С. Морисон американскими называет, в частности, следующие решения: 1) первоначально направить основные силы против фашистской Германии и ее союзников в Европе, а после их разгрома — в Восточную Азию и на Тихий океан против Японии; 2) вторжение в Нормандию (операция «Драгун-Энвил») ⁹¹.

Главным же вкладом в стратегию он считает настойчивость американцев в осуществлении этих решений, которые и «привели к победе». Оттягивание открытия второго фронта до июня 1944 г., по его мнению, является серьезной ошибкой, совершенной из-за упрямства англичан. «Действия в бассейне Средиземного моря не принесли серьезных выгод, а операция «Оверлорд», начавшаяся в июне 1944 г., была более искусной по своей силе и энтузиазму по сравнению с операцией «Раундап», которую предполагалось провести в 1943 г.»⁹²

⁸⁷ B. H. Liddell Hart. *Western War Strategy. A Critical Analysis of the Alanbrooke Diaries.* — «Journal of the Royal United Service Institution», 1960, February, p. 61.

⁸⁸ «The New York Times Book Review», 1959, v. XII.

⁸⁹ S. E. Morison. *Op. cit.*, p. 79.

⁹⁰ *Ibid.*, p. 9.

⁹¹ *Ibid.*, p. 37.

⁹² *Ibid.*, p. 36.

Генерал Кент Р. Гринфильд, бывший начальник военно-исторического отдела армии США, выступил, хотя и не очень решительно, против столь односторонней концепции и попытался доказать, что проводившаяся союзниками стратегия была компромиссом. Еще в 1954 г. он писал, что во вторжении союзных армий в Нормандию «воплотились стратегические концепции, за которые вели борьбу оба партнера. Осуществление их привело к стягиванию кольца вокруг стран оси, чем последние были доведены почти до удушья... Вплоть до этого момента стратегическая концепция, горячо защищаемая англичанами, превалировала, и это дало потрясающий эффект. Но когда наступило время «Оверлорда», он не поглотил все остальное. Это был такой способ применения силы, за который американцы всегда боролись, и союзники поддержали его и выделили силы, необходимые для того, чтобы прорваться к сердцу Германии»⁹³.

Такой постановкой вопроса признавалось значение союза США с Англией, а также то, что в конце концов восторжествовал американский способ ведения войны. Но, что самое главное, это позволило ее автору оправдать избранную западными союзниками стратегию, умолчать о решающей роли Советского Союза в разгроме фашистской Германии и не касаться вопроса о втором фронте в Европе (ведь, по мнению Гринфильда, «удушие» стран оси почти наступило в результате «замыкания и стягивания» кольца вокруг них западными союзниками). Концепция Гринфильда была воплощена в вышедшем под его редакцией сборнике статей ряда авторов «Важнейшие решения»⁹⁴.

Американский историк Ричард М. Лейтон в декабре 1961 г. сделал обзор всей американской и английской литературы по стратегии союзников в период второй мировой войны. Он подверг резкой критике тех авторов, особенно Х. Болдуина, которые противопоставляли американскую стратегию английской. Вслед за Гринфильдом он уверял, что «две стратегии составили прагматический компромисс», что западные союзники «прагматически соединили сильные элементы обеих стратегий, отбросив слабые, и добились победы»⁹⁵. Свой доклад он закончил словами: ««Оверлорд» был действительно логическим завершением коалиционного замысла «замкнуть и стянуть кольцо» вокруг гитлеровской Европы»⁹⁶.

Однако независимо от характера как мемуаров Черчилля и книг Брайанта и Эрмана, так и работ ряда американских историков содержащийся и в тех и в других фактический материал свидетельствует, что последовательное развертывание операций вооруженных сил

⁹³ K. R. Greenfield. *The Historian and the Army*. New Brunswick—New York, 1954, p. 58—59.

⁹⁴ «Command Decisions». New York, 1959. См. сокращенный перевод этой книги: «Важнейшие решения». М., 1964.

⁹⁵ R. M. Leighton. *Overlord Revisited: An Interpretation of American Strategy in European War, 1942—1944*. — «The American Historical Review», 1963, № 4, p. 923—924.

⁹⁶ Ibid., p. 937.

Англии и США в районе Средиземного моря вместо вторжения во Францию с запада не было ни капризом Черчилля или Брука, ни случайностью. Оно представляло собой настойчивое осуществление определенного политического и стратегического курса, отражавшего интересы правящих кругов Великобритании и США и не включавшего открытие второго фронта в Европе в 1941—1943 гг.

Вполне определенно по этому вопросу высказался английский историк Майкл Хавард, прочитавший осенью 1966 г. курс лекций в Кембриджском университете о средиземноморской стратегии во второй мировой войне, которые два года спустя были изданы отдельной книгой. Он приходит к выводу, что на протяжении всего периода, за исключением конца 1943 г., англичане не навязывали союзникам свою стратегию, основанную на их «историческом опыте» или на их «предвидении» проблем послевоенного устройства мира. Средиземноморская стратегия — продукт совместных решений западных союзников. Только в конце 1943 г. американцам пришлось приложить определенные усилия, чтобы не допустить отклонения англичан от ранее согласованной стратегии союзников в Европе. «Соединенные Штаты, — заключает он, — имеют основания быть благодарными британской предосторожности и реализму в течение первых лет стратегического планирования; но именно благодаря настойчивости американских военных руководителей эта стратегия худо-бедно была в конце концов осуществлена так, как она совместно планировалась»⁹⁷.

В таком случае возникает вопрос, можно ли вообще вести речь о том, имелись ли силы и средства для открытия второго фронта в Европе в 1941—1943 гг., если это не являлось главным в стратегии Великобритании, а с 1942 г. и США? Конечно, нет, ибо такие попытки могут в действительности сводиться к рассмотрению вопроса о том, были ли у западных союзников силы и средства для второго фронта при одновременном решении стратегических задач в районе Средиземного моря и на Дальнем Востоке, которые ими рассматривались как главные.

Это дает основание для постановки и исследования вопроса о том, что причины откладывания открытия второго фронта правительствами США и Великобритании кроются в их политике ведения войны, а не в их военных возможностях.

Большое место в работах американских и английских историков занимает вопрос: могли ли высадившиеся во Франции экспедиционные союзнические вооруженные силы продвинуться в Центральную Европу быстрее, чем они это сделали. Постановка этого вопроса в разгар «холодной войны» определялась тем, что Центральная Европа была освобождена Красной Армией, что способствовало росту влияния прогрессивных демократических сил в странах этой части Европы и ослаблению позиций империализма.

⁹⁷ *M. Howard. The Mediterranean Strategy in the Second World War. London, 1968, p. 70—71.*

Дискуссия открылась в связи с выходом в свет упоминавшейся книги Брайанта и мемуаров английского фельдмаршала Б. Монтгомери. Последний подверг резкой критике проводившуюся Эйзенхауэром в 1944—1945 гг. так называемую стратегию широкого фронта и заявил, что если бы была принята его, Монтгомери, стратегия сосредоточенного удара, то войну в Европе можно было бы закончить гораздо раньше, еще в 1944 г., при этом армии западных союзников вышли бы в Центральную Европу и тем остановили продвижение советских войск на запад. Лишенный элементарной скромности, Монтгомери очень высоко оценил операции союзных армий в Нормандии, проводившиеся под его руководством. «Стратегия в Нормандской кампании, — писал он, — была английской, и она была успешной благодаря первоклассной совместной боевой работе всех сражавшихся сил — британских и американских»⁹⁸. В дальнейшем, по его мнению, когда американцы стали навязывать свою стратегию в Европе, начались все неудачи. Он сослался на то, что еще на пресс-конференции 7 января 1945 г. он говорил, что поражения в Арденнах никогда не случилось бы, если бы боевые действия после «большой победы в Нормандии» проводились правильно, а в начале зимней кампании было гарантированным расположение войск союзников»⁹⁹.

В том же 1957 г. известный английский теоретик и историк Б. Х. Лидделл Гарт опубликовал статью под претенциозным названием «Как союзники упустили победу в 1944 г.»¹⁰⁰. Он утверждал, что войну «свободно можно было окончить в сентябре 1944 г.», но союзники не воспользовались имевшейся возможностью и дорого заплатили за это. После сентября их потери составили $\frac{2}{3}$ всех потерь в Европе. А главное — в сентябре советские войска еще не вступили в Центральную Европу. Лидделл Гарт обвинял в упущенной возможности и американцев, и англичан, сетовал на их промахи в организации операций и перебой в снабжении. Корень же всех бед он видел в том, что никто из высших офицеров, занимавшихся планированием, «не предвидел такого полного развала фронта противника, какой был в августе. Они не подготовились ни морально, ни материально к тому, чтобы воспользоваться создавшейся обстановкой для стремительного и перспективного удара».

Примиренческий тон статьи Лидделл Гарта, пользующегося авторитетом в буржуазном мире, не умерил пыл тех, кто играл на поисках виновного за неблагоприятный для капитализма исход войны. Дискуссия использовалась для решения противоборствующих империалистическими группировками конкретных задач. Англичане, потеряв свое бывшее могущество, все еще претендовали на руководящую или хотя бы на особую роль в капиталистическом мире. Американский империализм стремился укрепить захваченные

⁹⁸ «The Memoirs of Montgomery of Alamein». London, 1957, p. 261—262.

⁹⁹ Ibid., p. 345.

¹⁰⁰ «Marine Corps Gazette», 1957, № 7, p. 26—31.

после войны позиции, опираясь на силу. Обе стороны хотели использовать в своих интересах итоги и уроки минувшей войны, еще свежей в памяти народов. Кроме того, в США те же факторы использовали в политической борьбе между собой демократы и республиканцы. Как известно, президентом США был в то время Эйзенхауэр, бывший верховный командующий в Европе. Наконец, в условиях наметившегося смягчения напряженности международных отношений эта дискуссия служила интересам «холодной войны», способствовала поддержанию и разжиганию антикоммунистической и антисоветской истерии.

Обо всем этом свидетельствует прежде всего сам характер дискуссии. После появления в американском журнале «Лайф» отрывков из мемуаров Монтгомери другой американский журнал, «Ю. С. Ньюз энд Уорлд рипорт», поместил подборку материалов под общим заголовком «Если бы Монти (Монтгомери. — В. К.) осуществил свой план, могла бы вторая мировая война закончиться в 1944 г.?» В ней были изложены точка зрения Монтгомери, доказывавшего, что после операции в Нормандии было выгодно нанести сосредоточенный удар через Северную Францию, и мнения Эйзенхауэра и бывшего начальника штаба немецких вооруженных сил на Западе генерала Гюнтера Блюментрита. Эйзенхауэр считал свою стратегию правильной, так как она позволяла уничтожить немецкие войска западнее Рейна и тем открыть свободный путь к центру Европы. Немецкий генерал высказался в пользу английского плана. «Я абсолютно уверен, — заявил корреспонденту Ассошиэтед Пресс Блюментрит, — что война могла быть закончена к рождеству 1944 г., если бы был осуществлен план Монтгомери. Тем самым удалось бы сохранить многие жизни союзников, и западные союзники были бы в Берлине раньше русских»¹⁰¹. Подборка завершалась словами Монтгомери: «Это означало бы не только сокращение сроков войны; это создавало возможность закончить войну в Европе с более выгодным политическим балансом»¹⁰².

28 апреля 1959 г., выступая по телевидению, Монтгомери снова высказал свое отношение к стратегии союзников в Европе в 1944—1945 гг. Он заявил, что эта стратегия, в основе своей американская, была неправильной, так как американцы якобы придерживались мнения, что все военные действия должны определяться чисто военными решениями и не следует беспокоиться о политическом влиянии. Он же всегда придерживался другой точки зрения: «... Высшее руководство войной должно находиться в руках политики, так как война начинается только по политическим причинам, и, когда становится ясным, что дело идет к победе в войне, нужно быть абсолютно уверенным, что она закончится с таким политическим балансом, который выгоден для выигрыша мира». С этой точки зрения, по мнению Монтгомери, его план был наиболее выгодным.

¹⁰¹ «U. S. News and World Report», 1958, October 24, p. 50—52.

¹⁰² *Ibid.*, p. 52.

«...Если бы было осуществлено то, что я хотел сделать, — заявил он безапелляционно, — мы владели бы крупнейшими политическими центрами Европы — Берлином, Прагой, Веной»¹⁰³.

Публикуя текст этого выступления, журнал «Ю. С. ньюз энд Уорлд рипорт» организовал на этот раз интервью с рядом американских генералов, принимавших участие в войне в Европе, а также привел выдержки из книг Смита и Брэдли. Но главная идея осталась прежней — союзные армии имели возможность захватить Центральную Европу до прихода туда Красной Армии. Однако политическая близорукость администрации Рузвельта, верившего в «благородство Сталина», а также стратегия широкого фронта Эйзенхауэра, который точно осуществлял установки своего правительства и комитета начальников штабов, не считаясь с изменением обстановки, не позволили союзникам реализовать имевшуюся возможность.

Критика американской стратегии в Европе стала общепринятой в Великобритании и вошла в учебники по истории второй мировой войны. В 1962 г. вышла в свет книга Х. Эссейма и Э. М. Г. Белфилда «Кампания в Северо-Западной Европе, 1944—1945 гг.», которая стала учебным пособием по военной истории для офицеров, готовящихся к вступительным экзаменам в штабной колледж¹⁰⁴. В ней содержится резкая критика американского искусства вождения войск и американского стратегического мышления. «Авторы допускают, что Монтгомери был часто бестактным, но считают, что он был всегда прав»¹⁰⁵.

Сказанное выше свидетельствует о наличии серьезных расхождений между американскими и английскими буржуазными историками по вопросу о причинах затягивания открытия второго фронта и характере стратегии США и Великобритании в Европе. В своих спорах английские и американские историки стараются не касаться действительных политических целей обеих стран, не связывают стратегию в Европе с их политикой в районе Средиземного моря, на Среднем и Дальнем Востоке и на Тихом океане.

В то же время эта дискуссия имеет и другое значение, быть может, более важное для послевоенного периода, чем выяснение английского или американского приоритета в области стратегии в прошлом.

Английские историки и мемуаристы стремятся показать незрелость американской политики и стратегии во время войны в Европе как причину того, что не удалось упредить Красную Армию в захвате важнейших пунктов Центральной Европы и Балкан. Этим они дают понять, что если империалистический мир хочет добиться успехов в борьбе против социалистических стран в будущем, то ему при-

¹⁰³ «U. S. News and World Report», 1959, June 22, p. 79.

¹⁰⁴ H. Essame, E. M. G. Belfield. The North-West Europe Campaign, 1944—1945. Aldershot, Hampshire, 1962.

¹⁰⁵ «Military Review», 1962, № 9, p. 109.

дятся считаться с английским опытом и искусством политического и стратегического руководства.

Их американские коллеги настойчиво пытаются доказать обратное, а именно: превосходство американского руководства в современных условиях борьбы против СССР. При этом они тоже основывают свой вывод на рассуждениях о минувшей войне, но утверждают, что Советские Вооруженные Силы добились таких больших успехов в Центральной Европе только потому, что правительство Великобритании не всегда соглашалось со стратегическим курсом США и упорно отстаивало свой собственный, особенно в вопросе о втором фронте, в результате чего две западные державы не смогли договориться о том, как лучше действовать в Европе, и поэтому якобы им не удалось с максимальной эффективностью использовать как имевшиеся экономические, политические и военные возможности, так и те результаты, которых они добились в 1944—1945 гг.

Эта мысль составляет основу, например, книги американского историка Трэмбелла Хиггинса «Уинстон Черчилль и второй фронт». В предисловии к ней говорится: «В результате можно прийти к выводу, что стратегический конфликт между Великобританией и Соединенными Штатами по вопросу о втором фронте в Европе, открываемом с целью оказания помощи Советской России, был наиболее важной причиной того, что Советский Союз вышел из второй мировой войны как основной победитель»¹⁰⁶.

Таким образом, даже краткий и далеко не исчерпывающий обзор советской и зарубежной (американской и английской) историографии дает представление о месте и значении проблемы второго фронта в истории минувшей мировой войны, о ее идейно-политической и научной актуальности. Вместе с тем он позволяет сделать вывод, что составляющие содержание этой проблемы вопросы еще далеко не полно и не в должной мере исследованы советскими историками. Это в какой-то мере затрудняет возможность оптимальной оценки их места и роли в отношениях между союзниками по антифашистской коалиции, международно-политических и военных последствий решения вопросов, связанных с созданием второго фронта, как для коалиционной политики и стратегии вообще, так и для каждого конкретного периода второй мировой войны. Естественно, что написание общей работы по истории второго фронта, от возникновения проблемы в 1941 г. до ее разрешения в 1945 г., предполагает, с одной стороны, восполнение имеющих место пробелов в советской историографии и, с другой, — преодоление противоречивости в оценках и разоблачение фальсификации ее буржуазными историками.

Настоящая работа предпринята, чтобы выяснить на основе анализа фактов и документов сущность понятия «второй фронт

¹⁰⁶ *T. Higgins. Op. cit., p. VIII.*

в Европе», выявить причины невыполнения правительствами США и Великобритании своего союзнического долга и связанного с этим откладывания создания второго фронта до июня 1944 г., определить особенности и пути влияния политики США и Великобритании на процесс выработки союзнических политических и стратегических решений, а также исследовать сам опыт выработки таких решений. Вторым вопросом, который предстоит решить в предложенной читателю работе, является исследование военных действий союзных армий в Европе и на этой основе определение результатов и их роли во второй мировой войне, выявление особенностей коалиционной стратегии и их влияния на ведение западными союзниками вооруженной борьбы.

ПРЕДЫСТОРИЯ

Антифашистская коалиция и идея второго фронта (1941 г.)

Стратегия коалиционной войны зимой 1941/42 г.

Куда же идти: в Западную Европу или в Северную Африку?

Упущенные возможности. Продолжение политики обещаний и проволочек

Запоздалая победа идеи второго фронта

Антифашистская коалиция и идея второго фронта (1941 г.)

Рождение проблемы

Антифашистская коалиция начала складываться сразу же после нападения Германии на Советский Союз. Уже 22 июня 1941 г. премьер-министр Великобритании У. Черчилль заявил о готовности его страны оказать помощь Советскому Союзу в войне. Он сказал, что «опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам (Англии. — В. К.) и Соединенным Штатам; точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара»¹.

12 июля 1941 г. в Москве было подписано советско-английское соглашение «О совместных действиях в войне против Германии». Обе стороны брали на себя обязательства оказывать друг другу «помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против фашистской Германии», не вести переговоров и не заключать перемирия или мирного договора с нею, кроме как с обоюдного согласия².

Первый шаг на трудном пути формирования антифашистской коалиции был сделан. Позже в результате переговоров с Советским Союзом были установлены союзнические отношения с США и с находившимися в эмиграции правительствами Чехословакии и Польши.

Позиция правительства США в отношении Советского Союза была аналогична политике правительства Англии. «В течение полугода, — писал впоследствии государственный секретарь К. Хэлл, — мы имели все основания верить, что Гитлер нападет на Россию, поэтому события 22 июня не были для нас неожиданностью»³. Узнав о давно ожидаемом нападении фашистской Германии на СССР, он высказал президенту Ф. Д. Рузвельту и своему заместителю С. Уэллесу следующую точку зрения: «Мы должны оказать России такую помощь, какую только сможем. Мы должны повторно заявить,

¹ «Правда», 23.VI 1941; *W. Churchill. The Second World War*, v. III. London, 1950, p. 333.

² См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы», т. I. М., 1946, стр. 130—132.

³ «Memoirs of Cordell Hull», v. II. New York, 1948, p. 967.

что будем оказывать всяческую помощь любой нации, сопротивляющейся странам оси. Не может ни на минуту быть сомнения в том, что Россия относится к странам такой категории»⁴. 24 июня президент Рузвельт сделал заявление о том, что США предоставят Советскому Союзу всевозможную помощь⁵.

Большую роль в складывании антифашистской коалиции сыграли англо-американская декларация, подписанная 14 августа 1941 г. и известная под названием «Атлантической хартии», и заявление Советского правительства, сделанное полпредом СССР в Лондоне И. М. Майским на межсоюзнической конференции 24 сентября 1941 г. В конференции приняли участие представители СССР, Великобритании и ее доминионов (Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южно-Африканского Союза), Бельгии, Чехословакии, Греции, Польши, Голландии, Норвегии, Югославии, Люксембурга и «Свободной Франции»⁶. Поскольку США не находились в состоянии войны, их представители участвовали в конференции неофициально. В этих двух документах исключительно большой важности были изложены основные цели и задачи антифашистской коалиции.

Вслед за этим (29 сентября—1 октября 1941 г.) состоялась Московская конференция трех держав — СССР, США и Англии, которая приняла ряд конкретных соглашений, направленных на мобилизацию ресурсов союзных стран для войны против фашистского блока в Европе. После нападения японского флота на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор (7 декабря 1941 г.) США стали воюющим государством. 11 декабря того же года гитлеровская Германия объявила войну Соединенным Штатам.

Таким образом, антифашистская коалиция в основном сложилась в сравнительно короткий срок, почти за полгода. То обстоятельство, что это произошло после нападения Германии на СССР, не случайно, хотя война длилась уже почти 21 месяц и давно назрели потребность и серьезные предпосылки для объединения всех стран, которым угрожала немецко-фашистская агрессия. Вступление Советского Союза в войну послужило основным толчком, а условия войны стали той силой, которая сплотила многие государства в антифашистский военный союз.

Решающую роль здесь сыграла миролюбивая внешняя политика, проводившаяся Советским государством с первых лет его существования. СССР стал центром, вокруг которого сплачивались все прогрессивные силы мира и объединялись народы многих стран, еще и потому, что он выдвинул и наиболее последовательно осуществлял освободительные цели, лучше всего соответствующие характеру войны против фашистского блока, а также представлял собой силу, оказавшую мощное сопротивление агрессору, в то время как Польша, Голландия, Бельгия, Дания, Норвегия, Франция, Югославия, Греция

⁴ «Memoirs of Cordell Hull», v. II, p. 967.

⁵ См. «Правда», 25.VI 1941.

⁶ См. «Правда», 25.IX 1941.

были сокрушены в короткие сроки, а Великобритания потерпела серьезное поражение. Сочетание освободительных целей Советского Союза и его реальной силы — этих двух завоеваний социалистического строя — явилось первоосновой, незаменимым фундаментом, над которым в короткий срок вознеслось здание антифашистской коалиции, выдержавшее все невзгоды второй мировой войны.

С самого начала образования антифашистской коалиции возникла необходимость согласования военных усилий всех государств, воевавших против фашистского блока, чтобы с максимальной целесообразностью использовать имевшиеся силы и ресурсы для разгрома врага.

Потребность в объединении сил государств Европы против угрозы немецко-фашистской агрессии существовала задолго до второй мировой войны. Она появилась после прихода фашистов к власти в Германии в январе 1933 г. и нашла наиболее полное выражение в советской идее коллективной борьбы против агрессоров, которая, с одной стороны, выражала глубокую заинтересованность СССР и миролюбивых сил других государств в сохранении мира, а с другой — основывалась на учете того, что Германия не имела ни сил, ни средств для успешного ведения войны одновременно на двух и более фронтах. Как показал анализ, сделанный Д. М. Проэктором, вооруженные силы и вся система военных приготовлений фашистской Германии накануне второй мировой войны могли обеспечить ей превосходство лишь над одним из ближайших соседей и потенциальных противников, но не над коалицией их⁷.

Последнее обстоятельство было очевидным и для руководящих политических и военных кругов фашистской Германии. Фельдмаршал Фр. Паулюс в рецензии на книгу Гальдера писал: «... Главкомандующий сухопутной армией еще... в ноябре 1937 г. совершенно ясно заявил, что Германия не располагает силами для ведения войны на два фронта»⁸. В подписанной министром Бломбергом директиве от 24 июня 1937 г. о подготовке к войне рассматривался вопрос о ведении военных действий на два фронта с направлением основных усилий на запад (против Франции) или на юг (против Чехословакии). При этом обращалось внимание на то, что если на стороне противников одновременно выступят еще и Великобритания, Польша и Литва, то это значительно «ухудшит военное положение Германии, сделает его невыносимым, даже безнадежным». Поэтому в директиве подчеркивалось, что политическое руководство должно приложить максимум усилий, чтобы «эти страны, особенно Великобритания и Польша, остались нейтральными»⁹.

Опыт истории свидетельствовал, что Германия терпела поражение в войнах, которые ей приходилось вести одновременно на двух или более фронтах. Фридрих II мог продолжать войну в течение семи

⁷ Д. М. Проэктор. Война в Европе 1939—1941 гг. М., 1963, стр. 16—44.

⁸ «Военно-исторический журнал», 1962, № 5, стр. 103—104.

⁹ «Nazi Conspiracy and Aggression», v. VI. Washington, 1946, p. 1010.

лет и одержать ряд побед потому, что противостоящая Пруссии коалиция оказалась не в состоянии наносить согласованные удары. Тем не менее положение Пруссии было безнадежным, и спас ее от военной катастрофы резкий поворот русской внешней политики после смерти императрицы Елизаветы. В 1916 г. одновременные операции армий Антанты против войск германской коалиции, хотя они и явились следствием случайного стечения обстоятельств, дали крупный стратегический эффект.

Несогласованность же действий союзников, характерная для первой мировой войны в целом, позволила германскому верховному командованию, которое фактически управляло всеми армиями Тройственного союза, маневрировать силами между фронтами и таким образом затянуть войну на четыре года. Впрочем, и тогда само наличие двух основных фронтов — русского и западного — заставляло германское командование делить между ними свои вооруженные силы и материальные средства, а это в свою очередь не позволяло ему создать решительный перевес сил ни на одном из них. Постепенно Тройственный союз истощался в борьбе с превосходившей его Антантой и потерпел поражение.

И все же, как известно, советская идея коллективной борьбы с агрессором не была поддержана на Западе. Это объяснялось тем, что правительства Великобритании, Франции, США и других стран стремились направить немецко-фашистскую экспансию на Восток и разрешить свои противоречия за счет Советского Союза. В силу этого сложились условия, при которых фашистская Германия могла не опасаться войны на два фронта.

Гитлеровцы не раз хвастали, что возможность вести во время второй мировой войны борьбу на одном фронте — их личная заслуга. В конце февраля 1941 г. на пресс-конференции в Берлине представитель военного министерства Бате уверял собравшихся в предсудимости правительства Германии, благодаря которой страна избавлена от опасности войны на двух или нескольких фронтах. Но его выступление интересно тем, что в нем изложено значение для Германии войны на нескольких фронтах. «... Войной на два фронта, — говорил он, — называют такую войну, когда одно государство должно сражаться с несколькими сильными державами одновременно, причем оно может вводить в действие против сильного противника на каждом фронте всегда лишь ограниченную часть своих сухопутных, воздушных и морских сил»¹⁰.

Война на два фронта, продолжал Бате, быстро сказалась на состоянии германской армии, лишив ее в 1915 г. «нормальных» условий. «При войне на два фронта, — заявил он, — на одной стороне — расход физической боевой силы, потери, войска без офицеров или батальоны под командованием лейтенантов и старших лейтенан-

¹⁰ «Известия», 16.VII 1941; *Н. Леонтьев*. В тисках войны на два фронта. — «Большевик», 1941, № 14, стр. 32; см. также: «Война на два фронта погубит германский фашизм». Ташкент, 1942, стр. 18.

тов. В то же время у противника благодаря постоянному облегчению, которое доставляли друг другу союзники, всегда имелось время для передышки и главным образом для обучения войск»¹¹.

Подобная опасность не угрожала немецко-фашистскому командованию в первый период второй мировой войны, когда оно главным образом из-за разобщенности противников получило возможность направлять основную массу своих вооруженных сил против очередной жертвы. Ведя в каждый конкретный промежуток времени вооруженную борьбу только на одном фронте, против уступающего в силе противника, германская армия могла сохранять до конца кампании захваченную в ее начале стратегическую инициативу.

В этом и состоял основной секрет «ошеломляющих побед» фашистской Германии в 1939—1941 гг.

В первой половине 1941 г., как пишет немецкий генерал Мюллер-Гиллебрандт, «из числа имевшихся 208 дивизий для ведения кампании против Советского Союза, согласно плану, первоначально было выделено 152 дивизии (включая финский фронт). В количественном отношении они составляли около 75% состава действующей армии, фактически же это была значительно бóльшая часть боевой мощи, так как остальные 56 дивизий, как правило, не представляли собой полноценных соединений. . . Кроме того, для других театров военных действий почти совсем не было выделено частей резерва главного командования. Усилия главного командования сухопутной армии были направлены на то, чтобы сосредоточить все имевшиеся силы на решающем театре военных действий против Советского Союза, не считаясь с трудностями и угрозами, которые в результате этого могли возникнуть на других театрах войны»¹².

К 22 июня 1941 г. для нападения на СССР было подготовлено 190 дивизий, в том числе 152 немецкие и 29 дивизий и 16 бригад союзников гитлеровской Германии, а также 3950 немецких, 500 финских и 500 румынских самолетов, 2800 танков (не считая легких), 47 260 артиллерийских орудий и минометов¹³.

На других же театрах военных действий в то время оставалось небольшое количество немецких войск: на Западе (Франция, Бельгия, Голландия) — всего 38 дивизий, в группе «Юго-Восток» — немногим более 7, в Африке — 2, в Норвегии — 8 и в Германии — 1¹⁴. Важно отметить, что из 20 немецких танковых дивизий 17 были развернуты на советско-германском фронте, две составляли резерв верховного командования сухопутных сил, предназначенный также для действий на Востоке, и только одна находилась в Африке¹⁵.

Единственной силой, способной в 1941 г. противостоять немецко-

¹¹ «Большевик», 1941, № 14, стр. 33; «Война на два фронта...», стр. 20.

¹² Б. Мюллер-Гиллебрандт. Сухопутная армия Германии. 1933—1945 гг., т. II. М., 1958, стр. 148—149.

¹³ «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история». М., 1970, стр. 52.

¹⁴ См. Б. Мюллер-Гиллебрандт. Указ. соч., т. II, стр. 152.

¹⁵ Там же, стр. 263.

фашистской агрессии, был Советский Союз. Важнейшим же условием серьезного ослабления в 1941 г. и подготовки разгрома фашистского блока являлось объединение всех противостоящих Германии государств, т. е. создание антигитлеровской коалиции и открытие ею эффективных военных действий одновременно на ряде фронтов. Возможность таких действий определялась характером военно-политического союза.

Как и любому другому военному союзу в прошлом, складывавшейся в то время антифашистской коалиции были присущи две основные тенденции, одна из которых определялась общностью опасности поражения и вытекавшим из этого совпадением военно-политических целей и действий, а другая — противоречиями между участниками, эгоистическими интересами империалистических держав, которые чаще всего не соответствовали общесоюзническим целям, затрудняли сближение и мешали совместным, согласованным действиям против фашистского военного блока. Характерно, что обе тенденции проявлялись одновременно. И хотя антифашистская коалиция выдержала испытание войны, так как ее центробежные силы оказались слабее центростремительных, это, однако, не значит, что вторые играли незначительную роль.

Дело в том, что противоречия в антифашистской коалиции по своей природе существенным образом отличались от противоречий, свойственных коалициям буржуазных государств, например военно-политическим союзам периода первой мировой войны и фашистскому блоку в годы второй мировой войны, а главными среди них были классовые противоречия между Советским Союзом и капиталистическими странами, в особенности США и Великобританией.

Противоречия между Советским Союзом и его капиталистическими союзниками по коалиции не могли не оказать влияние на определение военных целей и на методы их осуществления. Прежде всего это сказалось на характере отношений США и Великобритании к СССР, а следовательно, и на решении проблемы согласованных военных действий против фашистского блока в Европе.

СССР выступил как последовательный борец за осуществление освободительных целей. Правительства же США и Англии, провозгласив, правда с оговорками, те же принципы и подняв вслед за Советским Союзом знамена антифашистской борьбы, были не прочь отбросить и то, и другое ради достижения своих эгоистических целей в войне. Так, представители английского правительства, по оценке американского историка Р. Шервуда, никогда не смотрели на «Атлантическую хартию» как на «официальный государственный документ: для них она была немногим более, чем реклама». Что касается США, то даже Рузвельт, «воспринимавший Атлантическую хартию гораздо серьезнее, был вынужден поддержать это убеждение англичан, настаивая на том, что хартию никоим образом нельзя рассматривать как «договор»...»¹⁶

¹⁶ Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс, т. I. М., 1958, стр. 572.

Однако «Атлантическая хартия» вопреки воле ее составителей сыграла большую роль в мобилизации прогрессивных, антифашистских сил на борьбу против фашистских захватчиков, что в конечном счете и вынудило правительство США и Англии считаться с провозглашенными ими же самими освободительными лозунгами и довести войну до полной победы.

Английское правительство оказалось вынужденным заключить военный союз с СССР лишь потому, что после разгрома Франции, захвата немцами Норвегии и поражения английских войск летом 1940 г. под Дюнкерком Германия, установившая свое господство почти во всей капиталистической Европе, непосредственно угрожала Великобритании, ее колониям на Ближнем и Среднем Востоке (военные действия в Северной Африке), а также ее позициям на мировом рынке.

Даже Черчилль, ярый враг социалистического государства и один из самых активных организаторов крестового похода против Советской России в 1918—1920 гг., выступил за военное сотрудничество с СССР, так как этого требовали интересы преобладающей части английских монополистов, которые не хотели уступать главенствующей роли в мире немецким империалистам. «За последние 25 лет, — заявил он в речи по радио 22 июня 1941 г., — не было более последовательного противника коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем. Но все это бледнеет перед разворачивающимся сейчас зрелищем... Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, — наши враги... Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу такую помощь, какую только сможем»¹⁷.

Полностью солидаризировался с Черчиллем в этом вопросе и министр иностранных дел Великобритании А. Иден. Выступая 24 июня 1941 г. с речью в палате общин, он заявил: «Политические системы Великобритании и России противоположны друг другу; наши жизненные уклады значительно различаются. Однако все это не может ни на минуту заслонить собой реальные политические вопросы, перед которыми мы сегодня стоим. Германия совершила по отношению к России акт обдуманной и преднамеренной агрессии... Русские борются за свою родную землю. Они борются против человека, который добивается мирового господства. Эта борьба является и нашей единственной задачей»¹⁸.

Таким образом, ведущие деятели правительства Великобритании видели общность интересов их страны и Советского Союза в войне против фашистской Германии. Перед этим, как они подчеркивали, отступали на второй план и их собственная враждебность к коммунизму и социальные противоречия между СССР и Англией. На деле же и то, и другое продолжало оказывать серьезное воздей-

¹⁷ *W. Churchill. Op. cit., v. III, p. 331—332.*

¹⁸ «Правда», 26.VI 1941.

стве на политику британского правительства. То, о чем не говорили ни Черчилль, ни Иден, высказал министр авиационной промышленности Мур-Брабазон, заявив 14 июля 1941 г., что если Россия и Германия взаимно уничтожат друг друга, то Великобритания станет господствующим государством в Европе¹⁹.

Эта сторона политики правительства Великобритании являлась определяющей в решении проблемы второго фронта в Европе. Несколько позже, 8 января 1942 г., Черчилль писал Идену: «Никто не может предвидеть, каково будет соотношение сил и где окажутся армии-победительницы к концу войны. Однако представляется возможным, что Соединенные Штаты и Британская империя далеко не будут истощены и будут представлять собой наиболее мощный по своей экономике и вооружению блок, какой когда-либо видел мир, и что Советский Союз будет нуждаться в нашей помощи для восстановления страны в гораздо большей степени, чем мы будем тогда нуждаться в его помощи»²⁰.

Стремлению английского империализма к созданию именно такой ситуации в послевоенном мире и было подчинено отношение правительства Великобритании к Советскому Союзу.

Вторая группа противоречий антифашистской коалиции проявилась в отношениях между капиталистическими союзниками. Главными среди них были англо-американские противоречия. Остальные союзники играли меньшую роль, особенно при рассмотрении проблем войны в Европе. Например, Сальвадор, Бразилия, Мексика, Никарагуа, Панама, Доминиканская Республика и другие латиноамериканские страны, заинтересованные в разгроме фашистской Германии и всего возглавляемого ею блока, оказывали главным образом материальную и моральную помощь, но не влияли на политику и стратегию всей коалиции.

Самим фактом образования антифашистского военного союза и теми обязательствами, которые брали на себя его участники, ставился на повестку дня вопрос о согласованных военных действиях против фашистской Германии и ее союзников на континенте Европы. Первые же заявления Черчилля и Идена о готовности их страны оказывать всестороннюю помощь Советскому Союзу в войне против гитлеровской Германии означали признание этой необходимости. Более того, советско-английское соглашение от 12 июля 1941 г., которое обязывало обе стороны оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в войне против гитлеровской Германии²¹, не только выражало понимание обоими правительствами этой проблемы, но и представляло собой определенную международно-правовую основу для совместного разрешения ее.

¹⁹ W. S. Adams. Second Thought on the Second Front. — «Modern Quarterly», 1952, № 4, в. 7.

²⁰ W. Churchill. Op. cit., в. III, p. 616.

²¹ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 130—132.

Естественно, что уже в 1941 г. перед союзниками стояла задача согласовать место, время и размах военных действий, чтобы осуществить цели коалиции в возможно короткий срок и с минимальной затратой сил и материальных ресурсов. Потребность в решении этой задачи еще в 1941 г. определялась также стратегической обстановкой на фронтах второй мировой войны.

Немецко-фашистским войскам в начале их вероломного нападения на СССР удалось добиться значительных оперативных и стратегических преимуществ и достигнуть больших успехов одновременно на всех трех стратегических направлениях советско-германского фронта, сохраняя полностью свое стратегическое положение в Европе и на прилегающих к ней морях и океанах.

В интересах не только Советского Союза, но и всех других участников антифашистской коалиции необходимо было ликвидировать в короткий срок полученные антифашистским блоком в Европе военные преимущества. В тех условиях такого результата можно было добиться только одним путем: создать реальную угрозу стратегическому положению гитлеровской Германии в Европе и тем заставить немецко-фашистское командование ослабить свой нажим на Советский Союз, снять часть сил с советско-германского фронта и перебросить их на другие театры военных действий.

Для этого необходимо было создать в Европе новый фронт против фашистской Германии, который уже тогда получил наименование второго фронта. Самим фактом такого наименования подчеркивалась решающая роль для войны против фашистского блока советско-германского фронта.

Начало дискуссии

Необходимость создания второго фронта в Европе с первых же дней Великой Отечественной войны была очевидной для широких кругов общественности СССР, Англии и США. В советской печати эта проблема уже тогда отождествлялась с задачами согласования действий вооруженных сил союзников и военной взаимопомощи. Надежду на их практическое осуществление в ближайшее время зародили у многих еще в июле 1941 г. первые шаги по созданию антигитлеровской коалиции, причем образование второго фронта рассматривалось как само собой разумеющееся условие успешного ведения войны союзниками.

Комментируя упомянутое выше советско-английское соглашение от 12 июля 1941 г., советская пресса высказывала уверенность в том, что фашистская Германия будет зажата в тиски двух или более фронтов, что и принесет ей поражение. Заместитель наркома иностранных дел С. Лозовский на пресс-конференции 15 июля 1941 г. заявил: «Важнейшим результатом военно-политического Соглашения между СССР и Великобританией от 12 июля с. г. является необходимость для Германии вести войну на двух и больше фрон-

тах»²². Советский журналист Н. Леонтьев отмечал: «Соглашение между правительствами Советского Союза и Великобритании, поддерживаемое США, означает, что гитлеровская Германия зажата в железные тиски войны на два фронта»²³. Аналогичную мысль высказывал профессор А. Ерусалимский в статье «Гитлеровская Германия — в тисках могучей коалиции»²⁴.

Известный советский военный историк профессор генерал-майор Н. Левицкий в статье «Война на два фронта погубит германский фашизм» писал: «Соглашение между СССР и Англией о совместных действиях в войне против гитлеровской Германии знаменует крутой поворот в развитии борьбы с оголтелым германским фашизмом. Перед германской стратегией возникла весьма рискованная задача войны на два фронта». Он подчеркивал, что создание антифашистской коалиции положит конец гитлеровской стратегии, преследующей цель поражать своих противников поодиночке, и что теперь Германия поставлена перед необходимостью вести войну на два фронта против могущественных держав, в огромной степени превосходящих ее в людских и экономических ресурсах. «В 1941 г. немецко-фашистская армия, — говорилось в этой статье, — снова вступает в гибельную для нее войну на два фронта и больше. Отныне немецкие фашисты вынуждены вести войну с могущественной коалицией великих народов, стойких в отпоре наглому врагу. Возникнут новые фронты в поработанных странах, начинающих уже подниматься на борьбу за освобождение от фашистского гнета»²⁵.

Другой военный историк и публицист, полковник М. Галактионов, выступил со статьей, в которой также выражал уверенность, что заключение советско-английского соглашения означало для фашистской Германии «войну на два фронта». Основываясь на опыте и уроках первой мировой войны, он, как и авторы многих других статей, предсказывал неизбежность поражения фашистской Германии²⁶. А журнал «Коммунистический Интернационал» писал: «До сих пор преимуществом Гитлера было то, что он мог бить своих противников поодиночке, одного за другим. С этим покончено. Два самых могущественных противника Гитлера объединяют свои силы... До сих пор преимуществом Гитлера было то, что он вел войну только на одном фронте. И с этим покончено. Отныне величайшая сухопутная военная сила мира — Советский Союз — и величайшая военно-морская сила мира — Великобритания — возьмут гитлеровскую Германию в железные тиски и заставят ее вести войну на двух, на многих фронтах»²⁷.

²² «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. V (июнь 1941 г.—сентябрь 1945 г.). М., 1947, стр. 23.

²³ «Большевик», 1941, № 14, стр. 14.

²⁴ «Красная звезда», 19.VII 1941.

²⁵ Там же.

²⁶ «Комсомольская правда», 17.VII 1941.

²⁷ «Коммунистический Интернационал», 1941, № 6—7, стр. 14.

Мысль об образовании второго фронта в ближайшем будущем высказывали также представители английской и американской общественности. Еще 24 июня 1941 г. во время дебатов по внешней политике в английской палате общин видный деятель лейбористской партии Э. Бивен поставил вопрос о срочной необходимости открыть второй фронт в Европе²⁸. Когда же министр иностранных дел А. Иден объявил, что правительство СССР приняло предложение английской стороны об отправке в Россию военной и экономической миссий для координации усилий обеих стран, палата общин встретила это сообщение аплодисментами²⁹.

В США многие также обращали внимание на то, что нанесение удара по Германии с запада не только возможно, но и выгодно.

Военно-морской министр Нокс в речи на конференции губернаторов штатов в Бостоне в конце июня 1941 г. высказался за то, чтобы воспользоваться войной Германии против Советского Союза и нанести ей сокрушительный удар. «... Нападение (на СССР. — В. К.) продолжается уже 8 дней, — заявил он. — Впервые с тех пор, как Гитлер развязал войну против всего мира, мы получили возможность решить исход этой мировой борьбы. Сейчас настало время ввести в движение всю огромную машину, которую мы строим с момента начала войны»³⁰. 3 июля он подтвердил свою точку зрения на пресс-конференции, добавив, что США должны предпринять военные действия на море с целью устранить германскую угрозу в Атлантике³¹.

Газета «Крисчен сайенс монитор» в те же дни призывала быстро двинуть англо-американские силы в наступление. Журнал «Нью рипаблик» требовал решительных действий по оказанию помощи Советскому Союзу, в том числе путем посылки объединенного англо-американского корпуса в Норвегию³².

Наконец, начальник разведки американской армии тогда тоже писал о необходимости создания второго сухопутного фронта против фашистской Германии. Считая это «единственно возможным способом приблизить победу демократий», он указывал в своем докладе, что «второй сухопутный фронт явится также основой для возможных в дальнейшем наступательных операций при условии, что фронт будет проходить по территории, имеющей важные стратегические объекты»³³.

Публичные высказывания США, Великобритании и Советского Союза в пользу открытия второго фронта уже в 1941 г. исходили от общественных деятелей, публицистов, ученых и неофициально от

²⁸ «Parliamentary Debates. House of Commons. Official Reports», v. 372, col. 993.

²⁹ «Правда», 26.VI 1941.

³⁰ «Правда», 2.VII 1941.

³¹ «Правда», 4.VII 1941.

³² См. И. Земсков. Дипломатическая история второго фронта. — «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 73.

³³ М. Мэтлофф, Э. Сизлл. Стратегическое планирование в коалиционной войне. М., 1955, стр. 205—206.

представителей властей (в США). Эти высказывания (а они были многочисленными) свидетельствуют о том, что разные слои общества стран антифашистской коалиции стремились как можно скорее разгромить фашистских агрессоров и закончить войну. Ну а какими были отношения к вопросу о втором фронте тех кругов, которые определяли политику в своих странах? Считали ли они нужным искать пути и возможности для сокращения сроков войны?

Впервые вопрос о втором фронте по дипломатической линии был поставлен полпредом СССР в Великобритании И. М. Майским в личной беседе с лордом Бивербруком, английским министром и одним из ближайших друзей и советников Черчилля. Разговор происходил в имении последнего в Черкли 27 июня 1941 г. Ответив, что он готов поднять этот вопрос в военном кабинете, Бивербрук, однако, спросил: «... Вы действительно будете драться? У вас не произойдет того, что случилось во Франции?» И. М. Майский заявил: «Мы будем драться как дьяволы»³⁴. Далее, как сообщает И. Н. Земсков в работе «Дипломатическая история второго фронта», лорд Бивербрук сказал, что правительство Великобритании «готово принять все возможные меры» для помощи Советскому Союзу. По его мнению, это могло быть сделано путем: 1) усиления Англией бомбардировки Западной Германии и Северной Франции; 2) отправки в район Мурманска и Петсамо английских военных кораблей для участия в борьбе против германского флота; 3) проведения англичанами «крупных рейдов» на северные берега Франции с целью хотя бы временного захвата таких важных пунктов, как Гавр, Шербур и др.

Вскоре Бивербрук действительно поднял в военном кабинете вопрос о втором фронте и в течение длительного времени оставался горячим сторонником его.

Поднятый советским послом вопрос обсуждался наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым в беседе с британским послом Стаффордом Крипсом, возвратившимся в Москву вскоре после 22 июня 1941 г. Нарком поставил его в известность, что Советское правительство считает мнения Бивербрука «правильными и актуальными». Крипс ответил, что «вопрос об английской помощи в северных морских водах у Мурманска он обсуждал перед отъездом из Англии и может заверить, что британское правительство приняло решение о необходимости оказания всякой возможной помощи СССР в войне против Германии». Посол также сообщил, что он «осведомлен о намерениях английского правительства произвести десантную операцию во Франции»³⁵.

Английское правительство не могло оставить без внимания демарш Советского правительства. А. Иден в беседе с И. М. Майским

³⁴ И. М. Майский. Воспоминания советского посла. Война 1939—1943. М., 1965, стр. 145.

³⁵ См. «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 69.

30 июня заявил, что мнение Бивербрука об оказании военной помощи СССР «будет обсуждено» и что британское правительство «думает о десантах во Францию», а 8 июля заверил, что он также является сторонником «десанта в Северную Францию»³⁶.

К сожалению, осталось неизвестным, о каких именно операциях английских войск в Северной Франции шла речь. Можно подумать, что британское правительство в то время намеревалось или даже планировало осуществить десантные операции в Северной Франции, а затем по каким-то причинам отказалось от этого.

Какие-либо факты, которые позволили бы сделать такой вывод, неизвестны. Все имеющиеся данные свидетельствуют, что в то время советская сторона еще не ставила этот вопрос конкретно, а английская — говорила о нем как о проблеме неопределенного будущего. И. М. Майский сказал Бивербруку о выгоде создания такого фронта во Франции, о необходимости установления союза Англии с СССР. Ссылаясь на некоторые исторические примеры, Майский убеждал Бивербрука в неизбежном поражении Германии на советском фронте.³⁷ Это был очень важный и полезный разговор, но о втором фронте речь шла лишь в самом общем виде.

Впервые этот вопрос был поставлен более определенно в послании главы Советского правительства И. В. Сталина английскому премьер-министру Уинстону С. Черчиллю от 18 июля. Приветствуя установление между СССР и Великобританией союзнических отношений и выражая уверенность, что у обоих государств найдется достаточно сил для разгрома общего врага, глава Советского правительства писал: «... Военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика). Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию. Создание такого фронта было бы популярным как в армии Великобритании, так и среди всего населения Южной Англии. Я представляю трудность создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии. Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции»³⁸.

Подготовка и открытие такого фронта создавали надежную гарантию на случай попытки немецкого вторжения на Британские острова. Одновременно они заставили бы гитлеровское командова-

³⁶ И. М. Майский. Указ. соч., стр. 144—145.

³⁷ Там же, стр. 145—146.

³⁸ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (далее — «Переписка...»), т. I. М., 1957, стр. 11.

ние снять значительные силы с советско-германского фронта и тем способствовали бы более быстрой стабилизации обстановки на советско-германском фронте. Наличие фронта против фашистской Германии на Западе помешало бы немецко-фашистским и итальянским войскам предпринять активные действия в Северной Африке и ослабило бы стратегическое положение германских вооруженных сил в бассейне Средиземного моря. Наконец, в послании указывалось на наличие благоприятных условий для вторжения английских войск в Западную Европу, так как в то время основные и лучшие силы фашистской Германии были прикованы к советскому фронту.

Советское правительство, таким образом, поставив вопрос об условиях, месте, времени и целях второго фронта, рассматривало его как наиболее целесообразную и эффективную форму согласованных с операциями Красной Армии действий вооруженных сил Великобритании против фашистской Германии. Речь шла не о помощи одной стороне — Советскому Союзу — за счет интересов другой — Великобритании, а о том, что наличие такого фронта значительно ухудшило бы положение фашистской Германии, что это принесло бы серьезные выгоды для обоих союзников, Англии и СССР, и всей антифашистской коалиции.

Советская сторона, следовательно, ставила перед правительством Великобритании вопрос о выполнении им союзнического долга и настаивала на проведении согласованных военных действий против Германии.

Черчилль уклонился от принятия советского предложения. В ответном послании, полученном 21 июля, он писал: «С первого дня германского нападения на Россию мы рассматривали условия наступления на оккупированную Францию и на Нидерланды. Начальники штабов не видят возможности сделать что-либо в таких размерах, чтобы это могло принести вам хотя бы самую малую пользу».

Свой отказ он «мотивировал» следующим образом: «Только в одной Франции немцы располагают сорока дивизиями, и все побережье более года укреплялось с чисто германским усердием и оцетинилось орудиями, колючей проволокой, укрепленными огневыми точками и береговыми минами. Единственный участок, где мы могли бы иметь хотя бы временное превосходство в воздухе и обеспечить прикрытие самолетами-истребителями, — это участок от Дюнкерка до Булони. Здесь имеется сплошная цепь укреплений, причем десятки тяжелых орудий господствуют над подходами с моря, многие из них могут вести огонь через пролив. Ночное время длится менее пяти часов, причем даже в этот период вся местность освещается прожекторами. Предпринять десант большими силами означало бы потерпеть кровопролитное поражение, а небольшие набеги повели бы к неудачам и причинили бы гораздо больше вреда, чем пользы, нам обоим. Все кончилось бы так, что им не пришлось бы

перебрасывать ни одной из частей с ваших фронтов, или это кончилось бы раньше, чем они могли бы сделать»³⁹.

Можно ли объяснить столь преувеличенное представление о силах противника на Западе тем, что Черчилль располагал тогда неточными разведывательными данными? Если бы это было так, то о таком недоразумении он, несомненно, упомянул бы, публикуя впервые это письмо после войны в своих мемуарах⁴⁰. Ведь к тому времени Черчилль уже располагал трофейными немецкими документами. Но и в послевоенные годы он писал об этом так, будто приведенные им в упомянутом выше послании сведения были совершенно правильными.

Вторично, но в более острой форме, Советское правительство поставило вопрос о втором фронте перед английским правительством в конце августа—начале сентября 1941 г. Дело в том, что отсутствие второго фронта в Европе позволяло немецко-фашистскому командованию использовать свои силы и резервы главным образом против Советского Союза. В результате летом и осенью 1941 г. обстановка на советско-германском фронте оставалась сложной и опасной, а инициативу продолжал удерживать в своих руках сильный враг. Вооруженная борьба в то время фактически велась только на одном, советско-германском, фронте. Лишь 18 ноября 1941 г. началось наступление английских войск в Ливии, но оно имело местное значение и не оказало влияния на военные действия Германии против СССР.

Время шло, а английское правительство не спешило с открытием военных действий против Германии на Западе и, более того, не оказывало материальной помощи Советскому Союзу. В связи с этим И. М. Майский 26 августа посетил А. Идена и довольно энергично высказался по обоим этим вопросам. «В этой страшной войне, — заявил он, — СССР и Англия являются союзниками, но чем помогает нам наш британский союзник? Фактически ничем! Все эти десять недель мы воюем одни!.. Мы просили вас открыть второй фронт, но вы ответили отказом. На Атлантической конференции вы обещали нам широкую экономическую и военную помощь, но пока это остается лишь хорошими словами...»⁴¹

Несколько дней спустя советского посла принял У. Черчилль и заявил, что он решил немедленно сделать «подарок Красной Армии» в виде 200 истребителей типа «Харрикейн»⁴², однако он ничего не сказал о втором фронте, об английской стратегии. Да и советский посол вел речь о помощи, а не о совместных действиях.

Более четко вопрос о втором фронте был поставлен в послании главы Советского правительства английскому премьер-министру от 3 сентября 1941 г. В нем было выдвинуто предложение «создать

³⁹ «Переписка...», т. I, стр. 12.

⁴⁰ *W. Churchill. Op. cit.*, v. III, p. 344.

⁴¹ *И. М. Майский. Указ. соч.*, стр. 167.

⁴² См. там же, стр. 168.

уже в этом году второй фронт где-либо на Балканах или во Франции, могущий оттянуть с Восточного фронта 30—40 немецких дивизий, и одновременно обеспечить Советскому Союзу 30 тысяч тонн алюминия к началу октября с. г. и ежемесячную минимальную помощь в количестве 400 самолетов и 500 танков (малых и средних)». Но это четкое требование открытия второго фронта представлялось в виде просьбы о помощи. В послании отмечалось, что «без этих двух видов помощи Советский Союз либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того, что потеряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам своими активными действиями на фронте борьбы с гитлеризмом»⁴³.

Но и это послание не повлияло на позицию английского правительства. При его вручении, писал впоследствии Черчилль, советский представитель «с горечью подчеркнул, что в течение последних одиннадцати недель Россия фактически одна выдерживает на своих плечах всю тяжесть немецкого натиска. Русские армии отражают нападение невиданных масштабов... Майский в волнующих выражениях подчеркнул исключительную тяжесть кризиса, создавшегося на русском фронте, и его слова вызвали у меня сочувствие»⁴⁴. Это, однако, не помешало Черчиллю с большой поспешностью, без изучения обстоятельств и возможностей в тот же день (4 сентября) вновь ответить Советскому правительству, что Англия не в силах предпринять такие действия на Западе, которые позволили бы до зимы отвлечь германские силы с Восточного фронта. Что же касается открытия фронта на Балканах, то, по словам Черчилля, и это было невозможно без помощи Турции⁴⁵.

Из этого следует, что, отрицая возможность открыть второй фронт, Черчилль по меньшей мере признавал необходимость в нем, определявшуюся уже летом и еще острее осенью 1941 г. условиями второй мировой войны. Да и трудно было не признать этот очевидный для всех факт.

И в годы войны, и после ее окончания в своих мемуарах он повторял неоднократно, что в 1941 г. Англия не могла открыть эффективные военные действия против Германии в Западной Европе.

Более того, всех, кто стоял за вторжение в Западную Европу, особенно советских представителей, он объявил невеждами в военном деле. «Русские, — утверждал он, — никогда ни в малейшей степени не понимали природу десантной операции, необходимой для того, чтобы высадить огромную армию на хорошо укрепленном вражеском побережье и дать ей возможность укреплиться на нем. Даже американцы в то время в значительной мере не сознавали этих трудностей. В месте высадки необходимо было обеспечить не только господство на море, но и господство в воздухе. Надо было также учитывать еще и третий жизненно важный фактор. Основным условием успешной высадки любого десанта при сильном сопротивлении

⁴³ «Переписка...», т. I, стр. 19.

⁴⁴ W. Churchill. Op. cit., v. III, p. 406.

⁴⁵ «Переписка...», т. I, стр. 20; W. Churchill. Op. cit., v. III, p. 407.

неприятеля было наличие огромной армады специально сконструированных десантных судов, прежде всего различных танко-десантных судов».

По его словам, Англия не имела всех этих возможностей, и даже небольшая армада могла быть готова не ранее лета 1943 г. Более того, изображая дело так, будто Англия не располагала даже армией, равной по своему оснащению войскам противника, находившимся во Франции, он с хорошо разыгранным возмущением заявлял: «И все же до сих пор по вопросу о втором фронте низвергаются целые водопады глупостей и лжи»⁴⁶.

В послевоенный период, особенно в разгар «холодной войны», Черчилль обвинил Советское правительство в эгоизме, выразившемся в том, что оно требовало помощи, не считаясь с интересами союзника. «Не колеблясь, — заявил он, — они стали в настоятельных и резких выражениях требовать от измученной и сражающейся Англии отправки им военных материалов, которых так недоставало ее собственной армии. Они настаивали, чтобы Соединенные Штаты переадресовали им максимальное количество различных материалов, на которые рассчитывали мы, и, более того, уже летом 1941 г. они настойчиво требовали высадки англичан в Европе, чтобы создать второй фронт, не обращая внимания на риск и цену этого действия». Попутно Черчилль оклеветал и английских коммунистов, уверяя, что они якобы вопреки интересам английского народа выдвинули лозунг «Немедленно открыть второй фронт»⁴⁷, хотя известно, что такое требование предъявляли также лейбористы, беспартийные и даже консерватор лорд Бивербрук.

Позже идеи Черчилля перекочевали в официальную английскую историю второй мировой войны, хотя и получили несколько иное оформление. Во-первых, требования Советского правительства открыть второй фронт, по новой трактовке, основывались на ошибках в определении военной мощи Великобритании, причиной которых была понятная в условиях войны ограниченность информации⁴⁸. Во-вторых, эти требования якобы определялись неправильными представлениями о коалиции и долге союзника. В книге «Большая стратегия» отмечается, что ничто не могло поколебать уверенности Советского правительства в том, что «долг каждого союзника — максимально способствовать обороне СССР тогда и так, когда и как это сочтет нужным Советское правительство... Русским была совершенно чужда идея союза, построенного на дискуссионных началах, на взаимопонимании и на урегулировании сталкивающихся интересов»⁴⁹.

Итак, в результате дискуссии по вопросу о втором фронте в Европе уже в 1941 г. выявились две основные точки зрения союз-

⁴⁶ *W. Churchill. Op. cit., v. III, p. 339.*

⁴⁷ *Ibidem.*

⁴⁸ См. *Дж. Батлер, Дж. Гуайер. Большая стратегия. Июнь 1941—август 1942. М., 1967, стр. 165.*

⁴⁹ Там же.

ников: Советского правительства и представителей общественности в СССР, Англии и США — второй фронт крайне нужен и выгоден союзникам, его возможно и необходимо создать как можно скорее; и английского правительства — открытие эффективных военных действий против Германии в Западной Европе полезно для антифашистской коалиции, но Англия не может их предпринять. Если в годы войны, в 1941—1943 гг., дискуссия вокруг этих точек зрения имела большое практическое значение для политики и стратегии антифашистской коалиции, то после войны она является средством идеологической и политической борьбы.

Чтобы разобраться в сути советско-английских разногласий по этому вопросу, необходимо выяснить, могла ли Великобритания развернуть эффективные военные операции в Европе уже в 1941 г.

Возможности вторжения на континент

В этом разделе мы рассмотрим лишь те возможности создания Великобританией второго фронта в 1941 г., которые определялись силами обеих сторон и условиями проведения военных операций. Политические и стратегические предпосылки их будут изложены в последующих разделах. Такое разделение хотя и вносит некоторую искусственность в изложение вопроса, но зато позволяет более обстоятельно исследовать его.

Какими силами располагала Англия в 1941 г.?

Для создания фронта в Европе, способного заставить гитлеровское командование ослабить нажим на советско-германском фронте, в то время требовалось, по мнению Черчилля, высадить на континент не менее 20—30 дивизий⁵⁰ при поддержке соответствующих военно-морских и военно-воздушных сил, а затем, в течение последующих трех-четырёх месяцев, еще 10—12 дивизий со средствами усиления. Иными словами, общая численность экспедиционных сил должна была составить 1—1,5 млн. солдат и офицеров.

Обратимся к сведениям о численности и состоянии вооруженных сил Великобритании, опубликованным самим Черчиллем в его мемуарах. В третьем томе этого труда он поместил свою директиву Бивербруку, направлявшемуся для ведения переговоров в Москву. В ней английский премьер-министр 22 сентября отмечал, что на Британских островах имелаась армия, насчитывавшая более 2 млн. человек (не считая 1,5 млн. бойцов местной обороны), из которых 900 тыс. составляли полевые войска, включавшие 20 подвижных пехотных дивизий, 9 менее подвижных (предназначенных для береговой обороны), 6 бронетанковых, в том числе 3 частично укомплектованные, и 5 армейских бронетанковых бригад, из которых была полностью укомплектована лишь одна. Далее он писал, что в военно-

⁵⁰ *T. Higgins. Winston Churchill and the Second Front. 1940—1943. New York, 1957, p. 74.*

воздушных силах насчитывается около 750 тыс., а в военно-морском флоте — 500 тыс. человек⁵¹.

В другой директиве Черчилля, от 9 октября, в которой он изложил свои выводы по вопросу о силе и характере английской армии, говорится: «В настоящее время в Соединенном Королевстве (включая Северную Ирландию) имеется 26 типовых дивизий моторизованной пехоты и одна польская дивизия, всего 27 дивизий, хорошо укомплектованных артиллерией и транспортом, средней численностью по 15 500 человек, а также 10 корпусных управлений и соответствующих корпусных частей (61 тыс.). Для обороны побережья имеется 8 дивизий средней численностью около 10 тыс. Каждая такая дивизия не располагает своей артиллерией, а поддерживается береговой... У нас имеется 5 бронетанковых дивизий и 4 армейские бронетанковые бригады, или в общей сложности 14 бронетанковых бригад (с 5 дивизионными управлениями и частями), 4 бригадные группы с артиллерией и транспортом, 7 пехотных бригад, 12 отдельных батальонов и, кроме того, 8 батальонов защиты аэродромов и 100 тыс. человек в отрядах местной обороны и батальонах «юных солдат»»⁵².

Нетрудно заметить разницу между сведениями из этих двух документов. И главное различие между ними состоит в том, что тон первого из них был весьма пессимистичен, в то время как во втором излагались довольно радужные перспективы. Так, в директиве от 9 октября указывалось, что в 1942 г. количество дивизий в Соединенном Королевстве достигнет 45. Кроме того, намечалось довести число дивизий противовоздушной обороны до 12, Нильской армии — до 16, Индийской армии в Ираке и Персии — до 9, Индийской армии в Англии — до 8, гарнизонов крепостей — до 7 и, наконец, создать две туземные африканские дивизии⁵³.

Таким образом, общее число дивизий Британской империи (без доминионов) должно было увеличиться до 99. Что касается уже имевшихся в Англии к осени 1941 г. сил и программ их дальнейшего развертывания, то в письме к Рузвельту от 20 октября Черчилль с явным удовлетворением заявлял: «... В общем размеры этих вооруженных сил значительно превосходят наши планы, которые мы составили в начале войны. Это стало возможным благодаря тому, что после потери Дюнкерка мы не предприняли серьезных военных действий и что вооружение и резервы не расходовались в больших количествах, а накапливались»⁵⁴.

Итак, сравнение двух директив и письма Черчилля, написанных в течение одного месяца, со всей очевидностью показывает, что первая из них была составлена лишь для того, чтобы Бивербрук поверил сам и убедил Советское правительство, если оно поставит вопрос

⁵¹ *W. Churchill. Op. cit., v. III, p. 765.*

⁵² *Ibid., p. 452.*

⁵³ *Ibid., p. 453.*

⁵⁴ *Ibid., p. 485.*

о втором фронте, в невозможности создать его в 1941 г. В официальной английской истории второй мировой войны так и сказано, что содержащийся в директиве анализ «людских резервов, ресурсов и обязательств Великобритании» имел целью показать, что «все идеи о высадке Великобританией 20—30 дивизий на западном побережье Европы в настоящее время беспочвенны»⁵⁵. Другая директива, предназначенная для высших руководителей Англии, освещала положение дел, каким оно в действительности представлялось Черчиллю в тот момент и должно было стать в ближайшем будущем. В ней, как и в упомянутом письме Рузвельту, английским вооруженным силам дается оценка, коренным образом отличавшаяся от содержания директивы Бивербруку и вышеприведенных посланий Советскому правительству.

Надо сказать, что у Черчилля и на самом деле были основания для оптимистической оценки сил Англии. Ее армия была хорошо снабжена современным вооружением и боевой техникой. На Британских островах, как указывалось в записке премьер-министра начальнику имперского генерального штаба от 3 ноября, к этому времени находилось «две тысячи танков или даже больше» и предполагалось, что к весне их общее количество достигнет 3500⁵⁶. А еще раньше, 1 сентября, в записке начальнику штаба военно-воздушных сил Черчилль выразил свой восторг по поводу того, что «военно-воздушные силы метрополии фактически насчитывают сто эскадрилий истребительной авиации (99,5)»⁵⁷. Бомбардировочное командование располагало 51 эскадрилей тяжелой, средних и легких бомбардировщиков⁵⁸. К концу ноября число эскадрилий возросло до 54, в составе которых имелось 955 самолетов⁵⁹. В первой линии ВВС Великобритании по состоянию на 1 декабря 1941 г. насчитывалось 4287 самолетов⁶⁰, из них на Ближнем Востоке около 1 тыс.⁶¹

Общую характеристику британской авиации Черчилль дал 25 октября в послании министру-резиденту на Среднем Востоке. «Слабым местом Гитлера, — писал он, — является авиация. Английские военно-воздушные силы уже сейчас сильнее авиации Гитлера и благодаря американской помощи растут быстрее»⁶².

Что касается морских транспортных средств Великобритании, то их общий тоннаж к концу 1941 г. составлял 21 324 тыс. т⁶³, т. е. был способен обеспечить одновременную высадку на континент от 60 до 140 десантных дивизий. Правда, специальных десантных

⁵⁵ Дж. Батлер, Дж. Гуайер. Указ. соч., стр. 132.

⁵⁶ W. Churchill. Op. cit., v. III, p. 449.

⁵⁷ Ibid., p. 455.

⁵⁸ Ibid., p. 38.

⁵⁹ Ibid., p. 39.

⁶⁰ Д. Ричардс, Х. Сондерс. Военно-воздушные силы Великобритании во второй мировой войне. 1939—1945 гг. М., 1963, стр. 683.

⁶¹ Дж. Батлер, Дж. Гуайер. Указ. соч., стр. 147.

⁶² Там же, стр. 486.

⁶³ «Statistical Digest of the War». Prepared in Central Statistical Office. London, 1951, p. 175.

судов было еще мало. По данным английского историка Л. Ф. Эллиса, в 1939—1942 гг. в Англии их было построено всего 925⁶⁴.

Англия выпускала большое количество оружия и боеприпасов и по некоторым их видам превосходила гитлеровскую Германию. «Фактически, — констатировал американский историк Хиггинс, — как видно из послевоенного американского обозрения, Великобритания в период между 1940 и 1942 гг. превосходила фашистскую Германию по производству самолетов, автомобилей, танков, самоходных орудий и некоторых других видов военных материалов»⁶⁵. Вот некоторые сравнительные данные об этом⁶⁶.

Производство важнейших видов вооружения и боеприпасов	Великобритания	Фашистская Германия
Самолетов боевых	20 093	11 030
Танков, бронетранспортеров и бронемашин	15 325	15 200
Артиллерийских орудий всех видов	10 741	7 000 *
Минометов	8 300	4 000
Артиллерийских снарядов (млн. шт.)	293	270 **

* Орудия калибром свыше 75 мм. ** К орудиям калибром 75 мм и выше.

Из всего сказанного явствует, что осенью 1941 г. на Британских островах находились 40 полностью боеспособных дивизий (в том числе 5 бронетанковых), 4 бронетанковые бригады, 7 пехотных бригад и 20 отдельных батальонов, а также авиация, способная поддерживать действия этой армии, и флот, тоннаж которого позволял доставить ее на театр военных действий и обеспечить необходимое снабжение. Военное производство и намеченные правительством мероприятия позволяли в 1942 г. еще больше увеличить вооруженные силы.

А какие силы для отражения вторжения с Запада имелись у немецко-фашистских вооруженных сил?

Немецкий военно-морской флот после нападения Германии на СССР значительно ослабил действия против Англии на море. Гитлеровское верховное главнокомандование основное внимание, а также главные силы и средства направило против Советского Союза. Еще в апреле 1941 г. немецкие линейные крейсера «Шарнхорст» и «Гнейзенау», а после потопления линкора «Бисмарк» и тяжелый крейсер «Принц Ойген» были отведены во французский порт Брест и поставлены на ремонт. «Для штаба руководства войной на море, — писал немецкий адмирал Курт Ассман, — потеря линкора

⁶⁴ L. F. Ellis et al. Victory in the West, v. I. London, 1962, p. 514.

⁶⁵ T. Higgins. Op. cit., p. 75.

⁶⁶ «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.». М., 1956, стр. 270—271; «Statistics Relating to the War Effort of the United Kingdom». London, 1944, p. 12—14.

«Бисмарк» явилась своего рода шоком. Если до сих пор при использовании тяжелых кораблей он смело брал на себя риск... , то отныне в его действиях со все возрастающей силой стала появляться осторожность, которая позднее оказалась нежелательной для ведения всей войны»⁶⁷.

В первой половине 1941 г. немецкие подводные лодки добились крупных успехов в действиях на атлантических коммуникациях, но затем развитие противолодочной обороны английского и американского флотов привело к снижению эффективности действий немецких подводных сил. Необходимо было ускорить строительство подводных лодок. Об этом командующий военно-морскими силами докладывал Гитлеру еще 25 июля. Фюрер пообещал направить максимум усилий на строительство подводного флота, но только после... окончания войны против Советского Союза⁶⁸.

В то время значительная часть подводных лодок была направлена в Балтийское море, а с осени — в Средиземное. Следовательно, во второй половине 1941 г. немецкий военно-морской флот не мог оказать решительного противодействия английским силам вторжения, если бы они предприняли операцию в Северной Франции.

Военно-воздушные силы Германии на Западе, предназначенные для действий во Франции, Бельгии, Голландии и Атлантическом океане, в июле 1941 г. имели 496 самолетов, из которых исправными были только 304⁶⁹. Сведения английской разведки об авиации противника в том же районе были несколько иными (560—570 самолетов)⁷⁰, но расхождение не было значительным и не могло оказать существенного влияния на принятие решения.

Сухопутные войска в Западной Европе в день нападения гитлеровской Германии на СССР имели в своем составе 46 дивизий. Из них 8 были выведены в резерв главного командования сухопутных сил и предназначались для переброски на советско-германский фронт, куда они и отбыли вскоре после начала Великой Отечественной войны. Для обороны всего побережья от Дании до испанской границы (свыше 2100 км) осталось, таким образом, 38 дивизий и 2 танковых батальона. Это составляло среднюю оперативную плотность не более одной дивизии на 55 км побережья. 22 из этих дивизий не имели в своем составе тяжелых артиллерийских дивизионов, 7 были двухполкового состава, многие были вооружены трофейным оружием и оснащены трофейными автомашинами. Из всех дивизий только 10 имели боевой опыт, 17 же начали формирование в ноябре 1940 г., 7 — только в апреле 1941 г.⁷¹ Естественно, что боеспособность немецких сухопутных сил на Западе по сравнению с теми дивизиями, которые действовали на советско-германском фронте, была

⁶⁷ См. «Итоги второй мировой войны». Сборник статей. М., 1957, стр. 174.

⁶⁸ «Brassey's Naval Annual, 1948», p. 225.

⁶⁹ *Ch. Webster, N. Frankland. The Strategic Air Offensive Against Germany. 1939—1945, v. I. London, 1961, p. 188.*

⁷⁰ *Ibid.*, p. 175.

⁷¹ *В. Мюллер-Гиллебрандт. Указ. соч., т. II, стр. 105, 151, 227—228, 230, 236.*

невысокой. Оборону побережья, даже обычную полевую, немецкие войска тогда еще не смогли подготовить.

В последующее время ожесточенная борьба на Востоке не позволяла гитлеровскому командованию усиливать свои войска в Западной Европе. Хотя оно и стремилось держать здесь не менее 36—37 пехотных дивизий, это ему не удалось. Уже в сентябре 1941 г. началась практика замены разбитых на советско-германском фронте частей⁷² снятыми с Запада наиболее боеспособными войсками.

Характерной для группировки немецких сухопутных сил на Западе была слабая насыщенность танковыми частями. В августе 1941 г. там находились 2-я танковая дивизия и два танковых батальона, из которых лишь один (100-й) был боеспособным. Что касается 2-й танковой дивизии, то в сентябре она была выведена, а вместо нее началось формирование двух танковых дивизий (22-й и 23-й), которое предполагалось закончить к середине февраля 1942 г.⁷³

Следует иметь в виду, что немецко-фашистские войска в Западной Европе осуществляли две функции — несли оккупационную службу и готовились к отражению предполагаемого вторжения противника с моря. В первом случае их необходимо было рассредоточить так, чтобы они могли контролировать всю оккупированную территорию, а во втором, напротив, сконцентрировать в наиболее угрожаемых районах морского побережья. В условиях недостатка сил способность отразить вторжение, конечно, ослаблялась этими противоречивыми потребностями, тем более что гитлеровское командование не могло пренебречь ни одной из них.

Дело в том, что после нападения фашистской Германии на Советский Союз усилилось движение Сопротивления в оккупированных странах. Компартия Франции начала повсеместно организовывать группы франтиреров и партизан, предназначенные для вооруженной борьбы против оккупантов. Раньше всего они были созданы в департаментах Нор и Па-де-Кале. В сентябре 1941 г. прокатилась волна покушений на немецких офицеров⁷⁴. Гитлеровцы не были уверены также в преданности вишистов, особенно военных, позиция которых зависела от положения на советско-германском фронте. Посол США в Виши адмирал Уильям Леги писал 15 октября 1941 г. президенту Рузвельту: «Неожиданные трудности, с которыми немцы столкнулись в России, заставили французских должностных лиц... склониться в нашу сторону, и их окончательная позиция зависит от исхода кампании в России»⁷⁵.

⁷² В течение двух месяцев оттуда на Восток были переброшены сначала 242-я дивизия и один танковый батальон, а затем 212-я и 227-я дивизии, заменившие потрепанные на советско-германском фронте 71-ю (из 17-й армии) и 28-ю (из 9-й армии) (Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4183).

⁷³ Там же, д. 4182.

⁷⁴ См. *И. А. Колосков, Н. Г. Цырульников*. Народ Франции в борьбе против фашизма (Из истории освободительного движения во Франции в 1939—1944 гг.). М., 1960, стр. 116, 118.

⁷⁵ *W. Leahy*. I Was There. New York, 1950, p. 51.

Такая обстановка, естественно, отразилась на группировке немецко-фашистских войск. В конце августа они были расщеплены по всей оккупированной территории Франции, Бельгии и Голландии. Наряду с оккупационной службой 15-я и 7-я немецкие армии, насчитывавшие вместе 30 дивизий, занимали морское побережье от устья Шельды до франко-испанской границы. Непосредственно на побережье располагалось 19 дивизий, что в среднем составляло около одной дивизии на 100 км. 1-я армия (пять дивизий) оккупировала территорию южнее и восточнее Парижа и была нацелена против вишистской Франции⁷⁶.

В последние месяцы 1941 г. существенных изменений в составе группировки немецких войск не произошло.

Если сравнить силы и группировки войск обеих сторон, то прежде всего следует отметить, что английские вооруженные силы обладали значительным превосходством в авиации, военно-морском флоте и некоторым превосходством в числе дивизий. Но качество английских дивизий было выше. Особенно значительным было британское превосходство в танковых войсках (5 дивизий и 4 бригады против 2 формирующихся дивизий и 1 батальона). Для наращивания сил на континенте Европы англичане могли использовать новые формирования и войска империи.

Кроме того, английские войска располагались на сравнительно небольшой территории, а порты Британских островов обладали высокой пропускной способностью, что позволяло английскому командованию нанести сосредоточенный удар превосходящими силами по любому участку занятого противником побережья.

Немецкие войска были расщеплены на огромной территории, что благоприятствовало вторжению английских войск и захвату плацдарма. Немецко-фашистское командование могло только постепенно накапливать силы и средства против высадившихся на плацдарм войск, поскольку оно располагало в основном лишь пехотой. Так как немецко-фашистское командование имело в Западной Европе ограниченные силы, то в случае английского вторжения оно оказалось бы вынужденным перераспределить силы между Восточным и Западным фронтами, что, естественно, привело бы к изменению соотношения сил в пользу антифашистской коалиции на всех фронтах.

Следует также учитывать, что за английской армией стояла американская, насчитывавшая к августу 1941 г. 1600 тыс. солдат и офицеров. США имели тогда 29 пехотных, 4 бронетанковые и 2 кавалерийские дивизии. Их тактическая авиация насчитывала почти 200 эскадрилий с личным составом около 175 тыс. человек⁷⁷. Предполагалось довести число дивизий до 91, в том числе танковых — до 16⁷⁸.

⁷⁶ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4181.

⁷⁷ М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 68.

⁷⁸ M. S. Watson. Chief of Staff: Prewar Plans and Preparations. Washington, 1950, p. 343—344.

Правда, США в то время оставались невоюющим союзником, и англичане, предпринимая вторжение, могли полагаться, по крайней мере в начале его, главным образом лишь на свои силы.

Соотношением сил обеих сторон, политическими и стратегическими условиями для Великобритании создавалась возможность открыть второй фронт в Европе в 1941 г. Конечно, вторжение в Западную Европу английскими вооруженным силам пришлось бы проводить, не обладая значительным превосходством над противником. Нарращивание английских сил на фронте в Западной Европе представлялось тогда весьма сложной проблемой. И в этом отношении вторжение на континент было бы трудным и в известной степени рискованным. Но, как известно, ни одна война не велась без риска. Определенный риск имел место даже во время вторжения в 1944 г. И нет никакого сомнения в том, что из-за него в условиях 1941 г. нельзя было отказаться от открытия второго фронта.

Но здесь возникла другая проблема. Для создания второго фронта, особенно для наращивания сил вторжения, потребовалось бы направить основные силы Англии в Западную Европу и, естественно, сократить до минимума ее армии на Ближнем Востоке, а решение стратегических задач в этом районе, в том числе и освобождение средиземноморских путей, поставить в зависимость от исхода вооруженной борьбы в Европе.

Таким образом, решение вопроса о втором фронте зависело не столько от возможностей его создания, сколько от политики и стратегии Великобритании, точнее от выбора ею главного театра войны.

Предпосылки второго фронта

Чем же в таком случае руководствовались в действительности английское правительство и военные штабы, отказываясь от активных военных действий против фашистской Германии в Европе?

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что военные цели Великобритании определялись той политикой, которую проводили ее правящие круги задолго до второй мировой войны. Они, как и руководящая верхушка во Франции, фашистской Германии и США, вели борьбу за мировое господство. «Война, — указывал в 1939 г. Исполком Коминтерна в воззвании к XXII годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, — идет в самом центре Европы. Правящие классы Англии, Франции и Германии ведут войну за *мировое господство*. Эта война есть продолжение многолетней империалистической тяжбы в лагере капитализма...» Как заявила компартия Англии в своем манифесте, это была «война империалистических стран за прибыли, рынки и мировое господство»⁷⁹.

⁷⁹ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 1, стр. XX.

Правящие круги Великобритании в период войны, как и в предвоенные годы, стремились осуществить свои интересы путем установления так называемого равновесия сил в мире и прежде всего в Европе. Противопоставляя друг другу отдельные государства или группы стран и разжигая противоречия между ними, они создавали благоприятные условия для сохранения собственного господствующего положения в мире и целостности своей колониальной империи, чужими руками убирая с мировой арены наиболее опасных конкурентов.

Большое, если не главное, место в политике Великобритании занимал вопрос о сохранении и расширении Британской империи. Одним из условий этого было обеспечение свободы морских коммуникаций с колониями и зависимыми странами, прежде всего обладание ключевыми позициями на Средиземном море. Контроль над ними английский империализм захватил в результате длительной борьбы со своими конкурентами. Но его положение серьезно ухудшилось под влиянием вступления Италии в союз с фашистской Германией и Японией, особенно после объявления ею войны. В начале июля 1940 г. итальянские войска предприняли наступление в Восточной Африке, а 13 сентября вторглись в Египет. В феврале 1941 г. в Северную Африку был переброшен немецкий экспедиционный корпус «Африка» в составе двух дивизий⁸⁰.

Империалисты всегда рассматривают войну как средство получения наивысших прибылей. Доходы же британских монополий зависели главным образом от эксплуатации колоний, особенно нефтяных богатств Ближнего и Среднего Востока. В 1938 г., например, чистая прибыль английских нефтяных компаний достигала 32 млн. ф. ст.⁸¹ В 1939 г. Великобритания владела самым крупным танкерным флотом в мире, составлявшим 28,5% мирового тоннажа (США имели тогда 24,5%)⁸².

Вторая мировая война — война моторов — потребовала невиданного ранее количества нефти, что, естественно, сулило английским монополиям новые баснословные прибыли. Основным же путем, по которому текла нефть Востока к Британским островам, было Средиземное море.

Хотя положение англичан здесь в середине года несколько укрепилось и они все еще удерживали в своих руках о-в Мальту и контроль над входами в Средиземное море с востока и запада, но сообщение Великобритании с Ближним и Средним Востоком усложнилось. Подвоз стал осуществляться главным образом вокруг Африки, что намного сокращало полезный тоннаж английского флота. «Путь к Ближнему Востоку вокруг мыса Доброй Надежды, —

⁸⁰ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 1, стр. 294—298.

К этому следует добавить, что в апреле 1941 г. немецкие и итальянские войска оккупировали Грецию, а в мае захватили о-в Крит.

⁸¹ См. *М. Брукс*. Нефть и внешняя политика. М., 1949, стр. 49.

⁸² Там же, стр. 42.

писал американский историк Хиггинс, — был почти в четыре раза длиннее, чем опасное путешествие через Средиземное море; в Индию... на 40% длиннее»⁸³.

Это не могло не сказаться на экономическом положении Англии. В «Обзоре будущей стратегии Великобритании», составленном от 14 июня 1941 г. в английском Комитете по планированию, отмечалось: «Объем импорта за календарный 1941 год, очевидно, не превысит 28 500 тыс. т (исключая нефть). Для того чтобы избежать снижения уровня производства в метрополии и падения жизненного уровня населения, необходимо импортировать ежегодно 36 млн. т (исключая нефть). Наши и без того незначительные запасы нефти еще больше сократятся в 1941 году»⁸⁴.

Так как средиземноморские пути на Восток оказались закрытыми, внимание британского правительства было сосредоточено на решении проблемы Средиземного моря. Оно прежде всего стремилось использовать для ее решения те возможности, которые возникли в связи с подготовкой фашистской Германии к нападению на СССР. Уже тогда уменьшалась опасность немецкого вторжения на Британские острова. После 22 июня 1941 г. непосредственная угроза для Англии исчезла. Она могла появиться вновь только в случае поражения Советского Союза. Но пока существовал советско-германский фронт и шла ожесточенная борьба, английское стратегическое руководство, уже не опасаясь за судьбу метрополии, стремилось к полной свободе действий в районе Средиземного моря. Как признал Черчилль, «вступление русских в войну отвлекло немецкую авиацию от налетов на Великобританию и уменьшило угрозу вторжения. Оно значительно облегчило наше положение на Средиземном море»⁸⁵.

В случае успеха операций итало-немецких войск в Северной Африке, конечно, могла бы образоваться угроза позициям английского империализма на Ближнем и Среднем Востоке. Однако в 1941 г. такая возможность не была реальной, так как фашистская Германия была не в состоянии развернуть в Северной Африке решительные военные действия ни в период подготовки войны против Советского Союза, ни после ее начала. Хотя это не исключало того, что Гитлер придавал большое значение обеспечению южного фланга своих вооруженных сил и сохранению контроля над Средиземным морем с целью экономического ослабления Великобритании, а также отвлечения ее внимания и сил от Европы. Кроме того, он опасался, что потеря такого контроля окажет сильное воздействие на Италию и она может под английским нажимом выйти из войны⁸⁶. Но так как у него не было сил для осуществления такой задачи, Гитлер стремился переложить ее на своего союзника — Италию.

⁸³ *T. Higgins*. Op. cit., p. 36.

⁸⁴ *Дж. Батлер*. Большая стратегия. Сентябрь 1939—июнь 1941. М., 1959, стр. 501.

⁸⁵ *W. Churchill*. Op. cit., v. III, p. 351.

⁸⁶ *F. H. Hinsley*. *Hitler's Strategy*. Cambridge, 1951, p. 145.

21 июня 1941 г., сообщая Муссолини, что обеспечение северного фланга Германия берет на себя, Гитлер писал о проблеме Средиземного моря следующее: «Вы можете... дуче, внести поистине решающий вклад, укрепив наши африканские армии и, быть может, переключив ваше внимание с Триполи на запад и создав контингент, хотя бы еще небольших размеров, который мог бы выступать против Франции (вишистской. — *В. К.*) в случае нарушения французами договора. Наконец, вы можете интенсифицировать воздушную войну и повсюду, где это возможно, — подводную войну в Средиземном море»⁸⁷.

Для привлечения внимания правительства Англии к Ближнему Востоку Гитлер хотел использовать и арабское освободительное движение. 25 мая он согласился выделить для этого оружие, деньги и санкционировал ведение подрывной пропаганды, но крупные действия вооруженных сил на Ближнем Востоке (против Египта из Ливии, из Болгарии через Турцию к Суэцу и против Ирака) предполагалось предпринять только после осуществления плана «Барбаросса»⁸⁸.

Между тем английские военные авторитеты летом и осенью 1941 г. открыто высказали свою неуверенность в том, что Красная Армия выстоит под ударами немецко-фашистских войск⁸⁹. «Почти все авторитетные военные специалисты полагали, — писал Черчилль, — что русские армии вскоре потерпят поражение и будут в основном уничтожены... Президента Рузвельта сочли очень смелым человеком, когда он в сентябре 1941 г. заявил, что русские удержат фронт и что Москва не будет взята»⁹⁰.

Таким образом, с одной стороны, героическое сопротивление Советского Союза фашистской агрессии оценивалось как жизненно важная помощь Великобритании, а с другой — что гитлеровской Германии удастся быстро его сломить. Но, казалось бы, даже подобные далекие от действительности пророчества должны были привести их автора к естественному выводу, что в случае поражения СССР вновь возникнет угроза вторжения немецких войск на Британские острова, причем уже более реальная и опасная, а на Ближнем Востоке сложатся более благоприятные условия для итало-немецких армий и что предотвратить их можно только такими военными действиями против фашистской Германии в Европе, которые совместно с операциями Красной Армии привели бы к срыву планов Гитлера. Казалось бы, в целях сохранения империи требовалась новая стратегия, основу которой составляла бы концепция активных военных операций английских армий на континенте Европы.

Как подошли к решению этих проблем правительство и высшее военное руководство Великобритании?

⁸⁷ «Les Lettres secrètes échangées par Hitler et Mussolini (1940—1943)». Paris, 1946.

⁸⁸ *F. H. Hinsley*. Op. cit., p. 156.

⁸⁹ *T. Higgins*. Op. cit., p. 60.

⁹⁰ *W. Churchill*. Op. cit., v. III, p. 350—351.

Черчилль и начальники его штабов не допускали и мысли об ослаблении своих сил в восточной части Средиземного моря⁹¹ и не готовились создавать второй фронт. Что же, выходит, они сознательно шли на ухудшение положения Великобритании? Нет, скорее они не так уж были уверены в неизбежности поражения Советского Союза в короткий срок и, следовательно, не слишком опасались ухудшения положения Англии, хотя и поддерживали, как утверждает американский историк Т. Хиггинс, «мнение об угрозе нацистского вторжения в качестве средства, стимулирующего постоянное нарастание военных усилий Великобритании»⁹².

Такое предположение не лишено оснований. Оно поддерживается прежде всего английскими планами ведения войны.

После разгрома Франции, что было одновременно и серьезным поражением Великобритании, основными целями английской стратегии на ближайший период было решение проблем колониальной политики на Ближнем и Среднем Востоке и подготовка к вторжению в пределы Германии. В докладе военному кабинету, подготовленном 4 сентября 1940 г. начальниками английских штабов, указывалось, что Великобритания не ставила перед собой цели создать и высадить на континенте армию, равную по численности немецкой. Намечалось, что после того, как блокада и воздушные налеты создадут «благоприятную» обстановку, ударные силы вторгнутся в пределы Германии и заставят ее принять английские условия. Достижению этого, по мнению составителей доклада, могла серьезно способствовать подрывная деятельность и пропаганда на оккупированной немцами территории.

Общий вывод гласил: «Цель нашей стратегии в 1941 году должна состоять в истощении сил противника... В течение 1941 года мы должны предельно быстрыми темпами наращивать свои ресурсы. *Общая задача, которая должна определять стратегию Великобритании, а также масштабы и темпы осуществления программы перевооружения, состоит в том, чтобы весной 1942 года предпринять общее наступление на земле, в воздухе и на воде на всех театрах военных действий и максимальными силами*»⁹³.

Здесь необходимо вернуться к упоминавшемуся выше «Обзору будущей стратегии Великобритании» от 14 июня 1941 г. Этот документ, составившийся до нападения гитлеровской Германии на СССР, дает представление о стратегии, выработывавшейся в то время в английских штабах.

В обзоре, судя по его изложению, сделанному Дж. Батлером, отмечалось, что основная цель Германии — начать войну на Востоке, но если она «не нападет на Россию в начале лета, ее основной целью станет Египет». Далее Батлер пишет: «Учитывая огромное превосходство немецких сухопутных войск (250 дивизий) и мощную не-

⁹¹ T. Higgins. Op. cit., p. 62.

⁹² Ibidem.

⁹³ Дж. Батлер. Указ. соч., стр. 326.

между авиацией, учитывая тот факт, что немцы располагали разветвленными внутренними коммуникациями, авторы обзора пришли к выводу, что нельзя рассчитывать на возможность достижения победы над немцами в открытой борьбе на полях сражений. Со временем, для того чтобы навязать свою волю противнику, необходимо было оккупировать и установить контроль над частью его территории, в связи с чем возникла бы потребность в проведении военных действий на суше. Однако вначале надлежало ослабить немецкую военную машину, ведя войну на истощение»⁹⁴.

Упор делался на блокаду и контроль над источниками снабжения противника, а также усиление авиационных бомбардировок Германии. Больше, чем обычно, подчеркивалось значение подрывной деятельности на оккупированной немцами территории и координации ее с «другими формами... наступательных действий». Но в то время английское стратегическое руководство еще не имело четкого представления о реальных возможностях стратегической авиации. Опыт первого периода войны показывал, что одно авиационное наступление, ничем другим не поддержанное, не оправдало возлагавшихся на него надежд. Поэтому наряду с мерами по ослаблению фашистского блока предусматривалась подготовка к вторжению английских вооруженных сил в Европу с целью разгрома германских армий в сухопутных сражениях. «По мере того как силы Германии будут убывать, — указывалось в «Обзоре», — наступит, наконец, момент, когда будет особенно выгодно нанести по ней удар всеми имеющимися у нас силами и средствами». Этот момент, по мнению его составителей, мог наступить осенью 1942 г.⁹⁵

Итак, до вступления в войну Советского Союза Англия рассчитывала вести против фашистской Германии длительную войну на истощение. В качестве ближайшей стратегической цели намечалась стабилизация положения английских войск на Ближнем Востоке.

Более полное представление о стратегии Великобритании дают материалы переговоров между представителями английских и американских штабов, которые проходили в первой половине 1941 г. и преследовали цель выработать общие принципы совместной стратегии на случай вступления США в войну против фашистского блока.

Их первое совещание, названное «АВС-1» (американо-английские переговоры), состоялось в Вашингтоне с 29 января по 29 марта 1941 г. Примечательно, что вопросы, относящиеся специально к стратегии на Средиземном море и Ближнем Востоке, не фигурировали в предложенной американской делегацией повестке дня, включавшей следующие пункты: «Общее обсуждение военного положения Соединенных Штатов и Англии; рассмотрение стратегических задач объединенных действий сухопутных и морских сил Соединенных Штатов и Британского Содружества Наций как на Атлантическом, так и Тихом океане; рассмотрение операций, обеспе-

⁹⁴ Дж. Батлер. Указ. соч., стр. 502.

⁹⁵ Там же, стр. 503.

чивающих осуществление предложенных стратегических решений; выработка соглашений о разделении ответственности по зонам, о выделении необходимых сил, об ориентировочных оперативных планах и организации командования». Не менее знаменательно и то, что англичане тотчас же предложили включить в этот перечень вопрос о Средиземном море и в ходе совещания особенно энергично отстаивали необходимость защиты британских интересов на Ближнем Востоке⁹⁶.

Эти моменты были главными и в выдвинутой делегацией Англии положениях об основах общего стратегического плана. Хотя они и содержали заявление о том, что «важнейшим театром военных действий является Европейский театр и здесь прежде всего надо добиваться победы», однако эта задача ставилась в зависимость от «сплоченности Британского Содружества Наций и поддержания его военных усилий», т. е. опять-таки от упрочения колониальных позиций Великобритании⁹⁷.

Необходимо также отметить одно обстоятельство, ставшее основой англо-американских расхождений по вопросам совместного ведения войны, а позже и при решении проблемы второго фронта в Европе. Английская делегация считала, что «для сплоченности Британского Содружества Наций и поддержания его военных усилий» важное значение приобретало обеспечение безопасности их «позиций на Дальнем Востоке, включая Австралию и Новую Зеландию», причем Сингапур рассматривался ею в качестве ключа «к обороне этих позиций, и его удержание должно быть гарантировано»⁹⁸.

Речь шла по существу не только о Сингапуре. Настаивая на принятии своей стратегической концепции в качестве союзнической, англо-американской, британская делегация стремилась, исходя из своих эгоистических интересов, предопределить вопрос о том, куда будут направлены основные военные усилия союзников. Однако у США тоже были собственные планы и далеко идущие намерения. Если у английского стратегического барометра стрелка все больше тяготела к Ближнему и Среднему Востоку, то у американского — к Северной Атлантике и Европе.

США, как явствовало уже из предложенной ими повестки дня совещания, не намеревались оставаться в стороне от мировой войны. Готовясь вступить в нее в наиболее благоприятный для себя момент, американские правящие круги хотели осуществить военным путем определенные задачи, продиктованные их собственными интересами.

В приложении к так называемой «Программе победы» руководство американской армии заявляло: «Национальные цели, как определяется условиями войны, предусматривают: 1) сохранение целостности всего Западного полушария; 2) предотвращение распада Британской империи; 3) предотвращение дальнейшего расши-

⁹⁶ М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 49—51.

⁹⁷ Там же, стр. 50—51.

⁹⁸ См. там же.

рения японского господства; 4) при благоприятных обстоятельствах восстановление в Европе и Азии равновесия сил, способствующего в дальнейшем политической устойчивости в этих районах и безопасности США; 5) установление, насколько это практически возможно, режимов, благоприятствующих экономической и личной свободе»⁹⁹.

Что касается «предотвращения распада Британской империи», то вряд ли этот пункт предусматривал борьбу за сохранение для Англии всех ее колоний. Американский империализм, считавший себя наследником былого «мирового господства» европейских колониальных держав, в том числе Великобритании, как показал весь дальнейший ход событий, стремился ускорить переход в свои собственные руки этого «наследства». Ближайшими целями США в этом отношении было расширение позиций в Атлантике и Средиземноморье за счет как поверженной Франции, так и слабеющей Англии.

Это нашло отражение и в меморандуме объединенного комитета военного планирования, который к 26 января 1941 г. был рассмотрен министрами армии и морского флота США, а также президентом Ф. Д. Рузвельтом. Основные положения американской стратегии были следующие: «Если правительство США решит вести войну совместно с Британским Содружеством Наций, мнение начальника военно-морских операций и начальника штаба армии следующее: а) общей целью войны Соединенных Штатов будет нанесение поражения Германии и ее союзникам; но Соединенные Штаты должны иметь такое распределение сил, которое при любых случаях предотвратило бы проникновение в Западное полушарие европейских или азиатских политических и военных сил; б) цель войны будет достигнута Соединенными Штатами легче всего, если сосредоточить их основные военные силы в Атлантическом или военно-морские силы в Средиземноморском районах...; г) если Япония вступит в войну, операции американцев в Центральном районе Тихого океана и на Дальнем Востоке предполагается вести таким образом, чтобы облегчить сосредоточение и развертывание основных сил в Атлантике или военно-морских в Средиземном море; д) американские войска, как правило, должны действовать по планам, разработанным объединенными планирующими органами, но в своих собственных районах боевых действий и под началом своих собственных командиров...»¹⁰⁰

Заинтересованность США в проведении основных операций против Германии прежде всего в Атлантике и на Средиземном море определяла и позицию американской делегации на январско-мартовских переговорах с англичанами. Она заявила, что «только безопасность Северной Атлантики и Британских островов является общим базисом американо-английской стратегии. Что касается других рай-

⁹⁹ *M. S. Watson. Op. cit., p. 356; см. также: М. Мэглофф, Э. Спэлл. Указ. соч., стр. 81.*

¹⁰⁰ *M. S. Watson. Op. cit., p. 372—373*

нов, то там англичане сами должны делать все возможное для защиты своих интересов, так же как Соединенные Штаты защищают свои интересы за морями»¹⁰¹.

Разумеется, на этом совещании выявились не только различия, но и общность интересов США и Англии в войне, что нашло отражение в дальнейшей деятельности военных штабов двух стран. В частности, в Соединенных Штатах к 14 мая 1941 г. был разработан и утвержден основной план войны, получивший название «Рейнбоу-5», который вступал в силу в первый же день после объявления мобилизации.

Согласно этому плану, вооруженным силам США и союзных стран предстояло «разгромить державы оси» путем: «а) снижения с помощью экономической блокады, морских рейдов и непрерывного воздушного наступления экономической способности держав оси вести войну; б) подрыва военной мощи держав оси посредством морских рейдов и, наконец, сухопутного, морского и воздушного наступления; в) защиты морских коммуникаций союзных держав; г) предотвращения проникновения в Западное полушарие европейских или азиатских вооруженных сил; д) защиты удаленных зон с военными базами и островов, имеющих стратегическое значение, от наземных, воздушных или морских десантных атак»¹⁰². Это были лишь общие принципы подготовки США к вступлению в войну. Предполагалось, что конкретные действия будут спланированы в соответствии с обстановкой, причем в качестве одной из основных задач предусматривалось «накопление сил, необходимых для наступления на Германию»¹⁰³.

Следовательно, наступление непосредственно против Германии не определялось тогда руководством США в качестве ближайшей цели. В этом отношении американские планы совпадали с английскими.

Но и те и другие основывались на сложившихся в то время условиях второй мировой войны, определявшихся победами фашистского блока в Европе, поражением Франции и нейтралитетом Советского Союза. После нападения фашистской Германии на Советский Союз обстановка в Европе коренным образом изменилась. Какое же отражение это нашло в стратегии Великобритании?

Правительство Черчилля и английские начальники штабов увидели в факте нападения фашистской Германии на Советский Союз главным образом то, что советско-германский фронт связал руки фашистскому блоку и тем дал английскому командованию свободу предпринимать операции против немецких войск как в любой точке от мыса Нордкап до франко-испанской границы, так и в районе Средиземного моря. Поэтому само существование советско-германского фронта в Лондоне рассматривалось как весьма эффективное

¹⁰¹ М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 54.

¹⁰² Там же, стр. 63.

¹⁰³ Там же, стр. 65.

средство для реализации Англией основных положений ранее разработанных планов войны. 10 июля 1941 г. Черчилль писал своему морскому министру: «Если бы русские могли продержаться и продолжать военные действия хотя бы до наступления зимы, это дало бы нам неоценимые преимущества... Пока русские продолжают сражаться, не имеет значения, где проходит линия фронта»¹⁰⁴.

Эта мысль по существу определяла отношение правительств Великобритании, а затем и США к их советскому союзнику, а также к проблеме второго фронта в Европе. Она, как будет показано, до лета 1943 г. проходила красной нитью через все их решения по этому вопросу.

В США тогда с особым вниманием следили за событиями, связанными с падением фашистской Германии на Советский Союз, чтобы в зависимости от их развития уточнить стратегическую линию. Американские военные эксперты, как и английские, отнюдь не были уверены в том, что Советский Союз выстоит. Более того, они придерживались противоположного мнения. Их точку зрения изложил военный министр США Стимсон в записке президенту Рузвельту. Как он писал, руководители штабов полагали, что «Германия будет основательно занята минимум месяц, а максимально, возможно, три месяца задачей разгрома России»¹⁰⁵.

Но даже такой срок вполне устраивал американское военное руководство. Оно с удовлетворением констатировало, что «в течение этого времени Германия должна совсем оставить или отсрочить: а) всякие планы вторжения на Британские острова; б) всякую попытку напасть самой на Исландию или помешать нам ее оккупировать; в) планы нажима на Западную Африку, Дакар и Южную Америку; г) всякую попытку обойти правый фланг англичан в Египте через Ирак, Сирию или Иран; д) также, вероятно, планы нажима в Ливии и на Средиземном море».

В целом же оно оценивало нападение Германии на СССР как «непредвиденную и драгоценную передышку» и как «дар providения», который «следует использовать для самых энергичных мер на Атлантическом театре военных действий...» По его мнению, «этот шаг Германии» открывал для США «широкие возможности выиграть битву в Северной Атлантике и обеспечить защиту» Западного полушария в Южной Атлантике, причем успех был «гарантирован настолько же полно, насколько вообще возможно гарантировать успешное выполнение любого плана»¹⁰⁶.

Из этого видно, что уже тогда в США возникло стремление использовать в своих корыстных целях борьбу между фашистской Германией и Советским Союзом. Хотя правительство Рузвельта предпочитало видеть свою страну в положении невоюющего союзника Англии и СССР, однако упомянутые выше «широкие возмож-

¹⁰⁴ *W. Churchill*. Op. cit., v. III, p. 341.

¹⁰⁵ *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. I, стр. 495.

¹⁰⁶ Там же, стр. 495—496.

ности» привлекли его внимание. Оставалось выяснить, насколько реально их осуществление.

С этой целью ближайший советник президента Гарри Л. Гопкинс выехал в середине июля 1941 г. в Лондон, где ознакомился с положением Великобритании и условиями ведения войны против фашистской Германии в связи с ее нападением на Советский Союз, а также вел переговоры об основных принципах англо-американской стратегии.

Среди лондонских встреч Гопкинса наибольший интерес для выяснения исследуемого нами вопроса представляет совещание, состоявшееся 24 июля вечером в резиденции английского премьер-министра на Даунинг-стрит, 10. Кроме Черчилля и Гопкинса в нем приняли участие уполномоченный США по вопросам ленд-лиза в Лондоне Аверелл Гарриман, незадолго до этого совершивший поездку на Ближний Восток¹⁰⁷, начальники британских штабов адмирал Дадли Паунд, генерал Джон Дилл, маршал авиации Чарльз Портал и генерал Хэйстингс Исмей, а также высшие американские офицеры в Лондоне — адмирал Гормли, генералы Джеймс Чэни и Рэймонд Ли.

Обсуждались главным образом вопросы обороноспособности Великобритании. Американские военные представители высказывали опасение, что намерения англичан вести в первую очередь борьбу за Ближний Восток могут ослабить возможность достижения победы в битве за Атлантику, которая, по их мнению, была решающей в войне против Германии¹⁰⁸. Генерал Чэни заявил, что на Ближний Восток следует посылать лишь минимальное количество английских сил, необходимых для обороны, и не направлять туда войска, особенно бронетанковые, нужные для осуществления наступательных операций. Он предложил следующую очередность решения стратегических задач: 1) оборона Соединенного Королевства и атлантических коммуникаций; 2) защита Сингапура и морских путей в Австралию и Новую Зеландию; 3) защита океанских торговых путей вообще; 4) оборона Ближнего Востока¹⁰⁹.

Не возражая против американского определения роли битвы за Атлантику, англичане тем не менее заявили, что первостепенной считают борьбу за Ближний Восток. При этом они отметили, что вполне спокойны за безопасность Британских островов. Черчилль подчеркнул, что, «несмотря на все возражения заатлантических друзей», Англия будет продолжать политику укрепления ближневосточных позиций, причем сообщил, что «за последние 8 месяцев почти половина продукции военной промышленности Великобритании

¹⁰⁷ Поскольку американское понятие Средний Восток и английское Ближний Восток почти идентичны, целесообразно в настоящей работе придерживаться последнего, имеющего в виду страны, расположенные на стыке трех континентов — Европы, Азии и Африки. К ним относятся Малая Азия, Аравийский полуостров, Палестина, Ирак, Египет, Судан, Кипр.

¹⁰⁸ Р. Шервуд. Указ. соч., т. I, стр. 508; W. Churchill. Op. cit., v. III, p. 378.

¹⁰⁹ Р. Шервуд. Указ. соч., т. I, стр. 509; W. Churchill. Op. cit., v. III, p. 378.

отправлялась на этот театр военных действий»¹¹⁰. Объясняя впоследствии свою точку зрения по данному вопросу, Черчилль писал: «Что касается меня, то я не мог поверить, чтобы какие-либо потери в Малайе могли составить хотя бы одну пятую того ущерба, который принесла бы нам утрата Египта, Суэцкого канала и Среднего Востока. Я не мог допустить и мысли об отказе от борьбы за Египет и был готов заплатить за него любой ценой в Малайе»¹¹¹.

Впрочем, на этом совещании наряду со значительным расхождением взглядов американцев и англичан на стратегию наметилось и сближение их точек зрения. Так, Черчилль с облегчением узнал из высказываний Гопкинса о несколько иной, чем у военных, позиции президента Рузвельта, который разделял мнение, что положение англичан на Ближнем Востоке «не слишком прочное... Он понимает, что англичане должны сражаться с врагом везде, где они его встречают. Поэтому он более склонен поддержать продолжение кампании на Ближнем Востоке»¹¹².

Обрадованный Черчилль незамедлительно высказался в пользу американцев по весьма интересовавшему их вопросу о судьбе Северо-Западной Африки. Пофантазировав на тему о возможности проникновения немцев через Испанию и Португалию в Северную и Западную Африку и отметив, что это были районы не английских, а преимущественно французских и испанских интересов, британский премьер-министр охотно рассуждал о том, что, «если бы Соединенные Штаты были вовлечены в войну против Германии и Италии, Северная и Западная Африка вполне могли бы оказаться благоприятными районами для действий американских вооруженных сил»¹¹³.

Интересно отметить, что участники совещания, по-видимому, даже не обменялись мнениями по вопросу о согласованных с Советским Союзом военных действиях. Во всяком случае ни в одном из двух имеющихся изложений хода совещания¹¹⁴ нет даже упоминания об этом. Между тем за пять дней до него, 19 июля, Черчилль получил упоминаемое выше послание главы Советского правительства, в котором конкретно ставился вопрос о втором фронте.

Что же касается вопроса о влиянии советско-германского фронта на развитие событий на Ближнем Востоке, то он не остался без внимания. Чэни, например, говоря о трудностях, которые ожидали фашистов на Ближнем Востоке, а также при попытке вторжения в Великобританию, сказал, что способность немцев «преодолеть эти трудности будет зависеть от того, как скоро потерпят крах русские», и что, «если русские смогут продержаться до конца сентября, угроза вторжения отодвинется до будущей весны, а это даст время для

¹¹⁰ Р. Шервуд. Указ. соч., т. I, стр. 510.

¹¹¹ W. Churchill. Op. cit., v. III, p. 379.

¹¹² Р. Шервуд. Указ. соч., т. I, стр. 508.

¹¹³ Там же, стр. 511.

¹¹⁴ Имеются в виду указанные в настоящей работе книга Р. Шервуда и мемуары У. Черчилля.

организации обороны как в Соединенном Королевстве, так и на Среднем Востоке»¹¹⁵.

Совещание на Даунинг-стрит имело важное значение для обеих сторон, так как позволило уточнить их позиции и интересы. На нем начало уже вырисовываться, что районами совместных действий вооруженных сил США и Великобритании в ближайший период войны станут Атлантика и Северная Африка, хотя и было ясно, что это не могло ни оказать существенного влияния на стратегическое положение гитлеровской Германии, ни серьезно ограничить военные возможности всего фашистского блока в Европе, а лишь позволяло укрепить позиции английского империализма на Ближнем Востоке и открывало возможности для проникновения Соединенных Штатов в Западную и Северную Африку.

После этого Гопкинс направился в Москву. Его лично, как и правительства США и Великобритании, интересовали положение и перспектива советско-германского фронта. Оба правительства понимали тогда, что «всякие переговоры по военным вопросам, включая американское производство и программу ленд-лиза, зависели от того, как долго продержится Россия...»¹¹⁶

30 и 31 июля Гопкинс имел две продолжительные беседы со Сталиным, в результате которых он убедился, что Красная Армия оказывает упорное сопротивление немецким войскам и Советский Союз перестраивает всю свою жизнь, подчиняя ее интересам ведения длительной и решительной войны. Во всяком случае он был «удовлетворен тем, что советские руководители не думали о капитуляции и того менее боялись поражения»¹¹⁷. Доклад Гопкинса о поездке в Москву произвел большое впечатление на Рузвельта и Черчилля и оказал влияние на последующие их военно-политические решения.

Дальнейшим их шагом в разработке принципов ведения войны и определения задач союзников явилась Атлантическая конференция, состоявшаяся на кораблях в открытом море близ о-ва Ньюфаундленд с 10 по 15 августа 1941 г. Рассмотренные ею политические проблемы войны и прежде всего те, которые могли возникнуть в случае расширения японской агрессии в Азии и бассейне Тихого океана, достаточно хорошо освещены в советской исторической литературе¹¹⁸. Но остается в тени обсуждение военно-стратегических вопросов, состоявшееся на этой конференции.

Здесь прежде всего необходимо отметить, что ее главные участники — президент США и премьер-министр Великобритании — вполне отдавали себе отчет в важности согласованного использования ресурсов всех союзных стран в войне против Германии. Об этом

¹¹⁵ *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. I, стр. 509.

¹¹⁶ *См. Дж. Батлер, Дж. Гуайер*. Указ. соч., стр. 97.

¹¹⁷ *См. там же*, стр. 98; *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. I, стр. 525—545.

¹¹⁸ *См.*, например: «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 2, стр. 186—187; *В. Л. Исаалян*. Антигитлеровская коалиция. М., 1964, стр. 55—71; *В. Г. Трухановский*. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939—1945). М., 1965, стр. 233—240.

свидетельствует следующее место из их совместного послания главе Советского правительства: «Наши ресурсы хотя и огромны, тем не менее они ограничены, и речь должна идти о том, где и когда эти ресурсы могут быть наилучшим образом использованы в целях максимального содействия нашим общим усилиям. Это относится равным образом как к военному снаряжению, так и к сырью... Мы полностью сознаем, сколь важно для поражения гитлеризма мужественное и стойкое сопротивление Советского Союза, и поэтому мы считаем, что в этом деле планирования программы распределения наших общих ресурсов на будущее мы должны действовать при любых обстоятельствах быстро и без промедления»¹¹⁹.

Само собой разумеется, что уже тогда возникла необходимость в согласовании не только программы распределения ресурсов, но и прежде всего действий вооруженных сил коалиции. Следовательно, выработка коалиционной стратегии должна была занять видное место в работе Атлантической конференции. Однако поскольку ее участники не стремились в то время перейти к практическому решению этой проблемы, то уже в самом начале конференции они условились никаких решений по стратегическим вопросам не принимать, а лишь изучить перспективы согласования военных усилий США и Великобритании.

В ходе переговоров Черчилль, обрисовывая международное положение, вновь заговорил о возможности немецкого вторжения в Испанию и Португалию, а также в Северную Африку, что означало бы конец Гибралтара как английской военно-морской базы¹²⁰. В целом заявление Черчилля, согласно американской записи, содержало некоторые замечания о методах ведения войны против Германии и в основном сводилось к тому, чтобы: 1) получить от США поддержку своей программы развертывания крупных союзных сил на Ближнем Востоке, особенно в Египте; 2) достигнуть объединения англо-американских усилий против Японии; 3) передвинуть около 52 кораблей из Западной Атлантики для противолодочной борьбы вблизи Британских островов¹²¹.

Более полно английская точка зрения на ведение войны была развернута в обзоре военной обстановки, датированном 31 июля 1941 г. и представленном британскими штабами для обсуждения на Атлантической конференции.

В нем утверждалось: «Основное соображение состоит в том, чтобы гарантировать безопасность Соединенного Королевства и наших морских коммуникаций на то время, пока мы создадим и развернем силы, необходимые для наступления». Далее заявлялось, что потеря Ближнего Востока была бы «чудовищной», так же как и утрата коммуникаций и иранской нефти. В связи с этим указывалось, что немецкое проникновение в Испанию сделало бы Гибралтар

¹¹⁹ «Переписка...», т. I, стр. 16.

¹²⁰ *P. Шервуд*. Указ. соч., т. I, стр. 562; *W. Churchill*. *Op. cit.*, v. III, p. 388.

¹²¹ *M. S. Watson*. *Op. cit.*, p. 401.

непригодным в качестве базы и потребовало бы захвата Канарских островов. Предусматривалась и возможная необходимость ввести силы во Французское Марокко и Французскую Западную Африку.

Но, писали авторы обзора, если сохранится угроза вторжения на Британские острова, то у Англии не хватит сил для решения задач в Африке. Поэтому решение этих задач, равно как и сохранение базы в Сингапуре, жизненно важной для действий на Дальнем Востоке, во многом будет зависеть от американской помощи. Вступление США в войну, отмечалось в обзоре, серьезно изменит всю ситуацию: обстановка на море станет менее сложной, что приведет к сокращению потерь судов; союзники сохраняют превосходство на море даже при условии, что Япония вступит в войну; американские войска смогут не допустить вражеского проникновения в Марокко и Западную Африку и взять на себя контроль над островами Атлантики¹²².

В отношении целей вооруженной борьбы в обзоре говорилось: «Мы должны сначала разрушить основу того, на чем держится немецкая военная машина, — экономику, которая обеспечивает ее, мораль, которая поддерживает ее, систему снабжения, которая питает ее... и веру в победу, которая вдохновляет ее...» Основными же методами достижения этой цели должны были стать морская блокада, стратегические бомбардировки, подрывная деятельность и пропаганда.

Особенно выделялась роль стратегических бомбардировок, которые, по мнению составителей обзора, могли якобы не только причинить большой материальный ущерб, но и оказать влияние на моральное состояние населения. Поэтому вести их предлагалось с максимальной интенсивностью, соответственно расширив производство тяжелых бомбардировщиков. Выражалась уверенность, что, «если эти методы будут применены в самом широком масштабе, вся структура, на которой зиждется сила Германии... будет разрушена, а... боевая способность и мобильность вооруженных сил Германии настолько падут, что непосредственное нападение (на Германию. — *В. К.*) станет вполне возможным». Более того, они рассчитывали, что, «возможно, методы, описанные выше, будут сами по себе достаточными, чтобы заставить Германию просить мира...» Но так как все же твердой уверенности в этом не было, то предлагалось в качестве крайней меры быть готовым к тому, чтобы «ускорить достижение победы путем высадки сил на континент..., нанести удар непосредственно по Германии»¹²³.

В обзоре более определено, чем в других документах, предлагалось разделить войну на два периода — оборонительный, предусматривавший выжидание до момента, пока силы Германии будут максимально ослаблены, и наступательный, т. е. вторжение на континент Европы, если Германия до этого не запросит мира.

¹²² Ibid., p. 402—403.

¹²³ Ibidem.

В этом проявилось расхождение между публичными декларациями английского правительства, на словах призывавшего как можно скорее разгромить фашистскую Германию и уничтожить гитлеризм, и реальным стратегическим планированием, предусматривавшим изнуряющие действия, которые лишь ослабили бы Германию и толкнули ее на заключение мира.

Следует сказать, что в том же обзоре впервые был поставлен вопрос о вторжении английских и американских войск на континент Европы, однако это были сугубо предварительные соображения по плану «Раундап»¹²⁴, причем опять-таки предлагалось осуществить его только в том случае, если немцы, обессиленные в войне, не запросят мира. Считалось также, что для вторжения не потребуются крупные сухопутные силы. «Мы не намерены; — заявлялось в обзоре, — создавать огромные пехотные армии, подобные тем, что были в 1914—1918 гг. Силы, которые мы применим, будут состоять из бронетанковых дивизий с самой современной техникой. В дополнение к ним надо тайно вооружить и снарядить местных патриотов, чтобы в нужный момент они могли поднять восстание»¹²⁵.

Совершенно очевидно, что английские начальники штабов переоценивали возможности бомбардировочной авиации. Как показал опыт первого периода войны, военно-воздушные силы в то время не располагали средствами, применение которых могло бы настолько подорвать производство и моральное состояние населения противника, чтобы это быстро сказалось на боеспособности и мобильности вооруженных сил страны. Наоборот, они до определенного момента способствовали усилению ненависти к врагу и мобилизации духовных сил народа на войну. К тому же ни Англия, ни США тогда еще не обладали мощной бомбардировочной авиацией, способной наносить эффективные удары по экономическим и политическим центрам фашистской Германии, и смогли начать осуществление таких налетов только в конце 1943 и 1944 г.

В целом, таким образом, английский план предусматривал ведение длительной, затяжной войны и в корне противоречил идее скорейшего создания второго фронта в Европе.

Представители американских штабов на конференции высказались лишь по отдельным вопросам. Адмирал Старк, например, говорил о приоритете бомбардировок, потребности в судах, распределении самолетов морских патрулей, а также предложил захватить Азорские острова. Последнее поддержал генерал Маршалл. Кроме того он считал необходимым разместить в Исландии американский морской гарнизон численностью в 10 тыс. солдат и офицеров и запросил у англичан разведывательные сведения о Дакаре на случай занятия его американцами. По поводу обстановки на Ближнем

¹²⁴ Р. Шервуд. Указ. соч., т. I, стр. 567.

¹²⁵ М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 75. Это же положение приводится и в других работах американских историков. См., например, Р. Шервуд. Указ. соч., т. I, стр. 567; М. S. Watson. Op. cit., p. 403.

Востоке Маршалл ограничился замечанием, что американцы уже направляют туда снаряжение и вооружение, которые, однако, используются неудовлетворительно¹²⁶.

Что же касается английского плана войны, то американцы в то время не были готовы высказать свое мнение о нем. Оно было изложено позднее, после соответствующего изучения, и направлено 25 сентября того же года в Лондон за подписями адмирала Старка и генерала Маршалла. Прежде всего подверглись критике как «чрезмерный оптимизм» англичан, выраженный в заключительной фразе обзора о том, что «вступление США в войну не только укрепит уверенность в победе, но и ускорит ее», так и их тенденции переложить на Соединенные Штаты защиту Британской империи. «Мы (США. — В. К.) должны, — заявлялось по этому поводу, — сохранять нашу свободу действий до тех пор, пока не будем иметь силы, чтобы предпринять выгодные операции в войне». Кроме того, американцы считали положение своей страны как невоюющего союзника более удобным «до тех пор, пока не будут созданы средства, которые позволят осуществить наши национальные цели».

Далее они писали, что промышленность противника должна стать главной целью стратегических бомбардировок, а воздействие на моральное состояние населения — вспомогательной. Наконец, начальники американских штабов считали неправильной точку зрения англичан, что войну против Германии можно выиграть без применения крупных армий, и предлагали экипировать и подготовить сухопутные войска для наступления «везде, где проведение таких действий будет выгодным».

В заключение указывалось, что «общая стратегическая концепция и основные военные операции», намеченные совещанием «АВС» в январе—марте 1941 г., «являются правильными и могут служить руководством для ведения войны против стран оси, в которой Соединенные Штаты объединяются с Британским Содружеством Наций»¹²⁷.

Американские штабы, несомненно, уже тогда понимали, что осуществить свои цели в войне они не смогут без вторжения вооруженных сил на европейский континент. Осуществить его предполагалось «самостоятельно» и лишь в крайнем случае при помощи англичан, причем считалось, что это станет возможно не ранее середины 1943 г. Еще 3 июня 1941 г. в результате совещания начальников всех отделов штабов армии и военно-воздушных сил, проведенного генералом Маршаллом, было сделано следующее заключение: «1 июля 1943 г. — самая ближняя дата, когда американские вооруженные силы могут быть отобилизованы, обучены и оснащены для операций большого размаха»¹²⁸. К этому времени, согласно разработанной в США программе, численность американской армии (в том

¹²⁶ M. S. Watson. Op. cit., p. 404—405.

¹²⁷ Ibid., p. 406—408.

¹²⁸ Ibid., p. 340.

числе и авиации) надлежало довести до 8 795 658 солдат и офицеров и сформировать около 215 дивизий, в том числе 61 бронетанковую¹²⁹.

Эти установки были лишь уточнены после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. К 25 сентября 1941 г. одновременно с приведенным выше ответом англичанам штаб американской армии разработал ряд документов по вопросам стратегии. Отмечая необходимость для США быть готовыми к войне непосредственно с Германией и ее разгрому, он подчеркивал, что с этой целью следует создать соответствующие силы и накопить необходимые средства, которые могут быть применены «в Центральной Европе (что будет решающим), но также, возможно, в Африке, на Ближнем Востоке, Иберийском полуострове, в Скандинавских странах, на Дальнем Востоке». Кроме того, заявлялось, что лишь после «изгнания военно-морского флота стран оси с морей, создания абсолютного превосходства в авиации, разрушения германской промышленности (коммуникаций, портов и промышленных предприятий), снижения боеспособности германских вооруженных сил, вызванного сокращением материальных средств, хаосом и падением уровня морального состояния населения, обеспечения безопасности Британских островов и Ближнего Востока и использования их в качестве плацдармов, а также... создания еще и передовых баз» наступит пора для «ведения наступательных действий в Европе...»¹³⁰

Дальше приводились расчеты относительно срока вторжения на европейский континент. Они, как утверждалось в этом документе, учитывали, что пройдет от полутора до двух лет между планированием и осуществлением. Признавая, что расчет времени союзников будет определяться событиями в России, авторы рассматриваемого документа заявляли: «... До тех пор, пока Россия сможет удерживать германские силы на Востоке, Германия будет нести потери от продолжительной борьбы, а тем временем будут расти силы союзников. Если в течение этого промежутка времени союзники смогут накопить достаточные силы, чтобы захватить новые военные базы для последующих воздушных и наземных операций и для некоторых немедленных действий авиации, мы предпримем их... Но американские силы не будут готовы для наступления большого размаха. Однако необходимо ускорить производство средств для английского и для окончательного американского наступления, датой начала которого остается 1 июля 1943 г.»¹³¹

Разработанная тогда же штабом американской армии схема ведения войны определяла следующие ее этапы: «1-й период (до объявления мобилизации или до начала боевых действий). Цель: обеспечение доставки предметов снабжения на Британские острова и снабжение других наций, сражающихся против стран оси, чтобы ликвидировать превосходство военных усилий последних и одновре-

¹²⁹ *M. S. Watson. Op. cit., p. 343—344.*

¹³⁰ *Ibid., p. 354—355.*

¹³¹ *Ibidem.*

менно подготовить вооруженные силы США для активного участия в войне. 2-й период (от объявления мобилизации до подготовки к последним наступательным действиям). Цель: подготовка условий для поражения Германии путем активных действий как союзника — Великобритании, так и других наций, ведущих войну против стран оси. Последний период. Цель: полный разгром Германии»¹³².

Следовательно, в американских стратегических планах, как и в английских, характер вторжения их войск в Европу определялся как нанесение завершающего удара по фашистской Германии. Общей была также установка на длительную войну.

В период, когда фашистская Германия достигла наивысших военных результатов, вся тяжесть борьбы перекладывалась на Советский Союз, так как США и Великобритания уклонялись от согласования военных действий в Европе. Соединенные Штаты, кроме того, прилагали всяческие усилия к тому, чтобы подольше оставаться невоюющей страной. Конечно, они не намеревались вообще стоять в стороне от войны. Речь шла лишь о том, чтобы вступить в нее в «наиболее благоприятный момент», с тем чтобы накопленные к тому времени мощные американские вооруженные силы обеспечили Соединенным Штатам реализацию их интересов.

Вот почему американские штабы в то время изучали не столько коалиционную стратегию в текущий момент, сколько вопросы, относившиеся к выяснению срока, который требовался для ослабления воюющих сторон, чтобы завершить к нему подготовку собственных вооруженных сил. Вывод, как уже отмечалось, состоял в том, что этот срок должен наступить не ранее лета 1943 г. Вот тогда-то и планировалось начало активных военных действий армии США в Европе, что в принципе почти совпадало с английской точкой зрения, предусматривавшей вторжение на континент не ранее осени 1942 г., да и то в качестве крайней меры, если Германия не пойдет на заключение выгодного для Англии мира.

Ясно, что такой подход правительств Великобритании и США к ведению войны исключал для них даже постановку вопроса об открытии второго фронта в Европе в 1941 г.

Решение западных союзников о создании такого фронта потребовало бы от них коренного пересмотра стратегии, главным направлением которой должно было бы стать западноевропейское. Это означало бы прежде всего ограничение английских планов на Ближнем Востоке и Средиземном море, отнесение их осуществления на второе место, так как Великобритания не располагала в то время такими силами и ресурсами, которые позволили бы ей искать крупных стратегических решений одновременно на двух театрах войны. А именно этого и не хотел Черчилль, уже на той стадии нашедший сочувствие у Рузвельта.

Оба правительства, чтобы не менять свою стратегию, считали необходимым лишь оказывать материальную помощь Советскому

¹³² Ibid., p. 353—354.

Союзу, чтобы он продержался как можно дольше и тем самым облегчил достижение их собственных целей. Исходя именно из таких целей, они и считали, что «нападение Гитлера на Советский Союз... было подлинным благодеянием в войне против Германии»¹³³.

Дискуссия перерастает в борьбу

Тот факт, что Великобритания не открывала второй фронт в Европе, беспокоил многих людей не только в СССР, но и в самой Великобритании, а также в США.

В сентябре 1941 г. на вопрос английской газеты «Ньюс кроникл»: «Удовлетворены вы или не удовлетворены размерами военной помощи, оказываемой России Британией?» — всего лишь 37% читателей ответили утвердительно, 33% — уклончиво и 30% — отрицательно. Из числа последних более $\frac{2}{3}$ считали необходимым исправить создавшееся положение высадкой британских войск в Западной Европе¹³⁴.

Примерно тогда же член парламента Клемент Девис, выступая в палате общин, заявил: «Палата только что возобновила свою работу после каникул, и я совершенно уверен, что достопочтенные члены палаты встречались со своими избирателями. Я бросаю вызов любому члену палаты — кто сможет отрицать, что первый из заданных нам вопросов был: «Что мы собираемся делать, чтобы помочь России? Знаете ли вы о том, когда мы сделаем что-нибудь?» Задают и такой вопрос: «Когда же начнется война на втором фронте?»» Девис констатировал, что именно эти вопросы волнуют английский народ¹³⁵. Усилить борьбу за оказание эффективной военной помощи Советскому Союзу призывала Коммунистическая партия Великобритании, подчеркивая, что «мы (Англия и СССР. — В. К.) ведем общую войну и у нас общий враг»¹³⁶.

Эти требования общественности, разумеется, были хорошо известны британскому правительству. Впоследствии Черчилль писал в своих мемуарах, что его жена говорила ему о растущем беспокойстве и огорчениях народа в связи с тем, что Англия не оказывала военной помощи Советскому Союзу. Но, продолжал он, «я сказал ей, что о втором фронте не может быть и речи и единственное, что мы будем в состоянии сделать в течение долгого времени, — это посылать в большом количестве все виды снабжения»¹³⁷.

Следует, однако, отметить, что английская общественность, которая, конечно, не могла знать ни стратегических планов, ни военных возможностей Великобритании, исходила лишь из общего понимания

¹³³ Р. Шервуд. Указ. соч., т. I, стр. 560.

¹³⁴ «News Chronicle», 12.IX 1941; см. также: В. Л. Израэлян. Указ. соч., стр. 82.

¹³⁵ «Parliamentary Debates. House of Commons. Official Reports», v. 374, col. 138—139.

¹³⁶ W. Wainwright. The Second Front. London, 1941.

¹³⁷ W. Churchill. Op. cit., v. III, p. 421.

необходимости совместных с СССР военных действий против фашистской Германии. Поэтому она в этот период ограничивалась главным образом требованиями, подчас весьма деликатными, открыть второй фронт. В большинстве случаев имелось в виду, что этим будет оказана помощь Советскому Союзу.

Более глубокая критика действий военного кабинета исходила от некоторых дипломатов и членов правительства, частично посвященных в тайны английской политики и военной стратегии. Например, 3 сентября 1941 г. британский посол Стаффорд Крипс доносил из Москвы: «Очевидно, что, если мы сейчас же, в последний возможный момент, не сделаем какого-то сверхчеловеческого усилия, русский фронт потеряет для нас всякое значение не только на ближайшее время, но, может быть, и навсегда. Мы весьма неудачно считали, что война, ведущаяся здесь, не имеет к нам никакого отношения. Я еще раз подчеркиваю, как жизненно важно для нас сейчас приложить максимум усилий для оказания помощи на этом фронте, коль скоро мы хотим, чтобы он был эффективным»¹³⁸. Но этот полный трагизма документ, как и послание Сталина, не тронул Черчилля. Он отстаивал свою линию — для открытия второго фронта нет возможностей. Своему же послу он ответил в весьма резкой форме: «Когда вы говорите о «сверхчеловеческих усилиях», вы имеете в виду, я полагаю, усилия, выходящие за пределы пространства, времени и географических понятий. К сожалению, нам этого не дано»¹³⁹.

В середине декабря тот же посол, направляя в Лондон заявление Наркоминдела СССР о решимости Советского Союза защищать Москву любой ценой и продолжать войну до победы, писал еще резче: «Они (русские. — В. К.), очевидно, испытывают очень большое давление, и моему сердцу причиняет боль, что наша помощь настолько задерживается, что равнозначна большой победе для немцев»¹⁴⁰.

Не менее интересна в этом отношении записка, подготовленная Бивербруком примерно в середине октября, по возвращении из Москвы, в которой он «изложил доводы в пользу второго фронта для помощи русским». Заявляя, что английские военные руководители постоянно проявляли нежелание предпринять наступательные действия, он подверг критике британскую стратегию, которая все еще основывалась на планах далекого будущего и не учитывала требования и возможности момента. «Сегодня, — писал он, — есть только одна военная проблема — как помочь России. Однако по этому вопросу начальники штабов довольствуются разговорами о том, что ничего не можем сделать для России. Мы можем, как только мы решим пожертвовать долгосрочными проектами и общей военной концепцией, которая, хотя ее все еще лелеют, окончательно устарела в тот день, когда на Россию было совершено нападение».

¹³⁸ Цит. по: Дж. Батлер, Дж. Гуайер. Указ. соч., стр. 163—164.

¹³⁹ W. Churchill. Op. cit., v. III, p. 410.

¹⁴⁰ E. Estoric. Stafford Crips. A Biography. London, 1949, p. 285.

Далее Бивербрук высказал следующие не лишённые здравого смысла соображения: «Сопrotивление русских даёт нам новые возможности. Оно, вероятно, отвлекло от Западной Европы немецкие войска и на время воспрепятствовало наступательным действиям держав оси на других театрах возможных операций. Оно создало почти революционную ситуацию во всех оккупированных странах и открыло 2 тыс. миль побережья для десанта английских войск. Однако немцы могут безнаказанно перебрасывать свои дивизии на Восток именно потому, что наши генералы до сих пор считают континент запретной зоной для английских войск, а восстание, когда оно произойдет, будет рассматриваться как преждевременное и даже как несчастье, потому что мы не готовы к нему. Начальники штабов хотели бы, чтобы мы ждали, пока на последнюю петру не будет пришита последняя пуговица, и лишь тогда предприняли наступление. Они игнорируют нынешнюю благоприятную возможность».

Бивербрук подчёркивал, что нападение на СССР создало для Англии не только новые возможности, но и новую опасность. Отмечая, что если СССР потерпит поражение, то Гитлер сможет направить все силы против Англии, он заявлял: «... С нашей стороны ждать сейчас — безумие. Мы должны нанести удар, пока ещё не поздно»¹⁴¹.

Мнение Бивербрука интересно тем, что он уже в то время видел пороки английской политики, не учитывавшей существенных изменений в обстановке, вызванных нападением Германии на СССР. Он не только понимал, насколько опасно для Великобритании затягивать открытие второго фронта, но и видел возможность создания последнего. Будучи советником Черчилля и занимая посты министра авиационной промышленности, государственного министра, а затем (с 29 июня 1941 г.) министра снабжения, Бивербрук имел определённое представление как о стратегической обстановке, так и о возможностях Великобритании. Поэтому его оценка условий для открытия второго фронта, которые он считал в то время благоприятными, имела серьёзные основания.

И все же критические замечания лорда Бивербрука основывались на точке зрения, мало чем отличавшейся от точки зрения Черчилля. Оба они стремились к тому, чтобы советско-германский фронт как можно дольше поглощал основные силы и ресурсы Германии. Бивербрук лишь шел дальше Черчилля в способах достижения этой цели. Не связывая проблему второго фронта со сроками войны в Европе, общесоюзными интересами и с осуществлением национальных целей английского народа, он считал, что только вторжение британских войск на европейский континент может спасти Красную Армию от казавшегося многим неизбежного разгрома. Поэтому второй фронт был для него одним из средств военной помощи Советскому Союзу.

Требования открыть второй фронт в Европе высказывались и в США.

¹⁴¹ Р. Шервуд. Указ. соч., т. I, стр. 612—613.

В сентябре 1941 г. крупные организации профсоюза работников связи, входившего в Конгресс производственных профсоюзов (КПП), приняли резолюцию, в которой говорилось: «Основным фронтом по уничтожению фашизма в настоящее время является Восточный фронт, где русский народ ведет великодушную борьбу в защиту своей родины. Мы призываем Рузвельта и Черчилля открыть новую базу операций против Гитлера — на Западном фронте и тем самым создать подлинную войну на два фронта против Гитлера»¹⁴².

Необходимо, однако, отметить, что даже те из политических деятелей США, которые были известны как реалисты, выступали за создание второго фронта из соображений, аналогичных точке зрения Бивербрука.

Известный конгрессмен Маркантонио, выступая 16 октября в палате представителей, предложил отправить экспедиционные войска США для участия в открытии Западного фронта. Свое предложение он мотивировал следующим образом: «Представьте себе мир, в котором Советская Россия окажется побежденной и будет находиться в руках Гитлера со всеми ее природными и промышленными ресурсами, ее огромными запасами нефти, со всем, что необходимо Гитлеру для существования его плана мирового господства. Что это будет означать для Великобритании и Соединенных Штатов? Поражение Советского Союза настолько ободрит соглашательские силы в Англии, что это может привести к устранению парламента, людей типа Черчилля и появлению на их месте таких, которые готовы заключить между Великобританией и Германией мир путем переговоров. А такой мир между Англией и Гитлером был бы в действительности... капитуляцией, ибо Англия, возглавляемая соглашателями, была бы Англией в распоряжении нацистов во всех отношениях, особенно с точки зрения защиты нашего народа и наших национальных интересов. Более того. Что это будет означать в Соединенных Штатах? Поражение Советского Союза, помимо военной опасности... будет означать, что мы окажемся перед реальной возможностью поражения изнутри. Здесь также соглашательские силы могут получить перевес вследствие победы Гитлера в Европе, в том числе и в Советском Союзе». Далее он подчеркнул, что поражение Советского Союза вдохновило бы Японию на новые агрессивные акты, усилило бы ее позиции на Дальнем Востоке¹⁴³.

Поскольку же США оставались невоюющей страной, подобные заявления не имели здесь в то время практического значения. Впрочем, они не оказывали влияния и на правительство Англии, хотя она не только находилась в состоянии войны с гитлеровской Германией, но и вступила в военный союз с СССР.

Конечно, Советский Союз нуждался в то время в военной помощи, однако это было только частью общей проблемы, суть которой, как

¹⁴² И. Земсков. Дипломатическая история второго фронта. — «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 73.

¹⁴³ «Congressional Record», v. 87, № 184, p. 8196—8198.

отмечалось выше, состояла в том, чтобы заставить фашистскую Германию рассредоточить свои силы между двумя фронтами и тем лишить ее преимуществ, получаемых в результате ведения вооруженной борьбы только на одном фронте. Наиболее целесообразно было именно так использовать силы складывавшейся антифашистской коалиции, чтобы скорее вырвать из рук противника стратегическую инициативу и навязать ему способ военных действий, не позволяющий создавать преимущества ни на одном из фронтов. Поэтому нельзя не признать вполне оправданным следующий упрек Черчиллю, содержащийся в послании главы Советского правительства от 13 сентября 1941 г.: «Я изложил в своем послании (от 3 сентября. — *В. К.*) мнение Правительства СССР о создании второго фронта как основного средства улучшения нашего общего дела. В ответ на Ваше послание, где Вы вновь подчеркиваете невозможность создания в данный момент второго фронта, я могу лишь повторить, что отсутствие второго фронта льет воду на мельницу наших общих врагов»¹⁴⁴.

Как отмечалось выше, английское и американское правительства были весьма заинтересованы в сохранении советско-германского фронта. Например, 19 августа 1941 г. во время завтрака с королем Георгом VI Черчилль сказал: «Если к весне Россия будет разбита и выведена из войны, а Германия возобновит ее блицкриг здесь (на Западе. — *В. К.*), все наши надежды на победу и помощь со стороны США будут тщетны, если Америка не пришлет к тому времени большого количества самолетов и другого...»¹⁴⁵. Советское послание от 3 сентября и беседа с И. М. Майским вызвали у Черчилля опасение, что СССР не сможет продолжать сопротивление германской агрессии. 5 сентября он с беспокойством писал Рузвельту: «Советский посол вручил вчера вечером мне и Идену прилагаемое послание (от 3 сентября. — *В. К.*) и в туманных выражениях говорил о серьезности положения и о том переломном значении, которое будет иметь наш ответ. Хотя ничего из сказанного им не дает повода для такого предположения, мы не могли избавиться от впечатления, что они, возможно, думают о сепаратном мире... У меня такое чувство, что момент, пожалуй, носит решающий характер»¹⁴⁶.

Однако это «впечатление» оказало тогда влияние на политику английского правительства только в том смысле, что оно дало обещание оказать Советскому Союзу лишь материальную помощь, распространяя на него ленд-лиз¹⁴⁷, т. е. передачу вооружений взаимы или в аренду.

Черчилль в директиве лорду Бивербруку, направлявшемуся для ведения переговоров в Москву, предписывал: «Россию надо заверить

¹⁴⁴ «Переписка...», т. I, стр. 22.

¹⁴⁵ *B. Gardner*. Churchill in Power. As Seen by His Contemporaries. Boston, 1970, p. 131.

¹⁴⁶ *W. Churchill*. Op. cit., v. III, p. 409.

¹⁴⁷ См. *И. М. Майский*. Указ. соч., стр. 174.

в том, что с 1 июля 1942 г. по 30 июля 1943 г. квоты наших поставок будут увеличены. В этот период военное производство Англии достигнет своей вершины. То же относится и к военному производству Америки, вступающему в третий год своего развития»¹⁴⁸.

Но если ограничиться этим, — значит не понимать Черчилля, его политики. Давая столь определенные заверения, он всегда оставлял возможность не осуществлять их и искать другие решения. «Это поручалось Бивербруку сделать для того, чтобы вдохновить Россию на продолжительное сопротивление». Но тут же ему рекомендовалось не сообщать Советскому правительству об имеющих место в Лондоне оптимистических предсказаниях по поводу ожидаемого уровня англо-американского производства, а, напротив, обратить внимание русских на трудности транспортировки грузов, вызванные нехваткой судов¹⁴⁹.

Позиция Великобритании оказала некоторое влияние на правительство США. Рузвельт в свою очередь извещал Сталина в письме, переданном американским послом в СССР Штейнгардтом 30 сентября 1941 г. в связи с поездкой Аверелла Гарримана в Москву: «Г-ну Гарриману хорошо известно стратегическое значение Вашего фронта, и он сделает, я уверен, все, что сможет, для успешного завершения переговоров в Москве... Я не могу передать Вам, насколько мы все восхищены доблестной оборонительной борьбой советских армий. Я уверен, что будут найдены пути для того, чтобы выделить материалы и снабжение, необходимые для борьбы с Гитлером на всех фронтах, включая Ваш собственный»¹⁵⁰.

Что касается взаимных поставок, то в этой области важное значение имел успех Московской конференции представителей СССР, США, Великобритании, состоявшейся 29 сентября—1 октября 1941 г. На ней было достигнуто соглашение, по которому США и Великобритания обязались поставлять в СССР вооружение, технику, металл, бензин и другие стратегические материалы, а Советский Союз — выделить своим союзникам некоторые виды промышленного сырья. Наконец, 7 ноября того же года Рузвельт распорядился распространить на Советский Союз действия так называемого закона о ленд-лизе¹⁵¹.

¹⁴⁸ *W. Churchill. Op. cit., v. III, p. 764.*

¹⁴⁹ *Ibidem.*

¹⁵⁰ «Переписка...», т. II, стр. 11.

В США были и противники военных поставок Советскому Союзу. Хотя они не имели решающего влияния на политику правительства, однако приносили немало вреда. Об этом можно судить хотя бы по письму Г. Гопкинса. «Я получил, — писал он Черчиллю в конце сентября 1941 г., — сообщение от Аверелла (Гарримана. — *В. К.*) из Москвы, и, пока миссия находится там, я все свое время посвящаю действиям в ее интересах в Вашингтоне. Здесь все еще имеется поразительно много людей, не желающих помогать России. Они, как кажется, не способны усвоить своими тупыми головами стратегическое значение этого фронта» (см. *Р. Шервуд. Указ. соч., т. I, стр. 614*).

¹⁵¹ «Documents of American Foreign Relations», v. IV (July 1941—June 1942). Boston, 1942, p. 607.

Итак, постепенно складывались сотрудничество и взаимопомощь союзников в области распределения материальных средств. В решающей же области ведения войны — согласовании операций вооруженных сил антигитлеровской коалиции — не удавалось добиться положительных результатов.

Учитывая, что США продолжали оставаться невоюющим союзником, а правительство Великобритании отказывалось открыть второй фронт, Советское правительство больше не поднимало этого вопроса в последние месяцы 1941 г.¹⁵², хотя в то время немцы яростно рвались к Москве. Не обсуждался он и на Московской конференции трех держав, хотя, как писал впоследствии Черчилль, «неофициально русские продолжали требовать немедленного открытия второго фронта. . .»¹⁵³

Предпринимаемая экономические и дипломатические меры, Черчилль, по-видимому, хотел знать, какие военные шаги можно было бы сделать, чтобы в случае крайней необходимости заставить немцев ослабить давление на Советский Союз. Он дал указание начальникам штабов выяснить возможности Англии для решения этой задачи.

Последние сначала подумали о рейдах небольшими силами английских войск на континент Европы. К 8 сентября был даже заготовлен набросок плана вторжения английских войск на Котантенский полуостров. Но от этого намерения вскоре отказались, так как оно явно было обречено на провал из-за незначительных сил, выделяемых для его осуществления. Затем Черчилль предложил подумать над вторжением в Северную Норвегию, что, как он полагал, ослабило бы усилия немцев в России и облегчило эскортирование английских и американских судов в Мурманск¹⁵⁴. Проект такого плана, предусматривавшего вторжение в Норвегию в районе Тронхейма, был составлен в октябре, но начальники штабов тогда же признали его нецелесообразным. Их мнение поддержал и Черчилль¹⁵⁵.

Легкость, с какой британский премьер-министр соглашался откладывать рейды на континент даже ограниченными силами, была, как мы уже знаем, не случайной. Она выражала его истинные политические и стратегические устремления, которые неизменно оказывались сильнее возникавших время от времени соображений о необходимости начала военных действий по ту сторону Ла-Манша.

Ближайшие планы Черчилля были нацелены в противоположную сторону — на решение именно средиземноморской проблемы. Например, предложение Черчилля о подготовке плана вторжения в Норвегию, как писал он сам в послании Рузвельту 20 октября, имело не только «реальный элемент», но и просто «видимость» и преследо-

¹⁵² *И. Земсков*. Дипломатическая история второго фронта. — «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 70.

¹⁵³ *W. Churchill*. Op. cit., v. III, p. 419.

¹⁵⁴ *A. Bryant*. Op. cit., p. 256.

¹⁵⁵ *Ibid.*, p. 260—262.

вало лишь цель отвлечь внимание противника от английских приготовлений в районе Средиземного моря¹⁵⁶.

В первую очередь он имел в виду захватить г. Триполи в Ливии — главную африканскую базу противника, а затем с двух направлений (из Ливии силами 8-й английской армии и через Касабланку четырьмя дивизиями, переброшенными из Англии) вторгнуться во Французскую Северную Африку¹⁵⁷.

В жертву этим планам в то время и были принесены общесоюзнические цели войны в Европе. Что касается последних, то Черчилль ограничивался довольно неопределенными обещаниями. Так, еще в послании главе Советского правительства от 4 сентября он писал, что Англия готова выработать совместные с СССР планы на 1942 г., но и тут выражал опасение, что британские армии могут оказаться к тому времени еще недостаточно сильными для вторжения на европейский континент. Правда, он надеялся довести численность английских войск на Ближнем Востоке к лету 1942 г. до 1 млн. человек, которые, как он писал, могли бы после разгрома противника в Ливии включиться в борьбу на южном крыле советско-германского фронта и этим заставить Турцию хотя бы соблюдать честный нейтралитет¹⁵⁸.

В письме к послу Великобритании в Москве Стаффорду Крипсу от 5 сентября Черчилль более откровенно мотивировал откладывание вторжения на 1942 г. тем, что привлечение английского флота к проведению операции в Западной Европе в 1941 г. «парализовало бы поддержку армий (британских. — *В. К.*) на Ближнем Востоке и полностью прекратило бы наше (английское. — *В. К.*) судоходство в Атлантике»¹⁵⁹.

Еще более отчетливо выражена линия английского правительства в упоминавшейся выше директиве Черчилля лорду Бивербруку от 22 сентября, в которой он писал, что Англия «намерена предпринять операции на суше весной будущего года» только в том случае, «если это окажется осуществимым»¹⁶⁰. В отношении же «генерального наступления на Германию» Черчилль подчеркивал, что рассчитывает начать его в 1943 г., да и то лишь при условии, что США будут вовлечены в войну¹⁶¹, т. е. он отходил от предположений, высказывавшихся ранее начальником британских штабов.

Итак, первоочередной задачей английского правительства и военного командования стало намеченное на ноябрь наступление в Северной Африке.

Британский премьер-министр был столь занят ближневосточными проблемами, что даже месяц спустя в послании Советскому прави-

¹⁵⁶ *W. Churchill. Op. cit., v. III, p. 482—483.*

¹⁵⁷ *T. Higgins. Op. cit., p. 77.*

¹⁵⁸ См. «Переписка...», т. I, стр. 21.

¹⁵⁹ *W. Churchill. Op. cit., v. III, p. 409.*

¹⁶⁰ *Ibid., p. 766.*

¹⁶¹ *Ibid., p. 768.*

тельству, полученном в Москве 22 ноября, писал: «Если наше наступление в Ливии приведет, как мы надеемся, к уничтожению германских и итальянских армий там, то окажется возможным про- известить широкое рассмотрение проблем войны в целом с большей свободой, нежели это удавалось правительству его величества до сего времени»¹⁶².

Но и это обещание отнюдь не означало, что в случае успеха английских войск в Северной Африке Великобритания, наконец, предпримет согласованные с СССР военные действия в Западной Европе против гитлеровской Германии. Такого намерения, как явствует из мемуаров Черчилля, у него тогда не было. Вот что пишет он о своих планах того времени: «Я надеялся, что нам удастся одержать решающую победу в Западной пустыне и прогнать Роммеля обратно через Ливию и Триполитанию. Если бы все пошло хорошо, это могло бы привести к отпадению от Виши Туниса, Алжира и Марокко, а может быть, и к присоединению к нам самого Виши. . . Пока германская авиация была занята в России, мы держали наготове в Соединенном Королевстве одну бронетанковую и три полевые дивизии с достаточным количеством военно-морских судов, чтобы перебросить эти силы в любой пункт западной части Средиземного моря. Если бы мы захватили Триполи и Франция при этом не выступила, обладание Мальтой позволило бы нам напасть на Сицилию и тем самым открыть единственно возможный для нас, пока мы были одни на Западе (т. е. пока США не вступили в войну. — В. К.), «второй фронт» в Европе. Я не видел, что еще, если не считать операций в Норвегии, мы могли бы осуществить самостоятельно в 1942 г., как бы нам ни везло на поле боя»¹⁶³. План вторжения на Сицилию (операция «Уинкорд») уже готовился¹⁶⁴.

Существовало еще одно важное обстоятельство, усиливавшее желание Черчилля достичь военного успеха в Северной Африке. Он рассматривался как средство успокоения английского общественного мнения, обеспокоенного бездействием британских войск. Активизация последних на Ближнем Востоке должна была также убедить английский народ в невозможности предпринять военные действия в другом районе. В письме от 25 октября 1941 г. министру-резиденту на Среднем Востоке Черчилль заявлял: «. . . Надо понять, что мы не можем ограничиться продвижением в Ливии, оставаясь пассивными в других районах. Мне уже были предъявлены требования русских. . . Растущее недовольство английского народа, который считает, что мы ничего не предпринимаяем, не позволит без конца противиться таким требованиям»¹⁶⁵.

Таким образом, можно считать установленным, что в течение всей второй половины 1941 г. правительство и военное командование

¹⁶² «Переписка. . .», т. I, стр. 32—33.

¹⁶³ *W. Churchill*. Op. cit., v. III, p. 479.

¹⁶⁴ *Ibidem*.

¹⁶⁵ *Ibid.*, p. 488.

Англии не ставили перед собой задачи осуществить вторжение крупных британских войск на континент Европы с целью открытия второго фронта. Во-первых, они не хотели делать это только своими силами, а во-вторых, были заняты преимущественно одной проблемой — средиземноморской, с которой непосредственно связывались планы сохранения всей колониальной системы и, в частности, захвата Северной Африки. При осуществлении этого замысла они воспользовались тем, что основные силы фашистской Германии увязли в войне против СССР. В то же время английское правительство не торопилось оказать помощь советскому союзнику.

Обстановка на Восточном фронте оставалась тогда весьма напряженной, и Советский Союз один, без чьей-либо военной помощи, вел войну в Европе против главных сил фашистской коалиции. В этих условиях Советское правительство вынуждено было публично заявить о существовании проблемы второго фронта. 6 ноября 1941 г. в докладе, посвященном 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, И. В. Сталин отметил, что одна из причин неудач Красной Армии состояла в отсутствии второго фронта в Европе и что его создание в ближайшее время существенно облегчило бы положение советских войск в ущерб немецким¹⁶⁶.

Поскольку английское правительство не предпринимало никаких шагов в сторону согласованных военных действий в Европе, встал вопрос о заключении специального договора между Великобританией и СССР, который регламентировал бы их отношения в войне. Поэтому почти одновременно с такой апелляцией к мировой общественности Сталин направил 8 ноября Черчиллю послание, в котором отметил, что договоренность по вопросу о военном снабжении Советского Союза имеет положительное значение, но этим не исчерпывается вопрос о взаимоотношениях между Великобританией и СССР в войне. При этом Сталин подчеркнул, что между союзниками не существовало тогда договоренности «о целях войны и о планах организации дела мира после войны...», не существовало также «договора между СССР и Великобританией о военной взаимопомощи в Европе против Гитлера», а это не позволяло внести ясность в англо-советские взаимоотношения и, более того, не обеспечивало и взаимного доверия¹⁶⁷. Вскоре после этого «Правда» опубликовала передовую статью и другие материалы, в которых выражалась уверенность, что второй фронт будет создан в ближайшем будущем¹⁶⁸.

Официальное заявление по этому вопросу было сделано и советским послом в Лондоне И. М. Майским. Выступая 21 ноября на приеме, устроенном Комитетом англо-советских общественных отношений, он сказал, что «Германия может быть окончательно побеждена только на континенте (и каждый из союзников должен способствовать достижению этой цели). Угроза гитлеризма будет окон-

¹⁶⁶ См. «Правда», 7.XI 1941.

¹⁶⁷ «Переписка...», т. I, стр. 31.

¹⁶⁸ «Правда», 14.XI 1941.

чательно устранена, лишь когда германская армия будет абсолютно уничтожена и раздавлена»¹⁶⁹.

Эта речь и упомянутое выше заявление Советского правительства нашли широкий отклик в общественных кругах Англии. «Ивнинг стандарт», касаясь в редакционной статье вопроса о том, что победа над Германией может быть достигнута лишь на континенте, писала: «От этого факта нельзя уйти. Англо-советский союз найдет свое проявление в совместном использовании наземных войск обеих сторон против ядра сил противника. Мы должны готовиться к этому дню»¹⁷⁰.

Послание И. В. Сталина, написанное в резких выражениях, вызвало у Черчилля крайнее возбуждение¹⁷¹. Но обстоятельство войны, заинтересованность Англии в союзе с СССР заставили его подавить гнев и написать ответное послание, которое было получено в Москве 22 ноября. В нем высказывалась надежда на возможность урегулирования острых спорных вопросов в ближайшем будущем. Намеченные операции союзных армий в Африке он выдавал за меры по подготовке благоприятных условий для последующих более широких и решительных действий. Он высказал намерение рассмотреть и широко и свободно обсудить проблемы, связанные с дальнейшим ведением войны. Далее он сообщал, что с этой целью готов командировать в Москву для переговоров А. Идена, которого будет сопровождать высокопоставленные военные и другие эксперты. В конце послания Черчилль снова сделал намек на возможность более тесного военного сотрудничества в ближайшем будущем. «Вполне возможно, — писал он, — что оборона Москвы и Ленинграда, так же как и блестящее сопротивление, оказываемое захватчику на всем русском фронте, нанесет смертельные раны внутренней структуре нацистского режима. Но мы не должны рассчитывать на такой счастливый исход, а должны просто продолжать наносить им удары изо всех сил»¹⁷².

Опять формулировки с двойным смыслом: намек на готовность взять на себя более конкретные обязательства, но без указания их. Эти формулировки свидетельствовали, во-первых, о том, что Великобритания вынуждена считаться с авторитетом Советского Союза даже несмотря на труднейшее положение последнего. Во-вторых, они все-таки давали надежду решить спорные вопросы между союзниками путем переговоров, не доводя дела до разрыва. Конфликт между главами двух правительств был улажен. Открылись еще большие возможности для тесного военного сотрудничества между обеими странами против общего врага. Черчилль в своем письме высказал мысль, с которой полностью согласился Сталин. Суть ее следующая: «Тот факт, что Россия является коммунистическим государством и что Британия и США не являются такими государствами

¹⁶⁹ «Правда», 22.XI 1941.

¹⁷⁰ «Правда», 25.XI 1941.

¹⁷¹ См. *И. М. Майский*. Указ. соч., стр. 180—182.

¹⁷² См. «Переписка...», т. II, стр. 32—33.

и не намерены ими быть, не является каким-либо препятствием для составления нами хорошего плана обеспечения нашей взаимной безопасности и наших законных интересов»¹⁷³.

Антифашистская коалиция вопреки всем невзгодам, противоречиям и трудностям вступила в новый этап своего существования.

Подводя итог, отметим, что идея второго фронта в Европе возникла с самого начала складывания антигитлеровской коалиции и выражала объективную необходимость развертывания и согласования действий основной массы ее сил против фашистского блока. Она отражала также наличие возможностей для ее осуществления. Эту идею поддерживали как СССР, так и прогрессивные антифашистские круги Великобритании, США и других стран. Она имела сторонников и в правительствах США и Англии.

Но позиции всех этих сил в отношении открытия второго фронта в 1941 г. были принципиально различными. Советское правительство, а также английские, американские и другие антифашисты видели в нем возможность сокращения сроков войны, уменьшения ее тягот и жертв. Представители же правящих кругов Великобритании и США (Бивербрук, Девис, Маркантонио, Батт и др.) выступали за немедленное вторжение английских и даже американских войск в Западную Европу только потому, что опасались еще большего усиления гитлеровской Германии и укрепления позиций профашистских сил в своих странах в случае поражения Советского Союза. Первые были последовательными борцами за открытие второго фронта, вторые — могли пойти на соглашение с его противниками, если бы исчезла опасность быстрого поражения и выхода СССР из войны.

Борьба за открытие второго фронта в этот период велась преимущественно Советским Союзом по дипломатическим каналам и во время переговоров с союзниками. Однако в нее уже тогда стихийно включились прогрессивные, патриотические силы Англии, видевшие опасность для своей страны в бездействии ее вооруженных сил. Впрочем, английская общественность главным образом ограничивалась просьбами к правительству об оказании военной помощи Советскому Союзу. Выступления оппозиционных групп в английском парламенте и американском конгрессе также не выходили за эти границы.

Что касается правительств Великобритании и США в целом, то они рассматривали второй фронт лишь как последний акт войны в Европе, которому, по их мнению, должна была предшествовать длительная борьба на периферии, вдали от жизненно важных центров фашистской Германии. Пользуясь тем, что главные немецко-фашистские силы находились на Восточном фронте, правительство Англии намеревалось при поддержке США прежде всего решить свои собственные задачи в бассейне Средиземного моря и на Ближ-

¹⁷³ Там же, стр. 33.

нем Востоке, а вопрос об открытии второго фронта в 1941 г. всерьез не рассматривало. Поскольку при этом основная тяжесть войны перекладывалась на Советский Союз, что вполне устраивало английское и американское правительства, то они с самого начала взяли курс на откладывание открытия второго фронта в Европе. Но уже в то время наметилась тенденция предпринять ограниченные действия английских вооруженных сил в Европе в случае складывания чрезвычайного положения на советско-германском фронте, хотя это не пошло дальше выявления предпосылок и возможностей.

Решающие перемены в этой политике должен был, как казалось, принести наступающий 1942 год.

Стратегия коалиционной войны зимой 1941/42 г.

Первая Вашингтонская конференция

В конце 1941 г. условия второй мировой войны изменились.

5 декабря Красная Армия перешла в контрнаступление под Москвой, которое затем переросло в общее наступление. Оно продолжалось всю зиму и поставило в трудное положение гитлеровскую Германию. «Невозможно описать то чувство облегчения, — писал 16 декабря 1941 г. Черчилль главе Советского правительства, — с которым я каждый день узнаю о Ваших замечательных победах на русском фронте. Я никогда еще не чувствовал себя столь уверенным в исходе войны»¹.

Укреплению положения англичан способствовали успешное развитие операций их войск в Ливии, развертывание действий британского флота на коммуникациях противника в Средиземном море².

Наконец, в эти же дни США стали воюющим союзником Великобритании и СССР, что означало увеличение материальных ресурсов и прежде всего вооруженных сил антигитлеровской коалиции³.

Итак, условия войны против фашистского блока в Европе изменились в пользу антигитлеровской коалиции. На Дальнем же Востоке поражение американского флота в Пёрл-Харборе создало благоприятные условия для развития наступательных действий японцев в западной части Тихого океана⁴.

Перед правительствами США и Великобритании встал теперь уже практически вопрос об определении совместной, коалиционной стратегии.

¹ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (далее — «Переписка...»), т. I. М., 1957, стр. 35.

² См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 2. М., 1961, стр. 585.

³ США вступили в войну на Тихом океане после того, как 7 декабря 1941 г. японский флот и авиация напали на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор (Гавайские острова). 11 декабря войну Соединенным Штатам объявили Германия и Италия.

⁴ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 2, стр. 596—597.

Для обсуждения основных стратегических планов в Вашингтоне состоялась англо-американская конференция, получившая название «Аркадия».

Англичане предложили следующую повестку дня: «1) главные цели объединенной стратегии; 2) конкретизация пункта 1 путем разработки срочных военных мероприятий, включая перегруппировку сил; 3) распределение объединенных сил в соответствии с пунктом 1; 4) принятие на основе пункта 1 долгосрочного плана мероприятий, в том числе мобилизации сил и средств, необходимых для победы; 5) создание объединенного аппарата для осуществления пунктов 2, 3 и 4»⁵.

Совершенно очевидно, что указанные в повестке дня вопросы следовало бы согласовать и с другими членами антигитлеровской коалиции, прежде всего с СССР, который нес на себе в то время всю тяжесть войны. Однако Черчилль в послании, полученном в Москве 16 декабря, ограничился обещанием телеграфировать из Вашингтона «полную информацию о положении дел»⁶. Со своей стороны Рузвельт тогда же писал Сталину, что «крайне важно предпринять немедленно шаги с целью подготовки почвы для совместных действий не только на ближайшие недели, но также для окончательного поражения гитлеризма», одновременно он выразил сожаление по поводу того, что такая встреча глав правительств невозможна⁷.

Тот факт, что советские представители не были приглашены на конференцию, свидетельствовал о наличии уже тогда в составе антифашистской коалиции англо-американской группировки, которая пыталась выработать и проводить свою собственную стратегию.

Такая политика с самого начала входила в противоречие с основными принципами антифашистской коалиции, провозглашенными в подписанной 1 января 1942 г. декларации представителей 26 государств, среди которых были СССР, США, Англия и Китай. Она была подготовлена в результате переговоров, происходивших в Вашингтоне одновременно с конференцией «Аркадия», и недвусмысленно предусматривала согласование не только экономических, но и военных усилий в войне против фашистского блока. Декларация гласила, что подписавшие ее правительства берут на себя обязательства «употребить все свои ресурсы, военные и экономические, против тех членов тройственного пакта и присоединившихся к нему, с которыми это правительство находится в войне... Каждое правительство обязуется сотрудничать с другими правительствами, подписавшими сие...»⁸ Подписанием декларации в основном завершался процесс складывания антифашистской коалиции.

В пути из Англии в США на корабле «Дьюк оф Йорк» Черчилль

⁵ М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Стратегическое планирование. М., 1957, стр. 114.

⁶ «Переписка...», т. I, стр. 35.

⁷ Там же, т. II, стр. 15.

⁸ «Правда», 3.I 1942.

и сопровождавшие его члены британской делегации⁹ разработали одновременно с приведенным выше проектом повестки дня конференции еще три документа, в которых была изложена английская точка зрения на план ведения войны союзниками.

Первый из этих документов, озаглавленный «Атлантический фронт», содержал оценку обстановки в Европе, Африке и на Атлантическом океане и предложения по стратегии союзников. Его авторы отмечали, что провал планов Гитлера и поражение немецких войск на советско-германском фронте в то время являлись фактами «первостепенной важности в ходе войны», и высказывали мнение, что теперь фашистской Германии вместо предполагавшейся быстрой и легкой победы предстояло «в течение всей зимы выдерживать кровопролитные бои, которые потребуют огромного количества вооружения и горючего». Далее следовало такое соображение: «Ни Великобритании, ни Соединенным Штатам не придется принимать участие в этой борьбе, за исключением того, что мы должны обеспечить точную и своевременную отправку обещанных нами материалов. Только таким путем мы сможем оказывать наше влияние на Сталина и включить мощные усилия русских в общий ход войны»¹⁰.

Иными словами, одной из важнейших задач конференции ставилась выработка путей и методов подчинения борьбы Советского Союза интересам Великобритании и США, а также распространения их влияния на Советское правительство. Уже в самой формулировке вопроса выражалось стремление правительства Черчилля поставить Советский Союз, неспий на себе основные тяготы войны против фашистского блока, в неравное и неравноправное положение по сравнению с Великобританией и США.

Такой политике соответствовали и предложения относительно действий вооруженных сил западных союзников против Германии. Общий их смысл сводился к следующему: «... Война на Западе в 1942 г. будет включать в качестве основных наступательных операций захват и установление контроля Великобританией и Соединенными Штатами над всеми французскими владениями в Северной и Западной Африке, а также установление английского контроля над всем североафриканским побережьем от Туниса до Египта, что обеспечит, если это позволит обстановка на море, свободный переход через Средиземное море к Леванту и Суэцкому каналу»¹¹. Для осуществления этих задач, по мнению английской делегации, необходимо было сохранить господство военно-морских флотов и авиации союзников в Атлантике и обеспечить надежную оборону Британских островов.

⁹ В ее составе были член военного кабинета лорд Бивербрук, начальник морского штаба адмирал Паунд, начальник штаба военно-воздушных сил маршал авиации Портал и фельдмаршал Дилл, только что замещенный на посту начальника имперского генерального штаба генералом Аланом Бруком (*W. Churchill. The Second World War, v. III. London, 1950, p. 555*).

¹⁰ *W. Churchill. Op. cit., v. III, p. 574.*

¹¹ *Ibid., p. 578.*

Во втором документе рассматривались мероприятия, которые предполагалось осуществить для восстановления господства союзников на Тихом океане к середине 1942 г., а в третьем, названном «Кампания 1943 г.»¹², заявлялось, что война может закончиться лишь в результате разгрома германских армий в Европе или внутреннего краха в Германии, вызванного неблагоприятным для немцев ходом войны, экономическими лишениями и наступательными операциями союзной бомбардировочной авиации¹³. О роли сухопутных сил в войне говорилось то же самое, что и на Атлантической конференции, а именно: «Не следует думать, что потребуются войска очень большой численности. Если вторжение бронетанковых частей будет успешным, то восстание местного населения, для которого необходимо будет доставить оружие, обеспечит необходимые силы для наступления с целью освобождения данной страны. 40 бронетанковых дивизий, по 15 тыс. в каждой, или равное им количество войск, разбитое на танковые бригады, — почти половину их попытается выделить Великобритания — составят в общей сложности 600 тыс. человек. Помимо этих бронетанковых сил еще одного миллиона солдат других видов оружия будет достаточно, чтобы вырвать огромные территории из-под господства Гитлера. Однако после того как эти кампании будут развернуты, для них потребуется доставлять снабжение в огромных количествах. К концу 1942 г. наше промышленное производство и обучение кадров должны быть развиты до необходимого уровня»¹⁴.

Из рассмотренных документов видно, что их авторы намечали выиграть войну в Европе в 1943 или 1944 г. и делили ее на три периода: «1) замыкание кольца, или действия в Северной Африке и в районе Средиземного моря; 2) освобождение поработанных народов путем вторжения на европейский континент; 3) конечное наступление на Германию»¹⁵.

Итак, Черчилль и английские начальники штабов не планировали открытие второго фронта по крайней мере до 1943 г. И о своих соображениях Черчилль считал нужным заявить во всеуслышание, что, естественно, еще больше развязало бы руки гитлеровской Германии для действий против СССР. «Возможно, — писал он, — что для нас было бы полезно объявить теперь о своем намерении направить в 1943 г. войска для освобождения Европы»¹⁶.

Более того, он осуществил это, хотя и в общем плане, без указания конкретных дат, в речи в канадском парламенте 30 декабря 1941 г., транслировавшейся по радио. Он заявил, что в первый период войны предстояло завершить консолидацию, объединение и окончательную подготовку. По мнению Черчилля, он, безусловно,

¹² W. Churchill. Op. cit., v. III, p. 582.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibid., p. 583—584.

¹⁵ Ibid., p. 585.

¹⁶ Ibid., p. 584.

«будет отмечен тяжелыми боями», но смысл его в том, чтобы накапливать силы, сопротивляясь нападениям врага и постепенно обеспечивая необходимое подавляющее превосходство в воздухе и достаточный тоннаж, чтобы гарантировать союзным армиям любой необходимой численности возможность пересекать моря и океаны, которыми они отделены от своих противников.

Ко второму периоду британский премьер-министр относил действия союзных армий по «освобождению территорий», которые англичане и их союзники уже потеряли или могли еще потерять. Он также допускал возможность восстания порабощенных народов, которое могло произойти в тот момент, когда шедшие им на помощь освободительные армии и воздушные силы появились бы в значительном количестве на их территории.

Затем, наконец, должен был наступить третий, последний период — «наступление на цитадели и метрополии стран — виновниц войны как в Европе, так и в Азии»¹⁷.

Получив такую информацию о плане противника и добавив разведывательные данные, немецкому генеральному штабу не трудно было определить, когда примерно могла возникнуть реальная угроза для Германии в Западной Европе.

Американская сторона на этот раз лучше подготовилась к встрече со своим союзником и обсуждению с ним основных принципов совместной стратегии, хотя инициатива в постановке вопросов все еще оставалась в руках англичан. Об этом свидетельствует тот факт, что во всех документах, которые везли на эту встречу американцы, не содержалось ни одного оригинального предложения; все их соображения являлись реакцией на английскую концепцию ведения войны. Вместе с тем в них более четко, чем прежде, были выражены стратегические интересы и цели США как в виде прямых утверждений, так и через вопросы, которые американская сторона намеревалась обсудить со своим союзником.

Министр обороны Генри Стимсон вручил 20 декабря президенту меморандум¹⁸, в котором содержались соображения американского военного ведомства по предложенной англичанами повестке дня конференции. В этом документе все вероятные для США театры военных действий были разделены на две группы: главный — североатлантический, в который включалась и Западная Европа, и «другие» театры — в их числе тихоокеанский, западноафриканский, средневосточный (Сирия и Ирак) и ближневосточный (Египет и Ливия). В меморандуме отмечалось, что на предыдущих переговорах союзники договорились считать Североатлантический театр главным, решающим. Американцы стремились выяснить, останется ли это соглашение в силе, ибо они уже втянулись в сражения с японцами, потеряли обширные территории, в том числе многие ключевые пози-

¹⁷ Ibid., p. 602—603.

¹⁸ «Foreign Relations of the United States (далее — F. R.). The Conferences at Washington, 1941—1943, and Casablanca, 1943». Washington, 1968, p. 44—47.

ции, а потому считали для себя Тихоокеанский театр первостепенным. О Западноафриканском театре в меморандуме было написано, что он является жизненно важным для американцев в двух отношениях: для обеспечения авиационных и морских линий коммуникаций с Египтом, районом Персидского залива, Дальним Востоком и для предотвращения захвата немцами Дакара, опираясь на который они могли бы блокировать морские пути в Южной Атлантике и угрожать континенту Южной Америки.

В самом начале другого документа¹⁹ — записки, подготовленной Объединенным комитетом стратегического планирования и врученной президенту США 21 декабря, утверждалось, что «общей стратегической целью объединенных государств является разгром Германии и ее союзников». Первоначальная программа достижения этой цели намечалась такой: «укрепляя стратегическую оборону, проводить наступательные действия местного значения в наиболее подходящих для этого районах. В завершение всего провести всеобщее наступление (1) против Германии и ее европейских союзников, (2) против Японии». В записке далее перечислялись задачи, которые США были готовы выполнять в порядке подготовки всеобщего наступления: сотрудничать с Британской империей в создании надежных морских и авиационных коммуникаций и дополнительных военных баз, необходимых для осуществления этой задачи; восстановить положение на Филиппинах, в Голландской Восточной Индии, Австралии; в дальнейшем обеспечить безопасность Китая и юго-западного района Тихого океана; снабжать Россию, Китай и Великобританию оружием и боевым снаряжением насколько это будет возможно; создать воздушную и противовоздушную оборону важнейших прибрежных центров промышленности США и военно-морских баз; для обеспечения безопасности жизненно важных центров производства и источников сырья в Западном полушарии подготовить и развернуть необходимые силы; усилить военно-морской флот в центральном районе Тихого океана, включая значительное усиление гарнизона на Гавайях; добиться максимального развертывания военного, авиационного производства, а также строительства боевых кораблей и транспортных судов. Примерно такие же задачи были предусмотрены и для Великобритании. И только о Советском Союзе говорилось: «Продолжает наступательные операции против Германии».

Интересно отметить, что в записке содержалась констатация того факта, что «только Британская империя и Соединенные Штаты полагают войсками, достаточно свободными от давления со стороны противника или угрозы такого давления, что дает возможность свободно маневрировать ими». Отметив, что это создает определенные преимущества для обоих правительств, составители документа высказали предположение о возможном использовании этих войск для ре-

¹⁹ «F. R. The Conferences at Washington, 1941—1943. . .», p. 50—53.

пения изложенных выше задач. В записке предлагалось выработать на конференции согласованные программы развития военного производства и наращивания вооруженных сил обеих стран, создать Верховный союзный военный совет, а при нем объединенные комитеты — военно-плановый и снабжения, на которые возложить изучение проблемы антифашистской коалиции и подготовку рекомендаций для глав обоих правительств по вопросам политики, стратегии и снабжения. Конкретные предложения, содержащиеся во второй части документа, не вносили принципиально ничего другого во взгляды американцев на союзническую стратегию, изложенную в первой части.

Наконец, среди бумаг, лежавших перед президентом США накануне конференции, был меморандум, написанный руководителем службы информации Доновеном²⁰. По заданию последнего специальная исследовательская группа вместе с армейскими и морскими офицерами провела изучение Северной Африки и представила специальный доклад, на основе которого и был составлен меморандум. В результате политического, экономического и военного изучения проблемы составители доклада пришли к заключению, что «военные и политические преимущества от оккупации (американцами. — *В. К.*) Северо-Западной Африки по своей значимости будут гораздо большими, чем только стоимость этой потери для Германии». В меморандуме приводились важнейшие обоснования данного тезиса, суть которых мало отличалась от аргументов, изложенных в рассмотренной выше записке.

Два первых документа были обсуждены на совещании в Белом доме, состоявшемся 21 декабря, на котором присутствовали Рузвельт, Г. Гопкинс, Г. Стимсон, министр военно-морского флота Нокс, начальник штаба армии генерал Маршалл, начальник штаба флота адмирал Старк, главнокомандующий военно-морского флота адмирал Кинг, командующий военно-воздушными силами генерал-лейтенант Арнольд. Стимсон назвал это военное совещание одним из лучших и плодотворных за всю войну. У его участников было полное согласие «практически по всем проблемам» войны²¹.

Выработанная американской стороной еще до начала конференции платформа по существу почти ничем не отличалась от английской в части ведения согласованных операций против фашистского блока в Европе. Проблема второго фронта в процессе подготовки конференции американцами не рассматривалась. Иными словами, американская сторона намеревалась проводить ту же линию, что и на штабных переговорах «АВС», хотя обстановка к тому времени существенно образом изменилась. Поэтому на самой конференции серьезных расхождений между ее участниками не было.

И все-таки обсуждение вопроса о втором фронте состоялось на самой конференции, открывшейся 22 декабря и продолжавшейся три недели. Но подход к нему был весьма своеобразным: главы обоих

²⁰ «F. R. The Conferences at Washington, 1941—1943. . .», p. 54—55.

²¹ Ibid., p. 56.

правительство и их советники изучали «возможность осуществления какой-либо «жертвенной высадки» или открытия второго фронта американскими и английскими силами на континенте Европы летом 1942 г. в случае, если русский фронт окажется в серьезной опасности»²². Несколько позже, в феврале 1943 г., американский дипломат Форрест Дэйвис опубликовал статью, в которой утверждал, что Рузвельт и Черчилль в январе 1942 г. сказали советскому послу в США М. М. Литвинову, что американские и английские армии вторгнутся в Западную Европу в 1942 г., если руководители обеих стран увидят опасность неизбежности поражения Советского Союза²³.

Принципиальное отличие концепции второго фронта, которой придерживались западные союзники, от советской вполне очевидно.

Участники конференции уделили много внимания анализу военно-политической обстановки в мире и тем ее особенностям, которые возникли в связи с поражением немецких войск под Москвой и вступлением Японии и США во вторую мировую войну. В результате они согласились, что «Германия — главный член фашистского блока и соответственно — атлантический и европейский районы были определены как решающий театр войны». Это заключение основывалось на убеждении собравшихся, что, хотя Япония и вступила в войну, только поражение Германии могло явиться ключом к победе. В решении конференции было записано, что, «если Германии будет нанесено поражение, крах Италии и разгром Японии неизбежно последуют». На основе этого был сделан вывод: «...Кардинальный принцип американо-английской стратегии должен состоять в том, что от выполнения операций против Германии может быть отвлечен только минимум сил, необходимый для обеспечения жизненных интересов на других театрах войны»²⁴.

И анализ обстановки, и вывод из него для стратегии союзников соответствовали условиям ведения войны против фашистского блока. Об этом свидетельствует также то, что примерно такой же пункт содержался в упомянутой выше декларации 26 государств, подписанной 1 января 1942 г. Последовательное применение основного принципа принятой на конференции стратегии позволило бы использовать главные силы Советского Союза, США и Великобритании против Германии, значительно сократить сроки войны в Европе, после чего сосредоточить превосходящие силы против Японии. Таким путем антигитлеровская коалиция могла избежать распыления сил и материальных ресурсов между многими театрами войны, которое становилось неизбежным в случае ведения одним лишь Советским Союзом военных действий против главных сил фашистской Герма-

²² «F. R. The Conferences at Washington, 1941—1943...», п. 62.

²³ «Saturday Evening Post», 20.II 1943. Тот же Дэйвис 7 июля 1958 г. сообщил историческому отделу госдепартамента, что его статья была написана после разговора с Рузвельтом и до публикации просмотрена в Белом доме («F. R. The Conferences at Washington, 1941—1943...», п. 62).

²⁴ «F. R. The Conferences at Washington, 1941—1943...», п. 210, 214—215; см. также: М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 120.

нии и ее союзников в Европе, а США и Англии — против Японии и второстепенных войск Германии и Италии. Осуществление провозглашенного конференцией принципа давало также возможность объединить усилия союзников с действиями народов оккупированных стран Европы, поднимавшихся на борьбу против поработителей. Наконец, оно позволяло сначала добиться победы над более мощным противником, действуя против него основными силами, а затем переместить войска на другие театры военных действий и сокрушить его союзников.

Этот правильный принцип союзнической стратегии был, к сожалению, лишь декларирован участниками конференции. Они не подкрепили его конкретным планом действий вооруженных сил США и Великобритании, без чего он не имел никакой практической ценности. Подход же западных союзников к решению вопроса о втором фронте находился в противоречии с принятым ими основным принципом стратегии. Отношение к вторжению на континент Европы как к «принесению жертвы» во имя спасения союзника, которому грозит неизбежное поражение, в условиях начавшегося наступления Красной Армии под Москвой означало откладывание осуществления этой операции до решения задач в других районах. Об этом свидетельствуют решения, принятые конференцией по другим вопросам коалиционной стратегии.

Хотя Британские острова рассматривались как основные пункты, откуда могло быть осуществлено вторжение на континент Европы, начавшаяся еще в дни конференции переброска американских войск в Северную Ирландию (операция «Магнет») «вначале была в значительной степени пропагандистским мероприятием, имеющим целью укрепить боевой дух английского народа и убедить русских и народы оккупированных Германией стран в том, что крупные силы американцев прибывают на Европейский театр военных действий. Она должна была также показать немногим оставшимся в стране непреклонным изоляционистам, что Рузвельт не обращает внимания на их требования вести войну на оборонительной основе и исключительно против Японии»²⁵.

По вопросу о втором фронте в решении конференции было записано: «Маловероятно, чтобы в 1942 г. оказалось возможным какое-либо наземное наступление большого размаха против Германии, за исключением наступления на русском фронте». Однако участники конференции не отказывались от проведения операций ограниченными силами, если для этого возникнут благоприятные обстоятельства. И только «в 1943 г. возникнет возможность для определения пути возвращения на континент или через Средиземное море, или из Турции на Балканы, или путем вторжения в Западную Европу. Такие операции явятся прелюдией к решающему нападению на собственно Германию, а программа победы должна быть составлена

²⁵ Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. II, стр. 32.

таким образом, чтобы обеспечить средства для их проведения»²⁶.

Рузвельту, конечно, нужен был реванш за Пёрл-Харбор, чтобы получить козыри для борьбы против изоляционистов. Иначе говоря, требовалось показать, что американские вооруженные силы могут побеждать врага. Об этом свидетельствует запись генералом Маршаллом заявления Рузвельта на одном из заседаний конференции. Как в ней отмечается, президент сказал, что «считает весьма важным с моральной точки зрения дать Соединенным Штатам почувствовать, что они ведут войну, дать почувствовать немцам, что такое неудача, иметь американские войска в активных боевых действиях где-либо по ту сторону Атлантического океана»²⁷.

Но для этого, по мнению американских планировщиков, не обязательно было затевать рискованное вторжение на континент Европы. Гораздо легче и увереннее можно было добиться желаемых результатов путем проведения операции в другом, менее опасном месте.

Вполне вероятно, что поэтому вместо создания второго фронта в Европе изучались условия и возможности вторжения американских и английских армий во Французскую Северную Африку. Обсуждению плана этой операции, получившей кодовое название «Джимнаст» (позднее «Сьюперджимнаст»), и посвятили в основном свое внимание военные участники конференции. Основные положения плана были согласованы начальниками штабов обеих стран еще 26 декабря, а его проект был ими принят для доклада главам правительств 14 января²⁸. Планом предусматривалось завершить подготовку вторжения к началу марта 1942 г. Но начальники штабов предвидели, что подготовка и проведение ее будут сопряжены с серьезными затруднениями с транспортными средствами. По подсчетам экспертов, вместимость судов всех типов, принадлежавших военному ведомству США, составляла около 200 тыс. человек и должна была увеличиться к 1 февраля примерно на 18 тыс., к 1 марта — приблизительно на 15 тыс. и к 1 апреля — на 24 тыс. человек²⁹, причем часть этого тоннажа нужна была для переброски войск на Тихий океан. Но, несмотря на это, «ни Рузвельт, ни Черчилль не отказались от решения осуществить североафриканскую операцию», хотя и не возражали против того, чтобы отложить ее до конца мая, т. е. до завершения переброски войск на Тихий океан. «Однако они были готовы начать североафриканскую операцию с имевшимися в их распоряжении средствами, если бы обстановка требовала действовать немедленно»³⁰. Предложенный начальниками штабов проект плана

²⁶ «F. R. The Conferences at Washington, 1941—1943. . .», p. 214—247. См. также: *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. II, стр. 31.

²⁷ *М. Мэтлофф, Э. Снэлл*. Указ. соч., стр. 124.

²⁸ «F. R. The Conferences at Washington, 1941—1943. . .», p. 202.

²⁹ *М. Мэтлофф, Э. Снэлл*. Указ. соч., стр. 127—128; *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. II, стр. 32—41.

³⁰ *М. Мэтлофф, Э. Снэлл*. Указ. соч., стр. 140.

в связи с этим не был одобрен. Его возвратили в Объединенный комитет по планированию для доработки³¹.

Рузвельт предпринял также шаги по политической подготовке захвата Северо-Западной Африки. 27 декабря он направил устное послание вишистскому генералу Вейгану, в котором указывал на безнадежность перспектив войны для Германии из-за сопротивления ей в Советском Союзе, успехов англичан в Северной Африке, вступления США в войну. Но для ведения войны против нее западные союзники нуждались в занятии ими Французской Северо-Западной Африки или хотя бы в предотвращении захвата ее немецкими войсками. Рузвельт предупреждал, что в случае обнаружения западными союзниками признаков опасности немецкого вторжения в этот район они захватят его во что бы то ни стало. Он предлагал Вейгану, хотя тот уже не был в Северной Африке, возглавить находившихся там людей, в основном военных, и организовать их сотрудничество с американцами. Вейгану давалось понять, что Рузвельт не хотел бы, чтобы управление в том районе попало в руки де Голля и его сторонников.

20 января 1942 г. третий секретарь американского посольства Дуглас Макартур 2-й в соответствовавшей для того обстановке передал это послание Вейгану. Последний, как доносил посол США в Виши адмирал У. Леги, принял его весьма «благожелательно и обещал передать его суть маршалу Петэну, хотя он и отклонил предложение о его личной активной роли в Северной Африке»³².

Таким образом, хотя план операции по вторжению союзных армий в Северо-Западную Африку и не был принят на конференции, уже в начале 1942 г. были сделаны некоторые шаги для создания предпосылок к его осуществлению. Ничего подобного не делалось для решения вопроса о втором фронте.

В целом же согласованная союзниками стратегия предусматривала «смыкание и сжимание кольца» вокруг территории, находившейся под контролем Германии. Это кольцо образовывалось линией, идущей примерно от Архангельска до Черного моря, далее через Западную Турцию, вдоль северного побережья Средиземного моря и западного побережья европейского континента. Основная цель состояла в том, чтобы «укрепить это кольцо и ликвидировать разрывы в нем путем сохранения русского фронта, вооружения и поддержки Турции, увеличения и улучшения сил на Среднем Востоке, а также путем овладения всем североафриканским побережьем». По мнению участников конференции, образование этого кольца будет означать установление полной блокады Германии и Италии и предотвращение «германского прорыва» в сторону Персидского залива, западного побережья Африки или в другом направлении. Захват же всего североафриканского побережья, с их точки зрения, дал бы возможность открыть Средиземное море для конвоев к Ближ-

³¹ «F. R. The Conferences at Washington, 1941—1943...», p. 240—243.

³² Ibid., p. 235—237.

нему Востоку и тем значительно сократить их путь, до того проле-
гавший вокруг Африки³³.

Основными средствами и методами, которые избрали западные союзники для «преодоления сопротивления Германии», были следующие: а) стратегические бомбардировки; б) помощь наступлению русских имевшимися в их распоряжении средствами; в) блокада; г) поддержание повстанческого духа в оккупированных странах и организация подрывных движений³⁴.

Как мы видим, выработанная на конференции «Аркадия» стратегия в целом не соответствовала принятому западными союзниками основному принципу о том, что главные усилия должны быть направлены в первую очередь против фашистской Германии. Они исходили из ориентации на затяжную войну, в которой на первом, наиболее трудном ее этапе основная тяжесть перекладывалась на Советский Союз. Наступление Красной Армии породило у них надежду, что Германии не удастся добиться победы на советско-германском фронте в ближайшее время. Более того, они начали говорить и убеждать других в бесперспективности военных усилий фашистской Германии из-за сопротивления Советского Союза. Возможно, поэтому они игнорировали стратегические и политические последствия наступления Красной Армии и избрали стратегию выжидания, стратегию постепенного подхода к Германии через обширную периферию.

На конференции «Аркадия» были рассмотрены вопросы руководства союзными вооруженными силами. В основу организации как высшего военного руководства, так и союзного командования на тех театрах военных действий, где вооруженная борьба велась совместно

³³ «F. R. Conferences at Washington, 1941—1943. . .», p. 213.

М. Мэтлофф и Э. Снэлл утверждают, будто бы эта идея принадлежала англичанам, а американские специалисты по военному планированию «не высказали определенного мнения по данному вопросу», так как они считали главным театром равнины Северо-Западной Европы и намеревались именно там «всерьез схватиться с сухопутными силами противника». Более того, названные авторы уверяют, что во время конференции штабные офицеры США снова выдвинули якобы не поддержанную Рузвельтом идею большого наступления «с сосредоточением главных сил в Западной Европе», которое должно было «проводиться во взаимодействии с возможно более сильным русским наступлением на Восточном фронте и второстепенными наступательными действиями повсюду, где удастся». Однако, как свидетельствуют приведенные выше подготовительные документы, американская точка зрения в принципе не отличалась от английской. Поэтому и не было оснований для дискуссии. Да и Мэтлофф и Снэлл несколько ниже, говоря о заинтересованности Рузвельта в операциях американских войск за Атлантическим океаном, замечают, что замыкание и стягивание кольца вокруг Германии, «очевидно, было весьма подходящим для этой цели образом действий». На протяжении всей конференции американские начальники штабов избегали спорить по поводу разумности стратегии окружения и предложенного в качестве первого шага для ее осуществления занятия Северной Африки. Генерал Стилуэлл, который только что начал разработку дакарской операции, был переключен на эту новую операцию» (см. *М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 118—120, 124*).

³⁴ *Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 31.*

американцами и англичанами, был положен принцип единства командования.

Такое решение, отражавшее объективную необходимость объединения всех сил коалиции для борьбы против сильного врага, несомненно имело положительное значение, тем более что оно было принято сразу же после вступления США в войну. Но осуществить его оказалось труднее, ибо признанием данного принципа ни в какой мере не устранялось действие англо-американских империалистических противоречий, проявившихся в некоторой степени уже тогда при составлении предварительных планов коалиционной войны.

В соответствии с принципом единства был учрежден Объединенный совет начальников штабов³⁵. Его создание Черчилль назвал «наиболее ценным и прочным результатом первой конференции в Вашингтоне»³⁶. Местом пребывания Объединенного совета была избрана столица США. Это мотивировалось тем, что Соединенные Штаты выделяли основную массу людских и материальных ресурсов, а также их географическим расположением между двумя зонами военных действий — Восточной и Западной. В состав совета вошли начальники американских и английских штабов армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил. В подчинении Объединенного совета находились Объединенный штаб по стратегическому планированию (Combined Staff Planners) и объединенный секретариат (Combined Secretariat)³⁷.

Говоря о том, почему в Объединенный совет начальников штабов не был включен советский представитель, Черчилль впоследствии писал, что Красная Армия вела вооруженную борьбу на самостоятельном, удаленном от западных союзников фронте и «поэтому не было нужды или возможности увязывать работу наших штабов с ними (русскими. — В. К.). Достаточно было того, чтобы нам были известны общие масштабы и последовательность их операций и чтобы они получали соответствующую информацию о наших действиях»³⁸.

³⁵ Имеется в виду высший американско-английский орган стратегического руководства (Combined Chiefs of Staff), который в переводной и советской военно-исторической литературе иногда именуется не вполне точно «англо-американским штабом» или «объединенным комитетом начальников штабов». Высшее военное руководство и США, и Великобритании мы будем называть «комитет начальников штабов» (Joint Chiefs of Staff), чтобы не смешивать их с союзническим штабом.

³⁶ *W. Churchill. Op. cit., v. III, p. 608.*

³⁷ «F. R. The Conferences at Washington, 1941—1943. . .», p. 233.

Английских членов Объединенного совета, поскольку они не могли постоянно находиться в Вашингтоне, представляли бывший начальник имперского генерального штаба фельдмаршал Джон Дилл и представители морского и авиационного штабов адмирал Чарльз Литтл и маршал авиации А. Т. Харрис (*ibidem*).

³⁸ *W. Churchill. Op. cit., v. III, p. 609.*

Следует отметить, что советская сторона также не добивалась включения своего представителя в состав Объединенного совета начальников штабов.

Но это верно лишь отчасти, так как названные Черчиллем причины означали только отсутствие в тот период потребности в оперативном плане согласовывать действия Красной Армии и войск союзников. Однако и в той начальной стадии коалиционной войны против фашистской Германии и ее союзников в Европе требовалось согласование целей, времени, размаха и места проведения стратегических действий вооруженных сил. По мере же сближения советско-германского и западного (второго) фронтов необходимость в координации все больше переходила в оперативную область. Наконец, поскольку основные стратегические решения США и Англии³⁹ не могли не затрагивать так или иначе интересы Советского Союза, несшего на себе главную тяжесть войны, участие его представителя в Объединенном совете начальников штабов могло заставить союзников более внимательно относиться к потребностям советского фронта.

А именно этого и не хотели политические и военные руководители США и Великобритании, стремившиеся, напротив, создать условия для существования отдельного англо-американского союза внутри антифашистской коалиции и осуществления своих собственных стратегических планов.

Важнейшим результатом конференции «Аркадия» было то, что она приняла ряд важных решений, которые способствовали укреплению антигитлеровской коалиции. Но в то же время она выявила тенденцию США и Англии не считаться с общесоюзническими интересами. Это и помешало ей, в частности, выдержать правильно определенный основной принцип коалиционной стратегии.

В связи с этим нельзя не отметить полную необоснованность позднейших утверждений американских и английских историков о том, что в 1942 г. США и Великобритания не имели возможности открыть второй фронт. Оставляя в стороне показанный выше характер стратегии обеих стран, буржуазные исследователи обосновывали свою версию исключительно на сравнении численности войск — союзных, находившихся на Британских островах, и немецко-фашистских, расположенных в Западной Европе. Более того, как американские, так и британские историки предпочли сопоставлять с силами противника войска лишь своей страны, сосредоточиваемые тогда в Англии.

Наиболее показательны в этом отношении рассуждения А. Нормана в его книге «Операция Оверлорд» насчет того, что в 1942 г. США могли направить на Британские острова не более 2,5 пехотных и одной бронетанковой дивизий, в то время как немцы имели в Западной Европе 25 дивизий и 29 тяжелых орудий, установленных в районе Па-де-Кале⁴⁰. Приведа эти данные и полагая, что их сравнение достаточно убедительно, автор делает следующий вывод:

³⁹ За время войны, по подсчетам Черчилля, состоялось 200 заседаний Объединенного совета начальников штабов (*W. Churchill. Op. cit., v. III, p. 608.*)

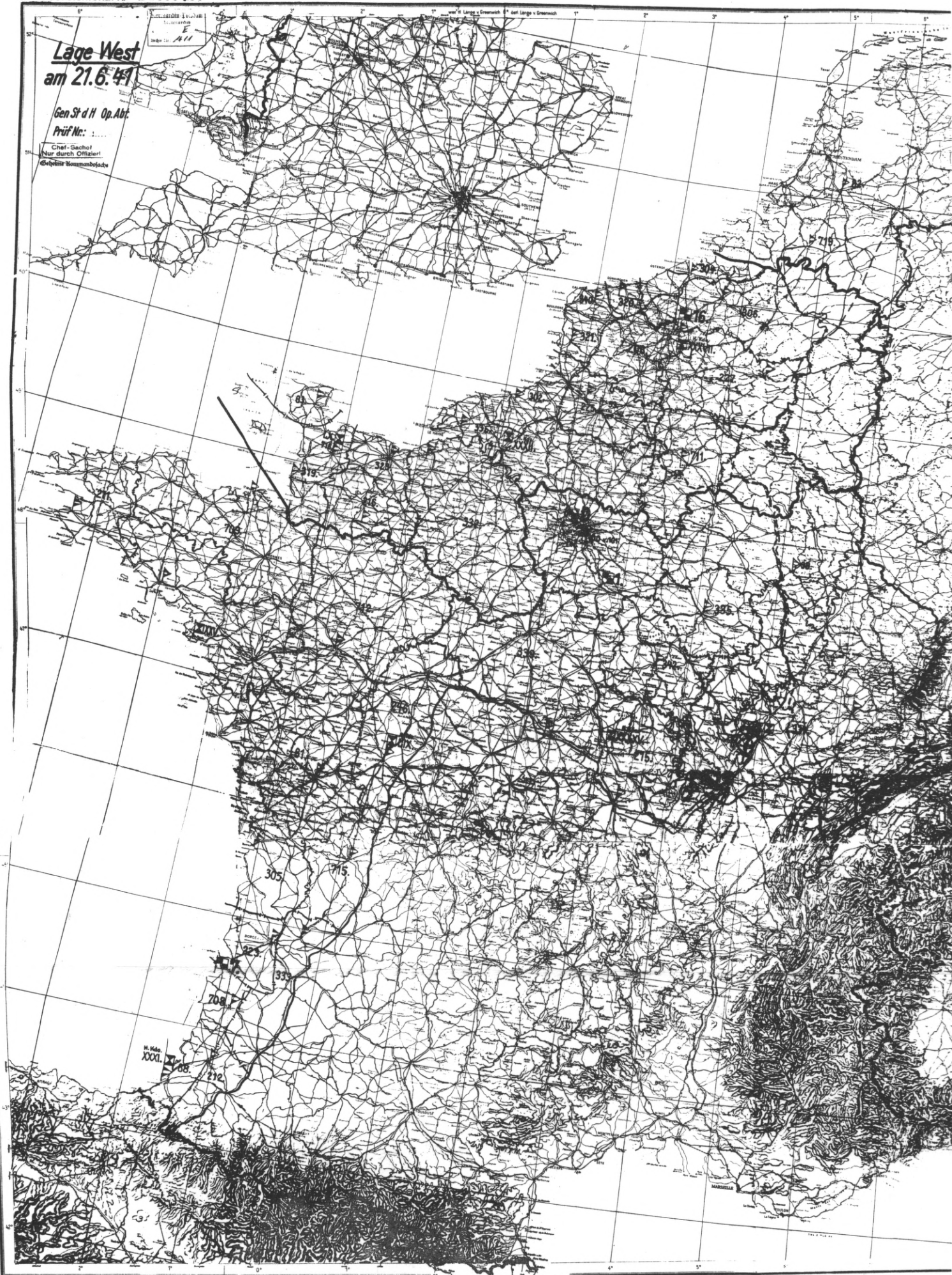
⁴⁰ *A. Norman. Operation Overlord. Harrisburg, 1952, p. 14—15.*

Lage West am 21.6.41

Gen-St d H Op.Abt.

Prüf.Nr.:

Chef-Sachst
Nur durch Offiziere!
Geheime Kommunikation

1. Stabs- u. Kommandoposten
 2. Haupt- u. Nebeneinheiten
 3. Abteilungen
 4. Bataillone
 5. Kompanien
 6. Züge
 7. Plündern
 8. Besatzung
 9. Stützpunkt
 10. Stützpunkt
 11. Stützpunkt
 12. Stützpunkt
 13. Stützpunkt
 14. Stützpunkt
 15. Stützpunkt
 16. Stützpunkt
 17. Stützpunkt
 18. Stützpunkt
 19. Stützpunkt
 20. Stützpunkt
 21. Stützpunkt
 22. Stützpunkt
 23. Stützpunkt
 24. Stützpunkt
 25. Stützpunkt
 26. Stützpunkt
 27. Stützpunkt
 28. Stützpunkt
 29. Stützpunkt
 30. Stützpunkt
 31. Stützpunkt
 32. Stützpunkt
 33. Stützpunkt
 34. Stützpunkt
 35. Stützpunkt
 36. Stützpunkt
 37. Stützpunkt
 38. Stützpunkt
 39. Stützpunkt
 40. Stützpunkt
 41. Stützpunkt
 42. Stützpunkt
 43. Stützpunkt
 44. Stützpunkt
 45. Stützpunkt
 46. Stützpunkt
 47. Stützpunkt
 48. Stützpunkt
 49. Stützpunkt
 50. Stützpunkt
 51. Stützpunkt
 52. Stützpunkt
 53. Stützpunkt
 54. Stützpunkt
 55. Stützpunkt
 56. Stützpunkt
 57. Stützpunkt
 58. Stützpunkt
 59. Stützpunkt
 60. Stützpunkt
 61. Stützpunkt
 62. Stützpunkt
 63. Stützpunkt
 64. Stützpunkt
 65. Stützpunkt
 66. Stützpunkt
 67. Stützpunkt
 68. Stützpunkt
 69. Stützpunkt
 70. Stützpunkt
 71. Stützpunkt
 72. Stützpunkt
 73. Stützpunkt
 74. Stützpunkt
 75. Stützpunkt
 76. Stützpunkt
 77. Stützpunkt
 78. Stützpunkt
 79. Stützpunkt
 80. Stützpunkt
 81. Stützpunkt
 82. Stützpunkt
 83. Stützpunkt
 84. Stützpunkt
 85. Stützpunkt
 86. Stützpunkt
 87. Stützpunkt
 88. Stützpunkt
 89. Stützpunkt
 90. Stützpunkt
 91. Stützpunkt
 92. Stützpunkt
 93. Stützpunkt
 94. Stützpunkt
 95. Stützpunkt
 96. Stützpunkt
 97. Stützpunkt
 98. Stützpunkt
 99. Stützpunkt
 100. Stützpunkt

Схема 1. ГРУППИРОВКА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ СИЛ В ЗАПАДНОЙ-ЕВРОПЕ НА 21 ИЮЛЯ 1941 г.

«Немцы были в состоянии отразить любое вторжение такого размаха, который тогда предлагался. Они имели большее количество войск, чем требовалось, чтобы, не отводя своих войск с Восточного фронта, ликвидировать попытку союзников создать плацдарм на континенте в 1942 г. Позиция тех, кто предлагал форсирование Ла-Манша, или «второй фронт», в 1942 г., не соответствовала реальным условиям»⁴¹.

Насколько несостоятелен этот вывод, показывают прежде всего факты и документы о численности и состоянии немецко-фашистских войск в Западной Европе.

Германская стратегия на Западе

Перспективы войны, особенно после провала плана «молниеносной» кампании на советско-германском фронте и в связи с началом сражений на Тихом океане, изучало также немецко-фашистское верховное командование. Политическая и военно-стратегическая обстановка в мире, прежде всего на советско-германском фронте, изменилась столь кардинально, что по существу перед ним встала задача коренного пересмотра, а точнее — выработки новой стратегии. В связи с этим его интересовали наиболее вероятные действия США и Великобритании и возможное их влияние на ведение войны Германией против Советского Союза. Гитлер еще 12 декабря 1941 г. в ставке задал гросс-адмиралу Редеру следующие вопросы: «а) считает ли главнокомандующий военно-морскими силами, что противник в ближайшем будущем предпримет шаги по захвату Азорских островов, Зеленого мыса и, быть может, нападение на Дакар с тем, чтобы вернуть престиж, потерянный в результате неудач на Тихом океане? б) имеется ли возможность, что США и Англия временно оставят Восточную Азию, чтобы разгромить сначала Германию и Италию?»⁴²

В самой постановке вопросов обращает на себя внимание то, что Гитлер смотрел на военные действия вооруженных сил США и Великобритании в районе Северо-Западной Африки и прилегающих акваторий как на престижные, как на реванш за Пёрл-Харбор. Но вопрос о возможности сосредоточения всех их сил против Германии и Италии имел, по-видимому, для него гораздо большее значение.

Ответы гросс-адмирала в протокольной записи выглядели так: «По вопросу «а» главнокомандующий военно-морскими силами не считает, что такие шаги неизбежны. В течение следующих нескольких месяцев США вынуждены будут направить свои силы на Тихий океан. Великобритания не захочет пойти на какой-либо

⁴¹ Ibid., p. 15.

⁴² «Fuehrer Conferences on Naval Affairs, 1939—1945». — «Brassey's Naval Annual, 1948». London—New York, p. 245.

риск. Что касается «б», невероятно, чтобы противник покинул Восточную Азию даже временно; таким шагом Великобритания поставила бы под очень серьезную угрозу Индию, а США не могут отвести флот с Тихого океана, поскольку японский флот обладает там превосходством»⁴³.

Таким образом, хотя ответ Редера и не совпал буквально с решениями, принятыми в Вашингтоне, что вполне естественно, однако он оказался довольно близок к сути их.

Во всех немецких штабах, а не только в морском, шла напряженная работа. Там искали ответа на вопрос, как вести войну дальше? Начальник генерального штаба Гальдер, по свидетельству его помощника генерала Хойзингера, уже длительное время обдумывал вопрос, не перейти ли Германии к обороне на Востоке, так как для нового наступления было мало сил. Но, во-первых, он не мог прямо высказать эту мысль Гитлеру, а, во-вторых (и это главное), перейти к обороне означало бы отдать инициативу противнику без какой-либо надежды снова взять ее в свои руки. И немцам, пишет Хойзингер, «не оставалось ничего другого, как предпринять еще одну попытку, несмотря на все сомнения»⁴⁴. В ходе этой работы в немецких штабах все больше укреплялась уверенность, что западные союзники не начнут активных боевых действий на континенте Европы в 1942 г. Например, в военно-экономическом управлении ОКВ считали, что, «если уж Америка вложила в войну крупные средства, она не захочет закончить ее до тех пор, пока не сделает на ней сносного бизнеса»⁴⁵.

Такая оценка обстановки, с одной стороны, и настоятельные потребности Восточного фронта, с другой, — обусловили решение гитлеровского командования подготовить новое наступление на советско-германском фронте, а в других районах, особенно в Западной Европе, укрепить свою оборону. Оценка фашистским командованием обстановки, сложившейся в связи с вступлением США в войну, таким образом, не привела к изменению планов, принятых в начале декабря. После перехода Красной Армии в контрнаступление под Москвой Гитлер отдал 8 декабря директиву № 39, предписывавшую главным силам на Востоке по возможности скорее перейти к обороне, чтобы создать «необходимые предпосылки для возобновления крупных наступательных операций в 1942 г.»⁴⁶. В директиве далее отмечалось, что мобилизация военнообязанных 1922 года рождения недостаточна для выполнения потерь на Восточном фронте, поэтому было намечено усилить этот фронт за счет ослабления немецких войск во Франции. «В вопросе обмена сил между Восточным и За-

⁴³ «Brassey's Naval Annual, 1948», p. 245.

⁴⁴ См. «Совершенно секретно! Только для командования». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967, стр. 363.

⁴⁵ См. там же, стр. 367.

⁴⁶ См. там же, стр. 342.

падным фронтами следует руководствоваться следующим. Находящиеся на Западном фронте полностью боеспособные дивизии..., а также танковые дивизии необходимо обменять на особенно измотанные на Востоке дивизии. При этом следует иметь в виду, что в течение зимы во Франции будет допущено временное ослабление находящихся там сил»⁴⁷.

Осуществление этой директивы имело своим следствием еще более значительное сокращение немецких войск во Франции. Если к 30 ноября 1941 г. во Франции, Бельгии и Голландии находилось 37 немецких пехотных дивизий, то к 3 февраля 1942 г. их число уменьшилось до 27⁴⁸. Снятые дивизии были переброшены на советско-германский фронт. Подобная практика продолжалась и в дальнейшем. В итоге, по мнению американского историка Г. Харрисона, «в Западной Европе постоянно находились только такие войска, которые из-за различных недостатков не могли быть использованы в тяжелых сражениях в России»⁴⁹.

Немецкий морской флот, базировавшийся в портах Франции, как уже отмечалось, мог играть некоторую роль в борьбе против союзнических сил вторжения в этом районе. Но в конце 1941 г. у немецкого командования возникли опасения, что англичане могут осуществить вторжение в Норвегию. И вскоре было решено перевести немецкую эскадру в порты Норвегии и тем усилить оборону Скандинавского полуострова и создать условия для действий на северных морских коммуникациях. На совещании в ставке 29 декабря Гитлер заявил: «Если англичане разбираются в том, что происходит, они нападут на Северную Норвегию в нескольких пунктах. Совместными ударами флота и десантных войск они попытаются вытеснить нас оттуда, захватить, если будет возможность, Нарвик и тем оказать давление на Швецию и Финляндию. Это может иметь решающее значение для исхода войны. Германский флот должен поэтому приложить все усилия к обороне Норвегии. Было бы выгодным перебросить для этой цели туда все линейные и карманные линейные корабли...»⁵⁰. Когда же морской штаб выразил сомнение в успехе попытки прорыва немецких надводных кораблей из западных портов Франции в Северное море, Гитлер заявил: «...Если внезапный прорыв через Ла-Манш невозможен, лучше было бы разоружить корабли и использовать орудия и команды для усиления обороны Норвегии»⁵¹.

12 января 1942 г. Гитлер снова вернулся к этому вопросу. В протоколе совещания в ставке, состоявшегося в тот день, записано: «На основе имеющихся сведений о все усиливающейся враждебности со стороны Швеции фюрер опасается начала крупного нор-

⁴⁷ См. там же, стр. 345—346.

⁴⁸ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4186, 4204.

⁴⁹ G. A. Harrison. Cross-Channel Attack. Washington, 1951, p. 141.

⁵⁰ «Brassey's Naval Annual, 1948», p. 248.

⁵¹ Ibidem.

вежско-русского наступления. Он думает, что если мощное соединение линейных кораблей и крейсеров, фактически весь германский флот, будет находиться у побережья Норвегии, оно сможет во взаимодействии с германскими воздушными силами сделать решающий вклад в оборону Норвегии. Поэтому он твердо решил перевести основные силы германского флота в этот район»⁵².

11 февраля 1942 г. вечером линейные крейсера «Шарнхорст», «Гнейзенау» и тяжелый крейсер «Принц Ойген», эскортируемые эскадренными миноносцами и торпедными катерами, ушли из Бреста и без серьезных осложнений прорвались через Ла-Манш, вписав позорнейшую страницу в историю британского флота, не сумевшего блокировать пролив.

Выход германского флота в Северное море, а затем к берегам Норвегии усилил немецкую оборону в этом районе, но тем самым была ослаблена оборона западного побережья Франции. Это еще больше благоприятствовало вторжению американских и английских вооруженных сил в Западную Европу и созданию второго фронта.

О слабости германских военно-морских, а также воздушных сил на Западе Редер говорил Гитлеру 13 февраля 1942 г. В «дружеской и проникновенной беседе» он сказал, что это ограничивает их «главным образом оборонительными действиями у атлантического побережья и в Ла-Манше. Противник препятствует нашим (немецким. — В. К.) перевозкам усиленным применением мин, воздушными налетами и атаками торпедных катеров. Это вынуждает нас ограничить передвижение конвоев, а также патрулирование и траление только ночным временем»⁵³. Надо сказать, что в этот день гросс-адмирал докладывал о весьма значительных успехах немецкого подводного флота в Атлантическом океане⁵⁴, однако в то же время он выразил опасение, что в дальнейшем они «уменьшатся».

Сухопутная оборона в Западной Европе также не отличалась своей внушительностью и силой. Что касается укреплений, то до конца 1941 г. немцам удалось лишь установить семь тяжелых береговых батарей между Булонью и Кале и несколько других морских береговых батарей и создать укрытия для подводных лодок. В сентябре того же года главнокомандующий немецкими войсками на Западе (группа армий «Д») генерал Витцлебен проявил некоторую активность, намереваясь создать долговременные оборонительные сооружения на северном и западном побережье Франции, но он не получил необходимых для этих работ строительных батальонов и материалов, так как их не оказалось у генерального штаба сухопутных сил (ОКХ). Поэтому уже в самом конце 1941 г. Витцлебен

⁵² «Brassey's Naval Annual, 1948», p. 257.

⁵³ Ibid., p. 262.

⁵⁴ По послевоенным английским данным, немецкие подводные лодки потопили в январе 1942 г. 166 судов противника водоизмещением 419 907 т, в том числе 38 английских водоизмещением 146 274 т, в феврале — 154 водоизмещением 679 532 т, в том числе 79 английских водоизмещением 341 271 т (*W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 860.*)

отдал приказ находившимся под его командованием армиям, корпусам и дивизиям произвести рекогносцировку побережья и приступить своими силами к строительству оборонительных сооружений. Сообщая об этом, упомянутый выше Г. Харрисон подчеркивает: «Это был первый шаг на пути укрепления западного побережья на случай вторжения союзников, но без необходимых рабочей силы и материалов нельзя было сделать что-либо существенное»⁵⁵.

После поражения немецко-фашистских войск под Москвой гитлеровское командование, хотя и не видело серьезной опасности создания американскими и английскими войсками второго фронта в Европе, все же в порядке предосторожности приняло некоторые меры на случай, если бы она возникла. В связи с этим 23 марта 1942 г. была издана директива № 40, в которой указывалось: «Вражеская десантная операция даже с ограниченными целями (если противник закрепится на побережье) окажет серьезное влияние на наши планы. Она нарушит наше каботажное судоходство и скует крупные силы сухопутных войск и авиации, которые нельзя будет использовать в решающих пунктах. Эта опасность значительно возрастет, если противнику удастся захватить наши аэродромы или создать авиационные базы на территории, которую он займет. Более того, наши военные объекты и военная промышленность, которые в ряде мест располагаются на побережье или вблизи от него и которые частично имеют ценное оборудование, очень удобны для проведения рейдов противника. Особое внимание должно быть уделено английским приготовлениям к высадке морских десантов на открытом берегу, для которых имеются многочисленные бронированные десантные суда, пригодные к транспортировке боевых машин и тяжелого оружия»⁵⁶.

Согласно этой директиве, оборона побережья возлагалась на все виды вооруженных сил (сухопутные войска, авиацию и военно-морской флот). Обращалось также внимание на то, что наиболее выгодно уничтожить десант противника во время его подхода к назначенному району и тем самым не дать ему возможности захватить плацдарм и закрепиться на нем.

В частности, ответственность за оборону побережья Франции, Бельгии и Нидерландов была возложена на главнокомандующего немецкими войсками на Западе (группа армий «Д»). На этот пост незадолго до того был назначен фельдмаршал фон Рундштедт, который до начала 1942 г. командовал группой армий «Юг» на советско-германском фронте⁵⁷.

⁵⁵ G. A. Harrison. Op. cit., p. 131—132.

⁵⁶ Ibid., p. 459.

Г. Харрисон без всяких оснований считает, что эта директива касалась лишь немецкой обороны на Западе (ibid., p. 133), в то время как на самом деле она распространялась на все оккупированные районы Европы.

⁵⁷ G. A. Harrison. Op. cit., p. 132—133. В его ведении находились все сухопутные немецкие войска на Западе, а сам он подчинялся непосредственно верховному главнокомандованию (ОКВ).

Под его руководством на основе директивы № 40 был разработан план действий на случай вторжения противника. Допускалось, что последнее могло иметь место в следующих районах: в Нидерландах, на побережье Ла-Манша, на полуострове Бретань, на побережье Бискайского залива и на юге Франции. Соответственно было разработано пять вариантов операции, носивших условные наименования: «Нидерланды», «Побережье Ла-Манша», «Бретань», «Устье Жиронды», «Изабелла»⁵⁸.

При планировании операций немецкое командование на Западе исходило из предположения, что противник попытается высадить морской десант только в одном из перечисленных районов. Поэтому основу немецкого плана обороны составляла идея маневрирования войсками из неатакованных участков в угрожаемый. Действия против десанта противника должны были вести сначала войска, находившиеся в районе высадки, а затем и перебрасываемые из других районов Западной Европы⁵⁹.

Таким образом, в конце 1941—начале 1942 г. условия создания второго фронта стали более благоприятными. Они определялись, во-первых, вступлением США в войну, чем значительно увеличивались силы и материальные ресурсы антифашистской коалиции, а следовательно, и основные предпосылки для развертывания активных действий против фашистского блока в Европе. Во-вторых, напряженная борьба на советско-германском фронте начала сказываться на общей военной мощи фашистской Германии. Последняя уже не могла выделить крупные силы и средства для обороны Западной Европы. Более того, число дивизий во Франции сократилось на десять, а наиболее боеспособные из оставшихся заменялись разбитыми на советско-германском фронте. Меры по упрочению немецких позиций в Норвегии также привели к ослаблению обороны французского морского побережья. Окончательно отпала угроза вторжения немецких войск на Британские острова.

⁵⁸ «Материалы Военно-научной библиотеки ГШ». Оперативные приказы и распоряжения 7-й и 15-й армий по операциям «Устье Жиронды», «Побережье Ла-Манша», «Бретань» и другим за май 1942 г., стр. 1—39.

⁵⁹ Согласно приказу № 65/42 от 5 мая 1942 г., в случае угрозы вторжения на юге Франции намечалась операция «Изабелла», предусматривавшая оккупацию немецкими войсками территории Виши и отражение морского десанта противника. При проведении операции «Устье Жиронды» к 7-й армии (а с 12 час. 21 мая к сменившей ее 1-й армии) подтягивались и переходили в ее подчинение части 6-й танковой дивизии, 7-я авиаполевая и 337-я пехотная дивизии. Кроме того, проводилась перегруппировка войск армии («Материалы военно-научной библиотеки ГШ», стр. 1—3). При вторжении противника на полуостров Бретань 7-й армии (в ее новой организации) придавались части 10-й и 6-й танковых и вся 337-я пехотная дивизия. В резерв группы армий выводились 371-я пехотная и части 15-й пехотной и 7-й танковой дивизий (там же, стр. 11—13).

Разработка американской стратегии

Если условия для открытия второго фронта в Европе становились в первой половине 1942 г. все более благоприятными, то обстановка на других театрах войны несколько осложнилась для США и Великобритании. Японские вооруженные силы, развивая стремительное наступление в бассейне Тихого океана, захватили в январе—марте 1942 г. Филиппины, западную и центральную части о-ва Новая Гвинея, о-ва Адмиралтейства и Гилберта, Новую Британию, Новую Ирландию и большую часть Соломоновых островов⁶⁰. В Юго-Восточной Азии японские войска с декабря 1941 г. по май 1942 г. овладели Таиландом, Бирмой, Малайей, а также твердыней английского колониализма на Востоке — крепостью Сингапур⁶¹. Они стали угрожать Австралии и Индии. Тем временем итало-немецкие войска в январе 1942 г. неожиданно перешли в наступление в Северной Африке, у Эль-Агейлы, разгромили передовые части англичан и 28 января захватили Бенгази. К 7 февраля они вышли к Эль-Газала, Бир-Хакейм⁶².

Перед западными союзниками встал вопрос, как проводить стратегический курс, принятый ими на Вашингтонской конференции. Поэтому и после конференции в правительственных и военных кругах США и Великобритании продолжалось обсуждение стратегии, а осложнение обстановки на Дальнем Востоке вызвало серьезные разногласия между ними.

В связи с этим представляет интерес отношение политического и военного руководства США к проблеме второго фронта в первой половине 1942 г.

Основные стратегические планы и концепции разрабатывались в управлении военного планирования штаба американской армии, которое с 16 февраля 1942 г. возглавил генерал Д. Эйзенхауэр. Незадолго до этого, 22 января, он писал в дневнике: «Мы должны отправиться в Европу и сражаться; надо перестать разбрасывать наши ресурсы по всему земному шару и, что еще хуже, непроизводительно тратить время. Если мы хотим поддержать Россию, спасти Средний Восток, Индию и Бирму, то мы должны приступить к воздушным налетам на Западную Европу, за которыми должно последовать как можно скорее наступление наземных войск»⁶³.

Эта мысль интересна тем, что отражала существовавшие тогда необходимость, целесообразность и возможность сосредоточения главных сил антифашистской коалиции против Германии. Важно также то, что она возникла в американском штабе на основе изуче-

⁶⁰ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 2, стр. 598.

⁶¹ Там же.

⁶² На этом, впрочем, их наступательные возможности истощились (см. там же, стр. 586).

⁶³ М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 182; R. S. Cline. Washington Command Post. The Operations Division. Washington, 1951, p. 145.

ния обстановки на всех театрах второй мировой войны и целей антигитлеровской коалиции. Наконец, привлекает внимание и то, что так думал не только один Эйзенхауэр.

Уже через день он обнаружил, что его точка зрения разделяется в штабе армии. В тот день он сделал следующую запись: «Том Хэнди (начальник группы управления военного планирования. — *В. К.*) и я придерживаемся мысли, что мы должны одержать победу в Европе. Джо Макнэрни (заместитель начальника штаба американской армии. — *В. К.*) не просто согласился с этим, — он был первым, кто утверждал, что побережье Франции может быть успешно атаковано... Мы не сможем выиграть..., раздробляя наши силы и средства по всему миру, не будучи достаточно сильными ни на одном из театров»⁶⁴.

Позже эти мысли стали более определенными и категоричными, хотя и втискивались в рамки принятой союзниками концепции. Сразу же после падения Сингапура Эйзенхауэр, будучи уже заместителем начальника штаба армии США и начальником управления военного планирования, писал: «Мы должны перейти к обороне западнее Гавайев, удержать Индию и Цейлон, накопить воздушные и наземные силы в Великобритании и, когда мы станем достаточно сильными, нанести удар по жизненно важным центрам Германии»⁶⁵.

Во всем этом не было по существу ничего нового. Подобные мысли высказывались и во время англо-американских штабных переговоров, и на конференции «Аркадия», а также нашли отражение и в стратегических планах, составлявшихся в США до вступления в войну («Рейнбоу-5»). Но тогда они носили теоретический характер, выдвигались в качестве гипотез и не были приняты в качестве основы союзнической стратегии. Более того, они противоречили намечаемому союзниками стратегическому курсу. Возвращение к ним после Вашингтонской конференции было бы равнозначно требованию пересмотра ряда важнейших положений уже принятой западными союзниками стратегии.

И тем не менее изучение их продолжалось в управлении военного планирования, а затем начальниками штабов и президентом. При этом на всех уровнях одним из центральных был вопрос о втором фронте, вокруг которого разгорались острые дискуссии.

28 февраля Эйзенхауэр представил начальнику штаба армии официальный доклад управления военного планирования по вопросам американской стратегии. В нем он поставил вопрос о необходимости «четко разграничить операции, осуществление которых на различных театрах мира необходимо для окончательного разгрома держав оси, от операций, осуществление которых всего лишь желательны, поскольку они будут способствовать разгрому врага»⁶⁶,

⁶⁴ *R. S. Cline. Op. cit., p. 145.*

⁶⁵ *Ibidem.*

⁶⁶ *М. Мэтлофф, Э. Снэлл, Указ. соч., стр. 183,*

Развивая этот тезис, Эйзенхауэр отнес к первой категории следующие три задачи: а) поддерживать Соединенное Королевство и, следовательно, обеспечивать безопасность морских коммуникаций в Северной Атлантике; б) сохранить в войне Россию в качестве активного противника Германии; в) удерживать в районе Индия—Средний Восток позиции, которые дадут возможность не допустить фактического соединения сил двух наших основных противников и удержать в войне Китай. В категорию «весьма желательных» были включены действия на Тихом океане, обеспечение безопасности Аляски, Бирмы, Австралии, Южной Америки, воздушного пути через Африку, баз на западноафриканском побережье и западнее Гавайев, а также других районов, полезных для противодействия противнику и облегчающих операции союзников⁶⁷.

Уточняя суть пункта «б», Эйзенхауэр подчеркивал необходимость «немедленных и конкретных действий», во-первых, путем «прямой помощи по ленд-лизу» и, во-вторых, путем «скорейшего начала операций, которые отвлекут с русского фронта значительное количество наземных войск и воздушных сил германской армии»⁶⁸. Великобритания рассматривалась им не только как союзник в войне, но и как единственный плацдарм, откуда возможны эффективные наземные и воздушные операции против Германии. Он писал, что американцы должны вместе с англичанами немедленно и во всех деталях разработать план военных действий в Северо-Западной Европе. Масштабы действий должны были быть достаточно широкими, чтобы с середины мая можно было сковывать все большее количество германской авиации, а к концу лета — все большее количество германских наземных войск⁶⁹.

Следует, однако, отметить, что Эйзенхауэр, высказав в основном правильное понимание важности действий в Северо-Западной Европе для ведения войны против фашистской Германии, слишком узко, сугубо прагматически сформулировал цель этих действий — сохранить СССР как воевавшего союзника. Но, во-первых, какой-либо реальной опасности потерять его для США в то время не существовало, поэтому такая цель была неверной по существу. Во-вторых, такая постановка вопроса еще больше поддерживала доминировавшее на Западе тогда и довольно длительное время после понимание сущности второго фронта в Европе как средства оказания помощи Советскому Союзу с тем, чтобы удержать его в войне против фашистской Германии.

Сама постановка вопроса о необходимости «сохранить русский фронт», продиктованная, с одной стороны, пониманием американцами его значения для достижения их собственных интересов в войне, отражала, с другой стороны, все еще сохранявшееся неверие в силы Красной Армии. Далеко не все разделяли, например,

⁶⁷ Там же, стр. 184—185.

⁶⁸ Там же, стр. 186.

⁶⁹ См. там же, стр. 186; *R. S. Cline. Op. cit.*, p. 148—149.

мнение Г. Гопкинса, который приблизительно в феврале 1942 г. писал генералу Маршаллу: «Русский фронт несомненно ослабляет Германию значительно больше, чем все театры военных действий, вместе взятые. Вполне возможно, что русские разгромят немцев в следующем году»⁷⁰.

В противовес этой оптимистической оценке сил Советского Союза многие военные и политические руководители в США считали его успехи зимой 1941/42 г. временными. Более того, они, подобно гитлеровскому генералитету, утверждали, что советским войскам помогает их традиционный союзник — «генерал Мороз» и что в летних условиях они не смогут-де противостоять победоносному наступлению немецкой армии. Американская и английская разведки дали следующий мрачный прогноз: «Неуверенность, окутывающая эту сторону общей международной обстановки, требует рассмотрения факторов, противоречащих друг другу. Положение дел, при котором ни одна из сторон не может рассчитывать на быструю и полную победу, по всей вероятности приведет к русско-германскому соглашению в результате переговоров. Такое положение может возникнуть при разных обстоятельствах, начиная от равновесия сил и кончая бесспорным превосходством немцев»⁷¹. Как свидетельствуют документы военного департамента США, американские и английские военные лидеры не сомневались в том, что летом 1942 г. немцы начнут на советско-германском фронте новое стратегическое наступление, и они выражали сомнение в том, выстоит ли Красная Армия и на этот раз⁷².

Что касается предложенной Эйзенхауэром «классификации», то она не отражала характера мероприятий, осуществлявшихся тогда американцами. Те действия, которые в его докладе от 28 февраля 1942 г. были названы «желательными», на практике проводились как «необходимые» и поглощали основную массу сил и средств. Поскольку события на Тихом океане оказали сильное впечатление на руководящие политические и военные круги США, то именно туда они и начали прежде всего направлять свои войска⁷³.

⁷⁰ *P. Шервуд*. Указ. соч., т. II, стр. 84.

⁷¹ Там же, стр. 82—83.

⁷² *T. Higgins*. *Op. cit.*, p. 100.

⁷³ Из 132 тыс. солдат и офицеров сухопутных сил, отбывших за океан с января до середины марта 1942 г., свыше 90 тыс. предназначалось для укомплектования гарнизонов на линии Гавайи—Австралия и лишь 20 тыс. были доставлены в Исландию и Северную Ирландию. На Тихоокеанский театр направлялась, начиная с середины декабря 1941 г., и большая часть самолетов армейской авиации, что имело целью создать там две группировки американских воздушных сил — в Австралии и на островах (см. *М. Мэглофф*, *Э. Снэлл*. Указ. соч., стр. 172, 177—178). Следует отметить, что вообще за океан отправлялась тогда весьма незначительная часть имевшихся в США войск, и росла она довольно медленно. Если в ноябре 1941 г., т. е. до вступления Соединенных Штатов в войну, она равнялась 10%, то в январе—феврале 1942 г. увеличилась лишь до 11,5%, а в марте — до 13,8%. Численность войск американской армии на всех заморских театрах военных действий и территориях, в удержании которых были за-

Однако между штабами армии и военно-морских сил возникли разногласия по поводу масштабов дальнейшей отправки войск на Тихоокеанский театр.

Адмирал Кинг дважды — в конце февраля и начале марта — предлагал штабу армии разместить гарнизоны еще на некоторых островах Тихого океана⁷⁴. Более того, моряки выдвигали такие планы, осуществление которых на длительное время исключало возможность вторжения американских войск в Европу⁷⁵. «Военно-морской флот, — записал Эйзенхауэр в дневнике 17 февраля, — хочет занять все острова на Тихом океане, чтобы создать базы для своей истребительной и бомбардировочной авиации, а оборонять их сухопутными войсками. Тогда у флота будут безопасные гавани для его кораблей. Однако моряки не хотят выходить далее границ господства авиации сухопутных войск. Необходимость поставлять большое количество авиации для этой затаянной, трудной и не дающей решительных результатов войны может помешать нам вовремя прийти на помощь России!»⁷⁶

Руководители сухопутных сил во главе с генералом Маршаллом высказались против этого, но они все же в то время отдавали предпочтение переброске сил и средств в район Тихого океана, хотя и рассматривали это в качестве временной меры⁷⁷.

6 марта объединенная комиссия стратегического планирования в составе представителей армии и флота признала, что только с Британских островов можно быстро применить американские и английские войска против Германии и развернуть наступление с целью разгрома немецких вооруженных сил. «Если мы хотим победить в Европе, — заявила она в своем заключении, — необходимо подготовить и обучить наземные войска, которые сумели бы высадиться на континенте и наступать под прикрытием авиации, пользующейся господством в воздухе». С этой целью предлагалось осуществлять «строжайшую экономию в использовании войск на других театрах военных действий».

Подчеркивая значение Советского Союза — единственной страны, которая «решительно и активно вела войну с Германией», комиссия считала, что одним из способов помощи СССР могло быть «вспомогательное наступление в 1942 г.» против Германии с Британских островов. Рекомендовалось приложить совместно с англичанами «максимальные усилия» в «наступательных операциях против Германии», предварительно выделив минимально необходимое количество войск для обеспечения безопасности зоны Тихого океана⁷⁸.

интересованы США, составляла в ноябре 1941 г. 165 тыс. человек, в январе 1942 г. — 217 тыс., в феврале — 246 тыс., в марте — 330 тыс. человек (см. там же, стр. 447).

⁷⁴ Там же, стр. 176.

⁷⁵ Там же, стр. 179.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ См. там же, стр. 182.

⁷⁸ См. там же, стр. 206—207.

Как показывали расчеты комиссии, чтобы принудить немцев к «переброске значительной части войск с русского фронта», требовались сухопутные войска численностью примерно 600 тыс. человек, поддерживаемые авиацией, имеющей в своем составе до 6 тыс. самолетов⁷⁹. Далее высказывалось мнение о наличии возможностей начать англо-американское воздушное наступление против Германии во второй половине июля с тем, чтобы спустя шесть недель предпринять вторжение наземных войск⁸⁰. Был составлен даже план вторжения в Северную Францию, разработанный управлением военного планирования. Он предусматривал форсирование Ла-Манша в самом узком месте и высадку войск на французском побережье между Кале и Гавром, восточнее Сены, и расширение захваченного плацдарма в восточном направлении за Дюнкерк — до Остенде и Зеебрюгге на бельгийском побережье⁸¹.

Итак, для осуществления этих вполне реальных планов в 1942 г. западным союзникам следовало бы признать первоочередное значение второго фронта в Европе. Но поскольку к тому времени в руководящих политических и военных кругах не было единства взглядов по этому вопросу, то комиссия стратегического планирования 14 марта представила комитету начальников штабов три варианта стратегического курса союзников.

Один из них, обозначенный литерой «А», не предусматривал вторжения в Европу в ближайшее время. Он гласил: «Защита стратегических позиций на Тихоокеанском театре путем посылки туда крупных подкреплений за счет осуществления активных наступательных действий против Германии с участием американских вооруженных сил; сдерживание японских сил в южной части Тихого океана; истощение противника, экономический нажим на противника путем уничтожения его судов».

Этому курсу противопоставлялся вариант «Б»: «Пока Россия является еще достаточно мощным союзником, сосредоточить основную массу наших войск для энергичного наступления, начиная его из Англии, с целью окончательного разгрома Германии. Пока Германия не будет разгромлена, следует примириться с возможностью потери юго-западной части Тихого океана».

Наконец, вариант «В», близкий к точке зрения Эйзенхауэра и являвшийся как бы компромиссом между первыми двумя, предлагал: «Направить в южную часть Тихого океана пополнения, минимально необходимые... для обороны на этом театре. Одновременно приступить к накоплению в Соединенном Королевстве сил для наступления в ближайшее по возможности время». Этот план действий предусматривал, что англичане обеспечивали большую часть сил для наступления с территории Соединенного Королевства в 1942 г.⁸²

⁷⁹ М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ соч., стр. 207.

⁸⁰ Там же, стр. 207—208.

⁸¹ Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 118—119.

⁸² М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 189.

При обсуждении этих предложений комитет начальников штабов 16 марта высказался за то, что «из всех возможных планов действий» для США «выгоднее всего приступить к сосредоточению войск в Соединенном Королевстве, оставив на Тихом океане войска, необходимые для решения текущих задач»⁸³.

Предпочтение, следовательно, было отдано третьему варианту, согласно которому признавалась первоочередность задачи сокрушения фашистского блока в Европе, однако в то же время предоставлялась свобода действий для направления сил и средств в район Тихого океана. Причем явная неопределенность формулировки относительно того, что их количество должно соответствовать «текущим задачам», допускала любое толкование последних, в том числе и такое, при котором не осталось бы войск для осуществления главной задачи — открытия второго фронта в Европе.

Несмотря на это, все более четко определявшийся в США стратегический курс не вполне совпадал с принятым на Вашингтонской конференции. Последний предусматривал по существу действия на периферии, прежде всего на Ближнем и Дальнем Востоке. Он был выгоден Англии, так как был направлен на сохранение Британской колониальной империи. Стратегический же курс США, подчиненный в целом интересам американского империализма, в то же время включал, хотя и неоследовательно, с оговорками, подготовку операций в Западной Европе.

При этом, если в планирующих штабных органах определяющее влияние на американское отношение к проблеме вторжения в Европу в 1942 г. вначале оказывало признание его важнейшим способом достижения антифашистской коалицией победы над Германией, то затем, по мере рассмотрения планов в высших военных и политических кругах, все больше выдвигалась идея второго фронта как средства оказания помощи Советскому Союзу, чтобы не допустить его выхода из войны.

Штаб американской армии продолжал попытки выработать «единую точку зрения» на «основные задачи войны». 25 марта Эйзенхауэр представил генералу Маршаллу новый меморандум, в котором повторил доводы своего доклада от 28 февраля и заявил, что ближайшими важными задачами, помимо защиты американского континента, являются: обеспечение безопасности Англии, сохранение России в качестве активного союзника в войне и оборона Среднего Востока. Все остальные задачи должны считаться весьма желательными, но не обязательными. Далее он писал, что «главной целью нашего первого большого наступления должна быть Германия, которую надо атаковать на западе Европы»⁸⁴.

Этот вывод обосновывался тем, что: а) операции в Западной Европе не потребуют дальнейшего распыления оборонительных воздушных и морских сил, которые в любом случае должны были

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же, стр. 211.

обеспечить безопасность своих коммуникаций в Англию; б) поскольку расстояние от США до Великобритании короче, чем до любого другого театра военных действий, США могли бы с помощью наименьшего тоннажа снабжать большую армию; в) уже одно сосредоточение авиации и сухопутных войск в Великобритании составляло бы угрозу для Германии и помешало бы ей направить основные силы и резервы на Восток; г) Великобритания обладала развитой сетью аэродромов, с которых авиация союзников могла вести действия с целью завоевания господства в воздухе, необходимого для успешной высадки морского десанта; д) для вторжения можно было в максимальной степени использовать английские вооруженные силы, не ослабляя при этом обороны страны; е) нанесение удара через Ла-Манш давало возможность кратчайшим путем выйти к важнейшим промышленным центрам Германии; ж) наконец, осуществление этого плана было бы попыткой нападения на Германию в тот момент, когда ее силы были скованы на других фронтах⁸⁵.

В тот же день генерал Маршалл, военный министр Стимсон, министр военно-морского флота Нокс, генерал Арнольд и Г. Гопкинс за завтраком в Белом доме обсудили основное содержание этого меморандума с президентом Рузвельтом. Последний одобрил замысел и дал указание разработать «по возможности к концу недели» план наступательных действий. Чтобы избежать «волоките», Гопкинс предложил представить новый план на рассмотрение не Объединенному совету начальником штабов, а непосредственно английскому правительству⁸⁶.

Здесь следует отметить, что примерно за пять недель до этого, 16 февраля, обсуждая с Гопкинсом «вопрос о мерах, которые должны быть немедленно приняты... армией и флотом», Рузвельт ничего не говорил о проблеме второго фронта в Европе. Во всяком случае в сделанной его собеседником записи беседы об этом не было ни слова. В составленных на основе этого обсуждения двух «перечнях первоочередных задач» весьма подробно рассматривались предполагаемые действия на Тихом океане, в Юго-Восточной Азии и Атлантике, а вторжение на европейский континент даже не упоминалось⁸⁷.

Трудно предположить, что это результат «забывчивости» Гопкинса, ибо для него вопрос о втором фронте был одним из главных. Так, в представленной им президенту памятной записке от 14 марта того же года, в частности, говорилось: «Вряд ли может быть что-нибудь важнее создания этим летом какого-то фронта против Германии. Вы должны тщательно обсудить этот вопрос с Маршаллом в первую очередь и с Черчиллем — во вторую. Думаю, что времени терять не следует, ибо, если мы собираемся что-то предпринять, необходимо немедленно разработать планы»⁸⁸.

⁸⁵ См. *М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч.*, стр. 211—212.

⁸⁶ См. там же, стр. 212.

⁸⁷ См. *Р. Шерауд. Указ. соч.*, т. II, стр. 92—94.

⁸⁸ Там же, стр. 118.

Что касается Рузвельта, то в начале марта 1942 г. он заявил советскому полпреду в США, что «нажимает на англичан», добиваясь вторжения в Европу⁸⁹. О характере и способах этого нажима трудно судить, поскольку из ставших доступными документов того времени к данному вопросу относится только телеграмма Рузвельта Черчиллю от 9 марта 1942 г., касавшаяся разделения стратегических сфер между США и Великобританией. Отметив, что Атлантика (Северная и Южная) и Западная Европа образуют район совместной англо-американской ответственности, Рузвельт писал: «Я все больше и больше интересуюсь созданием нового фронта этим летом на континенте Европы, во всяком случае с точки зрения воздушных операций и рейдов. С точки зрения судоходства и снабжения для нас неизмеримо легче принять в нем участие, так как максимальное расстояние здесь составляет около 3 тыс. миль. Даже если потери, несомненно, будут большими, они будут компенсированы по крайней мере равными потерями немцев и тем, что немцы будут вынуждены оттянуть крупные силы с русских фронтов»⁹⁰.

Эта в какой-то мере оригинальная мысль была высказана слишком информационно и, естественно, не свидетельствует об американском нажиме на англичан.

1 апреля, ровно через неделю после обсуждения предложений Эйзенхауэра, президенту был представлен так называемый меморандум Маршалла. Это были: а) собственно меморандум, который включал основные положения, высказанные Эйзенхауэром, и результаты новых изысканий штаба армии США; б) общий план вторжения на континент Европы, подготовленный начальниками штабов еще 27 марта⁹¹.

Как и в предыдущих американских документах, в меморандуме Маршалла основным был тезис о том, что «Западная Европа избрана местом, где будет предпринято первое большое наступление объединенных держав». Мотивировка этого решения была та же, что и в последнем меморандуме Эйзенхауэра. Серьезное уточнение и конкретизацию получил только один последний пункт, который теперь выглядел следующим образом: «Основная масса боевых сил Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и России может быть использована одновременно только против Германии, и то лишь в том случае, если мы предпримем атаку своевременно... Успешное наступление в этом районе явится максимальной поддержкой для русского фронта»⁹².

⁸⁹ *И. Земсков*. Дипломатическая история второго фронта. — «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 74.

⁹⁰ *W. Churchill*. Op. cit., v. IV, p. 175—176; *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. II, стр. 104—105, 117.

⁹¹ Возможность участия американских войск во вторжении была определена на основе предполагаемого роста их сил к 15 сентября 1942 г. и 1 апреля 1943 г. (см. *М. Мэтлофф*, *Э. Снэлл*. Указ. соч., стр. 212—213).

⁹² *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. II, стр. 119—120. В другом американском исследовании этот последний пункт изложен следующим образом: «Наконец,

Как мы видим, довод в пользу создания второго фронта в Европе как средства помощи Советскому Союзу был поставлен на последнее место. Ему предшествовали, как более значительные, политические и военно-стратегические соображения. Более того, из меморандума Маршалла, в котором второй фронт рассматривался как важнейшее средство осуществления американских целей в войне, явствовало, что для достижения последних США нуждались в помощи со стороны Советского Союза и именно поэтому были заинтересованы в дальнейшем его участии в войне против фашистской Германии.

Весьма существенным в меморандуме был пункт о необходимости скорейшего принятия союзниками решения о направлении главного удара, с тем чтобы они могли своевременно и должным образом организовать «военное производство, специальное строительство, обучение войск, их переброску и распределение».

Во второй части документа в общем плане вторжения союзных армий на континент Европы предложения первой части не нашли, однако, конкретного развития. В ней отмечалось, что все планы и приготовления должны были преследовать одну цель — «наступление союзных войск силою 48 дивизий и 5800 самолетов в Западной Европе», но осуществить его предполагалось только когда необходимые для него силы и средства будут собраны в Англии (по предварительным расчетам — 1 апреля 1943 г.). Американцы намеревались к тому времени перебросить на Британские острова 30 дивизий и 3250 боевых самолетов — всего около 1 млн. человек. Англичане должны были выставить 18 дивизий и 2250 боевых самолетов. Этими силами предполагалось завоевать господство в воздухе и осуществить высадку морского десанта между Гавром и Булонью, а затем ввести мощную танковую группу, прорвать оборону противника и развить наступление к бельгийскому порту Антверпен⁹³.

Итак, вновь появилась та же дата открытия второго фронта (не ранее 1 апреля 1943 г.), которая называлась американцами в 1941 г. При этом не учитывались происшедшие с тех пор изменения в стратегической обстановке, определявшиеся переходом Красной Армии в наступление в начале 1942 г., а также вынужденным в связи с событиями на советско-германском фронте ослаблением группировки немецко-фашистских войск в Западной Европе. Между тем именно эти перемены открывали возможность предпринять вторжение уже в 1942 г. с надеждой на серьезный успех. Был в американском плане и явный просчет. Его авторы, не проанализировав распределение сил немецкой группировки в Западной Европе, предлагали нанести удар в наименее подходящем для этого

нападение на Германию через Западную Европу «оказало бы максимально возможную помощь» Советскому Союзу, «чье дальнейшее участие в войне весьма необходимо для разгрома Германии» (*R. S. Cline. Op. cit., p. 156*)

⁹³ См. *М. Мэглофф, Э. Снэлла. Указ. соч., стр. 215—216; Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 120; R. S. Cline. Op. cit., p. 158.*

месте — между Булонью и Гавром, т. е. именно там, где гитлеровское командование более всего ожидало вторжения и в связи с этим держало здесь самые боеспособные дивизии.

Что касается определенного начальниками штабов срока вторжения — 1 апреля 1943 г., то он был продиктован тем, что США не желали подвергать новому риску свои позиции в районе Тихого океана, в Восточной Азии и на Среднем Востоке. Вследствие этого осуществление названного плана, как предусматривалось, зависело от того, что: «а) линия Аляска—Гавайи—Самоа—Австралия будет удержана, и численность войск в гарнизонах на Тихом океане возрастет со 175 тыс. до 300 тыс.; б) отправка американских войск и судов в Новую Зеландию, на Средний Восток и на театр военных действий Китай—Индия будет произведена согласно плану»⁹⁴.

Однако и это было не все. Два других условия предусматривали, что: «... в) СССР будет продолжать сковывать основную массу германских вооруженных сил...; г) численность войск государств оси останется приблизительно на уровне апреля 1942 г.»⁹⁵ Эти два пункта играли исключительно важную роль в американской стратегии по вопросу о втором фронте и основывались на стремлении не допустить ни выхода СССР из войны, ни его победы над Германией без участия западных союзников. Вот почему одновременно с изложенным выше был подготовлен и второй план, названный «Слэджджхэммер» и предусматривавший вторжение в Европу примерно 15 сентября 1942 г. Его намечалось осуществить лишь в двух случаях, а именно: «...если 1) *положение на русском фронте станет отчаянным*, т. е. если успех германского оружия будет настолько полным, что создастся угроза неминуемого краха русского сопротивления... В этом случае атаку следует рассматривать как жертву во имя общего дела; 2) *положение немцев в Западной Европе станет критическим*»⁹⁶.

Американские историки рассматривают этот план, с одной стороны, как готовность правительства США пойти на жертвы во имя оказания бескорыстной помощи своему союзнику — СССР, а с другой — как неопровержимое свидетельство того, что оно хотело создать второй фронт в Европе в 1942 г. Но, как явствует из изложенного выше, это было далеко не так.

Планирование вторжения на континент Европы в 1942 г. определялось крайней заинтересованностью правительства и военных кругов США в сохранении советско-германского фронта, без которого

⁹⁴ М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 215.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 120. Существует и иная формулировка этих условий. Она гласит: «Это вторжение предполагалось осуществить лишь в двух случаях: во-первых, если положение на советском фронте окажется настолько тяжелым, что только англо-американское наступление на западе сможет предупредить его полный развал, и, во-вторых, если оборона Германии в Западной Европе будет сильно подорвана» (см. М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 216).

они не видели возможности добиться победы над фашистской Германией. Кроме того, следует иметь в виду, что американцы, занятые укреплением своих позиций на Тихом океане, на самом деле не стремились в 1942 г. направлять достаточно крупные вооруженные силы для действий в Европе. По подсчетам штабных работников, к 15 сентября 1942 г. предполагалось перевезти на Британские острова только три с половиной американские дивизии (включая и части, уже находившиеся в Северной Ирландии) и не более 700 самолетов ⁹⁷.

Основную тяжесть проведения этой «чрезвычайной» операции должны были взять на себя англичане. Таким образом, готовность США была в сущности лишь стремлением вложить капитал, к тому же и чужой, в прибыльное дело, чтобы получить дивиденды, значительно превышающие размер самих вложений.

Принятие этого американского плана привело бы лишь к тому, что в 1942 г. Советскому Союзу, несшему основную тяжесть войны против фашистского блока в Европе, с Запада помогали бы главным образом англичане. Американцы же могли пока укреплять свое положение на Тихом океане, а затем прийти в Европу со свежими войсками.

На тот факт, что операция «Слэджджэммер» намечалась отнюдь не с целью оказания военной помощи Советскому Союзу, указал, например, американский историк Морисон. Он писал: «Этот план Маршалла не был левой программой, направленной на то, чтобы помочь красным. Это был единственно практически осуществимый план быстрого накопления американских вооруженных сил в Великобритании и предоставления самого высокого приоритета производству танков, десантных катеров, танко-десантных судов с таким расчетом, чтобы мы могли захватить плацдарм во Франции в августе или сентябре 1942 г. и осуществить большое вторжение в 1943 г.» ⁹⁸ Наконец, Мэтлофф и Снэлл, подтверждая стремление американцев к тому, чтобы СССР и Великобритания в 1942 г. подготовили благоприятные условия для вторжения вооруженных сил США в 1943 г., отмечали: «Если не считать этой досрочной операции вторжения, то действия американцев в Европе в 1942 г. должны были ограничиться воздушными налетами и небольшими рейдами на побережье противника» ⁹⁹.

Меморандум Маршалла от 1 апреля 1942 г. в тот же день обсуждался на совещании в Белом доме и был одобрен Рузвельтом. Президент предложил Гопкинсу и Маршаллу немедленно доставить этот документ в Лондон правительству и начальникам штабов Англии.

Более того, он тут же направил телеграмму Черчиллю, в которой

⁹⁷ М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 217.

⁹⁸ S. E. Morison. American Contributions to the Strategy of World War II. London, 1958, p. 22—23.

⁹⁹ М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 217.

сообщал: «Изучив военные проблемы ближайшего и более далекого будущего, стоящие перед Объединенными Нациями, я пришел к некоторым выводам, имеющим столь важное значение, что мне захотелось, чтобы все это было изложено Вам, и я просил бы Вас одобрить это. Все зависит от тесного сотрудничества наших обеих стран. Поэтому Гарри (Гопкинс. — В. К.) и генерал Маршалл вскоре выедут в Лондон, чтобы информировать Вас об основных моментах. Когда я получу от Вас весточку после Ваших бесед с Гарри и Маршаллом, я предполагаю обратиться к Сталину с предложением немедленно послать двух специальных представителей. Я надеюсь, что русские будут горячо приветствовать эти планы. Мне хотелось бы, чтобы они рассматривались как планы Объединенных Наций, и я думаю, что они могут быть разработаны в полном соответствии с тем, чего хочет английское и американское общественное мнение»¹⁰⁰.

Таким образом, к 1 апреля 1942 г. в США был выработан свой взгляд на стратегию союзников и роль американских вооруженных сил в войне. И несмотря на то что нанесение всеми союзниками совместного удара по фашистской Германии в Европе признавалось главным и решающим условием успеха и что результаты таких действий могли неизбежно оказать влияние на исход войны не только на Западе, но и на Востоке, тем не менее создать второй фронт предполагалось не ранее весны 1943 г. По весьма меткому определению американского историка Макнейла, этот «план оказался не более как первоапрельской шуткой»¹⁰¹.

К тому же в политических и военных кругах США не было ни единства взглядов в отношении выработанного стратегического курса, ни твердого намерения осуществить его. Моряки во главе с адмиралом Кингом не отказались от мысли прежде всего добиться перелома в ходе военных действий на Тихом океане. У президента же Рузвельта, хотя он и одобрил изложенные выше планы вторжения в Европу, не выходила из головы идея захвата Северо-Западной Африки американскими и английскими войсками. В этом различии точек зрения таилась серьезная опасность для намеченного стратегического курса, ибо под влиянием заинтересованных лиц или групп при малейшем изменении обстановки он мог быть пересмотрен либо в своей основе, либо в отношении способов и последовательности его проведения.

¹⁰⁰ Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 121—122; W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 280.

¹⁰¹ W. H. McNeill. America, Britain and Russia. London—New York—Toronto, 1953, p. 172.

Реакция и маневры англичан

В то время как американцы вырабатывали свой взгляд на коалиционную стратегию и, в частности, определяли отношение к вторжению в Европу, англичане тоже продолжали обсуждение военных планов. Значительное место среди них занимали проекты отвлечения части немецких сил с Востока. В целом английская точка зрения на ведение войны, определившаяся еще во время конференции «Аркадия», не претерпела изменений. И хотя с тех пор в Лондоне еще больше возросла заинтересованность в сохранении советско-германского фронта, однако о вторжении английских и американских армий во Францию в 1942 г. по-прежнему не было и речи.

23 марта лорд Маунтбэттен, возглавлявший объединенный английский отдел стратегического планирования, предложил американцам свой план операции по вторжению на европейский континент¹⁰². Предусматривалось в начале лета 1943 г. высадить морской десант в районе Гавра, а затем провести наступление с целью захвата Рура. В операции должны были участвовать английские военно-воздушные и морские силы, диверсионно-десантные отряды, авиадесантные и зенитные части, шесть танковых и шесть пехотных дивизий. Американская помощь планировалась в виде прикрытия высадки морского десанта военными кораблями, предоставления необходимого количества эскортных судов и создания условий для использования некоторых английских частей на тыловой службе. Данная операция, как подчеркивалось в плане, могла быть проведена только «при условии значительного ослабления немецкой военной мощи» и подлежала отсрочке в том случае, если к 1943 г. «вооруженные силы и моральное состояние противника не будут ослаблены»¹⁰³.

Английский проект плана совпадал с американским в главном — в стремлении переложить основную тяжесть войны на Советский Союз, а также в отношении срока открытия второго фронта (не ранее весны 1943 г.). Что же касается целей и характера действий, он имел существенные отличия. В английские расчеты совсем не входило ввязываться в опасную, а возможно, и довольно напряженную борьбу в Европе в 1942 г., когда фашистская Германия еще не истощила свои ресурсы, а ее вооруженные силы сохраняли высокую боеспособность и, более того, могли перейти в наступление.

Американцам при этом отводилась второстепенная роль в возможной операции 1943 г., тогда как американцы рассчитывали на такую же роль в 1942 г., но не в следующем, когда они намеревались занять уже господствующее положение.

Вообще в вопросе об отвлечении части немецких сил с советско-германского фронта, не раз обсуждавшемся английскими политическими и военными руководителями, дело не шло дальше разговоров.

¹⁰² *T. Higgins. Op. cit., p. 103.*

¹⁰³ *М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 209—210.*

Так, командующий бомбардировочной авиацией Артур Харрис предложил для этой цели применить ожесточенные бомбардировки Германии. Поддерживая эту идею, Черчилль заявил, что «Германия может быть нанесено поражение только одними интенсивными бомбардировками»¹⁰⁴. Сам премьер-министр, кроме того, с «неудержимым оптимизмом продолжал обсуждать проекты вторжения во Французскую Северную Африку, высадки десанта у Шербура и рейда против Норвегии в дополнение к экспедиции на Мадагаскар, чтобы не допустить захвата его японцами»¹⁰⁵. Однако начальник имперского генерального штаба А. Брук опасался, что обсуждавшиеся варианты диверсионных рейдов на побережье Норвегии и Франции приведут лишь к распылению сил¹⁰⁶.

Некоторое представление о том, насколько бесплодно обсуждалась тогда проблема «облегчения положения русских»¹⁰⁷, дают следующие записи в дневнике А. Брука:

«10 марта 1942 г. Продолжительное заседание начальников штабов, на котором впервые присутствует Маунтбэттен. Мы обсуждали проблему помощи России путем действий во Франции крупными рейдами или захватом плацдарма. Решили, что единственная надежда — попытаться отвлечь воздушные силы из России, и для этой цели должен быть проведен рейд на фронте Кале. Дано указание продолжить дальше исследование. . .

28 марта. . . Трудное совещание начальников штабов. . . Мы обсуждали способы и средства создания нового Западного фронта. Я высказал мнение, что Западный фронт, чтобы быть полезным, должен заставить (противника. — В. К.) отвести силы из России. Было невозможно имеющимися в нашем распоряжении сухопутными силами заставить немцев отвести их сухопутные силы из России, однако мы могли заставить их отвести воздушные силы. Но чтобы сделать это, вторжение должно быть осуществлено в пределах нашего воздушного прикрытия, а именно: в окрестностях Кале или Булони. Маунтбэттен все еще настаивал на вторжении около Шербура, где невозможно было обеспечить должной поддержки с воздуха. . .

30 марта. . . Утром начальники штабов обсуждали предложенный рейд на Булонь. . . После ужина должен был посетить премьер-министра в 10.30 вечера. Задержался до 1 часу ночи, обсуждая возможности различных форм наступления в Северной Франции, чтобы помочь России в случае успеха германского наступления, которое было вполне вероятным. Трудная проблема. Всеобщее требование открыть Западный фронт становится все более настойчивым. . . К сожалению, страна не могла знать обстановку, хорошо известную нам»¹⁰⁸.

¹⁰⁴ T. Higgins. Op. cit., p. 99.

¹⁰⁵ A. Bryant. The Turn of the Tide. London, 1957, p. 340.

¹⁰⁶ Ibidem.

¹⁰⁷ Ibid., p. 370.

¹⁰⁸ Ibid., p. 370—371.

Все это вновь подтверждает, что проблема второго фронта как согласованных действий вооруженных сил союзников против фашистской Германии была подменена вопросом об оказании военной помощи Советскому Союзу, да и то лишь в случае, если ожидаемое немецкое наступление на советско-германском фронте будет иметь решающий успех. О вторжении же в Западную Европу крупными силами в 1942 г. английские начальники штабов не хотели и думать, утверждая, что возможностей для этого не существует.

Основные усилия правящих кругов Англии тогда направлялись на то, чтобы сохранить колониальную империю. В начале апреля 1942 г., как отмечал в своих записках А. Брук, «мы (англичане. — В. К.) сражались не на жизнь, а на смерть, чтобы закрыть бреши. Каир не был в полной безопасности. Персии (Ирану) с ее драгоценной нефтью угрожало наступление немецких войск на юге России, под угрозой находился восточный фланг Индии, жизненно важные коммуникации через Индийский океан могли быть прерваны в любой момент, Австралия и Новая Зеландия оставались незащищенными от нападения»¹⁰⁹.

Сквозь основательно сгущенные краски этого патетического описания нетрудно разглядеть, что правительство и начальники военных штабов Англии главную опасность для себя видели в трудностях борьбы в бассейне Средиземного моря. По вполне обоснованному определению де Голля, «политика Лондона в данных условиях была нацелена на Средиземноморье, где Англия защищала уже завоеванные позиции как в Египте и вообще арабских странах, так и на Кипре, на Мальте, в Гибралтаре; предполагалось овладеть новыми позициями в Ливии, Сирии, Греции, Югославии. Вот почему Великобритания старалась направить англо-американское наступление в сторону этого театра»¹¹⁰.

Единственным, что предприняли англичане в Западной Европе в конце 1941 и начале 1942 г., были рейды на территорию, занятую противником. Один из них, направленный преимущественно против немецкого судоходства, был успешно совершен 27 декабря 1941 г. на норвежское побережье. В нем участвовали комбинированные силы флота, армии и авиации¹¹¹. Весной 1942 г. по требованию Черчилля были подготовлены и осуществлены три рейда. Наибольший успех имела операция 28 марта против морской базы Сен-Назер и базировавшихся здесь подводных лодок. В результате нападения были взорваны ворота большого шлюза, единственного за пределами Германии, который мог быть использован в качестве сухого дока для крупных кораблей типа «Тирпиц».

22 апреля был проведен новый рейд на французское побережье. На наиболее укрепленном участке немецкой обороны вблизи Булони англичане оттеснили противника, а их разведывательные группы

¹⁰⁹ А. Bryant. Op. cit., p. 350—351.

¹¹⁰ Ш. де Голль. Военные мемуары. Единство. 1942—1944 годы. М., 1960, стр. 12.

¹¹¹ «Правда», 29.XII 1941.

проникли через линию береговой обороны. Спустя два часа они отошли обратно. Английские войска при этом понесли весьма незначительные потери ¹¹².

Любопытно, что даже такие незначительные по масштабам и целям операции крайне обеспокоили фашистское командование. Например, 13 апреля главнокомандующий германскими военно-морскими силами с тревогой докладывал Гитлеру: «Силы противника возрастают. Наша армия и авиация ослаблены из-за событий на Востоке. Почти все военно-морские силы переброшены в Норвегию. У нас нет средств отразить попытку противника произвести высадку. Обстановка побуждает противника на операции, подобные проведенной 28 марта 1942 г.»¹¹³. Учитывая, что опасность повторения таких нападений останется «до тех пор, пока не будет ни эффективной морской обороны, ни надлежащей воздушной разведки», Гитлер потребовал, чтобы «по крайней мере самые важные морские базы, например базы подводных лодок, были настолько хорошо защищены, чтобы исключалась возможность успешных рейдов»¹¹⁴.

Таким образом, уже первые рейды выявили слабость морской и сухопутной обороны побережья Франции и свидетельствовали о возможности вторжения в этом районе крупных американских и английских сил уже в 1942 г. Но английское верховное командование, как уже отмечалось, не было заинтересовано в том, чтобы воспользоваться такими благоприятными условиями. Более того, оно, по-видимому, проводило подобные рейды с единственной целью создать видимость каких-то действий в Западной Европе и этим хоть до некоторой степени успокоить общественное мнение Великобритании, а также США, все настойчивее требовавшее открытия второго фронта.

Усиление борьбы за второй фронт

Необходимо прежде всего отметить, что к тому времени широко распространились советские идеи коалиционной войны. Они находили теперь отражение не только в официальной переписке между главами правительств, но и в непосредственных обращениях Советского правительства и его представителей к общественности США и Великобритании.

Что касается борьбы за открытие второго фронта дипломатическими средствами, то 14 марта в послании английскому премьер-министру У. Черчиллю глава Советского правительства И. В. Сталин выразил твердую уверенность в том, что совместные усилия союзных войск, несмотря на отдельные неудачи, «в конечном счете сломят силы нашего общего врага и что 1942 год будет решающим в повороте событий на фронте борьбы с гитлеризмом»¹¹⁵. Это было

¹¹² «Правда», 23.IV 1942.

¹¹³ «Brassey's Naval Annual, 1948», p. 269.

¹¹⁴ Ibid., p. 271.

¹¹⁵ «Переписка...», т. I, стр. 39.

не только выражением оптимизма Советского правительства, его уверенности в неизбежности разгрома агрессоров, но и напоминанием Черчиллю о необходимости открыть второй фронт.

И. М. Майский пишет, что Черчилль, прочтя это послание, с раздражением заметил: «Не вижу, как 1942 год может стать решающим годом»¹¹⁶. Далее в ходе беседы он сказал: «Вся имеющаяся у меня информация говорит о том, что немцы готовят удар на восток... Да, вам придется выдержать весной страшный удар. Мы должны вам помочь. Сделаем все, что сможем»¹¹⁷.

Два дня спустя, выступая в Нью-Йоркском экономическом клубе, полпред СССР в США М. М. Литвинов подверг критике американскую политику и стратегию и призвал к немедленным действиям. Отметив, что свободолюбивые народы антифашистской коалиции ведут совместную борьбу, он указал на опасность увлечения общими заявлениями о том, что «в конце концов мы победим, так как добро неизбежно торжествует над злом». Советский полпред подчеркнул, что впервые появились «практические пути обеспечения победы над Гитлером, являющимся основной пружиной держав оси. Нельзя отрицать ту истину, что практические пути к победе связаны с риском... Не исключено, что, проводя политику ожидания, не принимая ничего и упуская одну возможность за другой, мы подвергаемся еще большему риску. Между тем действия, связанные с риском, имеют во всяком случае некоторые шансы на успех, в то время как бездействие, которое связано также с риском, практически никогда не приводит к успехам»¹¹⁸.

Вопрос о согласованных действиях союзников против Германии в 1942 г. и захвате ими стратегической инициативы еще более определенно поставил полпред СССР в Великобритании И. М. Майский. 25 марта в речи по случаю вручения советских орденов английским летчикам он заявил: «...Целый ряд симптомов заставляет думать, что война приближается к решающему моменту и что 1942 году суждено стать поворотным пунктом ее развития... Враг ставит ставку на 1942 год. Именно весной и летом этого года он собирается сделать «сверхчеловеческие» усилия, чтобы победить. Задачи союзников очевидны: они тоже должны поставить ставку на 1942 год и весной и летом именно этого года сделать свое «сверхчеловеческое» усилие для того, чтобы разбить врага... Такова наилучшая из возможных стратегий... Сейчас решающий момент — 1942 год, решающий участок мирового фронта — СССР. Из этого надо исходить. Если союзники действительно хотят победы (а в этом я не сомневаюсь), то они должны суметь сконцентрировать в данный

¹¹⁶ И. М. Майский. Указ. соч., стр. 235.

¹¹⁷ Там же, стр. 254.

¹¹⁸ «Правда», 19.III 1942. Отвечая М. М. Литвинову, присутствовавший на приеме английский посол в США лорд Галифакс вынужден был заявить, что союзники не намерены ограничиваться оборонительной стратегией, «которая никогда не может обеспечить полного разгрома Гитлера и его сообщников» (см. там же).

момент и на данном участке фронта силы, превосходящие силы неприятеля. Как, когда, в каких формах это должно быть осуществлено — дело союзных штабов. Важно лишь то, чтобы вся работа штабов была проникнута одной мыслью, одним лозунгом — 1942 год, а не 1943»¹¹⁹.

Выступая 10 апреля в Филадельфии на сессии 46-й ежегодной конференции Американской академии политических и общественных наук, посвященной теме «Объединенные усилия», М. М. Литвинов отметил, что «нельзя уничтожить Гитлера при помощи блокады Германии или же при помощи одних лишь бомбардировок германских городов. Этого можно добиться лишь на поле сражения». Он заявил, что окончательный разгром фашистской Германии требует «определенных объединенных усилий Советского Союза и Англии и дополнительной помощи Соединенных Штатов». Касаясь вопроса о стратегической инициативе, советский полпред сказал: «Не пора ли заставить Гитлера призадуматься над тем, в каком направлении его противники предпримут следующие удары, в какой части континента они высадят войска! Вот для этого нужны объединенные усилия, а не абстрактные усилия, усилия в будущем»¹²⁰.

Выступления М. М. Литвинова и И. М. Майского, на которые откликнулись многие американские и английские газеты и журналы, положили начало новой форме борьбы Советского Союза за открытие второго фронта в Европе — обращению не только к правительствам, но и непосредственно к народам США и Великобритании. Они оказали определенное влияние на общественность этих стран.

В Англии как в народе, так и в парламенте и до того раздавалась критика по адресу правительства. Характерной для того времени была, в частности, дискуссия 24—25 февраля 1942 г. в палате общин по вопросу о военной обстановке. Создания второго фронта требовали многие выступавшие. Так, депутат Барстоу заявил: «Мы уже два с половиной года находимся в состоянии войны, и еще год до этого мы готовились к войне. Таким образом, у нас было три с половиной года подготовки к войне и участия в ней. Чего же мы достигли? Сумели ли мы проявить себя на полях сражений в Европе? Создали ли мы второй фронт в Европе? Нет»¹²¹. Депутат Бэртлетт высказался против затяжки вторжения в Западную Европу «до 1943 или 1944 г.» Он сказал: «... Мне представляется вполне возможным, что в этом году либо Россия разгромит Германию, либо Германия разгромит Россию. И если Россия добьется победы над Германией, я думаю, что это будет невыгодно для нашей страны, так как мы не приняли участия в достижении победы и не будем иметь права выдвигать свои требования во время переговоров о мире.

¹¹⁹ «Правда», 28.III 1942.

¹²⁰ «Правда», 12.IV 1942.

¹²¹ «Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report», Fifth Series, v. 378. London, 1942, col. 261.

Но если случится нечто противоположное, если Германия разгромит Россию, никто на континенте не усомнится в том, что в поражении повинны и мы, поскольку не сделали всего того, что могли для помощи Красной Армии»¹²².

Требование немедленно открыть второй фронт в Европе было настолько популярным в Великобритании, что, поддерживая его, некоторые политические деятели даже наживали политический капитал. Бывший английский посол в СССР Стаффорд Крипс в начале февраля выступил с речью по радио, в которой призывал к оказанию реальной военной помощи Советскому Союзу. «Эта речь, — отметил его биограф Э. Эсторик, — прослушанная миллионами людей во всех уголках страны, вознесла его до такой вершины популярности, которой он никогда до этого не испытывал... За ночь он завоевал миллионы сторонников, принадлежавших ко всем партиям, а также беспартийных»¹²³.

Настроения английского народа в пользу открытия второго фронта были настолько сильными, что не только официальная пропаганда, но и глава правительства Черчилль вынужден был публично выступать с оправданием своей политики. Воспользовавшись осложнением обстановки на Дальнем Востоке, он еще 27 января 1942 г. в выступлении в английской палате общин пытался представить затягивание решения проблемы второго фронта как мудрую стратегию, обеспечившую сохранение сил и средств, которые затем понадобились для отражения угрозы со стороны Японии.

«Я хотел бы знать, — заявил он, — что было бы с нами, если бы мы уступили требованиям, которые так шумно предъявлялись три или четыре месяца назад, а именно, что мы должны предпринять вторжение во Францию или Бельгию и Голландию? На стенах мы можем видеть надписи: «Второй фронт сейчас же». Кто не сочувствовал этому призыву? Но представьте себе, каково было бы наше положение, если бы мы уступили этому сильному искушению. Каждая тонна водоизмещения наших судов, каждая флотилия, каждый самолет, вся мощь нашей армии — все было бы вовлечено в борьбу не на жизнь, а на смерть на побережье Франции или Бельгии и Голландии. Все эти тревожные события на Дальнем Востоке и на Среднем Востоке показались бы мелочью по сравнению с проблемой нового и еще более ужасного Дюнкерка...»¹²⁴

Весной и особенно летом 1942 г. в Англии требования о немедленном открытии второго фронта стали еще более настойчивыми. На многих массовых митингах толпы людей требовали немедленной помощи России. По выражению английского историка А. Брайанта, «страна не могла понять, почему ее солдаты не в состоянии облегчить участь России»¹²⁵.

¹²² «Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report», Fifth Series, v. 378. London, 1942, col. 244.

¹²³ E. Estoric. Stafford Crips. A Biography. London, 1949, p. 294—295.

¹²⁴ W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 60.

¹²⁵ A. Bryant. Op. cit., p. 371.

Не менее активными были и в США выступления за скорейшее открытие второго фронта. Это требование содержалось в тысячах резолюций, писем и петиций, прибывавших в адрес правительства Рузвельта. Нью-йоркский корреспондент английской газеты «Дейли экспресс» так характеризовал настроения американского народа: «Наступление стало самым популярным словом в американском лексиконе. Если не будет второго фронта, то среди американского народа будет столько же разочарования, сколько и среди побоевому настроенного народа Великобритании»¹²⁶.

13 апреля в Нью-Йорке, в помещении «Карнеги-холл», 3200 участников митинга с одобрением слушали передававшуюся по радио из Англии речь настоятеля Кентерберийского собора Хьюлетта Джонсона, призывавшего правительства США и Великобритании «начать наступление в Западной Европе с целью разгромить Гитлера в 1942 г.»¹²⁷

Десять дней спустя ньюйоркцы с воодушевлением отнеслись к выступлению прибывшего в США лорда Бивербрука, который заявил: «... Почти в каждом уголке Великобритании раздается боевой клич: «Наступать! Наступать в поддержку России!» Страстное желание создать действующий фронт на Западе в помощь русским проникло глубоко в душу всего нашего народа. Известно, что русские ежедневно убивают больше немцев, чем все союзники вместе взятые... Россия может решить для нас исход войны в 1942 г. Сдерживая немцев, а возможно даже разгромив их, русские, быть может, сумеют подорвать всю структуру оси... Для оказания помощи России нужно нанести удар, сильный удар, несмотря ни на что. Что бы ни случилось, такие удары окажут настоящую помощь и будут представлять наш вклад в дело борьбы на русском фронте»¹²⁸.

Американская печать также все чаще выступала в поддержку вторжения в Европу.

«Нью-Йорк таймс» в те дни писала: «По обе стороны Атлантики сильно убеждение в том, что мы не можем позволить упустить имеющуюся возможность и что час нанесения удара настал»¹²⁹. В свою очередь «Нью-Йорк сан» заявляла, что «любая помощь, которую мы сумеем оказать русским, незамедлительно обернется в неопценимую помощь каждому из нас»¹³⁰.

Но ни требования Советского правительства, ни все более усиливавшееся давление со стороны народов в США и Великобритании не принимались во внимание правительствами этих стран. Конечно, им становилось все труднее проводить свою политику, и они вынуждены были для успокоения общественности сеять иллюзии о своем вкладе в борьбу СССР и о якобы готовящихся активных действиях на Западе.

¹²⁶ «Daily Express», 25.IV 1942.

¹²⁷ «New York Times», 14.IV 1942.

¹²⁸ «New York Times», 24.IV 1942.

¹²⁹ Ibidem.

¹³⁰ «New York Sun», 24.IV 1942.

Черчилль, например, в речи по радио 10 мая усиленно повторял, что «русским армиям» посланы «тысячи танков и аэропланов... из Британии и Америки» и что при помощи воздушных налетов на Германию ей будут причинены «страшные разрушения». Далее он заявил: «Можем ли мы сделать еще что-нибудь, чтобы оолегчить положение России? С разных сторон нас призывают вторгнуться на континент Европы и таким образом открыть второй фронт». И многозначительно продолжал: «Я, естественно, не сообрааюсь раскрывать наши намерения, но одно я скажу. Я приветствую боевой наступательный дух британской нации, находящийся такой отклик по ту сторону Атлантического океана. Непокколебимый боевой дух свободного народа, стремящегося к победе в своем правом деле, вдохновляет и подбадривает нас. Мы не должны отставать от народа ни в смелости, ни в мудрости»¹³¹.

Итак, к весне 1942 г. позиции социальных сил антифашистской коалиции в отношении второго фронта четко определились.

Правительство СССР и весь советский народ по-прежнему рассматривали его как средство проведения согласованных совместных действий против фашистской Германии с тем, чтобы уже в 1942 г. добиться перелома в войне, не позволить немецко-фашистскому командованию подготовить и провести новое стратегическое наступление на решающем фронте второй мировой войны — советско-германском. В тех условиях это было одно из важнейших средств закрепления победы, одержанной Красной Армией зимой 1941/42 г., и развития ее в успех всей антифашистской коалиции. Советская позиция со все возрастающей активностью поддерживалась народами и некоторыми политическими и общественными деятелями США и Великобритании, всеми прогрессивными силами, стремившимися как можно скорее разгромить фашистский блок и закончить войну.

Иной была линия американского и английского правительств, которые намечали открыть второй фронт не ранее 1943 г., тем самым затягивая сроки войны и перекладывая основные тяготы войны на Советский Союз и его вооруженные силы. Оба правительства ставили своей целью закрепить собственные колониальные позиции на Ближнем и Дальнем Востоке, а также на Тихом океане в интересах монополий США и Великобритании.

Следовательно, борьба за создание второго фронта в Европе в 1942 г. объективно была направлена против всей стратегии США и Великобритании, вытекавшей из их политики, которая не соответствовала освободительному, справедливому характеру войны против фашистского блока. Этим и объяснялись широкий размах и острота этой борьбы, а также сложное переплетение участвовавших в ней социальных сил.

¹³¹ АВП, ф. 69, оп. 31, д. 2, п. 106, л. 249, 251.

Военные переговоры в Лондоне

При всем совпадении основ политики и стратегии правящих кругов США и Великобритании существовали, однако, серьезные разногласия между ними, относившиеся к решению вопроса о способах ведения войны. Как уже отмечалось, американцы, хотя и с оговорками, предлагали провести в 1942 г. вторжение ограниченными силами в Западную Европу, чтобы заставить гитлеровское командование оттянуть часть войск с советско-германского фронта и подготовить плацдарм для развертывания основных действий на континенте в 1943 г., а англичане считали возможным обойтись в 1942 г. проведением рейдов, чтобы не отвлекать силы и средства от решения своих задач на Востоке.

Предложение правительства и начальников штабов США предусматривало, таким образом, хотя бы некоторую помощь Советскому Союзу, так как захват и расширение плацдарма на побережье Западной Европы в 1942 г. могли оказать серьезное влияние на сосредоточение и снабжение немецких сил на советско-германском фронте и в какой-то степени ослабить готовившийся ими удар. Кроме того, сделав первый шаг, высадившись на континенте, союзники вынуждены были бы сделать и второй — наращивать силы на плацдарме и создавать новый фронт войны. Английская же точка зрения полностью исключала возможность такой перспективы.

Первые попытки устранить это разногласие оказались безуспешными. Под несомненным влиянием англичан Объединенный штаб по стратегическому планированию дал по этому вопросу следующее заключение: «а) в 1942 г. невозможно (в связи с тем, что якобы не хватало тоннажа транспортного флота. — *В. К.*) переправить на континент необходимые для вторжения наземные войска и обеспечить их поддержку; б) вторжение в начале 1943 г. возможно при условии, что СССР будет продолжать войну столь же активно и сковывать основную массу немецких войск»¹³².

Эти выводы не совпали с точкой зрения американского комитета начальников штабов, который выразил сомнение в способности Советского Союза продолжать войну, если значительные силы германской армии не будут отвлечены вторжением английских и американских войск с Запада в 1942 г.

Чтобы согласовать американскую и английскую стратегию в общей войне, Рузвельт направил Г. Гопкинса и генерала Маршалла в Лондон, куда они и прибыли 8 апреля. В тот же день начались переговоры с англичанами, которые вскоре завершились согласием последних принять американский план. После всех имевших место до этого разногласий такой итог новой англо-американской встречи может показаться странным, однако он имеет свою логику.

Дело в том, что вопреки широко распространенной в американской историографии версии этих переговоров Маршалл и Гопкинс

¹³² М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 210.

добивались от англичан отнюдь не согласия на решительное наступление в Европе в 1942 г., а лишь принятия плана «Слэджхэммер», предусматривавшего ограниченные действия на побережье преимущественно британскими войсками, а также подготовки к нанесению удара основными силами в 1943 г. Причем представители США в пользу плана «Слэджхэммер» привели соображения не только относительно помощи Красной Армии в 1942 г., но и в равной степени о том, что проходившая обучение американская армия «должна была участвовать в активных наземных и воздушных операциях в целях приобретения боевого опыта»¹³³.

В частности, Гопкинс заявил на заседании британского комитета обороны, что «президент и американские военные лидеры, так же как и весь американский народ, единодушно считают: «Наши солдаты должны воевать!» Нет сомнения, что Западная Европа является единственным местом, где с противником можно расправиться скорее всего и самым решительным образом как на суше, так и на море и в воздухе. Американцы... не хотят посылать своих солдат за океан просто с экскурсионными целями, они хотят схватиться с врагом и закончить войну... Соединенные Штаты... борются, конечно, в своих собственных интересах, так же как это делает англичане, но в настоящее время интересы обеих стран совпали, и они должны бороться вместе»¹³⁴.

Основная суть этой речи, несомненно, состояла в том, что американские солдаты «должны воевать». Она была продиктована прежде всего уже отмеченной выше необходимостью для Рузвельта и его партии взять реванш за Пёрл-Харбор, чтобы поднять свой престиж перед выборами в конгресс. Кроме того, президент США уже не мог не сделать хотя бы жеста в сторону Европы, чтобы успокоить общественное мнение США, недовольное бездействием американских вооруженных сил в момент, когда СССР вел напряженную борьбу.

Возможно, что именно с такой целью поездка Гопкинса и Маршалла в Лондон была широко разрекламирована в США. В связи с этой миссией журнал «Тайм», например, писал: «В Соединенных Штатах и Англии миллионы встревоженных людей немедленно поверили в то, что им хотелось услышать, а именно, что их войска собираются предпринять наступление и открыть второй фронт в Европе». Американской прессе вторила английская. Лондонская «Таймс», комментируя приезд представителей США, многозначительно заявляла: «Как в нашей стране, так и в США все усиливается желание перейти от обороны к наступлению, добиться поворота в войне в 1942, а не в 1943 или 1944 г.»¹³⁵

Но, конечно, у американских политических и военных руководителей по-прежнему не было твердого намерения взять реванш

¹³³ М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 217—218.

¹³⁴ Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 145.

¹³⁵ Там же, стр. 140.

именно в Западной Европе, хотя она действительно была для США и Англии «единственным местом, где с противником можно расправиться скорее всего и самым решительным образом». В противовес этим словам Гопкинса генерал Маршалл заявил, что «причиной его приезда является стремление договориться о том, что же именно должно явиться основной задачей совместных англо-американских действий, а также когда и где эта задача должна быть решена»¹³⁶.

Если к этому добавить высказанное Маршаллом пожелание решить этот вопрос как можно скорее, чтобы развивать в определенном направлении производство и распределение военных материалов, обучение и переброску войск, то станут вполне ясными его действительные намерения. Они состояли в том, чтобы выбрать совместно с англичанами какое-нибудь направление военных действий, которое позволило бы американским войскам без серьезного риска добиться успеха в войне против фашистского блока.

Поэтому и не удивительно, что англичане «в принципе» согласились с американским предложением, что, впрочем, ни к чему их не обязывало. Еще во время первой встречи с Маршаллом и Гопкинсом 8 апреля они усиленно подчеркивали «малообнадеживающее» военное положение на Востоке и особенно в Индийском океане¹³⁷.

На заседании английского комитета обороны 14 апреля в присутствии Гопкинса и Маршалла все выступившие — Черчилль, Брук, начальник штаба военно-воздушных сил Портал, Иден, адмирал Маунтбэттен и даже лидер лейбористской оппозиции Эттли выразили (опять-таки «в принципе») согласие с американским планом, особенно с подготовкой вторжения на 1943 г., не преминув при этом обратить внимание гостей из США на опасность обстановки на Дальнем и Ближнем Востоке. В заключение Черчилль сказал, что «хотя еще остается разработать детали плана (вторжение через Ла-Манш в 1943 г.), однако имеется полное единодушие в отношении основ плана. Обе нации пойдут вперед плечом к плечу, объединенные благородным братством по оружию»¹³⁸.

Небезынтересно теперь обратиться к материалам, показывающим, как оценивали обе стороны результаты своих переговоров.

Что касается американских представителей, то они были довольны. Гопкинс направил Рузвельту восторженное сообщение о том, что английское правительство согласилось с главным американским предложением, а Маршалл в телеграмме военному министру подчеркнул, что Черчилль «внушительным образом выразил свое полное понимание целей и своевременности нашего визита». Английское правительство, по его мнению, намерено теперь «немедленно и энергично приступить к проведению всей необходимой подготовки к этой главной операции»¹³⁹.

¹³⁶ М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 217.

¹³⁷ W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 281—282; P. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 124—125.

¹³⁸ W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 286.

¹³⁹ P. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 146.

Иначе отнеслись к этому английские участники переговоров. То обстоятельство, что англичане имели тогда, хотя и не высказали, «собственную точку зрения» по этому вопросу, подтвердил впоследствии в мемуарах Черчилль. «Планируя гигантские действия в 1943 г., — писал он, — мы не могли отложить в сторону все остальные обязанности. Нашим первым обязательством перед империей была защита Индии от японского вторжения, которое ей, казалось, угрожало. К тому же эта задача была решающим образом связана со всей войной... Допустить, чтобы немцы и японцы подали друг другу руку в Индии или на Ближнем Востоке, было бы неизмеримой катастрофой для дела союзников. По значению в моем представлении это было бы равнозначно отступлению Советской России за Урал или даже заключению ею сепаратного мира с Германией. В то время я не считал вероятным ни то, ни другое. Я верил в силу русских армий и русской нации, защищавших свою родную землю. Однако наша индийская империя со всей ее славой могла стать легкой добычей... Без активной английской помощи Индия могла быть завоевана в течение нескольких месяцев. Порабощение Гитлером Советской России было бы гораздо более затяжной и более дорогостоящей для него задачей»¹⁴⁰.

Очевидный смысл этого рассуждения состоял в том, чтобы показать, насколько выгоднее было английскому империализму пожертвовать общесоюзническими интересами, чем собственной колонией Индией или интересами британских монополий на Ближнем Востоке. Такой откровенный цинизм был весьма характерным для политики английского правительства в годы второй мировой войны, особенно в отношении второго фронта в Европе.

Не нравилось английской стороне и то, что вторжение по плану «Слэджджхэммер» предполагалось осуществить главным образом британскими силами. Этому противилась вся стратегическая логика британского премьер-министра. Как писал позднее де Голль, «англичане со своей стороны не были расположены торопить события. Вынужденные отказаться от роли «лидеров», они желали, чтобы победа — если уж она в основном не будет их победой — по крайней мере не обошлась слишком дорого. Отодвигая сроки решающих битв, можно выиграть время, пока будут накапливаться американские армии, и сберечь английские силы. Кроме того, Лондон, видя, как растут американские вооружения, рассчитывал, что материальное превосходство, которым уже располагали союзники, станет ощутимым в 1943 и подавляющим в 1944 г. А кроме того, зачем излишне рисковать и, быть может, идти на новый Дюнкерк, в то время как на русском фронте с каждым днем все больше и больше изматываются силы врага?»¹⁴¹

Пожалуй, именно такого рода соображения и настраивали Чер-

¹⁴⁰ *W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 288.*

¹⁴¹ *Ш. де Голль. Указ. соч., стр. 11—12.*

чилия пессимистически в отношении плана вторжения в 1943 г., хотя он и делал вид, что в восторге от него.

Правящие круги Великобритании ни на миг не расставались с мыслью о вторжении во Французскую Северо-Западную Африку или в крайнем случае в Норвегию (операция «Юпитер») в 1942 г. «Попытка создать плацдарм в Шербуре, — признал Черчилль позднее, — казалась мне более трудной, менее привлекательной, не столь полезной с точки зрения ближайшего будущего или менее плодотворной в конечном счете. Было бы гораздо лучше запустить когти нашей правой лапы во Французскую Северную Африку, хватить нашей левой лапой по Нордкапу и подождать год, не рискуя сломать свои зубы об укрепленный германский фронт по ту сторону Ла-Манша»¹⁴².

Наконец, как заявил Черчилль впоследствии, когда события того времени уже стали достоянием истории, он тогда был уверен, что вторжение американских и английских войск в Западную Европу в 1942 г. не состоится, так как будто бы ни один военный штаб по обе стороны Атлантики не был в состоянии разработать такого рода план или не был готов взять на себя ответственность за его выполнение¹⁴³. Даже в дни переговоров с американцами, восторгаясь их планом, он продолжал твердо придерживаться своей прежней точки зрения о том, что «единственным способом заполнить разрыв во времени, которое должно было пройти прежде, чем массы английских и американских войск могли войти в соприкосновение с немцами в Европе в 1943 г., была англо-американская насильственная оккупация Французской Северной Африки в сочетании с наступлением англичан на запад через пустыню к Триполи и Тунису»¹⁴⁴.

Такой же точки зрения придерживался и начальник имперского генерального штаба Брук. Охарактеризовав в своем дневнике заседание 14 апреля как «важное совещание, на котором мы (англичане. — В. К.) приняли их (американское. — В. К.) предложение о наступательных действиях в Европе по возможности в 1942 г. и как определенные в 1943 г.», он далее писал: «Они (американцы. — В. К.) все еще не представляют себе всех особенностей этого плана и всех трудностей, которые встанут перед нами. Больше всего я опасаясь, что они сосредоточат внимание на этом наступлении за счет всех других. Мы поэтому нажимаем на них, чтобы обеспечить себе поддержку американцев в действиях в Индийском океане и на Ближнем Востоке»¹⁴⁵.

Уже на следующий день после заседания английского комитета обороны, принявшего столь обнадеживавшие решения, состоялась встреча Маршалла и Брука. Ее описание, сделанное последним, интересно также тем, что он показывает, насколько туманно пред-

¹⁴² W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 289.

¹⁴³ Ibid., p. 290.

¹⁴⁴ Ibid., p. 291.

¹⁴⁵ A. Bryant. Op. cit., p. 355.

ставляли себе тогда сами американцы сущность предложенного ими плана.

«Мой разговор с Маршаллом в тот день, — писал Брук, — состоялся с глазу на глаз. Я выяснил, что он (Маршалл. — В. К.) не изучил всесторонне стратегические особенности операции по форсированию Ла-Манша. Он доказывал, что основная трудность падает на сам момент высадки. Я допускал, что это может представить чрезвычайную трудность, но что настоящие неприятности начнутся после высадки. Нам предстоит действовать силами вначале более слабыми, чем противнику, и к тому же его темп подтягивания подкреплений будет по крайней мере вдвое выше, чем наш. . . Его соединения были хорошо подготовленными и закаленными в боях, тогда как наши были сырыми и неопытными. Я попросил его представить себе, что его высадка прошла успешно, и спросил, каковы его планы были бы затем. . . Я установил, что он еще не имел какого-либо плана действий или. . . не представлял себе отчетливо проблем, которые возникнут перед армией после вторжения. . .»¹⁴⁶

Следует отметить, что на характер этих переговоров оказывало влияние мнение Алана Брука о Маршалле. Брук отдавал должное его организаторским и дипломатическим способностям, но не считал его большим стратегом и полагал, что он, Маршалл, просто не понимает всех трудностей предполагаемой им десантной операции¹⁴⁷. Поэтому Брук, избрав форму полемики, поучал своего коллегу. В ходе беседы он осторожно попытался внушить Маршаллу, что «до тех пор, пока Средиземное море не будет открыто, мы будем все время чувствовать недостаток морского транспорта. . .», а также, что «если Россия потерпит поражение, то Германия сосредоточит основную массу своих сил во Франции и тогда осуществить вторжение будет невозможно. В этих условиях нашей единственной надеждой могли быть действия в Африке»¹⁴⁸.

Для самого Брука эти соображения были руководством к действию. Они отражали стремление английских правящих кругов решить средиземноморскую проблему и выждать наиболее благоприятного для Великобритании момента в борьбе между Советским Союзом и фашистской Германией. Этот курс и определил мнение начальников английских штабов, высказанное ими на совещании 16 апреля, на котором, разумеется, не присутствовали американские представители. Его участники пришли к заключению, что планы вторжения на континент в 1942 и в 1943 гг. «чреватые серьезнейшими опасностями»¹⁴⁹.

Несколько позже английский комитет начальников штабов утвердил основы плана развертывания союзными армиями операций в Европе в 1942—1943 гг., в которых отразилась их позиция на

¹⁴⁶ А. Bryant. Op. cit., p. 359.

¹⁴⁷ Дж. Баррлер, Дж. Гуайер. Указ. соч., стр. 144.

¹⁴⁸ А. Bryant. Op. cit., p. 359.

¹⁴⁹ Ibid., p. 359—360.

переговорах. Этот документ предусматривал превращение Великобритании в передовую базу для проведения операций в Западной Европе; предпринять подготовку к операциям на рубеже от Шетландских островов до Бристольского залива; провести летом несколько рейдов, сочетая их с авиационным наступлением в Северо-Западной Европе; если высадка десанта будет возможна летом 1942 г., захватить на континенте оперативный плацдарм; провести основное вторжение летом 1943 г.¹⁵⁰

Любопытно, что Брук выразил также недовольство тем, что общественность все еще настойчиво требовала открытия второго фронта. Он опасался, что в дальнейшем «требования вторжения во Францию будут наиболее настойчивыми и это будет для нас (правящих кругов Англии. — В. К.) самым опасным условием обстановки»¹⁵¹.

Массовое движение за открытие второго фронта было одной из существенных помех для правящих кругов Великобритании в осуществлении их империалистических, захватнических планов на Востоке. Оно же препятствовало им открыто проводить антисоветскую политику. Поскольку правительство Черчилля применяло тогда всевозможные средства, чтобы ввести в заблуждение народные массы и создать впечатление о якобы ведущейся подготовке к большому вторжению на континент, то вполне вероятно, что главным образом этой цели и служило согласие английской стороны с американским планом операций в 1942 и 1943 гг. Последний в свою очередь играл точно такую же роль в политике правительства США.

Это подтверждается и тем, что во время переговоров в Лондоне даже не ставился вопрос о назначении командующего и создании штаба сил вторжения, хотя именно они должны были разработать конкретный план операции. Другое предположение, а именно то, что широкое рекламирование этой англо-американской встречи было предпринято с целью ввести противника в заблуждение и заставить его усилить оборону в Западной Европе за счет переброски войск с Восточного фронта¹⁵², лишено оснований. Немецкое командование, напротив, продолжало в апреле и мае снимать на Западе наиболее боеспособные части, заменяя их резервными и отведенными с советско-германского фронта разбитыми дивизиями, причем только за май немецко-фашистские силы в западноевропейских странах уменьшились еще на одну дивизию¹⁵³.

Таким образом, правительствам США и Англии удалось оказать психологическое воздействие лишь на общественность своих стран, а не на противника. И это не удивительно, поскольку оба правительства пользовались определенным доверием народов, а игра была довольно тонкой, чтобы вызвать серьезное подозрение.

¹⁵⁰ Дж. Баттлер, Дж. Гуайер. Указ. соч., стр. 444.

¹⁵¹ А. Bryant. Op. cit., p. 359—360.

¹⁵² Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 140.

¹⁵³ Архив МО СССР, оп. 721603, д. 4214, 4219.

Она продолжалась весь период пребывания американских представителей в Лондоне. Перед их отъездом Черчилль высказался за «срочные меры по всем линиям» и решительно заявил: «Чем дольше мы будем ждать, тем горячее будет вода». В послании президенту¹⁵⁴, которое он вручил Гопкинсу, вновь подтверждалось согласие с американским предложением. «Мы, — лицемерно писал Черчилль, — от всего сердца согласны с вашей идеей концентрации сил против главного врага, и мы с радостью принимаем ваш план...» И, конечно, это обуславливалось все той же «одной общей оговоркой», а именно: «Как вы можете увидеть из моей телеграммы от 15 апреля, для нас важно помешать японцам и немцам соединиться».

Далее подчеркивалось, что «кампания 1943 г. — ясное дело» и что англичане немедленно начинают подготовку к ней, а по поводу плана «Сладжхэммер» довольно неопределенно говорилось, что возможно возникнет необходимость действовать уже в 1942 г. Стремясь сохранить общий восторженный тон послания, Черчилль уверял президента: «Вообще говоря, принятая нами программа — это настоящее крещендо активности на континенте, начиная со все усиливающегося воздушного наступления, ведущегося днем и ночью, и все более частых и крупных рейдов, в которых примут участие американские войска»¹⁵⁵.

Не удержался английский премьер-министр и от соблазна еще шире использовать рекламу для того, чтобы внушить мировой общественности иллюзии готовящегося англо-американского вторжения на европейский континент и тем ослабить ее борьбу за открытие второго фронта. «Кстати, — писал Черчилль, — следует рассмотреть вопрос, не будет ли разумно выступить с публичным заявлением о том, что обе наши нации, объединенные братством по оружию, решили двинуться в Европу плечом к плечу в великий крестовый поход за освобождение терпящих муки народов»¹⁵⁶.

Сопоставление этих слов с изложенными выше истинными намерениями Черчилля и планами штабов достаточно ясно показывает, что его интересовало не столько «освобождение терпящих муки народов», сколько создание необходимых условий для осуществления целей английского империализма. Английская сторона вела переговоры, искусно используя все арсеналы дипломатии. Американский генерал Ведемейер, участвовавший в них, позже писал: «Англичане вели переговоры мастерски. Особенно выделялось их умение использовать фразы и слова, которые имели более одного значения и допускали более чем одно толкование. Это была постановка в классическом стиле Макиавелли... Я был свидетелем английского дипломатического искусства в его лучший час, искусства, которое

¹⁵⁴ Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 148.

¹⁵⁵ W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 286—287.

¹⁵⁶ Ibid., p. 287.

развивалось в течение столетий успешных международных интриг и обмана, сочетающегося с лестью»¹⁵⁷.

Конечно, нужно иметь в виду, что эта яркая и в основном правильная характеристика английской дипломатии и ее искусства во время переговоров использовалась Ведемейером для того, чтобы оправдать и обелить американскую позицию на переговорах и взвалить всю ответственность за невыполнение ее решений на англичан, хотя американская политика в отношении открытия второго фронта на деле не имела существенного отличия от английской. Тем не менее она позволяет лучше понять ход и результаты англо-американских переговоров в Лондоне.

Советская сторона пыталась оказать давление на своих западных союзников, апеллируя к общественности США и Великобритании. Во время переговоров в Лондоне «Правда» опубликовала статью «Резервы гитлеровской Германии. Пополнения из немецких гарнизонов во Франции», в которой, на основании показаний пленных, сообщалось, что из Франции поспешно перебрасываются на советско-германский фронт маршевые батальоны и дивизии¹⁵⁸.

Таким образом, откладыванием открытия второго фронта правительства США и Великобритании по существу помогали фашистской Германии вести войну против СССР.

¹⁵⁷ *A. C. Wedemeyer. Wedemeyer's Reports. New York, 1958, p. 105.*

¹⁵⁸ «Правда», 10.IV 1942.

Куда же идти: в Западную Европу или в Северную Африку?

Обещания и истинные намерения

Во время англо-американских переговоров в Лондоне положение их участников было далеко не одинаковым. Если у правящих кругов Великобритании имелись тщательно обдуманые военные планы, в которые не входило вторжение в Европу в 1942 г., то позиция США в отношении второго фронта была пока что менее определенной. Ее расплывчатость и непоследовательность обуславливались тем, что, хотя американские политические и военные руководители стремились продемонстрировать публично свое намерение «сделать что-нибудь» с целью предотвратить быстрое поражение СССР, они не пришли еще к твердому решению где, когда и как предпринять такие действия.

Это, конечно, не означает, что США не имели своей политической и стратегической концепции войны. К тому времени, как показано выше, оба правительства уже четко определили свои цели, хорошо знали, чего они хотят от войны, и наметили общие планы достижения своих интересов. Неопределенность имела место лишь в части их совместных действий, особенно в Европе. Поэтому нельзя признать обоснованным тезис И. М. Майского, что «Черчилль очень хорошо знал, чего он хочет, а Рузвельт... не имел вполне определенной концепции о том, как надо вести войну», и что по причине этого «Черчиллю, несмотря на громадный перевес сил США, долго удавалось фактически руководить военными действиями англо-американского блока»¹. Не отрицая в общем значения инициативы Черчилля в выработке коалиционной стратегии, нельзя согласиться с тем, что он фактически руководил военными действиями обеих стран. Вопрос о таком руководстве значительно сложнее, чем он представлен в этом тезисе.

Особенности английской и американской позиций наглядно проявились вскоре во время переговоров, которые вела в Лондоне и Вашингтоне советская делегация.

¹ И. М. Майский. Воспоминания советского посла. Война 1939—1943. М., 1965, стр. 256.

Как уже упоминалось, Рузвельт еще на совещании в Белом доме 1 апреля, а затем в послании Черчиллю от 2 апреля 1942 г. высказался за то, чтобы после согласования американских предложений с английской стороной обратиться к Советскому правительству с просьбой направить в Вашингтон представителей для ведения переговоров об основных положениях коалиционной стратегии.

Соответствующее предложение он изложил и в своем послании главе Советского правительства, полученном в Москве 12 апреля, т. е. в то время, когда в Лондоне уже были согласованы мнения представителей США и Великобритании по основным вопросам союзнической стратегии в Европе. «Я имею в виду, — писал он, — весьма важное военное предложение, связанное с использованием наших вооруженных сил таким образом, чтобы облегчить критическое положение на вашем Западном фронте. Этой цели я придаю огромное значение. . . Мне нужен Ваш совет, прежде чем мы примем окончательное решение о стратегическом направлении нашей совместной военной акции. Я послал Гопкинса в Лондон в связи с этим предложением. Американский народ в восторге от замечательной борьбы Ваших вооруженных сил, и мы хотим Вам оказывать помощь в уничтожении гитлеровских армий и материальных сил лучше, чем мы это делали до сих пор»².

Послание Рузвельта представляло собой мастерски составленный документ, в котором правда в сочетании с полуправдой и откровенной лестью были направлены на то, чтобы произвести благоприятное впечатление на адресата. Сопоставив содержание письма с документами и принятыми в Лондоне решениями, нетрудно заметить, что оптимизм Рузвельта не соответствовал не только окончательным решениям союзников, появившимся под влиянием англичан, но и предварительным американским наметкам и предположениям. В целом же это послание давало Советскому правительству надежду на возможность достижения более определенного соглашения по главному вопросу коалиционной стратегии — согласованным военным действиям на континенте.

В своем ответе И. В. Сталин 20 апреля писал, что Советское правительство согласно направить в Вашингтон делегацию во главе с народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым для «обмена мнениями по вопросу об организации второго фронта в Европе в ближайшее время»³. Любопытно, что при вручении этого послания советским послом Рузвельт продолжал свою игру. Он заверил его в том, что якобы настаивает на создании второго фронта немедленно, хотя англичане стремятся отложить его открытие на 1943 г. В связи с этим, добавил президент, представляется желательным, чтобы советские представители как от своего, так и от его имени оказали

² «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (далее — «Переписка. . .»), т. II. М., 1957, стр. 21.

³ Там же, стр. 21—22.

соответствующее давление на правительство Англии⁴. Однако президент не сказал, что он имеет в виду под понятием «второй фронт».

Поскольку нужно было согласовать некоторые вопросы с английским правительством, советская делегация прибыла сначала в Лондон. Это было 20 мая. На следующий день начались переговоры, продолжавшиеся до 26 мая.

22 мая Молотов изложил Черчиллю обстановку на советско-германском фронте и сообщил об ожидавшихся летом крупных сражениях. Не исключено, заявил он, что немецко-фашистские войска, опирающиеся на экономическую мощь всей Европы, смогут добиться перевеса сил в свою пользу, а поэтому желательны такие действия английских и американских вооруженных сил, которые отвлекли бы с Востока по крайней мере 40 гитлеровских дивизий. Советское правительство считало, что это предоставит Красной Армии возможность совместно с войсками союзников уже в 1942 г. разгромить или во всяком случае предпринять поражение фашистской Германии⁵.

Во время этой, а также последующих встреч Черчилль, по свидетельству американского историка Г. Фейса, держался «намеренно неопределенно. Он уклонился от прямого и положительного ответа на настоятельный вопрос... о том, где и когда Соединенные Штаты и Великобритания начнут действия против Германии на Западе», при этом он не только не сказал, что Англия не намеревается открыть второй фронт в текущем году, но, напротив, заявил, что американские и британские штабы планируют его создание «в 1943 г. или в конце 1942 г.»⁶

В то же время он всячески подчеркивал трудности, ожидающие союзников при вторжении в Европу, а также свои опасения относительно его результатов. «При всем желании, — говорил он, — и несмотря на все старания маловероятно, чтобы любое действие, которое мы (англичане и американцы. — *В. К.*) можем предпринять в 1942 г., будь оно даже успешным, отвлекло с Восточного фронта крупные контингенты неприятельских сухопутных сил». Он допускал только то, что авиационное наступление западных союзников на Германию может заставить последнюю отвлечь часть военно-воздушных сил с Востока.

Первая часть переговоров была чисто информационной. Обе стороны согласились продолжить их во время посещения Лондона советской делегацией на обратном пути из Вашингтона. Это, писал тогда английский премьер-министр главе Советского правительства, «было бы крайне полезно для общего дела». В послании выражалась определенная надежда, что дальнейшие переговоры по военным вопросам завершатся их положительным решением и «поведут к раз-

⁴ См. *И. Земсков*. Дипломатическая история второго фронта. — «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 76.

⁵ См. там же, стр. 76—77.

⁶ *H. Feis*. Churchill, Roosevelt, Stalin. New Jersey, 1957, p. 51.

витию тесного военного сотрудничества между нашими тремя странами»⁷.

Насколько Черчилль был искренним, можно судить по его посланиям Рузвельту. В первом из них, именованном «Отчетом президенту» (от 27 мая), Черчилль вообще не упомянул о своих переговорах с советской делегацией по вопросу о втором фронте⁸.

Когда же Рузвельт выразил пожелание получить краткую информацию о всем, что говорилось по поводу «Болеро» (кодовое название плана накопления сил и средств на Британских островах. — В. К.)⁹, английский премьер-министр ответил: «Мы ни в коем случае не затрагивали этого слишком глубоко». А в заключение, сообщив об активизации боевых действий в Ливии, он напомнил: «Мы никогда не должны позволить себе забыть о «Джимнасте»¹⁰. Это был, конечно, сигнал о том, что англичане начинают подумывать об отвлекающих операциях вдали от основного пункта фронтального нападения через Ла-Манш¹¹. Однако вряд ли он был «тревожным» для политических и военных руководителей США, как это утверждает Р. Шервуд¹².

Здесь следует отметить, что уже в те дни, когда президент Рузвельт одобрил меморандум Маршалла от 1 апреля 1942 г., у него были и другие соображения относительно ближайших военных планов. Он, по словам американского историка, «был склонен осторожно относиться к фронтальному наступлению через Ла-Манш и «все еще высказывался за североафриканскую операцию «Джимнаст», планы которой были разработаны на конференции «Аркадия», а затем положены под сукно в связи с необходимостью перебросить суда в Тихий и Индийский океаны, а также вследствие больших потерь судов в Западной Атлантике»¹³.

Событием, которое еще больше привлекло внимание правительства США к Французской Северной Африке, был приход 15 апреля 1942 г. к власти в Виши П. Лавалья, ярого сторонника Гитлера. В связи с этим возникла опасность, что немцы, пользуясь поддержкой своей креатуры, утвердятся в североафриканских колониях Франции. Такие предположения подтверждались и начавшейся вскоре заменой прозападно настроенных чинов французской колониальной администрации приверженцами нацистов¹⁴.

Готовясь к разрыву с Виши, правительство США спешно отозвало оттуда своего посла адмирала У. Леги. Находившийся в Северной Ирландии Г. Гопкинс накануне отъезда в Вашингтон получил телеграмму Рузвельта, в которой сообщалось о событиях в Виши. Руз-

⁷ «Переписка...», т. I, стр. 46—47.

⁸ W. Churchill. The Second World War, v. IV. London, 1951, p. 302—303.

⁹ Ibid., p. 303.

¹⁰ Ibid., p. 303—304.

¹¹ Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. II. М., 1958, стр. 170.

¹² См. там же.

¹³ Там же, стр. 121.

¹⁴ Там же, стр. 162.

вельт просил «обсудить... весь этот вопрос» с Черчиллем, и хотя он подчеркивал, что не предлагает «возродить планы операции «Джимнаст»»¹⁵, однако уже само упоминание об этом было, несомненно, намеком на необходимость предпринять срочные шаги. Гопкинс тотчас же связался с Черчиллем по телефону. В тот момент, как пишет Р. Шервуд, «казалось вполне вероятным, что союзники немедленно предпримут экспедицию в Северную Африку»¹⁶.

В Вашингтоне, правда, все еще продолжали уделять известное внимание проблеме второго фронта, но теперь она стала изучаться наряду с рассмотрением вопроса о североафриканской операции.

В частности, сопоставлялись и оценивались мнения французских генералов Вейгана, Жиро и де Голля. Первый из них высказался за вторжение во Францию и полагал, что здесь, в отличие от Северной Африки, союзники встретят поддержку со стороны не только населения, но и французской армии, которая, не колеблясь, откажется от верности Виши¹⁷. Генерал де Голль в ответ на вопрос посла США в Лондоне Вайнанта заявил 21 мая, что второй фронт в Европе «должен быть создан как можно скорее». Он также отметил, что обстановка для этого во Франции весьма благоприятна, так как десантным частям окажет помощь большое число французов, и это позволит наращивать силы союзных войск за счет людских ресурсов Франции. Далее он высказался за единство действий союзников. «Эта война, — сказал он, — не является единой войной. Против Германии ведет войну Россия, ведет войну Франция, ведет войну Англия. А теперь в войну вступили Соединенные Штаты. Все пошло бы гораздо лучше сразу же, сегодня же, если бы велась одна общая война»¹⁸.

Именно эту цель — объединение и согласование действий всех союзников против главного противника — фашистской Германии — и имели в виду Советский Союз, а также прогрессивные силы США и Великобритании, требуя открытия второго фронта. Но политика американских и английских правящих кругов имела другое направление. Вот почему им больше импонировало мнение другого французского генерала — Жиро, советовавшего произвести высадку союзных армий в Северо-Западной Африке, что будто бы позволяло создать базу для последующего вторжения на юге Франции весной 1943 г.¹⁹

Еще в марте президент Рузвельт решил оказать помощь англичанам на Ближнем Востоке, особенно на подступах к Египту, любыми средствами, кроме посылки туда американских войск. Он согласился на предоставление Великобритании судов для перевозки в этот район 40 тыс. человек и на оставление там австралийской п

¹⁵ Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 149.

¹⁶ Там же, стр. 150.

¹⁷ Там же, стр. 162.

¹⁸ Ш. де Голль. Военные мемуары. Единство. 1942—1944 годы. М., 1960, стр. 377—380.

¹⁹ T. Higgins. Winston Churchill and the Second Front. New York, 1957, p. 117.

новозеландской дивизий, послав вместо них на юго-запад Тихого океана американские войска²⁰. Несколько позднее адмирал Кинг предложил все же направить на Ближний Восток американские войска. И хотя генерал Маршалл не согласился с ним, сам он в ответ на просьбы англичан высказался за отpravку в Египет пяти американских авиационных групп²¹.

Таким образом, проблема Ближнего Востока как альтернатива вторжения в Западную Европу все больше занимала умы американских политических и военных деятелей.

К этому времени относится и осложнение вопроса о распределении американских сил и средств между Европой по плану «Болеро» и районом Тихого океана.

Спор между военно-морским ведомством и армией, начавшийся в конце марта, длился весь апрель и в начале мая зашел в тупик. Адмирал Кинг 4 мая направил комитету начальников штабов меморандум, в котором указывал на возможность перехода японцев в наступление «всюду, где им вздумается». Далее он писал: «При всей важности плана «Болеро», проблема Тихого океана не менее важна и притом более неотложна. Она требует немедленного решения. Независимо от того, будем ли мы наступать на этом театре или нет, мы должны обеспечить себе «возможность сохранить наши нынешние позиции»²².

Не согласен был с принципом сосредоточения основных сил в Европе и командующий войсками в юго-западной зоне Тихого океана генерал Дуглас Макартур. В начале мая Рузвельт обратился к нему с письмом, в котором, изложив трудности ведения войны одновременно на многих театрах военных действий, отмечал: «Что касается большой стратегии, то весной и летом этого года мне трудно обойти тот очевидный факт, что русские армии уничтожают значительно больше живой силы и техники держав оси, чем остальные 25 союзных государств. Поэтому казалось вполне логичным поддержать огромные усилия русских в 1942 г., пытаясь передать им все снаряжение, которое мы только можем выделить, а также разработать планы, направленные на отвлечение немецких сухопутных и воздушных сил от русского фронта»²³. Макартур в своем пространном ответе заявил, что второй фронт «должен быть на Тихом океане». По его мнению, сковав как можно больше японских сил в этом районе, американцы тем самым позволят советскому командованию использовать свои сибирские армии против фашистской Германии²⁴.

Обсуждение вопросов тихоокеанской стратегии затянулось, и в конце мая 1942 г. все еще существовали разногласия²⁵.

²⁰ М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Стратегическое планирование. М., 1957, стр. 230—231.

²¹ Там же, стр. 232—233.

²² Там же, стр. 247.

²³ Там же, стр. 249.

²⁴ См. там же, стр. 251.

²⁵ См. там же, стр. 263.

Планы войны на Ближнем Востоке и на Тихом океане, таким образом, отвлекли внимание политического и военного руководства США от организации военных действий в Европе. Более того, поскольку за этими планами стояли влиятельные силы, имелась опасность, что в зависимость от них будет поставлено и решение проблемы второго фронта.

Несколько неопределенным в этом отношении был, в частности, меморандум Рузвельта от 6 мая, адресованный Гопкинсу, военному и морскому министрам, а также начальникам штабов. Вновь высказав намерение направить американские войска для участия в боях по ту сторону Атлантического океана, он писал: «Обстановка требует начать военные действия не в 1943 г., а в 1942 г. . . . Если мы решим, что крупное наступление должно быть только в Европе, то быстрого действий приобретает первостепенное значение»²⁶. Этот меморандум не содержал и ясного определения того, каким должен быть предлагавшийся фронт. По мнению Рузвельта, в 1942 г. следовало бы сначала завоевать господство в воздухе над Голландией, Бельгией и Францией, а затем, когда это удастся, начать десантные операции «в одном или нескольких местах с тем или иным количеством сил»²⁷.

В публичных выступлениях эти мысли высказывались гораздо решительнее. Так, в речи, произнесенной 28 апреля по радио, Рузвельт сказал: «Сегодня наши самолеты помогают обороне французских колоний, и вскоре американские «летающие крепости» будут сражаться за освобождение погруженного во мрак европейского континента»²⁸. Несколько позднее американские газеты под огромными заголовками «Наши солдаты высадятся во Франции» сообщили о выступлении генерала Маршалла перед выпускниками военной академии в Вест-Пойнте, в котором он объявил, что американские войска продолжают прибывать в Англию и что им предстоит вторгнуться в Западную Европу²⁹. Нечто подобное высказал в своем выступлении в Англии начальник штаба американских ВВС генерал Арнольд. Кроме того, он дал понять, что объединенные англо-американские военно-воздушные силы нанесут по державам оси «удар сокрушительной силы», а также сказал: «Совершенно очевидно, что для успешного наступления на оккупированную гитлеровцами Европу необходимо наличие господства в воздухе, и мы намерены установить его»³⁰.

Подобные заявления ответственных деятелей, естественно, создавали видимость, что идут интенсивные приготовления к вторжению. Она подкреплялась еще и тем, что британская авиация действительно бомбила Германию.

²⁶ М. Мэглофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 258.

²⁷ Там же, стр. 257.

²⁸ Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 163; «New York Times», 29.IV 1942.

²⁹ «New York Times», 30.V 1942; W. L. Neuman. Making the Peace. 1941—1945. Washington, 1950, p. 34—35.

³⁰ «Правда», 3.VI 1942.

Так, за два дня до выступления Арнольда свыше тысячи английских бомбардировщиков совершили налет на Рур и Рейнскую область, нанеся основной удар по Кёльну³¹. Введенный в заблуждение относительно характера и значения этих действий исполком Конгресса производственных профсоюзов США направил Рузвельту, Черчиллю и генералам Арнольду и Сомервеллу телеграмму, в которой заявлялось: «Мы восторженно разделяем выраженные вами чувства, что эти бомбардировки являются лишь прелюдией к быстрому всеобъемлющему наступлению для того, чтобы перенести войну против Гитлера на его собственную территорию и сокрушить фашистскую военную машину, зажав ее в огромные тиски американских, английских и русских армий»³².

Это впечатление оказалось обманчивым. Хотя после окончания англо-американских военных переговоров в Лондоне штабы США и Великобритании приступили к изучению возможностей реализации намеченного плана вторжения в Западную Европу, однако эта работа велась без должного напряжения и целеустремленности. И как всегда в таких случаях, когда нет желания, ищут причины и оправдания. Английские штабы так и поступили — они были заняты главным образом поисками аргументов против высадки на европейский континент. Американские же штабы неожиданно обнаружили, что достигнутая в Лондоне договоренность с Англией не имела почти никакого практического значения, ибо «любое соглашение, которому не предшествовало примирение или хотя бы подробный анализ разногласий и которое не было основано на этом анализе, всегда может быть нарушено вновь возникшими расхождениями»³³.

В таких случаях различные оговорки, казавшиеся ранее ничего не значащими, могут играть решающую роль. Именно это и произошло при обсуждении английскими и американскими офицерами конкретных положений плана «Болеро».

Следует иметь в виду, что еще в конце марта 1942 г. Объединенный совет начальников штабов, стремясь помочь Совету по распределению вооружений, наметил три группы театров военных действий соответственно придаваемому им стратегическому значению. Важнейшей считалась группа «А», которая включала воздушные операции из Великобритании, Ближний Восток, Индию и Бирму, Австралию и Новую Зеландию, а также острова в Тихом океане, расположенные на коммуникациях из США. К группе «Б» были отнесены Гавайи и наземные операции из Великобритании и, наконец, к группе «В» — все остальные театры³⁴.

В связи с достигнутыми в Лондоне соглашениями в этот период были внесены изменения. В частности наземные операции

³¹ «New York Times», 3.VI 1942.

³² «Правда», 8.VI 1942.

³³ М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 221.

³⁴ Там же, стр. 226.

в Северо-Западной Европе, предпринимаемые из Великобритании, формально были также отнесены к группе «А». Однако практическое осуществление такого решения натолкнулось на многочисленные препятствия. Во-первых, США не намечали существенных накоплений своих сил на Британских островах в 1942 г. Подготовленный в Вашингтоне план предусматривал довести к 30 июня численность американских сухопутных войск на всех заморских театрах до 540 тыс. человек, а к декабрю 1942 г. — свыше 685 тыс. Из них в Великобритании предполагалось сосредоточить к первой из названных дат только 43 тыс. человек, в том числе пехотную и бронетанковую дивизии, а ко второй — около 185 тыс. (две пехотные, две моторизованные и три танковые дивизии). Кроме того, к 30 июня намечалось отправить туда 10 американских авиагрупп (с личным составом в 37,9 тыс. человек), а к концу года довести их число до 42 (151 тыс. человек)³⁵.

Таким образом, США планировали иметь на Британских островах к середине года лишь около 8% своих заморских войск и даже к декабрю — только 27%³⁶. Это означало, что широкообещательные заявления об открытии второго фронта в 1942 г. не подкреплялись ни конкретными планами накопления сил, ни, следовательно, действиями.

Дело в том, что существенные изменения в стратегическом развертывании американских вооруженных сил на заморских театрах требовали коренного пересмотра планов американского и английского судходства, а это упиралось не только в военные, но и экономические препятствия. Перераспределение тоннажа свелось лишь к тому, что «перспективы несколько улучшились»³⁷, да и то лишь на словах. Далее в процессе планирования возникла мысль использовать для десантных операций большое количество специальных судов, но определение потребности в них затянулось, поскольку армия имела слабое представление об этом виде транспортных средств, а военноморское ведомство настаивало на строительстве других типов кораблей³⁸.

Принятый 4 апреля 1942 г. в Белом доме ориентировочный план предусматривал, что США доставят в Европу к лету 1943 г. 8200 десантных судов, из которых 6700 предназначались для перевозки танков. Что касается операции «Слэджджэммер», то для нее, по предварительным подсчетам штабов, требовалось 2500 таких кораблей³⁹. Однако окончательно план их производства в тот период так и не

³⁵ М. Мэтлофф, *Э. Снэлл*. Указ. соч., стр. 227.

³⁶ Фактически и этот план не был выполнен. Хотя к 31 декабря 1942 г. численность американских войск на заморских театрах достигла 1065 тыс. человек, что было намного больше, чем предусматривалось, однако на Британских островах их к тому времени было только 172 429 человек, т. е. меньше намеченного количества (см. там же, стр. 447, 451).

³⁷ М. Мэтлофф, *Э. Снэлл*. Указ. соч., стр. 222.

³⁸ Там же, стр. 223.

³⁹ Там же.

был утвержден вследствие возникших споров о типах судов, их количестве, а также целесообразности пересмотра всей программы строительства судов для военно-морского флота и особенно кораблей противолодочной обороны. Наконец, «задержка была вызвана также нежеланием военно-морского ведомства предоставить верфи и дефицитные материалы для строительства судов, предназначенных для операций, которые должна была по сути дела проводить армия»⁴⁰. Поэтому десантные корабли еще долго занимали неопределенное место в программе военно-морского судостроения США⁴¹.

Создание специальных судов, конечно, значительно увеличивало возможности войск в морских десантных операциях, осуществляемых на побережье, не имеющем крупных портов. С другой стороны, история войн, особенно опыт первых лет второй мировой войны, показывала, что многие такие операции успешно проводились и без специальных судов. Тем не менее тот факт, что их массовое строительство в США началось только в апреле 1942 г., в дальнейшем неоднократно использовался как предлог для отсрочки вторжения во Францию.

С такой «подготовкой» американское правительство начало переговоры с прибывшей 29 мая советской делегацией.

30 мая В. М. Молотов заявил в Белом доме Рузвельту, Гопкинсу, генералу Маршаллу, адмиралу Кингу и другим, что перспективы для антифашистской коалиции станут гораздо лучшими, если согласованные активные действия союзных вооруженных сил против фашистской Германии будут предприняты в 1942, а не в 1943 г. Он отметил, что фашистская Германия обладает на Восточном фронте некоторым преимуществом в численности войск, в авиации и танках и может воспользоваться этим, чтобы нанести новый удар. «Если же Великобритания и Соединенные Штаты в качестве союзников, — значит в американской записи этого заявления, — создадут новый фронт и отвлекут с Советского фронта сорок германских дивизий, соотношение сил настолько изменится, что Советский Союз сможет или разбить Гитлера в этом году, или безусловно обеспечит поражение его в конечном счете»⁴².

Перед американцами был поставлен прямой вопрос: смогут ли они вместе с англичанами создать такой фронт. «После этого, — гласит далее запись, — президент спросил генерала Маршалла, достаточно ли ясно ему положение дел и можем ли мы сказать Сталину, что мы готовим второй фронт. «Да», — ответил генерал. Тогда президент уполномочил Молотова уведомить Сталина, что мы (США. — В. К.) надеемся на создание второго фронта в этом году». Генерал Маршалл добавил, что США прилагают все усилия, чтобы до-

⁴⁰ Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 168.

⁴¹ Весной 1942 г. они занимали десятое место и, передвинувшись к октябрю того же года на второе (после авианосцев), в следующем месяце, после вторжения в Северную Африку, оказались на двенадцатом (см. там же).

⁴² Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 179.

биться такого положения, при котором открытие второго фронта станет возможным. Он откровенно говорил, что США располагают хорошо обученными войсками, боеприпасами, авиацией и бронетанковыми дивизиями, а трудность заключалась только в транспорте. «Стратегический замысел, — сказал генерал Маршалл, — заключается в том, чтобы как можно скорее создать на континенте такое положение, при котором немцы будут вынуждены бросить в действие всю свою авиацию, но они не сделают этого, если на них не будут оказывать давление наши войска на континенте»⁴³.

Итак, американские руководители заявили о своем желании и наличии возможностей открыть второй фронт в 1942 г. Более того, на следующий день Рузвельт, по свидетельству Гопкинса, в присутствии последнего «сказал генералу Маршаллу и адмиралу Кингу, что он считает вопрос несколько неясным и что опасное положение на русском фронте требует, чтобы он, президент, дал Молотову более конкретный ответ относительно второго фронта. Президент зачитал проект телеграммы, которую он собирался послать Черчиллю». Но тут непонятную суетливость проявил Маршалл. Он «считал, что не следовало бы употреблять слово «август» (т. е. назначать определенную дату вторжения. — В. К.), так как это вызовет сильное сопротивление со стороны англичан. Я (Гопкинс. — В. К.) согласился с этим»⁴⁴.

Решение вновь не было принято, и поэтому, когда во время последней встречи, состоявшейся 1 июня, советский нарком вновь обратился к президенту за ответом в отношении второго фронта, Рузвельт уже не так категорически, как прежде, сказал: «Мы надеемся открыть второй фронт». Он сообщил, что на следующий день из Лондона прибудет генерал Арнольд, а также английские представители — лорд Маунтбаттен, маршал Портал и генерал Литтлтон, «с которыми предполагается прийти к соглашению относительно создания второго фронта». При этом президент заметил: «... Мы могли бы быстрее приступить к созданию второго фронта, если бы Советское правительство дало нам возможность предоставить в распоряжение англичан большее количество судов»⁴⁵.

Иначе говоря, признав на словах необходимость открытия второго фронта в 1942 г., американская сторона, упорно ссылаясь на нехватку тоннажа судов, уклонилась от определения конкретного срока вторжения в Европу.

Переговоры все-таки завершились принятием коммюнике, в котором заявлялось, что «достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году». Оно было обнародовано 12 июня 1942 г. в Москве и Вашингтоне⁴⁶.

⁴³ Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 180.

⁴⁴ Там же, стр. 188.

⁴⁵ Там же, стр. 198.

⁴⁶ «Правда», 12.VI 1942; «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I. М., 1944, стр. 248.

Следует, однако, подчеркнуть, что принятию этой формулировки, предложенной советскими представителями, предшествовал отказ американцев от другого проекта коммюнике, составленного госдепартаментом по поручению Рузвельта. Что же касается советского проекта, то он несколько встревожил окружение президента. «Я, — записал по данному поводу Гопкинс, — беседовал об этом с генералом Маршаллом, и он считает, что фраза о втором фронте слишком сильна, и настаивает, чтобы ссылка на 1942 год была опущена. Я обратил внимание президента на этот вопрос, но он тем не менее пожелал включить это...»⁴⁷ Государственный секретарь США Корделл Хэлл также полагал, что эта фраза «должна была доставить нам (американцам. — В. К.) хлопоты в отношениях с Россией в дальнейшем»⁴⁸.

Легко представить себе, что еще меньше был доволен этим коммюнике Черчилль. И хотя он из политических соображений вынужден был подписать точно такой же текст при вторичном посещении Лондона советской делегацией на обратном пути из Вашингтона⁴⁹, однако он тут же вручил ей весьма любопытную памятную записку. Она была составлена в таких выражениях, которые, учитывая ход и содержание переговоров, не вызывали никаких сомнений в искренности заявления о готовности США и Англии открыть второй фронт в 1942 г. Вместе с тем в свете всех приведенных выше фактов, ставших известными гораздо позднее, этот документ представляется не чем иным, как попыткой Черчилля заранее подготовить оправдания для срыва операции «Слэджджэммер» и вообще каких бы то ни было серьезных действий против Германии на западе европейского континента в тот период.

Вот что писал британский премьер-министр: «Мы готовимся к высадке десанта на континенте в августе или сентябре 1942 г. Как уже разъяснялось, основным фактором, ограничивающим размеры десантных сил, является наличие специальных десантных судов. Однако понятно, что ни для русских, ни для союзников в целом не было бы полезно, если бы мы, ради действий любой ценой, предприняли какую-либо операцию, которая закончилась бы катастрофой и дала бы противнику удобный случай для похвальбы, а нас ввергла бы в замешательство. Нельзя сказать заранее, будет ли положение таково, чтобы сделать эту операцию осуществимой, когда наступит время. Следовательно, мы не можем дать обещание в этом отношении, но если указанная операция окажется разумной и обоснованной, мы не поколеблемся осуществить свои планы»⁵⁰.

Английское правительство, подписывая торжественное обязательство открыть второй фронт в 1942 г., отнюдь не собиралось его

⁴⁷ Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 200—201.

⁴⁸ «The Memoirs of Cordell Hull», v. II. New York, 1948, p. 1174.

⁴⁹ Коммюнике об англо-советских переговорах было опубликовано также 12 июня 1942 г.

⁵⁰ W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 305.

выполнять. Поэтому памятная записка содержала полуправдивую информацию относительно подготовки союзниками десантной операции и алиби на случай их отказа от ее проведения. Слова: «Мы готовимся к высадке десанта на континенте в августе или сентябре 1942 г.» — были полубобманом потому, что Черчилль не упомянул о характере готовящейся операции, а именно о том, что западные союзники уже договорились проводить ее только в том случае, если Советский Союз окажется на грани краха и создастся реальная опасность выхода его из войны. Если же этого не случилось бы, то не было бы и десантной операции союзников. Остальные рассуждения английского премьера, особенно слова: «Нельзя сказать заранее, будет ли положение таково, чтобы сделать эту операцию осуществимой, когда наступит время» — были приведены как оправдание вероятного отказа от операции, если Советский Союз выстоит и сохранит свою мощь летом и осенью 1942 г. Это в какой-то мере признал впоследствии и сам Черчилль. По его словам, подписывая упомянутое выше коммюнике, он видел в этом лишь ту выгоду для Советского Союза, что публичное заявление о втором фронте могло «внушить немцам опасения и, следовательно, задержать как можно больше их войск на Западе...» Указанную же памятную записку он вручил советской делегации потому, что «считал чрезвычайно важным, чтобы при этой попытке ввести в заблуждение врага мы не ввели в заблуждение нашего союзника»⁵¹.

Здесь нужно сказать, что если Черчилль преследовал именно такую цель, что в общем-то сомнительно, в отношении гитлеровского командования он ее не достиг. Правда, оно предпринимало некоторые меры по совершенствованию обороны в Западной Европе, но делало это так, чтобы не создавать серьезных помех и ограничений готовившемуся на юге советско-германского фронта наступлению. Более того, как можно судить по картам немецкого генерального штаба, в то время, как и позднее, продолжалась переброска на Восток наиболее боеспособных частей.

По состоянию на 1 мая 1942 г. из 232 дивизий, 10 бригад и 6 воздушных флотов, имевшихся у Германии, Красной Армии противостояли 178 дивизий и 8 бригад, т. е. около 80% всех немецко-фашистских сухопутных сил, и 4 воздушных флота⁵². При этом за пять предшествовавших месяцев гитлеровские войска на советско-германском фронте увеличились на 35 дивизий⁵³. Наконец, за период с марта до середины ноября 1942 г. сюда было перебросено 80 дивизий противника. К концу летней кампании против Красной Армии действовало наибольшее за все время войны количество вражеских войск — 258 дивизий и 16 бригад, в том числе 66 дивизий и 13 бригад союзников фашистской Германии⁵⁴.

⁵¹ *W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 304—305.*

⁵² «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 2. М., 1961, стр. 398.

⁵³ Там же, стр. 399.

⁵⁴ Там же, стр. 488.

В Западной же Европе за это время общее количество немецких дивизий сократилось на 20%. Если 7 мая здесь было 36 дивизий, то к 28 мая — только 33, а к 16 июня еще меньше — 29⁵⁵. Причем за то же время число полностью боеспособных пехотных дивизий уменьшилось на 10, танковых — на 1⁵⁶.

Таким образом, менее чем за полтора месяца в Западной Европе количество немецких дивизий, особенно боеспособных, значительно уменьшилось и, пожалуй, стало самым низким с начала войны. Дело в том, что хотя в то лето Гитлер и допускал возможность попытки англичан и американцев открыть второй фронт в Европе, однако он рассчитывал главным образом на то, что ему удастся в ближайшие месяцы осуществить свои планы на Востоке и к тому времени, когда США и Великобритания решатся начать вторжение, перебросить на Запад крупные силы с советско-германского фронта. Более того, Гитлер надеялся, что это позволит ему взять инициативу в свои руки и в Западной Европе. «На Западе все будет закончено, — заявил он Дитриху 5 августа 1942 г., — тогда, когда мы будем иметь возможность перебросить хотя бы половину наших сил во Францию. А это будет возможно сделать как только мы уничтожим центры производства вооружения и вообще производства в России»⁵⁷.

Все это достаточно убедительно показывает, что гитлеровское командование в условиях подготовки и проведения нового стратегического наступления на советско-германском фронте попросту не имело возможности усилить свои войска в Западной Европе и сделало бы это только в случае успешного завершения этого наступления. Следовательно, для Черчилля не имело смысла вести себя столь лицемерно по отношению к Советскому Союзу только ради того, чтобы «вести в заблуждение противника». И действительно, для этого у него были другие причины.

Оценивая в целом переговоры в Лондоне и Вашингтоне, нельзя не отметить, что в ходе их советская сторона, выступая за скорейшее открытие второго фронта, рассматривала его только как средство помощи Красной Армии и отвлечения части войск противника с советско-германского фронта. Это был отход от данного в 1941 г. определения второго фронта как согласованных действий основной массы вооруженных сил всех союзников против фашистских армий в Европе. Но он являлся вынужденным и свидетельствовал лишь о стремлении советской стороны как можно скорее найти формы совместных действий союзников.

⁵⁵ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4215, 4220, 4222.

Утверждение Черчилля о том, что «немцы оставили во Франции двадцать пять подвижных моторизованных дивизий» (*W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 340*), немецкими документами не подтверждается. В числе гитлеровских войск на Западе к 16 июня 1942 г. была лишь одна такая дивизия (см. там же, д. 4222).

⁵⁶ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4222.

⁵⁷ «Hitler's Secret Conversations. 1941—1944». New York, 1953, p. 498.

Казались искренними заявления американского и английского правительств. Это подтверждается и единодушным мнением всех буржуазных историков, исследовавших данные переговоры и сделавших заключение, что Рузвельт и Черчилль обещали создать второй фронт в 1942 г.⁵⁸

Но, как уже отмечалось, приведенные выше факты и анализ действительной позиции правительства США и Англии по отношению к проблеме второго фронта, характера намечаемой ими в 1942 г. десантной операции, мероприятий по накоплению американских войск на Британских островах показывают неискренность первого из них и прямое вероломство второго. Рузвельт, например, несколько позднее писал Маршаллу и Кингу, а затем и Черчиллю, что подписанное коммюнике «имело целью лишь обнадёжить Советское правительство»⁵⁹. Что же касается памятной записки Черчилля и его собственного комментария к ней, то они проливают свет на подлинный характер отношения английского правительства к своему советскому союзнику. Нельзя не согласиться с мнением В. Г. Трухановского, что «памятная записка, врученная советскому министру Черчиллем, была преднамеренно составлена в таких противоречивых и двусмысленных выражениях, чтобы скрыть... недобросовестность (английского правительства. — В. К.). Использование прямых и ясных слов и формулировок таким образом, чтобы их можно было толковать по-разному, свидетельствует о прямом лицемерии, что является характерной чертой английской дипломатии»⁶⁰.

Можно лишь добавить, что это было лицемерием и по отношению к английскому народу, представители которого требовали немедленного создания второго фронта, к его национальным интересам. Опубликование коммюнике в сочетании с прежними публичными заявлениями и намеками Черчилля, а также сообщениями печати о якобы ведущейся подготовке вторжения укрепило в народных массах Англии твердую уверенность в том, что второй фронт будет открыт в недалеком будущем. На самом же деле британское правительство преднамеренно обманывало общественность страны, тайно проводя свою, империалистическую политику в этом важнейшем вопросе ведения войны.

Именно в те дни правящие круги Великобритании предпринимали всевозможные шаги, направленные к тому, чтобы не проводить подготовку вторжения в Западную Европу. Они воспользовались для этой цели и приездом в Лондон американских генералов Эйзенхауэра, Арнольда, Сомервелла и Кларка, желавших выяснить, как обстоят дела с выполнением плана «Болеро»⁶¹. После встреч с адмиралом Маунтбэтеном и командующим британскими ВВС генералом

⁵⁸ См. В. Г. Трухановский. Важный этап в англо-советских отношениях периода второй мировой войны. — «Вопросы истории», 1961, № 6, стр. 51.

⁵⁹ М. Мэглофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 271.

⁶⁰ В. Г. Трухановский. Указ. соч., стр. 50.

⁶¹ См. М. Мэглофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 228; R. S. Cline. The Operations Division. Washington, 1951, p. 162.

Пэйджем⁶² у Эйзенхауэра сложилось впечатление, что англичане скептически относятся к плану вторжения на континент в 1942 г.⁶³ По возвращении в США 3 июня он заявил: «Надо подтолкнуть дело, так как в противном случае мы не будем готовы к наступлению весной 1943 г. Нужно действовать»⁶⁴. Но в тот же день в Вашингтон прибыл лорд Маунтбэттен, чтобы объяснить американцам «невозможность» форсирования Ла-Манша в 1942 г. и даже в 1943 г., если не будет в наличии большого количества специальных десантных судов⁶⁵.

Причина, однако, была в другом. Тогда же, 8 июня, Черчилль направил комитету начальников английских штабов послание, в котором предложил изучить возможность проведения вместо операции «Слэджхэммер» рейда одной усиленной танками дивизией с целью захвата и удержания в течение двух-трех дней небольшого плацдарма на французском побережье. «Это и должно быть, — с откровенным цинизмом писал он, — нашим реагированием на «крик души» со стороны России в случае, если дела там пойдут очень плохо»⁶⁶. Начальники штабов полностью согласились в какой-то мере с новой «идеей» премьер-министра, которая была изложена в конце послания в следующем виде: «Представляется разумным продолжать, по возможности в самых широких масштабах, подготовку к операции «Слэджхэммер» в намеченные сроки, но проведение операции следовало бы поставить в зависимость не от неудачи русских, а от русского успеха и вытекающей из этого явной деморализации немцев на Западе»⁶⁷.

Новизна этой идеи состояла в том, что ею положено начало отхода от выработанной во время англо-американских переговоров стратегии их помощи Советскому Союзу в случае, если для него сложится критическая ситуация. Возможно, это было реакцией английского премьера на успешно начавшееся 12 мая наступление Красной Армии на Харьков, хотя оно и закончилось неудачей в последних числах мая. Английская разведка 9 июня высказала следующее мнение: «Положение на Восточном фронте таково, что можно ожидать любого исхода, и поэтому трудно сказать, какой из противников потерпит поражение. Если немцы поймут, что, с одной стороны, им угрожает новая зимняя кампания в России, с другой — англо-американское вторжение на Западе, то катастрофа может, как и в 1918 г., разразиться с потрясающей быстротой»⁶⁸. Черчилль же мог сделать из этого вывод, что потенциальные военные возможности Советского Союза еще достаточны, чтобы отразить готовившееся немецкое наступление. Во всяком случае в том же послании он пишет, что не

⁶² R. S. Cline. Op. cit., p. 162.

⁶³ М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 228.

⁶⁴ Там же; R. S. Cline. Op. cit., p. 163.

⁶⁵ A. Bryant. The Turn of the Tide. London, 1957, p. 394—395.

⁶⁶ W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 310.

⁶⁷ Ibid., p. 311—312.

⁶⁸ М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 276.

следует высаживать десант на континенте до тех пор, «пока немцы не будут деморализованы плохими успехами в войне против России...». Другое его соображение сводилось к тому, что если Россия попадет в чрезвычайное тяжелое положение, то высадка десанта не окажет ей такой помощи, последствия которой оказались бы выгодными для Великобритании. Он попросил начальников штабов иметь в виду следующие два принципа: «а) никакой значительной высадки во Франции до тех пор, пока мы (западные союзники. — *В. К.*) не намерены там остаться; и б) никакой значительной высадки во Франции до тех пор, пока немцы не будут деморализованы еще одной неудачей в войне против России».

Предложения премьер-министра, изложенные в послании начальникам штабов, обсуждались на заседании британского военного кабинета в тот самый день, когда в Лондоне, Вашингтоне и Москве были опубликованы коммюнике о готовности западных союзников открыть второй фронт в 1942 г. Черчилль, весьма далекий от угрызений совести, «был в хорошей форме и вел заседание кабинета в духе предложенной линии, а именно, что мы (союзники. — *В. К.*) не должны вторгаться во Францию, если не намереваемся оставаться там, и что мы не пойдем туда до тех пор, пока моральное состояние Германии не ухудшится»⁶⁹. Этим же «духом» было проникнуто и принятое военным кабинетом решение.

В июне Черчилль выдвигал один за другим проекты военных действий против фашистской Германии, среди которых не было лишь наиболее важного и неотложного — открытия второго фронта. Так, он напомнил Рузвельту о плане высадки во Французской Северной Африке, вместе с начальниками штабов рассматривал средиземноморские проблемы и особенное внимание уделил плану вторжения в Северную Норвегию (операция «Юпитер»).

Как и раньше, политические и военные руководители Великобритании и США исходили из своей концепции ведения войны и не учитывали изменений в обстановке на фронтах второй мировой войны. В частности, не принималось во внимание сокращение до минимума численности немецких вооруженных сил в Западной Европе, которые, имея всего 29 дивизий, слабый флот и авиацию, фактически не могли создать надежной обороны морского побережья протяженностью свыше 2100 км. Гитлеровское командование не могло усилить их за счет ослабления Восточного фронта. Не была должным образом оценена с этой точки зрения и крупная победа, одержанная американскими военно-морскими силами над японским флотом у острова Мидуэй 4—6 июня и приведшая к установлению равновесия сил на Тихом океане⁷⁰.

Это сражение, в результате которого обе участвовавшие в нем стороны лишились возможности предпринять в ближайшее время крупное наступление, в сущности решило волновавшую правитель-

⁶⁹ *A. Bryant. Op. cit., p. 391.*

⁷⁰ См. «Вторая мировая война. 1939—1945 гг.». М., 1958, стр. 528.

ства США и Великобритании проблему сохранения занимаемых ими позиций на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. Казалось бы, теперь они могли сосредоточить свое внимание главным образом на задачах войны в Европе. Однако английское военное командование использовало этот успех по-иному. Вновь продемонстрировав предпочтение, оказываемое ими средиземноморской проблеме перед всеми другими, Черчилль и Брук уже 9 июня, сразу же после получения сведений о результате сражения у острова Мидуэй, решили направить в Египет 8-ю бронетанковую и 44-ю пехотную дивизии, предназначавшиеся ранее для Индии⁷¹.

Сложившиеся условия позволяли в корне пересмотреть основную концепцию вторжения союзных войск в Западную Европу. Черчилль же, весьма заинтересованный в достижении своих целей в бассейне Средиземного моря и на Ближнем Востоке, не только не позаботился о разработке нового плана, но, напротив, воспользовался для своих целей именно недостатками намечаемой ограниченной десантной операции «Слэджджэммер».

В середине июня, писал впоследствии Черчилль, его «мысли занимала проблема «Слэджджэммер» и он требовал, чтобы ему представлялись постоянные доклады⁷². Последние, разумеется, содержали то, что для него самого и его начальников штабов было ясно с самого начала, а именно: что, во-первых, опасно высаживать ограниченные силы в районе Шербура и оставлять их на зиму на плацдарме; во-вторых, эти войска трудно снабжать через единственный порт, к тому же, несомненно, подвергающийся ударам авиации; в-третьих, последующее наступление с плацдарма станет весьма трудным, поскольку противник успеет создать у основания Котантенского полуострова прочную оборону. Наконец, учитывая отправку войск на другие театры, для проведения этой операции у англичан оставалось не более девяти дивизий⁷³. Из всего этого был, конечно, сделан вывод о невозможности вторжения в 1942 г. «Мне не пришлось выступать против «Слэджджэммер», — с удовлетворением отмечал Черчилль. — Он пал сам по себе из-за собственной слабости»⁷⁴.

Нежелание английского правительства создавать второй фронт в 1942 г. не было секретом для политических и военных руководителей США. Как уже отмечалось, об этой позиции Лондона информировал американцев лорд Маунтбэттен. Кроме того, она была по существу изложена и в письмах Черчилля Объединенному совету начальников штабов.

В связи с этим Рузвельт сначала предложил отложить операцию до конца осени, чтобы за это время увеличить число десантных судов и сосредоточить на Британских островах больше американских войск и военных материалов. Когда же Маунтбэттен заметил, что

⁷¹ *A. Bryant. Op. cit., p. 396—397; W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 325.*

⁷² *W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 309.*

⁷³ *Ibid., p. 309—310.*

⁷⁴ *Ibid., p. 310.*

без хорошо оборудованного порта снабжение высадившихся войск зимой будет почти невозможно, Рузвельт довольно легко согласился на полный отказ от операции «Слэджхэммер». Он сказал, что «не хотел бы посылать в Англию миллион солдат, с тем чтобы потом получить известие о том, что полный разгром России сделал невозможным фронтальный удар по Франции». Президент высказал предположение, что целесообразнее направить на Ближний Восток или во Французскую Северную Африку шесть американских дивизий, предназначенных к отправке летом и в начале осени в Англию. Более того, Рузвельт признал, что на него произвела сильное впечатление просьба Черчилля «не забывать план «Джимнаст»»⁷⁵.

Следовательно, еще не успели просохнуть чернила на подписях под американско-советским коммюнике, а правительство США, подобно правительству Англии, уже по существу отказалось от выполнения своих обязательств по вопросу о втором фронте. В его поле зрения опять появилась идея вторжения в Северо-Западную Африку.

Правда, с этим пока что не соглашались полностью военный министр Стимсон и генерал Маршалл⁷⁶. Последний именно в те дни объявил о создании Европейского театра военных действий, который включал территории Финляндии, Норвегии, Швеции, Британских островов, Исландии, Испании, Франции, Балканских стран и Германии. Командующим американскими войсками на этом театре был назначен генерал Эйзенхауэр, чей штаб должен был находиться в Лондоне⁷⁷. Но это практически не сыграло никакой роли, так как уже более или менее четко определилась другая тенденция. Спустя несколько дней штаб армии получил указание суммировать последние выводы по плану вторжения в Северо-Западную Африку. И когда 24 июня группа Эйзенхауэра прибыла в Лондон, по существу уже было предрешено провести именно эту операцию вместо высадки на европейский континент⁷⁸.

Впрочем, принятию окончательного решения по этому вопросу предшествовала еще одна серия англо-американских переговоров, в ходе которых англичанам во главе с Черчиллем при гибкой, но настойчивой поддержке Рузвельта удалось склонить на свою сторону тех американцев, которые возражали против вторжения в Северную Африку.

Вторая Вашингтонская конференция

Первая такая встреча состоялась в Вашингтоне 19—25 июня. От Великобритании в ней участвовали Черчилль и Брук.

Уже 20 июня Черчилль передал Рузвельту записку, в которой изложил свои новые идеи о втором фронте. Сообщив о продолжении

⁷⁵ М. Мэтлофф, *Э. Снэлл*. Указ. соч., стр. 273—274.

⁷⁶ См. там же, стр. 274—275.

⁷⁷ См. там же, стр. 228—229.

⁷⁸ См. там же, стр. 229.

подготовки по плану «Болеро», он далее заявил: «Однако английское правительство не одобряет операцию, которая наверняка приведет к катастрофе, ибо это не поможет России, в каком бы тяжелом положении она ни находилась, скомпрометирует и подвергнет французское население места нацистов и сильно задержит основную операцию в 1943 г. Мы твердо придерживаемся точки зрения, что в этом году не должно быть существенной высадки во Францию, если только мы не намерены там оставаться». Записка заканчивалась призывом изучить условия проведения операции во Французской Северо-Западной Африке⁷⁹.

Снова, таким образом, но уже не намеками, а прямо был поставлен вопрос о вторжении в 1942 г. американских войск в Африку. Выдвигая этот вопрос, Черчилль уже знал о том внимании, с которым Рузвельт относился к африканской проблеме.

В Вашингтоне заседал Объединенный совет начальников штабов. Он пришел к выводу, что не следует составлять никаких новых планов, пока не будет ясна быстро меняющаяся обстановка в Ливии и в СССР⁸⁰. Дело в том, что ни начальники штабов, ни разведка обеих стран уже не решались делать столь категорические прогнозы, как год назад.

Начальники штабов обеих стран согласились, что и английские и американские планы следует поставить в зависимость от исхода летних операций на советско-германском фронте. «Сумеют ли русские удержать фронт — в этом главное. От решения этого главного вопроса зависят наши планы на остающийся период 1942 г.», — заявили англичане на первом же совместном заседании в Вашингтоне. Однако они подчеркнули, что накопление американских сил и средств на Британских островах следует продолжать, с тем чтобы использовать их для обороны Англии, если Красная Армия не сможет удержать фронт в течение осени и зимы, или для вторжения на континент, если Германия окажется деморализованной в результате неудач на Востоке и ослабит свое сопротивление на Западе еще больше. Кроме того, британские представители предложили подготовить новый план военных действий, «возможно в Северной Африке»⁸¹.

Против открытия нового фронта в Африке высказались адмирал Кинг, опасавшийся, что это ослабит американские силы на Тихом океане, а также генерал Маршалл, заявивший, что в таком случае невозможно будет осуществить вторжение на европейский континент в 1943 г. Предлагая продолжать подготовку этой последней операции «независимо от положения на советско-германском фронте», он сказал, что таким путем во всяком случае будет обеспечена безопасность Британских островов. Выразив готовность послать на Ближний Восток одну американскую танковую дивизию, чтобы

⁷⁹ *W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 342—343.*

⁸⁰ См. *М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 275—276.*

⁸¹ Там же, стр. 276—277.

«разрядить там напряжение», Маршалл заявил: «Планы же можно изменить примерно в сентябре, когда будем твердо знать, как сложится обстановка на Восточном фронте»⁸².

В целом, таким образом, уже на первом заседании выявилось стремление начальников штабов обеих стран выждать исхода событий на советско-германском фронте, продолжая накопление американских войск на Британских островах, но в 1942 г. не предпринимать десантной операции без крайней необходимости и без «исключительно благоприятных условий» для ее проведения. Весна 1943 г. была определена как наиболее выгодное время для проведения основной операции в Северо-Западной Франции. Придя к согласию о необходимости продолжать изучение возможностей для операций в трех направлениях — районе Бреста, Нормандских островов, Шербура или севера Норвегии, они разошлись во мнениях по вопросу о немедленной подготовке вторжения в Северо-Западную Африку. Во всяком случае начальники штабов обеих стран в общем согласились, что с точки зрения организации и подготовки операции, создания линий коммуникаций и авиационной поддержки вторжение в любом из перечисленных пунктов европейского континента предпочтительнее, чем высадка в Северо-Западной Африке⁸³. Как военные специалисты, они отдавали себе отчет в том, что любая попытка осуществить «Джимнаст» в 1942 г. окажет серьезное влияние на ведение союзниками всей войны. Прежде всего будет ограничена отправка новых сил на Ближний Восток из-за недостатка тоннажа флота, уменьшены возможности концентрации военно-морских сил, особенно авианосцев и эскортных кораблей, на других театрах военных действий. Она заставит отсрочить накопление союзных сил на Британских островах по плану «Болеро», особенно авиации, войск ПВО и специальных служб. Открытие нового фронта в Северо-Западной Африке повлекло бы за собой еще большее распыление сил и ресурсов США и Великобритании и отвлечение их от решения главных стратегических задач коалиции⁸⁴.

На этом дискуссия не закончилась. Она возобновилась во время обсуждения проблем стратегии в Белом доме 20 июня. Черчилль опять настаивал на том, чтобы вместо вторжения через Ла-Манш в 1942 г. послать войска в Северо-Западную Африку с целью облегчения кризиса в районе Средиземного моря⁸⁵. Маршалл настаивал на дальнейшей подготовке операции с Британских островов. Он заявил, что такая операция, предпринятая в «нужный момент», требуется не только для отвлечения части сил и средств противника с советско-германского фронта, но главным образом для создания условий, которые могли бы способствовать дальнейшему наступле-

⁸² М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 277—278.

⁸³ «Foreign Relations of the United States (далее — F. R.). The Conferences at Washington, 1941—1942, and Casablanca, 1943». Washington, 1968, p. 428.

⁸⁴ Ibid., p. 427—428.

⁸⁵ См. М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 282.

нию и решительному разгрому врага. Что же касается плана «Джимнаст», то, по словам Маршалла, начальники штабов США пришли к такому заключению: «Основной недостаток этого плана заключается в том, что даже его успешное выполнение не заставит немцев перебросить с русского фронта ни одного немецкого солдата, танка или самолета»⁸⁶.

Хотя позиция начальника штаба армии США не полностью совпадала с точкой зрения Рузвельта, который «в душе... принимал вторжение в Северо-Западную Африку», однако президент не решился еще открыто отступить от соглашения о создании второго фронта в Европе в 1942 г.⁸⁷

В этот момент произошло событие, которому суждено было сыграть важную роль в разработке стратегии западными союзниками. Дело в том, что еще в ночь на 27 мая в Северной Африке перешли в наступление итало-немецкие войска. Они преследовали ограниченную цель, которая, как можно предположить, состояла в том, чтобы, с одной стороны, укрепить положение на южном стратегическом фланге немецкого фронта, а с другой, — привлечь основное внимание английского и американского командования к бассейну Средиземного моря. Решение провести наступление в Ливии в конце мая, с тем чтобы в середине июня осуществить захват острова Мальта, было принято во время встречи Гитлера и Муссолини в Оберзальцбурге 30 апреля 1942 г. Итало-немецким войскам ставилась задача уничтожить силы противника на подступах к Тобруку, захватить эту крепость и продвигаться на Эс-Саллум и Бардию, закончив эту операцию не позднее 20 июня⁸⁸. 12 мая 1942 г. министр иностранных дел Италии граф Чиано записал в своем дневнике: «В конце месяца Роммель начнет наступление в Ливии против английских войск. Если он сможет, то возьмет Тобрук и дойдет до старых границ; если же нет, он ограничится тем, что, напав первым, предупредит атаку противника»⁸⁹.

Начавшееся наступление не имело серьезного успеха и поэтому сначала не вызвало беспокойства у английского командования. И хотя Черчилль в письме Рузвельту от 28 мая заметил, что «возможно это будет самое крупное сражение, которое нам приходилось вести»⁹⁰, однако скорее всего это было лишь еще одним завуалированным напоминанием о плане вторжения в Северную Африку. Во всяком случае в первой половине июня события в Ливии не оказали какого-либо существенного влияния на обсуждение союзниками планов войны.

Но 20 июня, в разгар англо-американских переговоров в Вашингтоне, Рузвельт вручил Черчиллю только что полученную телеграмму

⁸⁶ Там же, стр. 282—283.

⁸⁷ См. *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. II, стр. 219.

⁸⁸ *К. Типпельскирх*. История второй мировой войны. М., 1956, стр. 242.

⁸⁹ «The Ciano Diaries. 1939—1943». New York, 1946, p. 484—485.

⁹⁰ *W. Churchill*. Op. cit., v. IV, p. 304.

о захвате немецкими войсками крепости Тобрук, которая за год до этого выдержала длительную осаду. Черчилль не преминул воспользоваться этим сообщением, чтобы вновь привлечь внимание американцев к Средиземному морю и Северной Африке. Он представил падение Тобрука в самом мрачном свете и заявил, что теперь немцам ничего не стоит захватить Александрию и Каир, а затем, двигаясь дальше на восток, подготовить условия для соединения с японскими войсками. Именно тогда англичанами была выдвинута версия, что немецко-фашистские войска стремятся, одновременно наступая через Кавказ и Египет, захватить Средний Восток и соединиться в районе Индии с японцами. Эта версия затем широко использовалась для оправдания политики проволочек с решением вопроса о создании второго фронта.

При этом не учитывалось, что итало-немецкие войска в Северной Африке уже истощили свои наступательные возможности, а напряженная борьба на советско-германском фронте не позволяла гитлеровскому командованию направить туда дополнительные силы. Не принимая во внимание этого решающего условия, американские руководители не могли, следовательно, предвидеть, что армии Роммеля, остановившейся вскоре у Эль-Аламейна, не было суждено продвигаться дальше.

Английские начальники штабов и Черчилль постарались сгустить краски и тем воздействовать на своих американских коллег. После продолжительного и бурного заседания 21 июня английский генерал Исмайл представил на рассмотрение новый проект плана наступательных операций на 1942—1943 гг., в котором была отражена точка зрения Черчилля. Он предусматривал в «максимально короткие сроки» готовить проведение военных действий в крупных масштабах на европейском континенте в 1943 г. Признавалось также «не менее важным», чтобы США и Великобритания были готовы к наступательным операциям и в 1942 г. Далее, однако, говорилось: «При благоприятных политических условиях лучшим вариантом в 1942 г. будет операция «Джимнаст». Поэтому детальные планы этой операции должны быть разработаны в кратчайший срок. Войска, предназначенные для операции «Джимнаст», в основном будут состоять из частей, выделенных для выполнения плана «Болеро», которые еще не отправлены из Соединенных Штатов»⁹¹. Этот план был принят, хотя по настоянию американской стороны формулировка последнего пункта изменилась следующим образом: «Все возможности осуществления плана «Джимнаст» будут тщательно и добросовестно изучены, и разработка детальных планов будет закончена по возможности в кратчайший срок»⁹².

Таким образом, разработка плана вторжения американских и английских войск в Северо-Западную Африку не получила приоритета по сравнению с другими планами действий против фашистской

⁹¹ М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 284.

⁹² Там же, стр. 284—285.

Германии и ее европейских союзников, как того хотели англичане, но тем не менее американцы приняли на себя обязательства в отношении операций в Северной Африке. Тогда же они создали региональные командования для сухопутных сил США на Ближнем Востоке во главе с генерал-майором Максуэллом (со штабом в Каире) и в Центральной Африке во главе с бригадным генералом Фитцджеральдом (в Аккре)⁹³.

Приняв такое важное изменение стратегических планов, союзники тщательно скрыли его. И это вполне понятно, так как нельзя было раскрывать карты перед противником. Но вместе с тем они стремились достигнуть и другой цели — сохранить у народа иллюзию относительно того, что скоро будто бы начнутся решительные действия против Германии. Так, выступая 22 июня в нью-йоркском Мэдисон-сквер-гарден на митинге, посвященном помощи Советскому Союзу в войне в связи с первой годовщиной нападения на него фашистской Германии, Гопкинс заявил, что США и Великобритания готовы создать не только второй фронт, но если понадобится, то и «третий и четвертый фронт, чтобы зажать германскую армию в стальное кольцо нашего наступления»⁹⁴.

Поскольку Черчиллю нужно было возвратиться в Лондон, чтобы выдержать политическое сражение в парламенте в связи с бурной реакцией в Англии на поражение в Египте, ему хотелось заручиться документом о благополучном развитии переговоров. Рузвельт охотно помог ему в этом. 23 июня ими было сделано совместное заявление о том, что «цель этих переговоров — в кратчайший срок сконцентрировать максимальную военную мощь союзников против врага и пересмотреть, а где это необходимо, обеспечить дальнейшее согласование всех мероприятий, которые уже некоторое время тому назад были подготовлены к осуществлению, и укрепить усилия объединенных стран... Существует полная договоренность и согласие между всеми заинтересованными странами в отношении тех огромных и серьезных задач, которые стоят впереди»⁹⁵.

Еще более обнадеживающим было коммюнике, опубликованное по окончании совещания. Его участники, отдавая должное героической борьбе Красной Армии, далее заявляли: «Хотя по понятным причинам наши планы не могут быть раскрыты, можно указать, что предстоящие операции, подробно обсуждавшиеся во время переговоров в Вашингтоне... , оттянут силы Германии от наступления на Россию»⁹⁶.

На деле же, как показано выше, никаких решений такого характера не было принято. Эти переговоры не только не продвинули ни на шаг вперед дело организации второго фронта в Европе, но, напротив, еще больше отвлекли от него внимание союзников, которое теперь оказалось прикованным к Северной Африке.

⁹³ Там же, стр. 286.

⁹⁴ Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 215.

⁹⁵ «Правда», 24.VI 1942.

⁹⁶ «Times», 20.VI 1942.

25 июня Черчилль вылетел в Лондон, оставив, по словам Р. Шервуда, у «своих американских друзей... растущее чувство тревоги, что второй фронт не будет открыт ни в 1942, ни в 1943 году»⁹⁷. Вряд ли, однако, это чувство было тревожным, так как правящие круги США в сущности и сами не торопились с вторжением на европейский континент и ускорением разгрома гитлеровской Германии. Как уже отмечалось, главная забота американского правительства тогда состояла в том, чтобы найти какое-нибудь поле действий для своих войск «по ту сторону Атлантики». Это и определило окончательное решение, принятое во время англо-американских военных переговоров, состоявшихся в Лондоне 20—24 июля 1942 г., которым предшествовал обмен мнениями между главами обоих правительств.

Вторые военные переговоры в Лондоне

Черчиллю все-таки удалось произвести впечатление на Рузвельта. Может более серьезную роль в этом деле сыграла политическая ситуация в правящих кругах Великобритании, вызванная падением Тобрука. Во всяком случае Рузвельт, обеспокоенный ухудшением для англичан обстановки в Северной Африке, 30 июня телеграммой из Гайд-парка запросил Маршалла: «Можем ли мы немедленно предпринять какие-либо шаги, которые благоприятно отразились бы на положении на Среднем (Ближнем. — В. К.) Востоке? Каково Ваше личное мнение о будущем ходе событий в этом районе?»⁹⁸

Маршалл ответил сразу же. По его мнению, первой целью Роммеля является уничтожение английской армии, затем оккупация Кипра и Сирии и в конечном счете захват района Мосула и Басры. Маршалл считал наиболее вероятным, что противник стремится перерезать американскую авиатрассу, ведущую через Африку на Средний Восток, в Советский Союз и на Дальний Восток. Далее он писал, что, как полагает разведывательный отдел армии, «Роммель может достичь Каира в течение недели», а по мнению оперативного отдела, для этого «Роммелю понадобится две недели и минимум еще неделя для перевооружения и отдыха, прежде чем он сможет двинуться дальше, вероятно, с целью уничтожения остатков английских войск». Что касается каких-либо действий американских войск на этом театре, то Маршалл заявлял: «... Оборона Сирии и попытка удержать Турцию от вмешательства потребовали бы такого увеличения сил, которое далеко превосходило бы» американские возможности, а учитывая оборону Басры, любая крупная операция в этом районе «полностью обескровила бы» их⁹⁹.

Нарисованная в этом ответе мрачная картина лишь еще больше привлекла внимание Рузвельта к событиям в Северной Африке.

⁹⁷ Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 222.

⁹⁸ Там же, стр. 224.

⁹⁹ См. там же, стр. 224—225.

Врученная же Гопкинсу записка Маршалла от 2 июля усилила этот интерес. В ней по существу предвещалась «катастрофа» на Ближнем Востоке¹⁰⁰.

На самом же деле все это было далеко не так. Захват Тобрука, действительно, воодушевил командование итало-немецких войск, и оно решило отложить подготовку вторжения на Мальту, чтобы развить наступление на Каир, Александрию и Суэцкий канал. Муссолини даже пожелал собственной персоной присутствовать при захвате Египта и с этой целью направился в Африку. Но положение фашистских войск здесь было отнюдь не блестящим. Они понесли большие потери и измотались, их коммуникации растянулись и снабжение поступало в весьма незначительных размерах, техника требовала ремонта. Пополнения не поступали, так как незадолго до этого началось немецкое наступление на советско-германском фронте.

Все эти условия предопределяли неизбежность прекращения немецкого наступления в Египте, о чем в сущности не могло не знать и английское командование. Однако оно всячески демонстрировало перед американцами свое «беспокойство», требуя от них решительных действий в Северо-Западной Африке.

Учитывая, что «североафриканский план имел для Рузвельта большую притягательную силу»¹⁰¹, и используя как обострение обстановки на Среднем Востоке, так и бурные дебаты по этому поводу в английском парламенте, Черчилль начал действовать в этом направлении еще энергичнее. От намеков на желательность совместных англо-американских операций в Северо-Западной Африке он перешел к открытой атаке против плана вторжения в Западную Европу. «Ни один ответственный генерал, адмирал или маршал авиации, — писал он Рузвельту 8 июля, — не в состоянии рекомендовать «Слэджхэммер» в качестве операции, которую можно осуществить в 1942 г. Начальники штабов доложили, что «очень маловероятно, чтобы возникли условия, которые сделали бы «Слэджхэммер» надежным и разумным предприятием»¹⁰².

Столь же категорически поставил он на этот раз и вопрос о ближневосточных планах. «Сам я уверен, — заявил Черчилль в том же послании, — что Французская Северная Африка («Джимнаст») является гораздо лучшей возможностью оказать помощь русскому фронту в 1942 г.» Даже не пытаясь мотивировать это свое абсолютно беспочвенное утверждение, Черчилль для вящей убедительности прибегнул и к лесть в адрес Рузвельта. «Это всегда соответствовало Вашим идеям, — писал он. — Действительно, это Ваша основная идея. Это будет подлинный второй фронт 1942 г. Я консультировался с кабинетом и с комитетом обороны, и мы все согласны. Здесь может быть нанесен самый надежный и плодотворный удар»¹⁰³.

¹⁰⁰ См. там же, стр. 225.

¹⁰¹ *W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 390—391.*

¹⁰² *Ibid., p. 391—392.*

¹⁰³ *Ibidem.*

Начальники английских штабов направили своим американским коллегам послание аналогичного же содержания¹⁰⁴. Они заявили, что, по их мнению, продолжать подготовку вторжения на континент следует только из следующих соображений: «Во-первых, подготовка к осуществлению плана «Слэджджэммер» будет сбивать с толку немцев. Подготовительные меры, может быть, и не заставят немцев отвлечь свои силы с Восточного фронта, однако они вряд ли пойдут и на ослабление Западного фронта, особенно в отношении военно-воздушных сил. Во-вторых, такая подготовка будет весьма полезной генеральной репетицией для плана «Раундап» и особенно для командиров и штабов»¹⁰⁵.

При рассмотрении этого послания начальниками американских штабов 10 июля Маршалл информировал собравшихся также о решении военного кабинета Великобритании. Поставив вопросы о том, «должны ли Соединенные Штаты соглашаться на вторжение в Северную Африку» и «хотят ли в действительности англичане осуществить вторжение на европейский континент в 1943 г.?», он дал на первый из них отрицательный ответ и назвал североафриканскую операцию «дорогостоящей и бесполезной». Но при этом он отметил, что без активной поддержки англичан невозможно будет выполнить ни план «Слэджджэммер», ни план «Раундап», и в этом случае США должны будут «все усилия сосредоточить на Тихоокеанском театре для подготовки к решительным действиям против Японии»¹⁰⁶.

Эту мысль охотно поддержал адмирал Кинг. В результате был написан и направлен президенту совместный меморандум, в котором заявлялось: «По нашему мнению, реализация плана «Джимнаст» (даже если эта операция будет признана целесообразной) определенно исключает операции «Болеро» и «Слэджджэммер» в 1942 г. и, несомненно, ограничит (если не сделает невозможным) операции «Болеро» и «Слэджджэммер» весной 1943 г. Мы уверены в том, что план «Джимнаст» не только не даст решительных результатов, но и истощит наши ресурсы... Исключив всякую возможность проведения операции «Слэджджэммер» в 1942 г., мы не только не выполним наших обязательств перед Россией; любая другая операция, несомненно, отразится на нашей готовности к осуществлению плана «Раундап» в 1943 г.» На тот случай, если не удастся убедить в этом Черчилля, авторы меморандума предлагали сосредоточить основные усилия США против Японии на Тихом океане¹⁰⁷. То же самое Маршалл повторил и в своем личном меморандуме Рузвельту¹⁰⁸.

Здесь следует напомнить, что такое решение как раз и не устраивало президента Рузвельта, стремившегося предоставить американским войскам возможность действовать против Германии на любом

¹⁰⁴ См. *М. Мэтлофф, Э. Снэлл*. Указ. соч., стр. 314; *W. Churchill*. Op. cit., v. IV, p. 391.

¹⁰⁵ *М. Мэтлофф, Э. Снэлл*. Указ. соч., стр. 311.

¹⁰⁶ Там же, стр. 312—313.

¹⁰⁷ Там же, стр. 312—314.

¹⁰⁸ См. там же, стр. 314.

доступном для этого театре. Поэтому его реакция на предложение начальников штабов отнюдь не была положительной. Для начала он затребовал от них развернутый вариант тихоокеанского плана, а также информацию о том, как его реализация отразится на обороне Советского Союза и Ближнего Востока¹⁰⁹. Маршалл и Кинг в ответ прислали лишь общие наброски этого плана и сообщение, что для составления развернутого варианта потребуется известное время. Они также признали, что сосредоточение основных усилий США против Японии не окажет почти никакого влияния на ход военных действий на советско-германском фронте и на Ближнем Востоке¹¹⁰.

После этого, 14 июля, президент сообщил Маршаллу, что он отклоняет тихоокеанский план. Одновременно Рузвельт решил немедленно направить Гопкинса, Маршалла и Кинга в Лондон для продолжения военных переговоров с англичанами¹¹¹.

На созванном в связи с этим совещании начальников штабов, на котором Маршалл зачитал послание президента, «...выступавшие... говорили, что президент, несомненно, будет настаивать на военных действиях в Африке... Все соглашались с тем, что по политическим соображениям, возможно, придется развернуть в этом году крупные операции в Африке»¹¹².

Таким образом, позиция начальников американских штабов была поколеблена. На следующий день возвратившийся в Вашингтон Рузвельт лично повторил им свое мнение о тихоокеанском плане, а также высказался против «жесткой линии» по отношению к Черчиллю или угроз «забрать свои игрушки...»¹¹³, т. е. лишить Англию американской помощи. В этом проявилось сочувствие президента британскому премьер-министру, одержавшему в те дни весьма непрочную победу в парламенте, и желание поддержать его¹¹⁴.

С этой целью он и решил послать делегацию в Лондон. Основным в полученной ею от президента инструкции было то, что «американские сухопутные войска должны иметь возможность сражаться с германскими сухопутными войсками в 1942 г.»¹¹⁵ Вопрос о том, где будут вестись эти военные действия, не являлся главным для правительства США, хотя Рузвельт более чем достаточно понимал значение первоочередности открытия второго фронта.

Так, в указанной инструкции Гопкинсу, Маршаллу и Кингу он писал: «Что касается 1942 года, то вы тщательно изучите возможности проведения операции «Слэджджэммер». Такая операция определенно поддержала бы Россию в этом году. Она могла бы создать перелом в ходе войны, и в результате Россия была бы спасена в этом

¹⁰⁹ См. там же, стр. 315.

¹¹⁰ См. там же, стр. 315—316.

¹¹¹ См. там же, стр. 318.

¹¹² Там же.

¹¹³ См. *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. II, стр. 229; *М. Мэтлофф*, *Э. Снэлл*. Указ. соч., стр. 318.

¹¹⁴ См. *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. II, стр. 230—231.

¹¹⁵ Там же, стр. 236.

году. «Слэджджэммер» имеет такое громадное значение, что по всем соображениям ее надо провести. Вы должны энергично настаивать на немедленной широкой подготовке к этой операции, на том, чтобы подготовка к ней проводилась со всей энергией и чтобы операция была осуществлена независимо от угрозы крушения России»¹¹⁶.

Однако далее президент указывал, что если не удастся договориться о проведении операции «Слэджджэммер», то членам делегации предписывалось уведомить его об этом и, изучив международную обстановку, решить, где в «другом месте американские войска могут сражаться в 1942 году». Наконец еще более прозрачным намеком на истинные намерения Рузвельта были его слова о том, что, каковы бы ни были перспективы открытия второго фронта в Европе и независимо от того, «потерпит Россия крах» или нет, Ближний Восток «следует удерживать по возможности прочно»¹¹⁷.

Нельзя не сопоставить все эти указания с тем фактом, что правительству США была хорошо известна позиция Черчилля, исключавшая возможность склонить Англию к осуществлению операции «Слэджджэммер» в 1942 г. А это означает, что все указания и инструкции по этому вопросу были лишь прикрытием для главного пункта — относительно действия «в другом месте». Этот вывод полностью подтверждается свидетельством Р. Шервуда о том, что президента тогда беспокоили не столько задержка вторжения в Европу и «положение русских», сколько реакция американского народа на неучастие армии США в борьбе с Германией¹¹⁸.

Даже состав американской делегации, направлявшейся в Лондон, не давал основания надеяться, что она будет решительно добиваться осуществления плана «Слэджджэммер» в 1942 г. Брук, например, сделал в своем дневнике следующую запись по этому поводу: «Это будет странная команда, поскольку Гарри Гопкинс ратует за действия в Африке, Маршалл хочет предпринять операции в Европе, а Кинг настаивает на направлении главных усилий в район Тихого океана»¹¹⁹.

Англичане же придерживались своей прежней точки зрения. Черчилль еще энергичнее настаивал на том, чтобы осуществить вторжение в Северо-Западную Африку, так как теперь он был уверен, что в сложившейся ситуации американцы вынуждены будут считаться с его мнением. 18 июля, в день приезда в Лондон американской делегации, на совещании премьер-министра и начальников английских штабов была окончательно выработана британская линия поведения во время переговоров. Суть ее была определена так: «Единственно осуществимой операцией для 1942 г. является «Джимнаст», но... если предпринять ее совместными английскими и американскими силами, можно осуществить высадку как можно

¹¹⁶ Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 234.

¹¹⁷ Там же, стр. 234—235.

¹¹⁸ Там же, стр. 236—237.

¹¹⁹ А. Bryant. Op. cit., p. 422.

дальше на восток, в Алжире ... и таким путем создать фланг будущего второго фронта в Европе»¹²⁰.

20 июля начались переговоры, проходившие тайно. Обе стороны изложили свои точки зрения, причем англичане были довольно единодушны, тогда как американцы во многом сомневались, в силу чего «было невозможно прийти к соглашению об операции «Слэджхэммер»»¹²¹.

Переговоры быстро зашли в тупик. 22 июля об этом было сообщено Рузвельту, который повторил основной пункт своей инструкции: разработать планы каких-либо других операций, которые позволили бы американским сухопутным войскам принять участие в сражениях против немецких войск в 1942 г. Он предложил рассмотреть их в порядке следующей очередности: «1) новая форма наступления с целями занятия либо Алжира и Марокко, либо одного из них; 2) первоначально намечавшаяся операция в Северной Африке («Джимнаст»), проводимая американскими войсками только на первых этапах; 3) операция в Северной Норвегии; 4) подкрепление английских войск американскими в Египте для наступления в этом районе; 5) американские операции через Иран в направлении Кавказа»¹²².

Следовательно, президент ясно выразил свое согласие отказаться даже от ограниченного вторжения на континент Европы в 1942 г. и недвусмысленно предложил достигнуть соглашения о действиях в Африке. Вряд ли он при этом руководствовался соображениями об обеспечении безопасности Западного полушария и особенно Панамского канала, как это уверяет А. Норман¹²³, ибо такая угроза не могла возникнуть до тех пор, пока существовал советско-германский фронт. А если бы даже и была подобная опасность, то устранить ее вернее всего могло именно вторжение в Северо-Западную Европу, которое наверняка отвлекло бы немецко-фашистские силы с Ближнего Востока. Ближе к истине второе предположение американского историка относительно соображений Рузвельта, а именно — стремление не допустить захвата противником нефтяных ресурсов Ближнего Востока и Северной Африки¹²⁴.

Такое намерение было продиктовано интересами американских монополий, в конечном счете определявшими выбор правительством США того или иного курса. Надо лишь подчеркнуть, что и опасения по поводу ближневосточной нефти были необоснованными, поскольку, как уже отмечалось, итало-немецкие войска в Северной Африке к тому времени уже полностью исчерпали свой наступательный потенциал.

Новые указания Рузвельта американской делегации положили конец ее и без того слабому сопротивлению позиции англичан.

¹²⁰ Ibid., p. 423.

¹²¹ Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 241.

¹²² Там же, стр. 241—242.

¹²³ А. Norman. Operation Overlord. Harrisburg, 1952, p. 21.

¹²⁴ Ibidem.

24 июля представители обеих стран достигли соглашения, согласно которому был принят план «Джимнаст», переименованный Черчиллем в «Торч» («Факел») ¹²⁵. Главкомандующим союзными силами, выделяемыми для проведения операции, назначался американский генерал Эйзенхауэр, при нем были создан союзный штаб. Единственное требование, выдвинутое американской стороной и исходившее от Рузвельта, состояло в том, чтобы начать операцию не позднее 30 октября 1942 г. ¹²⁶

Черчилль ликовал. 27 июля 1942 г. он писал Рузвельту: «Я уверен, что Вы будете довольны, как я и как все мы, находившиеся здесь, результатами этой напряженной недели. Было достигнуто не только полное согласие по поводу действий, но между нашими высшими офицерами были установлены также отношения сердечной близости и товарищества» ¹²⁷. Рузвельт также был удовлетворен. Его давнишняя мечта начать вторжение в Северо-Западную Африку наконец могла стать реальностью. В ответ на послание Черчилля он сообщал 28 июля: «Я, конечно, очень доволен результатами, а особенно успешным согласованием точек зрения. Мне кажется, что последняя неделя представляла собой поворотную точку и что сейчас мы идем плечом к плечу» ¹²⁸.

По возвращении американской делегации в Вашингтон состоялась серия штабных совещаний. 30 июля Рузвельт сделал заявление, что он «как главнокомандующий» принял решение начать операцию «Торч» как можно скорее и что «эта операция является в настоящее время нашей основной задачей, и мобилизация сил и средств для проведения ее должна осуществляться в первую очередь (не исключая операции «Болеро»)». Президент дал также указание немедленно сообщить Черчиллю, что просит его присоединиться к этому решению, с тем чтобы место, время и размах операции были окончательно определены к 15 сентября ¹²⁹.

После этого штабы обеих стран приступили к подготовке вторжения в Северо-Западную Африку, а вопрос о втором фронте в Европе, широко дебатировавшийся с начала 1942 г., был, таким образом, снят с повестки дня на продолжительное время.

Правительства США и Великобритании пошли на такой шаг в то время, когда немецко-фашистские армии, предприняв новое наступление на южном крыле советско-германского фронта, продвигались к Волге и Кавказу. В тот момент, как никогда, требовались активные действия американских и английских войск в Западной Европе, чтобы ослабить вооруженные силы фашистского блока на советско-германском фронте. Но вместо этого правительства и начальники штабов США и Великобритании наметили осуществить вторжение в Северо-Западную Африку, заведомо зная,

¹²⁵ A. Bryant. Op. cit., p. 427.

¹²⁶ Т. е. до промежуточных выборов в американский конгресс.

¹²⁷ W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 404.

¹²⁸ Ibid., p. 405.

¹²⁹ М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 329—330.

что это делает невозможным открытие второго фронта не только в 1942 г., но и в следующем году и что намеченные ими действия не заставят противника снять хотя бы одну дивизию с Восточного фронта.

Так Советский Союз снова был обречен союзниками вести борьбу один на один против основной массы вооруженных сил фашистского блока в Европе.

Англо-советские переговоры в Москве

Решение правительств США и Великобритании не разделялось, однако, ни Советским Союзом, ни широкими кругами американской и английской общественности. Летом же 1942 г., когда гитлеровская Германия развернула крупное наступление на юге СССР, газеты всего мира и радио сообщали из разных уголков США и Англии о митингах и собраниях трудящихся, о резолюциях, в которых выражалось требование немедленно открыть второй фронт.

На стенах заводов и фабрик по всей Великобритании был написан лозунг «Немедленно открыть второй фронт». С такими же призывами выступали депутаты парламента, представители деловых кругов Лондона, солдаты и гражданские лица¹³⁰.

В последних числах июля 1942 г. в Лондоне на Трафальгарсквер состоялся массовый митинг, в котором приняли участие 70 тыс. человек. Перед собравшимися выступили председатель Национальной конфедерации горняков Лоутер, член парламента либерал Робертс, лейборист Притт, председатель компартии Великобритании Гарри Поллит и др. Ораторы подчеркивали, что второй фронт не только окажет военную помощь Советскому Союзу, но он жизненно необходим также для защиты Великобритании и является единственным путем к скорейшей победе. Участники митинга приняли резолюцию, содержащую требование немедленного создания второго фронта и обязательство не щадя сил работать и быть готовыми на любые жертвы ради достижения победы¹³¹.

Выступавший 27 июля в Лондоне лейборист лорд Страболджи заявил: «Теперь, когда военное положение на юге России достигло критического этапа, мы должны нанести удар на Западе и открыть один или несколько новых европейских фронтов, иначе мы потеряем большие возможности. Гитлер поставил ставку на английскую и американскую медлительность и чрезвычайную осторожность и оголил оккупированные территории и самую Германию, оставив там лишь ничтожное количество войск»¹³².

В таком же духе высказывались тогда многие английские га-

¹³⁰ B. Gardner. Churchill in Power. Boston, 1970, p. 188.

¹³¹ «Правда», 2.VIII 1942.

¹³² Там же.

зеты. Политический обозреватель «Ньюс кроникл» Каммингс писал: «В Англии мы держим огромную армию, которая ежедневно пополняется все новыми и новыми контингентами американских войск. Кажется невероятным, чтобы эта колоссальная военная машина, которая с июня 1940 г. находится в процессе реорганизации, вооружения и расширения, оставалась в бездействии, в то время как немцы уменьшают свои оккупационные силы до опасных для немцев пределов, чтобы концентрировать все свои ресурсы для достижения единой задачи — разбить Россию. Не удивительно, что в настоящее время возникло то, что официальные английские руководители называют «народным требованием» действия». В заключение автор статьи заявил: «Как бы ни был серьезен риск, как бы ни была трудна задача, она должна быть выполнена быстро, потому что другого выхода не предвидится»¹³³.

Ясное представление о настроениях английского народа содержалось и в сообщении корреспондента американского агентства Ассошиэтед Пресс Миддлтона, совершившего в то время поездку по Великобритании. «Мужчины и женщины Англии, — отмечал он, — искренне желают открыть второй фронт в Европе в этом году. Они инстинктивно чувствуют, что это должно быть сделано. Они, возможно, лучше некоторых членов правительства сознают, что это сопряжено с жертвами и затратой материальных ценностей. Но они глубоко уверены в том, что война может закончиться лишь в результате победы английской армии на европейском континенте. По всей Англии я встречался с таким мнением. Второй фронт — важнейшая тема разговоров в поездах, заводских цехах, в тихих сельских пивных и шумных городских ресторанах. Солдаты, моряки и летчики придерживаются такой же точки зрения, как и фермеры, рабочие военных заводов, рыбаки»¹³⁴.

В середине августа делегация, представлявшая 105 тыс. рабочих 78 предприятий Большого Лондона, посетила резиденцию премьер-министра Черчилля и передала декларацию, в которой говорилось: «Гитлера можно разбить быстрее на двух фронтах в Европе, и мы готовы на все жертвы, которых потребует второй фронт. Мы не можем более допускать, чтобы Советский Союз один нес все жертвы. Наша страна в опасности. На карту поставлена наша честь. Если второй фронт не будет открыт немедленно, может оказаться слишком поздно. Мы требуем действий»¹³⁵.

Такое же требование выразила делегация в составе 80 женщин — жён, матерей, сестер и невест солдат и офицеров английской армии, представлявшая 33 тыс. работниц и домохозяек. Среди них были работницы наиболее крупных предприятий Лондона. Одна часть делегации посетила резиденцию премьер-министра, вторая — редакции крупных газет, а третья — палату общин, где они вручили

¹³³ «Правда», 2.VIII 1942.

¹³⁴ «Правда», 5.VIII 1942.

¹³⁵ «Правда», 16.VIII 1942.

декларацию с требованием немедленно создать второй фронт в Европе¹³⁶.

Мощное движение, осуждавшее бездействие американской армии и требовавшее немедленного открытия второго фронта в Европе, охватило и США.

В конце июля в Нью-Йорке в Мэдисон-сквер-гарден состоялся массовый митинг, в котором участвовало 35 тыс. человек. В телеграмме, направленной ими президенту, указывалось: «Мы клеймим пораженцев и предателей, которые втихомолку агитируют против наших вооруженных сил. Мы призываем к немедленному открытию второго фронта...» Рузвельт, как и Черчилль, получал со всех концов страны такие телеграммы, резолюции, декларации от различных профсоюзов, фермеров, профессоров, студентов, домохозяек. Например, 102 профессора Нью-Йоркского университета направили Рузвельту обращение, в котором писали: «Пришло время объединенным странам начать решительные действия. Поэтому мы настоятельно просим президента Соединенных Штатов срочно рассмотреть вопрос о немедленном открытии второго фронта»¹³⁷.

50 руководителей профсоюзов города Бостона, входивших в Конгресс производственных профсоюзов и Американскую федерацию труда, направили совместную телеграмму президенту Рузвельту, в которой писали: «Наша страна и Объединенные Нации стоят перед серьезной опасностью. Мы считаем, что только немедленное открытие второго фронта в Европе... может устранить эту опасность и предотвратить продление войны на многие годы»¹³⁸. В Филадельфии более 20 тыс. рабочих выступили с требованием создать Западный фронт. Такие же выступления имели место и в других районах США¹³⁹.

Газета «Вашингтон пост» поместила редакционную статью, в которой выражалось требование немедленных действий. «Английский и американский народы требуют открытия второго фронта, — отмечалось в ней. — Народ, может быть, не имеет представления о стратегии, но ему известно, что даже дорогостоящий второй фронт ничего не значит по сравнению с ужасной бойней, которая явится результатом нашего ожидания. Английский и американский народы требуют действий, потому что они чувствуют — и многие эксперты поддерживают это чувство, — что воздушная и морская мощь имеет большое значение, но что окончательная победа может быть достигнута только на суше, на поле боя. Мы не можем ждать, пока «последняя пуговица будет застегнута на мундире последнего солдата». Лучше напасть на Гитлера, пока он занят в России, чем встретиться на поле боя со всей его армией»¹⁴⁰.

¹³⁶ См. «Правда», 17.VIII 1942.

¹³⁷ «Правда», 10.VIII 1942.

¹³⁸ «Daily Worker» (New York), 6.VIII 1942.

¹³⁹ «Daily Worker» (New York), 6, 7, 8.VIII 1942.

¹⁴⁰ «Правда», 2.VIII 1942.

«Нью рипаблик» также настойчиво рекомендовал воспользоваться сложившимися условиями и открыть второй фронт. Он отмечал, что коалиционная война — главное преимущество союзников в войне против фашистской Германии. «Второй фронт, — заявлял этот журнал, — нужно рассматривать не только как средство ослабить нажим на Россию, но и как единственный эффективный метод ведения англо-американской войны против гитлеровской Германии»¹⁴¹. Корреспондент газеты «Чикаго дейли ньюс» в Александрии Маулер в свою очередь писал, что создание второго фронта в Европе оказало бы помощь союзникам на Ближнем Востоке так же, как и Советскому Союзу, ибо оно помешало бы отправлять подкрепления Роммелю¹⁴².

Множество подобных требований, сообщениями о которых были полны все лето и осень 1942 г. печать и радио США, Великобритании и других стран, свидетельствует о том, что движение за открытие второго фронта было по своему характеру демократическим, общенародным. Мотивы отдельных групп его участников, принадлежавших к различным социальным слоям, были неодинаковыми, причем представители господствующих кругов исходили, конечно, не из желания защитить Советский Союз, а исключительно из стремления не допустить, чтобы фашистский блок после победы на советско-германском фронте бросил свои основные силы против Великобритании и США.

Наиболее последовательно боролись за немедленное создание второго фронта трудящиеся и их организации, в особенности коммунистические партии. Они не в пример правительствам США и Великобритании придавали важное значение второму фронту в 1942 г. В их требованиях, декларациях, телеграммах, высказываниях выражалась солидарность с народами, боровшимися против фашистских захватчиков, прежде всего с Советским Союзом, несшим на себе основную тяжесть этой борьбы, а также сознание своих национальных интересов и необходимость скорейшего разгрома фашистской Германии и всего фашистского блока. Они рассматривали открытие второго фронта в Европе как один из наиболее эффективных методов ведения войны и вместе с тем оказания реальной помощи Советскому Союзу.

Но как ни различны были их мотивы, все участники движения требовали одного и того же — немедленно открыть второй фронт в Европе. Приведенные выше факты полностью опровергают измышления Черчилля, который, сознательно извращая сущность данного движения, утверждал впоследствии в своих мемуарах, будто требование безотлагательно осуществить вторжение на европейский континент выдвигали только коммунисты. Совершенно очевидно, что это понадобилось ему для того, чтобы уклониться от признания

¹⁴¹ «Правда», 3.VIII 1942.

¹⁴² См. «Правда», 10.VIII 1942.

в прямом обмане народов Англии и США, к которому прибегли их правительства ради интересов монополистического капитала.

Одновременно они обманули и надежды народов поработанных гитлеровцами стран Европы, ожидавших вторжения англо-американских войск, чтобы подняться на решительную борьбу против фашистских оккупантов. Именно о таких устремлениях, например, французского народа говорил де Голль генералам Маршаллу, Арнольду, Эйзенхауэру, адмиралам Кингу и Старку. Встретившись с ними 23 июля в Лондоне, он также заявил, что «с точки зрения союзной стратегии открытие второго фронта на Западе является настоятельной необходимостью»¹⁴³.

Все изложенное выше свидетельствует о том, что основой политики английского и американского правительств в 1942 г. были отнюдь не общие интересы коалиционной войны против фашистского блока.

Второй фронт по существу не рассматривался ими как метод скорейшего завершения войны, ибо они не были в этом заинтересованы. Не хотели правительства Англии и США открыть его и ради оказания помощи Советскому Союзу, так как считали ее из тех же соображений преждевременной и способной «чрезмерно» ускорить разгром гитлеровской Германии без «должного» ослабления СССР. Став союзниками социалистического государства лишь в силу необходимости, поскольку от этого зависела их собственная судьба, они стремились оказывать только такую помощь, которая, с одной стороны, как можно дольше сохраняла бы советско-германский фронт и, с другой — не способствовала бы решающему перевесу сил Красной Армии над немецко-фашистскими войсками.

Это и объясняет готовность США и Англии давать Советскому Союзу всевозможные торжественные обещания, в том числе и относительно открытия второго фронта в 1942 г., и принятое ими летом того же года решение нарушить свое обязательство. Их расчеты были основаны на том, что, хотя героически сражавшаяся Красная Армия и отступала на юге СССР, тем не менее она в ожесточенных боях изматывала и уничтожала силы фашистской Германии. Исходя из этого, английские и американские руководители были уверены в том, что борьба на Восточном фронте будет еще некоторое время продолжаться, истощая силы Германии, а заодно и Советского Союза.

Пользуясь продолжавшейся, таким образом, для Англии и США передышкой, обе западные державы усиленно наращивали свою военную мощь, решая пока что свои собственные империалистические задачи на Ближнем Востоке.

Что касается Черчилля, то он еще до утверждения плана «Торч» дал понять Советскому Союзу, что в 1942 г. второго фронта не будет. Он заявил об этом 14 июля полпреду СССР в Лондоне И. М. Майскому, после того как последний выразил ему свое удив-

¹⁴³ Ш. де Голль. Указ. соч., т. II, стр. 399 (см. также стр. 14—15).

ление тем, что вопреки договоренности, по сведениям советских военных представителей в Англии, не ведется никакой подготовки к вторжению через Ла-Манш. Четыре дня спустя, когда американские представители еще только приехали в Лондон для ведения переговоров, в Москве уже было получено послание Черчилля, в котором он повторил сказанное И. М. Майскому. Более того, желая подчеркнуть, что отказ от открытия второго фронта является не только его намерением, он добавил: «Я показал эту телеграмму президенту (т. е. Рузвельту. — В. К.)»¹⁴⁴.

Любопытно, что президент Рузвельт в беседе с советским полпредом 22 июля по собственной инициативе коснулся вопроса о вторжении в Западную Европу. При этом он, скрыв свою истинную точку зрения, заявил, что всегда стоял за открытие второго фронта в 1942 г., но что против этого возражает Черчилль¹⁴⁵.

Британский премьер-министр получил в ответ на свое послание решительный протест главы Советского правительства против нарушения союзниками обязательства об открытии второго фронта в 1942 г. В нем заявлялось: «Что касается... вопроса об организации второго фронта в Европе, то я боюсь, что этот вопрос начинает принимать несерьезный характер. Исходя из создавшегося положения на советско-германском фронте, я должен заявить самым категорическим образом, что Советское правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год»¹⁴⁶.

В таком же духе был написан и ответ Советского правительства на просьбу президента США высказаться относительно намечаемого вторжения в Северную Африку. По свидетельству советского полпреда, Рузвельт выслушал это сообщение «молча, не возражая». Он ограничился лишь замечанием, что поскольку Красная Армия успешно «уничтожает немцев», то все «обстоит хорошо». Добавив, что второй фронт будет открыт, президент уклонился от уточнения даты¹⁴⁷.

Вызванное политикой правительств США и Великобритании недовольство Советского правительства, естественно, не могло не сказаться на дальнейших отношениях между участниками антифашистской коалиции. Это, как и нараставшее в Англии недовольство общественности откладыванием второго фронта, тревожило Черчилля. К тому же неблагоприятный для него резонанс имело состоявшееся 30 июля собрание англо-русского парламентского комитета. На нем присутствовало около 300 членов английского парламента, т. е. больше, чем обычно бывает на заседаниях палаты общин. Среди них был и один из виднейших британских государ-

¹⁴⁴ «Переписка...», т. I, стр. 52—53.

¹⁴⁵ См. *И. Н. Земсков*. Из дипломатической истории второго фронта в Европе (1941—1944 гг.). Документальный очерк. М., 1961, стр. 31.

¹⁴⁶ «Переписка...», т. I, стр. 54.

¹⁴⁷ См. *И. Н. Земсков*. Из дипломатической истории второго фронта в Европе, стр. 31.

ственных деятелей Д. Ллойд Джордж. Участники собрания сочувственно приняли заявление о необходимости открытия второго фронта в 1942 г., сделанное советским полпредом И. М. Майским, выступавшим с сообщением о положении в СССР и об оказании военной помощи Великобританией¹⁴⁸.

Черчилль, чье положение в правительстве и в стране могло серьезно пошатнуться в результате ухудшения отношений с СССР, решил предпринять срочные меры, а именно: встретиться с главой Советского правительства для личных переговоров. В ту же ночь он пригласил к себе Майского и вручил для пересылки в Москву послание, в котором предлагал пригласить его для встречи «в Астрахани, на Кавказе или в каком-либо другом подходящем месте»¹⁴⁹. В ответ он получил приглашение прибыть для встречи в Москву в удобное для него время¹⁵⁰.

Была и другая причина, заставившая Черчилля и сопровождавших его лиц, в том числе фельдмаршалов Брука и Уэйвелла, а также главного маршала авиации Теддера, предпринять далекое и опасное путешествие самолетом через Египет и Иран в Москву. В Каире к ним присоединился американский дипломат Аверелл Гарриман, представлявший на переговорах президента США. Всех их волновал вопрос о том, сможет ли Красная Армия сдержать, хотя бы до зимы, новый натиск немецких войск и не удастся ли последним прорваться в Закавказье¹⁵¹.

От ответа на этот вопрос зависело очень многое в проведении намеченной правительствами США и Великобритании программы ведения войны, в частности и в осуществлении их средиземноморской стратегии, четко определившейся к тому времени. Им необходимо было укрепить свою уверенность в том, что Советский Союз выстоит и немецко-фашистские войска не захватят сырьевые ресурсы Кавказа, особенно бакинский нефтеносный район, и не смогут отсюда вторгнуться в Иран, Ирак, Египет и Индию. Иначе говоря, английской делегации хотелось убедиться в том, что советско-германский фронт будет существовать и оттягивать на себя, как и раньше, основную массу сил и средств фашистской Германии и ее союзников, а Великобритания и США смогут получить благодаря этому известную свободу действий в Северной Африке и на Ближнем Востоке¹⁵².

¹⁴⁸ См. *И. М. Майский*. Указ. соч., стр. 269.

¹⁴⁹ «Переписка...», т. I, стр. 55.

¹⁵⁰ См. там же, стр. 56.

¹⁵¹ *W. Churchill*. Op. cit., v. IV, 439, 445.

¹⁵² Вопрос о прочности обороны Красной Армии в горах Кавказа правительства Англии и США придавали исключительно важное значение. Черчилль неоднократно интересовался этим во время своих переговоров в Москве. Когда же ему сказали, что советские войска удержат эти позиции до зимы, он немедленно телеграфировал об этом Рузвельту (*W. Churchill*. Op. cit., v. IV, p. 444—445). В ночь на 17 августа он снова известил президента США, что, как его заверил Сталин, немецкие войска не пройдут через горы (*ibid.*, p. 445). «...Мы имели приятную беседу, — писал

Таким образом, Черчилль ехал в Москву отнюдь не как друг, желающий помочь союзнику в его тяжелой борьбе и ищущий лучших способов совместных действий во имя общей цели. Напротив, он желал узнать, какую еще выгоду для себя можно извлечь из союза с Советским государством, которое он в душе ненавидел. Вспоминая позднее о своей «миссии в это угрюмое, злоеющее большевистское государство», которое он «когда-то так настойчиво пытался задушить при его рождении и которое вплоть до появления Гитлера... считал смертельным врагом», он писал: «Что должен был я сказать им теперь? Генерал Уэйвелл, обладавший литературными способностями, обобщил все это в стихотворении... В нем было несколько четверостиший, и последняя строка каждого из них была: «Не будет второго фронта в 1942 г.»... Мы всегда ненавидели их безнравственный режим...»¹⁵³

Четко определив, таким образом, свое отношение к Советскому Союзу и проблеме второго фронта, Черчилль избрал линией своего поведения в Москве тщательную маскировку действительных целей политики Англии и США. Переговоры, как он считал, должны были показать русским, «что об их судьбе заботятся и понимают, что означает их борьба для войны вообще»¹⁵⁴.

12 августа премьер-министр Великобритании прилетел в Москву. В тот же вечер состоялась его первая встреча с главой Советского правительства.

Черчилль произнес длинную речь, суть которой состояла в том, что вторжение союзных армий в Западную Европу не может быть предпринято в 1942 г., но что США и Великобритания проведут большую операцию такого характера в 1943 г. При этом он выразил сожаление по поводу того, что «этот план не дает никакой помощи России в 1942 г.»¹⁵⁵ На прямой вопрос Сталина, отказываются ли союзники от проведения операции в Западной Европе 6—8 дивизиями (т. е. по плану «Слэджхэммер»), Черчилль ответил, что «их высадка принесла бы больше вреда, чем пользы, ибо она сильно повредила бы большой операции, планируемой на будущий год»¹⁵⁶.

Этот аргумент не был принят советской стороной. Тогда глава английского правительства заявил, что не считает Францию «единственным местом, где может быть создан второй фронт в 1942 г.» Он сообщил под большим секретом, что готовится вторжение во Французскую Северо-Западную Африку, которое будто бы даст большие преимущества для дальнейших действий против фашистской Германии. Гарриман, полностью поддерживавший Черчилля, подтвердил и следующее его заявление: «Если к концу года мы

Черчилль, — в ходе которой он дал мне полный отчет о положении русских, которое оказалось весьма отчаянным. Он, безусловно, весьма уверенно говорит о том, что удержится до зимы» (ibid., p. 450).

¹⁵³ W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 428.

¹⁵⁴ Ibidem.

¹⁵⁵ Ibid., p. 430.

¹⁵⁶ Ibid., p. 431.

сможем овладеть Северной Африкой, мы могли бы угрожать брюху гитлеровской Европы, и эта операция должна рассматриваться в сочетании с операцией 1943 г. Это и есть то, что мы с американцами решили сделать»¹⁵⁷.

На второй встрече, состоявшейся на следующий день, произошел, по выражению Черчилля, «крайне неприятный разговор»¹⁵⁸. Черчиллю и Гарриману был вручен советский меморандум, в котором отмечалось, что организация второго фронта была предрешена и отражена в коммюнике от 12 июня 1942 г. Далее напоминалась цель вторжения в Западную Европу — «отвлечение немецких сил с Восточного фронта на Запад, создание на Западе серьезной базы сопротивления немецко-фашистским силам и облегчение таким образом положения советских войск на советско-германском фронте в 1942 году». В меморандуме также отмечалось: «Вполне понятно, что советское командование строило план своих летних и осенних операций в расчете на создание второго фронта в Европе в 1942 году. Легко понять, что отказ правительства Великобритании от создания второго фронта в 1942 году в Европе наносит моральный удар всей советской общественности, рассчитывающей на создание второго фронта, осложняет положение Красной Армии на фронте и наносит ущерб планам Советского командования»¹⁵⁹.

Наряду с этим подчеркивалось, что затруднения Красной Армии в 1942 г., несомненно, должны будут ухудшить военное положение Великобритании и всех остальных союзников. В заключение заявлялось: «... 1942 год представляет наиболее благоприятные условия для создания второго фронта в Европе, так как почти все силы немецких войск, и притом лучшие силы, отвлечены на Восточный фронт, а в Европе оставлено незначительное количество сил, и притом худших сил. Неизвестно, будет ли представлять 1943 год такие же благоприятные условия для создания второго фронта, как 1942 год. Мы считаем поэтому, что именно в 1942 году возможно и следует создать второй фронт в Европе...»¹⁶⁰

Тут-то Черчилль и пустил в ход упоминавшуюся выше памятную записку, которую он вручил Молотову в начале июня в Лондоне. Сославшись на этот документ, он сначала устно, а на следующий день письменно заявил, что не давал обещания открыть второй

¹⁵⁷ Ibid., p. 433.

¹⁵⁸ Ibid., p. 437.

¹⁵⁹ «Переписка...», т. I, стр. 58—59.

¹⁶⁰ Там же.

В ходе дальнейших переговоров советская сторона высказывала также сомнение в полезности намеченного союзниками небольшого рейда на французское побережье. По их плану, он должен был представлять собой разведку боем, в которой примут участие 8 тыс. человек. Цель рейда — «не позволить Гитлеру снять свои войска и самолеты с западного берега Франции». Однако, как отметили советские представители, эта операция не могла иметь сколько-нибудь серьезного военного значения (см. *И. Н. Земсков. Из дипломатической истории второго фронта в Европе*, стр. 36—37).

фронт в 1942 г., а коммюнике от 12 июня и все связанные с этим разговоры якобы имели целью лишь ввести в заблуждение противника и скוות его значительные военно-воздушные и сухопутные силы на французском берегу Ла-Манша. Более того, Черчилль утверждал, что эта цель будто бы достигнута. Одновременно он не смог отказать себе в желании пошантажировать Советское правительство и заявил, что «общим интересам, в особенности русским интересам, был бы нанесен ущерб, если бы возникли какие-либо публичные споры, при которых британское правительство было бы вынуждено раскрыть народу убийственный аргумент, которым, по его мнению, оно располагает против операции... «Слэджджэммер»»¹⁶¹.

Английский премьер-министр при этом снова заявил, что самым лучшим видом второго фронта в 1942 г., единственно возможной значительной по масштабу операцией со стороны Атлантического океана является вторжение в Северо-Западную Африку. «Если эта операция сможет быть осуществлена в октябре, она окажет больше помощи России, чем всякий иной план... Британское правительство и правительство Соединенных Штатов приняли решение об этом, и все приготовления идут самым ускоренным темпом»¹⁶². Гарриман со своей стороны ограничился заявлением, что «ему нечего добавить к тому, что сказал премьер-министр, за исключением подтверждения его заявления, что никакие обещания не нарушены»¹⁶³.

Окончательный отказ США и Великобритании от вторжения в Европу в 1942 г. был подтвержден и Бруком, Уэйвеллом и Теддером, а также американскими генералами Максуэллом и Брэдли на их встрече с маршалами Советского Союза К. Е. Ворошиловым и Б. М. Шапошниковым 15 августа. Как записал в своем дневнике Брук, он «в течение двух с половиной часов... приводил аргументы против создания Западного фронта в 1942 г.» Советские же представители доказывали, что, напротив, имеются и возможности и необходимость открыть такой фронт. Оказавшись не в состоянии опровергнуть эту точку зрения, Брук заявил, что «бесполезно продолжать наш разговор...» и что «операция (вторжение в Западную Европу.— В. К.) не будет проведена...»¹⁶⁴

Поскольку стало ясно, что это решение не будет пересмотрено английской и американской сторонами, Советское правительство предпочло не обострять отношений с союзниками, ибо при таких условиях это могло лишь ослабить антифашистскую коалицию. Не отказываясь от борьбы за открытие второго фронта, оно в тот момент сочло целесообразным по крайней мере решить другие вопросы межсоюзнических взаимоотношений.

В США и Великобритании тем временем продолжалась подготовка плана вторжения в Северо-Западную Африку. В ходе ее все

¹⁶¹ И. Н. Земсков. Из дипломатической истории второго фронта в Европе, стр. 59—60.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ «The Memoirs of Cordell Hull», v. II, p. 1179—1180.

¹⁶⁴ A. Bryant. Op. cit., p. 467—469.

больше и больше подтверждалась правильность высказанного ранее предположения, что оно помешает открытию второго фронта в Европе и в 1943 г. Тем не менее они пошли на это, ограничив переброску американских войск и боевой техники на Британские острова. Все было направлено на подготовку вторжения в Северо-Западную Африку.

В то время единственное, что волновало Рузвельта и Черчилля, — это положение на Кавказском фронте, хотя Черчилль получил заверения Сталина, что Красная Армия выстоит под ударами немецко-фашистских войск до зимы. Вольно или невольно у них возникали опасения, что немецкие войска пересекут Кавказский хребет и захватят Закавказье. Но и это не остановило подготовку операции в Северо-Западной Африке.

Не сокращая темпов и размаха этой подготовки, они искали пути укрепления своих позиций на Ближнем Востоке. В октябре они предложили Советскому правительству направить свою авиацию для действий совместно с Красной Армией на Кавказе. Но переговоры по так называемому Кавказскому плану затянулись, а 20 декабря глава Советского правительства заявил союзникам, что критическое положение на Кавказе миновало¹⁶⁵. На этом переписка по «Кавказскому плану» закончилась.

Проблема второго фронта и общественность

Тот факт, что мировой общественности не было известно об отказе правительств США и Великобритании открыть второй фронт в Европе в 1942 г., наложил свой отпечаток на ее отклики на переговоры Черчилля в Москве. Стремление народов этих стран, а также прогрессивных, антифашистских сил других государств как можно скорее разгромить фашистскую Германию, тем самым сократив сроки и уменьшив бремя войны, внушило им надежду на то, что в Москве удалось достигнуть, наконец, согласованной стратегической линии. Эти настроения отражались прежде всего в прессе Великобритании и США.

Английская «Таймс» писала, что установление личного контакта между главами двух союзных держав «придает стратегии союзников согласованность и прочность»¹⁶⁶. «Дейли экспресс» в свою очередь отмечала: «Мы не знаем, какие решения приняты, но ясно, что Англия и Америка должны не только оказывать России всяческую помощь, в которой та нуждается, но быть готовыми к тому дню, когда мы вместе произведем контратаку... Наша страна дала обязательство использовать все возможные средства, чтобы ускорить час победы»¹⁶⁷.

¹⁶⁵ М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 380—388.

¹⁶⁶ «Times», 18.VIII 1942.

¹⁶⁷ «Daily Express», 18.VIII 1942.

Буквально в тот же день «Нью-Йорк таймс» писала, что переговоры в Москве «служат новым доказательством наличия тесного дружеского взаимопонимания, характеризующего отношения между Советским правительством и двумя великими англосаксонскими державами», и что эти отношения якобы включали «признание США и Великобританией необходимости открыть второй фронт в 1942 г.»¹⁶⁸ Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» отмечала, что достигнутые соглашения «укрепляют подлинную уверенность в том, что руководители трех великих союзных стран понимают друг друга, что они ведут согласованную политику»¹⁶⁹. А «Вашингтон пост» сделала следующее, еще более категоричное заявление: «В настоящее время помочь России можно, только совершив стратегическую диверсию на Западе. Глупо предполагать, что темой переговоров в Москве являлся какой-либо другой вопрос. Обстановка требует быстрых действий... Нужно заставить Гитлера расколоть свои армии»¹⁷⁰.

Были в буржуазных газетах также и выступления, рассматривавшие военные преимущества, которые дал бы второй фронт. Так, сотрудник исторического отдела комитета имперской обороны Великобритании Энсти поместил в «Санди таймс» статью, в которой напоминал, что решающую роль в победе над Германией в 1918 г. сыграло поражение ее армий на поле боя, и делал вывод, что и в условиях второй мировой войны есть только один путь к успеху — разгром немецких сухопутных войск на континенте. «Трагедия заключается в том, — писал он, — что через три года войны мы сражаемся с немцами только на 40-мильном фронте в Египте. Одним производством боеприпасов нельзя выиграть войну, если мы не используем эти боеприпасы. Когда мы столкнемся с немцами на 200-мильном фронте и будем днем и ночью причинять им потери, тогда мы сможем убедиться в справедливости этого. Однако расходование по мелочам этих боеприпасов ограничило бы с самоубийством. Ограничиться созданием небольших фронтов против Германии — значит играть ей на руку. Подобные фронты отдалят возможность победы, которую сейчас мы уже можем видеть впереди, если используем возможности в соответствующий момент»¹⁷¹.

Такие комментарии, отражая чаяния широких кругов общественности, видевшей в единстве антифашистской коалиции залог победы в войне, вместе с тем сеяли иллюзии, что уже достигнуто полное согласие и что осталось недолго ждать открытия второго фронта. По-видимому, некоторые организаторы таких комментариев преследовали цель успокоить общественность и тем ослабить движение народов за открытие второго фронта, уменьшить ее давление на правительства Англии и США.

¹⁶⁸ «New York Times», 18.VIII 1942.

¹⁶⁹ «New York Herald Tribune», 18.VIII 1942.

¹⁷⁰ «Washington Post», 18.VIII 1942.

¹⁷¹ «Правда», 18.VIII 1942.

Но движение это не ослабевало. Оно охватывало все более широкие круги. В городах США и Великобритании непрерывно проходили митинги, конференции, манифестации. Их участники, преимущественно рабочие, требовали от своих правительств как можно скорее перейти от слов к делу: предпринять активные операции против немецко-фашистских войск в Западной Европе. Вместе с тем они заявляли о своей готовности приложить максимальные усилия, чтобы обеспечить вооруженные силы всем необходимым для развертывания активных операций¹⁷².

24 сентября 1942 г. в Нью-Йорке на площади Согласия состоялся митинг, на котором присутствовало более 40 тыс. человек. Они потребовали немедленного открытия второго фронта. Выступившие на митинге руководители Коммунистической партии США подчеркнули, что борьба Красной Армии против немецко-фашистских войск является также делом американского народа, и призвали требовать от правительств США и Великобритании как можно скорее осуществить вторжение в Западную Европу. «...Второй фронт является делом жизни или смерти американского народа так же, как и народов всех Объединенных Наций»¹⁷³, — сказал в своей речи председатель Национального комитета компартии США Уильям Э. Фостер. Он заявил, что «камнем преткновения на пути открытия второго фронта являются влиятельные пораженческие элементы в нашей стране и Великобритании. Американский и английский народы должны сломить сопротивление этих пораженцев — противников второго фронта и настойчиво требовать, чтобы соглашение (о вторжении в Европу в 1942 г. — *В. К.*)... было выполнено без промедления»¹⁷⁴.

Борьба рабочего класса США за немедленное открытие второго фронта была таким образом и борьбой против реакционных сил, которым было выгодно затягивание сроков второй мировой войны.

Требования создать второй фронт в Европе исходили и от представителей различных слоев населения других стран. Бывший депутат французского национального собрания социалист Андрэ Филипп, являвшийся национальным комиссаром внутренних дел и труда Сражающейся Франции, заявил, что открытие союзниками второго фронта будет немедленно поддержано крупным восстанием всего французского населения, горящего желанием вступить в борьбу за свободу¹⁷⁵. Президент Чехословацкой республики Бенеш в обращении к чешским солдатам, находившимся в Великобритании, заявил: «Продолжительность войны зависит от того, будет ли открыт второй фронт в Европе в этом году. Я лично хочу, чтобы этот фронт был открыт, и поставил своим долгом добиться удовлетворительного

¹⁷² Многочисленные сообщения об этом публиковала «Правда» в августе—сентябре 1942 г.

¹⁷³ *E. Browder, W. Z. Foster, I. Amter, M. Weiss. Speed the Second Front. New York, 1942, p. 9.*

¹⁷⁴ *Ibid.*, p. 8.

¹⁷⁵ См. «Правда», 3.VIII 1942.

решения этого вопроса. . . Если второй фронт в течение ближайших трех месяцев оттянет некоторую часть германских сил с Восточного фронта, возможно, что события начнут разворачиваться быстро и в течение года мы окажемся дома. Война может продолжаться даже меньше года»¹⁷⁶.

В посольство США в Мехико поступал поток писем и резолюций от различных мексиканских организаций, в которых Объединенные Нации призывались к немедленному открытию второго фронта в Европе¹⁷⁷. Лидер мексиканских профсоюзов Ломбардо Толедано заявил: «Второй фронт необходимо открыть немедленно для того, чтобы спасти не только народы Европы, но и мексиканский народ и народы всей Америки. Мы, мексиканцы, хотим, чтобы война закончилась победой в ближайшее время, а для этого нужно, чтобы второй фронт был создан теперь же»¹⁷⁸. В конце сентября за немедленное открытие второго фронта в Европе единодушно высказался проходивший в Оттаве съезд объединения профсоюзов Канады. Выступавшие делегаты подчеркивали, что для рабочего класса «второй фронт является проблемой № 1, ключом к победе над фашизмом»¹⁷⁹.

Представляют интерес и некоторые из вышедших тогда в западных странах специальных работ, посвященных проблеме второго фронта и свидетельствовавших о широком интересе к ней.

Профессор Торонтского университета Гриффитс Тэйлор опубликовал брошюру «Новый Западный фронт»¹⁸⁰, в которой оценивал географические условия всех вероятных районов для создания второго фронта на побережье Европы, начиная от Мурманска и до Италии. В результате применения географического метода он пришел к выводу, что наиболее подходящим для вторжения является участок в границах Ла-Манша, Ирландского и Северного морей¹⁸¹.

Еще более интересна брошюра «Тот второй фронт», автором которой был английский капитан 3-го ранга Эдгар П. Янг¹⁸². Она представляет собой своеобразный обзор стратегических и политических условий, определявших возможность открытия второго фронта в Европе в 1942 г. Автор показал, что если фронт, который предстояло создать союзникам в Западной Европе, был вторым по отношению к главному, советско-германскому, то для Великобритании он являлся первым, основным и решающим. Далее последовательно опровергались распространяемые противниками вторжения в Европу в 1942 г. измышления о том, что оно якобы не может

¹⁷⁶ «Times», 27.VII 1942.

¹⁷⁷ «Правда», 20.VIII 1942.

¹⁷⁸ «Правда», 24.VIII 1942.

¹⁷⁹ «Правда», 25.IX 1942.

¹⁸⁰ G. Taylor. The New Western Front. A Geographical Approach. Toronto, 1942.

¹⁸¹ Ibid., p. 25—26.

¹⁸² E. P. Young. That Second Front (Why, How, When and Where). The Survey of the Strategic and Political Factors. London, 1942.

быть осуществлено из-за: а) нехватки тоннажа; б) необходимости направить большие силы и ресурсы для обороны Ближнего Востока, Индии и других отдаленных районов; в) укрепления обороны Британских островов; г) оказания помощи Советскому Союзу военной техникой; д) создания немцами будто бы непреодолимой обороны на Западе¹⁸³.

Сославшись на опыт рейдов на Сен-Назер и Дьепп и проанализировав условия политической обстановки, автор пришел к следующим выводам: а) создание второго фронта уже практически возможно, но будет гораздо труднее это сделать, если отложить его на будущее; б) вторжение в Европу могло бы сделать вероятным, если не определенным, разгром Гитлера в 1942 г.; в) дальнейшее откладывание второго фронта равноценно поражению или в лучшем случае означало бы, что победа будет одержана значительно позже и гораздо большей ценой, «если не более несчастливые последствия»¹⁸⁴. Он закончил брошюру призывом к английскому народу требовать от премьер-министра решительных действий против Германии. Тех же военных советников, которые доказывали правительству, что невозможно открыть второй фронт в 1942 г., он назвал «врагами Англии и союзниками Гитлера»¹⁸⁵.

Правительства США и Великобритании не могли не считаться с подобными настроениями общественности и принимали меры, чтобы ее успокоить. В печати широко публиковались явно инспирированные правящими кругами сообщения о воздушных налетах английской и американской авиации, а результаты этих действий зачастую переоценивались. Такой же характер носили и публичные выступления руководителей английского правительства.

Так, 8 сентября в речи в палате общин Черчилль заявил: «С тех пор, как мы собирались последний раз, тенденции войны продолжали развиваться в нашу пользу. О русском фронте я скажу в этот момент только то, что теперь 8 сентября (т. е., что этот фронт все еще существовал. — *В. К.*). В других секторах продолжает отмечаться растущее господство союзников в области авиации. С июня по только что закончившуюся первую неделю сентября мы сбросили на Германию почти вдвое больший груз бомб, чем было сброшено за соответствующий период прошлого года, притом с большей точностью»¹⁸⁶.

Английский министр иностранных дел А. Иден, выступая 26 сентября, сказал: «В мощи и систематичности заключается секрет воздушных бомбардировок. Было бы ошибочным считать, что цель наступления — запугать немца. Цель заключается не в том, чтобы запугать его, а в том, чтобы парализовать его и лишить воз-

¹⁸³ Ibid., p. 32—35.

¹⁸⁴ Ibid., p. 45.

¹⁸⁵ Ibid., p. 47.

¹⁸⁶ «Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report», Fifth Series, v. 383. London, 1942, col. 83—84.

возможности причинять в дальнейшем вред... Воздушное наступление уже оправдало себя. Я могу заверить вас, что мы полностью отдаем себе отчет в необходимости поддержания этого наступления на данном уровне и в дальнейшем увеличении его мощи из недели в неделю и из месяца в месяц. Это будет сделано»¹⁸⁷.

Такие публичные заявления наряду с расписыванием в печати и по радио налетов авиации сеяли иллюзии, что бомбардировками можно нанести серьезное поражение Германии. Они отвлекали внимание общественности или во всяком случае части ее от проблемы второго фронта. С той же пропагандистской целью был проведен и рейд английских войск на Дьепп 19 августа 1942 г., однако он неожиданно для Черчилля подтвердил аргументы сторонников немедленного вторжения в Европу.

Дело в том, что этот рейд показал непрочность немецкой обороны, поскольку высадившиеся войска прорвали ее и проникли в глубь побережья. Он выявил, что германское командование не располагает достаточным количеством самолетов, чтобы отразить налеты англо-американской авиации на район вторжения и наносить удары по десанту. Наконец, была установлена возможность выгрузки танков и тяжелого вооружения на необорудованный берег, что позволяло в первые дни вторжения обходиться без крупных морских портов.

Угрозе второго фронта была, в частности, посвящена состоявшаяся 29 сентября беседа Гитлера с Герингом, Шпеером, Рундшtedтом и его начальником штаба Блюментритом, генералами А. Якобом, Р. Шметцером и др. Вопреки ничем не обоснованному заявлению американского историка Хиггинса¹⁸⁸, фашистский фюрер отнюдь не был «напуган» английским рейдом на Дьепп, хоть и упоминал о нем дважды во время этой беседы. Основная его мысль состояла в том, что англичане и американцы, несомненно, попытаются в будущем вторгнуться в Западную Европу. Он заявил, что «второй фронт ни в коей мере не является только военной проблемой» и что для его открытия США и Англия располагают всем необходимым. Гитлер подчеркнул, что образование второго фронта может иметь решающее значение для исхода войны и что такая же роль принадлежит отражению попытки вторжения. При этом он возлагал главные надежды на поиски такого способа обороны, который позволил бы отразить ограниченными силами вторжение американских и английских войск¹⁸⁹.

Этот вывод определялся не только отсутствием возможностей увеличить фашистские силы на Западе, но и необходимостью вновь ослабить их для выполнения быстро возраставших потерь на советско-германском фронте. Еще 13 сентября Гитлер издал дирек-

¹⁸⁷ «Правда», 28.IX 1942.

¹⁸⁸ T. Higgins. Winston Churchill and the Second Front. New York, 1957, p. 167.

¹⁸⁹ Материалы Военно-научной библиотеки ГШ. Директивы Гитлера за 1941—1945 гг., стр. 28—38, 49—52.

тиву относительно замены разбитых на Востоке дивизий. В ней указывалось, что «для восстановления боевой мощи Восточной армии необходимо произвести смену большей части разбитых соединений». С этой целью приказывалось перебросить, начиная с января 1943 г., с Запада на Кавказский фронт 8 моторизованных соединений и, кроме того, еще 15 «вполне боеспособных» пехотных дивизий. В порядке рекомендации намечалось также заменить находившиеся в Норвегии 69, 181-ю и 214-ю немецкие дивизии «тремя другими, разбитыми Красной Армией»¹⁹⁰.

Естественно, осуществить такие меры и одновременно выполнить содержавшееся в той же директиве указание, чтобы после отправки на Восток названных дивизий «не последовало никакого ослабления боевой мощи на Западе», оказалось невозможным. Потому-то и возник обсуждавшийся 29 сентября вопрос о создании «прочной обороны» Атлантического побережья «ограниченными силами».

Заявив, что предотвращение создания второго фронта может также иметь «решающее значение для исхода войны», Гитлер потребовал создания «Атлантического вала» — долговременных полевых фортификационных сооружений, обеспечивающих защиту личного состава немецких войск от ударов авиации и обстрелов морской артиллерии, а также фланкирующих противотанковых батарей и системы противотанковых препятствий. Наличие таких «реальных» укреплений, а не обозначенных на карте, как он выразился, позволяло, по его мнению, «удерживать этот вал относительно слабыми силами» и «отвлечь отсюда дивизии вполне боеспособные».

В ходе беседы он неоднократно обращал внимание на слабость немецкой авиации, незащищенность береговых артиллерийских батарей и позиций полевых войск от ударов с воздуха и обстрелов с моря, нехватку личного состава и материальных средств для разрывания системы батарей морской береговой артиллерии, вынуждавшую и в дальнейшем обходиться полевой артиллерией. В заключение Гитлер заявил, что «все инстанции и войсковые соединения должны в течение осенне-зимних месяцев принять все меры к тому, чтобы быть в состоянии отбить всякое нападение. Все инстанции любого из трех видов вооруженных сил (сухопутных, морских, воздушных), принимающие то или иное участие в сооружении новых укреплений, должны двигать вперед эту работу всеми личными и материальными средствами и в самом тесном взаимодействии»¹⁹¹.

Однако даже после рейда на Дьепп, ясно показавшего слабость немецкой обороны на Атлантическом побережье и, таким образом, наличие одного из важнейших условий успеха вторжения во Францию, политические и военные руководители Англии и США не намеревались открывать второй фронт. Они лишь использовали его для

¹⁹⁰ Там же, стр. 49—52.

¹⁹¹ Там же, стр. 28—38.

внушения народам своих стран иллюзий о якобы готовящихся решительных действиях против фашистской Германии.

Британский штаб комбинированных сил опубликовал коммюнике, в котором заявлялось, что «рейд... составляет важный элемент принятой нами наступательной политики...»¹⁹² Это положило начало целой серии многозначительных комментариев печати. «Дейли телеграф энд морнинг пост» писала, что «неуязвимость немецкой береговой обороны разоблачена как ложь, точно так же, как разоблачено гитлеровское хвастовство о воздушном господстве»¹⁹³. «Нью-Йорк таймс» объявила, что американские военные круги рассматривают рейд союзников на район Дьеппа как новое свидетельство осуществимости второго фронта в Европе¹⁹⁴.

Что касается Черчилля, то он использовал результаты рейда весьма искусно.

В упомянутой выше речи в палате общин 8 сентября он охарактеризовал эту «разведку боем» как подготовку к операции широкого масштаба. «Я не намерен, — туманно намекнул он, — давать какие-либо сведения относительно этой операции, и я высказался по этому вопросу в той мере, в какой я это сделал, лишь потому, что противник может наблюдать с помощью ежедневной разведки в наших портах многочисленные признаки движения, которые мы не в состоянии скрыть от его фотоприборов. Он знает также о постоянном и быстром притоке в Англию американских дивизий и других войск. То, чего он не знает, — это когда, как и где, с какими силами и каким образом ему будет нанесен сильный удар. И в этом отношении желательно, чтобы он остался в своем неведении, не получая помощи в виде английских или американских советов или комментариев»¹⁹⁵.

А 29 сентября в ответ на запрос о втором фронте Черчилль заявил: «Я пользуюсь случаем, чтобы подчеркнуть, насколько нежелательно делать публичные заявления или предположения относительно момента или пункта будущих наступательных операций союзников...»¹⁹⁶

Подобным же образом попытался успокоить американскую общественность и Рузвельт.

Выступив 8 сентября по радио, он изложил суть своего послания, направленного накануне конгрессу. В частности, о положении в Европе он сказал: «Здесь нашей целью является наступление против Германии. Имеется не меньше десятка различных пунктов, в которых могут быть предприняты атаки. Вы, конечно, не рассчитываете на то, что я вам подробно изложу дальнейшие планы, но вы можете быть уверены в том, что у нас в стране и в Англии

¹⁹² «Правда», 22.VIII 1942.

¹⁹³ «Daily Telegraph and Morning Post», 20.VIII 1942.

¹⁹⁴ «New York Times», 20.VIII 1942.

¹⁹⁵ «Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report». Fifth Series, v. 383, col. 84—85.

¹⁹⁶ Ibid., col. 607.

ведется подготовка, направленная на осуществление этой цели. Мощь Германии должна быть сломлена на полях сражений Европы»¹⁹⁷.

В другом выступлении по радио, 12 сентября, Рузвельт заявил, что «принято много основных стратегических решений. Одно из них, с которым мы все согласны, касается необходимости отвлечь вражеские силы от России и Китая на другие театры войны путем новых наступательных действий против Германии и Японии. Но сообщение о том, как эти наступательные действия будут предприняты, когда и где, нельзя сейчас сделать по радио»¹⁹⁸.

Авторитетные заявления президента США и премьер-министра Великобритании, широкое комментирование их в буржуазной печати создавали впечатление, будто вот-вот Германии будет нанесен сокрушительный удар с Запада, вводя в заблуждение общественность и таким образом до некоторой степени успокаивая ее. Но правящим кругам Великобритании и США было и этого мало. Они хотели гораздо большего — чтобы вопрос о втором фронте не поднимала советская печать.

С этой целью в конце сентября английский посол в Москве А. Керр обратился к соответствующим советским представителям с осторожной жалобой на «возбуждение», которое «растет в СССР по вопросу о втором фронте», а также на то, что в советской прессе публикуются «заявления о желательности скорейшего открытия второго фронта». Когда же ему ответили, что по этому вопросу советская печать «ограничивается лишь помещением некоторых выдержек из американских и английских газет» и что советские газеты и читатели «не могут не относиться с сочувствием к тому, что пишут в пользу второго фронта в Великобритании и в Америке», посол заявил: «Наши правительства это понимают, но в Лондоне считают, что это может оказать вредное влияние на настроение наших народов». И в заключение попросил «не публиковать в советской печати статьи о втором фронте, чтобы люди забыли на некоторое время о втором фронте...»¹⁹⁹.

Удовлетворить это требование было равнозначным отказу от эф-

¹⁹⁷ «New York Times», 8.IX 1942.

¹⁹⁸ *F. D. Roosevelt. My Friends. Twenty-Eight History Making Speeches*, Buffalo—New York, 1945, p. 135—140.

¹⁹⁹ *И. Н. Земсков. Из дипломатической истории второго фронта в Европе*, стр. 37—38.

Но и этим дело не ограничилось. Английское правительство попыталось даже указывать, как именно следует писать по данному вопросу в советской печати. После того как газета «Труд» поместила весьма неудачную статью, не отражавшую настоятельную необходимость в активных военных действиях союзников на Западе, Иден через посла Керра 3 октября известил наркома иностранных дел о том, «как был бы он счастлив, если бы все статьи о втором фронте были подобны этой» (см. АВП, ф. 69, оп. 31, д. 3, п. 107, л. 193). Советское правительство, разумеется, отклонило эти пожелания, отметив случайный характер появления в советской печати упомянутой статьи (см. там же, д. 1, п. 106, л. 216).

фективного средства открытой борьбы за второй фронт. На этот шаг Советское правительство не могло пойти.

В то время на Волге и в предгорьях Кавказа Красная Армия вела ожесточенные бои. И хотя стремительное наступление немецких войск прекратилось, они все еще пытались выйти на Волгу и прорваться в Закавказье, прежде всего к Баку. При этом гитлеровское командование бросило на чашу весов все, что могло. В таких условиях открытие второго фронта могло не только оказать существенную помощь Советскому Союзу, но и коренным образом изменить стратегическую обстановку в Европе. Именно поэтому советская печать сочувственно относилась к требованиям английской и американской общественности открыть второй фронт в Европе и продолжала информировать о них своих читателей. Такие сообщения составляли основную массу материалов по этому вопросу, и лишь иногда помещались и статьи советских авторов²⁰⁰.

Вскоре, однако, этого оказалось недостаточно. Нужно было привлечь внимание английской и американской общественности, как и прогрессивных сил всего мира, к проблеме второго фронта. Только этим можно объяснить опубликование 3 октября ответа главы Советского правительства Сталина на вопросы московского корреспондента американского агентства Ассошиэйтед Пресс Кессиди. В нем отмечалось, что в советской оценке текущего положения возможности второго фронта в Европе занимает «очень важное, можно сказать, первостепенное место». Далее указывалось, что «в сравнении с той помощью, которую оказывает союзникам Советский Союз, оттягивая на себя главные силы немецко-фашистских войск, помощь союзников Советскому Союзу пока еще мало эффективна. Для расширения и улучшения этой помощи требуется лишь одно: полное и своевременное выполнение союзниками их обязательств»²⁰¹.

По поводу этого заявления американский политический деятель Уилки писал тогда, что оно с большой силой привлечет внимание народов антифашистской коалиции «к неотложным потребностям России»²⁰². И действительно, народы стран антифашистской коалиции еще активнее выступили с требованием открыть второй фронт. Об этом свидетельствовали многочисленные отклики в западной прессе, а также запросы в английской палате общин.

Черчилль, разумеется, уклонился от прямого ответа, однако сделал вид, будто в области подготовки вторжения делается что-то

²⁰⁰ Например, в октябре 1942 г. «Правда» опубликовала статью М. Романовского «Немцы о втором фронте», в которой приводились показания немецких военнопленных о том, что гитлеровское командование оголяет Западную Европу, перебрасывая войска на советско-германский фронт (см. «Правда», 7.X 1942), и статью академика Е. Тарле «Коалиционные войны», показывавшую на опыте войн, что эффективность любой коалиции достигалась только тогда, когда противника заставляли сражаться на двух и более фронтах одновременно (см. там же).

²⁰¹ «Правда», 3.X 1942.

²⁰² «New York Times», 7.X 1942.

серьезное. «Мне, — заявил он, — действительно нечего добавить в данный момент к тщательно взвешенному заявлению, которое я сделал по этому вопросу, и я буду энергично рекомендовать палате общин не настаивать на этих вопросах в данный период, несомненно являющийся знаменательным»²⁰³. Заместитель государственного секретаря США Уэллес в свою очередь сказал корреспонденту Ассошиэтед Пресс, что Соединенные Штаты оказывают Советскому Союзу «всяческую, какую только возможно, помощь»²⁰⁴.

Вопрос о втором фронте снова был поставлен открыто и остро 6 ноября, когда глава Советского правительства И. В. Сталин заявил: «.. Главная причина тактических успехов немцев на нашем фронте в этом году состоит в том, что отсутствие второго фронта в Европе дало им возможность бросить на наш фронт все свободные резервы и создать большой перевес сил на юго-западном направлении»²⁰⁵. Подчеркнув, что Советский Союз один, без серьезной военной помощи союзников, ведет борьбу против главных сил фашистской Германии и ее сателлитов в Европе, он выразил уверенность, что второй фронт «рано или поздно, но будет. И он будет не только потому, что он нужен нам, но и прежде всего потому, что он не менее нужен союзникам, чем нам. Наши союзники не могут не понимать, что, после того как Франция вышла из строя, отсутствие второго фронта против фашистской Германии может кончиться плохо для всех свободолюбивых стран, в том числе и для самих союзников»²⁰⁶.

Отсутствие второго фронта не было, конечно, главной причиной успешного наступления немецких войск на советско-германском фронте, однако являлось одним из условий, благоприятствовавших осуществлению планов гитлеровского командования. Поэтому прямая постановка этого вопроса заставила, наконец, правительства Великобритании и США также открыто высказаться о втором фронте.

Английский премьер-министр выступил 11 ноября с большой речью в палате общин. Он признал, что Советский Союз нес в то время на себе всю тяжесть борьбы и поэтому его руководители имели право делать «энергичные и решительные заявления». Согласился он и с тем, что необходимо оказать военную помощь Советскому Союзу путем вторжения во Францию. Однако вслед за тем Черчилль принялся оправдывать политику затягивания открытия второго фронта. Он открыто заявил, что в 1942 г. второго фронта не будет, так как союзники якобы имеют для этого мало сил. «Никакой нажим со стороны общественного мнения, — заявил он, — или с какой-либо другой стороны не мог бы заставить меня как лицо, несущее главную ответственность, согласиться на операцию, которая,

²⁰³ «Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report», Fifth Series, v. 383, col. 1082—1083.

²⁰⁴ «New York Times», 7.X 1942.

²⁰⁵ «Правда», 7.XI 1942.

²⁰⁶ «Правда», 7.IX 1942.

как убедили меня наши военные советники, привела бы к большому несчастью. . . Много и много раз в полном согласии с моими коллегами по военному кабинету я давал указания начальникам штабов, что они не должны считаться ни с какими общественными требованиями, когда они прилагают усилия к разрешению этих проблем. . .»²⁰⁷

В оправдание своих действий Черчилль сослался на те же доводы, которые неоднократно приводил в дискуссиях с американцами и несостоятельность которых показана выше. Но выступал он перед неосведомленными слушателями, и его заявления о нехватке сухопутных сил, авиации и, особенно, десантных судов не могли быть опровергнуты. Содержание же коммюнике от 12 июня он снова представил как способ ввести противника в заблуждение, который, как он уверял, был «целиком оправдан. . ., даже если одновременно собственный народ временно введен в заблуждение»²⁰⁸.

Более того, британский премьер-министр не постеснялся заявить, что «обман противника» будто бы удался, и в доказательство привел явно вымышленные данные о том, что немецко-фашистское командование якобы держит на Западе 33 дивизии и одну треть своих бомбардировщиков. Наконец он представил вторжение в Северо-Западную Африку, которое к тому времени успешно развивалось, единственным выходом из создавшегося тупика в стратегии союзников²⁰⁹.

Аналогичное заявление сделал Рузвельт на пресс-конференции 10 ноября. По мере изучения обстановки, говорил он, оказалось, что невозможно начать крупное наступление до лета 1943 г., так как требовалось время для производства некоторых видов вооружения, а также в силу ограниченных возможностей транспортировки людей и материалов. Поэтому-де западные союзники и решили провести операцию в Северной Африке²¹⁰.

Таким образом, приведенные ими версии и оценки имели лишь одну цель — убедить общественность в правильности линии правительств Англии и США, сгладив тем впечатление от заявления главы Советского правительства. Надежным же щитом, предохранявшим их от разоблачения, были условия военного времени, необходимость соблюдения секретности и нежелание Советского правительства перед лицом общего врага идти на дальнейшее обострение отношений со своими союзниками, что могло бы привести к расколу антифашистской коалиции.

Публичная дискуссия глав трех союзных правительств относительно второго фронта имела то положительное значение, что советские люди поняли необходимость рассчитывать только на свои силы,

²⁰⁷ «Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report». Fifth Series, v. 385, col. 24—36.

²⁰⁸ Ibidem.

²⁰⁹ Ibidem.

²¹⁰ «New York Times», 11.XI 1942.

не дожидаясь военной помощи с Запада, что бесспорно сыграло важную роль в тот период, предшествовавший переходу Красной Армии в контрнаступление. Отрицательным же последствием заявлений Рузвельта и Черчилля было то, что немецко-фашистское командование могло, не опасаясь создания в ближайшее время нового фронта в Западной Европе, еще свободнее маневрировать своими силами и резервами, направлять их главным образом на советско-германский фронт.

Вторжение американских и английских войск в Северо-Западную Африку особенно укрепило уверенность гитлеровской клики, что нового фронта в Европе пока не будет. Это подтверждают документы совещания по военно-морским вопросам, созванного Гитлером 19 ноября, т. е. в день перехода Красной Армии в контрнаступление и вскоре после начала африканской операции войск США и Англии.

Оценивая возможные действия англо-американских вооруженных сил, адмирал Редер заявил, что хотя у США и Великобритании имеется еще достаточно тоннажа для проведения новой морской десантной операции примерно в середине декабря, но их наступление будет продолжаться лишь в бассейне Средиземного моря. Ситуация же на Атлантическом побережье Европы, по его мнению, ни в какой степени не изменилась. Гитлер согласился с этими выводами, а также с предложением Редера укрепить побережье Северного моря и важнейшие его острова за счет средств, предназначавшихся для «западного вала»²¹¹.

Обстановка в районе Атлантического побережья, таким образом, в конце 1942 г. нисколько не волновала немецкое командование и вполне позволяла ему сосредоточивать максимум своих войск на советско-германском фронте.

Сказанное выше свидетельствует о том, что летом и осенью 1942 г., как и в первые месяцы после вступления США в войну, вопрос о втором фронте оставался одним из основных во взаимоотношениях между союзниками. Позиции кругов, участвовавших в борьбе за решение этой проблемы, были сложными, а отношения между тремя великими державами даже несколько обострились.

²¹¹ «Brassey's Naval Annual, 1948», p. 299—301.

Упущенные возможности. Продолжение политики обещаний и проволочек

Изменение сущности проблемы второго фронта

Контрнаступление Красной Армии на Волге, ознаменовавшее начало коренного перелома в ходе второй мировой войны, началось 19 ноября 1942 г. В короткий срок была прорвана оборона противника на двух направлениях и окружены 22 немецкие дивизии и 166 отдельных частей 6-й полевой и 4-й танковой армий. Эти действия вскоре переросли в общее наступление, развернувшееся на 1200-километровом фронте от Ливн до Главного Кавказского хребта. Наряду с этим советские войска прорвали блокаду Ленинграда и провели наступательные операции на других участках советско-германского фронта. Противник был вынужден перейти к общей обороне. Зимой 1942/43 г., как признавал Гитлер, немецко-фашистская армия переживала один «из самых тяжелых кризисов этой войны»¹.

Начало коренного перелома как в ходе Великой Отечественной, так и в целом второй мировой войны, положенное выдающейся победой советского оружия под Сталинградом, явилось результатом постепенного изменения военных, экономических и политических условий в пользу Советского Союза и антифашистской коалиции. Признаки этого изменения появились еще до перехода Красной Армии в контрнаступление, так как ожесточенная борьба на советско-германском фронте поглотила основные силы и резервы фашистской Германии и ее европейских союзников.

В частности, это заставило гитлеровское командование ослабить группировку в Западной Европе и ограничить выделение пополнений, вооружения и предметов снабжения итало-немецким войскам в Северной Африке. «Проблема снабжения, — отмечал 25 октября в дневнике итальянский министр иностранных дел граф Чиано, — стоит очень остро у нас, и наших резервов совершенно недостаточно». Четыре дня спустя он записал: «Роммель смотрит на боеспо-

¹ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 3. М., 1961, стр. 593.

способность войск оптимистически, но он буквально в ужасе от положения в области снабжения. Сейчас не хватает не только горючего, но также боеприпасов и продовольствия»².

Англичане же с помощью американцев получили возможность добиться в этом районе превосходства над противником, позволившего британской 8-й армии перейти 22 октября в наступление в Ливии. Английский военный корреспондент Алан Мурхед писал по этому поводу: «... Боеприпасы, оборудование, продовольствие поступали в никогда еще не виданном изобилии. Британские орудия, американские танки и самолеты из обеих стран — все шло сюда»³.

Кроме того, американские и английские армии вторглись в Северо-Западную Африку, где немецких и итальянских войск вообще не было. В период с 8 по 12 ноября они высадились в Марокко и Алжире, захватили крупные плацдармы и начали наступление в общем направлении на Тунис. Одновременно флоты обеих стран проводили успешные действия на Средиземном море и в Атлантическом океане, активизировалась также и союзная авиация.

Поскольку все эти действия развергались против второстепенных сил фашистского блока в Европе, далеких от гитлеровской Германии, то они и не могли коренным образом изменить обстановку второй мировой войны и оказать серьезное влияние на развитие событий на главном, решающем фронте — советско-германском. Более того, успех их самих был следствием тех возможностей, которые возникли у США и Англии в результате героической борьбы Красной Армии, сковывавшей основные силы Германии и ее европейских союзников, а затем начавшей контрнаступление, которому суждено было изменить весь ход второй мировой войны.

Успешные действия советских войск изменили и сущность проблемы второго фронта в Европе. До этого речь шла о таких операциях американских и английских войск, которые заставили бы гитлеровское командование снять до 40 дивизий с советско-германского фронта и перебросить их в Западную Европу, а также соответственно перераспределить все виды резервов и ресурсов. Это могло стать одним из основных условий приближения коренного перелома в ходе войны в пользу антифашистской коалиции. Но поскольку американские и английские войска не предприняли таких операций, подготовка названных условий легла главным образом на Советский Союз и его вооруженные силы. После же перехода Красной Армии в наступление второй фронт мог способствовать общему делу, препятствуя гитлеровскому командованию накапливать и бросать на советско-германский фронт новые силы. Иначе говоря, сущность проблемы второго фронта теперь состояла в том, чтобы армии Англии и США своими действиями вместе с Красной Армией закрепили и развили ее стратегический успех, подготовили условия для полного разгрома вооруженных сил фашистского блока в Европе.

² «The Ciano Diaries 1939—1943». New York, 1946, p. 533, 536.

³ A. Moorhead. The End in Africa. London, 1943, p. 102.

Но правительства США и Великобритании не пошли по этому пути, так как их позиции по-прежнему определялись не условиями коалиционной войны, а все теми же эгоистическими интересами и целями. Но в подходе к решению вопроса о втором фронте они изменили акцент. Если раньше они считали решающим фактором опасность немецкой победы на советско-германском фронте, то теперь правительства США и Великобритании стали больше опасаться преждевременного, с их точки зрения, поражения немецко-фашистских армий.

Американская оценка роли СССР как во время войны, так и на последующее время исходила целиком из империалистических целей США. Американский империализм рассчитывал не только одержать победу в войне главным образом силами Советского Союза, но и превратить его в свой рынок со всеми вытекающими отсюда последствиями для существования социалистического государства. В этом отношении небезынтересна памятная записка, составленная в конце 1942 г. одним из руководителей администрации ленд-лиза генерал-майором Джеймсом Х. Бэрнсом и, по определению Р. Шервуда, «блестяще отражавшая взгляды... Гопкинса»⁴. Она гласила: «Если признать, что оказание помощи России необходимо для разгрома и Германии, и Японии, то в равной степени верно будет и то, что поражение России в борьбе с одной из них или обеими этими странами может помешать нам разгромить Германию или Японию». И далее: «... После войны потребности России в американской продукции будут попросту колоссальными. Ей придется не только восстанавливать жилища, промышленность, сырье и фермы, потерянные в результате войны, но она должна будет обеспечить ресурсы для неизбежного повышения жизненного уровня у себя...»⁵

Такие или им подобные соображения и составляли основу политики США в отношении помощи СССР, которая в соответствии с их планами не должна была превышать такого уровня, который обеспечивал бы более или менее длительное сохранение советско-германского фронта, но в то же время способствовал бы истощению сил Советского Союза к концу войны. Поскольку же второй фронт рассматривался правящими кругами США как один из видов помощи СССР, то с его открытием по-прежнему не спешили из тех же соображений.

Более того, контрнаступление Красной Армии, продемонстрировавшее ее возросшую мощь, навело американское правительство на мысль отложить осуществление плана «Раундап», предусматривавшего вторжение в Европу весной 1943 г. «Никто сейчас не может сказать, — писал Рузвельт Черчиллю 26 ноября 1942 г., — представится ли нам возможность нанести удар через Ла-Манш в 1943 году». Одновременно он предложил «обсудить в плане общей стратегии» вопрос о том, какие американские силы можно сосредоточить на

⁴ Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. II. М., 1958, стр. 282—284.

⁵ Там же, стр. 284—285.

Британских островах для вторжения в Западную Европу в... 1944 г. Наконец он заявлял, что «североафриканские операции, естественно, должны рассматриваться как первоочередные...»⁶

Американские штабы все еще продолжали изучать возможные варианты действий против Германии. При этом управление военного планирования штаба армии США по-прежнему считало возможным добиваться победы следующими тремя основными способами: стратегическими бомбардировками, вторжением на континент через Ла-Манш и дальнейшим давлением в зоне Средиземного моря⁷.

Правда, генерал Маршалл 10 декабря на совещании начальников штабов у президента высказался против продолжения операций в Средиземноморском районе после захвата Северной Африки и предложил перебросить освободившиеся там силы на Британские острова. Он придавал особое значение готовности США и Великобритании к проведению в марте или апреле 1943 г. не предусмотренных планами десантных операций на Брестском полуострове или в районе Булони в том случае, если «появятся признаки ослабления Германии или если немецкие войска вступят на территорию Испании»⁸.

Рузвельт не видел необходимости спешить с принятием решения относительно дальнейших действий и считал возможным отложить это по крайней мере до 1 марта 1943 г. Но он настаивал на том, чтобы продолжать как можно быстрее наращивать силы США и создать в Англии и в Северной Африке две мощные ударные группировки, которые находились бы в готовности к участию в любой операции⁹.

Любопытно, что, по свидетельству М. Мэтлоффа и Э. Снэлла, американское военное ведомство, изучив обстановку и возможные варианты стратегических планов, не пришло к концу года к единому решению относительно образа действий в европейско-средиземноморской зоне после завершения операции «Торч». При этом они также утверждают, что для политических и военных руководителей США становилась, однако, «все более очевидной необходимостью найти какой-то новый путь к главной цели — разгрому Германии»¹⁰.

Можно подумать, что такой путь был им не известен ранее и никто не указывал им на него. В действительности же этот вопрос дебатировался уже в течение года, причем всеми было признано, что его решение состоит в создании второго фронта в Западной Европе. Более того, начало перелома в ходе войны создавало еще более благоприятные предпосылки для вторжения в Западную Европу.

Но, быть может, американские политические и военные круги не понимали изменений, происшедших в обстановке? Такое предпо-

⁶ См. там же, стр. 303—304.

⁷ См. М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Стратегическое планирование в коалиционной войне. М., 1957, стр. 422.

⁸ Там же, стр. 420.

⁹ См. там же.

¹⁰ Там же, стр. 423.

ложение также не имеет никаких оснований. Напротив, в США ясно видели эти перемены и даже предприняли в соответствии с ними определенные шаги. Так, если в течение 1942 г. в министерстве обороны считали необходимым довести в конечном счете число американских дивизий не менее чем до 200, то в январе 1943 г. этот план был сокращен вдвое¹¹. Что же касается накопления американских сил на Британских островах по плану «Болеро» для вторжения на европейский континент, то вместо ранее намеченного 1 млн. человек к 1 апреля 1943 г. решено было отправить всего лишь 150 тыс. Общую же численность американских войск в Великобритании предполагалось довести до 427 тыс. человек, предназначенных для «поддерживающих, оборонительных, а в случае необходимости и наступательных действий», но сроки выполнения этой программы не были установлены¹².

Нельзя не сделать из всего этого вывода, что правительство США, намеревавшееся открыть второй фронт только в том случае, если Советский Союз окажется на грани поражения или фашистская Германия потерпит крах на Восточном фронте, в конце 1942 и начале 1943 г. еще не видело ни одного из этих условий, чтобы реализовать свой замысел.

Черчилль придерживался такого же мнения. Он теперь еще меньше опасался за советско-германский фронт, полагая, что последний все еще будет сковывать главные силы Германии, а Великобритания тем временем при помощи США осуществит свои планы в районе Средиземного моря.

Следует отметить, что Черчилль в своих военных мемуарах пытался уверить, будто «обстоятельства» вынудили его отказаться от создания второго фронта в 1943 г., тогда как он «всей душой» якобы стремился выполнить свои союзнические обязательства. Тщась опровергнуть «послевоенные утверждения Советов» о том, что он «сознательно использовал операцию «Торч» с целью помешать открытию второго фронта в 1943 г.»¹³, Черчилль заявил: «Вряд ли кто-нибудь может сейчас оспаривать мудрость решения повременить до 1944 г. Моя совесть чиста... Я делал все от меня зависящее. С другой стороны, учитывая, что нам предстояло вторгнуться на континент Европы со стороны Средиземного моря в предстоящей кампании и что англо-американские армии находились в соприкосновении с противником, я не был огорчен решением (об отсрочке вторжения в Европу до 1944 г. — *В. К.*), которое было продиктовано судьбой и обстоятельствами»¹⁴.

В подтверждение того, что его совесть «чиста», Черчилль сослался на свое послание Рузвельту от 24 ноября 1942 г., в котором он действительно упоминал о необходимости продолжать накопле-

¹¹ *М. Мэтлофф, Э. Стэлл.* Указ. соч., стр. 402, 405.

¹² Там же, стр. 407.

¹³ *W. Churchill.* The Second World War, v. IV. London, 1951, p. 584.

¹⁴ *Ibid.*, p. 591.

ние сил на Британских островах для вторжения на континент Европы с Запада. Но это было сделано в таких формулировках, которые позволяли снять вопрос об осуществлении этого плана в любой момент. Черчилль лишь признавал важность открытия второго фронта в 1943 г., но ориентировался уже на 1944 г. Впрочем, он допускал, что «даже в 1943 г. может возникнуть благоприятная возможность». Видел же он ее в том, что если наступающие советские армии достигнут Ростова-на-Дону, то «немецкие армии на юге (Советского Союза. — В. К.) может постигнуть настоящая катастрофа». Добавив к этому, что англо-американские «операции в районе Средиземного моря после операции «Торч» могут вывести Италию из войны», он заявлял, что в итоге «немцы, возможно, будут в массе своей деморализованы, и мы должны быть готовы использовать любую возможность, которая представится»¹⁵.

Итак, «благоприятной возможностью» для открытия второго фронта в 1943 г. Черчилль признавал лишь наличие таких условий, как, во-первых, поражение Германии на Востоке и, во-вторых, выход Италии из войны.

О действительных намерениях и расчетах Черчилля свидетельствуют и две его памятные записки, составленные им как министром обороны Великобритании.

В первой из них (от 25 ноября 1942 г.) он писал: «Главной задачей, стоящей перед нами, является, во-первых, захват африканского побережья Средиземного моря и создание там военно-морских и авиационных баз, которые необходимы, чтобы открыть эффективный путь через Средиземное море для военных транспортов, и, во-вторых, использование баз на африканском побережье для нанесения удара по уязвимым местам держав оси крупными силами и в кратчайший срок»¹⁶.

Во второй (от 3 декабря того же года) содержалась следующая оценка наступления Красной Армии и его влияния на обстановку в Западной Европе: «Зима принесет большие лишения и испытания ослабленным немецким армиям... До конца 1942 г. мы будем иметь возможность убедиться, что в 1943 г. никаких значительных перебросок немецких войск с Восточного на Западный театр военных действий не будет произведено. Это был бы новый факт исключительно важного значения»¹⁷.

С этими воззрениями в основном совпадала и позиция начальника имперского генерального штаба Брука. Некоторая разница была лишь в том, что, как считал последний, «момент для открытия Западного фронта... не наступит в течение 1943 г.» В дневнике он записал 3 декабря: «Мы должны придерживаться моего первоначального курса ведения войны, от которого я никогда не отходил, а именно: начать с захвата Северной Африки, с тем чтобы снова

¹⁵ Ibid., p. 584—585.

¹⁶ Ibid., p. 586.

¹⁷ Ibid., p. 589.

открыть Средиземное море и не совершать путь вокруг м. Доброй Надежды, в результате чего сэкономить миллионы тоннажа флота, вывести из войны Италию, втянуть Турцию, угрожать Южной Европе...» Отметив, что лишь после всего этого следует «освободить Францию», он подчеркнул: «Этот план зависел от того, выстоят ли русские»¹⁸.

После совещания с начальниками английских штабов, состоявшегося 3 декабря, Черчилль поддержал план А. Брука. При этом было отвергнуто мнение победителя у Эль-Аламейна фельдмаршала Монтгомери о том, чтобы после захвата Северной Африки продолжать воздействовать на Сицилию и Апеннинский полуостров авиацией, а основные американские и английские силы перебросить на Британские острова для вторжения в Северную Францию в июне 1943 г.¹⁹

Таковы были позиции двух западных союзников накануне их конференции в Касабланке, созванной по предложению Рузвельта для обсуждения стратегических проблем. Предварительно начальники штабов США и Великобритании также обменялись посланиями, в которых были изложены их взгляды по поводу дальнейшего ведения коалиционной войны.

В послании начальников американских штабов их английским коллегам от 26 декабря не было недостатка в обосновании предложения направить основные усилия союзников в 1943 г. «непосредственно против Германии» и «большей частью сил перейти в ближайшее время в наступление на западноевропейском театре и в Атлантике, а на других театрах вести остальными силами оборонительные действия». Но осуществить этот план авторы послания намеревались после завершения операций в Северной Африке. Пока же предлагалось вести авиационное наступление с английских, североафриканских и по возможности средневосточных баз и накапливать на Британских островах американские и английские войска для подготовки вторжения в Западную Европу²⁰.

В ответе от 2 ноября начальники английских штабов изложили свои взгляды, которые, как показано выше, отличались от американских главным образом тем, что предусматривали после завершения действий в Северной Африке предпринять операции не в Западной Европе, а в центральной части Средиземного моря, чтобы вывести Италию из войны. Что касается вторжения на западе европейского континента, то предлагалось осуществить его примерно 20 американскими и английскими дивизиями в августе—сентябре 1943 г., если «к этому времени обстановка будет благоприятствовать проведению такой операции»²¹.

Интересно, что точка зрения начальников американских штабов

¹⁸ A. Bryant. The Turn of the Tide. London, 1957, p. 530—532.

¹⁹ Ibid., p. 532.

²⁰ См. М. Мэтлофф, Э. Снэлл. Указ. соч., стр. 434—435.

²¹ Там же, стр. 435—436.

не разделялась не только их английскими коллегами, но и президентом США. 7 января 1943 г., выслушав доклад генерала Маршалла о сути англо-американских противоречий по вопросам стратегии, Рузвельт попросил изучить возможность компромисса. Явно стремясь оттянуть окончательное решение, он рекомендовал выяснить в течение одного-двух месяцев, нельзя ли разработать одновременно планы операций как в Северо-Западной Европе, так и в районе Средиземного моря²².

Таким образом, предварительный обмен мнениями об общей линии продолжения военных действий против фашистского блока в Европе обнаружил совпадение позиций США и Великобритании в том, что ближайшая цель — завершить оккупацию Северной Африки. Относительно дальнейших планов у англичан господствовало намерение продолжать действия на Средиземном море (Сицилия, Сардиния, Апеннинский полуостров), у американцев же твердого мнения не было, хотя и вырисовывалась тенденция к нанесению следующего удара в Западной Европе. Этот вопрос предполагалось обсудить на конференции в Касабланке.

Необходимо отметить, что в ходе подготовки конференции президент США и премьер-министр Великобритании направили главе Советского правительства приглашение участвовать в ее работе. Оно не было принято. И. В. Сталин мотивировал отказ исключительной занятостью руководством фронтами²³. Не содержится в опубликованных документах и предложений советской стороны послать вместо Сталина доверенное лицо, которое представляло бы его на конференции союзников.

Между тем у Советского правительства были все основания тревожиться по поводу намерений западных союзников относительно открытия второго фронта в 1943 г.

Еще 24 ноября 1942 г. Черчилль, сообщая в послании Сталину о намечаемых действиях вдоль побережья Леванта и в Сирии, писал, что в дальнейшем предполагается нанести удар по Италии «с такой интенсивностью, которая еще пока что невозможна»²⁴. Ни словом не упомянув о втором фронте, он лишь отметил, что наряду с действиями в Северной Африке и в районе Средиземного моря западные союзники готовы воспользоваться любой благоприятной возможностью, а их «бомбардировщики будут все время громить Германию с возрастающей силой». Таким образом, веревка затянется на шею обреченного виновника²⁵.

Хотя Черчилль и не заявлял прямо, что у него нет намерения открыть второй фронт и в 1943 г., но все содержание его послания

²² Там же, стр. 438—439.

²³ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (далее — «Переписка...»), т. I. М., 1957, стр. 80; т. II. М., 1957, стр. 41—43.

²⁴ «Переписка...», т. I, стр. 76—78.

²⁵ Там же, стр. 78.

не могло не насторожить в этом отношении. Вот почему 27 ноября глава Советского правительства писал британскому премьер-министру: «Я с большим вниманием прочитал Ваше сообщение о том, что Вы вместе с американцами не ослабляете проведение приготовлений вдоль вашего юго-восточного и южного побережья... и что Вы готовы воспользоваться любой благоприятной возможностью. Надеюсь, что это не означает отказа от Вашего обещания в Москве устроить второй фронт в Западной Европе весной 1943 года»²⁶.

Поскольку же вместо ответа от Черчилля и Рузвельта последовало приглашение принять участие в конференции на высшем уровне, то наряду с отказом Сталин в послании от 6 декабря напомнил: «Жду от Вас ответа на мое предыдущее послание в части, касающейся открытия второго фронта в Западной Европе весной 1943 года»²⁷.

Черчилль, однако, продолжал уклоняться от прямого ответа. 12 декабря он писал: «Я не в состоянии ответить на этот вопрос иначе как совместно с президентом Соединенных Штатов»²⁸. А в конце месяца, уведомляя о намерении посетить президента Рузвельта, чтобы урегулировать планы союзников на 1943 г., он довольно неопределенно заявил: «Моя самая главная цель состоит в том, чтобы англичане и американцы вступили в бой с противником в самых больших количествах и в самое ближайшее время». И тут же добавил: «Недостаток тоннажа носит крайне острый характер»²⁹.

Отмалчивался по вопросу о втором фронте и Рузвельт. 26 ноября он писал в Москву о своей уверенности в том, что скоро удастся выгнать немцев из Африки, а затем дать итальянцам «попробовать настоящей бомбардировки»³⁰. В связи с этим глава Советского правительства в послании от 28 ноября выразил следующее предположение: «Будучи уверен в скором изгнании немцев из Северной Африки, я надеюсь, что это послужит для развертывания наступательных операций союзников в Европе»³¹.

Рузвельт не ответил ни на это, ни на следующее, еще более настойчивое, напоминание, содержавшееся в послании Сталина от 14 декабря: «Разрешите также выразить уверенность, что время не проходит зря и обещания насчет открытия второго фронта в Европе, которые были даны Вами, г. Президент, и г. Черчиллем в отношении 1942 года и уже, во всяком случае, в отношении весны 1943 года, будут выполнены и второй фронт в Европе действительно будет открыт общими силами Великобритании и США весной будущего года»³².

²⁶ «Переписка...», т. I, стр. 78—79.

²⁷ Там же, стр. 80.

²⁸ Там же, стр. 81.

²⁹ Там же, стр. 82.

³⁰ «Переписка...», т. II, стр. 39.

³¹ Там же, стр. 40.

³² Там же, стр. 43.

Таким образом, в конце 1942 г. Советское правительство неоднократно добивалось подтверждения обещанных западными союзниками сроков вторжения в Европу. Английские же и американские руководители уклонялись от каких-либо определенных заявлений.

Последнее объяснялось тем, что вопрос о согласованных военных действиях англо-американских вооруженных сил в Европе все еще оставался открытым. Более того, его решение по существу было отодвинуто на неопределенный срок, что подтверждается приведенной выше перепиской глав правительств Великобритании и США, а также начальников штабов двух стран. Она свидетельствует и о том, что у них не было намерения внести ясность в эту проблему на предстоявшей конференции в Касабланке.

Характерно, что, признавая данный факт, американский историк Фейс пытается оправдать его соображениями об изменении обстановки на советско-германском фронте, где в то время Красная Армия вела успешное наступление. Он уверяет, будто вопрос о втором фронте «не мог» остро стоять на этой конференции, поскольку «не было больше нужды принимать во внимание крайне опасную обстановку на Восточном фронте, которая требовала бы немедленного спасательного усилия со стороны Запада»³³.

Действительно, спасти Красную Армию от поражения не нужно было, она сама справлялась со своими задачами. Но ведь оставалась еще потребность в скорейшем разгроме гитлеровской Германии и сокращении сроков войны, в чем были заинтересованы народы всех стран, в том числе США и Англии. Эту главную сторону дела правительства двух западных держав игнорировали.

Впрочем, они не могли не видеть устремлений народных масс, а поэтому, тайно планируя новую отсрочку вторжения в Европу, продолжали в целях обмана общественности делать всевозможные туманные намеки на то, что открытие второго фронта не за горами.

Так, 7 января 1943 г. в послании конгрессу президент Рузвельт писал: «Я не могу предсказывать. Я не могу сказать вам, когда или где Объединенные Нации намереваются в дальнейшем нанести удар в Европе. Но мы намереваемся ударить — и ударить сильно»³⁴.

Как мы уже видели, столь решительные действия не определялись перепиской между главами правительств и штабами США и Великобритании.

Конференция в Касабланке

Рассматривая ход и итоги этой конференции, проходившей 12—25 января 1943 г., следует прежде всего отметить, что она сыграла положительную роль в сплочении сил антифашистской коалиции,

³³ *H. Feis*. Churchill, Roosevelt, Stalin. New Jersey, 1957, p. 105.

³⁴ «Nothing to Fear». The Selected Addresses of Franklin Delano Roosevelt. 1932—1945. Cambridge, 1946, p. 345.

поскольку здесь США и Англия объявили своей конечной целью в войне безоговорочную капитуляцию стран оси, которая предлагала не уничтожение народов Германии, Италии и Японии, а ликвидацию господствовавших в этих странах пагубных режимов. В сущности это заявление означало, что американское и английское правительства присоединились к целям, провозглашенным Советским Союзом еще в начале Великой Отечественной войны. Сделали же они это только в начале 1943 г. в силу необходимости, диктовавшейся условиями войны против фашистского блока.

В тот момент гитлеровская Германия достигла вершины своего военного могущества, а начавшееся коренное изменение хода войны в пользу антифашистской коалиции еще не стало очевидным. Дело в том, что: а) разгром немецко-фашистских войск на Волге не был еще завершен и в правительственных и военных кругах США и Великобритании не представляли, какой исход будет иметь борьба на советско-германском фронте; б) итало-немецкие войска удерживали Тунис и контратаковали американские и английские армии; в) фашистские войска оккупировали почти всю континентальную Европу, причем движение Сопротивления еще не стало массовым; г) Япония удерживала почти всю Восточную Азию, острова Тихого океана.

В этих условиях необходимо было мобилизовать все силы на войну против сильного и опасного врага, чего нельзя было сделать без открытого осуждения правительствами ненавистного народам фашистского режима.

Выдвигая на пресс-конференции в Касабланке 24 января концепцию безоговорочной капитуляции, Рузвельт исходил из того, что эта «простая формула общей и решительной цели, лозунг, который должен был сплотить союзников на достижение победы и известить друзей и врагов, что на этот раз не будет ни переговоров о мире, ни «спасительных пунктов договора», подобных четырнадцати пунктам»³⁵.

Более того, он рассчитывал, что это помогло бы убедить русских, разочарованных тем, что западные державы все еще не открыли второй фронт в Европе, «в непреклонной решимости западных союзников вести борьбу против Германии до конца». Наконец, существовало и другое соображение. М. Мэтлофф сформулировал его так: «Концепция безоговорочной капитуляции, принятая другими участниками коалиции, способствовала тому, чтобы противоречивые национальные интересы уступили перед коалиционной стратегией, разработанной западными державами вместе с советским союзником»³⁶.

Иначе говоря, принцип безоговорочной капитуляции стран фашистского блока был принят Соединенными Штатами не столько по-

³⁵ *M. Matloff. Strategic Planning for Coalition Warfare. 1943—1944. Washington, 1959, p. 40.*

³⁶ *Ibidem.*

тому, что он отвечал интересам народов, а исключительно в силу выгод, которые он обещал американскому империализму.

Правительство США видело их в том, что народные массы, получив «простой лозунг», умножат свои усилия в войне, а главное — Советский Союз поверит обещаниям западных союзников и будет по-прежнему нести на себе основную тяжесть борьбы с гитлеровской Германией. Последнему обстоятельству придавалось особо важное значение еще и потому, что Рузвельт и его военные помощники в тот момент уже не считали возможной победу немецко-фашистских войск на советско-германском фронте, но все еще опасались заключения Советским Союзом сепаратного мира. Все эти соображения вполне устраивали и английское правительство. Вот почему Черчилль, хотя для него заявление Рузвельта было «некоторой неожиданностью», все же немедленно поддержал его ³⁷.

Надо сказать, что провозглашение столь решительной цели в какой-то мере могло также успокоить общественность США и Англии, ибо оно создавало иллюзию, что в Касабланке наконец достигнуто соглашение, за которым последуют давно ожидаемые действия.

Немалую роль в создании такого впечатления сыграло и коммюнике, опубликованное после конференции. В нем сообщалось, что «между руководителями обеих стран и их соответствующими штабами было достигнуто полное соглашение по поводу военных планов и мероприятий, которые должны быть предприняты во время кампании 1943 года против Германии, Италии и Японии с целью использовать с наибольшими выгодами явно благоприятный поворот, который события приняли в конце 1942 года... Президент и премьер-министр сознают, какую огромную тяжесть войны Россия успешно несет на себе на всем сухопутном фронте, и их основная цель состояла в отвлечении возможно большей части бремени, которое несут русские армии, путем вовлечения противника в возможно более тяжелую борьбу в наиболее подходящих для этого районах» ³⁸.

Какие же стратегические решения были в действительности приняты на конференции в Касабланке?

Выявившиеся в предшествовавшие ей месяцы разногласия между американцами и англичанами по вопросам ведения войны, как уже отмечалось, не были глубокими и относились главным образом к «последующим» действиям. Что касается ближайших задач, то взгляды обоих союзников почти полностью совпадали. Практический смысл конференции состоял в том, чтобы обсудить совместно с командующими возможные варианты действий против вооруженных сил фашистских Германии и Италии и принять окончательные решения по ряду согласованных вопросов.

В этой связи следует сказать, что в буржуазной литературе преувеличивается значение англо-американских расхождений в тот период. Некоторые американские авторы, например, используют

³⁷ *W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 615.*

³⁸ «Правда», 28.I 1943.

позицию генерала Маршалла накануне и на самой конференции с целью показать, что США якобы стояли за создание второго фронта в Европе весной 1943 г.

Так, сын президента Э. Рузвельт писал, что решение конференции по вопросам военной стратегии «представляло собой компромисс между стремлением американцев осуществить вторжение через Ла-Манш весной 1943 г. и английскими доводами в пользу захвата Сицилии и Додеканесских островов с перспективой вторжения в Европу через Грецию и Балканы»³⁹. В свою очередь Морисон представляет дело так, будто представители США последовательно отстаивали идею второго фронта, но из-за упорства своих английских коллег в Касабланке им «удалось только добиться решения создать объединенный планирующий штаб», предназначенный для этой цели⁴⁰.

Достигнутые в Касабланке англо-американские соглашения по вопросам ведения войны действительно являлись в определенной степени компромиссом, однако он носил далеко не тот характер, какой ему приписывает американская историография. И Рузвельт принял эти решения отнюдь не случайно.

Еще в ходе переписки перед конференцией выявилась, как показано выше, заинтересованность и английской и американской сторон в захвате Северной Африки и Средиземного моря. При обсуждении этих вопросов в Касабланке было единодушно решено осуществить данное намерение, причем генерал Эйзенхауэр был назначен верховным командующим союзными войсками в Северной Африке, а его заместителем и непосредственным руководителем операций на тунисском фронте — английский генерал Александер (после перехода 8-й британской армией границы Туниса)⁴¹.

После захвата Туниса, по мнению англичан, следовало развернуть военные действия в бассейне Средиземного моря, чтобы полностью очистить его от противника. Это предложение заинтересовало американцев не только с политической, но и с чисто военной точки зрения.

Адмиралу Кингу нравилось, что открытие средиземноморского пути даст союзникам огромную экономию в морском транспорте. Генерал Арнольд видел в этом возможность получить авиационные базы на Средиземноморском театре военных действий для ударов по Германии с юга. Один лишь Маршалл отметил преимущества вторжения в Западную Европу, однако и он быстро отказался от своей точки зрения и присоединился к мнению остальных участников конференции, как только узнал, что президент Рузвельт предпочитает действия американских войск на Средиземном море, надеясь «быстро и легко» вывести Италию из войны⁴².

³⁹ Э. Рузвельт. Его глазами. М., 1947, стр. 105.

⁴⁰ S. E. Morison. American Contributions to the Strategy of World War II, v. II. London, 1958, p. 30.

⁴¹ M. Matloff. Op. cit., p. 26.

⁴² Ibid., p. 23—24.

Итак, оставалось лишь остановить выбор на одной из двух предлагавшихся операций — против Сицилии или против Сардинии. Только этот вопрос и вызвал споры, но и они быстро разрешились, так как англичане, предлагавшие действовать против Сардинии, не возражали и против сицилийского варианта. Более того, что касается Черчилля, то он даже предпочитал последний.

Вот что он писал в письме заместителю премьер-министра и военному кабинету от 18 января 1943 г.: «Со своей стороны, я очень удовлетворен тем, что президент готов отдать приоритет Средиземноморскому театру военных действий. Он также, по-видимому, все больше склоняется к операции «Хаски» (Сицилия)... Хотя мы не приняли определенного решения в ожидании результатов штабных переговоров, я уверен, что у нас имеется полное единодушие по основным моментам. Тем временем на заседаниях Объединенного совета начальников штабов стало очевидно, что американцы все более ориентируются на Сицилию, а не на Сардинию. Именно этого мне и хотелось бы. Адмирал Кинг даже заявил, что если выбор падет на Сицилию, то он найдет необходимые эскортные суда»⁴³.

Следовательно, англичанам вовсе не приходилось настаивать на своих предложениях. Генерал Маршалл быстро согласился с Рузвельтом, представители же военно-морского флота США еще до конференции в Касабланке «благожелательно относились к любому предложению о том, чтобы отложить крупные операции в Европе до 1944 г.», а командующий американскими ВВС генерал Арнольд тоже «легко поддался доводам о необходимости отложить наступление через Ла-Манш»⁴⁴.

Остается, следовательно, лишь выяснить, в чем именно видели американцы выгоду и целесообразность намечаемых действий. Во всяком случае не в том, что это способствовало скорейшему достижению общей победы над Германией и сокращению сроков войны, ибо всем участникам конференции было ясно, что операции на островах центральной части Средиземного моря помешают вторжению крупных американских и английских войск в Западную Европу в 1943 г. Например, Брук в связи с принятием средиземноморского плана прямо заявил, что лишь в 1944 г. «мы (Англия и США. — В. К.) могли бы определенно рассчитывать на операцию возвращения на континент большого размаха...»⁴⁵

Правда, как считал Маршалл, «занятие северного побережья Африки и Сицилии высвободит примерно 225 судов», но он же подчеркнул, что последние будут использованы для операций «в Бирме, на Ближнем Востоке и на Тихом океане»⁴⁶, на которых также настаивали американцы. Между тем действия в этих райо-

⁴³ *W. Churchill*. Op. cit., v. IV, p. 606.

⁴⁴ *W. H. McNeill*. *America, Britain and Russia*. London—New York—Toronto, 1953, p. 263.

⁴⁵ *G. A. Harrison*. *Cross-Channel Attack*. Washington, 1951, p. 44.

⁴⁶ *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. II, стр. 327.

нах, как было признано обеими сторонами еще в начале 1942 г., не могли способствовать сокращению сроков войны, поскольку даже разгром Японии не предвещал поражения фашистской Германии. Другой довод Маршалла в пользу операции против Сицилии заключался в «возможности вывода Италии из войны»⁴⁷, что, конечно, ослабило бы фашистский блок в Европе, но также не могло предопределить полной победы над ним.

Что касается английской делегации, то она вполне откровенно стремилась предпринять такие действия, которые позволили бы укрепить позиции Великобритании на Востоке, открыть кратчайший путь к ближневосточной нефти и другим источникам сырья, что было непосредственно связано с интересами британских монополий.

Империалистов США также привлекали африканские колонии. Как свидетельствовал Д. Эйзенхауэр, во время конференции состоялась «одна из немногих интимных и личных» его бесед с Рузвельтом. Президент «рассуждал о том, может ли Франция вернуть свой престиж в Европе; в этом вопросе он был настроен весьма пессимистически. В связи с этим он был озабочен вопросом о методах установления контроля над определенными стратегическими пунктами во Французской империи, которые, как он считал, Франция уже не будет в состоянии удерживать»⁴⁸.

Такой вывод имел прямое отношение к политике, которую проводили в то время правительства США и Англии в отношении африканских колоний Франции, стремясь прибрать их к собственным рукам. Орудием осуществления этой цели они намеревались сделать различных французских деятелей, в частности генералов Жиро и де Голля, переговоры с которыми Рузвельт и Черчилль вели во время конференции в Касабланке⁴⁹. «С тех пор, — писал по этому поводу де Голль, — как Америка вступила в войну, Рузвельт решил, что мир будет миром американским, что именно ему принадлежит право диктовать условия организации этого мира, — он хотел, чтобы страны, раздавленные испытаниями войны, признали за ним право судить, и считал, что, в частности, он станет спасителем Франции и вершителем ее судеб. Таким образом, то обстоятельство, что в самый разгар борьбы Франция могла воспрянуть не просто в форме разрозненного и тем самым приемлемого Сопротивления, но в качестве суверенной и независимой нации, противоречило его намерениям»⁵⁰.

Следует иметь в виду, что планы захвата африканских французских колоний зародились в Вашингтоне еще до вступления США в войну. В августе 1940 г. Рузвельт заявил лорду Галифаксу: «Если бы мы были вовлечены в войну, для нас было бы крайне

⁴⁷ Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 327.

⁴⁸ D. D. Eisenhower. Crusade in Europe. New York, 1948, p. 136.

⁴⁹ См. С. Баратынский. Дипломатия периода второй мировой войны. Международные конференции 1941—1945 годов. М., 1959, стр. 183—184.

⁵⁰ Ш. де Голль. Военные мемуары. Единство. 1942—1944 годы. М., 1960, стр. 95.

желательно высадить десант на вражеском побережье Африки»⁵¹. О растущем «интересе США и особенно Рузвельта к Испании, Гибралтару и Западной Африке» писал 19 октября того же года английский посол в Вашингтоне Лоттиан⁵².

Правительство Великобритании тогда же попыталось воспользоваться этим, чтобы ускорить вступление США в войну и получить от них широкую военную помощь в операциях на Ближнем Востоке. Английские официальные лица не видели в устремлениях американских монополий угрозы своим собственным колониальным интересам, так как полагали, что Соединенные Штаты удовольствуются «наследством» Франции, а также территориями, захваченными Италией и, более того, разделят их с Англией. Расчетами на такую двойную выгоду и объяснялось предложение послать «несколько американских военных кораблей в Монровию или Фритаун», выдвинутое Черчиллем в сентябре 1940 г.⁵³ Одновременно он писал Рузвельту: «... А я надеюсь к тому времени сделать Дакар готовым к вашим услугам»⁵⁴.

Правительство и военные штабы США тщательно и всесторонне изучали способы осуществления своих целей в Африке. Так, еще во время конференции «АВС» английская делегация с одобрением отнеслась к заявлению американской стороны о том, что вооруженные силы США должны были своими действиями «предупредить распространение контроля держав оси на Северную Африку», а также подготовить оккупацию Азорских островов и островов Зеленого мыса⁵⁵.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что стратегические решения на конференции в Касабланке определялись колониальной политикой американского и английского империализма. В то время на советско-германском фронте инициатива находилась в руках у Красной Армии, и правящие круги США и Великобритании могли уже не опасаться, что Германия нанесет поражение Советскому Союзу и после этого перебросит свои главные силы для действий против них.

Такое изменение обстановки участники конференции в Касабланке использовали для решения своих колониальных проблем. Более того, взяв на себя по отношению к борьбе на советско-германском фронте роль наблюдателей, они по существу усиленно создавали видимость того, что намеченные ими операции в Северной Африке, а затем в центральной части Средиземного моря якобы являлись значительными для ведения войны против фашистского блока в Европе.

⁵¹ «The Secret Papers», v. 29, 1948.

⁵² S. Hoare. Ambassador on Special Mission. London, 1946, p. 97.

⁵³ «New York Times», 19.III 1949.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ «Congress of the United States. Hearings before the Joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack», v. 15. Washington, 1946, p. 1491.

Наконец, разработанный в Касабланке англо-американский стратегический план должен был по замыслу его авторов отвечать и другой важной задаче, а именно готовности к решительному вторжению в Западную Европу в наиболее выгодный для США и Англии момент. Иначе говоря, речь шла о том, чтобы не увлечься названными выше второстепенными операциями до такой степени, при которой можно было «упустить победу» на главном театре — в Европе.

Уже в переписке между Черчиллем и Рузвельтом высказывалось опасение по поводу того, что фашистская Германия может не выдержать дальнейшего напряжения борьбы на советско-германском фронте и потерпеть поражение. Этот вопрос обсуждался и на конференции. В результате союзники признали, что, хотя вторжение главными американскими и английскими силами начнется не ранее весны 1944 г., однако следует иметь возможность высадиться во Франции и раньше «в случае необходимости», т. е. если Красная Армия «слишком скоро» оказалась бы у западных границ СССР.

С целью подготовки всех возможных военных действий во Франции было решено продолжать накопление союзных сил на Британских островах, «создать объединенное командование и... организацию для планирования рейдов небольшого размаха, возвращения на континент в 1943 г. при условии резкого ослабления Германии, ограниченной операции в 1943 г. с целью захвата плацдарма на континенте для последующего использования и, наконец, основного вторжения в 1944 г.»⁵⁶

В итоге обсуждения многих вопросов Объединенный совет начальников штабов подготовил доклад «Ведение войны в 1943 г.» В кратком изложении его, содержащемся в мемуарах Черчилля, запланированные действия перечислены в такой последовательности: «... В районе Средиземного моря. А. Захват Сицилии с целью: 1) обеспечения большей безопасности линий коммуникаций в Средиземном море; 2) отвлечения сил Германии от русского фронта; 3) усиления давления на Италию. Б. Создание положения, при котором Турцию можно будет привлечь в качестве активного союзника. В. Соединенном Королевстве... В. Самое усиленное воздушное наступление против германской военной мощи⁵⁷. Г. Проведение та-

⁵⁶ G. A. Harrison. Op. cit., p. 44; M. Matloff. Op. cit., p. 26.

Такой объединенный штаб был создан в марте 1943 г. во главе с английским генерал-лейтенантом Фредериком Морганом. Его заместителем был назначен американский бригадный генерал Рэй У. Баркер (F. Morgan. Overture to Overlord. London, 1950, p. 15).

⁵⁷ Конечной целью этого наступления участники конференции определили «все возрастающее уничтожение и расстройство военной, промышленной и экономической системы Германии и подавление морального духа германского народа до такой степени, чтобы полностью подавить его способность к вооруженному сопротивлению». На первое время был установлен следующий порядок важности объектов действий стратегической авиации: а) верфи, на которых строились подводные лодки; б) германская авиационная промышленность; в) транспорт; г) нефтеперегонные заводы; д) другие военно-промышленные объекты (M. Matloff. Op. cit., p. 28).

ких ограниченных операций, которые могут быть осуществлены при наличии десантных сил. Д. Сосредоточение возможно более крупных сил, находящихся в постоянной готовности для вступления на континент, как только сопротивление Германии ослабеет до нужного уровня»⁵⁸.

Этот план был полностью одобрен президентом США и премьер-министром Великобритании и составил основу стратегических действий вооруженных сил двух стран в 1943 г.

Таким образом, принятые на конференции в Касабланке решения представляли собой сговор между правительствами США и Великобритании. Он был направлен к достижению их империалистических целей не только вопреки интересам Советского Союза, несшего на себе всю тяжесть борьбы с фашистским блоком, и за счет поверженной в то время Франции, но и в ущерб надеждам и чаяниям всех свободолюбивых народов.

И хотя в упомянутом выше изложении намеченного плана содержалось заявление о том, что «операции на Европейском театре военных действий будут предприниматься с целью нанесения поражения Германии в 1943 г.»⁵⁹, в нем, как мы видели, не было и намека на конкретные действия, которые позволили бы осуществить эту цель. Конференция подтвердила лишь дальнейшее развитие прежнего курса двух западных союзников, окончательно договорившихся сохранить в своих руках стратегическую инициативу в районе Средиземного моря.

Между тем им было ясно, что это не окажет существенного воздействия на фашистский блок в Европе, а тем более не заменит второй фронт, поскольку активные действия американских и английских войск намечались на второстепенном для Германии театре военных действий, расположенном далеко от ее жизненно важных центров. Как писал американский историк М. Мэтлофф, в основных вопросах стратегии второй мировой войны эта конференция оказалась бесплодной⁶⁰.

Проволочки и «оправдания»

В конце конференции в Касабланке перед ее участниками возник весьма щекотливый вопрос: о ее решениях нужно было проинформировать Советское правительство. На этот раз Черчилль вышел из затруднительного положения довольно просто — он пошел на прямой обман союзника.

27 января 1943 г. от своего имени и имени президента США он писал главе Советского правительства о принятом в Касабланке

⁵⁸ *W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 619—620.*

⁵⁹ *Ibidem.*

⁶⁰ *M. Matloff. Op. cit., p. 38.*

плане действий американских и английских вооруженных сил на первые девять месяцев 1943 г. «Мы полагаем, что эти операции, вместе с Вашим мощным наступлением, могут наверно заставить Германию встать на колени в 1943 году. Нужно приложить все усилия, чтобы достигнуть этой цели... Мы не сомневаемся, что правильная стратегия для нас состоит в том, чтобы сосредоточить свои силы на задаче поражения Германии с целью одержания скорой и решающей победы на Европейском театре... Наше основное желание состоит в том, чтобы отвлечь значительные германские сухопутные и военно-воздушные силы с русского фронта и направить в Россию максимальный поток снабжения»⁶¹.

Такая информация не позволяла усомниться в принятии конференцией соглашения о немедленном открытии второго фронта. Правда, дальше следовало сообщение, что «наше (англо-американское. — В. К.) ближайшее намерение состоит в том, чтобы очистить Северную Африку от сил держав оси и создать военно-морские и военно-воздушные базы, чтобы: 1) открыть надежный путь через Средиземное море для военного транспорта и 2) начать интенсивную бомбардировку важных объектов держав оси в южной Европе». В послании тут же сообщалось о намерении союзников «сконцентрировать в пределах Соединенного Королевства значительные американские сухопутные и военно-воздушные силы, которые «совместно с британскими вооруженными силами... подготовятся к тому, чтобы снова вступить на континент Европы, как только это будет осуществимо». И в конце добавлялось: «Наша основная цель состоит в том, чтобы обрушить на Германию и Италию на суше, на море и в воздухе максимальное количество вооруженных сил, которое можно физически применить»⁶².

Если сравнить это послание с приведенным выше решением конференции в Касабланке, то станет очевидным, что два эти документа по существу имеют очень мало общего.

Но цель, которую преследовал английский премьер-министр, не была достигнута. Поблагодарив его за информацию, глава Советского правительства в послании от 30 января писал: «Понимая принятые ваши решения в отношении Германии как задачу ее разгрома путем открытия второго фронта в Европе в 1943 году, я был бы вам признателен за сообщение о конкретно намеченных операциях в этой области и намечаемых сроках их осуществления»⁶³. Аналогичное послание было направлено президенту США⁶⁴. Поскольку на это «нелегко было ответить»⁶⁵, Черчилль, стремясь выиграть время, в послании от 1 февраля лишь подтвердил, что Советское правительство поставило «совершенно справедливые вопросы... от-

⁶¹ «Переписка...», т. I, стр. 84—85.

⁶² Там же, стр. 85—86.

⁶³ Там же, стр. 87.

⁶⁴ См. там же, т. II, стр. 52.

⁶⁵ См. *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. II, стр. 364.

носителю конкретных операций, о которых принято решение в Касабланке», и пообещал сообщить о них позднее⁶⁶.

Наконец, 12 февраля в Москве было получено его подробное письмо, предварительно согласованное с Рузвельтом и Объединенным советом начальников штабов. Оно содержало изложение плана намеченных операций. Извещая о том, что прежде всего будут завершены операции в Северной Африке, затем предполагается «в июле или раньше» захватить Сицилию, после чего развернуть действия в восточной части Средиземного моря, Черчилль подчеркнул, что последние потребуют «использования всего тоннажа и всех десантных средств, которые мы можем собрать на Средиземном море, а также всех войск, которые мы сможем подготовить для десантных операций к этому времени»⁶⁷.

Все это в общем соответствовало действительным решениям, принятым на конференции в Касабланке. Однако далее Черчилль писал: «Мы также энергично ведем приготовления, до пределов наших ресурсов, к операции форсирования Канала (Ла-Манша. — В. К.) в августе, в которой будут участвовать британские части и части Соединенных Штатов. Тоннаж и наступательные десантные средства здесь будут также лимитирующими факторами. Если операция будет отложена вследствие погоды или по другим причинам, то она будет подготовлена с участием более крупных сил на сентябрь. Сроки этого наступления должны, конечно, зависеть от состояния оборонительных возможностей, которыми будут располагать в это время немцы по ту сторону Канала... Президент и я дали указание нашему Объединенному штабу о необходимости предельной быстроты и об усилении атак до крайних пределов человеческих и материальных возможностей»⁶⁸.

Это означает, что главы правительств США и Великобритании брали на себя конкретное обязательство открыть второй фронт в Европе в августе—сентябре 1943 г. Но в таком случае возникает вопрос, как согласуется данное обещание с принятым в Касабланке твердым решением предпринять вторжение на европейский континент главными силами в 1944 г., а в 1943 г. лишь подготовиться к высадке в Западной Европе в том случае, если немецкие армии потерпят крах на советско-германском фронте? Выяснить это тем более важно, что до сих пор неизвестно о существовании какого-либо документа, в котором была бы зафиксирована договоренность между США и Англией о существенном изменении их совместных военных решений.

Обстановка, казалось бы, диктовала такие перемены. Именно в те дни Красная Армия завершила разгром и пленение крупной группировки немецких войск на Волге, что создавало еще более благоприятные условия для согласованных действий вооруженных

⁶⁶ «Переписка...», т. I, стр. 90.

⁶⁷ Там же, стр. 91—92.

⁶⁸ Там же, стр. 92.

сил антифашистской коалиции одновременно с Востока и Запада. Ситуация же на Средиземном море складывалась неблагоприятно для осуществления планов, намеченных в Касабланке. Как телеграфировал Эйзенхауэр, операция против Сицилии, если она будет предпринята слишком рано, «вряд ли увенчается успехом»⁶⁹.

Однако крупные успехи советских войск вызвали у правящих кругов США и Англии, как писала «Нью-Йорк таймс», лишь «страх» перед «неумолимым продвижением русских армий на Запад», поскольку «государство, которое внесет наибольший вклад в достижение победы, будет диктовать и условия мира»⁷⁰.

Вот почему, например, Рузвельт после битвы на Волге, «которая... была фактически равна отдельной крупной войне»⁷¹, признал, что «Россия стала в ряды великих мировых держав»⁷², и в связи с этим «понял, что должен теперь взглянуть в более далекое будущее, чем военная кампания 1943 года, и заняться рассмотрением вопросов послевоенного мира»⁷³. Черчилль в свою очередь заявил тогда в письме Гопкинсу, что будет «ужасно», если в течение ближайших трех месяцев американцы и англичане не смогут «бить немецких солдат», в то время как «русские преследуют 185 дивизий»⁷⁴.

Тревога, овладевшая правящими кругами США и Англии, обуславливалась, таким образом, их стремлением не опоздать к моменту окончательного крушения гитлеровской Германии. Но это вовсе не означало, что они пересмотрели планы ведения войны и решили ускорить вторжение в Западную Европу. Так, Черчилль полностью придерживался своей прежней точки зрения и лишь настаивал на ускорении сроков подготовки операции «Хаски» (против Сицилии), заявив по поводу пессимистических прогнозов Эйзенхауэра: «Если бы мы разделили опасения наших специалистов, у нас не было бы никакой операции «Торч»»⁷⁵.

Что же касается накопления американских войск на Британских островах, то темпы его не только не возросли, но, напротив, снизились. Наряду с доставкой туда новых частей производилась и отправка их оттуда в Северо-Западную Африку. В итоге, если в сентябре 1942 г. численность американских войск в Великобритании составляла 188 тыс. солдат и офицеров, то к концу февраля 1943 г. она уменьшилась до 107 801⁷⁶.

Следовательно, хотя правящие круги США и Великобритании в то время были серьезно озабочены успехами Красной Армии и

⁶⁹ Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 364.

⁷⁰ «New York Times», 14.II 1943.

⁷¹ Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 362.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, стр. 365.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Дальнейшее сокращение численности войск США на Британских островах привело к тому, что к концу лета 1943 г. здесь оставалась лишь одна американская дивизия (G. A. Harrison. Op. cit., p. 46—47).

в связи с этим задумывались над необходимостью быстрее подготовиться к вмешательству крупными силами в развитие событий, однако практических мер к этому еще не предпринимали. Из этого вытекает, что обещание открыть второй фронт в Западной Европе в августе—сентябре 1943 г., содержащееся в упомянутом выше послании Черчилля, было направлено, по-видимому, к тому, чтобы еще на некоторое время отсрочить нежелательное для двух западных правительств объяснение с советским союзником, а также новые публичные выступления со стороны СССР по вопросу о действиях на Западе и тем самым предотвратить нарастание волны народных протестов в США и Англии по поводу задержки вторжения союзных армий в Западную Европу.

Многое говорит о заинтересованности президента США и премьер-министра Великобритании в том, чтобы создать у общественности этих стран впечатление «полного согласия» Советского правительства с решениями конференции в Касабланке. Так, Рузвельт на пресс-конференции 3 февраля 1943 г., отвечая на вопрос, согласна ли Москва с этими решениями, сослался на «секретность» этой темы. Единственное, что можно было об этом сказать, многозначительно подчеркнул он, это то, что «дела развиваются исключительно благоприятно»⁷⁷.

О готовности союзников предпринять вторжение на континент Европы Рузвельт снова заявил по радио 12 февраля. Подчеркнув необходимость как можно скорее освободить Францию и ее народ от немецкого ига, он сказал, что «давление на Германию и Италию будет постоянным и неослабевающим. Доблестные русские армии на Востоке наносят все возрастающие удары. Мы так же должны поступать на Западе. Врагу должны наноситься непрерывные удары со столь многих направлений, чтобы он не мог понять, где его фронт, а где тыл»⁷⁸.

Черчилль в свою очередь не менее прозрачно намекал на то, что второй фронт якобы будет открыт в самое ближайшее время. 11 февраля он заявил в палате общин, что «поражение Германии и разгром германской мощи должны получить приоритет над решающей фазой войны с Японией». И патетически добавил: «Смотря на все, что делает Россия, на огромные успехи Советской Армии, я чувствовал бы себя не на том уровне, которого требуют события, если бы я не был уверен всем сердцем и сознанием в том, что делается и будет делаться все доступное человеческим силам для того, чтобы с предельной быстротой и энергией и в самых широких масштабах ввести в действие английские и американские вооруженные силы против врага. Президент и я настоятельно и особенно подчеркивали это нашим военным советникам и экспертам. Одобряя их планы и размещение сил, мы официально предлагали им придать большую силу атакам и провести их как можно скорее. Для дости-

⁷⁷ «New York Times», 4.II 1943.

⁷⁸ «Nothing to Fear», p. 358—359.

жения этой цели по обеим сторонам Атлантики прилагаются энергичные усилия»⁷⁹.

Эти заявления носили столь многообещающий характер не случайно. Дело в том, что и после разгрома немецких войск на Волге и на Северном Кавказе борьба демократических сил США и Великобритании за немедленное открытие второго фронта в Европе не прекратилась. Письма частных лиц и групп, петиции и резолюции митингов и собраний с подобными требованиями продолжали непрерывно поступать в адрес правительств и в редакции газет. Как и в предыдущем году, трудящиеся, настаивая на развертывании решительных действий против фашистской Германии, брали на себя обязательства повысить производительность труда, обеспечить вооруженные силы всем необходимым.

Выражали недовольство и представители некоторых групп английского парламента. 23 февраля 1943 г. в палате лордов с большой речью выступил Бивербрук, открывший дискуссию о втором фронте. «Мы сами должны атаковать и атаковать прежде, чем немцы произведут перегруппировку своих сил, — сказал он, — мы должны атаковать прежде, чем они оправятся от русского наступления». По мнению оратора, лучшим объектом для нападения западных союзных армий являлась не Северная Африка, а Западная Европа, ибо только здесь в случае успешной высадки можно было нанести Германии сокрушительный удар. «День вторжения, — сказал Бивербрук, — должен стать днем английской славы, днем, которого мы ждали, ради которого работали и страдали»⁸⁰.

Эту точку зрения поддержали лорд Страболджи и лорд Лайствел⁸¹, а также многие другие члены парламента. В середине марта 1943 г. в бюллетене англо-русского парламента союза было опубликовано следующее заявление: «Несмотря на блестящие победы Красной Армии на прошлой неделе, мы ни на секунду не должны забывать, что с каждым советским продвижением на Запад народам и вооруженным силам СССР и, мы можем добавить, населению оккупированных стран Европы все труднее и труднее понять, почему западные союзники так долго колеблются по поводу открытия второго фронта в Европе»⁸².

В поддержку идеи немедленного вторжения на европейский континент выступали и многие английские газеты.

21 февраля «Санди экспресс» в передовой статье заявила: «Мы достигли критического этапа войны в Европе. Мы и американцы должны нанести удар на одном фланге, в то время как Россия наносит удары на другом. Германия уже шатается под ударами, но не исключено, что если она только сможет получить двухмесяч-

⁷⁹ «Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report», Fifth Series, v. 336. London, 1943, col. 1475, 1477—1478.

⁸⁰ «Parliamentary Debates. House of Lords», v. CXXXVI, col. 164—172.

⁸¹ Ibid., col. 173—179.

⁸² См. В. Л. Израэлян. Антигитлеровская коалиция. М., 1964, стр. 198.

ную передышку, то она восстановит свои силы, чтобы вновь наносить ожесточенные ответные удары. Германия не должна получить подобной передышки... Только непосредственным нападением на Германию мы можем избежать всех грозящих нам опасностей и оказать наилучшую и наиболее существенную помощь России. Быстрота является самым необходимым условием. Второстепенные военные задачи должны быть отложены в сторону. Мы должны нанести удар по Германии с Запада, даже если требуется заплатить за это весьма дорогой ценой»⁸³.

Обозреватель «Ньюс кроникл» Каммингс писал 11 марта: «Среди обычных людей в Англии — представителей самых разнообразных профессий — злободневные разговоры на военные темы неизменно сосредоточиваются на двух вопросах: когда откроется второй фронт? Вовремя ли это произойдет? Об этом говорят повсюду, и эти вопросы как бы подчеркиваются частичным восстановлением сил немцев на юге России (имеется в виду гитлеровский контрудар в районе Харькова. — В. К.) ... Второй фронт стал в умах миллионов наших людей вопросом критического значения, не менее важным для нас, чем для Красной Армии и народа России»⁸⁴.

Правда, в Англии раздавались и иные голоса. 23 февраля лорд Тренчард и закоренелый ненавистник Советского государства лорд-канцлер Саймон выступили против обсуждения в парламенте вопроса о втором фронте. Более того, Саймон пытался убедить членов палаты лордов в том, что стратегические бомбардировки якобы заменяют второй фронт, так как отвлекают на себя около 50% вражеской истребительной авиации⁸⁵. Эти доводы легко опроверг лорд Бивербрук⁸⁶.

Что касается Советского правительства, то оно, разумеется, не имело тогда оснований не верить обещаниям западных союзников. Однако и при этом его не удовлетворила названная Черчиллем дата вторжения в Западную Европу (август—сентябрь 1943 г.). В ответном послании от 16 февраля глава Советского правительства писал английскому премьер-министру и президенту США: «Мне кажется... что нынешняя ситуация требует того, чтобы эти сроки были максимально сокращены и чтобы второй фронт на Западе был открыт значительно раньше указанного срока. Для того чтобы не дать врагу оправиться, по-моему, весьма важно, чтобы удар с Запада не откладывался на вторую половину года, а был бы нанесен еще весной или в начале лета»⁸⁷.

Как уже отмечалось, обстановка в Западной Европе в начале 1943 г. была еще более благоприятной для открытия второго фронта, чем в предыдущем году.

⁸³ «Sunday Express», 21.II 1943.

⁸⁴ «News Chronicle», 11.III 1943.

⁸⁵ «Parliamentary Debates. House of Lords», v. CXXVI, col. 172—173, 179—184.

⁸⁶ Ibid., col. 184—186.

⁸⁷ «Переписка...», т. I, стр. 93; т. II, стр. 55.

Только за четыре месяца (ноябрь 1942 г.—февраль 1943 г.) из Франции на советско-германский фронт были переброшены 10 наиболее боеспособных дивизий. Вторжение американских и английских войск в Северо-Западную Африку вынудило немецкое командование ослабить свои силы на северо-западе Франции, перебросив 10 дивизий в южную ее часть и оккупировав в период с 7 по 11 ноября 1942 г. территорию, находившуюся под контролем правительства Виши, а также организовав оборону Средиземноморского побережья протяженностью около 500 км⁸⁸. Программа же создания укреплений на побережье Франции из-за недостатка сил и средств не могла быть осуществлена. К тому же у немецкого командования сложилось мнение, что вторжение произойдет в самой узкой части проливов, на побережье примерно между реками Шельда и Сена. Укреплению этого района и было уделено основное внимание, хотя и здесь все еще не был достигнут сколько-нибудь значительный результат. Рундштедт, обеспокоенный слабостью немецкой обороны в Западной Европе, ездил весной 1943 г. в ставку Гитлера, чтобы добиться усиления немецких войск на Западе. Но Гитлер в это время был занят событиями на советско-германском фронте, искал силы и средства для нового наступления, и Рундштедт, ничего не добившись, вернулся во Францию⁸⁹.

Уже после войны Рундштедт в беседе с английским военным писателем Лиддел Гартом заявил: «Я ожидал вторжения в 1943 г., когда мы оккупировали всю Францию, так как я думал, что вы воспользуетесь преимуществом, определившимся разбросанностью немецких войск на Западе»⁹⁰. Геббельс 2 марта 1943 г. записал в дневнике о беседе с Герингом следующее: «Он также был обеспокоен тем, в какой степени нам пришлось оголить Запад для того, чтобы стабилизировать положение на Востоке. Страшно подумать, что могло случиться, если бы англичане и американцы попытались внезапно предпринять вторжение»⁹¹.

К этому времени более отчетливо проявилась и слабость германского флота. 6 января 1943 г. на совещании в Вольфшанце Гитлер заявил, что крупные надводные корабли стали обузой, поскольку отвлекают часть сил авиации и большое количество малых кораблей для своего прикрытия, не ведут активных действий против флота противника, а месяцами бездействуют в местах якорной стоянки⁹².

Вторжению английских и американских войск в Западную Европу благоприятствовало и дальнейшее усиление движения Сопротивления во Франции.

Таким образом, требование Советского правительства, а также народных масс и ряда политических и общественных деятелей

⁸⁸ G. A. Harrison. Op. cit., p. 143.

⁸⁹ Ibid., p. 140.

⁹⁰ B. H. Liddel Hart. The Other Side of the Hill. London, 1948, p. 238.

⁹¹ «The Goebbels Diaries. 1942—1943». London, 1948, p. 197.

⁹² «Brassey's Naval Annual, 1948», p. 307.

США и Великобритании как можно скорее открыть второй фронт в Европе вполне соответствовало обстановке, но не совпадало с интересами американских и британских правящих кругов, стремившихся достичь своих целей в районе Средиземного моря и на Ближнем Востоке.

В ответ на послание главы Советского правительства от 16 февраля президент США выразил сожаление по поводу замедления операций американских и английских войск в Северной Африке и сообщил, что принимает все меры, чтобы эти действия как можно скорее возобновились. «Я понимаю, — писал он далее, — насколько важно предпринять военные усилия на континенте Европы в ближайший подходящий момент в целях уменьшения сопротивления держав оси Вашей героической армии. Вы можете быть уверены в том, что после успеха в Северной Африке, как только наши максимальные усилия смогут обеспечить нам транспортные средства, американские военные усилия будут распространены на европейский континент»⁹³.

Копию этого письма Черчилль получил от Рузвельта 5 марта⁹⁴ и тотчас же приступил к составлению своего более подробного ответа Советскому правительству, который и был послан им 11 марта.

Как показывает анализ этого послания, Черчилль косвенно подтвердил в нем тот факт, что Франция и другие оккупированные фашистами страны Западной Европы использовались германским командованием как район для подготовки резервов, перебрасываемых затем по мере их готовности на Восток. «Примерно половина всех дивизий, которые были отправлены на советско-германский фронт из Франции, Люксембурга, Бельгии и Голландии с ноября прошлого года, — писал Черчилль, — уже заменена главным образом дивизиями из России и Германии и отчасти новыми дивизиями, сформированными во Франции»⁹⁵.

Далее следовали «доказательства» того, что второй фронт не может быть открыт ранее августа 1943 г. Основным аргументом Черчилля, как и Рузвельта, была ссылка на «недостаток транспортных средств». Так, сообщая, что под британским командованием находится 65 дивизий, Черчилль подчеркивал, что подавляющая их часть пребывает в Северной Африке, на Среднем Востоке и в Индии и нет никакой физической возможности перебросить ее морем назад на Британские острова. На их же территории имелось, по словам Черчилля, 27 дивизий, из которых «16... готовятся к операции по форсированию Канала (Ла-Манша. — В. К.) в августе». Создать большую армию, уверял премьер-министр, Великобритания с населением в 46 млн. человек не могла. Что касается США, то они, как писал Черчилль, намеревались отправить в июле 1942 г. в Соединенное Королевство для вторжения во Францию 27 дивизий. Однако

⁹³ «Переписка...», т. II, стр. 56.

⁹⁴ *W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 668.*

⁹⁵ «Переписка...», т. I, стр. 99.

в Англии, сообщал он, в настоящее время находится лишь одна американская дивизия, и все — из-за отсутствия «тоннажа и эскортных средств»⁹⁶.

Свое послание Черчилль закончил следующими словами: «В отношении наступления по ту сторону Канала я и президент серьезно желаем, чтобы наши войска участвовали в Европе в общем сражении, которое Вы ведете с такой изумительной доблестью. Но, чтобы поддержать операции в Северной Африке, на Тихом океане и в Индии и доставлять снабжение в Россию, программа ввоза в Соединенное Королевство была урезана до предела, и мы расходовали и расходует наши резервы. Однако в том случае, если противник достаточно ослабеет, мы готовимся ударить раньше августа, и с этой целью еженедельно вносятся соответствующие изменения в планы. Если он не ослабеет, то преждевременное наступление с худшими по качеству и недостаточными по количеству силами привело бы лишь к кровопролитной неудаче, мести нацистов по отношению к местному населению, если бы оно восстало, и к большому торжеству противника»⁹⁷.

Это послание, подтверждавшее отсрочку открытия второго фронта в Западной Европе до осени 1943 г., отражает также два важных момента англо-американской политики и стратегии того времени.

Первый из них состоял в том, что вопреки указанному выше обещанию большая часть британских и заморских американских войск направлялась на отдаленные от Европы театры военных действий. Как признал Черчилль в послании от 11 марта, из сухопутных сил, имевшихся в распоряжении Великобритании, 60% оказались «разбросанными на линии от Гибралтара до Калькутты протяженностью 6300 миль... включая сильные бронетанковые соединения и значительную часть... авиации»⁹⁸. США в свою очередь направляли крупные силы не на Британские острова для подготовки вторжения на европейский континент, а в Северную Африку, куда они к тому времени уже «отправили семь дивизий для операции «Факел» и готовились послать «еще три дивизии»⁹⁹.

Следовательно, существо дела заключалось не в том, что английских и американских вооруженных сил «не хватало» для открытия второго фронта в Европе, а в том, что Великобритания и США в то время распределяли свои силы и средства в соответствии со своими целями. А поскольку для последних ближневосточное стратегическое направление и в 1943 г. все еще оставалось главным, то, они, естественно, и не предпринимали конкретных мер к концентрации достаточного количества войск и техники для действий на другом, западноевропейском направлении, хотя именно оно было основным и решающим для быстрейшего разгрома фашистского блока в Европе.

⁹⁶ «Переписка...», т. I, стр. 99—100.

⁹⁷ Там же, стр. 101.

⁹⁸ Там же, стр. 100.

⁹⁹ См. там же.

Вторым моментом, оказывавшим влияние на политику Англии и США в отношении вторжения в Западную Европу, являлось, как это явствует из того же послания Черчилля, то, что они теперь вкладывали в понятие второй фронт новое содержание. Если в 1941—1942 гг. они рассматривали эту проблему в тесной связи с заинтересованностью в сохранении советско-германского фронта и предотвращении выхода СССР из войны, то в 1943 г. перед ними встал вопрос о том, как бы не упустить момент и использовать победы Красной Армии для собственной выгоды. Именно такого рода беспокойство отражало намерения правительств Англии и США «ударить раньше августа» в том случае, «если противник достаточно ослабеет»¹⁰⁰.

Советское правительство вновь выступило против откладывания второго фронта, настаивая на выполнении правительствами США и Великобритании их союзнического долга. Эта точка зрения была изложена в посланиях от 15 и 16 марта. В них глава Советского правительства прежде всего обращал внимание премьер-министра Англии и президента США на то, что бездействие американских и английских войск в Северной Африке в феврале и марте позволило гитлеровскому командованию направить новые войска на советско-германский фронт. Одобрив намеченное союзниками ускорение сроков начала операции на Сицилии, он, однако, подчеркнул, что «она, конечно, не заменит собой второго фронта во Франции», который Советское правительство по-прежнему считало главным для них.

Напомнив далее, что английским и американским правительствами допускалось открытие второго фронта еще в 1942 г. и во всяком случае не позже как весной 1943 г. и что «для этого были достаточно серьезные мотивы», Сталин настаивал на соблюдении этого последнего срока, а отсрочку допускал лишь до «начала лета этого года». Он писал: «После того как советские войска провели всю зиму в напряженнейших боях и продолжают их еще сейчас, а Гитлер проводит новые крупные мероприятия по восстановлению и увеличению своей армии к весенним и летним операциям против СССР, нам особенно важно, чтобы удар с Запада больше не откладывался, чтобы этот удар был нанесен весной или в начале лета». Признавая, что операция по вторжению на континент сопряжена с определенными трудностями, Советское правительство тем не менее сочло нужным «со всей настойчивостью предупредить, с точки зрения интересов нашего общего дела, о серьезной опасности дальнейшего промедления с открытием второго фронта во Франции» и в связи с этим отметило, что неопределенность ответов Рузвельта и Черчилля на послание от 16 февраля «вызывает... тревогу»¹⁰¹.

Такая постановка вопроса явно не совпадала ни с намерениями, о которых писал Черчилль, ни тем более с решениями англо-американской конференции в Касабланке. По-видимому, они решили отмолчаться, так как ни ответа, ни каких-либо новых их заявлений

¹⁰⁰ Там же, стр. 101.

¹⁰¹ «Переписка...», т. I, стр. 104—105; т. II, стр. 58—59.

по этому вопросу не последовало ни в марте, ни в апреле. Более того, ни в одном из доступных исследователю документов нет указаний на то, что проблема второго фронта в Европе обсуждалась американским и английским правительствами в этот период. Они вернулись к ней вновь лишь на конференции в Вашингтоне, состоявшейся 12—25 мая 1943 г.¹⁰²

Третья Вашингтонская конференция

К тому времени стало несомненным, что в войне происходит перелом в пользу антифашистской коалиции. Ни контрнаступление немецких войск под Харьковом в феврале—марте, ни временная пауза, наступившая после длительного наступления Красной Армии, не могли умалить решающего значения ее побед. В зимней кампании 1942/43 г. она нанесла гитлеровцам тяжелое поражение. Она окружила и полностью уничтожила между Волгой и Доном крупную стратегическую группировку немецко-фашистских войск, изгнала врага с Северного Кавказа, разгромила его армии в районе Среднего Дона и Воронежа, ликвидировала Ржевско-Вяземский и Демянский плацдармы противника, значительно отодвинув фронт от Москвы на запад, прорвала блокаду Ленинграда. Фашисты потеряли до 1,2 млн. убитыми и пленными, сотни самолетов, тысячи танков и артиллерийских орудий¹⁰³.

В этих условиях усилилась упоминавшаяся выше озабоченность правительств США и Англии тем, чтобы не Советский Союз, а они сами нанесли Германии тот последний, завершающий удар, который даст им основание распоряжаться судьбами послевоенного мира. Достижение этой цели, разумеется, не могло быть обеспечено ни намеченным на конференции в Касабланке вторжением на Сицилию, ни тем более действиями англо-американских войск в Тунисе, хотя они возобновили наступление и к 12 мая 1943 г., т. е. ко дню начала конференции, завершили разгром находившихся там итало-немецких дивизий.

Исходя из подобного рода соображений, а также учитывая, что для антифашистской коалиции значительно улучшилась обстановка на море и прежде всего в Атлантике, правительства и высшие штабы США и Англии сочли необходимым рассмотреть вопрос о том, какие действия нужно предпринять в дальнейшем и, в частности, выработать планы совместных операций в Европе.

Но не только в этом состояла задача очередной англо-американской конференции, получившей кодовое название «Трайдент». Дело

¹⁰² Вероятнее всего, Рузвельту и Черчиллю попросту нечего было ни сказать в оправдание своей политики, ни возразить Советскому правительству. Показательно, что даже несколько лет спустя Черчилль, поместив текст этого советского послания в своих мемуарах, не дал никаких объяснений по затронутым в нем вопросам (*W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 671—672*).

¹⁰³ «Вторая мировая война. 1939—1945 гг.» Военно-исторический очерк, стр. 411.

в том, что она проходила в обстановке, когда предстоящая «победа над Германией была совершенно несомненной...»¹⁰⁴ Более того, участники этой встречи предполагали, что крах фашистской Германии может наступить именно в результате ее поражений на Восточном фронте. «Имеется полная возможность того, — писал 5 мая 1943 г. президент США главе Советского правительства, — что историческая оборона русских, за которой последует наступление, может вызвать крах в Германии следующей зимой». Не смог он скрыть и своей озабоченности в связи с этим. «В таком случае, — заявлял Рузвельт, — мы должны быть готовы предпринять многочисленные шаги в дальнейшем», т. е. после победы. И добавил: «Никто из нас сейчас не готов к этому»¹⁰⁵.

Нельзя, однако, сказать, чтобы США и Великобритания не готовились к таким «шагам». Напротив, к этому времени они уже полным ходом вели разработку «основ» послевоенного устройства мира.

Еще 12 марта специально для этого в Вашингтон прибыл британский министр иностранных дел А. Иден. Три дня спустя он и Рузвельт при участии Гопкинса подробно рассмотрели положение каждой из стран Европы и высказали свое мнение о ее «вероятном» будущем. «Затем, — гласит сделанная Гопкинсом запись, — мы довольно детально обсудили вопрос о том, каковы будут политические последствия, если в момент краха Германии наши войска будут находиться в Италии, а не во Франции; и как Иден, так и президент заявили, что хотя это не столь хорошо, все же лучше, чем если бы наши войска вовсе не находились на европейском континенте»¹⁰⁶.

В ходе дальнейших переговоров эта мысль была высказана еще определеннее. 17 марта во время беседы Рузвельта, Хэлла, Идена и Гопкинса последний заявил: «... Если только мы не будем действовать быстро и наверняка, может произойти одно из двух: либо Германия станет коммунистической, либо там наступит полная анархия... Фактически то же самое может произойти в любом европейском государстве, а также в Италии... По моему мнению, требуется какое-то официальное соглашение... Государственный департамент должен разработать с англичанами план, и... этот план, согласованный между нами, должен затем быть обсужден с русскими»¹⁰⁷.

Согласившись, что «надо действовать таким образом», Рузвельт сделал также следующее заявление, полностью одобренное Иденом: «Дело, конечно, будет обстоять гораздо проще, если в момент краха Германии серьезные силы английских и американских войск будут находиться во Франции или в Германии, но мы должны разработать план на тот случай, если Германия падет до того, как мы окажемся во Франции»¹⁰⁸.

¹⁰⁴ *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. II, стр. 409.

¹⁰⁵ «Переписка...», т. II, стр. 62.

¹⁰⁶ *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. II, стр. 381.

¹⁰⁷ Там же, стр. 385.

¹⁰⁸ Там же.

Хотя на пресс-конференции 30 марта Рузвельт утверждал, что эти переговоры носили чисто «исследовательский» характер¹⁰⁹, однако, как свидетельствуют приведенные записи Гопкинса, это не меняло сути дела. США и Великобритания пришли к предварительному согласию относительно необходимости иметь к концу войны крупные вооруженные силы в Европе, чтобы установить выгодные им режимы.

Намеченная таким образом военно-политическая цель оказалась решающее влияние как на ход обсуждения вопроса о втором фронте в Европе конференцией «Трайидент» и на принятое ею решение, так и на последующие действия США и Великобритании.

Здесь необходимо сказать, что в период, предшествовавший названной конференции, ее участники хорошо знали о готовившемся тогда новом наступлении немецких войск на советско-германском фронте. Так, 5 мая президент США сообщал главе Советского правительства: «По нашей оценке, положение таково, что Германия предпримет развернутое наступление против Вас этим летом, и мои штабисты полагают, что оно будет направлено против центра Вашей линии»¹¹⁰.

Но, даже зная об этом, они и не думали планировать какие-либо действия своих войск с целью сорвать или ослабить предстоящее немецкое наступление. Напротив, 27 апреля вновь образованный в США комитет военного планирования получил указание подготовить планы «всех целесообразных вариантов действий», имея в виду, что они могут быть осуществлены только после операции на острове Сицилия¹¹¹. Это и определило работу комитета, исходившего из того, что 1943—1944 гг. явятся «решающим периодом войны»¹¹² и что исход борьбы на советско-германском фронте определит стратегическую обстановку в 1944 г.¹¹³

В начале мая штабы США изложили президенту свои мнения о курсе, которого должна придерживаться американская делегация на предстоявшей конференции. Согласно этому документу, основу стратегии Соединенных Штатов в войне против Германии должна была составить идея прогрессивно возрастающей интенсивности ударов с воздуха для подготовки к операции по форсированию Ла-Манша, а затем и проведение последней в 1944 г.

Отмечая, что ничто не должно «ни помешать, ни замедлить осуществление этой идеи», начальники штабов, однако, видели определенные выгоды в проведении после захвата Сицилии ряда операций в западной части Средиземного моря. Зато они категорически выступали против участия США в каких-либо военных действиях восточнее Сицилии, за исключением специальных воздушных опе-

¹⁰⁹ *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. II, стр. 395.

¹¹⁰ «Переписка...», т. II, стр. 63.

¹¹¹ *M. Matloff*. *Op. cit.*, p. 120—121.

¹¹² *Ibid.*, p. 121.

¹¹³ *Ibidem*.

раций. Если же англичане, заявлялось далее, будут настаивать на таких действиях, то «пусть проводят они одни, без американцев»¹¹⁴.

Таким образом, на сей раз американские штабы единодушно пришли к выводу о том, что дальнейшее распыление сил нецелесообразно и что следует вплотную приступить к подготовке вторжения во Францию. 8 мая эту точку зрения поддержал и Рузвельт. Так «было решено, что главная задача американской делегации — связать англичан обязательством возможно скорее предпринять вторжение в Европу через Ла-Манш и завершить подготовку к этой операции к весне 1944 г.»¹¹⁵

Британская же сторона подготовила совершенно иные соображения: после захвата Сицилии «или одновременно с ним» вторгнуться в континентальную Италию. При этом имелось в виду «захватить плацдарм на «носке» итальянского «сапога», чтобы затем предпринять наступление на «каблук», в качестве предварительного шага для наступления на Бари и Неаполь»¹¹⁶.

Таким образом, конференции предстояло решить, отдать ли предпочтение продолжению кампании на Средиземноморском театре или сосредоточить основные силы и средства для форсирования Ла-Манша. Это и составило главный предмет обсуждения при разработке стратегических планов¹¹⁷.

12 мая на первом пленарном заседании конференции Черчилль заявил, что, по его мнению, прежде всего нужно принять решение о действиях в районе Средиземного моря и что «самая главная задача в этом районе — вывести Италию из войны любыми средствами»¹¹⁸. Это, утверждал он, существенно изменит обстановку в Европе, нарушит «всю систему германской стратегии», окажет моральное воздействие на германский народ, приведет к отпадению Болгарии от фашистского блока, склонит Турцию к вступлению в войну на стороне антифашистской коалиции и, наконец, высвободит военно-морские силы для действий в Бенгальском заливе и на Тихом океане. Речь по сути дела шла об избрании в качестве главного стратегического направления Италии и Балкан. Причем Черчилль уверял, что «лучшее средство облегчить положение на русском фронте в 1943 г. — это вывести или выбить Италию из войны и, таким образом, заставить немцев перебросить крупные силы, чтобы держать в подчинении Балканы»¹¹⁹.

Итак, как и прежде, англичане настаивали на первоочередном осуществлении своих целей в бассейне Средиземного моря. Более того, на этот раз они стремились включить в сферу своих действий и Балканы. Что же касается решительной атаки через Ла-Манш, т. е.

¹¹⁴ Ibid., p. 123—124.

¹¹⁵ W. D. Leahy. I Was There. New York, 1950, p. 157.

¹¹⁶ W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 701.

¹¹⁷ R. S. Cline. The Operations Division. Washington, 1951, p. 220.

¹¹⁸ W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 707.

¹¹⁹ Ibid., p. 708.

создания настоящего второго фронта, то это, по мнению Черчилля, следовало осуществить лишь после того, как сложатся условия, полностью гарантирующие успех операции, иными словами тогда, когда гитлеровская Германия окажется на грани катастрофы.

Выразив свое беспокойство по поводу трудностей, которые ожидают войска союзников, если они высадятся в Западной Франции до возникновения таких условий, он «с предельной ясностью заявил, что правительство его величества искренне желает предпринять широкое вторжение на континент из Соединенного Королевства, как только сможет быть разработан план, обеспечивающий реальные перспективы на успех»¹²⁰.

Правящие круги Англии стремились укрепить позиции британского капитала на Балканах и его господство на Ближнем Востоке. Они «хотели вторгнуться в Южную Европу» потому, что их колонии, граничившие с Средиземным морем и Ближним Востоком, имели «важное значение для обеспечения британского господства в мире. В течение столетий Великобритания имела свои политико-экономические интересы в Греции, других балканских странах и в Турции»¹²¹.

Этого курса правительство и военные штабы Англии еще настойчивее придерживались позднее, в августе 1943 г., во время переговоров с прибывшим в Лондон военным министром США Г. Стимсоном. «Британская теория, — писал тогда Стимсон в докладе Рузвельту, — то и дело выражавшаяся в неосторожных сентенциях британских лидеров, с которыми мне приходилось разговаривать, заключается в том, что Германия может быть разбита серией действий в Северной Италии, в восточной части Средиземного моря, в Греции, на Балканах, в Румынии и других странах — сателлитах Германии»¹²².

Для достижения своих намерений в бассейне Средиземного моря английская правящая верхушка стремилась максимально использовать силы и ресурсы США. Американцы же стали противиться этому, ибо имели свои собственные цели и понимали, что Англия хочет ограничить активные действия американо-английских войск в Европе «районом Средиземного моря с тем, чтобы сохранить за собой контроль над ними вне зависимости от того, каковы будут условия мира»¹²³.

Поэтому президент США со своей стороны 12 мая изложил на конференции американскую позицию. Согласившись с тем, что после захвата Сицилии желательно вывести Италию из войны, он, однако, заявил, что ему «всегда становится не по себе при мысли, что придется использовать крупные силы в Италии». По его мне-

¹²⁰ *W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 708.*

¹²¹ *H. W. Baldwin. Great Mistakes of the War. New York, 1950, p. 26—27.*

¹²² *H. L. Stimson, M. Bundy. On Active Service in Peace and War. New York, 1947, p. 436—437.*

¹²³ *W. D. Leahy. Op. cit., p. 157.*

нию, это могло привести к истощению ресурсов союзников и в то же время не ослабило бы «давления на СССР».

Ввиду этого Рузвельт предложил «попытаются вывести Италию из войны более экономно», посредством авиационного наступления из Сицилии или с южной оконечности Апеннинского полуострова. Отметив, что в 1943 г. осуществить вторжение в Северо-Западную Францию «не удастся», он подчеркнул, что весной 1944 г. его необходимо обязательно провести, чтобы «вынудить фашистскую Германию драться и, таким образом, ослабить ее давление на Советский Союз»¹²⁴.

Следовательно, американское предложение, как и английское, не предусматривало таких действий, которые могли бы заставить гитлеровское командование отвлечь значительные силы с советско-германского фронта уже в 1943 г. Обе делегации высказались за дальнейшую отсрочку вторжения в Западную Европу.

Расхождение, как подтвердилось в ходе дальнейших переговоров, началось отнюдь не с «сущности политики двух держав в этом вопросе. Если англичане хотели отложить данную операцию на неопределенное время, то американцы предлагали назначить конкретный срок, но не ранее весны 1944 г. Далее начальники британских штабов полагали, что если бы находившиеся в районе Средиземного моря войска вели осенью и зимой 1943 г. боевые действия в Италии, то это оказало бы операции по форсированию Ла-Манша в 1944 г. лучшую помощь, чем предложенная американцами переброска части этих сил на Британские острова¹²⁵. Представители США, однако, выдвигали контраргумент: обе страны должны быть готовы «при благоприятных условиях» нанести удар через Ла-Манш «в любой момент и любыми имеющимися силами»¹²⁶.

Эти разногласия обуславливали и различие точек зрения относительно операций в районе Средиземного моря. Американцы были не против их проведения, но опасались, как бы боевые действия в Италии не превратились в вакуум, способный поглотить также ресурсы, предназначенные для вторжения в Западную Европу¹²⁷. Поэтому они подчеркивали, что размеры сил, используемых на Средиземноморском театре, следует ограничить, чтобы не ставить под угрозу успех операции по форсированию Ла-Манша в 1944 г., и что во всяком случае американская армия и флот не должны участвовать в действиях «восточнее Сицилии»¹²⁸.

Английский план не отвечал общесоюзическим целям и объективным условиям ведения войны в Европе. Создав этот фронт вооруженной борьбы, американско-английские армии оказались бы

¹²⁴ *M. Matloff. Op. cit.*, p. 127—128.

¹²⁵ *Ibid.*, p. 129.

¹²⁶ *Ibid.*, p. 129—130.

¹²⁷ *R. S. Cline. Op. cit.*, p. 220.

¹²⁸ *M. Matloff. Op. cit.*, p. 129—130.

на расстоянии 600—700 км от важнейших экономических центров Германии. Из Италии же им предстояло бы пройти до границ Германии 1200 км, а от Балкан еще больше — 1700. Кроме того, Франция играла большую роль в снабжении немецкой армии вооружением, в то время как Италия получала его из Германии. Что касается Балкан, то хотя они и являлись важной сырьевой и продовольственной базой фашистской Германии, однако с потерей их она еще могла продолжать вооруженную борьбу, используя ресурсы государств Западной Европы.

Нельзя не отметить, что решительные действия американско-английских войск во Франции могли бы также отвлечь определенную часть немецко-фашистских войск с советско-германского фронта, что способствовало бы значительному ускорению разгрома гитлеровского рейха. Наступление же в Италии и на Балканах, вдали от важнейших политических, экономических и стратегических центров фашистской Германии, позволяло немецкому командованию затянуть войну.

Снабжение американско-английских войск в случае высадки их на севере Франции облегчалось наличием большого количества хорошо оборудованных портов на северном побережье Западной Европы и густой дорожной сетью на континенте. Расстояние по морю от США, не говоря уже об Англии, до района вторжения в Северо-Западной Франции было значительно меньшим, чем до Италии и Балкан, что позволяло экономно использовать тоннаж морского флота. Кроме того, высокоразвитая промышленность Великобритании давала возможность производить ряд предметов вооружения и снаряжения в непосредственной близости от района военных действий.

Географические и топографические условия в Западной Европе также были более выгодными для ведения военных действий, чем в Италии и на Балканах. Высадившись в Нормандии или в Бельгии, американско-английские войска могли проводить маневренные операции, используя густую сеть дорог Северной Франции, Бельгии и Западной Германии. Дорожная сеть Южной и Юго-Восточной Европы была менее развита. Американско-английским войскам при балканском или итальянском варианте нужно было бы с боями преодолевать такие крупнейшие преграды, как Балканские горы и Альпы, прикрывающие подступы к Германии с юга, где даже незначительные по силе немецко-фашистские войска, используя выгоды местности, могли задержать наступление превосходившего по силе противника на продолжительное время.

Столь очевидным преимуществам одного из обсуждавшихся вариантов перед другим не было уделено внимания на конференции «Трайидент». Обсуждение свелось к поискам компромиссного решения, которое устраивало бы обе стороны. Начальники штабов двух сторон «обнаружили», что продолжение военных действий на Средиземноморском театре после захвата Сицилии не помешает накопить к весне 1944 г. в Англии достаточные десантные средства для

высадки пяти дивизий в первом оперативном эшелоне и двух — во втором. Кроме того, было «выяснено», что для нужд вторжения потребуются не 8500 специальных десантных судов, как заявлялось ранее, а только 4504¹²⁹.

В итоге «обе стороны согласились, что завершающий удар по Германии может быть нанесен только через Ла-Манш, а не со стороны Средиземного моря...». Осталась лишь та разница во взглядах, что, по мнению англичан, «лучшим методом подготовки завершающего удара» являлось использование ближайших возможностей, имеющихся на Средиземноморском театре, а американцы «возражали не против проведения операций в районе Средиземного моря», а против того, что они могли привести «к отсрочке вторжения через Ла-Манш»¹³⁰. Впрочем, это расхождение, ставшее позднее более острым, на конференции «Трайидент» проявилось довольно слабо, поскольку тогда не шла речь «о немедленном выборе между альтернативными курсами действий»¹³¹.

В результате дискуссии начальники штабов составили доклад, который 25 мая представили на утверждение президенту США и премьер-министру Великобритании. Хотя первый пункт этого документа в изложении Черчилля гласил, что США и Англия решили «в сотрудничестве с Россией и другими союзниками добиться как можно скорее безоговорочной капитуляции держав оси в Европе», однако, если судить по тому же изложению, намеченные для достижения этой цели действия не отличались определенностью.

Они заключались в том, чтобы 1) поддерживать безопасность и военный потенциал Западного полушария и Британских островов; 2) поддерживать боеспособность английских и американских вооруженных сил во всех районах; 3) поддерживать важнейшие морские линии коммуникаций, уделяя особое внимание устранению угрозы подводных лодок; 4) усилить воздушное наступление против держав оси в Европе; 5) при первой возможности сосредоточить максимальные силы в избранном районе с целью решительного вторжения в цитадель держав оси; 6) предпринять все необходимые и практически осуществимые меры для оказания помощи военным усилиям России; 7) подготовить почву для активного или пассивного участия Турции в войне на стороне союзников; 8) подготовить французские вооруженные силы в Африке для выполнения активной роли в войне против держав оси¹³².

Несколько более конкретно писал об этом решении английский историк Дж. Эрман. По его словам, на Вашингтонской конференции «союзники договорились в течение последующего года решить четыре задачи, ни одной из которых они не отдавали предпочтения

¹²⁹ G. A. Harrison. Op. cit., p. 64—65; 66; M. Matloff. Op. cit., p. 132.

¹³⁰ M. Matloff. Op. cit., p. 132—133.

¹³¹ G. A. Harrison. Op. cit., p. 69.

¹³² W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 722—723.

ввиду нехватки ресурсов. Они должны были, во-первых, обеспечить свое господство в Атлантическом океане; во-вторых, продолжать воздушное наступление против Германии; в-третьих, к 1 мая начать из Англии вторжение на континент с тем, чтобы создать плацдарм, с которого можно было бы развернуть дальнейшее наступление, для чего к 1 мая 1944 г. им необходимо было иметь 29 боеспособных дивизий; в-четвертых, после захвата Сицилии продолжить военные действия на Средиземноморском театре, чтобы вывести Италию из войны и сковать максимум сил немцев»¹³³.

Итак, здесь мы находим уже точную дату начала вторжения в Западную Европу — 1 мая 1944 г., а также некоторые конкретные данные о том, какими силами его предполагалось осуществить. Однако и Эрман, подобно Черчиллю, а также Брайанту, пишет обо всем этом с явной целью создать впечатление, будто на конференции «Трайидент» союзники договорились, наконец, предпринять решительные действия против фашистской Германии и поскорее окончить войну в Европе, хотя, как показано выше, это было далеко не так.

Некоторые детали принятых этой конференцией решений приведены и в работах американских историков. Р. Шервуд, например, отмечал, что было решено провести операцию по захвату Азорских островов, чтобы улучшить условия борьбы против немецких подводных лодок в Атлантическом океане. Намечалось также совместное усиленное наступление бомбардировочной авиации с Британских островов против Германии и оккупированной немцами Европы. Оно было разделено на четыре этапа, из которых решающий датировался апрелем 1944 г. Кроме того, предусматривалась бомбардировка нефтепромыслов Румынии¹³⁴.

Что касается форсирования Ла-Манша начиная с 1 мая 1944 г., то для этой цели предназначалось 5 дивизий, в том числе 2 авиадесантные. Еще 20 дивизий предстояло подготовить для немедленной высадки на плацдарм, как только он будет захвачен. Было решено перебросить после 1 ноября 1943 г. на Британские острова из района Средиземного моря 4 американские и 3 английские дивизии для участия в форсировании Ла-Манша, а затем подвозить из США в Великобританию по 3—5 дивизий ежемесячно¹³⁵.

Относительно операций в районе Средиземного моря Р. Шервуд отметил, что по настоянию Черчилля был включен специальный пункт. Главнокомандующему союзными силами в Северной Африке генералу Эйзенхауэру предлагалось разработать и представить на утверждение Объединенного совета начальников штабов

¹³³ Дж. Эрман. Большая стратегия. Август 1943—сентябрь 1944. М., 1958, стр. 42.

¹³⁴ Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 407—408.

¹³⁵ Там же.

планы таких действий после захвата Сицилии¹³⁶, в результате которых Италия была бы выведена из войны и как можно больше вражеских дивизий оказались скованными.

В целом, следовательно, США и Англия в мае 1943 г. приняли по вопросу о втором фронте более конкретные решения, чем прежде. В частности, они наметили срок начала операции (1 мая 1944 г.), приблизительные силы и средства, необходимые для ее проведения, определили задачи авиации. Это, несомненно, явилось следствием влияния новых условий обстановки и прежде всего побед Советских Вооруженных Сил, роста освободительной борьбы народов Европы. Решения конференции отразили также стремления правящих кругов США и Великобритании иметь крупные силы на континенте Европы к моменту краха фашистской Германии.

Вместе с тем решения конференции подтверждают, что правительства и начальники штабов США и Великобритании и в этот период в принципе не изменили свою позицию по вопросу о вторжении в Западную Европу, поскольку оно опять откладывалось. При этом президент Рузвельт и премьер-министр Черчилль даже не вспомнили о своем обещании открыть второй фронт в августе—сентябре 1943 г., которое они дали Советскому правительству.

Наметив программу накопления сил и средств, определив общие контуры операции и поставив задачу приступить к планированию ее, они снова заняли выжидательную позицию. На ближайшее время западные союзники намечали только захват Сицилии, хотя им было известно о подготовке нового немецко-фашистского наступления на Восточном фронте. Решения Вашингтонской конференции, таким образом, позволяли гитлеровскому командованию по-прежнему направлять основные силы и средства на советско-германский фронт, а Красная Армия оставалась еще на год почти один на один с главными силами фашистской Германии и ее сателлитов.

Хотя на конференции «Трайидент» не были преодолены англо-американские разногласия по вопросам стратегии и удалось лишь достигнуть временного компромисса¹³⁷, тем не менее в послании Рузвельта, полученном Советским правительством 4 июня и со-

¹³⁶ Там же, стр. 408.

Аналогичное изложение решений, принятых конференцией в Вашингтоне, дали также американские историки Г. Фейс (*H. Feis. Op. cit., p. 128*) и М. Мэтлофф. Последний, кроме того, сообщает, что была достигнута договоренность о «расширении возможностей снабжения войск в Англии» и постройке после высадки десанта ряда портов на континенте для принятия «трех—пяти дивизий в месяц» (*M. Matloff. Op. cit., p. 133*).

¹³⁷ Это настолько не удовлетворило Черчилля, что он вызвался после окончания конференции отправиться вместе с Маршаллом в Северную Африку, надеясь «на месте» убедить его в том, что предпочтение следует отдать развитию военных действий в Италии и на Балканах главными силами союзных армий. Однако и на совещании в Алжире, состоявшемся 29 мая—3 июня с участием Эйзенхауэра и командующих сухопутными, морскими и воздушными силами США и Англии в этом районе, американцы высказались за то, чтобы предварительно выяснить реакцию противника на захват Сицилии (*W. Churchill. Op. cit., v. IV, p. 726—742; R. S. Cline. Op. cit.,*

державшем краткое изложение принятого в Вашингтоне решения, не было и намека на отсутствие полного единодушия во взглядах двух западных союзников. Напротив, поскольку проект данного сообщения составлялся совместно Рузвельтом и Черчиллем¹³⁸, то они, как обычно, умолчали о своих разногласиях. Более того, влиянием Черчилля, несомненно, объяснялось и наличие в этом письме заявления о том, что Эйзенхауэру будто бы дано указание быть готовым после захвата Сицилии к немедленному наступлению «с целью добиться краха Италии»¹³⁹, хотя на самом деле, как показано выше, окончательное решение о вторжении на Апеннинский полуостров еще не было принято.

Относительно планов вторжения в Западную Европу Рузвельт, даже не упоминая о прежних обещаниях, писал: «Теперь, когда Африка прочно находится в наших руках, было решено, что в настоящее время существует возможность возобновить концентрацию сил в Англии. . . Согласно теперешним планам, на Британских островах весной 1944 года должно быть сконцентрировано достаточно большое количество людей и материалов, для того чтобы позволить предпринять всеобъемлющее вторжение на континент в это время»¹⁴⁰.

Такое решение, разумеется, не могло не вызвать энергичного протеста советской стороны. Более того, оно неизбежно способствовало ухудшению отношений между СССР и его западными союзниками.

Последнее обстоятельство в американской историографии необоснованно объясняется тем, что, с одной стороны, Сталин «отправил Черчиллю телеграмму, в которой подробно перечислял все заверения, данные ему за истекшие тринадцать месяцев в отношении открытия второго фронта, и заканчивал такими словами, которые нельзя было понять иначе, как обвинение в преднамеренном вероломстве со стороны западных союзников», а с другой, — Черчилль послал резкий ответ, не согласовав его предварительно с Рузвельтом¹⁴¹.

Но подобное освещение событий, явно предназначенное для того, чтобы обелить политику правительства США, искажает их сущность. Дело, конечно, было не в характере или тоне телеграммы Черчилля и тем более не в том, что она не была согласована с Рузвельтом, а в том, что политика затягивания открытия второго фронта перекладывала всю тяжесть войны на плечи Советского Союза, и ответственность за это в равной мере несли правительство Великобритании и США.

р. 224; *M. Matloff*. *Op. cit.*, p. 134). Кстати, выступая на этом совещании и заявляя, что «сердце подсказывает» ему «необходимость вторжения в Южную Италию», Черчилль утверждал, будто эта операция «неизбежно» отвлечет немецкие войска с советско-германского фронта (*W. Churchill*. *Op. cit.*, v. IV, p. 733, 737).

¹³⁸ *W. Churchill*. *Op. cit.*, v. IV, p. 725.

¹³⁹ «Переписка. . .», т. II, стр. 67.

¹⁴⁰ Там же, стр. 68.

¹⁴¹ *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. II, стр. 410—411.

Это подтверждается как всем изложенным выше ходом событий, так и действительным содержанием переписки по поводу решений конференции «Трайдент».

11 июня Сталин направил ответное послание Рузвельту, копия которого была переслана и Черчиллю. В нем отмечалось, что новое решение находится в противоречии с планами, о которых союзники сообщали после конференции в Касабланке, и кратко напоминались послания Черчилля от 26 января и 12 февраля.

Далее заявлялось: «Это Ваше решение создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными силами Германии и ее сателлитов с крайним напряжением всех своих сил, и предоставляет советскую армию, сражающуюся не только за свою страну, но и за своих союзников, своим собственным силам, почти в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом. Нужно ли говорить о том, какое тяжелое и отрицательное впечатление в Советском Союзе — в народе и армии — произведет это новое откладывание второго фронта и оставление нашей армии, принесшей столько жертв, без ожидавшейся серьезной поддержки со стороны англо-американских армий. Что касается Советского правительства, то оно не находит возможным присоединиться к такому решению, принятому к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос и могущему иметь тяжелые последствия для дальнейшего хода войны»¹⁴².

Как это ни странно, Рузвельт не ответил на данное послание, что, конечно, никак не способствовало сохранению хороших отношений между союзниками по антифашистской коалиции. Черчилль же 19 июня попытался доказать Советскому правительству, что лучшим средством отвлечения немецких войск от Восточного фронта будто бы являются операции в районе Средиземного моря, прежде всего захват Сицилии и затем выведение Италии из войны, после чего, по его словам, гитлеровское командование будет вынуждено бросить свои войска для обороны Италии и Балкан¹⁴³.

Пять дней спустя Сталин направил ответное послание английскому премьер-министру¹⁴⁴. В нем подчеркивалось, что и президент США, и премьер-министр Великобритании несомненно вполне отдавали себе отчет в трудностях организации вторжения в Европу через Ла-Манш, тем не менее они неоднократно давали обещания, что откроют второй фронт в 1943 г. и что уже ведется соответствующая подготовка. В связи с этим приводились выдержки из меморандума Черчилля, врученного им наркому иностранных дел СССР 10 июня 1942 г., а также из его посланий от 26 января и 12 февраля 1943 г. Сталин также выражал недоумение по поводу того, что если раньше, когда условия для вторжения были хуже, западные союз-

¹⁴² «Переписка...», т. II, стр. 69—70.

¹⁴³ «Переписка...», т. I, стр. 132—134.

¹⁴⁴ Президент США получил копию этого послания (см. там же, т. II, стр. 72—75).

ники заверяли, что создадут второй фронт в 1943 г., то теперь, когда, по их собственной оценке, стратегическое положение фашистской Германии значительно ухудшилось после ряда поражений, они отказываются от своих обещаний»¹⁴⁵.

В послании указывалось, что решение отложить открытие второго фронта в Европе было принято без участия Советского правительства и без всякой попытки пригласить советских представителей на эту конференцию, хотя «в войне с Германией роль Советского Союза и его заинтересованность в вопросах второго фронта достаточно велики. . . Советское правительство не может примириться с подобным игнорированием коренных интересов Советского Союза в войне против общего врага».

В заключение Сталин писал: «Вы пишете мне, что Вы полностью понимаете мое разочарование. Должен Вам заявить, что дело идет здесь не просто о разочаровании Советского Правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину»¹⁴⁶.

Черчилль ответил на это послание вызывающе. Утверждая, что «всегда был искренен в своих отношениях» к Советскому правительству, он заявил: «Дело не только в том, что, с одной стороны, трудности наступления через Канал (Ла-Манш. — В. К.) все время казались нам более значительными и что не было ресурсов, но и в том, что для нас открылись возможности для проведения более многообещающей и плодотворной политики на другом театре, и наше право и долг действовать в соответствии с нашими убеждениями, сообщая Вам на каждой стадии об изменениях в наших взглядах, вызванных колоссальным масштабом войны»¹⁴⁷.

Таким образом, на этот раз Черчилль высказал свое мнение не только о втором фронте, но и вообще об отношении английского правительства к выполнению союзнического долга. Получая военную помощь от Советского Союза, пользуясь плодами побед Красной Армии, оно оставляло за собой свободу действовать так, как кажется выгодным для него, не считаясь с интересами союзника. В этом заявлении, собственно, и видят американские историки ошибку Черчилля, поскольку он таким образом в запальчивости выдал сокровенную тайну, принадлежавшую не только ему, но и президенту США.

Советское правительство в тот период отозвало из Вашингтона и Лондона своих послов «для консультаций», чем оно хотело заявить о своем неудовольствии военными решениями западных союзни-

¹⁴⁵ «Переписка. . .», т. I, стр. 137.

¹⁴⁶ Там же, стр. 135—138.

¹⁴⁷ Там же, стр. 140.

ков¹⁴⁸. Это было расценено в Вашингтоне и Лондоне как протест против политики правительства двух западных держав. В связи с этим там «создалась тревожная обстановка... и возродились опасения заключения сепаратного перемирия между Россией и Германией»¹⁴⁹.

Твердая позиция Советского правительства заставила западных союзников стать несколько сговорчивее. И хотя не удалось добиться пересмотра решения по вопросу о втором фронте, они, наконец, пошли на то, чтобы начать переговоры о созыве совещания министров иностранных дел в Москве, за которым должна была последовать встреча глав правительств трех великих держав.

Решение Вашингтонской конференции «Трайидент» не удовлетворяло не только Советское правительство. Оно не соответствовало и интересам народов США и Великобритании, а также оккупированных фашистской Германией стран Европы. Недовольство политикой английского и американского правительств по этому вопросу высказывали и некоторые государственные деятели Запада.

Лорд Бивербрук, например, находясь в Вашингтоне, в конце июня вручил Гопкинсу записку, озаглавленную «Настоящее и будущее». Он подчеркивал, что немецкое командование может игнорировать любые действия американских и английских войск на Западе, если они не составят угрозу непосредственно их жизненно важным центрам. Далее Бивербрук писал: «Сейчас речь должна идти не о том, следует ли открыть второй фронт, а о том, где его открыть... Однако вопрос о том, где открыть второй фронт, имеет исключительно важное значение. Для того чтобы эта операция представляла собой нечто большее, чем диверсию, необходимо выбрать такое место, где успех немедленно создаст смертельную угрозу для противника. Второй фронт, если это будет настоящий фронт, может потерпеть неудачу и все же оказаться успешным. Если же это будет только диверсия, он может принести лишь видимый успех, а в действительности потерпеть провал»¹⁵⁰.

Вторжение в Италию, по мнению Бивербрука, могло оказаться для противника лишь тяжелым психологическим ударом, но оно не гарантировало решающих результатов. Отметив, что «противник может парировать удар перенесением южной границы европейской крепости в Альпы и Далмацию, ведя сдерживающие бои», автор записки указывал, что аналогичное значение могло иметь вторжение в Северную Норвегию или Южную Грецию. Он видел только два района вторжения союзных армий, в которых можно было создать серьезную угрозу противнику: наступление в восточной части Балкан через Дарданеллы, что обнажило бы всю Дунайскую равнину и создало бы угрозу для всех немецких войск в южной части совет-

¹⁴⁸ См. *И. М. Майский*. Воспоминания советского посла. Война 1939—1943. М., 1965, стр. 343.

¹⁴⁹ *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. II, стр. 411.

¹⁵⁰ Там же, стр. 414—415.

ско-германского фронта, и высадка в Северной Франции, которая «дала бы возможность развить наступление прямо на Париж, на Рур и Рейн. Если бы один из этих планов оказался успешным, то противник был бы поставлен в крайне затруднительное положение, до того как он успеет организовать и усовершенствовать оборону»¹⁵¹.

Можно оспаривать выгоду создания союзниками второго фронта в восточной части Балкан, поскольку с самого начала коммуникации вторгшихся туда войск оказались бы чрезмерно растянутыми (вокруг м. Доброй Надежды или через Средиземное море). Это угрожало сильным затруднением их снабжения и пополнения. К тому же сосредоточение сил на столь отдаленном театре военных действий было бы делом весьма трудным и потребовало длительного времени и больших усилий. Но вывод Бивербрука о необходимости немедленно открыть второй фронт в Европе был совершенно правильным.

Дальнейшие события подтвердили полную обоснованность другого его предположения, а именно, что немецкое командование могло игнорировать любые действия американских и английских армий на Западе, если не возникала смертельная угроза жизненно важным центрам фашистской Германии. Так, гитлеровское командование знало о подготовке вторжения англо-американских войск в Южную Европу из Африки. Тем не менее оно продолжало направлять основные силы на советско-германский фронт.

Более того, оно надеялось, что готовившееся здесь мощное наступление и связанные с ним новые жертвы Красной Армии усилят у Советского правительства и общественности СССР недовольство англо-американской политикой затягивания второго фронта в Европе, обострят отношения между союзниками, а возможно и приведут к распаду антифашистской коалиции. По свидетельству западногерманского историка Гёрлитца, весной 1943 г. Гитлер придерживался мнения, что, чем «раньше русским будет нанесен новый тяжелый удар, тем скорее развалится коалиция между Востоком и Западом»¹⁵². В соответствии с этими расчетами, не видя никакой серьезной угрозы для себя со стороны Англии и США, гитлеровское командование за период с конца марта по июль перебросило пять пехотных дивизий из Франции и Германии на Восточный фронт¹⁵³.

Но Советские Вооруженные Силы успешно отразили немецкое наступление, предпринятое в начале июля 1943 г. на Курской дуге, а затем перешли в контрнаступление. Стратегическая инициатива окончательно перешла к Красной Армии, которая впервые за время войны развернула летнее наступление на фронте протяженностью

¹⁵¹ *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. II, стр. 415.

¹⁵² *W. Görlich*. Der zweite Weltkrieg 1939—1945, Bd. II. Stuttgart, 1952, S. 202.

¹⁵³ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 3, стр. 241.

в 2 тыс. км от Великих Лук до Черного моря, продолжавшееся и осенью ¹⁵⁴.

Битва под Курском, одна из величайших во второй мировой войне, завершилась решающей победой Красной Армии. В результате поражения под Курском немецко-фашистская армия была поставлена перед катастрофой. Гитлеровское командование вынуждено было в сентябре—октябре 1943 г. перебросить на советско-германский фронт еще 17 дивизий, в том числе 2 — из Италии, 6 — из Франции, 1 — из Югославии, а остальные — из Германии ¹⁵⁵.

Продолжавшееся с 10 июля по 17 августа наступление американских и английских войск в Сицилии, хотя и завершилось полным захватом острова, не заставило гитлеровское командование снять хотя бы одну дивизию с советско-германского фронта. Даже падение режима Муссолини, что явилось прежде всего следствием разгрома 8-й итальянской армии на Восточном фронте, потери Северной Африки и недовольства широких народных масс Италии войной, не смогло вынудить Гитлера ослабить свои войска, сдерживавшие натиск Красной Армии. По его приказу в Италию была переброшена дополнительно лишь 1 парашютно-десантная дивизия, а также переведены в долину р. По 8 дивизий из Южной Франции, Тироля и Каринтии ¹⁵⁶.

Таким образом, захват Сицилии и привлечение в Италию 9 немецких дивизий — основные результаты англо-американской стратегии в Европе в 1943 г. Но и они довольно дорого обошлись союзникам. По данным Черчилля, на 31 мая 1943 г. в районе Средиземноморского театра военных действий находилось 9 американских, 3 1/3 французских и 27 2/3 английских или находящихся под английским командованием дивизий ¹⁵⁷, т. е. всего 40 дивизий.

Это была дорогостоящая и малоэффективная, с точки зрения общесоюзнических интересов, стратегия.

Первая Квебекская конференция

После Вашингтонской конференции разработка предложений относительно дальнейших действий союзных вооруженных сил шла по двум направлениям.

Хотя созданный в марте еще по решению конференции в Касабланке штаб союзного командования в Западной Европе («Юссак») во главе с английским генерал-лейтенантом Морганом не был полностью укомплектован, тем не менее он сделал попытку изучить ус-

¹⁵⁴ Там же, стр. 593.

¹⁵⁵ См. *И. Е. Зайцев*. О втором фронте в Европе. — «Поражение германского империализма во второй мировой войне». М., 1960, стр. 173.

¹⁵⁶ «Мировая война 1939—1945 гг.» Сборник статей. М., 1957, стр. 108—109.

¹⁵⁷ *W. Churchill*. Op. cit., v. IV, p. 734.

ловия возможного вторжения через Ла-Манш. Плодотворность его работы ограничивалась тем, что он долго не получал конкретных установок Объединенного совета начальников штабов относительно планирования этой операции. Только 23 апреля была получена директива о разработке: а) планов диверсионных действий с целью сковать немецкие войска на побережье; б) плана операции по вступлению на континент в случае внезапного краха гитлеровской Германии; в) плана вторжения во Францию в 1944 г.¹⁵⁸

Это был первый документ, в котором западные союзники уже определенно зафиксировали свое новое отношение к проблеме второго фронта. Вопрос о помощи Красной Армии был снят. На первое место выдвигается задача подготовиться к вводу союзных армий на континент Европы в случае краха фашистской Германии в результате ее поражений на Востоке или к вторжению туда же в наиболее выгодный для них момент. 1944 год был определен как наиболее вероятный срок создания второго фронта.

Получив столь общие задачи, штаб Моргана провел весьма значительную работу. Он изучил условия вторжения в различных районах Атлантического побережья Европы и пришел к выводу, что лучшим из них будет Сенская бухта (Кан и Котантенский полуостров). Затем был составлен набросок плана «Скайскрепер», предусматривавший высадку в районе Кана и на восточном побережье Котантена 4 дивизий в первом, штурмовом эшелоне и 6 — во втором.

Намечалось, что после создания плацдарма, включавшего Шербур, последует захват и других портов. Штаб предлагал продолжать движение к р. Сене, но для овладения Гавром высадить северо-восточнее этого города еще один десант, с которым соединятся войска, наступающие вдоль побережья с запада. Рекомендовалось дальнейшее продвижение на северо-восток, чтобы захватить Антверпен и вывести армии в район между Па-де-Кале и Руром¹⁵⁹. Были выбраны наиболее подходящие для десантной операции типы специальных судов, а также определена примерно потребность в них для высадки 10 дивизий¹⁶⁰.

После Вашингтонской конференции, участники которой даже не поинтересовались этими предложениями, так как все еще решали вопросы более общего характера, штаб Моргана продолжал свою деятельность. Им были подготовлены три группы документов.

Первая из них представляла план диверсионных действий на 1943 г. (кодовое наименование — «Кокейд»), предусматривавший: а) создание угрозы вторжения на Брестский полуостров силами 5-го американского корпуса, находившегося в Великобритании; б) подготовку нападения на побережье Норвегии (из Шотландии) английскими войсками; в) диверсии в районе Па-де-Кале, предназ-

¹⁵⁸ С. Э. Морисон. Вторжение во Францию и Германию. 1944—1945 гг. М., 1963, стр. 43; G. A. Harrison. *Op. cit.*, p. 49—51.

¹⁵⁹ G. A. Harrison. *Op. cit.*, p. 57—58.

¹⁶⁰ *Ibid.*, p. 61—62, 63—64.

наченные для того, чтобы ввести противника в заблуждение и одновременно служить практикой десантирования войск ¹⁶¹.

Вторая группа документов относилась к операции «Оверлорд» — основному вторжению американских и английских войск в Северо-Западную Францию в 1944 г. Это был не план, а скорее предварительные материалы к нему, основным документом, в котором излагалась точка зрения штаба относительно: 1) определения района вторжения; 2) начального периода действий от высадки десанта до захвата Шербура; 3) дальнейшего развития операции ¹⁶².

Рекомендации штаба Моргана основывались на анализе условий всех вероятных районов высадки десанта, начиная от северо-западного побережья Германии до франко-испанской границы. Учитывались их пригодность для этой цели, погода, чередование отливов и приливов, наличие площадок для строительства аэродромов, удаленность от портов погрузки, емкость близлежащих портов, которые могли быть захвачены, характер местности в глубине побережья, где должны развиваться бои, возможность прикрытия высадки десанта авиацией, базирующейся в Англии, расположение противника, его минные поля и характер обороны ¹⁶³.

Оценив условия каждого района, штаб избрал для высадки десанта побережье Нормандии, близ Кана, имея в виду возможность захвата плацдарма, включающего группу портов, находящихся на полуостровах Котантен и Бретань ¹⁶⁴. Он был менее выгоден, чем район Па-де-Кале, который находился ближе к портам погрузки и лучше прикрывался с воздуха, однако оборона противника в Нормандии была слабее, причем место высадки здесь было достаточно удалено от главных сил немцев, имелись удобные подходы к берегу с моря, до некоторой степени защищенные от западных ветров полуостровом Котантен. Кроме того, в этом районе местность в глубине побережья благоприятствовала развертыванию действий крупных сухопутных сил, а также созданию полевых аэродромов. Наконец, имелась возможность сравнительно быстро и легко захватить Шербур и порты Брестского полуострова ¹⁶⁵.

Штаб Моргана подготовил также проект плана вступления союзных армий на континент в случае неожиданного краха Германии (кодовое наименование «Рэнкин»). В нем предлагались три варианта действий союзников в соответствии с предполагаемыми степенями ослабления фашистского блока в Европе, прежде всего Германии и ее войск на западе.

В случае значительного ухудшения состава немецких войск во Франции, Бельгии и Нидерландах намечалось захватить Котантен-

¹⁶¹ Ф. С. Погью. Верховное командование. М., 1959, стр. 111; G. A. Harrison. Op. cit., p. 70—71.

¹⁶² G. A. Harrison. Op. cit., Appendix A, p. 450—456; M. Matloff. Op. cit., p. 168—173.

¹⁶³ W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 65.

¹⁶⁴ G. A. Harrison. Op. cit., p. 452.

¹⁶⁵ Ibid., p. 453.

ский полуостров или другой плацдарм, с которого затем ввести силы, предназначавшиеся для операции «Оверлорд». Если начнется отвод немецких войск из оккупированных стран, то имелось в виду высадить английские и американские войска в оставленных противником портах и обеспечить быстрое продвижение их до позиции «Зигффрида», единственного рубежа, на котором противник, по мнению составителей плана, мог остановиться. В случае же полного краха Германии предусматривались специальные действия вооруженных сил США и Великобритании с целью быстрой оккупации ее и других стран Европы¹⁶⁶.

Центральная идея планов «Оверлорд» и «Рэнкин» состояла в определении способов вступления крупных американских и английских сил в возможно большее число оккупированных европейских государств. В первом из них предусматривалось, что осуществление этой цели потребует участия американских и английских вооруженных сил наряду с Красной Армией в завершающем ударе по фашистскому рейху, во втором — ввод войск США и Англии на континент и сепаратные действия их в случае краха гитлеровской Германии до создания западными союзниками второго фронта.

Оба эти плана отражали, следовательно, англо-американскую политику выжидания исхода борьбы на советско-германском фронте. Штаб Моргана в своих планах исходил из того, что для обеспечения успеха форсирования Ла-Манша нужно было, чтобы «Советский Союз по-прежнему продолжал вести борьбу против основной массы германских сил»¹⁶⁷.

И все же проделанная этим штабом работа означала, что в отличие от предыдущих периодов войны западные союзники предприняли некоторые практические шаги по пути создания второго фронта, по крайней мере начали планирование вторжения в Северо-Западную Европу.

Однако в это же время не только в английских, но и в американских высших штабах большие надежды породил первый этап операций в Сицилии. Как те, так и другие приняли активное участие в обсуждении проблем средиземноморской стратегии. К тому времени штаб Эйзенхауэра разработал план операций в Южной Европе, включавший различные варианты развития наступления союзных армий после полного захвата Сицилии, в частности против Сардинии, Корсики, Южной Италии. Наконец, 15 июля разведка армии США донесла, что военная мощь Италии настолько уменьшилась, что союзники «могли бы пойти на риск» вторжения на Апеннинский полуостров¹⁶⁸.

На этот раз определенную заинтересованность в таких действиях проявил и генерал Маршалл. По его предложению, которое, разумеется, было полностью поддержано англичанами, Объединен-

¹⁶⁶ Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 111.

¹⁶⁷ М. Matloff. Op. cit., p. 172.

¹⁶⁸ Ibid., p. 160—161.

ный совет начальников штабов 16 июля высказался за проведение после захвата Сицилии морской десантной операции в районе Неаполя и известил об этом Эйзенхауэра. 18 июля последний запросил у Объединенного совета разрешения вторгнуться на Апеннинский полуостров сразу же после овладения Сицилией и уже два дня спустя получил его¹⁶⁹. Новыми настроениями американских начальников штабов тотчас воспользовались их английские коллеги, полностью разделявшие точку зрения Черчилля на способы ведения войны. Они предложили не отводить из района Средиземного моря войска, намеченные Вашингтонской конференцией к отправке на Британские острова после овладения Сицилией. Более того, запретив перебрасывать свои собственные силы и средства, они настаивали на том, чтобы точно так же поступила и американская сторона¹⁷⁰.

Последняя и на самом деле по мере развития политических событий в Италии все более склонялась к мнению англичан. Как показало уже заседание Объединенного совета начальников штабов 26 июля, т. е. на следующий день после падения Муссолини, американские военные руководители не менее английских жаждали немедленных действий с целью выведения Италии из войны. Маршалл заявил, что «теперь» союзники могут иметь на Средиземноморском театре больше войск, чем предполагалось ранее. В результате вопреки прежнему решению о накоплении в Англии сил для вторжения через Ла-Манш была достигнута договоренность о том, что Эйзенхауэр может использовать для операции в районе Неаполя все имевшиеся у него войска. Но и это было не все. Англичане передавали в его распоряжение дополнительно 5 авианосцев и 3 бомбардировочные эскадрильи, а американцы согласились оставить ему на 66 тыс. солдат и офицеров больше, чем наметила Вашингтонская конференция¹⁷¹.

Таким образом, к моменту очередной англо-американской конференции, состоявшейся в Квебеке (Канада) 12—24 августа, имелись соображения относительно операций как в районе Средиземного моря, так и в Северо-Западной Европе. Однако планирование их находилось на совершенно разных уровнях и в различных стадиях. Если действия на Средиземноморском театре были уже одобрены Объединенным советом начальников штабов, то план наступления через Ла-Манш все еще находился в стадии предположений, наметок и предварительных предложений.

Конференция в Квебеке проходила в более благоприятных условиях, чем предыдущие. В начале августа неизбежность военного краха фашистской Германии стала еще очевиднее.

Битва под Курском в то время была в самом разгаре, но уже наступление немецко-фашистских войск было отражено, а окончательный переход инициативы на советско-германском фронте

¹⁶⁹ Ibid., p. 160—161.

¹⁷⁰ Ibidem.

¹⁷¹ Ibidem.

к Красной Армии ясно определился. 12 июля она перешла в контрнаступление на орловском направлении, а 3 августа — на белгород-харьковском. Взломав сильно укрепленную оборону и разгромив обе ударные группировки противника, которые 4—5 июля нанесли удары на Курской дуге с юга и севера, советские войска заняли 5 августа Орел и Белгород и продолжали наступление в сторону Брянска и Харькова.

В связи с этим 6 августа президент США писал главе Советского правительства: «В течение месяца гигантских боев Ваши вооруженные силы своим мастерством, своим мужеством, своей самоотверженностью и своим упорством не только остановили давно замышлявшееся германское наступление, но и начали успешное контрнаступление, имеющее далеко идущие последствия»¹⁷².

В то же время Италия стала первой страной фашистского блока, которая не выдержала тягот войны. 25 июля Муссолини был смещен, а затем арестован. Правительство возглавил маршал Бадольо. Хотя он и заявил, что Италия будет продолжать войну на стороне Германии, но было ясно, что новое правительство начнет переговоры со своими противниками о мире. 26 июля Черчилль писал Рузвельту, что «перемены, о которых объявлено в Италии, возможно, предвещают мирные предложения»¹⁷³. Президент США согласился с этим предположением и со своей стороны подчеркнул, что Италии должны быть предъявлены условия, «близкие к принципу безоговорочной капитуляции»¹⁷⁴.

Что касается Черчилля, то капитуляция Италии рассматривалась им как важнейшее условие для достижения целей английского империализма. Вот почему еще к концу первой недели операций американских и английских войск в Сицилии британский премьер-министр решил, что вторжение на Апеннинский полуостров должно состояться в любом случае.

16 июля 1943 г. он писал премьеру Южно-Африканского Союза Смэтсу: «Итальянские войска находятся на грани краха. Мы не только должны захватить Рим и продвинуться в Италии как можно дальше на север, но наша правая рука должна оказать поддержку балканским патриотам. Все это вселяет большие надежды при условии, что представляющаяся возможность будет максимально использована. Я уверен в хорошем результате и приложу все усилия, чтобы добиться согласия наших союзников. В противном случае мы имеем достаточно сил, чтобы действовать самостоятельно»¹⁷⁵.

После падения Муссолини английский премьер изложил свои соображения военному кабинету в меморандуме, который 26 июля был направлен также президенту США. Черчилль ставил вопрос о том, чтобы использовать капитуляцию Италии для получения

¹⁷² «Переписка...», т. II, стр. 76.

¹⁷³ *W. Churchill*. Op. cit., v. V, p. 51.

¹⁷⁴ *Ibidem*.

¹⁷⁵ *Ibid.*, p. 34—35.

«максимально возможных военных преимуществ» в войне против фашистской Германии.

Необходимо, заявлял он, «использовать всю итальянскую территорию и транспортные возможности против немцев на севере и на Балканском полуострове, а также использовать все аэродромы»¹⁷⁶, для чего следует добиться капитуляции перед союзными войсками гарнизонов Сардинии, Додеканесских островов, Корфу и всех военно-морских и военно-воздушных баз в континентальной Италии, а также итальянского флота, полной демобилизации его, а также разоружения итальянских военно-воздушных и сухопутных сил «в масштабах, которые союзники сочтут необходимыми и целесообразными»¹⁷⁷.

Выдвинув, таким образом, условия, с помощью которых он надеялся высвободить крупные английские военно-морские силы для действия в Индийском океане против Японии, Черчилль далее писал, что «не меньшее значение» имеет «немедленный вывод или капитуляция итальянских войск на Корсике, на Ривьере, включая Тулон, и на Балканском полуострове, а именно в Югославии, Албании и Греции».

Считая вполне возможным, что итальянские войска попытаются противодействовать германским дивизиям, которые будут, по его мнению, пробиваться из Южной Италии на север, он заявлял, что союзники «по возможности должны способствовать этому конфликту и, не колеблясь, послать войска и авиацию для того, чтобы помочь итальянцам добиться капитуляции немцев к югу от Рима». Что касается Балкан, то, как полагал Черчилль, находившиеся там 15 немецких дивизий не окажут сопротивления. Он считал вполне возможным, что, как только англо-американские войска получат контроль над Апеннинским полуостровом и над Адриатическим морем и как только итальянские армии эвакуируются из Балкан или сложат оружие, немцы будут вынуждены отойти на север до рубежа Савы и Дуная и, таким образом, оставить Грецию и другие находящиеся под их игом страны»¹⁷⁸.

Это была не только очередная стратегическая фантазия Черчилля, к которым у него была большая склонность. В данном случае имел место расчет на то, чтобы, убедив американцев не только в неизбежности капитуляции Италии, но и в легкости овладения Апеннинским и Балканским полуостровами, он получил бы возможность втянуть их в осуществление своей средиземноморской стратегии.

Британское правительство полностью поддержало своего премьера. Его меморандум был 2 августа одобрен военным кабинетом «как проект совместной директивы обоих правительств (Англии и США. — В. К.) Объединенному совету начальников штабов». Чер-

¹⁷⁶ Ibid., p. 51—52.

¹⁷⁷ Ibid., p. 53—54.

¹⁷⁸ Ibidem.

чилль захватил его с собой, когда отправился в Квебек для переговоров с президентом ¹⁷⁹.

В пути он совместно со своими военными помощниками ознакомился и с документами, представленными штабом Моргана. При этом была выработана весьма хитроумная линия поведения по вопросу о вторжении через Ла-Манш. В основе ее лежало отрицательное отношение к идее создания основного, решающего второго фронта в Северо-Западной Европе. Однако открыто выступать на Квебекской конференции против принятия плана вторжения в Северо-Западную Францию он не считал выгодным для себя. Он надеялся добиться большего результата, не только поддержав предложения штаба Моргана, но и подчеркнув участие британских представителей в их подготовке. Это могло быть воспринято американцами как свидетельство того, что английских политических и военных руководителей «нельзя упрекнуть в неискренности намерений в отношении операции «Оверлорд»» ¹⁸⁰.

А чтобы иметь возможность в последующем отказаться от своего обещания, Черчилль и английские начальники штабов сформулировали три условия, при которых, по их мнению, можно было бы создавать второй фронт: «1) необходимо, чтобы до начала вторжения мощь немецкой истребительной авиации в Северо-Западной Европе была значительно уменьшена; 2) к началу операции в Северной Франции должно быть не более 12 подвижных германских дивизий, и немцы не должны иметь возможности перебросить туда более чем 15 дивизий в ближайшие два месяца; 3) должна быть разрешена проблема снабжения в течение длительного времени крупных сил, высадившихся на берегу, в условиях постоянных приливов и отливов в Ла-Манше» ¹⁸¹.

Таким образом, Черчилль и его помощники подготовили ловушку, в которую и хотели поймать своих американских союзников.

На самой конференции он легко согласился принять план операции «Оверлорд» ¹⁸². Тем временем Брук убеждал своих американских коллег в существовании «взаимосвязи между форсированием Ла-Манша и операциями в Италии» ¹⁸³. И те согласились с его мыслью, что «предварительное наступление через Средиземное море составляет часть всей стратегии войны. . .» ¹⁸⁴.

Конечно, это был результат не столько влияния аргументации Брука, сколько заинтересованности американцев в использовании в своих целях средиземноморской ситуации, сложившейся в июле—августе под влиянием политических событий в Италии. В то время для американских политических и военных руководителей «перспектива вывода Италии из войны без серьезного кровопролития. . .

¹⁷⁹ *W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 54—55.*

¹⁸⁰ *Ibid., p. 68.*

¹⁸¹ *Ibid., 69—70.*

¹⁸² См. *Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 108.*

¹⁸³ *A. Bryant. Op. cit., p. 706.*

¹⁸⁴ *Ibid., p. 655.*

была настолько заманчивой, что важные соображения морального порядка были отодвинуты на задний план»¹⁸⁵. Еще 30 июля Рузвельт, отвечая на изложенный выше меморандум Черчилля, писал, что разделяет высказанные в нем взгляды «на перспективы и методы разрешения итальянской проблемы»¹⁸⁶. В свою очередь комитет начальников штабов США считал, что в «огромной степени облегчилось бы решение стоявших перед ними задач, если любое существующее итальянское правительство... было бы полномочным объявить о немедленной капитуляции. Вопрос времени имел самое большое значение, поскольку союзники хотели продвинуться в Неаполь, Фиджу и Рим до того, как немцы успеют укрепить эти пункты»¹⁸⁷.

Более того, к тому времени в американском объединенном комитете стратегического планирования возникла идея, что дальнейшие события могут превратить Средиземноморский театр военных действий в главный и что для развития наметившегося здесь успеха союзников следует использовать силы, предназначенные для отправки на Британские острова. Генерал Джон И. Хэлл, например, писал: «Хотя с самого начала войны я считал, что самый разумный план разгрома Германии заключается в нанесении удара по наиболее короткому пути — через Ла-Манш, ввод наших сил на Средиземноморский театр привел меня к убеждению, что мы должны теперь изменить свое решение и вкладывать ресурсы в развитие средиземноморских операций... Что касается войны против Германии, то, по моему мнению, решение должно заключаться в том, чтобы сосредоточить усилия на Средиземноморском театре»¹⁸⁸.

Представители армии и авиации в этом комитете полковники Бесселл и Линдсей 25 июля сделали письменное представление, в котором заявили, что «англичане... более правы, чем американцы». Соединенным Штатам рекомендовалось продолжать политику перекалывания на Советский Союз основной тяжести борьбы с гитлеровской Германией, а тем временем вместе с Великобританией подготовиться к тому, чтобы «воспользоваться случаем, когда способность Германии оборонять Западную Европу заметно ослабнет»¹⁸⁹. Подготовку к операции «Оверлорд», по мнению Бесселла и Линдсея, следовало продолжать, но не в ущерб ближайшей цели на Средиземноморском театре — выводу Италии из войны. Далее доказывалось, что фактически такой курс уже осуществлялся, ибо на 1 июня 1943 г. американские войска на Британских островах насчитывали лишь 185 532 человека (одну дивизию и немногим более 26 авиационных групп) и 1841 самолет, а на Средиземноморском театре — 520 087 человек (9 дивизий и 39 авиационных групп)

¹⁸⁵ *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. II, стр. 425.

¹⁸⁶ *W. Churchill*. Op. cit., v. V, p. 54.

¹⁸⁷ *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. II, стр. 424.

¹⁸⁸ *M. Matloff*. Op. cit., p. 165.

¹⁸⁹ *Ibid.*, p. 166.

и 4087 самолетов¹⁹⁰. На следующий день с предложением сделать «еще больший крен в сторону Средиземноморского театра» выступил представитель военно-морских сил. К этому мнению присоединился и адмирал Кук из комитета штабного планирования. Он заявил, что вторжение в Северо-Западную Францию должно рассматриваться не как первоочередная, а как резервная операция, которую следует проводить лишь при «благоприятных обстоятельствах» и в том случае, если для этого не потребуются отвлечение сил от «более надежных действий» на Средиземноморском и Тихоокеанском театрах¹⁹¹.

В итоге комитет стратегического планирования предложил пересмотреть решение Вашингтонской конференции о переброске 7 дивизий со Средиземноморского театра военных действий в Великобританию.

Тем не менее данной точке зрения не суждено было возобладать окончательно, так как этому воспротивились планирующие органы армии США. В докладе начальникам штабов они подчеркнули, что Средиземноморский театр не дает возможности вести решающие военные действия против «германской крепости». Более того, они заявили, что «Средиземноморский театр располагает к рискованным попыткам добиться победы главным образом посредством психологического и политического давления. Военные действия не будут являться решающим фактором, если будет принят средиземноморский курс в стратегии»¹⁹².

5 августа начальники американских штабов получили проект плана вторжения в Северо-Западную Европу, составленный штабом Моргана. Рассмотрение его совпало с выработкой линии поведения делегации США на конференции в Квебеке. Обсудив все изложенные выше точки зрения, начальники американских штабов все-таки решили отстаивать такую стратегическую концепцию, при которой вторжение в Северо-Западную Францию по плану «Оверлорд» признавалось главной операцией американских и английских сухопутных и военно-воздушных сил в Европе, причем ей должно было предшествовать мощное бомбардировочное наступление. Далее они пришли к выводу, что со времени Вашингтонской конференции обстановка не настолько изменилась, чтобы оправдать отказ от принятого на ней решения о первенствующем значении форсирования Ла-Манша ради действий на Средиземноморском театре военных действий, где трудности снабжения и географические условия исключали возможность проведения решающих операций против Германии¹⁹³.

Вместе с тем они наметили программу военных действий на Средиземноморском театре, которая предусматривала разделение

¹⁹⁰ *M. Matloff. Op. cit.*, p. 166.

¹⁹¹ *Ibid.*, p. 166—167. Относительно предложения объединенного комитета военного планирования см. также: *G. A. Harrison. Op. cit.*, p. 93.

¹⁹² *M. Matloff. Op. cit.*, p. 178.

¹⁹³ *Ibid.*, p. 175—176.

всех операций в этом районе на три этапа: 1) вывод Италии из войны и создание авиационных баз в районе Рима и, по возможности, около Анконы; 2) захват островов Сардиния и Корсика; 3) вторжение англо-американских войск и основной массы перевооруженных французских (деголлерских) войск в Южную Францию с целью отвлечения немецких войск из Северной Франции весной 1944 г.¹⁹⁴

По мнению начальников штабов США, ресурсы, выделяемые для проведения операций на Средиземноморском театре, следовало ограничивать примерно теми пределами, которые установлены Вашингтонской конференцией, а ее решение об отправке из района Средиземного моря на Британские острова 7 дивизий должно было остаться в силе. В случае же нехватки ресурсов операция «Оверлорд» получала «подавляющее преимущество» перед действиями на Средиземноморском театре¹⁹⁵. Что касается срока начала вторжения в Северо-Западную Францию и выделяемых для этого сил, то решено было отстоять соглашения по этим вопросам, достигнутые на Вашингтонской конференции¹⁹⁶.

Накануне открытия Квебекской конференции военный министр США Г. Стимсон вручил президенту Рузвельту меморандум, в котором настаивал на том, чтобы делегация США более решительно добивалась превалирующего положения американцев в руководстве военными действиями в Европе. Он писал, что «нельзя надеяться на успешное форсирование Ла-Манша под командованием англичан, так как над английским руководством все еще витает призрак Дюнкерка», и что «между американцами и англичанами существует коренное расхождение: в то время как первые считают, что Германия может быть разгромлена только массированным ударом через Северную Францию, вторые полагают, что можно добиться победы над Германией серией атак в Италии, восточной части Средиземного моря, Греции, на Балканах, в Румынии и т. д...» Заявив, что правительство США должно взять на себя ответственность в решающей финальной атаке на европейском континенте, он предложил командующим войсками на Западном фронте назначить генерала Маршалла¹⁹⁷. Следовательно, американская сторона, несмотря на имевшиеся в ходе подготовки к конференции разногласия и повышение интереса к Средиземному морю, не только осталась на своей прежней позиции по вопросу о втором фронте, но и решила более энергично отстаивать ее¹⁹⁸.

Общность английской и американской позиций состояла в том, что оба союзника намечали в качестве ближайшей цели выведение Италии из войны. Что касается дальнейших действий в этом районе,

¹⁹⁴ Ibidem.

¹⁹⁵ Ibidem.

¹⁹⁶ R. S. Cline. Op. cit., p. 224.

¹⁹⁷ H. Stimson, M. Bundy. Op. cit., p. 288—290.

¹⁹⁸ G. A. Harrison. Op. cit., p. 90.

то различие взглядов, определявшееся стремлением англичан к ведению операций в восточной его части (на Балканах), а американцев — в западной (против Сардинии, Корсики и Южной Франции), все же не исключало возможности компромисса. Наконец, имелись условия и для достижения договоренности относительно вторжения в Северо-Западную Европу в 1944 г., поскольку британская делегация не намеревалась открыто препятствовать принятию такого решения, а лишь стремилась пока что увлечь США как можно дальше по пути широких военных действий на Средиземноморском театре.

В результате дебаты на Квебекской конференции не были ни бурными, ни продолжительными. На ней царил уверенность, что с выходом Италии из войны обстановка в Европе коренным образом изменится и от западных союзников уже не потребуются чрезвычайных усилий для завершения войны. Черчилль, однако, не преминул выдвинуть упомянутые выше «три условия», однако это было сделано столь искусно, что не повлекло за собой дискуссии. Общий тон его речей был весьма доброжелательным. «Я подчеркнул, — писал он впоследствии, — что решительно высказываюсь за проведение операции «Оверлорд» в 1944 г. . . .» и что «возражения, которые я имел против вторжения через Ла-Манш, теперь устранены»¹⁹⁹.

Более того, Черчилль предложил увеличить силы первого оперативного эшелона штурмовых войск по меньшей мере на 25% и включить в район высадки морского десанта восточное побережье Котантенского полуострова²⁰⁰. Он предложил, чтобы командующим в Западной Европе был назначен американский генерал, а на Средиземноморском театре — английский. Мотивировал он это, конечно, не своими тайными соображениями, а тем, что войска США составляют основную массу сил вторжения²⁰¹.

Объединенный совет начальников штабов за пять дней (с 12 по 17 августа) не только пришел к согласию по вопросам стратегии на 1943—1944 гг., но и составил доклад об этом. Обсуждение последнего началось 19 августа на пленарных заседаниях с участием Рузвельта, Черчилля и министров иностранных дел обеих стран. В принципе были одобрены все предложения Объединенного совета, а также проект плана вторжения в Северо-Западную Францию. Штабу Моргана было дано указание продолжать разработку плана и подготовку операции²⁰².

24 августа 1943 г. предложения Объединенного совета начальников штабов были окончательно приняты. Общая цель войны в Европе не подверглась изменениям. Она была сформулирована следующим образом: «В сотрудничестве с Россией и другими со-

¹⁹⁹ *W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 75—76.*

²⁰⁰ *Ibid., p. 76; G. A. Harrison. Op. cit., p. 99.*

²⁰¹ *W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 76.*

²⁰² *G. A. Harrison. Op. cit., p. 99.*

юзниками добиться в возможно кратчайший срок безоговорочной капитуляции европейских стран оси»²⁰³.

Для этого намечалась целая серия действий в 1943—1944 гг., в том числе воздушное наступление, военные действия в Северо-Западной Европе, Италии и Южной Франции, а также на Балканах.

В частности, пункт 10 одобренного конференцией доклада Объединенного совета начальников штабов гласил: «Подрыв и дезорганизация во все возрастающих масштабах военно-экономической мощи Германии, разрушение важных объектов на коммуникациях противника и значительное сокращение боевых сил немецкой авиации путем проведения объединенного воздушного наступления со всех удобных баз является предварительным условием проведения операции «Оверлорд» (если русские одни не одержат полной победы до начала указанной операции). Поэтому в силу особой стратегической важности воздушного наступления ему по-прежнему необходимо уделять величайшее внимание»²⁰⁴.

Что касается самой операции «Оверлорд», то она объявлялась «главным американо-английским наступлением на суше и в воздухе против европейских держав». День начала операции назначался на 1 мая 1944 г.

Как указывалось в докладе, «в Соединенном Королевстве будут сосредоточены в определенном соотношении сухопутные и военно-воздушные силы, необходимые для проведения операции «Оверлорд», будут приняты меры по поддержанию этих сил в постоянной боевой готовности, с тем чтобы они могли использовать любую благоприятную возможность для вторжения во Францию... При нехватке тех или иных ресурсов и необходимости выбора между операцией «Оверлорд» и операциями на Средиземноморском театре наличные ресурсы будут распределяться с учетом достижения главной цели — обеспечения успеха операции «Оверлорд». Операции на Средиземноморском театре будут проводиться силами, выделенными в соответствии с решениями, принятыми на конференции «Трайдент», если впоследствии Объединенный комитет (Объединенный совет. — В. К.) начальников штабов не примет иного решения относительно изменения размера этих сил»²⁰⁵.

За этим следовал пункт: «... Если проведение операции «Оверлорд» окажется невозможным, тогда в качестве ее альтернативы может быть рассмотрена операция «Юпитер». Необходимо подготовить и постоянно обновлять планы этой операции, уделив особое внимание занятию Южной Норвегии»²⁰⁶.

Военным действиям на Средиземноморском театре посвящалось несколько пунктов. Один из них, касавшийся операций в Италии,

²⁰³ Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 35.

²⁰⁴ Там же, стр. 43—45.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Там же.

устанавливал три этапа, в том числе: «...а) первый этап. Вывод Италии из войны и создание военно-воздушных баз в районе Рима и, если окажется возможным, далее к северу; б) второй этап. Захват Сардинии и Корсики; в) третий этап. Осуществление неослабевающего нажима на немецкие войска в Северной Италии и создание благоприятных условий как для проведения операции «Оверлорд», так и для возможного вторжения наших войск, включая основные силы перевооруженной французской армии и авиации, в Южную Францию».

Проведение последнего предполагалось с целью создания плацдарма в районе Тулон, Марсель и развития отвлекающего наступления на север в связи с проведением операции «Оверлорд». Признавалась также необходимость по возможности развернуть партизанские действия ²⁰⁷.

На авиацию возлагалось проведение стратегических бомбардировок с баз в Италии и центральной части Средиземного моря, а также снабжение с воздуха партизан на Балканском полуострове и во Франции. Кроме того, намечалось снабжать партизан в балканских странах по морю. Вообще же действия союзников на Балканах в то время ограничивались указанными поставками, использованием небольших диверсионно-десантных групп и бомбардировкой важных стратегических объектов ²⁰⁸.

Начальники штабов предусматривали также возможность вторжения союзных армий на континент «при чрезвычайных обстоятельствах». Имея в виду подготовленные штабом Моргана предложения об операции «Рэнкин», участники Квебекской конференции заявили: «Мы приняли к сведению эти планы и дали указание продолжать работу над ними, учитывая прежде всего условия, необходимые для обеспечения господства в воздухе, и количество сил, необходимое для успеха этой операции» ²⁰⁹.

Принятый союзниками план, как мы видим, являлся компромиссным и включал в ряде случаев противоположные, альтернативные точки зрения делегаций. Такой характер решений не смогла устранить и нарочитая мягкость формулировок. Так, было признано, что вторжение в Северо-Западную Францию является главной операцией американских и английских войск в 1944 г., а войска, действовавшие в районе Средиземного моря, должны обходиться теми ресурсами, которые выделены им на Вашингтонской конференции, но в то же время Объединенный совет начальников штабов получил право пересмотреть эту установку, «если потребуется».

Объяснив своей задачей как можно скорее добиться в сотрудничестве с СССР и другими союзниками безоговорочной капитуляции стран оси в Европе, правительства США и Англии избрали такой способ действий, который не позволял осуществить эту общую стра-

²⁰⁷ Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 43—45.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Там же.

тегическую цель. Прежде всего весьма своеобразным было их представление о сотрудничестве с Советским Союзом, которое они понимали лишь как максимальное использование успехов Красной Армии. Со своей стороны западные союзники планировали на ближайшее время только операции в районе Средиземного моря. Между тем такие действия вновь перекладывали основную тяжесть войны на СССР еще на восемь с лишним месяцев и, как признавали американские планирующие органы в период подготовки к конференции, соответствовали «стратегическому курсу, рассчитанному на то, чтобы Советский Союз и Германия изматывали друг друга...»²¹⁰

Избранный двумя западными союзниками способ действий никак не соответствовал цели скорейшего окончания войны в Европе. Наоборот, все принятые решения вели к затягиванию ее сроков, поскольку активные действия в Западной Европе предполагалось начать не ранее 1 мая 1944 г.

В то же время участники конференции опасались, что фашистская Германия могла потерпеть решительное поражение до вторжения армий западных союзников на континент Европы. Это значительно усилило бы позиции Советского Союза как в Европе, так и во всем мире. Ни Черчилль, ни Рузвельт не хотели этого допустить. Гопкинс, например, привез в Квебек документ, озаглавленный «Позиция России», который он получил от «весьма высокопоставленного военного стратега США». В нем говорилось, что «по окончании войны Россия будет занимать господствующее положение в Европе. После разгрома Германии в Европе не останется ни одной державы, которая могла бы противостоять огромным военным силам России. Правда, Великобритания укрепляет свои позиции на Средиземном море против России, что может оказаться полезным для создания равновесия сил в Европе. Однако и здесь она не будет в состоянии противостоять России, если не получит соответствующей поддержки»²¹¹.

Эти рассуждения как нельзя лучше иллюстрируют изложенную выше оценку как стратегии Англии, так и целей, которыми руководствовались США в тот период войны. И хотя в названном документе далее говорилось, что для США очень важно поддерживать дружеские отношения с Москвой, однако, как показывает все его содержание, а также решение Квебекской конференции, правительства США и Великобритании уже тогда рассматривали СССР как потенциального врага и принимали меры к усилению своих позиций в Европе в противовес Советскому Союзу. Именно такой характер носила, в частности, договоренность относительно действий «при чрезвычайных обстоятельствах», т. е. в случае краха фашистской Германии в нежданно короткий срок.

Советскому правительству о результатах конференции было сообщено довольно кратко. «Мы, — заявили Рузвельт и Черчилль

²¹⁰ *M. Matloff*. *Op. cit.*, p. 165.

²¹¹ *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. II, стр. 431.

в послании Сталину, — будем продолжать бомбардировочное наступление против Германии с баз в Соединенном Королевстве и в Италии в быстро увеличивающемся масштабе. Цели этого воздушного наступления будут заключаться в уничтожении военно-воздушных сил Германии, в дезорганизации ее военной, экономической и промышленной системы и в подготовке вторжения через Канал (Ла-Манш. — *В. К.*). В настоящее время в Соединенном Королевстве в широких масштабах осуществляется концентрация американских вооруженных сил. Этим будет создана концентрация американских и британских дивизий для действий по ту сторону Канала. Как только на континенте будет создано предмостное укрепление (плацдарм. — *В. К.*), оно будет неуклонно усиливаться дополнительными американскими войсками со скоростью от трех до пяти дивизий в месяц. Эта операция будет основным американо-британским воздушным и наземным усилением против держав оси». Далее были изложены планы западных союзников в Италии и на Балканах ²¹².

Президент США и премьер-министр Великобритании, как мы видим, уверяли, что на Британских островах уже проводилось «в широких масштабах» сосредоточение американских войск, хотя это отнюдь не соответствовало действительности. По свидетельству американского генерала О. Брэдли, до августа 1943 г. там находилась только одна 29-я пехотная дивизия. Несколько позднее прибыли 3-я бронетанковая из США и 5-я пехотная из Исландии. И только к концу года число американских дивизий в Великобритании увеличилось до десяти ²¹³.

Эти данные могли и не быть известны в Москве. Однако уже тот факт, что присланная информация не содержала указания ни на срок открытия второго фронта, ни на характер предполагаемых действий в Северо-Западной Европе, означал, что ее составители понимали ее несоответствие ранее данным ими обещаниям и общесоюзническим интересам и что она не удовлетворит Советское правительство.

Между тем война в Европе вступала в тот период, когда все участники антифашистской коалиции, а не только Советский Союз, стали признавать необходимость проведения активных военных действий, согласованных в отношении их места и времени. Все это вместе взятое сделало необходимой встречу глав трех великих держав, чтобы наконец решить вопрос о дальнейшем ведении войны.

²¹² «Переписка...», т. I, стр. 150—151; т. II, стр. 85.

²¹³ О. Брэдли. Записки солдата. М., 1957, стр. 196.

Запоздалая победа идеи второго фронта

Фашистская Германия перед новым поворотом

В конце 1943 г. ясно обозначился коренной перелом во второй мировой войне в пользу антигитлеровской коалиции, наступивший главным образом вследствие поражений немецко-фашистских войск на Восточном фронте. Началом этих решающих перемен был, как известно, разгром крупной группировки захватчиков в районе Сталинграда. Поражение на Волге, свидетельствовал впоследствии гитлеровский генерал Э. Вестфаль, «повергло в ужас как немецкий народ, так и его армию. Никогда прежде за всю историю Германии не было случая столь страшной гибели такого количества войск»¹. А немецкий историк В. Гёрлиц писал, что разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом «был самым крупным поражением, которое когда-либо в истории терпела германская армия, — новой Иеной»².

Контрнаступление Красной Армии, начавшееся летом 1943 г. под Курском, переросло в общее наступление на фронте от Великих Лук до Черного моря. Советские войска освободили западные области РСФСР и вступили в Белоруссию, нанесли поражение противнику на Левобережной Украине, изгнали его из многих важных в экономическом отношении районов, в том числе из Донбасса, вышли к Днепру и захватили ряд плацдармов на правом берегу этой реки. 25 октября были освобождены города Днепропетровск и Днепро-дзержинск. 6 ноября войска Воронежского фронта заняли столицу Украины — Киев. В связи с крупными успехами Красной Армии Рузвельт в речи по радио еще 7 сентября 1943 г. вновь заявил: «Русские убивают больше нацистов и уничтожают больше самолетов и танков, чем их уничтожается на любом другом фронте. Они сражаются не только храбро, но и блестяще»³.

¹ Э. Вестфаль, В. Крейпе, Г. Блюментриг, Ф. Байерлейн, К. Цейтцлер, Б. Циммерман, Х. Мангейфель. Роковые решения. М., 1958, стр. 210.

² W. Görlich. Der deutsche Generalstab. Geschichte und Gestalt. 1657—1945. Frankfurt/M., 1950, S. 610.

³ F. D. Roosevelt. My Friends. Buffalo, 1945, p. 153.

В грандиозном единоборстве Советские Вооруженные Силы не только успешно гнали захватчиков со своей земли, но и нанесли им огромные потери, которые и привели к решающему изменению соотношения сил во второй мировой войне, к резкому ухудшению военно-политического положения фашистской Германии.

Прежде всего Красная Армия нанесла противнику невосполнимые потери. Если, например, по состоянию на 31 мая 1941 г. они составляли 0,2 млн. человек, то спустя два года достигли 1,7 млн., или свыше 15% общего числа мобилизованных⁴. Гитлеровское командование вынуждено было пойти на тотальные мобилизации. В армию призывали даже тех, кто раньше считался негодным к военной службе. Так, за первые десять месяцев 1943 г. только из военной промышленности было призвано на военную службу 300 тыс. рабочих. В ноябре 1943 г. было намечено в течение трех месяцев призвать из промышленности в армию еще 210 тыс. человек⁵.

К концу 1943 г. людские резервы фашистской Германии начали истощаться. «В начале 1944 года, — отмечал Альфред Вейдеман, — впервые наступил такой момент, когда оба требования вооруженных сил — покрывать ежемесячные потери на фронте и формировать новые крупные соединения — наряду с прочими задачами выполнить было уже невозможно, не нарушая равновесия сил. Вследствие этого потрепанные фронтовые воинские части получали либо незначительные пополнения, либо не получали ничего. Для того чтобы все-таки обеспечить формирование новых частей и соединений, командованию приходилось мириться с тем, что одни соединения буквально «выгорали», другие ввиду недостаточной численности расформировывались и объединялись с такими же потрепанными соединениями. Значительное количество служащих ВМФ и ВВС переводилось в сухопутные войска»⁶.

Частые тотальные мобилизации ограничивали возможности военного производства фашистской Германии. Нехватка рабочих, особенно квалифицированных, в промышленности и сельском хозяйстве все время увеличивалась. Гитлеровское правительство попыталось возместить ее введением 27 января 1943 г. обязательной трудовой повинности для мужчин в возрасте от 16 до 65 лет и женщин от 17 до 45 лет, закрытием всех «ненужных для ведения войны» торговых и ремесленных учреждений⁷, а также рабским трудом военнопленных и угнанного в фашистскую неволю населения оккупированных территорий. Генеральный уполномоченный по испол-

⁴ См. «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.» М., 1956, стр. 64. Год спустя потери немецко-фашистских войск на советско-германском фронте достигли еще более внушительной цифры — 3,3 млн. человек, т. е. более 24% общего числа мобилизованных (см. там же).

⁵ «Nazi Conspiracy and Aggression», v. VII. Washington, 1946, p. 968.

⁶ «Итоги второй мировой войны». Сборник статей. М., 1957, стр. 294.

⁷ Д. Мельников. Заговор 20 июля 1944 года в Германии. Легенда и действительность. М., 1962, стр. 23.

зованию рабочей силы Ф. Заукель доносил Гитлеру, что за год, с 1 апреля 1942 г. по 31 марта 1943 г., в немецкую промышленность было направлено 3 638 056 иностранных рабочих и 1 622 829 военнопленных⁸.

Общее число занятых в германской экономике иностранных рабочих и военнопленных к концу мая 1943 г. возросло до 6,3 млн. человек и составило 17,2% всей рабочей силы фашистской Германии⁹. Но, как явствует из материалов совещания у Гитлера в рейхсканцелярии (4 января 1944 г.), в конце 1943 г. в германской промышленности все же недоставало около 2,5 млн. рабочих¹⁰. Чтобы восполнить этот пробел, а также покрыть новые потребности промышленности в связи с намеченным расширением военного производства и новыми наборами в вооруженные силы, было решено ввезти в Германию из оккупированных стран еще 4 млн. человек¹¹.

Стремясь возместить также материальные потери на Восточном фронте, гитлеровская клика непрерывно увеличивала производство вооружения, боеприпасов, военной техники и снаряжения на предприятиях Рура, Саара, Силезии и некоторых других районов Германии, а также максимально использовала промышленность и сырьевые ресурсы оккупированных стран Европы: Франции, Бельгии, Голландии, Чехословакии, Польши, Югославии и др. Большое значение для непрерывного увеличения Германией производства вооружения имел импорт сырья из нейтральных стран — Швеции, Португалии, Испании и Турции. Только Швеция поставила ей в 1942 г. 8 млн. т, а в 1943 г. — 10,3 млн. т железной руды¹².

Хотя ограниченность рабочей силы, движение Сопротивления и налеты союзнической авиации не позволяли фашистской Германии полностью использовать имевшиеся в ее распоряжении ресурсы, но они не могли подорвать ее экономику в такой мере, чтобы это сказалось непосредственно на способности гитлеровцев продолжать войну. Напротив, предпринятые ими усиление противовоздушной обороны страны, рассредоточение и укрытие под землей важнейших предприятий военной индустрии, восстановление поврежденных заводов, а также ограбление оккупированных и импорт сырья из нейтральных стран давали возможность из месяца в месяц увеличивать выпуск оружия и боевой техники. Так, в ноябре 1943 г. индекс производства вооружения в Германии (январь—февраль 1942 г. — 100) возрос до 231, в том числе артиллерийско-стрелкового — до

⁸ «Nazi Conspiracy and Aggression», v. VI, p. 930.

⁹ См. «Промышленность Германии в период войны», стр. 65, 190—191.

¹⁰ «Nazi Conspiracy and Aggression», v. III, p. 867.

¹¹ Ibidem.

Этот замысел, однако, гитлеровцам не удалось полностью осуществить благодаря нарастанию борьбы народов против поработителей. За период с 1 июня 1943 г. по 31 мая 1944 г. число иностранных рабочих и военнопленных, используемых в качестве рабочей силы в Германии, увеличилось всего на 0,8 млн. человек (см. «Промышленность Германии в период войны», стр. 66).

¹² См. «Промышленность Германии в период войны», стр. 76,

264, всего артиллерийского — до 343, танков — до 364, самолетов — до 216¹³.

Однако даже при таком увеличении военного производства фашистская Германия не могла уже соперничать с Советским Союзом и тем более со всей антифашистской коалицией по объему и темпам роста выпуска вооружения. В 1943 г. СССР, США и Англия, вместе взятые, произвели самолетов в 4,8 раза, танков — в 3,6 раза, пулеметов — в 8 раз, винтовок — в 3 раза, артиллерийских орудий — примерно в 3—4 раза больше, чем Германия.

Ограниченность людских ресурсов не позволила последней значительно увеличить и численность своих вооруженных сил. В конце 1943 г.—начале 1944 г. они насчитывали 9,8 млн человек, между тем как только США имели тогда около 10,5 млн. солдат и офицеров, а Великобритания (без колоний и доминионов) — свыше 3,8 млн. Численность советских действующих фронтов и флотов в начале 1944 г. составила 6,2 млн. солдат и офицеров¹⁴.

Следовательно, антигитлеровская коалиция имела значительное превосходство над фашистским блоком.

Тотальные мобилизации не помогли гитлеровцам решить важнейшую проблему качественного пополнения вооруженных сил. Огромные потери немецко-фашистских войск на советско-германском фронте, стремительное наступление Советской Армии не оставляли германскому командованию времени на подготовку мобилизованных. Непрерывное пополнение плохо обученными новобранцами и большие потери опытных офицерских кадров приводили к постепенному снижению боевых качеств немецко-фашистских дивизий.

Огромные потери войск вынуждали гитлеровское командование продолжать тактику переброски на советско-германский фронт из Европы самых боеспособных войск. Бывший начальник оперативного отдела штаба немецко-фашистских войск на Западе гене-

¹³ См. «Промышленность Германии в период войны», стр. 267.

К концу 1944 г. индекс вновь значительно повысился и достиг в целом 263, а по отдельным видам вооружения соответственно — 408, 602, 598, 234, причем в отдельные месяцы 1944 г. он был еще выше (см. там же). Продукции немецкой промышленности за 1944 г. вполне хватило бы на то, чтобы полностью вооружить и снабдить всем необходимым 225 пехотных и 45 танковых дивизий (см. «Итоги второй мировой войны», стр. 379—380). Лишь в конце апреля 1944 г. в результате потери источников сырья в Восточной Европе, дезорганизации промышленности, вызванной постоянным перенапряжением ее, а также бомбардировок союзной авиации производство в Германии начало постепенно сокращаться. В частности, месячная добыча каменного угля, достигшая в марте того же года 24,7 млн. т, упала в июле до 22,6 млн., в октябре — до 16,2 млн., в декабре — до 14,3 млн. т. Производство сырой стали составило соответственно 2,7 млн., 2,5 млн., 2 млн. и 1 млн. т, азота — 84 тыс., 57 тыс., 37 тыс. и 20 тыс. т, синтетического каучука — 12 тыс., 10 тыс., 5 тыс. и 1,8 тыс. т. Выпуск взрывчатых веществ сократился с 49 тыс. в июле до 31 тыс. т в декабре, минеральных масел — с 733 тыс. в марте до 200 тыс. т в декабре (см. «Промышленность Германии в период войны», стр. 380—386).

¹⁴ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 6. М., 1965, стр. 185.

рал-лейтенант Бодо Циммерман писал: «Можно сказать без преувеличения, что Восточный фронт настойчиво выкачивал из немецких армий, находившихся на Западе, всю боеспособную живую силу и боевую технику»¹⁵. Поэтому хотя гитлеровскому командованию и удалось увеличить число дивизий на Западе к началу 1944 г. до 51, а к середине 1944 г. — до 59¹⁶, однако качество их было относительно невысоким. Из докладов, представленных Гитлеру генералом Гудерианом, видно, что на пополнение танковых дивизий в Западную Европу в начале 1944 г. направлялось 5—8% производимых танков, в то время как на советско-германский фронт — до 90%¹⁷.

По той же причине оказалось невозможным выделить достаточные силы и средства для создания прочной обороны на Атлантическом побережье протяженностью в 2100 км. Для этой цели у гитлеровского командования было лишь 2692 артиллерийских орудия калибром 75 мм и выше¹⁸. Большая часть предметов вооружения для оборудования так называемого Атлантического вала, а также мины и даже колючая проволока были сняты со старой линии «Зигфрида», проходившей по франко-германской границе¹⁹.

Кстати, этот «вал», о неприступности которого трубила гитлеровская пропаганда, не представлял собой серьезной преграды. Фашистская Германия уже не располагала ни силами, ни средствами, чтобы выполнить программу строительства укреплений и сосредоточить здесь необходимые вооруженные силы, способные отразить вторжение американских и английских армий во Францию. Как подтвердил уже после войны фельдмаршал Рундштедт, «сила обороны до абсурда преувеличивалась. «Атлантический вал» был иллюзией, вызванной воображением пропаганды, чтобы ввести в заблуждение как немецкий народ, так и противника. Меня всегда приводило в негодование, когда я читал сказки о непреодолимости этой обороны. Было глупостью описывать ее как «вал»»²⁰.

Из-за огромных издержек на войну против Советского Союза фашистская Германия не могла также создать сильный военно-морской флот²¹. Его развитие шло односторонне. Гитлеровское командование, возлагавшее самые большие надежды на так называемую подводную войну, в условиях общей стратегической обороны на море рассматривало подводные лодки как наступательное средство. Их число быстро увеличивалось, поскольку в предыдущие годы они показали свою эффективность в борьбе против судоходства против-

¹⁵ *З. Вестфаль и др.* Указ. соч., стр. 219.

¹⁶ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4219, 4327.

¹⁷ Там же, оп. 725167, д. 939, л. 175—179.

¹⁸ «Nazi Conspiracy and Aggression», v. VII, p. 938.

¹⁹ *См. З. Вестфаль и др.* Указ. соч., стр. 219.

²⁰ *В. Н. Liddell Hart.* The Other Side of the Hill. London, 1948, p. 245.

²¹ После потопления линейного корабля «Шарнхорст» в декабре 1943 г. у Германии остался один действующий линейный корабль «Тирпиц». Остальные два карманых и два устаревших линейных корабля, а также семь крейсеров использовались на Балтике для подготовки личного состава.

ника. К концу 1943 г. их насчитывалось 419, из которых 161 подводная лодка вела боевые действия, 168 находились в пробном плавании и 90 использовались в учебных целях²².

Но и здесь началось сказываться изменение общей обстановки в пользу стран антифашистской коалиции. Из-за слабости авиационной поддержки и роста эффективности противолодочной обороны союзных флотов потери немецких подводных лодок значительно возросли. 31 мая 1943 г. Дениц докладывал, что в связи с отсутствием надежного прикрытия с воздуха за последний месяц они увеличились с 14 до 36—37 лодок и составили примерно 30% всего действующего подводного флота²³.

В дальнейшем из-за больших потерь был принят план «ограниченного и осторожного» применения подводных лодок на морских коммуникациях. Активные действия предусматривались только против возможного морского десанта противника²⁴. В директиве № 51 от 3 ноября 1943 г. Гитлер поставил перед военно-морским флотом, в частности, следующую задачу: «При проведении подготовительных мероприятий по усилению обороны на Западе командование военно-морского флота должно одновременно уделить особое внимание вопросам отражения высадки десанта противника в районе Норвегии или Дании. В данном случае я придаю особое значение подготовке большого количества подводных лодок для действий в северных морских районах. При этом придется примириться с временным ослаблением подводных сил в Атлантике»²⁵.

Главным для гитлеровской клики оставался Восточный фронт. Здесь к началу 1944 г. Германия и ее союзники держали 236 дивизий (в том числе 25 танковых и 8 моторизованных) и 18 бригад. Среди них было 198 дивизий и 6 бригад немецких, что составляло 63% вооруженных сил Германии. Здесь же находилось 54% ее танков и штурмовых орудий, 71% артиллерийских орудий и минометов, 56% самолетов²⁶.

В Западной же Европе (во Франции, Бельгии и Нидерландах) находились 51 немецкая дивизия и 2 бригады²⁷, на итальянском

²² «Brassey's Naval Annual, 1948», p. 376.

²³ Ibid., p. 332.

²⁴ Ibid., p. 388.

²⁵ Архив МО СССР, ф. 6598, пленка 2, п. 18.

В результате сокращения военно-морских сил фашистской Германии, с одной стороны, и усиления ее противниками противолодочной обороны — с другой, потери торгового флота стран антифашистской коалиции и нейтральных стран быстро уменьшались. В декабре 1943 г. они составили 168,5 тыс. т, в январе 1944 г. — 130,6 тыс., в феврале — 116,8 тыс., в марте — около 158 тыс., в апреле — 82,4 тыс., в мае — только 27,3 тыс. т (*W. Churchill. The Second World War. v. V. London, 1953, p. 631*) вместо 638—807 тыс. т в отдельные месяцы второй половины 1942 г. (*ibid.*, v. IV, p. 860).

²⁶ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 4, стр. 20—21.

²⁷ Там же находились 64 легиона (силой от батальона до бригады), сформированные из военнопленных, захваченных на различных фронтах (см. Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4219).

направлении (группа «Юго-Запад») — 21 дивизия и около 370 боевых самолетов, на Балканах (группа «Юго-Восток») — 21 дивизия и 1 бригада, предназначенные в основном для борьбы с партизанами и охраны морского побережья. Кроме того, в резерве гитлеровского командования имелись 15 дивизий и 1 бригада²⁸.

Тяжелые поражения немецко-фашистских войск главным образом на советско-германском фронте поставили гитлеровскую ставку в конце 1943—начале 1944 г. в такие условия, что она уже не располагала силами и средствами, которые позволили бы ей принять новое стратегическое наступление на каком-либо из театров военных действий. 7 ноября 1943 г. начальник штаба оперативного руководства вооруженными силами (ОКВ) генерал-полковник Йодль в докладе «Стратегическое положение к началу пятого года войны», сделанном им в Мюнхене для рейхслейтеров и гаулейтеров, заявил, что фашистская Германия «вследствие развития военной обстановки, постепенного использования огромного военного потенциала ее противниками вынуждена была перейти к общей стратегической обороне»²⁹.

Таков в сущности и был к тому времени *главный политический и военный итог борьбы*, свидетельствовавший о коренном переломе в ходе второй мировой войны, достигнутом главным образом усилиями Советского Союза *до открытия союзниками второго фронта в Европе*.

Удары Советских Вооруженных Сил в 1943 г. отразились не только на военном и экономическом, но и на политическом состоянии гитлеровской Германии и всего фашистского блока в Европе. Они способствовали успеху операций американско-английских войск в Северной Африке и в районе Средиземного моря, который наряду с мощным антифашистским, демократическим выступлением итальянского народа заставил Италию капитулировать в начале сентября 1943 г. Это знаменовало начало распада фашистского блока в Европе. Пример Италии, показывавший, что гитлеровская клика готова превратить территории стран-сателлитов в арену опустошительной войны, чтобы отсрочить собственную гибель, заставил правящие круги этих государств все больше подумывать о сепаратном выходе из войны.

Широкий размах приобрело в 1943 г. движение Сопrotивления в оккупированных гитлеровцами странах Европы. Оно стало массовым и более организованным. Действия всех его сил направляли подпольные руководящие центры, созданные по инициативе коммунистических партий. Огромное влияние на развитие этого движения оказали победы Красной Армии. Они ослабили гитлеровскую Германию и тем способствовали созданию благоприятных условий для расширения национально-освободительной борьбы. Мужество и ге-

²⁸ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 4, стр. 20.

²⁹ О стратегическом положении Германии к концу 1943 г. см.: «Военно-исторический журнал», 1960, № 10, стр. 92.

роизм советских людей вдохновляли трудящихся всех стран на массовые выступления против фашистских поработителей.

Гитлеровцы достаточно хорошо понимали, чем все это грозило им, особенно в случае вторжения англо-американских вооруженных сил в Западную Европу. Как заявило немецкое главное командование «Запад» в документе от 25 октября 1943 г., оно считало, что «в условиях широкой высадки противника, если это приведет к тому же к захвату плацдармов на побережье, в случае если тыловые железнодорожные линии и крупные транспортные магистрали будут внезапно и в нескольких местах перерезаны в результате забастовок или очагов восстания, то может сложиться угрожающее положение в тылу фронта». При этом имелись в виду, конечно, действия сил Сопротивления. Отмечая, что это «движение... на Западе подавляется всеми средствами», авторы документа подчеркивали: «Однако имеющиеся силы (немецкие. — *В. К.*) недостаточны, тогда как силы противника растут». Далее они писали: «Время до весны 1944 г. будет использовано для того, чтобы посредством сосредоточения всех охраняемых соединений, отодвинув на второй план непервоочередные задачи, по возможности ограничить опасность в тылу сражающихся соединений»³⁰.

Принятые меры, однако, не помогли фашистским захватчикам. В конце 1943 и начале 1944 г. во Франции, например, главным образом в результате деятельности компартии, из разрозненных антифашистских групп была создана единая организация — Французские внутренние вооруженные силы (ФФИ).

В общей борьбе народов против гитлеровских поработителей важную роль сыграли и патриоты Италии, которые особенно активизировали свою деятельность после падения Муссолини. В стране развернулось массовое движение Сопротивления, всенародная партизанская война. Наибольший размах к концу 1943 г. она приобрела в северных областях, где антифашистские партии опирались на промышленный пролетариат.

Народы балканских стран вели решительную борьбу за полное изгнание захватчиков и установление демократических порядков. После капитуляции фашистской Италии ее войска покинули Югославию, Албанию и Грецию. При этом Югославская народно-освободительная армия и партизаны разоружили 11 итальянских дивизий и освободили от захватчиков все Адриатическое побережье, многие острова и обширные районы внутри страны.

Руководимая коммунистами народно-освободительная армия Албании разоружила 2 итальянские дивизии и изгнала оккупантов почти из всей страны. И хотя введенные позже немецко-фашистские войска вновь заняли все крупные города и порты, она тем не менее контролировала большую часть территории Албании.

³⁰ *II.-A. Jacobsen. 1939—1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1959, S. 310.*

Народно-освободительная армия Греции (ЭЛАС) к лету 1943 г. освободила от захватчиков более одной трети материковой территории страны.

Борьба против немецко-фашистских захватчиков и их приспешников усилилась в Польше, Чехословакии, Румынии, Болгарии, поднимались на борьбу народы Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии. Несмотря на то что советско-германский фронт непрерывно требовал пополнений, гитлеровское командование вынуждено было держать в этих странах крупные силы оккупационных войск и полиции, чтобы обеспечить свое господство в них и охранять коммуникации вооруженных сил.

Следует подчеркнуть, что в борьбе против немецко-фашистских оккупантов народы Европы и правящие круги США и Англии преследовали принципиально различные цели. Трудящиеся ставили своей целью изгнать захватчиков и установить такие демократические порядки, которые исключали бы возможность иностранного вмешательства в их внутренние дела и ограничили или вовсе ликвидировали господство реакционных сил в их странах. Американско-английские же империалисты хотели после войны сохранить в государствах Западной Европы антинародные буржуазные режимы.

Правительства США и Англии надеялись использовать освободительное движение народов для разгрома гитлеровских войск, но, поскольку в организации и руководстве этим движением ведущая роль принадлежала прогрессивным силам и прежде всего коммунистам, делали все от них зависящее, чтобы не допустить в оккупированных странах национальных восстаний. Такого же курса придерживались буржуазные партии западноевропейских государств, которые участвовали в движении Сопротивления.

Но реакционным силам не удалось значительно сузить размах этого движения и расколоть ряды его борцов. Национально-освободительная борьба народов европейских стран становилась все шире. Война вступила в ту фазу, когда восставшие народные массы могли при поддержке или совместно с Красной Армией завершить разгром сил фашистских оккупантов, покарать изменников и установить подлинно демократические режимы.

Что касается Германии, то ее внутренние отношения значительно обострились.

До тех пор пока фашистские войска одерживали победы в войне, гитлеровской клике удавалось сохранять абсолютное влияние на большинство немцев, поверивших в возможность завоевания мирового господства. Однако поражения на Восточном фронте, а также потеря Северной Африки и капитуляция Италии привели к тому, что население Германии утратило надежду на благоприятный исход войны. Это в особенности сказалось на настроениях трудящихся. «С тех пор как после катастрофы под Сталинградом и выхода из войны Италии, — писал по этому поводу один из руководителей экономики фашистского рейха Ганс Кёрль, — окончательно выявилось, что противник целиком захватил в свои руки все воздушное

пространство Германии, рабочие военных предприятий совершенно потеряли всякую надежду на счастливый исход войны»³¹.

Частые наборы наиболее трудоспособного населения на военную службу, усилившаяся нехватка продовольствия и других товаров потребления вызвали снижение жизненного уровня народа, а огромные потери на фронтах убеждали в бесперспективности войны. Все это привело к росту антифашистских настроений среди различных слоев населения³². Участились случаи саботажа со стороны немецких трудящихся и в еще большей степени со стороны иностранных рабочих и военнопленных. В 1943 г. были даже антифашистские выступления студентов в Мюнхене и других городах Германии³³.

Обострение внутривойенных отношений в Германии способствовало росту активности коммунистической и социалистической партий. Уцелевшие от разгрома и вновь созданные в годы войны партийные организации в исключительно трудных условиях гитлеровской диктатуры вели политическую борьбу против фашизма и войны. Организации А. Зефкова, возникшей в 1943 г., удалось создать в Берлине подпольные группы более чем на 30 крупнейших предприятиях, а также возобновить или установить связи с подпольщиками Тироля, Тюрингии и Саксонии. В Мюнхене в конце 1942 г. был учрежден Антифашистский немецкий народный фронт (АДФ), развернувший деятельность во всей Южной Германии. Он издавал листовки, а с 1943 г. — ежемесячный журнал «Дер Векер» и сотрудничал с офицерской организацией «Братское содружество военнопленных» (БСФ). Подпольщики активно вели разъяснительную работу в Берлине, Мюнхене, Эссене, Дюссельдорфе, Лейпциге, Гамбурге, Иене и других немецких городах³⁴.

Коммунистическая партия Германии в тот период боролась за объединение всех слоев немецкого народа в единый фронт борьбы против фашизма. Перед народным фронтом она ставила такие цели, как свержение гитлеровской клики, создание демократического правительства, в котором были бы представлены все слои населения, боровшиеся против фашизма и войны, превращение Германии в свободное демократическое государство. Соответственно этим целям Коммунистическая партия Германии выдвинула лозунги «Долой

³¹ «Итоги второй мировой войны», стр. 383.

³² См. «35 лет Коммунистической партии Германии». М., 1955, стр. 21.

³³ Д. Мельников. Указ. соч., стр. 32—35.

Об усилении сопротивления гитлеровскому режиму свидетельствует и тот факт, что в январе 1944 г. было арестовано 42 580 человек, в феврале — 45 044, в марте — 46 302, а в следующие три месяца — еще 170 670 человек (см. там же, стр. 34). По данным нацистского журнала «Ди Лаге», предназначенного для узкого круга высших нацистских чиновников, в первой половине 1944 г. в забастовках участвовало 12 945 немецких и 193 024 иностранных рабочих (см. О. Винцер. 12 лет борьбы против фашизма и войны. М., 1956, стр. 212).

³⁴ В. Ульбрихт. К истории новейшего времени. М., 1957, стр. 23—27; О. Винцер. Указ. соч., стр. 197—216; J. W. Wheeler-Bennet, The Nemesis of Power. London—New York, 1954, p. 616—617,

Гитлера!», «Долой войну!», «За свободную, независимую и демократическую Германию!»³⁵

Фронт борьбы против Гитлера и его клики значительно расширился после создания 12 июля 1943 г. национального комитета «Свободная Германия», в который вошли коммунисты и другие немецкие общественные деятели, находившиеся в СССР, а также некоторые пленные офицеры и солдаты. Коммунистическая партия и национальный комитет развернули пропаганду среди солдат и офицеров, в оккупированных странах, среди немецкого народа, призывая их к борьбе против войны и фашизма³⁶.

Гитлеровцам удалось выследить и разгромить большинство групп коммунистической и социалистической партий, ведших активную антифашистскую борьбу, и тем помешать увеличению размаха организованного антифашистского движения, превращению его в массовое движение трудящихся. Путем грубого подавления, жестокого террора и при помощи лживой пропаганды немецкие фашисты продолжали удерживать власть в своих руках и заставляли немецкий народ вести преступную войну.

Провал плана «молниеносной» войны против СССР подорвал и у некоторых промышленников, политических и военных деятелей Германии веру в Гитлера и его правительство. В результате возникла оппозиция и в правящих кругах Германии. Речь шла о том, чтобы путем «дворцового переворота» и сговора с американской и английской буржуазией найти выход из создавшегося положения. «Буржуазные круги, — отмечает Вальтер Ульбрихт, — привели Гитлера к власти и поддерживали политику германо-фашистского империализма до тех пор, пока ему сопутствовали военные успехи. Но теперь, накануне катастрофы, они надеялись спрыгнуть с поезда, мчащегося к пропасти, в надежде сохранить основы господства монополистического капитала»³⁷.

В конце 1942—начале 1943 г. окончательно созрел заговор против Гитлера, в котором активную роль играли бывший гитлеровский обер-бургомистр Лейпцига К. Герделер, министр без портфеля в 1932—1933 гг. Попитц, посол Германии в СССР с 1935 по 1941 г. Шуленбург, фельдмаршалы Роммель и фон Клюге, генерал-полковник Бек, генерал артиллерии Линдемани, генерал-квартирмейстер Вагнер, начальник организационного отдела генерального штаба сухопутных сил генерал-майор Штиф, полковник Штауффенберг, начальник штаба 2-й армии генерал фон Тресков и др.

Заговорщики не имели единой политической платформы, так как они представляли различные группы правящих кругов Германии. Их общей целью было свержение Гитлера и формирование нового правительства. Одни из них (Герделер, Шуленбург) хотели создать

³⁵ О. Винцер. Указ. соч., стр. 206.

³⁶ W. Pieck. Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. 30 Jahre Kampf. Berlin, 1949, S. 39—40.

³⁷ В. Ульбрихт. Указ. соч., стр. 37.

псевдodemократическое правительство, в которое входили бы представители различных партий и союзов, за исключением коммунистов³⁸, другие настаивали на создании правительства военной диктатуры. Была среди заговорщиков и небольшая группа офицеров (фон Хаммерштейн, Штауффенберг, Гефтен, Квирнгейм и др.), готовых сотрудничать с коммунистами³⁹.

В области внешней политики руководители заговора (Герделер и др.) считали необходимым продолжение войны против Советского Союза и превращение Германии в «пограничный вал Запада против Востока»⁴⁰. Отклонив предложения фон Хаммерштейна, Штауффенберга и других об установлении контакта также и с Советским правительством с целью мирных переговоров⁴¹, они намечали стовориться с западными державами, отвести свои войска из Западной Европы за Рейн и все наиболее боеспособные дивизии, в первую очередь танковые, перебросить на советско-германский фронт⁴².

Таким образом в результате ряда поражений, понесенных гитлеровской армией на советско-германском фронте в 1941—1943 гг., материальные и моральные силы фашистской Германии были надломлены: ее тыл не мог полностью удовлетворить растущие потребности фронта в пополнении людьми, вооружением, боеприпасами, боевой техникой и служить источником высокого боевого духа войск; хотя число дивизий несколько возросло, их качество снизилось; в правящих кругах страны усилился разлад; повысилась активность демократических слоев Германии.

Сила же и сплоченность антифашистской коалиции, напротив, возросли, несмотря на принципиальные разногласия внутри нее по ряду основных вопросов ведения войны и послевоенного устройства мира. Провозглашенные ею освободительные идеи обусловили высокий моральный дух народов этой коалиции и их вооруженных сил, предопределили ее политические преимущества над фашистским блоком.

Далее, военная экономика фашистской Германии, хотя и производила большое количество вооружения, боеприпасов и военной техники, достаточное для оснащения германских вооруженных сил, достигла к началу 1944 г. своего предела, а перспектива потери окку-

³⁸ *W. Ulbricht. Der Generalputsch vom 20 Juli 1944. — «Neues Deutschland», 20.VII 1955.*

³⁹ *В. Ульбрихт. Указ. соч., стр. 38; «Neues Deutschland», 20.VII 1955.*

⁴⁰ «Neues Deutschland», 20.VII 1955.

⁴¹ *Ibidem.*

⁴² *О. Винцер. Указ. соч., стр. 218—219; W. Görlitz. Op. cit., S. 621.*

О существовании в Германии подлинно демократических групп Сопротивления, руководимых коммунистами, а также о группе заговорщиков Герделера—Бека было осведомлено правительство США. Это по существу подтвердил в своей книге «Германское подполье» Аллен Даллес. По его словам, им был получен от некоего Адама фон Тротт цу Зольц доклад, в котором заявлялось, что в Германии «усиление позиций левых экстремистов приняло ошеломляющие размеры и не прекращается ни на минуту» (*A. W. Dulles. Germany's Underground. New York, 1947, p. 137*).

пированных территорий означала падение производства военной продукции, которое и без того было во много раз ниже, чем в странах антигитлеровской коалиции. Исчерпаны были и возможности увеличения численности вооруженных сил. Всякая попытка значительного их пополнения могла привести к краху германской экономики, а вместе с ней и всей гитлеровской военной машины. Страны же антифашистской коалиции развернули армии, которые по численности и техническому оснащению намного превосходили не только вермахт, но и войска всего фашистского блока.

На стороне фашистского блока в Европе имелись и некоторые стратегические преимущества, не учитывать которые было опасно. Гитлеровская Германия, оккупировавшая почти все страны капиталистической Европы и часть территории СССР, могла еще некоторое время вести войну на чужой земле, эксплуатируя население, природные богатства и экономичку захваченных районов. Ее вооруженные силы обладали огромным боевым опытом и в области военного искусства превосходили армии других капиталистических государств. Географическое положение Германии также давало ей выгоды в части действий по внутренним линиям. Кроме того, она вела войну на континенте и почти не зависела от морских перевозок, за исключением подвоза железной руды из Швеции.

Однако выгоды стратегического положения фашистского блока позволяли ему лишь несколько затянуть войну, исход которой предрешало наличие всех условий для разгрома гитлеровской Германии и ее сателлитов. «Противник, — заявил генерал-полковник Йодль 7 ноября 1943 г., — в настоящее время настолько силен на всех фронтах, что мы, несмотря на наличие более коротких коммуникаций, вряд ли в состоянии добиться большего, нежели местного превосходства»⁴³.

Чтобы ускорить окончательную победу стран антифашистской коалиции, необходимо было, с одной стороны, нанести по немецким вооруженным силам ряд согласованных ударов с востока и запада, а с другой — всемерно способствовать росту освободительной борьбы народов оккупированных государств и антифашистскому демократическому движению в Германии.

Часть этих задач должны были и могли выполнить США и Англия путем безотлагательного открытия второго фронта в Европе и активных военных действий большого размаха против немецко-фашистских вооруженных сил. Но по вине политического и военного руководства США и Англии вторжение на европейский континент, не состоявшееся в 1941—1942 гг., было сорвано и в 1943 г.

Все эти годы, как пишет английский офицер Дж. Долглейш, на Британских островах «длинные колонны людей и машин быстро двигались на север, чтобы пройти период обучения и тренировки в центрах. Там они учились грузиться на десантные баржи и высаживаться с них, жить на десантных транспортах, герметизировать

⁴³ См. «Военно-исторический журнал», 1960, № 10, стр. 90.

машины, вводить танки и автомобили на баржи и транспорты, знакомились с сотнями мелочей, необходимых для того, чтобы обеспечить успех вторжения. Затем они возвращались на свои нормальные стоянки и ожидали наступления «дня Д». По мере того как проходили месяцы и годы, а «день Д» все не наступал, многим из этих людей, наверно, казалось, что приобретенный ими опыт пропадет зря»⁴⁴.

«Кончайте войну скорее!»

Хотя в США и Великобритании сторонники скорейшего открытия второго фронта не осведомлялись обо всех изложенных выше фактах, однако и для них не было секретом резкое изменение соотношения сил в пользу антифашистской коалиции. Общественности этих стран была ясна и главная особенность военно-политической обстановки лета и осени 1943 г., заключавшаяся в том, что после разгрома немецко-фашистских войск под Курском Красная Армия, одерживая все новые победы, продвигалась на Запад. Для всех становилось очевидным, что фашистская Германия проигрывает войну и что Советский Союз одержит победу.

Коренной перелом в ходе войны, означавший, что ни СССР, ни антифашистской коалиции в целом уже не угрожала опасность проигрыша войны, определил и характер борьбы за открытие второго фронта в этот период. Такого разнообразия ее участников, какое отмечалось в предыдущем году, уже не было. Ряды сторонников этого движения становились все более однородными и состояли теперь преимущественно из трудящихся, которые видели в создании второго фронта единственную реальную возможность сократить сроки войны и гарантию того, что с фашизмом будет покончено.

Коммунистические партии, а также профсоюзные организации, главным образом низовые, проводили демонстрации, митинги, выпускали воззвания, обращения, направляли правительствам петиции, требуя немедленного открытия второго фронта.

В Англии в начале августа 1943 г. профсоюз транспортников на своей ежегодной конференции в Эдинбурге принял резолюцию, в которой отмечалось, что «только на континенте Европы враг может быть окончательно разгромлен». В решении конференции профсоюза швейников также говорилось, что второй фронт является лучшим способом обеспечить полный и окончательный разгром фашизма. 21 сентября 2 тыс. демонстрантов пришли на Даунинг-стрит, к резиденции премьер-министра. Их представители передали в канцелярию Черчилля петицию от имени 200 тыс. рабочих, содержащую следующие требования: «1) немедленно откройте второй фронт; 2) введите в состав правительства людей, которые будут способствовать откры-

⁴⁴ Дж. Долглейш. Как мы планировали второй фронт. Внутренняя история планирования второго фронта. М., 1946, стр. 48.

тию второго фронта и сотрудничеству с Советским Союзом; 3) немедленно организуйте конференцию представителей США, Великобритании и СССР и примите план общей стратегии для достижения победы»⁴⁵.

В первых рядах борцов за согласованные действия против гитлеровской Германии выступала Коммунистическая партия Великобритании. Председатель ее исполкома Гарри Поллит, выступая 20 сентября перед демонстрантами на Трафальгарской площади в Лондоне, назвал фашистской пятой колонной тех, кто срывает открытие второго фронта. Он призвал вести против них решительную борьбу⁴⁶. «Дейли уоркер» в октябре в передовой статье заявила: «Народ не может понять, и это неизбежно и опасно отражается на его моральном состоянии, почему Черчилль в своих оценках военного положения тщательно избегает прямых выводов, которые должны быть сделаны в связи с поражениями врага на Восточном фронте. Это является основной причиной неурядиц на внутреннем фронте. Обращение министров к рабочим с призывом не терять ни одной минуты в производстве лишается своего смысла, когда замечательные продукты труда рабочих остаются неиспользованными и когда сами министры совершенно спокойно говорят об окончании войны в 1945 или 1946 г.»⁴⁷.

Накануне открытия Московского совещания министров иностранных дел трех держав исполком Коммунистической партии Великобритании направил Черчиллю обращение, в котором указывалось: «Правительство теряет доверие широких слоев английского народа, так как не использует представившихся ему возможностей... Открытие второго фронта теперь означает сокращение сроков войны и скорую победу. Задержка с его открытием означает затягивание войны и ненужные жертвы. Открытие второго фронта теперь означает укрепление всемирного союза против фашизма. Задержка же поощряет разногласия между Объединенными Нациями и играет на руку агентам пятой колонны, агитирующим за компромисс с фашизмом»⁴⁸.

В последующие дни многие организации трудящихся и даже английские солдаты направляли Черчиллю, а также находившемуся в Москве А. Идену телеграммы, в которых настаивали на том, чтобы на совещании было достигнуто соглашение о немедленном открытии второго фронта. Этого требовали Тейтхедское отделение профсоюза паровозных машинистов, рабочие завода в Брейтри (Эссекс), 30 солдат военного округа на севере Англии, бирмингемское отделение союза транспортников, рабочие заводов, верфей и транспорта долины р. Тис (Дургам), завода фирмы Джон Браун (Глазго), двух цехов автомобильного завода в Западной Шотландии, 12 моряков и 70 су-

⁴⁵ «Daily Worker» (London), 21.IX 1943.

⁴⁶ «Daily Worker» (London), 20.IX 1943.

⁴⁷ «Daily Worker» (London), 2.X 1943.

⁴⁸ «Daily Worker» (London), 19.X 1943.

доремонтных рабочих лондонского порта. Последние писали: «Мы требуем достижения полного соглашения. Первым вопросом повестки дня должно быть немедленное открытие второго фронта. Кончайте войну скорее»⁴⁹. Манчестерский окружной комитет объединенного союза машиностроителей заявлял: «Мы протестуем против отсрочки вторжения в Европу. Мы считаем, что победы Красной Армии делают необходимым нанесение одновременного удара на Западе. Откройте второй фронт сейчас»⁵⁰.

Требование немедленно открыть второй фронт содержалось во всех резолюциях, направленных 75-му ежегодному конгрессу тред-юнионов, проходившему с 6 по 12 сентября 1943 г. в Саутпорте. Это свидетельствует, что такой точки зрения придерживалась основная масса рабочего класса Великобритании. Участники конгресса с полным одобрением отнеслись к следующему заявлению Н. М. Шверника, выступившего перед ними от имени советских профсоюзов: «Теперь вопрос стоит так: от того, когда будут развернуты наступательные действия союзников на континенте Европы, будет зависеть победа над Гитлером и сроки окончания войны. Иначе говоря, чем скорее будет открыт второй фронт на континенте Европы, тем скорее будет закончена война и тем больше сократится число жертв на стороне антигитлеровской коалиции... Если второй фронт на континенте Европы не будет создан в 1943 г., это будет затяжкой войны и отсрочкой гибели гитлеровской Германии»⁵¹.

Однако реформистская верхушка английских тред-юнионов во главе с генеральным секретарем конгресса Ситрином приложила немало усилий, чтобы снять с обсуждения этот вопрос под тем предлогом, что он является делом военных руководителей и экспертов. Более того, с этой целью Ситрин пошел на прямой обман делегатов, заявив в своей речи, что американские и английские войска уже форсировали Ла-Манш и ведут операцию между Булонью и Дюнкерком⁵².

Политика реформистской верхушки английских профсоюзов, направленная на поддержку антисоветского и антинародного курса Черчилля на затягивание войны, вносила разлад в борьбу рабочего класса страны за немедленное открытие второго фронта и по существу совпадала с точкой зрения наиболее реакционных кругов. Последняя была выражена, в частности, газетой «Санди таймс». В качестве доводов против создания второго фронта она заявила, во-первых, что Германия еще не окончательно истощена и, во-вторых, что благоприятная для действий в Европе погода бывает якобы только между маем и сентябрем. Поэтому газета выступала за то, чтобы по крайней мере до весны 1944 г. сохранялся «прежний способ ведения

⁴⁹ «Daily Worker» (London), 27.X 1943.

⁵⁰ «Daily Worker» (London), 26.X 1943.

⁵¹ «Правда», 11.IX 1943.

⁵² «Labour Monthly», October 1943.

войны союзниками — наступление Красной Армии с Востока и воздушные налеты с Запада»⁵³.

В США реформистские лидеры профсоюзов также объединили свои усилия с реакцией, выступавшей против вторжения в Европу. Большую помощь им оказал ренегат Браудер, являвшийся в то время генеральным секретарем Коммунистической партии США. В выступлении в Чикаго 26 сентября он всю вину за проволочки в решении вопроса о втором фронте свалил на одного только Черчилля. «Факты неопровержимо показывают, — заявил он, — что Черчилль решил не открывать второй фронт, а Рузвельт (на Квебекской конференции. — В. К.) подчинился этому решению, не желая предать гласности свои расхождения с Черчиллем. Я уверен, как только Черчилль согласится открыть второй фронт, он не встретит никаких возражений со стороны Рузвельта»⁵⁴.

Это утверждение даже приблизительно не отражало позиции Рузвельта и Черчилля на Квебекской конференции по вопросу о втором фронте. Оно вводило в заблуждение компартию и рабочий класс и в какой-то мере выгораживало американское правительство. Однако и в США широкие народные массы настойчиво требовали быстрого открытия второго фронта во Франции. Выразителями этих настроений трудящихся в Соединенных Штатах были коммунисты и низовые профсоюзы⁵⁵.

Московская конференция

К началу Московской конференции министров иностранных дел имелись, следовательно, налицо как необходимость в безотлагательном открытии второго фронта в Европе, так и ясно выраженное стремление значительной части американского и английского народов к активным действиям во имя скорейшего разгрома гитлеровской Германии. Но правительства Великобритании и США в своей политике и стратегии ведения войны, как показано в предыдущих главах, исходили из своих прежних целей.

Правда, у правящих кругов США была собственная программа, основанная на стремлении распространить свое господство на многие районы мира, в частности на страны европейского континента. Это определяло отличие американских политических планов от английских, предусматривавших сохранение и укрепление средиземноморских позиций Британской империи, а также вело к некоторым различиям в подходе к характеру намечаемых военных действий в Европе.

Разногласия между западными союзниками имели место в ходе всех их переговоров. Сначала они касались выбора между вторже-

⁵³ «Sunday Times», 14.XI 1943.

⁵⁴ «Daily Worker» (New York), 27.IX 1943.

⁵⁵ «Daily Worker» (New York), July—November 1943.

нием в Европу и захватом Северной Африки, затем первой из этих операций была противопоставлена высадка в Сицилии и несколько позднее на Апеннинском полуострове. Во всех этих случаях казалось, что возобладала английская концепция войны. В действительности же и американское правительство было заинтересовано в принятых тогда решениях, поскольку они, во-первых, позволяли ему осуществить его собственные империалистические планы на африканском континенте и, во-вторых, соответствовали принятой Вашингтоном, как и Лондоном, концепции создания второго фронта к моменту, когда и Германия и СССР истощат свои силы в борьбе на Восточном фронте.

Однако подобная позиция медленно, но неуклонно изменялась под влиянием успехов Красной Армии. Уже сражение на Волге свидетельствовало, что военная мощь Советского Союза не только не ослабла, но и значительно возросла.

Американских и английских политических и военных руководителей это обстоятельство тревожило в равной степени, но они предлагали разные рецепты, чтобы «не опоздать» к завершению войны в Европе. Это опять-таки было обусловлено их противоречивыми интересами. Черчилль, стремившийся воспользоваться случаем и заодно решить средиземноморские проблемы Англии, настойчиво пытался увлечь американцев своей стратегией «воздействия» на Германию со стороны Италии и Балкан. Рузвельт и его начальники штабов, по существу ничего не имевшие против действий в этих районах, не были уверены в том, что они позволят решить и главную задачу — своевременного вступления американских войск в страны Западной и Центральной Европы.

Именно такого рода расхождения оказывали влияние на дальнейшие англо-американские переговоры по вопросу о втором фронте. Если на Вашингтонской конференции в начале 1943 г. они лишь слегка дали себя знать, то уже на Квебекской — в августе того же года — различие точек зрения почувствовалось несколько резче. Впрочем, как уже отмечалось, дело не дошло до острых дебатов, так как, с одной стороны, Черчилль, исходя из своих тайных расчетов, объявил себя «горячим» приверженцем операции «Оверлорд», а с другой — американцы согласились на компромисс, поскольку они стремились воспользоваться в собственных интересах ослаблением Италии.

Итак, к началу Московского совещания различие во взглядах двух западных союзников на проблему второго фронта существовало, но не проявлялось еще в резкой форме. Оно могло в дальнейшем либо усилиться, либо исчезнуть в зависимости от развития событий на фронтах войны.

Еще в ходе подготовки к Московскому совещанию выяснилось, что западные союзники выдвигают на первый план проблемы послевоенного устройства мира и в то же время хотят уклониться от обсуждения вопроса о мерах по сокращению сроков войны, требовавшего немедленного решения. На включении его в повестку дня

настояло Советское правительство. Оно предложило «рассмотреть мероприятия по сокращению сроков войны против Германии и ее союзников в Европе», имея в виду такие безоголосательные меры со стороны США и Великобритании, которые еще в 1943 г. обеспечили бы «вторжение англо-американских армий в Западную Европу через Ла-Манш». Эти действия, заявлялось далее, «наряду с общими ударами советских войск по основным силам германской армии на советско-германском фронте должны коренным образом подорвать военно-стратегическое положение Германии и привести к решительному сокращению сроков войны»⁵⁶.

С рассмотрения этого вопроса и начала свою работу 19 октября Московская конференция министров иностранных дел СССР, Великобритании и США. Однако Иден и Хэлл оказались не готовы ответить советской делегации, которая, повторив упомянутое выше предложение о безоголосательных мерах по открытию второго фронта, заявила, что хотела бы выяснить, остается ли в силе обещание, данное Черчиллем и Рузвельтом в начале июня 1943 г., о том, что англо-американские войска осуществят вторжение в Северную Францию весной 1944 г.⁵⁷

Как явствует из мемуаров Черчилля, он прислал на срочный запрос Идена такой ответ, который свидетельствовал, что английский премьер-министр к этому времени еще меньше был настроен в пользу открытия второго фронта в Западной Франции. Он писал, разумеется, лишь для сведения Идена, что если бы это зависело от него, то он не стал бы «отводить никаких войск со Средиземноморского театра и не вышел бы из узкого «голенища» итальянского «сапога» в долину По, а сковал бы противника на узком фронте и в то же самое время поощрял бы волнения на Балканах». Далее он заявлял: «Если Германия не потерпит краха, я не думаю, что нам следует переправляться через Ла-Манш, располагая менее чем 40 дивизиями на 60-й день и только при условии, если на итальянском фронте будут вести ожесточенные бои с противником». Дать твердое обязательство о начале операции «Оверлорд» в мае 1944 г., по его словам, значило «погубить итальянский фронт, упустить возможности на Балканах и все же не иметь достаточных сил для того, чтобы удержаться после 30- или 40-го дня»⁵⁸.

Таким образом, Черчилль предлагал своему министру иностранных дел не давать определенных обещаний по вопросу о втором фронте и, более того, высказывал уже не сомнения относительно целесообразности форсировать Ла-Манш, а явное нежелание осуществлять эту операцию до «краха Германии». Такая позиция английского правительства, несомненно, явилась следствием изменений в ходе военных действий в Италии, которые в связи с этим необходимо рассмотреть хотя бы вкратце.

⁵⁶ «Переписка...», т. II, стр. 285.

⁵⁷ *И. Земсков*. Дипломатическая история второго фронта. — «Международная жизнь», 1961, № 9, стр. 78; *W. Churchill*. *Op. cit.*, v. V, p. 253—254.

⁵⁸ *W. Churchill*. *Op. cit.*, v. V, p. 254—255.

3 сентября английские войска вторглись на Апеннинский полуостров у Реджо-ди-Калабрия. Сначала все шло хорошо. За первые пять дней они продвинулись на 120 км. Как было заранее условлено, король и новое итальянское правительство объявили по радио о капитуляции Италии и бежали из Рима на юг страны навстречу англо-американским войскам. 9 сентября итальянский флот оставил свои базы и направился в порты острова Мальта, где и сдался союзникам. В тот же день 5-я американская армия начала высадку южнее Салерно и уже пять дней спустя заняла освобожденный восставшим населением город Неаполь. Итальянские трудящиеся начали активные выступления против немецких оккупантов и итальянских фашистов; по всей стране начали возникать местные комитеты национального освобождения.

Черчилль, находившийся тогда в Вашингтоне, не преминул воспользоваться этой «удачей» для того, чтобы показать Рузвельту «новые возможности», открывавшиеся, по его мнению, на юге Европы. В меморандуме на имя президента США от 9 сентября он высказался за то, чтобы союзные войска продолжали наступление до предполагаемой германской линии обороны южнее Ломбардской низменности. Одновременно Черчилль предлагал занять «один или несколько» портов на побережье Далмации, через которые снабжать партизан на Балканском полуострове. «После того как будет создана линия обороны в Северной Италии, — писал он, — можно выделить часть наших собственных войск, предназначенных для Средиземноморского театра, чтобы ускорить наступление на север и северо-восток из портов Далмации. В настоящее время необходимо приложить все возможные усилия, чтобы организовать нападение на немцев по всему Балканскому полуострову, наладить доставку туда агентов, оружия и обеспечить хорошее руководство»⁵⁹.

Итак, английский премьер-министр был полон радужных надежд и стремился в первую очередь осуществить политические цели Великобритании в районе Средиземноморья и на Балканах. Поскольку Черчилль тогда не ставил вопроса о сокращении ресурсов, выделяемых для вторжения в Северо-Западную Европу, или об изменении принятых в Квебеке решений, то Рузвельт и начальники американских штабов, не усматривавшие в его планах помехи подготовке операции «Оверлорд», дали свое принципиальное согласие на предложенные им действия⁶⁰.

Но и гитлеровское командование не дремало. Еще 17 июля Иодль на совещании в ставке Гитлера заявил, что захват противником Италии «окажет серьезное влияние на Балканы»⁶¹. Тогда же было принято решение оборонять всю Италию, включая и Сицилию. 11 авгу-

⁵⁹ *W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 121—122; Дж. Эрман. Большая стратегия. Август 1943—сентябрь 1944. М., 1958, стр. 134.*

⁶⁰ *W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 122.*

⁶¹ «*Brassey's Naval Annual, 1948*», p. 343—344.

ста Роммель и Иодль представили соответствующий проект плана⁶². Намерениям гитлеровцев в этом отношении благоприятствовали и затяжные бои в Сицилии, продолжавшиеся 38 дней, а также неправильный выбор англо-американским командованием направления удара — через Сицилию на «носок» итальянского «сапога», а затем вверх по его «голенщику», что потребовало длительного срока. Используя все железные дороги Италии, немецкое командование усилило свои войска на Апеннинском полуострове, доведя к началу сентября число дивизий до 17⁶³. Они разоружили итальянские части, оккупировали Верхнюю и Среднюю Италию и большую часть Нижней.

Сопrotивление немецко-фашистских войск здесь все больше усиливалось, а темпы продвижения англо-американских войск снижались. В начале октября последние вышли на рубеж западнее Термоли, Ларино, Беневенто, р. Вольтурно, где и были остановлены 10-й немецкой армией. Форсирование р. Вольтурно началось лишь 12 октября. К середине того же месяца сухопутные силы сторон на фронте начали уравниваться (11 англо-американским дивизиям противостояло 9 немецко-фашистских), господство на море и в воздухе по-прежнему принадлежало союзникам, но боевые действия приняли затяжной характер и перерастали в позиционную борьбу.

А это создавало прямую угрозу планам Черчилля, и он склонялся к мысли отказаться от квебекских решений. Для этого он хотел воспользоваться своими «тремя условиями», высказанными им на предыдущей конференции.

Послание Черчилля Идену в Москву, разумеется, повлияло на поведение британской и отчасти американской делегаций на конференции. Английский генерал-лейтенант Исмей и американский генерал-майор Дин кратко изложили содержание решений, принятых на Вашингтонской и Квебекской конференциях. При этом Исмей сообщил и «три условия» Черчилля, а также подчеркнул, что от них зависит создание второго фронта весной 1944 г.⁶⁴

Когда же советская делегация вновь потребовала дать прямой ответ на вопрос о том, остается ли в силе решение о вторжении в Северо-Западную Европу, генерал Дин заявил: «Решение предпринять операции через Канал весной 1944 г. было вновь подтверждено на последней конференции в Квебеке. При этом следует иметь в виду, что такое решение, как это бывает со всяким решением военного характера, принятым заранее, подчинено некоторым условиям, которые будут существовать в тот момент, когда должна состояться операция. . . Мы с уверенностью считаем, что эти условия будут существовать, и продолжаем в полном масштабе подготовительные мероприятия для осуществления наступления. Твердость

⁶² Ibid., p. 358.

⁶³ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 3, стр. 571.

⁶⁴ J. Deane. The Strange Alliance. New York, 1947, p. 18—19.

этого решения можно видеть, хотя бы наблюдая подъем, с которым проводятся в настоящее время эти приготовления»⁶⁵.

Нельзя не заметить, что наряду с общей для заявлений американцев и англичан ссылкой на упомянутые выше условия была в них и существенная разница. Если первые по крайней мере подтверждали, как это сделал генерал Дин, что вторжение во Францию намечено на весну 1944 г., то вторые уклонялись от упоминания о сроках этой операции. Более того, после совместного заявления Хэлла и Идена о том, что «решение было вновь подтверждено на прошедшей недавно Квебекской конференции с условиями, о которых только что говорили, и что подготовка к проведению операции ведется такими темпами, какие только возможны»⁶⁶, британский министр, судя по его письму, счел необходимым добавить, что точной даты начала форсирования Ла-Манша не было установлено⁶⁷.

Это различие, конечно, объяснялось уже показанными выше расхождениями между американской и британской точками зрения по вопросу об открытии второго фронта в Европе. Таким образом, именно в дни Московской конференции английские правящие круги обнаружили стремление пересмотреть квебекские решения, исходя из своих интересов и соответствовавшей им оценки обстановки, сложившейся в Европе.

Правда, сначала оно тщательно маскировалось, так как противоречило не только давно известной позиции Советского Союза, но и намерениям США, уже определенно сформировавшимся к тому времени. Так, узнав от Идена, что советская делегация настойчиво требовала от союзников высказаться более определенно о втором фронте, Черчилль рекомендовал своему министру отвлечь ее внимание от этой проблемы, поставив на обсуждение другие вопросы, например о вступлении Турции и Швеции в войну, об организации поставок Советскому Союзу через черноморские порты и т. п.⁶⁸

Когда же и это не помогло, Черчилль вынужден был согласиться на более откровенное заявление. 26 октября он послал Идену копию полученного за два дня до этого доклада генерала Александера об обстановке на Средиземноморском театре. В нем утверждалось, что союзным войскам, по всей вероятности, предстоит длительное и дорогостоящее наступление на Рим, поскольку они могут быть «задержаны южнее Рима так долго, что немцы будут иметь возможность справиться с положением в Северной Италии, а затем укрепить свой южный фронт. В этом случае инициатива может перейти к ним»⁶⁹.

Черчилль просил Идена показать этот документ Сталину и далее указывал: «Вы должны дать ему понять, если найдете это целе-

⁶⁵ «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 78.

⁶⁶ «The Memoirs of Cordell Hull», v. II, New York, 1948, p. 1280.

⁶⁷ W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 256.

⁶⁸ Ibid., p. 256—257.

⁶⁹ Ibid., p. 219—220.

сообразным, что я, пока на мне лежит ответственность, не допущу, чтобы великая и плодотворная кампания в Италии, которая уже заставила немцев бросить в бой крупные резервы, была заброшена и закончилась ужасной катастрофой из-за переправы через Ла-Манш в мае. Эту кампанию необходимо питать и вести до победного конца. Для операции «Оверлорд» мы сделаем все, что в наших силах, но нет смысла подготавливать поражение на поле боя ради временного политического удовлетворения... Поэтому вы должны разъяснить, что заверения, данные нами относительно проведения операции «Оверлорд» в мае с учетом специально оговоренных условий, должны быть изменены в зависимости от крайних потребностей военных действий в Италии»⁷⁰.

Выполняя его поручение, Иден посетил 27 октября Сталина и постарался как можно убедительнее изложить английскую точку зрения. Начал он с осторожного заявления в том, что Черчилль «не абсолютно уверен» в возможности осуществить вторжение во Францию «вовремя». Тогда ему был задан следующий вопрос: «Будет ли операция «Оверлорд» отложена на месяц или на два месяца?» Иден сказал, что он не в состоянии ответить на это. Пытаясь выйти из неловкого положения, он добавил, что Черчилль «стремится наносить удары по Гитлеру». На это Сталин заметил, что у Черчилля есть склонность выбирать для себя легкий путь и оставлять для русских трудную работу⁷¹. Подчеркнув, что «это можно было сделать один раз, два раза, но нельзя этого делать все время», он добавил: «Мы не буквоеды. Мы не будем требовать того, что наши союзники не в состоянии сделать»⁷².

Это было воспринято как намек на то, что Советский Союз не так уж заинтересован в открытии союзниками второго фронта и может самостоятельно добиться победы. Даже Черчилля такая перспектива весьма встревожила. Решив, по-видимому, действовать более осторожно, он срочно дал Идену новые инструкции.

В его письме от 29 октября говорилось: «Конечно, не может быть и речи об отказе от операции «Оверлорд», которая останется нашей главной операцией в 1944 г. Задержка десантных судов на Средиземном море, чтобы не проиграть сражение за Рим, может привести к незначительной отсрочке, возможно до июля, поскольку легкие суда не могут пересечь Бискайский залив в зимние месяцы и должны будут совершать переход весной. Эта отсрочка, однако, будет означать, что удар будет нанесен более крупными силами, а также, что мощные удары бомбардировочной авиации по Германии не будут ослаблены так скоро. Мы также готовы в любое время совершить переправу и воспользоваться крахом Германии». Письмо заканчивалось таким многозначительным замечанием: «Эти соображения могут пригодиться вам во время обсуждения»⁷³. Тон этого

⁷⁰ Ibid., p. 258.

⁷¹ Ibid., p. 259—261.

⁷² Цит. по: *И. Земсков*. Дипломатическая история второго фронта, стр. 79.

⁷³ *W. Churchill*. Op. cit., v. V, p. 258.

послания был менее воинственным, хотя Черчилль и продолжал свою прежнюю линию. Он говорил уже только о возможной отсрочке начала вторжения во Францию, а не об откладывании его на длительный срок.

Американцев позиция Советского правительства беспокоила еще больше, так как они никак не хотели допустить, чтобы СССР стал единственным победителем Германии. 9 ноября Дин телеграфировал комитету начальников штабов США, что, по его мнению, на предстоящей конференции в Тегеране советские представители могут ограничиться требованием об активизации английских и американских войск на Балканах. Что же касается вторжения через Ла-Манш, то, как ему казалось, интерес Советского Союза к этой операции уменьшился, поскольку «Красная Армия поверила в свою способность продвинуться к Берлину без помощи союзных армий на Западе»⁷⁴.

Подобного рода опасения, несомненно, сказались на дальнейшем поведении двух западных делегаций, причем англичане уже не делали попыток добиться даже отсрочки вторжения во Францию. В протоколе, подписанном участниками конференции 1 ноября, было записано: «В отношении п. 1 предложений Советской Делегации от 19 октября 1943 г. Министр иностранных дел Великобритании г-н Иден и Государственный секретарь США г-н Хэлл подтвердили 20 октября 1943 г., что заявление, сделанное британским генерал-лейтенантом Исмеем и американским генерал-майором Дином, ... является точным отражением самых последних решений их Правительств, принятых на Квебекской конференции в августе 1943 г. Что касается вопроса, поставленного Советской Делегацией о том, остается ли в силе заявление, сделанное г-ном Черчиллем и г-ном Рузвельтом в начале июня 1943 г. относительно того, что англо-американские войска осуществят вторжение в Северную Францию весной 1944 г., то г-н Иден и г-н Хэлл дали утвердительный ответ, заявив, что решение предпринять вторжение в Северную Францию весной 1944 г. было подтверждено на последней конференции в Квебеке при соблюдении условий, упомянутых генералом Исмеем в его заявлении. Г-н Иден и г-н Хэлл добавили, что это решение не изменилось, и приготовления для осуществления указанной выше операции проводятся в данное время так быстро, как возможно»⁷⁵.

Советская делегация со своей стороны записала в протоколе, что она «выражает надежду, что изложенный в этих заявлениях план вторжения англо-американских войск в Северную Францию весной 1944 г. будет осуществлен в срок»⁷⁶.

Таким образом, делегациям США и Англии удалось лишь скрыть точный срок начала операции — 1 мая 1944 г., установленный на

⁷⁴ G. A. Harrison. The Cross-Channel Attack. Washington, 1951, p. 121—122.

⁷⁵ «Международная жизнь», 1961, № 9, стр. 79.

⁷⁶ Там же.

конференции в Квебеке. Попытка же английского правительства поставить вторжение в Северную Францию в зависимость от успеха операций в Италии провалилась.

Благодаря твердой и последовательной позиции СССР Московская конференция стала важным этапом на пути к принятию согласованного решения об открытии второго фронта.

Перед конференцией «Большой тройки»

Почти месяц, отделявший Московскую конференцию министров иностранных дел от встречи глав трех правительств в Тегеране, был периодом усиления англо-американских разногласий по вопросу о стратегии.

Политику британского правительства в данном вопросе все больше определяло стремление поправить дела на Средиземноморском театре военных действий, где бои приняли затяжной, позиционный характер. Воспользовавшись ошибками англо-американского командования, немцы сумели организовать оборону южнее Рима. Додеканесские острова, часть которых после капитуляции Италии заняли англичане, не имевшие сил для их удержания, к концу ноября вновь были захвачены немецко-фашистскими войсками⁷⁷.

Так рушились планы Черчилля создать в короткий срок, воспользовавшись капитуляцией Италии, выгодные плацдармы для вторжения на Балканы. Это толкнуло его, а также начальников английских штабов снова выступить за увеличение сил и средств для проведения операций на Средиземноморском театре в ущерб подготовке вторжения в Северную Францию.

Еще 14 октября английский комитет начальников штабов сообщил Черчиллю, что испытывает «чувство беспокойства... в связи с тем, что жесткие рамки принятых в Квебеке решений относительно использования... сил препятствуют должному развитию наших успехов на Средиземном море»⁷⁸. Пять дней спустя этот комитет с участием премьер-министра рассмотрел «создавшееся положение»⁷⁹.

Подводя итоги обсуждения, Черчилль заявил: «Бесспорно, если бы мы могли одни определять на будущее план ведения войны, нам следовало бы: 1) максимально увеличить наши силы на Итальянском театре военных действий; 2) вступить на Балканы; 3) сохранить наши позиции на островах Эгейского моря; 4) наращивать мощь наших военно-воздушных сил и усилить наши налеты на Германию; 5) способствовать постепенному сосредоточению в на-

⁷⁷ Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 122—131.

Эта авантюра привела английские войска лишь к бессмысленной потере 5 тыс. солдат и офицеров (G. A. Harrison. Op. cit., p. 119).

⁷⁸ Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 134.

⁷⁹ Там же, стр. 134—135.

шей стране тех войск Соединенных Штатов, которые ввиду нехватки судов не могут быть использованы на Тихом океане, с тем чтобы применить их, когда сопротивление противника будет ослаблено нашими действиями на других театрах, хотя это, возможно, произойдет не раньше весны 1944 года. К сожалению, мы не можем односторонне принимать решение относительно будущих действий союзных держав. Поэтому необходимо новое совещание с американцами...»⁸⁰

Этот документ как нельзя лучше показывает истинные устремления английского правительства, суть всех его планов войны против фашистской Германии в Европе, которые оно тщательно скрывало даже от своего американского партнера. Поскольку намерения премьер-министра полностью разделялись и военной верхушкой Великобритании, то усиленно продолжалось изучение возможностей вторжения английских и американских войск на Балканы. Рассчитывая добиться соответствующего решения на Тегеранской конференции или во время намеченной предварительной англо-американской встречи в Каире, британские политические и военные руководители приступили к поискам форм и способов воздействия на союзников, главным образом на США, чтобы заставить их поддержать план Черчилля.

25 октября фельдмаршал А. Брук записал в дневнике: «Становится все более очевидным, что наши действия в Италии оказались в тупике и что из-за нехватки ресурсов мы не только зашли в тупик, но и поставили себя в очень опасное положение, если успехи русских не будут расти... Нам предстоит ужасный спор с американцами, которые поставили нас в такое положение своим требованием отказаться от действий в районе Средиземного моря во имя проблематичной операции по форсированию Ла-Манша. Мы теперь начинаем видеть всю прелесть стратегии Маршалла!»⁸¹

В последующие дни состоялись три совещания английских начальников штабов, на которых обсуждался упоминавшийся выше доклад Александра о положении в Италии. На двух из них присутствовал и Черчилль.

Приняв в расчет англо-американское господство на море и в воздухе, наличие у противника открытых флангов для обхода с моря и другие условия, позволяющие продолжать наступательные действия в Италии и в восточной части Средиземноморья, а также учтя «упрямство» американцев, Брук предложил высказать им следующую точку зрения: «Наиболее энергичное планирование и подготовка... необходимы для проведения в следующем году операции по форсированию Ла-Манша, но эти планы не должны свести на нет действия, которые сами по себе были одними из самых значительных для тех приготовлений»⁸².

⁸⁰ Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 546.

⁸¹ А. Bryant. Triumph in the West. London, 1959, p. 56.

⁸² Ibid., p. 57.

Начальник имперского генерального штаба имел в виду уже высказывавшийся им и Черчиллем тезис о том, что операции на Средиземноморском театре якобы призваны отвлечь силы и средства противника и тем способствовать успеху вторжения союзных войск в Северо-Западную Европу.

Любопытно, что этот довод уже в послевоенные годы продолжали всячески отстаивать как Черчилль в своих мемуарах, так и многие английские буржуазные историки. Между тем он был не более чем тактическим маневром. Суть его состояла в том, чтобы путем признания необходимости форсирования Ла-Манша и, более того, оценки всех действий союзных войск на Средиземноморском театре как одного из мероприятий по обеспечению вторжения в Северо-Западную Европу привлечь не столько внимание, сколько силы и ресурсы США для осуществления английских планов в Южной и особенно Юго-Восточной Европе.

Это подтверждается и тем фактом, что именно на названных трех совещаниях, где обсуждалось предложение Брука, начальники английских штабов решили добиваться захвата островов Крит и Родос, поскольку данные операции, по их мнению, способствовали бы успеху на Балканах⁸³.

В итоге целой серии совещаний начальники штабов подготовили и 11 ноября представили Черчиллю меморандум, предназначавшийся для представления Объединенному совету начальников штабов во время предстоящей встречи в Каире. Они заявили, что с момента конференции в Квебеке обстановка существенным образом изменилась, и в связи с этим требовали пересмотра принятых там решений. В меморандуме говорилось: «Основным является следующий вопрос: сколь долго можно сохранять в неприкосновенности то, что можно назвать «святыней Оверлорд», не считаясь с развитием событий на Средиземном море. Этот вопрос осложняет все наши планы на будущее, и его следует разрешить (в Каире)... Мы считаем, что в новых условиях изменения, а быть может, и отход от решений, принятых в Касабланке и Квебеке, не только полностью оправданы, но положительно необходимы»⁸⁴.

Начальники английских штабов, разумеется, подчеркивали, что они не совсем отказываются от согласованного решения о вторжении через Ла-Манш «поздней весной или даже ранее», но согласны на это лишь в том случае, если создадутся условия, предусмотренные для осуществления плана «Рэнкин», т. е. если станет очевидным крах Германии. Что же касается операции «Оверлорд», то предполагалось «не... связывать себя твердой датой», не рассматривать ее как основу всей стратегии западных союзников и не считать, «что от нее зависит решительно все остальное»⁸⁵.

Авторы меморандума поставили вопрос о создании единого

⁸³ Ibid., p. 59.

⁸⁴ Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 138.

⁸⁵ Там же.

командования на Средиземноморском театре и выдвинули новый план действий. Он предусматривал продолжение наступления в Италии до линии Пиза—Римини. В отношении Югославии, Греции и Албании предлагалось кроме расширения снабжения партизан и иррегулярных войск в них подготовиться к тому, чтобы «в случае необходимости... создать небольшой плацдарм на побережье Далмации или Албании». Наконец, они хотели втянуть Турцию в войну, подорвать сопротивление немцев в странах Балканского полуострова и вызвать хаос и разложение в странах—сателлитах Германии на Балканском полуострове⁸⁶.

Разрабатывая такую программу укрепления позиций Великобритании в Юго-Восточной Европе, ее составители вполне отдавали себе отчет в том, что для этого потребуются большие силы и немало времени и что ее принятие приведет к срыву вторжения через Ла-Манш. Но опасность такого развития событий их не смущала. «Если осуществление указанных мероприятий, — писали они, — задержит отставку в Великобританию сил и средств, необходимых для проведения операции «Оверлорд», то на это следует пойти...»⁸⁷

Черчилль одобрил этот документ. Впрочем, в результате дальнейшего обсуждения уже из тактических соображений было решено во время переговоров с американцами не упоминать о намерениях создать плацдарм на побережье Далмации или Албании. Дж. Эрман попытался объяснить утайку от США данного пункта тем, что он мог «представить в ложном свете намерения англичан»⁸⁸, а Брайант увидел в этом стремление Черчилля «не вызывать у американцев подозрения, что англичане пытаются ограничить действия на Западе в угоду кампании на Балканах»⁸⁹.

Однако изъятие «опасного пункта» не означало, что британское правительство отказалось от осуществления намеченной в нем цели. Уже в пути на Каирскую конференцию Черчилль, по свидетельству Брука, высказал намерение не идти на «жертвы в Эгейском море и на побережье Далмации». Определяя линию поведения английской делегации в Каире, «он был склонен заявить американцам: «Хорошо, если вы не станете играть с нами в районе Средиземного моря, мы не будем играть с вами в районе Ла-Манша»»⁹⁰.

Совершенно очевидно, что решительность позиции Черчилля и его готовность «раскрыть карты» перед американцами были обусловлены чувствовавшимся уже приближением конца войны. Не желая отказаться от реализации английских планов в районе Средиземного моря, он предпочитал пожертвовать интересами, по преимуществу американскими, в Северо-Западной Европе.

Для Рузвельта он подготовил специальный документ, в котором пытался доказать, что главная причина неудач союзников в Ита-

⁸⁶ Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 139.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же, стр. 140.

⁸⁹ А. Bryant. Op. cit., p. 67.

⁹⁰ Ibid., p. 71.

лии и Эгейском море — нависшая над союзниками «тень операции Оверлорд». Далее он писал: «Решения в Квебеке были приняты до того, как стали ясны последствия краха Италии, до капитуляции итальянского флота и до успешного вторжения на континент Европы (в Италию. — В. К.). Теперь мы стоим перед перспективой того, что если мы будем строго придерживаться намеченного срока начала операции «Оверлорд», это помешает кампании в Средиземном море и ослабит ее, наши дела на Балканах пойдут хуже, а Эгейское море и в дальнейшем останется в немецких руках». Более того, Черчилль подчеркнул, что форсирование Ла-Манша вообще нельзя будет осуществить, «если нажим со стороны Средиземного моря ослабнет»⁹¹.

Тем временем в США тоже готовились к конференции в Тегеране и предварительной англо-американской встрече в Каире. Свою точку зрения по основным вопросам дальнейшего ведения войны начальники американских штабов изложили в меморандуме Рузвельту от 6 ноября. Повторив уже ставшую традиционной формулу основной цели войны, состоявшую в том, чтобы «совместно с Россией и другими союзниками в кратчайший срок добиться безоговорочной капитуляции стран оси в Европе», они определили и важнейшие направления своих действий для достижения этой цели.

В частности намечалось: а) укрепить безопасность и увеличить военную мощь Западного полушария и Британских островов; б) поддерживать высокую боеспособность американских сил во всех районах; в) поддерживать важнейшие морские коммуникации, обратив особое внимание на уменьшение угрозы со стороны подводных лодок противника; г) продолжать действия с целью прервать морские коммуникации стран оси; д) интенсифицировать воздушное наступление против стран оси в Европе; е) сосредоточить максимальные ресурсы в избранных районах так скоро, как это будет практически возможно с целью осуществления решительного вторжения в цитадель стран оси; ж) предпринять такие действия, которые могли бы быть необходимыми и практически осуществимыми, чтобы оказать помощь военным усилиям России; з) продолжать оказывать помощь французским и итальянским силам Сопротивления, чтобы они смогли играть активную роль в войне против стран оси; и) подготовиться к перемещению сил с Европейского театра на Тихий океан и Дальний Восток как только обстановка в Германии позволит это сделать⁹².

В этом документе, как мы видим, были изложены общие положения американской стратегии. Что же касается выбора района для «решительного вторжения в цитадель стран оси», то в этом отношении американцы намеревались отстоять решения, принятые в Квебеке.

⁹¹ W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 293.

⁹² «Foreign Relation of the United States. The Conferences at Cairo and Tehran. 1943» (далее — «The Conferences at Cairo and Tehran»). Washington, 1959, p. 157—158.

Английские политические и военные деятели знали о настроениях своего американского союзника. Они, по словам Р. Шервуда, «уже знали, что, хотя премьер-министр (Черчилль. — В. К.) всегда с большим энтузиазмом и красноречием одобряет операцию «Оверлорд» в принципе, он решительно не желает принять ее как операцию, намеченную на определенный срок, считая, что тактикой измора можно будет довести германские силы до полного истощения, после чего англо-американские войска в Соединенном Королевстве смогут предпринять триумфальный марш через Ла-Манш прямо на Берлин, преодолевая на своем пути лишь сопротивление отдельных снайперов»⁹³.

В этом в сущности и состояла британская стратегия «непрямых действий», главным принципом которой во второй мировой войне была экономия собственных сил за счет перекалывания основной тяжести борьбы с гитлеровской Германией на Советский Союз, с тем чтобы в соответствующий момент самим воспользоваться ее результатами.

Такую политику до определенного времени проводило и правительство США, что подтверждается приведенными выше материалами предыдущих англо-американских переговоров и решений по вопросам ведения войны.

В конце же 1943 г., когда уже явно обозначился перелом в войне в пользу антифашистской коалиции и возникли условия для того, чтобы Советский Союз смог добиться победы даже без второго фронта, правящие круги США увидели в этом опасность для осуществления своих целей в Европе, более того, для достижения своих целей в послевоенном мире. Эта тревога усиливалась по мере развития успехов Красной Армии. В тот период даже в штабе Моргана в Лондоне высказывалось мнение, что скорее всего придется осуществлять не операцию «Оверлорд», а план «Рэнкин», предусматривавший, как уже отмечалось, срочные действия на случай «внезапного» краха Германии⁹⁴, о чем американский генерал Баркер телеграфировал в Вашингтон еще в октябре⁹⁵.

Таким образом, политика откладывания второго фронта в то время уже не устраивала правящие круги США. Напротив, они стали еще более опасаться, что их вооруженные силы опоздают с вступлением в Западную и Центральную Европу.

18 ноября 1943 г. начальники американских штабов составили меморандум «Оценка положения противника в 1944 г. в Европе»⁹⁶. В нем выражалась уверенность, что Германия уже сильно переутомлена, а ее общее положение продолжает ухудшаться. По мнению авторов этого документа, она располагала еще значительными ресурсами, но могла восстановить силы лишь в том случае, если бы хоть

⁹³ Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. II. М., 1958, стр. 456.

⁹⁴ G. A. Harrison. Op. cit., p. 120.

⁹⁵ См. Ф. С. Погью. Верховное командование. М., 1959, стр. 110.

⁹⁶ «The Conferences at Cairo and Tehran», p. 214—218.

«на время» избавилась от «давления». В настоящее время, говорилось далее, Германия на всех фронтах перешла к обороне и не имела не только возможностей для решительного наступления, но и уже не располагала необходимыми ресурсами для удовлетворения всех нужд войны. Дальнейшее истощение людских ресурсов Германии и продолжающиеся тяжелые потери, заявляли авторы меморандума, неизбежно должны были привести к сокращению численности или падению качества германской армии⁹⁷.

Высказывались следующие предположения на 1944 г.: «а) немецкие действия против судоходства будут продолжаться, но, возможно, со снижающимся эффектом; б) бомбардировочное наступление против Германии достигнет эффекта, уничтожив германскую истребительную авиацию, расстроив промышленность и подрвав ее моральное состояние. Оно создаст в Германии условия, способствующие полному военному поражению ее; в) последнюю немецкую линию обороны на востоке можно предположить по рекам Днестр, Западный Буг, Неман. Там они должны будут остановиться и дать решающую битву, так как дальнейшее отступление открыло бы важнейшие жизненные районы; г) Германия будет сопротивляться до тех пор, пока у нее останется надежда таким путем добиться ничейного результата или мира на договорных условиях. Когда эта надежда исчезнет, верховное командование может взять на себя управление, чтобы прекратить разрушение, пагубное для будущего восстановления Германии. Легко определяемые признаки краха Германии не появятся до тех пор, пока не приблизится конец ее сопротивлению; когда это будет достигнуто, разрушение будет развиваться с потрясающей быстротой»⁹⁸.

Что касается условий, которые вынудили бы фашистскую Германию к капитуляции, то они, по мнению начальников штабов, могли возникнуть только в том случае, «если Германия не сможет осуществлять успешную оборону на всех фронтах и не сможет разобщить своих противников, заключив мир с одним из них, чтобы направить все силы против других. . .»⁹⁹.

Такая оценка состояния фашистской Германии и ее вооруженных сил, несомненно, являлась косвенным признанием решающей роли Советского Союза в войне, так как до этого только Красная Армия вела решительные боевые действия против основной массы немецко-фашистских войск. Кроме того, начальники американских штабов определили, что соотношение сил на Восточном фронте составляло 3 : 2 в пользу Красной Армии. Они также писали: «Давление, развиваемое и поддерживаемое Красной Армией, превзошло все германские ожидания, а германские потери в людях, средствах и территории гораздо большие, чем предполагалось»¹⁰⁰.

⁹⁷ «The Conferences at Cairo and Tehran», p. 214.

⁹⁸ Ibid., p. 228.

⁹⁹ Ibidem.

¹⁰⁰ Ibid., p. 221.

Таким образом, военные деятели США пришли к двум основным выводам: фашистскую Германию можно было заставить безоговорочно капитулировать только наступлением на всех фронтах; в результате дальнейшего наступления Красной Армии Советский Союз мог один на один добиться победы в войне.

Но пристальное внимание правительства США привлекал не столько первый, сколько второй из выводов, так как он усиливал опасения относительно нежелательных для американских правящих кругов последствий дальнейшей отсрочки открытия второго фронта. Они заключались, по их мнению, в том, что Красная Армия не остановится на своих западных границах, а, продолжая наступление, может дойти до стран Западной Европы, куда они не только не хотели, но и боялись ее допустить. Этими соображениями во многом и определялась дальнейшая позиция политического и военного руководства США. На них оно основывало и свой вывод о том, что отправка крупных американских и английских сил на Балканы была делом «чрезвычайно опасным»¹⁰¹.

Незадолго до начала Каирской конференции на совещаниях у Рузвельта при участии Гопкинса, генералов Маршалла, Арнольда, Уотсона, Сомервелла, Хэнди и адмиралов Леги, Кинга, Брауна, Макинтайра и Кука были рассмотрены основные предложения по спорным вопросам стратегии войны в Европе. На случай, если английские коллеги «останутся непреклонными», были подготовлены и варианты компромиссных решений¹⁰².

В частности, к 18 ноября был окончательно готов меморандум относительно действий в районе восточной части Средиземного моря. В нем прежде всего отмечалось, что американцы не считали подступы из района восточной части Средиземного моря — Балкан к «европейской крепости» подходящими для военных действий большого размаха из-за условий местности и плохих путей сообщения, что осуществление согласованной стратегии разгрома Германии требовало применения всех возможных военных средств и что, как свидетельствовал опыт, одобрение операций с ограниченной, хотя и заманчивой целью неизменно вынуждало тратить большие силы и ресурсы, чем это ранее предполагалось¹⁰³.

Установив все это, заявлялось далее: «Мы согласились, что лучшей нашей стратегией для разгрома Германии будет, если мы заставим рассредоточить ее оборонительные силы в горных позициях района Балканы—Эгейское море. Поэтому, если обстановка останется такой же, как в настоящее время, в районе Балканы—Восточная часть Средиземного моря все действия ограничатся следующим: а) снабжением балканских партизан по морю и воздушным транспортом; б) небольшими операциями, проводимыми диверсионными

¹⁰¹ *H. Stimson, M. Bundy. On Active Service in Peace and War. New York, 1947, p. 437.*

¹⁰² *См. Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 456.*

¹⁰³ «*The Conferences at Cairo and Tehran*», p. 210.

силами; в) бомбардировкой важных стратегических объектов». В этом документе выражалось согласие на вступление Турции в войну, но указывалось, что помощь ей могла оказываться в таких размерах, которые не помешали бы выполнению ранее принятых более важных обязательств¹⁰⁴.

Рузвельт одобрил основные положения меморандума. Он попросил направить этот документ англичанам и «твердо придерживаться его» на конференции в Каире¹⁰⁵.

В тот же день был составлен еще один документ, в котором намечались операции против Германии и ее сателлитов на конец 1943 и 1944 г.

Первой из них было названо укрепление и превращение в военную базу Азорских островов. Затем следовало «комбинированное бомбардировочное наступление», которым предполагалось расстроить промышленность и военную мощь Германии, разрушить наиболее важные узлы коммуникаций, нанести поражение германской авиации и тем подготовить успех операции «Оверлорд». При этом имелось в виду использовать также авиационные базы, оборудованные на территории СССР¹⁰⁶.

В отношении плана «Оверлорд» указывалось, что его осуществление «будет главной операцией американских и английских сухопутных и военно-воздушных сил против фашистской Германии». Начало ее намечалось по-прежнему на 1 мая 1944 г. Все имевшиеся в распоряжении союзников ресурсы предполагалось распределить между вторжением через Ла-Манш и действиями в Средиземном море, однако с тем, чтобы прежде всего обеспечить успех операции «Оверлорд». В Италии, говорилось в меморандуме, следовало оказывать на противника максимально возможное давление, но лишь выделенными силами, чтобы содействовать созданию условий, требовавшихся для успеха операции «Оверлорд», а при благоприятной обстановке для возможного вступления союзных армий, включая и перевооруженную французскую армию и авиацию в Южную Францию¹⁰⁷.

Американцы планировали также «быстрые действия для непредвиденного вступления в Европу» по плану «Рэнкин». В этом случае намечалось, что «в сотрудничестве с СССР» на европейский континент вступят вооруженные силы из Великобритании, с Североафриканского театра военных действий, Среднего Востока и, «если потребуется», из США.

Наконец, предлагалось координировать действия вооруженных сил США, Великобритании и Советского Союза в отношении патриотических сил в Европе, обеспечивая их снабжением «в пределах лимитов имеющихся в распоряжении средств, но не в ущерб глав-

¹⁰⁴ Ibidem.

¹⁰⁵ Ibid., p. 195.

¹⁰⁶ Ibid., p. 211.

¹⁰⁷ Ibid., p. 211—212.

ным операциям... чтобы они имели возможность проводить саботаж, пропаганду, разведку и партизанские действия»¹⁰⁸.

Необходимо отметить, что при обсуждении вопроса об американской стратегии на Балканах Рузвельт на совещании 19 ноября сказал, что многое будет зависеть от «советского отношения к этому вопросу»¹⁰⁹.

Дело в том, что, по-видимому, под влиянием приведенной выше телеграммы генерала Дина из Москвы и других аналогичных сообщений американские руководящие деятели вообразили, будто «в связи с достигнутыми за последнее время военными успехами Россия могла высказаться за оказание ей более непосредственной военной поддержки в самом ближайшем будущем и потребовать на конференции в Тегеране расширения военных действий в Италии и, возможно, даже вторжения на Балканы с юга»¹¹⁰ для того, чтобы «отвлечь больше сил с главного Восточного фронта»¹¹¹.

Поэтому-то и на совещании 19 ноября высказывалось предположение о вероятности изменения позиции Советского правительства в отношении второго фронта, а именно о том, что он, возможно, предпочтет непосредственную поддержку из района Средиземного моря ожиданию более сильного, но еще не скорого удара в Северо-Западной Европе¹¹². Такая перспектива не устраивала американских руководителей, так как, по мнению генерала Маршалла, она «означала бы сокращение возможностей Соединенных Штатов на две трети...»¹¹³.

Но если позиция Советского правительства, по мнению американцев, лишь «могла измениться», то английская точка зрения не вызывала у них сомнений, и они намеревались противостоять ей самым решительным образом. Рузвельт даже высказался за то, чтобы поставить вопрос об отправке на Дальний Восток британских войск, находившихся «на Среднем Востоке, рядом с Балканами». А генерал Маршалл предложил на тот случай, если англичане будут упорствовать в своем стремлении «пустить под откос» операцию «Оверлорд», сказать им, что США отведут свои силы из Европы на Тихий океан¹¹⁴.

Таким образом, намечая довольно многочисленные направления для действий своих вооруженных сил в Европе, в том числе — в виде некоторой уступки англичанам — и в Восточной части Средиземного моря, американские руководители определили, что главной операцией должно стать форсирование Ла-Манша, которое предполагалось начать 1 мая 1944 г.

Имея в виду добиться в Тегеране поддержки Советского прави-

¹⁰⁸ «The Conferences at Cairo and Tehran», p. 212—213.

¹⁰⁹ Ibid., p. 259.

¹¹⁰ Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 179.

¹¹¹ G. A. Harrison. Op. cit., p. 120.

¹¹² Ibid., p. 121—122.

¹¹³ «The Conferences at Cairo and Tehran», p. 259.

¹¹⁴ Ibidem.

тельства в вопросе об операции «Оверлорд», Рузвельт, в отличие от своей политики на прежних англо-американских встречах, на этот раз решительно отверг настойчивые предложения Черчилля договориться в Каире (без участия советских представителей) о планах дальнейших действий в Европе ¹¹⁵.

С обострением разногласий между американцами и англичанами относительно дальнейших действий было непосредственно связано и выдвинутое тогда Вашингтоном предложение о назначении верховного командующего вооруженными силами США и Великобритании в Европе. Американских руководителей уже не устраивало достигнутое в Квебеке соглашение о том, что их представитель будет командовать лишь теми союзными войсками, которые выделяются для операции «Оверлорд». Они предпочитали, чтобы американский генерал (причем на эту роль намечался Маршалл) мог по своему усмотрению перебрасывать любые силы и средства, находящиеся в его распоряжении, с одного театра военных действий на другой ¹¹⁶.

Такое намерение, совершенно новое для политики США, основывалось на том, что американцы все больше убеждались в зависимости Англии от их помощи и хотели соответствующим образом использовать это обстоятельство. «Теперь, — заявил Гопкинс несколько позднее, в Каире, сыну президента Эллиоту, — наша промышленность заработала по-настоящему. Мы даем танки, суда, орудия. Это новое обстоятельство. Отныне война будет вестись при помощи американской техники и в основном американцами (на Западе. — *В. К.*). Разве это не меняет дела?.. Кто же тут старший партнер и кто младший?» ¹¹⁷

Характерна также следующая мотивировка идеи назначения американского главнокомандующего, приведенная еще в сентябре в письме военного министра США Стимсона президенту Рузвельту: «Я думаю, что мы не можем затягивать принятия им (Маршаллом. — *В. К.*) командования дальше 1 ноября. Надо полагать, что опасные оттяжки и уклонения в сторону, могущие нанести ущерб операции «Оверлорд», начнутся в Соединенном Королевстве этой осенью, и только его личное присутствие и влияние могут избавить нас от них» ¹¹⁸.

Конечно, англичанам не сообщались подобного рода соображения. Они вообще узнали о желании американцев назначить Маршалла главнокомандующим только в ноябре из послания Рузвельта Черчиллю. Причем последнее было составлено примерно в тех же выражениях, что и написанный Гопкинсом 4 октября меморандум для президента, в котором говорилось: «Я твердо считаю, что с точки

¹¹⁵ Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 180; *W. Churchill*. Op. cit., v. V, p. 279—280, 282—284.

¹¹⁶ *W. Churchill*. Op. cit., v. V, p. 271.

¹¹⁷ Э. Рузвельт. Его глазами. М., 1947, стр. 156.

¹¹⁸ Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 450.

зрения организации Маршалл должен командовать всеми вооруженными силами союзников (за исключением русских), атакующими германскую крепость... Мне кажется, что в нашем наступлении в Европе против Германии нам нужна будет в первую очередь гибкость, и, хотим мы того или нет, ход событий, несомненно, потребует этого. Сейчас никто не может знать, на каком этапе или этапах нам придется изменить направление и силу нашего удара»¹¹⁹.

Черчилль и английские штабы в свою очередь опасались того, что с введением поста верховного главнокомандующего американцы получат возможность использовать в собственных интересах силы и ресурсы Великобритании.

Узнав о намерении американцев, Черчилль срочно дал фельдмаршалу Диллу, представлявшему в Вашингтоне комитет начальников английских штабов, указание «разъяснить адмиралу Леги, что мы (британское правительство. — *В. К.*) ни в коем случае не можем согласиться подчинить операцию «Оверлорд» и Средиземноморский театр американскому главнокомандующему. Такое положение было бы несовместимо с принципом равного статуса в отношениях между великими державами. Я не могу согласиться с объединением двух театров военных действий под руководством одного главнокомандующего. Это поставило бы его над Объединенным советом начальников штабов, а также ущемило бы право распоряжаться перебросками вооруженных сил, принадлежащее по конституции президенту, как верховному главнокомандующему вооруженными силами США, и премьер-министру, действующему от имени военного кабинета»¹²⁰.

Таким образом, на последнем, завершающем этапе второй мировой войны в Европе между западными союзниками возникли серьезные разногласия по вопросам коалиционной стратегии, которые определялись как интересами правящих кругов обеих стран, так и претензией американцев на руководящую роль в отношениях между ними.

Начало Каирской конференции

Первая попытка найти способы и формы разрешения возникших разногласий была предпринята двумя союзниками на Каирской конференции, открывшейся 22 ноября 1943 г.¹²¹

¹¹⁹ *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. II, стр. 452—453.

¹²⁰ *W. Churchill*. *Op. cit.*, v. V, p. 271.

¹²¹ Так как в Каир прибыл и Чан Кай-ши, то в первые дни Каирской конференции ее участники рассмотрели прежде всего планы военных действий в Юго-Восточной Азии. Проблемы, связанные с ведением войны в Европе, обсуждались только на втором пленарном заседании утром 24 ноября, а затем Объединенным советом начальников штабов 25 и 26 ноября (см. *Дж. Эрман*. Указ. соч., стр. 178—194).

Британскую позицию изложил на конференции Черчилль. Вновь клянясь в своей верности идее вторжения в Северо-Западную Европу и уверяя в своей готовности считать эту операцию «главной», он в то же время заявил: «... Но эта операция не должна быть настолько тиранической, чтобы полностью исключить другие действия в районе Средиземного моря»¹²². Черчилль выразил надежду, что «русские присоединятся к мнению своих западных союзников» по вопросу о вступлении Турции в войну на стороне антифашистской коалиции, так как «поймут, сколь велики те возможности, которые появятся в связи с открытием Дарданелл». Кроме того, по его словам, влияние такого шага «на Венгрию, Румынию и Болгарию было бы глубоким». И все это могло бы быть достигнуто очень незначительной ценой, примерно «двумя дивизиями и несколькими десантными судами»¹²³.

Черчилль настаивал также на продолжении наступления в Италии. При этом он заявил, что англичане не намерены продолжать наступление в долину р. По, а хотят лишь выйти на линию Пиза—Римини, после чего можно будет решить, куда идти дальше — «налево (в сторону Южной Франции) или направо (на Балканы)»¹²⁴.

Далее он поставил вопрос о необходимости задержать до 15 января для использования на Средиземноморском театре 68 танко-десантных судов, предназначавшихся для переброски на Британские острова. И в заключение заявил: «Коротко говоря, мой план состоит в том, чтобы овладеть Римом в январе, Родосом — в феврале; возобновить отправку снабжения югославам, урегулировать вопросы командования и установить контроль над Эгейским морем (в зависимости от результатов переговоров с Турцией); полным ходом продолжать подготовку операции «Оверлорд» с учетом разработанных ранее планов военных действий в районе Средиземного моря»¹²⁵.

Рузвельт возразил, что развитие событий в ближайшие месяцы, которые «невозможно предвидеть», может вынудить к иным, нежелательным действиям, способным помешать операции «Оверлорд». Если наступление русских, говорил он, будет развиваться так же, как сейчас, то через несколько недель они подойдут к границам Румынии и «могут предложить соединить наше правое крыло с их левым». Считая, что США и Англия должны быть готовы к решению этого вопроса, Рузвельт выразил пожелание окончательно определить позицию двух держав в отношении их действий в районе Средиземного моря. И тут же президент США поставил еще раз вопрос о создании единого командования американскими и английскими силами в Европе¹²⁶.

Английский премьер-министр не поддержал этот проект, подчеркнув, что «система Объединенного совета начальников штабов»

¹²² *W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 295.*

¹²³ «The Conferences at Cairo and Tehran», p. 332.

¹²⁴ *Ibidem; P. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 467.*

¹²⁵ *Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 188; W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 295.*

¹²⁶ «The Conferences at Cairo and Tehran», p. 333.

работает удовлетворительно и что поэтому создание нового командования можно отложить до начала форсирования Ла-Манша. Что касается размаха и сроков операций в Северо-Западной Европе и на Средиземноморском театре в 1944 г., то Черчилль и Рузвельт передали этот вопрос для изучения начальникам штабов, подчеркнув необходимость «достигнуть соглашения, если возможно, до встречи с русскими»¹²⁷.

Однако Объединенному совету начальников штабов по существу не удалось выполнить эту задачу, хотя на его заседании 26 ноября даже генерал Эйзенхауэр фактически поддержал позицию англичан.

В качестве командующего союзными войсками на Североафриканском театре военных действий Эйзенхауэр заявил, что ни в каком другом районе, включая Францию, Балканы и «сам рейх», союзники будто бы не смогли создать такой угрозы, как в Италии. Он уверял, что, учитывая «наступление русских войск» и действия союзной бомбардировочной авиации, Италия является подходящим местом для применения главных сил союзников, целью которых должен быть выход в долину р. По. Для этого Эйзенхауэр попросил оставить в его распоряжении те семь дивизий и десантные средства, которые ранее предназначались для форсирования Ла-Манша. Вторую операцию он предложил провести в Эгейском море и, кроме того, сказал, что в процессе наступления в Италии следует разместить небольшие гарнизоны на островах у восточного побережья Адриатического моря, с которых, если потребуется, можно нанести удар в северном направлении и вторгнуться в Югославию, а также снабжать патриотов этой страны оружием и снаряжением¹²⁸.

В свою очередь командующий союзными войсками на Ближнем Востоке английский генерал Уилсон сообщил о возможных действиях в восточной части Средиземного моря, включая острова Родос, Карпатос, Крит, а также и всю Грецию. Он ставил эти действия в зависимость от решения вопроса о вступлении Турции в войну. Кроме того, Уилсон заявил, что «операции в Северной Югославии создали бы серьезную угрозу тылу немцев»¹²⁹.

Как отмечено в протоколе заседания, начальники штабов с интересом выслушали доклады обоих командующих¹³⁰, но согласия по обсуждаемым вопросам не достигли. Одобрив упоминавшуюся выше американскую оценку положения противника в Европе, они разошлись во мнениях относительно английского меморандума о взаимосвязи операций в Северо-Западной Европе и на Средиземноморском театре. Лишь один из пунктов последнего — о создании Объединенного командования союзными силами на Средиземном море — был принят американцами безоговорочно. Что касается остальных — о наступлении в Италии до рубежа Римини — Пиза, о поддержке

¹²⁷ «The Conferences at Cairo and Tehran», p. 334.

¹²⁸ Ibid., p. 359—363.

¹²⁹ Ibidem.

¹³⁰ Ibidem.

действий партизан в Югославии, Греции и Албании, вступлении в войну Турции, открытии Дарданелл, — то эти предложения англичан было решено считать лишь как «основу для переговоров» с советской делегацией¹³¹.

Иначе говоря, выяснилось, что после всех англо-американских переговоров и соглашений 1942 и 1943 гг. перед конференцией трех держав в Тегеране вопрос о втором фронте оказался фактически таким же нерешенным, каким он был в самом начале его обсуждения. В ходе переговоров в Каире, по словам их участника адмирала Леги, «англичане с присущим им упорством не хотели отказаться от мысли сохранить за собой контрольные позиции в районе Средиземного моря и на Ближнем Востоке. Американские представители выполняли данные Рузвельтом инструкции и не соглашались на отвлечение сил от операции «Оверлорд». Снова не было достигнуто никакого решения»¹³².

Несколько по-иному обстояло дело с проблемой создания верховного главнокомандования всеми американскими и английскими вооруженными силами в Европе. На американское предложение, изложенное в их меморандуме от 25 ноября, англичане ответили отрицательно¹³³. Они высказались за то, чтобы сохранить существующее положение, при котором американский командующий должен руководить выполнением огромной задачи — операцией через Ла-Манш, а английский командующий — военными действиями в районе Средиземного моря. Их действия будут согласовываться, а вооруженные силы для этих целей выделяться Объединенным советом начальников штабов, работающим под руководством глав двух правительств¹³⁴.

Из-за резких возражений англичан этот вопрос был снят с повестки дня и больше не ставился. Но это не означало, что американцы отказались от идеи утверждения своей господствующей роли; они изменили формы ее осуществления.

В связи с приближением даты встречи глав трех правительств в Тегеране Каирская конференция была прервана.

Впрочем, обе стороны намеревались продолжить борьбу. Черчилль и его военные советники считали возможным переубедить американцев при условии, если британскую точку зрения поддержит Советское правительство. Рузвельт же, хотя он и испытывал некоторые колебания, о которых будет сказано ниже, все же явно склонялся в пользу операции «Оверлорд». Поэтому и начальники американских штабов, которые «хорошо знали, что раз упрямый премьер-министр заговорил о Родосе или о том, чтобы свернуть «вправо» от Северной Италии, значит ему хочется проводить стратегические диверсии в Юго-Восточной Европе, подальше от Северной Франции...», также

¹³¹ Ibid., p. 363—365, 410.

¹³² W. Leahy. I Was There. New York, 1950, p. 201.

¹³³ Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 189—194; W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 296—300.

¹³⁴ W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 300.

возлагали большие надежды на встречу глав трех правительств и «подготовились к боям в Тегеране»¹³⁵.

Итак, эта встреча в Каире не устранила англо-американских разногласий относительно коалиционной стратегии в войне против фашистского блока в Европе. Вопрос о втором фронте, казалось, зашел в тупик, и решение его стало еще более трудным, чем это было во время прежних переговоров между Великобританией и США.

Впереди была конференция глав трех правительств в Тегеране.

Тегеранская конференция

Встреча глав правительств трех великих держав — И. В. Сталина, Ф. Д. Рузвельта, У. С. Черчилля и их политических и военных советников состоялась в период с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. в Тегеране.

Главы правительств рассмотрели ряд политических и военных проблем, связанных с дальнейшим существованием и действиями антифашистской коалиции. Одним из главных был вопрос о втором фронте. Его значение определялось тем, что к тому времени война вступила в решающий этап и уже нельзя было откладывать разрешение возникших разногласий о путях и способах ее завершения.

Неудивительно поэтому, что уже на первом пленарном заседании Рузвельт кратко изложил результаты всех ранее имевших место англо-американских переговоров по вопросу о втором фронте. «... Мы, — сказал он, — составляли наши планы в течение последних полутора лет... Мы не только хотим пересечь Канал (Ла-Манш. — В. К.), но и преследовать противника в глубь территории. Английский Канал — это такая неприятная полоска воды, которая исключает возможность начать экспедицию через Канал до 1 мая, поэтому план, который был составлен в Квебеке, исходил из того, чтобы экспедиция через Канал была осуществлена около 1 мая 1944 года. Во всех десантных операциях речь идет о специальных судах. Если мы будем проводить крупные десантные операции в Средиземном море, то экспедицию через Канал, возможно, придется отложить на 2 или 3 месяца. Поэтому мы хотели бы получить совет от наших советских коллег в этом вопросе...»¹³⁶

Далее президент США заявил, что необходим «также совет о том, как лучше использовать имеющиеся в районе Средиземного моря войска, учитывая, что там в то же время имеется мало судов». Особо подчеркнув нежелательность «откладывать дату вторжения через Канал дальше мая или июня месяцев», он обратил внимание

¹³⁵ Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 467.

¹³⁶ «Тегеранская конференция руководителей трех великих держав (28 ноября—1 декабря 1943 года)». — «Международная жизнь», 1961, № 7, стр. 180. См. также: Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 471; «The Conferences at Cairo and Tehran», p. 488—489, 498, 499; W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 308.

советской делегации на то, что в то же время имелось много мест, где могли бы быть использованы англо-американские войска. Они могли бы быть использованы в Италии, в районе Адриатического моря, в районе Эгейского моря, наконец для помощи Турции, если она вступит в войну. И в заключение Рузвельт добавил: «Мы очень хотели бы помочь Советскому Союзу и оттянуть часть германских войск с советского фронта. Мы хотели бы получить от наших советских друзей совет о том, каким образом мы могли бы лучше всего облегчить их положение».

Это заявление, как мы видим, включало и американскую и английскую точки зрения. Оно было сделано в соответствии с принятой в Каире основой для переговоров с советской делегацией. Поэтому с ним в принципе согласился и Черчилль¹³⁷.

Затем Сталин охарактеризовал обстановку на советско-германском фронте и высказал свои предварительные соображения о том, в каком месте были бы желательны операции англо-американских сил в Европе. Он отметил, что Итальянский театр важен лишь в одном отношении — чтобы обеспечить свободное плавание судам союзников в Средиземном море, но не годится для наступления на Германию, поскольку Альпы прикрывают подступы к ней с юга. «Мы, русские, считаем, — заявил Сталин, — что наилучший результат дал бы удар по врагу в Северной или в Северо-Западной Франции. Даже операции в Южной Франции были бы лучше, чем операции в Италии. Было бы хорошо, если бы Турция была готова открыть путь для союзников. С Балкан все-таки было бы ближе к сердцу Германии. Тут не преграждают путь ни Альпы, ни Канал. Но наиболее слабым местом Германии является Франция. Конечно, это трудная операция, и немцы во Франции будут бешено защищаться, но все же это самое лучшее решение»¹³⁸.

Взявший после этого слово Черчилль, подобно Рузвельту, начал с попытки оправдать затягивание создания второго фронта в Европе и тут же сообщил, что уже принято решение атаковать Германию в 1944 г., для чего на Британских островах накапливаются силы, которые будут включать 16 английских и 19 американских дивизий. Но, заявил он далее, поскольку срок начала вторжения наступит только через 6 месяцев, то якобы и возник вопрос, как «лучше использовать наши силы в Средиземном море, чтобы помочь русским без ущерба для «Оверлорда», чтобы эта операция была осуществлена в свое время или, может быть, с некоторым опозданием»¹³⁹.

Таким образом, если Рузвельт просил совета делегации СССР о том, где лучше и выгодней западным союзникам открыть основ-

¹³⁷ См. «Международная жизнь», 1961, № 7, стр. 180.

Во время беседы Рузвельта и Сталина, состоявшейся до начала пленарного заседания, Рузвельт заявил, что «он хотел бы отвлечь с советско-германского фронта 30—40 германских дивизий». Сталин ответил, что «если это возможно сделать, то было бы хорошо» (см. там же, стр. 178).

¹³⁸ «Международная жизнь», 1961, № 7, стр. 181.

¹³⁹ Там же.

ные действия против фашистской Германии — в Северо-Западной Европе или на Средиземноморье, — то Черчилль сразу же безапелляционно объявил, что такими он считает операции в Италии, хотя и попытался прикрыть это якобы имевшимся у него стремлением безотлагательно оказать помощь Красной Армии. Полагая, что этим он обеспечил себе поддержку советской делегации, Черчилль изложил свой план. Первой задачей англо-американских войск в Италии он считал взятие Рима, причем высказал убеждение, что «в январе произойдет решительное сражение» и оно будет выиграно союзниками. О последующих действиях английский премьер-министр заявил следующее: «Мы не думаем продвигаться дальше в Ломбардию или же идти через Альпы в Германию. Мы предполагаем лишь продвинуться несколько севернее Рима до линии Пиза—Римини, после чего можно было бы произвести высадку в Южной Франции и через Канал»¹⁴⁰.

Коснувшись затем «необходимости убедить Турцию вступить в войну» и, разумеется, уверив в том, что это тоже нужно для усиления помощи Советскому Союзу, так как откроет путь для снабжения через Черное море, Черчилль в заключение поставил такой вопрос: «Представляют ли интерес для Советского правительства наши действия в восточной части Средиземного моря, которые, возможно, вызвали бы некоторую отсрочку операции через Канал? В этом вопросе мы пока еще не имеем определенного решения, и мы прибыли сюда для того, чтобы решить его»¹⁴¹.

Прежде чем советская делегация ответила на этот вопрос, Рузвельт сказал: «Имеется еще одна возможность. Может быть, было бы целесообразно произвести десант в районе северной части Адриатического моря, в то время как советские армии подошли бы к Одессе»¹⁴².

Об этом замечании следует сказать подробнее, так как оно связано с некоторыми колебаниями Рузвельта, о которых упоминалось выше. Кроме того, впоследствии возникли различные толкования данной мысли президента. Черчилль, например, в своих мемуарах заявил, будто Рузвельт предложил «продвигаться от вершины Адриатического моря на северо-восток к Дунаю»¹⁴³. В советской и американской записях этого обсуждения нет упоминания о Дунае. Впрочем, в последней говорится о продвижении в Румынию «одновременно с советскими войсками, наступающими из района Одессы»¹⁴⁴.

Так или иначе, это замечание по существу отражало главную идею Черчилля, однако в отличие от него Рузвельту, вероятно, хотелось, чтобы американские войска проникли не только на Бал-

¹⁴⁰ «Международная жизнь», 1961, № 7, стр. 181.

¹⁴¹ Там же, стр. 182.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ *W. Churchill*. Op. cit., v. V, p. 311.

¹⁴⁴ «The Conferences at Cairo and Tehran», p. 493.

каны, но и оттуда в Австрию. Такое предположение подтверждается материалами его совещания с начальниками штабов США, состоявшегося в то утро.

На этом совещании американцы вновь обсудили свое отношение к предложениям англичан. В частности, адмирал Леги сказал, что можно «предпринять одно из двух: 1) операцию «Оверлорд» или 2) ограничиться Италией и Родосом, и тогда операция «Оверлорд» будет низведена до положения операции, рассчитанной на удобный случай, вроде «Рэнкина». Генерал Маршалл со своей стороны заявил, что действия в Италии и на Родосе заставят отложить вторжение через Ла-Манш до 15 июня, а возможно и до июля. Впрочем, добавил он, «если советская сторона не потребует немедленной помощи, если она заявит, что она сможет обждать, то тогда будет возможность завершить операцию севернее Рима, захватить Родос, отложив операцию «Оверлорд» до середины июня»¹⁴⁵.

Выслушав своих военных помощников, Рузвельт высказал предположение, что после захвата Родоса англичане могут заявить: «Теперь мы должны занять Грецию». Это показывало, что он хорошо понимал намерения Черчилля. Однако у него были и свои планы в этом районе. Назвав «хорошей» идею продвинуться из Италии во Францию и Австрию, он сказал, что связывает с ней «действия из района Адриатического моря» и предпочитает их операциям от Додеканесских островов. «Небольшие группы командос, поддерживающие Тито вдоль Адриатического побережья, — заявил Рузвельт, — обладали бы большими возможностями». Он считал, что малые силы могли бы проникнуть на север от Триеста и Фиуме, и это, по его мнению, оттеснило бы немцев, находившихся в Италии. Он также полагал, что «к январю можно было бы подготовить действия групп командос в районе Адриатического и Эгейского морей»¹⁴⁶.

Начальники штабов отнеслись весьма одобрительно к этим соображениям президента. Маршалл даже заметил, что если бы Эйзенхауэр командовал всеми силами на Средиземном море, то десантные средства можно было бы использовать более эффективно для рейдов командос. А Кинг добавил, что для этой цели следует использовать эсминцы и другие корабли. Но тут же выяснилось, что Рузвельт не уверен в возможности осуществить этот план, так как «англичане смотрят на Средиземное море как на район, находящийся под британской властью»¹⁴⁷.

Ко всему этому надо добавить, что интерес Рузвельта к поискам путей для проникновения во Францию и Австрию через Италию было отнюдь не случайным. В то время он находился под влиянием мысли о растущей опасности «опоздать» к завершению войны про-

¹⁴⁵ «The Conferences at Cairo and Tehran», p. 476—482.

¹⁴⁶ Ibidem.

¹⁴⁷ Ibid., p. 482.

тив фашистской Германии. Еще в Каире в одной из бесед с сыном Эллиотом он сказал: «... Если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то, возможно, что уже будущей весной второй фронт и не понадобится»¹⁴⁸.

Из этого следует, что в ответ на свое замечание о намерениях предпринять действия союзных войск в районе Адриатики Рузвельт, возможно, рассчитывал услышать советскую оценку перспектив войны Советского Союза против гитлеровской Германии.

После ряда уточняющих вопросов, обращенных к Рузвельту и Черчиллю, Сталин сделал следующее заявление: «По-моему, было бы лучше, чтобы за базу всех операций в 1944 году была взята операция «Оверлорд». Если бы одновременно с этой операцией был предпринят десант в Южной Франции, то обе группы войск могли бы соединиться во Франции. Поэтому было бы хорошо, если бы имели место две операции: операция «Оверлорд» и в качестве поддержки этой операции — высадка в Южной Франции. В то же время операция в районе Рима была бы отвлекающей операцией. Осуществляя высадку во Франции с севера и юга, при соединении этих сил можно было бы добиться наращивания сил. Франция является слабым местом Германии. Что же касается Турции, то я сомневаюсь, что Турция вступит в войну. Она не вступит в войну, какое бы давление мы на нее ни оказывали»¹⁴⁹.

Подчеркнув, что союзникам следует не разбрасывать силы между многими направлениями, а сосредоточить их для действий в Западной Европе, он предложил ради этого даже отказаться от захвата Рима, перейти к обороне в Италии, провести операцию в Южной Франции, чтобы оттянуть силы противника из Северной Франции, а через два-три месяца предпринять операцию в Северной Франции¹⁵⁰.

Поскольку, таким образом, глава Советского правительства отказался от поддержки планов союзников в восточной части Средиземного моря и настаивал на открытии второго фронта в Западной Европе, то президент США заявил, что такое решение позволило бы начать вторжение в Северную Францию в намеченный срок. Продолжал упорствовать лишь премьер-министр Великобритании. Он заявил: «... Я полагаю, что мы могли бы предпринять диверсионные акты в Югославии, а также заставить Турцию вступить в войну, независимо от вторжения в Южную и Северную Францию. Я лично считаю очень отрицательным фактом праздное пребывание нашей армии в районе Средиземного моря. Поэтому мы не можем гарантировать, что будет точно выдержана дата 1 мая»¹⁵¹.

Неуступчивость Черчилля, проявляемая в условиях, когда уже не только американцы, но и советские представители высказались

¹⁴⁸ Э. Рузвельт. Указ. соч., стр. 161.

¹⁴⁹ «Международная жизнь», 1961, № 7, стр. 182.

¹⁵⁰ Там же, стр. 183.

¹⁵¹ Там же; см. также: «The Conferences at Cairo and Tehran», p. 496.

против его предложений, служит, конечно, подтверждением тому, что отстаиваемый им план отражал не общие цели антифашистской коалиции, а исключительно интересы правящих кругов Великобритании. Более того, английская делегация предлагала путь, который в случае упорного сопротивления немецких войск в Италии и на Балканах мог привести к срыву всех планов союзников в Западной Европе и новой отсрочке второго фронта на неопределенное время. Ближе к советской точке зрения оказалась американская позиция, хотя Рузвельта также привлекала отстаиваемая Черчиллем идея захвата «небольшой ценой огромных и очень важных районов»¹⁵².

Достигнуть соглашения о действиях английских и американских вооруженных сил в Европе в 1944 г. на пленарном заседании не удалось, и этот вопрос был передан на рассмотрение военных представителей, которые собрались утром 29 ноября. Их дискуссия продолжалась три часа, но ограничилась главным образом обменом мнениями по тем вопросам, которые были подняты главами правительств на пленарном заседании.

Первым сделал сообщение об операциях на Средиземноморском театре фельдмаршал Брук. Он повторил сказанное Черчиллем о планах войны в Европе и усиленно защищал идею продолжения наступательных действий в Италии, заявив, что они позволяют задержать находившиеся там 23 немецкие дивизии, «причем эти дивизии будут значительно ослаблены». Далее он сообщил о других операциях, намечаемых в восточной части Средиземного моря, и повторил предложение Черчилля о необходимости отложить открытие второго фронта до их завершения¹⁵³.

Затем высказался генерал Маршалл. Отметив, что американцы хотят «ввести в действие все наличные у них силы как можно скорее» и что они «не испытывают недостатка ни в войсках, ни в снабжении», он подчеркнул преимущества форсирования Ла-Манша, заключавшиеся, по его мнению, в возможности перебрасывать войска сначала на сравнительно небольшую дистанцию. В дальнейшем, сообщил он, предполагалось доставить непосредственно из США «во Францию около 60 американских дивизий». Далее Маршалл заявил: «... Совершенно правильно то, что операция в Южной Франции способствовала бы успеху операции «Оверлорд». Он считал, однако, что «десант в Южной Франции следовало бы осуществить за 2—3 недели до операции «Оверлорд», а не за 2—3 месяца до нее, так как последнее казалось ему очень опасным. От оценки английских предложений относительно операций на Средиземноморье Маршалл уклонился, заявив, что решение американцев по этому вопросу будет зависеть от результатов переговоров в Тегеране¹⁵⁴.

Советским представителям была ясна позиция американцев, чего они не могли сказать об отношении англичан к операции «Оверлорд».

¹⁵² W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 304.

¹⁵³ См. «Международная жизнь», 1961, № 7, стр. 184.

¹⁵⁴ Там же, стр. 185.

В связи с этим Маршал Советского Союза Ворошилов задал Бруку вопрос, считает ли он, как «глава британского генерального штаба, эту операцию так же (как и американцы. — В. К.) главной операцией и не считает ли он, что эту операцию можно бы заменить какой-либо другой операцией в районе Средиземного моря или где-либо в другом месте»¹⁵⁵.

Брук заявил, что «англичане придают этой операции важное значение и рассматривают ее как существенную часть этой войны. Но для успеха этой операции должны существовать определенные предпосылки, которые не позволили бы немцам, используя хорошие дороги, существующие в Северной Франции, подбрасывать резервы». Такие предпосылки, по его мнению, «могли иметь место в 1944 г., а для этого и для создания таких предпосылок следует провести операции в Италии и восточной части Средиземного моря».

Поскольку Брук, таким образом, не дал прямого ответа, Ворошилов повторил свой вопрос. Но результат был такой же. Его собеседник сказал лишь, что он не желает «видеть неудачу операции как в Северной, так и в Южной Франции. При некоторых же обстоятельствах эти операции обречены на неудачу»¹⁵⁶.

После этого Ворошилов сделал следующее заявление: «Опыт войны и успехи англо-американских войск в Северной Африке и операции по высадке десантов в Италии, действия англо-американской авиации против Германии, степень организации войск США и Соединенного Королевства, могучая техника США, морская мощь союзников и в особенности их господство в Средиземном море показывают, что при желании «Оверлорд» может быть успешно осуществлен. Необходима лишь воля»¹⁵⁷. Он подчеркнул советскую точку зрения на военное планирование, предусматривающую, «чтобы вспомогательные операции не только не мешали основной операции, но всячески содействовали последней». Далее он сообщил: «Если высадка в Южной Франции не может быть осуществлена за 2—3 месяца до операции «Оверлорд», маршал Сталин не настаивает на этом. Эта высадка может быть осуществлена либо одновременно, либо даже немного позднее операции «Оверлорд». Но она обязательно должна состояться»¹⁵⁸.

Эта встреча военных представителей трех держав послужила более обстоятельному выяснению их точек зрения по вопросам веде-

¹⁵⁵ «Международная жизнь», 1961, № 7, стр. 186.

¹⁵⁶ Там же; см. также: Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 198—199; «The Conferences at Cairo and Tehran», p. 521, 523.

¹⁵⁷ «Международная жизнь», 1961, № 7, стр. 186.

¹⁵⁸ Там же, стр. 187.

Дж. Эрман приводит в своей книге довольно неточную запись этого заявления Ворошилова, из которой следует, будто советская сторона вообще не настаивала на проведении этой операции. Приведенная Эрманом запись выглядит так: «Маршал Ворошилов далее сказал, что маршал Сталин не настаивает на проведении операции в Южной Франции, но он настаивает на том, чтобы операция на севере Франции была проведена

ния операции в 1944 г. Советская сторона ознакомилась с позициями американцев и англичан, а Объединенный совет начальников штабов «мог уже составить ясное представление о том, в чем прежде всего были заинтересованы русские»¹⁵⁹.

В тот же день, через несколько часов после совещания военных представителей, открылось второе пленарное заседание. Когда Брук, Маршалл и Ворошилов доложили о своих переговорах, Сталин неожиданно для Черчилля и Рузвельта поставил вопрос о том, кто будет назначен командующим операцией «Оверлорд»¹⁶⁰. Рузвельт ответил, что это еще не решено. «Тогда, — заявил Сталин, — ничего не выйдет из операции «Оверлорд»». А несколько позже добавил: «Должно быть одно лицо, которое отвечало бы как за подготовку, так и за проведение операции»¹⁶¹.

Черчилль выступил с пространной речью, посвященной различным альтернативам, которые, по его мнению, наилучшим образом позволили бы использовать силы союзников, находившиеся в Средиземноморье. С присущим ему красноречием он защищал английскую точку зрения развития операций в Италии и восточной части Средиземного моря, вновь пытаясь представить дело так, будто речь идет о том, как лучше оказать помощь Красной Армии, а также войскам, которые вторгнутся в Северо-Западную Францию. В заключение он сказал: «Я предлагаю, чтобы эти вопросы были обсуждены нашими тремя представителями, которые могут в результате обсуждения их сказать нам, что можно сделать для облегчения бремени, которое несет Россия, и для того, чтобы обеспечить успех операции «Оверлорд»»¹⁶².

В ответ на это Сталин заявил: «Если мы здесь призваны обсудить военные вопросы, то основным и решающим вопросом мы считаем операцию «Оверлорд». Я хотел бы, чтобы военная комиссия имела определенную задачу. Я предлагаю дать этой комиссии определенную директиву, в рамках которой она могла бы работать»¹⁶³.

О характере директив для военной комиссии он сказал, что они должны предусматривать условие, чтобы срок операции «Оверлорд» не был отложен, чтобы май был предельным сроком для осуществления этой операции. Вторая директива должна была бы предусматривать поддержку операции «Оверлорд» десантом на юге Франции. Если же не было возможности высадить десант в Южной Франции за 2—3 месяца до начала «Оверлорда», то, по-видимому, это стоило бы сделать одновременно с операцией «Оверлорд» или спустя некоторое время после ее начала. Что же касается операции по занятию Рима, то, по его мнению, она могла бы быть отвлекающей операцией.

в согласованном ранее порядке и в установленные сроки» (*Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 200*).

¹⁵⁹ *Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 200.*

¹⁶⁰ «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 145.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же, стр. 147.

¹⁶³ Там же.

Сталин также предложил, чтобы военные советники обсудили вопрос о назначении главнокомандующего операцией «Оверлорд». При этом он подчеркнул, что назначение главнокомандующего — задача англичан и американцев, а для русских важен сам факт его назначения¹⁶⁴.

Рузвельт, который до этого не высказывался определенно о своей позиции, теперь, по-видимому, сделал окончательный вывод в пользу операции «Оверлорд», чему, несомненно, способствовало выяснение точки зрения Советского правительства. На этом же заседании он поддержал предложение Сталина об определении сроков открытия второго фронта и высадки десанта на юге Франции.

Он заявил, что форсирование Ла-Манша можно начать в течение первой недели мая «или несколько отложить его». Операции в Средиземном море, сказал он далее, таят опасность срыва планов вторжения в Северо-Западную Европу. Тем не менее Рузвельт считал необходимым пойти на уступку Черчиллю. «Наши штабы, — сказал он, — должны разработать планы для того, чтобы сковать немецкие дивизии на Балканах. Эти планы должны быть разработаны так, чтобы операции, которые мы предпримем с этой целью, не нанесли ущерба «Оверлорду»»¹⁶⁵.

Итак, Рузвельт уже назвал подходящий для американцев срок вторжения в Северо-Западную Европу. Однако, когда Сталин добавил, что хорошо было бы осуществить его в пределах 10—15—20 мая, Черчилль отказался дать такое обязательство. На замечание Сталина о том, что откладывание операции до августа опасно из-за условий погоды, Черчилль ответил: «Я готов сделать все, что в силах британского правительства, для того, чтобы осуществить операцию «Оверлорд» в возможно ближайший срок. Но я не думаю, что те немногие возможности, которые имеются в Средиземном море, должны быть немилосердно отвергнуты как не имеющие значения из-за того, что использование их задержит осуществление операции «Оверлорд» на 2—3 месяца»¹⁶⁶. Это была последняя и, можно сказать, отчаянная попытка Черчилля доказать, что «Родос и Турция являются стратегическими пунктами»¹⁶⁷.

Его упорное сопротивление заставило главу Советского правительства поставить вопрос резко: верят ли англичане в операцию «Оверлорд» или просто говорят о ней для того, чтобы «успокоить русских»¹⁶⁸. Черчилль ответил, что, если возникнут условия, которые были указаны английскими представителями на Московском совещании министров иностранных дел, в этом случае союзники вынуж-

¹⁶⁴ «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 147; см. также: Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 201; Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 484.

¹⁶⁵ «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 147.

¹⁶⁶ Там же, стр. 148.

¹⁶⁷ Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 484.

¹⁶⁸ «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 149; см. также: Р. Шервуд. Указ. соч., т. II, стр. 484.

дене будут перебросить все возможные силы для вторжения в Западную Европу¹⁶⁹.

Полемика приняла острый характер. Рузвельт, по-видимому, опасаясь еще большего обострения ее, предложил прервать заседание, а обсуждаемый вопрос передать на рассмотрение военных экспертов, которые должны были собраться на следующее утро. Сталин отверг это предложение. «Мы можем ускорить работу (конференции. — В. К.) только сами», — заявил он. Тогда Черчилль пожелал предварительно согласовать этот вопрос с Рузвельтом. Сталин согласился¹⁷⁰.

На этом второе пленарное заседание закончилось. Соглашение не было достигнуто, но твердая позиция советской делегации, подкрепленная успехами Красной Армии на советско-германском фронте, совпадение точек зрения советской и американской делегаций и, наконец, наметившаяся в заявлениях Рузвельта тенденция к компромиссу с англичанами сулили надежду на принятие конструктивного решения по вопросу о втором фронте.

На следующее утро собрался Объединенный совет начальников американских и английских штабов, чтоб наконец согласовать план операций на 1944 г.

За 45 мин. до этого состоялось заседание английских начальников штабов, которые решили, что: а) Операция на юге Франции будет предпринята. Сроки и масштабы операции должны быть определены позже — возможно после начала операции «Оверлорд». б) В Италии мы продвинемся до линии Пиза—Римини. в) Мы окажем помощь партизанам в Югославии. Для этой цели, однако, не будут использоваться никакие другие силы, кроме диверсионных отрядов. г) Успех военных действий в Эгейском море полностью зависит от вступления в войну Турции. В любом случае десантные суда, необходимые для проведения операции «Оверлорд», не будут больше отвлекаться для военных действий в Эгейском море. д) В связи с военными действиями в Италии, о которых говорится в пункте «б», нам необходимо держать десантные суда на Средиземном море до 15 января. е) В связи с обстоятельствами, указанными в пункте «д», операция «Оверлорд» не может начаться раньше 1 июня¹⁷¹.

Таким образом, англичане уже проявили готовность пойти на уступки, соглашаясь предпринять высадку в Южной Франции и назначить срок начала операции «Оверлорд». Но вместе с тем они продолжали требовать проведения военных действий в восточной части Средиземного моря и в Италии.

Поэтому Объединенный совет начальников штабов вновь обратился к поискам предпосылок к компромиссу. Английские подсчеты показали, что если оставить на Средиземном море 68 десантных судов для обеспечения действий в Италии, то это отодвинет начало

¹⁶⁹ «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 149.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 202.

вторжения через Ла-Манш не до 1 июля, как предполагали раньше, а только до 1 июня. Американские вычисления обнаружили, что отсрочка может быть еще меньше — до 15 мая. Но в том и другом случаях десантных судов для операции на юге Франции хватало только для высадки одной дивизии. Поэтому англичане предложили отложить вторжение в Западную Бирму (операция «Баканир»), на котором настаивали американцы и Чан Кай-ши.

Независимо от последующего решения этого вопроса, участники совещания согласились установить и сообщить русским дату начала вторжения в Северо-Западную Францию. При этом они договорились, что, «если принять 1 июня за крайний срок», можно будет сообщить русским, что второй фронт в Европе будет открыт в мае 1944 г., не свертывая при этом слишком сильно действия в Италии и «оставляя себе достаточно времени для обсуждения планов военных действий в других районах»¹⁷².

В результате было принято следующее решение: а) продолжать наступление в Италии с целью выхода на линию Пиза—Римини, для чего задержать переброску 68 танкодесантных судов из Средиземного моря в Великобританию для участия в операции «Оверлорд» до 15 января; б) предпринять высадку на юге Франции в возможно более широких масштабах, насколько позволят имеющиеся десантные суда и средства (при планировании предлагалось исходить из того, что эта операция должна начаться в один день с операцией «Оверлорд»); в) рекомендовать премьер-министру Великобритании и президенту США информировать маршала Сталина о том, что операция «Оверлорд» начнется в мае одновременно с вспомогательной операцией на юге Франции¹⁷³.

Следовательно, обе стороны пошли на компромисс. Американцы согласились отложить начало вторжения в Европу через Ла-Манш на месяц и продолжать наступление в Италии до линии Римини—Пиза, а англичане — провести вторжение в Южную Францию одновременно с форсированием Ла-Манша.

В тот же день Черчилль в беседе со Сталиным снова попытался аргументировать английскую стратегию в Европе. Он уверял в том, что военные действия английских и американских войск в районе Средиземного моря будут иметь важное значение и назвал намечаемые операции в районе Рима «Сталинградом в миниатюре»¹⁷⁴.

В ходе беседы глава Советского правительства сказал английскому премьер-министру, что «Красная Армия рассчитывает на осуществление десанта в Северной Франции». Далее советская запись этого заявления гласит: «Он (Сталин. — В. К.) боится, что если этой операции в мае месяце не будет, то ее не будет вообще,

¹⁷² Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 203.

¹⁷³ Там же; см. также: «The Conferences at Cairo and Tehran», p. 563—564.

¹⁷⁴ «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 151; см. также: W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 335.

так как через несколько месяцев погода испортится и высадившиеся войска нельзя будет снабжать в должной мере. Если же эта операция не состоится, то он должен предупредить, что это вызовет большое разочарование и плохие настроения. Он опасается, что отсутствие этой операции может вызвать очень нехорошее чувство одиночества. Поэтому он хочет знать, состоится ли операция «Оверлорд» или нет. Если она состоится, то это очень хорошо, если же не состоится, тогда он хочет знать об этом заранее для того, чтобы воспрепятствовать настроениям, которые отсутствие этой операции может вызвать. Это является наиболее важным вопросом»¹⁷⁵.

Речь, таким образом, шла о том, чтобы не допустить нового обмана со стороны правительств США и Великобритании по вопросу о втором фронте, а также неблагоприятного влияния, которое может быть оказано этим на настроения советских войск¹⁷⁶.

Ответ британского премьер-министра был не весьма утешительным. Он заявил, что «эта операция, конечно, состоится, но при условии, что враг не сможет иметь большее число войск, чем к тому времени могут иметь англо-американцы. Если, например, немцы смогут перебросить во Францию 30 или 40 дивизий, то он, Черчилль, не думает, что высадка могла бы быть успешной. Он, Черчилль, не боится самой высадки, но он боится того, что произойдет через 30—40 дней»¹⁷⁷.

Тогда глава Советского правительства сказал, что, «как только будет осуществлен десант в Северной Франции, Красная Армия, в свою очередь, перейдет в наступление». Подчеркнув при этом, что может быть подготовлен не один, а несколько ударов, которые не позволят врагу усиливать свои войска в Западной Европе, Сталин, кроме того, заявил, что немцы все еще продолжали перебрасывать свои дивизии на советско-германский фронт и будут это

¹⁷⁵ «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 151—152.

¹⁷⁶ Нельзя не отметить, что впоследствии Черчилль в своих мемуарах дал такое изложение этого заявления, которое искажает его суть. Так, он писал: «Сталин сказал, что он должен предупредить меня, что Красная Армия находится в зависимости от успеха второго вторжения в Северную Францию». И далее: «...Если не произойдет крупных изменений в европейской войне в 1944 г., русским будет очень трудно продолжать войну. Они устали от войны...» (*W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 335*). Совершенно очевидно, что это изложение не соответствует действительной формулировке, имеющейся в приведенной выше советской записи. Оно может быть объяснено лишь стремлением Черчилля создать впечатление, будто Красная Армия уже неспособна была продолжать войну без помощи союзников и что только вторжение американских и английских войск в Западную Европу могло привести Германию к краху. Между тем, как известно, дело обстояло совсем наоборот: в результате успехов Советских Вооруженных Сил в то время уже наступил коренной перелом в ходе войны и стала очевидной неизбежность поражения фашистской Германии, причем активные действия союзных войск на Западе могли лишь ускорить окончание войны, к чему и стремилось Советское правительство.

¹⁷⁷ «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 152.

Советская запись заявления Черчилля полностью совпадает с английской (*W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 335*).

делать впредь. Тем не менее, когда Сталин вновь повторил свое требование установить срок начала вторжения американских и английских войск в Западную Европу, Черчилль заявил, что он не может сделать этого без консультации с Рузвельтом¹⁷⁸.

И все же английскому премьер-министру пришлось снять возражения. В тот же день он и президент США дважды — во время завтрака, а затем на пленарном заседании — заявили главе Советского правительства, что операцию «Оверлорд» решено предпринять в мае 1944 г. и что она будет поддержана высадкой в Южной Франции¹⁷⁹. Сталин отметил важность принятого решения и заверил союзников, что «русские обязуются к маю организовать большое наступление против немцев в нескольких местах с тем, чтобы приковать немецкие дивизии на Восточном фронте и не дать возможности немцам создать какие-либо затруднения для «Оверлорда»»¹⁸⁰.

В парафированном затем главами правительств трех великих держав военном соглашении по вопросу о втором фронте указывалось: «4. Принять к сведению, чтобы операция «Оверлорд» была предпринята в течение мая 1944 г. одновременно с операцией против Южной Франции. Последняя операция была бы предпринята такими силами, какие позволят высадить десантные средства. Далее конференция приняла к сведению заявление маршала Сталина, что Советские Вооруженные Силы предпримут наступление примерно в то же время с целью предотвратить возможную переброску германских войск с Восточного на Западный фронт»¹⁸¹.

Итак, решение открыть второй фронт было, наконец, принято, а действия союзных вооруженных сил в Западной Европе и Красной Армии на советско-германском фронте согласованы по срокам и целям. Западные союзники подписали обещание Советскому правительству начать вторжение через Ла-Манш в мае 1944 г.

Здесь следует сказать, что и английские и американские историки считают Тегеранскую конференцию поворотным пунктом в планировании вторжения американских и английских войск в Западную Европу. Один из них, например, заявляет, что 28 ноября, когда западные союзники прибыли в Тегеран, «все вопросы еще находились в стадии обсуждения», а 1 декабря уже «был намечен общий план военных действий в Европе на следующие шесть месяцев и созданы предпосылки для решения в течение нескольких недель вопросов об окончательном соотношении между различными операциями в Европе и о руководстве ими...»¹⁸². В другой американской работе говорится, что «атмосфера разрядилась, когда

¹⁷⁸ «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 152; *W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 335—336.*

¹⁷⁹ «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 152, 153; «*The Conferences at Cairo and Tehran*», p. 565, 576.

¹⁸⁰ «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 152—153; см. также: «*The Conferences at Cairo and Tehran*», p. 565, 577.

¹⁸¹ «*The Conferences at Cairo and Tehran*», p. 652.

¹⁸² *Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 194.*

американцы и англичане снова собрались в Каире. Вопрос об откладывании «Оверлорда» в интересах диверсий в районе Средиземного моря был наконец преодолён»¹⁸³.

Негодовал впоследствии один лишь Черчилль, уверявший, что его позиция на конференции извращена. Не соглашаясь с утвердившимся мнением о том, что он «старался помешать осуществлению операции «Оверлорд» и тщетно пытался склонить союзников предпринять массовое вторжение на Балканы или крупную кампанию в восточной части Средиземного моря, которая поставила бы крест на операции «Оверлорд»»¹⁸⁴, он решил объяснить, чего же он добивался. И, конечно, повторил свои «средиземноморские идеи». Хотя, по его словам, он стоял за подготовку вторжения в Западную Европу, но считал необходимым прежде завершить операции в Италии — захватить Рим и выйти на линию Римини—Пиза. Он якобы не возражал против вторжения на юге Франции, но предпочитал «правофланговое движение из Северной Италии на Вену, используя Истрийский полуостров и Люблянский проход». Свою позицию он резюмировал следующим образом: «Мое... требование состояло в том, чтобы не пренебрегать восточной частью Средиземного моря и воспользоваться всеми преимуществами, которые она могла дать при условии, конечно, что не будут отвлечены силы, которые могли быть использованы при форсировании Ла-Манша»¹⁸⁵.

Это «разъяснение» подтвердило, однако, что на Тегеранской конференции, как и до нее, Черчилль стремился навязать союзникам свой план — сначала осуществить английские цели в районе Средиземного моря, главным образом в его восточной части, а затем уже открывать второй фронт. Более того, как показывают материалы Тегеранской конференции, ему там в сущности удалось добиться уступок со стороны американцев.

Дело в том, что в той формулировке, в которой решение Объединенного совета начальников штабов от 30 ноября было объявлено советской делегации, оно отражало только одну сторону англо-американского соглашения о стратегии в Европе, а именно вторжение войск союзников в Северо-Западную и Южную Францию. Между тем это решение включало с некоторыми уточнениями также и английское предложение о наступательных действиях в Италии, которые составляли часть плана вторжения англо-американских войск на Балканы и выхода их в долину Дуная. Но была достигнута договоренность лишь об операциях в Эгейском море.

Поскольку же при этом размеры вооруженных сил и ресурсов, выделявшихся США и Англией для проведения всех операций в Европе, оставались прежними и не обуславливались достигнутыми соглашениями, следовательно, намеченные действия в Италии в известной степени таили в себе опасность стать альтернативой

¹⁸³ G. A. Harrison. Op. cit., p. 126.

¹⁸⁴ W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 304.

¹⁸⁵ Ibidem.

второго фронта в Европе. Их затягивание, а тем более неудача могли поставить под угрозу если не все планы союзников во Франции, то во всяком случае вторжение в Южную Францию.

Именно поэтому на Тегеранской конференции, хотя она и была переломной в решении вопроса о втором фронте, не были полностью преодолены англо-американские разногласия по вопросам ведения войны в Европе.

Что касается различия позиций Рузвельта и Черчилля на конференции, то оно определялось как политическими и экономическими интересами американского и английского империализма, так и неодинаковым пониманием условий политической и стратегической обстановки, а также перспектив их развития.

Если Черчилль, несомненно, «находился под влиянием возможности краха Германии до вторжения в нее в результате какого-либо восстания германских генералов против Гитлера», наподобие того, которое было неудачно предпринято после вторжения в июне 1944 г.¹⁸⁶, то «Рузвельт никогда серьезно не рассчитывал на такую возможность как на средство разрешения всех вопросов, связанных с одержанием полной победы», и скорее «находился под влиянием мрачных воспоминаний о последствиях перемирия 1918 года»¹⁸⁷. Вот почему он стремился иметь к концу войны крупные американские вооруженные силы в Западной и Центральной Европе. Черчилль мечтал ввести свои войска туда же, но через Балканы и долину р. Дуная.

Продолжение Каирской конференции

Англо-американские разногласия, правда, уже не в столь резкой форме, как на Тегеранской конференции, оказали влияние на ход переговоров двух западных союзников¹⁸⁸, которые состоялись с 3 по 7 декабря в Каире.

Поскольку по главному вопросу — об открытии второго фронта — уже было принято принципиальное решение, перед западными союзниками на этот раз стояла уже более легкая задача — согласовать в основном техническую сторону операций на европейском континенте, окончательно определить необходимые для этого силы и средства. По выражению Рузвельта, речь шла о том, как лучше использовать и снарядить два десятка десантных судов¹⁸⁹.

Подводя итог дискуссии, состоявшейся в Каире 3 декабря, пре-

¹⁸⁶ См. *Р. Шервуд*. Указ. соч., т. II, стр. 487.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Наиболее «трудноразрешимыми» оказались вопросы о силах и средствах для действий в Бирме и высадке на юге Франции («The Conferences at Cairo and Tehran», р. 668—674). В частности, о первой из этих двух операций так и не удалось договориться (*Дж. Эрман*. Указ. соч., стр. 208).

¹⁸⁹ «The Conferences at Cairo and Tehran», р. 675; *W. Churchill*. *Op. cit.*, v, V, р. 362.

зидент Рузвельт спросил, «прав ли он, полагая, что все согласны в следующем: а) не следует предпринимать никаких действий, которые могут помешать операции «Оверлорд»; б) не следует предпринимать никаких действий, которые могут помешать операции «Энвил»; в) в случае вступления Турции в войну мы должны любыми путями обеспечить необходимое количество десантных средств для действий в восточной части Средиземного моря; г) адмиралу Маунтбэттену должны быть даны указания делать все, что он сможет, обходясь выделенными ему ресурсами»¹⁹⁰.

Тут же начальникам штабов было дано указание продолжать изучение поставленных вопросов, обратив особое внимание на последний. Сравнившись в тот же день, они прежде всего приняли с некоторыми уточнениями американское предложение обо операции «Рэнкин»¹⁹¹. Теперь указания по разработке этого плана были более конкретными, а обязательства обоих союзников более определенными. В частности, уточнялись зоны оккупации для каждой из двух стран в случае неожиданного краха фашистской Германии. Этот пункт гласил: «а) Американская зона. Все Нидерланды, Северная Германия на востоке до линии Берлин—Штеттин, Дания, Норвегия и Швеция. Граница этого района следующая: южная граница Нидерландов, затем к Дюссельдорфу на Рейне, вниз по восточному берегу Рейна и Майна, затем на восток к Байрейте, оттуда на север к Лейпцигу, на северо-восток к Котбусу, на север к Берлину (исключительно) и к Штеттину (включительно); б) Британская зона. В основном территория к западу и югу от американской западной границы». Одновременно штабу Моргана было дано указание пересмотреть свой план на основе данного распределения зон оккупации¹⁹².

На другом заседании Объединенного совета начальников штабов, состоявшемся на следующий день, адмирал Кинг заявил, что имеется возможность увеличить количество десантных судов для операций в Европе. Как он сообщил, дано распоряжение направлять не на Тихий океан, а в Европу все такие корабли, постройка которых завершится в США в период с 1 марта до 1 апреля. Это давало дополнительно 25 танко-десантных транспортов и 66 других десантных судов, из которых предполагалось выделить 50 единиц для операций в Средиземном море, что позволяло осуществить высадку десанта в составе двух дивизий на юге Франции¹⁹³.

Наконец, 5 декабря был рассмотрен и принят доклад начальников штабов о планах союзников в Европе. В нем, в частности, указывалось, что «самыми важными операциями в 1944 г. будут «Оверлорд» и «Энвил». Они должны быть проведены в мае 1944 г.

¹⁹⁰ Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 207; «The Conferences at Cairo and Tehran», p. 680; W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 363.

¹⁹¹ «The Conferences at Cairo and Tehran», p. 688.

¹⁹² Ibid., p. 786—787.

¹⁹³ Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 208.

Ни в каком другом районе мира не следует предпринимать никаких действий, которые могли бы помешать успеху этих двух операций... В соответствии с имеющимися в настоящее время планами для операции «Оверлорд» выделены минимально необходимые силы. Должно быть сделано все, что только возможно, для увеличения этих сил... Необходимо как можно скорее рассмотреть план операции «Энвил», исходя из того, что высадка должна быть проведена силами не менее двух дивизий. Если в результате выяснится, что для проведения этой операции потребуются более крупные силы, необходимо будет обеспечить выделение дополнительных сил и средств»¹⁹⁴.

В докладе также отмечалось, что желательно развернуть военные действия в Эгейском море, включая, в частности, захват острова Родос, при условии, однако, если это могло бы быть сделано без ущерба для операций и «Оверлорд», и «Энвил». Далее указывалось на необходимость сделать все возможное для ускорения строительства новых десантных судов и средств и переоборудования других судов для обеспечения Европейского театра военных действий дополнительным количеством судов и средств¹⁹⁵.

Изложив указания о планировании операции в Южной Франции, авторы этого документа также заявили: «...Мы согласились, что в Италии наступление будет продолжаться до линии Пиза—Римини. Мы сообщили верховному командующему союзными силами на Средиземноморском театре, что он может задержать в Средиземном море до 15 января 1944 г. 68 танко-десантных судов, предназначенных для переброски в Соединенное Королевство. Но эти десантные суда должны прибыть в Соединенное Королевство ко времени, намеченному для операции «Оверлорд»»¹⁹⁶.

Затем подтверждалось решение Квебекской конференции о бомбардировках Германии, первоочередными объектами которой, согласно директиве, изданной Объединенным советом начальников штабов в июне 1943 г., были авиационные заводы, производящие истребители и запасные части к ним, а также шарикоподшипниковые и нефтеперегонные заводы, второстепенными — предприятия синтетического каучука, шинные и автомобильные заводы. Была определена и основная цель действий авиации — завоевать полное господство в воздухе в Западной Европе. Для выполнения этих задач наряду с действовавшими британскими стратегическими военно-воздушными силами и 8-й американской воздушной армией, базировавшимися на Британских островах, Объединенный совет еще 22 октября вынес решение о создании 15-й воздушной армии в Южной Италии, которая и была сформирована к началу ноября 1943 г. из американских и английских авиационных соединений¹⁹⁷.

¹⁹⁴ «The Conferences at Cairo and Tehran», p. 812.

¹⁹⁵ Ibidem.

¹⁹⁶ Ibid., p. 813.

¹⁹⁷ «The War Reports of George C. Marshal, H. H. Arnold, Ernest J. King». Philadelphia—New York, 1947, p. 167.

В эти же дни в Каире было учреждено единое командование всеми вооруженными силами на Средиземноморском театре¹⁹⁸. К принятому начальниками штабов решению об операции «Рэнкин» было добавлено, что «объединенному разведывательному комитету будут даны указания постоянно вести наблюдение за обстановкой в Европе в интересах «Рэнкин» и докладывать в начале каждого месяца по этому вопросу Объединенному совету начальников штабов»¹⁹⁹. 6 декабря Эйзенхауэру была направлена из Каира директива срочно подготовить план операции в Южной Франции с указанием осуществить ее «примерно одновременно» с операцией «Оверлорд», назначенной на май 1944 г., и что, кроме того, должно быть проведено наступление в Италии южнее линии Римини—Пиза²⁰⁰.

6 декабря во время поездки к египетским пирамидам Рузвельт сообщил Черчиллю о своем намерении назначить генерала Дуайта Д. Эйзенхауэра верховным командующим союзными экспедиционными силами на Европейском театре военных действий. Несколько дней спустя это назначение состоялось официально.

Следовательно, только в конце 1943 г. после длительных дискуссий были наконец приняты решения, намечены основы планов согласованных операций и организации вооруженных сил для ведения войны в Европе и назначен верховный командующий для проведения операции «Оверлорд».

Это было прямым следствием того, что в Европе к тому времени сложилась новая обстановка и задачи второго фронта представлялись правящим кругам США и Англии уже далеко не такими, как в первые годы войны. Коренной перелом произошел не только в ходе войны и в военно-политической обстановке в Европе, но также и в отношении правительств США и Великобритании к вопросу о втором фронте. Они увидели, что дальше откладывать вторжение в Европу было уже небезопасно для их собственных интересов, поскольку Красная Армия показала себя способной собственными силами завершить разгром гитлеровской Германии и оказать помощь народам поработанных стран Европы в их освобождении от нацистского гнета.

Тегеранская и Каирская конференции завершили первый период борьбы за создание второго фронта в Европе. В ней участвовали, как показано выше, различные по значению политические и социальные силы: все правительства стран—участниц антифашистской коалиции, общественные и политические деятели и широкие круги общественности. Действия этих сил, цели и тактика ограничивались в основном рамками политических отношений. Военная стратегия затрагивалась ими лишь в той части, которая требовалась для военной мотивировки позиций и акций правительств. В самом

¹⁹⁸ «The Conferences at Cairo and Tehran», p. 812—813.

¹⁹⁹ Ibidem.

²⁰⁰ Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 212.

общем виде борьба за второй фронт в тот период имела две стороны — политические действия, посредством которых проявлялись отношения конкретных правительств, определенных групп в правящих и общественных кругах как к противнику, так и к союзникам, и военное обеспечение нового, послевоенного устройства мира. Последнее в значительной мере зависело от складывания в результате борьбы принципиально иного соотношения сил в мире и прежде всего в Европе.

Коренной перелом в ходе войны, вызванный главным образом победами Советских Вооруженных Сил в 1943 г., сопровождался захватом союзниками стратегической инициативы. Решительно изменилось соотношение сил в пользу антифашистской коалиции. В связи с этим приобрел более актуальное значение и вопрос о политической реализации каждой государством обозначившейся в то время вероятности военной победы союзников. До этого момента политика союзников направлялась главным образом на достижение военной победы как основной предпосылки новой, послевоенной структуры мира. Позднее наряду с сохранением решающего значения этой ее главной функции решение проблемы послевоенного устройства мира по мере приближения победы приобретало все большее самостоятельное значение.

Сместились акценты также и в решении вопроса о втором фронте. До этого (в 1941—1943 гг.) союзники пытались решить его в основном политическими средствами. После Тегеранской конференции второй фронт стал одной из важнейших проблем военной стратегии второй мировой войны и решался преимущественно военными средствами. Естественно, что и характер его исследования меняется: международно-политическое изучение в значительной мере уступает место военно-историческому, хотя и сохраняет свой приоритет. В связи с этим во второй части работы, названной «Вторжение», анализ важнейших военных событий на втором фронте в 1944—1945 гг. занимает основное место.

ВТОРЖЕНИЕ

Перед вторжением

Вторжение началось

Борьба за Францию

К западным границам Германии

Последняя ставка

Вторжение в Германию с запада

Наступление в Западной Германии

**Антифашистская коалиция, политика
и стратегия**

Перед вторжением

Немецко-фашистские войска готовятся отразить вторжение на Западе

К концу 1943 г. наступил коренной перелом в ходе второй мировой войны в пользу стран антифашистской коалиции. В области военной вооруженные силы гитлеровской Германии перешли к общей стратегической обороне. Всем командующим групп армий был отдан приказ — не надеясь на подкрепления, распределить силы так, чтобы парировать любые удары противника. В докладе «Стратегическое положение к началу пятого года войны», прочитанном перед рейхслейтерами и гаулейтерами 7 ноября 1943 г. в Мюнхене, начальник штаба оперативного руководства вооруженными силами генерал Йодль заявил: «Самая трудная задача, стоящая в настоящее время перед командованием, состоит в том, чтобы так распределить силы на всех театрах войны, чтобы мы могли быть достаточно сильными там, где противник будет наносить новые удары»¹.

Во Франции гитлеровское командование ожидало вторжения вооруженных сил США и Англии с запада и юга. В результате изучения обстановки оно сделало следующие выводы: географические условия позволяют осуществить десантную операцию на северном, западном и средиземноморском побережье Франции; условия погоды не исключают возможности высадки морских десантов при наличии современных средств в любое время года; внутренняя территория не имеет серьезных препятствий для применения любых соединений, включая оперативные и танковые объединения².

Гитлеровские генералы отчетливо представляли опасность, грозившую фашистской Германии в случае успешного вторжения американских и английских войск во Францию. В справке штаба оперативного руководства вооруженными силами от 2 ноября 1943 г. отмечалось, что «требования русских создать второй фронт на Западе и стремление англо-американцев в противоположность политическим притязаниям русских добиться большего веса путем дости-

¹ «Военно-исторический журнал», 1960, № 10, стр. 90.

² См. там же, стр. 85.

жения военных успехов определяют характерную особенность положения на Западе. Успешное наступление с целью прорыва наших западных укреплений могло бы очень быстро завершиться продвижением к бельгийскому, северофранцузскому и западногерманскому промышленным районам, что оказалось бы роковым. Одновременно операция отрезала бы пункты базирования подводных лодок на Атлантическом побережье. Даже меньший успех, включающий создание плацдарма, представлял бы серьезную опасность, так как наличие у противника превосходства в вооружении и численности позволило бы ему развить наступление с плацдарма с целью прорыва наших укреплений»³.

Но фашистская Германия стала уязвимой с запада не в конце 1943 г. Эта уязвимость существовала с самого начала войны. Еще 23 ноября 1939 г. Гитлер, выступая перед высшим военным руководством Германии, говорил: «Мы имеем ахиллесову пятку — Рур. Успех войны зависит от обладания Руром. Если Англия и Франция прорвутся через Бельгию и Голландию в Рур, мы будем в величайшей опасности. Это может привести к параличу германской силы сопротивления»⁴. Правительства США и Англии не использовали возможность парализовать военную мощь Германии путем нанесения удара сухопутными войсками (а не только авиацией) по наиболее уязвимому месту ее экономики ни в 1939 г., когда главные силы вермахта были направлены против Польши, ни в 1941—1943 гг., когда германский империализм почти все свои войска бросил против Советского Союза. Постоянное откладывание правящими кругами США и Англии вторжения их вооруженных сил в Европу с Запада оказало фашистской Германии такую помощь, какую она не могла получить ни от одного из своих европейских союзников.

Когда же в войне произошел коренной перелом, мопный удар с Запада, который в прежние годы гитлеровское командование рассматривало как потенциальную опасность, стал реальной угрозой. В директиве № 51, подписанной Гитлером 3 ноября 1943 г., указывалось: «Ожесточенные и кровопролитные сражения последних 2.5 лет против большевизма потребовали от нас исключительного напряжения. На восток была брошена основная масса наших военных сил... Опасность на востоке продолжает оставаться, но еще ббльшая опасность (высадка англосаксов) намечается на западе». В своей оценке сложившейся обстановки немецкое верховное командование (ОКВ) исходило из того, что огромные размеры территории на востоке позволяли еще некоторое время вести военные действия вдали от жизненных центров Германии. Иначе дело обстояло на западе, где после успешного прорыва немецкой обороны на широком фронте американские и английские армии могли бы быстро оказаться у Рура и Саара. Поскольку, отмечалось в директиве, все

³ «Военно-исторический журнал», 1960, № 10, стр. 85.

⁴ «Nazi Conspiracy and Aggression», v. III. Washington, 1946, p. 578.

признаки свидетельствовали, что противник перейдет в наступление против немецкого западноевропейского фронта «самое позднее весной, а может быть и раньше», гитлеровцы намеревались не допустить больше «ослабления Запада ради усиления других театров военных действий»⁵.

Такая оценка фашистским командованием положения в Западной Европе могла в случае эффективных и решительных действий американских и английских войск после высадки в Северо-Западной Европе способствовать решительному пересмотру им распределения сил и средств между театрами военных действий и фронтами.

Переход германских вооруженных сил к стратегической обороне позволил их командованию за счет экономии сил и ресурсов несколько увеличить число своих дивизий в Западной Европе. Если по состоянию на 11 июля 1943 г. их там было около 50⁶, то к 6 января 1944 г. дивизий стало уже 60⁷. Правда, десять из них только формировались. Кроме того, в Западную Европу были переброшены 64 легиона (от батальона до бригады) из военнопленных⁸. Общая численность гитлеровских войск в Западной Европе (на 1 ноября 1943 г.) составляла 1 708 990 солдат и офицеров⁹.

Для отражения высадки морского десанта противника гитлеровское верховное командование намеревалось использовать все виды вооруженных сил. Но так как немецкие военно-морские и военно-воздушные силы были недостаточно мощными, основными считались сухопутные войска, на которые возлагалась задача при поддержке авиации и флота дать решительный отпор американско-английским силам вторжения. Директива № 51 обязывала военно-морской флот подготовить «по возможности крупные силы, способные нанести удар по флоту вторжения противника». Что касается авиации, то в директиве ей предлагалось увеличить наступательную и оборонительную мощь расположенных на западе авиационных соединений за счет ослабления обороны на других направлениях, рассредоточить аэродромы, чтобы сделать их менее уязвимыми с воздуха, а также заставить противника распылять усилия своей авиации. Гитлер требовал, чтобы авиация и военно-морской флот мобилизовали «все имеющиеся силы на решительное отражение предстоящих мощных атак противника с воздуха и с моря»¹⁰.

Командование вермахта учитывало, что в начале все усилия войск вторжения будут направлены против гарнизонов на побережье и особенно против крупных портов. Поэтому в директиве № 51 обращалось внимание на создание прочной обороны на побережье. Гитлеровское верховное командование надеялось добиться этого

⁵ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, пленка 2.

⁶ Там же, д. 4215.

⁷ Там же, д. 4219.

⁸ Там же, д. 4219, 4237.

⁹ «Военно-исторический журнал», 1960, № 10, стр. 86.

¹⁰ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, пленка 2.

«посредством создания системы мощных укреплений, которая при условии мобилизации для этой цели всех имеющихся людских и материальных сил страны и оккупированных областей должна быть усовершенствована и доведена до максимальной устойчивости в течение небольшого промежутка времени», имеющегося в их распоряжении. На тот случай, если бы противнику удалось успешно осуществить высадку, предполагалось создать сильную группу подвижных войск для нанесения сокрушительного контрудара. В директиве подчеркивалось: «Задача состоит в том, чтобы посредством быстрой подброски достаточного количества людских сил и материальной части, а также повышения боевой подготовки довести находящиеся на побережье крупные соединения до уровня полностью подвижных ударных резервов, которые были бы способны контрударами воспрепятствовать расширению десантной операции противника и затем сбросить его в море»¹¹.

Гитлер с успехом обороны побережья Западной Европы связывал далеко шедшие не только стратегические, но и политические планы. Обращаясь с речью к главнокомандующим видами немецких вооруженных сил на Западе 20 марта 1944 г., он потребовал ни при каких обстоятельствах не допускать, чтобы десантная операция противника продолжалась больше нескольких часов, в крайнем случае дней. «Если десантные войска потерпят поражение, — заявил Гитлер, — противник уже не будет иметь благоприятных условий для повторения операции. Из-за потерь, которые он понесет, потребуются месяцы для подготовки новой попытки вторжения. Но не только это будет удерживать англо-американцев от еще одной попытки. Провал вторжения нанесет сокрушительный удар по их моральному состоянию. Это в лучшем случае помешает переизбранию Рузвельта в Америке, а в худшем — упрячет его в тюрьму. В Англии усталость от войны также проявит себя еще больше, чем до этого, и Черчилль, учитывая его возраст, болезненное состояние и то, что его влияние теперь падает, не будет в состоянии осуществить новую десантную операцию. Мы могли бы противопоставить числу войск противника (около 50—60 дивизий) в короткое время войска такой же силы. Разгром попытки вторжения противника означает больше, чем чисто местное решение задачи на Западном фронте. Это единственно решающий фактор, определяющий все ведение войны и ее конечный результат»¹².

Тем не менее все приведенные нами документы отражали лишь пожелания политического и военного руководства гитлеровской Германии, более или менее правильное понимание им опасности, грозившей тогда фашистскому блоку не только с востока, но и с запада.

Но располагала ли фашистская Германия возможностями осуществить намеченные планы?

¹¹ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, пленка 2.

¹² E. Rommel. The Rommel Papers. London, 1953, p. 465—466.

Германское верховное командование отдало распоряжение своим вооруженным силам в Западной Европе (директива № 40) приступить к строительству укреплений на побережье Франции еще в марте 1942 г., т. е. только после того, как стало ясно, что план «молниеносной войны» против Советского Союза провалился, а вторжение американских и английских войск на европейский континент могло вынудить Германию вести войну на два фронта. Позже немецкие войска в Западной Европе получили немало приказов и распоряжений о создании и усилении обороны Атлантического побережья. Но до весны 1944 г. эта оборона, по мнению ОКВ, представляла собой больше «планы на бумаге», чем «солидные укрепления на побережье»¹³. Необходимых сил и средств для создания прочной обороны на западе фашистская Германия не имела. Иодль вообще полагал, что невозможно создать глубоко эшелонированную систему укреплений на всем побережье (2600 км).

Командование вермахта было вынуждено снять основное артиллерийское вооружение, проволочные заграждения и мины с позиции «Зигфрида». Однако этого для создания «атлантического вала» оказалось слишком недостаточно. В конце 1943 г. на Атлантическом побережье находилось 2 692 артиллерийских и 2 354 противотанковых орудия различных калибров, строилось 8449 долговременных оборонительных сооружений¹⁴.

По свидетельству начальника оперативного отдела штаба немецко-фашистских войск в Западной Европе генерала Б. Циммермана, строительство железобетонных сооружений на побережье Ла-Манша закончить не удалось, а французская часть побережья Средиземного моря совсем не была укреплена¹⁵.

Слабость немецкой обороны во Франции видел и главнокомандующий немецкими вооруженными силами «Запад» фельдмаршал Г. Рундштедт. В докладе штабу оперативного руководства вооруженными силами он писал: «Несмотря на все укрепления, жесткая оборона» всего побережья в течение длительного времени невозможна». Рундштедт призывал верховное командование считаться с этим обстоятельством. По его мнению, оборона могла основываться преимущественно на крупных резервах и прежде всего на танковых и моторизованных соединениях. Без них, утверждал он, нельзя было удерживать побережье в течение длительного времени.

Вывод Рундштедта заставил верховное командование в конце 1943—начале 1944 г. серьезно заняться изучением проблем обороны Атлантического побережья. Приказом Гитлера от 10 ноября 1943 г. была создана войсковая группа «Б» особого назначения (штаб) во главе с фельдмаршалом Роммелем. В ее задачу входило изучение готовности немецких войск к нанесению контрударов по

¹³ «Brassey's Naval Annual, 1948». London—New York, p. 376.

¹⁴ См. «Военно-исторический журнал», 1960, № 10, стр. 86.

¹⁵ З. Вестфаль, В. Крейпе, Г. Блюментрит, Ф. Байерлейн, К. Цейтцлер, Б. Циммерман, Х. Мантейфель. Роковые решения. М., 1958, стр. 219.

противнику и разработка предложений по улучшению организации обороны побережья. Этой группе прежде всего предстояло изучить готовность к обороне, а также возможности контрдействий немецких войск в Дании, в провинции Артуа, на полуостровах Котантен и Бретань (Франция), в Голландии и на других участках побережья, которые могли быть дополнительно указаны¹⁶.

Штаб Роммеля в конце 1943 г. обосновался во дворце Бурбонов в Фонтенбло и при содействии штаба главнокомандования «Запад» (группы армий «Д») занялся изучением обстановки в Западной Европе. Фельдмаршал Роммель хорошо знал английскую и американскую армии, особенности их военного искусства и лично руководил операциями против английских войск. Он был знаком с опытом высадки противником морских десантов в Сицилии и Салерно.

Изучив обстановку, Роммель считал возможным уничтожить десант противника только в момент его высадки на берег, когда десант наиболее слаб и беспомощен. В противоположность Рундштедту он не верил в возможность нанесения при условии полного господства противника в воздухе мощного контрудара резервами, расположенными в глубине континента. Роммель предложил создать на побережье систему мощного огня и сосредоточить там основные силы пехоты, танковых и моторизованных войск¹⁷.

Рундштедт придерживался своей прежней точки зрения. Не отказываясь от мысли по возможности наносить поражение морскому десанту в момент его высадки на побережье артиллерией оборонявшихся войск, контратаками частных резервов, он главную роль в разгроме высадившегося морского десанта отводил все-таки контрудару сильными корпусными и армейскими резервами¹⁸. После получения директивы № 51, содержавшей пункт об усилении немецких войск на Западе, Рундштедт стал еще больше настаивать на своем предложении¹⁹.

Высказывались и другие мнения по замыслу противодесантной операции. В конце концов был принят план оборонительной операции, который в изложении начальника штаба главнокомандования «Запад» предусматривал следующие действия: первое — огневой бой, пока десант противника находится еще на воде; второе — сражение на берегу моря; третье — сражение в прибрежной зоне между резервами и частями противника, которым удастся прорваться через главную полосу обороны; наконец, решающее сражение на побережье, в которое главнокомандование «Запад» введет крупные моторизованные и танковые войска, чтобы разгромить и сбросить десант противника в море²⁰.

¹⁶ G. A. Harrison. Cross-Channel Attack. Washington, 1951, p. 149.

¹⁷ E. Rommel. Op. cit., p. 453—456, 468—470.

¹⁸ G. A. Harrison. Op. cit., p. 153.

¹⁹ Ibid., p. 154.

²⁰ Ibid., p. 156.

Некоторые историки и мемуаристы на Западе, привлекая внимание читателей к разногласиям, возникшим при выработке плана противодесантной операции, уклоняются от разбора истинных причин слабости немецкой обороны в Западной Европе. Например, Типпельскирх утверждает, что поскольку мнение Роммеля о создании «жесткой» обороны побережья импонировало Гитлеру, всегда стремившемуся оказывать влияние на оперативное руководство и не желавшему отказываться от своих резервов, было принято компромиссное решение²¹. Выходит, во всем виноват Гитлер, не захотевший или не сумевший стать на точку зрения одного из фельдмаршалов, находившихся на Западе.

Более определенно высказывается Циммерман. Он считает, что в 1944 г. из-за тяжелых потерь немецких войск на советско-германском фронте командование вермахта не имело на Западе достаточного количества подвижных соединений для ведения маневренной войны и поэтому пришлось принять план Гитлера «о переходе к жесткой позиционной обороне». Но дальше он считает причиной всех злоключений на Западе не то, чем вызвано решение, а ... сам факт решения. «Это роковое решение, — пишет Циммерман, — если вообще можно назвать такой подход к проблеме решением, сделало наше поражение на Западе неотвратимым»²².

Американский историк Харрисон пришел к выводу, что конфликт между концепциями обороны, предложенными Роммелем и Рундштедтом, не был полностью разрешен в пользу той или иной из них. Этот конфликт привел к компромиссному развертыванию войск, которое в день начала вторжения союзных армий не подходило для практического осуществления ни одной из двух концепций. Оперативная гибкость была ограничена, не создана была и достаточная глубина обороны побережья²³. Еще более категорично другое его утверждение: «Возможно, что наиболее серьезной слабостью немецкой обороны на Западе был не недостаток людей и материалов, а отсутствие единства командования»²⁴.

До этого Лиддел Гарт писал, что одной из основных причин слабости немецкой обороны на побережье Франции было то, что мастер маневренных действий Рундштедт мало верил в ценность позиционной обороны. «Все меры, направленные на то, чтобы встретить вторжение союзников, «попали между двумя стульями», что явилось результатом конфликта между мнениями Рундштедта и Роммеля, усугубленного тем, что Гитлер наложил руку на резервы. Это имело гораздо большее значение для открытия пути во Францию, чем все сделанное союзниками, чтобы достигнуть внезапности»²⁵.

²¹ См. *К. Типпельскирх. История второй мировой войны*. М., 1956, стр. 397.

²² *Э. Вестфаль и др. Указ. соч.*, стр. 266.

²³ *G. A. Harrison. Op. cit.*, p. 258.

²⁴ *Ibid.*, p. 242—243.

²⁵ *B. H. Liddell Hart. The Other Side of the Hill*. London, 1948, p. 250—251.

Единство командования, безусловно, является одним из важнейших принципов управления войсками. Нарушение его в прошлом неоднократно приводило к серьезным поражениям в войне. Но нельзя признать правильным противопоставление его другим не менее важным условиям ведения вооруженной борьбы — количеству и качеству войск. Плохая организация руководства может серьезно ослабить возможности войск, ну а если их возможности ограничены? Как показали события в Нормандии в июне—июле 1944 г., немецкие войска проявили большое упорство в обороне, а руководство ими было не так уж плохим. Значит, основная причина — не в этом.

Поражения немецко-фашистских войск на советско-германском фронте заставляли гитлеровское командование постоянно снимать наиболее боеспособные соединения с Запада и перебрасывать их на Восток. Правда, в директиве № 51 имелся пункт, запрещавший в дальнейшем перебрасывать без разрешения Гитлера части и соединения из Западной Европы на какие-либо другие фронты. Но обстоятельства оказались сильнее его воли. Гитлер был вынужден разрешить такие замены войск. 23 ноября главнокомандование «Запад» получило указание как можно быстрее подготовить 60-ю моторизованную дивизию для переброски на Восток. 3 декабря было приказано изъять из дивизий на Западе 10 тыс. солдат 1925 года рождения и заменить их лицами, пригодными для службы лишь в оккупационных войсках. Примерно в то же время большое количество тяжелого вооружения, предназначенного для войск на Западе, было направлено на Восток²⁶.

Наступление Красной Армии на Правобережной Украине и под Ленинградом зимой 1943/44 г. заставило гитлеровское командование направлять на советско-германский фронт новые подкрепления. В феврале 1944 г. три усиленных полка, сформированных в Германии и предназначенных для главнокомандования «Запад», были направлены на советско-германский фронт²⁷. В марте на этот фронт направляются Учебно-танковая и 349-я дивизии²⁸, самоходные орудия (артштурм), изъятые из 326, 346-й и 348-й пехотных и 19-й авиаполевой дивизий²⁹, а также 2-й танковый корпус СС³⁰.

После таких изъятий у главнокомандования «Запад» осталась лишь одна полноценная танковая дивизия (21-я). Только в последующие полтора месяца в Западной Европе были подготовлены четыре танковые дивизии и четыре находились в процессе формирования. В конце мая из Венгрии во Францию возвратилась

²⁶ G. A. Harrison. Op. cit., p. 148.

²⁷ Ibid., p. 234.

²⁸ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4228; G. A. Harrison. Op. cit., p. 234—235.

²⁹ G. A. Harrison. Op. cit., p. 235.

³⁰ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4228, 4229.

учебная танковая дивизия и туда же была переброшена 1-я танковая дивизия СС для восстановления и пополнения³¹.

Все эти факты говорят о том, что под воздействием напряженной борьбы на советско-германском фронте гитлеровское командование вынуждено было непрерывно изымать наиболее подготовленные контингенты из Западной Европы и перебрасывать их на Восточный фронт, ограничивая тем боевые возможности своих войск на Западе.

Немецко-фашистское командование считало наиболее подходящим и вероятным для высадки морского десанта противника участок побережья между устьем Сены и Антверпеном (по этому вопросу не было никаких разногласий). Оно допускало, что в Нормандии могут быть предприняты лишь отвлекающие действия, за которыми последует вторжение главных сил, возможно, в районе Па-де-Кале³². Такая уверенность Рундштедта и Роммеля определялась тем, что район Соммы—Кале казался им более выгодным для противника со стратегической и оперативной точек зрения, так как он находился гораздо ближе к Германии и позволял легче поддерживать взаимодействие между высадившимися войсками и авиацией. Рундштедт считал, что противник, высадившись в районе Кале, сможет за четыре дня выйти к Рейну. Кроме того, в этом районе располагались стартовые площадки немецких самолетов-снарядов ФАУ-1 и ракет ФАУ-2, поэтому главнокомандование «Запад» допускало, что противник постарается захватить его как можно быстрее, чтобы предотвратить разрушения столицы Великобритании³³. Основываясь на таких выводах, оно приняло решение создать главную группировку сил и средств и наиболее развитую систему обороны на побережье севернее р. Сены.

До начала 1944 г. все немецкие войска в Западной Европе (во Франции, в Бельгии и Нидерландах) составляли одну группу армий «Д», командовал которой фельдмаршал Рундштедт. 14 декабря 1943 г. во Францию прибыл штаб группы армий «Б» особого назначения во главе с фельдмаршалом Роммелем³⁴. 15 января 1944 г. по предстанию Рундштедта в ОКВ Роммель был назначен командующим группой армий «Б». В эту группу вошли 15-я и 7-я армии и немецкие вооруженные силы в Нидерландах³⁵. Весной 1-я и 19-я армии, занимавшие Южную Францию, были объединены в группу армий «Г», командующим которой стал генерал Бласкович³⁶.

Группа армий «Б» (схемы 3 и 4) занимала все северное побережье от залива Зейдер-зе в Голландии до р. Луары. К 6 июня она

³¹ G. A. Harrison. Op. cit., p. 235.

³² См. К. Туннельскупх. Указ. соч., стр. 396; В. Н. Liddell Hart. Op. cit., p. 245; E. Rommel. Op. cit., p. 453—454.

³³ E. Rommel. Op. cit., p. 453; В. Н. Liddell Hart. Op. cit., p. 245—246.

³⁴ E. Rommel. Op. cit., p. 461.

³⁵ G. A. Harrison. Op. cit., p. 246.

³⁶ «Мировая война 1939—1945 гг.». Сборник статей. М., 1957, стр. 65.

насчитывала 37 дивизий³⁷. Поскольку Рундштедт и Роммель ожидали вторжения противника севернее р. Сены, самая сильная группировка была создана в этом районе. Побережье Па-де-Кале занимали девять пехотных дивизий. Средняя оперативная плотность здесь равнялась одной дивизии на 10 км побережья.

Обороне побережья Нормандии, которое англо-американское военное руководство избрало для высадки морского десанта, гитлеровское командование уделяло меньше внимания. На участке побережья от Кабура до основания полуострова Котантен общим протяжением более 70 км оборонялись только три пехотные дивизии³⁸.

Резерв группы армий составляли две танковые дивизии, находившиеся севернее и западнее Парижа.

Южнее Луары располагалась группа армий «Г». В нее входили четырнадцать дивизий, пять из которых занимали побережье Бискайского залива, а восемь — французское побережье Средиземного моря³⁹.

Три танковые и моторизованная дивизии резерва верховного главнокомандования (ОКВ) дислоцировались в Центральной Франции (три) и Бельгии (одна)⁴⁰, готовые нанести контрудар высадившемуся противнику. Однако главнокомандующий немецкими войсками на Западе не мог их использовать по своему усмотрению без разрешения ОКВ. Резерв главнокомандования «Запад» составляли четыре танковые дивизии⁴¹.

Всего, таким образом, в Западной Европе находилось 59 дивизий (36 пехотных, 7 резервных, 4 авиаполевые, 9 танковых, 2 парашютные и моторизованная) и одна танковая боевая группа. По своим боевым и моральным качествам они были весьма различны. Начальник штаба главнокомандования «Запад» генерал З. Вестфаль оценивал их так: «Было общеизвестно, что боеспособность немецких войск на Западе уже к моменту вторжения была намного ниже, чем боеспособность наших дивизий на Востоке... Значительное количество находившихся во Франции так называемых «стационарных» дивизий было скудно оснащено вооружением и автотранспортом и состояло в основном из солдат престарелого возраста»⁴². «Стационарными» назывались 22 дивизии, в том числе дивизия, укомплектованная солдатами, страдавшими желудочно-кишечными заболева-

³⁷ Из них 27 пехотных, 2 парашютные, 2 танковые, 2 резервные и 4 авиаполевые (Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4237).

³⁸ 716, 352-я и 709-я дивизии (там же).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Из них две располагались в полосе группы армий «Б» и две в полосе группы армий «Г». Танковая группа «Запад» в основном руководила боевой подготовкой танковых соединений и частей и готовилась как резервное управление для руководства ими на главном направлении. Ее командовал генерал танковых войск Гейр фон Швепшенбург.

⁴² S. Westphal. Heer in Fesseln. Bonn, 1950, S. 264.

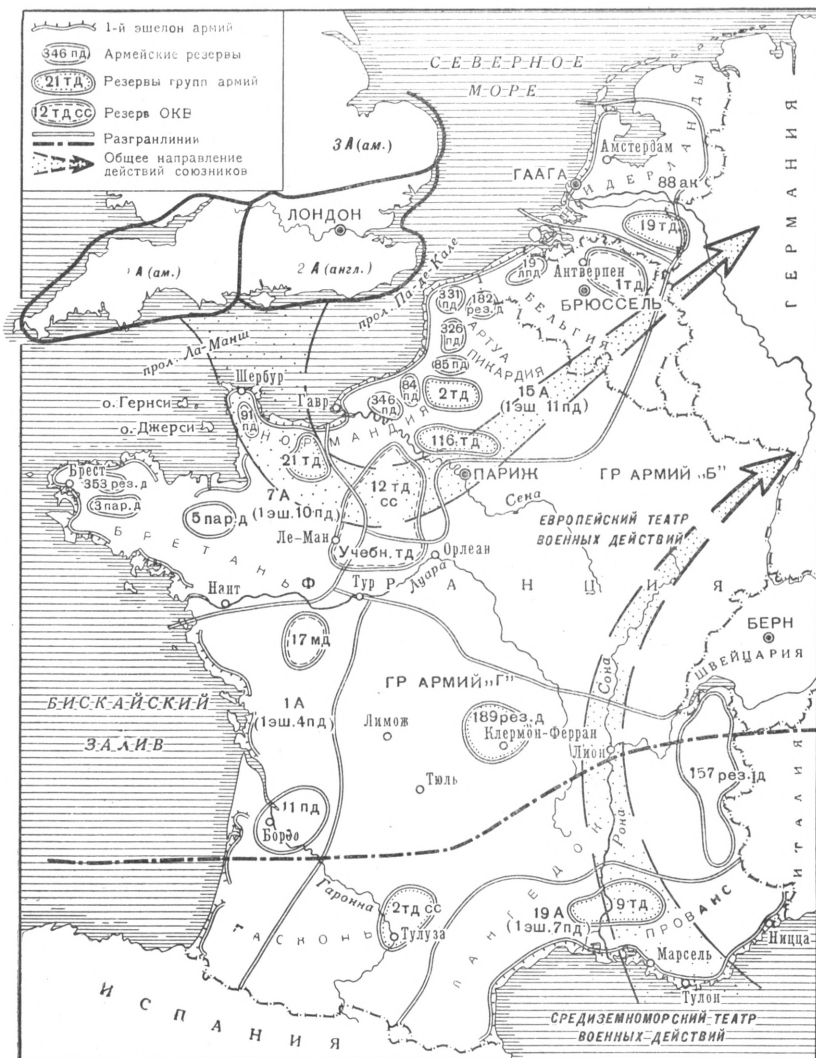

Схема 3.
ГРУППИРОВКА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ
НА 6 ИЮНЯ 1944 г.

ниями⁴³. Такие дивизии предназначались для обороны морского побережья.

Большинство пехотных дивизий состояло из двух пехотных полков (по три батальона в каждом) или трех пехотных полков двух-

⁴³ W. Görlitz. Der Deutsche Generalstab. Geschichte und Gestalt. 1657—1945. Frankfurt/M., 1950, S. 640.

батальонного состава и специальных подразделений. Укомплектованность батальонов личным составом не превышала 70—75%⁴⁴. Часть личного состава пехотных полков составляли военнопленные различных наций, попавшие в плен еще в начале второй мировой войны. Пехотным дивизиям придавались также легионы, укомплектованные также военнопленными. Чтобы заставить такую пехоту вести бой, гитлеровское командование держало в каждой роте гестаповцев и эсэсовцев, имевших приказ расстреливать каждого, кто уклонится от участия в бою⁴⁵.

Пехотные дивизии были частично вооружены трофейным французским, польским, чешским и югославским оружием. Штатная численность такой дивизии была определена в 12 769 солдат и офицеров, но фактическая достигала примерно 9 000—10 000 человек. Парашютные дивизии насчитывали около 17 500 человек⁴⁶.

Значительно лучше были укомплектованы личным составом танковые дивизии⁴⁷. Однако укомплектованность этих соединений танками была далеко не одинаковой. Так, 1-я танковая дивизия СС имела 203 танка и 45 самоходных орудий, а 2-я танковая дивизия СС — 69 танков и 33 самоходных орудия. Разное количество тяжелых танков (от 6 до 50) было и в отдельных танковых батальонах. Всего же в Западной Европе к концу апреля 1944 г. насчитывалось 1608 немецких танков (из них 674 Т-IV и 514 Т-V). К концу мая предполагалось довести их число до 1994. Кроме того, дивизии располагали небольшим количеством трофейных танков (французских, чешских и советских)⁴⁸.

Серьезную проблему для немецко-фашистского командования составляло обеспечение соединений вооружением, боеприпасами и мототранспортом. В 1944 г. во Франции, Бельгии и Голландии использовалось оружие и военная техника многих германских и иностранных марок (французские, польские, югославские и др.). Они были, как правило, низкого качества. Ремонт их затрудняло отсутствие запасных частей, а снабжение боеприпасами — то, что не стандартное оружие требовало особых боеприпасов⁴⁹.

⁴⁴ A. G. Loose. The German High Command and the Invasion of France. — «Military Affairs», 1947, № 3.

⁴⁵ B. G. Wallace. Patton and His Third Army. Harrisburg, 1946, p. 46—47.

⁴⁶ G. A. Harrison. Op. cit., p. 239.

⁴⁷ В армейских танковых дивизиях (в Западной Европе их было шесть) насчитывалось от 12 768 (9-я танковая) до 16 466 (2-я танковая) солдат и офицеров, а в танковых дивизиях СС (всего три) гораздо больше — от 17 590 (9-я танковая) до 21 386 (1-я танковая) солдат и офицеров (G. A. Harrison. Op. cit., p. 240).

⁴⁸ G. A. Harrison. Op. cit., p. 240—241. По данным официальной английской истории второй мировой войны, число немецких танков на Западе возросло с 752 в начале января до 1403 в конце апреля 1944 г. Возможно, что к началу июня число танков увеличилось еще больше (L. F. Ellis et al. Victory in the West, v. I. London, 1962, p. 117).

⁴⁹ Так, в конце января 1944 г. 7-я армия имела 32 различных вида оружия с 252 различными видами боеприпасов, из которых 47 уже не производи-

Таким образом, качество немецких дивизий на Западе было относительно невысоким. По определению американского историка Харрисона, из 59 дивизий, которые имел под своим командованием Рундштедт, 33 были либо стационарными, либо резервными, годными только для ведения обороны, и лишь 24 дивизии определялись как подходящие для действий на Востоке из-за их относительной мобильности и хорошей подготовки личного состава⁵⁰. Такая оценка соответствовала действительному состоянию немецких сухопутных сил в Западной Европе. Следует, однако, отметить, что многие дивизии, особенно их офицерский состав, имели боевой опыт и хорошую подготовку к действиям на территории Франции, что до некоторой степени компенсировало их слабую техническую оснащенность и недостаточную подвижность.

Исходя из предположения, что для успешных действий крупного морского десанта после его высадки противнику потребуются порты, немецко-фашистское командование первоочередной задачей ставило создание системы обороны крупнейших портов Франции, Бельгии и Голландии, особенно Антверпена, Дюнкерка, Булони, Гавра, Шербур, Сен-Мало, Бреста, Сен-Назера. Укрепление портов преследовало двоякую цель: обеспечить их от внезапного захвата и создать условия для базирования немецких подводных лодок. Была создана также система обороны устьев рек Сены и Шельды.

Оборона Атлантического побережья и наиболее важных его районов, особенно Па-де-Кале, состояла из системы опорных пунктов различной плотности и силы огня, как правило, не имевших между собой огневой связи. Оборону занимали части береговой обороны военно-морского флота и полевые войска. Артиллерийская оборона состояла из батарей береговой и полевой дальнобойной артиллерии, огневые позиции которых располагались в районе Шербур, Гавра, Булони, устья Шельды⁵¹.

В начале 1944 г. особое внимание было обращено на инженерное укрепление побережья: в наиболее вероятных районах высадки морского десанта ставились заграждения; подступы к ним с моря минировались; строились долговременные инженерные сооружения. В районах возможной высадки воздушных десантов набивались высокие колья, чтобы затруднить приземление парашютистов и воспрепятствовать посадке транспортных самолетов и планеров. Однако

лось. Вся армия насчитывала только 170 75-мм противотанковых и 68 88-мм зенитных орудий (*E. Rommel. Op. cit., p. 457*).

⁵⁰ *G. A. Harrison. Op. cit., p. 242.*

⁵¹ Наиболее мощные артиллерийские узлы обороны были созданы на мысе Гринэ (четыре батареи пушек калибром от 280 до 406 мм) и на островах Гернси и Джерси (11 батарей), но они не сыграли никакой роли в отражении вторгнувшегося морского десанта. В районе высадки морского десанта союзников на фронте шириной около 75 км находились две батареи 150-мм орудий (по шесть орудий в каждой), батарея полевой артиллерии (четыре 122-мм орудия), две батареи морской артиллерии (четыре 122-мм и четыре 150-мм орудия) (*K. Assman. Normandy, 1944. — «Military Review», 1955, February*).

до начала высадки морского десанта вся эта работа не была завершена, так как не хватило ни сил, ни ресурсов. Например, из 50 млн. мин, которые предполагалось установить на северном побережье Франции, к 20 мая было поставлено только 4 млн. План инженерных оборонительных работ на побережье был выполнен в полосе 15-й армии на 68%, а в полосе 7-й армии — лишь на 18%⁵².

Еще хуже обстояло с возможностями оборонительных действий военно-морского флота и авиации фашистской Германии. На 3-й воздушный флот возлагались следующие задачи: вести воздушную разведку, поддерживать действия немецких подводных лодок в Атлантическом океане и Северном море, производить налеты на районы скопления войск, кораблей и десантных средств на Британских островах и на пункты погрузки морского десанта. Однако все эти задачи из-за слабости немецко-фашистской авиации не могли быть выполнены.

3-й воздушный флот к началу июня 1944 г. имел 450—500 боевых самолетов. Обещанная Гитлером 1000 реактивных истребителей на Западе так и не появилась⁵³.

Командование группой военно-морских сил «Запад» предназначалось для руководства действиями кораблей, базировавшихся на порты Бискайского залива и Северной Франции. По данным официальной английской истории второй мировой войны, в начале июня 1944 г. в портах северо-западного побережья Франции находились 5 эсминцев, 6 миноносцев, 34 торпедных катера и около 500 малых патрульных кораблей и минных тральщиков. 49 подводных лодок, базировавшихся в Бресте и портах Бискайского залива, предназначались для отражения десанта противника, а еще 43 подводные лодки — для других целей. Но не все из перечисленных кораблей были в состоянии боевой готовности⁵⁴.

Группа должна была атаковать морской десант противника во время его перехода через проливы подводными лодками, сторожевыми и торпедными катерами и береговой артиллерией; нападать на районы высадки морского десанта малыми подводными лодками и другими легкими кораблями; минировать подступы к побережью Северной Франции. Подводному флоту было приказано нарушать морские коммуникации противника путем развертывания активных действий против конвоев в Атлантическом океане. Но возможности

⁵² K. Assman. Op. cit.

⁵³ H. Speidel. Invasion 1944. Tübingen—Stuttgart, 1950, S. 56; W. Gaul. Die deutsche Luftwaffe während der Invasion 1944. — «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1953, Н. 3, S. 137.

В английской официальной истории второй мировой войны приводятся иные данные: 3-й воздушный флот по состоянию на 31 мая 1944 г. имел в своем составе 891 самолет, в том числе исправных истребителей всех типов 266, бомбардировщиков 200 и транспортных самолетов 31, а всего 497. 6 июня только 319 боевых самолетов могли подняться в воздух, из них 200 истребителей (L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 121—567). В дальнейшем для расчетов мы возьмем число 450 самолетов.

⁵⁴ L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 121, 519—520.

решения этих задач военно-морскими силами были очень ограничены из-за малочисленности военно-морских сил, слабости поддерживавшей их авиации и эффективности противолодочной борьбы английского и американского флотов.

Таким образом, немецкая оборона в Западной Европе была уязвима также с моря и воздуха.

Немецко-фашистское верховное командование в 1944 г. готовилось к применению против Англии самолетов-снарядов ФАУ-1 и ракет ФАУ-2 — единственного средства, массированное использование которого могло несколько затруднить стратегическое сосредоточение и развертывание американских и английских войск. Однако из-за плохой подготовки и технических неполадок новое оружие было применено (с большим опозданием) только против Лондона.

Следует отметить, что, организуя оборону в Западной Европе, германское военное руководство пренебрегало в какой-то мере принципом единства командования. Главнокомандующий сухопутных войск на Западе фельдмаршал Рундштедт подчинялся верховному командованию вооруженными силами Германии (ОКВ), 3-й воздушный флот — главнокомандующему военно-воздушными силами, а военно-морское командование «Запад» — командующему военно-морскими силами. Власть Рундштедта не распространялась на военно-воздушные и военно-морские силы. Организуя оборону побережья Франции, он не мог использовать все виды вооруженных сил по своему усмотрению, что усложняло и затрудняло руководство их действиями против вторжения американских и английских экспедиционных сил в Западную Европу.

Относительно невысокое качество и ограниченное количество дивизий, недостаток рабочих рук и материальных ресурсов, слабость авиации и флота определили слабость немецкой обороны в Западной Европе в 1944 г.

Принятие концепции Роммеля или Рундштедта не могло спасти положения. Неизбежность поражения немецко-фашистских войск в Западной Европе была уже predeterminedена всем ходом второй мировой войны, главным образом продолжительной и ожесточенной вооруженной борьбой на советско-германском фронте, которая истощила силы немецко-фашистской армии.

План вторжения союзных армий

В конце 1943 г. правительства США и Англии, наконец, решились развернуть активные военные действия в Западной Европе. На Тегеранской конференции, как уже отмечалось, главы правительств СССР, США и Англии в своем соглашении записали, что вторжение на северо-западе Франции будет предпринято в мае 1944 г. одновременно с операцией в Южной Франции⁵⁵. На англо-американской

⁵⁵ «Foreign Relations. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943». Washington, 1959, p. 652.

конференции в Каире 5 декабря 1943 г. был рассмотрен и принят доклад Объединенного совета начальников штабов о планах западных союзников в Европе. В нем подчеркивалось, что «самыми важными операциями в 1944 г. для них будут вторжения на северо-западе («Оверлорд») и на юге («Энвил») Франции, которые должны быть проведены в мае». Правительства США и Англии согласились, что «ни в каком другом районе мира не следует предпринимать никаких действий, которые могли бы помешать успеху этих двух операций»⁵⁶.

В соответствии с решением конференции были образованы два театра военных действий — Европейский и Средиземноморский — и определены общие основы организации и действий союзных вооруженных сил на каждом из них. Разработка конкретных планов обеих операций была возложена на верховных командующих и штабы союзных экспедиционных вооруженных сил, учреждавшиеся на каждом театре. Было достигнуто соглашение и относительно сил и средств, особенно десантных, выделяемых обеими странами для вторжения в Западную Европу.

Как уже известно, 23 апреля 1943 г. на основе решения Квебекской конференции глав правительств США и Англии Объединенный совет начальников штабов для разработки плана вторжения в Западную Европу учредил штаб верховного командующего союзными вооруженными силами в Британии (КОССАК), который возглавил английский генерал Фредерик Е. Морган. Не по своей вине этот штаб не смог разработать такой план. Решения конференций в Касабланке, Вашингтоне и Квебеке, как отмечалось, не дали ему ни конкретных указаний о замысле операции, ни сведений о силах и средствах, выделяемых союзниками для действий в Европе. Долгое время не назначался верховный командующий. Английский майор Джон Долглейш, участвовавший в планировании и подготовке операции «Оверлорд», пишет, что «с точки зрения самих сил вторжения первым действительно осязаемым фактором явился общий план верховного главнокомандующего. До издания этого плана не было возможно никакое подробное планирование»⁵⁷.

Фактически подготовка вторжения началась лишь в январе 1944 г., т. е. когда КОССАК был превращен в верховный штаб (The Supreme Headquarters) союзных экспедиционных сил (15 января), а генерал Эйзенхауэр занял пост верховного командующего этими силами (16 января)⁵⁸. С этого момента, как пишет Харрисон, «характер и темпы планирования и подготовки к операции «Оверлорд» изменились... «Оверлорд» стал теперь определенным обязательством»⁵⁹.

⁵⁶ «Foreign Relations. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943». Washington, 1959, p. 812.

⁵⁷ Дж. Долглейш. Как мы планировали второй фронт. М., 1946, стр. 63.

⁵⁸ Дж. Эрман. Большая стратегия. Август 1943—сентябрь 1944. М., 1958, стр. 253.

⁵⁹ G. A. Harrison. Op. cit., p. 158.

Вторжение союзных вооруженных сил в Западную Европу можно было проводить: а) северо-восточнее устья р. Сены; б) в Нормандии; в) в Бретани и г) на побережье Бискайского залива. Два последних района были отвергнуты с самого начала, так как они находились сравнительно далеко от Британских островов, что затрудняло переброску войск и боевой техники в районы высадки и поддержку морского десанта авиацией, базировавшейся в Англии.

Между географическими условиями высадки морского десанта в оставшихся двух районах имелись некоторые различия, но главную роль играли стратегические и оперативные обстоятельства. Нанеся удар через Па-де-Кале в направлении Рура, союзные войска могли отрезать от Германии основные силы ее армий в Западной Европе и быстро выйти к важнейшим экономическим центрам (Северо-Восточная Франция, Южная Бельгия и Западная Германия), захват которых в короткий срок существенным образом ухудшал военно-экономическое и стратегическое положение фашистской Германии. В пользу выбора этого варианта были и такие моменты, как наличие хороших портов (Дьепп, Булонь, Кале, Дюнкерк, особенно Антверпен и др.), что значительно облегчало снабжение высадившихся армий и доставку на континент новых сил и средств, небольшое расстояние от Британских островов, позволявшее обеспечить надежную поддержку сил вторжения авиацией и т. д. Но союзному командованию было известно, что на этом направлении противник создал самую прочную оборону. Выгодная перспектива развития операции поэтому была сопряжена с риском во время высадки десанта и борьбы за плацдарм.

Вторжение союзных армий в Нормандию и наступление их на парижском направлении не явились бы столь угрожающими для фашистской Германии и ее армий во Франции, как это было бы в первом случае. В результате успешного наступления союзных армий в этом районе основные силы противника не отрезались, а отбрасывались к западным границам Германии. Кроме того, пролив Ла-Манш значительно шире Па-де-Кале; прибрежные рифы, ограниченное количество портов, обилие болот и пересеченная местность в глубине побережья — все это в какой-то мере затрудняло проведение крупной морской десантной операции. Но немецкая оборона здесь была значительно слабее, и десантную операцию можно было осуществить с меньшим риском. Именно район Нормандии и был избран союзниками для вторжения.

Важнейшие соображения по подготовке плана вторжения американских и английских войск в Северо-Западную Францию были разработаны штабом генерала Моргана еще в июле⁶⁰ и одобрены на Квебекской конференции в августе 1943 г.⁶¹ Но с тех пор прошло много времени, обстановка в Европе существенным образом изменилась. В Каире и Тегеране союзники приняли новые решения, вызы-

⁶⁰ G. A. Harrison. Op. cit., p. 158.

⁶¹ Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 250.

вавшие необходимость серьезного пересмотра одобренных Квебекской конференцией основ вторжения.

Командующий 21-й английской группой армий генерал Монгомери и начальник штаба союзных экспедиционных сил в Европе американский генерал Бэдделл Смит, а затем и другие генералы, в том числе и Эйзенхауэр, подвергли критике план штаба Моргана за то, что он не позволял достигнуть превосходства в силах над противником в районе высадки десанта как в первые дни операции, так и в последующие. В дальнейшем, изучая обстановку, Эйзенхауэр предложил Объединенному совету начальников штабов увеличить силы первого эшелона десанта с трех до пяти дивизий и расширить фронт его высадки, чтобы он включал не только г. Кан, но и восточную часть полуострова Котантен. Кроме того, он предложил высадить воздушный десант не только восточнее Кана, но и на полуострове Котантен.

Чтобы успешно осуществить высадку морского десанта такого состава, естественно, нужны были дополнительные десантные средства. По подсчетам штаба экспедиционных сил, вновь требовалось 71 десантный пехотный и 144 танко-десантных катера и 47 танко-десантных транспортов⁶². Но где их взять? В начале января 1944 г. возобновилось наступление американских и английских войск на р. Гарильяно в Италии с ближайшей целью овладеть Римом, а затем выйти на линию Римини, Пиза. В ходе подготовки этой операции выявилось, что для обеспечения высадки морского десанта у Анцио, без которого не мыслилось успешное наступление на Рим, будут задействованы 56 танко-десантных транспортов, предназначенных для операции «Оверлорд».

Еще 25 декабря 1943 г. Черчилль в письме Рузвельту предлагал «ради... более важных интересов» наступления в Италии задержать отправку 56 танко-десантных транспортов в Великобританию на три недели, полагая, что такая задержка не повредит подготовке к операции «Оверлорд». «Мне это очень неприятно, — писал он при этом, — однако я не могу допустить тупика в Италии и катастрофы, которая последует, если указанные меры не будут приняты»⁶³. В ответном письме (28 декабря) Рузвельт полностью согласился с предложением Черчилля при условии, что «Оверлорд» остается первоочередной операцией и будет проведена в срок, о котором была достигнута договоренность в Каире и Тегеране. Он требовал принять все меры, чтобы предотвратить вероятное влияние отсрочки отправки

⁶² G. A. Harrison. Op. cit., p. 167.

Другой американский историк Морисон приводит несколько иные цифры: при расширении фронта и увеличении сил вторжения дополнительно требовались: 6 десантных войсковых транспортов, 47 танко-десантных, 71 десантный пехотный транспорт и 144 танко-десантных катера (С. Э. Морисон. Вторжение во Францию и Германию. 1944—1945. М., 1963, стр. 51).

⁶³ Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 230—231; W. Churchill. The Second World War, v. V. London, 1953, p. 386—387.

танко-десантных транспортов на подготовку вторжения в Северо-Западную Францию⁶⁴.

Объединенный совет начальников штабов оформил соглашение глав правительств обеих стран, оставив танко-десантные транспорты на Средиземном море до 5 февраля 1944 г., т. е. до окончания операции у Анцио. Но при этом, как он отмечал, создавалось положение, при котором откладывание из-за плохой погоды, а тем более неудача десантной операции у Анцио грозили задержать начало вторжения союзных армий в Северо-Западную Францию⁶⁵.

Черчилль в своих предложениях шел еще дальше. Он считал возможным отложить на месяц вторжение в Северную Францию и вовсе отменить операцию на юге Франции, дабы не сорвать наступления в Италии. После обсуждения этого вопроса со своими начальниками штабов он напомнил Рузвельту, что данное в Тегеране обязательство открыть второй фронт в Европе в мае 1944 г. позволяет отложить начало операции в Нормандии до 31 мая, не нарушив соглашения. И хотя Рузвельт в ответном послании (от 14 января) откровенно не высказал своего согласия с Черчиллем, он поставил решение вопроса о переносе срока вторжения в Северо-Западную Францию в зависимость от мнения верховных командующих союзными армиями на театрах военных действий — Эйзенхауэра и Уилсона⁶⁶.

Такой ответ был равноценен согласию, ибо Эйзенхауэр не заставил себя ждать. 23 января он просил не отказываться от вторжения на юге Франции и осуществить его, если не тремя дивизиями, то хотя бы одной. О дате начала вторжения в Нормандию он писал, что лучше избрать «одно из первых чисел мая» и тем самым выиграть как можно больше летнего времени для ведения военных действий во Франции. Однако, чтобы не начинать операцию ограниченными силами, он предпочитал отложить ее проведение на месяц при условии, что получит необходимые ему силы и средства⁶⁷.

Предложение Эйзенхауэра вызвало бурную дискуссию в Объединенном совете начальников штабов. Англичане поддерживали предложение Эйзенхауэра, а американцы возражали. Тем не менее временный блок Эйзенхауэра и англичан выиграл. Американцы согласились избрать днем начала операции 31 мая с оговоркой: Эйзенхауэр может по своему усмотрению начать ее на несколько дней раньше или позже. В результате обе стороны окончательно договорились начать вторжение в один из дней первой недели июня⁶⁸.

Нехватка десантных средств на Европейском театре военных действий и возникшие в связи с этим затруднения в подготовке операции «Оверлорд» были предопределены политикой, проводимой за-

⁶⁴ *W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 390.*

⁶⁵ *Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 238.*

⁶⁶ *W. Churchill. Op. cit., v. V, p. 397.*

⁶⁷ *См. Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 254.*

⁶⁸ *См. там же, стр. 258; G. A. Harrison. Op. cit., p. 167—168.*

падными державами в предыдущие годы войны, а вовсе не дефицитом десантных судов. Откладывание ими открытия второго фронта в Европе и стремление прежде всего осуществить свои цели в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане привели к тому, что к лету 1944 г. большая часть американских десантных судов оказалась вне решающего, по определению Объединенного совета начальников штабов, театра военных действий. Из 9546 десантных судов разных типов, которыми союзники располагали на 1 июня 1944 г., на Европейском театре военных действий находилось 3601, т. е. около 37,7% всех судов, а из 7339 американских судов на этом театре военных действий находилось только 1844, или 25,1% от всего количества судов США. На Тихом же океане к этому времени находилось 3866 американских десантных судов, или почти 52,7%. Если бы правительства США и Англии не занимались более двух лет проволочкой начала активных военных действий в Европе, они имели бы все возможности заблаговременно сосредоточить десантные суда в портах Великобритании.

Пока шли все эти переговоры между союзниками, штаб Эйзенхауэра к 1 февраля 1944 г. разработал общую схему ведения военных действий в Западной Европе⁶⁹. Сущность ее была такова: высадиться на побережье Нормандии и захватить плацдарм, занимающий всю территорию Нормандии и полуострова Бретань; накопить на плацдарме необходимые силы и материальные ресурсы; прорвать оборону немецких войск в Нормандии и, преследуя противника силами двух групп армий на широком фронте, на 90-й день операции выйти на рубеж рек Сена и Луара; развивать преследование на широком фронте, нанося главный удар на левом крыле, чтобы захватить необходимые порты, выйти на границу Германии и угрожать Руру; на правом крыле предусматривалось соединение с войсками, которые вторгнутся на юг Франции; выход на границу Германии (расстояние примерно 500 км) планировался на 330-й день после начала вторжения, т. е., иными словами, предусматривались невысокие темпы наступления. После этого предполагалось восстановить порты в Бельгии, на бретанском и Средиземноморском побережье Франции и накопить силы и средства для вторжения в Германию; завершить разгром противника западнее Рейна и захватить плацдармы на его восточном берегу; предпринять последнее наступление в обход Рура, имея основные силы севернее его, и завершить это наступление ударом через всю Германию, направление которого предполагалось установить позже; очистить от противника всю остальную Германию⁷⁰.

К 12 февраля была, наконец, согласована директива Объединенного совета начальников штабов Эйзенхауэру, определявшая его обязанности и общую задачу союзных экспедиционных сил на Евро-

⁶⁹ См. Ф. С. Погью. Верховное командование. М., 1959, стр. 129.

⁷⁰ D. D. Eisenhower. Crusade in Europe. New York, 1948, p. 224—225, 227, 228—229.

пейском театре военных действий. Она была составлена на основе решений Квебекской, Тегеранской и Каирской конференций. В ней указывалось, что главная задача союзных экспедиционных сил состоит в том, чтобы «вторгнуться на континент Европы и совместно с другими Объединенными Нациями предпринять операции, имеющие целью выход к сердцу Германии и уничтожение ее вооруженных сил. Дата вторжения на континент — май 1944 года. После овладения соответствующими портами Ла-Манша действия войск должны быть направлены на захват района, который обеспечил бы ведение операций против врага сухопутными и воздушными силами»⁷¹.

Победы Советских Вооруженных Сил беспокоили правящие и военные круги США и Англии. Во второй половине 1943 г. стали высказываться опасения, что германский фронт на Востоке может рухнуть до начала вторжения американо-английских войск в Западную Европу. Чтобы не опоздать с вводом войск в Европу, в § 3 директивы Эйзенхауэру предписывалось, что, несмотря на установленную дату вторжения, он должен быть готовым в любое время к «использованию благоприятных условий, таких, как отход противника на вашем (западном. — В. К.) фронте, для того, чтобы вторгнуться на континент с теми силами, которые к тому времени будут в вашем распоряжении»⁷².

Как видно из директивы, Объединенный совет начальников штабов предусматривал два варианта развития операций на Европейском театре военных действий: подготовка войск к вторжению на континент, чтобы силой сломить сопротивление немецких армий («Оверлорд» был основным планом, предусматривавшим действия союзных экспедиционных сил при условии, что противник будет в состоянии продолжать войну), и организацию действий на тот случай, если фашистская Германия потерпит поражение в войне один на один против Советского Союза.

Правящие круги США и Великобритании не ограничивались только пассивным выжиданием развития событий на советско-германском фронте. Они принимали определенные, правда, осторожные политические меры, чтобы не допустить победы одного Советского Союза. Еще во время Сталинградской битвы американская и английская разведки в Европе установили связь с немецкой оппозицией Гитлеру, готовившей заговор с целью свержения гитлеровской клики⁷³. Они тщательно изучали обстановку в Германии, выясняли возможности сепаратных переговоров с противником в случае, если будет убрана гитлеровская клика.

Таким образом, только к середине февраля были окончательно согласованы основные вопросы военных действий союзных армий

⁷¹ «Report by the Supreme Commander to the Combined Chiefs of Staff on the Operations in Europe of the Allied Expeditionary Forces». Washington, 1946, p. VI.

⁷² Ibidem.

⁷³ См. Д. Мельников. Заговор 20 июля 1944 года в Германии. М., 1962, стр. 102.

в Северо-Западной Франции, что дало возможность спланировать морскую десантную операцию в Нормандии и подготовить войска к ее осуществлению. Решение вопроса о вторжении на юге Франции затянулось.

В интересах успешного завершения операции в Италии и в других районах Средиземного моря, на чем настаивало английское правительство, западные союзники без согласования с правительством СССР отложили начало операции «Оверлорд» на месяц, а «Энвил» — более чем на два месяца. Тем самым они пошли на нарушение обязательств, данных ими на Тегеранской конференции.

Руководство морской десантной операцией по соглашению между США и Великобританией возлагалось на командующего 21-й английской группой армий и его штаб.

В состав 21-й группы армий входили: 1-я американская армия (в составе 9 пехотных, 2 бронетанковых и 2 воздушнодесантных дивизий), 2-я английская армия (9 пехотных, 4 бронетанковых и воздушнодесантной дивизий и 6 бронетанковых и пехотной бригад, специальных частей и соединений), 1-я канадская армия (1 пехотная и 1 бронетанковая дивизии и специальные части). В резерве группы находились 2 бронетанковые и воздушнодесантная дивизии, парашютная, 2 бронетанковые и 2 пехотные бригады. Следовательно, для захвата и расширения плацдарма предназначались 32 дивизии и 12 бригад⁷⁴.

Планирующие органы союзников учитывали, что успех морской десантной операции определяется силой первоначального удара, темпами накопления сил и средств на плацдарме в последующие дни, равно как и бесперебойным снабжением всем необходимым высадившихся войск. Под первоначальным ударом они понимали: а) интенсивные действия американской и английской авиации против основных коммуникаций противника, ведущих в прибрежную полосу; б) мощную авиационную артиллерийскую подготовку для разрушения береговых укреплений врага; в) высадку морского и воздушного десантов такой силы, чтобы они могли совместно с последующими эшелонами сухопутных войск захватить плацдарм и отразить возможные контратаки противника⁷⁵.

План вторжения в Нормандию, в котором были воплощены эти идеи, состоял из ряда документов, подготовленных штабами 21-й группы армий, союзных экспедиционных военно-морских и военно-воздушных сил (схема 4).

Замысел морской десантной операции состоял в том, чтобы одновременно высадить пять пехотных дивизий на побережье общим протяжением около 100 км (от Монтебура до устья р. Орн) на пяти участках и три воздушнодесантные дивизии в глубине побережья и захватить тактические плацдармы. Уже в первый день операции

⁷⁴ В. Л. Montgomery. 21-st Army Group. Normandy to the Baltic. Germany, 1946, p. 13, Diagr. B.

⁷⁵ См. Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 130.

предполагалось объединить тактические плацдармы в один — оперативный, а затем, сковав активными действиями английских и канадских войск противника в районе г. Кан, нанести американскими войсками удар на правом крыле и, повернув весь фронт на восток, на 20-й день выйти на рубеж Авранш, Домфрон, Кабур⁷⁶, т. е. захватить плацдарм 100 км по фронту и 100—110 км в глубину.

В общих чертах были намечены и дальнейшие действия союзных армий. С выходом американской армии к Авраншу предполагалось ввести в сражение 3-ю американскую армию, а также штаб американской группы армий. Последний, используя полностью 1-ю армию и, если будет необходимо, часть сил 3-й армии, должен был на 60-й день захватить полуостров Бретань⁷⁷. 21-й группе армий предстояло обеспечить эти действия, сковав значительную часть сил противника в своей полосе⁷⁸. Затем главные силы американской группы армий поворачивались на восток и совместно с 21-й группой армий наступали на всем фронте от р. Луары до побережья моря, чтобы на 90-й день выйти на р. Сену. На этом завершился первый этап действий по плану «Оверлорд»⁷⁹.

1-й американской армии была поставлена задача: высадившись на двух участках побережья («Юта» и «Омаха»), продвинуться на юг и на запад, к исходу первого дня создать один общий плацдарм около 30 км по фронту и на глубину 8—16 км и соединиться с воздушным десантом. В последующем один (7-й) корпус этой армии должен был развивать наступление на Шербур и на 16-й день захватить весь полуостров Котантен, а второй (5-й) корпус сначала выйти на р. Ор, а затем на седьмой день вместе с вновь высадившимся на плацдарме 19-м корпусом развивать наступление на юг с целью захвата рубежа Лессей, Перье, Сен-Ло. После перегруппировки на этот рубеж всех сил 1-й американской армии ей предстояло наступать на юг к рубежу Авранш, Домфрон и занять его на 21-й день операции⁸⁰.

2-я английская армия получила задачу высадить два корпуса (30-й и 7-й) севернее Кана на трех участках побережья («Голд», «Джюно», «Сворд») на фронте около 50 км и, соединившись с воздушным десантом, к исходу дня овладеть рубежом Байе, Кан, Кабур, а танковыми частями перерезать дорогу Кан—Вир. Развивая затем наступление на правом фланге, ей предстояло расширить плацдарм настолько, чтобы обеспечить размещение передовых аэродромов, сковав перед собой крупные силы противника и тем обес-

⁷⁶ G. A. Harrison. Op. cit., p. 188, Map IV.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ О. Брэдли. Записки солдата. М., 1957, стр. 267; B. L. Montgomery. Op. cit., p. 15—16.

⁷⁹ G. A. Harrison. Op. cit., p. 188.

⁸⁰ См. Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 295; О. Брэдли. Указ. соч., стр. 267—268; G. A. Harrison. Op. cit., p. 187—188, Map III, IV.

печить левый фланг 1-й американской армии⁸¹. К 21-му дню она должна была выйти на рубеж Домфрон, Фалез, Кабур.

Оперативное построение 21-й группы армий определялось замыслом операции и наличием десантных средств, которые позволяли высадить на побережье Нормандии сразу пять дивизий с частями усиления (130 тыс. человек и 20 тыс. машин). Оно состояло из двух эшелонов: 1-я американская и 2-я английская армии составляли первый эшелон, а 1-я канадская армия — второй. Оперативное построение 1-й американской и 2-й английской армий также было двухэшелонным: по два корпуса в каждом эшелоне армии. Одновременно высаживался воздушный десант в составе двух американских и одной английской воздушнодесантных дивизий с целью обеспечения быстрого продвижения первого эшелона морского десанта в глубь побережья и задержки подхода резервов противника к району высадки.

Таким образом, в первый день операции против 5 немецких дивизий предполагалось высадить на французском побережье 8 дивизий и 14 танковых групп и бригад, называвшихся штурмовыми⁸². Темп накопления войск на плацдарме был запланирован следующий: на 7-й день операции — 13 дивизий и 5 бронетанковых бригад, на 21-й день — 23—24 дивизии. Все 37 дивизий предполагалось перебросить во Францию примерно за семь недель. Для контроля сосредоточения войск на плацдарме был создан специальный штаб «контроля за накапливанием войск»⁸³. Обеспечение темпов высадки последующих эшелонов предполагалось осуществить максимальным использованием всего тоннажа союзного флота, выделенного для операции и захвата портов на побережье, прежде всего Шербура и Кана, созданием двух искусственных гаваней.

Военно-воздушные силы союзников на Европейском театре военных действий делились на стратегические и тактические. Первые включали 8-ю американскую воздушную армию и английские стратегические ВВС. Командующий 8-й воздушной армией генерал-лейтенант Карл Спаатс и его штаб с 4 февраля 1944 г. стали координировать действия 15-й воздушной армии, базировавшейся в Италии. Тактические военно-воздушные силы состояли из 9-й американской армии и двух английских тактических ВВС. Командовать ими еще 25 ноября 1943 г. был назначен англичанин, главный маршал авиации Трэффорд Ли-Мэллори. 20 января генерал Спаатс согласно приказу Эйзенхауэра от 18 января принял руководство всеми американскими ВВС в Великобритании.

⁸¹ См. Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 295; О. Брэдли. Указ. соч., стр. 267—268; В. Л. Montgomery. Op. cit., p. 23, Map 4.

⁸² В. Л. Montgomery. Op. cit., p. 23—24. За первые два дня предполагалось иметь на плацдарме 176 475 солдат и офицеров, 3 тыс. артиллерийских орудий, 1500 танков, 5 тыс. бронированных машин (бульдозеров и др.) и 40 тыс. автомашин (W. McElwee. The Battle of D-Day. London, 1965, p. 35).

⁸³ В. Л. Montgomery. Op. cit., p. 30—31.

Разработка плана действий союзной авиации в морской десантной операции была завершена в основном к 15 апреля, хотя планирование продолжалось почти до конца мая. Действия военно-воздушных сил подразделялись на два периода: подготовка вторжения и поддержка штурма десантными войсками побережья⁸⁴.

Подготовительный период начинался в конце марта 1944 г.⁸⁵ и продолжался до начала вторжения. Он включал в себя предварительную и непосредственную авиаподготовку высадки морского десанта. Во время предварительной подготовки тактические военно-воздушные силы должны были изолировать район высадки морского десанта путем разрушения железнодорожного транспорта и узлов посылных дорог во Франции и Бельгии, чтобы после начала высадки десанта не допустить подхода резервов противника к фронту. 26 марта Эйзенхауэр утвердил план изоляции союзной авиацией района вторжения.

Позже к решению задачи расстройтва транспортной системы неприятеля была частично привлечена и стратегическая авиация⁸⁶. Однако в период планирования операций среди английских и американских военных руководителей было немало противников использования тяжелой бомбардировочной авиации для разрушения транспорта. Поэтому было принято решение о нанесении стратегическими военно-воздушными силами в подготовительный период ударов по районам производства синтетического горючего, по промышленным и административным центрам. Налеты предполагалось проводить как днем, так и ночью. В мае 1944 г. 15-я американская воздушная армия начала совершать регулярные налеты на Плоешти⁸⁷.

К началу авиаподготовки тактическая авиация союзников в Европе насчитывала 2434 истребителя и истребителя-бомбардировщика и 700 легких и средних бомбардировщиков⁸⁸, а стратегическая — свыше 7 тыс. тяжелых бомбардировщиков. Их превосходство в воздухе было явным.

За 21 день до вторжения союзных войск на континент тактическая авиация стала наносить бомбовые удары по аэродромам противника в пределах до 200 км и более от района высадки десанта. Авиация вела также воздушную разведку районов вторжения, наносила удары по расположению немецко-фашистских войск и батареям береговой артиллерии, разрушала мосты и туннели на посылных и железных дорогах⁸⁹.

⁸⁴ «Report by the Supreme Commander...», p. 9.

⁸⁵ *W. F. Graven, J. L. Cate. The Army Air Forces in World War II, v. Three. Chicago, 1951, p. 78.*

⁸⁶ «Report by the Supreme Commander...», p. 10.

⁸⁷ «The War Reports of George C. Marshal, H. H. Arnold, Ernest J. King». Philadelphia—New York, 1947, p. 363—364.

⁸⁸ «Report by the Supreme Commander...», p. 10.

⁸⁹ *D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 232; «Report by the Supreme Commander...», p. 10.*

После длительных споров между английскими и американскими представителями Эйзенхауэр добился подчинения ему союзных стратегических военно-воздушных сил, предназначенных для авиационного наступления на Германию и поддержки удара через Ла-Манш⁹⁰. С 14 апреля 1944 г., таким образом, Эйзенхауэру подчинялись союзные экспедиционные воздушные силы (9-я американская воздушная армия, 2-е английские тактические военно-воздушные силы, противовоздушная оборона Великобритании и несколько отборных английских авиагрупп), английское бомбардировочное командование и 8-я американская армия стратегической авиации⁹¹.

17 апреля 1944 г. директива Эйзенхауэра определяла главную цель стратегической авиации — уничтожение германской авиации. Ударами по заводам, производившим горючее, союзники хотели ограничить ее активность. Налеты на заводы синтетического горючего предполагалось начать 21 апреля, но из-за плохой погоды их пришлось на некоторое время отложить.

Непосредственная авиационная подготовка против объектов обороны противника в районе штурма побережья должна была проводиться в течение восьми часов перед началом высадки морского десанта. Предусматривалось, что интенсивность действий военно-воздушных сил в этот период достигнет высшего предела, особенно в тот момент, когда головные части морского десанта начнут высадку на берег. Последний удар авиации предполагалось дополнить огнем корабельной и установленной на судах полевой артиллерии⁹².

Для взаимодействия с сухопутными войсками каждой группе армий выделялась одна армия тактической авиации: 9-я американская воздушная армия взаимодействовала с сухопутными войсками в американской зоне, 2-е английские тактические военно-воздушные силы — в английской⁹³. Высадка двух американских и одной английской воздушнодесантных дивизий в Нормандии обеспечивалась 2395 транспортными самолетами и 867 планерами⁹⁴.

Центр координации действий американских и английских ВВС во главе с английским генералом Каннингхэмом создавался в Эксбридже. Все заявки на авиационную поддержку в зоне боевых действий поступали от наземных войск непосредственно в этот центр, поблизости от которого располагались передовые эшелоны

⁹⁰ См. Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 134; О. Брэдли. Указ. соч., стр. 272.

⁹¹ W. F. Graven, J. L. Cate. Op. cit., p. 81.

⁹² B. L. Montgomery. Op. cit., p. 26—27.

⁹³ Действия войск вторжения поддерживала 171 эскадрилья самолетов. В зависимости от решаемых задач они разделялись следующим образом: 54 эскадрильи — для прикрытия мест высадки, 15 — для прикрытия перевозок через Ла-Манш, 36 — для непосредственной поддержки высадившихся на побережье войск, 33 — для ведения борьбы с авиацией противника и сопровождения бомбардировщиков и 33 — ударная бомбардировочная группа («Report by the Supreme Commander...», p. 10).

⁹⁴ Дж. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М., 1957, стр. 387.

штабов 2-й английской и американской тактической авиации. Для этого в каждой штурмовой дивизии (бригаде) состояла специальная группа связи, вызывавшая самолеты. Для немедленной поддержки с воздуха во время штурма несколько эскадрилий должны были находиться в воздухе в пределах действия радиостанций групп связи с авиацией⁹⁵. Сведения об объектах особой важности, расположенных за пределами зоны боевых действий сухопутных войск, направлялись через штаб 21-й группы армий верховному командующему союзными экспедиционными силами⁹⁶, который и отдавал соответствующие распоряжения командующему союзными ВВС.

План действий авиации союзников предусматривал также доставку оружия, боеприпасов и средств снабжения отрядам движения Сопротивления в странах Западной Европы. Эта операция под кодовым названием «Капитбэдждж» началась 4 января и продолжалась до сентября 1944 г.

Разработка плана действий военно-морского флота была в основном завершена к 28 февраля штабом союзных военно-морских сил, которым руководил английский адмирал Рамсей. План предусматривал организацию разведки, прикрытие конвоев с десантными войсками от ударов кораблей и авиации противника, очистку пролива от мин, огневую поддержку десанта, постройку искусственных и ремонт захваченных портов, питание высаженного десанта. Весь союзный флот, находившийся в Англии, был разделен на два командования: Западное (американское) и Восточное (английское). Каждая десантная дивизия совместно с выделенными для обеспечения ее действий эскортом кораблей, транспортами и десантно-высадочными судами составляла десантный отряд. Таких отрядов было создано семь: в 1-й американской армии три («Ю», «О» и «Б») и во 2-й английской четыре («С», «Г», «Дж» и «Л»)⁹⁷. Пять из них предназначались для переброски штурмовых дивизий десанта, а два — для перевозки двух дивизий из вторых эшелонов корпусов. Каждый десантный отряд в свою очередь состоял из трех-четырех групп⁹⁸. Кроме того, создавались передовые отряды «коммандос» и «рейнджерс»⁹⁹.

Огневую поддержку высадки и действий на берегу штурмовых дивизий должны были в составе каждого десантного отряда осуществлять огневые группы. В огневую группу входили 1—2 линейных корабля, 1—3 тяжелых крейсера, 3—5 легких крейсеров, 6—11 эскадренных миноносцев и ряд других кораблей. Высадку пер-

⁹⁵ *B. L. Montgomery. Op. cit., p. 27—28.*

⁹⁶ *См. Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 135.*

⁹⁷ *«The War Reports...», p. 620—621; B. L. Montgomery. Op. cit., p. 12, Diagr. A.*

⁹⁸ *С. Э. Морисон. Указ. соч., стр. 52—53; L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 66—67, 503.*

⁹⁹ Английские отряды «коммандос» и американские «рейнджерс» были сформированы из наиболее подготовленных солдат и офицеров; они предназначались для ведения разведки и захвата пунктов на побережье в ходе высадки морского десанта и борьбы за плацдарм.

вого эшелона морского десанта 1-й американской армии поддерживали две огневые группы¹⁰⁰. Высадку морского десанта 2-й английской армии поддерживали три огневые группы¹⁰¹. Кроме того, в каждом морском командовании создавалась резервная группа боевых кораблей. Она предназначалась для замены кораблей огневых групп в случае их повреждения¹⁰².

В дополнение к боевым кораблям каждого десантного отряда в огневой подготовке принимали участие артиллерийские орудия, ракетные (реактивные) установки, танки, самоходные орудия, крупнокалиберные пулеметы, устанавливаемые на специально оборудованных десантных судах. В Западном морском командовании имелось 98, а в Восточном — 242 таких судна, из них соответственно на 14 и 22 судах находились ракетные установки (от 800 до 1000 5-дюймовых ракет на каждом)¹⁰³.

Союзное командование предполагало, что авиация и корабельная артиллерия полностью подавят (по американской терминологии нейтрализуют) оборону немецких войск на берегу еще до начала высадки десанта. К первой группе целей были отнесены батареи береговой обороны, способные помешать подходу десантных судов к берегу; подавлением их занималась в основном тяжелая и средняя бомбардировочная авиация. Ко второй — оборона полевых войск противника, которая могла сорвать высадку десанта на берег; ее подавление осуществлялось совместно тактической авиацией и корабельной артиллерией. Поддержка наступления сухопутных войск на побережье до вступления в бой тяжелой полевой артиллерии десанта возлагалась на корабельную артиллерию и тактическую авиацию.

Подавление батарей немецкой береговой артиллерии предполагалось начать задолго до вторжения. Но чтобы не раскрыть район высадки десанта, намечалось с середины апреля для дня вторжения сбросить на береговые батареи только 10% общего веса бомб¹⁰⁴. Полное подавление батарей береговой артиллерии предусматривалось осуществить дневной бомбардировочной авиацией в последний день перед вторжением. В период непосредственной подготовки,

¹⁰⁰ Огневая группа десантного отряда «О» состояла из 2 линейных кораблей, 3 легких крейсеров, 9 эсминцев и 3 английских эсминцев типа «Хант»; отряда «Ю» — из линейного корабля и монитора, 3 тяжелых и 2 легких крейсеров, 8 эсминцев и датской канонерской лодки. В обоих десантных отрядах действовали 23 десантных судна артиллерийской поддержки (*G. A. Harrison. Op. cit., p. 194*).

¹⁰¹ Огневая группа десантного отряда «Г» состояла из 4 крейсеров, 13 эсминцев и канонерской лодки; отряда «Дж» — из 2 крейсеров и 11 эсминцев; отряда «С» — из 2 линейных кораблей, монитора, 5 крейсеров и 13 эсминцев (*L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 505—506.*).

¹⁰² Резервная группа западного командования включала тяжелый и легкий крейсера и 17 эсминцев (*L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 505*). Резервная группа восточного командования включала линейный корабль, 2 крейсера и несколько эсминцев (*L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 505*).

¹⁰³ *G. A. Harrison. Op. cit., p. 194; B. L. Montgomery. Op. cit., p. 26—27.*

¹⁰⁴ *G. A. Harrison. Op. cit., p. 194—195.*

особенно за 15 минут до начала высадки десанта, планировалось нанести по батареям береговой артиллерии и обороне полевых войск на берегу наиболее сильный удар всей бомбардировочной авиацией.

Тогда же начинала бомбардировку побережья артиллерия кораблей, а также полевая артиллерия, установленная на некоторых десантных судах. Последней предстояло вести огонь по переднему краю обороны противника в последние 5 минут перед высадкой морского десанта, т. е. когда авиация и тяжелая корабельная артиллерия переносили огонь в глубину. Перед самой высадкой предусматривался огневой налет реактивной артиллерии, установленной на специально оборудованных танко-десантных катерах, а при подходе десантно-высадочных катеров к берегу — самоходных орудий и средних танков, установленных на специальных танко-десантных катерах¹⁰⁵.

Во время наступления сухопутных войск командиры их частей ставили задачи корабельной артиллерии через группы и команды управления ее огнем, которые высаживались на берег вместе с ними. Трем штурмовым пехотным дивизиям 1-й американской армии (4, 29-я и 1-я) было придано девять групп; со 101-й воздушнодесантной дивизией сбрасывалось девять команд¹⁰⁶.

Начало вторжения на континент определялось сроками готовности войск и наиболее выгодными условиями для высадки морского и воздушного десантов. Союзное командование полагало, что успешные действия воздушного десанта возможны лишь в лунную ночь. Наиболее выгодными условиями для высадки морского десанта считались: переход десанта через пролив ночью, уничтожение прибрежных подводных заграждений во время отлива, атака побережья — во время прилива, чтобы атакующие войска как можно меньше находились под огнем противника. Было установлено, что все эти условия будут наиболее благоприятными ночью и утром 4—7 июня. Поэтому высадка воздушно-десантных дивизий намечалась в период между 1 час. 30 мин. и 2 час. 30 мин, а морского десанта — между 6 час. 30 мин. и 7 час. 45 мин. 5 июня¹⁰⁷.

Таким образом, морская десантная операция предпринималась на том участке побережья, где противник меньше всего ожидал ее. Она должна была начаться на фронте около 100 км. Ее общая глубина планировалась 40—80 км, а продолжительность — 20 дней. Среднесуточный темп наступления определялся примерно 4 км для американских и 2 км для английских войск.

Обладая абсолютным превосходством в морских силах и авиации, союзники хотели уже в первый день операции создать превосходство над противником в сухопутных силах в районе высадки морского десанта и сохранение этого превосходства в ходе всей операции. Разработанный ими график доставки дивизий на плацдарм

¹⁰⁵ G. A. Harrison. Op. cit., p. 196—197.

¹⁰⁶ Ibid., p. 197.

¹⁰⁷ Ibid., p. 190; B. L. Montgomery. Op. cit., p. 24—26.

позволял, несмотря на расширение фронта наступления до 135 км, увеличить среднюю оперативную плотность с одной дивизии на 10 км в начале морской десантной операции до одной дивизии на 6 км фронта в конце ее, т. е. к тому времени, когда предполагалось начать наступление с целью захвата полуострова Бретань.

Вместе с тем союзное командование допускало некоторую переоценку возможностей военно-воздушных сил и военно-морского флота гитлеровской Германии. Это выразилось в том, что значительная часть боевых кораблей, транспортов с зенитными орудиями и 40% всех самолетов тактической авиации были нацелены на отражение возможных ударов авиации и флота противника, что привело к уменьшению возможностей переброски людей и материальной части на плацдарм.

Подготовка союзных армий

Как же готовилось союзными армиями осуществление основных идей плана вторжения на континент и прежде всего начальной, морской десантной операции, открывавшей путь к фашистской Германии?

Готовя операцию вторжения, союзное командование использовало опыт десантных операций на Тихом океане, в Северной Африке, Сицилии и на Апеннинском полуострове. Вся система стратегического сосредоточения и развертывания союзных вооруженных сил на Европейском театре военных действий была направлена на обеспечение высадки достаточно сильного первого эшелона, способного захватить оперативный плацдарм, обеспечить относительно быстрое накопление на нем сил и средств с целью образования нового стратегического фронта против Германии.

Большое значение имели мероприятия по созданию на Британских островах плацдарма для вторжения. Сюда входила подготовка страны к приему и размещению войск, боевой техники, горючего и боеприпасов. Для этого потребовалось освободить от гражданского населения ряд районов, чтобы разместить в них войска, организовать надежную противовоздушную оборону, систему связи и снабжения.

Накопление необходимой военной техники, боеприпасов и продовольствия на Британских островах составляло серьезную трудность для союзников. Чтобы уменьшить зависимость операции от доставки этих средств из США и Канады и тем самым высвободить больше кораблей для перевозки войск, было повышено напряжение промышленности Англии, особенно производившей боеприпасы. Основные отрасли ее промышленности работали на обеспечение вторжения¹⁰⁸.

¹⁰⁸ По данным «Белой книги», опубликованной в ноябре 1944 г., выпуск самолетов в Англии был увеличен до 2500, морских орудий — до 1500,

Сосредоточение союзных армий и увеличение выпуска вооружения промышленностью в свою очередь потребовали значительного повышения интенсивности в работе английского транспорта, почты, телеграфа и т. д.

Концентрация и подготовка сил и средств на Британских островах для осуществления вторжения начались еще в 1942 г. Но поскольку США и Англия не спешили с открытием второго фронта, планы стратегического сосредоточения и развертывания их сил, как правило, не выполнялись. И не удивительно, что до августа 1943 г. в Англии находился только штаб 5-го американского корпуса, имевший в своем подчинении всего одну 29-ю пехотную дивизию, и некоторые контингенты американских войск. Позже в Англию были переправлены бронетанковая и пехотная дивизии из США. Лишь к концу 1943 г. число американских дивизий на Британских островах достигло 10¹⁰⁹. В дальнейшем сосредоточение войск союзников, предназначавшихся для вторжения в Северо-Западную Францию, проходило более интенсивно.

США и Англия выделили и к началу вторжения сосредоточили на Британских островах 37 дивизий (14 английских, 3 канадских, 18 американских, французскую и польскую). Предполагалось, что в ходе действий на континенте сухопутные силы союзников будут увеличиваться за счет новых дивизий, преимущественно американских (от трех до пяти дивизий в месяц), а также соединений, которые намечалось высадить на юге Франции¹¹⁰.

Военно-воздушные силы союзников имели в своем составе 10 230 боевых и 1360 транспортных самолетов, а также свыше 3500 планеров¹¹¹.

Экспедиционные военно-морские силы насчитывали 1213 боевых кораблей, 4126 десантных судов, самоходных барж и катеров, 864 торговых судна и 736 вспомогательных судов, всего — 6939 единиц. Большинство судов кораблей составляли английские и канадские (79%)¹¹².

снарядов — до 500 тыс., торпед — до 600 в месяц. Увеличился выпуск и других видов вооружения и снаряжения.

¹⁰⁹ См. *О. Брэдли*. Указ. соч., стр. 196.

¹¹⁰ «Report by the Supreme Commander...», р. 8.

¹¹¹ *L. F. Ellis et al.* Op. cit., p. 72.

В мемуарах Эйзенхауэра приводится несколько большее число самолетов союзников: 5049 истребителей, 3467 тяжелых бомбардировщиков, 1645 средних и легких бомбардировщиков и торпедоносцев, 698 других боевых самолетов, 2316 транспортных самолетов и 2591 планер (*D. D. Eisenhower*. Op. cit., p. 53).

¹¹² *L. F. Ellis et al.* Op. cit., p. 507.

Эйзенхауэр в своих воспоминаниях приводит другие данные о составе флота: 6 линейных кораблей, 2 монитора, 22 крейсера, 93 эсминца, 159 более легких кораблей (без торпедных катеров и минных заградителей), 255 минных тральщиков, 233 десантно-высадочных транспорта, способных перевозить на большие расстояния и выгружать на берег танки, артиллерийские орудия крупных калибров и тяжелые грузовики, 835 десантно-высадочных катеров, всего — свыше 6000 единиц (*D. D. Eisenhower*. Op. cit., p. 53).

Численность союзных экспедиционных сил, сосредоточенных на Британских островах, на 6 июня 1944 г. составляла 2 876 439 офицеров и солдат. К этому времени в США находилась еще 41 дивизия¹¹³, значительная часть которой предназначалась для переброски в Европу.

На Европейском театре военных действий к началу вторжения англо-американские войска составляли 2 876 439, немецко-фашистские — 1 546 062 (на 1 марта 1944 г.). Соотношение сил сторон было следующее:

	Англо-американские	Немецко-фашистские	Соотношение
Пехотные дивизии	23	32	1:1,35
Бронетанковые (танковые) дивизии	10	10	1:1
Воздушнодесантные дивизии (парашютные, авиаполевые)	4	3	1,25:1
Танки	свыше 5000	1994	2,1:1
Самолеты (боевые)	10 230	450	22,7:1
Боевые корабли			
линкоры и мониторы	8	—	—
крейсера	22	—	—
эсминцы и миноносцы	93	11	8,4:1
подводные лодки	—	49	—

Явное превосходство союзников в воздухе и на море, благоприятные географические условия исходного района исключали возможность проведения немецко-фашистским командованием серьезных мероприятий по срыву стратегического сосредоточения и развертывания экспедиционных сил на Британских островах. Гитлеровское руководство могло использовать для этого подводные лодки на атлантических коммуникациях и ракетные снаряды ФАУ-1 и ФАУ-2. Но из-за слабости авиации сопровождения и эффективности противолодочной борьбы союзных флотов оно вынуждено было отказаться от массированного применения подводных лодок на океанских коммуникациях. ФАУ-1 и ФАУ-2 были единственным оружием, массированное использование которого могло в какой-то мере затруднить сосредоточение и развертывание вооруженных сил США и Англии, но число их было недостаточным для массированных ударов, а точность попадания была настолько низкой, что их нельзя было применить против войск.

Союзное командование приняло меры для прикрытия стратегического сосредоточения и развертывания экспедиционных сил

¹¹³ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 53.

с моря: боевые корабли постоянно занимали позиции в Северном море и в Бискайском заливе, проливах Па-де-Кале и Ла-Манш, а также и в 130 милях к западу от последнего. Особое внимание было уделено прикрытию с моря портов сосредоточения десантных судов, а также портов погрузки морского десанта. Военно-морские силы в период стратегического сосредоточения и развертывания делились на силы прикрытия, главные силы, десантные средства, военно-морскую авиацию и средства противовоздушной обороны.

Система стратегического прикрытия с воздуха включала применение истребительной авиации, зенитной артиллерии (в том числе и корабельной) и частей воздушного заграждения. Первостепенное значение придавалось противовоздушной обороне районов — сбора, распределения и погрузки, портов, в которых сосредоточивались боевые корабли и десантные суда.

Союзное командование разработало специальный план («Кросс-боу») борьбы против ФАУ-1 и ФАУ-2, который предусматривал: нанесение ударов стратегическими военно-воздушными силами по экспериментальной лаборатории на о. Пенемюнде и заводам в горах Гарц; уничтожение стартовых установок в Северо-Западной Франции; наведение истребительной авиации на самолеты-снаряды при помощи радиолокаторов и применение средств воздушного заграждения.

Еще 3 декабря 1943 г. было принято решение отдать приоритет в действиях тактической авиации против стартовых установок ФАУ-1 и ФАУ-2. 5 декабря 9-я воздушная армия США начала действия по плану «Кроссбоу», а с 24 декабря в эту операцию включилась и их 8-я воздушная армия. Всего до начала вторжения стратегическая и тактическая авиация союзников произвела более 30 тыс. самолето-вылетов и сбросила 40 тыс. т бомб на стартовые площадки ФАУ-1 и ФАУ-2. По подсчетам штаба военно-воздушных сил союзников, 86 из выявленных 97 стартовых установок были повреждены¹¹⁴. Позже, однако, выяснилось, что большинство из них были ложными, а по меньшей мере 74 действительные стартовые установки вообще не были обнаружены разведкой союзников¹¹⁵ и не подверглись нападению с воздуха.

Применение немцами нового оружия не произвело, правда, большого эффекта: первый ФАУ-1 разорвался в Юго-Восточной Англии утром 13 июня, а налет на Лондон был совершен в 22 часа 30 мин. 15 июня 1944 г.

Стратегическое развертывание союзных сухопутных сил осуществлялось путем последовательного занятия ими районов сосредоточения, распределения и погрузки.

Районы сосредоточения находились в Южной Англии и представляли собой специально подготовленную территорию общей глубиной до 350 км и шириной до 200 км. Войска прибывали сюда из

¹¹⁴ G. A. Harrison. Op. cit., p. 215.

¹¹⁵ Ibidem.

мест своей дислокации за две-три недели до начала вторжения. Здесь они получали оружие, боевую технику, боеприпасы, продовольствие и завершали обучение. В районах сосредоточения находились и основные аэродромы тактической и транспортной авиации, силы и средства противовоздушной обороны, а также склады боеприпасов, горючего, продовольствия и т. п. Южная граница этих районов проходила на расстоянии 30—50 км от портов погрузки.

За двое суток до погрузки на суда войска занимали районы распределения, располагавшиеся в 8—30 км от мест погрузки. Здесь части и соединения проводили окончательную подготовку к погрузке на суда (разбивались на команды соответственно грузовой вместимости десантных судов, герметизировали машины, в последний раз проверяли готовность к десантированию).

Районы погрузки находились непосредственно на южном побережье Англии. Они состояли из портов, специально оборудованных причалов для посадки войск и погрузки боевой техники вне портов, укрытий для войск и боевой техники, системы противовоздушной обороны и обслуживающих войск. В них войска оставались ровно столько, сколько необходимо было для погрузки на суда.

Развертывание военно-воздушных сил завершилось в основном к концу 1943 г. Стратегические ВВС, а также авиация противовоздушной обороны и транспортная базировались главным образом на постоянные аэродромы. Тактические военно-воздушные силы, особенно истребительная авиация, размещались на временных полевых аэродромах и были готовы к перебазированию на континент еще до завершения захвата оперативного плацдарма.

Стратегическое сосредоточение и развертывание союзных экспедиционных вооруженных сил осуществлялось в исключительно благоприятных условиях, так как противник не имел ни сил, ни средств, чтобы сорвать его. Тем не менее оно заняло свыше шести месяцев и имело свои сильные и слабые стороны.

К сильным сторонам можно отнести то, что союзники обладали господством на море и абсолютным превосходством в воздухе, но уступали противнику в количестве дивизий сухопутных сил. Последнее в какой-то мере компенсировалось условиями ведения первоначальной операции. Экспедиционные силы союзников сосредоточивались и развертывались на сравнительно небольшой территории, тогда как немецко-фашистские войска были развернуты на территории Франции, Бельгии и Нидерландов и занимали оборону на побережье общим протяжением около 2100 км. Это давало возможность союзному командованию быстро подготовить и нанести массированный удар сухопутных войск при мощной поддержке авиации и военно-морского флота по наиболее выгодному участку в обороне противника и добиться значительного превосходства в решающем пункте первоначальной стратегической операции.

В последующем непрерывное увеличение сил за счет стратегического резерва позволяло союзному командованию наращивать свои войска на решающем направлении, создавать на избранных участ-

ках фронта выгодное соотношение сил в ходе всей кампании, изменить направление главного удара или наносить его на других направлениях, где намечался успех. Союзное командование, таким образом, имело возможность навязывать свою волю противнику.

Вместе с тем на действия сухопутных сил в операции оказывало влияние то, что прежде чем они могли установить непосредственное соприкосновение с противником, им предстояло форсировать крупную водную преграду. Это определяло известные трудности для одновременной (в короткий срок) высадки и введения в сражение на континенте сухопутных войск, способных нанести мощный первоначальный удар. Кроме того, основные стратегические резервы (американские дивизии) находились за океаном и доставка их ограничивалась тоннажем флота и пропускной способностью портов, которые предстояло захватить американским и английским войскам на побережье после высадки морского десанта. Все это предопределяло необходимость постепенного накопления сил и средств союзников на континенте, а следовательно, и ограничивало их возможности в проведении последующих операций.

Так как союзные армии предпринимали вторжение только в Нормандии, а затем им предстояло развивать наступление на одном направлении, немецко-фашистское командование получало возможность, используя хорошо развитую дорожную сеть Франции, быстро усилить свои сухопутные войска в районе сражения и нейтрализовать превосходство противника, что в лучшем случае привело бы к затягиванию операции. Чтобы не допустить этого, союзному командованию необходимо было, во-первых, принять меры для повышения темпов накопления своих сил во Франции, и, во-вторых, заставить противника как можно дольше держать войска рассредоточенными по всей Западной Европе, не дать ему возможности быстро перебрасывать дивизии в район сражения. Вторую проблему оно намеревалось разрешить путем введения немцев в заблуждение относительно своих планов, использованием авиации против транспортной системы в тылу немецких армий, действиями сил движения Сопротивления, осуществлением операции «Энвил».

Одним из главных средств введения противника в заблуждение относительно района и начала вторжения явилось обилие противоречивой информации, которая направлялась противнику в виде слухов и многочисленных сообщений в периодической печати. По этим сведениям противник мог ожидать вторжения на континент в любом пункте побережья от Норвегии до Италии.

Чтобы скрыть район высадки войск, союзная авиация в подготовительный период не наносила интенсивных ударов по находившимся в нем войскам. Ее действия направлялись так, чтобы создать у немецкого командования впечатление, будто вторжение будет осуществляться в районе Кале. Для отвлечения внимания и распыления сил противника были намечены демонстративные действия в районах Антифера и Булони силами 16—18 кораблей в каждом. В трех районах союзники выбрасывали ложные парашютные де-

санты¹¹⁶. Наконец, севернее и южнее Лондона находились 3-я американская и 1-я канадская армии, которые под руководством штаба 1-й американской группы армий имитировали подготовку к операции по форсированию Па-де-Кале («Фотитюд»).

В подготовительный период авиация наносила удары по радиолокационной сети, в результате чего к началу операции было выведено из строя около 80% немецких радиолокаторов на побережье. В день высадки морского десанта самолеты для «ослепления» радиолокационных станций сбрасывали металлические ленты.

Союзники приняли меры и к тому, чтобы исключить утечку сведений о действительном плане десантной операции. 10 марта 1944 г. английский военный кабинет принял постановление, запрещающее населению без разрешения властей выезд из района, расположенного между заливом Уош и полуостровом Корнуэлл, и района, прилегающего к заливу Ферт-оф-Форт, в Шотландии, и въезд в эти районы. В начале апреля в Англии были отменены отпуска для военнослужащих. Дипломатическим представителям всех нейтральных стран и союзных государств в Великобритании, за исключением ее доминионов, США и СССР, запрещалось покидать Англию без специального разрешения, посылать или получать не проверенные цензурой сообщения по телеграфу или дипломатической почтой, принимать курьеров из-за границы и т. п.¹¹⁷

Жесткая цензура была введена в войсках. Генерал Брэдли приказал, например, цензорам не пропускать в прессу без его визы ни одного высказывания любого командира¹¹⁸.

К началу 1944 г. движение Сопротивления во Франции стало важным политическим и стратегическим фактором, и союзное командование стремилось использовать его в своих целях. Однако во Франции оно принимало массовый характер, чего не хотели правительства Англии и США. Боясь, что движение Сопротивления перерастет во всеобщее восстание, союзное командование стремилось, посылно ограничив размах, использовать его для решения задач в интересах проводимых союзными армиями операций: ведения разведки, нарушения работы транспорта и связи, саботажа и диверсий в тылу немецко-фашистских войск.

Одним из способов достижения цели американцы и англичане считали ограничение доставки оружия и боеприпасов партизанам. Они поставляли оружие только тем формированиям, которые выполняли указания Лондона. По подсчетам Дж. Эрмана, в движении

¹¹⁶ В. L. Montgomery. Op. cit., p. 29—30.

¹¹⁷ См. Дж. Эрман. Указ соч., стр. 325—326.

¹¹⁸ В своих мемуарах он приводит следующий эпизод: «Во время сражения в Арденнах вскоре после освобождения Бастонии меня подозвали к телефону.

— Мы записали слова генерала Маколиффа, — сообщил офицер с другого конца провода. — Можно передать их в печать?

— А что он сказал? — спросил я.

— Катись ты... — последовал ответ (американского генерала на предложение немцев сдаться. — В. К.) (О. Брэдли. Указ. соч., стр. 257).

Сопrotивления во Франции участвовало тогда примерно 3 млн. человек. Из них в мае 1944 г. оружием, доставленным Англией, было хорошо оснащено 10 тыс. (они могли вести многодневные тяжелые бои), а 40 тыс. — частично. Примерно 350 тыс. французов входило в другие формирования. Кроме того, в движении Сопrotивления участвовало около 50 тыс. железнодорожников и 300 тыс. членов профсоюзов¹¹⁹. Следовательно, имелись вполне созревшие силы для массовой борьбы против оккупантов, но правительства Англии и США не спешили устанавливать с ними связь и поддерживать их. Напротив, они больше всего заботились о том, чтобы отвлечь движение Сопrotивления от борьбы за установление демократического строя.

В соответствии с намерениями правительств штаб Эйзенхауэра отвергал идею национального восстания во Франции против оккупантов и их приспешников. Такое восстание, по мнению комитета специальной службы штаба, было бы «желательным с военной точки зрения, но может быть политически неприемлемым»¹²⁰. Для координации действий французских сил Сопrotивления союзники создали специальный штаб во главе с деголлевским генералом Кенигом¹²¹. Ему и предстояло направить движение Сопrotивления на решение главным образом оперативных и тактических задач. Штаб Кенига считал, что всеобщее восстание во Франции невозможно. «Идею массового восстания можно сравнить со сражением против современных танков камнеметательными катапультами времен Цезаря»¹²², — считали французские офицеры, служившие в отделе стратегической службы.

Но, несмотря на все старания реакционных сил США, Англии и французской эмиграции, народ Франции развернул активную борьбу против гитлеровских захватчиков за свою свободу и независимость. К началу вторжения американско-английских войск французскими патриотами были освобождены от немецко-фашистских оккупантов и французских предателей целые провинции.

Борьба французского народа против немецко-фашистских оккупантов оказывала серьезную помощь союзным армиям. Отряды движения Сопrotивления выполняли также задачи союзного верховного штаба по дезорганизации тыла немецко-фашистских войск во Франции. По американским данным, явно заниженным, партизанские отряды только за первые три месяца 1944 г. уничтожили 808 паровозов¹²³. В июне они произвели 486 крупных диверсий на железных дорогах, а в день высадки американско-английских войск во Франции вывели из строя 26 магистралей, включая такие, как Авранш — Сен-Ло, Сен-Ло — Шербур, Сен-Ло — Кан¹²⁴.

¹¹⁹ См. Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 335—336.

¹²⁰ G. A. Harrison. Op. cit., p. 202.

¹²¹ Ibid., p. 203.

¹²² Ibid., p. 202.

¹²³ Ibid., p. 204.

¹²⁴ Ibid., p. 206.

11 января 1944 г. стратегическая авиация США и Англии приступила к бомбардировке авиационной промышленности и аэродромов гитлеровской Германии («Поинтблэнк»), что являлось частью подготовки вторжения в Северо-Западную Францию. 663 тяжелых бомбардировщика совершили налет на авиазаводы в районах Оснабрюка, Хальберштадта и Брюнсвика. В этом налете союзники потеряли 60 самолетов. 29 января свыше 800 тяжелых бомбардировщиков 8-й американской воздушной армии совершили налет на Франкфурт-на-Майне. При налете на этот город союзники впервые применили радиолокационный прицел. 15 февраля ночью английская авиация бомбардировала Берлин.

20 февраля началась неделя воздушных нападений на авиационные заводы Германии, главным образом в районах Брюнсвика и Лейпцига. В операции участвовало свыше 1000 американских бомбардировщиков. Через день в налетах стала принимать участие 15-я воздушная армия США, базировавшаяся в Италии. 22 февраля она нанесла удар по Регенсбургу, а 8-я армия — по Ашерслебену, Бернбургу и Хальберштадту. Налеты авиации союзников неоднократно повторялись. Они были совершены на австрийский город Штейр, на Берлин и Нюрнберг.

12 мая союзники нанесли удар с воздуха по нефтеперегонным заводам и предприятиям синтетического топлива Германии, решив проверить реакцию противника на такие удары. В нем участвовало около 800 бомбардировщиков 8-й воздушной армии в сопровождении американских и английских истребителей. За один налет американские летчики сбросили 1718 т бомб. Многим заводам был причинен серьезный ущерб. Союзники потеряли 46 бомбардировщиков и 10 истребителей.

С 27 апреля стратегическая авиация США начала осуществлять план расстройств системы транспорта противника во Франции и Бельгии. В этот день самолеты 8-й воздушной армии совершили налет на узлы дорог Бленвиль и Шалон-на-Марне. С 21 мая железные дороги и автострады стала бомбить и английская авиация.

Налеты на аэродромы противника в Бельгии и Франции начались 9 мая 1944 г. В них участвовала стратегическая и тактическая авиация. Вначале удары наносились по аэродромам, расположенным в Бельгии, Центральной и Восточной Франции, а потом (с 11 мая) по аэродромам в Северной и Северо-Западной Франции. Начиная с 8 мая тяжелые бомбардировщики стали совершать налеты на немецкие батареи береговой артиллерии.

Наиболее ощутимым для союзных войск результатом ударов авиации, а также партизан по транспортной системе противника было сокращение пропускной способности железных дорог Франции. Как доносил штаб 7-й немецкой армии, пропуск поездов в ее полосе снизился с 228 пар в сутки в марте до 120 в конце апреля¹²⁵.

¹²⁵ G. A. Harrison. Op. cit., p. 227.

Союзное верховное командование придавало особое значение использованию в десантной операции войск, уже имевших боевой опыт, особенно опыт форсирования крупных водных преград. С этой целью в Англию были переброшены некоторые дивизии из Африки и Италии. Так, в состав 2-й английской армии были введены переброшенные со Средиземноморского театра военных действий 7-я бронетанковая дивизия, 4-я и 8-я бронетанковые бригады, 60-я и 51-я пехотные и 1-я воздушнодесантная дивизии, штаб и специальные части 30-го корпуса¹²⁶. На высшие посты в экспедиционных силах были назначены генералы, участвовавшие в боевых действиях в Северной Африке и Италии. Тем не менее основная масса войск, выделенных для вторжения на континент, не имела боевого опыта. Для повышения боевых качеств частей и соединений проводилась усиленная тренировка их в условиях, приближенных к боевым, обмен офицерами между частями, имевшими опыт военных действий, и частями, не обладавшими им.

В процессе боевой подготовки армий изучалась организация взаимодействия между кораблями, авиацией и сухопутными войсками при высадке десанта. Личный состав десанта знакомился с различными типами десантных судов и изучал необходимую терминологию. Состоялись тренировки по посадке и высадке личного состава, погрузке боевой техники на суда и выгрузке ее на воду или на берег. Отрабатывались также действия войск на берегу после высадки. К тренировкам привлекались все рода войск и службы, в том числе медико-санитарная, техническая, снабжения и др.

Проводились учения и маневры войск, штабные тренировки и другие занятия. 7 и 8 апреля в штабе 21-й группы армий весь план вторжения был проигран с высшими генералами 1-й и 3-й американских, 2-й английской и 1-й канадской армий¹²⁷. В этой игре участвовали командующие и начальники штабов воздушных и морских сил, Эйзенхауэр и Черчилль.

15 мая состоялось еще одно совещание, на котором был окончательно отработан весь круг вопросов совместных действий¹²⁸.

Одновременно с боевой учебой войск шло испытание новой техники, строительство, переоборудование и оснащение десантных судов, велась подготовка к созданию аэродромов на отвоеванной у противника территории; сосредоточивались средства для ремонта кораблей и судов во время операции; готовились бетонные кессоны и старые суда для затопления их у побережья Нормандии, чтобы создать две искусственные гавани; изготавливались детали трубопроводов, которые прокладывались через пролив для подачи горючего войскам, действующим на континенте.

В этот период были организованы отряды для уничтожения подводных заграждений, созданы штурмовые и мостовые танки, танки, расстилающие маты в заболоченной местности, танки-тральщики.

¹²⁶ L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 132.

¹²⁷ B. L. Montgomery. Op. cit., p. 37.

¹²⁸ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 245.

Наиболее серьезной проблемой для союзного командования являлось повышение морального состояния войск. С этой целью максимально использовался весь арсенал идеологического и психологического воздействия на сознание масс: пропаганда американского и английского образа жизни, игра на национальных чувствах, воспитание веры в свое оружие, в своего командира, в свое личное превосходство над противником. Широко практиковались посещения частей и соединений высшими генералами, командующими армиями и группами армий.

Боевой дух американских и английских войск значительно укреплялся под влиянием побед Советских Вооруженных Сил, которые усиливали их уверенность в неизбежном разгроме немецко-фашистского вермахта. Среди солдат и офицеров союзных армий было немало друзей СССР, искренне сочувствовавших нашим успехам в единоборстве с гитлеровской Германией и ее сателлитами.

Советский журналист Д. Краминов вспоминает, что во время выдвижения американских и английских войск в район погрузки он видел на некоторых автомобилях красные флаги с серпом и молотом. Когда солдаты узнавали, что он русский, они выражали свое восхищение доблестью и героизмом Советской Армии. «Это были, несомненно, искренние друзья, — пишет Д. Краминов, — они понимали, как велико бремя, свалившееся в этой войне на плечи русских. Солдаты жалели о своем долгом бездействии, каждый лишний месяц войны не только отодвигал их свидание с семьями, с родными, но и уменьшал их шансы найти старые места в жизни: все прочнее обосновывались на этих местах другие. Из дома, где их, конечно, любили и тревожились за них, приходил вопрос за вопросом: когда же они, солдаты британской армии, откроют второй фронт?!»¹²⁹ И несмотря на то, пишет Д. Краминов, что рядовое офицерство английской армии очень туманно сознавало политическую цель вторжения на континент¹³⁰ и, естественно, не могло разъяснить ее солдатам, боевой дух солдат был достаточно высок. Несомненно, захват англо-американскими войсками Рима накануне открытия второго фронта в Европе также серьезно способствовал повышению боевого духа союзных войск. Перед вторжением, отмечает английский историк Эллис, «высокий моральный дух и неиссякаемый оптимизм были характерными для всех видов вооруженных сил»¹³¹.

Значительная работа среди войск союзников велась по контрпропаганде. Так, например, накануне высадки морского десанта в Нормандии в частях распространился слух, что всякая попытка высадиться на укрепленном побережье Северо-Западной Франции приведет к гибели 80—90% войск, участвующих в операции. Эйзенхауэр пишет, что этот слух вызвал тревогу среди солдат¹³². Чтобы успо-

¹²⁹ Д. Краминов. Правда о втором фронте. Записки военного корреспондента. М., 1958, стр. 61—62.

¹³⁰ См. там же, стр. 67.

¹³¹ L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 134.

¹³² D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 237.

коить солдат, командующие группами армии и армиями выступали перед солдатами и доказывали несостоятельность таких слухов. Выступления генералов публиковались в газетах.

Снабжение армий США и Великобритании всеми видами довольствия осуществлялось соответствующими министерствами этих стран и службами тыла армий. На штаб экспедиционных сил возлагалось общее руководство работой тыла на театре военных действий. Основными задачами органов снабжения союзных армий являлись: развертывание и поддержание в рабочем состоянии коммуникаций в тылу войск; подготовка побережья к приему грузов через искусственные гавани; создание баз снабжения, а затем, по мере продвижения армий на континенте, организация и оборона тылового района обеспечения, подвоза и эвакуации, ремонта и восстановления шоссе-се-йных и железных дорог и т. д.

Об объеме работы органов тыла свидетельствует тот факт, что во время наступательных действий нужно было ежедневно подвозить на каждую дивизию 600—700 т грузов¹³³, не считая подвоза пополнения, боеприпасов для создания резервов на тыловых базах, конструкций для восстанавливаемых мостов, оборудования для аэродромов и т. д. Снабжение высадившихся на плацдарме войск горячим предполагалось осуществлять танкерами, курсирующими между портами Великобритании и небольшим французским портом Портан-Бессен¹³⁴, так как трубопроводы через Ла-Манш могли вступить в строй не ранее, чем через две-три недели после вторжения.

Большое внимание союзники уделяли разведке. Перед вторжением она должна была вскрыть группировку противника и систему его обороны, характер минирования района высадки, дислокацию военно-морских сил и их боевую готовность. Разведку вели авиация и военно-морской флот. Широко применялось аэрофотографирование побережья и основных военно-морских баз. Фотографирование с воздуха стало особенно интенсивным накануне высадки. Велось и визуальное наблюдение с самолетов. Полное преобладание в воздухе союзной авиации еще до начала операции позволяло ей вести воздушную разведку без серьезных помех со стороны авиации противника.

Проводилась также специальная разведка. Небольшие группы с подводных лодок изучали характер берега в районе высадки десанта, глубину моря и наличие препятствий. Наряду с этим осуществлялась рекогносцировка побережья, выявлялось состояние портов и т. д.

8 мая Эйзенхауэр наметил день начала вторжения — 5 июня 1944 г. 30 мая началась погрузка войск первого эшелона на суда и была закончена 3 июня.

Таковы основные мероприятия западных союзников по подго-

¹³³ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 235.

¹³⁴ A. Norman. Operation Overlord. Design and Reality. Harrisburg (Pennsylvania), 1952, p. 103—104.

товке вторжения на континент. Верховное командование союзных экспедиционных сил имело в своем распоряжении такие силы и средства, которые позволяли нанести мощный первоначальный удар по немецкой обороне, захватить и расширить плацдарм. Однако союзникам не удалось создать благоприятные условия для быстрого накопления сил и средств на плацдарме. Они слишком тщательно готовились к вторжению, оттягивали его начало до тех пор, пока «не была пришита последняя пуговица на мундире последнего солдата».

Советская Армия к этому времени уже обескровила фашистскую Германию, и союзникам, готовившимся к вторжению на континент Европы, не пришлось опасаться, что противник сможет предпринять где-либо серьезные и тем более опасные стратегические контрдействия против них.

Вторжение началось

Высадка десанта в Нормандии и захват плацдарма

6 июня 1944 г. союзные армии начали военные действия в Северо-Западной Франции. Второй фронт в Европе, которого так ждали народы, наконец был открыт.

В первой половине 1944 г. Советские Вооруженные Силы провели ряд успешных стратегических наступательных операций. С 14 января по 1 марта они нанесли решительное поражение немецко-фашистским захватчикам под Ленинградом и Новгородом, продвинулись на 220—280 км и вступили в пределы Советской Эстонии¹. В течение января—мая 1944 г. советские войска разгромили крупнейшую стратегическую группировку на Правобережной Украине, отбросили ее на 250—400 км к западу и освободили Крым. Для восстановления своего фронта на южном участке гитлеровское командование вынуждено было перебросить в январе—апреле 34 дивизии и 4 бригады из Германии и оккупированных ею стран Европы, в том числе и из Франции, а также 9 дивизий с других участков советско-германского фронта².

К лету 1944 г. еще больше возросла активность сил движения Сопротивления во Франции. В донесении от 5 июня об обстановке в оккупированных странах Западной Европы гитлеровский главнокомандующий войсками на Западе пришел не без оснований к выводу, что во Франции «имеет место единство действий всех групп Сопротивления в борьбе против Германии и отказ во имя этого от всех внутривойсковых противоречий». Он получил сведения о массовой вербовке в «тайную армию», стягивании боевых групп в район г. Тюль (70 км южнее Лиможа) и в горы центрального массива в районе Сен Флур (80 км южнее Клермон-Феррана), о непрекращавшихся нападениях на железнодорожные составы, незащищенные населенные пункты, вишистские органы управления, о хищении машин, горючего и других действиях³.

¹ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 4. М., 1964, стр. 48.

² См. там же, стр. 95.

³ *H.-A. Jacobsen. Der zweite Weltkrieg in Chronic und Dokumenten. Darmstadt, 1959, S. 340.*

Положение гитлеровской Германии становилось все более критическим. Поражения фашистских войск на советско-германском фронте, рост освободительного движения в странах, оккупированных гитлеровцами, ярко свидетельствовали о приближении полного краха пресловутого «нового порядка» в Европе.

В таких условиях 5 июня начался переход конвоев десантных отрядов через Ла-Манш. Во время этого перехода часть авиации, выделенной для поддержки десанта (около 70 эскадрилий), наносила удары по побережью, чтобы подавить оборону противника, разрушить его укрепления и заграждения и наделать воронок, которые могли бы послужить укрытиями для высадившихся на берег передовых отрядов. Остальная авиация барражировала над районами погрузки войск и караванами судов, бомбила военные тыловые объекты.

Примерно в полночь, когда морской и воздушный десанты следовали к районам высадки, бомбардировочная авиация начала наносить удары по целям непосредственно на берегу. Прежде всего бомбардировке подверглись наиболее опасные для морского десанта батареи береговой артиллерии противника — сначала три батареи, находившиеся восточнее р. Орн и у основания п-ова Котантен, а затем (с 3 час. 15 мин. до 5 час.) остальные семь батарей. 1056 самолетов, участвовавших в этой бомбардировке, сбросили свыше 5 тыс. т бомб⁴.

Оборонительные сооружения и войска противника на побережье бомбили средние и тяжелые бомбардировщики. Но в целом, как пишет Харрисон, результаты ударов по береговым укреплениям противника были незначительными. На участке «Омаха» ни одна из бомб, сброшенных 329 самолетами B-24, не попала в цель; они разрывались примерно в 5 км от берега. Средние бомбардировщики, наносившие удары по обороне противника на участке «Юта», добились лучших результатов: из 360 бомбардировщиков 293 сбросили бомбы на район высадки, а остальные из-за облачности не нашли своих целей⁵.

В районе высадки английских войск тяжелые бомбардировщики также имели лишь частичный успех. Они поднялись с аэродромов еще до наступления рассвета и волнами, каждая из которых состояла из 36 развернутых в линию самолетов, выходили на район целей и сбрасывали бомбы. В 6 час. 40 мин. началась бомбардировка позиций немецких войск на побережье. Из 3 тыс. т сброшенных бомб только незначительная часть упала на оборонительные сооружения противника, находившиеся непосредственно на берегу. Не причинив серьезного ущерба им, эта бомбардировка тем не менее принесла определенную пользу⁶. Она вынудила немецко-фашистские войска

⁴ L. F. Ellis et al. *Victory in the West*, v. I. London, 1962, p. 158—159.

⁵ G. A. Harrison. *Cross-Channel Attack*. Washington, 1951, p. 300—301.

⁶ L. F. Ellis et al. *Op. cit.*, p. 167.

находиться в укрытиях до окончания бомбометания (за 10 мин. до начала высадки отрядов «коммандос» и «рейнджеры» на берег).

Операция в Нормандии началась с высадки воздушных десантов (схемы 5 и 6). Районы высадки их союзное командование выбирало с таким расчетом, чтобы воздушнодесантные дивизии могли соединиться с морским десантом к исходу первого дня наступления. Поскольку воздушные десанты не имели своей средней и тяжелой артиллерии, их действия поддерживала корабельная артиллерия.

Две американские и одна английская воздушнодесантные дивизии должны были захватить участки местности и прикрыть фланги морского десанта от контратак противника, а в американском секторе — облегчить продвижение штурмовых отрядов в глубь территории.

Каждая воздушнодесантная дивизия делилась на три эшелона. Первый эшелон десантировался на парашютах; второй перебрасывался на планерах и высаживался в районе, захваченном парашютистами; третий, в который входили штаб дивизии, противотанковые орудия, инженерное имущество, бульдозеры, «джипы» и другие средства, выбрасывался на захваченные площадки примерно через два часа после приземления парашютистов. За полчаса—час до начала высадки первого эшелона сбрасывались разведывательные группы. После соединения воздушнодесантных дивизий с морским десантом они усиливались полевой артиллерией, танками и должны были действовать как обычные пехотные дивизии.

101-я американская воздушнодесантная дивизия начала высадку в 1 час. 30 мин. 6 июня в 5—7 км от побережья. Ее задача состояла в том, чтобы захватить и удерживать выходы с прибрежных дамб в глубине участка «Юта» и блокировать у Карантана подходы к п-ову Котангаст с востока и юга. 82-я воздушнодесантная дивизия была выброшена к северо-западу от нее в тот же день, чтобы не допустить контратак противника от Монтебура и Сен-Совёра⁷. В районах высадки этих дивизий находились небольшие немецкие подразделения, поэтому они имели возможность привести себя в порядок без серьезного воздействия со стороны противника. Случилось же то, что не было предусмотрено никакими планами. Обе дивизии высадились на площади свыше 216 кв. км, а некоторые их подразделения оказались на расстоянии 25—35 км от объектов, намеченных к захвату. Кроме того, многие планеры, потеряв ориентировку, приземлились далеко в стороне от захваченных парашютистами районов и своих целей и либо попали в руки противника, либо разбились.

В 101-й дивизии из 6600 человек, сброшенных ночью, в районах высадки или близ них приземлились около 1100 человек. К исходу первого дня командир дивизии собрал до 2500 человек⁸. Естественно, что им не удалось использовать имевшиеся возможности и

⁷ См. С. Э. Морисон. Вторжение во Францию и Германию 1944—1945. М., 1963, стр. 110—113.

⁸ См. Д. М. Гейвин. Воздушнодесантная война. М., 1957, стр. 64.

захватить все свои объекты до подхода противника. Однако и противник не смог быстро организовать достаточно сильные и эффективные контрдействия⁹. Поэтому дивизия выполнила свою основную задачу, захватив часть дамб, по которым проходили дороги от моря через заболоченные участки в глубь берега, и тем способствовала захвату плацдарма 7-м корпусом.

82-я воздушнодесантная дивизия высадилась недалеко от района, который занимала 91-я немецкая дивизия, прибывшая сюда примерно за две недели до начала вторжения, и понесла большие потери. Два из трех высаженных полков не смогли собрать такое количество солдат и офицеров, чтобы выполнить свои задачи. Но третьему полку удалось перерезать дорогу от Монтебура на Карантан и сохранить за собой захваченную позицию¹⁰.

6-я английская воздушнодесантная дивизия была высажена после 2 часов ночи. Значительная часть (около 60%) ее личного состава попала в район своих объектов и к утру 6 июня могла вести бой. Остальные силы дивизии приземлились на территории общей площадью более 150 кв. км далеко от своих объектов. Некоторые группы парашютистов (из 3-й бригады) были сброшены в районы расположения частей 21-й немецкой танковой дивизии. И хотя противник предпринял контрдействия против воздушнодесантных частей только в 5 часов, штаб 6-й дивизии не смог наладить взаимодействие с поддерживавшей ее авиацией. Вследствие этого дивизия понесла изрядные потери, в том числе и от своей авиации. И все же ей удалось захватить и удержать небольшой плацдарм на р. Орн¹¹, борьба за который оттянула на себя часть сил 21-й дивизии, и тем способствовала успешным действиям высадившихся на берег частей 1-го английского корпуса.

Под прикрытием авиации и артиллерии военно-морского флота армада кораблей союзников прошла через Ла-Манш к берегу Нормандии. Все конвои в определенное расписанием время проходили через контрольно-пропускной пункт, намеченный в 13 милях юго-восточнее о-ва Уайт. Миновав его, каждый конвой направлялся по одному из десяти протраленных фарватеров к районам спуска десантных средств, намеченным примерно в 7—11 милях от берега. Корабли огневой поддержки, находившиеся в составе каждого десантного отряда, под покровом ночи выходили по своим фарватерам в районы огневой поддержки, откуда на рассвете открывали огонь по заданным целям. Спуск десантных средств на воду, посадка на них солдат и офицеров производились под прикрытием авиации и огня корабельной артиллерии. Противник же не предпринимал никаких контрдействий.

Вот что пишет об этом английский историк Эллис: «В предрассветные часы 6 июня, несмотря на то что тысячи судов и кораблей

⁹ G. A. Harrison. Op. cit., p. 289.

¹⁰ См. Д. М. Гейвин. Указ. соч., стр. 62—64.

¹¹ L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 153—154, 156.

союзников двигались к побережью Нормандии, авиация наносила удары по берегу и высаживались воздушные десанты, противник не проявил никаких признаков. Его полное бездействие на море и в воздухе было обескураживающим и даже зловещим. А не подготовил ли он какой-либо сюрприз?»¹² Но тревога была напрасной. Союзники достигли полной тактической и оперативной внезапности.

Нет оснований считать, что немецко-фашистскому командованию вообще не попадали в руки сведения о том, что в ближайшее время начнется вторжение английских и американских войск в Северо-Западную Францию. 1 и 2 июня германские агенты, проникшие во французские отряды движения Сопротивления, узнали о сигналах английской радиостанции, предупреждавших, что в ближайшее время будет передано распоряжение о действиях патриотов в тылу немецких войск. Разведывательный орган СС передал эти сведения в штаб адмирала Деница и предупредил, что не исключена возможность вторжения английских и американских войск в ближайшие две недели. Но в штабе не приняли эти сведения всерьез, посчитав, что проводится очередная тренировка¹³.

Немецкая авиационная и военно-морская разведка еще до 24 мая установила сосредоточение американско-английских войск, их состав, а также число десантных судов в портах Южной Англии. В результате ухудшения погоды и усиления активности авиации США и Англии немецко-фашистская авиация не вела после 30 мая систематической разведки. 4 июня штаб немецких ВВС на Западе сделал вывод, что «в настоящий момент непосредственное большое вторжение не ожидается».

В ночь на 6 июня немецкие торпедные катера не заняли позиций боевого охранения, так как командование военно-морской группы «Запад» в связи с неблагоприятной погодой 5 июня также не видело угрозы вторжения. Немецкие радиолокационные станции на северном побережье Франции были почти полностью выведены из строя союзной авиацией.

Штабы главнокомандования «Запад» и 15-й армии в 22 часа 15 мин. (по Гринвичу) 5 июня перехватили передаваемые по английскому радио распоряжения силам Сопротивления. В штабе 15-й армии они были восприняты как предупреждение о вторжении англо-американских войск в ближайшие 48 часов. В армии объявили боевую тревогу. Поскольку подобные радиораспоряжения перехватывались и раньше и за ними не следовали серьезные действия противника, штаб группы армий «Б» не принял никаких мер предосторожности: он не объявил боевой тревоги в 7-й армии и не вызвал обратно фельдмаршала Роммеля, который, находясь на пути в Оберзальцбург к Гитлеру, заехал к себе домой в Херлинген. Командующий 7-й немецкой армией генерал-полковник Фридрих Дольман тоже не считал возможной высадку морского десанта

¹² L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 159.

¹³ G. A. Harrison. Op. cit., p. 275.

в столь неблагоприятную погоду. Поэтому он разрешил временно отменить боевую готовность и 5 июня собрал старших офицеров дивизий на штабные учения, назначенные им на утро 6 июня в г. Ренн¹⁴. Штаб 84-го армейского корпуса, оборонявшего на побережье в районе высадки, отмечал день рождения своего командира генерала Эриха Маркса. Пьянка затянулась далеко за полночь и была прервана начавшейся высадкой воздушного десанта противника¹⁵.

В штабе главнокомандования «Запад» с получением радиоперехвата из Лондона был сделан вывод о возможном в ближайшее время вторжении англо-американских войск, хотя начальник разведки штаба и сомневался в правомерности такого вывода, так как считал, что «было бы абсурдом для противника» оповещать по радио о начале вторжения¹⁶. Штаб главнокомандования «Запад» также не отдал, да уже и не имел времени, чтобы отдать распоряжение о приведении войск в боевую готовность.

Первые сообщения о высадке американского воздушного десанта были получены немецкими штабами в Западной Европе вскоре после ее начала. В 2 часа 15 мин. 6 июня командующий 7-й армией объявил 84-му армейскому корпусу боевую тревогу. Она распространилась также на корабли военно-морского флота и авиационные части, находившиеся в его полосе. В 3 часа начальник штаба 7-й армии генерал-майор Макс Пемзель высказал предположение, что началось основное вторжение противника, который направил главные свои усилия на Карантан и Кан. Фельдмаршал Рундштедт, адмирал Кранке и начальник штаба группы армий «Б» генерал-лейтенант Ганс Шпейдель, как и прежде, считали, что в полосе 7-й армии противник проводит крупную диверсию, а главный удар нанесет в полосе 15-й армии. Тем не менее было отдано распоряжение войскам 84-го корпуса контратаковать и уничтожить воздушный десант на Котантенском полуострове, для чего ему была переподчинена из резерва 91-я пехотная дивизия¹⁷. Этих мер, разумеется, оказалось недостаточно.

Заметим, что высадка морского десанта и его боевые действия на берегу проходили без серьезного противодействия со стороны военно-морского флота и авиации немцев (схема 6). В первый день вторжения адмирал Кранке бросил свои силы, базировавшиеся в портах Бискайского залива, Ла-Манша и Северного моря, против союзного флота. Несмотря на активные действия надводных кораблей и подводных лодок, они из-за малочисленности ничего существенного сделать не могли и лишь понесли большие потери¹⁸. За десять дней (с 6 по 16 июня) было потоплено 2 эскадренных миноносца, 20 торпедных катеров, 82 минных тральщика, патрульных

¹⁴ G. A. Harrison. Op. cit., p. 275.

¹⁵ W. McElwee. The Battle of D-Day. London, 1965, p. 52.

¹⁶ G. A. Harrison. Op. cit., p. 276.

¹⁷ Ibid., p. 278.

¹⁸ L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 244—245.

и других малых кораблей, повреждены эскадренный миноносец, 15 торпедных катеров, 29 минных тральщиков и других малых судов. В свою очередь и союзники потеряли 14 боевых кораблей, 36 десантных и 14 транспортных судов, что составляет мизерный процент от общего количества судов и кораблей, участвовавших в десантной операции.

Немецко-фашистская авиация в первые дни также не смогла оказать серьезного воздействия на высадку и продвижение союзных войск в Нормандии¹⁹.

Как и предусматривалось планом операции, высадка морского десанта осуществлялась на пяти участках побережья под прикрытием авиации и огня корабельной артиллерии. В среднем ширина каждого участка составляла 1,5—1,6 км. Участки отстояли один от другого примерно на 16 км. Авиация и корабельная артиллерия почти полностью подавили немногочисленные батареи береговой артиллерии, сделали проходы в заграждениях и частично разрушили оборонительные сооружения немцев на участках высадки. Под их же прикрытием без помех со стороны противника в 7—11 милях от берега были спущены на воду десантно-высадочные катера и на них посажены подразделения морского десанта.

Специально подготовленные танки спускались на воду на расстоянии 4—4,5 км от берега. В 7-м американском корпусе, в районе высадки которого немцы не оказывали почти никакого сопротивления, из 30 спущенных на воду танков на берег вышли 29, в 5-м американском корпусе из 32 танков затонуло 27, в 1-м английском корпусе затонуло 9 танков. Примерно за пять минут до того как штурмовые отряды начинали высадку на берег, был произведен залп реактивных минометов, установленных на судах. В короткий срок они выпустили около 20 тыс. снарядов на участке высадки английских войск и 18 тыс. снарядов — на участке американских войск²⁰. После этого пехота и танки вступили на берег.

В американском секторе немецкая береговая артиллерия открыла огонь только в 5 час. 35 мин. и вела его спорадически, не причинив серьезного ущерба американским войскам. На берегу немецко-фашистские войска оказали сопротивление лишь в районе высадки 1-й пехотной дивизии 5-го американского корпуса (участок «Омаха»), где случайно оказалась в полной боевой готовности 352-я пехотная дивизия, в полосе которой проводилось учение по организации обороны морского побережья. К тому же авиационная подготовка здесь была наименее успешной, а высаживавшаяся дивизия потеряла большую часть спущенных на воду танков, лишившись важнейшего средства подавления противника.

На участке «Омаха» успех десанта был незначительным: ему удалось лишь зацепиться за берег. Но поскольку противник оказывал сопротивление на сравнительно узком фронте и только на одном

¹⁹ *L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 233.*

²⁰ *Ibid., p. 168.*

участке, американской дивизии удалось обойти очаги неприятельской обороны и к вечеру первого дня создать плацдарм глубиной до 1,5—3 км. Свою задачу дивизия не выполнила. Потери ее в первый день боя составили 2 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести²¹.

В полосе 7-го американского корпуса (участок «Юта») воздушные десанты отвлекали на себя части 709-й и 91-й пехотных дивизий противника и тем создали условия для беспрепятственной высадки 4-й американской пехотной дивизии²².

В секторе 2-й английской армии десантные войска встретили слабое сопротивление. 50-я пехотная дивизия 30-го корпуса, усиленная 8-й бронетанковой бригадой и частями 7-й бронетанковой дивизии, высадилась на участке «Гоулд» и, не встречая серьезного сопротивления, наступала на Байе. За день она продвинулась почти на 9 км. В 1-м корпусе 3-я канадская дивизия, усиленная 2-й канадской бронетанковой бригадой, высадилась на участке «Джюно» и продвинулась на 9—10 км, а ее танковые отряды пересекли дорогу Байе—Кан. 3-я английская пехотная дивизия заняла участок «Сворд» и продвигалась к Кану. Ей удалось быстро соединиться с 6-й воздушнодесантной дивизией, но в двух километрах от Кана она была остановлена частью сил 21-й танковой дивизии немцев. В промежутке между 3-й канадской и 3-й английской дивизиями оказались подразделения 716-й немецкой пехотной дивизии, которые сделали попытку контратаковать во фланг 3-ю дивизию, однако успеха не имели и отошли.

В то время, когда десантные войска были еще малочисленны и не успели закрепиться на берегу, немецко-фашистское командование могло добиться некоторого оперативного эффекта, контратаковав десантные войска союзников танковыми дивизиями. Но здесь сказались самым отрицательным образом недостаток сил и организационные неурядицы. Получив донесение о высадке воздушных десантов, Рундштедт отдал распоряжение Учебной и 12-й СС танковым дивизиям, находившимся в резерве верховного главнокомандования, подготовиться к переходу к районам высадки десантов противника. Однако это распоряжение не получило одобрения ОКВ, и дивизии остались на месте. Только 21-я танковая дивизия из резерва группы армий «Б» в 5 часов была подчинена командующему 7-й армии для ликвидации высадившегося севернее Кана воздушного десанта. Половина ее пехоты, артиллерийский, зенитный и противотанковый дивизионы были введены в бой по мере ее подхода к району высадки. Действовали эти силы по обе стороны р. Орн. Когда же началась высадка морского десанта, части этой дивизии были приданы 716-й пехотной дивизии. 21-я танковая дивизия при этом получила задачу главными силами отразить высадку морского десанта союзников. Только к 16 часам дивизии удалось перебраться по един-

²¹ G. A. Harrison. Op. cit., p. 330.

²² Ibid., p. 304.

ственному уцелевшему мосту на левый берег р. Орн и безуспешно контратаковать 3-ю английскую дивизию. С наступлением темноты командир 716-й дивизии приказал остановиться и закрепиться. Контратака частью сил 21-й танковой дивизии была единственным активным действием, предпринятым немецко-фашистскими войсками в первый день вторжения американских и английских сил²³.

В 16 часов ОКВ разрешило, наконец, Рундштедту использовать две танковые дивизии резерва для отражения высадившегося десанта, а на следующий день — все четыре. Но время было уже упущено.

К исходу первого дня вторжения американские войска захватили два плацдарма: один 5—10 км глубиной и 10 км по фронту и второй 1,5—3 км в глубину и 8 км по фронту, а английские — плацдарм глубиной 5—10 км и по фронту около 35 км. Морские десанты в первый же день соединились с воздушными. На французский берег были высажены пять пехотных, три авиадесантные дивизии и бронетанковая бригада общей численностью свыше 156 тыс. солдат и офицеров²⁴.

Лишь в полосе 6-го американского корпуса положение было непрочным. И если немцы не сбросили 1-ю американскую дивизию в море, то только потому, что они не имели на побережье достаточных сил. Высадка союзниками десанта на фронте около 100 км не позволила немецкому командованию сосредоточенно использовать дивизии, находившиеся непосредственно на берегу. Основные силы 709, 352-й и 716-й немецких дивизий с самого начала вторжения были скованы одновременно на всем фронте, а необходимые резервы не были введены своевременно.

Хотя союзные войска в первый день вторжения значительно превосходили противника, однако они не смогли создать общий плацдарм, как это планировалось. Большой неудачей следует считать и то, что английские войска не выполнили задачу первого дня и не заняли важный узел дорог, город и порт Кан, в результате чего сразу же создалась серьезная трудность в накоплении на плацдарме сил и средств.

Несмотря на оптимизм первых официальных сообщений о высадке и действиях десантных войск на берегу, Эйзенхауэра удручали некоторые неудачи. Об этом свидетельствует карандашный набросок непосланной записки Эйзенхауэра, опубликованной американским историком Мартином Блуменсоном. «Нашим десантам в районе Шербура—Гавра, — говорилось в нем, — не удалось захватить удовлетворительный плацдарм. . . и я отвел войска. . . Мое решение наступать в это время и в этом месте основывалось на лучшей информации, которую только можно было получить. Сухопутные войска, авиация и военно-морской флот проявили такое мужество и сознание своего долга, на которые только были способны. И лишь моя

²³ G. A. Harrison. Op. cit., p. 332—333.

²⁴ L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 223.

вина в том, что случилось»²⁵. Эйзенхауэр явно преувеличивал первые неудачи. Но его записка интересна тем, что дает представление о некоторой неуверенности верховного командования союзными экспедиционными силами в успехе предпринятой им операции. Возможно здесь сказались и влияние немецкой пропаганды о неприступности так называемого атлантического вала, и многолетние суждения Черчилля, пугавшего всех непреодолимостью немецкой обороны в Западной Европе.

В результате внезапного вторжения в Нормандию союзники получили значительные тактические и оперативные преимущества. Но чтобы извлечь из них максимальную пользу, требовалось быстро перебрасывать на плацдарм новые силы и средства и таким путем не только сохранить, но и улучшить достигнутое в первый день вторжения соотношение сил.

Если на море и в воздухе немецко-фашистское командование в сложившихся к середине 1944 г. условиях уже не могло изменить соотношение сил в свою пользу, то на суше дело обстояло несколько иначе. Морской десант высадился в полосе одного — 84-го — немецкого корпуса, имевшего в своем составе четыре пехотные дивизии. С началом вторжения три из них (709, 352-я и 716-я) были втянуты в бой, а одна (243-я) находилась на западном побережье Котантенского полуострова. Уже в первый день операции немцы стали наращивать силы вводом в сражение резервных 91-й пехотной и 21-й танковой дивизий. В дальнейшем они могли вводить в бой резервы группы армий «Б» и главнокомандования «Запад», а затем силы с неатакованных участков морского побережья. Превращение этой возможности в действительность зависело от ряда условий: пропускной способности дорожной сети Северной Франции, степени противодействия американской и английской авиации, размаха и активности действий внутренних сил Сопротивления и, наконец, от того, как скоро немецкое главнокомандование определит, действительно ли союзные армии наносят главный удар в Нормандии.

Для главнокомандования «Запад», как и для ОКВ, оставалось не ясным, предпринял ли противник первый, отвлекающий удар для сковывания сил или начал главную операцию. Они предполагали, что противник поставил своей целью «овладение п-овом Котантен с портом Шербуром с тем, чтобы одновременно или вслед за этими силами, выжидающими в Юго-Восточной Англии, развернуть наступление на 15-ю армию»²⁶ (через Па-де-Кале). Такая уверенность была вызвана, с одной стороны, оценкой обстановки еще задолго до начала вторжения союзников, а с другой — принятыми союзниками мерами по введению немецкого командования в заблуждение. Тем не менее к району вторжения были двинуты 12-я СС и Учебная танковые дивизии с задачей совместно с 21-й танковой и пехотными

²⁵ *M. Blumenson. Could the Germans Have Won? — «Army», 1964, June, p. 69.*

²⁶ *H.-A. Jacobsen. Op. cit., p. 342.*

дивизиями сбросить высадившиеся десанты в море. В целях улучшения руководства военными действиями в Нормандии участок фронта севернее и северо-западнее Кана передавался танковой группе «Запад» (командующий генерал фон Швепшенбург), которой были подчинены три танковые и две пехотные дивизии; оборона п-ова Котантен целиком возлагалась на 84-й корпус (91, 709-я и 243-я пехотные дивизии); юго-западнее его располагался 2-й парашютнодесантный корпус (17-я моторизованная, 3-я парашютная и 37-я пехотная дивизии)²⁷.

Сложившийся задолго до вторжения в первый день операции предрассудок прочно сковал сознание главнокомандования «Запад» и

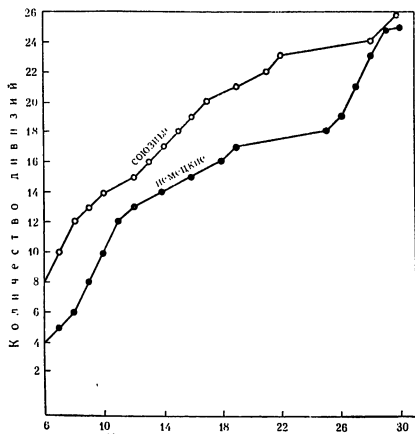

График ввода дивизий в сражение

ОКВ и предопределил восприятие ими хода событий. Наряду с такими условиями, как противодействие союзной авиации и удары французских патриотов, это была одна из важнейших причин того, что в июне в сражение в Нормандии вводилось менее одной свежей немецкой дивизии в сутки (см. график).

В условиях полного господства союзников на море и в воздухе темп накопления их сил в Нормандии определялся оперативной емкостью плацдарма и прежде всего тоннажем транспортно-флота и пропускной способностью портов, захваченных на французском побережье.

В связи с этим сразу же дала себя знать неудача с захватом города и порта Кана и ведущего к нему канала. Прокладка через Ла-Манш первого трубопровода завершилась только к 12 августа. Но вскоре этот трубопровод был разорван якорем одного из кораблей. Следующие два трубопровода вступили в эксплуатацию лишь в конце сентября. В первый период борьбы на французском побережье вся тяжесть снабжения союзных войск на континенте легла на флот²⁸.

Как уже отмечалось, в целях достижения внезапности морской десант был высажен на участке побережья, где отсутствовали крупные порты. Сооружение из затопленных кораблей и специально подготовленных бетонных деталей двух искусственных портов («Малбери» А и Б) наряду с мелкими портами (Курсель, Портан-Бессен, Изиньи и др.) позволяло в первое время сравнительно бесперебойно накапливать силы и средства, необходимые для расширения плацдарма. Однако этих портов явно недоставало при

²⁷ Н.-А. Jacobsen. Op. cit., p. 342.

²⁸ См. С. Э. Морисон. Указ. соч., стр. 232.

осуществлении последующих операций. Забегая вперед, отметим, что в июне 1944 г. союзникам удавалось высаживать на плацдарме в среднем около одной дивизии в сутки. Теперь успех действий их армии во многом зависел от обладания крупными портами. Именно поэтому в стратегии союзного верховного командования так много места отводилось захвату портов, а в германской стратегии — превращению их в «крепости», которые должны удерживаться во что бы то ни стало, даже если они окажутся в тылу противника. Гитлер называл такими крепостями порты Антверпен, Схидам, Дюнкерк, Булонь, Гавр, Шербур, Сен-Мало, Брест, Лориан, Сен-Назер, подступы к Бордо, Марсель, Тулон и др.

Воздушная разведка союзников установила выдвижение к фронту 12-й танковой дивизии СС из района Руана, погрузку в эшелоны 2-й и Учебной танковых дивизий около Амьена и Шартра и движение из района южнее Луары 17-й моторизованной дивизии СС. Чтобы затруднить подход немецких резервов из этих районов, а также из Бретани, англо-американская бомбардировочная авиация в ночь на 7 июня наносила удары по узлам железных и шоссежных дорог в районе, простиравшемся от Парижа до основания Котантенского полуострова, сделав за ночь свыше тысячи самолето-вылетов. Потери союзников составили 12 бомбардировщиков. Участвовала в бомбардировке и тактическая авиация²⁹. Но поскольку для бомбардировки был избран обширный район (около 60 тыс. кв. км), а относительно густая сеть дорог во Франции позволяла осуществлять маневр и рассредоточивать войска на марше, столь усиленная бомбардировка не предотвратила подхода немецких войск в Нормандию. Уже 7 июня 12-я танковая дивизия вела севернее Кана бои против 3-й канадской дивизии.

Тем не менее темп выдвижения к району вторжения немецких резервов, особенно танковых, был невысоким. В первый день в бой вступила 2-я танковая дивизия; во второй — 12-я и только 9 июня начали прибывать части 9-й танковой дивизии. Подходившие войска вводились в бой по мере прибытия. Создать сильные ударные группы, способные сбросить десант в море, как это предусматривалось планом противодесантной операции, немецко-фашистскому командованию не удавалось. Бои принимали затяжной характер.

При поддержке авиации и корабельной артиллерии войска союзников продолжали продвижение в глубь побережья одновременно на всем фронте, без создания крупных ударных группировок. Как и немецкие, они вводились в бой по мере высадки. Генерал Монтгомери, встретившийся утром 7 июня с командующими обеих армий генералами Брэдли и Демпси, не поставил им новых задач, а потребовал энергичных действий для возможно быстрого выполнения задачи первого дня операции, определенной перед вторжением. Монтгомери лишь уточнил, что прибывшая на плац-

²⁹ L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 225.

дарм в полосе 2-й английской армии 51-я дивизия должна обойти Кан, продвигаясь восточнее р. Орн³⁰.

1-я американская армия правым флангом вела наступление на Карантан и на запад, преследуя общую цель — отрезать немецкие войска на Котантенском полуострове и подготовить условия для захвата Шербур. На левом фланге ее войска продолжали наступление к Изиньи и на восток, стремясь соединиться со 2-й английской армией. Последняя успешно наступала на правом фланге, где к исходу 7 июня ей удалось захватить Байе и частью сил завязать бои за Порт-ан-Бессен. В центре и на левом фланге армии шли напряженные, но безуспешные для обеих сторон бои. Двум танковым и одной пехотной немецким дивизиям удалось не только остановить продвижение англичан и канадцев, но и потеснить их.

8 июня войска 1-й американской и 2-й английской армий соединились в районе Порт-ан-Бессен, что позволило уже 10 июня использовать этот порт для разгрузки судов каботажного плавания. В полосе 2-й английской армии небольшой порт Курсель был открыт для малых судов 8 июня³¹. Но в районе Карантана немцы продолжали оказывать упорное сопротивление, и только через два дня войска 5-го и 7-го корпусов соединились северо-восточнее города.

Главнокомандование «Запад» стало опасаться, что американские войска, высадившиеся у основания Котантенского полуострова, могут отрезать весь полуостров, а затем захватить Шербур. Еще 7 июня Роммель с разрешения Рундштедта отдал приказ двум дивизиям (77-й пехотной, находившейся в районе Сен-Мало, и 17-й моторизованной, располагавшейся южнее Луары) выйти в западную часть п-ова Котантен. Несколько позже было принято решение подтянуть туда же и 3-ю парашютную дивизию из Бретани и все три дивизии объединить во 2-й парашютный корпус, подчинив его командирю 84-го корпуса. В тот же день из приказов, захваченных у противника, Рундштедту стала ясна задача американских войск (после соединения в районе Карантана захватить Шербур). Он понял, что возникла опасность создания нового сухопутного фронта и что без дополнительных подкреплений его войска вынуждены будут перейти к обороне. Рундштедт приказал подтянуть в Нормандию еще три танковые дивизии (1-ю СС из Бельгии, 2-ю СС из Тулузы и 2-ю из резерва группы армий «Б») и направил в ОКВ просьбу прислать новые подкрепления.

К 9 июня определился «участок главных усилий» немецко-фашистских войск между устьем р. Вир и Карантаном. 2-й парашютный корпус получил задачу выйти в район Карантана, хотя одна его дивизия (77-я пехотная) передавалась 84-му корпусу и должна была направиться в район Валони, занять там оборону и организовать контратаки против американских войск. С 9 июня участок

³⁰ L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 225—226.

³¹ См. С. Э. Морисон. Указ. соч., стр. 204.

фронта между реками Орн и Вир со всеми находившимися там войсками передавался танковой группе «Запад»³².

К исходу 10 июня союзные войска создали один общий плацдарм свыше 70 км по фронту и 8—15 км в глубину. К этому времени сухопутные силы обеих сторон в Нормандии до некоторой степени уравнились. Союзники имели на плацдарме 9 пехотных, 3 воздушнодесантные, одну полностью и части второй бронетанковых дивизий³³, немцы — свыше 10 дивизий (из них 3 танковые) и 3 дивизии подходили к фронту³⁴.

Немецко-фашистское командование продолжало подтягивать свои резервы к району сражения, намереваясь сбросить войска союзников в море. Но оно все еще не отрешилось от мысли, что противник осуществит основное вторжение позже, севернее Сены, и не трогало 15-ю армию, а это не позволяло ему быстро собрать необходимые силы и средства для контрудара. Господство американской и английской авиации в воздухе серьезно затрудняло и создание ударных группировок, а корабельная артиллерия и тактическая авиация не позволяли проводить успешные контратаки выдвинутыми на побережье силами. Через пять дней после начала вторжения Рундштедт доносил Гитлеру, что «орудия большинства вражеских кораблей ведут настолько мощный огонь в пределах их дальности, что любое наступление в зоне господствующего с моря огня невозможно»³⁵. Несмотря на сосредоточение в районе Кана трех танковых дивизий, «сбросить англичан в море» не удалось.

С 10 по 12 июня союзным армиям удалось несколько расширить плацдарм, размеры которого составили 80 км по фронту и 10—17 км в глубину, а также выровнять фронт. В полосе 1-й американской армии 7-й корпус продолжал наступление на Шербур, но встретил упорное сопротивление немецко-фашистских войск у Монтебура, 101-я дивизия заняла Карантан, а 5-й корпус начал наступать на Сен-Ло, но успеха не имел.

2-я английская армия в это время улучшила занятые ею позиции. На правом фланге совместно с 1-й пехотной дивизией 5-го американского корпуса она пыталась развить наступление на Комон, но серьезных результатов не добилась.

Итак, первые дни борьбы за плацдарм показали, что высадка

³² *L. F. Ellis et al.* Op. cit., p. 237—238.

³³ *Ibid.*, p. 248—249.

³⁴ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4239, 4240.

³⁵ *L. F. Ellis et al.* Op. cit., p. 239.

Роммель в обзоре оперативной обстановки, сделанном 10 июня, писал: «Наши действия в Нормандии страшно затруднены, а на некоторых участках стали вообще невозможными в силу следующих причин: а) чрезвычайно большого, а по временам прямо подавляющего превосходства авиации противника... б) эффективности огня тяжелой корабельной артиллерии. Против нас действуют до 640 орудий. Эффективность их столь высока, что в районах, обстреливаемых этой скорострельной артиллерией, невозможны какие-либо действия как танков, так и пехоты» (*С. Э. Моррисон. Указ. соч.*, стр. 185—186).

воздушного и морского десантов союзников оказалась внезапной для немецких войск, благодаря чему уже в первый день и сравнительно легко удалось создать несколько тактических плацдармов в Нормандии. Немецко-фашистское военное руководство не смогло определить, что противник наносит главный удар в Нормандии, из-за чего находившиеся к северу от р. Сены крупные силы 15-й армии не были использованы в первые дни операции для ликвидации тактических плацдармов противника. Далее, вторжение союзных армий на широком фронте вынуждало немецко-фашистское командование расплывать те силы, которые ему удалось подтянуть в Нормандию. При этом авиация союзников и мощный огонь корабельной артиллерии сыграли решающую роль в боях за оперативный плацдарм. Допустив ошибки в определении направления главного удара, немецко-фашистское командование сумело, однако, правильно оценить слабую сторону вторгшихся в Нормандию союзных армий — зависимость их действий от захвата крупных портов на французском побережье — и организовало жесткую оборону в районе Кана и на дальних подступах к Шербуру. Бои за плацдарм с самого начала приняли затяжной характер.

Создание стратегического плацдарма

Борьба союзных армий за создание стратегического плацдарма длилась примерно до 20 июля 1944 г. В ней участвовали сухопутные, военно-воздушные, военно-морские силы, а также силы движения Сопротивления. Это был период наиболее напряженных боевых действий войск союзников в Европе, когда они вынуждены были решать свои задачи в условиях примерного равенства сухопутных сил с силами противника.

К вечеру 12 июня во Франции уже высадилось 16 союзных дивизий, в том числе 7 английских и канадских и 9 американских. Количество танковых подразделений, входивших в их состав, к тому времени было эквивалентно примерно трем бронетанковым дивизиям³⁶.

Господство союзников в воздухе и действия сил движения Сопротивления ограничивали возможности немецкого командования на Западе быстро сосредоточить войска в Нормандии. Передвижение частей и соединений осуществлялось преимущественно ночью. Как пишет О. Брэдли, «немцы проявили удивительную изобретательность при переброске своих войск на фронт»³⁷. К тому времени они ввели в сражение в Нормандии также около 16 дивизий, в том числе моторизованную и 4 танковые³⁸.

Исход борьбы в Нормандии был предопределен в пользу союзных армий их общим превосходством над противником, а также

³⁶ См. О. Брэдли. Записки солдата. М., 1957, стр. 321.

³⁷ Там же, стр. 322.

³⁸ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4242.

тем, что гитлеровское командование вынуждено было довольствоваться в Западной Европе прежде всего силами и средствами, находившимися там к началу военных действий. Предпринятое летом 1944 г. Красной Армией решительное наступление (под Ленинградом, в Карелии, Белоруссии и в других районах) поставило гитлеровское командование в такие условия, при которых оно не только не могло снимать свои войска с советско-германского фронта, но и вынуждено было направлять на Восток основные резервы (по мере их создания)³⁹. Однако, как известно, любое сражение включает в себя абстрактную возможность поражения, и нет другого средства уменьшить эту возможность, как организационная подготовка сражения. Здесь могли сыграть большую роль всякого рода случайности.

С самого начала борьбы за плацдарм в Нормандии образовалось два центра, к которым было приковано внимание обеих сторон, — Котантенский полуостров с портом Шербур и город Кан. Но поскольку ни одна из сторон не могла достигнуть в короткий срок решительного превосходства над противником на суше, борьба за плацдарм приняла характер изматывания сил, которые обе стороны вводили в сражение по частям, по мере их прибытия в Нормандию.

Монтгомери считал, что снижение темпа продвижения войск союзников после успешной высадки неизбежно: штурмовые соединения нуждались в передышке; к ним следовало подтянуть подразделения, без которых нельзя развивать наступление в глубь континента; требовалось также создать на плацдарме базы снабжения, передовые аэродромы, систему управления и связи, накопить силы и средства. Графики же переброски войск и грузов на плацдарм не выдерживались, чем еще больше затрудняли действия высадившихся войск. Нельзя было и выпускать инициативу из своих рук, для чего следовало продолжать наступление, несмотря ни на что.

Столь противоречивыми условиями обстановки определялись решения союзного командования. Монтгомери пошел на то, чтобы вести непрерывные наступательные действия, хотя и ограниченными силами. Ближайшей задачей союзных войск на флангах являлся захват Шербурга и Кана, а в центре плацдарма — выдвижение на рубеж Комон, Вилле-Бокаж⁴⁰.

Подобный метод ведения операции в какой-то мере соответствовал условиям обстановки. Для нанесения мощного удара и развития наступления хотя бы на одном направлении не хватало сухопутных войск и необходимой материальной базы. В то же время господство авиации союзников в воздухе и мощный огонь корабель-

³⁹ Операции Красной Армии летом 1944 г. по своему размаху были намного крупнее тех, которые на Тегеранской конференции наша делегация обещала союзникам провести с целью поддержки вторжения американских и английских войск в Северо-Западную Францию.

⁴⁰ *V. L. Montgomery. 21-st Army Group. Germany, 1946*, p. 57.

ной артиллерии обеспечивали подавление противника и поддержку наступательных действий сухопутных войск на избранных участках фронта. Поскольку немцы также не могли быстро сосредоточивать свои сухопутные войска в Нормандии, наступательные действия, проводившиеся одновременно на ряде участков, позволяли союзникам удерживать инициативу, расширять, хотя и медленно, плацдарм и одновременно заставлять гитлеровцев рассредоточивать силы на широком фронте.

Немецко-фашистское командование по-прежнему ожидало вторжения главных сил в районе Кале, Булонь и не решалось ослаблять силы своей 15-й армии. Вместе с тем оно не могло закрывать глаза на возникшую угрозу для своих войск в Нормандии. Рундштедт и Роммель уже докладывали Гитлеру, что их войска в Нормандии вынуждены перейти к обороне. Но верховное главнокомандование не могло значительно увеличить свои вооруженные силы во Франции. Единственно, что Гитлер смог сделать в ответ на доклады Рундштедта и Роммеля, это приказать 11 июня перебросить с советско-германского фронта 2-й танковый корпус СС, состоявший из 9-й и 10-й танковых дивизий⁴¹, хотя никто тогда точно не знал, когда он сможет прибыть во Францию. Тем не менее Гитлер поставил войскам на Западе задачу: «Вражеский плацдарм между реками Орн и Вир должен быть атакован и ликвидирован по частям. Прежде всего противник должен быть разгромлен восточнее р. Орн, чтобы освободить 346-ю пехотную дивизию»⁴².

12 июня в 17 час. 30 мин. в ставке Гитлера состоялось обсуждение обстановки на Западе. Кейтель и Йодль считали положение серьезным. Они высказали предположение, что «если противнику удастся пробиться из захваченного им плацдарма и создать условия для маневренных действий во Франции, то вся Франция будет потеряна. Следующим рубежом обороны, по их мнению, могли бы в этом случае служить линия «Мажино» или позиция «Зигфрида». Правда, они не исключали попытки союзников вторгнуться в другом районе (вероятнее всего между Дьешпом и Булонью или между Кале и р. Шельдой), но надеялись, что бомбардировка Лондона ФАУ-1, которую предполагалось начать в ночь на 13 июня, отвлечет союзную авиацию и вынудит поторопиться с вторжением на севере Франции, что ослабит активность действий в Нормандии»⁴³.

Через день после совещания в ставке, 14 июня, Кейтель от имени Гитлера направил в штабы сухопутных сил, авиации и военно-морского флота на Западе инструкцию о ведении операции во Франции в дальнейшем. Поскольку в Нормандии береговые батареи, установленные на открытых позициях, но не обладавшие ни необходимой дальностью стрельбы, ни мощностью для поражения линейных кораблей и тяжелых крейсеров союзников, были выведены

⁴¹ L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 258--259.

⁴² Ibid., p. 260.

⁴³ «Brassey's Naval Annual, 1948». London—New York, p. 396.

из строя раньше, чем они вступили в бой, Гитлер во исполнение ранее отданных приказов распорядился немедленно обследовать береговые батареи и, где это возможно, переместить их на закрытые позиции и в укрытия. Так как союзники высадились в местах, где укрепления были весьма слабыми и где береговые батареи были легко уничтожены, инструкция предписывала немедленно направить туда «сильные резервы», соблюдая во избежание больших потерь от вражеской авиации все меры предосторожности. Кейтель полагал, что «лучше допустить задержку в выдвигении к фронту, чем уничтожение или атаку части авиацией противника».

Протокольная запись совещания в ставке Гитлера и академического характера инструкция Кейтеля свидетельствуют о том, что ОКВ хотя и предпринимало меры к усилению своих войск в Нормандии, однако оно еще не отрешилось от мысли, что противник может вторгнуться в другом районе. Направляя силы и средства в район развернувшегося сражения, оно требовало от главнокомандования «Запад» укрепления побережья Франции и особенно укрытия береговых батарей. Таким образом, силы и средства немцев рассредоточивались между двумя целями: контрдействиями в Нормандии и обороной остального побережья Франции, прежде всего северного. Разумеется, это вело к распылению и без того ограниченных сил и средств и объективно способствовало действиям союзных армий в Нормандии.

Войска 1-й американской армии выполняли свою прежнюю задачу — продолжали наступать на юг, стремясь захватить Комон, и на запад, чтобы отрезать немецко-фашистские войска, находившиеся на Котантенском полуострове.

Наступавшие на Кан войска 2-й английской армии натолкнулись на упорное сопротивление трех танковых и одной пехотной дивизий. Монтгомери решил окружить эту группировку, нанеся удары по сходящимся направлениям: 51-й дивизией 1-го английского корпуса с плацдарма на восточном берегу р. Орн и 50-й пехотной и 7-й бронетанковой дивизиями 30-го корпуса из района южнее Байе на Тилли-сюр-Сель, Вилле-Бокаж и далее на Эвреси. Он намечал высадить воздушный десант (1-ю английскую воздушнодесантную дивизию) восточнее Эвреси, чтобы скорее замкнуть кольцо окружения⁴⁴.

Но замыслу Монтгомери не суждено было сбыться. Утром 10 июня немцы нанесли удар по его войскам за р. Орн, и, хотя контратака была отражена огнем корабельной артиллерии и пехотой, подготовка англичан к наступлению в этом районе была сорвана. Английские войска предприняли наступление в 4 час. 30 мин. следующего дня. Во время артиллерийской подготовки им не удалось подавить огневые точки немцев, и последние, открыв ответный огонь, отбили атаку⁴⁵. В полдень 12 июня после трехчасовой ар-

⁴⁴ *L. F. Ellis et al.* Op. cit., p. 247.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 248.

тиллерийской подготовки немцы предприняли контратаку силами одного батальона, поддержанного ротой самоходных орудий. Атаки и контратаки продолжались до вечера. В результате англичане временно прекратили все попытки расширить плацдарм на р. Орн.

В полосе 30-го английского корпуса 10 июня была проведена артиллерийская подготовка, в которой приняли участие и боевые корабли. Однако неожиданно для англичан 12-я танковая дивизия СС после интенсивной артиллерийской подготовки первая перешла в наступление северо-западнее Кана. Ей не удалось сбить англичан с позиций, но своими действиями она способствовала отражению наступления английских войск против Учебной танковой дивизии, действовавшей левее нее. На следующий день, перегруппировавшись, войска 30-го корпуса предприняли новое наступление. Они имели незначительный успех, хотя и были поддержаны 3-й канадской дивизией, атаковавшей противника в своей полосе.

К тому времени части 5-го американского корпуса, наступавшие правее 30-го английского, подошли к г. Комон. Командир последнего, стремясь воспользоваться успехом соседа, вывел 7-ю бронетанковую дивизию из боя и перебросил ее в район севернее Комона, а оттуда — к Вилле-Бокажу, в тыл немецкой Учебной танковой дивизии. Таким маневром он хотел заставить последнюю отойти. 50-й пехотной дивизии командир 30-го корпуса приказал продолжать наступление в своей полосе.

13 июня 7-я бронетанковая дивизия двинулась на Вилле-Бокаж и, не встретив противника, подошла к городу, где и остановилась. Ее маневр ослабил положение Учебной танковой дивизии. Но так как в это время с юга к Вилле-Бокажу подходила 2-я немецкая танковая дивизия, создалась опасность, что 7-я дивизия сама попадет в окружение. Английское командование не пошло на риск и в ночь на 15 июня отвело ее к Комону. В целом же наступление 2-й английской армии сковало три немецкие танковые дивизии.

Несколько лучше дело обстояло в полосе 1-й американской армии. На ее левом фланге 5-й корпус, не встречая серьезного сопротивления немецко-фашистских войск ⁴⁶, 12 июня подошел к Комону и занял его. В центре фронта американской армии (южнее Карантана и Изиньи) был введен в сражение свежий 19-й корпус (две дивизии), который предпринял наступление в сторону Сен-Лу. Но генерал О. Брэдли считал, что главная задача 1-й американской армии на том этапе операции — отрезать Котантенский полуостров и захватить порт Шербур ⁴⁷. Поэтому он еще 9 июня отдал приказ командиру 7-го корпуса генералу Л. Коллинсу «до начала наступления на Шербур перерезать полуостров Котантен у его основания» ⁴⁸.

⁴⁶ Перед его фронтом в полосе шириной свыше 12 км располагалась одна 3-я парашютная дивизия, а в районе г. Комон вообще никаких войск не было (Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4242).

⁴⁷ *L. F. Ellis et al.* Op. cit., p. 257.

⁴⁸ *О. Брэдли.* Указ. соч., стр. 325.

Выполнение этой задачи возлагалось на 82-ю воздушнодесантную и только что начавшую высадку на плацдарме 9-ю пехотную дивизию. Две другие дивизии корпуса (4-я и 90-я) должны были наступать на Шербур⁴⁹. Таким образом, из четырех дивизий корпуса (правда, 90-я дивизия оказалась малобоеспособной) удар наносила только одна, а остальные должны были развивать успех в сторону флангов.

Наступление 7-го корпуса шло на местности, исключительно благоприятствовавшей немцам для обороны. Все пространство полуострова было изрезано земляными валами с «живыми» изгородями на них. Каждый такой вал с дренажной канавой у его основания представлял собой готовую, хорошо замаскированную огневую позицию с ходом сообщения. Он являлся также хорошим противотанковым препятствием. Однако неблагоприятная для наступления американских войск местность до некоторой степени компенсировалась возможностью поддерживать это наступление авиацией и корабельной артиллерией. Ударная группировка 7-го корпуса наступала севернее заболоченной поймы р. Дув и ее притока, чем достигалось прикрытие ее левого фланга.

В период с 10 по 12 июня 82-я воздушнодесантная и 90-я пехотная дивизии улучшили исходные позиции и подготовились к наступлению. 13 июня генерал Коллинс отдал приказ начать наступление на Сен-Совёр, Барнвиль и Картере. В центр корпуса была введена 9-я пехотная дивизия. На следующий день началось наступление, которое развивалось сначала медленно, но затем, по мере ослабления сопротивления немецких войск, темп наступления стал нарастать. К 16 июня прорыв был завершён, и американские войска устремились к Барнвиллю. Только две роты 91-й и отдельные группы 243-й немецких дивизий оказались на их пути⁵⁰.

Оценивая действия 7-го американского корпуса, Роммель уже 14 июня сделал вывод, что если американцы будут продолжать начавшееся в районе Сен-Совёр, Барнвиль наступление, им удастся отрезать Котантенский полуостров. Он решил двумя дивизиями (709-й и 243-й) оборонять Шербур, а остальными силами отражать наступление американцев на запад. В соответствии с этим решением командующий 7-й армией приказал образовать две боевые группы — генерала Шлибена (709, 243-я и остатки 91-й дивизии) для обороны дальних подступов к Шербуру и генерала Хельмиха (77-я дивизия и некоторые другие части) для обороны против ударной группировки 7-го американского корпуса⁵¹.

13 июня Йодль порекомендовал Гитлеру пойти на риск и двинуть максимум сил в Нормандию, несмотря на возможность вторжения противника в другом месте побережья. Только спустя три дня Гитлер приказал Рундштедту сосредоточить как можно больше

⁴⁹ См. *О. Брэдли*. Указ. соч., стр. 325—326.

⁵⁰ *G. A. Harrison*. Op. cit., p. 413.

⁵¹ *Ibidem*.

сил в Нормандии за счет ослабления обороны на других участках побережья, за исключением района 15-й армии, и в результате перегруппировки подготовить мощный ударный кулак в составе семи танковых дивизий, из которых три снимались с фронта, а четыре подводились к району боевых действий (2-я СС из Южной Франции, 1-я СС — с бельгийско-нидерландской границы, 9-я и 10-я СС — с Востока). В тот же день Гитлер вместе с генералом Иодлем направился во Францию, чтобы на месте выяснить обстановку и организовать разгром вторгнувшихся армий противника. Прилетев на самолете в Мец, они затем направились в подготовленное еще в 1940 г. вблизи Суассона бетонное убежище, из которого Гитлер собирался руководить операцией по вторжению на Британские острова. Теперь он хотел в нем определить судьбу борьбы за Францию.

На следующий день утром состоялась встреча Гитлера с Рундштедтом и Роммелем, с которыми прибыли их начальники штабов генералы Блюментрит и Шпейдель⁵². Фельдмаршалы просили свободы действий, включая и маневрирование силами, находившимися в их подчинении, и даже войсками, которые занимали не угрожаемое противником побережье. Они возражали против тактики обороны каждой пяди земли и рекомендовали применять отводы войск для сокращения протяженности фронта и создания тем самым условий для массирования сил и средств на избранных направлениях. Но Гитлер не согласился с ними. Всякие разговоры об отводе войск на новые рубежи он рассматривал как поражение. Он не дал прямых ответов на поставленные перед ним вопросы, но много рассуждал о том, что применение самолетов-снарядов и ракет скоро приведет к перелому в войне. Никаких конкретных изменений в ранее принятое решение внесено не было⁵³. Что же касается действий на Котантенском полуострове, Гитлер потребовал во что бы то ни стало удерживать Шербур, а группе Шлибена он разрешил отходить к Шербуру, но только под нажимом противника⁵⁴. Затем Гитлер убыл в свою ставку, так как дела на советско-германском фронте не позволяли ему долго задерживаться во Франции.

Союзные армии также не могли предпринять решительного наступления, испытывая серьезные трудности в снабжении. На участке «Омаха» сопротивление немцев опрокинуло американские расчеты доставки предметов снабжения на плацдарм. В мемуарах Брэдли пишет: «Мы не смогли доставить на берег ни одной тонны из 4600 тонн, намеченных к выгрузке в первый день. К концу недели дефицит составил уже 35 тыс. тонн»⁵⁵. Положение со снабжением усугубило неудачи 2-й английской армии под Каном. Разразившийся 19 июня шторм уничтожил большое количество транспорт-

⁵² L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 268.

⁵³ G. A. Harrison. Op. cit., p. 412—413.

⁵⁴ Ibid., p. 414.

⁵⁵ О. Брэдли. Указ. соч., стр. 334.

ных судов и причинил серьезные разрушения искусственным портам. Это еще больше осложнило снабжение высадившихся на плацдарм сил и переброску новых континентов войск. Сухопутные войска в результате шторма недополучили 20 тыс. машин и 140 тыс. т грузов. Только в американской зоне за дни шторма задерживалась выгрузка на берег 83 тыс. солдат⁵⁶. Нехватка боеприпасов, главным образом артиллерийских, заставила командующего 1-й американской армией отложить наступление на Кутанс вновь прибывавшего на плацдарм 8-го корпуса до завершения боев за Шербур.

7-й американский корпус после некоторой перегруппировки сил 17 июня прорвался к побережью у Барнвиля, отрезав Котантенский полуостров. Его 4-я и 79-я дивизии подготовились для последующего наступления на Шербур⁵⁷. В тот же день к ним была присоединена еще 9-я пехотная дивизия и, таким образом, весь корпус перешел в наступление на север, чтобы во взаимодействии с авиацией и флотом овладеть Шербуром.

15 июня участок фронта южнее и восточнее Барнвиля вместе с 82-й воздушнодесантной дивизией, прикрывавшей фланг 7-го корпуса, принял прибывший на плацдарм 8-й американский корпус, в состав которого были переданы 101-я воздушнодесантная и 90-я пехотная дивизии. Командующий 1-й американской армией поставил ему задачу: занять оборону на рубеже, проходившем от Карантана по р. Дув и ее притокам до западного побережья Котантенского полуострова, и создать удобный плацдарм для последующего наступления на юг⁵⁸.

Медленно продвигаясь, 7-й корпус США к 21 июня, отеснив 709, 77-ю и 243-ю немецкие пехотные дивизии, подошел к оборонительным позициям Шербурга. В течение восьми дней он при поддержке артиллерии, военно-морского флота и авиации штурмовал город и 29 июня захватил его. Очистка полуострова Котантен от противника полностью была завершена 1 июля.

Противник успел разрушить сооружения порта, преградить затопленными судами доступы к фарватерам и докам. Американцы сразу же приступили к очистке порта и полностью завершили ее к 21 сентября. Осенью 1944 г. Шербур как порт снабжения американских войск стал занимать второе место после Марселя⁵⁹.

⁵⁶ См. там же.

⁵⁷ G. A. Harrison. Op. cit., p. 415.

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ См. С. Э. Морисон. Указ. соч., стр. 231—232.

Морисон считает, что с захватом Шербурга операция «Нептун» как часть операции «Оверлорд» закончилась. Штурмовые соединения флота были расформированы; та же участь постигла и военно-морские командования. Действительно, высадка на плацдарме войск 21-й группы армий завершилась, но создать предусмотренный планом плацдарм так и не удалось. Борьба союзных армий за стратегический плацдарм продолжалась еще около трех недель.

Когда 1-я американская армия вела бои на Котантенском полуострове, 2-я армия англичан сделала новую попытку обойти г. Кан с востока и запада, нанося главный удар с запада 30-м и вновь прибывшим 8-м корпусом (пять пехотных и одна бронетанковая дивизии), а вспомогательный — 51-й дивизией 1-го корпуса с плацдарма на р. Орн.

25 июня 30-й, а сутки спустя 8-й корпуса перешли в наступление. За три дня они прорвали главную полосу немецкой обороны. В сражение была введена 11-я английская бронетанковая дивизия, которая несколько углубилась в расположение противника. Но ее сил было недостаточно, чтобы тактический успех развить в оперативный. Подошедшие пехотные дивизии помогли ей закрепить захваченный рубеж. Противник 29 июня ввел в районе прорыва части вновь прибывших 9-й и 10-й танковых дивизий СС⁶⁰, и 1 июля наступление английских войск захлебнулось.

Новая попытка 2-й английской армии захватить Кан также не удалась. Но ее наступление помешало немецко-фашистскому командованию отвести из района Кана три танковые дивизии и вместе с вновь подошедшими создать танковую группу для нанесения мощного контрудара. Более того, ее наступление заставило противника ввести в сражение прибывшие в Нормандию части двух танковых дивизий.

Итак, за 20 дней напряженных боев союзные армии смогли расширить плацдарм до 110 км по фронту и 12—40 км в глубину. К тому времени была реорганизована система управления союзными войсками во Франции: в Нормандию прибыл штаб 21-й группы армий (до этого Монтгомери управлял войсками при помощи небольшой оперативной группы), в результате чего она стала более устойчивой и гибкой. Улучшилось и снабжение войск. Союзникам удалось подготовить 23 передовых аэродрома, на которые перебазировалась значительная часть тактической авиации⁶¹.

Тем не менее темп наступления союзных армий в июне значительно отставал от запланированного и не превышал 0,5—1,5 км в сутки. По плану, к этому времени они должны были выйти на рубеж Авранш, Домфрон, Кабур, а в действительности находились на расстоянии 45—80 км от него.

Затяжные действия союзных армий на плацдарме в Нормандии вызвали недовольство общественности в США и Англии. Эйзенхауэр, бывавший на плацдарме только наездами и штаб которого все еще находился в Англии, 25 июня в письме к Брэдли потребовал «ускорить подготовку к наступлению на юг». Аналогичные требования содержались и в письме к Монтгомери. «... Мне кажется, — писал он 7 июля, — что мы должны приложить максимально воз-

⁶⁰ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4005—4008.

⁶¹ L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 305.

можные усилия, чтобы не застыть на мертвой точке». На это Монтгомери ответил, что он считает обстановку вполне благоприятной для осуществления имевшегося уже плана. Свой ответ Монтгомери закончил словами: «В чем вы можете быть уверены, так это в том, что мы не попадем в безвыходное положение»⁶².

В начале июля 1944 г. командующий 21-й группой армий планировал решительное наступление с плацдарма, в результате которого союзные армии должны были в ближайшее время выйти на рубеж Комон, Фужер (75 км южнее Кутанса), Вир (30 км южнее Комона), а в последующем нанести удар на Ле-Ман, Алансон и далее на Париж. 2-я английская армия получила задачу — сковывать основные силы противника на фронте между Каном и Вилле-Бокажем и «как только позволит обстановка, но как можно быстрее, развить наступление с целью захвата г. Кан»⁶³, а затем двигаться к Сене. Американским армиям предстояло нанести удар сначала на юг, а затем на восток, на Ле-Ман, Алансон и далее на Париж. «Я намеревался, — писал Монтгомери, — таким образом перерезать путь отхода из Нормандии через проход между Орлеаном и Парижем и отбросить немецкие войска к Сене, ниже Парижа. Это поставило бы немцев в трудное положение. . .»⁶⁴

Монтгомери считал, что для успешного выполнения плана важно, чтобы «прорыв американских войск, как только он начнется, проводился бы на всю глубину без паузы»⁶⁵. Для наращивания удара предполагалось использовать все имевшиеся ресурсы и резервы, прежде всего 3-ю американскую армию.

Уже в самом замысле операции мы видим отказ союзного командования от наступления ограниченными силами на ряде участков фронта. Оно переходило к решительным и маневренным действиям. Однако сила привычки велика, и она не позволила так легко отрешиться от прежних способов действий. Замыслу операции не вполне соответствовали поставленные задачи и распределение сил и средств. Обе армии предпринимали новое наступление без серьезной перегруппировки и подготовки. 1-я американская армия, наносившая главный удар, наступала на фронте протяженностью около 80 км, а 2-я английская армия, действовавшая на второстепенном направлении, — на фронте не более 50 км. Силы же обеих армий были почти равными.

В 1-й американской армии не была создана такая группировка войск, которая смогла бы прорвать оборону немцев и развить наступление в глубину. Ее части и соединения распределялись почти равномерно по всему фронту и строились в один эшелон. Признавая необходимость наращивания удара из глубины, американско-английское командование не выделило для этого в распоряже-

⁶² Ibid., p. 304.

⁶³ Ibid., p. 309.

⁶⁴ B. L. Montgomery. Op. cit., p. 68.

⁶⁵ Ibid., p. 69.

ние командующего армией даже минимально необходимых сил и средств, считая, что вполне достаточно эшелонирования дивизий в корпусах и тех сил, которые будут доставлены на плацдарм.

Местность не благоприятствовала наступлению 1-й американской армии. Болота, «живые» изгороди, многочисленные ручьи и реки ограничивали массированное применение танковых и моторизованных войск до рубежа Лессей, Перье. Чтобы не терять времени на захват исходного рубежа и перегруппировку войск, Брэдли приказал 8-му корпусу перейти в наступление по торфянистой и болотистой местности в направлении на Лессей и Кутанс. Выход корпуса к Кутансу заставил бы противника отойти из района северо-западнее Сен-Ло, что позволяло 1-й американской армии развить наступление на всем фронте и быстро продвинуться далее на юг к Авраншу, рассматривавшемуся как ворота в Бретань.

Начало наступления 1-й американской армии планировалось на 3 июля, а 2-й английской — на 8 июля.

Немецко-фашистское командование придавало важное значение удержанию Кана и Сен-Ло — крупнейших узлов дорог Нормандии, через которые шли кратчайшие пути от плацдарма к Парижу. Оно считало, что развитие наступления английских войск от Кана на Париж могло привести к расчленению группы армий «Б» на две части, а 7-я немецкая армия и танковая группа «Запад» потеряли бы связь с 15-й армией и могли попасть в окружение. К тому времени уже все дивизии танковой группы «Запад» и 7-й армии были втянуты в бой; оперативных резервов они не имели, лишь из Южной Франции спешно подтягивались две пехотные дивизии⁶⁶. В трудное положение могла попасть находившаяся южнее Луары группа армий «Г». Однако немецко-фашистское командование все еще надеялось, что ему удастся организовать мощный контрудар и ликвидировать плацдарм, для чего оно стало подтягивать свежие войска из других районов Западной Европы. Оно отдавало себе отчет в том, что во Франции не было подготовлено ни одного оборонительного рубежа и войскам пришлось бы отходить к границам Германии, на позицию «Зигфрида», уже не представляющую большой оборонительной ценности. Отход немецких войск проводился бы в условиях враждебного отношения местного населения, поднявшегося на борьбу против оккупантов, что привело бы к серьезному увеличению их потерь. Наконец, их отступление означало переход противников к маневренным действиям, которые поставили бы немцев в весьма тяжелое положение, ибо англо-американские войска имели большие преимущества в оснащении и подвижности⁶⁷.

1 июля в 17 час. 40 мин. Рундштедт получил указание ОКВ: «Удерживать занимаемые позиции. Упорной обороной и частыми контратаками не допустить прорыва противника. Продолжать сосредоточение подвижных соединений, сменяя их на фронте пе-

⁶⁶ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, л. 4006.

⁶⁷ М. Blumenson. The Duel for France 1944. Boston, 1963, p. 8—10.

хотными дивизиями по мере их прибытия»⁶⁸. Как наиболее удобный исходный район для нанесения удара по флангу союзных войск, которые продвинулись с плацдарма на юг, рассматривался Кан. Здесь у немцев образовалась сильная группировка, в состав которой входило до семи танковых дивизий.

Немецко-фашистские войска, используя выгодную для обороны местность Нормандии, вели ожесточенные бои подразделениями пехоты, тесно взаимодействовавшими с мелкими группами танков, используемых главным образом для борьбы против неприятельских танков из укрытий. Контратаки, как правило, проводились ночью или в плохую погоду, чтобы ограничить противодействие союзной авиации.

В начале июля сменились почти все командующие немецкими войсками в Нормандии. Командир 84-го корпуса генерал Маркс был убит во время воздушной бомбардировки, его место занял генерал-лейтенант Дитрих Холтиц. Вместо умершего от разрыва сердца генерал-полковника Дольмана командующим 7-й армией был назначен любимец Гиммлера эсэсовец генерал-полковник Пауль Хауссер. 68-летний Рундштедт, которому Гитлер устроил разнос за неудачи в Нормандии, больше уже не находил сил оставаться на своем посту. По предложению Кейтеля Гитлер заменил его 3 июля фельдмаршалом Клюге, до того командовавшим группой армий на Восточном фронте. На следующий день фанатик-фашист генерал танковых войск Генрих Эбербах стал командующим танковой группой «Запад». Все они, как и Роммель, изъявили полную готовность выполнить приказ фюрера по организации обороны в Нормандии⁶⁹. Гитлер возлагал на них большие надежды.

3 июля 1-я американская армия перешла в наступление, которое получило известность как «сражение в «живых» изгородях». Непрерывные дожди, кроме того, что они лишали американские войска авиационной поддержки, превратили местность в еще более труднопроходимую. Медленно продвигался вперед 8-й корпус. На следующий день начала атаковать одна дивизия 7-го корпуса, затем в сражении постепенно вводились другие его дивизии. В полосах обоих корпусов бои приняли затяжной характер. 7-го июня стал наступать в направлении на Сен-Ло 19-й американский корпус.

Войска 84-го армейского корпуса, превратившие все высоты и селения в пункты и узлы обороны, оказали упорное сопротивление. Немецко-фашистское командование вскоре после перехода американцев в наступление начало перебрасывать на левое крыло своей 7-й армии части двух танковых дивизий из-под Кана⁷⁰ и с хода вводить их в бой. Это еще больше снизило темпы продвижения американских войск. За семь дней они прошли всего 4—8 км, но не прорвали оборону 84-го немецкого корпуса. В этих боях только

⁶⁸ L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 321.

⁶⁹ M. Blumenson. Op. cit., p. 10—11, 420—421.

⁷⁰ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. № 4014.

8-й американский корпус потерял более 10 тыс. солдат и офицеров⁷¹, а Кутанс все казался таким же недостижимым, как и Берлин.

8 июля перешла в наступление 2-я английская армия. Этому наступлению предшествовала мощная авиационная и артиллерийская подготовка (в последней участвовала и корабельная артиллерия). Накануне вечером тяжелые английские бомбардировщики в течение 40 минут сбросили 2363 т бомб на район размером 3,5 на 1,5 км в северной части Кана⁷². Немецко-фашистские войска оставили ее и отошли за р. Орн. Шесть часов спустя после окончания бомбардировки, на рассвете 8 июля, перешли в наступление на город 1-й английский корпус с севера и одна дивизия 8-го корпуса с запада. К исходу 9 июля они заняли северную часть города и подошли к р. Орн, мосты через которую были взорваны или повреждены. Здесь англичане остановились.

В связи с тем, что противник смог быстро подтянуть пополнения и перебросить Учебную танковую дивизию в полосу наступления 1-й американской армии, возникла неотложная задача: 2-й английской армии перейти к активным действиям и тем самым не позволить противнику снимать в дальнейшем дивизии из-под Кана и направлять их против американских войск. 10 июля Монтгомери, обсудив с Брэдли и Демпси создавшуюся обстановку, издал директиву, согласно которой общий замысел дальнейших действий оставался прежним — сковать основные силы немцев и нанести им поражение на восточном крыле, чтобы облегчить действия американцев на западном крыле. В директиве далее указывалось, что, захватив Кан, английские войска должны развить наступление в глубину и в сторону флангов, а на правом фланге наступать в южном направлении. По мере развития успеха на юг армия должна иметь «возможность предпринять наступление крупными силами танков в районе между Каном и Фалезом». 1-я американская армия в то же время должна быстро продвигаться в южном направлении и после выхода в район Авранша повернуть на запад, в Бретань (одним корпусом), а главными силами развивать наступление на восток, последовательно овладевая рубежами Лаваль, Майенн и Ле-Ман, Алансон⁷³.

Таким образом, Монтгомери стремился, согласовав действия обеих армий по времени и месту, развить наступление, прорвать оборону противника и затем развернуть маневренные действия во Франции. Но и на этот раз его постигла неудача.

С 11 по 18 июля, равномерно и медленно отгесняя части 84-го и 2-го парашютного немецких корпусов, 1-я американская армия подошла к рубежу Лессей, Перье, а 19 июля 7-й американский корпус захватил г. Сен-Лю. За 17 дней боев в «живых» изгородах

⁷¹ *M. Blumenson. Op. cit., p. 49.*

⁷² *Д. Ричардс, Х. Сондерс. Военно-воздушные силы Великобритании во второй мировой войне 1939—1945 гг. М., 1963, стр. 529.*

⁷³ *L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 327—328.*

армия потеряла 40 тыс. солдат и офицеров⁷⁴ и продвинулась примерно на 11 км. На 43-й день вторжения она вышла на тот рубеж, который по плану ей надлежало занять на 10-й день.

2-я английская армия силами двух корпусов предприняла наступление западнее г. Кан, но немцы, узнав о его подготовке, усилили свою оборону на этом направлении, доведя ее оперативную плотность до одной дивизии на 4,5 км фронта. За девять дней, с 10 по 18 июля, английские войска продвинулись всего на 1—3 км, а затем контратакой противника были отброшены в исходное положение.

После неудачи и этого наступления Монтгомери решил нанести удар из района восточнее Кана, где по его приказу был сосредоточен 8-й корпус (три бронетанковые дивизии, в том числе две только прибыли из Англии). Наступление корпуса поддерживали 1570 тяжелых и 349 средних бомбардировщиков английской и американской авиации, сбросивших на пригород Кана пос. Коломбель 7700 т бомб, и корабельная артиллерия из Сенской бухты. Самолеты сбрасывали осколочные бомбы перед фронтом своих войск, а фугасные — на флангах и на опорные пункты в глубине немецкой обороны. Такой способ бомбардировки применялся для того, чтобы не создавать препятствий в полосах наступления бронетанковых дивизий⁷⁵. Бомбардировка длилась два часа: сначала ее вели тяжелые бомбардировщики, затем средние. Это был «наиболее мощный бомбардировочный удар, который когда-либо предпринимался для поддержки наземных войск»⁷⁶.

Немецкое командование, зная о подготовке наступления и учитывая опыт боев за Кан, расположило главные силы своих войск на заранее подготовленном рубеже в 10—12 км от переднего края обороны. Туда же были подтянуты три танковые дивизии, готовившиеся к контрудару. Союзная авиация, таким образом, сбросила основную массу бомб на передовые немецкие позиции, занимаемые небольшими силами. Бронетанковые дивизии 8-го английского корпуса в течение 18 и 19 июля захватили эти позиции и на третий день подошли к главному рубежу обороны, где и были остановлены главными силами 1-го и 2-го немецких танковых корпусов. 2-й канадский корпус занял южную часть г. Кан. За три дня боев участвовавшие в них войска потеряли 3600 солдат и офицеров и 469 танков⁷⁷. Успехи наступления были довольно скромными. Аджютант Эйзенхауэра капитан Батчер 20 июля записал в дневнике: «Вчера Айк (Эйзенхауэр. — В. К.) заметил, что, сбросив на врага около 7000 тонн бомб, мы продвинулись на 7 миль. Можем ли мы позволить себе тратить по тысяче тонн бомб на каждую милю?

⁷⁴ М. Blumenson. Op. cit., p. 63.

⁷⁵ См. Д. Ричардс, Х. Сондерс. Указ. соч., стр. 530.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ М. Blumenson. Op. cit., p. 70.

Авиаторы чрезвычайно недовольны отсутствием успехов сухопутных войск ⁷⁸.

Так закончилась длительная борьба английских войск за г. Кан. 2-я армия в результате 44-дневного наступления продвинулась немного дальше того рубежа, который был ей определен планом на конец первого дня вторжения.

В результате боевых действий в Нормандии союзные армии к 20 июля 1944 г. углубили плацдарм до 30—50 км. Они овладели важнейшими узлами коммуникаций в Нормандии — Сен-Ло и Кан, а также крупным портом Шербур. Создались благоприятные условия для развертывания сил с целью дальнейшего наступления в Северной Франции.

Боевые действия в борьбе за плацдарм в Нормандии характерны следующими основными моментами.

Захват и расширение плацдарма на морском побережье с целью открытия нового фронта вооруженной борьбы представляли собой операцию стратегического значения, проводившуюся совместными усилиями сухопутных войск, военно-морских и военно-десантных сил. Одним из важнейших условий успеха в первом ее периоде (высадка и захват оперативного плацдарма) явилось достижение союзными армиями внезапности. Это позволило им в первые дни операции обеспечить превосходство в силах, особенно в огневой мощи, в районе высадки и в короткий срок (за пять дней) объединить отдельные плацдармы в один крупный, что облегчило последующие действия.

В период расширения плацдарма важнейшее значение приобрело решение проблемы быстрого накопления сил на захваченной территории и противодействие подходу оперативных резервов противника. Союзное командование не смогло полностью решить эту проблему. Несмотря на отсутствие противодействия на море и в воздухе, приток новых сил и средств на плацдарм был меньше запланированного. Не смогло оно также, даже при наличии мощной стратегической и тактической авиации и помощи со стороны сил Сопротивления, оказать эффективное противодействие подходу немецких резервов.

Нужно отметить, что немецко-фашистское командование сделало ряд серьезных ошибок, сыгравших на руку противнику. Оно не сумело определить ни направление его главного удара, ни время предпринимаемых действий и поэтому не решилось использовать в Нормандии находившиеся поблизости крупные силы 15-й немецкой армии, а перебрасывало резервы издалека. Это привело к тому, что силы обеих сторон в районе плацдарма нарастали одновременно, что обусловило затяжной характер боев за расширение плацдарма. Исключительно большое значение имело и то, что мощное наступление Красной Армии летом 1944 г. не позволило немецко-фашистскому командованию перебросить в Западную Европу новые силы

⁷⁸ *H. C. Butcher. My Three Years with Eisenhower. New York, 1946, p. 617.*

за счет стратегических резервов и ослабления войск на советско-германском фронте.

Расширение плацдарма, помимо повышения его оперативной емкости, преследовало очень важную цель — овладение крупными портами. Лишь после захвата п-ова Котантен и восстановления порта Шербур американское командование смогло обеспечить нанесение удара на Париж. Порты на побережье Нормандии были весьма уязвимы, немецко-фашистское командование не смогло воспользоваться этим, так как имевшаяся во Франции немецкая авиация по своим силам была не способна решить такую задачу.

В период объединения тактических плацдармов высадившиеся дивизии вели разрозненные бои, стремясь соединиться с соседями и создать общий плацдарм. При расширении оперативного плацдарма и превращении его в стратегический союзные войска вели боевые действия последовательно или одновременно на ряде участков фронта. Поскольку силы сторон были примерно одинаковы, а ударные группировки не создавались, наступление приводило к медленному оттеснению противника на новые позиции. Затяжные бои изматывали силы обеих сторон⁷⁹. Так как на театре военных действий союзники обладали значительным превосходством в силах и средствах, они восполняли свои потери и наращивали силы на плацдарме. Силы же немцев истощались. После того как к началу июля плацдарм был расширен, союзное командование пыталось провести две армейские наступательные операции с решительной целью разгромить вражескую группировку и выйти к Парижу. Однако из-за плохой подготовки намеченная цель не была достигнута.

Союзные армии в период борьбы за плацдарм приобрели боевой опыт. Они освоились с особенностями действий противника, сухопутные войска избавились от танкобоязни, научились преодолевать заграждения и препятствия под огнем противника, отражать контратаки, сочетать огонь и движение в наступательном бою, организовывать и поддерживать взаимодействие пехоты и артиллерии с танками. Хуже обстояло дело со взаимодействием авиации, особенно стратегической, с сухопутными войсками.

⁷⁹ Американский историк Ф. С. Погью пишет, что «потери противника за период с 6 июня по 23 июля были примерно такими же, как и у союзников». Он считает, что немцы потеряли за этот период 116 863 человека, англичане и канадцы — 49 тыс., американцы — около 73 тыс., а всего около 122 тыс. человек. За это время противник получил пополнение только в количестве около 10 тыс. солдат и офицеров (Ф. С. Погью. Верховное командование. М., 1959, стр. 208, 211).

Борьба за Францию

Национальное восстание

Во время сражения союзных армий на плацдарме в Нормандии им, как уже отмечалось, большую помощь оказывали силы движения Сопротивления. Борьба французского народа против немецко-фашистских оккупантов и их вишистских пособников летом 1944 г. приняла самый широкий размах. Она переросла в национальное восстание и приобрела самостоятельное значение для освобождения Франции.

Национальное восстание было подготовлено коммунистической партией, руководством движения Сопротивления и всем ходом событий, развернувшихся внутри страны и за ее пределами в период второй мировой войны.

После вторжения союзных армий в Нормандию ЦК ФКП опубликовал воззвание, в котором призывал французский народ усилить борьбу за освобождение своей страны и установление в ней демократических порядков. В воззвании разъяснялось, что освобождение народа Франции немыслимо без национального восстания. Центральный Комитет резко осуждал выжидательную тактику, проводившуюся буржуазными партиями. «Священный долг всех патриотов, в первую очередь коммунистов, — подчеркивал он, — объединяться, вооружаться, сражаться, с тем чтобы как можно скорее вовлечь всю Францию в беспощадную борьбу против захватчиков и предателей и приблизить тем самым час победы»¹.

В то время как коммунисты призывали народ к восстанию, некоторые буржуазные партии, участвовавшие в движении Сопротивления, и верховное командование союзными вооруженными силами прилагали немало усилий, чтобы не допустить его. Такой же позиции придерживались и правые социалисты. Однако политика тех и других встретила резкий отпор со стороны патриотов. Трудящиеся Франции все больше усиливали борьбу за освобождение своей страны. Массовые забастовки, охватившие в мае 1944 г. важнейшие центры Франции, в начале июня переросли в народное восстание

¹ «L'Humanité», 15.VI 1944.

против немецко-фашистских оккупантов и вишистов. «После 6 июня, — писал М. Торез, — мы стали свидетелями массовых восстаний от Бретани до Альп и от Пиренеев до Юры. Целые департаменты освобождались собственными силами. Это было в подлинном смысле слова всенародное восстание»².

Отряды движения Сопротивления и восставшие трудящиеся освободили многие города, в том числе такие, как Лион и Тулуза, очистили от врага значительную часть территории к югу от Луары и к западу от Роны. К середине августа 1944 г. оккупанты были изгнаны из 18 департаментов этого района, а также со всей территории от Западных Альп до итальянской и швейцарской границ.

Кульминационным пунктом борьбы французского народа за освобождение своей родины явилось восстание в Париже, начавшееся 19 августа.

Немецкое верховное главнокомандование предпринимало решительные меры, чтобы удержать в своих руках столицу Франции. После оставления Нормандии Гитлер считал возможным создание новой обороны по линии рек Сомма, Марна, Сона и отдал распоряжение военному губернатору во Франции Ф. К. Кицингеру немедленно приступить к оборудованию нового оборонительного рубежа, получившего название линия «Кицингера».

В новой оборонительной системе Парижу отводилась роль передового форта на пути продвижения войск противника за Сену. Гитлер назначил комендантом «Большого Парижа» бывшего командира 84-го корпуса генерала Холтица и приказал ему любой ценой удерживать город, создать круговую оборону и подготовить к взрыву наиболее важные здания и все мосты через Сену. Немецкий гарнизон Парижа насчитывал тогда около 20 тыс. солдат и офицеров и делился на войска, оборонявшиеся на внешнем обводе (около 15 тыс. человек), и войска, оборонявшиеся в самом городе (около 5 тыс. человек, 50 артиллерийских орудий и 60 самолетов)³.

К началу восстания в Париже войска 3-й американской армии находились в 20—50 км от города. На их пути не было немецко-фашистских войск, способных оказать серьезное сопротивление. Тем не менее по приказу Эйзенхауэра 3-я армия не торопилась в столицу на помощь восставшим. План союзного верховного командования предусматривал лишь окружение и блокаду Парижа. Генерал О. Брэдли, войска которого стояли на подступах к городу, говорил в те дни: «... Мы сначала возьмем Париж в клещи, а затем вступим на его улицы, когда нам заблагорассудится... Я могу признаться, что мы отнюдь не рвемся освободить Париж именно сейчас, хотя я прошу вас не передавать мои слова французам»⁴.

Американский военный историк М. Блуменсон указывает на три причины такого поведения союзного главнокомандования. Во-

² М. Торез. Сын народа. М., 1960, стр 175—176.

³ М. Blumensohn. The Duel for France 1944. Boston, 1963, p. 330—331.

⁴ О. Брэдли. Записки солдата. М., 1957, стр. 416.

первых, оно не хотело ввязываться в затяжные бои за большой город, для чего потребовались бы большие силы и средства. Оно считало такие действия ненужными, так как надеялось, что немецкий гарнизон, блокированный в городе с населением в 2 млн. человек, долго не сможет продержаться. Во-вторых, оно знало, что после освобождения городу придется подвозить ежедневно 4 тыс. т предметов снабжения. В условиях, когда коммуникации союзных армий растянулись и снабжать продвигавшиеся к Сене и Парижу армии становилось все труднее, органы службы снабжения не хотели брать на себя такую обузу. В-третьих, у Эйзенхауэра еще не было полной ясности, какие власти поддерживать — вишистские или Комитет национального освобождения, возглавлявшийся де Голлем⁵. Он понимал, что введение 2-й французской бронетанковой дивизии в город и установление контакта с руководством движения Сопротивления означали бы полную поддержку де Голля. Брэдли ограничивается лишь замечанием, что «было бы хорошо, если бы Париж потуже затянул свой пояс и пожил с немцами еще немного... Несмотря на угрозу голода в Париже, я твердо решил не отступать от намеченного плана...», но мы не приняли в расчет нетерпения парижан...»⁶

Между тем волнения в Париже нарастали с каждым днем. 14 июня в связи с национальным праздником — Днем взятия Бастилии — Национальный фронт опубликовал обращение, в котором в качестве ближайшей задачи поставил организацию всеобщей забастовки и всемерное усиление вооруженной борьбы. Национальный фронт призывал патриотов вступать в ряды франтиреров и партизан, саботировать распоряжения врага, нападать на его транспорт, разрушать средства связи, захватывать склады с оружием и продовольствием. «Час освобождения пробил! Судьба родины находится в руках 40 млн. французов!»⁷ — такими словами заканчивалось обращение. И в тот же день 45 тыс. парижан вышли на улицы города⁸. Это была необычная демонстрация. Впервые колонны демонстрантов шли под охраной внутренних вооруженных сил. 16 июля забастовали железнодорожники Парижа. Их поддерживали рабочие в других районах Франции. Несмотря на то что оккупанты и их прислужники арестовали многих бастовавших рабочих, борьба трудящихся не прекращалась; наоборот, она продолжала усиливаться. 10 августа по призыву компартии прекратили работу железнодорожники почти всего парижского узла. К ним присоединились работники связи⁹.

⁵ *M. Blumenson. Op. cit., p. 329—330.*

⁶ *О. Брэдли. Указ. соч., стр. 417.*

⁷ *P. Bourget, Ch. Lacretelle. Sur les murs de Paris 1940—1944. Paris, 1959, p. 169.*

⁸ *J. Hugonnot. Les journées d'août 1944 à Paris. — «Cahiers Internationaux de la Résistance», 1961, № 5, p. 36.*

⁹ «*L'insurrection parisienne 19 août—26 août 1944*». Paris, p. 10. *M. Blumenson. Op. cit., p. 339, 341.*

Основными силами, которые могли составить ядро восставшего населения Парижа, были вооруженные силы движения Сопротивления Парижского района (к 15 августа они насчитывали свыше 35 500 человек), к которым примыкала забастовавшая полиция, насчитывавшая около 50 тыс. человек. По численности они значительно превосходили немецкий гарнизон, но уступали ему по вооружению.

В последнем подпольном номере газеты «Юманите», вышедшем 15 августа, была опубликована статья секретаря ЦК ФКП Ж. Дюкло «Битва за Париж». Напомнив о героической борьбе французских патриотов против фашистских захватчиков и вишистов, а также о революционных традициях парижского пролетариата, он указал, что настало время битвы за столицу Франции. «... Париж снова покажет, что он верен своим традициям, — писал Дюкло. — Париж будет главным кузнецом своего освобождения...» Статья коротко излагала задачи партизан, франтиреров, полиции Парижского района. Она заканчивалась горячим призывом: «Парижане и парижанки, молодые и старые, все на бой, участвуйте в нем всеми средствами, чтобы в нашей великой столице, в сердце Франции вспыхнула всеобщая забастовка — народное восстание. Это поможет нам в минимальный срок выиграть битву за Париж и приблизить час полного освобождения нашей отчизны»¹⁰.

18 августа Всеобщая конфедерация труда, а также Парижский комитет освобождения призвали всех рабочих поднять восстание. С подобным же воззванием обратилась к трудящимся группа депутатов-коммунистов, избранных в последнее предвоенное национальное собрание от Парижского района.

19 августа началось восстание. Восставшие занимали мэрии, общественные здания. В руках патриотов оказались здания полицейской префектуры и городской ратуши. Молодежные отряды атаковывали немецко-фашистские войска, захватывали оружие.

Во второй половине дня столкновения повстанцев с оккупантами происходили на многих улицах города. К концу дня восставшие полностью контролировали 43 из 80 кварталов Парижа. Гитлеровцы сосредоточились в некоторых важных в военном отношении пунктах, но противодействовать начавшемуся восстанию уже не могли. На следующий день оно охватило весь Париж и его пригороды, за исключением западного сектора города, где среди населения преобладала буржуазия.

Холтиц не был уверен, что ему удастся удержать Париж в условиях начавшегося восстания в городе и наступления союзников извне. Об этом он откровенно сообщил командующему группой армий «Б» фельдмаршалу Моделю, а последний — в ОКВ¹¹. После обсуждения обстановки ставкой немецкого верховного командования Йодль 20 августа направил Моделю приказ, в котором отмечалось, что оборона Парижа имеет «решающее военное и поли-

¹⁰ Ж. Дюкло. Избранные произведения, т. 1. М., 1959, стр. 345, 347.

¹¹ М. Витменсон. Op. cit., p. 336.

тическое значение». Обращалось внимание также на то, что оставление Парижа будет означать потерю всей Франции, ликвидацию немецкого фронта на морском побережье к северу от Сены и снятие ракетных установок, нацеленных против английских городов. Поэтому Гитлер требовал от гарнизона Парижа во что бы то ни стало удержать оборонительные зоны западнее и южнее города, а внутри него самыми жестокими мерами подавлять любые антифашистские выступления населения, не останавливаясь перед публичной казнью его руководителей. В приказе вновь напоминалось требование подготовить к взрыву все мосты через Сену, а в заключение подчеркивалось, что в случае отступления немецкие войска должны оставить после себя сплошные развалины¹².

Но Холтиц не располагал ни силами, ни средствами, чтобы подготовить к взрыву мосты и важнейшие здания и подавить восстание, которое ширилось с каждым днем. Патриоты построили баррикады не только в городе, но и на основных магистралях, ведущих к нему.

Реакционные круги Франции, не желавшие победы восстания в Париже, возлагали большие надежды на быстрый захват города американскими войсками и на ввод в столицу 2-й французской танковой дивизии под командованием генерала Ф. Леклерка, действовавшей в составе 1-й американской армии. Эта дивизия, сформированная Комитетом национального освобождения, была укомплектована в основном деголлевцами. Главный представитель де Голля при национальном штабе сил Сопротивления в Париже генерал Ж. Шабан-Дельмас предложил обратиться к союзникам, войска которых в начале августа прорвались с плацдарма и окружили крупную группировку немцев в районе Фалеза, с ходатайством о срочном вводе их войск в город¹³.

Генерал Леклерк возражал против включения его дивизии в 15-й американский корпус и требовал направить ее в Париж. И хотя американцы, еще не решившие поддерживать ФКНО, отказали ему в этом, он продолжал настаивать на своем.

21 августа вечером Леклерк по собственной инициативе снарядил небольшой отряд (около 150 человек) с танками и бронетранспортерами и послал его в направлении Версаля с задачей установить соприкосновение с противником и войти в Париж, если противник отступит. Но американское командование настойчиво проводило свой план, и французская дивизия оставалась под Аржантаном.

Леклерка поддерживал де Голль. 21 августа он направил Эйзенхауэру письмо, в котором выразил опасение, что «в столице могут возникнуть серьезные беспорядки», и предлагал «как можно скорее занять Париж французскими и союзными войсками, даже если это будет связано с боями и некоторыми разрушениями в самом го-

¹² *M. Blumenson. Op. cit., p. 337.*

¹³ *Ibid., p. 339, 341.*

роде»¹⁴. Он требовал, чтобы генерал Эйзенхауэр нацелил 2-ю французскую дивизию на Париж, а Леклерку дал указание направить хотя бы один отряд к столице. Одновременно через шведского консула в Париже Р. Нордлинга велись переговоры с командованием немецко-фашистских войск в Париже о перемирии и передаче города в руки англо-американского командования.

К вечеру 22 августа повстанцы освободили 70 кварталов столицы. Все попытки оккупантов вырвать инициативу из рук восставших оказались безуспешными. Германское командование не могло уже помочь своему гарнизону извне. Тогда Холтиц послал в штаб Брэдли телеграмму о том, что немецкий гарнизон капитулирует, если в город вступят регулярные войска союзников и подойдут к его штабу¹⁵.

Под влиянием восстания, настойчивых требований де Голля, которого поддерживали англичане, Эйзенхауэр вынужден был 22 августа обсудить создавшееся положение с Брэдли и пересмотреть план захвата Парижа. Сразу же после совещания Брэдли отдал приказ снять с фронта и направить в Париж 2-ю французскую бронетанковую, а вслед за ней и 4-ю американскую дивизию¹⁶.

На следующий день обе дивизии подошли к Парижу и атаковали немецкие войска на внешнем обводе. Первоначально французская дивизия не имела успеха и понесла серьезные потери. Но к вечеру ее отдельные подразделения прорвали немецкую оборону и вступили в город.

23 и 24 августа основные силы немецко-фашистских войск в городе были разгромлены, а остатки их блокированы в здании сената, Военной школе, отеле «Мажестик», на Елисейских полях, в казармах принца Евгения и на площади Республики. 25 августа утром начался штурм этих пунктов, завершившийся полной победой восставших. В нем участвовали и танки небольшого отряда из дивизии генерала Леклерка. Вечером немецко-фашистские захватчики сдались. Капитуляцию их вместе с генералом Леклерком принимал начальник штаба боевых организаций Парижского района коммунист полковник А. Роль-Танги. Этот факт свидетельствовал о решающей роли восстания и повстанцев в освобождении Парижа. В день победоносного завершения восстания в освобожденную от оккупантов столицу Франции прибыл де Голль.

Введя в Париж войска, союзное командование и де Голль стали делать все для укрепления власти Комитета национального освобождения. «... Генерал де Голль, — пишет в своих мемуарах Эйзенхауэр, — сообщил мне о некоторых своих заботах и затруднениях. Быстрое установление его власти и охрана порядка представляли собой важную задачу, потому что жизнь города была дезорганизована. Он просил на некоторое время предоставить в его распоряжение две

¹⁴ Ш. де Голль. Военные мемуары, т. 2, М., 1960, стр. 850.

¹⁵ M. Blumenson. Op. cit., p. 342.

¹⁶ Ibid., p. 344—347.

американские дивизии для того, чтобы использовать их, как он сказал, для демонстрации силы и упрочения его положения... Я понимал трудности де Голля, и, поскольку у меня не было свободных дивизий, которые можно было бы временно оставить в Париже, я обещал ему, что две наши дивизии, двигаясь к фронту, пройдут по главным магистралям города. Я предложил, чтобы эти дивизии прошли через Париж церемониальным маршем, и просил его (де Голля. — *В. К.*) принять парад»¹⁷.

29 августа Эйзенхауэр направил Брэдли просьбу де Голля оставить 2-ю французскую бронетанковую дивизию в Париже до подхода туда других войск с юга. Брэдли согласился с этой просьбой, и дивизия была оставлена в освобожденной восставшим населением столице. После установления в городе «порядка и спокойствия» она 8 сентября возвратилась на фронт¹⁸.

Наличие в стране мощного движения Сопротивления сильно беспокоило французские власти. Де Голль еще 28 августа подписал декрет о роспуске сил этого движения, а также Комиссии военных действий и национального штаба вооруженных сил движения Сопротивления. Созданные народом и закаленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков войска, которые к тому времени насчитывали свыше 500 тыс. патриотов, подлежали разоружению. Интересы же дальнейшего ведения войны требовали организации на их основе миллионной армии.

Прогрессивные силы и в первую очередь коммунистическая партия с негодованием встретили этот декрет, и де Голлю не удалось полностью провести его в жизнь. Движение Сопротивления существовало до полного освобождения Франции. До конца сентября его отряды прикрывали франко-итальянскую и франко-испанскую границы и принимали участие в блокаде вражеских гарнизонов в укрепленных портах на западном побережье страны.

Наступление союзных армий к Луаре и Сене. Прорыв немецкой обороны

В то время, когда союзные войска сражались на плацдарме в Нормандии, Красная Армия осуществила ряд операций большого размаха, в результате которых отбросила противника с Карельского перешейка, наголову разбила гитлеровских захватчиков в Белоруссии, освободила часть Польши, подошла к границам Восточной Пруссии, начала бои за освобождение Советской Прибалтики и, громя врага западнее Львова, приближалась к Карпатам.

Успехи Красной Армии по-разному воспринимались в США и Англии, они вызывали восторженные отклики в обеих странах и энтузиазм народных масс, а также растущую тревогу правящих кру-

¹⁷ *D. D. Eisenhower. Crusade in Europe. New York, 1948, p. 297, 298.*

¹⁸ *См. Ф. С. Логью. Верховное командование. М., 1959, стр. 262.*

гов. Настойчиво стали раздаваться голоса, требовавшие от союзных войск решительных действий во Франции. Как отражение возникших настроений в печати появились статьи, в которых резко критиковались стратегия и тактика союзного командования. Измерениями пути, пройденного советскими войсками за июнь—июль 1944 г., и расстояния, оставшегося до Берлина, занимались комментаторы по военным вопросам многих газет и журналов США и Англии. Наступательные действия союзных армий в начале и середине июля они встретили восторженно и предсказывали им безусловный успех, во всяком случае не меньший, чем Красной Армии. Однако к концу месяца тон газет существенным образом изменился: на их страницах стал господствовать пессимизм. Лондонская «Таймс» разочарованно сообщала, что слово «прорыв», которое встречалось ранее в корреспонденциях, полученных из Нормандии, для обозначения предпринятого в районе Кана наступления было употреблено неправильно. «Возможно, что вокруг начавшегося наступления было поднято слишком много шумихи». И тут же давала совет: «Всегда лучше поднимать шум только после того, как полный успех достигнут»¹⁹. Этой газете вторила «Нью-Йорк геральд трибюн»: «Союзники во Франции увязли на всем фронте», «Критики утврждают, что американцы и англичане очутились в тисках сверхосторожности»²⁰.

Недовольные действиями американских и особенно английских сухопутных войск были и в штабах союзных военно-воздушных сил в Европе. Заместитель верховного командующего союзными экспедиционными силами главный маршал авиации Теддер 23 июля представил Эйзенхауэру записку, копии которой были направлены начальнику штаба и министру военно-воздушных сил Великобритании. Он писал, что размах действий английских войск в районе Кана и их результаты совершенно не соответствуют действиям и результатам, предусмотренным планом, что не позволяет создать сеть аэродромов на континенте и перебазировать туда тактическую авиацию. Поскольку Теддер не усматривал серьезного изменения характера военных действий в случае наступления, намеченного Монтгомери, он требовал, чтобы Эйзенхауэр со своим оперативным штабом переправился в Нормандию и взял на себя командование союзными сухопутными силами²¹. Эйзенхауэр не принял предложения своего заместителя, но появление такого документа свидетельствует о том, что в штабе союзных войск оперативное руководство Монтгомери оценивалось не столь высоко, как это сделал он сам в своих мемуарах²².

¹⁹ «Times», 19, 22, 25.VII 1944.

²⁰ «New York Herald Tribune», 25.VII 1944.

²¹ L. F. Ellis et al. Victory in the West, v. 1. London, 1962, p. 355.

²² «The Memoirs of Field-Marshal the Viscount Montgomery of Alamein». London, 1958, p. 262.

Дальнейшая задержка союзных армий на плацдарме могла привести к ухудшению оперативной обстановки в Северо-Западной Франции. Гитлеровское командование могло в конце концов решиться на то, чтобы бросить часть сил 15-й армии в Нормандию.

Все расчеты союзного командования на возможность отхода немецко-фашистских войск из Франции, что могло создать условия для действий, предусмотренных планом «Рэнкин», также рухнули. 20 июля группа Герделера—Бека предприняла безуспешную попытку убрать Гитлера и его клику. Взрывом бомбы, подложенной заговорщиками, Гитлер был лишь легко контужен, а спустя два часа он уже встречал выкраденных из Италии Муссолини и Грациани²³. Союзники могли очистить от немецко-фашистских войск Западную Европу, только применив силу.

20 июля Эйзенхауэр посетил штаб Монтгомери. Английский историк Эллис пишет, что никаких записей об этом посещении не осталось²⁴. Из дневника адъютанта Эйзенхауэра капитана Батчера мы узнаем, что его шеф был весьма озабочен тем, что плохая погода ограничивает использование авиации и не позволяет немедленно возобновить наступление в более широких масштабах. 22 июля было проведено совещание у Эйзенхауэра. Батчер пишет, что «оно подвело итоги беседы Айка с Монти (Монтгомери. — *В. К.*) в четверг (20 июля. — *В. К.*). Главной темой было обсуждение сложившейся обстановки, которая диктовала, чтобы Монти ринулся вперед со всевозможными силами и рвением. В дополнение к чисто военным соображениям этого требовала и политическая ситуация момента. Домашний фронт обеих стран (Англии и США. — *В. К.*), естественно, раздражен и проявляет нетерпение, ибо там видят большие успехи в России»²⁵. На совещании был пересмотрен, правда, незначительно, общий план действий в Нормандии и решен вопрос об использовании бронетанковых дивизий для развития прорыва и увеличения темпов продвижения.

Еще накануне Эйзенхауэр направил письмо Монтгомери, в котором соглашался с мнением командующего 21-й группой армий, что союзные войска в Нормандии так естественны и так хорошо расположены, что имеют возможность «атаковать немцев сильно и непрерывно» до полного достижения своих целей, но при этом указал на несоответствие между обещаниями Монтгомери и выполнением их. Он потребовал, чтобы 2-я английская и 1-я американская армии перешли в наступление в направлении на Фалез, разгромили противостоящие немецко-фашистские войска²⁶.

²³ *A. Dulles. Germany's Underground. New York, 1947, p. 9, 187—188.*

²⁴ *L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 354.*

²⁵ *H. Butcher. My Three Years with Eisenhower. New York, 1946, p. 619.*

²⁶ *L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 354; M. Blumenson. Op. cit., p. 71.*

Такое требование диктовалось, с одной стороны, условиями обстановки в Западной Европе, а с другой — реакцией Эйзенхауэра на недовольство влиятельных кругов в обеих странах и в его штабе действиями союзных вооруженных сил в Нормандии.

Особенности предпринимавшихся наступательных действий союзных армий в Нормандии определялись следующими основными условиями. Во-первых, они начинались с относительно ограниченного по размерам плацдарма с портами низкой пропускной способности. Во-вторых, союзным армиям противостояла крупная группировка немецко-фашистских войск, способная оказывать упорное сопротивление.

Как уже отмечалось, наступление союзных армий на плацдарме к 20 июля прекратилось. 1-й американской армии удалось улучшить свои исходные для последующего наступления позиции, заняв выгодный рубеж севернее дороги Лессей—Перье—Сен-Ло. 2-я английская армия также значительно улучшила свое положение, заняв г. Кан и продвинувшись несколько южнее его. К тому же времени на плацдарме были высажены новые контингенты войск: 3-я американская армия (за правым флангом 1-й американской армии), канадские и английские дивизии, а также были подготовлены полевые аэродромы, куда перебазировалась часть тактической авиации. Были накоплены запасы боеприпасов, снаряжения и продовольствия. Снабжение войск велось в основном через искусственные и небольшие порты в Сенской бухте, а также через порт Шербур. Однако все порты не могли пропустить нужное войскам количество грузов и новые пополнения. Возникла необходимость захватить другие порты на побережье Европы, и на ближайший период это составило одну из важнейших целей операций союзных армий. Последние стремились как можно быстрее овладеть портами Бретани, чтобы очистить их от противника и в дальнейшем использовать для снабжения войск.

Сражавшиеся в Нормандии немецкие 7-я армия и танковая группа «Запад» спешно улучшали свои оборонительные позиции и производили перегруппировку. Фронт 7-й армии был несколько уменьшен после передачи танковой группе «Запад» участка между реками Орн и Дром. Южнее г. Кан находилась наиболее сильная группировка немецких войск. Немецкому командованию удалось сосредоточить здесь три танковые дивизии, вывести их в резерв. Оборона была неглубокой и слабо развитой в инженерном отношении, хотя условия местности («живые» изгороди, заболоченные участки, реки и т. д.) до некоторой степени компенсировали недостаток войск и инженерных сооружений. В командовании немецко-фашистскими войсками произошло еще одно изменение. 17 июля во время поездки в войска был обстрелян вражеским самолетом и ранен Роммель. Командование группой армий «Б» принял на себя фон Клюге, оставаясь одновременно командующим всеми немецко-фашистскими войсками на Западе.

Соотношение сил в Нормандии на 25 июля было следующим:

	Союзные	Немецкие	Соотношение
Пехотные дивизии	27	17	1,6:1
Бронетанковые (танковые) дивизии	7	9	0,8:1
Воздушнодесантные дивизии	3	3	1:1
Всего:	37	29	1,3:1
Танковые бригады	10	—	—
Танковые батальоны	11	3	4:1
Пехотные бригады	3	—	—
Танки	около 2500	около 900	2,8:1
Самолеты	около 11 000	500	22:1

Обе стороны имели возможность наращивать свои силы в Нормандии: союзники за счет переброски новых дивизий из США и Англии, а их противник за счет 15-й армии.

В общий замысел операции союзное командование не внесло каких-либо изменений по сравнению с серединой июля, но задачи армий и группировка сил были несколько пересмотрены. 1-я американская армия получила задачу прорвать оборону противника, и в последующем наступать в направлении Авранш, Ле-Ман, чтобы выйти к р. Сена ниже Парижа²⁷. Ширина полосы ее наступления в исходном положении уменьшалась на 20 км. С выходом правого фланга этой армии к Авраншу предполагалось ввести в сражение 3-ю американскую армию с задачей, развивая наступление на юг и юго-запад, выйти в низовье Луары и овладеть п-овом Бретань. При вводе 3-й армии в сражение ей передавались часть полосы и шесть дивизий из 1-й армии²⁸. Обе армии объединялись в группу армий во главе с генерал-лейтенантом Лесли Дж. Макнейром, для чего штаб 1-й группы армий был перебросен в Нормандию.

²⁷ Состав 1-й американской армии был доведен до 16 дивизий (из них 3 бронетанковые), 11 отдельных танковых батальонов, 50 дивизионов полевой артиллерии, 19 истребительно-противотанковых дивизионов, 54 дивизионов зенитной артиллерии, 42 саперных батальонов, 42 отдельных саперных рот, 8 эскадронов механизированной кавалерии, а также большого количества тыловых частей (см. *О. Брэдли*. Указ. соч., стр. 600—601).

²⁸ После ввода в сражение 3-я американская армия имела следующий состав: 8-й корпус — 6-я бронетанковая, 8-я и 83-я пехотные дивизии; 12-й корпус — 4-я бронетанковая и 80-я пехотная дивизии; 15-й корпус — 2-я французская и 5-я бронетанковая, 79-я и 90-я пехотные дивизии и 106-я кавалерийская группа; 20-й корпус — 7-я бронетанковая, 5-я и 35-я пехотные дивизии. Кроме того, в состав 3-й армии входили части корпусной и армейской артиллерии, 2-я и 15-я бронекавалерийские группы, танко-истребительные, инженерные и медицинские батальоны (*B. G. Wallace*. Patton and His Third Army. Harrisburg, 1946, p. 41—42).

Но чтобы и дальше поддерживать у немецкого командования иллюзию о подготовке противником вторжения через Па-де-Кале, она получила наименование 12-й группы армий²⁹.

2-я английская и 1-я канадская армии, насчитывавшие к тому времени 16 дивизий, составляли 21-ю группу армий. Они должны были наступать на юго-восток, чтобы сковать находившиеся перед их фронтом танковые дивизии противника и обеспечить успех наступления 1-й американской армии к Авраншу. Монтгомери намечал предпринять основное наступление британских и канадских войск на Фалез в первых числах августа, после того как 12-я американская группа армий, очистив п-ов Бретань, повернет свой фронт на восток и выйдет на одну линию с 21-й группой армий. До этого 21-я группа должна была вести бои по улучшению своих позиций³⁰.

Следует сказать, что замысел Монтгомери отрезать пути отхода основным силам противника, находившимся между Сенной и Луарой, выходом 1-й американской армии к Парижу, а затем прижать их к Сене и уничтожить, не обеспечивался ни постановкой задач, ни распределением сил и средств. Союзные армии должны были наступать по расходящимся направлениям, уводившим значительную часть американских войск в сторону от основного (парижского) направления на расстояние до 300 км. После выполнения ближайшей задачи 12-я американская группа армий растягивалась на фронте более чем на 500 км от Домфрона до Бреста и, естественно, без серьезной перегруппировки не смогла бы продолжать наступление к Парижу. Выделение же 3-й американской армии для захвата п-ова Бретань не вызвалось условиями обстановки, так как немцы к тому времени имели в этом районе уже не более трех дивизий, а на побережье Бискайского залива еще три дивизии (из них две резервные)³¹. В случае наступления 12-й группы армий на Париж серьезной угрозы ее левому флангу не было. Большая часть п-ова Бретань находилась уже в руках отрядов французских сил Сопротивления, которые, располагая достаточным количеством оружия, могли бы полностью очистить от оккупантов этот полуостров и прикрыть фланг 12-й группы армий.

Готовя новую наступательную операцию («Кобра»), командующий 1-й американской армией генерал Брэдли и командир 7-го корпуса генерал Коллинс учли опыт неудавшегося наступления в первой половине июля. Общей замысел операции состоял в том, чтобы прорвать оборону немецких войск и выйти на рубеж Кутанс, Комон. Если противник к тому времени будет дезорганизован, то продолжать наступление без остановки. Основу плана операции составила идея максимального использования воздушной мощи и подвижности американских наземных войск.

²⁹ *M. Blumenson. Op. cit., p. 77.*

³⁰ *B. L. Montgomery. 21-st Army Group. Germany, 1946, p. 84.*

³¹ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4026, 4027, 4028, 4029, 4030.

Прорыв обороны немецко-фашистских войск (схема 7) осуществлял только 7-й корпус, а остальные корпуса 1-й армии (8, 19-й и 5-й), также находившиеся в первом ее эшелоне, должны были первоначально оказывать давление на противника на своем участке фронта, а затем увеличить это давление, чтобы заставить немцев отступить. При этом им указывалось на то, чтобы они находились в готовности воспользоваться дезорганизацией противника, вызванной действиями 7-го корпуса, для быстрого продвижения вперед³².

Особенностью оперативного построения 1-й американской армии являлось то, что прорыв обороны на всю глубину предполагалось осуществить одним эшелоном армии, насчитывавшим 16 дивизий. Развитие наступления в глубине после прорыва намечалось проводить уже двумя армиями (1-й и 3-й). Но к началу операции все американские дивизии, прибывшие в Европу (21 дивизия), были сосредоточены на этом направлении. В случае неудачи 1-й армии она могла быть усилена дивизиями 3-й армии. На период же прорыва 1-я американская армия получала дополнительно пять дивизий, из них четыре бронетанковые, хотя эти дивизии и предназначались для развития наступления после захвата Авранша.

7-му корпусу предстояло прорвать оборону немцев севернее Мариньи, овладеть рубежом Кутанс, Мариньи, перерезав пути отхода 84-го армейского корпуса, а затем ударной группой совместно с 8-м корпусом уничтожить врага. Остальным силам, главным образом бронетанковым дивизиям корпуса, надлежало воспрепятствовать подходу немецких войск к району сражения с юга и востока, заняв рубеж от района севернее Вильдье до Сен-Ло³³.

Боевой порядок корпуса состоял из двух эшелонов: три пехотные дивизии в первом эшелоне, одна моторизованная и две бронетанковые дивизии — во втором. Дивизии первого эшелона прорывали оборону противника на глубину 2,5—3 км и обеспечивали ввод в бой второго эшелона. После этого они должны были развивать наступление в сторону флангов, чтобы расширить прорыв, а дивизии второго эшелона, завершив прорыв обороны, — овладеть рубежом Кутанс, Вильдье.

Моторизованной дивизии с одним боевым командованием бронетанковой дивизии надлежало перерезать пути отхода 84-го армейского корпуса в районе Кутанса и содействовать 8-му американскому корпусу в уничтожении противника. Американское командование для наглядности сравнивало действия этой дивизии с наковальней, на которой молот (8-й корпус) раздавит 84-й немецкий армейский

³² H. P. Pearsons. St. Lo Breakthrough. — «Military Review», 1948, December, p. 13—14.

³³ К тому времени корпус располагал 3 пехотными, 2 бронетанковыми и 1 моторизованной дивизиями, 4 отдельными танковыми батальонами, 22 дивизионами полевой артиллерии, 11 зенитно-артиллерийскими, 7 истребительно-противотанковыми дивизионами и 7 саперными батальонами, 3 отдельными саперными ротами и 2 эскадронами механизированной кавалерии (О. Бредли. Указ. соч., стр. 600—601).

корпус. В дальнейшем задача бронетанковых дивизий заключалась в том, чтобы продолжить наступление в общем направлении на Авранш, не допустить подхода подкреплений к 84-му корпусу с юга и углубить прорыв.

В процессе подготовки наступления особое внимание обращалось на то, чтобы дивизии первого эшелона по выполнению ближайшей задачи могли очистить дороги для ввода второго эшелона корпуса. Подготовка четырех сквозных маршрутов и обеспечение продвижения второго эшелона возлагались на инженерные войска.

На участке, избранном для прорыва, в первом эшелоне оборонялись части Учебной танковой, 5-й парашютной и 2-й танковой СС дивизий, в резерве находились части 275-й пехотной дивизий, которая предназначалась для смены на фронте танковых дивизий, но сделать этого не успела. Всего на этом участке немцы имели не более 2—2,5 дивизий³⁴, насчитывавших около 30 тыс. солдат и офицеров³⁵. Следовательно, по количеству дивизий на участке прорыва американцы создали почти тройное превосходство над противником. Общее превосходство в численности войск и количестве артиллерии, а также в танках было значительно большим.

План операции предусматривал двухчасовую авиационную подготовку атаки дивизий первого эшелона, для которой выделялось 1507 тяжелых, 380 средних бомбардировщиков и 559 истребителей-бомбардировщиков под прикрытием 15 групп истребителей. Чтобы избежать поражения своих войск, истребители-бомбардировщики наносили бомбовые удары по целям противника на переднем крае в прямоугольнике 6300 м по фронту и 250 м в глубину, а тяжелые бомбардировщики — по целям в прямоугольнике 8000 м по фронту и 1600 м в глубину³⁶, расположенном за первым. Тяжелые бомбардировщики сбрасывали напалмовые и 45- и 130-килограммовые осколочные бомбы, чтобы не превратить местность в непроходимую для танков. Каждый «либерейтор» и каждая «летающая крепость» брали по 40 таких бомб.

После бомбардировки стратегической авиацией дивизии первого эшелона начинали движение с исходного рубежа. В этот период 350 истребителей-бомбардировщиков должны были обрабатывать переднюю кромку намеченного для бомбардировки прямоугольника, а после них в течение 45 минут средним бомбардировщикам предстояло сбросить бомбы на заднюю кромку прямоугольника. Предполагалось, что с переходом в наступление корпуса семь групп истребителей-бомбардировщиков подавят противника на флангах наступающего первого эшелона, а средние бомбардировщики нанесут удары по объектам, расположенным в глубине немецкой обороны³⁷.

³⁴ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4030.

³⁵ *M. Blumenson. Op. cit., p. 85.*

³⁶ *W. F. Graven, J. L. Cate. The Army Air Forces in World War II, v. Three. Chicago, 1951, p. 231—232.*

³⁷ *Ibid., p. 232.*

Артиллерийской подготовке отводилась второстепенная роль по сравнению с авиационной. Она предназначалась для подавления живой силы и огневых средств противника в промежуток времени между концом авиационной подготовки и переходом в атаку пехоты и танков. Дело в том, что в целях безопасности бомбометания для своих войск передовые части отводились на 1300—1400 метров от переднего края обороны противника и на занятие ими исходного рубежа для атаки требовалось 30—40 минут.

Начало наступления, назначенное на 21 июля, в связи с плохой погодой и незавершенностью подготовки войск было перенесено на 24-е.

Успех наступления в глубине, по мнению американского командования, зависел от четкости взаимодействия между тактической авиацией и бронетанковыми дивизиями. Для обеспечения безостановочного продвижения бронетанковых дивизий 9-я воздушная армия выделила «авиацию прикрытия танковых колонн», которая делилась на «партии воздушного сопровождения» по числу танковых колонн. Каждую танковую колонну должны были непрерывно сопровождать четыре истребителя-бомбардировщика с задачей атаковать любую цель, задерживавшую движение колонны. Если бы самолетам сопровождения не удалось подавить противника, командир группы самолетов, сопровождавшей колонну, имел право вызвать дополнительные силы авиации с аэродромов. Связь между «партией воздушного сопровождения» и танковой колонной поддерживалась непрерывно по радио, для чего авиационные радиостанции помещались в танках, которые двигались вместе с командиром колонны.

Американское командование избрало 9-километровый участок прорыва, весьма незначительный по сравнению с силами и возможностями. Прорыв и развитие успеха в глубину осуществляли лишь 6 из 16 дивизий первого эшелона, 4 танковых батальона из 11, 20 артиллерийских дивизионов из 50, 7 саперных батальонов из 42. Между тем силы и средства 1-й американской армии, с одной стороны, и слабость обороны противника — с другой, позволили увеличить размер участка прорыва по меньшей мере вдвое.

24 июля из-за плохой погоды атака была снова отложена. Но распоряжения об этом войска получили с большим опозданием, и 728 тяжелых и средних бомбардировщиков успели сбросить 1840 т бомб на участок прорыва. Поскольку бомбардировщики выходили на цель не вдоль фронта, а перпендикулярно к нему, и бомбардировка проводилась из-за облаков, часть бомбардировщиков сбросила бомбы на боевые порядки 30-й пехотной дивизии, находившиеся примерно в 1,5 км от района бомбометания. В результате было убито 25 и ранено 131 человек³⁸.

³⁸ *M. Blumenson*. *Op. cit.*, p. 86.

На следующий день, когда погода улучшилась, американское командование приказало начать наступление, не уточнив из-за недостатка времени организацию взаимодействия с авиацией. Передовые части снова отошли на рубеж безопасности. Зная, что они отводятся перед началом бомбардировки, немцы продвинулись за американцами и установили мины; артиллерия их располагалась в районе Мариньи, т. е. за пределами действий тяжелых бомбардировщиков³⁹.

Авиационная подготовка началась в 9 час. 38 мин. Было сброшено около 3650 т бомб⁴⁰. Точностью бомбометания экипажи самолетов, особенно тяжелых, не отличились, поэтому планируемой плотности бомбометания — 250 т бомб на квадратный километр — достигнуть не удалось (можно предположить, что фактическая плотность не превышала 150 т на квадратный километр). Часть бомб вновь была сброшена на свои войска; на этот раз был убит командующий 1-й американской группой армий генерал-лейтенант Лесли Дж. Макнейр, находившийся на наблюдательном пункте в одном из батальонов первого эшелона. Особенно большие потери понесли передовые части 9-й и 30-й пехотных дивизий, где своей авиацией было убито и ранено несколько сот американских солдат⁴¹.

Результаты бомбардировки немецкой обороны союзнической авиацией оцениваются по-разному. В американской истории авиации во второй мировой войне указывается, что в общем итоге около 70% немецких солдат, находившихся в районе бомбометания, было убито, ранено или контужено⁴². Это подтверждает в своих мемуарах и Брэдли, говоря о сокрушительном ударе, который нанесла авиация по противнику⁴³. К. Типпельскирх заявляет другое. «Несмотря на мощный удар с воздуха, — пишет он, — оборона в полосе наступления американцев не была полностью подавлена; в частности, противник натолкнулся на сильное сопротивление на участках, не захваченных бомбардировкой»⁴⁴.

³⁹ *W. F. Graven, J. L. Cate. Op. cit., p. 231.*

⁴⁰ «The War Reports of George C. Marshal, H. N. Arnold, Ernest J. King». Philadelphia—New York, 1947, p. 186. В других работах приводятся иные данные. В книге Ричардса и Сондерса «Военно-воздушные силы Великобритании во второй мировой войне» говорится, что было сброшено 3300 т бомб (стр. 530); Эйзенхауэр докладывал, что на район 5 миль по фронту и 1 миля в глубину самолеты сбросили 4700 т бомб («Report by the Supreme Commander...», p. 36). А в книге Погью «Верховное командование» написано: «В 9 час. 40 мин. около 350 истребителей-бомбардировщиков начали 20-минутный налет в полосе 250 ярдов вдоль дороги Перье—Сен-Ло, западнее Сен-Ло. За этими действиями последовал удар в течение часа по району 250 на 6000 ярдов, в ходе которого 1887 тяжелых и средних бомбардировщиков 8-й и 9-й воздушных армий сбросили более 4 тыс. бомб» (стр. 245).

⁴¹ *О. Брэдли. Указ. соч., стр. 379—380.* Эллис сообщает, что было убито свыше 100 и ранено 600 человек (*L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 381*), а Блуменсон — 111 убито и 490 ранено (*M. Blumenson. Op. cit., p. 89*).

⁴² *W. F. Graven, J. L. Cate. Op. cit., p. 236.*

⁴³ *См. О. Брэдли. Указ. соч., стр. 389.*

⁴⁴ *К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., 1956, стр. 415.*

Каждое из этих высказываний, как нам представляется, отражает какую-либо одну сторону результата бомбардировки. В районе, подвергшемся интенсивной бомбардировке, немецкие войска понесли большие потери, хотя американской авиацией применялись в основном осколочные бомбы. Большие потери определялись и тем, что немецкая оборона была слабо подготовлена в инженерном отношении. Однако значительная часть сил в районе бомбардировки уцелела. Кроме того, глубина бомбометания не захватывала не только районов расположения резервов, но и огневых позиций основной массы артиллерии немцев. У них осталась не подавленной значительная часть и сил и средств, которые можно было использовать для противодействий американским войскам, наносившим главный удар. К тому же удар авиации по своим внес дезорганизацию в войска первого эшелона 9-й и 30-й пехотных дивизий, вследствие чего они начали атаку с большим опозданием и неорганизованно. Объясняя происшедшее, Брэдли в мемуарах писал, что «задержка была вызвана необходимостью убрать убитых и раненых американцев, которыми союзная авиация усеяла наш путь»⁴⁵.

Эффект мощного удара авиации не удалось полностью использовать. Немцы оказали упорное сопротивление перешедшим в наступление дивизиям первого эшелона 7-го американского корпуса, особенно в районе Мариньи, т. е. на глубине 2—3 км. За первый день наступления пехотные дивизии оттеснили Учебную танковую дивизию к Мариньи, проникли в оборону противника на 2,5—3 км, но не прорвали ее. У союзного командования сложилось даже мнение, что операция провалилась.

Коллинс приказал наступать второму эшелону корпуса, рассчитывая ускорить этим завершение прорыва. Однако ему удалось лишь углубить вклинение в оборону противника до 4—6 км (на глубину первой полосы). Батчер пишет, что Эйзенхауэр, видя беспримерные успехи советских войск и медленное продвижение своей 1-й армии, 26 июля «телеграфировал Брэдли, что необходимо выиграть сражение, двигаться вперед во что бы то ни стало, не допуская остановок»⁴⁶. В этот же день Брэдли отдал приказ 8-му и 19-му корпусам перейти в наступление. Но и они имели незначительный успех, хотя и сковали немецкие войска. На третий день операции 7-й корпус прорвал наконец тактическую оборону противника и подошел к Кутансу, а затем расширил прорыв.

За четыре дня наступления 1-я американская армия прорвала оборону противника на фронте около 30 км и на глубину 15—20 км. Но, несмотря на явное превосходство в силах и средствах над немецкими войсками, армии не удалось окружить и уничтожить 84-й корпус противника. Тем не менее последний понес большие потери.

⁴⁵ *О. Брэдли*. Указ. соч., стр. 380; см. также: *W. F. Graven, J. L. Cate*. Op. cit., p. 237; *J. A. Huston*. Tactical Use of Air Power in World War II. The Army Experience. — «Military Review», 1952, № 4.

⁴⁶ *H. Butcher*. Op. cit.

25 июля два корпуса 1-й канадской армии перешли в наступление из района Кана в направлении на Фалез⁴⁷, чтобы сковать в этом районе немецкие войска. Они встретили упорное сопротивление противника. К тому же наступление велось неактивно; канадцы продвинулись всего лишь на 1—2 км, а на другой день 1-й танковый корпус СС отбросил их в исходное положение⁴⁸. На этом наступление 1-й канадской армии прекратилось.

Немецкое главнокомандование «Запад», стремясь ликвидировать угрозу левому флангу 7-й армии, стало перебрасывать в район прорыва танковые дивизии из района южнее Кана. У него все четче вырисовывался замысел нанесения контрудара по флангу наступавших к Кутансу американских войск. Еще 26 июля фон Клюге приказал 2-й танковой дивизии, находившейся восточнее Комона, подготовиться к переходу в распоряжение командующего 7-й армией. Затем он приказал перебросить из танковой группы «Запад» в 7-ю армию 2-ю и 116-ю танковые дивизии, вошедшие вместе с остатками Учебной танковой и 352-й пехотной дивизий в 47-й танковый корпус, штаб и службы которого также были переброшены из района Комона⁴⁹.

28 июля генерал Брэдли уточнил задачи войск 1-й армии. 8-й и 7-й корпуса должны были продолжать наступление на юг, к Авраншу, 19-й — на юго-восток, вдоль р. Вир, а 5-й — прикрывать фланг армии, согласно действия со 2-й английской армией⁵⁰. Командир 5-го корпуса генерал Геров так понял свою задачу: «Мы должны усилить воздействие на противника, не позволить бошам (немцам. — В. К.) закрепиться»⁵¹. 19-му корпусу переподчинялись 30-я пехотная дивизия и одно боевое командование 2-й бронетанковой дивизии из 7-го корпуса, а также 28-я пехотная дивизия из 5-го корпуса⁵².

Основная группировка 1-й американской армии стала постепенно перемещаться с правого на левый фланг, что являлось отступлением от первоначального плана. Оно вызывалось пассивностью англичан, в результате чего наметилось отставание и ослабление левого фланга армии. Следует отметить, что такая мера предосторожности в то время была излишней, так как и 2-й немецкий парашютный корпус, фланг которого уже охватили американцы, начал отходить, а 2-я английская армия провела перегруппировку, намереваясь предпринять наступление на своем правом фланге, чтобы использовать успех американцев. Правда, два английских корпуса (8-й и 30-й) перешли в наступление против двух

⁴⁷ 1-я канадская армия вела наступление 2-м корпусом (две канадские пехотные дивизии с одной бронетанковой бригадой) и 8-м английским корпусом (три дивизии).

⁴⁸ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4031, 4032.

⁴⁹ L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 384.

⁵⁰ M. Blumenson. Op. cit., p. 128.

⁵¹ Ibid., p. 129.

⁵² «Military Review», 1948, December.

потрепанных в предыдущих боях немецких дивизий только 30 июля.

Наступление на главном направлении 1-й американской армии развивалось успешно; ее передовые части 1 августа вышли к Авраншу, откуда открывался путь в Бретань, а 6-я бронетанковая дивизия захватила г. Гранвиль. Бронетанковые дивизии 7-го корпуса продвигались к Брессею, а 19-й корпус — к Перси. На левом фланге войска 5-го корпуса, преодолевая сопротивление немецких арьергардов и заграждения, несколько продвинулись к Ториньи. Появилась возможность охвата левого крыла немецкого фронта в Нормандии.

30 июля после авиационной подготовки, которую вели 700 тяжелых, 500 средних и легких бомбардировщиков, сбросивших на части 326-й немецкой пехотной дивизии 2200 т бомб, перешли в наступление из района Комона на юг два английских корпуса. Оборона немцев была дезорганизована, и танковые войска 8-го корпуса за день продвинулись на 10—13 км. Но на следующий день они задержались, не сумев с хода преодолеть препятствия. После отхода 7-й немецкой армии под давлением 1-й американской армии перед фронтом 2-й английской армии в районе Ле Бени Бокаж образовался 15-километровый разрыв в обороне немцев (между 74-м армейским и 2-м парашютным корпусами)⁵³. Теперь англичане получили возможность расцечь немецкий фронт и во взаимодействии с американскими войсками окружить главные силы 7-й немецкой армии (три корпуса). Курьезно, что командир и штаб 8-го английского корпуса, части которого почти три дня действовали в образовавшейся брешии, не выявили этой возможности. Наступление проводилось методично.

Результат наступления союзных армий был высоким. За шесть дней 7-я немецкая армия, особенно ее 84-й армейский корпус, понесла большие потери. Только 1-я американская армия захватила в плен 20 тыс. солдат и офицеров противника⁵⁴.

Фельдмаршал фон Клюге 27 июля получил разрешение верховного главнокомандования перебросить танковый корпус с английского участка фронта на западный, чтобы задержать продвижение американских войск. Гитлер разрешил также подтянуть часть войск из района Па-де-Кале и Атлантического побережья в Нормандию, но категорически запретил ослаблять оборону Южной Франции. Но этого было недостаточно. Немецкое верховное командование оказалось перед необходимостью пересмотреть методы ведения военных действий на Западе.

31 июля Гитлер провел в своей ставке в Восточной Пруссии совещание с Иодлем и другими генералами, на котором высказал мнение о перспективе борьбы в Западной Европе. Еще 23 июля он соглашался с Иодлем, что наступило время начать разработку плана

⁵³ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4037, 4038.

⁵⁴ *M. Blumenson. Op. cit., p. 150.*

отхода немецких войск из Франции⁵⁵, теперь же настаивал на том, чтобы эта работа велась в тайне, и разрешил сообщить о ней фон Клюге лишь самое необходимое.

Его распоряжения войскам на Западе включали следующее: «1) Если германским войскам пришлось бы уйти с западного побережья, все важнейшие порты должны удерживаться гарнизонами под командованием тщательно отобранных командиров, которые обороняли бы свои позиции до конца; 2) вся железнодорожная техника и сооружения и все мосты на оставляемой территории должны быть уничтожены; 3) главнокомандующий на западе должен создать себе некоторые специальные части со штатными средствами транспорта и высокоподвижным оружием; 4) никакой отход с занимаемых позиций не может быть допустим — территория должна удерживаться с фанатической решимостью». На военного губернатора Франции возлагалась ответственность за создание позиций на рубеже Сомма, Марна, а на командующего армией резерва — за восстановление позиции «Зигфрида»⁵⁶.

Все эти распоряжения и совещания в гитлеровской ставке свидетельствовали об одном: немецкое верховное главнокомандование тогда уже осознало неизбежность оставления Франции, но хотело, чтобы это произошло как можно позже. Оно цеплялось за каждую малейшую возможность, чтобы удержаться во Франции и всячески отсрочить неотвратимо надвигавшееся поражение.

3 августа фон Клюге получил приказ (в который раз!) удерживать пехотными дивизиями фронт между реками Орн и Вир, а танковыми дивизиями нанести контрудар. В случае крайней нужды ему разрешалось отвести войска на новый рубеж Тюри-Аркур, Вир и, воспользовавшись сокращением фронта, укрепить оборону, вывести часть сил в резерв, а танковые дивизии, снятые с этого рубежа, перебросить на левое крыло⁵⁷.

Получив приказ, фон Клюге в тот же день доложил ОКВ о своих распоряжениях. Чтобы ликвидировать образовавшийся на левом крыле фронта прорыв и собрать танковые войска для нанесения контрудара, танковая группа «Запад», вскоре переименованная в 5-ю танковую армию, и 7-я армия в ту же ночь были отведены на главный рубеж обороны, проходивший от Тюри-Аркура до Вира. Вновь прибывшие в Нормандию пехотные дивизии (84-я и 363-я) должны были сменить 2-ю танковую и 17-ю моторизованную дивизии СС на фронте 7-й армии, а в полосе 5-й танковой армии выдвигалась в тыл 1-я танковая дивизия СС. После того как будут собраны танковые силы, 7-я армия подготовит удар танковой группы из района юго-западнее Вира, в результате которого предполагалось уничтожить американские войска восточнее и севернее Авранша и опять восстановить Котантенский фронт. «Для этого

⁵⁵ *M. Blumenson. Op. cit., p. 79.*

⁵⁶ *Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 218—221.*

⁵⁷ *L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 405.*

наступления, — сообщал Ключе, — по всей вероятности, можно будет использовать 47-й танковый и 81-й армейский корпуса с 2, 9-й и 116-й танковыми дивизиями, боевыми группами и 2-й танковой СС и 17-й моторизованной СС дивизиями»⁵⁸.

Осуществляя свой план, фон Ключе приказал вслед за 47-м танковым корпусом перебросить в полосу 7-й армии из района Вилле-Бокаж и 2-й танковый корпус СС в составе трех танковых дивизий и двух отдельных танковых батальонов. Но активизация действий 2-й английской армии не позволила немцам выполнить этот приказ.

1 августа вступила в сражение 3-я американская армия. Ее командующий генерал Паттон, назначенный 26 июля помощником командующего 12-й группой армий, руководил действиями правого крыла 1-й армии⁵⁹. С вводом в сражение 3-й армии он принял в свое подчинение 8-й корпус. Генерал Ходжес стал командующим 1-й армией, а Брэдли — командующим войсками 12-й группы армий. Все американские дивизии были распределены между двумя армиями. В 1-й армии остались три корпуса (7, 19-й и 5-й), насчитывавшие девять дивизий, 3-я армия получила четыре корпуса (8, 20, 15-й и 12-й) и двенадцать дивизий. 9-я американская воздушная армия стала поддерживать всю 12-ю группу армий, причем ее 9-й воздушный корпус должен был оказывать непосредственную поддержку 1-й американской армии, а 19-й — 3-й американской армии⁶⁰.

Как только 12-я американская группа армий стала действующей, ее командующий генерал Брэдли как-то уравнивался в положении с генералом Монтгомери. Поскольку же штаб Эйзенхауэра все еще находился в Англии и из-за отсутствия надежной связи не мог повседневно руководить боевыми действиями союзных армий на всем фронте, Эйзенхауэр временно поручил Монтгомери оперативное руководство американской группой армий до того, как штаб экспедиционных сил переместится во Францию⁶¹.

Но англичане претендовали на то, чтобы Монтгомери стал постоянным заместителем Эйзенхауэра и командующим всеми сухопутными войсками союзников на континенте. Поэтому сообщение корреспондента агентства Ассошиэйтед Пресс от 14 августа о том, что американская 12-я группа армий уравнена с 21-й английской, а Монтгомери не будет командующим всеми сухопутными силами союзников на континенте, вызвало в Англии бурю возмущения. Брэдли пишет в воспоминаниях, что англичане восприняли уравнивание в правах американского и английского командующих как «преднамеренное оскорбление английского национального героя».

В английской печати утверждалось, будто роль Монтгомери незаслуженно умалили, что его престиж как командующего назем-

⁵⁸ *L. F. Ellis et al.* Op. cit., p. 406.

⁵⁹ *B. G. Wallace.* Op. cit., p. 30.

⁶⁰ *W. F. Graven, J. L. Cate.* Op. cit., p. 243.

⁶¹ См. *О. Брэдли.* Указ. соч., стр. 382—383.

ными силами подрван требованием США о «равенстве». Некоторые корреспонденты расценили все происшедшее как «понижение в должности» Монтгомери и незаслуженную обиду для английского народа⁶². Брэдли объясняет это недоразумение тем, что общественности не была информирована о договоренности между американцами и англичанами об организации командования в операции.

Не отвергая значения сказанного генералом Брэдли, заметим, что главная причина не в этом: она находилась гораздо глубже — в англо-американских противоречиях, в борьбе обеих стран за престиж. Именно поэтому и после сообщения в печати о реорганизации командования сухопутными силами союзников во Франции борьба англичан за пост командующего сухопутными силами для Монтгомери или другого английского генерала долго не прекращалась.

Еще 29 июля генерал Брэдли отдал 12-й группе армий приказ № 1, который вступал в силу в 12 часов 1 августа. В нем 1-й американской армии была поставлена задача «продолжать в своей полосе наступление на юг и захватить район Мортен, Вир». 3-я армия должна была «наступать в своей полосе на юг и захватить район Ренн, Фужер», а затем повернуть «на запад в Бретань с задачей захватить Сен-Мало и Брест и очистить от противника остальную часть полуострова».

Но к началу августа обстановка стала яснее для американского командования. Оно увидело, что одного корпуса достаточно для захвата Бретани. И после обсуждения плана дальнейших действий с Монтгомери и Демпси Брэдли отдал 3 августа новый приказ, согласно которому 1-я армия должна была наступать на Вир, Мортен и занять район Майенн, Домфрон, будучи готовой продолжать наступление в восточном направлении. Командующего 3-й армией генерала Паттона Брэдли обязал выделить для захвата Бретани только «минимум войск», а главными силами очистить от противника весь район севернее Луары и подготовиться к дальнейшим действиям «крупными бронетанковыми силами» на восток и юго-восток⁶³.

3-я армия тремя корпусами начала продвигаться на юг и восток. К 6 августа 8-й корпус при поддержке отрядов французских сил Сопротивления, которые к тому времени насчитывали около 20 тыс. человек⁶⁴, почти полностью заняли п-ов Бретань. Французские патриоты взрывали мосты и предпринимали другие действия в тылу немецких войск, не позволяя им маневрировать силами. Они также вели разведку в интересах американских войск⁶⁵. Немцам удалось удержать порты Брест, Лориан, Сен-Назер и разрушить порты Сен-Мало и Нант настолько, что их невозможно было использовать для расширения системы базирования американских войск. Однако Монтгомери не считал необходимым усиливать аме-

⁶² *O. Брэдли*. Указ. соч., стр. 383.

⁶³ *L. F. Ellis et al.* Op. cit., p. 403—404.

⁶⁴ *M. Blumenson.* Op. cit., p. 164.

⁶⁵ *B. G. Wallace.* Op. cit., p. 46.

риканские войска, блокировавшие порты Бретани, полагая, что свои основные задачи союзные армии решат, продвигаясь на восток⁶⁶, к Сене и Парижу.

12-й американский корпус вышел на р. Луару от Анжера до ее устья, а 15-й корпус, продвигаясь на юго-восток, подошел к рубежу Лаваль, Майенн. 20-й корпус наступал во втором эшелоне за 15-м, нацеливаясь в общем направлении на Орлеан, с тем чтобы прикрыть правый фланг армии по Луаре. Им также оказывали большую помощь участники движения Сопротивления, которых в районе Майенна и Лавалья насчитывалось около 2500 человек⁶⁷.

1-я американская армия продвигалась гораздо медленнее, так как ей пришлось преодолевать сопротивление главных сил 7-й немецкой армии. За первую неделю августа ее один корпус охватил левый фланг 7-й армии и повернул свой фронт на северо-восток, а два корпуса (19-й и 5-й), медленно наступая на юго-восток и восток, заняли важные узлы дорог города Мортен и Вир. Основная группировка армии находилась не на заходящем правом фланге, как планировалось раньше, а в центре и на левом фланге.

Не отличилась успехами и 2-я английская армия: медленно идя вперед, она к исходу 6 августа приблизилась к новому рубежу немецкой обороны, где была остановлена. 1-я канадская армия с 25 июля вела бои местного значения восточнее и юго-восточнее Кана.

Следовательно, в период с 25 июля по 6 августа американским войскам удалось прорвать оборону противника в районе Сен-Лю, охватить левое крыло 7-й немецкой армии и ввести 3-ю армию, которая развернула маневренные действия в оперативной глубине немецкой обороны. Установившееся с самого начала вторжения равновесие сухопутных сил изменилось в пользу союзников. Теперь они могли развернуть наступление на Париж и далее на восток.

Английские войска использовали успех 1-й американской армии и продвинулись на правом крыле на 20—25 км, а в центре и на левом крыле 5-й танковой армии — на 5—8 км. Английское командование, упустив момент и представившуюся возможность для расчленения фронта противника, теперь медленно осуществляло свой план «поворота фронта» на восток.

«Фалезский мешок»

Немецкое главнокомандование «Запад» продолжало готовить контрудар в Нормандии. 4 августа фон Клюге обсудил свой план с командующим 7-й армией генералом Хауссером в штабе последнего.

Было выяснено, что контрудар нельзя нанести раньше ночи на 7 августа. В конце своего дневника Клюге писал: «Планирующееся

⁶⁶ *M. Blumenson. Op. cit., p. 204.*

⁶⁷ *Ibid., p. 205.*

наступление представляет собой решительную попытку восстановить положение в районе боевых действий в Нормандии». Он решил нанести контрудар в направлении Мортен, Авранш, чтобы отрезать 3-ю американскую армию и воссоздать сплошной фронт в Нормандии. Но Клюге, как и его штаб, не был уверен в успехе операции, поэтому последующие действия заранее не планировались. Предполагалось принять решение потом⁶⁸. Готовя контрудар, немецкое командование наметило новый рубеж обороны перед фронтом американских войск, прорвавшихся в район южнее Авранша. Этот рубеж, на который выдвигались две дивизии из Южной Франции, штаб 81-го армейского корпуса из Пикардии и штаб 1-й армии с побережья Бискайского залива⁶⁹, проходил, как обозначено на карте верховного командования, от Домфрона до Майенна и далее по р. Майенн до ее впадения в Луару и по южному берегу Луары⁷⁰.

План, разработанный главнокомандованием «Запад», был явной авантюрой. Для его выполнения немцы не имели ни сил, ни средств. Не хватало и времени. Во-первых, для создания обороны на намеченных рубежах общей протяженностью около 290 км потребовалось бы дополнительно по меньшей мере 10—15 дивизий. Переброска такого количества соединений в Нормандию, где уже действовало около 32 дивизий, означала бы введение в сражение почти всех германских войск, находившихся в Западной Европе. В обстановке активной борьбы движения Сопротивления на территории всей Франции и угрозы вторжения американско-французских войск в Южную Францию это было абсолютно невозможно. Во-вторых, необходимо было сосредоточить войска в течение двух-трех суток, а затем подготовить оборону. В условиях полного господства в воздухе англо-американской авиации, нехватки и плохого состояния инженерной техники немецких войск это было неосуществимо. В-третьих, даже если бы гитлеровскому командованию и удалось сосредоточить все 9 дивизий (в том числе и боевые группы) в исходном положении для нанесения контрудара, оно не располагало достаточными военно-воздушными силами для прикрытия своей ударной группировки с воздуха. В июле и августе во Францию было направлено 460 «мессершмиттов» (Me-109) и 440 «фокке-вульфов» (ФВ-190), из них 524 самолета были уничтожены⁷¹. Следовательно, всего 3-й воздушный флот мог иметь в своем составе не более 500 боевых самолетов, из которых 300 выделялось для участия в контрударе. Их, конечно, было недостаточно для проведения операции в условиях полного господства союзнической авиации в воздухе. Не имея достаточных сил и средств, гитлеровское командование все надежды возлагало на внезапность удара и развертывание наступ-

⁶⁸ *L. F. Ellis et al.* Op. cit., p. 406—407.

⁶⁹ *M. Blumenson.* Op. cit., p. 200.

⁷⁰ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, л. 4043, 4044, 4045, 4046.

⁷¹ *W. F. Graven, J. L. Cate.* Op. cit., p. 247.

ления наземных войск в неблагоприятных для действий авиации условиях погоды и времени суток.

Немецкому командованию удалось сосредоточить в исходном районе не все войска, намечавшиеся для проведения контрудара. К 6 августа на фронте восточнее Мортена оно развернуло 4 танковые дивизии (116, 2, 1-ю и 2-ю СС), 1 моторизованную (17-ю СС), 1 пехотную (275-ю) и боевые группы⁷², в составе которых насчитывалось около 400 танков⁷³. Всего к югу от Вира находилось около 12 дивизий⁷⁴.

Трудно сказать, знало ли союзное командование о намерениях противника. Эйзенхауэр пишет, что ему и Брэдли было известно о подготовке контрудара⁷⁵. А вот Монтгомери, командовавшему всеми американско-английскими сухопутными силами в Нормандии, «еще не были ясны намерения противника. Представлялось загадочным, каким образом он предполагает проводить свое отступление»⁷⁶.

Независимо от того, знали или не знали Эйзенхауэр и Монтгомери о готовившемся контрударе, меры по предотвращению его приняты не были. Эйзенхауэр объясняет это тем, что в районе Мортена находилась сильная группировка американских войск, имевшая все для создания прочной обороны и отражения наступления немецких войск. Союзники располагали также достаточным числом дивизий для нанесения удара в тыл перешедшим в наступление немецким войскам и разгрома их. Кроме того, он якобы был уверен, что в случае прорыва у Мортена и нарушения коммуникаций американских войск, снабжение их можно было бы осуществлять транспортной авиацией, способной перебросить до 2 тыс. т груза в день⁷⁷.

Вся эта аргументация очень похожа на оправдание задним числом. Чем это подтверждается? Во-первых, содержанием задач, поставленных 6 августа перед войсками⁷⁸, и, во-вторых, замешательством, которое вызвал контрудар немецко-фашистских войск.

В ночь на 7 августа, когда штабы всех четырех союзных армий в Нормандии занимались разработкой планов наступления к Сене, три немецкие танковые дивизии, составлявшие первый эшелон (около 190 танков) 47-го корпуса, без артиллерийской подготовки нанесли контрудар, который пришелся в основном по 30-й пехотной дивизии 7-го американского корпуса, производившего перегруппи-

⁷² L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 413.

⁷³ См. Д. Ричардс, Х. Сондерс. Военно-воздушные силы Великобритании во второй мировой войне. М., 1963, стр. 531.

⁷⁴ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4043.

⁷⁵ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 275.

⁷⁶ B. L. Montgomery. 21-st Army Group, p. 94.

⁷⁷ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 275.

⁷⁸ B. L. Montgomery. 21-st Army Group, p. 94—95.

ровку сил (схема 8). В первый день они окружили Мортен, отбросив американцев на 5—10 км, а в некоторых местах — на 15 км.

Американское командование приняло меры к отражению контрудара только после его начала. К району сражения были подтянуты все дивизии 7-го корпуса. Кроме того, в его распоряжение поступила 35-я дивизия из 5-го корпуса. В течение суток состав 7-го корпуса, оборонявшегося на фронте около 65 км, был доведен до семи дивизий, в числе которых находились две усиленные бронетанковые дивизии. На тот случай, если бы немцы имели серьезный успех, предполагалось подтянуть к району сражения несколько дивизий из 3-й американской армии.

9-я американская воздушная армия и 2-е английские тактические военно-воздушные силы (в основном самолеты «харрикейн» и «тайфун», имевшие реактивные установки и приспособленные к штурмовым действиям) нанесли непрерывные удары по наступающим немецким войскам. В первый же день они сделали 723 самолето-вылета⁷⁹.

В центре усилий обеих сторон оказался г. Мортен. Немецкие войска в боях за него потеряли около 100 танков, но выполнить задачу не смогли, так как не имели ни на земле, ни в воздухе сил для развития успеха. Уже 7 августа фон Клюге пришел к выводу, что наступление потерпело неудачу. На следующий день Гитлер сделал ему выговор за то, что якобы он, Клюге, распорядился нанести контрудар слишком рано и в условиях, неблагоприятных для действий авиации противника. Гитлер потребовал продолжать нанесение контрудара, но на этот раз несколько южнее. В то же время 1-я немецкая армия начала сосредоточиваться западнее Парижа⁸⁰.

Для возобновления контрудара на Авранш в 7-й армии создавалась танковая группа под командованием генерала Эбербаха. Вместо него командующим 5-й танковой армией был назначен генерал войск СС Зепп Дитрих. В группу вошли главным образом танковые дивизии 47-го, а также две танковые дивизии 58-го танковых корпусов. Чтобы англо-американская авиация не мешала немецким войскам выполнять приказ Гитлера, Эбербах решил наступать только ночью (при свете луны) и утром с 3 до 9 часов⁸¹. Поскольку и снабжать войска всем необходимым можно было только ночью, время на наступательные действия еще больше сокращалось.

Немецким планам не суждено было сбыться. Клюге предполагал возобновить наступление 9 августа. Развитие же событий на фронте заставило его перенести начало наступления на 11-е, позже на 20-е, а затем и вообще отказаться от его проведения.

Поздно вечером 7 августа, когда немецкие войска перешли в наступление, 1-я канадская армия своим 2-м корпусом (три пехотные,

⁷⁹ См. Д. Ричардс, Х. Сондерс. Указ. соч., стр. 532.

⁸⁰ См. Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 226.

⁸¹ L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 426.

две бронетанковые дивизии и две бронетанковые бригады) нанесла удар в общем направлении на Фалез. На этом направлении немецкие войска готовили оборону в течение 10 дней. Она состояла из двух полос: первую — перед фронтом 2-го канадского корпуса занимали только что прибывшая из 15-й армии 89-я пехотная и части 272-й пехотной дивизий 84-го армейского корпуса, вторую, подготовленную на расстоянии 6—7 км от первой, — 12-я танковая дивизия СС (около 48 танков)⁸², но она начала переход в район Мортена⁸³. Кроме того, в резерве командира корпуса находился один танковый батальон (21 танк «тигр»)⁸⁴. Пехотные дивизии были усилены танками, штурмовыми орудиями и 88-мм зенитными орудиями, действовавшими как противотанковые.

План прорыва в какой-то степени был аналогичен плану наступления 7-го американского корпуса у Сен-Ло. После усиленной авиационной подготовки, во время которой тяжелые бомбардировщики должны были сбросить 4904 т бомб⁸⁵ на оборонительные позиции немцев глубиной 2,5—3 км, начинал движение первый эшелон — пехотные дивизии, усиленные танковыми бригадами. Пехоте предстояло следовать на бронетранспортерах за танками, построенными в восемь колонн. Впереди колонн должны были двигаться группы разграждения из штурмовых инженерных подразделений и танкитральщики. Отличие от американского плана состояло в том, что движение первого эшелона намечалось провести ночью при искусственном освещении местности. После прорыва первой полосы обороны пехота должна была высадиться из бронетранспортеров и во взаимодействии с бронетанковыми бригадами атаковать в сторону флангов. Вторым эшелоном пехотных дивизий надлежало очистить захваченную местность⁸⁶.

Около 14 часов 8 августа 4-й канадской и 1-й польской бронетанковым дивизиям следовало пройти через боевые порядки пехотных дивизий и атаковать немцев на второй позиции по обе стороны от дороги Кан—Фалез и захватить район к северу от последнего. 3-й канадской пехотной дивизии была поставлена задача быть готовой действовать между бронетанковыми и пехотными дивизиями⁸⁷.

В 23 часа 7 августа началась авиационная подготовка, в которой участвовало 637 английских тяжелых бомбардировщиков, а в 24 часа — перешел в наступление первый эшелон. Авиации удалось подавить значительную часть огневых средств противника, в результате чего колонны танков и пехоты легко преодолели первую полосу его обороны. К рассвету следующего дня первый эшелон продвинулся вперед на 5—6 км.

⁸² *L. F. Ellis et al. Op. cit.*, p. 420.

⁸³ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4043.

⁸⁴ *L. F. Ellis et al. Op. cit.*, p. 420.

⁸⁵ См. *Д. Ричардс, Х. Сондерс. Указ. соч.*, стр. 531.

⁸⁶ *B. L. Montgomery. 21-st Army Group*, p. 97, Map 23.

⁸⁷ *L. F. Ellis et al. Op. cit.*, p. 420.

В 14 часов начался ввод свежих, но еще не обстрелянных 4-й канадской и польской бронетанковых дивизий. Ему предшествовала мощная авиационная подготовка, длившаяся 1 час 30 минут. Во время приближения самолетов немецкая зенитная артиллерия открыла огонь и помешала многим из них выйти на цели. Однако примерно 500 самолетам из 678 удалось сбросить бомбы в район расположения противника.

Значительное количество бомб упало и в стороне от целей⁸⁸. 24 бомбардировщика 8-й американской воздушной армии сбросили бомбы на канадские войска, в основном на резервы⁸⁹. Фуллер приводит записи очевидцев, наблюдавших результаты бомбардировки... своих войск. Одна из них гласит, что «дорога назад в Кан была непроходима из-за горевших автомашин». Другая более подробная: «Прошла первая волна самолетов и сбросила бомбы как раз за пригородами Кана. Я протер глаза и снова посмотрел туда. Да, я не ошибся. Линия разрывов была на добрых четыре мили дальше, чем следовало. Но худшее было впереди, так как... следующие самолеты сбросили свои тысячефунтовки в районе расположения наших резервов и попали в наш огромный резервный склад боеприпасов; произошел взрыв, и склад с грохотом взлетел на воздух... Так продолжалось до тех пор, пока наша тыловая зона не превратилась в сплошную массу огня и дыма от рвущихся бомб и горящих автомашин... Все выскочили, чтобы посмотреть на приближающиеся бомбардировщики. Когда они находились в 7 милях позади переднего края, никто не думал, что американцы ошибутся в определении линии бомбометания... Штаб одной канадской дивизии, участвовавший в наступлении, прямым попаданием был выведен из строя... Известно, что бомбардировка самолетов, оказывавших непосредственную поддержку наземным войскам, неточна, но отклонение на 7 миль — это потрясающая ошибка»⁹⁰. И хотя в результате бомбардировки потери своих войск были небольшими⁹¹, потребовалось много времени, чтобы привести потерпевшие части в порядок и очистить от горевших машин дороги.

Воспользовавшись замешательством канадских частей, немецкие войска успели занять оборону на второй полосе и остановили продвижение обеих бронетанковых дивизий. Командующий 5-й немецкой армией усилил оборону на этом направлении, возвратив 12-ю танковую дивизию СС и подтянув переданную из 15-й армии 85-ю пехотную дивизию⁹². 10 и 11 августа 1-я канадская армия расширила основание клина в сторону флангов, но дальше продвинуться не смогла.

⁸⁸ Ibid., p. 422.

⁸⁹ W. F. Graven, J. L. Cate. Op. cit., p. 251.

⁹⁰ Дж. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М., 1956, стр. 399—400.

⁹¹ M. Blumenson. Op. cit., p. 239.

⁹² Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4045, 4046.

Таким образом, успешное ночное наступление (при искусственном освещении) пехоты и танков днем не было развито бронетанковыми дивизиями. За пять дней канадские войска продвинулись на 10—15 км, но не прорвали полностью тактическую оборону немцев и своих задач не выполнили. Однако наступление 2-го канадского корпуса не позволило противнику перебросить три танковые дивизии из 5-й танковой армии для усиления ударной группировки в районе Мортена.

2-я английская армия за неделю с 5 по 12 августа продвинулась всего на 3—6 км, и только 12-й корпус продвинулся на 5—12 км.

3-я американская армия своими главными силами (три корпуса) продвигалась в восточном и юго-восточном направлениях, не встречая сопротивления вражеских войск. Ее 15-й корпус 8 августа занял важный узел дорог и центр снабжения немецких войск г. Ле-Ман.

Неудача контрудара немцев у Мортена означала провал плана гитлеровского командования во что бы то ни стало удержать Францию в своих руках. Немецкие войска, понеся большие потери в боях, продолжавшихся уже более двух месяцев, лишились возможности создать новый рубеж обороны во Франции и занять его. Гитлеровское командование, решив нанести контрудар, поставило 5-ю танковую и 7-ю армии в трудное положение, что позволило союзным армиям глубоко охватить их главные силы с юга и севера. Но контрудар спутал планы американцев и англичан и в значительной мере повлиял на дальнейший ход военных действий между Сеной и Луарой.

Контрудар в районе Мортена свидетельствовал, что главные силы немецких войск во Франции намерены вести упорные бои. 1-я американская армия, скованная у Мортена, не смогла охватить левый фланг 7-й немецкой армии, как это планировал Брэдли, и вынуждена была вести бои на том рубеже, на который она вышла к 6 августа, а ее правый фланг (7-й корпус) — перейти к обороне. 3-я американская армия продвинулась далеко на восток и обошла левый фланг 7-й армии. Главные силы 21-й группы армий также занимали охватывающее положение по отношению к основной группировке немецких войск. Образовался так называемый фалезский мешок, и в нем очутилась большая часть 7-й и 5-й танковой армий.

Еще 8 августа Брэдли, оценив обстановку, увидел возможность окружить и уничтожить главные силы немецкой группы армий «Б». Об этом он сообщил посетившему его Эйзенхауэру и по телефону Монтгомери⁹³. Объясняя обстановку на фронте министру финансов США Генри Моргентау, прибывшему в штаб 12-й группы армий вместе с Эйзенхауэром, Брэдли сказал, что американские войска осуществляют нажим на немцев со стороны их открытого

⁹³ М. Blumenson. Op. cit., p. 248.

фланга. «Такая возможность выпадает на долю командующего не чаще, чем раз в сто лет, — заявил он. — Мы скоро уничтожим целую вражескую армию»⁹⁴. 10 августа он приказал 15-му корпусу⁹⁵ повернуть на север и двигаться в направлении на Алансон, Аржантан. Паттон усилил корпус 2-й французской бронетанковой дивизией. В это время основная группировка немецкой группы армий «Б» находилась в 75 км западнее линии Фалез, Аржантан, втянутая в бой против 2-й английской и 1-й американской армий.

В связи с изменением обстановки союзное командование внесло поправки в свой план действий на Европейском театре. Уточненный план предусматривал «широкий обход» с целью выхода части сил в район Орлеана и Парижа и «короткий охват» — окружение и уничтожение главных сил 7-й и 5-й танковой армий между Фалезом и Мортемом⁹⁶ главными силами союзников. Если бы противнику удалось вырваться, союзным армиям предписывалось быть готовыми наступать к Сене по плану, изложенному в приказе Монтомгери от 6 августа⁹⁷.

11 августа Монтомгери приказал 1-й канадской армии захватить Фалез и двигаться на Аржантан, а 2-й английской, находившейся правее ее, наступать на восток и юг. Брэдли обязал 3-ю армию наступать левым флангом на северо-восток и быть готовой нанести удар во фланг и тыл противника в направлении на Аржантан из района Ле-Мана. 1-я армия получила задачу разгромить немцев в районе Мортен, Барантон⁹⁸.

Верховное командование союзников в Европе, таким образом, приняло решение окружить 7-ю и часть 5-й танковой армий. Другой важной задачей, стоявшей перед союзниками, являлся захват новых портов, без чего нельзя было улучшить снабжение их армий, однако осуществление этой задачи откладывалось на некоторое время. Еще 9 августа Эйзенхауэр сообщил генералу Маршаллу: «По моим настойчивым указаниям все имеющиеся в распоряжении войска брошены на разгром противостоящих нам сил... Паттон, Брэдли и Монтомгери проникнуты сознанием необходимости действовать и ясно понимают представившуюся возможность. Продвигающееся крыло войск Паттона повернет резко на северо-восток из района Ле-Мана и непосредственно западнее его и двинется на Алансон и Фалез. Ожесточенное сопротивление противника и контратаки в районе между Мортемом и южнее Кана свидетельствуют о том, что нам представляется благоприятная возможность окружить

⁹⁴ О. Брэдли. Указ. соч., стр. 406.

⁹⁵ 15-й корпус состоял из 2-й французской и 5-й американской бронетанковых, 79, 80 и 90-й пехотных дивизий, 106-й кавалерийской группы, артиллерийских и тыловых частей («Operation of XV Corps in Forming the Argentan-Falaise Pocket». — «Military Review», 1945, June).

⁹⁶ См. О. Брэдли. Указ. соч., стр. 405—406; В. Л. Монтомгери. 21-st Army Group, p. 98—99.

⁹⁷ L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 427.

⁹⁸ См. Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 227.

и разгромить большое количество его сил... И тотчас, как только мы завершим это сражение, я поверну в Бретань достаточное количество войск, чтобы обеспечить быстрый захват портов»⁹⁹.

Ликвидация «фалезского мешка»

В середине августа 1944 г. возможность окружения и полного уничтожения главных сил немецких 5-й танковой и 7-й армий союзниками была вполне очевидной, но этого не случилось. Историки второй мировой войны, равно как и мемуаристы в США и Англии, уделяют немало внимания поискам виновных, хотя известно, что победа имеет много отцов, а поражение или неудача всегда остается сиротой. Брэдли, а за ним и некоторые американские историки склонны считать виновным Монтгомери, который не сумел организовать быстрое продвижение 1-й канадской армии к Фалезу и Аржантану с севера, и полностью оправдывают американских генералов. Несколько отличается от этой точка зрения американского историка Мартина Блюменсона, утверждающего, что Брэдли остановил продвижение 15-го корпуса у Аржантана, вследствие чего не удался своевременно завершить окружение немецких войск. При этом он оправдывает его, заявляя, что такое распоряжение мог отдать либо Монтгомери, либо Эйзенхауэр, а Брэдли, поступив так, превысил бы свои права¹⁰⁰. Нет никакого основания оправдывать Монтгомери, ошибки которого помогли немецко-фашистским войскам, хотя и со значительными потерями, вырваться из окружения; не в меньшей мере виноваты и Эйзенхауэр, Брэдли, Паттон и др.

Причины неудачи содержались в самом плане операции: для создания внутреннего и внешнего фронтов выделялось слишком мало войск, а усиление их не предусматривалось вовсе. Из 12 корпусов (37 дивизий), находившихся в распоряжении верховного командования союзными экспедиционными силами, только 2 корпуса (8 дивизий) предназначались для осуществления «короткого охвата» и 2 корпуса (6 дивизий) — «широкого обхода». Остальные 23 дивизии должны были вести фронтальное наступление. Союзное командование, боясь смешения войск, не решилось перегруппировать их с центра фронта на заходящие фланги. Было много и организационной неразберихи, нераспорядительности и просто нерешительности в штабах армий в самый ответственный момент завершения окружения. Рассмотрим кратко ход событий.

К исходу 12 августа 15-й американский корпус подошел к Мортре, а на следующий день его передовые подразделения вступили в Аржантан, но были выбиты оттуда и заняли высоты около города. До Фалеза оставалось 40 км. Все дивизии корпуса растянулись в одну линию на фронте протяжением около 70 км. В тот же день,

⁹⁹ Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 227.

¹⁰⁰ М. Blumenson. Op. cit., p. 261—263.

когда решительными и быстрыми действиями с юга и севера можно было перерезать пути отхода немецкой группировки на восток между Аржантаном и Фалезом, командующий 3-й американской армией генерал Паттон в соответствии с указанием Брэдли сначала приказал 15-му корпусу уменьшить темп продвижения в северном направлении, чтобы подтянуть отставшие тылы, а затем совсем остановил его у Аржантана¹⁰¹. Интересно содержание разговора по телефону, который состоялся между Брэдли и Паттоном по этому вопросу. Вот как его передает Брэдли: «Паттон телефонировал мне в тот вечер со своего командного пункта близ Лавалля. «Наши части в Аржантане, — сообщил он. — Позвольте мне двинуться в Фалез, и мы сбросим англичан в море, устроив им второй Дюнкерк». «Ни в коем случае, — ответил я, ибо опасался столкновения с войсками Монтгомери. — Вы не должны двигаться за Аржантан. Остановитесь на достигнутом рубеже и закрепитесь. Зиберт (начальник разведки. — В. К.) говорит, что немцы начинают отходить. Лучше приготовьтесь встретить противника»¹⁰². Эта шутка отражала неверие Паттона в то, что Монтгомери может быстро направить войска от Фалеза к Аржантану и закрыть выход из «фалезского мешка».

На следующий день Эйзенхауэр обратился к своим войскам с посланием, в котором писал: «Я прошу каждого солдата идти вперед к намеченной цели с полной уверенностью, что враг может остаться живым только при условии, что он капитулирует: пусть ни один фут раньше отвоеванной земли не будет оставлен, пусть ни один немец не спасется через рубежи, которые мы заняли»¹⁰³. Находясь тогда в штабе 12-й группы армий, он санкционировал решение Брэдли остановить 15-й корпус у Аржантана¹⁰⁴. Свой поступок Эйзенхауэр оправдывает тем, что переход корпуса через разграничительную линию с 21-й группой армий мог привести к «шутнице на фронте», а возможно, и к столкновению с канадцами и англичанами, которые могли принять американцев за немцев. Чтобы избежать этого, нужно было, по его мнению, остановить войска «даже ценой риска, что часть немцев спасется»¹⁰⁵. Он выражал уверенность, что военно-воздушные силы завершат разгром немецких войск, попавших в мешок.

Главнокомандование «Запад», видя провал своего плана и опасаясь того, что противник может блокировать главные силы двух армий, уже 11 августа стало принимать меры для улучшения положения своих войск. После совещания с командующими армиями и обсуждения обстановки с генералом Иодлем по телефону Клюге начал отводить танковые дивизии из района Мортена к Алансону, пытаясь остановить продвижение 15-го американского корпуса на

¹⁰¹ См. *О. Брэдли*. Указ. соч., стр. 407—409; «Military Review», 1945, June.

¹⁰² *О. Брэдли*. Указ. соч., стр. 407.

¹⁰³ *D. D. Eisenhower*. Op. cit., p. 278.

¹⁰⁴ *Ibid.*, p. 278—279.

¹⁰⁵ *Ibid.*, p. 279.

север. Первыми отводились 1-я СС, 2-я и 116-я танковые дивизии.

В тот же день поздно вечером Клюге получил приказ Гитлера. Для ликвидации опасности, возникшей на левом крыле группы армий «Б», Гитлер требовал уничтожить 15-й американский корпус между Ле-Маном и Алансоном контрударом танковой группы генерала Эбербаха. Он разрешил отвести войска на участке фронта между Сурдэвалем и Мортеном, чтобы высвободить танковые дивизии, необходимые для выполнения этой задачи. Далее он приказал для прикрытия направлений на Париж и в тыл группы армий «Б» выдвинуть в район Шартра три дивизии, которые держать в готовности к наступлению в общем направлении на Ле-Ман, используя успех группы Эбербаха. Наконец, Гитлер потребовал возобновить, как только будет возможно, наступление на запад к морю¹⁰⁶.

Неудачное наступление 2-го канадского корпуса на Фалез и преднамеренная остановка 15-го американского корпуса у Аржантана создали благоприятные условия для организации выхода немецких войск из «фалезского мешка». Приказ же Гитлера, наоборот, ставил войска в трудное положение, давал союзникам время одуматься и исправить ошибку.

Фон Клюге, видя, что обстановка для немецких войск осложняется, 13 августа попросил у Гитлера разрешение отвести 7-ю армию на рубеж, проходивший с севера на юг через Ла Ферьер, и усилить группу Эбербаха всеми дивизиями, какие только удастся перебросить в его распоряжение. К тому времени в трех танковых дивизиях этой группы насчитывалось всего 70 танков¹⁰⁷. Естественно, надеяться на успешное проведение контрудара не приходилось. Этих сил было явно недостаточно даже для создания прочной обороны на фланге. Эбербах, Хауссер и Клюге думали уже не о контрударе, а о том, как с наименьшими потерями отвести немецкие армии за Сену. На следующий день Клюге получил согласие¹⁰⁸.

Чтобы не дать немцам отвести войска и создать новый оборонительный рубеж во Франции, от командования и войск союзников требовались решительные и быстрые действия. Однако 15-й корпус по-прежнему стоял у Аржантана. Брэдли не планировал никаких действий, чтобы закрыть горловину «мешка». В воспоминаниях он пишет, что Монтгомери никогда не возражал, а он никогда не предлагал закрыть проход между Аржантаном и Фалезом силами только американских войск. Его вполне устраивало создавшееся положение, и он не хотел, а возможно, и боялся решать другую, более сложную задачу. Брэдли, по его собственному выражению, предпочитал «крепкие плечи» в Аржантане «сломанной шее» в Фалезе. Хотя 3-я американская армия могла «закрыть эту узкую горловину», — пишет он, — я сомневался, что она сможет удержать ее.

¹⁰⁶ L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 427.

¹⁰⁷ M. Blumenson. Op. cit., p. 257.

¹⁰⁸ L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 428.

Девятнадцать немецких дивизий панически стремились вырваться из ловушки, а Джордж (Паттон. — В. К.) с четырьмя дивизиями и без того блокировал три главных пути отхода через Алансон, Сэ и Аржантан. Если бы он продвинул свои войска до Фалеза, ему пришлось бы захватить дополнительный участок в 65 километров. Стремительно отходящий противник мог не только прорваться, но и смять Паттона. Я, конечно, предпочитал прочно удерживаться на рубеже у Аржантана вместо того, чтобы идти на Фалез, рискуя сломать шею. Кроме того, я не хотел рисковать столкновением двух армий, что могло случиться, если бы Паттон двинулся на Фалез»¹⁰⁹.

Брэдли, по-видимому, и в голову не приходила мысль об усилении американских войск в районе Аржантана за счет ослабления их на других участках фронта 12-й группы армий. К тому же разведка союзников считала, что значительная часть немецких войск уже вышла из «мешка». Но бездействовать Брэдли не хотел. Поэтому, когда Паттон 14 августа предложил снять из аржантанского выступа две дивизии и бросить их к Сене, Брэдли сразу же согласился. Более того, он приказал двинуть 3-ю армию на восток по трем направлениям: один корпус — на юге — к Орлеану, другой — в центре — на Шартр, третий — на севере — к Дре, расположенному в 65 км западнее Парижа¹¹⁰.

В соответствии с приказом Брэдли Паттон оставил у Аржантана пехотную и бронетанковую дивизии, а также 7 артиллерийских дивизионов, создав из них временный корпус, а 15-й корпус в составе 2 дивизий и 15 артиллерийских дивизионов направил на восток, к Сене. Следовательно, силы американских войск у Аржантана, которых, по мнению Брэдли, было недостаточно, чтобы блокировать противника, еще больше ослаблялись. Остальные два корпуса, не встречая сопротивления, продвигались по указанным им направлениям. В целом 3-я армия, оставив «фалезский мешок» открытым, двинулась к Парижу. Брэдли пренебрег обычной целью любой воюющей стороны — уничтожением армии противника. По-видимому, слава освободителя Парижа ему imponировала больше, чем лавры участника, причем не главного, разгрома немецких войск под Фалезом. А то, что американские войска в районе Аржантана подошли к разграничительной линии между 12-й и 21-й группами армий и что от Монтгомери или Эйзенхауэра не последовало указаний наступать дальше на север, служило формальным оправданием его бездеятельности.

Успехи английской и канадской армий были далеко не сенсационными. За два дня (13 и 14 августа) они продвинулись всего на 5—8 км. После же того как немецкие войска начали отходить, стали продвигаться вперед и армии союзников. Всего в таком «преследовании» участвовало шесть английских и американских корпусов. Вот где был резерв сил, так необходимых у Аржантана и Фалеза!

¹⁰⁹ О. Брэдли. Указ. соч., стр. 408.

¹¹⁰ См. там же, стр. 409.

14 августа было предпринято новое наступление 2-го канадского корпуса на Фалез. На сей раз он обходил город с севера и востока, а занять его должны были войска 2-й английской армии. Такой план наступления предопределялся тем, что наиболее прочную оборону немцам удалось создать по обе стороны от дороги Кан—Фалез, а в 6—8 км восточнее ее немецкая оборона была менее развитой. В последующем войска 1-й канадской армии должны были занять Трён, расположенный в 20 км к юго-востоку от Фалеза¹¹¹. 1-й английский корпус наступал севернее 2-го канадского в восточном направлении.

После мощной авиационной подготовки пехотные дивизии, усиленные танковыми бригадами, под прикрытием дымовых завес начали атаку и к полудню вышли на р. Лезон. В 14 часов тяжелые бомбардировщики нанесли удары по целям вдоль дороги Кан—Фалез, сбросив около 3700 т бомб¹¹². Хотя противнику и были нанесены серьезные потери, канадцы в первый день наступления продвинулись лишь на 6—7 км, а на следующий день им удалось немного продвинуться на восток. 17 августа англичане заняли Фалез. За день до этого Монтгомери позвонил Брэдли и предложил ему, чтобы американские и канадские войска встретились не у Аржантана, а севернее — около Трёна и Шамбуа. Брэдли сразу же приказал Паттону захватить оба населенных пункта, но с уходом 15-го корпуса такое наступление уже нечем было осуществлять.

15 августа началось вторжение американских и французских войск в Южную Францию. В Северо-Западной Франции основные силы немецких войск все еще находились в «мешке», и опасность того, что они могли попасть в окружение, не исчезла. На советско-германском фронте в это время Красная Армия вела успешное наступление в Прибалтике, на территории Польши и в западных областях Украины. Гитлеровское верховное главнокомандование не имело уже таких резервов, перебросив которые во Францию оно могло бы воссоздать там свой фронт.

16 августа Клюге сообщил Иодлю сведения об обстановке на Западе. Теперь он уже без всяких обиняков заявлял, что планы Гитлера осуществить невозможно. Он предложил немедленно отвести войска из «фалезского мешка» через горловину между Аржантаном и Фалезом. Любая отсрочка, по его мнению, могла привести к «непредвиденному развитию» событий. Иодль дал Клюге понять, что ему послана новая директива и он получит свободу действий. После этого Клюге направил в группу армий «Б» приказ об отступлении.

В тот же день Гитлер отдал два приказа. В первом группе армий «Б» предписывалось отвести войска, находившиеся к западу от Аржантана, и создать сплошной фронт с 81-м корпусом, который в это время располагался к востоку от Гасе. Чтобы обеспечить отход

¹¹¹ *L. F. Ellis et al.* Op. cit., p. 429—430.

¹¹² См. *Д. Ричардс, Х. Сондерс.* Указ. соч., стр. 531.

войск, Гитлер приказал удерживать Фалез как крепость, а танковой группе Эбербаха перейти в наступление в юго-восточном направлении. Распоряжения о том, как в дальнейшем вести операции на Западе, Гитлер обещал прислать позже. После получения этого приказа Клюге не пришлось пересматривать уже отданные им распоряжения об отводе войск из «фалезского мешка».

Вторым приказом определялся порядок отвода группы армий «Г» из Южной и Центральной Франции. Он был получен штабом главнокомандования «Запад» только вечером 17 августа¹¹³. Группе армий «Б» была поставлена задача: вывести из окружения остатки 7-й армии и затем, сдерживая по мере отхода наступление союзных армий, обеспечить условия для отступления группы армий «Г» из Южной Франции в Эльзас-Лотарингию.

В ночь на 17 августа фельдмаршал Модель, до этого находившийся на советско-германском фронте, сменил фон Клюге на постах командующего группой армий «Б» и всеми немецкими войсками на Западе. При отсутствии общего фронта и развертывании активных маневренных действий одновременно на обоих стратегических направлениях такое совмещение обязанностей осложняло управление войсками. Главнокомандующий не мог в одно и то же время руководить операциями группы армий «Б» и координировать действия двух групп армий, находившихся на большом расстоянии одна от другой. К тому же Модель еще не знал условий и особенностей ведения военных действий в Западной Европе.

Получив приказ фон Клюге, 7-я армия 16 августа стала выходить из «фалезского мешка». Танковая группа Эбербаха заняла рубеж севернее Аржантана и вела бои с американскими войсками¹¹⁴. Хотя она и не могла выполнить свою задачу, однако укрепила оборону коридора с юга и тем обеспечивала отход немецких войск. Господствовавшая в воздухе авиация союзников не позволяла войскам отходить днем. Организованный выход их начался только с наступлением темноты. За ночь армия отошла на 15 км и остановилась на день, чтобы следующей ночью осуществить второй этап отступления. Благодаря нелетной погоде движение тыловых частей армии по дорогам через Трэн и Шамбуа не прекратилось и утром 17 августа. Только в полдень авиация союзников возобновила бомбежку войск, находившихся в «фалезском мешке». Но в тот же день она фактически прекратила налеты на район между Фалезом и Аржантаном. Союзное командование объясняло это тем, что оно опасалось, как бы авиация не сбросила бомбы на свои войска¹¹⁵. Так это было или нет, но отданное распоряжение, как и остановка 15-го американского корпуса у Аржантана и переброска его основных сил к Сене, неудача 1-й канадской армии у Фалеза имели своим следствием то, что горловина «мешка» еще почти три дня

¹¹³ L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 433—434.

¹¹⁴ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4053—4056.

¹¹⁵ «Command Decisions». New York, 1959, p. 312—313.

оставалась открытой и крупные силы немецко-фашистских войск получили возможность выйти из него.

2-я английская армия, почувствовав, что противник отходит, начала преследовать его. Но ее продвижение было остановлено немецкими арьергардами, и только в полдень 17 августа, когда сопротивление арьергардов настолько ослабло, что его можно было не принимать в расчет, марш 2-й английской и 1-й американской армий возобновился. В этот день Монтгомери потребовал, чтобы бронетанковые дивизии 2-го канадского корпуса перерезали дороги у Трёна и Шамбуа. Но они не достигли крупного успеха ни 17 августа, ни на следующий день. Не проявили активности и американские войска в районе Аржантана. 5-й корпус 1-й американской армии только принимал этот участок вместе с войсками от 15-го корпуса и еще не был готов начать наступление.

Следовательно, немецко-фашистские войска получили возможность постепенно опорожнять «мешок», хотя днем им и наносила большие потери союзная авиация. 18 августа только английская тактическая авиация произвела 1471 самолето-вылет¹¹⁶.

В тот же день новый главнокомандующий фельдмаршал Модель провел в Лизье совещание с генералами Дитрихом, Эбербахом и Хауссером. На нем они выработали план отвода армий на новый рубеж, который бы проходил западнее Сены или по этой реке. Группе Эбербаха, подчиненной Хауссеру, была поставлена задача удерживать горловину «мешка» до тех пор, пока 7-я армия не выйдет из него. Отход предполагалось закончить к 20 августа. О принятом решении Модель сообщил через Иодля Гитлеру.

19 августа части 1-й Польской бронетанковой дивизии, входившей во 2-й канадский корпус, продвинулись к Шамбуа и Трёну, куда несколько позже с юга подошел 5-й американский корпус, завершив, наконец, окружение трех танковых дивизий, частей и остатков двух парашютных и двенадцати пехотных дивизий 7-й немецкой армии и танковой группы Эбербаха. Наиболее боеспособные танковые и некоторые пехотные дивизии 5-й танковой и частично 7-й армий были выведены из «фалезского мешка» и заняли рубеж Ливаро, Гасе, Рюгль, удержание которого позволяло обеспечить отход всей группы армий «Б» за Сену.

К этому времени 3-я американская армия, не встречая сопротивления немецких войск, достигла рубежа Орлеан, Шартр, а затем медленно продвигалась на Париж. Ее 15-й корпус вышел на Сену и, переправив на восточный берег реки передовые отряды, захватил два небольших плацдарма у Манта и Вернона. Дальше по Сене корпус продвигаться не мог, так как подошел к разграничительной линии между группами армий. 1-я канадская армия на всем фронте медленно теснила к Сене войска 5-й танковой армии, а 1-я американская и 2-я английская армии перегруппировывались. Была воз-

¹¹⁶ L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 443.

возможность отрезать пути отхода 5-й танковой армии за Сену, но из-за «административной неразберихи» этого не произошло.

После выхода передовых соединений к Сене у Эйзенхауэра появилась уверенность, что в дальнейшем возможно безостановочное продвижение союзных армий до самого Рейна. Только после выхода к нему, как он считал, потребуется перегруппировка войск и организация новой системы их снабжения. «Я твердо убежден, — писал Эйзенхауэр, — что больше всего войск надо сосредоточить в большом районе между Швейцарией и Северным морем, откуда они могли бы быстро ворваться в самую Германию и соединиться в конечном счете с красными войсками, наступающими с востока»¹¹⁷.

Американцы стремились овладеть Парижем, но так как 19 августа в нем началось восстание, они не торопились с осуществлением своего намерения. «Верховный командующий находил, — пишет Монтгомери, — что Париж должен быть захвачен лишь тогда, когда генерал Паттон решит, что подходящий для этого момент настал, но не раньше. Важно не делать попыток захватить столицу прежде, чем это станет вполне целесообразным с военной точки зрения»¹¹⁸. Это решение было принято 20 августа. Все дивизии 1-й американской армии, освобождавшиеся в районе Аржантана, выводились к Сене севернее Парижа.

Главнокомандование «Запад» сосредоточило 2-й танковый корпус СС (пять танковых и две пехотные дивизии) восточнее линии Трэн, Шамбуа против внешнего фронта союзников, а 2-й парашютный и 47-й танковый корпуса — против внутреннего фронта окружения. В 8 часов 20 августа обе группы одновременно нанесли встречные удары. Большой успех был достигнут войсками, действовавшими против внешнего фронта окружения. В кольце окружения они проделали бреши, через которые вырвалось 40 или 50% войск¹¹⁹. Мелкие группы немцев просочились через неплотный фронт окружения позже. За два дня большая часть 7-й армии и группы Эбербаха вышла из окружения и под прикрытием 5-й танковой армии отходила за Сену. Немецко-фашистские войска переправлялись через Сену ниже Руана одновременно на широком фронте по уцелевшим и вновь наведенным мостам. Вслед за 7-й армией, отходя одновременно на всем фронте, к 28 августа завершила переправу через Сену и 5-я танковая армия.

В американской и английской литературе, посвященной второй мировой войне, встречается утверждение, что, хотя противнику и удалось вырваться из окружения, он был полностью уничтожен авиацией. Монтгомери заявляет об этом более дипломатично: «Вряд ли противнику удалось эвакуировать сколько-нибудь значительное количество танков из мешка»¹²⁰. А Бредли пишет, что «более

¹¹⁷ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 283.

¹¹⁸ B. L. Montgomery. 21-st Army Group, p. 107.

¹¹⁹ L. F. Ellis et al. Op. cit., p. 447.

¹²⁰ B. L. Montgomery. 21-st Army Group, p. 106.

70 тыс. деморализованных немецких солдат было убито или захвачено в плен в этом котле. Тем не менее за пять дней, которые Паттон ожидал Монти в Аржантане, тысячи немцев вырвались из окружения. . . »¹²¹ С 16 по 21 августа, утверждает Эллис, 21-я группа армий захватила в плен около 20 тыс. немецких солдат и офицеров, примерно такое же количество взяли в плен и американцы¹²².

Действительно, немецкие войска, особенно 7-я армия, находившиеся западнее Сены, попали в тяжелые условия и понесли большие потери. Тем не менее группа армий «Б» не утратила полностью способность оказывать сопротивление армиям союзников и сумела переправить через Сену все уцелевшие дивизии, несмотря на господство англо-американской авиации в воздухе и на то, что 7-я армия была почти целиком разгромлена. Упомянувший нами Мартин Блюменсон пишет, что «силы противника в аржантан-фалезском котле не были в такой мере дезорганизованы и уязвимы, как это иногда представляют. . . Они осуществили хорошо организованный и удачно проведенный вывод войск из окружения»¹²³.

В течение месяца союзные экспедиционные силы в Европе провели стратегическую операцию, в результате которой они нанесли серьезное поражение двум немецким армиям, вытеснили их из Нормандии и вышли на Сену. Надежда Брэдли уничтожить 7-ю армию не сбылась. И во многом он способствовал ее спасению своей пассивностью в тот момент, когда надо было проявить максимум активности и решительности, чтобы закрыть горловину «фалезского мешка». Операция между Луарой и Сеной развивалась сравнительно медленно, хотя несколько быстрее, чем во время борьбы за плацдарм. За 20 дней 3-я американская армия продвинулась примерно на 200 км, а 2-я английская и 1-я канадская на 90—120 км. Средний темп наступления у первой был 10 км, а у вторых — 4,5—6 км в сутки. И это при значительном превосходстве союзных армий в силах и средствах и абсолютном господстве их авиации в воздухе!

Низкие темпы наступления и ограниченные результаты операции обуславливались не только упорным сопротивлением немецких войск, плохими условиями погоды и местности, как об этом пишут американские и английские историки и мемуаристы. Многое здесь зависело от союзного верховного командования, которое не имело четко выраженной идеи этого весьма важного этапа военных действий и не проявило должной настойчивости в осуществлении намеченного плана, хотя и аморфного. Оно не приняло нужных мер

¹²¹ *О. Брэдли*. Указ. соч., стр. 410.

¹²² *L. F. Ellis et al.* Op. cit., p. 448. Блюменсон утверждает, что обеими группами армий захвачено в плен около 50 тыс. немецких солдат и офицеров и около 10 тыс. убитых подобрано на поле боя (*M. Blumenson*. Op. cit., p. 312).

¹²³ «Command Decisions», p. 317.

к тому, чтобы уничтожить основную массу вражеских войск западнее Сены, после чего можно было быстро выйти к Руру. Когда же такая возможность в ходе операции возникла (образование «фалезского мешка»), союзное командование оказалось негибким и нерасторопным, чтобы реализовать ее.

Серьезное влияние на результаты действий оказала также их организация. Оперативным штабам американцев и англичан впервые в своей истории пришлось руководить действиями таких объединений, как группа армий и несколько групп армий, проблемы управления которыми раньше не изучались и теоретически не разрабатывались. Союзное командование, планируя военные действия в Нормандии, намеревалось осуществить их, не изменяя группировки войск. В ходе же наступления выявилось несоответствие плана характеру операций. Под влиянием объективных условий развития вооруженной борьбы союзники были вынуждены предусматривать новые операции.

В ходе военных действий западнее Сены американские и английские генералы не решили проблему нанесения мощного первоначального удара с целью прорыва фронта противника и наращивания сил из глубины в процессе развития наступления. Удары авиации, как правило, не эффективно использовались наземными войсками; зачастую они приносили не только пользу, но и вред. Мощные ударные группировки в оперативном масштабе не создавались. В результате наступление сухопутных войск велось низкими темпами и быстро захлебывалось. Лишь у Сен-Ло удалось прорвать оборону немецких войск и развить наступление в глубину. Преследование отходящего противника, как правило, проводилось линейно, от рубежа к рубежу, а отходы и охваты не проводились с должной решительностью.

Перенос сроков вторжения американско-французских войск в Южную Францию позволил главнокомандованию «Запад» относительно свободно перебрасывать в Нормандию дивизии из Южной Франции и с побережья Бискайского залива. Вместе с тем успех операции союзников по дезинформации заставил гитлеровское командование в течение длительного времени держать нетронутой довольно сильную группировку своих войск севернее Сены.

В операциях союзных армий в Северо-Западной Франции не всегда достигалось четкое взаимодействие всех родов войск. Танковые части в основном использовались только для выполнения тактических задач; авиация, несмотря на ее многочисленность, не смогла сорвать переброску немецко-фашистских войск из Пикардии и Южной Франции.

Значительно повлияли на развитие операции американских и английских войск в Северо-Западной Франции противоречия между союзниками, их соперничество. Оно выразилось не только в том, что не удавалось согласовывать по времени боевые действия, но и в некотором недоверии американских генералов к английским и прежде всего в недовольстве решениями и в чрезмерно критическом

отношении американцев к действиям Монтгомери. Соперничество отразилось также и на оценках роли армии в проведенной операции. Монтгомери пишет, что англичане сыграли большую роль в этой операции, хотя их действия и не были эффективными, а американская пресса сообщила, что это была «американская победа». «Но мы все знаем, — утверждает далее он, — что если бы 2-я английская армия не выполнила своей задачи на восточном фланге, американцы никогда не смогли бы осуществить прорыв на западном фланге. Стратегия нормандской кампании была английской, и она имела успех благодаря первоклассной совместной боевой работе всех сражавшихся сил — английских и американских. Но как только победа стала очевидной, об английских силах стали распространяться слухи, что верховный командующий якобы выражал недовольство тем, что мы не сыграли своей роли в сражении... С того времени и до самого конца войны всегда были такие «симпатии» между английскими и американскими войсками»¹²⁴.

Брэдли также говорит о подобного рода «симпатиях», существовавших между американскими и английскими войсками. «Стремительное продвижение американских войск в середине августа, — писал он, — подорвало престиж англичан. Пока мы мчались к Парижу, обходя очаги сопротивления противника, 21-я группа армий сражалась у Кана, выполняя задачу, которая была поручена ей по плану операции «Оверлорд». Сознание того, что Монтгомери выполняет свой долг, было слабым утешением для англичан, жаждавших играть руководящую роль в наземных операциях... Эта несчастная трещина в наших отношениях, возникшая в августе, так и не была полностью ликвидирована»¹²⁵. Борьба между английскими и американскими генералами за руководящую роль в операциях в Западной Европе, за престиж порождала недоверие, подозрительность между ними и, естественно, затрудняла проведение согласованных операций.

Вторжение союзных армий на юге Франции

Заняв Рим 4 июня 1944 г., американские и английские войска в течение двух месяцев настойчиво продвигались к основанию Апеннинского полуострова. И хотя выйти в долину р. По им не удалось, а к Готской линии немецкой обороны они двигались слишком медленно и затем завязли в ней до весны следующего года, между штабами США и Великобритании весной и летом 1944 г. шла острая дискуссия о том, в каком направлении развивать дальнейшее наступление на Средиземноморском театре военных действий: в сторону Балкан и долины Дуная или же в сторону Южной Франции.

¹²⁴ «The Memoirs of Montgomery», p. 261—262.

¹²⁵ О. Брэдли. Указ. соч., стр. 384.

Как уже отмечалось, согласно решению Тегеранской конференции, союзники должны были осуществить вторжение в Южную Францию одновременно с высадкой десанта в Нормандии или даже раньше. Но уже на Каирской конференции Рузвельт, Черчилль и начальники штабов приняли планы военных действий в Италии и Юго-Восточной Европе, а в первой половине 1944 г. настойчиво пытались выполнить их. Ввиду этого задержалась переброска американских и английских войск, а также десантных средств из района Средиземного моря на Британские острова. На неопределенный срок еще 21 марта было отложено и вторжение на юге Франции¹²⁶. «В связи с отсутствием успехов операций в Италии, — записал Батчер в дневнике 21 марта 1944 г. мнение верховного командующего, — решено по существу отказаться от отвлекающей атаки в Южной Франции силами двух дивизий с дальнейшим доведением числа дивизий до десяти»¹²⁷.

Стремительное продвижение Красной Армии, с одной стороны, и медленное развитие операций в Нормандии — с другой, как уже отмечалось, беспокоило правящие и военные круги США, заинтересованные в том, чтобы союзные армии как можно быстрее заняли Францию и вышли к границам Германии. Англичане по той же причине предлагали вовсе отказаться от операции на юге Франции, завершить захват Италии и перенести военные действия на Балканы. Переговоры по вопросу о вторжении на юге Франции зашли в тупик и их было трудно вывести из него.

Чем объяснить упрямство обеих сторон? По сути дела эти разногласия были отражением англо-американских империалистических противоречий в Европе и продолжением возникшей в годы войны борьбы между правящими кругами США и Англии: куда направить главные силы — в Северо-Западную Францию или в Южную и Юго-Восточную Европу. Согласившись на Тегеранской и Каирской конференциях с тем, что вторжение в Нормандию — главная операция, англичане хотели использовать все имевшиеся на Средиземноморском театре силы и ресурсы для осуществления своей цели в Италии и на Балканах. Их, как и прежде, привлекал путь через Триест, Люблян в долину Дуная, к Вене и Будапешту. При этом Черчилль хотел сделать основную ставку на использование таких благоприятных для этого условий, как возможная капитуляция стран — сателлитов фашистской Германии или перевороты в них¹²⁸. По-видимому, он надеялся, что ему удастся осуществить цели английского империализма на Балканах путем последовательной оккупации оставляемых немецко-фашистскими захватчиками стран, а также по мере отпадения от фашистского блока стран — союзниц Германии, не ввязываясь в серьезные сражения с гитлеровскими вооруженными силами в этом районе Европы.

¹²⁶ См. С. Э. Морисон. Вторжение во Францию и Германию. 1944—1945 гг. М., 1963, стр. 238.

¹²⁷ H. Butcher. Op. cit.

¹²⁸ W. Churchill. The Second World War, v. VI. London, 1954, p. 656.

Американцы в принципе были не против идеи своего союзника, но они опасались, что для осуществления планов Черчилля потребуется слишком много американских сил и ресурсов, а это помешает им решить свои задачи в Западной Европе. Американцы учитывали также и то, что первые 300 км (из 600 км от Триеста до Вены) железная дорога проходит по узким ущельям и через высокие перевалы, используя которые даже незначительные силы немцев могут легко остановить продвижение целых армий. Слишком затянулись и операции в Нормандии. Требовались дополнительные силы, чтобы скорее пройти через Францию к Германии, после чего развить наступление на восток. Кроме всего прочего, американцам нужен был крупный порт, позволяющий доставлять на театр военных действий необходимые силы, особенно для поддержки правого крыла армий во Франции, и снабжать армии в Западной Европе. С этой точки зрения их привлекал Марсель¹²⁹, находившийся ближе к германской границе, чем Шербур и порты Бретани.

Американские политические и военные круги беспокоил также широкий размах движения Сопротивления в Южной Франции. Они учитывали также и расстояние от Гибралтара до Триеста, которое на 1000 миль больше, чем от Гибралтара до Марселя. Поэтому для обеспечения десантной операции на Истрийском полуострове потребовалось бы примерно в три раза больше судов, чем для такой же операции в Южной Франции¹³⁰. Когда война вступила в заключительный период, американцы уже не могли идти на крупный риск, да к тому же во имя реставрации английского господства в Юго-Восточной Европе. Они настойчиво требовали от своих английских партнеров согласия на вторжение на юге Франции. Их поддерживал де Голль.

В июне начальник штаба армии США Дж. Маршалл вместе с генералом Арнольдом и адмиралом Кингом посетили театры военных действий в Европе. Основная цель поездки состояла в том, чтобы выяснить возможность ускорения продвижения союзных армий во Франции. 17 июня в Казерте они встретились с командующим союзными силами на Средиземноморском театре военных действий английским генералом Уилсоном, его заместителем — американским генералом Деверсом, главным маршалом авиации Слессором и другими высшими военачальниками. Касаюсь в беседе с ними планов дальнейших действий, Маршалл говорил преимущественно о том, что нужно захватить у противника более удобный, чем Шербур, порт для приема и снабжения многочисленных американских пехотных дивизий, перебрасываемых по морю из США¹³¹. Командующий 5-й американской армией генерал Кларк пишет в своих мемуарах, что 18 июня Маршалл осветил ему «проблемы, стоявшие перед Эйзенхауэром, которого он только что

¹²⁹ См. С. Э. Морисон. Указ. соч., стр. 240.

¹³⁰ См. там же, стр. 241.

¹³¹ См. там же, стр. 242.

посетил, подчеркнув крайнюю заинтересованность Айка в операции «Энвил» (вторжение на юге Франции. — *В. К.*), чтобы открыть Марсель как порт снабжения»¹³². Хотя доводы Маршалла произвели впечатление на Уилсона, он тем не менее 19 июня рекомендовал отказаться от операции на юге Франции¹³³.

23 июня Эйзенхауэр рекомендовал Объединенному совету начальников штабов как можно скорее начать операцию «Энвил», так как только она, по его мнению, могла оказать существенное влияние на ход боевых действий в Нормандии и дать возможность использовать участвовавшие в ней войска в предстоящем сражении за Рур. При этом он потребовал, чтобы в случае отказа от операции «Энвил» все находившиеся в районе Средиземного моря французские, а также одна-две американские дивизии до 30 августа были направлены во Францию в его распоряжение через любые порты, которые к тому времени окажутся у союзников¹³⁴.

В пользу операции «Энвил» высказывались американские начальники штабов и Рузвельт. «... Ввиду огромного значения фактора времени для операции «Оверлорд», — говорилось в послании начальников штабов в Лондон 24 июня, — генерал Уилсон должен сделать все для того, чтобы начать операцию «Энвил» до 1 августа, учитывая, что вероятнее всего к этому времени способность немцев к сопротивлению будет значительно ниже, чем в мае или июне». Эйзенхауэра обязали выделить десантные суда, необходимые для высадки морского десанта в составе трех дивизий, и отправить их из Великобритании не позднее 1 июля. Кроме того, он должен был отправить не позднее 10 июля необходимые для операции военно-морские силы и бомбардировочную авиацию¹³⁵. 27 июня американские начальники штабов снова повторили свои аргументы. Но поскольку принятие решения уже не терпело отлагательства, Черчилль 28 июня направил личное послание Рузвельту, в котором повторил доводы своих начальников штабов и напомнил о том, что президент говорил ему в Тегеране об Истрии¹³⁶.

На следующий день президенту США была направлена длинная памятная записка. В ней Черчилль со всей страстностью доказывал выгоду принятия английского плана операций на Средиземноморском театре военных действий. В конце записки он призывал президента «принять решение не срывать одну великую кампанию ради того, чтобы выиграть другую. Можно выиграть обе»¹³⁷. Но на Рузвельта эта памятная записка не произвела впечатления. Он тут же направил Черчиллю ответ, подготовленный

¹³² *M. W. Clark. Calculated Risk. New York, 1950, p. 380.*

¹³³ *См. С. Э. Морисон. Указ. соч., стр. 242.*

¹³⁴ *См. там же, стр. 243; Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 241.*

¹³⁵ *См. Дж. Эрман. Большая стратегия. Август 1943—сентябрь 1944. М., 1958, стр. 356—357.*

¹³⁶ *См. там же, стр. 358—359.*

¹³⁷ *W. Churchill. Op. cit., v. VI, p. 656—662.*

генералом Маршаллом. Сославшись на решение Тегеранской конференции, Рузвельт поддержал мнение своих начальников штабов о проведении вторжения в Южную Францию. Далее он писал: «Я не могу согласиться с использованием американских войск для действий в Истрии и на Балканах и не думаю, что французы согласятся на такое применение их войск»¹³⁸. В конце письма он еще раз подчеркнул: «... По чисто политическим причинам внутреннего порядка я не мог бы выдержать даже малейшего поражения в операции «Оверлорд», если бы стало известно, что довольно крупные силы отвлечены на Балканы»¹³⁹.

Вашингтон не ограничивался только просьбами. 29 июня командующий 15-й группой армий генерал Александер известил Лондон о том, что американцы самочинно начали отводить в Италию с фронта в тыл некоторые воинские части, и просил поскорее принять решение¹⁴⁰. Англичанам ничего не оставалось делать, как только принять американское предложение, хотя 1 июля Черчилль еще раз обратился к Рузвельту с посланием, в котором сообщал, что глубоко опечален поведением союзника, и выражал надежду, что президент США еще пересмотрит свое решение¹⁴¹. На этот раз Рузвельт был неумолим. Он считал неразумным расплывать силы между Европейским и Средиземноморским театрами военных действий и полностью поддерживал своих начальников штабов¹⁴². Англичане сдались.

2 июля генералу Уилсону была направлена директива Объединенного совета начальников штабов: «1. Операцию «Энвил» следует начать в возможно короткий срок. Примите все меры к тому, чтобы это произошло не позднее 15 августа. Проведите подготовку к операции, имея в виду следующее: высадка производится силами примерно трех дивизий; численность авиации устанавливается позже; как только это позволят предоставленные в Ваше распоряжение ресурсы, доведите силы десанта по крайней мере до десяти дивизий. При проведении подготовки учитывайте дальнейшее падение способности немцев к сопротивлению и огромную важность оказания быстрой поддержки операции «Оверлорд». 2. Все силы и средства, имеющиеся на Средиземноморском театре и не требующиеся для операции «Энвил», используйте для выполнения указаний директивы относительно военных действий в Италии»¹⁴³. После этого началась целеустремленная подготовка операции.

Таким образом, для достижения окончательного соглашения между США и Великобританией по принятому на конференции в Тегеране решению потребовалось еще более полугода.

¹³⁸ *W. Churchill. Op. cit., v. VI, p. 662.*

¹³⁹ *Ibid., p. 662—664.*

¹⁴⁰ *См. Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 361.*

¹⁴¹ *См. там же, стр. 362—363.*

¹⁴² *См. там же, стр. 363.*

¹⁴³ *Там же, стр. 364.*

Зная о вероятности вторжения союзных войск на юге Франции, командование фашистского вермахта держало 19-ю армию на Средиземноморском побережье. В период с июня по 15 августа 1944 г. оно было вынуждено перебросить из Южной Франции в Нормандию ряд наиболее боеспособных дивизий, а вместо них направить менее боеспособные, а также дивизии, разбитые в Нормандии.

К началу вторжения американско-французских войск южное побережье Франции общим протяжением около 500 км обороняли 8 немецких дивизий, в том числе 1 танковая, 2 резервные и 5 пехотных¹⁴⁴. Боеспособность пехотных и резервных дивизий, укомплектованных личным составом на 50—80%, да к тому же в основном не немцами, была невысокой. Так, наиболее сильная 11-я танковая дивизия насчитывала 26 легких и 89 средних танков и 8 самоходных орудий. Переброшенная в начале августа с побережья Бискайского залива в Нарбон, а затем в Авиньон, эта дивизия составляла резерв командующего 19-й армией. Значительная часть имевшихся на юге Франции сил отвлекалась на борьбу с партизанами.

Оборона побережья, слабо подготовленная в инженерном отношении, на наиболее ответственных участках была развита в глубину не более чем на 2—3 км. Основные узлы обороны находились в Марселе и Тулоне. Остальное побережье прикрывалось очень небольшими силами.

Немецкая авиация в Южной Франции не представляла сколько-нибудь серьезной силы: к началу вторжения она насчитывала не более 200 самолетов и могла вести только разведку, да и то ограниченную. Гитлер отделивался от настойчивых требований главнокомандования «Запад» обещаниями усилить немецкую авиацию во Франции.

Военно-морской флот Германии в западной части Средиземного моря был также весьма слабым. Он имел в своем составе 6 итальянских миноносцев, 10 торпедных катеров, 5 минных заградителей и 10 подводных лодок. Начальник штаба военно-морских сил США адмирал Кинг писал: «Общая обстановка в западной части Средиземного моря была благоприятной для морских десантных операций на протяжении всего лета. Опасность со стороны подводных лодок была быстро ликвидирована, а вражеский надводный флот не представлял серьезной угрозы»¹⁴⁵.

Пока вопрос о вторжении на юге Франции обсуждался в политических кругах и высших штабах США и Англии, штаб 7-й американской армии, на который после завершения операции на Сицилии была возложена задача по разработке плана операции «Энвил», еще в декабре 1943 г. приступил к изучению условий ее проведе-

¹⁴⁴ Пехотные дивизии были сведены в три корпуса — 62-й резервный, 85-й особого назначения и 4-й авиационной (Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4050, 4051).

¹⁴⁵ «The War Reports...», p. 630.

ния. Он тщательно отобрал и исследовал все имевшиеся материалы о французской Ривьере — географические и исторические описания, карты, фотоснимки и разведывательные данные. Особое внимание было уделено изучению пляжей, для чего пригодились даже любительские снимки. Еще в 1942 г. военно-морские разведывательные органы обратились ко всем, кто имел фотографии европейских и африканских пляжей, с просьбой передать их им. Собранные снимки были использованы при выборе участков десантирования¹⁴⁶.

Штаб подготовил несколько вариантов плана вторжения. Это позволило ему, после того как он 2 июля 1944 г. получил распоряжение Объединенного совета начальников штабов осуществить вторжение¹⁴⁷, отобрать наиболее подходящий из них и в короткий срок подготовить окончательный план.

Для проведения десантной операции 7-й армии выделялись 6-й американский корпус (три пехотные дивизии и специальные части), который высаживался у Анцио в январе 1944 г., 2-й французский армейский корпус (три пехотные и одна бронетанковая дивизии), а также 2-я английская парашютная бригада, американский парашютный полк, два парашютных батальона, из которых была сформирована воздушнодесантная боевая группа «Регби», части полевой и противотанковой артиллерии. Позже, в конце августа — начале сентября, предполагалось направить в Южную Францию 1-й французский армейский корпус (пехотная, горная и бронетанковая дивизии и специальные части)¹⁴⁸.

Поддержка с воздуха высадки морского десанта и его действий на берегу была возложена на стратегическую авиацию союзников на Средиземноморском театре военных действий, 12-ю американскую армию тактической авиации, усиленную английскими военно-воздушными силами на Средиземном море. Для участия в операции привлекалось около 4700 самолетов. Часть из них (44 эскадрильи тактической авиации) базировалась на 14 аэродромах о. Корсика, а остальные — в Италии¹⁴⁹.

Высадку десанта с моря обеспечивала Западная оперативная группа 8-го флота. Она выделяла для операции 80 танко-десантных транспортов и 240 десантных транспортов, 130 торговых судов, 1370 десантно-высадочных катеров и примерно 230 боевых кораблей, в том числе 5 линкоров и 9 эскортных авианосцев¹⁵⁰.

Командующий и штаб 7-й армии избрали следующий способ операции: подавление обороны противника авиацией и сосредоточенный удар всеми видами вооруженных сил на узком участке морского побережья, чтобы обеспечить захват в короткий срок плацдарма, с ко-

¹⁴⁶ См. С. Э. Морисон. Указ. соч., стр. 248.

¹⁴⁷ См. Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 364.

¹⁴⁸ «The Seventh United States Army», v. III. Heidelberg, 1946, p. 907—913.

¹⁴⁹ «The War Reports...», p. 384.

¹⁵⁰ См. Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 367; С. Э. Морисон. Указ. соч., стр. 259.

того затем предпринять наступление на запад и на север. Замысел операции (схема 9) предусматривал высадку морского десанта в районе Сен-Троpez, Гассен, захват оперативного плацдарма восточнее Тулона, с которого затем французские войска предпринимали сначала наступление на запад, чтобы овладеть Тулоном и Марселем, а потом все силы союзников должны были продвигаться на Лион и Виши¹⁵¹ (60 км северо-западнее Лиона).

Общий план вторжения состоял из планов действий сухопутных войск, военно-морского флота, военно-воздушных сил и снабжения десантных войск.

В первом из них определялись задачи и порядок действий сухопутных сил. 6-й американский корпус¹⁵² высаживал одновременно три усиленные пехотные дивизии на побережье от Рафаэля до мыса Бена, а затем наступал в глубь побережья до соединения с воздушным десантом, который высаживался между Видобаном и Ле Люком. Во втором эшелоне высаживалось боевое командование 1-й французской бронетанковой дивизии. На третий день вторжения 6-й американский корпус должен был захватить плацдарм, выйдя на рубеж Рафаэль, Видобан, Ле Люк, мыс Бена; в дальнейшем ему предстояло наступать на северо-запад к рекам Дюранс и Рона.

2-му французскому армейскому корпусу¹⁵³ нужно было начать высадку на плацдарм на второй день операции и сосредоточиться западнее Гассена; в последующем выйти на левый фланг 6-го американского корпуса и предпринять наступление на Тулон, а затем на Марсель и в северо-западном направлении. Во время всех этих действий его правый фланг прикрывался 6-м американским корпусом.

Воздушнодесантная боевая группа сбрасывалась на высоты между городами Видобан и Ле Люк с задачей не допустить подхода немецко-фашистских войск к району высадки морского десанта

¹⁵¹ «The Seventh United States Army», v. I. Heidelberg, 1946, p. 57.

¹⁵² 6-й корпус имел в своем составе 3, 45-ю и 36-ю пехотные дивизии, боевое командование 1-й французской бронетанковой дивизии, 3 штаба групп полевой артиллерии, 3 дивизиона 105-мм самоходных гаубиц, 4 дивизиона 155-мм гаубиц, дивизион 105-мм пушек, 2 дивизиона 155-мм пушек, штаб бригады зенитной артиллерии, 3 штаба групп зенитной артиллерии, 3 дивизиона самоходной автоматической зенитной артиллерии, 5 дивизионов автоматической зенитной артиллерии, 4 дивизиона зенитных пушек, 3 батареи аэростатов заграждения, 3 танковых батальона, кавалерийский (моторизованный) разведкадрон, инженерные и химические части и подразделения, а также учреждения и части тыла («The Seventh United States Army», v. I, p. 57).

¹⁵³ В состав корпуса входили: 1-я французская моторизованная, 3-я алжирская, 9-я колониальная пехотные дивизии, 1-я французская бронетанковая дивизия без одного командования, Алжирский и артиллерийский полки, артиллерийская группа, штабы бригады и группы зенитной артиллерии, 2 дивизиона зенитной артиллерии, 2 танко-истребительных и инженерный полки, части связи, медицинского обслуживания, органы тыла и снабжения.

с северо-запада. С подходом к ней части 6-го американского корпуса она переподчинялась ему; впоследствии предполагалось вывести ее в резерв 7-й армии.

В ночь накануне вторжения 6-го корпуса на его флангах высаживались три боевые группы: 1-я французская — западнее г. Канн, чтобы перерезать дороги, ведущие от Канна на Рафаэль, и потом отойти на правый фланг 6-го американского корпуса; 2-я французская — восточнее Ле Лейанду для уничтожения там оборонительных сооружений и блокирования дороги к району высадки с запада; 3-я боевая группа — с целью захвата островов Дю-Леван, Пор-Кро и Поркероль.

Как и в операции в Нормандии, для каждой высаживавшейся на побережье дивизии первого эшелона была определена оперативная группа кораблей и десантных судов, которая вместе с дивизией составляла десантный отряд. Таких отрядов было создано три¹⁵⁴. После высадки на побережье 6-го американского корпуса корабли и десантные суда предполагалось использовать для переброски 2-го французского корпуса. Кроме того, флот создавал еще три группы. Оперативная группа управления состояла из 43 эскадренных миноносцев, 26 торпедных катеров, а также канонерских лодок, минных тральщиков, посыльных судов, транспортных судов с запасами, угольщиков, танкеров и ремонтных кораблей. В этой группе находился флагманский корабль «Катоктин», на котором размещались командные пункты 7-й армии и 6-го корпуса. Группа не только обеспечивала управление высадкой и действиями морского десанта, но и была резервом боевых кораблей. Поскольку на о. Корсика не хватало аэродромов для базирования всей истре-

¹⁵⁴ Конвой боевых кораблей оперативной группы № 84, обеспечивавшей высадку в районе Сен Троpez, состоял из линкора, тяжелого крейсера, 5 легких крейсеров, 6 эскадренных миноносцев, 13 малых кораблей. Для высадки 3-й пехотной дивизии (28 756 солдат и офицеров и 3636 машин всех видов) было выделено 122 транспортных судна, а для войск 2-го французского корпуса (34 тыс. солдат и офицеров и 4951 машина) — 50 крупных транспортов. Посадка производилась в Неаполе.

Оперативная группа № 85 (45-я пехотная дивизия — 36 654 человека и 5359 автомашин) насчитывала 24 крупных транспорта и 106 десантно-высадочных судов. Конвой боевых кораблей состоял из 2 линкоров, 3 легких крейсеров, 11 эскадренных миноносцев и 43 мелких боевых кораблей. Посадка морского десанта производилась в Таранто и других портах Южной Италии.

Оперативная группа № 87 производила погрузку 36-й пехотной дивизии в Неаполе и одного боевого командования 1-й французской бронетанковой дивизии в Оране (Северная Африка). Для переброски этой дивизии и средств усиления (31 355 человек и 4313 автомашин) предназначалось 20 транспортов и 91 десантно-высадочное судно. Переброска одного боевого командования 1-й французской бронетанковой дивизии (5 тыс. человек и 1 тыс. машин всех видов) производилась 5 танкодесантными транспортами и 7 десантно-высадочными катерами. Конвой кораблей формировался в Оране и состоял из линейного корабля, тяжелого крейсера, 5 легких крейсеров и 11 эскадренных миноносцев («The Seventh United States Army», v. I, p. 97—98).

бительной авиации, участвовавшей в операции, создавалась оперативная группа авианосцев (7 английских и 2 американских), которая формировалась в английской военно-морской базе Мальта. Конвой этой группы состоял из 4 зенитных крейсеров и 14 эскадренных миноносцев. Наконец, в оперативную группу кораблей, предназначенную для обеспечения высадки боевых групп на острова Дю-Леван, Пор-Кро и Поркероль, были включены 5 транспортов, 3 средних и 2 малых пехотных десантно-высадочных катера. Конвой боевых судов включал французский линкор, тяжелый крейсер, 5 легких крейсеров, 3 эскадренных миноносца, 16 торпедных катеров и 15 малых кораблей¹⁵⁵.

Авиационная подготовка высадки морского десанта делилась на предварительную, которая заканчивалась за 10 дней до начала вторжения, и непосредственную (велась в последние 10 дней)¹⁵⁶. Во время подготовки, фактически начавшейся 29 апреля 1944 г. воздушным налетом на Тулон, американские военно-воздушные силы подвергли бомбардировке важнейшие центры Южной Франции. В период непосредственной подготовки, с 5 по 15 августа, американская авиация должна была совершить налеты на береговые батареи, радиолокационные станции, районы расположения немецких войск и нанести удары по мостам и железнодорожным станциям с целью изоляции района высадки десанта. Чтобы скрыть от противника избранный для высадки десанта район и достигнуть тактической внезапности, постоянные налеты авиации проводились одновременно на районы Виареджио (в Италии) и Безье. Бомбардировка этих районов прекратилась в 18 часов накануне дня вторжения. За 3 часа 50 минут до начала высадки морского десанта предполагалось использовать все имевшиеся бомбардировщики для максимального подавления обороны немецко-фашистских войск в районе высадки морского десанта.

Высадку воздушного десанта обеспечивали 32 эскадрильи боевой и транспортной авиации, насчитывавшие 415 самолетов.

Материальное снабжение участвовавших в операции американских и французских войск осуществлялось американскими тыловыми службами на Средиземноморском театре военных действий. Так как американское командование предполагало овладеть Тулоном только на 16-й день вторжения, а Марселем — на 41-й, оно считало, что снабжать высадившиеся войска в течение первых 20 дней придется без оборудованных гаваней.

Союзники переоценивали силы и возможности немецко-фашистских войск. Поэтому они, несмотря на то что противник не имел возможности оказать вторгавшимся войскам серьезное сопротивление, планировали такие же темпы наступления, как и в Нормандской операции. Захват и расширение плацдарма предполагалось осуществить за 40 дней. Выход войск в район Лиона и Виши на-

¹⁵⁵ «The Seventh United States Army», v. I, p. 95—96.

¹⁵⁶ W. F. Graven, J. L. Cate. Op. cit., p. 416.

мечался лишь на 90-й день вторжения, при среднем темпе наступления менее 3 км в сутки.

Штаб 7-й армии много внимания уделял так называемым гражданским делам. Под этим термином понималось установление военной администрации на отвоеванной у противника территории Франции. В марте 1944 г. при штабе армии был сформирован и подготовлен специальный отряд, который имел 200 офицеров и 400 рядовых. Все они были американцами или англичанами. Французские офицеры использовались лишь для установления связи с местными властями. Отряд подчинялся помощнику начальника штаба армии, ведавшему «гражданскими делами»¹⁵⁷.

Американское командование создало специальный отдел для связи с отрядами движения Сопротивления. И здесь, как и на севере Франции, оно предпринимало немало попыток подчинить себе действия сил Сопротивления и направлять их в интересах десантной операции. «Основным соображением было то, чтобы действия сил Сопротивления приносили максимальную помощь операциям союзников на континенте. Не имелось времени для романтических и сентиментальных жестов»¹⁵⁸.

Войска 6-го американского и 2-го французского корпусов, до этого участвовавшие в боях в Италии, с 15 июня и до начала августа 1944 г. приводились в порядок, пополнялись и проходили специальную подготовку к десантной операции. Они осваивали новую боевую технику, отработывали организацию взаимодействия между различными родами войск в период высадки морского десанта и действий его на берегу. Тренировались войска в специальных учебных центрах, созданных в Южной Италии и в Северной Африке.

В середине августа, когда союзные армии сокрушали немецкие войска в «фалезском мешке» и подходили к Сене и Парижу, в десантной операции на юге Франции уже не было такой стратегической необходимости, как в июне—июле. Гитлеровские войска не могли долго задерживаться во Франции; они вынуждены были отступить не только на севере, но и на юге, чтобы сохранить силы для прикрытия западной границы Германии. Вооруженные силы движения Сопротивления во Франции, насчитывавшие к тому времени около 500 тыс. бойцов, перешли в наступление и освободили провинции южнее Луары и западнее Роны; район между г. Экс и р. Роной и Западные Альпы к востоку от Гренобля находились под контролем французских партизан. Сложились условия, благоприятные для полного освобождения южной части страны силами французского народа. Но США твердо проводили в жизнь намеченный план, несмотря на возражения англичан. Американцы все меньше стали считаться с интересами союзника. Черчилль в беседе со своими начальниками штабов заявил, что «американцам нужно со

¹⁵⁷ «The Seventh United States Army», v. I, p. 70.

¹⁵⁸ Ibid., p. 68.

всей ясностью дать понять, что они с нами обошлись дурно и что мы страшно возмущены»¹⁵⁹.

Посадка войск и погрузка боевой техники и предметов снабжения производились 11, 12 и 13 августа в Неаполе, Таранто, Бриндизи, Палермо, Орানে, а также в портах Корсики. Основная масса войск направлялась из Неаполя. Десантные отряды из портов Италии, Сицилии и Алжира к исходу дня 12 августа 1944 г. по четырем фарватерам вышли к Корсике, где находился контрольный район их прохождения. В ночь на 15 августа они направились к месту высадки морского десанта.

Штаб 19-й армии знал о подготовке союзниками десантной операции на Средиземноморском побережье и считал, что она начнется примерно 15 августа, однако ему не удалось установить район высадки¹⁶⁰.

Стратегическая бомбардировочная авиация союзников с 29 апреля и до 15 августа совершила 5408 самолето-вылетов и сбросила 6407 т бомб, большей частью на железные дороги и мосты Южной Франции. Тактическая авиация наносила удары по батареям береговой обороны, радиолокационным станциям, районам обороны немецких войск. Всего за все время авиационной подготовки десантной операции на юге Франции американская и английская авиация сбросила до 12 500 т бомб¹⁶¹. Ожесточенные налеты почти не встречали сопротивления со стороны немецкой противовоздушной обороны. За последние пять дней перед вторжением потери американской авиации составили всего 50 самолетов. В последние 24 часа, предшествовавшие началу высадки морского десанта, военно-воздушные силы союзников занимались в основном обработкой побережья. Бомбардировщики сбрасывали бомбы на склады горючего, районы расположения автотранспорта, радиолокационные установки и позиции береговой артиллерии. За час до начала операции основной удар авиация нанесла по району высадки морского десанта. Она сделала 969 самолето-вылетов и сбросила 774 т бомб. Другая часть военно-воздушных сил, в основном истребители и истребители-бомбардировщики, прикрывала десантные отряды, выходившие к району вторжения¹⁶².

Две морские диверсионные группы, включавшие и тяжелые корабли, в 18 часов 14 августа демонстрировали высадку морского десанта между Марселем и Тулоном (в районе Ла Съоты) и восточнее Канна. В ночь на 15 августа у Ла Съоты был сброшен ложный воздушный десант¹⁶³.

Французские диверсионные группы без малейшего сопротивления немецко-фашистских войск высадились на островах Пор-Кро

¹⁵⁹ Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 367.

¹⁶⁰ См. С. Э. Морисон. Указ. соч., стр. 257—258.

¹⁶¹ См. там же, стр. 256—257.

¹⁶² W. F. Graven, J. L. Cate. Op. cit., p. 427—428.

¹⁶³ «The Seventh United States Army», v. I, p. 104.

и Дю-Леван¹⁶⁴ и к исходу 15 августа заняли их. Радиолокационные установки, расположенные на этих островах, были ликвидированы. Не встретив сопротивления противника и диверсионная группа, высадившаяся восточнее м. Бена. Несмотря на беспорядочность высадки, она на рассвете 15 августа перехватила дороги, ведущие к району высадки с запада¹⁶⁵. Неудачной была лишь высадка французских разведчиков-подрывников (67 человек) западнее Канна. Они натолкнулись на минное поле и были обстреляны немцами. Потеряв почти половину своего состава и бросив все снаряжение, разведчики-подрывники отошли.

В 4 час. 30 мин. 15 августа, в «день Наполеона», началась высадка воздушнодесантной боевой группы. В течение получаса были сброшены парашютисты, а с рассветом начали приземляться планеры и транспортные самолеты. За день вся воздушнодесантная группа, насчитывавшая 5100 человек, высадилась¹⁶⁶. Противник не оказал ей никакого сопротивления в воздухе. Несмотря на столь благоприятные условия, из-за недостаточной подготовки летчиков было потеряно 148 планеров из 407, а из 287 т груза, сброшенного на парашютах в течение первых двух дней, десантным частям попало лишь 40%¹⁶⁷. Тем не менее воздушнодесантная боевая группа выполнила свою задачу.

Утром того же дня под прикрытием авиации и военно-морского флота началась высадка морского десанта. В первый день вторжения авиация произвела около 4249 самолето-вылетов. Основные ее усилия направлялись на то, чтобы ожесточенной бомбардировкой узлов дорог, мостов и переправ через реки Дюранс и Аржан¹⁶⁸ не допустить подхода немецко-фашистских войск к району высадки десанта. Истребители производили налеты с авианосцев и с баз на Корсике. Авиационная бомбардировка побережья была прекращена за полчаса до начала операции. Во время ее ни один немецкий самолет не появился в воздухе.

Удары последних четырех волн бомбардировщиков совпали с обстрелом побережья боевыми кораблями, который продолжался 1 час 45 минут. В период артиллерийского обстрела и авиационной бомбардировки транспортные суда подошли к побережью. Войска, пересаживаемые на десантно-высадочные средства (катера, боты, автомобили-амфибии и т. д.), в 8 часов начали высадку на фронте 70 км, в семи пунктах. За 10 минут до начала их высадки корабельная артиллерия перенесла огонь на фланги¹⁶⁹.

В районе высадки американских и французских войск оборонялось около пяти батальонов 242-й пехотной и 143-й резервной

¹⁶⁴ Ibid., p. 107.

¹⁶⁵ Ibid., p. 114.

¹⁶⁶ W. F. Graven, J. L. Cate. Op. cit., p. 427.

¹⁶⁷ «The Seventh United States Army», v. I, p. 105.

¹⁶⁸ W. F. Graven, J. L. Cate. Op. cit., p. 429; «The Seventh United States Army», v. I, p. 105.

¹⁶⁹ «The Seventh United States Army», v. I, p. 105.

дивизий. Они скорее вели наблюдение, чем обороняли побережье. Основные же силы 242-й немецкой дивизии находились в Тулоне, т. е. почти в 40 км от района высадки. На участке от Канна до франко-итальянской границы занимала оборону 148-я резервная дивизия; главные ее силы дислоцировались в районе Ниццы. Ближайшие оперативные резервы не могли оказать быстрой помощи немецким частям на побережье, так как находились не ближе 120—170 км от района вторжения американских войск¹⁷⁰.

За два дня дивизии 7-й армии, не встречая серьезного сопротивления немецко-фашистских войск, создали плацдарм размером 80 км по фронту и 30—35 км в глубину и приступили к дальнейшему выполнению своего плана. 16 августа на плацдарм начали высаживаться части 2-го французского корпуса.

19 августа командующий 7-й американской армией так определил ее дальнейшие задачи: «7-я армия продолжает наступление на запад и на север, захватывает и закрепляет Тулон и Марсель». 2-й французский корпус, усиленный двумя дивизионами полевой артиллерии, получил задачу в 12 часов 20 августа начать наступление на Тулон, а 6-й американский корпус — разведать район Каstellян, Динь, установить контакт с отрядами сил Сопротивления и вести разведку на север; иметь в готовности одну дивизию для наступления на Гренобль; захватить Систерон и переправиться через р. Дюранс; прикрыть сосредоточение 2-го французского корпуса; подготовиться продолжать наступление по приказу командующего армией. На воздушнодесантную группу возлагается прикрытие правого фланга 6-го американского корпуса и ведение разведки в районе Грас, Серанон¹⁷¹.

Как видно из этого приказа, основные усилия войск на приморском фланге направлялись на захват портов Тулон и Марсель. На остальном участке фронта намечались пассивные действия, имевшие целью подготовить условия для дальнейшего наступления на север.

Проиграв сражение в Северо-Западной Франции, гитлеровское командование оказалось перед лицом нового крупного наступления союзников на юге Франции. Как уже отмечалось, 16 августа оно приняло решение оставить Францию и отвести войска к границам Германии. В тот же день был отдан приказ об отводе всех тыловых частей, а также не участвовавших в боевых действиях войск группы армий «Г», кроме гарнизонов городов-крепостей, на рубеж Париж, Орлеан. Через день, 18 августа, ОКВ уточнило рубеж отвода войск группы армий «Г»: от р. Сона до швейцарской границы¹⁷². В Марселе, Тулоне, Ла Рошели и в устье р. Гароны оставлялись гарнизоны, которым приказывалось удерживать занимаемые пункты во что бы то ни стало.

¹⁷⁰ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4051.

¹⁷¹ «The Seventh United States Army», v. III, p. 929—930.

¹⁷² *M. Blumenson. Op. cit.*, p. 286.

Вывод немецко-фашистских войск из района западнее Роны начался сразу после получения ими приказа. Командующий 19-й армией намеревался, прикрывшись 338-й пехотной и 11-й танковой дивизиями, отвести свои главные силы из района западнее Роны, а также войска, находившиеся южнее р. Дюранс, сосредоточить их у Авиньона, привести в порядок и под прикрытием сильных арьергардов отойти на север, где присоединиться к южному крылу группы армий «Б». В Тулоне он оставил гарнизон в 800 человек из 242-й пехотной дивизии, а в Марселе — 700 человек из 244-й пехотной дивизии¹⁷³.

Уже 21 августа части 198-й пехотной и 189-й резервной дивизий были отведены в долину Роны и сосредоточены у г. Арль. В последующем сюда отошли главные силы обеих дивизий и 716-я пехотная дивизия, находившаяся у франко-испанской границы¹⁷⁴. Войска отходили только ночью. 1 сентября командующий группой армий «Г» доложил из Дижона Моделю, что отход войск завершен. Циммерман пишет: «Даже до сегодняшнего дня кажется чудом, что, несмотря на мощные атаки противника, 19-я армия сумела совершить марш вдоль всей р. Рона»¹⁷⁵.

Конечно, если беспристрастно изучить ход операции, то станет вполне очевидным, что никакого чуда не произошло. Не кто иной, как сами американцы своим способом ведения операции создали условия для успешного отступления немецко-фашистских войск из Южной Франции. Сосредоточив все внимание на захвате Тулона и Марселя, командующий 7-й американской армией дал немцам возможность спокойно отвести войска с побережья на новый рубеж.

Согласно приказу, 2-й французский корпус начал наступление на Иер, Тулон, Марсель. При этом, наступая, корпус разделился на пять групп. Три группы, каждая из которых состояла из усиленной пехотной дивизии, получили задачу наступать одновременно на все три города, чтобы блокировать их с суши и при поддержке авиации и флота захватить. Четвертая группа (части 1-й французской бронетанковой дивизии и алжирские стрелки) прикрывала наступление на Тулон и Марсель с севера. Пятая группа являлась резервом командира корпуса¹⁷⁶.

Вскоре после начала наступления французские войска заняли Иер. К 28 августа при помощи вооруженных сил Сопротивления и восставшего населения овладели Тулоном.

В Марселе вспыхнуло восстание. В нем принимали участие десятки тысяч марсельцев и бойцов движения Сопротивления. Восставшие почти полностью очистили город и порт до подхода французских войск. 28 августа Марсель был занят.

Пока французский корпус занимал порты Марсель и Тулон,

¹⁷³ «The Seventh United States Army», v. I, p. 182—183.

¹⁷⁴ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4057, 4058, 4059, 4060, 4061.

¹⁷⁵ З. Вестфаль и др. Роковые решения. М., 1958, стр. 246.

¹⁷⁶ «The Seventh United States Army», v. I, p. 152—153.

части 6-го американского корпуса наступали на север и северо-запад. Специально созданный разведывательный отряд продвигался в направлении на Гренобль, встречая лишь незначительное сопротивление разрозненных групп 157-й немецкой резервной дивизии. За ним шла 36-я американская пехотная дивизия. 22 августа ее передовые части заняли Гренобль.

Отряды сил Сопротивления и разведка сообщили американскому командованию, что дороги, ведущие к Лиону с востока и юго-востока, не заняты противником¹⁷⁷. Однако американцы не воспользовались возможностью совместно с силами Сопротивления захватить Лион и перерезать пути отхода 19-й армии на север. 21 августа основные части 36-й пехотной дивизии были повернуты на Монтелимар, куда они подошли 25 августа и остановились. Тем временем все войска 19-й армии находились в долине Роны в движении на север.

Высадившись на побережье, американские и французские войска не провели ни одного сражения с крупными силами противника. Захват и расширение плацдарма происходили в условиях начавшегося отступления немецких войск из Южной Франции. Наступление же американских и французских войск велось медленно, чрезмерно осторожно, способами, пригодными лишь при наступлении на прочную оборону противника, но совершенно не соответствовавшими условиям создавшейся обстановки.

Вторжение на юг Франции не оказало существенного влияния на ход военных действий в северной части страны, как это первоначально предполагал совет начальников штабов. Наоборот, наступление союзных армий из Нормандии к Сене и Луаре, национальное восстание во Франции заставили гитлеровское командование ускорить отвод 19-й армии, дабы не потерять ее полностью.

¹⁷⁷ «The Seventh United States Army», v. I, p. 190.

К западным границам Германии

Рур — ближайшая цель союзных армий

В военных действиях на территории Франции наступил резкий перелом в пользу союзных армий. Эйзенхауэр считал, что им придется проводить специальную операцию по форсированию Сены. Теперь необходимость в такой операции отпадала. Значительно уступая союзникам по численности и боевой мощи частей и соединений, немецко-фашистские войска во Франции уже не могли без значительного пополнения сдерживать их наступление и одновременно вести борьбу с силами движения Сопротивления. Напряженная борьба на советско-германском фронте от Карельского перешейка до Черного моря и огромные потери вермахта не позволили гитлеровской ставке серьезно усилить свои войска на Западе. До середины июля 1944 г. на восполнение потерь группе армий «Б» было направлено всего лишь 6 тыс. человек. К концу августа потери германских войск составили около 300 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести; общая же численность пополнений, прибывших на фронт к этому времени, составила 40 тыс. человек¹. Всего за три месяца немцам удалось перебросить во Францию две танковые и пехотную дивизии из резерва и две моторизованные дивизии из Италии². 13 сентября начальник генерального штаба сухопутных сил и генерал-инспектор танковых войск фельдмаршал Г. Гудериан докладывал Гитлеру, что «в связи с общей обстановкой на фронтах в настоящее время невозможно доставлять на Западный театр военных действий танки и бронированные машины в требуемом количестве. Поэтому тем более следует обеспечить использование каждого доставленного на фронт танка и боевой машины в соответствии с его боевым назначением и беречь его»³.

К 28 августа 21-я группа армий вышла на Сену от Манта до ее устья (схема 10). Поскольку немецкие войска не могли создать обо-

¹ См. «Военно-исторический журнал», 1960, № 5, стр. 91; *H. Speidel*. Invasion 1944. Tübingen—Stuttgart, 1950, S. 121—137.

² Архив МО СССР. ф. 6598, оп. 721603, д. 4237—4244; 4006—4067.

³ Там же, оп. 725167, д. 939, лл. 85—86.

рону на Сене и вынуждены были отступить, она начала переправу через реку. Войска левого крыла 12-й американской группы армий вступили в освобожденный французскими патриотами Париж, а на правом переправились через Сену и, не встречая крупных немецких сил, двигались к Марне. Два корпуса 3-й и корпус 1-й американских армий, глубоко обойдя левый фланг главных сил группы армий «Б», вышли на Марну и захватили переправы, а к концу августа овладели городами Шалон-сюр-Марн, Реймс, Лаон и Суассон. В полосе 1-й американской армии 19-й корпус переправился через Сену ниже Парижа, а 5-й корпус, пройдя через столицу Франции, в конце августа подходил к Компьену. 15-й корпус, возвращенный 3-й американской армии, выводился в район восточнее Парижа⁴.

Обе группы армий базировались на Шербур и небольшие порты в Сенской бухте, в том числе и искусственные. Осенью пропускная способность мелких и искусственных портов из-за ухудшения погоды еще больше ограничивалась. В конце августа длина коммуникаций союзных армий достигла 180—300 км. Захватом некоторых крупных портов Бретанского полуострова не решалась проблема сокращения коммуникаций. В то время, несмотря на значительное сокращение (по сравнению с боями в Нормандии) расхода боеприпасов, войскам необходимо было ежедневно подвозить около 20 тыс. т грузов, главным образом горючего. Сокращения коммуникаций союзных вооруженных сил можно было достигнуть либо созданием баз снабжения на грунте, для чего требовалось провести трудоемкие и дорогостоящие работы по восстановлению сети французских железных дорог, либо захватом портов на побережье проливов. Наиболее удобным в данном случае мог быть Антверпен — один из крупнейших портов Европы.

В сложившихся условиях обе стороны стали перед необходимостью наметить планы дальнейших действий.

Гитлеровское верховное командование принимало меры для того, чтобы задержать продвижение войск противника в Северной Франции и тем обеспечить вывод группы армий «Г» и создание обороны на подступах к Германии. 18 августа группа армий «Г» получила новый рубеж обороны по рекам Марна, Сона и далее до швейцарской границы⁵, а группе армий «Б», отошедшей за Сену, предписывалось удерживать рубеж этой реки, пополнить в районе Бове, Компьен танковые соединения, после чего нанести контрудар и ликвидировать англо-американские соединения, прорвавшиеся за Сену. Одновременно немцы начали создавать по Сомме, Марне и Соне линию «Кицингер».

Когда же стала очевидной полная несуразность отданных распоряжений, ОКВ потребовало от Моделя сосредоточения танковых дивизий между Сеной и Марной и нанесения контрудара на юго-вос-

⁴ *B. L. Montgomery. 21-st Army Group. Germany, 1946, p. 125.*

⁵ *H. Speidel. Op. cit., S. 158, 162.*

ток для облегчения отхода группы армий «Г»⁶. Но и этот приказ не учитывал реальных немецких сил на Западе, так как в шести танковых дивизиях группы армий «Б» насчитывалось к этому времени едва 100 танков⁷; вывести и сосредоточить их было почти невозможно, поскольку они прикрывали отход войск за Сену.

Противоречивые распоряжения ОКВ, свидетельствовавшие о некоторой его растерянности, еще больше усиливали трудности отступления немецких частей. К тому же управление войсками, штабом группы армий «Б» и штабами армий постоянно нарушалось, в результате чего фашистские войска оказались в тяжелом положении.

В конце августа наиболее крупная группировка немецко-фашистских войск вышла в район северо-восточнее Парижа. Из 35 дивизий и боевых групп, находившихся в те дни в Северной Франции, Бельгии и Голландии, 25 дивизий и боевых групп 5-й танковой, 7-й и 15-й армий оказались в районе Шантильи, Дьепп, Лаон. К юго-востоку от рубежа Париж, Намюр находилась лишь 1-я немецкая армия, имевшая в своем составе дивизию, боевую группу и отдельные части двух танковых дивизий. К северо-востоку от условной линии Сен-Кантен, Амьен, Дьепп располагались шесть дивизий 15-й армии⁸. Из Южной Франции отходила группа армий «Г».

Следовательно, пять американских корпусов могли обойти южное крыло главных сил группы армий «Б», которое им уже удалось охватить. Осуществление такого маневра облегчалось тем, что немецкие войска, потрепанные и частично деморализованные в предыдущих боях, уступали армиям союзников в силе и мобильности, а также тем, что сеть шоссежных дорог за Сеной была хорошо развита и менее повреждена, чем в Нормандии. При этом продвижение американцев с рубежа по Марне на Брюссель, Антверпен позволяло, с одной стороны, прижать к морю основные силы группы армий «Б» и затем завершить их разгром, а с другой — быстро овладеть портом Антверпен. Успех этого маневра создавал и выгодные условия для вторжения союзных армий в Рур, так как у противника не осталось бы сил для организации прочной обороны на этом направлении или для нанесения контрудара.

Имелась и другая, хотя и менее перспективная возможность ускорить разгром немецких войск на Западе. Находившаяся восточнее Парижа группировка американских войск могла развить наступление на восток и юго-восток, легко сметая на своем пути разрозненные и ослабленные части 1-й немецкой армии. «Достаточно было бы американцам, — пишет Б. Циммерман, — направить мощные бронетанковые силы в южном направлении через плато Лангр, как войска группы армий «Г», отступавшие вверх по долине р. Рона, были бы наверняка уничтожены. Странно, что

⁶ *H. Speidel. Op. cit., S. 164.*

⁷ *Ibid., S. 167.*

⁸ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4066, 4067.

противник этого не сделал»⁹. Невольно возникает вопрос, почему союзное верховное командование не воспользовалось ни одной из реальных возможностей?

Большое влияние на выработку решений союзным верховным командованием в то время оказывали беспримерные победы Советских Вооруженных Сил и успехи освободительного движения в Европе и Азии. Они пугали правящие круги США, Англии и других империалистических стран, которые в то время хотели, чтобы их войска продвинулись поскорее и как можно дальше на восток. Но небольшое число портов, которые удалось захватить союзным армиям во Франции, растянутость сухопутных и особенно морских коммуникаций затрудняли снабжение войск и тем самым ограничивали возможность достижения намеченной цели. Успех решения задач, вставших перед союзным верховным командованием, зависел также от того, насколько правильно оно оценивало создавшуюся обстановку.

Победа в Северо-Западной Франции серьезно помутила разум английских и американских стратегов. Обратив свои взоры на Германию, они не посчитали нужным завершить разгром группы армий «Б» за Сеной или уничтожить группу армий «Г». В конце августа—начале сентября 1944 г. у них стало преобладать мнение, что войну в Европе удастся закончить очень скоро, во всяком случае в текущем году. Разгром немецких армий на советско-германском фронте, а затем и во Франции, выход из войны Румынии, Финляндии и неудачная попытка Венгрии сделать то же самое вызвали у союзников иллюзии, что Германия в ближайшее время капитулирует.

Английская разведка, оценивая экономическое, морально-политическое и военное положение фашистской Германии, еще в июле считала, что «все предпосылки для краха Германии уже налицо» и что, хотя «невозможно предсказать», когда этот крах произойдет, «не менее трудно представить себе, как сможет Германия выдержать дольше декабря, если наступление союзников на трех фронтах (на советско-германском, в Италии и на Западе. — В. К.) будет продолжаться безостановочно».

29 августа она повторила свое предсказание. А в ее докладе от 5 сентября преобладали заявления вроде следующих: «На Западе близится ее (Германии. — В. К.) окончательное военное поражение, ведущее к прекращению организованного сопротивления», «Во Франции немецкий фронт фактически распался», «Немцы не могут закрепиться ни на одном рубеже, и союзники сейчас вступили в Бельгию и продвигаются к границам Германии и к линии «Зигфрида», встречая весьма слабое сопротивление». Документ завершался весьма оптимистическим выводом: «...Что бы ни предпринимал сейчас Гитлер, это уже не может повлиять на исход военных действий на Западе, где организованное сопротивление

⁹ *З. Вестфаль и др.* Роковые решения. М., 1958, стр. 248.

немцев под нажимом наших войск будет в конце концов сломлено, хотя предсказать, как скоро это произойдет, невозможно. . .»¹⁰

Оптимизм английской разведки разделял разведотдел верховного штаба союзников в Западной Европе, который в сводке от 26 августа сообщал: «Августовские бои закончились поражением противника на Западе. Два с половиною месяца ожесточенных боев привели к тому, что уже можно видеть конец войны в Европе»¹¹. Через неделю тот же отдел оценивал германскую армию на Западе «не как единую силу, а как большое количество слабых боевых групп, дезорганизованных и даже деморализованных, не имеющих достаточного оснащения и вооружения»¹². Примерно так же оценивал противника и разведотдел штаба 1-й американской армии¹³.

Здравые оценки противника и его возможностей на Западе, которые делали отдельные офицеры штаба союзных экспедиционных сил, тонули в общем ликовании и не оказывали почти никакого воздействия на сознание союзного командования. Так, например, один из сотрудников штаба полковник Коч утверждал, что противник, несмотря на растянутость коммуникаций, дезорганизацию и потери в личном составе и технике, «все же оказался в состоянии поддерживать достаточно организованный фронт, чтобы полностью контролировать тактическую обстановку. Отход противника хотя и продолжается, но это не беспорядочное бегство и не массовое поражение. За последнее время новые многочисленные симптомы отчетливо показали, что, несмотря на огромные затруднения противника, он все еще способен вводить в бой новые соединения и перебрасывать войска с других фронтов. . . Все эти признаки явно говорят о неизменном решении нацистов продолжать войну любой ценой до последней капли крови»¹⁴. Но с таким выводом никто из руководства не посчитался.

Эйзенхауэр, правда, в интервью, данном 20 августа, предупредил корреспондентов газет против чрезмерного оптимизма¹⁵. Но сам он, как и его штаб, придерживался иного мнения. «Имеются признаки крушения сопротивления противника на всем фронте, — отмечалось в оперативной директиве верховного командующего, изданной в конце августа. — Большая часть оставшихся немецких войск, сила которых оценивается эквивалентной двум слабым танковым и девяти пехотным дивизиям, находится северо-западнее Арденн, но войска дезорганизованы, отступают и вряд ли могут оказать ощутимое сопротивление, если они не получат передышки. Южнее Арденн силы противника примерно равны двум мотори-

¹⁰ Дж. Эрман. Большая стратегия. Август 1943—сентябрь 1944. М., 1958, стр. 400—403.

¹¹ Ф. С. Погью. Верховное командование. М., 1959, стр. 246.

¹² Там же, стр. 264.

¹³ М. Blumenson. The Duel for France 1944. Boston, 1963, p. 385.

¹⁴ Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 265.

¹⁵ См. там же, стр. 264.

зованным и четырьмя слабым пехотным дивизиям. Разнородные войска, отступающие из Юго-Западной Франции, возможно насчитывают около 100 тыс. человек, но их боевая сила эквивалентна примерно одной дивизии. Силы, эквивалентные примерно половине танковой и двум пехотным дивизиям, отступают на север по долине Роны. Единственным способом, применив который противник может не допустить нашего вторжения в Германию, было бы усиление его отступающих войск дивизиями, переброшенными из Германии и других фронтов, и занятие наиболее важных участков позиции «Зигфрида» этими войсками. Но сомнительно, чтобы он смог это сделать своевременно и достаточными силами»¹⁶.

Подобное мнение было и у Монтгомери. «Конец войны, — писал он в приказе от 22 августа, — близок; добьемся его в рекордно короткий срок»¹⁷.

Планирующие органы союзников в Европе в связи с такой оценкой обстановки определили, что Берлин является главным объектом наступления в Германии, но поскольку он расположен «слишком далеко на востоке, чтобы являться целью кампании на западе», они считали ближайшей и самой важной целью после выхода союзных армий на Сену захват Рура¹⁸. Им казалось, что наступление на этот важный экономический район вынудит немцев ввести там в действие главные силы и создаст благоприятные условия для их разгрома. Кроме того, захват Рура, по их мнению, окажет деморализующее влияние на население и вооруженные силы Германии.

Относительно способов достижения намеченной цели между английскими и американскими штабами возникли серьезные разногласия, которые несколько сгладились лишь после окружения Рура в начале апреля 1945 г.

Американо-английские разногласия по вопросу о стратегии войны в Европе известны в исторической литературе как спор вокруг концепции «стратегии широкого фронта» и «стратегии концентрированного удара» в сердце Германии. В какой-то мере они отражали принципиальные противоречия между правящими кругами обеих стран и поэтому были весьма острыми.

Американское и английское командования боролись за престиж в руководстве военными действиями в Европе, за послевоенное влияние в ней. В период боевых действий в Нормандии престиж англичан как-то подрывался более очевидными успехами американских войск, хотя сухопутными армиями союзников руководил Монтгомери.

Генералы Брэдли и Паттон к концу августа 1944 г. уже обсудили план наступления двух американских армий в Восточной Франции и форсирования тремя корпусами Рейна в районе Висбаден, Мангейм и

¹⁶ «The Memoirs of Field-Marshal Montgomery the Viscount of Alamein» (далее — «The Memoirs of Montgomery»). London, 1958, p. 265—266.

¹⁷ Цит. по: К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., 1956, стр. 427.

¹⁸ См. Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 269.

южнее. Монтгомери предложил свой план, согласно которому главный удар должен наноситься в северо-восточном направлении, чтобы выйти к Руру с севера. Он настаивал, чтобы после переправы через Сену 12-я и 21-я группы армий создали компактную группировку войск, насчитывавшую около 40 дивизий, и нанесли мощный удар севернее Арденн. Американские и французские войска, высадившиеся на юге Франции, по его мнению, должны были выйти в район Нанси и Саара. Основная цель их действий, указывал он, «обеспечить сосредоточение мощных военно-воздушных сил союзников в Бельгии, до зимы захватить плацдармы на восточном берегу Рейна и затем быстро овладеть Руром». Монтгомери называл свой план перевернутым «планом Шлиффена»¹⁹.

Оба эти плана имели свои преимущества и недостатки. Крुшнейший их недостаток заключался в том, что они основывались на нереалистической оценке возможностей немцев, которые, оставаясь еще не разгромленными окончательно, в какой-то мере могли восстанавливать свою боеспособность и оказывать упорное сопротивление. Авторы планов не сделали даже попытки определить ту группировку немецких войск, от разгрома которой зависело достижение общей цели операции. Все мышление направлялось на поиск способа быстрого продвижения к границам Германии.

К преимуществам плана Монтгомери можно отнести то, что он нацеливал главные силы союзников на ведение активных действий против основной группировки войск немцев. Осуществление его приводило к быстрому захвату портов на побережье проливов, особенно Антверпена, к занятию бельгийских аэродромов, с которых истребительная авиация могла бы поддерживать тяжелые бомбардировщики, совершавшие дневные налеты на Германию, а также позволяло быстро занять побережье Па-де-Кале, где размещались стартовые площадки для запуска самолетов-снарядов. Наконец, наступавшие вдоль побережья войска могли иметь постоянную поддержку от военно-морских сил. Для осуществления плана Монтгомери предполагалось привлечь кроме 21-й группы армий большую часть сил 12-й группы армий. Но этот план нацеливал главные силы союзников не на окружение и уничтожение, а на выталкивание основной группировки группы армий «Б» за Рейн.

План Брэдли и Паттона имел лишь одно преимущество: он направлял американские войска прямо к Руру и Саару. Однако быстрое продвижение американских войск только на рурском и саарском направлениях ставило их фланги под удар противника с севера и юга и еще больше усложняло решение проблемы снабжения.

22 августа Эйзенхауэр, рассмотрев предложенные его подчиненными планы, изложил свой план, по которому союзным армиям на Европейском театре военных действий предстояло наступать одновременно на всем фронте. На правом фланге они должны были соединиться в районе Дижона с 1-й французской и 7-й американской

¹⁹ «The Memoirs of Montgomery», p. 266—267.

армиями, а на левом 21-я группа армий — захватить Антверпен и выйти на рубеж, обеспечивающий его прикрытие. 1-й американской армии предстояло наступать рядом с 21-й группой армий в общем направлении на Аахен по мере продвижения английских войск. «Мы надеялись, — писал Эйзенхауэр, — что это движение на северо-восток пойдет так быстро, а крушение немцев будет столь значительным, что мы сможем даже до того, как произойдет задержка (из-за перебоев в снабжении. — *В. К.*), захватить плацдарм на Рейне и создать непосредственную угрозу Руру»²⁰.

На следующий день Монтгомери заявил Эйзенхауэру, что для успешного наступления 21-й группы армий вдоль побережья Па-де-Кале на Антверпен необходима поддержка ее правого фланга американской армией. Брэдли же был убежден, что для этого достаточно одного корпуса. Эйзенхауэр согласился с Монтгомери, хотя и считал его слишком осторожным²¹. Он сообщил Монтгомери: «Мы все согласны с этим общим планом. Главное, к чему мы должны стремиться, — быстрота его исполнения. Все работники службы снабжения заверили нас, что они могут поддержать наступление с данного момента; будем считать, что эти люди знают, что говорят, и начнем наступление энергично и без промедления»²².

Решение Эйзенхауэра представляло собой в какой-то мере компромисс между планами Монтгомери и Брэдли, хотя основной его идеей оставалось нанесение главного удара вдоль побережья проливов. Свой план Эйзенхауэр назвал «стратегией широкого фронта», т. е. стратегией одновременного наступления экспедиционных сил союзников на всем фронте, в отличие от планов Монтгомери и Брэдли, предусматривавших наступление только на одном направлении (план «концентрированного удара»). Однако решение Эйзенхауэра грешило тем же недостатком, что и планы его подчиненных: оно также основывалось на односторонней оценке противника и не предусматривало завершения разгрома его основных сил во Франции. И хотя Эйзенхауэр четко выразил в своем плане направление главного удара (против группы армий «Б»), в нем не нашлось места оперативным обходам и охватам, т. е. способам, которые наиболее соответствовали условиям обстановки на Западном фронте.

Монтгомери как командующий сухопутными армиями союзников в Северной Франции 26 августа отдал распоряжение о наступлении севернее Сены, которое, по замыслу Эйзенхауэра и Монтгомери, нацеливало союзные армии на осуществление идеи сильного удара тремя армиями на северо-восток, вдоль побережья Па-де-Кале. Он приказал 3-й американской армии продвигаться на Нанси, направив одну танковую колонну на юго-восток, на Бельфор, для соединения с 7-й американской армией, а 1-й американской армии — наступать в общем направлении Париж, Брюссель.

²⁰ *D. D. Eisenhower. Crusade in Europe. New York, 1948, p. 293.*

²¹ *См. Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 271.*

²² *Цит. по: Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 271.*

Ближайшая задача 21-й группы армий состояла в том, чтобы уничтожить противника в Северной Франции, захватить побережье Па-де-Кале. Для этого 2-я английская армия должна была наступать на Центральную Бельгию, а 1-я канадская армия — вдоль морского побережья²³.

К 1 сентября штаб союзных экспедиционных сил переместился из Англии на Котантенский полуостров и расположился около Гранвиля. Теперь Эйзенхауэр принял командование сухопутными силами союзников в Западной Европе на себя, а Монтгомери стал только командующим 21-й группой армий. Чтобы поднять престиж английского командования в последующих совместных действиях, Монтгомери было присвоено звание фельдмаршала. Однако тот факт, что Монтгомери стал обладателем самого высокого чина в союзных армиях, нисколько не поднял его авторитет в глазах американских генералов, особенно Брэдли, хотя Монтгомери и в дальнейшем, как представитель английского высшего командования, обладал несколько большими правами, чем его коллеги командующие 12-й и позже созданной 6-й групп армий²⁴.

Эйзенхауэр, приняв обязанности главнокомандующего всеми союзными сухопутными силами на театре военных действий, под давлением американской стороны вынужден был внести некоторые коррективы в план наступления. 2 сентября он дал указание Брэдли продолжать наступление 12-й группы армий на восток и выделил 3-й армии дополнительное количество горючего, чтобы она могла ускорить продвижение к Саару. Он уточнил задачу 1-й американской армии, которая теперь должна была наступать в общем направлении на Аахен²⁵, а не на Брюссель, как определялось приказом Монтгомери.

Сделанные Эйзенхауэром уточнения вносили раздвоенность в действия союзных армий. В силе оставался замысел нанесения главного удара вдоль побережья пролива 21-й группой армий при поддержке 1-й американской армии, но на деле 12-я группа армий получила возможность предпринять самостоятельные действия на рурском и саарском направлениях, что неизбежно ослабляло силы, наносившие главный удар; фактически речь шла о двух самостоятельных ударах.

Пока союзники вырабатывали и согласовывали свои планы, немецкие войска спешно отходили с побережья Средиземного моря. К 25 августа главные силы 19-й армии, двигавшиеся на север по долине Роны, находились уже между Валансом и Авиньоном. С Бискайского залива и с франко-испанской границы не менее спешно

²³ *B. L. Montgomery. 21-st Army Group, p. 123; «Despatch Submitted by Field Marshal the Viscount Montgomery of Alamein, 1946», p. 46.*

²⁴ *R. W. Thompson. The Eighty Five Days. The Story of the Battle of the Scheldt. New York, 1957, p. 27.*

²⁵ *B. L. Montgomery. 21-st Army Group, p. 123; «Despatch Submitted by... Montgomery», p. 43.*

продолжали отходить в общем направлении на Дижон 64-й армейский корпус и отряды пограничной охраны²⁶.

В этой обстановке командующий 7-й американской армией 25 августа отдал приказ оперативно подчиненной ему французской армии очистить от противника после захвата Марселя и Тулона порты, а затем уничтожить немецкие войска южнее р. Дюранс (их там уже не было), захватить переправы у Арля, разведать район Нима и Ремулена и подготовиться к движению на север; по прибытии на континент 1-го французского корпуса сосредоточить его в районе Тулона и Марселя и подготовить к дальнейшим действиям. 6-му американскому корпусу — уничтожить противника восточнее Роны и блокировать долину Роны в районе Лориоля и Монтелимар; в последующем на корпус возлагалась задача захватить и удерживать до подхода французской армии «Б» рубеж Ларш, Бриансон, Лез Эшель, Лион. 1-я воздушнодесантная боевая группа должна была оборонять западный берег р. Вар, прикрывая тем самым правый фланг 7-й американской армии.

Как видно, командующий 7-й армией основные силы подчиненных ему войск также нацеливал на фронтальное наступление и избегал обхода главных сил 19-й немецкой армии. Он даже не попытался воспользоваться тем, что отряды французских сил Сопротивления захватили и удерживали в своих руках дороги Гренобль—Лион и Гренобль—Шалон-сюр-Сон, выводившие на пути отхода 19-й армии. Для блокирования долины Роны выделялась всего одна дивизия, и это было сделано тогда, когда главные силы немцев уже отошли в район Лориоля и Монтелимара.

Наступление на Рур и Саар

Союзные армии начали преследовать противника без паузы. Подготовка к преследованию продолжалась один-два дня и свелась к тому, что соединения вышли в свои полосы и в какой-то мере привели себя в порядок. Причем все это делалось в движении, в ходе выполнения прежней задачи. С 28 августа по 1 сентября 21-я группа армий переправлялась через Сену на участке от Манта до Руана почти без всякого сопротивления немецких войск. Ее первый эшелон, который составляли бронетанковые дивизии, 30 августа начал продвижение на Амьен. В то время, пишет Эйзенхауэр, «если не считать арьергардных боев, немцы вообще не делали попытки обороняться в этом районе»²⁷. В первые дни сентября 2-я английская армия, имея впереди три бронетанковые дивизии и бронетанковые бригады, быстро двигалась к Брюсселю и Антверпену, спорадически преодолевая лишь неорганизованное сопротивление отдельных отходящих колонн немцев.

²⁶ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4061.

²⁷ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 303.

Успешному продвижению союзных войск способствовало начавшееся в сентябре 1944 г. под руководством коммунистической партии вооруженное восстание бельгийских патриотов. Повстанцы до подхода английских войск освободили от оккупантов несколько провинций и городов, в том числе и Антверпен. Они наносили удары по отходившим немецко-фашистским войскам, вели разведку в интересах союзных сил²⁸. Касаясь помощи бельгийских патриотов, Эйзенхауэр в приказе от 3 октября 1944 г. подчеркивал: «Сейчас, когда земля Бельгии почти освобождена, я, как верховный командующий союзными экспедиционными силами, хочу отдать должное офицерам и солдатам групп Сопротивления, которые сражались столь великодушно. Они могут гордиться своим выдающимся героизмом, проявленным столь высоко при освобождении их любимого отечества»²⁹.

3 сентября передовые части 21-й группы армий вступили в Брюссель, а на следующий день — в освобожденный бельгийскими патриотами Антверпен. После переправы через Сену один корпус 1-й канадской армии подошел к Гавру, а другой выдвигался на Сомму.

12-я группа армий, почти не встречая противника, также быстро продвигалась на восток. 4 сентября ее 1-я армия вышла на рубеж Намюр, Тирлемон, а 3-я — достигла р. Маас южнее Вердена.

Английские войска, выйдя к Антверпену, рассекали на две части главную группировку немецких войск. 15-я немецкая армия, насчитывавшая более 10 наиболее боеспособных дивизий и боевых групп, все еще оставалась на побережье южнее Дюнкерка. 7-я армия немцев (около 9 потрепанных и разбитых дивизий) под давлением 1-й американской армии отошла на рубеж восточнее Шарльвиль, Намюр, Эрсхот, а 1-я немецкая армия (3 дивизии и 5 боевых групп) — на рубеж Нанси, Мец, Седан³⁰. Для немецко-фашистских войск сложилась весьма критическая обстановка. 4 сентября Модель считал, что для спасения западного немецкого фронта от полного развала требуется, как минимум, 25 пехотных и 5—6 танковых свежих дивизий³¹.

Дальнейшее продвижение 2-й английской армии к устью Шельды привело бы к окружению 15-й армии. При этом попутно решалась и другая важная задача: снималась блокада подходов к Антверпену с моря через устье Шельды, без чего союзники не могли пользоваться портом. Вышедшие в район Брюссель, Антверпен, Гент три бронетанковые дивизии 2-й английской армии могли сделать это сравнительно легко и быстро. Перед ними на фронте в 50 км находились лишь части 70-й пехотной дивизии, а севернее Антверпена — штаб 719-й пехотной дивизии с частями 359-го противотанкового дивизиона и одним батальоном³². Дальнейшее наступление 1-й аме-

²⁸ R. Seth. The Undaunted. The Story of Resistance in Western Europe. London, 1956, p. 276.

²⁹ Ibid., p. 273.

³⁰ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4070, 4071, 4254.

³¹ M. Blumenson. Op. cit., p. 404.

³² Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4072, 4255.

риканской армии к Рейну обеспечивало бы действия 21-й группы армий по уничтожению немецких войск у Булони и Дюнкерка.

Англичане получали возможность взять реванш за Дюнкерк, но Монтгомери рассудил иначе: чем возиться с ликвидацией группировки войск противника, он с согласия Эйзенхауэра направил 2-ю английскую армию к Руру, а не к устью Шельды. Его замысел состоял в следующем: «Угрожая Руру с запада, переправиться через р. Рейн севернее Рура и охватить его с севера. Одновременно подготовить силы для наступления в Южную Голландию к портам Амстердам и Роттердам»³³. Из этого следовало, что освобождение устья Шельды и создание базы снабжения в Антверпене откладывалось до решения задачи по обходу Рура.

5 сентября союзные армии начали выполнять поставленные перед ними задачи. В это время энтузиазм союзных войск и их командования достиг вершины. Все поддались иллюзии близости победы. Казалось, еще одно небольшое усилие, и они выйдут на Рейн. Но это только казалось. Мобильность союзных войск падала. Танки и автомашины прошли с боями 400—500 км без профилактики и ремонта, из-за чего в одной из дивизий только треть танков могла вести бой, а в других вследствие поломок и недостатка горючего большинство танков вышло из строя и было разбросано по пути на 150 и более километров. Моторесурсы танков были израсходованы. Требовалась замена моторов, гусениц, что в ходе непрерывного продвижения было трудно осуществить. Примерно в таком же состоянии находились и автомашины³⁴. Эффективность тактической авиации значительно снизилась, так как она все еще базировалась на аэродромы Бретани, Нормандии и Южной Англии.

Вопреки прогнозам союзного командования темпы наступления войск снизились. В 12-й группе армий дальше всех продвинулась 1-я армия. Преследуя отходившие с боями к западной границе Германии 1-ю и 7-ю немецкие армии, она за восемь дней прошла 75—100 км, но прорваться к Рейну не смогла. 3-я американская армия за тот же период подошла к р. Мозель.

По тем же причинам снизились темпы продвижения и 21-й группы армий. Один ее корпус за восемь дней продвинулся в сторону Эйндховена всего на 35 км, хотя ему противостояли разрозненные немецкие части. Один корпус 1-й канадской армии преследовал постепенно отходившую к устью Шельды 15-ю армию и одновременно осаждал порты Булонь, Кале, Дюнкерк, в которых оставались крупные немецкие гарнизоны. Второй ее корпус штурмовал Гавр. К исходу 12 сентября войска 21-й группы армий вышли на линию Хаселт, Нерпельт, Гель, Антверпен, Сен-Никола, Гент, Брюгге. У устья Сены был захвачен Гавр. Избранный союзным командованием, прежде всего фельдмаршалом Монтгомери, способ наступления к Рейну позволил войскам 15-й немецкой армии посте-

³³ *B. L. Montgomery. 21-st Army Group, p. 128—129.*

³⁴ *M. Blumenson. Op. cit., p. 403.*

пенно выйти из «дюнкеркского мешка» и занять оборону перед фронтом 2-й английской армии в Южной Бельгии. На этом преследование немцев на севере Франции закончилось.

Следует отметить, что Брэдли, Эйзенхауэр, Монтомгери в своих мемуарах, а также авторы многих других книг и статей, посвященных этому периоду войны, не делают обстоятельного анализа обстановки в конце августа—начале сентября 1944 г. Вместе с тем они не упускают случая упомянуть об очень трудном положении со снабжением, особенно горючим, и о том, что только открытие порта Антверпен позволяло спасти положение и значительно сократить коммуникации³⁵. Но вопрос, почему, захватив Антверпен, союзное командование не приняло мер, чтобы очистить от противника подходы к нему с моря, остается открытым. А без правильного ответа на него нельзя выяснить причины невыполнения задач обеими группами армий.

Действительно, в сентябре 1944 г. снабжение войск союзников значительно ухудшилось. В конце августа 90—95% грузов, доставленных на континент, все еще находилось недалеко от районов высадки войск. Расстояние между войсками и армейскими складами достигало 400—450 км. А от побережья Нормандии до Парижа в конце августа были введены в действие только две железные дороги. Состояние парижского железнодорожного узла (из-за разрушения сортировочных станций и мостов через Сену) не позволяло использовать железные дороги в качестве основного средства доставки предметов снабжения союзным армиям³⁶. Эта функция была возложена на автомобильный транспорт. Кроме того, подвоз снабжения войскам осуществлялся транспортной авиацией и по железной дороге.

Огромные размеры приняло хищение американскими военнослужащими предметов снабжения, особенно бензина и сигарет. «Двумя самыми дефицитными предметами на фронте были ... бензин и сигареты, — рассказывает в своих мемуарах Эйзенхауэр. — Мы получили достоверные сведения, что в Париже процветает спекуляция этими предметами и что на черном рынке подвизаются люди из состава службы снабжения... В данном случае оказалось, что практически целая часть превратилась в организованную банду грабителей и продавала эти предметы целыми грузовиками и вагонами»³⁷.

Однако нет оснований утверждать, что положение со снабжением было катастрофическим. К середине сентября только на автомобилях было подвезено войскам 135 тыс. т предметов снабжения³⁸. По оптимальным подсчетам штаба союзных экспедиционных сил для снабжения всех дивизий на севере Франции, при условии, что не-

³⁵ См. О. Брэдли. Записки солдата. М., 1957, стр. 455, 456—458; D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 289—319; R. Leigh. 48 Million Tons to Eisenhower. Washington, 1945, p. 28, etc.

³⁶ M. Blumenson. Op. cit., p. 397—398.

³⁷ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 315—316.

³⁸ M. Blumenson. Op. cit., p. 398.

мецкие войска оказали бы упорное и сильное сопротивление, требовалось ежедневно доставлять 20 тыс. т грузов³⁹. В самые же трудные дни союзным армиям подвозилось около 12—15 тыс. т, а сопротивление противника было незначительным.

Следовательно, состояние снабжения войск позволяло союзному командованию организовать и провести операцию с задачей уничтожить основные силы группы армий «Б». Но американские и английские генералы, охваченные страстным желанием поскорее выйти к Руру, не использовали всех возможностей своих войск. К тому же они не считали немецкие части и соединения способными оказать серьезное сопротивление на Рейне и на подступах к нему. Видимо, поэтому союзное командование отложило окончательное освобождение от противника устья Шельды и не обращало должного внимания на группировку немецких войск, попавшую в «дюнкеркский мешок».

Освобождение Южной Франции

Поскольку основные силы американских и французских войск, высадившихся на юге Франции, нацеливались командующим 7-й армией на фронтальное преследование противника, блокирование долины Роны у Монтелимара оказалось невыполнимым. Все попытки 36-й американской пехотной дивизии овладеть городом были парализованы сначала частями 4-го авиаполевого корпуса, а затем 11-й танковой дивизии, входившей в состав арьергардного 85-го немецкого армейского корпуса. Только 28 августа, когда последний отошел к Валансу, а 4-й авиаполевой корпус — к Лиону, наступление 36-й и подошедшей к ней с юга 3-й американских пехотных дивизий наконец увенчалось «успехом». К исходу 28 августа американские войска вступили в Монтелимар⁴⁰, который был оставлен немцами при первых же разрывах снарядов.

Эта «победа» не сыграла той роли, которая ей отводилась. Немеcko-фашистские войска отошли на север. Американцы предприняли еще одну попытку блокировать долину Роны у Лориоля, но на этот раз силами... одного полка. Не удивительно, что и из этого ничего не получилось.

В начале американцы воздействовали на отходившего противника главным образом огнем артиллерии и налетами авиации. Однако эта возможность вскоре была исчерпана, так как артиллерия 36-й пехотной дивизии из-за отставания тылов 26 августа осталась с минимальным количеством боеприпасов — от 78 до 132 выстрелов на орудие. На следующий день количество боеприпасов стало еще меньше⁴¹.

12-я тактическая воздушная армия произвела с 21 по 28 августа

³⁹ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 290.

⁴⁰ «The Seventh United States Army», v. I. Heidelberg, 1946, p. 216—217.

⁴¹ Ibid., p. 219.

около 3300 самолето-вылетов и сбросила более 1900 т бомб⁴². Но затем, когда перебазирование тактической авиации на континент стало отставать от темпов продвижения наземных войск, активность ее резко снизилась. С 29 августа по 4 сентября 12-я воздушная армия сбросила всего 50 т бомб⁴³. Таким образом, после 28 августа 19-я немецкая армия отступала без серьезного воздействия как наземных войск, так и авиации союзных армий.

В конце августа—начале сентября американские и французские войска уже не предпринимали попыток блокировать пути отхода 19-й армии. Командующий 7-й американской армией, по-прежнему придерживаясь идеи фронтального преследования противника, приказал французской армии «Б» перебросить 1-ю пехотную и 1-ю бронетанковую дивизии в район Монтелимара, а оттуда продвигаться по западному берегу Роны и способствовать захвату Лиона; 1-й французский корпус в составе трех дивизий должен был наступать в общем направлении Систерон, Гренобль, Бур, Безансон, охранять перевалы через Альпы, а также быть готовым сменить 1-ю воздушнодесантную боевую группу. 6-й американский корпус получил задачу наступать на Лион, Бон и Дижон, а после овладения Лионом — перегруппироваться и предпринять действия в направлении на Отен, Дижон, Лангр⁴⁴.

Пока американцы собирались захватить Лион, участники движения Сопротивления восстали против оккупантов и вскоре освободили этот город. Немецкие войска и не пытались удерживать его, они лишь приняли меры, чтобы восставшие не блокировали полностью пути отступления главных сил 19-й армии. 31 августа в Лион, освобожденный французскими патриотами, вступил 6-й американский корпус⁴⁵.

19-я армия, отходившая тем временем на север, к 5 сентября сосредоточилась в районе Безансон, Ле Крёзо, Дижон⁴⁶.

Через три дня с побережья Бискайского залива к ней подошли соединения 64-го корпуса, а к 9 сентября все силы немецкой группы армий «Г», сохранив свою боеспособность, отступили в Восточную Францию⁴⁷ и перешли к обороне на саарском и верхнерейнском направлениях. Затем группа армий «Г», оказывая сопротивление американским и французским войскам, стала постепенно отступать на Дижон, Лангр, одновременно угрожая флангу 12-й американской группы армий, вышедшей к Метцу, чем в какой-то мере сковывала ее дальнейшие действия. К исходу 12 сентября войска группы армий «Г» в районе южнее Нанси примкнули к левому флангу группы армий «Б»⁴⁸ и вместе с ней образовали общий фронт.

⁴² Ibid., p. 223.

⁴³ Ibid., p. 224.

⁴⁴ Ibid., v. III, p. 933—934.

⁴⁵ Ibid., v. I, p. 254—255.

⁴⁶ Архив МО СССР, ф. 6596, оп. 721603, д. 4072, 5255.

⁴⁷ Там же, д. 4076, 4259.

⁴⁸ Там же, д. 4079, 4262.

Американо-французские войска медленно продвигались на север. 11 сентября на рубеже Сен-Ипполит, Весуль, восточнее Лангра, Шатильон они вошли в непосредственное соприкосновение с противником почти на всем фронте. Утром 12 сентября в районе Шатильона⁴⁹ части 2-го французского корпуса соединились со 2-й французской бронетанковой дивизией, подошедшей с севера вместе с 3-й американской армией, в результате чего также был создан сплошной фронт союзных армий на подступах к Германии. На этом закончилось преследование немецкой группы армий «Г».

Главным результатом операций союзных армий на Западе с начала вторжения по 12 сентября было изгнание немецких войск из Франции и большей части Бельгии. Союзные экспедиционные силы во Франции вели борьбу против 65 дивизий, т. е. против $\frac{1}{5}$ общего количества немецких дивизий. Их действия не были настолько активными, чтобы заставить гитлеровское командование снимать войска с советско-германского фронта и направлять на Западный фронт значительную часть стратегических резервов.

По американским данным, которые почти совпадают с немецкими, потери немцев во Франции за период от высадки десанта до осени 1944 г. составили около 400 тыс. человек, из которых 200 тыс. составляли гарнизоны «городов-крепостей» на побережье, и 1300 танков⁵⁰. Если вспомнить, что к началу высадки американских и английских войск в Нормандии общая численность немецко-фашистских войск во Франции была около 1546 тыс. солдат и офицеров при почти 2 тыс. танков, то потери их (с учетом пополнений) к концу октября составили около 26—30% в личном составе и около 54% в танках. Во Франции полностью были уничтожены 10 немецких дивизий, 12 дивизий понесли большие потери и были переименованы в боевые группы.

Союзные армии с 6 июня по 11 сентября потеряли около 40 тыс. человек убитыми, 165 тыс. ранеными и 20 тыс. пропавшими без вести, всего — 225 тыс. солдат и офицеров из общего числа 2,1 млн. человек⁵¹.

В значительной мере сохранение боеспособности немецко-фашистскими войсками после тяжелых сражений обуславливалось методами ведения операций союзными армиями, которые, преследуя врага, избегали смелых обходных маневров в тактическом и оперативном масштабах. Их действия летом 1944 г., по выражению Шпейделя, «были подобны малоподвижной линейке, которая от-

⁴⁹ «The Seventh United States Army», v. I, p. 271—272.

⁵⁰ D. D. Eisenhower. Op. cit. Блуменсон пишет, что в Северной и Южной Франции немцы потеряли 500 тыс. человек, из которых 200 тыс. были оставлены в прибрежных «городах-крепостях». (M. Blumenson. Op. cit., p. 410).

⁵¹ M. Blumenson. Op. cit. p. 410.

тесняла противника»⁵². Союзные войска вели в основном фронтальное преследование одновременно на всем фронте в 500 км.

Поскольку высокие темпы наступления не планировались, служба тыла оказалась не готовой к снабжению союзных армий в период преследования. Переоценка возможностей автомобильного транспорта и низкие темпы восстановления французских железных дорог в районе наибольшего разрушения их авиацией союзников привели к некоторому ограничению в снабжении войск боеприпасами, продовольствием и особенно горючим. Переоценка союзным командованием своих успехов и недооценка сил противника привели к планированию таких действий, которые не приводили к захвату портов на севере Франции, а без этого нельзя было быстро сократить коммуникации наземных войск и перебазировать тактическую авиацию. Опыт действий союзных армий показал, что даже малейшие перебои в снабжении серьезно сказывались на их боеспособности.

Конечная цель — Берлин

В то время, когда союзным армиям и их командованию казалось, что воля противника к сопротивлению на Западе окончательно сломлена и ничто не сможет остановить их на пути к Руру и Саару, возникновение позиционных форм борьбы было для них полной неожиданностью. Представляется оно загадкой и для некоторых буржуазных историков и мемуаристов. Так, Шпейдель уже после войны писал: «Теперь наступило нечто неожиданное, вариант «чуда на Марне» французов в 1944 г. Стремительный натиск союзников неожиданно спал... Может быть на противника подействовала сила названия — позиция «Зигфрида». Он стал подтягивать свои силы и готовиться к преодолению этого укрепленного рубежа»⁵³. Американский историк Р. Рупенталь объясняет случившееся тем, что зона тыла не справилась со снабжением войск, но тут же спешит оправдать ее тем, что фактические темпы продвижения союзных войск во Франции были намного выше планировавшихся союзными штабами⁵⁴.

Чтобы выяснить причины остановки союзных армий на западной границе Германии, кратко рассмотрим развитие событий осенью 1944 г. Война, развязанная гитлеровской кликой, в то время откатывалась к границам Германии. Не прекращавшиеся в течение августа активные действия Советских Вооруженных Сил в Прибалтике переросли в середине сентября в новое наступление 1, 2-го и 3-го Прибалтийских и Ленинградского фронтов. Ожесточенные бои шли в Польше и западных областях Украины. На южном крыле советско-германского фронта Красная Армия после

⁵² *H. Speidel. Op. cit., S. 197.*

⁵³ *Ibid., S. 169—170.*

⁵⁴ «*Command Decisions*». New York, 1959, p. 320—328.

успешных боев в Румынии и Болгарии к концу сентября вступила на территорию Венгрии и Югославии. Успешное наступление советских войск на Балканах оказало существенную помощь народно-освободительным армиям Югославии, Албании и Греции, и они развернули бои за изгнание немецко-фашистских захватчиков из своих стран.

К середине сентября обстановка на Западном фронте изменилась существенным образом. Протяженность фронта увеличилась до 700 км, что значительно усложнило стратегическое руководство вооруженной борьбой. Возросло также количество войск обеих сторон: если в июне—августе сначала одна, а затем две группы союзных армий сражались против одной немецкой группы армий на узком фронте, то теперь три союзные группы армий стояли против трех немецких групп армий; коммуникации союзных экспедиционных сил чрезмерно растянулись, а немецкие армии отошли к своим основным экономическим районам — Руру и Саару; эффективность тактической авиации союзников снизилась. В связи с изменением условий обе стороны вынуждены были пересмотреть планы своих операций.

Немецкое верховное главнокомандование потребовало от вооруженных сил на Западе в кратчайший срок восстановить фронт, создать прочную оборону и не допустить вторжения армий союзников в Германию. Оно придавало огромное значение обороне Рура и Саара, а также устья Шельды. Немецкие войска пополнялись новыми частями и соединениями. Гитлеровская ставка уведомила главнокомандование «Запад», что между 13 и 25 сентября оно получит четыре пехотные дивизии и что с 15 по 30 сентября его войска будут усилены двумя танковыми бригадами, несколькими противотанковыми батареями, крепостными батальонами и другими переформированными частями. Была исправлена ошибка в системе командования вооруженными силами на Западе: ставка Гитлера предоставила главнокомандованию «Запад» право распоряжаться всеми вооруженными силами, а не только сухопутными, руководить всеми оборонительными работами на «западном вале». Рундштедт снова возвратился на пост главнокомандующего. 5 сентября он вместе с новым начальником штаба генералом Зигфридом Вестфалем прибыл в штаб главнокомандующего войсками «Запад», располагавшийся в Аренберге на Рейне против Кобленца⁵⁵. Модель стал командовать группой армий «Б».

В стране была объявлена новая тотальная мобилизация, и Гиммлер со своим аппаратом приступил к формированию 22 фольксгренадерских дивизий, предназначенных для Западного фронта⁵⁶.

Вовсю заработала геббельсовская пропагандистская машина. Чтобы поднять воинственный дух в народе и войсках, нацисты распространяли измышления о новом могущественном оружии, ко-

⁵⁵ См. *З. Вестфаль и др.* Указ. соч., стр. 250.

⁵⁶ *W. Z. Shirer. The Rise and Fall of the Third Reich.* New York, 1962, p. 1411.

торое-де спасет Германию, усиленно пропагандировали расизм, человеконенавистнические и националистические идеи. Фашистская пропаганда стремилась запугать немецкий народ ужасами, ожидающими его в случае безоговорочной капитуляции, распространяла вздор о зверствах солдат противоборствующей стороны и т. д.

Гитлеровская клика делала ставку и на использование противоречий антифашистской коалиции, убеждая себя в том, что рано или поздно она развалится. В протоколе совещания в министерстве пропаганды фашистской Германии от 4 сентября 1944 г. отмечена «несомненная» уверенность гитлеровцев в том, что «политические столкновения увеличатся в связи с приближающейся победой союзников и в один прекрасный день создадут трещины в лагере наших врагов (в антифашистской коалиции. — *В. К.*), которые в дальнейшем невозможно будет устранить»⁵⁷. Гитлер и его ближайшие помощники, например, ожидали раздоров между Англией и Советским Союзом из-за Балкан. Но чтобы разногласия в антифашистской коалиции дошли до крайнего обострения, необходимо было во что бы то ни стало затянуть войну.

Исходя из этого определялись и задачи немецко-фашистских войск на Западе. Они заключались в том, чтобы, ведя оборонительные бои наличными силами, выиграть время и создать новый рубеж обороны, перед которым остановить продвижение армий противника, а затем провести крупную наступательную операцию. Правда, такую задачу ОКВ ставило перед своими войсками на Западе много раз. Каждое вынужденное отступление оно пыталось представить как подготовку условий для нового наступления. Но теперь отступать было уже некуда: в непосредственном тылу немецких войск на Западе оказались Рур и Саар, а чтобы затянуть войну, немецкой армии нужен был крупный, хотя бы оперативный, если не стратегический, успех. Подготовка условий для проведения наступательной операции составляла смысл всех действий немецко-фашистских войск на Западе осенью 1944 г.

Обсуждение стратегии союзников на Европейском театре военных действий, начавшееся еще в конце августа, особенно бурным было в первой половине сентября. Ф. С. Погью пишет, что «15 сентября Эйзенхауэр... наметил Берлин в качестве конечной цели союзников и заявил, что хочет двигаться к нему наиболее прямым и быстрым путем объединенными американско-английскими силами, поддерживаемыми другими имеющимися силами, проходя через важные центры и занимая стратегические районы на флангах»⁵⁸, т. е. осуществлять «стратегию широкого фронта».

В тот же день Эйзенхауэр направил письмо Монтгомери, в котором изложил суть своего решения и выразил уверенность, что союзные армии скоро займут Рур, Саар, район Франкфурта-на-Майне, а затем двинутся на Берлин. «Нет никакого сомнения, —

⁵⁷ Цит. по: Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 268.

⁵⁸ Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 311—312.

писал он, — что мы направим всю нашу энергию и все ресурсы на то, чтобы нанести молниеносный удар на Берлин». Он предполагал, что войска обеих групп армий будут наступать либо на одном из двух направлений (Рур, Ганновер, Берлин или Франкфурт, Лейпциг, Берлин), либо на обоих направлениях одновременно⁵⁹.

Монтгомери, настаивая на своем, еще накануне предложил, чтобы 21-я группа армий, усиленная 1-й американской армией, после захвата плацдарма на Рейне нанесла главный удар на Оснабрюк, Хамм; тем временем 1-я канадская армия захватит Булонь, Кале и после этого очистит от противника подходы к Антверпену с моря⁶⁰. Получив письмо Эйзенхауэра, он через три дня ответил ему, что «важнейшим фактором является время: то, что следует делать, мы должны делать быстро». Монтгомери полагал, что согласованная операция, в которой все имеющиеся наземные армии продвигались бы в Германию, была невозможна, так как наличные ресурсы и общие условия тылового обеспечения не позволяли сделать это быстро. Но если правильно выбрать общее направление наступления и если дать наступающим войскам полное преимущество во всех видах снабжения, то ближайшие задачи будут выполнены в кратчайшее время. Монтгомери считал далее, что «лучшим объектом наступления является Рур, а затем Берлин, куда следует двигаться по северному пути», позволявшему наилучшим образом использовать не только союзные сухопутные и военно-воздушные, но и военно-морские силы. «Короче говоря, — резюмировал свое предложение Монтгомери, — я считаю, что ввиду исключительной важности фактора времени мы должны решить, какие силы нам необходимы для наступления на Берлин и завершения войны; оставшиеся войска должны играть второстепенную роль. По моему мнению, если Вы выберете северное направление, то будет достаточно трех армий и, исходя из условий тылового обеспечения, именно так и целесообразно поступить»⁶¹.

Брэдли предлагал наступать одновременно севернее и южнее Рура, а главный удар на Рур наносить из района Франкфурта, для чего прежде всего выйти на Рейн и Майн от Кёльна до Франкфурта. После обхода Рура с юга Брэдли считал более выгодным нанесение главного удара на Берлин в центре фронта союзных армий, а также наступление на флангах, чтобы способствовать успеху на главном направлении⁶².

Эйзенхауэр, рассмотрев предложения обоих командующих, высказался против «стратегии узкого фронта» и отверг предложение Монтгомери. «В чем я действительно уверен, — писал он ему 20 сентября, — это то, что мы должны расположить войска вдоль западной границы Германии, по возможности на Рейне, обеспечить

⁵⁹ «The Memoirs of Montgomery», p. 277—278.

⁶⁰ См. Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 312.

⁶¹ «The Memoirs of Montgomery», p. 278—290.

⁶² См. Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 313—314.

соответствующее снабжение войск, добившись как можно скорее работы антверпенского порта на полную мощность, и затем провести наступление, которое Вы предлагаете». Он соглашался с тем, что главный удар на Берлин могут нанести 21-я группа армий и 1-я американская армия, а остальные войска, по его мнению, должны продолжать наступление на флангах, обеспечивая наступление на главном направлении⁶³.

На следующий день Монтгомери в ответном послании Эйзенхауэру потребовал отдать войскам правого крыла 12-й группы армий приказ остановиться, полагая, что если такой приказ не будет отдан, то союзные армии встретятся с большими трудностями. «Если Вы хотите овладеть Руром, — писал он, — Вам необходимо направить все на левый фланг и прекратить все действия на других направлениях. По моему мнению, Вы не захватите Рур, если не будет сделано это»⁶⁴.

Одновременно план предстоящих операций в Европе обсуждался американскими и английскими комитетами начальников штабов сначала врозь, а затем на второй Квебекской конференции, проходившей 12—16 сентября 1944 г.

Вторая Квебекская конференция

Собравшиеся в Квебеке главы правительств США и Англии, как и их начальники штабов, все еще находились под впечатлением побед союзных армий на Европейском театре военных действий. И хотя ни Рузвельт, ни Черчилль не разделяли полностью оптимизма военных руководителей, они соглашались с тем, что война в Европе может закончиться в 1944 г. Еще 8 сентября Черчилль в речи перед английскими начальниками штабов выразил такую надежду, не исключив и того, что Германия еще может найти силы и оказать сопротивление. «Нельзя недооценивать того факта, — говорил он, — что, когда военные действия ведутся уже у рубежей родной страны, решимость войск защищать их значительно возрастает. Во всяком случае, равно вероятно и то, что 1 января Гитлер все еще будет вести войну, как и то, что он к этому времени уже будет разбит. Его крах будет вызван не столько военными, сколько политическими причинами»⁶⁵.

Несколько раньше, 5 сентября, когда английская делегация отбыла в Квебек, пишет Эрман, ее внимание занимали три основные стратегические проблемы: судьба Италии, переброска сил из Европы в Юго-Восточную Азию, что в некоторой степени зависело от того, как сложится обстановка в Италии, и та роль, которую смо-

⁶³ См. там же, стр. 314.

⁶⁴ «The Memoirs of Montgomery», p. 282.

⁶⁵ Цит. по: Дж. Эрман. Большая стратегия. Август 1943—сентябрь 1944, стр. 499.

гут сыграть английские войска в войне на Тихом океане⁶⁶. Кроме того, Черчилль, как он писал в своих мемуарах, очень хотел, чтобы союзные армии опередили русских с захватом некоторых районов Центральной Европы. Он также хотел, чтобы в случае ухода немцев из Италии или их отступления к Альпам союзные армии имели возможность нанести оттуда свой комбинированный удар через Адриатику, захватить и оккупировать п-ов Истрию и попытаться прийти в Вену раньше русских⁶⁷.

Предложение Черчилля обсуждалось на конференции и получило поддержку американских представителей. Обсуждение этого вопроса происходило следующим образом. Адмирал У. Леги заявил о намерении американского комитета начальников штабов перебросить 5-ю армию из Италии во Францию, если того пожелает Эйзенхауэр. Фельдмаршал Брук высказал предположение, что в случае отхода немецких войск из Греции и Югославии в течение зимы может оказаться открытым путь через Любляну на Вену. Но и в том случае, если противник не уйдет, он полагал, что американские и английские войска после захвата Верхней Италии могут легко овладеть Истрией и превратить ее в базу для вторжения в Австрию. Брук попросил американцев оставить 5-ю армию в Италии. Американские начальники штабов с этим согласились. Объединенный совет начальников штабов решил: пока не станет ясен результат проводимого наступления, из Италии не будут отведены никакие силы, и только потом может быть рассмотрен вопрос об отводе некоторых соединений 5-й армии. Уилсона обязали представить к 10 октября план захвата Истрии⁶⁸.

13 сентября Черчилль направил из Квебека заместителю премьер-министра и военному кабинету восторженное письмо по поводу достигнутого соглашения. «Конференция, — сообщал он, — открылась в обстановке пламенной дружбы. Начальники штабов уже почти во всем согласны. Армия Александра не будет ослаблена до тех пор, пока Кессельринг не уйдет за Альпы или не будет уничтожен. В нашем распоряжении останутся все десантные суда в Средиземном море для проведения в Северной Адриатике любых десантных операций, которые могут быть предприняты с целью захвата Истрии, Триеста и т. д. Мысль о нашем продвижении к Вене в случае, если война продлится достаточно долго и если другие не вступят туда раньше, здесь полностью принята»⁶⁹.

Участники конференции рассмотрели доклады Эйзенхауэра и Уилсона, в которых излагались соображения относительно плана ведения военных действий в Западной и Южной Европе. О плане операций на Европейском театре в решении конференции было за-

⁶⁶ См. Дж. Эрман. Большая стратегия. Август 1943—сентябрь 1944, стр. 403—404.

⁶⁷ W. Churchill. The Second World War, v. VI. London, 1954, p. 131.

⁶⁸ См. Дж. Эрман. Большая стратегия. Август 1943—сентябрь 1944, стр. 502—503.

⁶⁹ W. Churchill. Op. cit., v. VI, p. 137.

писано следующее: «Общая цель верховного командующего — как можно скорее уничтожить германские вооруженные силы и занять центральную часть Германии. Он считает, что лучшая возможность разгромить противника на Западе — это нанесение удара по Руру и Саару, поскольку верховный главнокомандующий убежден, что противник сосредоточит оставшиеся в его распоряжении вооруженные силы для обороны этих важных районов. Первая операция должна состоять в разгроме позиции «Зигфрида» и захвате переправ через Рейн. При этом его основные действия будут предприняты на левом фланге. Затем он обеспечит войска всем необходимым и сделает все другие приготовления для глубокого прорыва в Германию...»

Мы одобрили предложения генерала Эйзенхауэра и обратили его внимание на:

а) преимущества, которые дают северные подступы к Германии в отличие от южных, и

б) необходимость открыть северо-западные порты, в особенности Антверпен и Роттердам, прежде чем наступит период плохой погоды»⁷⁰.

Решением конференции Эйзенхауэру были подчинены 7-я американская и 1-я (ранее называвшаяся «Б») французская армии, подопешие из Южной Франции, из которых была сформирована 6-я группа армий во главе с американским генералом Деверсом.

По настоянию англичан стратегические военно-воздушные силы США и Англии в Европе были снова переданы в непосредственное подчинение Объединенному совету начальников штабов. Их общая цель оставалась прежней: «... систематический подрыв военно-экономической мощи Германии, а также непосредственная поддержка сухопутных и военно-морских сил»⁷¹.

На Средиземноморском театре военных действий предполагалось продолжать наступление союзных армий в Италии, а затем продвинуться на Балканы. Ближайшей целью их действий были выход в долину р. По и захват провинций Венеции и Джулии (западная часть Истрии), а затем, оккупировав их не менее чем одной дивизией, подготовиться к наступлению через Люблянскую на Вену⁷². Для высадки в Греции были выделены специальные войска — две английские бригады⁷³.

На конференции рассматривался также вопрос о послевоенном положении Германии. Американская делегация представила разработанный министром финансов Г. Моргантау план, которым предусматривалась ликвидация германской промышленности и превращение Германии в «аграрную страну»⁷⁴. Черчилль согласился с тем,

⁷⁰ Ibid., p. 139.

⁷¹ Дж. Эрман. Большая стратегия. Август 1943—сентябрь 1944, стр. 505.

⁷² См. там же, стр. 502—503.

⁷³ W. Leahy. I Was There. New York, 1950, p. 308.

⁷⁴ R. N. Current. Secretary Stimson. A Study in Statecraft. New Brunswick—New Jersey, 1954, p. 216, 218.

чтобы ликвидировать господство Германии в Европе, для чего он считал желательным «не допускать возрождения промышленной мощи Германии сверх того, что необходимо для обеспечения ей такого же уровня жизни, каким пользуются ее соседи»⁷⁵. Поскольку английская делегация не была готова вести переговоры по этому вопросу, решили продолжить его изучение после конференции.

22 сентября в ставке Эйзенхауэра в Версале было проведено совещание с командующими групп армий (кроме Монтгомери), на котором рассматривался окончательный вариант плана операций союзных войск на Европейском театре военных действий. Решение второй Квебекской конференции, одобрявшее основные положения плана Эйзенхауэра, несколько примиряло американскую и английскую точки зрения. Оно предусматривало нанесение главного удара на северном крыле фронта, т. е. осуществление того, чего хотели англичане, и наступление на Рейн южнее Рура, на чем настаивали американцы. Во время совещания Эйзенхауэр обратил внимание и на то, что овладение еще одним большим глубоководным портом на северном фланге было обязательной предпосылкой окончательного удара в глубь Германии.

На совещании был принят план, согласно которому 21-я группа армий при поддержке 1-й американской армии, открыв антверпенский порт, наносила удар по Руру с севера. 12-я группа армий оказывала поддержку 21-й группе, приняв от нее полосу 8-го английского корпуса, и развивала наступление на Кельн и Бонн. 6-й группе армий указывалось, что она может продолжать операции по захвату Мюлуза и Страсбурга⁷⁶.

Таким образом, в основу этого плана легла «стратегия широкого фронта» (наступательные операции одновременно на ряде направлений фронта с нанесением главного удара севернее Рура). И, конечно, неправ Монтгомери, утверждавший, что Эйзенхауэр принял якобы его (Монтгомери) план, но «с опозданием ровно на месяц», что такое опоздание будто было причиной провала наступления на Рур⁷⁷.

А что в действительности явилось причиной неудачного наступления? Для того чтобы ответить на этот вопрос, вернемся к рассмотрению хода событий.

Попытка обойти Рур

Основные положения плана операции 21-й группы армий в Голландии были рассмотрены союзным командованием еще 10 сентября. Главная цель этой операции — захватить на Рейне плацдарм, с которого развить затем наступление в обход Рура с севера (схема 11).

⁷⁵ W. Churchill. Op. cit., v. VI, p. 138—139.

⁷⁶ См. Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 314—315.

⁷⁷ «The Memoirs of Montgomery», p. 282.

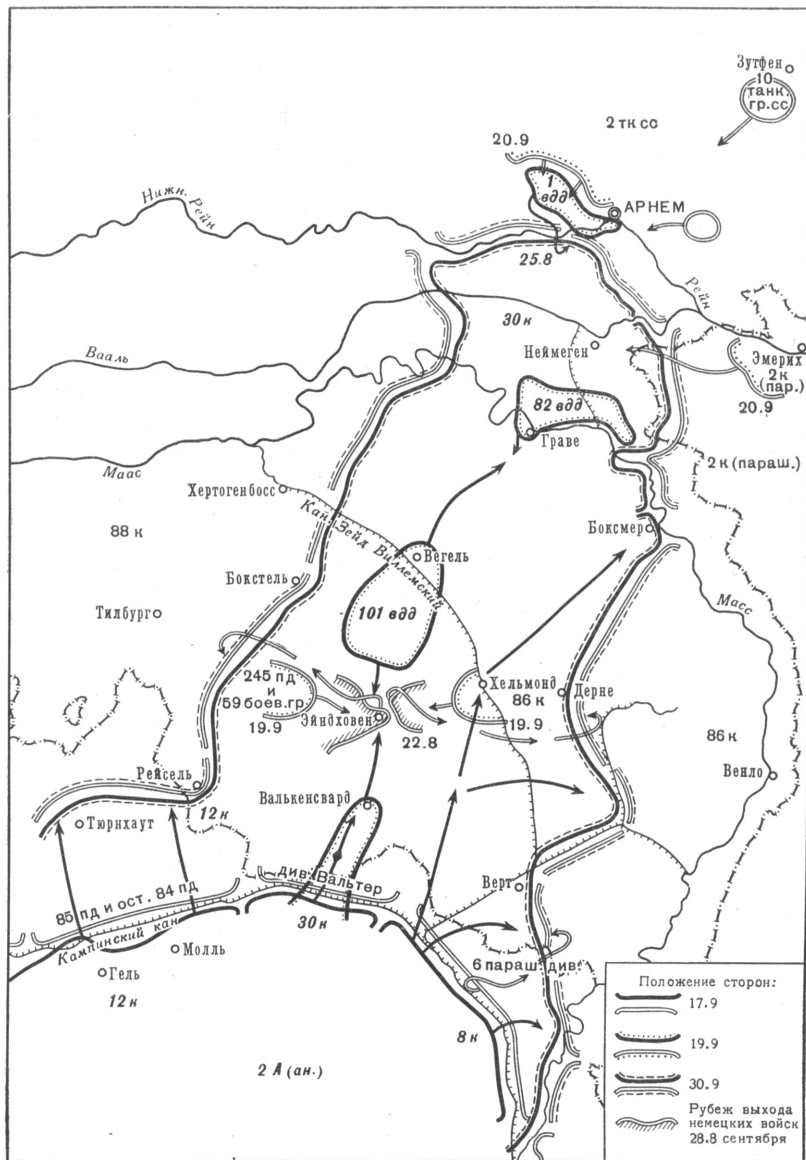

Схема 11.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ГОЛЛАНДИИ 17—30 СЕНТЯБРЯ 1944 г.

Для участия в ней кроме 21-й группы армий привлекалась еще и воздушнодесантная армия. Американцы должны были оказывать помощь 21-й группе армий в течение всей операции. Начало наступления намечалось на 17 сентября.

12-я группа армий, оказывая помощь 21-й группе армий, принимала операции севернее и южнее Арденн с целью преодоления позиции «Зигфрида» и выхода к Рейну южнее Рура.

Союзное верховное командование намеревалось одной операцией 21-й группы армий решить две задачи, имевшие стратегическое значение: захватить плацдарм на Нижнем Рейне и освободить от противника морские подступы к Антверпену⁷⁸. Правда, Монтгомери в мемуарах возражает против того, что Эйзенхауэр тогда ставил ему задачу в короткий срок захватить Антверпен «и только 9 октября он впервые отдал приоритет открытию антверпенского порта перед всеми другими задачами»⁷⁹. Действительно, в то время захват плацдарма на Нижнем Рейне являлся главной задачей 21-й группы армий. Но наряду с этим она должна была очистить от немецко-фашистских войск устье Шельды и тем самым освободить подход с моря к антверпенскому порту. Об этом свидетельствует оперативная директива от 14 сентября: «Вместе с 12-й группой армий мы начинаем действия, чтобы изолировать и окружить Рур... Нашей основной целью... является Рур. Но на пути к осуществлению ее мы хотим занять Антверпен и Роттердам»⁸⁰.

2-й английской и приданной ей 1-й воздушнодесантной армиям Монтгомери поставил задачу наступать в северном направлении и захватить переправы через Рейн и Маас у Граве, Неймегена и Арнема. В дальнейшем армиям предстояло создать плацдарм на Нижнем Рейне северо-восточнее Арнема и, находясь на нем, подготовиться к наступлению в восточном направлении на Оснабрюк, Хамм, Мюнстер.

1-я канадская армия получила задачу захватить сначала Булонь, а затем — Кале. Но «все силы армии должны быть направлены на осуществление операции, в результате которой станет возможным использование антверпенского порта на полную мощность». После освобождения от противника устья Шельды она должна была развивать наступление в общем направлении на Амстердам с задачей разгромить находившиеся там немецкие войска и захватить порт Роттердам. В дальнейшем Монтгомери предполагал вывести 1-ю канадскую армию на левый фланг 2-й английской и направить ее на Бремен и Гамбург⁸¹.

Первоначальный удар, таким образом, наносился на глубину 125 км. 2-я английская армия получила полосу для наступления

⁷⁸ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 307.

⁷⁹ «The Memoirs of Montgomery», p. 289.

⁸⁰ Ibidem.

⁸¹ Ibid., p. 289—292.

шириной примерно 65 км, а 1-я канадская — около 135 км⁸². Для наступления на главном направлении выделялось 13 дивизий и 3 бригады, что позволило создать высокую оперативную плотность.

План операции 2-й английской и 1-й воздушнодесантной армий заключался в том, чтобы воздушнодесантными дивизиями одновременно захватить мосты через реки Нижний Рейн, Вааль, Маас и через каналы между городами Вегель и Эйндрховен и тем самым обеспечить продвижение 30-го английского корпуса по дороге Эйндрховен — Вегель — Неймеген — Арнем⁸³.

Американские воздушнодесантные дивизии в первый день высаживали на глубине 55—70 км по одной полковой боевой группе каждая, а остальные силы — в последующие два дня. 1-й английской воздушнодесантной дивизии предстояло высадить на глубине 90 км парашютную бригаду и $\frac{2}{3}$ посадочной бригады, а остальные силы — на второй день операции. Для поддержки действий воздушнодесантных дивизий после их высадки предполагалось перебросить по воздуху 52-ю пехотную дивизию.

30-му корпусу предстояло быстро продвинуться на север по дороге, захваченной 1-й воздушнодесантной армией, и, развернувшись на рубеже Арнем, Нюнспет, в последующем наступать на восток и выйти на рубеж Зутфен, Девентер. 8-й и 12-й корпуса в это время должны были расширить прорыв в сторону флангов.

Военно-воздушные силы в интересах 2-й английской армии должны были подавить немецкую противовоздушную оборону в районе высадки десанта, обеспечить переброску воздушнодесантных дивизий и их высадку, поддержать наступление 30-го корпуса⁸⁴.

Снабжение войск 21-й группы армий осуществляли совместно английская и американская службы тыла. 8 сентября был захвачен Дьепп, в котором к концу месяца разгружалось до 6—7 тыс. т в день. В период подготовки операции 2-й английской и 1-й воздушнодесантной армиям ежедневно подвозилось примерно по 615 т груза на каждую дивизию. Их потребность в снабжении почти полностью удовлетворялись.

Немецко-фашистские войска спешно готовились к обороне в Голландии и на подступах к Руру с запада. Наряду с 15-й армией

⁸² 2-я английская армия имела следующий состав: 8-й корпус (11-я бронетанковая и 3-я пехотная дивизии и бельгийская бригада), 30-й корпус (Гвардейская бронетанковая, 43, 50-я пехотные дивизии и 8-я бронетанковая бригада), 12-й корпус (7-я бронетанковая, 15-я и 53-я пехотные дивизии, 4-я бронетанковая бригада) и 52-я пехотная дивизия, находившаяся в резерве армии.

⁸³ *B. L. Montgomery. 21-st Army Group, p. 136—139.*

⁸⁴ *Ibid., p. 137—138.*

Для участия в операции было выделено 1113 бомбардировщиков, 1240 истребителей, 212 истребителей-бомбардировщиков, 1073 транспортных самолета и 491 планер. Наступление 30-го корпуса поддерживали 2-е английские тактические ВВС, сделавшие в ходе операции 550 самолето-вылетов (*Ch. Wilmot. The Struggle for Europe. London, 1950, p. 502*).

в начале сентября была сформирована 1-я парашютнодесантная армия⁸⁵. Ей была поставлена задача: оборонять Кампинский канал от Антверпена до Маастрихта протяжением по фронту около 100 км. Сначала она имела в своем составе лишь две слабые дивизии, но в первой половине сентября получила несколько истребительно-противотанковых частей и подтянутые из Голландии и Бельгии подразделения, сформированные из личного состава тыловых служб, 20 батарей зенитной артиллерии, изъятых из противовоздушной обороны страны и другие подкрепления из 15-й армии.

На направлении главного удара 21-й группы армий (на фронте около 85 км) оборонялся 88-й армейский корпус⁸⁶, силы которого были эквивалентны 2—2,5 дивизиям. В полосе 30-го английского корпуса находилась дивизия «Вальтер», прикрывавшая дороги на Эйндховен с юга. В тылу у Арнема на отдыхе располагался штаб 2-го танкового корпуса СС с одной боевой танковой группой, о чем не знало английское командование.

Соотношение дивизий в полосе наступления 2-й английской армии было примерно 2:1, а на направлении главного удара — 4:1 в пользу союзников. В авиации и танках на их стороне было абсолютное превосходство.

Англо-американское командование было твердо уверено в успехе своей оригинальной и смело задуманной операции. Когда она началась, страницы английских и американских газет и журналов заполнились сообщениями, что предпринятое наступление приведет к окончанию войны. И поэтому для американцев и англичан был крайне неожиданным, прямо-таки ошеломившим их провал операции. «Такого исхода операции, — пишет Эрман, — никто не ожидал»⁸⁷. У многих тогда невольно возникала мысль, а не было ли здесь предательства? Один читатель прямо спрашивал английский военный журнал «Файтинг форсиз»: «Правда ли, что наши планы были проданы противнику и это привело к провалу операции?» Уклонившись от прямого ответа, журнал указал, однако, на следующие три причины провала наступления в Голландии. «1) Противник скрытно от английского командования имел в тылу две танковые дивизии в окрестностях Арнема⁸⁸, которые контратаковали и расчленили английские войска южнее и западнее города. 2) Погода испортилась на следующий день, и авиация не могла снабжать части, находившиеся в Арнеме, боеприпасами и продовольствием. Польская парашютная бригада не была выброшена южнее города и не соединила тем самым воздушнодесантные части со 2-й английской армией, как это предусматривалось планом. 3) Длинный 53-мильный коридор был три раза перерезан противником, и поэтому орудия,

⁸⁵ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4075, 4258.

⁸⁶ Там же, д. 4084, 4267.

⁸⁷ Дж. Эрман. Большая стратегия. Август 1943—сентябрь 1944, стр. 519.

⁸⁸ В действительности была одна 10-я боевая танковая группа СС (Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4084, 4267).

которые должны были поддерживать арнемские войска, не получили достаточного количества боеприпасов»⁸⁹.

Так же объяснял провал операции и Монтгомери в своей книге «21-я группа армий»⁹⁰. Позже в мемуарах, опубликованных через тринадцать лет после войны, Монтгомери под влиянием работы английского историка Честера Уилмота⁹¹ несколько пересмотрел свое мнение и кроме первых двух причин назвал еще две. Решающей из них он считал ту, что «штабом верховного командующего операция не рассматривалась как основная в главном наступлении союзников на северном крыле, предназначенном для того, чтобы изолировать и в конечном счете занять Рур — единственный на Западе объект, потери которого немцы не могли допустить». При этом Монтгомери обвиняет не Эйзенхауэра, который якобы искренне поддерживал его план, а союзный штаб за то, что тот распределил поровну между 1-й и 3-й американскими армиями предметы снабжения и тем самым позволил 1-й американской армии развить наступление на Аахен, в результате чего 2-я американская армия была-де вынуждена сражаться на более широком фронте, чем предполагалось.

Другая причина, по Монтгомери, та, что воздушнодесантные войска у Арнема были высажены слишком далеко от своего основного объекта — моста. Потребовалось несколько часов, пока они пробились к нему. Вину за это он берет на себя, поскольку не добился высадки одной бригады ближе к мосту⁹². Следовательно, за стратегический просчет он винит штаб Эйзенхауэра, а за тактическую ошибку готов нести ответственность сам. Черчилль объясняет неудачу операции только тем, что испортилась погода⁹³.

Рассмотрение хода операции поможет нам выяснить, насколько правильны приведенные выше суждения.

После налета самолетов 83-й авиационной группы (за день они совершили свыше 550 самолето-вылетов, из них около 300 для поддержки высадки воздушнодесантных дивизий) в 13 часов 17 сентября началась высадка воздушных десантов. Части 82-й и 101-й воздушнодесантных дивизий не попали в намеченные зоны и высадились на большой площади⁹⁴. Но так как противник был слабым, а десанты выбрасывались массированно, они выполнили свою задачу.

В первый же день воздушнодесантные дивизии захватили мосты: 101-я — через Зейд-Виллемский канал у Вегеля, а 82-я — через р. Маас у Граве и через канал Маас—Вааль. Парашютисты 1-й английской воздушнодесантной дивизии были сброшены западнее

⁸⁹ «The Fighting Forces», 1945, August.

⁹⁰ B. L. Montgomery. 21-st Army Group, p. 149.

⁹¹ Ch. Wilmot. Op. cit., p. 528—531.

⁹² «The Memoirs of Montgomery», p. 296—297.

⁹³ W. Churchill. Op. cit., v. VI, p. 174—175.

⁹⁴ J. Huston. Tactical Use of Air Power in World War II.—«Military Review», 1952, № 4.

Арнема и захватили северную часть моста на Нижнем Рейне. В последующие два дня высадился весь первый эшелон 1-й воздушнодесантной армии.

В 14 час. 25 мин. 30-й английский корпус после артиллерийской и авиационной подготовки начал наступление, сопровождавшееся огневым валом на глубину более 6 км (на участке фронта шириной 1,5 км). Для постановки огневого вала была создана крупная группировка артиллерии, плотность которой достигала 200 орудий на километр фронта. В авангарде 30-го корпуса наступала Гвардейская бронетанковая дивизия, протаранившая при поддержке авиации и артиллерии за первый день наступления слабую оборону противника и углубившаяся на 6—8 км. На следующий день передовые части корпуса подошли к Эйндохену и соединились с 101-й воздушнодесантной дивизией, а последняя у Граве — с 82-й.

Операция, как видно, началась успешно: в первые два дня союзные войска проникли в оборону противника на глубину до 66 км.

Хуже обстояло дело с расширением прорыва в сторону флангов. 8-й английский корпус в это время только готовился наступать на Хельмонд, а 12-й несколько расширил плацдарм на Кампинском канале севернее г. Гель и захватил небольшой плацдарм у Молля. Пассивность фланговых корпусов 2-й английской армии заставила ее командующего для расширения прорыва переподчинить 50-ю пехотную дивизию из 30-го корпуса 8-му корпусу. Началось рассасывание ударной группировки. 19 сентября ухудшилась погода, и боевые действия авиации сократились.

Главнокомандование «Запад» в первый же день наступления англичан стало перебрасывать к основанию прорыва свои дивизии из 15-й и 7-й армий. Но 17 сентября забастовали 30 тыс. железнодорожников Голландии⁹⁵. Это, несомненно, затруднило подвоз войск по железной дороге к району прорыва противника.

Но немецким войскам сопутствовали не только неудачи. В районе Вегеля в их руки попал английский приказ, содержавший план всей операции, что позволило немецкому командованию сразу же избрать наиболее соответствовавший обстановке метод действий. Оно намеревалось сначала не допустить расширения союзными войсками прорыва в сторону флангов, а затем, подтянув силы, отрезать прорвавшиеся английские и американские дивизии от их тылов. Уже 19 сентября штаб 86-го армейского корпуса принял участок фронта и войска западнее Венло и начал готовить контратаку на Эйндохен с востока, а 88-й армейский корпус, получив 59-ю боевую группу и за ней 245-ю пехотную дивизию, к тому времени уже контратаковал английские войска западнее города⁹⁶. 20 сентября части 88-го и 86-го корпусов сблизились между собой

⁹⁵ A. J. Rüter. *Rijden en Staken. De Nederlandse Spoorwegen in oorlogstijd's* Gravenhage, 1960, p. 224—228, 475.

⁹⁶ Архив. МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4086, 4269.

настолько, что могли простреливать ружейно-пулеметным огнем дорогу между Эйндховеном и Вегелем. 2-й танковый корпус СС с отдельными танковыми батальонами СС после сосредоточения восточнее Арнема и боевая группа «Теттау», находившаяся западнее города, 20 сентября контратаковали 1-ю английскую воздушнодесантную дивизию. В тот же день к Эмерику был подтянут 2-й парашютный корпус, который перешел в контратаку на Неймеген⁹⁷.

Немецким войскам удалось 22 сентября перехватить дорогу у Эйндховена, отрезав главные силы 30-го корпуса и 1-й воздушнодесантной армии. К тому времени 2-й танковый корпус СС значительно потеснил 1-ю английскую воздушнодесантную дивизию⁹⁸.

2-я английская армия вынуждена была заняться освобождением от немецких войск дороги у Эйндховена и расширением клина. Ей потребовалось почти четыре дня на решение только первой задачи. Движение по дороге возобновилось лишь 26 сентября, но к тому времени наступательный потенциал англичан был истощен полностью и уже речь могла идти только об удержании захваченных позиций. 28 сентября наступление 2-й английской армии прекратилось.

Еще 24 сентября Монтгомери была вручена радиограмма от 1-й английской воздушнодесантной дивизии, в которой сообщалось о ее тяжелом положении. Дивизии не хватало продовольствия, воды, боеприпасов и оружия. Она не могла отразить даже незначительные контратаки противника, а о ее дальнейшем наступлении не могло быть и речи. Видя бесперспективность дальнейшего наступления на север, Монтгомери 25 сентября приказал отвести остатки дивизии на южный берег Нижнего Рейна⁹⁹. К утру следующего дня было отведено всего лишь 2400 человек без оружия. 1-я воздушнодесантная дивизия, полностью разгромленная, потеряла 7 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Между реками Маас и Вааль за две недели (с 20 сентября по 4 октября) немецко-фашистские войска предприняли около 12 контратак силами одной дивизии. В контрударе же, нанесенном 27 сентября, участвовали четыре танковые дивизии¹⁰⁰.

Английские корпуса на флангах добились незначительных результатов. К концу сентября 8-й корпус вышел на линию Верт, Дерне, Боксмер, а 12-й — продвинулся всего на 6—18 км. Эти слишком скромные успехи были достигнуты благодаря продвижению 30-го английского корпуса и действиям 1-й воздушнодесантной армии. Следовательно, наступление войск на главном направлении 2-й английской армии не обеспечивалось действиями фланговых корпусов, что явилось одной из причин неудачи операции.

Планирующие органы 21-й группы армий не предусмотрели того,

⁹⁷ Там же, д. 4087, 4270.

⁹⁸ Там же, д. 4089.

⁹⁹ «The Memoirs of Montgomery», p. 295.

¹⁰⁰ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4094, 4277.

что противник мог воспользоваться ошибками союзного верховного командования, увлекшегося наступлением на Рур и не уделившего должного внимания разгрому отходивших немецко-фашистских войск, чтобы не только создать прочную оборону, но и осуществить маневр силами и средствами вдоль фронта.

Одновременно с 21-й группой армий на рурском и саарском направлениях наступали 6-я и 12-я группы армий. Однако их действия по своему размаху были так незначительны, что не только не заставили немецкое командование усиливать свои войска на обоих направлениях, но, наоборот, позволили ему снять части и соединения с рурского направления и перебросить в Голландию¹⁰¹.

Не сковала противника перед своим фронтом 1-я канадская армия. Она позволила немцам постепенно отвести из района южнее устья Шельды все дивизии за исключением 64-й пехотной, оставленной для удержания брескенского плацдарма. Отведенные дивизии были сначала использованы для нанесения контратак против 2-й английской армии, а затем для создания обороны на рубеже Арнем, Бокстель, Рейсель, далее до устья Шельды¹⁰². К концу сентября 2-му канадскому корпусу удалось выйти к устью Шельды только северо-западнее Антверпена. С 17 по 30 сентября канадцы заняли порты Булонь и Кале и блокировали Дюнкерк.

Союзное командование не выделило и необходимых сил для наращивания удара на главном направлении из глубины. Введенные в сражение в первые три дня все силы 2-й английской и 1-й воздушно-подесантной армий оказались недостаточными, чтобы достигнуть цели операции, а в резерве осталась всего одна дивизия, да и та не была использована. В то время как противник вводил в сражение новые дивизии, переброшенные с других направлений, силы обеих армий союзников по мере роста их потерь сокращались.

Необходимо также отметить, что при проведении воздушно-подесантной операции не учитывался должным образом прогноз погоды, не предусматривались меры на случай ухудшения ее и неизбежного в этом случае снижения активности авиации, хотя, как пишет Монтгомери, всем известно, что «погода — всегда ненадежный фактор, и в период войны, и в мирное время»¹⁰³.

Конечно, причины, которые отмечали Монтгомери и Уилмот, действительно существовали и не благоприятствовали успеху операции армий союзников в Голландии. Но не они были главными. Решающую роль сыграли переоценка союзным командованием результатов победы, одержанной во Франции, и неправильный выбор им способов ведения военных действий в конце августа — первой половине сентября, что позволило немцам отвести основные силы

¹⁰¹ Во второй половине сентября с рурского направления в Голландию были переброшены 9, 116-я и 9-я СС танковые дивизии, 105, 107-я и 108-я танковые бригады (Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4083—4096).

¹⁰² Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721603, д. 4096, 4279.

¹⁰³ «The Memoirs of Montgomery», p. 297.

к границе Германии. Ведь 2-ю английскую и 1-ю воздушнодесантную армии остановили в основном те немецкие дивизии, которым удалось вырваться из «фалезского мешка».

Деблокада Антверпена

Хотя 21-й группе армий не удалось форсировать Нижний Рейн у Арнема, Монтгомери никак не хотел отказаться от общей идеи плана. Теперь он увидел возможность нанести удар с неймегенского плацдарма между Рейном и Маасом на юго-восток и на юг, чтобы во взаимодействии с американскими войсками, продвигавшимися на Кёльн и Дюссельдорф, поставить противника в трудное положение и подготовить условия для форсирования Рейна. Монтгомери считал также необходимым создать угрозу наступления в Южной Голландии, чтобы сковать силы противника в районе Арнема. Осуществление его замысла потребовало бы дополнительных сил и средств¹⁰⁴, тогда как положение со снабжением американских войск продолжало ухудшаться.

Надежды Монтгомери на то, что 1-я канадская армия быстро очистит от противника устье Шельды, не оправдались. Предпринятое 2 октября канадскими войсками наступление для захвата перешейка, соединяющего п-ов Зейд-Бевеланд с материком, и разгрома немецких войск, находившихся южнее устья Шельды, не имело успеха¹⁰⁵. Эйзенхауэр и американские командующие уже не могли мириться с откладыванием действий по деблокаде Антверпена. Получив 9 октября сообщение английского морского командования о том, что 1-я канадская армия не сможет продвигаться до 1 ноября, если она не будет обеспечена соответствующим количеством боеприпасов, Эйзенхауэр предупредил Монтгомери, что, если антверпенский порт не будет открыт до середины ноября, все операции союзников заглухнут. Он заявил Монтгомери: «...Из всех наших операций на всем фронте от Швейцарии до Ла-Манша я придаю Антверпену первостепенное значение и считаю, что действия, направленные к очистке порта, требуют Вашего личного внимания». Монтгомери усомнился в правильности выводов своих соотечественников-моряков и пытался доказать Эйзенхауэру, что главная задача 21-й и 12-й групп армий — как можно скорее выйти на Рейн¹⁰⁶.

Монтгомери не хотел привлекать войска 2-й английской армии для разгрома противника в устье Шельды. Он считал, что для этого будет вполне достаточно сил 1-й канадской армии (схема 12). 2-й английской армии он поставил задачу ликвидировать плацдарм противника на левом берегу Мааса у Венло¹⁰⁷. Главные же силы 1-й канадской армии направлялись: 2-й корпус от Антверпена на

¹⁰⁴ *B. L. Montgomery. 21-st Army Group, p. 150.*

¹⁰⁵ См. *Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 316.*

¹⁰⁶ См. там же, стр. 317.

¹⁰⁷ *R. L. Montgomery. 21-st Army Group, p. 159.*

Берген-оп-Зом и 1-й корпус от Тюрнхаута на Тилбург и Бреду. Иными словами, четыре дивизии 1-й канадской армии должны были наступать на фронте почти в 50 км. Для ликвидации брескенского плацдарма противника выделялась одна дивизия.

Принимая такой план, Монтгомери и его штаб опять допустили просчет в оценке состояния немцев. Они не учли тот факт, что немецкое командование к началу октября отвело основные силы 15-й армии с побережья Па-де-Кале и частью их организовало оборону севернее Антверпена. На брескенском плацдарме оборонялась 64-я пехотная дивизия, которую поддерживали тяжелые батареи, расположенные на о. Валхерен. Эта дивизия имела задачу удерживать плацдарм любой ценой. Несколько позже, 14 октября, командир дивизии отдал приказ, требовавший от солдат сражаться до последнего. Но он, по-видимому, не был уверен в силе влияния своего слова, поэтому в приказе содержалась угроза: солдаты, которые сдадутся в плен, независимо от обстоятельств, будут объявлены дезертирами. «Их имена будут сообщены на родину и их ближайших родственников будут считать врагами германского народа»¹⁰⁸.

Севернее и северо-восточнее Антверпена оборонялись на рубеже канала 67-й армейский корпус в составе двух пехотных дивизий, пехотной боевой группы, остатков 344-й пехотной дивизии и специальных частей, а на фронте Рейсель, Бокстель, Хертогенбосс — 88-й армейский корпус, имевший две пехотные дивизии и две пехотные боевые группы. На о. Валхерен находилась 70-я пехотная дивизия¹⁰⁹. Немецкий военно-морской флот поставил в устье Шельды минные заграждения, на которых, по расчетам главнокомандующего военно-морскими силами, англо-американский флот мог задержаться на три недели¹¹⁰.

Следовательно, пяти дивизиям 1-й канадской армии (из них двум бронетанковым) противостояли шесть пехотных дивизий и три пехотные боевые группы противника. Хотя в то время немецкие дивизии по боевому составу и уступали дивизиям канадской армии, они имели более двух недель на приведение себя в порядок; кроме того, они умело использовали для обороны выгодные естественные условия — систему каналов и рек.

И не удивительно, что события развернулись не так, как рассчитывал Монтгомери. За 15 дней 1-я канадская армия продвинулась севернее Антверпена на 11—15 км. Несмотря на то что 14 октября против брескенского плацдарма была введена 52-я пехотная дивизия, 64-я дивизия немцев, насчитывавшая около 5 тыс. человек, прочно удерживала плацдарм. 2-я канадская дивизия, наступавшая на Берген-оп-Зом, вышла к перешейку Зейд-Бевеланда, а 1-й канадский корпус медленно продвигался на север. Осада Дюнкерка

¹⁰⁸ R. W. Thompson. The Eighty-Five Days. New York, 1959, p. 91.

¹⁰⁹ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 724603, д. 4097—4098, 4280, 4281.

¹¹⁰ «Brassey's Naval Annual, 1948». New York—London, p. 444.

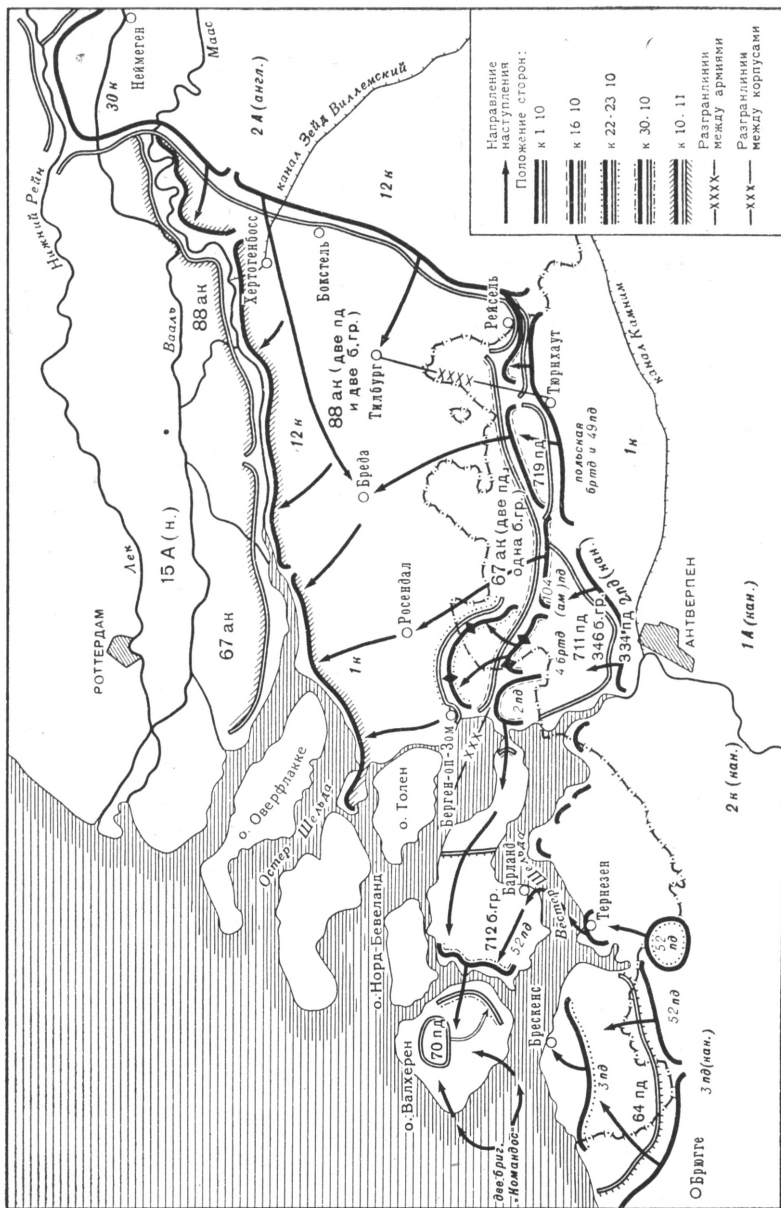

Схема 12.
ДЕБЛОКАДА АНТВЕРПЕНА (1 ОКТЯБРЯ—10 НОЯБРЯ 1944 г.)

все еще продолжалась. Наступление 2-й английской армии на Венло принесло еще меньший успех: 8-й корпус на некоторых участках продвинулся всего на 3—4 км.

Такое развитие операции затягивало решение вопроса о сокращении коммуникаций вооруженных сил на неопределенное время. Это заставило Эйзенхауэра принять более решительные меры. В письмах к Монтгомери от 10 и 13 октября он подтвердил свое требование, как можно скорее открыть антверпенский порт. Монтгомери под влиянием безуспешных действий войск 21-й группы армий, наконец, согласился с мнением верховного командующего.

Правда, решение этого, казалось бы простого, вопроса осложнялось требованием англичан вернуться к системе управления союзными войсками, существовавшей до 1 сентября, и учредить пост командующего сухопутными силами союзников на Европейском театре военных действий. Американцы решительно отвергли это требование¹¹¹. Примерно в середине октября Монтгомери, вынужденный уступить Эйзенхауэру, писал ему: «Я высказал Вам свои взгляды, и Вы дали мне свой ответ. Я и все мы думаем сделать на сто процентов то, что Вы хотите, и мы без сомнения выйдем из положения. Из всех действий 21-й группы армий Антверпен мною поставлен во главу угла, и вся наша энергия и усилия будут теперь обращены на его открытие. Ваш преданный и верный подчиненный»¹¹². Все это он предварял заявлением, что Эйзенхауэр больше ничего не услышит от него по вопросу командования.

16 октября Монтгомери отдал приказ прекратить наступление на всем фронте 21-й группы армий, кроме операции по деблокаде устья Шельды. А через два дня, 18 октября, в Брюсселе Монтгомери встретился с Эйзенхауэром и Брэдли. Они обсуждали вопрос о военных действиях на Европейском континенте в ноябре и декабре. На совещании снова было решено, прежде чем предпринимать наступление к Руру, освободить от немцев устье Шельды и открыть порт Антверпен. А еще через два дня, 20 октября, Объединенный совет начальников штабов пришел к выводу, что возможности выигрыша войны в Европе к концу года исчезли. Надежды начальников штабов обеих стран теперь также возлагались на открытие Антверпена, мирового порта третьей величины. Только это и могло в значительной мере разрядить ограничения в снабжении союзных армий в Западной Европе¹¹³.

В этих условиях Монтгомери поставил перед 2-й английской армией задачу, проведя перегруппировку, одним корпусом наступать южнее Мааса на Хертогенбосс и Тилбург и выйти к Бреду. 1-я канадская армия, усиленная 104-й американской пехотной дивизией, должна была захватить Зейд-Бевеланд и о. Валхерен, а на правом фланге наступать в трех направлениях — на Бреду, Росен-

¹¹¹ См. Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 317—319.

¹¹² Там же, стр. 320.

¹¹³ R. W. Thompson. Op. cit., p. 44—45.

дал и Берген-оп-Зом¹¹⁴. Для очищения от противника устья Шельды теперь было направлено 11 дивизий, в том числе три бронетанковые. Наступление предполагалось вести в шести направлениях. Основная цель операции — отбросить противника за Маас и очистить подходы с моря к Антверпену.

3-я канадская и 52-я английская пехотные дивизии продолжали действия по ликвидации брескенского плацдарма. К 22 октября размер плацдарма уменьшился вдвое. После этого 52-я дивизия была выведена из боя и начала подготовку к высадке на Зейд-Бевеланде и Валхерене. Полное освобождение плацдарма от противника возлагалось на 3-ю дивизию, которая и выполнила эту задачу к 3 ноября. Захватив Брескенс, она очистила от немцев весь южный берег устья Шельды.

Наступление 2-й канадской дивизии принесло незначительный успех: 24 октября она вышла к Бевеландскому каналу. В это время в районе Барланда высадилась одна бригада 52-й дивизии, после чего немцы прекратили сопротивление на полуострове, и к 30 октября он был полностью занят.

В захвате о. Валхерен участвовали две пехотные дивизии (2-я канадская и 52-я английская) и две бригады английских «командос», которых поддерживали авиация и военно-морской флот. На острове оборонялась 70-я немецкая пехотная дивизия, прозванная «желудочной» из-за того, что она была укомплектована солдатами и офицерами, страдавшими различными желудочно-кишечными заболеваниями. Вместе с частями усиления и находившимися на острове подразделениями она насчитывала около 8—10 тыс. человек¹¹⁵. Во время доклада Гитлеру 7 ноября Дениц обратил его внимание на исключительную важность сохранения о. Валхерен, чтобы не дать противнику пользоваться Антверпеном. Гитлер согласился с его мнением¹¹⁶. Но одного согласия было мало; требовались силы и средства, а в записи этого совещания нигде не говорится о выделении дополнительных сил для обороны острова. Единственное, что последовало за сим, это распоряжение главнокомандующего военно-морскими силами об увеличении числа малых боевых кораблей в районе Голландии, прежде всего у устья Шельды¹¹⁷.

Предварительно британские тяжелые бомбардировщики разрушили плотину вокруг острова, после чего часть его оказалась под водой. Пехотные дивизии вторглись на остров с востока, а бригады «командос» — с запада и юга. В результате упорных боев они к 9 ноября полностью очистили остров от противника.

12-й корпус 2-й английской армии 22 октября предпринял наступление в полосе шириной свыше 50 км, а двумя днями раньше в наступление перешел 1-й канадский корпус. К тому времени не-

¹¹⁴ B. L. Montgomery. 21-st Army Group, p. 160.

¹¹⁵ R. W. Thompson. Op. cit., p. 148—149.

¹¹⁶ «Brassey's Naval Annual, 1948», p. 416.

¹¹⁷ Ibidem.

мецкое командование уже начало отводить свои войска за Маас. Один из американских обозревателей событий на фронте в те дни писал, что «противник имел достаточно времени для отступления и в этом имел большие успехи, чем позволяло его оснащение»¹¹⁸. К 10 ноября 21-я группа армий полностью очистила от немецких войск южный берег Мааса от Граве до устья реки. 15-я армия отошла на северный берег Мааса и взорвала за собой все мосты. Первый минный тральщик союзного флота вошел в Антверпен 4 ноября, а первый караван судов — 28 ноября.

Неудачи американских и английских войск в сентябре—октябре 1944 г. повлияли на дальнейшее развитие военных действий. Снова возобновились операции «на измор»¹¹⁹. Брэдли всю вину за случившееся взваливает на Монтгомери. Он утверждает, что, если бы Монтгомери немедленно после занятия Антверпена «приступил к очистке Шельды от противника, вместо того чтобы тщетно рваться к Берлину, мы могли бы уже получать грузы через этот бельгийский порт... Если бы мы имели возможность обеспечить быстрый подвоз грузов на фронт через Антверпен, мы могли бы гораздо раньше предпринять осеннее наступление.

Вместо этого мы были вынуждены отсиживаться до ноября, пока не были накоплены запасы горючего и боеприпасов, доставленных длинным путем из Шербура. К этому времени погода испортилась, наступила зима, да и немцы не сидели сложа руки. За период с начала сентября до середины декабря противник... увеличил количество своих войск на Западном фронте»¹²⁰.

Действительно, из-за нехватки горючего и боеприпасов американские армии не могли предпринять операции с решительными целями на других направлениях Западного фронта. 1-я и вновь введенная в конце сентября 9-я американские армии наступали к Рейну на рурском направлении. Несмотря на применение крупных сил авиации (участвовало около 500 самолетов), им удалось лишь окружить и 20 октября занять г. Аахен и тем вклиниться в позицию «Зигфрида». 3-я американская армия находилась восточнее Нанси, а 6-я группа армий медленно наступала на Бельфор. К концу октября союзные армии на правом крыле Западного фронта подошли к Саару и западным склонам Вогез.

Правильно и то, что быстрое освобождение от немцев устья Шельды и открытие антверпенского порта значительно облегчило бы снабжение американских и английских войск.

Однако ответственность за все случившееся нельзя возлагать только на одного Монтгомери. Ведь и Брэдли в сентябре рвался к Берлину, только на другом направлении. Причины лежат глубже — в межсоюзнических отношениях, в системе руководства коалиционными вооруженными силами. Борьба за престиж, взаим-

¹¹⁸ «Field Artillery Journal», January, 1945.

¹¹⁹ См. Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 324.

¹²⁰ О. Брэдли. Указ. соч., стр. 457—458.

ное недоверие между союзниками не позволяли быстро принимать решения, приводили к потере времени и давали врагу возможность собирать силы и создавать оборону на новых рубежах.

Как уже отмечалось, имела определенное значение и переоценка союзным командованием победы между Луарой и Сеной. Посчитав, что противнику нанесен непоправимый ущерб, от которого ему уже не оправиться, американцы и англичане не довели разгрома его до конца. Более того, не решив ближайших задач, союзное командование избрало Берлин в качестве своего стратегического объекта.

Сыграло роль и то, что органы тыла союзных армий, как уже отмечалось, планировали свою работу и готовились к действиям, исходя из низких темпов наступления войск. А когда в августе — сентябре продвижение войск значительно ускорилось, союзному командованию не удалось в новых условиях быстро перестроить работу тыла.

Рур — снова ближайшая цель

Западный фронт все более и более стабилизировался. Союзные армии постепенно теряли наступательные возможности, а немецкие укрепляли прочность своей обороны. Тем не менее к концу октября 1944 г. все дивизии (61) западного немецкого фронта¹²¹ имели большой некомплект; на восполнение потерь они получили в сентябре 19 тыс., а в октябре 28 тыс. человек. Их же потери за это время составили свыше 270 тыс. человек¹²².

Все немецкие силы на Западе позволяли создать оборону с оперативной плотностью одна не полностью укомплектованная дивизия или боевая группа на 15 км фронта. Наиболее крупная группировка немецко-фашистских войск находилась на рурском направлении, где средняя плотность доходила до одной дивизии на 9 км фронта. Восточнее Рура дислоцировались и все танковые дивизии резерва ОКВ, что еще больше увеличивало силу рурской группировки войск. Вторая крупная группировка немецко-фашистских войск находилась в Голландии; оперативная плотность ее не

¹²¹ Немецкая группа армий «Б» (15, 1-я парашютная, 5-я танковая и 7-я армии), имевшая в своем составе 35 дивизий и боевых групп (из них 6 фольксгренадерских дивизий), правым крылом удерживала рубеж Мааса, а левым — от Клеве до Трира — занимала позицию «Зигфрида». В тылу ее отдыхали, пополнялись и готовились к последующим операциям 5 танковых и парашютная дивизии, составившие резерв ОКВ. Побережье Голландии обороняли отряды морской пехоты. Общая протяженность фронта группы армий «Б» была около 440 км. Группа армий «Г» (1-я и 19-я армии), состоявшая примерно из 20 дивизий и боевых групп (из них 6 фольксгренадерских дивизий), обороняла подступы к Саару и западные скаты Вогез. Ее фронт простирался от р. Мозель до швейцарской границы (около 350 км).

¹²² См. «Военно-исторический журнал», 1960, № 5, стр. 91.

превышала одной дивизии на 10 км фронта. Менее сильная группировка была на саарском и страсбургском направлениях.

Главкомандованию «Запад» удалось осуществить первую часть своего плана — создать оборону на новом рубеже и остановить армии союзников. «Решение союзников (в действительности это было не решение, а вынужденная задержка. — В. К.), — сделать временную остановку перед «Западным валом» и «Западной позицией», — писал генерал Циммерман, — дало нам передышку, которой мы воспользовались до конца... Вопреки ожиданиям мы воссоздали устойчивый и непрерывный фронт»¹²³.

Союзные войска в Западной Европе на 1 октября имели в своем составе 54 дивизии; кроме того, 6 дивизий находилось в Англии¹²⁴. Средняя оперативная плотность войск союзников составляла одну дивизию на 15 км фронта. К осени 1944 г. военно-воздушные силы союзников насчитывали 4700 истребителей, 6 тыс. легких, средних и тяжелых бомбардировщиков и около 4 тыс. разведывательных, транспортных и других типов самолетов¹²⁵. Но и в конце октября союзные армии все еще базировались на три порта — Шербур, Гавр и Руан¹²⁶; длина их сухопутных коммуникаций уже достигла 500—600 км, и они своевременно не получали необходимого снабжения, особенно боеприпасов. Последнее объяснялось не только ограниченностью пропускной возможности портов и средств подвоза, но и тем, что США в 1944 г. сократили производство боеприпасов¹²⁷. Осенью увеличились потери союзных войск, особенно пехоты, вызванные холодом, различными заболеваниями и просто симуляцией болезней; в дивизиях имелся значительный некомплект пехоты¹²⁸. Когда нехватка ее начала серьезно ограничивать боевые возможности войск, союзное командование прибегло к жесткому прочесыванию зоны коммуникаций и тыловых органов, чтобы выявить годных к службе в пехоте солдат и офицеров и направить их на фронт¹²⁹.

18 октября в Брюсселе состоялось совещание Эйзенхауэра с командующими 21-й и 12-й групп армий, место для которого было специально выбрано недалеко от командного пункта 21-й группы армий, чтобы Монтомери не мог уклониться от участия в нем. Собравшиеся в Брюсселе стали перед альтернативой: либо прекратить наступательные действия до весны, когда они надеялись перебросить на фронт через Антверпен свежие американские дивизии

¹²³ *З. Вестфаль и др.* Указ. соч., стр. 254—255.

¹²⁴ *D. D. Eisenhower.* Op. cit., p. 322.

Дж. Эрман приводит другие данные. В начале октября союзники имели в Европе около 56 дивизий, из которых 8 задерживались в Нормандии и на юге Франции из-за недостатка транспортных средств.

¹²⁵ *D. D. Eisenhower.* Op. cit., p. 325.

¹²⁶ «The War Reports of George C. Marshall, H. H. Arnold, Ernest J. King». Philadelphia—New York, 1947, p. 628.

¹²⁷ См. *Ф. С. Погью.* Указ. соч., стр. 330.

¹²⁸ *D. D. Eisenhower.* Op. cit., p. 322.

¹²⁹ См. *Ф. С. Погью.* Указ. соч., стр. 330.

и накопить запасы всего необходимого для войск, либо продолжать наступление на Рур и Саар силами и средствами, находившимися тогда в их распоряжении.

После горячих споров совещание приняло следующий план операций союзных экспедиционных сил. 21-я группа армий, очистив от противника устье Шельды и перегруппировавшись, наступает с неймегенского плацдарма в общем направлении на Крефельд¹³⁰. 12-я группа армий (1-я и 9-я армии) разворачивает наступление к Рейну севернее Арденн. При этом предполагалось, что 1-я армия нанесет главный удар в направлении Кёльна, а 9-я — до выхода на Рейн прикроет ее левый фланг, после чего станет наступать на север для соединения с войсками 21-й группы армий. 3-я армия получила задачу, прикрывая правый фланг 1-й армии, продвигаться к Саару.

Считалось, что 1-я и 9-я армии начнут наступление между 1 и 5 ноября, а 3-я — 10 ноября. 6-й группе армий было приказано прикрывать правый фланг 12-й группы армий, захватить Страсбург и выйти через Бельфорский, Кольмарский и Савернский проходы в Вогезах на Рейн во всей полосе¹³¹.

Эйзенхауэр издал 28 октября директиву, в которой излагал решение, принятое им после изучения мнений, высказанных командующими группами армий на совещании в Брюсселе. В шестом пункте директивы указывалось: «а) главный удар нанести на северном участке фронта с целью разгрома противника западнее Рейна и создания плацдармов на его северном берегу; в дальнейшем овладеть Руром, после чего вести наступление в глубь Германии; б) обеспечить уничтожение противника в Саарской области, занять переправы через Рейн и быть готовыми, если позволит обстановка, продолжить наступление из Саарской области. Все эти вспомогательные действия должны быть так рассчитаны по времени, чтобы наилучшим образом содействовать выполнению основной задачи; в) войскам правого крыла фронта полностью использовать поддержку, которую они получают от союзных сил, действующих на Средиземноморском театре, для того чтобы, уничтожив противника в районе западнее Рейна, перейти затем в наступление в глубь территории Германии»¹³².

На первый взгляд может показаться, что Эйзенхауэр отказался от своей «стратегии широкого фронта», решив нанести главный удар на севере. Но это была лишь видимость уступки англичанам, так как американское командование не оставило свою стратегию. Об этом убедительно говорит характер операций, проводившихся американскими войсками.

¹³⁰ См. *О. Брэдли*. Указ. соч., стр. 469—470; *В. L. Montgomery*. 21-st Army Group, p. 167—168; *Н. М. Коле*. The Lorraine Campaign. Washington, 1950, p. 299.

¹³¹ *Н. М. Коле*. Op. cit., p. 299; «The Seventh United States Army», v. II, p. 422.

¹³² Цит. по: *Дж. Эрман*. Октябрь 1944—август 1945. М., 1958, стр. 45—46.

Генерал Брэдли в период подготовки нового наступления к Рейну произвел перегруппировку своих войск. 9-я армия, выведенная из Арденн, приняла участок фронта севернее Аахена. Необходимость такой перегруппировки Брэдли объяснил следующим образом: «18 октября я покинул Брюссель в полной уверенности, что рано или поздно Монти добьется усиления своей группы армий за счет американских войск... Армия Симпсона оставалась еще самой неопытной среди наших армий, и я пришел к заключению, что именно ее мы могли передать Монти наиболее безболезненно. Чтобы не оставлять 1-ю армию в опасном соседстве с англичанами, я решил вклинить между ею и Монти 9-ю армию, что и сделал»¹³³. Такие соображения оказались «достаточными», чтобы 9-я армия в составе четырех пехотных и двух бронетанковых дивизий заняла фронт от Аахена до Ситгарда. Для заполнения незанятого участка в Арденнских лесах был переброшен из Бретани 8-й американский корпус, имевший в своем составе три пехотные и бронетанковую дивизии. Он был включен в состав 1-й американской армии и занял участок фронта от Сен-Вита до Ремиха (более 90 км). Остальные восемь дивизий 1-й армии (из них две бронетанковые) находились между Сен-Витом и Аахеном.

Таким образом, на северном направлении, где предусматривалось наступление двух армий 12-й группы, было сосредоточено 14 дивизий; им предстояло прорывать позицию «Зигфрида» на 80-километровом фронте. На втором южном направлении 12-й группы 3-я американская армия, состоявшая из трех бронетанковых и шести пехотных дивизий, должна была наступать на фронте около 120 км¹³⁴. Ее поддерживал 19-й корпус тактической авиации.

1 ноября Брэдли потребовал от Монтомери возвратить пять американских дивизий (три воздушнодесантные, пехотную и бронетанковую), которые были приданы 21-й группе армий на время боев в Южной Голландии и за устье Шельды, и принять участок фронта в 15 км к северу от Херлена. Но когда стало ясно, что эти дивизии нельзя будет возвратить в начале ноября, Брэдли отложил наступление 1-й и 9-й армий до 17 ноября. Отсрочка начала наступления вызывалась также и состоянием погоды, не позволявшей использовать авиацию для поддержки действий наземных войск¹³⁵. 3-я армия смогла начать наступление 8 ноября.

Наступление 6-й группы армий планировалось на всем фронте. 1-я французская армия получила задачу оказать максимальное

¹³³ О. Брэдли. Указ. соч., стр. 470.

¹³⁴ Кроме пехотных и бронетанковых дивизий, 3-я армия имела в своем составе 3 корпусных управления (12-е, 20-е и 3-е), батальон «рейнджерс», 22 батальона зенитной артиллерии, 5 танковых батальонов, 14 танко-истребительных батальонов, 38 дивизионов полевой артиллерии, 6 кавалерийских разведывательных эскадронов, 3 инженерных полка, 15 саперных батальонов, 4 инженерных понтоновых батальона, 11 понтоновых и мостостроительных рот (Н. М. Cole. Op. cit., p. 301—302). Общая численность армий составляла 220 тыс. человек (см. О. Брэдли. Указ. соч., стр. 471).

¹³⁵ См. О. Брэдли. Указ. соч., стр. 472.

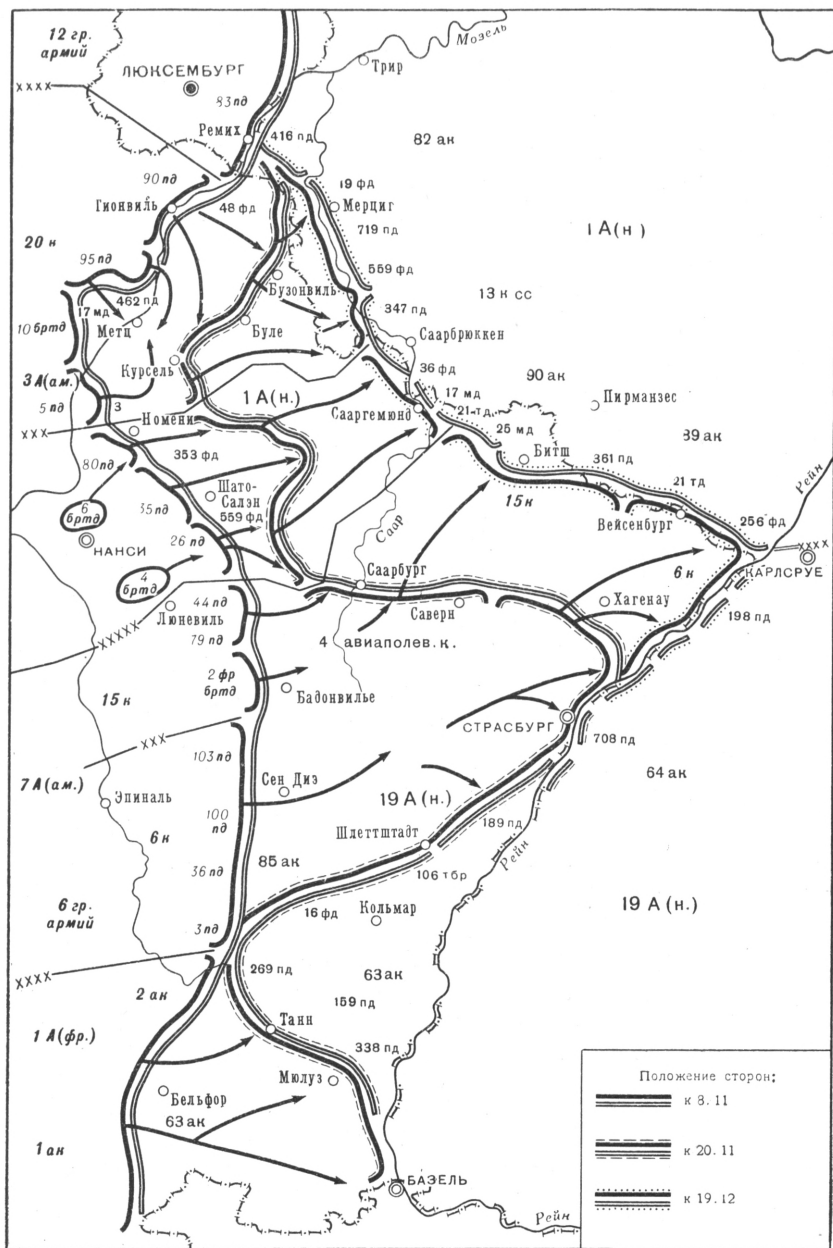

Схема 13.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ЮЖНОМ КРЫЛЕ ЗАПАДНОГО ФРОНТА
8 НОЯБРЯ — 19 ДЕКАБРЯ 1944 Г.

давление на противника, чтобы сковать его, захватить Бельфорский проход и затем выйти в долину Рейна (схема 13). Предполагалось, что она окажет помощь 7-й американской армии в захвате прохода в Вогезах при наступлении на Кольмар и Страсбург. Начало наступления этой группы армий намечалось на 13 ноября.

В своей книге «Крестовый поход в Европу» Эйзенхауэр так характеризует боевые действия союзных экспедиционных сил в ноябре—декабре 1944 г.: «Борьба на всем фронте от Швейцарии до устья Рейна приняла поздней осенью самые неприятные формы топтания пехотинцев на месте. Продвижение было медленным и требовало больших усилий. Успехи измерялись обычно ярдами, а не милями. Операции зависели главным образом от наличия артиллерии и боеприпасов и требовали от пехоты выносливости, стойкости и отваги. В этих условиях потери в пехоте и особенно в стрелковых взводах были чрезвычайно велики. На долю пехоты, которая при всех видах военных действий несет обычно основную массу потерь, приходились в то время фактически все потери. Это никоим образом не объясняется одними лишь действиями противника. Пехота несла ненормально большие потери также и в результате влияния других факторов. Случаи обмороживания, заболевания ног, появлявшегося при продолжительном пребывании в окопах, и легочные заболевания были среди пехотинцев гораздо более многочисленными, чем в других родах войск. Теряя пехоту, действовавшие дивизии слабели; ввиду ограниченности людских ресурсов для осуществления повседневных наступательных операций и маневрирования под ожесточенным артиллерийским огнем противника наша наступательная сила заметно убывала»¹³⁶. Как же это проходило?

Первой предприняла наступление 3-я армия. Основные силы и средства командующий армией разделил почти поровну между двумя корпусами первого эшелона, а управление 3-го корпуса оставил в резерве. Так как погода не позволила использовать авиацию, наступление началось без авиационной подготовки. В полосе 12-го корпуса (три пехотные и две бронетанковые дивизии) артиллерийская подготовка проводилась корпусной артиллерией (17 дивизионов) в течение 60 минут и дивизионной, с целью усиления огня корпусной артиллерии, — 30 минут. Около половины всех орудий предназначалось для ведения огня по огневым позициям немецкой артиллерии. Наиболее важные цели обстреливались через каждые три минуты. После начала атаки артиллерия должна была вести огонь в течение 2,5 часов, поддерживая наступление пехотных дивизий. Полковые орудия в артиллерийской подготовке не участвовали¹³⁷. В полосе 20-го корпуса наступление началось без артподготовки.

В первом эшелоне 12-го корпуса наступали три пехотные ди-

¹³⁶ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 332—333.

¹³⁷ H. M. Cole. Op. cit., p. 317.

визии. На следующий день были введены две бронетанковые дивизии: 4-я на правом фланге и 6-я на левом. Несмотря на слабую артиллерийскую подготовку (360 орудий на 48 км фронта), немцы в первый день не оказали серьезного сопротивления, «грязь задерживала продвижение пехоты (американской. — В. К.) в большей степени, чем оборона противника»¹³⁸. И действительно, перед фронтом корпуса оборонялись лишь две фольксгренадерские дивизии. Во второй половине дня стала действовать авиация.

20-й корпус перешел в наступление одной пехотной дивизией, действовавшей в центре, в ночь на 9 ноября, а двумя пехотными дивизиями, предназначенными для обхода г. Метц с юга и севера, утром следующего дня. Наступление на всех трех направлениях развивалось медленно. 15 ноября на левом фланге корпуса была введена в бой 10-я бронетанковая дивизия.

За 12 дней наступления войска 12-го корпуса продвинулись на 5—27 км, а 20-го — окружили Метц и продвинулись на 13—25 км. В последующем наступление замедлилось еще больше. С 19 ноября по 19 декабря 12-й корпус продвинулся на правом фланге на 67 км, на левом — на 30 км. Еще медленнее наступал 20-й корпус. От исходных позиций он удалился на правом фланге на 30 км и на левом — на 13 км. Метц был занят 22 ноября. Однако отдельные укрепления его продержались до середины декабря.

За 41 день наступления (с 8 ноября по 19 декабря) 3-я армия захватила Лотарингию и подошла к позиции «Зигфрида» на участке Мерциг, Сааргемюнд. Максимальное продвижение армии достигало 72 км. Пехота и танки наступали в линию и продвигались медленно. Поставленная перед войсками задача — выйти на Рейн и захватить на реке переправы — осталась невыполненной.

Наступление 6-й группы армий началось 13 ноября. 1-й французской армии в течение семи дней удалось прорваться через Бельфорский проход и передовыми частями выйти в долину Рейна южнее Мюлуза. Немцы оборонялись здесь незначительными силами (пехотная и резервная дивизии 63-го армейского корпуса). Французские войска, вышедшие в долину Рейна, охватили левый фланг 85-го армейского корпуса, оборонявшегося в Вогезах.

7-я американская армия (семь дивизий) должна была наступать на фронте в 70 км. 6-й корпус (четыре пехотные дивизии) получил задачу действовать в направлении Шлеттштадт, выйти в долину Рейна, а на левом крыле вместе с 15-м корпусом овладеть Страсбургом. 15-му корпусу (2-я французская бронетанковая и две американские пехотные дивизии) предстояло выйти в долину Рейна через Севернский проход.

Перед фронтом 7-й армии находились четыре дивизии (из них одна танковая) 19-й немецкой армии. По заявлению американцев, оборонительная система Вогез производила более серьезное впе-

¹³⁸ Ibid., p. 319.

чатление, чем ее защитники»¹³⁹. Войска 7-й армии легко и быстро вышли в долину Рейна. 21 ноября пехота заняла Саарбург, а на следующий день вечером в него вошла 2-я французская бронетанковая дивизия. Левее нее в общем направлении на Хагенау наступали две пехотные дивизии, отражая небольшие контратаки противника с севера.

В результате наступления к исходу 22 ноября обе армии 6-й группы вышли в долину Рейна, охватив фланги 19-й немецкой армии с севера и юга. Армии союзников имели возможность с ходу форсировать Рейн и захватить плацдармы на его восточном берегу, так как им противостояли небольшие силы немцев. Но они не решились сделать это, видимо, опасаясь большой группы немецко-фашистских войск в районе Кольмара, которая могла нанести контрудары по флангам 7-й американской и 1-й французской армий.

По указанию Эйзенхауэра, посетившего 24 ноября штаб 6-й группы армий, генерал Деверс поставил 1-й французской армии задачу ликвидировать «кольмарский мешок», а 7-ю армию повернул на север, чтобы поддержать наступление 3-й американской армии на Саар¹⁴⁰. Деверс, как пишет Эйзенхауэр, считал, что 19-я армия разгромлена и с ее остатками, оборонявшимися перед французами, можно легко справиться. Эйзенхауэр «приказал 6-му корпусу повернуть к северу по долине восточнее Вогезских гор с таким расчетом, чтобы при наступлении на Саар этот корпус мог взаимодействовать с 15-м корпусом, находившимся к западу от этих гор»¹⁴¹.

7-я американская армия, прикрыв свой правый фланг 2-й французской бронетанковой и 3-й пехотной дивизиями, 1 декабря начала наступление на север. Из-за плохого снабжения войск боеприпасами и продовольствием, незначительной активности американской авиации в связи с нелетной погодой оно проходило очень медленно. Ввод в бой в полосе 6-го корпуса свежей 14-й бронетанковой дивизии также не увеличил темпов наступления. За первую половину декабря армия, тесня немецкие дивизии, продвинулась на север на 20—40 км и вышла на позицию «Зигффрида» от Рейна до Сааргемюнда. Ее попытка вклиниться в немецкую оборону была отражена¹⁴².

Действия 1-й французской армии по ликвидации кольмарского плацдарма противника вследствие малочисленности выделенных для этого сил также были безуспешными. Немецко-фашистские войска, заняв выгодные позиции вокруг Кольмара, отразили все атаки французов и сохранили плацдарм, а в последующем причинили немало неприятностей американским войскам из этого района.

¹³⁹ «The Seventh United States Army», v. II, p. 402.

¹⁴⁰ Ibid., p. 422; D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 331.

¹⁴¹ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 331—332.

¹⁴² «The Seventh United States Army», v. II, p. 494.

Немецкое верховное главнокомандование придавало большое значение удержанию в своих руках Верхнего Рейна. После выхода американских и французских войск в его долину оно образовало главнокомандование «Рейн» во главе с Гиммлером (одним из ближайших сподвижников Гитлера).

В середине ноября началось наступление на позицию «Зигфрида» на рурском направлении. Завершив действия по деблокаде Антверпена, 21-я группа армий к 14 ноября произвела перегруппировку, в ходе которой 1-я канадская армия, сменив войска 2-й английской армии, развернулась на Маасе от неймегенского плацдарма до устья. 2-я английская армия целиком сосредоточилась на рурском направлении для наступления на Крефельд. 8-му и 12-му корпусам предстояло сначала ликвидировать немецкий плацдарм на р. Маас западнее Венло и переправиться на ее восточный берег, а 30-му корпусу, сменив войска 9-й американской армии на участке Тверен, Ситтард, — наступать в направлении Гайленкирхена и выйти на р. Роер¹⁴³.

По плану штаба 12-й группы армий, 1-я американская армия, прикрываясь слева 9-й армией, также предпринимала наступление на рурском направлении. Она наносила первоначальный удар из района Аахена на Дюрен с целью выйти на р. Роер, затем, переправившись через эту реку, развивать наступление в общем направлении на Кёльн. 9-я американская армия имела общую задачу: наступать к Рейну, нанося главный удар своим правым флангом. Решение этой задачи непосредственно возлагалось на 19-й корпус, в составе которого были две пехотные и бронетанковые дивизии. 13-й же корпус (кавалерийская группа, пехотная и бронетанковая дивизии) после передачи его полосы 30-му английскому предполагалось ввести в сражение левее 19-го корпуса для развития наступления к Рейну.

Наступление обеих американских армий и 30-го корпуса на рурском направлении поддерживали с воздуха два корпуса 9-й американской воздушной армии и тактическая английская авиация, части 8-й американской воздушной армии и английской тяжелой бомбардировочной авиации.

О рурской операции Брэдли в своих мемуарах писал: «Я рассчитывал, что через 30 дней после начала наступления мы выйдем к Рейну при условии, что первый бросок обеспечит нам прорыв через укрепления, расположенные непосредственно за Аахеном. Однако я предупреждал штаб группы армий, что, если наступление захлебнется, нам, может быть, придется окопаться и подождать до весны. А весеннее наступление, по моим расчетам, могло привести к тому, что война затянулась бы до осени 1945 года»¹⁴⁴.

¹⁴³ 30-й корпус имел в своем составе 42-ю английскую дивизию и принимал от 13-го американского корпуса 85-ю дивизию (*B. L. Montgomery*. 21-st Army Group, p. 169).

¹⁴⁴ *О. Брэдли*. Указ соч., стр. 472—473.

12-й корпус 2-й английской армии начал наступление 14 ноября в общем направлении на Венло с юго-запада, а через день перешел в наступление также на Венло, но с северо-запада 8-й корпус. Несмотря на значительное преимущество в силах, корпуса действовали медленно. Лишь 3 декабря они ликвидировали немецкий плацдарм и вышли на Маас.

После мощной авиационной подготовки, в которой участвовало 1204 тяжелых бомбардировщика 8-й американской воздушной армии, 1188 тяжелых бомбардировщиков «ланкастер» английской стратегической авиации, 16 ноября в 12 час. 45 мин. началось наступление 1-й и 9-й американских армий.

Американские тяжелые бомбардировщики сбросили на район Эшвайлера 3679 т бомб, а английские — на Дюрен и Юлих — 5640 т бомб. Вслед за ними были проведены массированные налеты средних бомбардировщиков на Линних и на ряд других населенных пунктов перед фронтом обеих армий.

Несмотря на благоприятные условия (зенитная артиллерия и авиация противника бездействовали), результаты бомбардировки не оправдали надежд союзного командования. «Потери противника, — как указывается в «Истории 9-й армии», — были меньше, чем предполагалось, но это объясняется тем, что войска противника располагались вне городов». Меры по обозначению своих войск оправдали себя и поэтому «отличительной особенностью налетов, — подчеркивается в той же книге, — являлось отсутствие потерь со стороны своих войск»¹⁴⁵.

Показателем малой эффективности бомбардировки было то, что за первый день войска 1-й и 9-й армий продвинулись всего на 2—3 км, а за последующие 15 дней — на 8—10 км. Брэдли по этому поводу пишет: «Хотя нашим бомбардировщикам удалось расстроить боевые порядки дивизий противника и изрыть землю воронками, но они не смогли пробить брешь, через которую пехота и танки могли бы пробраться к Рейну. Немцы умело эшелонировали свою оборону в глубину, прикрыв ее минными полями и оборонительными сооружениями. Зная, что у них за спиной Рейн, они с таким отчаянием дрались за каждую паршивую деревушку на перекрестке дорог, словно это были по меньшей мере Бранденбургские ворота в Берлине»¹⁴⁶.

Полностью прорвать позицию «Зигфрида» не удалось. Обе армии медленно «тащились» по развороченной бомбами местности и в начале декабря вышли на рубеж Дюрен, Юлих. В это время были получены сведения о сосредоточении двух немецких танковых армий в районе Рура, и наступление американских армий было прекращено.

30-му английскому корпусу, начавшему наступление 18 ноября, удалось обойти Гайленкирхен и занять его при помощи 13-го аме-

¹⁴⁵ «Conquer». The Story of Ninth Army 1944—1945. Washington, 1947, p. 86—87.

¹⁴⁶ О. Брэдли. Указ. соч., стр. 474.

риканского корпуса. Однако дальше развивать наступление англичане не смогли. Монтгомери пишет, что начавшиеся дожди «превратили местность в непроходимую как для танков, так и для колесных машин». Конечно, остановило англичан прежде всего сопротивление немецких войск. Противник перебросил в этот район 15-ю моторизованную и 10-ю танковую СС дивизии. Наступление 30-го корпуса закончилось 24 ноября¹⁴⁷.

Таким образом, 21-я группа армий в течение осени полностью очистила от противника весь левый берег р. Маас от Массейка до ее устья и удерживала плацдармы на правом берегу — один в районе Гайленкирхена, а другой — у Неймегена. 2-я английская армия всем фронтом вышла к позиции «Зигфрида». 12-й группе армий удалось вклиниться в нее восточнее Аахена и подойти к ней в Сааре. Наибольший успех имела 7-я американская армия, которой удалось за 34 дня продвинуться на 100—120 км и выйти на Рейн у Страсбурга и к позиции «Зигфрида» на южной границе Саара.

Итак, осенью 1944 г. союзные армии на Европейском театре военных действий начали наступление на широком фронте, чтобы как можно быстрее выйти на Рейн и захватить плацдармы на его восточном берегу севернее и южнее Рура. Союзное командование мечтало в короткий срок захватить Рур и Саар, а затем развить наступление на Берлин, который оно считало своим объектом. Но события развернулись не так, как предполагало союзное командование. Темпы наступления союзных армий были весьма низкими, а на отдельных участках фронта бои были почти позиционными. В результате союзные армии вышли на Маас и к позиции «Зигфрида» и только в полосе 6-й группы армий им удалось прорваться в долину Рейна. В ходе операций сухопутные силы союзников были ослаблены, особенно большие потери понесла пехота. Пришлось прибегнуть к прочесыванию тыловых служб, к замене мужского персонала в штабах и тыловых учреждениях женщинами, изъятию излишков из частей обслуживания военно-воздушных сил, чтобы увеличить численность пехотных дивизий.

Затяжные бои дорого обошлись и гитлеровским войскам, понесшим серьезные потери. Но им удалось восстановить оборону на всем Западном фронте, привести в порядок и несколько пополнить свои войска, создать резерв, состоявший главным образом из танковых и вновь формируемых фольксгренадерских дивизий. Союзные армии временно потеряли инициативу, а их противник получил возможность подготовиться к нанесению удара.

Важнейшей причиной, обусловившей такие результаты действий войск союзников, были американско-английские разногласия по стратегии. Борьба за престиж, желание играть руководящую роль в войне, чтобы использовать силы и средства союзников в своих ин-

¹⁴⁷ В. I. Montgomery. 21-st Army Group, p. 171.

тересах, не позволили своевременно разрабатывать стратегические планы, которые были бы проникнуты единством цели и безоговорочно признавались всеми командующими армиями и группами армий. На примирение различных точек зрения, согласование планов уходило много времени, но и после согласования не было гарантии, что командующие групп армий не внесут в них свои коррективы, которые приведут к нарушению ранее принятых планов. Так, например, получилось с планом, разработанным в сентябре: в ходе военных действий он был подменен планом выхода на Рейн на всем фронте.

Отсутствие единства взглядов в стратегическом руководстве вооруженными силами приводило к распылению войск, в результате чего осуществлялись мелкие, второстепенные операции, а не главные, решающие. Операции союзных армий, предпринимавшиеся одновременно на разных направлениях Западного фронта, не удавалось согласовывать по целям и размаху. Согласование и не могло быть проведено с достаточной последовательностью, ибо объектом операций избиралась не группировка противника, разгром которой позволил бы существенно изменить соотношение сил на фронте и решить ряд других стратегических задач, а определенные имевшие оперативное или стратегическое значение экономические центры и населенные пункты — Рур, Саар, Антверпен, Аахен, Мюлуз и др.

Такой порядок определения стратегических и оперативных целей играл отрицательную роль, хотя и не столь очевидно, еще во время военных действий между Сеной и Луарой. Но тогда он и не мог так серьезно сказаться на ведении операций, поскольку они проводились в сравнительно ограниченном районе и направлялись против одной компактной группировки немецко-фашистских войск.

Расширение фронта вооруженной борьбы осенью 1944 г. изменило структуру обороны немецко-фашистских войск: армиям союзников противостояло несколько главных и второстепенных группировок. В таких условиях нацеливать войска на одновременный захват рубежей и пунктов означало направлять их против разных как по значению и силе, так и по стратегическому положению группировок немцев. Если бы союзное верховное командование избрало объектом операций определенные главные группировки немецких войск, оно не допустило бы их отхода из Франции и создания нового оборонительного рубежа.

Сыграла отрицательную роль и некоторая недооценка союзным командованием роли пехоты и артиллерии в наступлении. В тех случаях, когда погода ухудшалась и ограничивались возможности использования авиации и танковых войск, а вся тяжесть ведения вооруженной борьбы ложилась на пехоту и артиллерию, союзники оказывались не способными продолжать активные операции, так как не располагали силами и средствами для подавления обороны противника.

«Стратегия широкого фронта» Эйзенхауэра на практике привела к стремлению наступать одновременно на всем фронте, а в опера-

тивном и тактическом масштабе — к линейному построению войск. Союзные войска, как правило, не прибегали к смелым обходам и охватам немецко-фашистских войск; последние вынуждены были отступать под давлением превосходящих сил на новые рубежи.

Поскольку союзное командование в начале осени 1944 г. пришло к выводу, что с немецкими вооруженными силами во Франции в основном покончено, оно не уделило должного внимания захвату важнейших портов Франции и Бельгии. Осенью и зимой 1944 г. союзные войска проводили операции в условиях непомерно растянутых коммуникаций. Выйдя на границу Германии, они продолжали базироваться на порты Нормандии и Южной Франции. Неоднократное откладывание освобождения устья Шельды от противника до завершения обхода Рура с севера и медлительность в создании баз снабжения в Восточной Франции ухудшили снабжение союзных войск (особенно боеприпасами) на Европейском театре осенью 1944 г., что, естественно, ослабило огневую мощь сухопутных войск.

Потеря времени не позволила союзному командованию использовать сложившуюся в ходе летнего наступления благоприятную обстановку, чтобы нанести противнику решительное поражение или по крайней мере добиться новых стратегических и оперативных преимуществ над ним, которые позволили бы нанести такое поражение в ближайшем будущем. Действуя нерешительно, не используя всех своих возможностей, американские и английские войска были остановлены перед позицией «Зигфрида».

Последняя ставка

Еще один план наступления к Рейну

Эйзенхауэр, Теддер, Монтгомери и Брэдли собрались 7 декабря в Маастрихте, чтобы обсудить план дальнейших действий союзных армий. Все их радужные надежды на быструю и легкую победу рухнули. К зиме войска союзников вышли к позиции «Зигфрида» и частично вклинились в нее в районе Аахена.

Советские Вооруженные Силы в это время, продолжая мощное наступление, разгромили 136 немецко-фашистских дивизий (почти в два раза больше, чем их было в Западной Европе), полностью очистили от гитлеровских захватчиков свою страну и перенесли военные действия за пределы СССР, вывели из войны королевскую Румынию, царскую Болгарию и Финляндию. На севере они вышли к Восточной Пруссии и на Вислу и стали готовиться к завершающим ударам по гитлеровской Германии. Одновременно они продолжали наступательные действия в Венгрии.

Немецким фронтам требовались новые резервы, но людские ресурсы Германии к тому времени уже истощились. На 1 ноября 1944 г. невосполненные потери действующей сухопутной армии составляли 904 тыс. человек¹. Гитлеровское командование пыталось улучшить положение с резервами для вермахта путем создания «фольксштурма».

Союзные армии к тому времени развернули на Западном фронте 63 дивизии, в том числе 40 американских, 15 английских и канадских, 8 французских². Все они располагались почти на 800-километровом фронте от устья Мааса до швейцарской границы (схема 14).

21-я группа (15 дивизий) занимала фронт протяженностью 220 км по левому берегу Мааса (от устья до г. Гайленкирхен). Основные силы группы находились южнее Арнема. Возможности дальнейшего увеличения числа дивизий этой группы армий за счет

¹ См. «Военно-исторический журнал», 1960, № 5, стр. 92.

² См. О. Брэдли. Записки солдата. М., 1957, стр. 484—486.

английских резервов были почти полностью исчерпаны. Здесь ярко проявилось отношение английского правительства к войне в Западной Европе. Британская империя, обладавшая огромными людскими ресурсами, выставляла там только 15 дивизий, да и то в их число входили канадские, польские, голландские, бельгийские и другие формирования. В дальнейшем 21-я группа армий могла усиливаться лишь за счет дивизий, снятых с других театров военных действий.

12-я американская группа армий занимала фронт от Гайленкирхена до р. Саар общим протяжением около 370 км. Она состояла из 1, 3-й и 9-й армий, насчитывавших 31 дивизию. Самая сильная группировка 12-й группы армий (17 дивизий) находилась севернее Арденн. Южнее Арденн вела боевые действия 3-я армия, состоявшая из 10 дивизий.

За несколько недель до начала немецкого наступления Эйзенхауэр и Брэдли на одном из совещаний в штабе 12-й группы армий обсуждали положение на фронте, и оба сошлись на том, что «арденнский участок был лишен стратегических объектов, а наступать зимой по труднопроходимой местности является делом чрезвычайной трудности»³. Американское командование использовало этот участок фронта как место для отдыха и подготовки дивизий⁴. Поэтому в Арденнах, в центре 12-й группы армий, располагался лишь 8-й корпус 1-й армии. Он имел в своем составе 106-ю пехотную дивизию, только что прибывшую из США и еще не обстрелянную, 4-ю и 28-ю пехотные дивизии, которые во второй половине ноября участвовали в наступлении на р. Роер и понесли большие потери, а теперь были отведены в Арденны на пополнение и отдых, и 9-ю бронетанковую дивизию (без одного боевого командования).

Участок 8-го корпуса был наиболее слабым местом в расположении 12-й группы армий. Несмотря на то что 80-й корпус находился в Арденнах почти три месяца, его командование не позаботилось об оборудовании оборонительных позиций. Главная полоса обороны состояла из отдельных опорных пунктов, вернее, расквартированных войск, разбросанных на широком фронте. Между ними оставались большие незанятые промежутки, через которые легко и незаметно проникали ночью немецкие отряды. Находившиеся в глубине резервы дивизий могли вводиться в бой силами 2—3 рот с 6—8 танками не ранее, чем через 6 часов после начала атаки противника. 9-я бронетанковая дивизия, составлявшая второй эшелон корпуса, располагалась частями в опорных пунктах за пехотными дивизиями⁵. В декабре все дивизии корпуса занимались «восстановлением сил людей», т. е. отогреванием их⁶. Разведка почти не велась, оборона не укреплялась.

³ R. E. Merriam. Dark December. The Full Account of the Battle on the Bulge. Chicago—New York, 1947, p. 91.

⁴ D. D. Eisenhower. Crusade in Europe. New York, 1948, p. 341.

⁵ R. E. Merriam. Op. cit., p. 79—80.

⁶ Ibid., p. 96—98.

На южном крыле Западного фронта 6-я группа армий, в состав которой входило около 17 американских и французских дивизий, вела безуспешные бои по ликвидации кольмарского плацдарма, а на левом фланге вышла севернее Страсбурга к Рейну и наступала на Саар. Общая протяженность фронта группы составляла 280 км.

Ни 12-я, ни 6-я группа армий собственными резервами не располагала. Не имели их и американские армии. Только в 9-й армии главные силы шести дивизий (четырёх пехотных и двух бронетанковых), выставивших на передовых позициях лишь мелкие охраняющие части, находились вне соприкосновения с противником⁷.

3-я американская армия, готовившаяся к вторжению в Саар, проводила перегруппировку. В связи с этим пехотная и бронетанковая дивизии перебрасывались на другой участок фронта армии и в середине декабря находились в тылу.

В резерве верховного командующего союзными экспедиционными силами в Европе имелся 18-й воздушнодесантный корпус — две потрепанные дивизии (101-я и 82-я), которые в районе Реймса приводили себя в порядок после 82-дневного участия в операции 21-й группы армий на Нижнем Рейне, а две дивизии (17-я американская и 6-я английская) и штаб корпуса все еще оставались в Англии. Кроме того, к 19 декабря ожидалось прибытие из США 11-й бронетанковой дивизии.

Осенью и зимой 1944 г. союзное командование занималось пополнением дивизий пехотой. С целью предоставления отдыха пехотным частям фронтовых соединений по решению начальника штаба армии США Маршалла пехотные полки вновь формируемых дивизий перебрасывались из США в Европу, не ожидая полного укомплектования новых соединений. В ноябре в Европу было направлено девять таких полков. Но на фронте они использовались отнюдь не для смены других пехотных частей: им нарезали особый участок фронта и придавали артиллерию, которую можно было собрать в армиях⁸. Для пополнения же дивизий пришлось перевести из авиации в пехоту около 65 тыс. человек⁹.

Неудовлетворительно обеспечивался фронт боеприпасами, особенно артиллерийскими. Американский историк Меррием в своей книге «Мрачный декабрь» пишет: «Командование беспокоили многочисленные проблемы снабжения, самая трудная из которых была проблема артиллерийского снабжения, не столько из-за транспортировки, сколько вообще из-за ограниченного производства артиллерийских боеприпасов, обусловленной недооценкой потребностей в них»¹⁰.

В ноябре и особенно в декабре низкая облачность и туманы, частые дожди и снегопады резко снизили активность военно-воз-

⁷ Ibid., p. 41.

⁸ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 333—334; R. E. Merriam. Op. cit., p. 72—73.

⁹ R. E. Merriam. Op. cit., p. 73.

¹⁰ Ibid., p. 67.

душных сил. Имея свыше 10 тыс. боевых самолетов, союзное командование, однако, не могло использовать их для поддержки наземных войск.

В такой обстановке Эйзенхауэру, Теддеру, Монтгомери и Брэдли на совещании в Маастрихте предстояло решить, какие же действия предпринять. Они быстро пришли к соглашению о действиях на северном участке фронта, где было намечено, что 21-я и 12-я группы армий снова начнут наступление к Рейну и завершат его к 12 января 1945 г. Затем, как предложил Монтгомери, 21-я группа армий, усиленная американскими войсками из 12-й группы, обойдет Рур с северо-востока. На первом этапе 21-й группе предстояло наступать с неймегенского плацдарма на Крефельд, а 12-й группе наносить удар главными силами (около 12 дивизий) севернее Арденн на Кёльн и Бонн, а 10 дивизиями — к северу от р. Роер для оказания помощи 21-й группе армий.

На этот раз Монтгомери не протестовал против нанесения вспомогательного удара из района Кёльна, Бонна на северо-восток. Он также считал, что 6-я группа армий по мере своих сил и возможностей активными действиями в Сааре должна помогать осуществлению общего плана¹¹. Но такой вариант действий не устраивал американцев, поэтому Эйзенхауэр фактически отставил свой прежний план. Согласившись с тем, что главный удар следует нанести севернее Рура, он предложил нанести второй мощный удар американскими войсками южнее Арденн в общем направлении на Франкфурт и далее на Кассель¹². В соответствии с этим Эйзенхауэр приказал 3-й армии при поддержке 7-й армии продолжать наступление на Саар, чтобы захватить его до конца декабря.

Монтгомери, забыв об обещании быть послушным подчиненным, снова не согласился с решением верховного командующего. Он опасался, что для нанесения двух ударов одновременно не хватит сил, и свои соображения изложил английскому комитету начальников штабов. Комитет и военные министры нашли, что решение Эйзенхауэра расходится с установками, данными ему второй Квебекской конференцией, и 12 декабря собрали совещание в Лондоне, в котором приняли участие также Эйзенхауэр, Теддер и Черчилль. Хотя Эйзенхауэр и заявил, что удар на Франкфурт должен дополнить, а не заменить удар севернее Рура, английские начальники штабов не поддержали аргументы Эйзенхауэра в пользу нанесения двух ударов. Союзники затеяли новую дискуссию о стратегии войны в Европе.

Пока улаживались эти разногласия, 3-я американская армия продолжала наступление на Саар, но теперь ей указывалось, что если наступление будет развиваться успешно, — продолжать его, в противном случае — прекратить. 1-я американская армия получила

¹¹ См. Дж. Эрман. Большая стратегия. Октябрь 1944—август 1945. М., 1958, стр. 48.

¹² См. там же, стр. 49.

задачу захватить дамбы на р. Роер, чтобы улучшить исходное положение для наступления к Рейну в начале 1945 г.¹³

Перед наступлением 21-й группы армий была проведена некоторая перегруппировка войск: 30-й английский корпус после передачи своей полосы 9-й американской армии к 16 декабря выводился в район Хаселта и Лувена для отдыха и пополнения. 6-й группе армий подтверждалась прежняя задача ликвидировать кольмарский плацдарм противника. Иными словами, союзное верховное командование намечало наступательные действия местного значения, чтобы подготовить условия для последующего вторжения в Германию севернее и южнее Рура. Оно было твердо уверено, что противник не сможет провести какое-либо наступление, и не принимало никаких мер, чтобы подготовить свои войска к оборонительным действиям.

Немецкий план

Неумолимо и быстро надвигался конец преступлениям фашистских агрессоров в Европе. Германия утрачивала даже призрачные надежды выиграть войну, а ее заправилы всеми силами и средствами, которыми они еще располагали, стремились не допустить безоговорочной капитуляции. Зная о противоречиях между СССР, США и Англией, а также о своих единомышленниках, занимавших влиятельное положение в США и Англии, фашистская элита питала надежды на раскол антифашистской коалиции, что, по ее мнению, позволило бы избежать безоговорочной капитуляции.

В конце 1944 г. гитлеровская клика лихорадочно хваталась за любую возможность усилить противоречия в антифашистской коалиции и добиться ее распада. После неудачных попыток расколоть коалицию средствами дипломатии и пропаганды она решила добиться своей цели силой, нанеся удар по англо-американским войскам. 12 декабря 1944 г., выступая перед генералами, которые осуществляли наступление в Арденнах, Гитлер сказал: «Никогда еще история не видела коалиции, составленной из столь чужеродных элементов и со столь противоположными целями, как коалиция наших противников... Тот, кто внимательно следит за развитием событий, не может не увидеть, что противоречия между нашими врагами растут с каждым часом. Если теперь мы сможем нанести им еще несколько сильных ударов, то в любой момент можно ожидать, что этот разрекламированный «единый фронт» развалится при оглушительных раскатах грома»¹⁴.

Гитлеру и его сподручным тогда казалось, пишет Дж. Эрман, что «если Германия сможет нанести достаточно мощный удар на одном из основных фронтов, то этим она добьется более или менее

¹³ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 340—341.

¹⁴ «Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht», Bd IV. Frankfurt/M., 1961, S. 433—434.

приемлемых условий для заключения мира с данным противником, независимо от обстановки на другом фронте». Но поскольку Гитлер считал, что «договориться с западными державами будет легче, чем с русскими», он возлагал большие надежды «на новый и на этот раз роковой для союзников Дюнкерк. Добившись такого положения, он мог бы начать переговоры с позиции силы»¹⁵.

Были и другие соображения в пользу того, чтобы искать выхода из войны на Западе, а не на Востоке. В начале августа 1944 г. в ставке Гитлера рассматривался план наступательных действий против Красной Армии. Его пришлось отклонить на том основании, что Советский Союз, располагавший огромными людскими и материальными ресурсами, а также большой территорией, мог свести на нет все усилия гитлеровцев и не позволить им достигнуть стратегической победы. Уже после войны Йодль объяснял такое решение ОКВ тем, что «русские располагали настолько мощными резервами, что даже в случае успеха нашего (немецкого. — В. К.) наступления мы уничтожили бы 30 русских дивизий, а это ничего не изменило бы... Разгром же 30 дивизий на Западе означал бы уничтожение более чем одной трети армии вторжения союзников»¹⁶.

В действительности 30 дивизий составили бы почти половину сил, находившихся в то время в Западной Европе. По словам бывшего немецкого генерала Мантейфеля, Гитлер был уверен, что в случае успеха «планы союзников будут расстроены на длительный срок и противнику придется произвести принципиальный пересмотр своей политики»¹⁷. Более того, он считал, что монолитные силы СССР являются менее подходящим объектом для такого наступления, чем коалиционные армии на Западе¹⁸. Успех наступления, писал К. Типпельскирх, передавая точку зрения ОКВ на этот счет, «вызовет, возможно, серьезные политические разногласия между Рузвельтом и Черчиллем, а в дальнейшем позволит существенно усилить оборону на Востоке, после чего не замедлили бы сказаться и серьезнейшие психологические последствия в собственной стране, равно как и во всем мире»¹⁹.

В успешном наступлении на Западе Гитлер нуждался и для того, чтобы повысить авторитет своего правительства в стране. Заговор 20 июля был убедительным свидетельством нараставшего недовольства немецкого народа войной и фашистским режимом, продолжавшим ее. Заговор явился также реакцией буржуазии, боявшейся, чтобы недовольство народа войной и фашизмом не переросло в его борьбу против существующего строя. Гитлеру удалось подавить заговор, но ему нужна была победа на фронте, чтобы хоть

¹⁵ Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 14.

¹⁶ «Command Decisions». New York, 1958, p. 351.

¹⁷ З. Вестфаль и др. Роковые решения. М., 1958, стр. 265.

¹⁸ Н. М. Cole. The Origins of the Battle of the Bulge. — «Army», 1964, December, p. 28.

¹⁹ К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., 1956, стр. 495.

немного успокоить общественность и поднять авторитет третьего рейха.

Следовательно, наступление на Западе затевалось Гитлером и его кликой с далеко идущими целями, прежде всего политического характера.

Но Германия уже не имела нужных для осуществления намечаемого плана стратегических резервов. Из имевшихся у нее к началу декабря 276 боеспособных дивизий и бригад около 150 дивизий и бригад вели бои на советско-германском фронте, 71 дивизия и 3 бригады — на Западном фронте, 22 дивизии находились в Италии, а остальные несли оккупационную службу в Норвегии, Дании и других странах²⁰. Вместе с тем немецкое верховное главнокомандование не могло ослаблять свой Восточный фронт, зная, что загибше на его северном крыле и в центре лишь временное, что за ним последуют новые сокрушительные удары советских войск. Правда, некоторые надежды оно возлагало на «непреодолимость» Вислы и укрепленных районов Восточной Германии.

Подготовка плана немецкого наступления на Западном фронте началась сразу же, как только основные массы войск отошли из Франции. 16 сентября Гитлер после совещания в ставке, которые он проводил ежедневно, задержал у себя своих ближайших военных помощников Кейтеля, Иодля, Гудериана и представителя Геринга генерала Крейпе и впервые высказал им свое желание подготовить и нанести удар из района Арденн на Антверпен, чтобы разгромить американские и английские дивизии к северо-востоку от линии Антверпен, Брюссель, Бастонь²¹. Достижение этой цели, как отмечалось в директиве Гитлера от 10 ноября 1944 г., «означало бы поворотный момент в войне на Западе и, возможно, в войне в целом»²².

Выбор района Арденн для нанесения удара определялся не только политическими, но и военными соображениями немецкого верховного главнокомандования. Успешное наступление в этом районе, по его мнению, снимало угрозу Руру со стороны союзных армий. Далее оно учитывало исключительно большое стратегическое значение для противника Антверпена и то моральное воздействие, которое оказал бы на него быстрый захват этого порта немецкими войсками. Ведь Антверпен находился сравнительно недалеко от линии фронта; ОКВ казалось, что не потребуются чрезмерные силы и средства для овладения им.

25 сентября Гитлер изложил Иодлю свой замысел наступления и дал ему указание рассчитать, какие силы и средства потребуются

²⁰ Архив МО СССР. Таблица распределения сухопутных сил Германии от 5 декабря 1944 г.

²¹ См. Ф. С. Погью. Верховное командование. М., 1959, стр. 378; Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 76; «Entscheidungsschlachten des zweiten Weltkrieges». Frankfurt/M., 1960, S. 532; J. Toland. Battle. The Story of the Bulge. New York, 1959, p. 14.

²² «Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht», Bd IV, S. 439.

для проведения операции. Он приказал отвести с фронта в район западнее Кёльна пять танковых дивизий, превратив их в основную ударную силу²³.

8 октября Иодль представил Гитлеру проект плана арденнского наступления, в основу которого было положено два момента: полная внезапность и переход в наступление в нелетную погоду. Он предложил прорвать оборону союзников в Арденнах на широком фронте, переправиться через Маас и на седьмой день операции выйти к Антверпену, для чего использовать три армии — вновь создаваемую 6-ю СС и 5-ю танковые и 7-ю полевую, общий состав которых довести до 12 танковых и 18 пехотных дивизий. Он полагал, что в результате таких действий удастся разгромить более 30 американских и английских дивизий²⁴. Через десять дней Иодль представил уточненный план, которым Гитлер остался доволен и дал ему условное название — «Стража на Рейне»²⁵.

22 октября Гитлер принял своего любимца подполковника СС Отто Скорцени, немецкого диверсанта, успешно осуществившего операцию по похищению Муссолини из итальянской тюрьмы, а затем руководившего действиями гитлеровских диверсантов в Венгрии во время свержения правительства Хорти. Гитлер поручил Скорцени подготовить и осуществить диверсионные акты в тылу американских войск в Арденнах²⁶.

Общий план наступления немецких войск в Арденнах обсуждался в ставке ОКВ несколько раз, и его окончательный вариант был рассмотрен на совещании, в котором кроме Гитлера принимали участие фельдмаршалы Рундштедт и Модель, начальник штаба главнокомандования «Запад» генерал Вестфаль, генералы Кребс, Мантейфель и Дитрих. Принятый в ставке общий план операции был детализирован штабом группы армий «Б», и 25 ноября ее командующий Модель отдал подчиненным войскам приказ подготовиться к переходу в наступление.

Сущность окончательного плана операции сводилась к следующему. Пользуясь плохой погодой, перейти в наступление против слабых американских сил в Арденнах, прорвать их оборону на участке Монжуа, Эхтернах, ввести в прорыв танковые дивизии и, развивая наступление на северо-запад, на второй день выйти к р. Маас в районе Льеж, Динан и захватить плацдарм между Льежем и Живе; в дальнейшем танковые дивизии должны наступать на Брюссель и Антверпен.

После прорыва обороны немецкие пехотные дивизии поворачивали на север и занимали оборону на рубеже южнее Льеж, Вербье. Монжуа, чтобы перекрыть дороги, ведущие к району прорыва с севера, а на юге — на рубеже Живе, Эхтернах для воспрепятство-

²³ J. Toland. Op. cit., p. 15.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ibid., p. 16.

²⁶ Ibidem.

вания подхода американских дивизий. С выходом танковых армий к Брюсселю и Антверпену они перерезали коммуникации 21-й группы армий и 9-й американской армии. В это время должны были перейти в наступление и немецкие армии в Нидерландах, чтобы уничтожить блокированные группой армии «Б» английские и американские войска²⁷. Основная идея наступления ярко выражена в заявлении начальника штаба 6-й танковой армии генерала Крамера: «Главное заключается в том, чтобы достичь р. Маас независимо от положения флангов. Такого же принципа мы придерживались во французской кампании 1940 г.»²⁸

6-я танковая армия СС наносила главный удар в направлении Льеж, Антверпен. Она должна была захватить Монжуа и, прикрываясь с севера пехотой, выйти на рубеж Мальмеди, Ставело. Ближайшая задача — захватить переправы на Маасе в районе Льежа, последующая — выйти на рубеж Антверпен, Маастрихт. Оперативное построение армии состояло из двух эшелонов: в первом — 67-й армейский и 1-й танковый СС корпуса, во втором — 2-й танковый корпус СС. Перед 5-й танковой армией стояла задача прорвать оборону союзников на р. Ур и, наступая на Сен-Вит и Бастонь, переправиться через Маас на участке Гюи, Живе; в последующем захватить рубеж Брюссель, Динан, чтобы не допустить контрудара противника в тыл 6-й армии с любого направления между Антверпеном и Живе. Оперативное построение 5-й танковой армии состояло из одного эшелона. На 7-ю армию, построенную также в один эшелон, возлагалась задача прикрыть левый фланг ударной группировки от любой угрозы с юга, захватив рубеж севернее линии Люксембург, Арлон²⁹. Три дивизии, составлявшие резерв группы армии «Б», располагались в районе Хагена.

Следовательно, ОКВ к началу операции намеревалось сосредоточить в первом эшелоне ударной группировки против 4 американских дивизий почти 22 дивизии. Это давало возможность нанести сильный первоначальный удар. При развитии наступления в глубине оно рассчитывало усилить группу армий «Б» 8—10 фольксгренадерскими дивизиями, которые еще предстояло сформировать.

Действия немецко-фашистских войск по прорыву предварялись и сопровождалась подготовленной Скорцени операцией «Гриф», сущность которой сводилась к тому, чтобы вызвать панику в тылу американских войск. Для этой цели немецкие офицеры и солдаты, знавшие английский язык или хорошо заучившие необходимые английские фразы и команды и прошедшие специальную подготовку, переодетые в американскую военную форму, на автомашинах и с оружием, захваченным у американских войск, забрасывались в тыл союзников. В их задачу входило захватить один или не-

²⁷ См. *О. Брэдли*. Указ. соч., стр. 490—492; *R. E. Merriam*. Op. cit., p. 15, 105; *Karl von Wagener*. Strittige Fragen zur Ardennenoffensive. — «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1961, Н. 1, S. 27.

²⁸ *R. E. Merriam*. Op. cit., p. 105.

²⁹ «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1961, Н. 1, S. 27.

сколько мостов через Маас между Льежем и Намюром и удерживать их до подхода немецких войск, отдавать дезинформирующие приказы и распоряжения американским войскам, нарушать связь и службу регулирования движения. Для обеспечения действий диверсионных групп и закрепления их успеха была создана 150-я танковая бригада, насчитывавшая 3300 солдат и офицеров. Она придавалась 6-й танковой армии. В помощь ей намечалось в начале операции выбросить в район севернее Мальмеди около 800 парашютистов.

Наряду с главным направлением для наступления были избраны три вспомогательных: одно на четвертый день операции — на Маастрихт, второе на одиннадцатый — на Бреду и третье на шестнадцатый — в Эльзасе. Наступление на этих направлениях имело целью сковать силы американских и английских войск и не позволить маневрировать ими по фронту.

Одновременно с наступлением на Западном фронте гитлеровское командование наметило осуществить ряд ночных налетов авиации, ФАУ-1 и ФАУ-2 на Лондон, чтобы подорвать моральное состояние населения и войск противника.

День перехода на наступление несколько раз откладывался и, наконец, был назначен на 16 декабря. В основном он определялся степенью подготовки войск и состоянием погоды.

Приняв решение о наступлении на Запад, немецкое верховное главнокомандование требовало от войск дальнейшего укрепления занимаемых ими оборонительных рубежей. Об этом свидетельствует приказ Рундштедта от 6 декабря, в котором он объявлял директиву ОКВ: «Западный вал является наиболее укрепленным оборонительным фронтом Германии. Даже на тех участках, где западный вал не имеет достаточной глубины, он тем не менее как укрепление превосходит всевозможные природные рубежи. При всех обстоятельствах необходимо помешать противнику вклиниться в западный вал. В случае, если противнику удастся в результате небрежности или недостаточной энергии командования или войск вклиниться в оборонительную систему, то это будет равносильно преступлению, последствия которого трудно предвидеть. Фюрер принял решение в подобных случаях непосредственно привлекать к ответственности лиц, виновных в этом». От себя Рундштедт добавил: «...Обязываю командиров всех соединений, частей и подразделений путем разъяснения и личного примера убедить свои части в решающем значении удержания нашего западного вала. Войска должны знать, что они не выполняют задачу обороны родины, если они не приложат все силы для выполнения приказа фюрера»³⁰.

По-видимому, этот приказ, доводившийся до войск, преследовал и другую цель: ввести противника в заблуждение, показать ему, что немецкие войска готовятся к обороне, а не к наступлению.

³⁰ *H.-A. Jacobsen. Der zweite Weltkrieg in Chronic und Documenten. Darmstadt, 1959, S. 369.*

Подготовка немецкого наступления

ОКВ считало, что для достижения намеченных на Западном фронте целей потребуется увеличить число имевшихся там дивизий по крайней мере на 25—30, а также количество самолетов и артиллерии, пополнить соединения людьми, вооружением и техникой, чтобы достигнуть если не превосходства над англо-американскими войсками, то во всяком случае равенства с ними в сухопутных силах, и иметь возможность оказывать поддержку с воздуха своим войскам на направлении главного удара.

Главнокомандование «Запад» в экстренном порядке укомплектовало свои войска призванными по «тотальным» и «сверхтотальным» мобилизациям, что позволило увеличить число дивизий и на $\frac{1}{3}$ компенсировать потери. Чтобы вооружить новые формирования, инспектировались все местные склады, разоружались части аэродромного обслуживания и некоторые тыловые подразделения. Особенно острый недостаток ощущался в орудиях противотанковой и полевой артиллерии. Поэтому ряд дивизий, прибывших на Западный фронт, состоял главным образом из пехоты. К началу декабря 1944 г. таких дивизий на Западном фронте насчитывалось 5, а 25 дивизий не имели танково-истребительных рот³¹. Тем не менее в конце октября 1944 г. число немецких дивизий на Западе возросло до 72, из которых 11 было танковых и 3 моторизованные. К 5 декабря общее число дивизий достигло уже 75³².

Немецкое верховное главнокомандование планировало создать ударную группировку из 30—32 дивизий. Пассивность действий союзных армий позволила ему еще в сентябре—октябре 1944 г. вывести в тыл четыре танковые дивизии СС и управление 1-го танкового корпуса СС, составившие теперь костяк 6-й танковой армии, Учебную танковую дивизию, а позже 2-ю и 116-ю танковые дивизии, образовавшие ядро 5-й танковой армии. В октябре—ноябре 1944 г. эти дивизии пополнялись, перевооружались, проходили обучение. В это же время здесь сосредоточились подведенные из тыла 15 фольксгренадерских дивизий. Заново было создано управление 6-й танковой армии СС, которую возглавил генерал Зепп Дитрих, получивший опыт руководства немецкими танковыми войсками во Франции в июле—сентябре 1944 г. Штаб армии также в основном был укомплектован генералами и офицерами, имевшими опыт войны на Западном фронте.

Но ограниченные ресурсы Германии не позволили даже к декабрю сосредоточить в Арденнах предусматривавшееся планом число дивизий. В ударную группировку удалось включить 7 танковых, 11 пехотных (фольксгренадерских), моторизованную и 2 парашютные дивизии, а всего 21 дивизию и 2 пехотные бригады (послед-

³¹ Архив МО СССР, таблица распределения сухопутных сил Германии от 5 декабря 1944 г.

³² Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 721503, д. 4126, 4310.

ние из личной охраны Гитлера). Все эти дивизии были распределены между 6-й и 5-й танковыми и 7-й армиями, которые входили в состав группы армий «Б». Предполагалось, что потом, в ходе операции, удастся собрать и подтянуть в Арденны и остальные дивизии. В частности, туда спешно перебрасывались из Норвегии две горнопехотные дивизии, из которых к месту назначения прибыла только одна, да и та с опозданием. Дело в том, что они перебрасывались через Данию, где зимой 1944/45 г. значительно активизировалось движение Сопротивления. Датские патриоты взорвали железнодорожное полотно в 8350 местах и 46 мостов³³. В начале 1945 г. на важнейших железнодорожных магистралях производились взрывы и крушения по нескольку раз в сутки³⁴.

Немного лучше обстояло дело с пополнением войск танками. По немецким данным, на 1 ноября 1944 г. в 11 танковых дивизиях Западного фронта находилось около 700 танков и штурмовых орудий и 130 броневых автомобилей³⁵. Идя на риск, гитлеровское командование сократило поставку танков на советско-германский фронт в ноябре—декабре до 929 машин и наметило направить в эти месяцы на Западный фронт около 2300 танков. Однако осуществить эту программу полностью не удалось. Для наступления в Арденнах было сосредоточено только 970 танков и самоходных орудий³⁶, которые входили в 7 танковых дивизий и в 3 тяжелых танковых батальона. Это позволило полностью укомплектовать танками все танковые дивизии СС и частично армейские: 116-ю — на 30, 2-ю — на 50 и Учебную — на 75%. Танки были обеспечены горючим на 140—160 км хода.

Рундштедт в сводке от 1 декабря 1944 г. докладывал в ОКВ³⁷, что в результате включения в состав действующих соединений фольксгренадерских и крепостных частей, отдельных разрозненных групп боеспособность соединений несколько улучшилась. Однако вследствие непрекращавшихся крупных боев она вновь снизилась.

Особенно большой недостаток испытывали немецкие части в материально-техническом снабжении. Отсутствие технических средств связи затрудняло управление войсками. Нехватка машин, особенно средств тяги для артиллерии, ограничивала маневренность соединений. Очень остро ощущалась нехватка самоходных орудий, противотанковых пушек. А положение с обмундированием было настолько плохим, что в действующих частях была только одна смена белья.

Неважно обстояло дело и с личным составом. Из-за коротких сроков обучения уровень подготовки прибывших частей и гренадерских дивизий фольксштурма был низок, а обстановка, требовавшая

³³ «Denmark During the German Occupation». Copenhagen—London—Chicago, 1946, p. 120.

³⁴ Ibid., p. 8.

³⁵ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725167, д. 941, лл. 9—11.

³⁶ «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1961, Н. 1, S. 49.

³⁷ Н.-А. Jacobsen. Op. cit., S. 367—368.

использования соединений в сражении, естественно, не позволяла ждать конца обучения. Прибывавшее, хотя и в большом количестве, пополнение не компенсировало значительных потерь. Только в крупных соединениях главнокомандования «Запад» на 1 октября 1944 г. не хватало 3500 офицеров, 25 тыс. унтер-офицеров, 90 тыс. солдат. Особенно не хватало подготовленных командиров батальонов, рот и командиров низшего звена. Тем не менее 15 дивизий и 2 бригады, входившие в ударную группировку, были укомплектованы личным составом полностью, а остальные 5 дивизий — на 66—90%³⁸.

Для поддержки наступления Гитлер пообещал выделить 3 тыс. истребителей и бомбардировщиков. Когда же дело дошло до выполнения обещания, Гитлер сократил это число в два раза. К началу наступления на Западном фронте находилось около 325—350 боевых самолетов. В дальнейшем их число удалось довести до 700—900³⁹.

Это было все, что удалось набрать гитлеровскому командованию для наступления в Арденнах. «Силы, использованные в Арденнском наступлении, были последними грошами обнищавшего человека, — писал Гальдер. — Во всяком случае, нельзя было ставить немногим дивизиям, не имевшим достаточного количества горючего, с ограниченным количеством боеприпасов и при отсутствии поддержки авиации задачу прорваться из Арденн до Антверпена. Для этого их сил было явно недостаточно»⁴⁰.

К такому состоянию фашистская Германия пришла в результате крупных поражений в предыдущие годы войны, что Черчилль признавал еще 27 сентября 1944 г. В послании главе Советского правительства он писал: «Я воспользуюсь случаем, чтобы повторить завтра в палате общин то, что я сказал раньше, что именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины и в настоящий момент сдерживает на своем фронте несравненно большую часть сил противника»⁴¹.

В условиях недостатка сил немецко-фашистское командование особое внимание в период подготовки операции уделяло достижению внезапности перехода в наступление. Подготовка к нему проходила в строжайшем секрете. К разработке операции было привлечено строго ограниченное число лиц. Офицерам, готовившим операцию, запрещалось летать на самолетах западнее Рейна. Районы сосредоточения, исходные рубежи и артиллерийские позиции выбирались

³⁸ «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1961, Н. 1, S. 49.

³⁹ S. Westphal. Army in the West. London, 1951, p. 272.

Американский историк Меррием пишет, что только к началу января 1945 г. удалось увеличить число боевых самолетов на Западе с 325 до 850—900 (R. E. Merriam. Op. cit., p. 43).

⁴⁰ F. Halder. Hitler als Feldherr. München, 1949, S. 59.

⁴¹ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.» (далее — «Переписка...»), т. I. М., 1957, стр. 260; W. Churchill. The Second World War, v. VI. London, 1954, p. 186—187.

высшими начальниками и указывались соответствующим командирам непосредственно перед их занятием. Все основные документы планирования операции хранились в штабах, расположенных в 100 км от фронта до начала наступления. Участвовавшим в подготовке операции офицерам и генералам предписывалось все документы изготавливать собственноручно и иметь их постоянно при себе. Разведка боем в районе предстоявших действий не проводилась. Все солдаты и офицеры не немецкой национальности были изъяты из частей, предназначенных для нанесения удара, под предлогом отправки их на переподготовку. Войска выдвигались в районы сосредоточения в самый последний момент и только ночью, причем по таким маршрутам, которые не позволили бы противнику установить районы их сосредоточения. Войскам, находившимся на фронте, было объявлено, что для смены их прибывают новые дивизии. Пункты выгрузки частей, прибывших по железной дороге, намечались так, чтобы они не вызвали у американского командования подозрения о сосредоточении войск в Арденнах. Все войсковые кухни были снабжены древесным углем, чтобы они не выдавали дислокации немецких войск в Арденнских лесах. Предпринималось все для того, чтобы убедить американское командование в том, что войска сосредоточиваются якобы для прикрытия Рура.

В период выхода войск в исходные районы автотранспорту и танкам запрещалось приближаться к фронту ближе 5 км. Выдвижение дивизий 6-й СС и 5-й танковых армий в исходные районы началось после 23 ноября. 7-я армия, прежде находившаяся в Арденнах, проводила лишь перегруппировку. 6-я танковая армия СС сосредоточивалась севернее Кёльна и лишь в последние три ночи перед наступлением вышла в свою полосу и заняла исходное положение. Дивизии 5-й танковой армии скрытно сосредоточились в Арденнских лесах и вышли на исходный рубеж в последнюю ночь перед наступлением. Чтобы перекрыть шум танковых двигателей в воздухе все время находились самолеты. В переговорах по радио и по телефону запрещалось делать какие бы то ни было намеки на подготовку к наступлению. Все распоряжения отдавались только через офицеров связи. Кроме того, чтобы отвлечь внимание американцев от Арденн, перед фронтом их 9-й армии был развернут ложный штаб⁴².

Резервы, хотя и малочисленные, располагались так, чтобы они могли быть своевременно переброшены к угрожаемому району, но в то же время дислокация их не должна была позволить противнику догадаться о намерениях немецкого командования.

Чрезмерная конспирация принесла положительные результаты, но она имела и отрицательную сторону, оказавшую затем существенное влияние на весь ход операции. Так, из 20 тыс. т горючего, выделенного на проведение операции, 8 тыс. т предназначалось

⁴² См. *О. Брэдли. Указ. соч., стр. 494; R. E. Merriam. Op. cit., p. 17.*

для снабжения войск в период наступления к Маасу, другие 8 тыс. т — для снабжения войск в период действий за Маасом, 4 тыс. т оставались в резерве⁴³. Но так как служба снабжения не знала истинных целей перевозки горючего, как и других военных материалов, а считала, что это делается для обеспечения оборонительных действий на рурском направлении, то большинство его было завезено на склады, расположенные восточнее Рейна. По этой причине, например, 5-я танковая армия в ходе операции получила только 30% выделенного ей горючего.

2 декабря на совещании в ставке Гитлера, где присутствовали Кейтель, Йодль, командующий группой армий «Б» Модель, начальник штаба верховного командования «Запад» Вестфаль, командующие 5-й танковой армией Мантейфель и 6-й танковой армией Дитрих, был уточнен порядок ведения наступления⁴⁴. В частности, было решено начать наступление перед рассветом, а не днем, как предполагалось раньше, артиллерийскую подготовку проводить в виде кратковременных огневых налетов по избранным участкам фронта непосредственно перед началом наступления, готовность наступления — к 15 декабря.

12 декабря Гитлер собрал командующих в Цигенберге (около Гиссена), куда он прибыл со своим штабом накануне, чтобы руководить наступлением, и произнес перед ними традиционную речь. Выглядел он усталым, часто пил воду, его руки, державшие текст речи, тряслись. Речь Гитлер читал, а не говорил, как это делал он прежде.

Около часа он потратил на разъяснение своего понимания истории Германии, говорил о Фридрихе Великом и «великой» миссии нацистской партии. В заключение Гитлер потребовал от войск решительных действий, борьбы не на жизнь, а на смерть. «Это сражение, — заключил он, — должно решить, выживем мы или погибнем. Я требую от всех моих солдат драться ожесточенно и безжалостно... Враг должен быть разгромлен теперь или никогда! Только таким путем мы спасем нашу Германию»⁴⁵.

«Вдохновляющая» речь надломленного духом фюрера, призывы из которой были объявлены войскам в приказе Рундштедта, никак не могла компенсировать недостаток сил и средств для выполнения задач предстоявшей операции. В тех условиях победа немецко-фашистских войск на Западе и достижение определенной ОКВ цели означали бы чудо. Но чудес не бывает, а гитлеровский план как был, так и остался одной из крупнейших авантур, которые знала история.

⁴³ R. E. Merriam. Op. cit., p. 46.

⁴⁴ S. Westphal. Op. cit., S. 272; R. E. Merriam. Op. cit., p. 41—42.

⁴⁵ J. Toland. Op. cit., p. 20—21.

Наступление в Арденнах

В 5 час. 30 мин. 16 декабря грохот артиллерийской канонады и гул немецких танков нарушили отдых американских войск в Арденнах. Неожиданно для них три армии противника перешли в наступление: 6-я танковая СС и 7-я армии после короткой артиллерийской подготовки, 5-я танковая — внезапной атакой ударных групп и штурмовых рот под покровом темноты (схема 15).

Переход в наступление немецко-фашистских войск вызвал у американского командования сначала недоумение, затем серьезное беспокойство. «Сообщение о немецком контрнаступлении, — вспоминает Брэдли, — застигло меня в верховном штабе экспедиционных сил союзников. Сначала я решил, что фон Рундштедт предпринял наступление с ограниченной целью, чтобы приостановить наступление Паттона в Сааре... Только после войны, когда при допросе военнопленных выяснились подлинные цели арденнского контрнаступления, мы узнали, как сильно я ошибался и в какой степени я недооценил намерения противника, приняв контрнаступление большого масштаба за отвлекающий удар»⁴⁶. В другом месте он добавляет: «Я не думал, что немцы смогут сосредоточить силы с такой поразительной быстротой, и недооценивал наступательные возможности противника. Но вприсак попали не только я и командующие армиями, но также Монтгомери и Эйзенхауэр»⁴⁷.

Брэдли приводит выдержку из оценки обстановки, данной Монтгомери 16 декабря, и заявляет, что, если бы тогда и его попросили сделать то же, он высказал бы аналогичное мнение. А Монтгомери в те дни оценивал противника так: «В настоящее время противник перешел к обороне на всех фронтах. Его положение не позволяет начать крупную наступательную операцию. Более того, он должен любой ценой избежать маневренной войны. У противника нет ни транспортных средств, ни горючего, что необходимо для маневренной войны. Кроме того, его танки не могут соперничать с нашими в маневренном бою»⁴⁸.

Причинами полной неосведомленности союзного командования явились главным образом плохая работа разведки и чрезмерная самоуверенность. Так, Эйзенхауэр в своих мемуарах пишет, что в начале декабря американская разведка «потеряла след 6-й танковой армии и никак не могла ее обнаружить»⁴⁹. Брэдли оправдывает свою неосведомленность уменьшением количества агентов американской разведки в тылу немцев. Пока боевые действия велись во Франции, утверждает он, американцы получали сведения о немецких передвижениях от французских патриотов и от своих агентов. После отхода немцев на позицию «Зигфрида» количество агентов резко

⁴⁶ О. Брэдли. Указ. соч., стр. 488.

⁴⁷ Там же, стр. 492.

⁴⁸ Цит. по: О. Брэдли. Указ. соч., стр. 493.

⁴⁹ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 341.

сократилось. Американское командование располагало скудной информацией⁵⁰.

Правда, в первых числах декабря оно получило отрывочные сведения о сосредоточении немецко-фашистских войск в Арденнах, но не допускало и мысли, что они перейдут в наступление именно здесь. Более того, оно само ввело себя в заблуждение, так как проводило в Арденнах действия, которые, по его замыслу, должны были создать видимость подготовки американского наступления и заставить противника ослабить силы его войск, оборонявшихся на Роере. Отрывочные сведения о сосредоточении немцами войск в Арденнах воспринимались американским командованием прежде всего как успех его ложной операции.

Оптимизм американских генералов, помноженный на оптимизм разведки всех степеней, и явился причиной того, что в первые дни союзное командование не поняло опасности наступления немцев в Арденнах. Эйзенхауэр вечером 16 декабря дал указание Брэдли направить 7-ю бронетанковую дивизию из 9-й армии и 10-ю бронетанковую дивизию из 3-й армии в полосу 8-го корпуса, рассматривая такие действия не больше как меру предосторожности⁵¹. Не поняли серьезности обстановки также командир 8-го корпуса и командующий 1-й армией. Правда, утром 17 декабря им якобы стало ясно, что «немцы планируют что-то необычное». По их требованию, Эйзенхауэр в тот же день вечером направил в полосу 8-го корпуса 82-ю и 101-ю воздушнодесантные дивизии, чтобы остановить наступление немцев, а по приказу Брэдли на следующий день к Ставело была направлена 30-я пехотная дивизия из 9-й армии.

Немецко-фашистские войска тем временем легко прошли через слабую линию опорных пунктов 8-го американского корпуса юго-восточнее Сен-Вита, а их танковые дивизии к 17 декабря устремились в глубину. 6-я танковая армия СС успешно развивала наступление на своем левом фланге, где были введены танковые дивизии, наступавшие к Ставело. На правом фланге и в центре немецкие пехотные дивизии завязывали упорные бои с дивизиями 5-го американского корпуса, продвигавшимися к роерским дамбам, и были остановлены перед Монжуа. 12-я танковая дивизия СС продвигалась медленно на Мальмеди через труднопроходимую местность и мелкие реки, к тому же встречая упорное сопротивление американских войск. В центре и на южном фланге 5-й немецкой танковой армии дивизии после переправы передовых частей через р. Ур устремились на Бастонь. На правом фланге ее войска с трудом продвигались в горах Эйфель. Дивизии правого фланга 7-й немецкой армии преодолели сопротивление 28-й американской дивизии и двигались к р. Сюр⁵².

⁵⁰ См. *О. Брэдли*. Указ. соч., стр. 493—494.

⁵¹ См. там же, стр. 500; *D. D. Eisenhower*. Op. cit., p. 343—344.

⁵² «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1961, Н. 1, S. 30—31, 34—35.

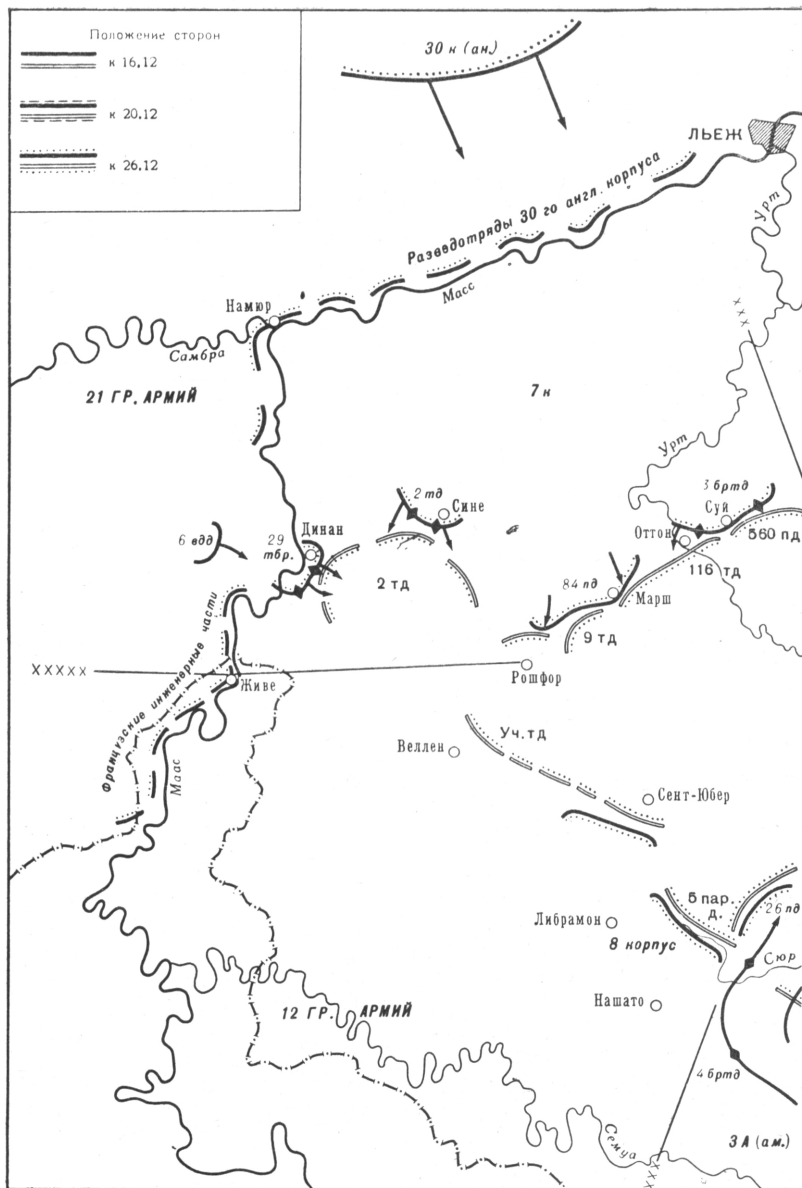

Схема 15.
НАСТУПЛЕНИЕ НЕМЕЦКО-ФАШИСТ
16—26 ДЕКА

Диверсанты бригады Скорцени орудовали в тылу у американцев, несмотря на то что из-за сильного ветра высадка воздушногo десанта провалилась, а основным силам бригады, двигавшимся в голове 1-й танковой дивизии СС, не удалось быстро прорваться в тыл американских войск и захватить мосты через Маас. Диверсанты нарушили связь и работу тыла 8-го корпуса, внесли дезорганизацию в движение американских войск, направляя их колонны в сторону от фронта, громили тыловые учреждения и штабы. Многие диверсанты были захвачены и приговорены военными трибуналами к расстрелу⁵³, тем не менее их действия имели определенный успех.

В тылу 8-го корпуса возникла паника, дороги заполнили «потрепанные повозки фермеров, роскошные лимузины, ручные тачки, грузовики; все, что только могло двигаться, теснясь и выталкивая друг друга, пустилось в путь, чтобы только избежать смертельного удара врага. В ставке союзников все лица были очень печальными. Каждый телефонный звонок с фронта приносил зловещие новости. Целые дивизии были разбиты. Враг катился подобно неудержимому приливу»⁵⁴.

Панические слухи быстро распространились среди населения многих городов и деревень не только Бельгии и Люксембурга, но и Франции⁵⁵. Они дошли до Парижа и начали проникать в правительственные учреждения. Везде вспоминали «блицкриг 1940 г.», и всех мучил вопрос, а не повторится ли он? 18 декабря в Версаль, в штаб союзного главнокомандующего в Европе, прибыла делегация высших офицеров французской армии во главе с генералом Жуэном, чтобы выяснить у Эйзенхауэра и Смита, что случилось в Арденнах. Войдя в штаб, французский генерал взволнованно произнес: «Я ничего не понимаю! Вы еще не упаковываетесь?!»⁵⁶

Американские штабы потеряли связь с войсками 8-го корпуса, а штаб последнего, потеряв связь с дивизиями, бежал в Нешато, слухи заменили им боевые донесения и оперативные сводки. Беспорядки в тылу корпуса затрудняли переброску дивизий с других участков фронта в Арденны, отходившие части забили все дороги и мешали подводить к фронту резервы и снабжать войска, 7-я бронетанковая дивизия, двигавшаяся к Сен-Виту, больше тратила времени на расчистку дорог, чем на марш. Только 18 декабря она прибыла к месту назначения, а на следующий день совместно с остатками 106-й пехотной и 9-й бронетанковой дивизий оказалась в мешке. Главные силы 106-й пехотной дивизии (около 8 тыс. человек), окруженные восточнее Сен-Вита, 19 декабря сдались в плен.

Войска 5-й и левого фланга 6-й немецкой танковых армий отно-

⁵³ См. *Ю. Мадер*. По следам человека со шрамом. М., 1965, стр. 84.

⁵⁴ *R. McMillan*. Miracle before Berlin. London, 1946, p. 20.

⁵⁵ *J. Toland*. Op. cit., p. 124.

⁵⁶ Цит. по: *J. Toland*. Op. cit., p. 106.

сительно быстро продвигались вперед. Они наступали к Маасу, сдерживаемые главным образом горной местностью, невозможностью быстро наводить переправы через многочисленные речки, нехваткой путей, в результате чего на перекрестках и стыках дорог образовывались пробки. 19 декабря 5-я танковая армия захватила Уффализ, и ее передовые части подходили к Маасу у Живе, а на левом фланге ее войска обходили Бастонь с севера. Но на правом фланге и в центре 6-й танковой армии продолжались упорные бои с дивизиями 5-го корпуса и подходившими с севера американскими войсками. 7-я немецкая армия перешла к обороне в центре, так как у нее не было сил для развития наступления.

К исходу третьего дня наступления 6-я и 5-я танковые армии прорвали фронт 8-го американского корпуса и проникли в глубину его обороны на 30—40 км. Сплошная линия фронта союзных армий существовала теперь только севернее и южнее Арденн. Путь немецко-фашистским войскам к Маасу был открыт. Но, несмотря на успех и относительно высокие темпы их продвижения (10—15 км в сутки), план наступления не выполнялся. К исходу третьего дня операции немцы находились в 35—40 км от рубежа, который им предстояло занять к исходу второго дня. Задержка с захватом 66-м армейским корпусом Сен-Вита — узла пяти шоссе и трех железных дорог — сказалась на развитии всего наступления, серьезно ограничив возможности маневра немецких войск. А им необходимо было повысить темп наступления, чтобы не позволить американским войскам оправиться от шока и подтянуть силы к району прорыва.

Еще 18 декабря Гитлер отменил вспомогательный удар в полосе 15-й армии и приказал использовать все ее силы для развития наступления на главном направлении. Одновременно Рундштедт приказал 7-й армии прикрыть левый фланг 5-й танковой армии и обеспечить ей свободу маневра. Группе армий «Х» предписывалось ускорить подготовку наступления на реках Вааль и Нижний Маас⁵⁷.

19 декабря в Вердене Эйзенхауэр созвал совещание, чтобы обсудить обстановку и наметить план дальнейших действий. В этом совещании участвовали Теддер, Брэдли, Паттон, Деверс и другие генералы. Эйзенхауэр пишет, что верховному командованию, которое еще не было столь напугано, чтобы отдать приказ отходить на всем фронте, предстояло выбрать один из двух способов действий: либо создать прочную оборону вокруг района, в котором противник вел наступление, избрав выгодный рубеж, такой, как река, и на нем остановить противника; либо перейти в наступление, едва будут сосредоточены необходимые силы и средства. Верховное командование избрало второй способ⁵⁸. Собравшиеся высказали единодушное мнение — обороняться в течение нескольких дней севернее и подгото-

⁵⁷ См. Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 394—395.

⁵⁸ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 120.

вить наступление американских войск южнее участка прорыва немцев.

После совещания Эйзенхауэр издал приказ, согласно которому наступление 3-й армии на позицию «Зигфрида», намеченное на 21 декабря, отменялось. Вместо этого, передав один корпусный участок 6-й группе армий, она должна была вывести 3-й и 12-й корпуса в район Люксембурга и Арлона и к 22 декабря подготовить наступление одним корпусом из района Арлона в общем направлении на Сен-Вит, а вторым — из Люксембурга на Бонн. 8-й корпус, усиленный 101-й воздушнодесантной и 5-й пехотной дивизиями, получил задачу сдерживать прорвавшегося южнее Сен-Вита противника, а затем по приказу командующего армией перейти в наступление. На 18-й воздушнодесантный корпус возлагалась задача сблизиться с противником, прорвавшимся севернее Сен-Вита, и остановить его. Прибывший из США в Европу 16-й корпус в составе двух дивизий выделялся в резерв 12-й группы армий⁵⁹.

Однако участники совещания тогда еще не имели сколько-нибудь полных и достоверных сведений об обстановке в районе сражения и, естественно, не имели возможности правильно ее оценить. К моменту отдачи приказа 8-й корпус уже не представлял собой серьезной боевой силы: остался один штаб без войск. 101-я воздушнодесантная дивизия, подошедшая 19 декабря к Бастони, на следующий день была обойдена 47-м немецким танковым корпусом и попала в окружение. 7-я бронетанковая дивизия с остатками 106-й пехотной и группой 9-й бронетанковой дивизии попала в мешок в районе Сен-Вита. 82-я воздушнодесантная и 30-я пехотная дивизии вели оборонительные бои в районе Ставело и Вьельсальма. На направлении Намюр, Динан вовсе не было американских войск.

Получив уже после совещания дополнительные сведения об обстановке, Эйзенхауэр сразу же изменил свое решение. По его указанию штаб определил важнейшие пункты, которые предстояло удерживать любой ценой: Льеж, Антверпен, английские передовые базы в районе Антверпена и Брюсселя⁶⁰. А на следующий день он запросил Монтгомери по радио: «Дайте мне, пожалуйста, вашу личную оценку обстановки на северном фланге, учитывая возможность отступления в случае необходимости с некоторых позиций с таким расчетом, чтобы сократить наш фронт и собрать сильный резерв для уничтожения противника в Бельгии»⁶¹. Иными словами, Эйзенхауэр уже стал думать не о наступлении к Рейну, а о том, как бы удержать рубеж р. Маас и создать резерв. Немецко-фашистские войска тем временем продолжали наступать к Маасу. 6-я танковая армия, переправившись на своем левом фланге через р. Сальм, поворачивала на Льеж; в этом районе она углубила прорыв до 40 км. 5-я танковая армия, окружив в Бастони 101-ю американскую воз-

⁵⁹ R. E. Merriam. Op. cit., p. 120.

⁶⁰ Ibid., p. 121.

⁶¹ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 350.

душнодесантную дивизию с боевым командованием 10-й и часть 9-й бронетанковых дивизий, развивала наступление к Живе, не встречая противодействия. 7-я армия, используя успех 5-й танковой, вышла на рубеж Маргеланж, Гайдершайд, Эхтернах и заняла оборону.

Но по мере перемещения фронта в Арденнах на запад коммуникации немецких армий удлинялись, и в условиях труднопроходимой горной местности, зимней погоды, а также интенсивности движения по дорогам снабжение войск становилось все более трудным делом. Немецкие склады горючего все еще находились восточнее Рейна. Правда, удалось использовать трофейное горючее, склады которого западнее Уффализа захватила 116-я танковая дивизия⁶², и это в какой-то степени покрыло крайние потребности в нем.

Генерал Бредли, определив, что немцы наносят главный удар на Льеж и Намюр, 20 декабря приказал вывести из 9-й армии две пехотные дивизии (одна из них только что прибыла из США), а из 1-й армии — бронетанковую дивизию и, подчинив их 7-му корпусу, занять оборону на рубеже от Динана до Оттона, чтобы прикрыть подступы к Намюру и Льежу с юга. Это было все, что можно было снять с фронта 12-й группы армий к северу от Арденн и использовать для организации обороны на северном фланге арденнского выступа. В дальнейшем, как пишет Эйзенхауэр, 1-я и 9-я американские армии «не могли больше выделить ни одной дивизии в резерв»⁶³.

Верховный командующий ежедневно направлял спешные депешы в Вашингтон, требуя дополнительной отправки людей и предметов снабжения на фронт. Напряженная обстановка с фронта постепенно передавалась в Вашингтон. Адмирал Леги пишет, что «Объединенный совет начальников штабов каждый день внимательно изучал положение, хотя он и не мог ничего предпринять»⁶⁴ (курсив наш. — В. К.). Огромное расстояние не позволяло быстро перебросить новые дивизии для отражения удара. Напряжение все больше усиливалось. 22 декабря Рузвельт в Вашингтоне на очередной пресс-конференции отказался комментировать немецкое наступление в Арденнах, заявив, что его «исход еще не ясен» и что все находившиеся в тылу в этот критический момент «должны приложить максимум усилий, чтобы поддержать сражавшихся»⁶⁵. Рождество не только в Западной Европе, но и в США было невеселым.

В столь тяжелой обстановке Эйзенхауэр принял меры, чтобы использовать 30-й английский корпус (резерв 21-й группы армий) в сражении в Арденнах и улучшить управление союзными войсками. Бредли, штаб которого находился южнее Арденн, не мог руководить боевыми действиями американских войск севернее уча-

⁶² «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1961, Н. 1, S. 40.

⁶³ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 355.

⁶⁴ W. Leahy. I Was There. New York, 1950, p. 332.

⁶⁵ J. Toland. Op. cit., p. 205.

стка прорыва. Эйзенхауэр возложил командование всеми союзными армиями, находившимися здесь, на Монтгомери. В 12-й американской группе армий осталась только 3-я армия. Разграничительную линию между 21-й и 12-й группами армий он определил от Живе до Прюма.

Такое решение повышало роль 21-й группы армий в борьбе за Европу. Черчилль сразу же одобрил его. Он заявил Эйзенхауэру, что принятое решение «позволит немедленно использовать английский резерв, независимо от установленных зон»⁶⁶.

В своих мемуарах Монтгомери пишет, что, получив приказ Эйзенхауэра, он сразу же направился в штаб 1-й американской армии, чтобы выяснить обстановку. «Я нашел, — пишет он, — что американские войска на северном фазе арденнского выступа дезорганизованы. 9-я армия имела два корпуса и три дивизии; 1-я армия имела три корпуса и пятнадцать дивизий. Командующие армий не только не видели Брэдли или кого-нибудь из старших офицеров его штаба с самого начала сражения, но и не получали указаний, что им делать»⁶⁷. Монтгомери, конечно, несколько сгустил краски, чтобы повысить свою роль, так как в действительности командующие армиями получали директивы от Брэдли. Возможно, что указания последнего были недостаточно конкретными, поскольку он не имел нужных сведений о развитии событий. Но одно остается бесспорным: обстановка на северном фазе арденнского выступа была сложной.

Вместе с тем решение Эйзенхауэра усилило трение между американскими генералами и Монтгомери. Брэдли открыто протестовал против него, боясь, как бы такое переподчинение не привело к дискредитации американского командования⁶⁸.

Разногласия между английскими и американскими генералами и офицерами еще больше усилились, когда в конце декабря влиятельные газеты Англии, выражавшие настроение правящих кругов, начали требовать назначения Монтгомери заместителем верховного командующего и командующим всеми союзными сухопутными силами, чего не хотели допустить американцы. Маршалл не без раздражения телеграфировал Эйзенхауэру: «Я считаю так: ни при каких обстоятельствах не делайте каких-либо уступок. Вы не только пользуетесь нашей поддержкой, но подобное мероприятие вызвало бы ужасающее негодование у нас в стране. Я не допускаю, чтобы Вы были готовы на такую уступку. Я только хочу, чтобы Вы твердо знали нашу позицию по этому вопросу. Вы прекрасно действуете. Продолжайте в таком же духе и пошлите их к черту»⁶⁹.

Монтгомери, однако, не спешил с введением в сражение английского корпуса. Он направил, как это и раньше предполагалось,

⁶⁶ *D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 356.*

⁶⁷ «The Memoirs of Field-Marshal the Viscount Montgomery of Alamein» (далее — «The Memoirs of Montgomery»). London, 1958, p. 308.

⁶⁸ См. *О. Брэдли. Указ. соч., стр. 512—513.*

⁶⁹ Цит. по: *Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 404.*

7-й американский корпус на рубеж Динан, Оттон для прикрытия подступов к Льежу с юга. Часть полосы 1-й американской армии на ее левом фланге он передал 9-й армии. Но памятуя горький урок Дюнкерка, он сосредоточил все четыре дивизии и одну бронетанковую бригаду 30-го корпуса в районе Лувен, Сен Тронд, Хаселт и приказал выслать разведывательные отряды на Маас от Льежа до Живе⁷⁰, создавая тем самым надежную оборону на подступах к Антверпену с юга.

Беспокойство по поводу создавшейся обстановки на Западном фронте охватило также политические и военные круги в Лондоне. В то время Монтгомери направил начальнику имперского генерального штаба телеграмму, в которой сообщал о случившемся на фронте и о своих намерениях. В шутку, как он пишет в воспоминаниях, он закончил телеграмму следующей фразой: «На этот раз мы не можем уйти через Дюнкерк, поскольку немцы все еще удерживают его в своих руках»⁷¹. В Лондоне, однако, не поняли «игривого настроения» фельдмаршала, и телеграмму направили премьер-министру без последней фразы.

Штаб Эйзенхауэра тратил немало усилий на создание резерва. Спешно перебрасывалась бронетанковая дивизия из Англии, принимались меры, чтобы ускорить переброску войск из США. Но все эти меры не давали ощутимого эффекта. 21 декабря по приказу командования зоны коммуникаций американских войск тыловые части были выведены на Маас для обороны переправ. Генерал де Голль через два дня привел в боевую готовность войска безопасности четырех военных округов Северо-Восточной Франции и приказал им немедленно выдвинуться и занять оборону на Маасе. Одним словом, в сражение вводилось все, что оказывалось под руками, но резерв создать не удавалось, а без него не представлялось возможным ликвидировать прорыв немецко-фашистских войск.

Союзному верховному командованию пришлось пожинать плоды политики правительства США и Великобритании, проводимой ими по отношению к Франции. Под всякими предлогами они откладывали оказание помощи Франции в создании армии на освобожденной территории. Еще 8 июля 1944 г. начальник французского генерального штаба генерал А. Бетуар, находившийся в то время в Вашингтоне, обратился к правительству Соединенных Штатов с просьбой предоставить вооружение для комплектования 25 французских дивизий (в первую очередь 30 пехотных батальонов, 92 артиллерийских батарей и 30 танковых батальонов), но Эйзенхауэр не поддерживал его. Он намеревался использовать сформировавшиеся французские войска только в качестве рабочих команд, а также для службы наблюдения за линиями связи. Обсуждение просьбы французов затянулось. 7 сентября французский генеральный штаб вновь поставил перед Вашингтоном вопрос об оружии для пяти дивизий. Однако

⁷⁰ *B. L. Montgomery. 21-st Army Group. Germany, 1946, p. 176.*

⁷¹ «*The Memoirs of Montgomery*», p. 308.

генерал Д. Маршалл ответил, что речь может идти лишь о трех дивизиях, и выразил сожаление по поводу того, что французы не стремятся формировать части для службы наблюдения и создавать рабочие команды⁷². Эйзенхауэр согласился в конце концов на поставку оружия для двух французских дивизий, но при этом потребовал, чтобы Франция предоставила к 31 октября 1944 г. 243 тыс. человек для вспомогательных служб⁷³. Англичане только 20 ноября дали согласие участвовать в вооружении французской армии. И теперь, когда потребовались новые крупные силы для отражения немецкого наступления, союзное командование не находило их в Европе и вынуждено было тащить все из-за океана.

Немецко-фашистские войска в центре арденнского фронта продвигались к Динану, а на севере они все глубже обходили американскую группировку в районе Сен-Вита и охватили фланги 82-й воздушнодесантной дивизии. Из-за недостатка горючего и плохих дорог темп их наступления к Маасу снизился до 5—7 км в сутки, хотя на направлении Динан, Намюр союзники не оказывали почти никакого сопротивления. Спасая 82-ю воздушнодесантную дивизию от полного окружения, Монтгомери приказал ей 23 декабря отойти за р. Амель. Он намеревался создать рубеж обороны от Динана до Мальмеди, для удержания которого имелось уже 6 дивизий. На рубеже протяженностью около 100 км оперативная плотность создаваемой обороны была невысокой. В конце декабря на этот рубеж наступало около 14 немецких дивизий, из них 5 танковых и одна моторизованная.

Между тем и Рундштедту и Моделю стало ясно, что прорвать фронт англо-американских войск на правом фланге и в центре 6-й танковой армии не удастся, поэтому они решили перегруппировать танковые дивизии в полосу 5-й танковой армии, все еще имевшей успех. 22 декабря ей была передана 2-я танковая дивизия СС, которую Мантейфель намеревался использовать на своем правом фланге для развития наступления севернее Уффализа. К Бастони было переброшено управление 39-го армейского корпуса, возглавившее немецкие войска, осаждавшие город, а командир 47-го танкового корпуса сосредоточивал все свое внимание на продолжении наступления на Динан. 7-я армия также была усилена пехотной бригадой («Фюрер») и двумя фольксгренадерскими дивизиями⁷⁴.

1-й американской армии не удалось к 23 декабря надежно закрыть брешь. Все свободные американские дивизии и тыловые части на северном флесе прорыва втянулись в оборонительные бои. Наносить контрудары было нечем. На южном флесе к 22 декабря 3-й корпус 3-й армии после сосредоточения в районе Арлона предпринял наступление на Сен-Вит. Но его наступление развивалось

⁷² «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 4. М., 1960, стр. 537.

⁷³ Там же, стр. 538.

⁷⁴ «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1961, Н. 1, S. 42.

очень медленно, хотя им и была создана угроза южному флангу ударной группировки немцев.

Эта угроза и необходимость захватить важный узел дорог Бастонь, чтобы обеспечить свободу маневра на левом фланге ударной группировки, заставили немецкое командование принять меры по укреплению обороны своих войск у города и быстрой ликвидации окруженной группировки противника. Оно ввело в сражение 15-ю моторизованную дивизию, после чего положение 101-й американской воздушнодесантной дивизии значительно ухудшилось. Начиная с 23 декабря около 900 американских самолетов сбрасывали окруженной группировке предметы снабжения. Однако большая часть их попадала немцам. К тому же немецкая авиация начала бомбить город. Деморализованный гарнизон Бастони находился на грани капитуляции, но 26 декабря к нему прорвалась 4-я бронетанковая дивизия и деблокировала его, хотя бои за город на этом не прекратились.

12-й американский корпус, сосредоточившийся в Люксембурге, 24 декабря предпринял наступление также на Сен-Вит, а не на Бонн, как намечалось ранее. Но он не имел успеха. Как уже отмечалось, Модель усилил 7-ю армию двумя фольксгренадерскими дивизиями, что позволило ей уже 26 декабря остановить наступление 12-го американского корпуса на р. Сюр (Зауэр). Следовательно, и на южном фланге прорыва 3-я американская армия втянулась в затяжные бои.

Западнее Нешато и на Маасе выше Живе американцы имели лишь четыре инженерно-саперных полка, дивизион полевой артиллерии и шесть французских легких пехотных батальонов, почти безоружных и плохо обученных. Позже 8-му американскому корпусу были подчинены 11-я бронетанковая, 17-я воздушнодесантная и 87-я пехотная дивизии, но они могли вводиться в сражение только с личного разрешения Эйзенхауэра⁷⁵. Направления Реймс, Париж и Нешато, Верден, выводившие в тыл американской группировке, находившейся южнее Арденн, были открыты. К тому же в американских войсках, пишет Меррием, «ощущался недостаток в минах, снарядах и ружейно-пулеметных патронах. Недостаток ружейно-пулеметных патронов стал особенно критическим в конце декабря, когда увеличились наши потери»⁷⁶.

Союзное верховное командование продолжало поиски резервов. 23 декабря Эйзенхауэр приказал командующему 6-й группой армий генералу Деверсу «отойти из любого выступа на его фронте, чтобы сэкономить живую силу, а в случае наступления противника немедленно отходить на северном крыле, даже в том случае, если ему пришлось бы отступать вплоть до Вогез»⁷⁷. Монтгомери пошел еще дальше. 25 декабря, обсуждая вместе с Бредли положение союзни-

⁷⁵ R. E. Merriam. Op. cit., p. 188.

⁷⁶ Ibid., p. 193.

⁷⁷ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 351—352.

ков, он заявил, что подчиненные ему войска не могут перейти к наступательным действиям. Брэдли сказал, что он надеется захватить Бастонь, но выразил сомнения в возможности наступать дальше на север без серьезного пополнения войск. Докладывая об этом Эйзенхауэру, Монтгомери заявил, что у союзников не хватает войск для того, чтобы вырвать у немцев инициативу. Он предложил сократить фронт и таким путем высвободить некоторое количество войск, для чего, по его мнению, целесообразно было бы отвести американские войска, находившиеся севернее и южнее Арденн. Американские генералы высказались против отхода. Паттон боялся, что любой отход окажет отрицательное психологическое воздействие на войска. Брэдли потребовал вернуть ему американские войска, которые были переподчинены Монтгомери, поскольку он не разделял взгляды последнего на ведение операций⁷⁸.

Тем временем 6-я немецкая танковая армия 23 декабря начала перегруппировку с целью прорыва к Маасу на своем левом фланге. В полосе 5-й танковой армии прибывшая из 6-й армии 2-я танковая дивизия СС вместе со 116-й танковой дивизией рванулась вперед и вышла в район 8 км восточнее Динана. Армия ожидала подкрепления, чтобы развить успех дальше на запад. Но продвижение немецко-фашистских войск все больше затрудняли действия англо-американской авиации.

23 декабря погода несколько улучшилась. В этот день американские самолеты появились над полем сражения. С 23 по 27 декабря только 9-я американская воздушная армия в среднем делала 447 самолето-вылетов в день. 8-я американская воздушная армия наносила удары по тылу немецких армий в Арденнах и их аэродромам. Правда, гитлеровская авиация в то время также проявляла наибольшую активность, делая в среднем до 600 самолето-вылетов в день.

24 декабря Гитлер одобрил решение Рундштедта перегруппировать танковые дивизии из 6-й танковой армии в 5-ю и приказал бросить все имевшиеся на Западе резервы для развития наступления в Арденнах. 6-я танковая армия получила задачу прикрыть правый фланг 5-й танковой армии. В тот же день, наконец, немецкие войска достигли успеха на стыке 5-го американского и 18-го воздушнодесантного корпусов; оба корпуса противника начали отходить. 5-я танковая армия должна была развивать наступление в направлении на Динан. Командующий армией направил на выполнение этой задачи три танковые дивизии, но из-за недостатка горючего и больших потерь успех их действий был незначительным⁷⁹.

Таким образом, к 25 декабря 1944 г. фронт американских войск в Арденнах оставался прорванным на участке в 80 км. Союзные

⁷⁸ См. Ф. С. Погью. Указ соч., стр. 400—401.

⁷⁹ «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1961, Н. 1, S. 43.

армии потеряли инициативу, но еще могли парировать удары противника на северном и южном флесе его клина.

Примерно к 25 декабря в сражении были втянуты также все дивизии немецкой ударной группировки. Недостаток горючего, труднопроходимая местность, потери в людях и танках, усталость личного состава привели к снижению темпа наступления с 20—25 до 5—7 км в сутки, а 25 декабря наступление войск на Динан вообще прекратилось. Более того, командующий 5-й танковой армией отвел 2-ю СС и Учебную танковые дивизии на рубеж Рошфор, Сент Юбер и смог возобновить наступление только в районе Бастони⁸⁰. Сложилось такое положение, при котором немецкие армии не могли уже продолжать наступление, не получив серьезного подкрепления, а американские и английские армии не имели возможности предпринять контрнаступление с целью ликвидации арденнского выступа.

К тому же ОКВ уже не располагало резервами, которые можно было бы перебросить на Запад. В тот период оно не могло снимать войска с советско-германского фронта. Красная Армия продолжала наступление в Венгрии и 26 декабря завершила окружение в Будапеште 180-тысячной группировки немецко-фашистских войск. На венском направлении противник не располагал силами, которые могли бы спасти окруженную группировку. Все, что немецкому верховному главнокомандованию удавалось собрать в тылу, направлялось на советско-германский фронт, чтобы закрыть огромную брешь, образовавшуюся на венском стратегическом направлении. 26 декабря начальник генерального штаба сухопутных сил Г. Гудериан предложил прекратить наступление на Западе и перебросить часть сил (танковые дивизии) в Венгрию, но Гитлер разрешил снять лишь один корпус из-под Варшавы, потребовав при этом продолжения наступления на Западе⁸¹.

С 19 по 31 декабря 1944 г. количество немецких дивизий на советско-германском фронте увеличилось со 146 до 151, а число дивизий группы армий «Юг», ведущей боевые действия в Венгрии, возросло за то же время с 20 до 30. На Западе же количество войск осталось прежним.

Союзное верховное командование хотело как можно скорее знать, когда и где Красная Армия перейдет в наступление. Еще 21 декабря Эйзенхауэр обратился с письмом в Объединенный совет начальников штабов: «Если... русские намереваются предпринять решительное наступление в текущем или следующем месяце, знание такого факта имеет для меня исключительно важное значение, я бы перестроил все мои планы в соответствии с этим. Можно ли что-либо сделать, чтобы добиться такой координации»⁸². Он добавил, что готов послать в Москву высшего офицера своего штаба.

⁸⁰ Ibid., S. 44.

⁸¹ Ch. Wilmot. Struggle for Europe. London, 1950, p. 616.

⁸² Цит. по: H. Feis. Churchill, Roosevelt, Stalin. New Jersey, 1957, p. 480.

Узнав об этом, президент США Рузвельт 24 декабря направил главе Советского правительства послание, в котором писал: «Для того чтобы все мы могли получить информацию, важную для координирования наших усилий, я хочу дать указание генералу Эйзенхауэру направить вполне компетентного офицера из его штаба в Москву для обсуждения с Вами положения дел у Эйзенхауэра на Западном фронте и вопроса о взаимодействии с Восточным фронтом»⁸³.

Получив согласие правительства СССР, Эйзенхауэр немедленно направил в Москву через Каир своего заместителя английского главного маршала авиации Теддера.

Новые усилия немцев на Западе

Уже в первой декаде план операции немецких армий в Арденнах претерпел серьезные изменения. На Маас они не вышли. 26 декабря в ставке Гитлера состоялось совещание, на котором Йодль заявил: «Мой фюрер, мы должны смотреть правде в глаза. Мы не можем прорваться к Маасу»⁸⁴. Гитлер пришел к выводу, что форсирование Мааса и наступление на Антверпен невозможны без ликвидации угрозы со стороны 3-й американской армии. Он одобрил план главнокомандования «Запад» ограничиться выходом немецких войск на Маас, но потребовал захватить Бастонь, направив на решение этой задачи основные силы 5-й танковой армии⁸⁵. Через день, 28 декабря, в речи на совещании, на котором рассматривался план наступления на Эльзас, Гитлер высказал свое мнение о причинах неудачи операции в Арденнах. Оно еще раз свидетельствует, что немецкое верховное главнокомандование делало ставку на случайное стечение обстоятельств. Гитлер свел их к следующему: в Арденнах в зимнее время на редкость плохие дороги; на наведение и ремонт мостов потребовалось больше времени, чем предполагали; войска ударной группировки были обременены излишним имуществом, прежде всего автомашинами; нехватка горючего; а главное — прояснение погоды, что дало противнику возможность использовать его превосходство в авиации⁸⁶.

На этом совещании присутствовали командующий группой армий «Г» фельдмаршал Рундштедт, командующие армиями, командиры дивизий, корпусов и их начальники штабов, на которых возлагалось руководство осуществлением нового плана⁸⁷. В своей речи Гитлер много говорил об удержании во что бы то ни стало инициа-

⁸³ «Переписка...», т. II, стр. 175.

⁸⁴ Цит по: *J. Toland. Op. cit., p. 294.*

⁸⁵ «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1961, Н. 1, S. 45.

⁸⁶ «Hitlers Lagebesprechungen». Die Protokollfragmente Seinez Militärischen Konferenzen 1942—1945. Stuttgart, 1962, S. 750.

⁸⁷ «Hitler Directs His War». The Secret Records of His Daily Military Conferences. Selected and Annotaited by Felix Gilbert. New York, 1950, p. 178.

тивы на Западе, что, по его мнению, могло бы изменить обстановку в пользу Германии. «Если мы хотим привести обстановку в соответствие с намеченной нами перспективой, — говорил он, — нам необходимо понять следующее: мы должны нанести решительное поражение какой-либо одной из мировых держав, противостоящих нам, — России, Англии или Америке»⁸⁸.

Тогда он считал, что легче всего добиться этого, нанеся новый удар по американским войскам. Поскольку не удалось достигнуть решительной цели одним ударом, Гитлер намеревался теперь осуществить свой план проведением одна за другой ряда наступательных операций небольшого размаха, имея целью «уничтожение всех американских дивизий, находящихся южнее района проникновения (Арденн. — *В. К.*), путем разгрома их по частям, дивизия за дивизией»⁸⁹. Первая операция была намечена в Эльзасе и на Верхнем Рейне главным образом против 7-й американской армии, которая была ослаблена в связи с наступлением в Арденнах. После осуществления этой операции Гитлер намеревался возобновить наступление на Маас⁹⁰.

Основная ставка в этой операции, как и в арденнской, делалась на быстроту действий. Гитлер требовал, чтобы войска достигали «быстро, молниеносно»⁹¹ того, чего они могли достигнуть.

План нового наступления немцев был очередной авантюрой. При разработке его учитывались обстановка лишь в Эльзасе и желание правящих кругов фашистской Германии избежать тотального поражения, но не принимались во внимание возможности англо-американских армий на Западе, вероятные военные действия на советско-германском фронте, а также возможности своей страны и вооруженных сил. А эти условия и сыграли решающую роль.

Новый план предусматривал удар в районе Бастони против 3-й американской армии⁹² и операцию по уничтожению 7-й армии в Северном Эльзасе⁹³. Наступление на Льеж «временно» приостанавливалось. Четыре танковые дивизии (наиболее боеспособные) из 6-й танковой армии СС передавались 5-й танковой армии. Для обороны северного фаса арденнского прорыва немецкое командование оставило 10 дивизий. Наступление в районе Бастони проводили 5-я танковая и 7-я немецкие армии, насчитывавшие 17 дивизий (из них 7 танковых и 2 моторизованные) и 2 пехотные бригады. Вследствие этого центр борьбы в Арденнах переместился в полосу наступления 5-й танковой армии. Основные же бои в конце декабря развернулись лишь в районе Бастони, где сосредоточилось 12 не-

⁸⁸ Цит. по: «Hitler Directs His War», p. 161.

⁸⁹ *Ibid.*, p. 163—164.

⁹⁰ *J. Toland. Op. cit.*, p. 303.

⁹¹ «Hitler Directs His War», p. 165.

⁹² *D. D. Eisenhower. Op. cit.*, p. 362; *R. E. Merriam. Op. cit.*, p. 196—197; *Ch. Wilmot. Op. cit.*, p. 606—607.

⁹³ «The Seventh United States Army», v. II, Heidelberg, 1946, p. 561—562; *Ch. Wilmot. Op. cit.*, p. 606—607.

мецких дивизий (в том числе 7 танковых и 2 моторизованные). Мантейфель намечал предпринять здесь наступление 30 декабря, чтобы опять окружить город и захватить его⁹⁴, нанося одновременно два удара по бастонскому коридору: один двумя дивизиями с запада и второй — также двумя дивизиями с востока⁹⁵.

В конце декабря—начале января гитлеровская Германия усилила бомбардировку Лондона снарядами ФАУ-1. В ночь на 25 декабря 1944 г. свыше 50 самолетов Хе-111 совершили налет на Манчестер. Продолжалась бомбардировка Лондона, Эссекса, Кента и некоторых других городов Англии и ракетами ФАУ-2⁹⁶. 1 января около 800 немецких самолетов совершили неожиданный налет на передовые аэродромы союзников во Франции, Бельгии и Голландии, в результате которого было выведено из строя 260 самолетов.

Теперь, когда немецкие войска ослабили нажим на север, Монтгомери ввел на правом фланге 1-й американской армии 30-й английский корпус, рассчитывая прежде всего усилить оборону на подступах к Льежу, а если немцы не нанесут удара, то в свою очередь предпринять наступление⁹⁷. Такое решение было принято 28 декабря во время посещения его штаба Эйзенхауэром⁹⁸. Было намечено, что 7-й американский корпус (две бронетанковые и две пехотные дивизии) при содействии 30-го английского и 18-го американского воздушнодесантного корпусов перейдет в наступление на Уффализ. Перед 3-й американской армией командование поставило задачу отразить удары противника, а затем своим левым флангом перейти в наступление также на Уффализ.

К концу декабря после перегруппировок сил обеих сторон на северном фланге арденнского выступа против 10 немецких дивизий 6-й танковой и левого крыла 15-й армий были развернуты 10 дивизий (из них 3 бронетанковые) и танковая бригада 1-й американской армии и 30-го английского корпуса, а на юге 17 немецким дивизиям и 2 бригадам противостояли 9 дивизий 3-й армии (схема 16).

Произведя перегруппировку, войска 5-й немецкой армии 30 декабря перешли в наступление против 3-й армии в районе Бастони. Американские войска понесли большие потери, особенно 101-я

⁹⁴ *J. Toland. Op. cit., p. 306.*

⁹⁵ К концу декабря существенно изменилась группировка немецко-фашистских войск: 67-й армейский корпус был передан командующему 15-й армией, в 6-й танковой армии остались 66-й армейский и 2-й танковый СС корпуса, четыре фольксгренадерские и четыре танковые дивизии.

⁹⁶ *B. Collier. The Battle of the V-Weapons. 1944—1945. London, 1964, p. 130, 174; «Военно-исторический журнал», 1960, № 6, стр. 59, 64—65.*

⁹⁷ *V. L. Montgomery. 21-st Army Group, p. 178.*

⁹⁸ «Мы решили, — писал Эйзенхауэр, — что в такой обстановке лучше всего будет усилить фронт, реорганизовать соединения, тщательно подготовиться к нанесению мощного контрудара и в то же время постоянно готовиться к отражению любого наступления, которое могли начать немцы. Мы решили также, что, если немцы не предпримут наступления, Монтгомери сам перейдет в наступление утром 3 января» (*D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 361*).

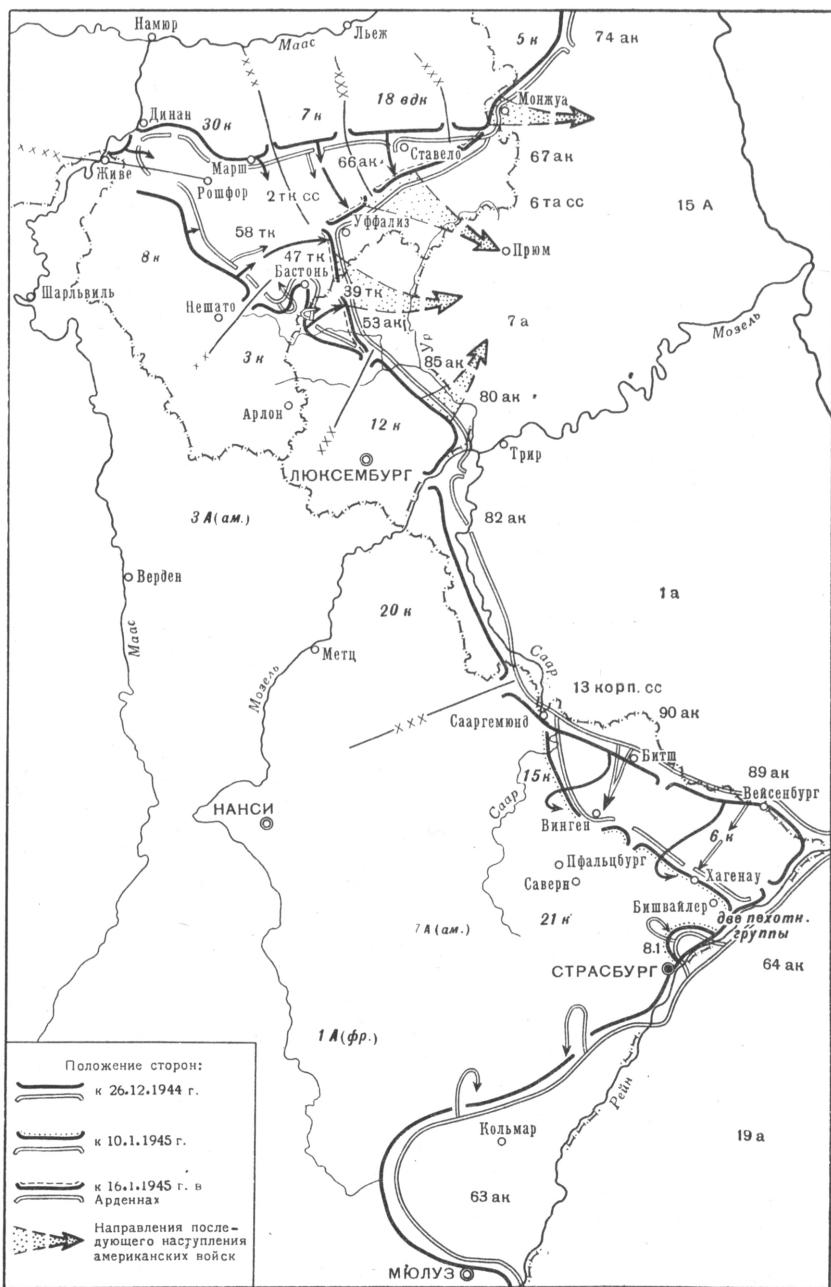

Схема 16.

**БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ЭЛЬЗАСЕ И АРДЕННАХ 26 ДЕКАБРЯ 1944 Г.—
 20 ЯНВАРЯ 1945 Г.**

воздушнодесантная дивизия, и с трудом сдерживали продвижение противника. Переход в наступление по приказу Эйзенхауэра 8-го американского корпуса отвлек на себя часть сил немцев, что уменьшило их давление в районе Бастони, но не привело к существенным изменениям на фронте. Немецко-фашистские войска также не смогли выполнить задачу — коридор, ведущий из Бастони на юг, оставался открытым.

2 января 1945 г. Гитлер снова потребовал от Мантейфеля во что бы то ни стало захватить город. Наступление возобновилось и продолжалось почти до середины января.

31 декабря ночью началось наступление немецко-фашистских войск в Эльзасе. Замысел операции состоял в том, чтобы ударами 1-й армии из района Битша на Пфальцбург и группы 19-й армии в районе Страсбурга и кольмарского плацдарма окружить и уничтожить главные силы 7-й американской армии, а затем наступать на запад⁹⁹.

Главный удар 1-я армия наносила в Вогезах, что давало возможность укрыть ударную группировку от союзной авиации и нейтрализовать преимущество американцев в подвижности. Ее ударная группировка состояла из 9 дивизий (из них 1 танковая и 2 моторизованные). Подвижные дивизии предназначались для развития успеха. В 19-й армии для наступления была создана группа 64-го корпуса в составе трех пехотных дивизий и танковой бригады.

Противостоявшая этим двум армиям 7-я американская армия занимала фронт общим протяжением около 150 км¹⁰⁰. В районе же нанесения немцами главного удара (в Вогезах) находились боевая группа и две пехотные дивизии, занимавшие оборону на фронте около 50 км. Против 19-й немецкой армии по западному берегу Рейна на фронте 60 км оборонялись две американские боевые группы.

Несмотря на то, что указания Эйзенхауэра о переходе к обороне 6-я группа армий получила 19 и 20 декабря, к началу наступления немцев в Эльзасе она не оборудовала оборонительные позиции в инженерном отношении. Причина этому — плохое снабжение группы инженерным имуществом: колючей проволокой, минами, мешками для земли и т. д. Недостаток этих материалов ощущался особенно остро в начале января¹⁰¹.

К тому времени в резерве Эйзенхауэра остался только 21-й корпус, состоявший из 36-й пехотной и 12-й бронетанковой дивизий¹⁰². Отсутствие резервов, недостаток инженерного имущества,

⁹⁹ «The Seventh United States Army», v. II, p. 561—563.

¹⁰⁰ К началу немецкого наступления армия состояла из пяти пехотных, двух бронетанковых дивизий и трех боевых групп (пехотные дивизии, формирование и обучение которых еще не было закончено).

¹⁰¹ W. E. Little. Six Army Group. France and Germany 1944—1945. — «Military Review», 1946, N 11.

¹⁰² «The Seventh United States Army», v. II, p. 497.

слабая насыщенность фронта войсками заставили Эйзенхауэра высказать предположение о необходимости отхода 7-й армии к Вогезам в случае перехода немцев в наступление. Все запасы предметов снабжения в районе восточнее Вогез не превышали однодневной потребности войск. Части получили приказание подготовиться к уничтожению все мосты и полевые склады, а также уничтожить все вооружение и предметы снаряжения, которые не представятся возможным вывезти¹⁰³.

Эйзенхауэр считал, что при отходе 7-я армия оставит Страсбург. Это вызвало резкий протест французского командования, которое, боясь политических осложнений в стране, требовало во что бы то ни стало удерживать этот город¹⁰⁴. К англо-американским разногласиям по вопросам стратегии войны, таким образом, прибавились еще и американо-французские, еще больше осложнявшие управление союзными армиями в Европе.

В первые три дня немецко-фашистские войска в Эльзасе продвинулись на 20—30 км и вышли к Вингену, перерезав шоссе и железную дороги, ведущие из Хагенау к Метцу и Нанси. Они оказались в 15 км от Саверна, через который проходила единственная оставшаяся у 7-й армии коммуникация.

Опасаясь, что эта армия может попасть в окружение, Эйзенхауэр уже 2 января приказал ей отойти из района Вейсенбург, Хагенау, Страсбург к Вогезам¹⁰⁵. Французы отказались выполнить приказ. На следующий день в ставку Эйзенхауэра прибыл де Голль и в присутствии Черчилля потребовал от него удержания Страсбурга. Получив отказ, он заявил, что французские войска сделают это без американцев. Не возымела действия и угроза Эйзенхауэра, что если французская армия не будет подчиняться его приказам, то «она не получит ни боеприпасов, ни снаряжения, ни продовольствия»¹⁰⁶. Вынужденный уступить требованию де Голля, Эйзенхауэр приказал передать район Страсбурга 1-й французской армии.

5 января группа немецко-фашистских войск из 10-й танковой дивизии СС 15-й армии форсировала Рейн севернее Страсбурга и захватила небольшой плацдарм. В районе южнее Вейсенбурга предприняли атаки четыре немецкие дивизии 89-го армейского корпуса (в их числе танковая и моторизованная), вышедшие к 8 января к Хагенау. Усилилась активность немецко-фашистских войск и на кольмарском плацдарме.

В Арденнах же 5-й немецкой армии не удалось сломить сопротивление 3-й американской армии и захватить Бастонь. 8 января Гитлер разрешил отвести почти всю 6-ю армию СС из арденнского выступа в район Сен-Вита, а на следующий день он приказал пе-

¹⁰³ «Military Review», 1946, N 11.

¹⁰⁴ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 352, 361.

¹⁰⁵ «The Seventh United States Army», v. II, p. 579—583.

¹⁰⁶ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 362—363.

ребросить ее в тыл группы армий «Г»¹⁰⁷, которая наступала в Эльзасе.

Таким образом, в первой декаде января американским войскам не удалось ликвидировать прорыв фронта в Арденнах; наступление 1-й армии, предпринятое 3 января, не имело серьезного успеха; 3-я американская армия отражала атаки 5-й танковой армии в районе Бастони; 7-я американская армия под ударами противника отошла на своем правом фланге и в центре; все резервы Эйзенхауэра, исключая 21-й корпус, были израсходованы, а последний оставался в Вогезах, откуда его нельзя было вывести ввиду создавшегося опасного положения в полосе 7-й американской армии.

Как уже отмечалось, еще в декабре 1944 г. союзные армии в Европе стали остро ощущать нехватку личного состава, особенно пехоты, которая была вызвана неправильным распределением личного состава между боевыми частями и тыловыми службами, а также тяжелыми и все возрастающими потерями пехоты в Арденнах¹⁰⁸. Любопытно отметить, что одним из важнейших способов преодоления создавшегося на фронте союзных армий кризиса Эйзенхауэр считал «проведение крупного русского наступления, которое вынудит немцев прекратить переброску войск на Запад...»¹⁰⁹

В этих условиях англо-американские противоречия еще больше обострились. В дело, разжигая страсти, вмешались влиятельные газеты обеих стран. Английская газета «Дейли мейл» 6 января под крупными заголовками сообщала, что англичане остановили наступление немецких войск к Маасу¹¹⁰. На следующий день Монтгомери устроил пресс-конференцию, и, хотя он, оправдываясь в своих мемуарах, утверждает, что не говорил об американцах ничего обидного, а, наоборот, подчеркивал, что в сражении проявилась сила единства и сплоченности союзников¹¹¹, сам факт проведения им такой пресс-конференции вызвал бурный протест со стороны американских генералов.

Особенно остро реагировал на все это Брэдли, квалифицируя действия Монтгомери как попытку подорвать авторитет его и всех американских генералов. И поскольку вся шумиха связывалась с вопросом о назначении Монтгомери главнокомандующим всеми сухопутными силами, Брэдли заявил Эйзенхауэру, что он не может «служить под командованием Монтгомери»¹¹². Позже в воспоминаниях он объяснял такое поведение следующим образом: «В то время я органически не мог подчиниться Монтгомери. Мы не только были не менее компетентны, чем англичане, в полководческом искусстве, но имели на Европейском театре пятьдесят дивизий, а англичане только пятнадцать. Я считал, что такой численный перевес давал нам пол-

¹⁰⁷ См. Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 409.

¹⁰⁸ См. там же, стр. 406—407.

¹⁰⁹ Там же, стр. 407.

¹¹⁰ «Daily Mail», 6.I 1945.

¹¹¹ «The Memoirs of Montgomery», p. 310—315.

¹¹² О. Брэдли. Указ. соч., стр. 523.

ное право требовать, чтобы американские войска сражались под американским командованием»¹¹³.

По поводу этого инцидента Эйзенхауэр писал, что он сомневается, что «Монтгомери когда-либо поймет, сколь глубока была обида некоторых американских командующих. Они считали, что Монтгомери умалил их роль, и не замедлили в свою очередь выразить свой гнев и презрение. Обвинения и упреки со стороны командующих в то время были вызваны не спорами о военной целесообразности основного решения, а той интерпретацией, какую американцы дали пресс-конференции Монтгомери и тем газетным сообщениям, которые исходили из его штаба»¹¹⁴.

В связи с создавшейся обстановкой Черчилль, не дожидаясь приезда в Москву Теддера, 6 января обратился к главе Советского правительства И. В. Сталину с посланием: «На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы. Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях... Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть. Я никому не буду передавать этой весьма секретной информации, за исключением фельдмаршала Брука и генерала Эйзенхауэра, причем лишь при условии сохранения ее в строжайшей тайне. Я считаю дело срочным»¹¹⁵.

Советское Верховное Главнокомандование решило оказать помощь союзным армиям. Учтя их тяжелое положение, оно перенесло срок начала наступления советских войск с 20 на 12 января¹¹⁶.

И точно 12 января перешел в наступление 1-й Украинский фронт, а вслед за ним — 3-й Белорусский, 2-й и 1-й Белорусские и 4-й Украинский. Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов в это время громили окруженную группировку противника в Будапеште и отражали его контрудар. В течение трех дней могучее наступление Красной Армии распространилось по всему советско-германскому фронту от Балтийского моря до Балкан. В январе советские войска взломали мощную долговременную оборону противника на фронте в 1200 км и отбросили его далеко на запад.

Эти действия Советских Вооруженных Сил похоронили все планы гитлеровской ставки на Западе. Убедившись в своей очеред-

¹¹³ Там же, стр. 524.

¹¹⁴ *D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 356.*

¹¹⁵ «Переписка...», т. I, стр. 298.

¹¹⁶ Там же, стр. 298—299.

ной аватюре, она разрешила Рундштедту отвести войска из арденнского выступа. Данный акт подтверждает и бывший начальник генерального штаба немецкой армии Гудериан, записавший в мемуарах, что 9 января Гитлер не принял его предложения о прекращении наступления на Западе и переброске немецких войск с Запада на Восток¹¹⁷. «16 января, — пишет далее Гудериан, — Гитлер появился в Берлине... В этот день я делал доклад об обстановке. Наконец Гитлер принял решение перейти на Западном фронте к обороне и высвободившиеся силы перебросить на Восток. Мне сообщили это, когда я вошел в приемную»¹¹⁸.

6-й танковой армии СС, сосредоточившейся в то время в районе Сен-Вита, было приказано выйти в районы погрузки для отправки на советско-германский фронт. По этому поводу бывший начальник штаба немецких войск на Западе генерал Вестфаль писал: «Вследствие успеха наступления Красной Армии стало ясно, что в очень скором времени Восточному фронту необходимо будет оказывать помощь. Рундштедт еще раньше признал примат Восточного фронта. Поэтому еще за три дня до получения соответствующего указания германского верховного главнокомандования он приказал 6-й армии выступить к месту погрузки»¹¹⁹. По немецким данным, эта армия после отвода с Западного фронта имела в своем составе 5 танковых дивизий и 2 отдельных танковых батальона, в которых насчитывалось 404 танка, 40 штурмовых орудий и 634 бронетранспортера¹²⁰. Позже на советско-германский фронт с Западного были переброшены еще 9 наиболее боеспособных дивизий¹²¹. «Чтобы скрыть вывод из боя 6-й танковой армии СС, — пишет бывший командующий 5-й немецкой танковой армией генерал Мантейфель, — все войска наступавшей группировки 25 января были отведены назад, на рубеж, находившийся перед оборонительными позициями, на которых находились наши войска до начала наступления»¹²².

3-я и 1-я американские армии, вновь перешедшие в наступление, 16 января соединились в районе Уффализа. С 18 января 1-я армия опять вошла в состав 12-й группы армий, а 9-я армия осталась в 21-й группе¹²³. К 28 января они вышли на р. Ур, с которой сорок два дня назад началось немецкое наступление. Примерно в то же время прекратилось наступление немецких войск и в Эльзасе.

Итак, попытка немецкого верховного главнокомандования устроить американским и английским армиям «второй Дюнкерк» пол-

¹¹⁷ *H. Guderian. Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg, 1951, S. 350.*

¹¹⁸ *Ibid.*, S. 356.

¹¹⁹ *S. Westphal. Op. cit.*, S. 284.

¹²⁰ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725167, д. 942, лл. 131—132.

¹²¹ См. *О. Брэдли. Указ. соч.*, стр. 532.

¹²² *З. Вестфаль и др. Указ. соч.*, стр. 282.

¹²³ «*The Memoirs of Montgomery*», p. 309.

мостью провалилась. Крах наступления в Арденнах еще больше подорвал боевой дух армии и моральное состояние населения Германии, усугубил и без того крайне неблагоприятную для нее обстановку. Тем не менее наступление немецких войск имело некоторый успех: планы союзного верховного командования были сорваны, 1, 3-я и 7-я американские армии понесли большие потери; им пришлось потратить много времени на перегруппировки и пополнение войск, прежде чем они смогли возобновить наступление.

Основной причиной неудачного наступления в Арденнах явилось то, что фашистская Германия уже тогда не имела сил и средств для наступления своих войск со столь решительной целью. Истощение ее ресурсов в результате ряда поражений, нанесенных Красной Армией, а позже американцами и англичанами, не позволило ОКВ собрать на Западном фронте достаточно мощные силы, необходимые для достижения поставленных целей. Оно не смогло также собрать предусмотренные планом силы и средства для создания на главном направлении ударной группировки войск, способной нанести мощный первоначальный удар и развить наступление в глубине. Меры, принятые союзным верховным командованием, действия американских, а затем английских и французских войск локализовали немецкое наступление в Арденнах.

Наступательные действия советских войск в Венгрии и подготовка нового наступления на Висле не позволили ОКВ перебрасывать на Запад дивизии ни с советско-германского фронта, ни из числа вновь формирувавшихся. Под воздействием удара Красной Армии в январе 1945 г. немцы бросили на советско-германский фронт силы, взятые на Западе. Это наступление заставило гитлеровскую ставку окончательно отказаться от продолжения наступления на Западе и оказало большую помощь союзникам в ликвидации последствий немецкого наступления в Арденнах и Эльзасе.

Тогда, в 1945 г., союзники были в восторге от наступления Красной Армии. Премьер-министр Англии в письме к главе Советского правительства 17 января писал: «От имени Правительства Его Величества и от всей души я хочу выразить Вам нашу благодарность и принести поздравления по случаю того гигантского наступления, которое Вы начали на восточном фронте.

Вам, несомненно, теперь известны планы генерала Эйзенхауэра и в какой степени осуществление их было задержано превентивным наступлением Рундштедта. Я уверен, что на всем нашем фронте бои будут идти непрерывно»¹²⁴.

Но чем дальше уходят в прошлое годы войны, тем больше политические и военные деятели, а также историки США и Англии предают забвению роль Красной Армии в срыве немецкого наступления на Западе, приписывая все только своим войскам. Так, Эйзенхауэр и Монтгомери в своих мемуарах ни словом не обмолвились о помощи, оказанной им Красной Армией зимой 1944/45 г. Меррием

¹²⁴ «Переписка...», т. I, стр. 303.

в книге «Мрачный декабрь» пишет о том, что наступление советских войск «заставило немцев забыть навсегда наступательные планы на любом фронте»¹²⁵. Но далее он так представляет события, что немцы якобы уже 8 января отказались от наступления и начали отходить. Погью сводит влияние действий Красной Армии на немецкое наступление в Арденнах только к тому, что после перехода ее в наступление все надежды противника на улучшение положения посредством переброски сил с Востока рухнули и, кроме того, Гитлер вынужден был отдать распоряжение подготовить 6-ю танковую армию и две бригады его личной охраны для переброски на советско-германский фронт¹²⁶. Маршалл в докладе военному министру, вопреки фактам, писал, что американские войска заставили немцев истратить все имевшиеся резервы и ресурсы и тем самым обеспечили успех зимнего наступления Красной Армии¹²⁷.

Умалает победы Красной Армии и другой американец — публицист Дж. Тоулэнд. «Это была битва, — утверждает он, — такая же по размаху, как и Сталинградская; свыше миллиона солдат и тысячи гражданских людей были втянуты в активные действия»¹²⁸.

А. Брайант в книге, написанной по дневникам и автобиографическим очеркам бывшего начальника английского имперского штаба фельдмаршала А. Брука, заявляет, что «попытка Гитлера вырвать победу на Западе путем сосредоточения почти всех имевшихся у него танков¹²⁹ против Эйзенхауэра сыграла на руку русским... Нанеся мощный удар сначала в одном пункте, а затем в других, Красная Армия прорвала слабую оборону противника и устремилась на запад, к границам Силезии и Пруссии»¹³⁰.

Все эти и подобные им утверждения далеки от истины. Во-первых, смехотворно сравнение арденнского наступления немцев и советского наступления на Волге. Дело вовсе не в том, какие силы были втянуты в боевые действия там и здесь, а в том, какие стратегические, моральные и политические последствия имели эти события для хода и исхода второй мировой войны. В Арденнах и Вогезах немецко-фашистские войска отошли на свои первоначальные позиции, хотя и со значительными потерями. На Волге они потерпели абсолютное поражение, т. е. были полностью ликвидированы, и эта катастрофа положила начало коренному перелому в ходе всей второй мировой войны. Во-вторых, недобросовестно утверждать, что, предприняв наступление в Арденнах, немецкое командование якобы «сыграло на руку русским». Конечно, в условиях стратеги-

¹²⁵ R. E. Merriam. Op. cit., p. 206.

¹²⁶ См. Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 409—410.

¹²⁷ «The War Reports of George C. Marshall, H. H. Arnold, Ernest J. King». Philadelphia—New York, 1947, p. 147, 198.

¹²⁸ J. Toland. Op. cit., p. 1.

¹²⁹ Речь может идти лишь о танковых соединениях, находившихся на Западе. Известно, что большая часть бронетанковых сил Германии во время немецкого контрнаступления была на советско-германском фронте.

¹³⁰ A. Bryant. Triumph in the West, 1943—1946. London, 1959, p. 289.

ческого взаимодействия вооруженных сил государств антифашистской коалиции Арденны как-то повлияли на дальнейший ход войны на всех фронтах в Европе, но не они определили ход и исход январского наступления советских войск. Зимнее наступление Красной Армии было запланировано и подготавливалось советским командованием задолго до арденнских событий; последние лишь несколько ускорили его начало, причем это произошло, как мы видели, по просьбе глав правительств Англии и США. И, наконец, в-третьих, историкам, рассуждающим о взаимосвязи военных событий на Западе и на советско-германском фронте, не следует забывать о коренном, решающем факте — о распределении вооруженных сил фашистской Германии. К началу 1945 г. против Красной Армии сражались 169 дивизий и 20 бригад немцев, 16 дивизий и бригада венгров¹³¹, а всего 185 дивизий и 21 бригада. На западном же и итальянском фронтах находились только 98 дивизий и 3 бригады. Следовательно, почти две трети немецких сухопутных сил были на советско-германском фронте.

Зачем же буржуазным историкам потребовалось фальсифицировать значение сражения в Арденнах? Об этом можно судить по тем выводам, которые сделал в своей книге Тоулэнд. Он говорит, что «сражение было выиграно не в результате случайности, численного превосходства войск или господства авиации в воздухе. Оно было выиграно американским солдатом, его выдающимися качествами. Те особенности, в силу которых он является плохим гарнизонным солдатом, — независимость, драчливость, любовь к роскоши, делают его в конце концов беспощадным бойцом»¹³². В начале арденнского сражения любовь к роскоши помешала американскому солдату хорошо драться, но в ходе его он понял, что единственный для него способ выжить — драться. «И он дрался за свою жизнь, а не за политические или идеологические причины». Возможно, с точки зрения Тоулэнда, проявление инстинкта борьбы за существование — самая сильная сторона американского солдата, поскольку империализм не может выдвинуть таких идей, за которые он мог бы сознательно и самоотверженно сражаться, здесь мы не будем дискутировать. Для нас важно то заключение, которое Тоулэнд сделал: «Армия, которая выиграла сражение в Арденнах и прошла через Германию, была могущественной, состоящей из мужественных и стойких солдат. И если потребуется, она будет еще могущественнее»¹³³. Иными словами, для доказательства «непобедимости» американской армии без подтасовки фактов не обойтись. Действительно, идеологам империализма надо как-то стереть в памяти народов поражения американской армии и показать ее могущественной и непобедимой, иначе как же США могут претендовать на мировое господство.

¹³¹ «50 лет вооруженных сил СССР». М., 1968, стр. 424.

¹³² J. Toland. Op. cit., p. 379—380.

¹³³ Ibid., p. 380.

Монтгомери считает, что «в арденском сражении союзники добились того, что у них был «окровавленный нос», американцы потеряли более 80 тыс. человек, но этого никогда бы не случилось, если бы мы правильно вели военные действия после большой победы в Нормандии или с самого начала зимней кампании имели бы правильное расположение сухопутных сил, гарантирующее от всяких неожиданностей»¹³⁴. Опять Монтгомери винит американцев, которые-де не приняли его плач, предлагавшийся им еще в августе и сентябре 1944 г., и не захотели, чтобы он, Монтгомери, возглавил все союзные сухопутные силы на Европейском театре военных действий. Американские же генералы в арденском сражении, по его мнению, проявили незрелость.

История сражения в Арденнах, таким образом, фальсифицируется американскими буржуазными историками с одной целью: прославить вооруженные силы США и как-то обосновать право реакционных сил этой страны и ее стратегов на руководство агрессивными империалистическими блоками.

¹³⁴ «The Memoirs of Montgomery», p. 315.

Вторжение в Германию с запада

Накануне краха

После провала немецкого наступления на Западном фронте зимой 1944/45 г. обстановка для фашистской Германии еще больше ухудшилась. Прежде всего она оказалась в политической изоляции. Теперь у нее оставался лишь один союзник — империалистическая Япония, которая была отделена от своего партнера огромными пространствами и практически не могла оказать непосредственного влияния на развитие военно-политических событий в Европе.

В начале 1945 г. Красная Армия нанесла новые поражения немецко-фашистским войскам, понесшим в результате этого большие потери. При поддержке польского и чехословацкого народов она полностью освободила Польшу и значительную часть Чехословакии, изгнала гитлеровцев из Будапешта, овладела большей частью Восточной Пруссии и Силезии и пробила себе дорогу в Бранденбург и Померанию. Советские войска находились в 60 км от Берлина.

Фашистский «новый порядок» в Европе, державшийся на немецких штыках, рухнул. Народы Центральной и Юго-Восточной Европы, освободившись от фашистского ига, начали устанавливать в своих странах новый, народно-демократический строй. Значительно расширился фронт борьбы против немецко-фашистских захватчиков. Теперь бок о бок с Красной Армией успешно сражались польские, югославские и чехословацкие дивизии. Бывшие союзники гитлеровской Германии королевская Румыния и царская Болгария, потерпев поражение, не только были выведены из войны на ее стороне, но, более того, объявили ей войну.

Потеря фашистской Германией своих союзников, оккупированных территорий в Восточной Европе, а также Франции и Бельгии лишила ее важного стратегического сырья (нефти, угля, железа и др.) и крупнейших промышленных районов этих стран. К концу 1944 г. у нее не оказалось 65% запасов железной руды, половины бокситов и всех запасов хрома. Если, начиная войну против Советского Союза, гитлеровцы заставили работать на нужды своих полностью приведенных в боевую готовность вооруженных сил про-

мышленность почти всей Европы, сырьевые ресурсы Европы и Северной Африки, то в начале 1945 г. они могли использовать лишь промышленность своей страны, Австрии, Северной Италии и Саара.

Истоцились к тому времени и людские ресурсы Германии. Фольксштурм, созданный по тотальной мобилизации, не повышал боеспособности дивизий и не восполнял потери действующей армии. В течение 1944 г. численность германских вооруженных сил сократилась на 26% ¹. Одновременно остро ощущался недостаток рабочих рук в промышленности, так как насильственный ввоз иностранных рабочих прекратился.

Сопровождавшиеся огромными, как правило, невосполнимыми потерями поражения гитлеровских вооруженных сил, истощение военной экономики страны породили в немецком народе чувства уныния и безнадежности, укрепили в нем сознание неизбежности поражения гитлеровской Германии. Все это, разумеется, передавалось армии, подрывало ее моральное состояние и ослабляло ее боеспособность. Только жестоким террором, сопровождавшимся одурманивающей фашистской пропагандой и запугиванием ответственностью за войну, Гитлеру и его сподручным удавалось заставлять немецкий народ продолжать преступную войну.

В странах, в которых еще находились немецко-фашистские войска, усилилось народно-освободительное движение. Так, например, только в Северной Италии с июня 1944 г. по март 1945 г. было проведено 6449 партизанских боевых операций, совершен 5571 акт саботажа, убито около 16 тыс. оккупантов, захвачено 109 орудий, 286 пулеметов, 1107 автоматов, 6505 винтовок, 2483 пистолета и 753 центнера боеприпасов ². В ряде областей Северной Италии немецко-фашистские оккупанты фактически потеряли власть, она перешла в руки органов, созданных народом, поднявшимся на борьбу за свою свободу и независимость. Широкий размах приняло освободительное движение также в Норвегии, Дании и других странах.

Выдающиеся победы Красной Армии, упрочившие международное положение и авторитет Советского Союза, огромный политический подъем в освобожденных от немецко-фашистских захватчиков странах и стремление народов этих стран стать на путь подлинного демократического развития вызвали растерянность и смятение гитлеровской клики, усилили ненависть к СССР среди влиятельных кругов США и Великобритании.

Гитлеровцы, как и прежде, пытались использовать противоречия в антифашистской коалиции, чтобы избежать безоговорочной капитуляции. Еще во второй половине 1944 г. фашистская печать в Испании развернула пропагандистскую кампанию за заключение компромиссного мира на Западе. В период подготовки контрнаступ-

¹ См. «Вторая мировая война 1939—1945 гг.» Военно-исторический очерк. М., 1958, стр. 671.

² См. *Л. Лонго*. Народ Италии в борьбе. М., 1952, стр. 343.

ления в Арденнах и Эльзасе министерство иностранных дел фашистской Германии дало указания послам в нейтральных странах усилить зондаж, чтобы установить возможность заключения такого мира. Естественно, что успех пропаганды и дипломатии зависел в значительной мере от развития событий на фронтах.

Главным фронтом фашистской Германии по-прежнему оставался советско-германский фронт. На 1 января 1945 г. из 313 дивизий и 32 бригад фашистского блока на советско-германском фронте действовали 185 дивизий и 21 бригада, в том числе 15 дивизий и 1 бригада венгерские. На Западном же фронте и в Италии находились 108 дивизий и 7 бригад; 31 дивизия и 4 бригады несли охранную службу в оккупированных Германией странах³. После завершения сражений в Арденнах и Эльзасе число немецко-фашистских дивизий на Западе стало резко сокращаться, так как наиболее боеспособные из них были переброшены на советско-германский фронт, а новые пополнения на Западный фронт почти не поступали. В начале февраля 1945 г. на этом фронте находилось 68 немецких дивизий (из них 7 танковых и 3 моторизованные) и танковая бригада⁴.

К концу января союзники полностью восстановили в Арденнах положение, существовавшее до начала немецкого наступления; в Эльзасе 7-я американская армия под давлением противника отошла к Вогезам и после прекращения немецкого наступления остановилась на рубеже, проходившем от Рейна до р. Саар у Сааргемиونده. Английские войска, участвовавшие в арденнских боях, были отведены в зону 21-й группы армий. Если состав военно-воздушных сил союзников в Западной Европе остался почти без изменений, то число дивизий сухопутных войск увеличилось: в середине января на Европейском театре военных действий оно достигло 71⁵. Забегая несколько вперед, отметим, что в последующем союзники увеличивали свои сухопутные силы и 1 февраля 1945 г. под командованием Эйзенхауэра находилась 81⁶, а в марте — 85 дивизий⁷.

Следовательно, в начале 1945 г. союзные армии на Европейском театре военных действий стали превосходить своего противника и по числу дивизий. Правда, многие из них (американские) не были полностью укомплектованы пехотой, а французские соединения, особенно вновь сформированные, нуждались в серьезной подготовке⁸.

На Средиземноморском театре военных действий английские

³ См. «Вторая мировая война 1939—1945 гг.», стр. 671.

⁴ Архив МО СССР, таблицы распределения сил за февраль 1945 г.

⁵ «Report by the Supreme Commander to the Combined Chiefs of Staff on the Operations in Europe of the Allied Expeditionary Forces». Washington, 1946, p. 82.

⁶ См. Дж. Эрман. Большая стратегия. Октябрь 1944—август 1945. М., 1958, стр. 31.

⁷ «Report by the Supreme Commander. . .», p. 83.

⁸ Ibid., p. 82—83.

войска, воспользовавшись отходом немецко-фашистских захватчиков, 4 октября 1944 г. вторглись в Грецию и развязали там гражданскую войну против демократических сил страны. Боевые действия в Италии, где находились 23 дивизии союзников, до весны 1945 г. активно не велись.

Американские войска только в конце января 1945 г. полностью вышли к позиции «Зигфрида» и восточнее Аахена вклинились в нее на глубину 20—25 км. Позиция «Зигфрида», возведенная в 1934—1939 гг. на границах с Голландией, Бельгией, Люксембургом и Францией, по выражению Гальдера, не представляла «какой-либо стратегической ценности», но из-за пропаганды Геббельса «вплоть до начала войны имела некоторое значение»⁹. В годы войны значительное количество противотанковых орудий с позиции было снято и переброшено на фронты¹⁰.

Общее протяжение позиции «Зигфрида» достигало 600 км от г. Клеве на Рейне до швейцарской границы у Базеля. Она состояла из двух-трех оборонительных линий общей глубиной 37—75 км. Наибольшую прочность представлял средний участок укреплений от Мозеля у Трира до Карлсруэ, прикрывавший саарское направление. Здесь было три линии обороны.

К началу 1945 г. укрепления и огневые сооружения позиции, однако, не могли противостоять артиллерии калибром 105 мм и выше. Долговременные огневые точки в свое время рассчитывались на установку в них пулеметов, противотанковых пушек и зенитных орудий малых калибров довоенного производства. Новые образцы этого вооружения из-за их габаритов уже нельзя было установить в дотах. Полевая артиллерия располагалась на открытых позициях. Промежутки между огневыми сооружениями заполнялись траншеями с открытыми площадками для пулеметов, минометов, противотанковых ружей и артиллерийских орудий. Немцы применяли затопления (особенно на северном участке), противотанковые и противопехотные препятствия. Инженерное оборудование опорных пунктов и узлов обороны было недостаточно развито. Для занятия этих пунктов и узлов не хватало постоянных гарнизонов.

На позиции «Зигфрида» располагалось около 60 немецких дивизий. Полевые войска, занимавшие укрепленные районы, не были подготовлены к их обороне. Многие дивизии не имели противотанковой артиллерии. Так, в декабре 1944 г. противотанковой артиллерии не было в 25 дивизиях, в начале февраля на Западном фронте действовали без такой артиллерии 23 немецкие дивизии¹¹.

Следовательно, позиция «Зигфрида» представляла собой в основном обыкновенную, заранее подготовленную полевую оборону с долговременными огневыми сооружениями.

⁹ F. Halder. Hitler als Feldherr. München, 1949, S. 18.

¹⁰ «Nazi Conspiracy and Aggression», v. VII. Washington, 1946, p. 938.

¹¹ Архив МО СССР, таблицы распределения сил за декабрь 1944 г.

Отсутствие постоянных гарнизонов, слабость и незначительное количество полевых войск, особенно танковых, недостаток противотанковой и зенитной артиллерии, полное господство союзной авиации в воздухе — все это резко ослабляло обороноспособность немецко-фашистских войск на Западе.

В этих условиях союзникам предстояло выработать план дальнейших действий.

Как наступать — на одном или двух направлениях?

Наступление немцев в Арденнах прервало процесс выработки союзным верховным командованием плана дальнейших наступательных действий, который возобновился после некоторой стабилизации Западного фронта. Но между союзниками снова возникли разногласия. Война шла к концу, и англичане стремились поднять свою роль в решении стратегических проблем. Они вернулись к своей, ранее отвергнутой концепции сосредоточенного удара на Берлин севернее Рура и в связи с этим настаивали на возобновлении обсуждения вопроса о заместителе главнокомандующего по координации операций союзных сухопутных сил. 6 января Черчилль писал миссии английского комитета начальников штабов в Вашингтоне о необходимости поставить на обсуждение в Объединенном совете начальников штабов план действия на Европейском театре, при этом он изложил основные положения английской стратегии, которые, по его мнению, состояли в следующем: «а) в сосредоточении всех сил, выделенных для наступления на северном участке фронта, т. е. к северу от Прюма; б) в подчинении всех сухопутных сил Западного фронта одному человеку, который координировал бы их действия и осуществлял оперативное руководство»¹². 10 января английские начальники штабов официально потребовали, чтобы Объединенный совет обсудил стратегию на Европейском театре военных действий¹³.

Вслед за Черчиллем стал настаивать на наступлении севернее Рура (с переходом к обороне на остальном фронте) и начальник британского генерального штаба фельдмаршал Брук¹⁴. Но в отличие от Черчилля он понимал, что назначить командующим союзными сухопутными силами английского генерала не удастся, поэтому предложил, чтобы Монтгомери возглавил все войска, выделенные для наступления на северном направлении.

Американские начальники штабов, как и раньше, были против назначения английского командующего всеми сухопутными силами на Западном фронте. Их позиция основывалась главным образом на соображениях, высказанных Брэдли: американские генералы не хуже

¹² Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 81.

¹³ См. Ф. С. Погью. Верховное командование. М., 1959, стр. 420.

¹⁴ D. D. Eisenhower. Crusade in Europe. New York, 1948, p. 370.

эрудированы в области военного искусства, чем английские, а американские войска составляют абсолютное большинство сухопутных сил на Западном фронте и нет никаких оснований, чтобы ими командовал английский генерал или фельдмаршал. Имело некоторое значение и отношение американских генералов и офицеров лично к Монтгомери. «Английский фельдмаршал, который и раньше не пользовался популярностью среди американских офицеров и генералов, окончательно дискредитировал себя в глазах американцев в начале наступления немцев в Арденнах, так как, по их мнению, он проявил неподобающее союзнику высокомерие»¹⁵. Поэтому еще в начале января 1945 г. Черчилль предложил назначить заместителем Эйзенхауэра фельдмаршала Александра. Рузвельт готов был согласиться, но его начальники штабов выступили против¹⁶. Дискуссия по вопросам стратегии в Европе вспыхнула с новой силой.

Ознакомившись с требованием Черчилля, Объединенный совет начальников штабов запросил соображения Эйзенхауэра. Последний 20 января ответил, что считает целесообразным положить в основу плана решение, принятое им еще до немецкого наступления в Арденнах, что цель военных действий союзных армий в Европе остается той, которая была указана в первоначальной директиве Объединенного совета начальников штабов — выйти в центральную часть Германии и окончательно уничтожить немецкие вооруженные силы. Все действия союзных армий, находившихся под его командованием, он делил на три этапа: разгром немецких сил западнее Рейна и выход к Рейну; захват плацдармов за Рейном для развития операций в Германии; разгром немецких сил восточнее Рейна и наступление в Германии.

Эйзенхауэр считал, что действия союзных войск, направленные на разгром противника западнее Рейна, надлежит спланировать так, чтобы иметь возможность выйти к Рейну на всем его протяжении. На первом этапе этих действий, по его мнению, 21-я группа в составе 9-й американской, 2-й английской и 1-й канадской армий должна предпринять наступление и выйти на Рейн ниже Дюссельдорфа, 12-я группа армий в составе 3-й и 1-й американских армий — захватить Саар и выйти на Рейн на участке от Майнца до Дюссельдорфа, а 6-я группа армий — ликвидировать плацдарм противника в районе Кольмара и развернуть наступление на Саар с юга, чтобы во взаимодействии с 3-й американской армией очистить от немцев левый берег Рейна от швейцарской границы до Майнца.

Таким образом, Черчилль и английские начальники штабов настаивали на проведении наступательных действий на одном направлении. Эйзенхауэр предлагал наступать на всем фронте. Англичане мотивировали свое требование тем, что план Эйзенхауэра мог привести к распылению сил и не позволить достичь их цели в Гол-

¹⁵ Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 81.

¹⁶ См. там же, стр. 98.

ландии и Северной Германии¹⁷, а главное, не дать возможности упредить Красную Армию с выходом к Берлину.

Американские начальники штабов поддерживали Эйзенхауэра. Генерал Маршалл назначил ему встречу в Марселе, куда он специально заезжал по пути на Мальту, чтобы совместно обсудить план действий на Западном фронте. Маршалл заверил Эйзенхауэра, что он поддержит его стратегию и не согласится с назначением английского генерала командующим сухопутными силами. Если вопреки его мнению такое назначение состоится, он не останется на посту начальника штаба армий США¹⁸.

Поскольку доклад Эйзенхауэра был получен накануне Крымской конференции глав правительств трех держав, английские начальники штабов ограничились тем, что сформулировали свои возражения, чтобы изложить их во время предварительных переговоров с американцами. Такие переговоры состоялись в конце января 1945 г. на Мальте. Объединенный совет начальников штабов провел несколько заседаний, в которых приняли участие Рузвельт и Черчилль.

Проведя анализ стратегическую обстановку в Европе, Объединенный совет начальников штабов наметил ориентировочные сроки окончания войны. Он предусматривал три варианта развития событий в Европе: «наилучший случай», «относительно благоприятный случай» и «неблагоприятный случай». Исходя из этих вариантов, Объединенный совет начальников штабов считал самым ранним сроком окончания войны в Европе 1 июля, а самым поздним — 31 декабря 1945 г. Войну против Японии предполагалось окончить через 18 месяцев после завершения войны в Европе¹⁹.

Бывший государственный секретарь США Эдвард Стеттиниус вспоминает, что накануне Крымской конференции начальники американских штабов убедили Рузвельта в том, что Япония может капитулировать только в 1947 г., а возможно, и позднее. Они заявили президенту, что без участия Советского Союза в войне на востоке победа над Японией обойдется США слишком дорого, а потери их вооруженных сил составят миллион человек. «Необходимо помнить также, — пишет он, — что во время Ялтинской конференции еще не было уверенности, будет ли закончена атомная бомба, а после сражения в Арденнах... не было известно, сколько еще времени займет разгром Германии»²⁰. Поэтому во время встречи на Мальте Рузвельт считал, что война в Европе может окончиться в 1945 г., но он сомневался, удастся ли достигнуть

¹⁷ *W. Churchill. The Second World War, v. VI. London, 1954, p. 353—354.*

¹⁸ *См. Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 426.*

¹⁹ «Foreign Relations of the United States. The Conferences at Malta and Yalta, 1945» (далее — «The Conferences at Malta and Yalta»). Washington, 1955, p. 830.

²⁰ *E. R. Stettinius, jun. Roosevelt and Russia. The Yalta Conference. London, 1950, p. 269.*

победы над Японией до 1947 г.²¹ Такой прогноз хода войны оказал влияние на поведение американской делегации во время переговоров и на Мальте и в Крыму.

Точка зрения английских начальников штабов на план операций в Европе была изложена в документе, подготовленном ими еще до начала конференции и оформленном в виде проекта директивы верховному главнокомандующему. Американцы в своем ответе на этот документ вновь поддержали точку зрения Эйзенхауэра²².

Начальники штабов обеих стран высказали на Мальте единое мнение: союзные экспедиционные силы на Европейском театре военных действий должны воспользоваться сокращением сил противника на Западе для ускорения выхода к Рейну. Они согласились увеличить темп наступления союзных армий, чтобы как можно скорее занять важнейшие центры Германии, сделав акцент на том, что фактор времени «стал иметь решающее значение ввиду русского наступления». Однако мнения разошлись, как только стали обсуждать способы действий. Что же касается вопроса о назначении английского генерала командующим всеми сухопутными силами на Западном фронте, то английские начальники штабов, видя упорство американцев, затронули его вскользь, и то лишь на заключительной стадии переговоров²³. Американцы оказались неумолимыми: они отвергли требование своего союзника, согласившись подчинить Монгомери только 9-ю американскую армию.

В этом отношении представляет интерес характеристика этой конференции, которую дает английский историк Дж. Эрман. Обмен мнениями о стратегии в Европе, пишет он, «выявил серьезное расхождение во взглядах англичан и американцев на то, каким должно быть соотношение сил на отдельных участках Западного фронта, а, между прочим, этому вопросу англичане придавали первостепенное значение. Последовали долгие и весьма горячие споры, затянувшиеся на целых 3 дня (с 30 января по 1 февраля). По мнению некоторых участников, эти споры были самыми бурными за все время существования Объединенного совета начальников штабов... Обе стороны были в состоянии крайнего раздражения, а о последних заседаниях и о том, что на них говорилось, история в целях благопристойности вообще умалчивает»²⁴.

Дело, конечно, не в расхождении мнений относительно стратегии, а в различии интересов союзников, в стремлении каждого из них играть ведущую роль в руководстве объединенными вооруженными силами на этом ответственном этапе войны. Борьба велась за престиж США и Великобритании, и именно поэтому обсуждение было столь бурным.

²¹ *E. R. Stettinius*. Op. cit., p. 73.

²² См. *Дж. Эрман*. Указ. соч., стр. 95—96.

²³ Там же, стр. 98.

²⁴ Там же, стр. 96—97.

Англичане критиковали план Эйзенхауэра, американцы защищали его; англичане настаивали на нанесении одного удара на северном направлении, американцы требовали нанести два удара: севернее и южнее Арденн; англичане доказывали, что нанесение одновременно двух ударов не по силам союзным армиям; американцы, наоборот, говорили о том, что неразумно «класть все яйца в одну корзину», и предлагали подготовиться к нанесению двух ударов: если не удастся добиться успеха на северном направлении, можно будет развивать наступление на южном²⁵. Очевидно, и на этот раз споры продолжались бы долго, но события не ждали и вынудили Объединенный совет начальников штабов пойти на взаимные уступки.

2 февраля Объединенный совет утвердил план Эйзенхауэра, внеся в него некоторые исправления, сглаживавшие американско-английские разногласия. Основные положения плана были сформулированы следующим образом: «а) немедленно развернуть наступательные действия севернее Мозеля с задачей разгромить находящиеся здесь силы противника и выйти к Рейну севернее Дюссельдорфа; б) принять меры к уничтожению остальных сил противника западнее Рейна, которые все еще продолжают оказывать сопротивление и могут помешать в дальнейшем при форсировании Рейна; в) создать плацдармы на правом берегу Рейна в его нижнем и верхнем течении; 2) развернуть восточнее Рейна и севернее Рура столько дивизий, сколько мы можем обеспечить снабжением (по расчету — около 35 дивизий); они должны будут, взаимодействуя с авиацией, отрезать от противника Рурскую промышленную область; д) сосредоточить восточнее Рейна в районе Кобленц—Франкфурт-на-Майне те силы, которые должны остаться после выделения 35 дивизий для наступления на направлении главного удара, т. е. на севере, и организации прочной обороны по всему фронту. Задача этих войск будет состоять в том, чтобы отвлечь силы противника с севера, для чего они должны будут сначала овладеть Франкфуртом-на-Майне, а в дальнейшем наступать на Кассель»²⁶. В плане учитывался опыт арденнского сражения: Эйзенхауэру указывалось на необходимость иметь в своем распоряжении резерв до 10 дивизий.

Таким образом, в результате жаркого спора уточнению подверглись первые два пункта предложенного Эйзенхауэром плана; однако изменения, внесенные в план, не устранили, а только несколько сгладили остроту американско-английских разногласий посредством более гибких формулировок, удовлетворявших обе стороны. Не удивительно, что в американском отчете отмечалось, что вопрос решен Объединенным советом начальников штабов «в пользу Эйзенхауэра»²⁷, а английский генерал Исмей докладывал

²⁵ «The Conferences at Malta and Yalta», p. 464—467, 469—474, 481—482, 488, 496.

²⁶ Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 99.

²⁷ Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. II. М., 1958, стр. 563.

Черчиллю, что «намерения генерала Эйзенхауэра в достаточной мере совпадают с тем, что желательно и для нас с Вами»²⁸. Но хорошая редакция принятого решения не устраняла англо-американских противоречий, которые, естественно, не могли не проявиться в ходе военных действий.

Объединенный совет начальников штабов пересмотрел также цели операций на Средиземноморском театре, а соответственно им и силы, выделяемые для этого театра.

К этому времени стратегическая обстановка в Европе существенно изменилась. Начавшееся 12 января наступление Красной Армии успешно развивалось. Американские и английские военные специалисты считали, что немецко-фашистские войска на советско-германском фронте дезорганизованы настолько, что не смогут оказать сопротивления перед Одером. Поставив себе целью уредить Красную Армию в захвате ряда важных центров Европы, союзное верховное командование намеревалось усилить свои войска на Западном фронте прежде всего за счет Италии.

Разгром Красной Армией будапештской группировки противника, изгнание советскими войсками и Народно-освободительной армией Югославии немецко-фашистских захватчиков из этой страны, капитуляция и переход на сторону антифашистской коалиции Румынии и Болгарии исключали всякую необходимость вторжения американских и английских вооруженных сил в Юго-Восточную Европу.

Однако внимание Черчилля привлекала новая идея — наступление на Вену из Северной Италии. Английские начальники штабов считали, что если Красная Армия подойдет вплотную к австрийской границе, то немецко-фашистским войскам в Италии придется отойти, и тогда условия для похода на Вену станут благоприятными²⁹. Но, по-видимому, в дальнейшем эти начальники поняли, что их идея неосуществима. В своем выступлении фельдмаршал Алан Брук заявил: «Английские начальники штабов пришли к выводу, что правильный курс действий состоит в том, чтобы укрепить решающий Западный фронт за счет Средиземноморского театра военных действий, который затем должен перейти к наступательно-оборонительным действиям в Италии. Теперь нет речи об операциях в направлении Люблянского прохода... Продвижение русской армии сделало подобную операцию уже ненужной»³⁰. Английские начальники штабов в новых условиях стремились увеличить число контролируемых английским командованием войск на Европейском театре³¹.

Предложения английского командования не встретили возражений со стороны американцев. Поэтому 2 февраля была утверждена

²⁸ Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 100.

²⁹ См. там же, стр. 94.

³⁰ «The Conferences at Malta and Yalta», p. 486.

³¹ См. Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 93, 100—101.

новая директива Объединенного совета главнокомандующему вооруженными силами на Средиземноморском театре военных действий, в которой указывалось, что для союзников «основной целью в войне против Германии является концентрация возможно больших сил на Западном фронте и проведение там решающей операции». Верховному командующему предписывалось как можно скорее захватить такую часть Греции, которая необходима для установления власти эмигрантского правительства, перебросить на Европейский театр в возможно короткий срок пять дивизий (из них две бронетанковые) и часть 12-й воздушной армии. Оставшимися в Италии силами предполагалось удерживать тот фронт, который уже создан, скосывать немецкие войска, не допуская переброски их на другие фронты, и подготовиться к тому, чтобы безотлагательно воспользоваться в своих интересах любым ослаблением или отступлением противника³². Но Балканы все же оставались областью притяжения английской политики. Поэтому на совещании английские начальники штабов высказали мнение о том, что в целях содействия улучшению обстановки в Италии союзникам следовало бы подумать и о вторжении на восточное побережье Адриатического моря³³.

В течение четырех дней на острове Мальта были рассмотрены основные проблемы стратегии союзников в Европе. Несмотря на серьезные разногласия, Объединенный совет начальников штабов принял важные стратегические решения, которые давали возможность успешно осуществлять новые операции против Германии с запада. Однако этим не исчерпывались все вопросы дальнейшего ведения войны.

Конференция в Крыму

Война в Европе приближалась к концу. Перед главными участниками антифашистской коалиции возникла необходимость договориться прежде всего о проведении согласованных военных действий против фашистской Германии и империалистической Японии, определить основы политики по отношению к побежденной Германии, достигнуть согласия в вопросах отношений к освобожденным странам Европы. Эти проблемы рассматривались на Крымской (Ялтинской) конференции руководителей трех великих держав, которая проходила с 4 по 11 февраля 1945 г. В ней приняли участие председатель Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталин, президент США Ф. Рузвельт, премьер-министр Великобритании У. Черчилль, министры иностранных дел, представители генеральных штабов, а также политические и военные советники.

Делегация США хотела прежде всего добиться вступления Советского Союза в войну против Японии³⁴. Этот вопрос поднимался

³² См. там же, стр. 100, 102—103.

³³ См. там же, стр. 100.

³⁴ *E. R. Stettinius*. *Op. cit.*, p. 30, 269.

государственным секретарем США Хэллом еще на Московской конференции в октябре 1943 г. На Тегеранской конференции советская делегация выразила согласие вступить в войну против империалистической Японии, однако окончательных решений тогда не было достигнуто. Преследуя свои интересы в Юго-Восточной Азии и бассейне Тихого океана, правительство США стремилось как можно скорее окончить войну на Дальнем Востоке. Вместе с тем правящие круги США видели, что быстро справиться с Японией одни лишь американские и английские вооруженные силы не смогут. Об этом говорил более чем трехлетний опыт войны. Другим вопросом, который американская делегация хотела выяснить, был вопрос о том, как Красная Армия будет проводить наступление на Берлин³⁵.

Участники конференции детально обсудили обстановку в Европе. Состоялся взаимный обмен информацией об обстановке на фронтах войны. Доклад о положении на советско-германском фронте сделал заместитель начальника Генерального штаба Красной Армии генерал армии А. И. Антонов. Он рассказал о развитии наступления Красной Армии, начавшегося 12—15 января 1945 г. на фронте от Немана до Карпат. К 1 февраля советские войска на направлении главного удара продвинулись до 500 км, вышли на Одер на участке от Кюстрина (севернее Франкфурта) и южнее и овладели Силезским промышленным районом, перерезали основные пути, связывавшие восточно-прусскую группировку с центральными районами Германии, прорвали сильные долговременного типа оборонительные позиции противника в Восточной Пруссии — на кенигсбергском и летценском направлениях, разгромили 45 немецких дивизий. Средний темп продвижения советских войск на главном направлении составлял 25—30 км в сутки³⁶.

Условия для столь поразительных успехов были подготовлены предыдущими действиями Красной Армии. А. И. Антонов показал, что вспомогательная операция в Восточной Пруссии и продолжение наступления в Венгрии на будапештском направлении вынудили гитлеровское верховное командование ослабить группировку на центральном участке фронта. На направлении главного удара Красной Армии на фронте от Остроленска до Кракова гитлеровцы имели до 80 дивизий.

³⁵ Бывший народный комиссар Военно-Морского Флота СССР Н. Г. Кузнецов, участвовавший в работе конференции, в воспоминаниях писал: «От нашего командования американцы добивались ответа на вопрос, когда и каким образом мы собираемся дальше продвигаться в направлении Берлина. Их беспокоило, как бы не опоздать к захвату столицы Германии; а дело уже складывалось именно таким образом. Американцы особенно интересовались, собираемся ли мы воевать с Японией и если да, то когда Советская Армия намерена выступить» (Н. Г. Кузнецов. Страницы былого. Ялта—Потсдам. — «Вопросы истории», 1965, № 4, стр. 127—128).

³⁶ «Крымская и Потсдамская конференции руководителей трех великих держав». Документы. — «Международная жизнь», 1965, № 6, стр. 143.

Другим важным мероприятием, обеспечившим успех наступления Красной Армии, было создание ударной группировки, обладавшей значительным превосходством над противником: в пехоте — более чем двойное (до 180 стрелковых дивизий), в артиллерии, танках и авиации — подавляющее. Артиллерийская плотность на участках прорыва достигала 220—230 орудий и минометов на один километр фронта³⁷.

Следовательно, не арденское сражение создало благоприятные условия для успешного наступления Красной Армии, как это пытаются доказать некоторые американские историки, хотя отрицать его значение полностью нельзя, а характер и вся система ведения войны Советским Союзом, особенности советского строя, руководящая роль Коммунистической партии, позволившие наряду с моральными и экономическими преимуществами добиться еще и значительного военного превосходства над противником, а также искусство ведения операций.

О положении на Западном фронте и в Италии и о решениях, принятых на о. Мальта, сделал информацию начальник штаба армии США генерал Д. Маршалл³⁸. Генерал Порталл рассказал об операциях военно-воздушных сил, а адмирал Кэннингхэм — об обстановке и действиях союзных флотов на море³⁹.

Поскольку Восточный и Западный фронты взаимно сближались, все участники согласились на том, чтобы установить более тесную координацию их действий. При обсуждении этого вопроса И. В. Сталин сказал, что в действиях союзных армий в Европе получился разнотоп. «Советские войска прекратили свое наступление осенью. В это время начали наступление союзники. Теперь получилось наоборот. В будущем этого нужно избежать»⁴⁰. Его мнение разделяли Рузвельт, Черчилль и военные представители. Рузвельт заявил, что «раньше союзники воевали на больших расстояниях друг от друга. Сейчас Германия стала мала, и потому особое значение имеет более тесный контакт между штабами трех стран»⁴¹. Далее он добавил: «... Сейчас наступило время, когда нужно более тщательно координировать операции союзных войск»⁴². Начальники штабов обсудили создавшееся положение и предложили изменить формы организации связи между союзными армиями в Западной Европе и Красной Армией. Если раньше только Объединенный совет начальников штабов в Вашингтоне и начальники штабов США и Англии держали связь с советским Верховным Главнокомандованием через английскую и американскую военные миссии в Москве, то теперь

³⁷ Там же.

³⁸ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 5. М., 1963, стр. 126.

³⁹ См. «Международная жизнь», 1965, № 6, стр. 145—147.

⁴⁰ Там же, стр. 147.

⁴¹ Там же, стр. 144.

⁴² Там же, стр. 146.

было принято решение об установлении непосредственной связи между штабом Эйзенхауэра и Генштабом Красной Армии⁴³.

Военные представители трех держав пришли к единодушному мнению, что наступательные действия на Западном и Восточном фронтах должны вестись одновременно, чтобы не позволить противнику маневрировать силами между ними. В свете этого соглашения штабы трех стран произвели координацию своих военных планов⁴⁴. Генерал армии А. И. Антонов в своем докладе изложил точку зрения советского Верховного Главнокомандования на характер вероятных действий немецких вооруженных сил против Красной Армии. Он отметил, что противник постарается задержать советские армии на Одере, чтобы сорвать их наступление на Берлин, оборонять Померанию и возможно прочнее прикрыть направление на Вену. Для этого гитлеровцам потребуются дополнительные силы, кроме тех, которые уже находились на советско-германском фронте. А. И. Антонов высказал предположение, что немецко-фашистское верховное командование попытается перебросить на советско-германский фронт до 30—35 дивизий за счет Западноевропейского фронта, Норвегии, Италии и резервов, находившихся в Германии. Основываясь на всем сказанном, он внес следующие предложения: «а) Ускорить переход союзных войск в наступление на Западном фронте, чему сейчас обстановка очень благоприятствует... Желательно начать наступление в первой половине февраля. б) Ударами авиации по коммуникациям препятствовать противнику производить переброски своих войск на восток с Западного фронта, из Норвегии и из Италии, в частности, парализовать узлы Берлин и Лейпциг. в) Не позволять противнику снимать свои силы из Италии»⁴⁵.

Начальники штабов США и Великобритании подтвердили, что английские войска начнут 8 февраля наступление на северном участке Западного фронта, и через неделю или несколько раньше предпримет наступление 9-я американская армия. Союзники рассчитывали, что в результате этого наступления немцы отступят к Дюссельдорфу и союзные армии двинутся на Берлин. Готовилась операция союзных войск и на южном крыле Западного фронта с целью отбросить противника из района Мюльхаузена и Кольмара⁴⁶. Но начальники штабов США и Англии не откликнулись на просьбу военных представителей СССР активизировать действия в Италии, поскольку они уже перестали считать это направление важным, и отказались выполнить другую просьбу — воспрепятствовать переброскам немецких войск из Норвегии, мотивируя тем, что английский флот не может проникнуть в Балтийское море⁴⁷. В свою оче-

⁴³ E. R. Stettinius. Op. cit., p. 105—106.

⁴⁴ Ibid., p. 107.

⁴⁵ «Международная жизнь», 1965, № 6, стр. 144.

⁴⁶ См. там же.

⁴⁷ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 5, стр. 127.

редь Черчилль от имени западных союзников выразил пожелание, чтобы «наступление советских армий продолжалось столь же успешно»⁴⁸. Генерал Антонов заявил, что Красная Армия будет продолжать наступление на центральных фронтах и, кроме того, предполагается нанести удар на Вену⁴⁹.

Начальники штабов обсудили также вопрос о взаимодействии стратегических сил авиации. К тому времени фронты сблизились, налеты союзной авиации стали массовыми, а объекты бомбардировок общими. Возникла опасность столкновения советских, американских и английских самолетов в воздухе. Советская делегация предложила ограничить действия англо-американской авиации на востоке рубежом Штеттин, Берлин, Вена, Загреб, но договориться по этому вопросу не удалось⁵⁰. Координация действий авиации поручалась Генштабу Красной Армии и главам союзных миссий в Москве⁵¹.

Черчилль внес предложение ввести английские и американские войска через Люблянский проход якобы на соединение с Красной Армией⁵². Советская делегация указала, что это было бы не больше чем диверсией и не принесло бы никакой пользы. В результате было подтверждено принятое на Мальте решение о переброске значительных союзных сил со Средиземноморского театра военных действий в распоряжение Эйзенхауэра⁵³.

Вопреки проискам реакционных элементов, выступавших в США и Англии против безоговорочной капитуляции фашистской Германии, делегации трех стран договорились «об общей политике и планах принудительного осуществления условий безоговорочной капитуляции»⁵⁴. Принятый на конференции план устанавливал, что вооруженные силы трех держав будут занимать в Германии особые зоны; предусматривались также координированная администрация и контроль, осуществляемые через Центральную контрольную комиссию, которая составлялась из главнокомандующих трех держав (местом пребывания комиссии был определен Берлин); по предложению советской делегации к участию в оккупации Германии приглашалась Франция в качестве члена Контрольной комиссии⁵⁵.

Были приняты также решения о демократизации и полной демилитаризации Германии, о размере репараций с Германии.

Главы правительств трех держав договорились о том, что через три месяца после капитуляции фашистской Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии.

⁴⁸ «Международная жизнь», 1965, № 6, стр. 146.

⁴⁹ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 5, стр. 127.

⁵⁰ См. *Дж. Эрман*. Указ. соч., стр. 108—109.

⁵¹ См. «Вопросы истории», 1965, № 4, стр. 128.

⁵² См. «Международная жизнь», 1965, № 6, стр. 144.

⁵³ «The Conferences at Malta and Yalta», p. 829.

⁵⁴ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III. М., 1947, стр. 101—102.

⁵⁵ См. там же, стр. 102.

Конференция приняла ряд важных решений и по вопросу послевоенного устройства мира. В заключение конференции ее участники выступили с заявлением, озаглавленным «Единство в организации мира, как и в ведении войны».

Решения Крымской конференции показали, что, несмотря на наличие и некоторое обострение противоречий внутри антифашистской коалиции, силы, определявшие ее единство, оказывали большое воздействие. Было ясно, что антигитлеровская коалиция сохранит единство до победного окончания второй мировой войны.

Большое значение для окончательного разгрома фашистской Германии имели решения конференции и по военным вопросам. «Наши совместные военные планы, — указывалось в коммюнике, — станут известны только тогда, когда мы их осуществим, но мы уверены, что очень тесное сотрудничество сотрудничества между тремя нашими штабами, достигнутое на настоящей Конференции, поведет к ускорению конца войны»⁵⁶.

Через позицию «Зигфрида» к Руру

Идея последовательного проведения операций союзными армиями составляла основу стратегического плана союзников на первом этапе наступления на Германию. Форсирование Рейна и захват плацдармов на его восточном берегу — второй этап этого наступления, которое предполагалось предпринять в начале мая, после окончания весеннего паводка.

В разработанном штабом 21-й группы армий плане наступления между Маасом и Рейном, начинавшегося 8 февраля, предусматривалось, что 9-я американская и 1-я канадская армии будут наступать по сходящимся направлениям и выйдут на Рейн на фронте от Дюссельдорфа до Неймегена, имея 9-ю американскую армию на правом крыле, 2-ю английскую в центре и 1-ю канадскую на левом крыле⁵⁷ (схема 17). Правый фланг 21-й группы армий обеспечивала 1-я американская армия, наступая к р. Эрфт. Позднее она должна была предпринять наступление к Кёльну и дальше на юг вдоль западного берега Рейна, чтобы выйти в тыл арденнской группировке немцев⁵⁸.

3-я армия удерживала занимаемый рубеж. Несколько позже Брэдли поставил ей задачу наступать на горы Эйфель, но это распоряжение держалось в тайне от Монтгомери⁵⁹, который протестовал против наступления в любом пункте, кроме полосы 21-й группы армий.

⁵⁶ «Правда», 13.II 1945.

⁵⁷ См. *О. Брэдли. Записки солдата*. М., 1957, стр. 535—537; *B. L. Montgomery. 21-st Army Group. Germany, 1946*, p. 183—184.

⁵⁸ См. *О. Брэдли. Указ. соч.*, стр. 537—538.

⁵⁹ См. там же, стр. 539—540.

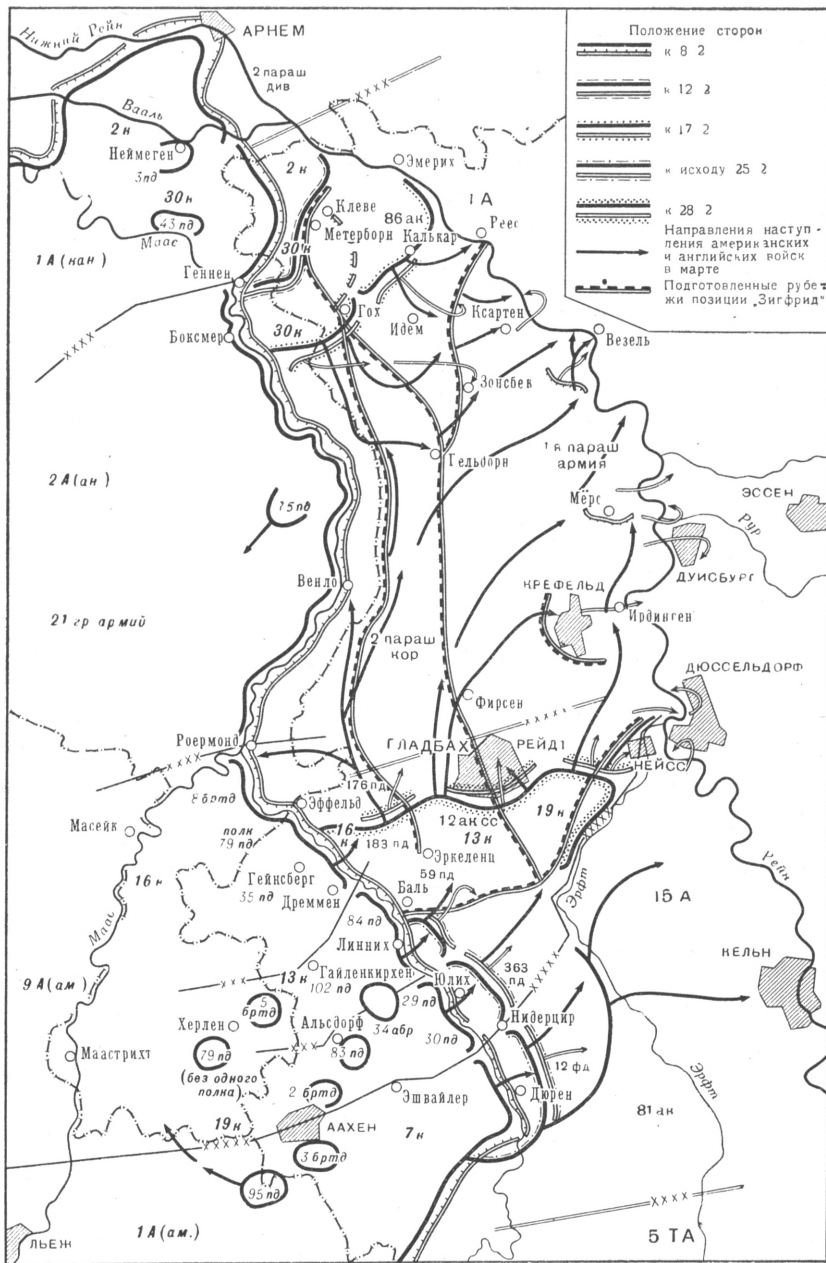

Схема 17.

НАСТУПЛЕНИЕ 21-Й ГРУППЫ АРМИЙ МЕЖДУ МААСОМ И РЕЙНОМ
8 ФЕВРАЛЯ—10 МАРТА 1945 г.

6-я группа армий также готовилась к наступлению. 1-я французская армия должна была ликвидировать кольмарский плацдарм противника на Рейне, для чего предполагалось осуществить наступление всех трех ее корпусов по сходящимся направлениям. 7-я армия приводила себя в порядок после немецкого наступления в Вогезах и готовилась к действиям в общем направлении на Майнц.

Реализация этого плана, естественно, потребовала перегруппировки войск, которая выразилась в том, что 1-я американская армия приняла от 9-й участок на Роере, занимавшийся ею до контрнаступления немцев, чтобы во время наступления захватить дамбы на Роере и не позволить противнику в ходе операции ввести в действие систему затоплений и тем самым помешать наступлению 21-й группы армий. Перегруппировывались также войска 9-й американской, 2-й английской и 1-й канадской армий. Так, 30-й английский корпус перебрасывался из Арденн более чем на 200 км на неймегенский плацдарм; число дивизий 9-й армии увеличивалось с 5 до 12 за счет вновь прибывших из США и переброшенных из 12-й и 6-й групп армий.

До перехода в наступление союзных армий на позицию «Зигфрида» генерал Деверс 18 января приказал 1-й французской армии ликвидировать кольмарский плацдарм. Замысел операции состоял в том, чтобы, используя охватывающее положение французских войск по отношению к противнику, перейти в наступление с севера и юга и заставить немецко-фашистские войска отойти за Рейн. 1-й корпус, имевший в своем составе около четырех дивизий, наступал от Мюлуза в общем направлении на Брайзах, а 2-й корпус, состоявший из трех пехотных и одной бронетанковой дивизий, предпринимал наступление южнее Шлеттштадта, чтобы обойти Кольмар с севера и востока и выйти на Рейн севернее Брайзаха. Оба корпуса переходили в наступление без продолжительной подготовки, в основном в той группировке, какая сложилась у них к 18 января⁶⁰.

В середине января на Верхнем Рейне находились 19-я немецкая армия и 2 корпуса СС, имевшие в своем составе 12 дивизий, боевую группу и танковую бригаду⁶¹, из которых 7 дивизий и боевая группа вели бои на плацдарме, а остальные занимали правый берег Рейна севернее и южнее плацдарма. Общая протяженность немецкого фронта на плацдарме достигала 150 км. Значительная часть этого фронта (примерно 70—75 км) приходилась на горы, в которых зимой невозможно вести боевые действия крупными силами. Наблюдение за горным участком осуществляли дивизия и боевая группа. Поскольку рейнская долина была наиболее удобной для

⁶⁰ «The Seventh United States Army», v. III. Heidelberg, 1946, p. 626.

⁶¹ Архив МО СССР, таблицы распределения сил за январь 1945 г.

наступления, в ней находилось большинство немецких дивизий⁶². Однако немецкая оборона, особенно противотанковая, была все же слабой, так как ни одна пехотная дивизия не имела противотанковой артиллерии, а численность дивизии в среднем не превышала 6—7 тыс. человек.

Утром 20 января начали наступление по долине Рейна пехотная и бронетанковая дивизии 1-го французского корпуса⁶³ против наиболее боеспособного на этом участке фронта немецкого соединения. Наступление шло медленно: за 10 дней французские войска продвинулись на 4—5 км, после чего получили однодневный отдых. Несмотря на столь незначительный результат, французы понесли значительные потери: бронетанковая дивизия, например, потеряла половину своих танков.

2-й французский корпус, начавший наступление 22 января, также не смог прорвать тактическую оборону немцев. За 5 дней боев он оттеснил противника на 5—8 км.

Неудачи 1-й французской армии частично объясняются недостаточной поддержкой наступления ее корпусов авиацией, действия которой ограничивались состоянием погоды. Но главная причина заключалась в избранном способе наступления. Если в операциях в Северо-Западной Франции союзное командование уделяло основное внимание концентрации сил и средств для нанесения первоначального удара и мало заботилось о силах для развития успеха, то здесь не было и этого. Наступление начиналось на узком фронте одной дивизией, причем не всей, а только ее передовыми частями. По мере истощения войск, ведших бой, вводились последующие эшелоны дивизии и другие соединения. Такой способ наступления не позволял нанести сильный первоначальный удар, который мог бы сломить оборону противника в главной полосе. Последовательное введение эшелонов в бой при условии, что первый эшелон не имел превосходства над противником, позволяло последнему меньшими силами уничтожать превосходящие силы по частям.

Неудача наступления на Кольмар беспокоила не только французское командование, но и штаб Эйзенхауэра. До тех пор, пока противник имел хоть слабую группировку в районе Кольмара, осторожное союзное командование не решалось проводить наступление в Сааре. Чтобы ускорить ликвидацию кольмарского плацдарма, Эйзенхауэр передал 6-й группе армий 21-й американский корпус в составе трех пехотных и одной бронетанковой дивизий для усиления 1-й французской армии⁶⁴.

21-й американский корпус вводился в сражение в полосе 2-го французского корпуса. 29 января корпус перешел в наступле-

⁶² На северном фесе плацдарма оборонялись 64-й армейский корпус и дивизия 63-го корпуса, на южном — 2 дивизии, входившие в состав 18-го корпуса СС.

⁶³ Из двух других одна дивизия (10-я) осуществляла наблюдение за горным участком фронта, а другая располагалась на Рейне восточнее Мюлуза.

⁶⁴ *D. D. Eisenhower*. Op. cit., p. 374.

ние на Кольмар, действуя аналогично французским войскам. 12-й корпус тактической авиации нанес удар по первой полосе обороны немцев и его тыловым объектам в районе Брайзаха; затем последовательно вступили в бой батальоны двух дивизий, составлявших первый эшелон корпуса. Предполагалось, как только сопротивление немецких войск ослабнет, двинуть вперед 5-ю французскую бронетанковую дивизию, чтобы она в колоннах вышла к Рейну, разрезав тем самым 64-й немецкий корпус. Одна пехотная дивизия предназначалась для закрепления успеха французской бронетанковой дивизии. Севернее 21-го корпуса вел наступление 2-й французский корпус из района Шлеттштадта на Рейнау.

Наступление корпусов развивалось медленно: за два дня американцы продвинулись на 3,5—4 км, а французы — на 3—5 км. Им не удалось ни занять Кольмар, ни выйти к Рейну, хотя в бой уже втянулись все силы 21-го корпуса. Пришлось усилить американский корпус еще двумя бронетанковыми дивизиями (12-й американской и 2-й французской). Таким образом, на участке между Кольмаром и Эрштайном против четырех немецких дивизий, потрепанных в предыдущих боях, вели наступление почти девять американских дивизий (из них три бронетанковые).

После усиления американских и французских войск темп продвижения их повысился. 3 февраля 21-й корпус занял Кольмар, а наступавшая в голове корпуса 12-я бронетанковая дивизия продвинулась на юг и 5 февраля заняла Руффбах, где встретилась с передовыми частями 1-го французского корпуса. 2-й французский корпус к этому времени вышел на Рейн.

1-й французский корпус возобновил наступление 31 января. Оттесняя противника, измотанного в предыдущих боях, корпус за шесть дней продвинулся на 15—20 км и вышел в район Руффбаха.

В результате наступления с севера и юга союзным войскам удалось окружить западнее Руффбаха остатки четырех немецких дивизий; большинство же соединений, хотя и потрепанных, под нажимом французских и американских войск отошло за Рейн.

9 февраля кольмарский плацдарм был ликвидирован, и 6-я группа армий вышла на Рейн от швейцарской границы до района западнее Карлсруэ.

С 15 по 28 января 12-й корпус 2-й английской армии ликвидировал плацдарм противника на западном берегу Роера, у впадения этой реки в Маас и занял участок от Линниха до Роермонда. Позже он был сменен войсками 9-й американской армии.

Одновременно создавалась ударная группировка на неймегенском плацдарме. Пехотные дивизии 30-го корпуса, переданного 1-й канадской армии, заняли исходное положение на неймегенском плацдарме для наступления, а Гвардейская бронетанковая дивизия, входившая во второй эшелон корпуса, расположилась в районе Тилбурга⁶⁵. Общая численность 1-й канадской армии со всеми

⁶⁵ В 30-й корпус входили: 51, 53, 15, 2-я и 3-я канадские и 43-я пехотные

войсками, которые она получила на усиление, достигла 470 тыс. солдат и офицеров, из которых около 400 тыс. находились в боевых частях⁶⁶. Армия имела 1030 артиллерийских орудия.

План наступления этой армии состоял в следующем. Первый эшелон 30-го корпуса (четыре пехотные дивизии, усиленные тремя бронетанковыми бригадами) начинал наступление на фронт шириной около 20 км в общем направлении на Клеве. Позже на его левом фланге вводилась в бой 3-я канадская пехотная дивизия. После расширения фронта предполагалось ввести в сражение 2-й канадский корпус, принимавший две канадские дивизии, которые располагались на левом фланге 30-го корпуса.

С захватом Метерборна намечалось ввести в бой второй эшелон 30-го корпуса — 43-ю пехотную дивизию — для овладения городом и узлом коммуникаций Гох, а также Гвардейскую бронетанковую дивизию для наступления на Зонсбек⁶⁷.

Основные силы 1-й канадской армии должны были прорваться через узкое пространство между Рейном и Маасом у Неймегена с выходом на Рейн между Везелем и Эмерихом. Американский историк и журналист Томпсон писал, что перед командиром 30-го корпуса стояла трудная проблема, как «просунуть более 200 тыс. человек с их оружием через ушко иголки»⁶⁸. Наступление корпуса поддерживали четыре авиагруппы двух английских тактических ВВС, часть бомбардировочного командования стратегической авиации Англии, а также часть 8-й американской воздушной армии. В полосе канадских войск действовали и соединения 9-й воздушной армии США. В общем наступление 30-го корпуса поддерживало около 3 тыс. самолетов. В период предварительной авиационной подготовки самолеты союзников подвергли бомбардировке железнодорожные мосты и переправы в районе предстоящего сражения. В ночь перед наступлением стратегические бомбардировщики произвели налеты на Гох и Клеве, а также на важнейшие узлы коммуникаций и районы расположения немецко-фашистских войск.

Много внимания было уделено накоплению запасов материальных средств, необходимых для обеспечения операции. Подвоз осуществлялся по шоссе и железным дорогам. Около 60% всех грузов составляли боеприпасы, горюче-смазочные материалы и предметы артиллерийско-технического снабжения⁶⁹.

Участок позиции «Зигфрида» между Рейном и Маасом протяженностью около 70 км обороняла 1-я немецкая парашютная армия, имевшая в своем составе одну парашютную, две пехотные дивизии и две пехотные боевые группы. В пехотных дивизиях и в боевой

дивизии, Гвардейская бронетанковая дивизия, 3 бронетанковые бригады, 11 полков специальных танков, 5 артиллерийских групп и 2 бригады зенитной артиллерии (*B. L. Montgomery. 21-st Army Group, p. 188*).

⁶⁶ См. *Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 433*.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ *R. W. Thompson. The Battle for the Rhine. New York, 1959, p. 128.*

⁶⁹ *Ibid., p. 123—125.*

группе отсутствовала противотанковая артиллерия. В резерве группы армий «Х», в которую входила 1-я парашютная армия, находились лишь танковая и моторизованная дивизии. Все немецкие дивизии, противостоявшие 1-й канадской армии, поддерживала артиллерия, насчитывавшая всего лишь 114 артиллерийских орудий⁷⁰.

В инженерном отношении немецкая оборона этого района была хорошо развита. В полосе наступления 1-й канадской армии она состояла из трех рубежей. Непосредственно перед фронтом 30-го корпуса проходила передовая позиция 86-го немецкого армейского корпуса глубиной около 1800 м, прикрытая противотанковым рвом и минными полями и состоявшая из узлов обороны в населенных пунктах. Примерно в трех и более километрах восточнее от этой передовой позиции располагался главный рубеж позиции «Зигфрида» (некоторые укрепления строились много лет назад, но большая часть инженерных работ была проведена перед боями). Рубеж проходил от Клеве на юг через укрепленный г. Гох, а затем вдоль скатов, обращенных к долине Мааса, до Роермонда. Третий оборонительный рубеж — тыловой — находился в 10 км от главного рубежа позиции «Зигфрида» и тянулся от Рейна южнее Рееса до Гельдерна и далее на юг до Рейдта. В целях усиления обороны своих войск немецко-фашистское командование предусматривало затопление ряда участков местности.

Тем не менее слабость немецкой обороны между Маасом и Рейном определялась тем, что она была мало насыщена силами и средствами, особенно противотанковыми, и не имела резервов. На фронте от Неймегена до Роермонда (более 70 км) оборонялись три дивизии ослабленного состава и две боевые группы, не располагавшие противотанковой артиллерией. Слабая насыщенность обороны живой силой и огневыми средствами подтверждается еще и тем, что, по словам Монтгомери, во время наступления англичан и канадцев беспokoила не столько сила огня обороны, сколько «большое количество мин» и «непроходимость местности»⁷¹.

Наступление 1-й канадской армии, точнее ее 30-го корпуса, как и обещали Черчилль и Рузвельт на конференции в Крыму, началось 8 февраля в 10 час. 30 мин. Ему предшествовала 5-часовая артиллерийская подготовка, проводившаяся более чем тысячей артиллерийских орудий и минометов на фронте около 11 км. Разрушение немецких огневых сооружений продолжалось около четырех часов, а в остальное время подавлялась живая сила и техника в окопах и траншеях. Кроме того, каждая дивизия имела специально созданные огневые группы из пулеметных батальонов и подразделений легких противотанковых и зенитных орудий. Эти группы вели огонь по оборонительным сооружениям немцев непосредственно перед фронтом и на флангах атаковавших дивизий⁷².

⁷⁰ R. W. Thompson. Op. cit., p. 130.

⁷¹ B. L. Montgomery. 21-st Army Group, p. 189—190.

⁷² R. W. Thompson. Op. cit., p. 133.

Авиация союзников, начиная с 7 февраля, наносила удары по целям в районах Клеве, Метерборн, Эмерих, Гох, Калькар, Идем и другим, находящимся на первой позиции и в глубине обороны немцев.

Наступление пехоты и танков сопровождалось артиллерийским огнем на фронте около 6 км. 30-й английский корпус продвигался вперед с большим трудом, преодолевая сопротивление противника, особенно на флангах. Основные трудности возникли из-за недостаточной подготовки наступления. Дело в том, что немцы заболотили большие участки местности перед передним краем и в глубине обороны; англичане, готовясь к наступлению, не обратили на это должного внимания. Их танки-тральщики застряли в грязи вскоре после выхода с исходного рубежа. Задержка танков-тральщиков заставила и другие танки прекратить движение, так как противник поставил на переднем крае и в глубине обороны большое количество противотанковых мин. Вскоре начала отставать и артиллерия. Заболоченные участки местности и дороги, идущей от Неймегена на Клеве, ограничили подвоз боеприпасов, горючего и других видов снабжения передовым частям. Все это, конечно, снизило темп наступления английских войск. За четыре дня 30-му корпусу удалось преодолеть лишь передовую позицию и выйти к главному рубежу позиции «Зигфрида».

Штурму главного рубежа позиции «Зигфрида» предшествовала длительная артиллерийская подготовка. На пятый день наступления 30-й корпус вклинился в главный рубеж обороны немцев юго-западнее и южнее Клеве, а затем занял и город.

Монтгомери, видя, что наступление не имеет ожидавшегося успеха, вывел из 2-й английской армии 11-ю бронетанковую и 52-ю пехотную дивизии и перебросил их в Неймеген. 15 февраля штаб 2-го канадского корпуса принял левофланговые дивизии 30-го корпуса, чтобы предпринять наступление на Калькар и Идем, а 30-й корпус получил задачу продолжать наступление вдоль Мааса на Венло и в направлении Гох, Гельдерн. На правом фланге 30-го корпуса была введена 52-я пехотная дивизия.

Оба корпуса, получив для наступления по два расходящихся веерообразно направления, медленно, но упорно продвигались вперед. К исходу 15 февраля они захватили Гох и Калькар. В дальнейшем в сражение были введены 4-я канадская и 11-я английская бронетанковые и 3-я пехотная дивизии. Количество английских и канадских дивизий между Маасом и Рейном к 25 февраля увеличилось до 15⁷³, фронт же наступления расширился до 30 км. Оперативная плотность стала равной примерно одной дивизии на 2 км фронта. Но вместе с тем и резервы 1-й канадской и 2-й английской армий иссякли, что явилось одной из основных причин отмены форсирования Мааса 2-й английской армией.

⁷³ Ibid., p. 182—183.

С 23 по 26 февраля 1-я канадская армия проводила перегруппировку и готовилась к завершению прорыва позиции «Зигфрида». План дальнейшего наступления предусматривал прорыв обороны немцев западнее Калькара 2-м корпусом и в дальнейшем развитие наступления на Ксартен⁷⁴. Но и во время перегруппировки бои не прекращались.

Вследствие того, что операция велась только одной армией, немецкое командование могло усиливать войска между Маасом и Рейном за счет ослабления своей обороны на двух направлениях. К 19 февраля в 1-й парашютной армии число дивизий достигло девяти, из них восемь вели бои против 30-го английского и 2-го канадского корпусов, а одна танковая дивизия находилась в резерве. Создавшаяся в ходе операции относительно высокая оперативная плотность обороны немецких войск привела к тому, что и после прорыва главного рубежа позиции «Зигфрида» темп наступления 1-й канадской армии не увеличился.

Начался новый этап боевых действий между Маасом и Рейном. В наступление переходила 9-я американская армия на р. Роер.

В начале февраля 1-я американская армия, возобновив наступление, захватила роерские дамбы. При отходе немецкие войска взорвали верхнюю и нижнюю плотины, в результате чего вода в Роере поднялась на 1,5 м, а ширина реки достигла 350—1000 м. Это осложнило действия соседней 9-й армии, подготовившейся еще к 10 февраля к наступлению. Ее командующий генерал Симпсон не решился форсировать реку в таких условиях и отложил начало наступления до тех пор, пока не спадет вода. Эйзенхауэр пишет в своих мемуарах, что ни он, ни Монтгомери, которому подчинялась 9-я армия, «не считали правильным ожидать спада воды в р. Роер», но тут же добавляет, что ему неизвестны случаи, когда генерал Симпсон делал ошибки, которые привлекли бы его внимание⁷⁵. Следовательно, он одобрил решение Симпсона. Только 21 февраля, когда установили, что в ночь на 23 февраля уровень воды и скорость течения значительно снизятся, а 24 февраля вода в реке окончательно спадет, Симпсон решил начать форсирование реки в 3 час. 30 мин. 23 февраля.

В полосе наступления армии оборонялись четыре пехотные дивизии 5-й немецкой танковой армии, которая в середине февраля сменила 15-ю армию. В резерве армии находились две танковые и одна моторизованная дивизии⁷⁶. Всего семь дивизий. Но из-за нехватки горючего немецкие танковые соединения не могли действовать в полном составе, а их солдаты и офицеры использовались в бою как пехотинцы.

⁷⁴ R. W. Thompson. Op. cit., p. 183.

⁷⁵ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 375—376.

⁷⁶ «Conquer». The Story of Ninth Army 1944—1945. Washington, 1947, p. 164—165. Map 9.

9-я американская армия располагала 12-ю дивизиями⁷⁷ (в том числе 3 бронетанковыми). Ее поддерживали 300 истребителей-бомбардировщиков, 600 средних бомбардировщиков тактической авиации и около 2400 тяжелых бомбардировщиков американской и английской стратегической авиации. Немецкое командование могло поднять в воздух в полосе 21-й группы армий около 600—700 самолетов, из них около 500 истребителей. Такое соотношение сил уже предопределяло господство авиации союзников в воздухе.

Решение командующего 9-й армией сводилось к следующим основным моментам. Правофланговому 19-му корпусу (три пехотные и бронетанковая дивизии) предстояло форсировать Роер на фронте 10,5 км и развить наступление на Нейсс. Его боевой порядок строился в два эшелона — две пехотные дивизии в первом эшелоне, бронетанковая и пехотная дивизии — во втором. В задачу 13-го корпуса входило форсирование Роера на фронте 12 км и затем наступление в направлении Баль, Гладбах, Крефельд. Его боевой порядок состоял также из двух эшелонов. 16-й корпус (две пехотные, одна бронетанковая дивизии⁷⁸) должен был активными действиями способствовать успеху форсирования реки на главном направлении армии; затем форсировать Роер в своей полосе и наступать в направлении Венло, Гельдерн до встречи с войсками 1-й канадской армии.

Армейская артиллерийская группа, состоявшая из трех дивизионов 240-мм гаубиц и дивизиона 8-дюймовых пушек, располагалась на границе 19-го и 13-го корпусов для поддержки их обоих.

Командующий армией предусматривал два варианта действий войск при форсировании Роера. В случае благоприятных условий погоды, позволяющих максимально использовать все войска, слабого сопротивления немцев и значительного успеха 7-го корпуса 1-й американской армии планировалось быстрое продвижение войск армии и максимальное использование бронетанковых дивизий для развития успеха. Если же противник будет сопротивляться, а местность из-за грязи и разрушений окажется малопроходимой и 1-я армия не сможет прикрыть правый фланг 9-й армии, войска последней должны медленно и методично продвигаться вперед.

В отличие от предыдущих операций, проведенных американскими армиями в Европе, в которых, как правило, не выделялся армейский резерв, в этой операции в резерве армии находились две дивизии⁷⁹.

Форсировать реку предполагалось ночью после короткой артиллерийской подготовки, чтобы к рассвету закрепиться на противоположном берегу и приступить к захвату плацдарма. В период форсирова-

⁷⁷ См. *Ф. С. Погью*. Указ. соч., стр. 433.

⁷⁸ Из них в первом эшелоне находились: пехотная дивизия, один полк 79-й пехотной дивизии и бронетанковая дивизия, а два полка 79-й дивизии — в резерве (в полосе 13-го корпуса), использование которого возможно было только по решению командующего армией.

⁷⁹ 95-я пехотная дивизия из 1-й американской армии и 75-я пехотная дивизия из 2-й английской армии.

ния реки авиация должна была наносить удары по районам сосредоточения войск в глубине и аэродромам противника.

Во время подготовки операции войска армии передвигались только ночью, районы сосредоточения их определялись глубоко в тылу, ограничивалось общение войск с местным населением, маскировались эмблемы, нарукавные знаки, надписи на автомашинах. Вторые эшелоны корпусов располагались в 15—20 км, а резерв армии — в 25—30 км от переднего края. Всячески ограничивались переговоры по проводным средствам связи и радио.

К началу операции на складах армии было накоплено 45 тыс. т боеприпасов. Для удовлетворения потребности армии в горючем нужно было ежедневно доставлять его около 4,5 млн. литров. Поскольку транспорт (автомобильный и железнодорожный) не мог справиться с перевозкой такого количества грузов в короткий срок, к 1 февраля были построены трубопровод от Антверпена до Маастрихта и резервуары для хранения горючего в Маастрихте⁸⁰. По трубопроводу ежедневно подавалось около 3,9 млн. литров горючего, что покрывало армейскую потребность на 85%; остальное горючее подвозилось по железным дорогам и автотранспортом из Льежа. Обеспечение бесперебойного питания корпусов боеприпасами после форсирования реки составляло одну из важнейших проблем службы снабжения. С этой целью 13-му корпусу выделялся подвижный запас боеприпасов для создания корпусного склада на восточном берегу реки, а для 19-го корпуса такой же склад создавался силами армии.

Предусматривалось снабжение передовых дивизий 9-й армии по воздуху, если по каким-либо причинам будет нарушен подвоз им всего необходимого по земле. С этой целью было подготовлено 500 транспортных самолетов С-47.

С 9 по 21 февраля средние бомбардировщики в дни, когда стояла летная погода, проводили налеты на мосты через Рейн в полосе армии, на железнодорожные узлы, сортировочные станции, депо. 22 февраля свыше 8 тыс. американских и английских самолетов стратегической авиации произвели общий налет на различные объекты Германии. Они сбросили на 200 объектов (в основном на железнодорожные узлы, сортировочные станции и мосты) около 8,5 тыс. т бомб.

В 2 час. 45 мин. 23 февраля началась артиллерийская подготовка, проводившаяся одновременно во всей полосе 9-й американской армии, а также в полосах 1-й американской и даже 2-й английской армий, хотя последняя не переходила в наступление, чтобы скрыть от немцев действительный район форсирования реки. В полосе 9-й армии вели огонь свыше 1 тыс. орудий и минометов. На главном направлении артиллерийская плотность составляла около 45—50 орудий на километр фронта. Сразу же после артподготовки че-

⁸⁰ Трубопровод состоял из одной 150-миллиметровой и двух 100-миллиметровых труб.

тыре дивизии первых эшелонов 19-го и 13-го корпусов начали форсирование Роера. На ряде участков немцы оказали упорное сопротивление, так как узлы их обороны не были полностью подавлены авиацией и артиллерией. С рассветом стала действовать авиация непосредственной поддержки наземных войск, которая наносила удары по участкам обороны, не подавленным ранее.

В результате упорных боев весь первый эшелон 19-го корпуса переправился через реку, а в полосе 13-го корпуса форсировать ее удалось только на двух участках. Передовые отряды дивизий форсировали Роер в лодках. Сразу же началась наводка мостов, по которым переправлялись последующие эшелоны дивизий. К исходу первого дня было наведено 11 мостов, из них 7 понтонных (средних и тяжелых) и 4 пешеходных. Первые эшелоны корпусов захватили на восточном берегу реки плацдарм глубиной 2—3 км на фронте в 16 км. На плацдарм переправилось 22 батальона.

Переправа пехоты, танков, наводка мостов после рассвета осуществлялись под прикрытием дымовых завес. В полосе дивизий ставились по две дымовые завесы. Но так как в полосе 29-й пехотной дивизии завесы мешали артиллерии вести прицельный огонь, их пришлось снять. Это облегчило немецкой артиллерии разрушение понтонного моста через реку. С наступлением темноты немецкая авиация совершила налеты и разрушила еще два моста.

На второй день операции американские войска вели бои за расширение плацдарма и одновременно накапливали на нем силы и средства. К исходу дня на плацдарме находилось уже 4 танковых, 38 пехотных батальонов, 8 дивизионов полевой артиллерии и 3 истребительно-противотанковых дивизиона; сюда были доставлены также боеприпасы, горючее и продовольствие.

За три дня операции оба корпуса углубили плацдарм до 3,5—5 км. 25 февраля началась переправа на плацдарм вторых эшелонов, ввод которых в бой позволил несколько ускорить продвижение войск. 26 февраля 19-й и 13-й корпуса подошли к отсечному рубежу позиции «Зигфрида», а в некоторых местах даже вклинились в него. 16-й корпус еще 25 февраля приступил к форсированию реки, но имел незначительный успех. 7-й корпус 1-й американской армии продвигался с более высокими темпами — за четыре дня он продвинулся на 16—18 км, надежно прикрыв правый фланг 9-й армии.

Союзная авиация непрерывно наносила удары по районам сосредоточения немецко-фашистских войск, коммуникациям, мостам в их тылу, но к концу февраля погода испортилась и активность истребителей-бомбардировщиков ограничилась. За два последних дня февраля они совершили всего 409 самолето-вылетов.

26 февраля 1-я канадская армия приступила к осуществлению второй части своего плана операции, предприняв наступление на Идем и Калькар. Развивалось оно успешно.

В результате наступления обеих армий сопротивление немецких войск в междуречье было сломлено. Выход правого крыла 9-й армии на фланг системы укреплений противника на подступах к Руру дал

ей возможность не прорывать, а «сматывать» его оборону, расположенную севернее. Это заставило немецкие войска отказаться от дальнейшей обороны позиции «Зигфрида» и отойти за Рейн.

Прикрываясь арьергардами, они в конце февраля начали отступление перед всем фронтом 21-й группы армий. Переправа через Рейн проводилась между Нейссом и Ксартеном по девяти мостам, которые не смогла разрушить авиация союзников, несмотря на полное господство ее в воздухе. Отход войск совершался преимущественно ночью и в нелетную погоду — днем.

Немецкие войска оказали сопротивление 1-й канадской армии лишь в районе Ксартена, восточнее которого переправлялись через Рейн главные силы 1-й парашютной армии.

В конце месяца 19-й и 13-й корпуса 9-й армии у Нейсса и Гладбаха встретили сопротивление отошедших сюда немецких дивизий и вновь введенной Учебной танковой дивизии, а 16-й корпус форсировал реку на своем правом фланге и начал сосредоточиваться на ее восточном берегу северо-западнее Эркеленца. Утром 2 марта, продвинувшись на север, он занял оставленные противником города Венло и Роермонд. Теперь наступление 9-й американской армии затрудняли преимущественно большие разрушения, причиненные своей же авиацией⁸¹.

3-я американская армия начала наступление севернее Мозеля одновременно с 9-й армией, чтобы лишить немцев возможности перебрасывать дивизии из Арденн на Роер. Не встречая сопротивления противника, она продвинулась на 20 км и к 5 марта переправилась через р. Килль. Армия была готова развивать наступление к Рейну⁸².

Продвижение к Рейну развивалось довольно быстро. 1 марта войска 9-й армии заняли Гладбах, а на следующий день — города Нейсс и Крефельд, выйдя на Рейн западнее Дюссельдорфа. 4 марта канадские и американские дивизии соединились в районе Гельдерна и теперь на всем фронте двигались на восток, к Рейну. Немецкие арьергарды, прикрывая отход своих войск за Рейн, оказывали сопротивление 9-й армии у Мёрса и Везеля.

Однако заметим, что союзные армии своевременно не обнаружили начало отхода противника и стали преследовать его с опозданием. Они упустили главное — не подготовились к форсированию Рейна с хода. 2 марта Эйзенхауэр и Брэдли посетили штаб 9-й армии. Эйзенхауэр отдал распоряжение Симпсону составить план захвата мостов через Рейн. 4 марта в штабе армии началась разработка плана внезапного форсирования Рейна севернее Дюссельдорфа и захвата любого уцелевшего моста; 4 и 5 марта изучалась обстановка; на следующий день план был составлен и передан Монтгомери на утверждение. Началась подготовка войск. А за это

⁸¹ *D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 376.*

⁸² *См. О. Брэдли. Указ. соч., стр. 545.*

время немецко-фашистские войска в основном завершили отход за Рейн и взорвали за собой мосты.

К 10 марта 1-я канадская и 9-я американская армии полностью заняли левый берег Рейна на участке от Нейсса до Рееса, а остатки 1-й парашютной и 5-й танковой немецких армий отступили за Рейн.

В то время как 9-я армия двигалась на северо-восток к Рейну, 7-й корпус 1-й американской армии, обеспечивший ее правый фланг, не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления немцев, 3 марта вышел на р. Эрфт. Здесь он получил новую задачу — готовиться к наступлению на Кёльн.

Таким образом, с 8 февраля по 10 марта 1945 г. 21-я группа армий очистила от противника пространство между Рейном и Маасом и вышла на подступы к Руру. 1-я канадская армия, ведя наступление в полосе шириной 18—30 км, продвинулась на 25—30 км, преодолев позицию «Зигфрида». Несмотря на превосходство в силах и средствах и на полное господство авиации в воздухе, среднесуточный темп наступления ее не превышал 1,2—1,3 км. 9-я армия с 23 февраля по 10 марта, наступая в полосе 48—50 км, продвинулась на 45—60 км. Ее средний темп продвижения составлял 2,5—3,5 км в сутки.

Вследствие чрезмерной медлительности в работе штабов и нераспорядительности командования союзным войскам не удалось с ходу форсировать Рейн и захватить плацдарм на его восточном берегу. Поэтому 21-й группе пришлось приступить к подготовке форсирования этой водной преграды.

Несколько успешнее проходило наступление в полосе 12-й группы армий. 3 марта Брэдли отдал приказ подчиненным ему 3-й и 1-й армиям предпринять наступление к Рейну, которое делилось на два этапа. На первом из них 1-я американская армия должна была выйти на Рейн на участке от Кёльна до Дюссельдорфа, а 3-я армия — подготовиться к наступлению с плацдармов, захваченных на р. Килль; на втором — после выхода 9-й армии к Рейну 1-я армия своими главными силами устремлялась вдоль Рейна на юг навстречу 3-й армии, которая получила задачу наступать в общем направлении на Кобленц и выйти на Рейн и Мозель⁸³.

В тот же день 1-я армия возобновила наступление. Противник (войска левого фланга 5-й немецкой танковой армии), не оказывая сопротивления, отходил за Рейн. 7-й корпус уже 5 марта подошел к Кёльну. Не найдя там серьезных сил противника, он к исходу 7 марта полностью занял его. 3-й корпус, продвинувшись за три дня на 25—30 км, 5 марта вышел на Рейн южнее Бонна. Двигавшаяся впереди корпуса 9-я бронетанковая дивизия повернула к Ремагену и своим передовым отрядам 7 марта захватила однопутный железнодорожный мост через Рейн, который немцы не успели взорвать⁸⁴. Такие действия не предусматривались планом. Сразу же

⁸³ См. *О. Брэдли. Указ. соч.*, стр. 545.

⁸⁴ См. там же, стр. 549.

в тыл по инстанции пошли просьбы дать указания, как поступать дальше. Когда об этом узнал Брэдли, он приказал командующему 1-й армией перебросить на восточный берег столько сил, сколько возможно, и обеспечить прочную оборону плацдарма. Одновременно он по телефону сообщил об этом Эйзенхауэру⁸⁵. Эйзенхауэр приказал Брэдли расширить плацдарм и в кратчайшее время перебросить на плацдарм не менее пяти дивизий⁸⁶.

Захват моста у Ремагена, а затем быстрое и сравнительно легкое создание и расширение плацдарма за Рейном существенным образом изменили обстановку. У американского командования появилась уверенность в том, что его план двойного охвата Рура будет успешно осуществлен, а 12-я группа армий сыграет более значительную роль в завершающих операциях в Европе, чем намечалось. Именно поэтому еще 8 марта, сообщая Объединенному совету начальников штабов о захвате ремагенского моста, Эйзенхауэр писал: «Брэдли спешно бросает войска на обеспечение соответствующего плацдарма, имея в виду, что это мероприятие по поддержке главного удара будет представлять для противника наибольшую из возможных угроз»⁸⁷. Черчилль в своих мемуарах вспоминает, что действия по захвату и расширению плацдарма у Ремагена «не предусматривались планом Эйзенхауэра, но оказались прекрасным дополнением к нему. Чтобы сдержать продвижение американцев в этом районе, немцам пришлось отвлечь значительные силы с северного участка»⁸⁸. Как видно, Черчилль да и Монтгомери обходят главное: захват американскими войсками плацдармов на Рейне обусловил то, что они, а главное их командование, будут играть первую скрипку в дальнейшем наступлении союзных армий в Германии. Ф. С. Погью пишет, что «после сражения в Арденнах, английский командующий (Монтгомери. — *В. К.*) снова стал настаивать на нанесении одного мощного удара на Берлин. Но все его надежды возглавить основное наступление из своего сектора рухнули в марте 1945 г., когда войска генерала Брэдли захватили мост у Ремагена и создали плацдарм на восточном берегу Рейна»⁸⁹.

На левом фланге 1-й американской армии 3-й корпус 9 марта занял Бонн и вместе с 7-м корпусом полностью очистил от противника левый берег Рейна от Бонна до устья р. Эрфт (против Дюссельдорфа). 5-й американский корпус, не встречая сопротивления немцев, вышел к Рейну южнее Ремагена.

3-я американская армия, как уже отмечалось, предворяя наступление, несколько улучшила свои позиции (схема 18). Ее 20-й корпус форсировал р. Саар в районе Саарбурга и захватил плацдарм, а 2 марта занял Трир, вклинившись в позицию «Зигфрида». 12-й и

⁸⁵ См. *О. Брэдли*. Указ. соч., стр. 550.

⁸⁶ *D. D. Eisenhower*. Op. cit., p. 380.

⁸⁷ См. *Ф. С. Погью*. Указ. соч., стр. 437.

⁸⁸ *W. Churchill*. Op. cit., v. VI, p. 437.

⁸⁹ «*Command Decisions*». New York, 1959, p. 378.

8-й корпуса также продвинулись вперед. Первый из них вышел на р. Килль, а второй на р. Прюм. 7 марта армия начала наступление двумя корпусами. В первых эшелонах корпусов (12-го и 8-го) двигались бронетанковые дивизии. Не встречая сопротивления немецких войск, 4-я бронетанковая дивизия 12-го корпуса продвинулась за два дня на 56 км. Ее передовые части вышли к Майену. Севернее двигалась 11-я бронетанковая дивизия 8-го корпуса⁹⁰. К исходу 8 марта они обошли с севера и с юга отступавшие к Рейну части 7-й немецкой армии. Однако командир 4-й бронетанковой дивизии, обнаружив, что его дивизия продвинулась дальше, чем ей приказано, и боясь оторваться от пехоты, приказал передовым частям отойти из Майена на 12—15 км к Кайзерсешу⁹¹. Такой «маневр» позволил значительной части немецкой группировки отойти за Мозель и Рейн. С подходом пехотных дивизий 4-я бронетанковая дивизия возобновила наступление и 10 марта вышла на Рейн у Кобленца, а на следующий день заняла этот город. 11-я бронетанковая дивизия 8-го корпуса вышла на Рейн в районе Андернаха днем раньше. К 12 марта 3-я американская армия была на Мозеле на всем протяжении от Трира до впадения в Рейн, охватив с севера группировку немецко-фашистских войск.

Несколько позже, к 17 марта, весь левый берег Рейна ниже впадения в него р. Мозель был занят союзными армиями. 1-я американская армия захватила и расширила плацдарм на его восточном берегу.

Теперь в руках немцев за Рейном оставался лишь Саар, занятый 1-й и частью сил 7-й армий, которые насчитывали около 11—12 дивизий весьма ослабленного состава. После того как немецкие армии оставили всю позицию «Зигфрида», оборонять саарский выступ со всех точек зрения было явно бессмысленно.

Еще 8 марта Эйзенхауэр приказал перейти в наступление и 6-й группе армий.

Подготовка входившей в эту группу 7-й армии к наступлению в Сааре проводилась в феврале и начале марта 1945 г. Американцы готовились прорывать сильно укрепленную долговременную оборону, защищавшуюся стойким противником. «Задача 7-й армии, поддерживаемой 12-м воздушным корпусом, была — наступать с занимаемых позиций, прорвать позицию «Зигфрида», уничтожить противника в полосе наступления и овладеть западным берегом Рейна»⁹². Кроме того, она должна была захватить плацдарм на восточном берегу Рейна в районе Вормса.

1-й воздушнодесантной армии союзников было приказано подготовить высадку десанта на случай, если он понадобится для содействия 6-й группе армий при форсировании Рейна. 1-я французская

⁹⁰ См. *О. Бредли*. Указ. соч., стр. 548.

⁹¹ «Field Artillery Journal», 1945, May.

⁹² «The Seventh United States Army», v. III, p. 699, 700.

армия во время наступления 7-й армии должна была укреплять свои позиции на левом берегу Рейна⁹³.

Перед наступлением армии 42-е бомбардировочное авиакрыло английских ВВС и 12-й американский воздушный корпус стратегической авиации нанесли удары по железнодорожным узлам и районам расположения складов с целью нарушения снабжения немецких войск. В день начала наступления 8-я американская воздушная армия сбросила бомбы на промышленные центры Цвайбрюккен, Кайзерслаутерн, Хомбург и др. 9-й бомбардировочный корпус совершил налеты на Пирмазенс, Нейштадт, Ландау. 4-е бомбардировочное авиакрыло английских стратегических военно-воздушных сил действовало по оборонительным позициям противника перед 7-й американской армией. 12-й американский воздушный корпус должен был оказывать непосредственную поддержку наземным войскам и вести разведку в полосе 7-й армии.

После выхода 12-й американской группы армий на Рейн и Мозель ранее намеченный план операции в Сааре подвергся некоторым коррективам. 3-я армия получила задачу провести наступление из низовья Мозеля на Майнц, чтобы оказать помощь 7-й американской армии. Одновременно намечалось, что начнется наступление на правом фланге 3-й армии от Трира и Мерцига⁹⁴.

7-я армия перешла в наступление 15 марта. Противник не имел возможности оказать ей серьезное сопротивление. За первые два дня 6-й корпус продвинулся на 8—15 км, занял Хагенау и вышел к позиции «Зигфрида». 15-й корпус к 20 марта преодолел первый рубеж позиции «Зигфрида», занял Саарбрюккен и Цвайбрюккен, продолжая наступление к Кайзерслаутерну.

12-й корпус 3-й армии, начав переправу через Мозель 14 марта, в дальнейшем не встретил организованного сопротивления немецких войск⁹⁵. За два дня 4-я бронетанковая дивизия, двигавшаяся в первом эшелоне корпуса, вышла к Бад Крейцнаху, создав угрозу окружения немецкой группировки, отходившей из Саара. Это заставило немецкое командование поспешить с отводом 80-го армейского корпуса и правого крыла 1-й армии. Но немецкие войска продолжали удерживать позицию «Зигфрида» южнее и юго-западнее Ландау.

17 марта в штаб 7-й армии прибыли Эйзенхауэр и командующий 3-й армией генерал Паттон. На совещании обсуждался вопрос, как не допустить перемешивания войск 3-й и 7-й армий. Во избежание этого между ними была установлена новая разграничительная линия⁹⁶, которая проходила южнее Бад Крейцнаха и Оппенхайма. В соответствии с решением Эйзенхауэра Паттон остановил 4-ю бронетанковую дивизию и подтянул к ней пехотные дивизии; в дальнейшем он повернул 12-й корпус фронтом на восток. В ночь на 23 марта

⁹³ См. Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 437—438.

⁹⁴ См. О. Брэдли. Указ. соч., стр. 555.

⁹⁵ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 384.

⁹⁶ «The Seventh United States Army», v. III, p. 720.

войска корпуса с ходу форсировали Рейн и захватили плацдарм у Оппенхайма, а на левом фланге заняли Майнц.

Представляет определенный интерес донесение Паттона о захвате плацдарма, поскольку оно свидетельствует об отношениях между американскими и английскими генералами. Брэдли замечает, что в донесении содержался ряд иронических намеков на тщательную подготовку Монтгомери к форсированию. Паттон писал: «Без помощи бомбардировочной авиации, дымовых завес, артиллерийской подготовки и воздушнодесантных войск 3-я армия в 22 часа в четверг 23 марта форсировала реку Рейн»⁹⁷. Вечером он позвонил Брэдли по телефону и попросил: «...Ради бога, скажи всему миру, что мы форсировали Рейн... Пусть знает весь мир, что 3-я армия форсировала Рейн раньше Монти (Монтгомери. — *В. К.*)»⁹⁸. Брэдли приводит эти факты не без злорадства по адресу англичан.

Захват второго плацдарма в полосе 12-й группы армий еще больше поднял ее роль в предстоявших операциях союзных армий за Рейном. Об этом довольно откровенно пишет Погью: «Неожиданное форсирование Рейна у Ремагена и Оппенхайма до нанесения главного удара на севере, а также быстрое использование открывшихся возможностей в этих двух районах поставило войска Брэдли в положение, когда им предстояло играть главную роль в быстром наступлении через Германию. Эта неожиданная удача захватила воображение публики, особенно в Соединенных Штатах, и оказала поддержку просьбе командующего 12-й группой армий о предоставлении его войскам более крупной роли в наступлении к Эльбе, чем та, которую они играли при выходе на Рейн»⁹⁹.

Немецкие войска, отведенные с рубежа Кохем, Трир, Мерциг, продолжали отходить из Саара за Рейн. К утру 22 марта 1-я армия отступала в выступе, образовавшемся между Маннхеймом, Нейштадтом, Пирмазенсом и Битшом. К 25 марта значительная часть сил и средств армии была отведена за Рейн. Вооруженные силы союзников полностью очистили от противника левый берег Рейна.

Наступление 12-й и 6-й групп армий к Рейну фактически представляло собой преследование отходившего противника. Господство союзной авиации в воздухе не позволяло войскам противника готовить промежуточные рубежи и организовывать на них оборону, чтобы задержать американские армии.

Американские армии преследовали немецкие войска на различную глубину: 1-я армия — на 25—60 км, 3-я — на 75—80 км, а 7-я — на 60—130 км. Темп продвижения американских войск в тех районах, где противник не оказывал сопротивления, доходил до 15—20 км в сутки (в 1-й и 3-й армиях и на левом крыле 7-й армии), но

⁹⁷ *О. Брэдли*. Указ. соч., стр. 560—561.

⁹⁸ Там же, стр. 561.

⁹⁹ *Ф. С. Погью*. Указ. соч., стр. 448.

там, где немцы не оставляли захваченную территорию без боя (на правом крыле и в центре 7-й армии), темп наступления не превышал 5 км в сутки.

При отходе немецкие войска понесли большие потери. Четыре дивизии были полностью уничтожены, а потери в остальных соединениях достигали половины их состава. Такому ослаблению немецких войск на западе способствовало и то, что гитлеровское командование в 1945 г. не имело возможности пополнять их людьми и техникой. Общая численность войск, отошедших за Рейн, по определению немецко-фашистского командования, равнялась 26 дивизиям полного состава, тогда как силы союзников на Европейском театре военных действий возросли до 80 дивизий.

Из сказанного выше видно, что преодоление союзниками позиции «Зигфрида» проходило в исключительно благоприятных условиях. Немецкие войска оказывали сопротивление лишь в феврале, когда наступала только 1-я канадская армия. В марте союзные армии продвигались к Рейну, фактически не встречая сопротивления противника. Немецкие войска, находившиеся западнее Рейна, уже не могли помешать союзным войскам форсировать реку севернее Рура, но Эйзенхауэр, наученный горьким опытом Арденн, на этот раз проявил чрезмерную осторожность: он дождался полного осуществления своего плана очищения западного берега Рейна от противника. Можно спорить об оперативной целесообразности таких действий, но одно совершенно ясно — в результате их были подготовлены благоприятные условия для нанесения удара не только севернее, но и южнее Рура. Именно этого добивались начальники штабов США в Вашингтоне и их командующие в Западной Европе. Утихли, сгладились англо-американские разногласия по поводу стратегии в Европе. Однако вскоре возникли новые.

Наступление в Западной Германии

Захват Рура

В последние месяцы войны в Европе фашистскую Германию охватила агония. Все надежды гитлеровской клики на раскол антифашистской коалиции рухнули. Крымская конференция и последовавшие за ней события показали, что у вермахта и гитлеровского правительства оставалось только одно — безоговорочная капитуляция. По выражению немецкого историка В. Гёрлитца, в фашистской Германии «высшие руководители партии и государства вели себя, как ожидающие ареста гангстеры одной шайки, когда каждый пытается спасти собственную шкуру»¹.

Гитлер и его сподручные стремились любой ценой задержать Красную Армию на Одере и добиться согласия западных держав на капитуляцию перед ними. В правящих кругах Германии возникали различные идеи и планы достижения этой цели. Начальник генерального штаба сухопутных сил Гудериан потребовал от Риббентропа немедленно начать переговоры о капитуляции перед США и Великобританией, так как рассчитывал, что Красная Армия вступит в Берлин через 4—6 недель. Руководитель эсэсовской контрразведки Шелленберг хотел объявить Гимmlера имперским канцлером, а Гитлера в качестве номинального главы государства интернировать в Оберзальцбурге, с тем чтобы Гимmlер получил свободу действий для переговоров с западными державами. Геббельс предложил применить новые отравляющие вещества «табун» и «зарин», чтобы остановить наступление советских войск. Но эта затея даже Гитлеру показалась слишком опасной ввиду подавляющего превосходства советской авиации и возможности ответного применения отравляющих веществ. У гитлеровской клики не раз возникала надежда на то, что фронт на Одере можно удержать до тех пор, пока вооруженные силы западных держав продвинулись в глубь Германии, чтобы потом попытаться объединиться с ними против «славянско-большевистского восточного» или в крайнем случае заключить сепаратный мир с западными

¹ W. Görlitz. Der deutsche Generalstab. Frankfurt/M., 1950, S. 693.

державами. Иодль считал, что решение проблемы безоговорочной капитуляции заключалось в том, чтобы дождаться, пока Западный и Восточный фронты сблизятся, что позволяло избежать пленения Красной Армией основной массы солдат и офицеров Восточного фронта, составлявшей все еще около 3 млн. человек.

Но гитлеровцы не ограничивались лишь составлением фантастических планов. Они принимали и конкретные меры, чтобы осуществить свою основную идею. Важнейшими из них были переговоры непосредственно и через посредников с официальными представителями западных держав. В феврале 1945 г. начальник службы СС в Италии генерал Вольф через итальянского посредника установил связь с главой американской разведки в Швейцарии Алленом Даллесом, а 8 марта в Цюрихе он лично встретился с ним².

15 марта тайно отправились в Цюрих английский генерал Эйри и американский генерал Лемнитцер. 19 марта состоялась вторая встреча с Вольфом. На этих встречах шли переговоры о капитуляции немецко-фашистских войск в Италии.

Зная позицию Советского Союза относительно капитуляции фашистской Германии, правительства США и Англии не решились открыто принять сепаратную капитуляцию немецко-фашистских войск. Они уведомили об этом Советское правительство, но представили дело так, будто велась подготовка к переговорам, а не сами переговоры. Правительство СССР потребовало 16 марта прекратить сепаратные переговоры, но, несмотря на это, 19 марта переговоры были продолжены³. Гитлеровцы выясняли условия капитуляции перед западными державами и через правительства нейтральных стран.

Министерство иностранных дел Германии, как отмечалось ранее, еще в начале 1945 г. разослало инструкцию своим дипломатическим представителям в нейтральных странах об установлении контактов с англичанами и американцами. Инструкция обязывала дипломатических представителей всячески использовать антисоветские настроения в правящих кругах США и Англии, запугивая их перспективой победы Красной Армии⁴.

В таком же направлении действовала и фашистская пропаганда. Нацистская печать и радиовещание были полны сообщений, что Германия ведет борьбу против Советского Союза «в интересах всего Запада». Сопроотивление немецко-фашистских войск Красной Армии они объявили «схваткой европейского значения».

Правительство и военное руководство фашистской Германии делали все возможное, чтобы укрепить Восточный фронт. Они продолжали держать свои лучшие войска на советско-германском фронте,

² См. Дж. Эрман. Бобьшая стратегия. Октябрь 1944—август 1945. М., 1958, стр. 127—128.

³ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 5. М., 1964, стр. 335.

⁴ См. там же, стр. 334.

не обращая серьезного внимания на Запад. Из числившихся на 31 марта 1945 г. в Германии 274 дивизий и 22 бригад на советско-германском фронте находилось 175 дивизий и 15 бригад, а на Западном — 58 дивизий и 3 бригады⁵. Обращает на себя внимание тот факт, что количество танковых и моторизованных дивизий на советско-германском фронте увеличилось, а на Западном уменьшилось. Если 5 декабря 1944 г. на советско-германском фронте находилось 19 танковых и 8 моторизованных дивизий, то 31 марта 1945 г. стало их соответственно 32 и 13⁶.

Немецкие войска на Западе не пополнялись, тогда как на советско-германский фронт, особенно на берлинское направление, посылалось все, что только можно было собрать в Германии. Против Красной Армии спешно направлялись вновь сформированные ударные морские бригады, эсэсовские отряды, около 100 тыс. человек из частей аэродромного обслуживания. Основные силы сосредоточивались на участке Кюстрин, Франкфурт-на-Одере⁷. «Количество имевшихся на западе так называемых дивизий еще превышало шестьдесят единиц, — пишет Погью, характеризуя немецкие войска на Западном фронте, — но четыре из них были только штабами дивизий, одиннадцать — «боевыми группами», семь — «остатками» дивизий, а прочие — сильно ослабленными. Общая мощь всех дивизий была эквивалентна лишь двадцати шести дивизиям полного состава»⁸.

Новому главнокомандующему войсками «Запад» фельдмаршалу Кессельрингу, сменившему 10 марта на этом посту Рундштедта, досталось тяжелое наследство. Он, как и его предшественник, уже ничего не мог сделать.

Идея сепаратного мира с фашистской Германией и создания в центре Европы общего фронта империалистических государств против Советского Союза не была чужда и влиятельным представителям правящих кругов США и Англии. В ходе войны Рузвельт и Черчилль не раз вели разговор о проблемах послевоенного устройства мира. В сентябре 1944 г. после второй Квебекской конференции Черчилль в Гайд-парке высказал мнение о необходимости соглашения между США и Великобританией для управления миром⁹. 7 марта 1945 г. на завтраке у Эйзенхауэра Черчилль откровенно говорил о «коммунистической угрозе» Западу. Присутствовавший на завтраке Брэдли вспоминает, что глава английского правительства «презрительно отозвался о возрождении коммунистической угрозы Западу и призывал нас не верить уловкам Сталина... Черчилль издавна, еще за много лет до войны, относился враждебно к коммунистам. Он резко опровергал возражения против своей политики и сравнил себя с гигантским носорогом, у которого острый рог и толстая шкура.

⁵ Архив МО СССР, таблица распределения сил от 31 марта 1945 г.

⁶ Там же.

⁷ W. Görnitz. Op. cit., S. 696.

⁸ Ф. С. Погью. Верховное командование. М., 1959, стр. 440—441.

⁹ W. Leahy. I Was There. New York, 1950, p. 320.

— Этот рог, — сказал он, — всегда будет направлен на врага, даже если бы вся моя шкура была, как стрелами, утыкана критическими замечаниями»¹⁰.

Политика Черчилля сводилась к тому, чтобы не допустить Красную Армию в Центральную Европу. Он хотел, чтобы англо-американские войска вошли в Берлин раньше советских войск.

Сам Черчилль в своих мемуарах писал, что политика и стратегия США и Англии в последние месяцы войны в Европе, по его мнению, должны были сводиться к решению следующих практических вопросов: «Во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой свободного мира; во-вторых, надо немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения; в-третьих, этот фронт в Европе должен находиться как можно дальше на Востоке; в-четвертых, главная и подлинная цель англо-американских армий — Берлин; в-пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение; в-шестых, Вена, и по существу вся Австрия, должна управляться западными державами по крайней мере на равной основе с русскими Советами... *Наконец — и это главное* — урегулирование между Западом и Востоком по всем основным вопросам, касающимся Европы, должно быть достигнуто до того, как армии демократии уйдут или западные союзники уступят какую-либо часть германской территории, которую они завоевали...»¹¹

Эти слова английского премьера лишний раз подтверждают, что планы фашистских правителей добиться сепаратного мира с США и Великобританией не были беспочвенными. Они учитывали наличие антисоветской направленности в политике западных держав.

Однако блестящие победы Советских Вооруженных Сил охладжали горячие головы застрельщиков антисоветской политики, желавших нарушить союзнические обязательства.

К концу войны необычайно возрос международный авторитет Советского Союза. Народы всего мира видели в нем последовательного, стойкого и самоотверженного борца против немецко-фашистских захватчиков, вынесшего на себе основную тяжесть войны. Симпатии всех народов были на стороне СССР. Поэтому открытое нарушение союзнических обязательств, а тем более прямое антисоветское выступление со стороны правительств США и Великобритании не могло бы пройти безнаказанно.

Немалую роль в поддержании единства антигитлеровской коалиции, как уже отмечалось, сыграла заинтересованность США, а также Англии в участии СССР в войне против Японии. Обострение же отношений с Советским Союзом в Европе заставило бы правительства США и Англии на неопределенное время отложить изгнание японцев из стран Восточной Азии и Тихого океана. Да и арденнская катастрофа еще была свежа в памяти.

¹⁰ О. Брэдли. Записки солдата. М., 1957, стр. 548.

¹¹ W. Churchill. The Second World War, v. VI. London, 1954, p. 400.

Сложившаяся к концу войны обстановка оказала существенное влияние на планы дальнейших действий союзных армий в Европе.

В марте 1945 г. союзное верховное командование приступило к подготовке одной из самых крупных своих операций в Европе — операции по захвату Рура. Основные вопросы плана действий союзных армий после выхода их на Рейн обсуждались объединенным советом начальников штабов на Мальтийской конференции еще в конце января 1945 г., но серьезные разногласия, существовавшие тогда между американскими и английскими начальниками штабов относительно замысла операции, не позволили выработать конкретные директивы союзным армиям в Европе. В марте обстановка диктовала необходимость безотлагательной выработки плана операций союзных армий за Рейном.

К тому времени на Рейне образовались две крупные группировки союзных войск (схема 19). Южнее Рура на Рейн вышли 6-я и 12-я группы армий, имевшие 38 американских и 8 французских дивизий. Они захватили два плацдарма на восточном берегу реки, создав благоприятные условия для обхода Рура с юга и наступления в глубь Германии.

Западнее и севернее Рура находилась 21-я группа армий в составе 9-й американской, 2-й английской и 1-й канадской армий. Всего под командованием Монтгомери находилось 29 дивизий и 7 отдельных бригад. Кроме того, в 21-ю группу перебрасывались 1-й канадский корпус из Италии и английская дивизия с Среднего Востока. Союзные сухопутные силы в Европе к этому времени состояли из 81 дивизии¹².

На восточном берегу Рейна в районе форсирования его 21-й группой армий оборонялась 1-я немецкая парашютная армия (7 дивизий), сильно потрепанная в боях на позиции «Зигфрида». Она входила в состав группы армий «Х». Правее этой армии на Рейне и Маасе располагалась 25-я немецкая армия (2 дивизии и полковая группа). Резерв группы армий «Х» составляли 4 дивизии, находившиеся в стадии формирования.

В Рура и южнее его находилась группа армий «Б», в которую входили 5-я танковая и 15-я армии, насчитывавшие 12 дивизий, 10 боевых групп и танковую бригаду¹³. Все дивизии этой группы, как и группы армий «Х», были ослабленного состава. Им не хватало людей, боеприпасов, горючего и т. д. Конечно, в этих условиях не могло быть и речи о прочной обороне немецких войск на Рейне.

Несмотря на серьезные изменения оперативной и стратегической обстановки, англичане добивались реализации своей прежней идеи — нанесения одного удара севернее Рура. Монтгомери потребовал усилить его группу армий еще 10 американскими дивизиями¹⁴, чтобы после форсирования Рейна обеспечить высокие темпы на-

¹² См. Дж. Эрман. Указ. соч., стр. 31.

¹³ Архив МО СССР, таблица распределения сил от 21 марта 1945 г.

¹⁴ См. О. Брэдли. Указ. соч., стр. 553.

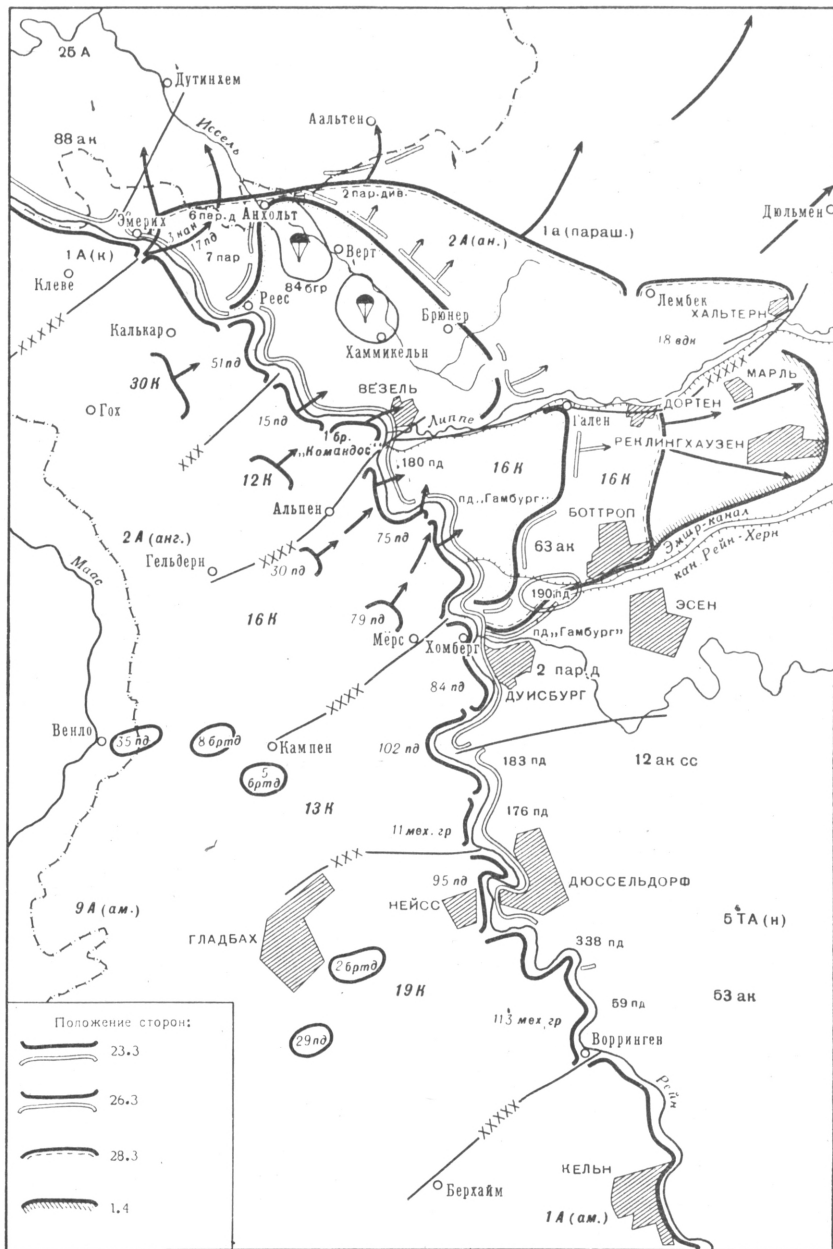

Схема 19.

**ФОРСИРОВАНИЕ РЕЙНА И ОБХОД РУРА С СЕВЕРА 21-Й ГРУППОЙ АРМИЙ
23 МАРТА—4 АПРЕЛЯ 1945 г.**

ступления. В этом случае в составе 12-й группы армий осталась бы только одна 3-я армия и, разумеется, роль 12-й группы армий резко снизилась бы. Американская сторона отвергла это требование англичан. Однако после нескольких обсуждений, подчас очень бурных, союзникам удалось выработать окончательный план операций своих армий на Рейне.

Согласно этому плану главный удар наносила 21-я группа армий севернее Рура, а второй удар — 12-я группа с плацдармов в Оппенхайме и Ремагене в направлении на Франкфурт, а затем на Кассель¹⁵. По мере продвижения этих групп армий на избранных направлениях предполагалось развивать наступление и в сторону внешних флангов: на севере — 1-й канадской армией, на юге — 6-й группой армий.

Союзные военно-воздушные силы должны были наносить систематические удары по узлам коммуникаций на территории всей Германии, по заводам синтетического горючего и нефтеперегонным, изолировать Рур от остальной Германии и поддерживать действия наземных войск на обоих направлениях.

Войскам 21-й группы армий предстояло форсировать Рейн. Ширина реки в районе форсирования колеблется от 270 до 450 м, а глубина при самом низком уровне воды — 3 м. Скорость течения реки на поверхности составляет в среднем 1,3 м/сек, а в момент наибольшей воды доходит до 2,4 м/сек. Они начали готовиться к этой операции сразу же после завершения боевых действий между Маасом и Рейном, хотя предварительная подготовка проводилась задолго до подхода армий к Рейну. В 9-й армии, например, она продолжалась почти шесть с половиной месяцев. Штаб армии изучал режим реки и подступы к ней, выяснял потребности в переправочных средствах, набрасывал варианты планов действий. 16-й корпус армии, который во время наступления к Рейну действовал на второстепенном направлении, еще 21 февраля получил указание начать подготовку к форсированию Рейна. Предназначенные для форсирования реки в первом эшелоне корпуса 30-я и 79-я дивизии в начале марта были сняты с фронта и прошли специальную подготовку на Маасе под руководством штаба корпуса.

Приказ о подготовке войск к форсированию Рейна Монтгомери отдал еще в конце января¹⁶. В нем предварительно определялся общий замысел операции. Конкретный план был разработан позже, когда войска 21-й группы армий выходили на Рейн. Ближайшая задача этой группы состояла в том, чтобы переправиться через Рейн, захватить Везель, а затем расширить плацдарм и выйти на рубеж Дуисбург, Боттроп, Дорстен, Аальтен, Эммерих.

9-я американская армия, действовавшая на правом фланге группы, получила задачу форсировать Рейн южнее Везеля, захватить плацдарм и развивать наступление на восток и на юг, обеспе-

¹⁵ См. *Ф. С. Погью*. Указ. соч., стр. 442, 444.

¹⁶ См. там же, стр. 442.

чивая правый фланг 21-й группы армий. В дальнейшем 9-я армия, прочно удерживая правый фланг плацдарма, должна была направить один корпус через полосу 2-й английской армии и выйти на рубеж Хамм, Мюнстер.

2-й английской армии совместно с 18-м воздушнодесантным корпусом предстояло захватить Везель и наступать севернее р. Липпе. 1-я канадская армия обеспечивала безопасность Антверпена, занимая оборону на Рейне и Маасе от Эммериха до морского побережья, и готовилась к переправе через Рейн на плацдарм на левом фланге 2-й английской армии¹⁷.

В 9-й армии Рейн форсировал один 16-й корпус в полосе шириной 16 км; на остальном фронте армии (около 54 км) два корпуса располагались по левому берегу реки. Корпус имел в своем составе 4 пехотные и бронетанковую дивизии, бригаду полевой артиллерии. Кроме того, на время форсирования Рейна ему придавалась артиллерия 19-го и часть артиллерии 13-го американских корпусов. Всего в распоряжении командира 16-го корпуса находилось 53 дивизиона полевой артиллерии, имевшие орудия калибром 105 мм и выше.

Боевой порядок 16-го корпуса строился в три эшелона, первый из которых составляла 75-я пехотная дивизия, получившая задачу охранять левый берег Рейна во всей полосе корпуса, содействовать наступлению второго эшелона во время форсирования реки и провести демонстративную атаку на правом фланге корпуса, чтобы ввести противника в заблуждение относительно основного района форсирования.

На второй эшелон, состоявший из двух пехотных дивизий (79-й и 30-й), возлагалась задача пройти через боевые порядки 75-й пехотной дивизии, форсировать Рейн и захватить плацдарм на его восточном берегу.

Третий эшелон составляли 35-я пехотная и 8-я бронетанковая дивизии. Первую из них вместе с 75-й пехотной дивизией предполагалось использовать для расширения плацдарма, а 8-ю бронетанковую дивизию — позднее, в зависимости от обстановки.

Артиллерийская поддержка форсирования реки состояла из часовой артиллерийской подготовки перед началом штурма, трехчасовой огневой поддержки переправы, высадки десанта на вражеском берегу и действий десанта по захвату и расширению плацдарма. Артподготовка подразделялась на четыре периода: первые 15 минут — уничтожение батарей, вторые 15 минут — огонь по коммуникациям противника, третьи 15 минут — опять огонь по батареям и остальное время — подавление целей на берегу.

2-я английская армия форсирование реки осуществляла на фронте около 20 км 12-м и 30-м корпусами, в первом эшелоне которых действовали по одной дивизии и одной бригаде «коммандос». Вслед за первым эшелонам корпусов предполагалось перебросить на плацдарм танковые бригады, предназначенные для непосредственной под-

¹⁷ В. L. Montgomery. 21-st Army Group. Germany, 1946, p. 198, 201—202.

держки пехоты. Так же как и в 9-й американской армии, к району форсирования Рейна была стянута почти вся артиллерия 2-й армии около 1300 орудий.

В ее полосе севернее и северо-западнее Везеля высаживался десант в составе 6-й английской и 17-й американской воздушнодесантных дивизий. Он имел задачу уничтожить артиллерию немцев и оказать содействие пехотным дивизиям первого эшелона в захвате плацдарма. Обе дивизии высаживались на таком удалении, чтобы средняя и тяжелая артиллерия могла оказать им поддержку с западного берега Рейна ¹⁸.

Дивизии первого эшелона переправлялись на вражеский берег на штурмовых саперных лодках и автомашинах-амфибиях. Последующие эшелоны должны были переправляться на паромов и на морских десантно-высадочных катерах LCM и LCV(p) ¹⁹. Управление десантно-переправочными средствами и инженерно-саперными войсками осуществлялось специальной «группой берегового контроля». Наводку мостов из расчета 4—5 мостов на армию предполагалось начать после того, как противник будет отброшен от берега на такое расстояние, с которого он не сможет вести прицельный артиллерийский огонь по зеркалу реки.

На тактическую авиацию возлагались следующие основные задачи: лишить немецкую авиацию возможности препятствовать форсированию реки, воспретить противнику перебрасывать сухопутные войска и боевую технику к этому району, поддерживать наступление сухопутных сил и высадку воздушнодесантных дивизий и подавить зенитную артиллерию противника. В операции участвовали 2-е английские тактические военно-воздушные силы и 29-й корпус 9-й воздушной армии.

Стратегическая авиация продолжала налеты на Германию, начавшиеся еще 22 февраля. Она наносила удары по важнейшим промышленным центрам, коммуникациям и заводам синтетического горючего и нефтеперегонным. За месяц было совершено 40 налетов на узлы коммуникаций. В них участвовала также и авиация, базировавшаяся на аэродромы Италии. 11 марта 1079 тяжелых и средних бомбардировщиков сбросили около 5 тыс. т бомб на железнодорожный узел Эссена, а на следующий день 1108 тяжелых бомбардировщиков сбросили около 5490 т бомб на Дортмунд. За четыре дня (21—24 марта) американские и английские военно-воздушные силы, базировавшиеся в Англии, Западной Европе и Италии, сделали более 42 тыс. самолето-вылетов. 24 марта 150 тяжелых бомбардировщиков, базировавшихся в Италии, совершили налет на Берлин. Воздушные налеты на Германию достигли наивысшей интенсивности и проводились без серьезного противодействия со стороны немецкой противовоздушной обороны.

¹⁸ *B. L. Montgomery. Op. cit., p. 202—203.*

¹⁹ Первый из них мог поднять тяжелый танк или 60 человек с оружием, а второй — бульдозер или 35 человек с оружием.

Для непосредственной поддержки войск 21-й группы армий, форсировавших Рейн, в период авиационной подготовки американско-английская авиация совершила свыше 16 тыс. самолето-вылетов и сбросила восточнее Рейна 50 тыс. т бомб.

Одновременно с 21-й группой армий южнее Рура проводила новую операцию и 12-я группа (схема 20). К 24 марта 1-я американская армия расширила плацдарм до 16 км в глубину и до 55 км по фронту и полностью сосредоточилась на нем²⁰, готовая к дальнейшему наступлению. Перед ее левым крылом часть сил 15-й немецкой армии отошла за р. Зиг, а перед правым — противник вообще прекратил сопротивление. 3-я армия также расширила свой плацдарм до 14,5 км по фронту и 10 км в глубину. Немцы предприняли контрдействия против этого плацдарма — их авиация сделала 115 налетов, в которых участвовал 231 самолет, а наземные войска провели несколько контратак, но небольшими силами²¹.

Все эти контрдействия не оказали существенного влияния на подготовку войск 3-й армии к наступлению. 25 марта ее 12-й корпус начал продвижение на Дармштадт и Ашаффенбург, а на левом крыле армии 8-й корпус, воспользовавшись слабостью противника, переправился через Рейн у Боппарда. 27 марта части 8-го корпуса заняли Санкт-Гоарсхаузен, создав еще один плацдарм за Рейном²².

В 6-й группе армий 26 марта 15-й корпус, находившийся на левом крыле 7-й армии, переправился через Рейн и занял плацдарм у Вормса. К концу второго дня реку здесь форсировали уже четыре дивизии²³.

В конце марта немецкие войска южнее Рура уже не представляли собой сколько-нибудь значительной силы. На фронте около 400 км находились 15-я армия группы армий «Б» и группа армий «Г». В последней числились 31 дивизия, боевая группа и бригада. Однако большинство из них являлись либо остатками дивизий, либо штабами дивизий, либо одними номерами их. Только 14 дивизий (в основном фольксштурма) имели малочисленную пехоту с весьма низкими боевыми качествами. Так, в отчете 7-й американской армии указывалось, что на 4 апреля в немецких армиях числилось активных бойцов: в 19-й (обороняла Верхний Рейн) — 10 500, в 1-й — 7 500 и в 7-й — 4 тыс.²⁴ Конечно, с таким боевым составом немецкие части не могли даже пытаться задержать наступление полностью укомплектованных и хорошо оснащенных трех американских и одной французской армий. К югу от Рура немецкий фронт фактически перестал существовать.

Авиационная подготовка форсирования Рейна началась за две недели до наступления наземных войск. Авиация союзников наносила

²⁰ См. *О. Брэдли*. Указ. соч., стр. 563.

²¹ *B. G. Wallace*. Patton and His Third Army. Harrisburg, 1946, p. 182—183.

²² *Ibid.*, p. 183—184.

²³ См. *Ф. С. Логью*. Указ. соч., стр. 444.

²⁴ «The Seventh United States Army», v. III. Heidelberg, 1946, p. 776.

удары по важнейшим узлам коммуникаций западнее условной линии Дортмунд, Хамм, Мюнстер, по мостам на всех реках от Бремена до Кёльна и своими действиями препятствовала движению всех видов транспорта между Руром и остальной частью Германии, чтобы не допустить усиления немецких войск на Западе²⁵, хотя гитлеровское командование уже ничем не могло им помочь.

Хорошо зная о подготовке союзных войск к форсированию Рейна, командующий 1-й парашютной армией расположил остатки своих дивизий в 6—8 км от берега²⁶, поэтому основная масса авиационных бомб и артиллерийских снарядов, выпущенных союзниками, попала на пустое место. Но это не помешало союзным армиям форсировать Рейн, так как немецкие войска не могли, да и не пытались оборонять берег реки.

После артиллерийской подготовки в 20 часов 23 марта 1-я английская бригада «коммандос» начала форсирование Рейна. Она высадилась на восточный берег в 900 м от Везеля. Через два с половиной часа английские тяжелые бомбардировщики совершили 15-минутный массированный налет на город, после которого бригада заняла его, потеряв всего 36 человек. Вслед за «коммандос» начали переправу через реку первые эшелоны корпусов обеих армий.

Дивизии первых эшелонов корпусов обеих армий за ночь и в течение первого дня полностью переправились через Рейн и захватили два плацдарма: один севернее, другой южнее Везеля. Немецкие войска не оказали им почти никакого сопротивления, и форсирование фактически превратилось в переправу. Все шло, как на показательных учениях. В истории 9-й американской армии отмечается, что «эта операция сводилась в основном к инженерному обеспечению, а не к тактическому маневрированию»²⁷.

Высадка воздушного десанта началась в 10 часов 24 марта. Для десантирования 17-й и 6-й воздушнодесантных дивизий были использованы 1572 транспортных самолета и 1326 планеров, а их эскорт состоял из 889 истребителей. Воздушную оборонительную завесу с востока и прикрытие района высадки десанта осуществляли 2153 истребителя²⁸. Однако такие меры обеспечения десанта были излишними, так как у немцев не оказалось ни сил, ни средств, чтобы сорвать его высадку. Десант высадился у Хаммикельна на удалении 6—12 км от реки, поэтому только незначительная часть его попала в расположение противника и понесла некоторые потери.

В течение дня 17-я воздушнодесантная дивизия заняла рубеж вдоль р. Иссель, а 6-я — севернее своего соседа захватила пять ис-

²⁵ См. *Ф. С. Погью*. Указ. соч., стр. 443.

²⁶ *Ch. Lanza*. The West Germany Front (March 19—April 18, 1945). — «Field Artillery Journal», 1945, June.

²⁷ «Conquer». The Story of the Ninth Army, 1944—1945. Washington, 1947, p. 245.

²⁸ *D. D. Eisenhower*. Crusade in Europe. New York, 1948, p. 390. Брэдли приводит несколько другие данные: за три часа 1700 самолетов и 1300 планеров высадили 14 тыс. человек 6-й английской и 17-й американской воздушнодесантных дивизий (см. *О. Брэдли*. Указ. соч., стр. 563).

правных мостов через реку. Обе дивизии соединились с передовыми частями 2-й английской армии.

К исходу первого дня американские и английские войска заняли на восточном берегу Рейна плацдарм размером 25 км по фронту и 5—10 км в глубину. Через реку полностью переправились передовые дивизии, танковые батальоны непосредственной поддержки пехоты и истребительно-противотанковые дивизионы. Поскольку немецкие войска не оказали сопротивления, началась наводка мостов в полосах обеих армий. Только теперь, к вечеру 26 марта, продвигавшиеся на восток американские и английские войска встретились с возросшим сопротивлением немцев, которые на следующий день на ряде участков фронта предприняли контратаки.

В последующие два дня на плацдарме были развернуты вторые эшелоны корпусов и начали переправляться бронетанковые дивизии. Различные тыловые части, склады служб снабжения, госпитали, подтянутые перед началом операции вплотную к реке, на третий день операции стали также переправляться на плацдарм.

19-й корпус 26 марта получил приказ командующего 9-й американской армией передать свою полосу вместе с 95-й пехотной дивизией и 113-й механизированной группой 13-му корпусу и переправиться на плацдарм в районе Везеля в полосе 2-й английской армии. Последняя не сумела быстро навести мосты у Рееса и южнее, поэтому переправа английских войск и тылов через Рейн проводилась у Везеля. В это время по дороге Венло—Гельдерн—Альпен двинулись тылы 9-й американской армии; на дорогах и у везельских мостов образовались заторы, затруднявшие продвижение войск. В связи с этим было принято решение 19-й корпус переправить через Рейн по мостам южнее р. Липпе и сосредоточить его за левым флангом 16-го корпуса.

Сопротивление немецких войск ослабевало с каждым днем. Продвижению союзных армий больше мешали грязь и разбитые дороги, чем противник.

28 марта 9-я американская и 2-я английская армии вышли на рубеж устья канала Рейн—Херне, Боттроп, Дорстен, Хальтерн, Лембек, Анхольт, расширив плацдарм до 45 км по фронту и 35 км в глубину. В 9-й армии, продолжавшей наступление на восток, два дня спустя 2-я бронетанковая дивизия, которая 1 апреля вышла в район г. Липпштадт, встретилась с 3-й бронетанковой дивизией 1-й американской армии, подошедшей с юга.

2-я армия англичан продолжала наступление на Мюнстер и далее на северо-восток. 2-я канадская армия на своем правом фланге начала переправу через Рейн и готовилась наступать к Зейдер-зе.

Южнее Рура 1-я американская армия, возобновив 25 марта наступление с ремагенского плацдарма, стала продвигаться на юго-восток, не встречая сопротивления. Ее 5-й корпус, действовавший на правом фланге, уже на следующий день вступил в Лимбург. В последующем, продолжая продвижение на восток и на юг от Лим-

бурга, армия 28 марта вышла на рубеж Висбаден, Франкфурт-на-Майне, Гиссен, Марбург.

Предпринаяв 25 марта наступление с оппенхаймского плацдарма, 12-й корпус 3-й армии «неожиданно для себя встретил лишь незначительное сопротивление» и в тот же день вышел к Ашаффенбургу и Ханану. 8-й и 20-й корпуса этой армии к 28 марта почти полностью переправились за Рейн и теперь вся армия двигалась на восток и северо-восток. В тот же день ее передовые войска переправились через р. Майн и соединились с 1-й американской армией. Незначительное сопротивление американцы встретили лишь во Франкфуртена-Майне и Занану.

После этого обе армии повернули на север. Об этом движении бывший начальник связи 3-й армии Брентон Д. Уоллес вспоминал: «Немцы оказывали беспорядочное сопротивление небольшими группами войск ... автострады, построенные Гитлером для движения четырех потоков машин, очень понравились нашим шоферам, и они с удовольствием «давали газ»... Ни танков, ни авиации в резерве у немцев не было»²⁹. Это наступление, замечает Погью, выглядело «как маневры мирного времени, проводимые со всеми техническими средствами современной войны»³⁰.

Американские армии за два дня прошли около 100—150 км и на севере вступили в Падеборн, а в центре заняли Кассель. 1 апреля 3-я бронетанковая дивизия, двигавшаяся в голове 7-го американского корпуса, соединилась в Липпштадте со 2-й бронетанковой дивизией 9-й армии, завершив окружение Рура. Главные силы 12-й группы армий, развернувшись фронтом на восток, беспрепятственно продвигались к р. Везер.

После соединения 1-й и 9-й армий в окружении оказалась вся немецкая группа армий «Б» (5-я танковая и 15-я полевая армии) и два корпуса 1-й парашютной армии, находившиеся к этому времени в Руре. К концу марта окруженная группировка имела 19 дивизий и боевых групп и около 100 тыс. человек из противовоздушной обороны³¹. Наиболее боеспособными были лишь Учебная танковая и 3-я моторизованная дивизии.

На южном крыле фронта союзников 7-я американская армия 27 марта в районе Дармштадта соединилась с 3-й американской армией. Части правого фланга 15-го корпуса 28 марта захватили г. Маннхейм. В последующем 7-я армия двинулась на юго-восток в общем направлении на Нюрнберг. 2 апреля, пройдя через Ашаффенбург, она подошла к Вюрцбургу.

1-я французская армия переправилась через Рейн в районе Филиппсбурга 1 апреля и создала плацдарм, с которого ей предстояло продолжать движение в общем направлении на Карлсруэ, а затем занять весь правый берег Рейна до швейцарской границы.

²⁹ В. G. Wallace. Op. cit., p. 185.

³⁰ Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 450

³¹ См. там же, стр. 451.

Верховное командование союзников рассматривало завершение рурской операции как часть общего плана военных действий союзных армий, главной целью которых являлся выход на Эльбу. Поэтому для ликвидации окруженной в Руре группировки немецких войск выделялись лишь те силы и средства, без которых можно было обойтись при наступлении на восток. Эта задача была возложена на часть сил 1-й и 9-й американских армий (более 12 полнокровных дивизий), которую поддерживал 29-й американский воздушный корпус. 16-му и 19-му корпусам предстояло наступать с севера и северо-востока, а 18-му воздушнодесантному и 3-му соответственно — с юга и востока. Хотя представители штабов 9-й и 1-й армий встречались, чтобы координировать боевые действия в Руре, единства руководства окружающими войсками не было. Вся координация их действий фактически свелась к установлению разграничительной линии между армиями, которая проходила от Падеборна к Рютену и далее по р. Рур до Рейна.

15-я американская армия, вошедшая в состав 12-й группы армий, кроме своего основного назначения — нести оккупационную службу на занятой американскими войсками территории Германии — получила задачу оборонять западный берег Рейна.

Командующие 1-й и 9-й армиями и их штабы в создавшихся условиях вынуждены были руководить как войсками, наступавшими к Эльбе, так и войсками, оставленными для захвата Рура. Даже в 19-м корпусе одни дивизии вели наступление на восток, а другие — на запад. Следовательно, к отсутствию единства управления войсками, решавшими общую задачу захвата Рура, добавлялась еще и раздвоенность оперативного, а в 19-м корпусе и тактического руководства войсками. В 19-м корпусе это почувствовалось очень быстро: 7 апреля оставленные в Руре дивизии были объединены во временную группу во главе с командиром 95-й пехотной дивизии, а позже обе дивизии переданы 16-му корпусу.

Немецкие войска, попавшие в окружение, хотя и насчитывали около 19 дивизий и боевых групп, находились в состоянии деморализации. Бои на западном берегу Рейна ликвидировали их «последнюю видимость боеспособности». Не хватало не только танков, артиллерии, но и автомашин всех видов, легкого и тяжелого пехотного оружия, средств связи и вообще самых нужных предметов снабжения³². Окруженная группировка располагала запасами продовольствия для войск и местного населения на 3—4 недели и боеприпасов на 2—3 недели³³.

В начале апреля в район Мешед, Зоэст, Верль прибыли более или менее боеспособные 116-я и части Учебной танковых дивизий, но у них не было ни времени, ни сил для организации обороны.

³² *K. von Wagener. Kampf und Ende der Heeresgruppe B im Ruhrkessel 22. März bis 17. April 1945.* — «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1957, Н. 10, S. 538.

³³ *Ibid.*, S. 555.

В юго-восточной части района окружения находились лишь отдельные подразделения. Наиболее сильную оборону гитлеровцы создали на канале Рейн—Херне (группа фон Лютвица), на Рейне (5-я танковая армия), в районе Зигбурга и восточнее (15-я полевая армия). Большое влияние на организацию немецкой обороны в Руре оказало мнение германских промышленников. Их беспокоила не бессмысленность продолжения войны со стороны Германии, а опасность того, что войска при обороне и отходе могут применить тактику «выжженной земли»³⁴, которую они широко применяли на советско-германском фронте. Монополисты потребовали от командующего группой армий «Б» фельдмаршала Моделя, чтобы подчиненные ему войска сдали промышленные предприятия Рурского района.

Ликвидация немецко-фашистских войск, окруженных в Руре, началась почти без оперативной паузы. 2 апреля 19-й корпус повел наступление от Липпштадта к Зоэсту, а 3-й корпус, сменив части 7-го корпуса, стал продвигаться на запад в общем направлении на Хаген. 16-й корпус после форсирования Рейна продолжал наступление к каналу Рейн—Херне.

Выдвинутые навстречу американским войскам 116-я немецкая танковая дивизия, части Учебной танковой дивизии и отдельные части шести дивизий и боевых групп не могли оказать серьезного сопротивления превосходящим силам 19-го и 3-го корпусов. Оба они, продвигаясь в среднем по 5—7 км в сутки, 10 апреля подошли к Дортмунду и Мендену.

16-му корпусу пришлось преодолевать более или менее организованное сопротивление 63-го немецкого корпуса в густонаселенном Руре. Противник оказывал сопротивление в основном огнем пехотного оружия. Артиллерийские орудия стреляли очень редко. За восемь дней корпус переправился через канал и, продвинувшись на 10—12 км, вышел на р. Рур на правом фланге и в центре, а на левом фланге — к Дортмунду. Огонь противника подавлялся истребителями-бомбардировщиками и артиллерией. Корпус вел наступление всеми дивизиями одновременно на фронте около 50 км. В г. Эссен, наиболее важный промышленный центр Рура, американцы вступили без боя.

18-й воздушнодесантный корпус, имея полосу шириной около 50 км, продвигался по двум направлениям: на Зиген, Хаген и Зигбург, Золлинген, встречая несколько большее сопротивление 48-го немецкого танкового корпуса, ведущего бои в горно-лесистой местности, чем его сосед — 3-й корпус.

После 10 апреля сопротивляемость немецких войск стала еще ниже. В связи с этим американская авиация с 12 апреля прекратила активные действия против окруженной группировки: во-первых, наземные войска не встречали таких опорных пунктов, для подавления которых нужны были бомбардировщики; во-вторых, авиации было запрещено бомбить железнодорожный подвижной состав, так как

³⁴ См. Ф. С. Погью. Указ. соч., стр. 452.

американское командование намеревалось использовать его на восстанавливавшихся дорогах Германии; в-третьих, и это имело немалое значение, еще в начале апреля военный министр США Стимсон принял меры, чтобы спасти Рур от разрушения. Вполне очевидно, что на это решение оказали влияние и американские промышленные круги, имевшие крупные капиталовложения в Руре. Вследствие этого Эйзенхауэр, хотя и считал «основательную ликвидацию войск противника в Руре военной необходимостью», потребовал от войск по возможности обходить населенные пункты и избегать нанесения бесполезного или излишнего вреда существующим промышленным объектам³⁵.

14 апреля войска 9-й и 1-й американских армий соединились у Хагена, разрезав группировку немецких войск на две части. Фельдмаршал Модель отдал приказ с 17 апреля прекратить сопротивление. Чтобы не идти на официальную капитуляцию, он распустил остатки группы армий «Б», разрешив солдатам, не имевшим оружия, разойтись по домам. Те же, у кого оставалось оружие, должны были пробиваться к центру Германии, а блокированным гарнизонам разрешил сдаться в плен. Сам Модель исчез, и след его нигде не был обнаружен. Офицеры его штаба утверждали, что он покончил с собой³⁶. Немцы прекратили сопротивление и стали сдаваться в плен. 18 апреля американцы заняли Рур.

По американским данным, количество уничтоженных и захваченных в плен в Руре немецких солдат и офицеров достигало 317 тыс., в том числе 24 генерала³⁷. Черчилль, Эйзенхауэр и Брэдли считают, что уничтожено было 325 тыс. солдат и офицеров³⁸. «На территории, вокруг которой мы сомкнули кольцо окружения, — пишет Брэдли, — осталась разбитая группа армий «Б» Моделя, объединение более крупное, чем то, которое Паулюс сдал Жукову в Сталинграде»³⁹. Во-первых, не Г. К. Жукову, а К. К. Рокоссовскому, во-вторых, Брэдли, хотя и не прямо, пытается уравнивать операцию американских войск в Руре с битвой на Волге. Такое сравнение также нельзя считать обоснованным.

Битва на Волге была блестяще выиграна Советской Армией в тот период, когда фашистская Германия достигла вершины своей военной мощи. Окружение и ликвидация рурской группировки войск происходили в последние недели войны в Европе, когда гитлеровская Германия была обескровлена и стояла перед катастрофой.

Если Битва на Волге знаменовала собой начало коренного перелома в войне, если она решительно подорвала боеспособность немецко-фашистских вооруженных сил, то действия союзников в Руре свелись к захвату крупного промышленного района и пленению де-

³⁵ См. *Ф. С. Погью*. Указ. соч., стр. 452.

³⁶ См. там же, стр. 453.

³⁷ См. там же.

³⁸ См. *О. Брэдли*. Указ. соч., стр. 567; *D. D. Eisenhower*. Op. cit., p. 406; *W. Churchill*. Op. cit., v. VI, p. 366.

³⁹ *О. Брэдли*. Указ. соч., стр. 567—568.

морализованных войск противника. Да к тому же потеря Германией Рура в то время уже не могла оказать существенного влияния на ход войны, так как неизбежность поражения гитлеровской Германии была уже предreshена. В битве на Волге Советские Вооруженные Силы показали образцы военного искусства, чего нельзя сказать о действиях американских войск в Руре. Поэтому окружение и ликвидация рурской группировки немецко-фашистских войск, осуществленные при отсутствии серьезного сопротивления противника, ни по своему значению, ни по искусству проведения операции не могут идти ни в какое сравнение с битвой на Волге.

Наступление к Эльбе

После блокирования в Руре группы армий «Б» на Западном фронте образовалась брешь шириной более чем 200 км. Для заполнения ее ОКВ направило семь плохо укомплектованных дивизий, переброшенных с юга Германии и из Дании. Все они были сведены в 11-ю армию и армию «Блюментрит». Западного фронта как такового фактически уже не существовало. Эйзенхауэр пишет, что 12 апреля он вместе с командующим 3-й американской армией генералом Паттоном посетил некоторые корпуса и дивизии, которые уничтожали разрозненные группы противника. «Сплошной линии сопротивления или хотя бы организованной попытки задержать продвижение не было. Однако некоторые из частей противника упорно оборонялись, и в течение всего дня мы наблюдали отдельные стычки»⁴⁰.

У фашистской Германии в то время уже не было сил, чтобы воссоздавать Западный фронт. В конце марта—начале апреля Красная Армия на северном участке советско-германского фронта полностью ликвидировала восточно-прусскую группировку противника и заняла Кенигсберг. Цитадель прусского юнкерства, в течение столетий поставлявшая офицерские кадры для прусской армии и генерального штаба, была навсегда повержена. На южном крыле советско-германского фронта Красная Армия освободила восточную часть Чехословакии и завершила ликвидацию группировки гитлеровских войск в Венгрии; 13 апреля советские войска освободили столицу Австрии — Вену.

Гитлеровское командование тем не менее стремилось удержать Одер, хотя в этом уже не было ничего рационального. Все силы и средства, которые можно было еще найти в Германии, оно бросало на прикрытие берлинского направления.

Еще 28 марта в ходе наступления севернее Рура Монтгомери отдал приказ, согласно которому 21-я группа армий должна была захватить Северо-германскую равнину. Он допускал возможность

⁴⁰ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 407.

некоторой задержки в выполнении этой задачи, поскольку 9-й американской армии предстояло оставить часть сил в Руре, а 2-й английской армии вместе с 1-й канадской потеснить противника, блокированного западнее устья Эльбы⁴¹. Очищение устья Эльбы необходимо было для того, чтобы превратить крупнейший немецкий порт Гамбург в базу союзных армий и тем самым сократить их сухопутные коммуникации.

Решение Монтгомери прежде всего отражало заинтересованность правящих кругов Великобритании в быстром захвате Северной Германии, а также их стремление вступить в Берлин раньше Красной Армии. Черчилль в то время считал, как это он выразил в письме к Эйзенхауэру 2 апреля 1945 г., «чрезвычайно важным», чтобы встреча вооруженных сил США и Англии с Советскими Вооруженными Силами произошла «как можно дальше на Востоке»⁴².

Поэтому Монтгомери и планировал создание крупной группировки войск на Эльбе севернее Магдебурга.

Интересы правительства США сосредоточивались главным образом на Южной Германии, Австрии и Чехословакии. Вместе с тем США не исключали возможности захвата Берлина американскими войсками. Однако желание правительства США получить помощь Советского Союза в войне против Японии заставило их считаться с решением Крымской конференции о распределении зон в Германии между союзниками.

28 марта Эйзенхауэр также объявил командующим группами армий свое решение, которое предусматривало завершение окружения и уничтожения немецких войск в Руре, создание основной группировки союзных армий в центре Западного фронта и нанесение удара в направлении Эрфурт, Лейпциг, Дрезден, а также развитие наступления с целью захвата Северной и Южной Германии и вступления в Австрию и Чехословакию. С этого момента основную роль в наступлении к востоку от Рейна стали играть войска под командованием генерала Брэдли⁴³, а не фельдмаршала Монтгомери, как это предполагалось раньше.

12-я группа армий, которой с 4 апреля переподчинялась 9-я американская армия, должна была наступать по равнинам Германии до встречи с Красной Армией. При этом Эйзенхауэр не исключал возможности того, что эта встреча произойдет на Эльбе или даже где-то западнее нее. 21-й группе армий ставилась задача поддерживать действия американских армий на главном направлении с севера, а после выхода на Везер развивать наступление к Эльбе и захватить плацдарм на ее восточном берегу. После решения задачи на главном направлении намечалось проведение операции 21-й группой армий с целью захвата территории к западу от Килия и Любека. 6-я группа армий получила задачу обеспечить действия 12-й группы

⁴¹ В. L. *Montgomery*. Op. cit., p. 209—210.

⁴² W. *Churchill*. Op. cit., v. VI, p. 409.

⁴³ См. Ф. С. *Погью*. Указ. соч., стр. 449.

армий с юга и подготовиться к наступлению в направлении на Нюрнберг, Регенсбург, Линц⁴⁴.

Осуществление решения Эйзенхауэра могло привести к нарушению границ установленных на Крымской конференции зон оккупации Германии. Эйзенхауэр пытался обосновать свои действия такими соображениями: «Я уже узнал о политических соглашениях союзников, которые делили Германию на послевоенные зоны оккупации... Это будущее разделение Германии на зоны не повлияло на наши военные планы окончательного завоевания страны. На мой взгляд, военные планы должны были составляться с единственной целью ускорить победу; позднее войска отдельных стран могли быть сосредоточены в отведенных им национальных секторах»⁴⁵. Далее он пишет, что «важнейшим объектом после Рура был Берлин», но он считал, что Берлин не может быть объектом западных союзников, так как Красная Армия была ближе к нему, чем союзные армии. Содержание своего решения Эйзенхауэр 28 марта сообщил Советскому Верховному Главнокомандованию⁴⁶.

Решение верховного командующего союзными армиями не устраивало правительство Великобритании, и оно потребовало от Объединенного совета начальников штабов пересмотреть его. Из писем Черчилля к президенту США, Эйзенхауэру и указаний комитету английских начальников штабов видно, что его не устраивали два момента в решении Эйзенхауэра: во-первых, то, что это решение не предусматривало захвата Берлина союзными армиями и продвижения их как можно дальше на восток; во-вторых, то, что главный удар наносился американскими, а не английскими армиями.

Черчилль считал, что занятие Красной Армией Вены, а затем и Берлина значительно повысит роль Советского Союза в достижении победы.

«Поэтому, — писал он Рузвельту 1 апреля 1945 г., — я считаю, что с политической точки зрения мы должны продвинуться в Германии как можно дальше на восток и, если представится возможность, захватить Берлин. Это кажется мне правильным и с военной точки зрения»⁴⁷. То же самое он высказал и в письме к Эйзенхауэру⁴⁸.

Однако комитет начальников штабов США ответил, что план Эйзенхауэра соответствует согласованной между союзниками стратегии и данной ему директиве. Вопрос же о наступлении на Берлин в их ответе оставался открытым, и решение его было поставлено в зависимость от военных условий⁴⁹. Эйзенхауэр 1 апреля 1945 г. писал Черчиллю, что избранный им способ действий позволит легче достигнуть намеченных целей, чем способ, предлагаемый

⁴⁴ См. *Ф. С. Погью*. Указ. соч., стр. 449.

⁴⁵ *D. D. Eisenhower*. Op. cit., p. 396.

⁴⁶ См. *Дж. Эрман*. Указ. соч., стр. 134—135; Архив МО СССР, оп. 2000, д. 3, п. 14, л. 5.

⁴⁷ *W. Churchill*. Op. cit., v. VI, p. 407.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 408.

⁴⁹ См. *Ф. С. Погью*. Указ. соч., стр. 457—459; *Дж. Эрман*, стр. 141—147.

английскими начальниками штабов. Он не исключал необходимости захвата северных портов Германии вплоть до Любека, но считал более важным достижение целей в центре Западного фронта. Свое письмо Эйзенхауэр закончил следующей фразой: «Конечно, если в какой-либо момент сопротивление будет внезапно сломлено по всему фронту, мы устремимся вперед, Любек и Берлин окажутся в числе важных объектов»⁵⁰.

Как видно, Эйзенхауэр был не против того, чтобы возглавляемые им войска первыми вошли в Берлин, но, очевидно, он лучше Черчилля видел несбыточность такой мечты. Свою точку зрения он более подробно изложил 7 апреля в докладе Объединенному совету начальников штабов. Он считал необходимым нанести удар по противнику в районе Эльбы вблизи Лейпцига, вывести союзные армии к побережью Балтийского моря у Любека, и если появится возможность взять Берлин, то это будет сделано. Но далее он заявил: «На данном этапе я считаю с военной точки зрения бесполезным стремление сделать Берлин главной целью наступления, и, в частности, потому, что русские находятся от него на расстоянии 50—60 км. Я согласен с тем, что война ведется ради достижения политических целей, и если Объединенный совет начальников штабов решит, что взятие Берлина является более важным делом, чем чисто военные соображения на данном театре военных действий, я охотно пересмотрю мои планы и буду мыслить так, как это необходимо для того, чтобы выполнить подобную операцию»⁵¹. Но Объединенный совет из-за позиции, занятой американскими начальниками штабов, больше не занимался этим вопросом.

Черчилль, хотя и не был согласен с намерениями Эйзенхауэра, но отменить его решение не мог, так как английские войска составляли меньше четверти общего числа союзных армий на Западном фронте. В тот период, как пишет сам Черчилль о своей роли в руководстве войной в Европе, он мог «лишь предупреждать и вызывать»⁵², но изменить намерения своего союзника был бессилён. Операции союзных армий на Западном фронте проводились по принятому Эйзенхауэром решению, которое он оформил приказом от 2 апреля.

После окружения Рура 12-я группа армий предприняла наступление к Эльбе. 3-я американская армия, имевшая в голове 20-й корпус, 4 апреля заняла Кассель, 11 апреля Эрфурт, а на следующий день Веймар. 1-я армия провела перегруппировку, высвободив полностью 7-й корпус для движения на восток. 11 апреля продвижение 12-й группы армий к Эльбе велось уже на всем ее фронте. Сопротивление противника этой группе было спорадическим. Разбитые немецкие части отходили небольшими группами, не имея в тылу подготовленных позиций, на которых они могли бы занять оборону.

⁵⁰ *W. Churchill*. Op. cit., v. VI, p. 408.

⁵¹ «*Command Decisions*». New York, 1959, p. 381.

⁵² *W. Churchill*. Op. cit., v. VI, p. 400.

Многие из них уклонялись от боя и ожидали случая оказаться обойденными, чтобы сдать в плен. Гражданское население не вняло призывам гитлеровской клики создавать и развернуть партизанскую войну. Более того, оно, чтобы не подвергать разрушению города, помогало американским войскам, вынуждая немецкие гарнизоны к капитуляции, если они собирались организовать оборону в городе. 18 апреля передовые части американских бронетанковых дивизий вышли на Эльбу.

3-я американская армия 13—14 апреля 8-м и 12-м корпусами вышла на чехословацкую границу, а 20-м заняла г. Хемниц. Левее в общем направлении на Лейпциг двигалась 1-я американская армия. На ее левом фланге 3-я бронетанковая дивизия, шедшая в голове 7-го корпуса, 14 апреля заняла Дессау, а 5-й корпус 19 апреля вступил в города Галле и Лейпциг. 9-я армия 6 апреля переправилась через Везер, а затем двигалась к Эльбе. 12 апреля 2-я бронетанковая дивизия 19-го корпуса захватила плацдарм на Эльбе в 15 км юго-восточнее Магдебурга, но через два дня немцы ликвидировали его. Севернее 5-я бронетанковая дивизия 13-го корпуса в тот же день захватила новый плацдарм на реке юго-восточнее Виттенберга; Магдебург был занят подошедшими пехотными дивизиями 18 апреля.

15 апреля генерал Симпсон совещался с Брэдли в штабе 12-й группы армий по поводу дальнейшего движения 9-й армии к Берлину. Но они не приняли никакого решения, ограничившись лишь выяснением возможностей для проведения такой операции.

На следующий день началось наступление Красной Армии на Берлин, и Симпсон получил приказ Эйзенхауэра дожидаться подхода советских войск к Эльбе.

На правом крыле 21-й группы армий 2-я английская армия двигалась в общем направлении на Гамбург, Любек. Монтгомери пишет, что «сопротивление продвижению 2-й английской армии было легчайшим на правом фланге и в центре»⁵³. Ее 8-й и 12-й корпуса 23—24 апреля вышли на Эльбу на участке Люнебург, Гамбург. 30-й корпус встретил сопротивление лишь в районе Бремена, который удалось захватить 26 апреля, а в конце апреля он вышел к устью Эльбы.

1-я канадская армия наступала в северном и северо-восточном направлениях, имея целью очистить от немцев побережье Северного моря. Один ее корпус двигался на Девентер, Ольденбург, а второй — к Арнему и зал. Зейдер-зе. К 20 апреля они блокировали в Северной Голландии немецкие войска, в составе которых были остатки 25-й полевой и 1-й парашютной армий. Арнем канадцы заняли 15 апреля. Так как уничтожение блокированного противника в Северной Голландии было сопряжено с необходимостью преодолевать затопления, которые произвели немецкие

⁵³ В. L. Montgomery. Op. cit., p. 211—212.

войска, Монтгомери приказал прекратить наступление 1-й канадской армии дальше на север и ждать капитуляции немцев.

6-я группа армий предприняла наступление в Южной Германии. 7-я американская армия встречала сопротивление лишь небольших групп противника, который, используя горную местность, заставлял американцев развешиваться. Продвигалась армия медленно. Только 16 апреля ее передовые части подошли к Нюрнбергу.

1-я французская армия, не встречая сопротивления, быстро продвигалась на юг. В ходе этого наступления она захватила Штутгарт, который по плану нужно было занять 7-й американской армии. Командующий этой армией ввел свои войска и потребовал от французов освободить город, но французы отказались. Тяжба за Штутгарт дошла до президента США и де Голля. Эйзенхауэр предупредил де Голля, что он в таких условиях не может больше использовать в оперативных целях какие-либо французские войска и что снабжение французской армии будет прекращено. Угроза подействовала: французы вывели свои войска из Штутгарта, и инцидент был исчерпан.

21 апреля Эйзенхауэр направил начальнику Генерального штаба Красной Армии информацию о развитии военных действий на Западном фронте. Он сообщал, что операции, намеченные планом от 28 марта, осуществлены и приближается время, когда американские войска начнут операцию второстепенного характера в направлении на Линц. Тут же он обратил внимание на то, что продвижение американских армий в центральном секторе было таким быстрым, что их коммуникации значительно растянулись. «Поэтому мы, — писал он, — не предпримем в центральном секторе фронта наступления какими-либо силами, по меньшей мере в течение ближайших нескольких недель».

В то же время союзники предполагали предпринять ряд операций, чтобы ликвидировать остатки войск противника на флангах. На севере готовилась операция по открытию северных германских портов, которые могли иметь большое значение для снабжения союзных войск при их продвижении на север, за Эльбу. На юге Западного фронта, где сопротивление немцев было наиболее сильным, союзники направляли крупные силы войск в долину Дуная и к Линцу. Одну армию предполагалось сначала использовать для обеспечения правого фланга этих войск, а позднее выдвинуть ее в Западную Австрию, чтобы «предупредить попытку нацистов в последний раз закрепиться в горах Западной Австрии». Наступление в южном направлении предполагалось начать через несколько дней, форсирование Эльбы у Гамбурга — немного позже⁵⁴.

Из этой информации следует, что американские войска на центральном участке Западного фронта вынуждены были остановиться, так как их коммуникации чрезмерно растянулись. Дальше наступать на восток они не могли.

⁵⁴ Архив МО СССР, оп. 2000, д. 3, п. 14, лл. 7—8.

Через три дня, 24 апреля, генерал армии Антонов направил Эйзенхауэру ответ, в котором, поблагодарив за информацию, сообщал, что «ближайший план советского командования предусматривает наряду с операцией по овладению Берлином операции по очищению от немецких войск восточного побережья реки Эльбы севернее и южнее Берлина и долины Влтавы (приток Эльбы), где, по имеющимся у нас сведениям, немцы сосредоточивают значительные силы»⁵⁵. О всех вынужденных изменениях намеченного плана генерал Антонов обещал своевременно информировать Эйзенхауэра.

В ответном письме от 1 мая 1945 г. Эйзенхауэр благодарил начальника Генерального штаба за информацию о планах Советского Верховного Главнокомандования и сообщил, что его планы будут осуществляться так, как он писал в письме от 21 апреля, но при этом он уточнил линию, до которой планировался выход американских войск. «В то время как наши настоящие оперативные позиции на центральном фронте устанавливаются, как было условлено, вдоль рек Эльба и Мульде, в настоящее время предпринимается операция через нижнее течение Эльбы с целью создания прочного оперативного восточного фланга приблизительно по линии Висмар—Шверин—Демиц. Точное расположение позиций будет установлено совместными действиями наших войск на месте после их встречи. . . Начиная от верхнего течения реки Мульде, мои войска будут занимать позиции в районе Эрц-Гебирге и леса Богемер, приблизительно вдоль границ Чехословакии 1937 г. Эти войска, возможно, продвигнутся, позднее, если позволит обстановка, до пунктов Карлсбад (Карловы Вары. — В. К.), Пльзень, Будеевице»⁵⁶.

Такой обмен информацией о планах был необходим для того, чтобы не допустить инцидентов при сближении советских войск и армий союзников, продвигавшихся с востока и запада.

Как указывалось, передовые американские и английские дивизии вышли на Эльбу 14—18 апреля. Пока подтягивались к реке главные силы американцев, Советские Вооруженные Силы начали 16 апреля последнее сокрушительное наступление на Одере, завершившееся овладением Берлином и безоговорочной капитуляцией фашистской Германии.

До начала наступления Красной Армии на Берлин гитлеровское верховное командование спешно сформировало 12-ю армию, в которую планировалось включить 12 дивизий. Но ему удалось собрать лишь три дивизии, основу которых составили части трудовой повинности, наспех обученные курсанты офицерских и унтер-офицерских школ, а также остатки разбитых соединений.

Генерал Иодль 22 апреля предложил перебросить войска, находившиеся на Западе, в район Берлина, чтобы остановить наступление Красной Армии. Начало этому повороту должна была положить 12-я немецкая армия своим выдвиганием к Берлину 25 апреля.

⁵⁵ Архив МО СССР, оп. 2000, д. 3, п. 14.

⁵⁶ См. там же.

Гитлер согласился. Для контроля за осуществлением этого плана Иодль выехал в штаб 12-й армии. Но план провалился: Красная Армия юго-западнее Берлина разгромила и эту армию; взять же с Западного фронта было нечего.

25 апреля в районе Потсдама сомкнулись мощные клещи 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Благодаря этому берлинская группировка противника оказалась в полном окружении. В тот же день на Эльбе в районе Торгау встретились американские и советские войска. Дни третьего рейха были сочтены.

Не имея возможности взять Берлин, союзное верховное командование немало постаралось, чтобы захватить Данию, часть Чехословакии и Австрии. 19 апреля 1945 г. Черчилль в письме к Идену, находившемуся в тот день в Вашингтоне, писал: «Западные союзники, по-видимому, в данный момент не в состоянии прорваться в Берлин... Скорейший захват войсками Монтгомери Любека считается чрезвычайно важным... Наш приход в Любек раньше наших русских друзей из Штеттина поможет избежать многих споров впоследствии. Нет никаких оснований для того, чтобы русские оккупировали Данию... Наше положение в Любеке, если мы туда попадем, будет иметь решающее значение в этом деле»⁵⁷.

О таких намерениях Эйзенхауэр ничего не сообщал генералу армии Антонову. В своих мемуарах он пишет, что это якобы требовалось для ликвидации базы подводных лодок в Любеке и группировки немецких войск в Дании⁵⁸. Генерал Брэдли более откровенен. Он так же, как и Черчилль, указывает, что наступление проводилось отнюдь не для разгрома немецких войск, находившихся в Дании и Голландии; оно преследовало цель «пройти до побережья Балтики и отрезать Данию от Советов». Англичане доказывали, добавляет он, что, если Монтгомери «в ближайшее время не выйдет на побережье Балтийского моря, мы можем в одно прекрасное утро проснуться и обнаружить Красную Армию в Дании и Советы на Северном море»⁵⁹.

Американцы нашли доводы англичан «убедительными» и усилили 2-ю английскую армию 18-м американским воздушнодесантным корпусом под командованием генерала Риджуэя⁶⁰. Причем переброска этого корпуса в полосу 21-й группы была проведена в очень короткие сроки. Менее чем за неделю, пишет Риджуэй, корпус сделал на грузовых машинах и виллисах около 500 км из Рурского бассейна к Эльбе и переправился через эту широкую, полноводную реку⁶¹.

Исходя из намерения Черчилля, 21-я группа армий получила задачу наступать на Любек и блокировать Шлезвиг-Гольштейнию и Данию с юга. Монтгомери решил после захвата плацдарма на Эльбе

⁵⁷ W. Churchill. Op. cit., v. VI, p. 449.

⁵⁸ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 425.

⁵⁹ См. О. Брэдли. Указ. соч., стр. 586.

⁶⁰ В корпус кроме воздушнодесантных дивизий входила 7-я бронетанковая дивизия (М. Риджуэй. Солдат. М., 1958, стр. 166).

⁶¹ См. там же.

направить 18-й воздушнодесантный корпус, усиленный 6-й английской воздушнодесантной дивизией, в направлении Нойхауз, Шверин, Висмар. Выйдя к Висмару, корпус создаст оборонительный рубеж фронтом на восток. Все внимание уделялось обеспечению быстрого и безостановочного продвижения именно этого корпуса. Можно подумать, что противником английских войск были войска 2-го Белорусского фронта, наступавшие тогда вдоль побережья Балтийского моря. К тому же Советское Верховное Главнокомандование приказало этому фронту остановиться на линии Висмар, Шверин, Демиц⁶², о чем оно поставило в известность Эйзенхауэра.

29 апреля 2-я английская армия начала переправу через Эльбу, встретив сопротивление лишь небольших групп противника. После переправы продвижение 18-го воздушнодесантного корпуса ускорилося; к 2 мая корпус захватил города Шверин и Висмар, выполнив свою задачу на 48 часов раньше, чем было намечено планом⁶³. Это, пожалуй, единственный случай такого «точного» выполнения задачи американским корпусом за всю войну. На следующий день к Висмару подошли танковые войска 2-го Белорусского фронта. 3 мая частям 12-го английского корпуса сдался без боя гарнизон Гамбурга. Блокировав Ютландский полуостров, английское командование направило свои войска в Данию.

16 апреля, после того как началось наступление советских войск на Берлин, на совещании в штабе Брэдли в Висбадене, где присутствовали командующий 6-й группой армий генерал Деверс и командующий 7-й американской армией генерал Петч, был разработан план наступления 3-й и 7-й армий с целью захвата Южной Германии и Верхней Австрии. В соответствии с этим планом 7-я армия переправлялась через Дунай и продолжала двигаться к Мюнхену и далее к Инсбруку, а 3-й армии предстояло войти в Австрию; 1-я и 9-я армии переходили к обороне по Эльбе от чехословацкой границы до Виттенберга⁶⁴. 5-й корпус 1-й армии придавался 3-й армии для вторжения в Чехословакию⁶⁵.

Намечая продвижение своих войск в Южную Германию и Верхнюю Австрию, американское командование ожидало встречи с так называемым национальным редутом, о котором трубила немецко-фашистская пропаганда. Американская разведка получила сведения, что этот «редут» охватывает район Южной Германии, Тироля и Верхней Австрии и в нем находятся 100 немецких дивизий, из которых около 30 танковых.

Движение 3-й американской армии в Австрию началось 22 апреля переправой через Дунай. Немцы оказали сопротивление только в Регенсбурге. В остальных районах при подходе американцев они капитулировали. 5 мая 3-я армия приняла капитуляцию гарнизона г. Линц и затем развивала движение вниз по Дунаю.

⁶² Архив МО СССР, оп. 2000, д. 3, п. 14, л. 17.

⁶³ М. Риджуэй. Указ. соч., стр. 166.

⁶⁴ См. О. Брэдли. Указ. соч., стр. 583.

⁶⁵ D. D. Eisenhower. Op. cit., p. 417.

Одновременно с 3-й армией начала двигаться к Дунаю 7-я армия. Ее 15-й корпус, переправившись через Дунай и быстро продвинувшись на юг, 30 апреля вступил в Мюнхен, а на следующий день занял Зальцбург и Берхтесгаден. 21-й и 6-й корпус, двинувшиеся после переправы через Дунай также на юг, 3 мая заняли Инсбрук. 103-я дивизия 6-го корпуса, достигшая перевала Бреннер, соединилась там с 88-й дивизией 5-й американской армии, подошедшей из Италии.

Во время этих действий в Южной Германии коммуникации американских армий сильно растянулись. Железные дороги, как правило, не приводились в порядок. Автомобильный транспорт, работая с максимальным напряжением, не мог полностью удовлетворить потребности армий в горючем и других видах снабжения. Чтобы восполнить этот пробел, систему снабжения американских армий в апреле постоянно обслуживали 1500 транспортных самолетов. Кроме того, для перевозки грузов приспособлялись тяжелые бомбардировщики, с которых снимали вооружение. Всего в течение апреля американская авиация доставила передовым войскам 60 тыс. т грузов. Большую часть переброшенных грузов составляло горючее.

Таким образом, к началу мая вся Южная Германия и Верхняя Австрия были без боев оккупированы американскими войсками. «Национальный редут» оказался очередным блефом немецкой пропаганды.

Во время наступления 3-й и 7-й армий в Южной Германии и Австрии английский комитет начальников штабов поднял вопрос о том, что если бы западные союзники заняли Прагу и, по возможности, большую часть Чехословакии, оставшуюся в руках немцев, то они могли бы получить значительные политические преимущества⁶⁶. Одновременно между Черчиллем и новым президентом США Трумэном, занявшим этот пост после смерти Рузвельта 12 апреля 1945 г., началась переписка по поводу захвата Праги американскими войсками. «Можно почти не сомневаться в том, — писал Черчилль Трумэну 30 апреля, — что освобождение вашими войсками Праги и как можно большей территории Западной Чехословакии может полностью изменить послевоенное положение в Чехословакии и вполне может к тому же повлиять на соседние страны». Он полагал, что не существует никаких договорных условий с Советским Союзом, которые мешали бы проводить такие действия⁶⁷. Президент США ответил 1 мая, что у Эйзенхауэра имеется план вступления в Чехословакию и продвижения в направлении Карлсбада и Пльзеня и что он одобряет этот план. Эйзенхауэр считал, что западные союзники смогут вести наступательные действия в Дании и в Норвегии, но пришел к выводу, что Красная Армия в состоянии быстрее и легче изгнать немецкие

⁶⁶ «Command Decisions», p. 384.

⁶⁷ W. Churchill. Op. cit., v. VI, p. 442.

войска из Чехословакии и освободить Прагу, чем это смогли бы сделать американские войска ⁶⁸.

Тем не менее 4 мая в 19 час. 30 мин. Эйзенхауэр передал Брэдли по телефону распоряжение пересечь границу Чехословакии. И в тот же день 5-й американский корпус вторгся в Чехословакию ⁶⁹. 6 мая американские войска заняли Пльзень и Карлсбад. Это было нарушением достигнутого между Эйзенхауэром и Антоновым соглашения о ведении операций в этом районе, что могло привести к нежелательным инцидентам между советскими и американскими войсками. Чтобы придать «законность» этим действиям, Эйзенхауэр обратился к начальнику Генерального штаба Красной Армии за согласием на оккупацию американскими войсками западной части Чехословакии до рек Эльба и Влтава. 4 мая он передал через американскую военную миссию в Москве генералу Антонову информацию о своих планах в Чехословакии. «Мы собираемся, — писал Эйзенхауэр, — начать наступление в Чехословакии к общей линии Ческе Будеевице — Пльзень — Карлсбад и захватить эти города. Позже мы будем готовы продвинуться в Чехословакии, если этого потребует обстановка, до линии рек Влтавы и Эльбы, чтобы очистить западные берега этих рек. . .» ⁷⁰

Это решение было одобрено Черчиллем. Он писал 7 мая Эйзенхауэру: «Я надеюсь, что Ваш план не помешает Вам продвинуться к Праге, если у Вас будут необходимые для этого войска и если Вы не встретитесь с русскими раньше. Я думаю, что Вы не собираетесь сковывать себя, если у Вас будут войска и территория окажется свободной» ⁷¹.

Советское Верховное Главнокомандование потребовало выполнения ранее достигнутых соглашений и остановки американских войск на линии Пльзень, Карлсбад (Карловы Вары). 5 мая начальник Генерального штаба в своем ответе Эйзенхауэру напомнил о переписке в апреле и о достигнутом соглашении. Исходя из него, писал Антонов, «Советское командование создало уже соответствующую группировку войск и приступило к выполнению намеченной операции. Чтобы избежать возможности перемешивания войск, Советское командование просит генерала Эйзенхауэра не передвигать союзные войска в Чехословакии к востоку от первоначально намеченной линии, т. е. Будеевице, Пльзень, Карлсбад. В то же время Советское командование, идя навстречу пожеланиям генерала Эйзенхауэра, изложенным в письме от 1 мая 1945 года, оставило продвижение своих войск к Нижней Эльбе, к востоку от линии Висмар, Шверин, Демиц» ⁷².

В конце апреля — начале мая Красная Армия продолжала освобождать Чехословакию от немецко-фашистских захватчиков.

⁶⁸ «Command Decisions», p. 385.

⁶⁹ См. *О. Брэдли*. Указ. соч., стр. 587.

⁷⁰ Архив МО СССР, оп. 2000, д. 3, п. 14, л. 15.

⁷¹ *W. Churchill*. Op. cit., v. VI, p. 442.

⁷² Архив МО СССР, оп. 2000, д. 3, п. 14, л. 17.

На борьбу с оккупантами под руководством Коммунистической партии Чехословакии поднялись чешский и словацкий народы. 5 мая началось восстание в Праге, придавшее всем выступлениям трудящихся общенациональный характер⁷³. Немецкие фашисты, стремясь подавить восстание, бросили против восставших войска группы армий «Центр». Воины 1, 2-го и 4-го Украинских фронтов разгромили эту группировку врага и 9 мая совместно с восставшими пражанами освободили столицу Чехословакии. Миллионная группировка немецко-фашистских войск, охваченная со всех сторон юго-восточнее Праги, была пленена.

Капитуляция немецких войск

В апреле Гиммлер через графа Бернадотта передал английскому посольству в Швеции предложение о капитуляции немецких войск на севере Германии перед западными союзниками. 26 апреля Черчилль переслал Эйзенхауэру предложение Гиммлера⁷⁴. Боясь осложнений с СССР, союзное верховное командование отказалось принять это предложение, так как оно исходило от представителя германского правительства. Капитуляция Германии согласно договоренности СССР, США и Великобритании могла быть лишь безоговорочной и произойти одновременно перед тремя странами.

Поскольку немецкой стороне не удалось осуществить капитуляцию фашистского вермахта перед западными союзниками, вновь сформированное правительство Деница 2 мая решило сделать то же, но по частям, через группы армий, и постепенно⁷⁵. Такое решение не было беспочвенным, ибо влиятельные деятели в правительствах и военных кругах США и Великобритании практически стремились к тому же.

Тогда же Черчилль, как он сам признался в выступлении перед избирателями в Вудфорде 23 ноября 1954 г., направил Монтгомери телеграмму с предписанием «тщательно собирать германское оружие и складывать его, чтобы его легко можно было бы снова раздать германским солдатам», с которыми он собирался «сотрудничать» против Советского Союза⁷⁶.

Переговоры с союзным верховным командованием о капитуляции Гамбурга начали местные финансово-промышленные круги еще 1 апреля через Швецию, но Дениц запретил продолжать их. 2 мая по его указанию главноком германских военно-морских сил адмирал флота Г. Фридебург провел переговоры с Монтгомери. Получив доклад об этих переговорах, Эйзенхауэр заявил, что капи-

⁷³ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 5, стр. 315—316.

⁷⁴ *D. D. Eisenhower*. Op. cit., p. 423.

⁷⁵ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 5, стр. 343.

⁷⁶ См. «Правда», 25.XI 1954.

туляция немецких войск в районе действий 21-й группы армий — «тактический вопрос», решать который имеет право местное командование. В 18 час. 30 мин. 4 мая состоялось подписание акта о сдаче всех немецких вооруженных сил в Голландии, Северо-Западной Германии, Шлезвиг-Гольштейне и Дании 21-й группе армий. Военные действия в этом районе прекращались 5 мая в 8 часов утра⁷⁷.

Тем временем в Макленбурге командующий 21-й армией генерал Типпельскирх договорился с командиром 82-й американской воздушнодесантной дивизии о капитуляции его армии при одновременном ведении арьергардных боев против Красной Армии. Таким же образом генерал В. Венк сдал остатки своей армии командующему 9-й американской армией генералу Симпсону.

2 мая командующий войсками группы армий «Г» генерал Ф. Шульц запросил союзное командование о том, кому он сможет сдать в плен остатки своих армий. По указанию штаба Эйзенхауэра эти армии 5 мая капитулировали перед 6-й группой армий. Из тяжелого оружия они сдали американцам 40 танков и 120 артиллерийских орудий.

Дениц намеревался расширить подобную капитуляцию вермахта на районы Чехословакии и Австрии. Но действия Красной Армии и меры, принятые Советским Верховным Главнокомандованием, сорвали эти планы.

5 мая Фридебург вступил в переговоры с начальником штаба союзных экспедиционных сил генералом Б. Смитом. Последний отказался вести переговоры о «частичной капитуляции» и потребовал общей капитуляции Германии перед всеми союзниками. В переговоры вступил с немецкой стороны Иодль, которому удалось добиться согласия на то, что капитуляция вступает в силу через 48 часов после ее подписания.

Дениц в 1 час. 30 мин. 7 мая, уполномочив Иодля подписать акт о безоговорочной капитуляции, одновременно отдал по радио приказ командующим групп армий на Восточном фронте немедленно отвести на Запад все, что только возможно, а в случае необходимости — с боем прорываться через позиции советских войск⁷⁸.

Однако благодаря решительным действиям Красной Армии эти коварные замыслы полностью не осуществились.

7 мая в Реймсе состоялось подписание предварительного протокола о безоговорочной капитуляции фашистской Германии представителями западных союзников и немецкого верховного главнокомандования. На следующий день руководители разгромленного вермахта в присутствии представителей Советского Верховного Главнокомандования и верховного командования союзных войск подписали в Берлине акт о безоговорочной капитуляции, исполнение которого началось 9 мая 1945 г. в 00 час. 01 мин.

Война в Европе закончилась.

⁷⁷ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 5, стр. 345—346.

⁷⁸ См. там же, стр. 348.

Антифашистская коалиция, политика и стратегия

Вопрос о втором фронте и коалиционная стратегия

Долгожданный и много раз обещанный второй фронт был открыт. Войска союзников, вторгнувшиеся в Западную Европу, провели ряд успешных операций, нанесли поражение определенной части немецко-фашистских вооруженных сил. За одиннадцать месяцев военных действий они заняли Францию, Бельгию, Голландию, Люксембург, Данию и западную часть Германии. Этим они оказали серьезную помощь Красной Армии и демократическим силам стран Восточной Европы в их борьбе против фашистской Германии. Совместные действия вооруженных сил западных союзников и Советского Союза против фашистского блока в Европе явились важнейшим показателем жизнеспособности, силы и прочности антифашистской коалиции. Объединенные Нации одержали полную победу. Второй фронт был одним из важных средств достижения ее.

Но в 1944—1945 гг. это был в сущности не тот второй фронт, создания которого ожидали прогрессивные антифашистские силы еще в 1941 г. В то время и позднее, в 1942 и 1943 гг., с осуществлением идеи второго фронта связывался существенный пересмотр западными союзниками их методов ведения войны в Европе и выбор стратегии, соответствовавшей характеру и целям антифашистской коалиции.

Политический смысл своевременного открытия второго фронта заключался в том, что наличие двух и более основных фронтов в Европе могло способствовать ускорению полного истощения и разгрома фашистского блока, прежде всего гитлеровской Германии. Вместе с тем второй фронт, став одним из реальных средств сокращения сроков войны, явился бы также важнейшим стимулом морально-политического сплочения народов СССР, США, Великобритании и других стран, а также всех антифашистских, прогрессивных сил мира. Наличие второго фронта позволяло бы им видеть плоды своей борьбы и вдохновляло бы их на новые усилия во имя скорейшего достижения победы.

Стратегический смысл создания второго фронта состоял в том, чтобы согласованными решительными действиями антифашистской

коалиции как можно раньше заставить гитлеровскую Германию и ее союзников в Европе рассредоточить между многими фронтами и театрами военных действий как вооруженные силы, так и ресурсы, которыми они тогда располагали, и тем лишить фашистский блок тех временных, но серьезных военных преимуществ, которых он достиг в 1941 г. на советско-германском и других фронтах, подготовить условия для разгрома главных его сил, а затем добиться полной военной победы.

Создание второго фронта в условиях минувшей мировой войны было единственным средством, позволявшим ускорить наступление коренного перелома в войне, а следовательно, и сократить ее сроки, в чем были заинтересованы все народы мира. Оно являлось тогда также единственным путем для оказания существенной военной помощи Советскому Союзу США и Великобритании. Любые иные стратегические действия западных союзников не приводили к быстрому истощению ресурсов гитлеровской Германии и ставили Советский Союз в трудное положение, облегчали фашистскому блоку условия ведения войны, вели к затягиванию ее сроков.

Однако правительства США и Великобритании открыли второй фронт только тогда, когда уже совершился коренной перелом в войне и Советский Союз, по существу один на один сражавшийся с фашистским блоком, вырвал из рук противника стратегическую инициативу и прочно закрепил ее за собой, поставив гитлеровскую Германию и ее союзников в Европе перед неизбежностью поражения. Таким образом, высадившиеся во Франции американские, английские и другие союзные армии решали более легкую задачу — вместе с Красной Армией завершали разгром фашистской Германии, силы которой были к тому времени уже надломлены.

Так как вопрос о втором фронте являлся одним из важнейших в отношениях между правительствами США, Великобритании и Советского Союза, при его решении проявились характерные черты проводившейся ими политики. Последние дали себя знать при определении правительствами США и Великобритании военных целей в Европе и способов их осуществления, сроков открытия второго фронта, распределении сил между театрами военных действий. В целом же они проявились в отношениях правительств обеих стран к своему союзнику по антифашистской коалиции — Советскому Союзу.

Политика американского и английского правительств явилась основной, решающей причиной того, что вторжение в Западную Европу началось с большим опозданием. Его откладывание имело целью прежде всего переложить всю тяжесть войны на Советский Союз и его вооруженные силы в самый трудный для них период, чтобы использовать их борьбу в своих интересах и в конечном результате серьезно ослабить первую в мире страну социализма. Антисоветский курс этой политики вместе с тем был направлен и против интересов народов США, Великобритании и оккупированных фашистскими захватчиками стран. Затягивание сроков войны было

выгодно лишь монополиям США и Великобритании, поскольку они получали от военного бизнеса баснословные прибыли. Наконец, курс США и Англии на откладывание второго фронта был также выражением политики колониализма, так как сначала осуществлялись их империалистические цели на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке.

Таким образом, отношение правительств США и Великобритании к вопросу о втором фронте можно определить, как одно из конкретных проявлений их империалистической политики в период войны, противоречивших справедливому, освободительному характеру, который эта война окончательно приобрела после вступления в нее СССР. Американские и английские правящие круги, сознавая или не сознавая это противоречие, стремились использовать в своих империалистических интересах энтузиазм народов, мощное антифашистское движение, вызванные освободительным характером войны. Этому в известной мере благоприятствовало то обстоятельство, что США и Англия находились в числе основных держав — участниц антигитлеровской коалиции, и их правительства имели возможность тщательно маскировать истинные замыслы декларациями об освободительных целях войны.

Настойчивые требования Советского Союза, народов США, Великобритании и других стран, всех участников движения за открытие второго фронта в Европе в 1941, 1942 и 1943 гг. были одной из форм их борьбы за преодоление противоречия между политикой двух западных правительств, с одной стороны, и освободительным характером войны — с другой. Движение сторонников второго фронта свидетельствовало о росте политической сознательности широких масс трудящихся, об их стремлении направить войну на решение прогрессивных и справедливых задач и целей.

Но это, к сожалению, осознавалось не всеми участниками движения. Вообще же сторонники второго фронта в обеих странах не были столь организованными, а их движение не достигало такого размаха, который был необходим для достижения поставленных целей. Тем не менее это движение мешало правительствам Великобритании и США проводить без серьезных осложнений их империалистическую политику в Европе.

Следует отметить, что в борьбе за открытие второго фронта в Европе в 1941—1942 гг. участвовали и некоторые представители правящих классов США и Великобритании. Их требования, конечно, не выходили за рамки споров о способах вооруженной борьбы и диктовались главным образом опасностью, которая нависла тогда над США и Великобританией в результате побед фашистской Германии, а также боязнью как самостоятельной победы СССР, так и победы Германии. Тем не менее эта категория сторонников вторжения в Западную Европу была временным союзником последовательных борцов за своевременное открытие второго фронта, и их требования в какой-то мере совпадали с национальными интересами народов США и Великобритании.

Последовательными борцами за открытие второго фронта в 1941—

1943 г. являлись Советский Союз, коммунистические партии и низовые организации профсоюзов США и Великобритании. Что касается американских и английских профсоюзных лидеров, а также лейбористской верхушки, то они оказывали в этом вопросе поддержку правительствам и тем способствовали подчинению деятельности трудящихся достижению империалистических целей.

Противоречие между империалистической политикой американских и английских правящих кругов и справедливым, освободительным характером войны против фашистской Германии в 1941—1943 гг. не могло не сказаться на стратегии союзников в Европе. Его воздействие проявилось в том, что до середины 1944 г. основные вооруженные силы США и Великобритании вели боевые действия в Юго-Восточной Азии, на Тихом океане, в Северной Африке и в районе Средиземного моря, т. е. такие операции, которые не могли заставить фашистскую Германию перераспределить свои главные силы и ресурсы между фронтами и театрами и не приводили к быстрому истощению ее. Действия флотов обеих стран на море и налеты их стратегической авиации, а также подрывная пропаганда и диверсии против стран фашистского блока не оказали серьезного непосредственного влияния на экономическое и военно-политическое положение гитлеровской Германии. Но зато такой способ ведения вооруженной борьбы соответствовал интересам антисоветского и колониалистского курса политики правительств США и Англии.

Вторжение американских и английских войск в Европу в 1941—1943 гг. больше отвечало бы освободительному характеру войны против фашистского блока, а в 1944 г. оно уже соответствовало главным образом интересам монополистических кругов США и Великобритании.

Впрочем, и после открытия второго фронта американские и английские армии не заставили гитлеровское командование снять с советско-германского фронта и перебросить на Запад значительную часть войск. Более того, успех действий вооруженных сил западных союзников был предопределен условиями ведения войны в Европе, сложившимися прежде всего благодаря решающей роли Советского Союза в ослаблении и затем разгроме фашистской Германии.

Борьба по вопросу о втором фронте в Европе, таким образом, была острой, поскольку в основе ее лежали классовые причины. Она еще раз подтвердила открытый Марксом закон, по которому «всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 259.

В решении вопроса о втором фронте проявились особенности антифашистской коалиции, ее единство и противоречия.

Решение основных проблем антифашистской коалиции, в том числе и вопроса о втором фронте, осложнялось и тем, что правящие круги США и Великобритании преследовали в войне свои собственные цели и считались с интересами союзников лишь постольку, поскольку нуждались в их помощи. Каждое из двух указанных правительств иногда вынуждено было идти на уступки, на компромисс, отказываясь на время, а иногда и совсем, от некоторых своих стратегических планов, впрочем, главным образом второстепенных, да и то лишь в тех случаях, когда не видело возможности осуществить без содействия союзников свои более важные цели. Но чем острее были противоречия, чем сложнее были социальные причины, порождавшие их, тем с большими трудностями союзники приходили к компромиссу.

Наиболее глубокими были противоречия между СССР и его капиталистическими партнерами по антифашистской коалиции. Они прежде всего отразились на целях войны (как общесоюзнических, так и каждого из ее членов), а через них и на характере и способах ведения вооруженной борьбы основными участниками коалиции, главным образом на стратегии.

Сразу же заметим, что общесоюзнические цели войны в Европе, определившиеся условиями ее ведения, принимали как бы объективный характер и далеко не всегда находили полное отражение в целях войны того или иного главного участника коалиции. Такое положение имело своим следствием то, что государства, входившие в коалицию, не все и не всегда осуществляли часть общесоюзнической цели. Степень участия каждого из них в борьбе против вооруженных сил противника, методы ведения вооруженной борьбы в Европе зависели от того, насколько его собственная цель войны совпадала или не совпадала с общесоюзнической целью, насколько он был заинтересован в осуществлении общей цели.

Дело в том, что условиями второй мировой войны, особенно после вступления в нее Советского Союза, определялась общая для всей антигитлеровской коалиции цель — разгромить фашистский блок и освободить поработанные им народы. Поскольку основой этого блока была нацистская Германия, располагавшая огромной военной силой, постольку на первое место выступала задача ее военного разгрома. От решения этой задачи в основном зависели возможности искоренения фашизма, ликвидации созданного им порядка и установления демократических отношений во всех странах Европы. Всем этим определялась необходимость развертывания основной массы войск США и Англии в Западной, а Советского Союза — в Восточной Европе и проведения ими согласованных операций большого размаха против вооруженных сил фашистского блока, прежде всего германских. Так как главную силу фашистского блока в Европе составляли его сухопутные войска, союзникам предстояло разгромить их в первую очередь.

Разгромить или довести вооруженные силы противника до истощения в условиях второй мировой войны было невозможно без ожесточенных сражений, без подрыва экономики и морального духа населения вражеского государства, без расстройтва его тыла. Вместе с этим только разгром главных сил противника позволял осуществлять такие цели, как захват территорий, важных экономических районов, расстройство или существенное нарушение работы вражеского стратегического тыла. Морская блокада, примененная США и Англией во время войны, а также стратегические бомбардировки Германии и другие действия оказались недостаточными для подрыва экономики и расстройтва тыла противника. Они лишь усилили действенность основного средства — разгрома главных сил противника, но не заменили его. Отказ западных союзников в 1941—1943 гг. от решительных действий против главных сил фашистской Германии привел к затягиванию сроков окончания войны, к увеличению трудностей ее ведения.

Не все государства, входившие в антифашистскую коалицию, в одинаковой мере были заинтересованы в разгроме гитлеровской Германии. Советский Союз, преследуя цель как можно скорее ликвидировать нависшую над ним опасность и оказать помощь народам Европы в их борьбе за свободу и независимость, вел решительную борьбу против главных сил фашистской Германии и требовал аналогичных действий от своих союзников. Правительства же Великобритании и США были заинтересованы в разгроме фашистской Германии лишь в том случае, если не удастся дожидаться ее истощения и затем добиться от нее нужных им уступок. Одновременно они также надеялись ослабить и своего союзника — СССР. Кроме того, основные стратегические цели обеих западных держав в 1941—1943 гг. находились не в Европе, а в других районах: Великобритании — в Северной Африке, районе Средиземного моря, Южной и Юго-Восточной Азии; США — на Тихом и Атлантическом океанах и в Юго-Восточной Азии. Вот почему английское и американское правительство под всяческими предлогами уклонялись от создания второго фронта в Европе, и только в конце 1943 г. под влиянием развития событий в центре их внимания оказалась Западная Европа.

Цели правительств США и Англии в войне, будучи одинаковыми по своему принципиальному отличию от освободительных целей Советского Союза и всех прогрессивных, демократических сил, в то же время различались по своему конкретному содержанию, что и явилось предпосылкой развития второй группы противоречий внутри антигитлеровской коалиции — англо-американских, которые также оказывали существенное влияние на решение проблем коалиционной стратегии.

Стремясь ослабить войной как фашистскую Германию — основного их конкурента на мировом рынке, так и Советский Союз, каждая из двух империалистических держав хотела сделать это в своих интересах, для усиления собственного господства в Европе и огра-

ничения влияния другой. Если английские империалисты рассчитывали достигнуть этой цели путем сохранения Британской империи, для чего они стремились укрепить свои позиции на Балканах, в районе Средиземного моря и на Ближнем Востоке, то американские монополисты намеревались захватить «ключевые позиции» на Тихом океане, в Западной и Центральной Европе, а также во французских колониях.

Они сравнительно легко и быстро решали такие проблемы, как затягивание открытия второго фронта в Европе, переключивание на Советский Союз основной тяжести войны с фашистской Германией. У них было общим также мнение о том, чтобы добиться победы сначала в Европе, а затем на Дальнем Востоке. Но этим и исчерпывалось американо-английское единство в ведении войны. По всем другим вопросам — о выборе основного театра военных действий, создании экспедиционных вооруженных сил, определении методов стратегических операций — имели место существенные, а подчас и острые разногласия. На бесплодные дискуссии уходило много драгоценного времени. Стремление же во что бы то ни стало соблюсти свои эгоистические интересы приводило к тому, что в ряде случаев упускались благоприятные обстоятельства для осуществления подчас важных для них задач, а имевшиеся силы и средства расплылись между многими направлениями.

США и Великобритания намеревались проводить в Европе так называемую стратегию не прямых действий. Как писал один из ее адептов, Лиддел Гарт, она заключалась в том, чтобы обеспечить «достижение цели без серьезных боевых действий» путем «нарушения устойчивости противника», что должно было повлечь за собой распад его армии². Согласно этой концепции, победу следовало искать не в сражениях, а в выжидании, сопровождаемом передвижением войск, ожесточенными бомбардировками немецких городов, организованными подрывными действиями, направленными к разрушению вражеской экономики, т. е. в создании такой обстановки, которая якобы могла вынудить противника отказаться от дальнейшего продолжения войны. Применение «стратегии не прямых действий» в войне в Европе соответствовало основным целям западных союзников — ослабить фашистскую Германию руками Советского Союза и вместе с тем ослабить и Советский Союз, а также укрепить свои позиции на Востоке. При этом Великобритания более последовательно проводила эту стратегию; правительство США и американские штабы в ряде случаев «теоретически» отдавали предпочтение более решительным операциям против Германии, но на деле до конца 1943 г. их стратегия почти ничем не отличалась от английской.

Однако и тем и другим под воздействием условий борьбы против фашистского блока пришлось отказаться от своей концепции. В по-

² См. Б. Х. Лиддел Гарт. Стратегия не прямых действий. М., 1957, стр. 446, 447—448.

следний период войны (1944—1945 гг.) они поставили своим вооруженным силам задачу разгромить немецко-фашистские войска и выйти в Центральную Европу, создали второй фронт и развернули операции большого размаха.

Центростремительные силы антифашистской коалиции оказались более мощными, чем центростремительные. Хотя последние серьезно ослабляли ее, коалиция прошла все испытания войны и одержала величайшую в истории победу над самыми темными силами империалистической реакции.

Стратегическое планирование

В антифашистскую коалицию входили государства, обладающие различными экономическими, морально-политическими и военными возможностями и силами. Ядро ее, как известно, составляли СССР, США и Великобритания, способные выставить многомиллионные армии, питать их и выдержать длительную и напряженную борьбу. Наряду с ними в коалицию входили Канада, Австралия, Южно-Африканский Союз, Новая Зеландия и Индия. Эти страны оказывали значительную экономическую помощь США и особенно Великобритании, главным образом сырьем и продовольствием. В коалиции состояли также государства, потерпевшие поражение в первый период войны; их территории были оккупированы противником. Некоторые из них (Франция, Польша, Голландия, Чехословакия) могли предоставить в распоряжение союзников сравнительно небольшие вооруженные силы для действий в Западной Европе, но оснащение и вооружение их полностью ложилось на великие державы. Наконец, в коалицию входили и такие государства, например из Латинской Америки, которые оказывали своим союзникам моральную и некоторую материальную поддержку, но не выставили своих вооруженных сил.

Роль того или иного государства в разработке коалиционных стратегических планов определялась его экономическими и военными возможностями. Основные вопросы ведения войны в Европе решались правительствами СССР, США и Великобритании. Высшей инстанцией, правомочной принимать окончательные политические и стратегические решения, была конференция глав правительств этих государств, в работе которой принимали участие министры иностранных дел, высшие военные представители и эксперты.

Поскольку США и Великобритания составляли обособленную группировку в антифашистской коалиции (как бы коалицию в коалиции), а их вооруженные силы проводили совместные операции на ряде театров военных действий, политические и военные руководители этих стран встречались между собой значительно чаще, чем с политическими и военными деятелями Советского Союза. Красная Армия действовала на отдельном фронте войны, поэтому вопросы подготовки и ведения ею операций решались Советским

Верховным Главнокомандованием самостоятельно. С советской стороны прилагалось немало усилий, чтобы согласовывать намечаемые операции в 1941—1943 гг. хотя бы по времени и целям с операциями армий США и Великобритании в Европе, но, к сожалению, успех в этом впервые был достигнут только на Тегеранской конференции.

Постоянным высшим органом, координировавшим стратегические действия вооруженных сил США и Великобритании, являлся Объединенный совет начальников штабов. В него входили начальники штабов видов вооруженных сил обеих стран. Совет осуществлял свои функции в пределах решений, принятых главами правительств, готовил и вносил на рассмотрение союзнических конференций проекты стратегических планов, контролировал деятельность верховных командующих и штабов союзных экспедиционных сил на театрах военных действий и т. д.

Вооруженные силы других государств антифашистской коалиции в Европе находились под командованием своих более могущественных союзников. Ни политические, ни военные представители этих государств, как правило, не принимали участия в разработке коалиционной стратегии в целом. Они влияли в какой-то мере лишь на разработку планов операций, проводившихся на территории их стран. Так Комитет национального освобождения, а позже Временное правительство Франции оказывали некоторое влияние на планирование и ведение операций в Западной Европе, но решающее слово, разумеется, принадлежало верховному командующему союзными экспедиционными силами.

Материалы подготовки и ведения западными союзниками вооруженной борьбы в Европе свидетельствуют о том, что процесс стратегического планирования в коалиционной войне очень сложный, противоречивый, а принятый и осуществленный союзниками план являлся в какой-то мере равнодействующей, возникшей в результате столкновения многих противоположностей. Основными видами стратегических планов являлись: общий план войны, план периода войны (или кампании) и план операций на театре военных действий.

Принципиальные положения общего англо-американского плана войны были приняты на Вашингтонской конференции, вскоре после вступления США в войну. В нем излагались задачи союзников в войне, определялась последовательность их решения (примерные сроки) и сферы действий вооруженных сил. Они, эти положения, не оставались неизменными и уточнялись на последующих конференциях, но коренное положение их — сначала добиться победы в Европе, а затем переключить главные силы союзников на ведение войны против Японии — было в основном выдержано.

Планы периодов войны вырабатывались на конференциях глав правительств с участием начальников штабов США и Великобритании на ближайший обозримый период ведения войны на сухопутных и морских театрах военных действий. Они включали оценку

военно-политической обстановки, характеристику стратегических задач, которые предстояло решить вооруженным силам союзников, порядок их выполнения, роль видов вооруженных сил, распределение сил и средств между театрами военных действий. Положения плана в ходе его выполнения уточнялись и изменялись под воздействием обстановки или требований одного из союзников.

Планы операций разрабатывались верховным главнокомандующим и штабом союзных вооруженных сил на театре военных действий и утверждались Объединенным советом начальников штабов. Они состояли из двух частей: общий план операций на Европейском театре военных действий («Оверлорд») и конкретный план ближайшей стратегической операции. Общий план был разработан в период подготовки союзных экспедиционных сил к вторжению на континент и представлял собой общую схему их действий от начала вторжения до разгрома фашистской Германии.

В соответствии с общим планом и на основе его составлялись планы ближайших операций. Штаб союзных экспедиционных сил разработал пять таких планов, по одному на каждый период борьбы: высадка морского десанта и борьба за стратегический плацдарм (перед началом вторжения); операции между Сеной и Луарой (лето 1944 г.); выход к Рейну (осень 1944 г.), форсирование Рейна (зима и весна 1945 г.); действия в Центральной Европе. Все планы, кроме первого, составлялись в ходе выполнения предыдущего, по мере выяснения обстановки. В каждом плане отражались оценка обстановки на театре военных действий, характер предстоящих задач, общий замысел, основные этапы ведения стратегической операции, конкретные задачи групп армий или армии на ближайший период, распределение сил и средств между ними и порядок их взаимодействия. План ближайших операций составлял основу планов операций групп армий (армии).

Разработке общего плана операций предшествовало решение политическим руководством обеих стран на конференции глав правительств вопроса о том, где, с какой целью и какого размаха предпринять действия в ближайшее время. До Тегеранской конференции правительства США и Великобритании придерживались той точки зрения, что военные действия против фашистского блока следует вести сначала в Северной Африке, на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии, а затем и в районе Средиземного моря. И только на Тегеранской конференции было принято решение о вторжении союзных армий во Францию. Начальники штабов обеих стран во всех случаях готовили различные варианты плана ведения войны, из которых политические руководители брали лишь соответствовавшие согласованным ими политическим целям.

После выбора главами правительств основного варианта плана начальники штабов уточняли его, а затем представляли на рассмотрение пленарных заседаний в виде доклада.

Основные положения доклада начальников штабов США и Великобритании о ведении войны в Европе, принятые на Тегеранской

конференции, в последующем были уточнены на Каирской конференции. В виде директив Объединенного совета начальников штабов они вручались верховным командующим союзными вооруженными силами на Европейском и Средиземноморском театрах военных действий. Последние разрабатывали планы ведения операций, которые затем утверждались Объединенным советом начальников штабов.

Определение основного театра военных действий

Выбор основного театра военных действий представлял собой довольно сложную проблему стратегического планирования в коалиционной войне. При ее решении союзники руководствовались согласованными политическими и стратегическими целями войны, а также учитывали политические, экономические, стратегические, военно-географические и другие условия.

По договоренности между США и Великобританией все районы земного шара, где велись или предстояло вести военные действия, были разделены на зоны стратегической ответственности. Тихий океан и Китай составляли зоны стратегической ответственности США, Индийский океан, Средний Восток и Юго-Восточная Азия — Великобритании, а Атлантический океан, вся капиталистическая Европа и Северная Африка — США и Великобритании совместно. В этих последних и предполагалось ведение военных действий коалиционными вооруженными силами. В остальных зонах вооруженные силы США и Великобритании проводили операции самостоятельно.

На выбор основного театра военных действий в Европе, как и на всю стратегию западных союзников, влияли две группы противоречий: между США, Англией и Советским Союзом, с одной стороны, и американо-английские — с другой. Эти противоречия поразному сказывались на определении союзниками стратегических целей и выборе направлений действий вооруженных сил. Первая группа, определяемая антисоветской направленностью политики западных союзников, обуславливала развертывание главных сил союзных армий на таком театре военных действий, активные действия на котором могли привести к взаимному ослаблению Советского Союза и фашистской Германии и ограничить продвижение Красной Армии в Восточную и Центральную Европу. Англо-американское соперничество в Европе явилось серьезным препятствием для выбора выгодного или хотя бы приемлемого для обеих западных стран стратегического решения. В то время как американцы стремились приложить основные усилия в Западной Европе, англичане хотели прежде всего реализовать свои цели в районе Средиземного моря, точнее в Южной и Юго-Восточной Европе.

В конце концов под воздействием логики борьбы западные союзники вынуждены были признать истину, что в сложившихся

тогда условия для западных союзников главным мог быть только Европейский театр военных действий. Но признав ее, каждый из них в конце 1943 г.—начале 1944 г. все еще стремился осуществить прежде всего свои планы на других театрах второй мировой войны.

Коалиционные вооруженные силы

Не менее важную проблему ведения войны западными союзниками составляло также создание коалиционных вооруженных сил. Первые такие силы США и Великобритания сформировали в ноябре 1942 г. для вторжения в Северо-Западную Африку. Завершив военные действия в Африке в мае 1943 г., они затем проводили операции в центральной части Средиземного моря — в Италии. Полученный опыт был использован при формировании союзных экспедиционных сил для проведения операций в Западной Европе.

Мобилизационное развертывание вооруженных сил США было полностью завершено в 1943 г., а в Великобритании — годом раньше. При этом необходимо отметить, что подготовка большинства дивизий американской армии была закончена также в 1942 г. Из 91 дивизии, сформированной в США за всю войну, к концу 1942 г. были полностью готовы 74, а формирование остальных 17 завершилось в 1943 г.³ Но правительство США, следуя своей доктрине последнего удара, не торопилось вводить их в действия. За 1942—1943 гг. было отправлено, главным образом на Тихий океан и в Северную Африку, только 30 дивизий. Наибольшее количество дивизий (49) было переброшено в 1944 г. Примерно таким же порядком отправлялись на театры военных действий авиация и военной-морской флот.

Великобритания развернула армию, насчитывавшую около 50 дивизий. Кроме того, в доминионах и зависимых от Англии странах имелись свои вооруженные силы.

Коалиционные вооруженные силы создавались из выделенных союзниками для проведения совместных операций на том или ином театре военных действий сухопутных, военно-морских, военно-воздушных сил и материальных ресурсов. Возглавляли их союзный верховный командующий и штаб.

Поскольку согласно решениям Тегеранской и Каирской конференций США и Великобритании предстояло в 1944 г. проводить военные действия одновременно на Европейском и Средиземноморском театрах, им надо было прежде всего решить проблему распределения имевшихся у них сил и ресурсов между данными театрами. Занимался этим Объединенный совет начальников, а нередко и главы правительств.

³ *Robert R. Palmer, Bell J. Wiley, William R. Keast. The Procurement and Training of Ground Combat Troops. Washington, 1948, p. 492.*

Для достижения общесоюзнических целей им нужно было в первую очередь выделить необходимые вооруженные силы и материальные ресурсы для Европейского театра военных действий. Политические и военные руководители обеих стран на словах признавали это. Но на деле они предпринимали действия, не всегда совпадавшие с общесоюзническими интересами. В результате значительная часть сил и средств обеих стран отвлекалась на решение второстепенных задач. Так, к началу вторжения союзных армий в Западную Европу сухопутные и военно-морские силы были почти поровну разделены двумя театрами военных действий, а абсолютное большинство десантных судов, особенно танко-десантных, недостача которых для обеспечения высадки морского десанта в Нормандии остро чувствовалась в период подготовки операции, оказалась на Тихом океане. В результате распыления сил и средств союзному командованию пришлось отложить высадку морского десанта на юге Франции до середины августа, а вторжение в Нормандию на месяц.

Отличительной чертой союзных экспедиционных сил на Европейском театре военных действий являлось то, что они по количеству самолетов превосходили своего противника примерно в 25 раз. Сухопутные силы США и Англии, действовавшие в Европе, были почти полностью моторизованными и имели большое количество танковых дивизий. Сравним некоторые данные о союзных и немецко-фашистских армиях. Если у немцев в 1941 г. на 152 пехотные дивизии, действовавшие на советско-германском фронте, приходилось 18 танковых, а в 1944 г. в Западной Европе на 47 пехотных дивизий — 10 танковых и 1 моторизованная, то союзные экспедиционные войска во время вторжения во Францию на 28 пехотных (почти полностью моторизованных) дивизий имели 11 танковых, а 16 декабря 1944 г. на 48 пехотных дивизий — 16; в конце войны это соотношение было 65 к 25.

О высокой степени моторизации американских сухопутных сил свидетельствует тот факт, что пехотная дивизия имела 1440, а бронетанковая дивизия — 1141 автомобиль. В пехотной дивизии одна автомашина приходилась на 10, а в бронетанковой — на 9 человек, а если учесть и танки, то одна машина — на 7 человек. Но, как показал опыт операций, подвижность и маневренность союзных армий сравнительно с их насыщенностью автотранспортом была невысокой. Одна из причин этого состояла в громоздкости дивизий. Протяженность походной колонны усиленной пехотной, да и танковой, дивизии достигала 250—300 км. Для вытягивания такой дивизии в колонну или развертывания ее для боя требовалось 5—6 и более часов.

Уместно заметить, что к началу вторжения союзных армий на континент США и Англия выставили почти по равному количеству дивизий: 20 американских, 17 английских и канадских. Но в ходе военных действий сухопутные силы в Европе увеличивались главным образом за счет США. В последних операциях на

Европейском театре участвовало 88 дивизий, из них 61 американская. Значительное увеличение американских дивизий в сравнении с английскими и канадскими (их было 17) не могло не сказаться на удельном весе того или иного союзника в определении коалиционной стратегии. Американцы часто не считались с интересами англичан и проводили прежде всего свою линию.

Для осуществления материального снабжения союзных экспедиционных сил на театре военных действий были созданы многочисленные английская и американская службы тыла. Во время операции в Северо-Западной Франции она насчитывала 527 630 человек, а к 30 апреля 1945 г. — около 979 630 человек (примерно 20% общей численности экспедиционных сил в Европе).

Выбор направления главного удара

Выбор направления главного удара составлял важную задачу при разработке союзным верховным командованием стратегических планов. Он определялся в первую очередь целью, конкретными стратегическими и военно-географическими условиями, а также желанием нанести сильный и внезапный первоначальный удар. Большое влияние на выбор направления главного удара оказывало и желание каждого из союзников ни при каких обстоятельствах не поступаться своими политическими интересами. Поскольку цели союзников в Западной Европе не совпадали полностью, а каждый из них, ввиду того что война в Европе приближалась к концу, стремился играть ведущую роль, решение этой проблемы оказывалось делом не менее трудным, чем определение основного театра военных действий.

В качестве основной цели (объекта) вооруженной борьбы на театре военных действий, как правило, избирался важный политический центр или экономический район; считалось, что захват его неизбежно приведет к разгрому крупной группировки войск противника. Кроме того, союзное командование придавало большое значение выбору местности, пригодной для действий всех видов вооруженных сил и родов войск и обеспечивавшей максимальные удобства организации снабжения войск.

Ставя на первое место захват политического центра или экономического района (Париж, Рур, Саар и т. п.), а не разгром крупной группировки войск противника, действовавшей на указанном направлении, командующий, руководивший операцией, получал возможность уклоняться от завершения разгрома противника, если находил, что и без того ему удастся овладеть объектом. Так, в августе 1944 г. Эйзенхауэр и Брэдли, направив основные силы 12-й группы армий к Сене, пощадил значительную часть немецких войск, попавших в окружение в районе Фалеза. Позже, в сентябре 1944 г., Монтгомери нацелил главные силы 21-й группы армий на

Рур, не приняв мер для того, чтобы уничтожить прижатую к побережью Па-де-Кале группировку противника.

Летом 1944 г. союзные экспедиционные силы действовали на одном — парижском направлении. Проблема выбора направления главного удара тогда не стояла остро.

Стало гораздо труднее выбирать направления главного удара в последующем, когда союзные армии вели операции одновременно на ряде стратегических направлений. Намерение США и Великобритании поддерживать свой политический престиж и использовать силы и ресурсы союзника в своих интересах сеяло недоверие между ними и серьезно мешало правильному и своевременному решению вопроса о выборе направления главного удара. Иногда главные усилия союзных экспедиционных сил сосредоточивались на том или ином направлении не потому, что это обуславливалось стратегической обстановкой и сулило серьезные выгоды, а в силу того, что предпринимавшиеся на данном направлении действия демонстрировали либо равную роль союзников в операциях, либо преобладание одного из них, либо давали надежду обоим союзникам на осуществление их эгоистических интересов. Появление концепций «стратегии широкого фронта» и «концентрированного удара» по существу являлось результатом борьбы за престиж, за ведущую роль в руководстве действиями союзных вооруженных сил на театре военных действий.

Группировка сил на театре военных действий

Известно, что правильный выбор направления главного удара только в том случае позволяет достигнуть успеха, если в результате стратегического сосредоточения и развертывания удается создать соответствующие группировки сил и накопить необходимые ресурсы. Во время действий союзных армий в Западной Европе одной из важнейших проблем явилось распределение сил и средств между главным и второстепенным направлениями. Ответственность за ее разрешение возлагалась на верховного командующего. Но поскольку ему не всегда удавалось самому примирить мнения командующих союзными армиями по этому вопросу, в дело вмешивался Объединенный совет начальников штабов, а в некоторых случаях и главы правительств.

Летом 1944 г. проблема создания группировки сил и средств в Западной Европе не стояла столь остро, как в последующем, поскольку войска союзников проводили наступательные операции на одном (парижском) стратегическом направлении. Особенность группировки, созданной для проведения операции на этом направлении, состояла в абсолютном превосходстве над противником в военно-воздушных и военно-морских силах и почти полное равенство в сухопутных войсках. Однако, несмотря на господство флота союзников на море, а авиации — в воздухе, темп переброски сухопут-

ных войск на Европейский театр военных действий не превышал 3—5 дивизий в месяц. По этой причине американцам и англичанам до начала 1945 г. так и не удалось добиться превосходства над противником в количестве дивизий.

С августа и до конца 1944 г. протяженность фронта союзных войск увеличивалась гораздо быстрее, чем прибывали новые дивизии, отчего насыщенность фронта сухопутными силами падала. Примерно такая же картина наблюдалась и у немцев. Это создавало благоприятные условия для высокоманевренных операций, тем более что по степени моторизации союзные войска значительно превосходили немецкие. Но затянувшаяся дискуссия о «стратегии широкого фронта» и «концентрированного удара», т. е. о направлении главного удара, не дала возможности быстро создать соответствующую обстановку группировку войск. Осенью 1944 г. главным направлением было определено северное, точнее рурское, однако, поскольку не удалось своевременно перегруппировать силы и средства, операция по существу провалилась. В 1945 г., несмотря на то что северное направление было определено как главное, все силы и средства были почти поровну распределены между двумя группировками войск, действовавшими севернее и южнее Рура.

В ряде случаев даже правильный выбор направления главного удара не сопровождался созданием соответствующей группировки сил и средств, союзные армии развертывались почти равномерно по всему фронту, кордонно.

В 1944 г. все войска, прибывшие из США в Европу, сразу же направлялись на фронт. Создавая группировку сил и средств, Эйзенхауэр не позаботился о том, чтобы иметь в своем распоряжении сильный резерв. Вследствие этого он мог влиять на ход операций только посредством применения стратегической авиации, а в плохую погоду лишался и этого средства. Слабость стратегического резерва на театре военных действий не давала себя знать до тех пор, пока войска западных союзников вели успешное наступление во Франции. Но в декабре 1944 г. она явилась одной из причин, не позволивших союзным армиям удержать в своих руках инициативу в Арденнах и Эльзасе.

Подготовка и оборудование театра военных действий

Условия подготовки союзниками исходного для вторжения во Францию района мало чем отличались от условий аналогичной работы в мирное время: незначительное противодействие противника сводилось главным образом к спорадическим налетам небольшого количества самолетов. Эта подготовка была начата еще в 1942 г., так что времени было много. К тому же, хорошо развитая промышленность, высокий уровень техники позволили широко механизировать все основные виды работ, применять индустриальные методы.

Оборудование районов сосредоточения войск (пункты расквартирования, питания), расположения штабов, полевых госпиталей, создание полевых, расширение и совершенствование стационарных аэродромов, складов, улучшение старых и прокладка новых дорог (главным образом автомобильных), развертывание сети проводной и радиосвязи, организация противовоздушной обороны районов сосредоточения и т. д. проводилась силами службы тыла союзников с привлечением населения. В последующем, с января по апрель 1944 г., в этих работах стали принимать участие и прибывавшие на Британские острова войска, особенно инженерно-саперные.

Тщательная подготовка исходного района способствовала успешному проведению морской десантной операции и борьбе за создание стратегического плацдарма. Она играла значительную роль и в операциях на подступах к западным границам Германии, поскольку стратегическая бомбардировочная и часть тактической авиации базировалась на Британские острова, где располагались и склады заранее накопленных материальных средств, а также госпитали.

По мере развития наступления в Северной Франции все большее значение приобретало оборудование отвоеванной у противника территории, без чего операции развиваться не могли. Решение этой задачи оказалось делом более сложным и трудным, чем подготовка исходного района до начала вторжения. Это определялось многими обстоятельствами: ограниченностью времени, трудностями, связанными с необходимостью доставлять все нужное из Великобритании и США, просчетами союзного командования и др. В период подготовки вторжения на континент и борьбы за стратегический плацдарм союзное командование стремилось массированными ударами тяжелой бомбардировочной авиации как можно сильнее разрушить дорожную сеть во Франции и тем ограничить доставку противником предметов снабжения и резервов к району сражения. Портовое оборудование, узлы железных и шоссейных дорог, мосты, железнодорожные депо и сортировочные станции, шлюзы каналов, постоянные линии связи, стационарные радиостанции разрушали также партизаны, а во время отхода и немецкие войска. Далее, все расчеты по оборудованию театра военных действий штаб союзных экспедиционных сил сделал исходя из планировавшихся темпов наступления, в среднем около 2 км в сутки. После же разгрома немецких войск в Северо-Западной Франции армии быстро продвинулись на восток и уже к середине сентября, т. е. примерно в три раза быстрее, чем планировалось, вышли в Восточную Францию и Бельгию, где вели бои на подступах к границам Германии. В таких условиях служба тыла и войска не могли восстановить необходимую для них сеть дорог.

Кроме того, увеличение протяженности фронта, примерно в 9—10 раз, резкое снижение насыщенности его сухопутными войсками не позволяли верховному командующему союзными экспедиционными силами привлекать боевые части для оборудования

театра военных действий. Поэтому осенью 1944 г. и зимой 1944/45 г. наблюдались серьезные перебои в снабжении сухопутных войск и тактической авиации, особенно горючим и боеприпасами. И только с февраля 1945 г. система снабжения и пополнения экспедиционных сил стала более устойчивой.¹

Горючее подавалось войскам главным образом по трубопроводам, построенным из заранее заготовленных деталей. Один трубопровод, протяженность более 800 км, был проложен из Англии через Ла-Манш и Францию до Тионвиля и Франкфурта-на-Майне, второй — от Антверпена до Маастрихта (свыше 100 км). Система снабжения горюче-смазочными материалами, созданная незадолго до окончания войны в Европе, могла ежедневно доставлять сухопутным силам и авиации около 285 млн. литров горючего.

Под склады и хранилища использовались переоборудованные и отремонтированные французские помещения, туннели. Кроме того, инженерные войска создавали временные складские помещения, навесы и открытые площадки.

Одной из наиболее трудных задач оборудования театра военных действий являлось создание системы коммуникаций на территории, отвоеванной у противника. Предстояло восстановить 7650 км двухколейного и 3280 км однокольного железнодорожного пути и 240 больших железнодорожных мостов, более 12 тыс. км посейных дорог, расчистить ряд водных путей (по Сене от Гавра до Руана, а затем до Парижа, по водной системе Антверпен—Льеж и др.). Всю эту работу выполняли инженерные войска и местное население.

Весьма трудоемким было также восстановление и строительство новых аэродромов для тактической авиации, эффективность действий которой, как известно, была тем выше, чем ближе к линии фронта она находилась. За время от начала вторжения до дня победы над Германией на Европейском театре военных действий только для американской тактической авиации было построено новых и восстановлено старых 274 аэродрома⁴. К концу войны она располагала на континенте 182 действовавшими аэродромами⁵. Справиться со столь большим строительством удалось лишь благодаря широкому применению заранее заготовленных деталей и конструкций (стальных пластин и сеток, аэродромного оборудования), а также высокого уровня механизации работ.

По мере продвижения войск союзников на континенте создавалась система радиосвязи, особенно широко применялись радиорелейные линии, а также проводная связь и система мото- и авиасвязи.

Экспедиционные вооруженные силы союзников вели стратегическое наступление, и поэтому не было потребности в оборудовании

⁴ W. F. Graven, J. L. Cate. The Army Air Forces in World War II, v. Three. Chicago, 1951, p. 572.

⁵ Ibidem.

театра военных действий оборонительными сооружениями долговременного типа. И оно не предусматривалось союзными штабами. Когда же во время оперативных пауз и особенно в связи с оборонительными действиями в Арденнах и Эльзасе возникла необходимость в создании надежной обороны, войска вынуждены были обходиться сооружениями полевого типа.

Способы стратегического наступления

Стратегическое наступление союзных экспедиционных сил в Западной Европе включало наступательные операции, проводившиеся одной или несколькими группами армий, армиями совместно с авиацией и военно-морским флотом и самостоятельные операции стратегических военно-воздушных сил. Общий наступательный характер действий вооруженных сил западных союзников не исключал, однако, значения обороны. Различные формы оборонительных действий применялись на второстепенных направлениях, когда проводились наступательные операции на главном направлении, при отражении контрударов немецко-фашистских войск, в паузах между наступательными операциями, т. е. они составляли необходимый элемент стратегического наступления, но не выходили за рамки тактического и оперативного масштабов. Правда, операции 1944 г. завершились обороной вооруженных сил США и Англии. Однако наступление немецко-фашистских войск в Арденнах и Эльзасе не изменило общего характера стратегических действий — немцы осуществляли стратегическую оборону на Западном фронте, а союзники — стратегическое наступление.

Союзные армии вели стратегическое наступление следующими способами: наступательные операции на одном направлении; одновременное наступление на ряде направлений; последовательное проведение наступательных операций на нескольких направлениях.

Наступательные операции на одном стратегическом направлении позволяли обеим сторонам постепенно сосредоточивать на нем силы и средства, снимая их с других направлений. Господство союзной авиации в воздухе сдерживало выход войск противника на главное направление, но не исключало его. Поэтому такие действия принимали вид перемалывания сил и средств обеих сторон и завершались либо успехом союзных войск, когда они тратили больше сил и средств, чем противник (операции в Нормандии), либо оставались незавершенными (наступление на Рур осенью 1944 г.).

Одновременное наступление на ряде стратегических направлений западные союзники вели в сентябре 1944 г. во Франции и в апреле—мае следующего года в Германии, когда противник не оказывал серьезного сопротивления. В первом случае одновременное наступление на нескольких стратегических направлениях явилось продолжением успешно проведенных операций на парижском направлении (в июне—августе 1944 г.), а во втором — было под-

готовлено несколькими последовательными операциями групп армий в феврале—марте 1945 г. Такой способ стратегического наступления имел то преимущество, что он лишал противника возможности маневрировать резервами и усиливать одни направления за счет экономии сил на других. Он позволял американским и английским войскам преследовать, а иногда охватывать или обходить крупные группировки немецко-фашистских войск и достигать значительных результатов.

Однако следует отметить, что, применив в сентябре 1944 г. метод одновременного стратегического наступления на нескольких направлениях, верховное командование союзных армий не смогло полностью использовать выгоды обстановки и возможности своих войск. Равномерное, почти линейное продвижение их привело к вытеснению противника, хотя имелись все условия для уничтожения его главной группировки в Северо-Восточной Франции.

Последовательные операции на нескольких направлениях проводились в октябре—ноябре 1944 г. и в феврале—марте 1945 г. Такой способ стратегического наступления союзное командование использовало в тех случаях, когда противник оказывал серьезное сопротивление. Такой способ ведения наступления имел наибольший результат в феврале—марте 1945 г.

Важным элементом военных действий коалиционных сил в Европе явилась организация стратегического взаимодействия. В этом смысле в 1944—1945 гг. западным союзникам приходилось согласовывать: действия своих войск с действиями Советских Вооруженных Сил; действия группировок войск, проводивших операции на Европейском, Средиземноморском, Тихоокеанском и других театрах военных действий; действия групп армий, осуществлявших операции на отдельных стратегических направлениях одного театра; действия видов вооруженных сил (сухопутных войск, военно-морского флота и авиации); действия своих войск и сил движения Сопротивления в оккупированных гитлеровцами странах Европы.

Кратко рассмотрим каждый из этих видов взаимодействия.

Необходимость согласования действий вооруженных сил США и Великобритании, с одной стороны, и Вооруженных Сил Советского Союза — с другой, как отмечалось уже, возникла с первых дней складывания антифашистской коалиции. Но впервые союзники приняли практические решения по этим вопросам только на Тегеранской конференции, а позднее — на Крымской конференции. Решения по этим вопросам готовились начальниками высших штабов или их заместителями, участвовавшими в конференциях, и принимались главами правительств. В остальное время согласование стратегических действий и обмен информацией между штабом верховного командующего союзными армиями и Генеральным штабом Красной Армии осуществлялись через специальные военные миссии США и

Великобритании в Москве. В конце 1944 г.—начале 1945 г. для согласования планов действий вооруженных сил союзников против Германии в Москву был направлен заместитель верховного командующего союзными экспедиционными силами в Европе.

Взаимодействие между вооруженными силами западных союзников, проводившими операции в Западной Европе, и Красной Армией достигалось путем общего согласования операций (по целям и размаху) против вооруженных сил фашистской Германии с востока и запада; обмена информацией между союзниками о своих планах и разведывательными данными о противнике; установления районов действий союзных вооруженных сил и линии встречи на заключительном этапе войны в Европе.

В стратегическом руководстве вооруженными силами западных союзников, которые вели операции в Европе, Азии и на Тихом океане, наиболее сложным оказалось решение проблемы взаимодействия между вооруженными силами на Европейском и Средиземноморском театрах военных действий. К 1944 г. США и Англия целиком отдали приоритет ведению войны в Европе. Но достигнуть полной согласованности действий не удалось, хотя между действиями на обоих театрах имелась непосредственная связь. Сказывались англо-американские противоречия. Поскольку приоритет в руководстве операциями на Средиземноморском театре принадлежал англичанам, то эти операции не всегда увязывались с действиями союзных армий на Европейском театре военных действий, хотя последний и признавался главным. Стремление во что бы то ни стало осуществить свои замыслы в Италии и восточных и северо-восточных районах Средиземного моря отрицательно повлияло на операции во Франции. В Италии были израсходованы силы и средства, предназначенные для действий во Франции, и тем не менее план выхода союзных войск в долину р. По не был выполнен.

В 1944 г. и 1945 г. вооруженные силы США и Англии сражались в Западной Европе бок о бок. Их действия планировались общим союзным командованием. Однако это не могло исключить влияния англо-американских противоречий на взаимодействие между группами армий, действовавшими на самостоятельных направлениях. Но и в Объединенном совете начальников штабов, и в штабах союзных экспедиционных сил согласованные планы по основным вопросам коалиционной стратегии принимались с большим трудом. Это удавалось делать либо в результате взаимных уступок, либо под нажимом одной из сторон и, как правило, в самый последний момент, когда условия обстановки уже не позволяли откладывать решение.

Американо-английские противоречия порождали недоверие между союзниками, особенно при осложнении обстановки на фронте, и открыто неприязненные отношения между американскими и английскими генералами и офицерами. Американские генералы и офицеры считали унижением для себя находиться под командованием английского генерала, хотя и старшего по чину.

На Европейском театре военных действий для операций английских и американских войск были определены зоны, которые командующие группами армий и даже верховный командующий союзными экспедиционными силами не могли менять по своему усмотрению, не получив согласия Объединенного совета начальников штабов. Действия союзных войск в своих зонах из-за противоречий между США и Англией не всегда были четко согласованы по времени, цели и размаху. В ряде случаев английские войска вели наступательные операции, а американские стояли на месте, и наоборот, немецкое командование получало возможность перебрасывать свои войска с одного направления на другое и меньшими силами парировать удары союзных армий. Именно это явилось одной из основных причин остановки союзных армий перед позицией «Зигфрида».

В операции, проводившейся двумя группами армий на одном стратегическом направлении, их действия либо согласовывались одним из двух командующих, которому на время проведения операции в оперативном отношении подчинялась и вторая группа армий, либо проводились под общим руководством верховного командующего союзными армиями.

При организации взаимодействия между группами армий согласовывались их цели и задачи, устанавливались границы зон операций для каждой группы. Наряду с этим определялось время начала активных действий, намечался порядок поддержки наземных войск стратегическими и тактическими военно-воздушными силами, а также согласовывались действия с целью прикрытия смежных флангов.

На взаимодействие видов вооруженных сил, выражавшееся в проведении совместных и самостоятельных операций, определяющее влияние оказывали господствующие в США и Великобритании взгляды на стратегическую и оперативную роль видов вооруженных сил. Ведущее положение занимала авиация, как основная ударная сила, способная, по их мнению, завоевать и удерживать господство в воздухе, ослабить противника ударами по его экономическим центрам и войскам и тем самым обеспечить успех операций на суше и море. Стратегические военно-воздушные силы союзников проводили самостоятельные операции против важнейших экономических районов и политических центров стран фашистского блока в Европе. Основной целью таких операций являлось разрушение узловых звеньев немецкой военной промышленности, прежде всего авиационных, шарикоподшипниковых и нефтеперегонных заводов, и подрыв морального состояния населения Германии. В апреле—мае 1944 г. была проведена комбинированная бомбардировка союзными стратегическими ВВС транспортной сети Франции и Бельгии, а в феврале—марте 1945 г. — Германии. Стратегическая авиация участвовала также в комбинированных операциях, выполняя в них оперативные и тактические задачи в интересах сухопутных войск,

Таким образом, стратегические военно-воздушные силы решали три задачи: наносили удары по экономическим районам и политическим центрам, результаты которых могли сказаться на действиях вооруженных сил лишь косвенно, через экономический и моральный факторы; срывали подход сил противника к району сражения, что оказывало непосредственное влияние на действия других видов вооруженных сил; подавляли войска противника.

Взаимодействие тактических военно-воздушных сил, военно-морского флота и сухопутных войск осуществлялось в рамках операции группы армий. Военно-морские силы при поддержке авиации осуществляли доставку других видов вооруженных сил на континент и постоянное питание их, обеспечивали свободу передвижения по морю и принимали участие в совместных (комбинированных) операциях союзных армий.

Сухопутные войска при поддержке авиации и военно-морского флота осуществляли вторжение на континент, наносили поражение сухопутным силам противника, захватывали и закрепляли за собой определенную территорию.

Освободительный характер второй мировой войны и блистательные победы Красной Армии на советско-германском фронте обусловили широкий размах борьбы народов Европы за свое освобождение от гитлеровской тирании, от «нового порядка» немецкого фашизма. Эта борьба велась в различных формах: действия партизанских отрядов и бригад, а позже вооруженных сил движения Сопротивления против оккупантов, разведка, диверсии в тылу фашистских войск, саботаж мероприятий оккупационных властей и их приспешников, забастовки, митинги, демонстрации, народные восстания и т. д. Борьба народных масс с фашизмом являлась важным политическим и стратегическим фактором войны. Как политика, так и стратегия США и Великобритании не могли игнорировать ее. Однако цели народов, борющихся за свободу, независимость и подлинную демократию, и правящих кругов США и Англии, стремившихся к укреплению господства реакционных сил, были принципиально различными. Это наложило существенный отпечаток на стратегическое взаимодействие между вооруженными силами союзников и движением Сопротивления в целом.

Союзное командование стремилось использовать движение Сопротивления народов Европы в своих целях, делало все от него зависящее, чтобы ограничить его размах. Под предлогом того, что активная вооруженная борьба партизан вызывает жестокие репрессии по отношению к населению со стороны оккупантов, оно поощряло лишь саботаж, диверсии в тылу противника и ведение разведки, т. е. такие действия, которые не выходили за пределы интересов действий армий западных союзников. Причина такого отношения американо-английского командования к движению Сопротивления крылась в том, что пассивное сопротивление, по его мнению, «не сеет семя гражданской войны». Тем не менее, американо-английское командование, организуя и проводя операции, было вынуж-

Де́но счита́ться с э́тим широко развёрну́вшимся дви́жением. Для координа́ции дейст́вий сил дви́жения Сопротивле́ния и регуля́рных армий сою́зников при шта́бах армий и групп армий созда́вались специа́льные отде́лы.

Отря́ды и соедине́ния дви́жения Сопротивле́ния ве́ли разведку, наноси́ли уда́ры по ты́ловым ча́стям и резерва́м противника, наруша́ли коммуника́ции в ты́лу немецко-фашистских войск, осу́ществля́ли крупны́е и мелки́е диверсии, освобожда́ли це́лые районы́ от врага, отвлека́ли с фронта́ крупны́е силы́ противника, захва́тывали́ и удержи́вали до подхо́да сою́зных войск ва́жные объе́кты.

Сою́зники снаб́жали, хотя́ и в ограни́ченном количе́стве, отря́ды дви́жения Сопротивле́ния ору́жием, боепри́пасами, продо́вольствием, испо́льзуя их помо́щь при разви́тии наступле́ния в глубине оборо́ны противника. Если́ же дви́жение Сопротивле́ния принима́ло нежела́тельный для пра́влящих кругов США́ и Великобрита́нии размах, то сою́зное командова́ние ли́бо распуска́ло его отря́ды, ли́бо ограни́чивало да́льнейшее уве́личение их.

Подгото́вка и веде́ние опера́ций

В 1944—1945 г. сою́зные армии́ проводи́ли на европе́йском континенте́ в основ́ном наступа́тельные опера́ции. По масшта́бу их можно́ раздели́ть на опера́ции групп армий́ и армейские́, а по виду́ — на морские́ десантные́ опера́ции и опера́ции на континенте́.

Морские́ десантные́ опера́ции сою́зники проводи́ли для захва́та пла́цдарма, с которо́го предпо́лагалось́ разверну́ть наступа́ление крупны́х сил. Нача́льные дейст́вия́ в Нормандии́ должны́ были́ приве́сти к созда́нию ново́го стратеги́ческого фронта́ против Герма́нии, а на ю́ге — оказа́ть помо́щь армия́м, действова́вшим на се́вере Франци́и. Они́ проводи́лись армией́ или́ группой́ армий́ при активнóй подде́ржке военно-возду́шных сил́ и военно-морско́го флота́, вследствие́ чего́ они́ получи́ли наимено́вание комбиниро́ванных.

В опера́циях на континенте́ на армии́ или́ группы́ армий́ возлагалась́ зада́ча заня́ть ва́жный в стратеги́ческом отноше́нии райо́н или́ рубе́ж и созда́ть усло́вия для да́льнейших дейст́вий. Уничто́жение́ опреде́ленной группировки́ противника́ предусматривалось́ в том случае́, если́ она́ оказывала́ упорное́ сопроти́вление́ и без ликви́дации́ ее́ невозмо́жно́ было́ овладе́ть объеќтом. В зависи́мости от це́ли опреде́лялась́ и глубина́ опера́ции. В боевы́х дейст́виях вооруженных́ сил́ США́ и Англи́и в Евро́пе глубина́ опера́ции группы́ армий́ дости́гала 120—360 км. Опера́ция́ группы́ армий́ осу́ществля́лась в поло́се 100—200 и 300 км. Если́ же опера́ция́ проводи́лась́ двумя́ группа́ми армий́, протя́женность фронта́ уве́личивалась́ до 400 км и боле́е.

В наступа́лении́ широко́ испо́льзовалась́ авиация́. Пра́вда, широ́кое́ приме́нение́ ее́, как мы́ видели́, не все́гда дости́гало значите́ль-

ного оперативного, даже тактического эффекта, хотя и приводило к огромным разрушениям и жертвам среди населения.

В действиях сухопутных войск обращает на себя внимание относительно невысокая насыщенность их артиллерией. Полевая армия, действовавшая на главном направлении группы армий в полосе 50—60 км, имела с частями усиления 1100—1200 орудий. Оперативная плотность артиллерии на главном направлении, за исключением некоторых операций, в среднем была 45—130 орудий и минометов на километр фронта. Нехватку артиллерии американцы и англичане возмещали авиацией. Однако эффективность ее действий во многом зависела от погоды.

В 1944 г. союзные армии проявляли большую чувствительность к ударам и контрударам немецких войск, особенно тогда, когда эти удары наносились в нелетную погоду, когда союзники не могли использовать главное преимущество — авиацию. Контрудар немецких войск в районе Мортена на некоторое время спутал планы союзного командования, а их наступление в Арденнах и Эльзасе создало серьезную угрозу всем союзным армиям на Западном фронте.

В большинстве операций армиям союзников не удавались прорыв и его развитие, а там, где они осуществлялись, темпы наступления, как правило, были невысокими. Чем же это можно объяснить? На ведении операций определенно сказывались противоречия между США и Англией. Они не позволяли своевременно достигать полного согласия по таким важнейшим вопросам, как определение основного театра военных действий в Европе и выбор направления главного удара, распределение сил и средств, организация взаимодействия между вооруженными силами, находившимися на различных театрах военных действий, а также между группами армий, наступавшими на одном театре, и т. д. Все это в какой-то степени приводило к распылению сил и средств, к нарушению принципа единства стратегического и оперативного руководства.

Имеется также ряд причин оперативного и тактического порядка, определявшихся особенностями подготовки и ведения операций.

Наступательные действия в полосе группы армий проводились преимущественно одной армией на узком участке фронта при пассивности войск, располагавшихся на остальном фронте. Такой метод ведения наступательных операций позволял противнику наращивать силы на угрожаемом участке фронта за счет ослабления обороны на других, менее опасных направлениях. Таким путем в ходе операций на участках, избранных американцами и англичанами для прорыва, складывались если не равенство в силах наземных войск, то такое соотношение их, при котором наступление либо останавливалось, либо продолжалось с весьма низкими темпами.

Имея абсолютное превосходство в авиации и выгодное преимущество над противником в огневых средствах, войска союзников ни

в одной операции обеих кампаний не смогли подавить основные объекты немецкой обороны на всю тактическую глубину и на достаточном для прорыва фронте. В период авиационной и артиллерийской подготовки прорыва у Сен-Ло американская и английская авиация ожесточенно бомбила участок обороны противника размером 8 км по фронту и 1,6 км в глубину, в результате чего была поражена лишь небольшая часть первой оборонительной полосы. На подвергшемся интенсивной бомбардировке участке обороны потери немцев были высокими, но зато войска, располагавшиеся за его пределами, почти не несли серьезных потерь и оказывали упорное сопротивление в глубине обороны и на флангах. Подобное повторялось и в других операциях.

Сыграли свою роль также схематизм в проведении операций, слабая разведка и недостаточная оперативная маскировка войск союзников. Немецко-фашистское командование, пользуясь этим, заблаговременно определяло силы и средства своего противника и принимало меры к нейтрализации ударов американской и английской авиации. Наиболее распространенным приемом был отвод главных сил из района предполагаемой бомбардировки, чтобы заставить американско-английскую авиацию сбрасывать бомбы на пустое место. Напрасно израсходовав накопленные запасы авиационных бомб и артиллерийских снарядов, союзные войска теряли возможность для прорыва всей обороны противника. Требовалось время, чтобы накопить новые запасы боеприпасов, а это, разумеется, влияло на темпы продвижения сухопутных войск.

В ряде случаев отрицательно сказывалось на действиях наземных войск в ходе прорыва нарушение взаимодействия между военно-воздушными силами и сухопутными войсками. Известны многие случаи, когда союзная авиация наносила серьезные удары по своим войскам, последние сбивали свои самолеты, или когда усиленная бомбардировка не облегчала, а, наоборот, затрудняла наступление наземных войск, особенно танковых и моторизованных, чрезмерным разрушением поля боя и дорог в глубине обороны противника. После авиационной подготовки местность оказывалась настолько изрытой воронками и заваленной обломками зданий, а узлы железных и шоссейных дорог, мосты, виадуки, тоннели — столь разрушенными, что на восстановление путей сообщения требовалось затратить большие силы, средства и время. Это приводило к снижению темпов наступательных операций.

Относительную слабость американской и английской полевой артиллерии также можно отнести к одной из причин, приведших к снижению темпов прорыва немецкой обороны и развития наступления американскими и английскими войсками в оперативной глубине. Как уже указывалось, в основных операциях тактическая артиллерийская плотность на участке прорыва была около 45—130 орудий и минометов на один километр фронта. Подавление очагов сопротивления противника в ходе наступления возла-

галось главным образом на тактическую авиацию. Однако последняя по меткости уступала артиллерии и по сравнению с ней требовала большего времени на подавление целей. Кроме того, в плохую погоду и ночью авиационная поддержка пехоты и танков если не полностью исключалась, то резко ограничивалась. Поэтому наступление их велось медленно, с большим количеством относительно продолжительных остановок.

Организуя наступательную операцию, американско-английское командование, как правило, не выделяло достаточных сил и средств для развития прорыва в глубину. После осуществления тактического прорыва развитие наступления продолжалось в сторону флангов. Созданная для прорыва ударная группировка постепенно рассасывалась. Это также приводило к снижению темпов наступления войск.

Рассмотренные в книге события отделены от нас многолетним периодом новой острой борьбы между социализмом и империализмом, между силами реакции и прогресса. Но их опыт не потерял своего научного и практического значения. Подписав вместе с Советским правительством Потсдамское соглашение, которое заложило фундамент прочного мира в Европе, правительства США и Великобритании отказались от подписанных ими договоров и начали собирать силы реакции, не брезгуя при этом и вчерашним своим врагом — германским милитаризмом, создавать империалистические союзы, развязывать агрессивные войны в различных частях мира. В разработке коалиционной политики и стратегии империалисты широко используют опыт союзных экспедиционных сил, полученный в Европе во время второй мировой войны. По существу современная военная система всех империалистических союзов представляет собой в различной степени развитую (с учетом новых средств вооруженной борьбы и условий) организацию коалиционных вооруженных сил, которая была создана и проверена в минувшей мировой войне.

Система империалистических союзов унаследовала от своего предшественника, но, разумеется, в более развитой форме, и его характерные особенности, черты, так как природа государств, создающих империалистические коалиции, изменилась лишь в сторону усиления их реакционности, дальнейшего обострения социальных противоречий. В связи с этим изучение военно-политических событий 1944—1945 гг., выявление слабых и сильных сторон участвовавших в них американских и английских армий — одна из важных предпосылок глубокого познания как самых событий, имеющих большое историческое значение, так и принципов организации и характера внутренних взаимоотношений в империалистических коалициях. Она облегчает борьбу против военных приготовлений империализма, борьбу за мир во всем мире.

Библиография

- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1959.
- Энгельс Ф. Возможности и перспективы войны священного союза против Франции в 1852 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7.
- Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М., 1957.
- Ленин В. И. Падение Порт-Артура. — Полн. собр. соч., т. 8—9.
- Ленин В. И. Крах II Интернационала. — Полн. собр. соч., т. 26.
- Ленин В. И. Социализм и война. — Полн. собр. соч., т. 26.
- Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Полн. собр. соч., т. 27.
- Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». — Полн. собр. соч., т. 30.
- Ленин В. И. Война и революция. — Полн. собр. соч., т. 32.
- Ленин В. И. Статистика и социология. — Полн. собр. соч., т. 30.
- Брежнев Л. И. Великая победа советского народа. М., 1965.
- Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948.
- Жданов А. О международном поло-

- жении. Доклад, сделанный на информационном совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М., 1947.
- Калинин М. И. Война отечественная и война тотальная. Киров, 1943.
- Калинин М. И. Все для фронта! Все для победы! Статьи и речи. М., 1942.
- Калинин М. И. Могущество Советского государства. М., 1947.
- Калинин М. И. О коммунистическом воспитании и воинском долге. Сборник статей и речей. М., 1958.
- Дюкло Ж. Возникновение и развитие Французской коммунистической партии. — «Большевик», 1950, № 24.
- Дюкло Ж. Избранные произведения, т. 1 и 2. М., 1959.
- Лонго Л. Народ Италии в борьбе. М., 1952.
- Палм Датт Р. Кризис британской империи. М., 1950.
- Торез М. Сын народа. М., 1960.
- Торез М. Избранные произведения, т. 1, 2. М., 1959.
- Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. М., 1953.

Документы и материалы

- Архив Министерства обороны СССР (Архив МО СССР), ф. 6598; оп. 721603, д. 3990—4098, 4112; 4114, 4126, 4179, 4181—4183, 4186, 4196, 4206, 4207, 4212, 4214, 4219, 4237—4245, 4254—4270, 4277—4281, 4310; оп. 725167, д. 939, 941, 942, пленка 2.
- Архив Военно-исторического отдела Военно-научного управления Генерального штаба (АВНО), таблицы

- распределения сухопутных сил (декабрь 1944—март 1945 гг.).
- «Материалы Военно-научной библиотеки ГШ», переводы трофейных документов; официальные таблицы.
- «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. V (июнь 1941—сентябрь 1945 г.). М., 1947.
- «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной

- войны». Документы и материалы, т. 1—3. М., 1946—1947.
- «Внешняя политика Советского Союза. 1948 год», ч. I—II. М., 1950—1951.
- «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I (из Архива министерства иностранных дел Германии). М., 1948; т. II (Архив Дирксена. 1938—1939 гг.). М., 1948.
- «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. II. Германская политика в Турции (1941—1943); вып. III. Германская политика в Испании (1936—1943). М., 1946.
- «Нюрнбергский процесс». Сборник материалов, т. II. Изд. 3, испр. М., 1955.
- «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в 7-ми томах». М., 1957—1961.
- «К вопросу о немецко-фашистской военной доктрине». Документы. — «Военно-исторический журнал», 1963, № 4.
- «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. I—II. М., 1957.
- «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистского командования в войне против СССР». Документы и материалы. М., 1967.
- «Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Документы и материалы. М., 1959.
- Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5. М., 1952.
- «Тегеранская конференция руководителей трех великих держав (28 ноября—1 декабря 1943 г.)». Документы. — «Международная жизнь», 1961, № 7—8.
- «Фальсификаторы истории (Историческая справка)». М., 1948.
- «Congressional Record. Proceedings and Debates». Washington, 1941—1945.
- «Despatch Submitted by Field Marshal the Viscount Montgomery of Alamein», 1946.
- «Documents on American Foreign Relations», v. I—VII (1939—1945). Boston, 1940—1946.
- «Documents on International Affairs, 1939—1946». New York, 1951.
- «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1941», v. I. General. The Soviet Union. Washington, 1958.
- «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1941», v. II. Europe. Washington, 1959.
- «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Washington, 1941—1942, and Casablanca, 1943». Washington, 1968.
- «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943». Washington, 1961.
- «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta, 1945». Washington, 1955.
- «Fuhrer Conferences on Naval Affairs, 1939—1945». — «Brassey's Naval Annual, 1948». London—New York.
- «Hitler Directs His War. The Secret Records of His Daily Military Conferences». New York, 1950.
- «Hitler's Secret Conversations, 1941—1944». New York, 1953.
- «Nazi Conspiracy and Aggression. Office of United States Chief of Council for the Prosecution of Axis Criminality», v. 1—8. Washington, 1946.
- «Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report», v. 367—412. London, 1941—1945.
- «Parliamentary Debates. House of Lords. Official Report», v. 118—135. 1941—1945.
- «Report by the Supreme Commander to the Combined Chiefs of Staff on the Operations in Europe of the Allied Expeditionary Forces. 6 June 1944 to 8 May 1945». Washington, 1946.
- «Report by the Supreme Allied Commander Mediterranean to the Combined Chiefs of Staff on Italian Campaign». London, 1948.
- «Report by Supreme Allied Commander Mediterranean to the Combined Chiefs of Staff on the Operations in Southern France». London, 1946.
- «The Italian Campaign. 12th December 1944 to 2nd May 1945. Report by the Supreme Allied Commander

- Mediterranean Field Marshal Alexander». London, 1951.
- «The War Reports of General of the Army George C. Marshall, Chief of Staff, General of the Army H. H. Arnold, Commander General Army Air Force, Fleet Admiral Ernest J. King, Commander in Chief U. S. Fleet and Chief of Naval Operations». Philadelphia—New York, 1947.
- «Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal et Nurnberg», v. I—XLII. Nurnberg, 1947.
- «US. Department of State. The Axis in Defeat. A Collection of Documents on American Policy toward Germany and Japan». Washington, 1945.
- «U. S. Navy at War 1941—1945. Official Reports to the Secretary of the Navy by Fleet Admiral Ernest J. King». Washington, 1946.
- «Wartime Correspondence between President Roosevelt and Pope Pius XII». New York, 1947.
- «Les Lettres secrètes échangées par Hitler et Mussolini (1940—1943)». Paris, 1946.
- Jacobsen H.-A. 1939—1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1959.

Мемуары и дневники

- Бредли О.* Записки солдата. М., 1957.
- Вестфаль Э., Крейне В., Блюментриг Г., Байерлейн Ф., Цейтцлер К., Циммерман В., Мангейфель Х.* Роковые решения. М., 1958.
- Гольц Ш., де.* Военные мемуары. т. I—II. М., 1957—1960.
- Дениц К.* Немецкие подводные лодки во второй мировой войне. М., 1964.
- Майский И. М.* Воспоминания советского посла. Война 1939—1943. М., 1965.
- Риджуэй М.* Солдат. М., 1958.
- Рузвельт Э.* Его глазами. М., 1947.
- Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. I—II. М., 1958.
- Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968.
- Butcher H. C.* My Three Years with Eisenhower. The Personal Diary of Capt. Hurry C. Butcher. New York, 1946.
- Deane J.* The Strange Alliance. New York, 1947.
- Hull C.* Address by Cordell Hull, July 23, 1943 (International Consiliation № 382). New York, 1942.
- Marshall G. C.* Selected Speeches and Statements. Washington, 1945.
- Rommel E.* The Rommel Papers. London, 1953.
- Roosevelt F. D.* My Friends. Twenty-Eight History Making Speeches. Buffalo, 1945.
- Roosevelt F. D.* Nothing to Fear. Cambridge, 1946.
- Churchill W. S.* War Speeches. 1940—1945. London, 1946.
- Churchill W.* The Second World War, v. I—VI. London, 1948—1954.
- Churchill W. S.* The Second World War. The Iron Curtain. — «Times», 1953.
- «The Ciano Diaries. 1939—1943». New York, 1946.
- Davis J. E.* Mission to Moscow. New York, 1941.
- Eisenhower D. D.* Crusade in Europe. New York, 1948.
- Gardner B.* Churchill in Power. As Seen by His Contemporaries. Boston, 1970.
- «The Goebbels Diaries». London, 1948.
- Guderian H.* Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg, 1951.
- Halder F.* Hitler als Feldherr. München, 1949.
- Hassel U.* The Hassel Diaries 1938—1944. London, 1944.
- Kesselring W.* Gedanken zum zweiten Weltkrieg. Bad Godesberg, 1955.
- Kesselring W.* Soldat bis zum letzten Tag. Bonn, 1956.
- Manstein E.* Verlorene Siege. Bonn, 1950.
- Montgomery B. L.* The Memoirs of Field-Marshal the Viscount Montgomery of Alamein. London, 1958.
- Mussolini B.* Memoirs. 1942—1943. London, 1958.
- Scherwood R.* The White House Papers of Harry L. Hopkins. An Intimate History. London, 1949.
- «The Memoirs of Cordell Hull» in Two Volumes. New York, 1948.
- «The Memoirs of General the Lord Ismay». London, 1960.
- Wedemeyer A. C.* Wedemeyer's Reports. New York, 1958.
- Welles S.* The Times for Decision. New York—London, 1944.

Периодические издания

- «Правда», 1941—1945.
«Известия», 1941—1945.
«Красная звезда», 1941—1945.
«Большевик», 1941, № 14; 1944, № 3—5, 9, 10—11, 13—15, 19—22, 1945, № 2, 5, 9; 1946, № 3, 17—18, 21; 1947, № 13, 17; 1948, № 22; 1949, № 21; 1950, № 5, 9; 1951, № 1, 11; 1952, № 8, 21.
«Коммунист», 1953, № 2; 1954, № 4; 1956, № 3; 1958, № 1, 5; 1961, № 2.
«Коммунистический Интернационал», 1941, № 6—7.
«Вопросы истории», 1947, № 12; 1949, № 8, 1950, № 4, 5, 7, 8, 11; 1951, № 7, 12; 1952, № 4, 8; 1953, № 5, 12; 1954, № 5, 8; 1955, № 3, 6, 9, 11; 1956, № 7, 8; 1957, № 3, 4, 12; 1958, № 1, 5; 1961, № 3, 6; 1964, № 8.
«Новая и новейшая история», 1957, № 3; 1959, № 5; 1961, № 3; 1964, № 3.
«Мировая экономика и международные отношения», 1957, № 4.
«Международная жизнь», 1959, № 1, 8; 1961, № 7—9.
«Коммунист Вооруженных Сил», 1961, № 17.
«Военно-исторический журнал», 1959, № 3, 6; 1960, № 10; 1962, № 5; 1963, № 3, 4, 6; 1964, № 5, 9, 12.
«Военный вестник», 1955, № 5.
«Морской сборник», 1946—1947.
«Air Force», 1957.
«Army», 1959.
«Atlantic Monthly», 1950.
«American Historical Review», 1963.
«Collier's», 1948.
«Economist», 1941—1952.
«Journal of the Royal United Service Institution», 1960.
«Labour Monthly», 1943, 1949.
«Military Affairs», 1947—1963.
«U. S. Army Combat Forces», 1954.
«U. S. Air Service», 1948.
«United States Naval Institute Proceedings», 1953—1954.
«Daily Worker» (London), 1941—1945.
«Daily Worker» (New York), 1941—1945.
«Daily Telegraph and Morning Post», 1941—1945.
«Daily Express», 1941—1945.
«L'Humanite», 1944.
«News Chronicle», 1941—1945.
«New York Times», 1941—1945.
«New York Sun», 1941—1945.
«Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», 1958.
«Sunday Express», 1941—1945.
«Times», 1941—1945.

Исторические исследования и научные статьи

- «Агрессивная идеология и политика американского империализма». М., 1950.
Алафузов В. А. Доктрины германского флота. М., 1956.
Андреев В. И. Борьба на океанских коммуникациях (По опыту двух мировых войн). М., 1961.
«Антифашистское движение Сопротивление в странах Европы в годы второй мировой войны». М., 1962.
Багреев А. Д. Военное искусство капиталистических государств (1939—1945). М., 1960.
Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939—июнь 1941. М., 1959.
Батталья Р. История итальянского движения Сопротивления (8 сентября 1943 г.—25 апреля 1945 г.). М., 1954.
Белов П. А. Вопросы экономики в современной войне. М., 1951.
Блэр Дж., Хаугтон Х., Роуз М. Экономическая концентрация и вторая мировая война. М., 1948.
Боратынский С. Дипломатия периода второй мировой войны. Международные конференции 1941—1945 годов. М., 1959.
Брукс М. Нефть и внешняя политика. М., 1949.
Буше Ж. Бронетанковое оружие в войне. М., 1956.
«Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сборник статей. М., 1956.
«Важнейшие решения». М., 1964.
«Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945». Краткая история. М., 1967.
«Великая Отечественная война». Краткий научно-популярный очерк. М., 1970.
Верг А. Россия в войне 1941—1945. М., 1967.

- Винцер О.* 12 лет борьбы против фашизма и войны. М., 1956.
- Вишнев С.* Промышленность капиталистических стран во второй мировой войне (Техническо-экономические сдвиги). М.—Л., 1947.
- Вольский Ю. И.* Вопрос о создании второго фронта в Европе во внешней политике Англии (1941—1943 гг.). — «Вопросы новой и новейшей истории» («Ученые записки», № 33, АОН при ЦК КПСС). М., 1958.
- Воробьев Ф. Д., Кравцов В. М.* Победы Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. Краткий очерк. М., 1953.
- Воробьев Ф. Д., Кравцов В. М.* Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. Краткий военно-исторический очерк. М., 1961.
- «Всемирная история», т. X. М., 1965.
- «Вторая мировая война». Материалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине победы над фашистской Германией, кн. 1—3. М., 1966.
- «Вторая мировая война. 1939—1945 гг.». Военно-исторический очерк. М., 1958.
- Гальперин М.* Происхождение и характер второй мировой войны. Л., 1946.
- Гатовский Л.* Экономическая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне. М., 1946.
- Годунов Н. И.* Борьба французского народа против гитлеровских оккупантов и их сообщников (1940—1944 гг.). М., 1953.
- Гус М.* Американские империалисты — вдохновители мюнхенской политики. М., 1951.
- Д'Астье Э.* Семь раз по семь дней. М., 1961.
- Д'Астье Э.* Боги и люди. 1943—1944. М., 1962.
- Деборин Г. А.* Вторая мировая война. Военно-политический очерк под ред. И. И. Зубкова. М., 1958.
- Доллейш Дж.* Как мы планировали второй фронт. Внутренняя история планирования второго фронта. М., 1946.
- Земсков И. Н.* Из дипломатической истории второго фронта в Европе (1941—1944 г.). Документальный очерк. М., 1961.
- Зубков И. И.* Военные теории накануне второй мировой войны и проверка их боевым опытом. Стенограмма публичной лекции. М., 1945.
- Иванов Л. Н.* Очерки международных отношений в период второй мировой войны. М., 1958.
- Иванов Л. Н.* Авантюристическая стратегия американского империализма. М., 1951.
- Ивашин И. Ф.* Международные отношения и внешняя политика СССР в период второй мировой войны. М., 1954.
- Ингерсолл Р.* Совершенно секретно. М., 1947.
- Иноземцев Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма М., 1960.
- Ионг Л.* Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958.
- Израэлян В. Л.* Дипломатическая история Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. М., 1959.
- Израэлян В. Л.* Антигитлеровская коалиция (Дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы второй мировой войны). М., 1964.
- «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 1—5. М., 1961—1964.
- «История внешней политики СССР», ч. 1. 1917—1945 гг. М., 1966.
- «История дипломатии», т. III. М.—Л., 1945.
- «История Коммунистической партии Советского Союза», изд. 2, доп. М., 1963.
- «История международных отношений и внешней политики СССР», т. II (1939—1945). М., 1962.
- «Итоги второй мировой войны». Сборник статей. М., 1957.
- Кингстон Макклори Э. Дж.* Руководство войной. Анализ роли политического руководства и высшего военного командования. М., 1957.
- Коваль В. С.* Они хотели украсть у нас победу. Очерки внешней политики США во второй мировой войне (1939—VI. 1943). Киев, 1964.
- Ковальский Н. А.* Итальянский народ — против фашизма. Из истории освободительной борьбы в годы второй мировой войны. М., 1957.
- Колосков И. А., Цырульников Н. Г.* Народ Франции в борьбе против фашизма. Из истории освободительного движения во Франции в 1939—1944 г. М., 1960.

- Краинов Д.* Второй фронт. Записки советского военного корреспондента. М., 1948.
- Краинов Д.* Правда о втором фронте. Записки военного корреспондента. М., 1958.
- Кузнец Ю. Л.* Вступление США во вторую мировую войну. М., 1962.
- Кулиш В. М.* Второй фронт. Операция в Западной Европе в 1944—1945 гг. М., 1960.
- Кулиш В. М.* Раскрытая тайна. Предыстория второго фронта в Европе. М., 1965.
- Кульбакин В. Д.* Очерки новейшей истории Германии. М., 1962.
- Кунина А. Е., Марушкин Б. И.* Миф о миролюбии США. М., 1960.
- Лаговский А. Н.* Стратегия и экономика. Краткий очерк их взаимной связи и взаимного влияния. М., 1957.
- Лаговский А.* Стратегия и экономика. Краткий очерк их связи и взаимного влияния. М., 1961.
- Лиддел Гарг Б. Х.* Стратегия непрямых действий. М., 1957.
- Лукашев К. И.* Империалистическая борьба за послевоенные рынки сбыта и источники сырья. М., 1947.
- Меллентил Ф. В.* Танковые сражения 1939—1945 гг. М., 1957.
- Мельников Д.* Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. Легенда и действительность. М., 1962.
- Мильштейн М. А., Слободенко А. К.* О буржуазной военной науке. М., 1961.
- «Мировая война 1939—1945 гг.». Сборник статей. М., 1957.
- Михайлов Б. Я.* Конгресс производственных профсоюзов США. 1935—1955 (Из истории американского рабочего движения). М., 1959.
- Молок А. И.* Борьба французского народа против немецких оккупантов и их пособников в 1940—1945 гг. — «Ученые записки ЛГУ», серия ист. наук, вып. 17. Л., 1950.
- Мольтке К.* За кулисами второй мировой войны. М., 1952.
- Морисон С. Э.* Битва за Атлантику (сентябрь 1939 г.—май 1943 г.). М., 1956.
- Морисон С. Э.* Битва за Атлантику выиграна. Май 1943—май 1945. М., 1959.
- Морисон С. Э.* Вторжение во Францию и Германию. 1944—1945. М., 1963.
- Мэтлофф М.* От Касабланки до «Оверлорда». М., 1964.
- Мэтлофф М., Снэлл Э.* Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг. М., 1955.
- Мюллер-Гиллебрандт Б.* Сухопутная армия Германии. 1933—1945 гг., т. II. М., 1958.
- «Новая и новейшая история». Учебное пособие, ч. II (1939—1959). М., 1959.
- Поздеева Л. В.* Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. М., 1964.
- Поздеева Л. В.* Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. 1941—1945. М., 1969.
- «Поражение германского империализма во второй мировой войне». Статьи и документы. М., 1960.
- «Провал империалистических планов в отношении Польши в годы второй мировой войны». М., 1952.
- «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.» М., 1956.
- «Против фальсификации истории второй мировой войны». Сборник статей. М., 1959.
- «Против фальсификации истории второй мировой войны». Сборник статей. М., 1964.
- Прозктор Д. М.* Война в Европе 1939—1941 гг. М., 1963.
- Прозктор Д. М.* Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во второй мировой войне. 1939—1945. М., 1968.
- Ричардс Д., Сондерс Х.* Военно-воздушные силы Великобритании во второй мировой войне. 1939—1945 гг. М., 1963.
- Руге Ф.* Война на море 1939—1945. М., 1957.
- Секистов В. А.* «Странная война» в Западной Европе и в бассейне Средиземного моря (1939—1943 гг.). М., 1958.
- Секистов В. А.* Разоблачение буржуазной фальсификации понятия «второй фронт» и причины срыва открытия второго фронта в Западной Европе в 1942—1943 гг. — «Труды Военно-политической академии». М., 1962, № 37.
- Секистов В. А.* Война и политика (Военно-политический очерк военных действий в Западной Европе и бассейне Средиземного моря. 1939—1945). М., 1970.

- Скотт П.* Битва в узких морях. Действия легких прибрежных сил в Ла-Манше и Северном море (1939—1945 гг.). М., 1948.
- Смирнов В. П.* Франция во время второй мировой войны. М., 1961.
- Смирнов М. В., Базь И. С., Козлов С. Н.* О советской военной науке. М., 1960.
- «Современная империалистическая военная идеология». М., 1958.
- Сосинский С. Б.* Акция «Аргонавт» (Крымская конференция и ее оценка в США). М., 1970.
- Типпельскирх К.* История второй мировой войны. М., 1956.
- Толченов М. П.* За кулисами подготовки второго фронта. М., 1947.
- Трухановский В. Г.* Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939—1945). М., 1965.
- Тягуненко В. Л.* Войны и колонии. Влияние распада колониальной системы на военно-экономическую базу империализма. М., 1957.
- Ундасынов И. Н.* Рузвельт, Черчилль и второй фронт. М., 1965. — «Уроки истории неопровержимы». М., 1964.
- Филатов Г. С.* Проблемы движения Сопротивления в Италии (1943—1945 гг.) и их отражение в итальянской историографии. М., 1962.
- Фуллер Дж.* Вторая мировая война 1939—1945 гг. М., 1956.
- Ховард Д.* Утро в Нормандии. М., 1965.
- Шпирт А. Ю.* Изменения в экономике сырья и топлива во второй мировой войне. М.—Л., 1946.
- Эрман Дж.* Большая стратегия. Август 1943—сентябрь 1944. М., 1958.
- Эрман Дж.* Большая стратегия. Октябрь 1944—август 1945. М., 1958.
- Яковлев Н. Н.* Новейшая история США. 1917—1960. М., 1961.
- Яковлев Н. Н.* США и Англия во второй мировой войне. М., 1961.
- Яковлев Н. Н.* Франклин Рузвельт — человек и политик. М., 1965.
- Ambrose S. E.* Eisenhower and Berlin. 1945. The Decision to Holt on the Elbe. New York, 1967.
- Aron R.* De Gaulle before Paris. The Liberation of France, June—August, 1944. London, 1962.
- Aron R.* France Reborn. The History of the Liberation. June 1944—May 1945. New York, 1964.
- Assman K.* Deutsche Schicksalsjahre. Wiesbaden, 1950.
- Baldwin H. W.* Great Mistakes of the War. New York, 1950.
- Baldwin H. W.* Battles Lost and Won. Great Campaigns of World War II. New York, 1966.
- Belfield E., Essame H.* The Battle for Normandy. Philadelphia, 1965.
- Belot R. de.* The Struggle for the Mediterranean 1939—1945. Princeton (New Jersey), 1951.
- Bernadotte F.* The Curtain Falls. Last Days of the Third Reich. New York, 1945.
- Blumenson M.* The Duel for France. 1944. Boston, 1963.
- Blumenson M.* Breakout and Pursuit. Washington, 1961.
- Bourget P., Lacretelle Ch.* Sur les murs de Paris 1940—1944. Paris, 1959.
- Bradley O. N.* A Soldier's Story. New York, 1951.
- Brereton L. M.* The Brereton Diaries. The War in the Air in Pacific, Middle East and Europe. October 1941—May 1945. New York, 1945.
- «Bridging the Atlantic. Anglo-American Fellowship as the Way to World Peace. A Survey from Both Sides». New York, 1944.
- Brouder E., Foster W. Z., Amter I., Weiss M.* Speed the Second Front, New York, 1942.
- Bryant A.* The Turn of the Tide. 1939—1943. London, 1957.
- Bryant A.* Triumph in the West. 1943—1946. London, 1959.
- Burne A. H.* Strategy in World War II. A Strategic Examination of Land Operations. Harrisburg, 1947.
- Carell P.* Invasion — They're Coming. New York, 1963.
- «Chronology of the Second World War». London—New York, 1947.
- Cline R. S.* Washington Command Post: The Operations Division. Washington, 1951.
- Clark M.* Calculated Risk. New York, 1950.
- Coates W. P., Coates Z.* A History of Anglo-Soviet Relations, v. II, 1943—1950. London, 1958.
- Cole H. M.* The Lorraine Campaign. Washington, 1950.
- Collier B.* The Battle of the V-Weapons. 1944—1945. London, 1964.
- «Command Decision». New York, 1959.
- Commager H.* The Story of the Second World War. Boston, 1945.

- «Conquer». The Story of Ninth Army, 1944—1945. Washington, 1947.
- Craig C. A.* The Politics of the Prussian Army. 1640—1945. Oxford, 1955.
- Current R. N.* Secretary Stimson. A Study in Statecraft. New Brunswick. New Jersey, 1954.
- «D-Day. The Greatest Invasion». New York, 1969.
- «Denmark During the German Occupation». Copenhagen, London, 1946.
- Dorpalen A.* The World of General Haushofer. Geopolitics in Action. New York—Toronto, 1942.
- Driberg Cr. E. N.* Beaverbrook. A Study in Power and Frustration. London, 1956.
- Dulles A. W.* Germany's Underground. New York, 1947.
- Eden A.* The Memoirs of Antony Eden. Full Circle. London, 1960.
- Edwards K.* Operation Neptune. London, 1946.
- Ehrman H. W.* French Labour. From Popular Front to Liberation. New York, 1947.
- Ehrman J.* Grand Strategy, v. V—VI. London, 1956.
- «The Effect of Strategic Bombing on German Morale». Washington, 1947.
- Ellis L. F.* with *Allen G. R. G.*, *Warhurst A. E.*, *Robb J.* Victory in the West, v. I. London, 1962.
- Essame H.* The Battle for Germany. New York, 1969.
- Estoric E.* Stafford Cripps. A Biography. London, 1949.
- Feis H.* Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. New Jersey, 1957.
- Florentin E.* Battle of the Falaise Gap. New York, 1967.
- Folls C.* The Second World War. A Short History. London, 1948.
- Fuller J. F. C.* On Future Warfare. London, 1928.
- Fuller J. F. C.* The Second World War 1939—1945. London, 1948.
- Funk L.* Charles de Gaulle. The Crucial Years 1943—1944. Norman (Ok-lachome), 1960.
- Gavin J.* Airborne Warfare. Washington, 1947.
- Glover S. J.* The Clay Pigeons of St. Lo. Harrisburg, 1959.
- Görlitz W.* Der deutsche Generalstab. Geschichte und Gestalt. 1657—1945. Frankfurt/M., 1950.
- Görlitz W.* Der zweite Weltkrieg 1939—1945, Bd I—II. Stuttgart, 1951—1952.
- Grant D.* The Fuel of the Fire. Gresset Press, 1950.
- Graven W. F.*, *Cate J. L.* The Army Air Forces in World War II, v. II—III. Chicago, 1951.
- Greenfield K. R.* The Historian and the Army. New Brunswick—New York, 1954.
- Grenfel R.* Unconditional Hatred. New York, 1954.
- Gwyn D.* The Vacation and the War in Europe. London.
- Harris M.* The United States in the Second World War. New York, 1946.
- Harrison G. A.* Cross-Channel Attack. Washington, 1951.
- Hatch A.* General Eisenhower. A Biography of Dwight Eisenhower. London, 1946.
- Hayn F.* Invasion. Heidelberg, 1954.
- Higgins T.* Winston Churchill and the Second Front. 1940—1943. New York, 1957.
- Hinsley F. H.* Hitler's Strategy. Cambridge, 1951.
- Hinsley F. N.* Command of the Sea. Christopher, 1950.
- «Historical Survey of the Netherlands Underground Press. 1940—1945». Which is Now being Prepared by the State Institute, 1952.
- Howarth D.* D-day, the Sixth of June, 1944. New York, 1959.
- Karing W.* Battle Reports, v. I—IV. New York, 1944—1948.
- Kecskemeti.* Strategic Surrender. Stanford, 1958.
- Kingston-McCloughry E. J.* The Direction of War. London, 1955.
- Krug J. A.* Wartime Production Achievements and the Reconversion Outlook, Report by Chairman War Production Board, October, 1945.
- De Lattre de Tassigny.* Histoire de la Première Armée. Paris, 1949.
- Leahy W. D.* I Was There. New York, 1950.
- Leigh R.* 48 million Tons to Eisenhower. Washington, 1945.
- Leighton R.*, *Coakley R.* Global Logistics and Strategy 1940—1943. Washington, 1955.
- «The Liberation of Belgium». New York, 1944.
- Liddell Hart B. H.* The Strategy of Indirect Approach. London, 1946.
- Liddell Hart B. H.* Strategy: The Indirect Approach. London.

- Liddell Hart B. H.* Defence of the West. London—Toronto and oth., 1950.
- Liddell Hart B. H.* The Other Side of the Hill. London, 1948.
- Luce H. R.* The American Century. New York—Toronto, 1941.
- MacDonald Ch. B.* The Siegfried Line Campaign. Washington, 1963.
- Marshall S. L. A.* Bastogne. Washington, 1946.
- Marshall S. L. A.* Blitzkrieg. New York, 1940.
- Matloff M.* Strategic Planning for Coalition Warfare. 1943—1944. Washington, 1959.
- McElwee W.* The Battle of D-Day. London, 1965.
- McInnis E.* The War Firth Year. London—Toronto—New York, 1945.
- McMillan R.* Miracle before Berlin. London, 1946.
- McNeill W. H.* America, Britain and Russia. London—New York—Toronto, 1953.
- Mellor W. B.* Patton—Fighting Man. New York, 1946.
- Merriam R. E.* Dark December. The Full Account of Battle of the Bulge, 1947.
- Miller F. T.* History of World War II. Philadelphia—Toronto—Washington, 1945.
- Millis W.* The Last Phase. Cambridge, 1946.
- Montgomery B. L.* 21-st Army Group. Normandy to the Baltic Germany, 1946.
- Montross L.* War Through the Ages. New York—London, 1946.
- Moorhead A.* The End in Africa. London, 1943.
- Moorhead A.* Montgomery. A Biography. London, 1946.
- Morgan F.* Overture to Overlord. London, 1950.
- Morison S. E.* The Invasion of France and Germany, 1944—1945. London, 1957.
- Morison S. E.* Strategy and Compromise. Boston, 1958.
- Morison S. E.* American Contributions to the Strategy of World War II. London, 1958.
- Norman A.* Operation Overlord. Design and Reality. Harrisburg (Pennsylvania), 1952.
- Palmer R.* The Army Ground Forces. Procurement and Training of Gro-
- und Combat Troops. Washington, 1948.
- Pogue F.* The Supreme Command. Washington, 1954.
- Puleston W. D.* The Influence of Sea Power in World War II. New Haven, 1947.
- Richards S.* Royal Air Force 1939—1945, v. 3. London, 1953.
- Rintelen E.* Mussolini als Bundesgenosse. Tübingen, 1951.
- Robertson T.* Dieppe: the Shame and the Glory. Boston, 1962.
- Root W.* The Secret History of the War, v. I—II. New York, 1945.
- «Royal Air Force 1939—1945». London, 1954.
- Ruge F.* Rommel and die Invasion. Stuttgart, 1959.
- Ruppenthal R.* Logistical Support of the Armies, v. I (May 1941—September 1944). Washington, 1953.
- Rütter A. J.* Rijden en Staken. De Nederlandse Spoorwegen in oorlogstijd's. Gravenbage, 1960.
- Schulman M.* Defeat in the West. New York, 1948.
- «The Seventh United States Army». Report of Operations in France and Germany 1944—1945, v. I—III. Heidelberg, 1946.
- Shirer W. Z.* The Rise and Fall of the Third Reich. New York, 1962.
- Skibinski F.* Piersza Pancerna. Czytelnik, 1959.
- Slim W.* Defeat in Victory. London, 1956.
- Soaunders R.* Royal Air Force, 1939—1945, v. 3. London, 1953.
- Speidel H.* Invasion 1944. Tübingen—Stuttgart, 1950.
- Stacey C. P.* The Canadian Army 1939—1945. Ottawa, 1948.
- Stacey C. P.* Canada's Battle in Normandy. Ottawa, 1946.
- Stacey C. P.* The Victory Campaign. The Operations in North-West Europe 1944—1945. Ottawa, 1960.
- Stembridge J. H.* The Oxford War Atlas, v. IV. The War in 1944. London, 1945.
- Stettinius E. R.* Roosevelt and Russia. The Yalta Conference. London, 1950.
- Stimson H., Bundy M.* On Active Service in Peace and War. New York, 1947.
- «St. Lo (7 July—19 July 1944)». Washington, 1947.
- Taylor G.* The New Western Front.

- A Geographical Approach. Toronto, 1942.
- Thompson R. W.* The Price of Victory. Constable, 1960.
- Thompson R. W.* The Eighty-Five Days. The Story of the Battle of the Scheldt. New York, 1957.
- Thompson R. W.* Battle for the Rhine. New York, 1959.
- Thompson R. W.* Churchill and the Montgomery Myth. New York, 1967.
- Toland J.* Battle. The Story of the Bulge. New York, 1959.
- Trevor-Roper H. R.* The Last Days of Hitler. New York, 1947.
- Turner J. F.* Invasion 44: the First Full Story of D-Day in Normandy. New York, 1959.
- Vagts A.* Landing Operations. Strategy, Psychology, Politics. Harrisburg, 1952.
- Wainwright W.* The Second Front. London, 1941.
- Wallace B. G.* Patton and His Third Army. Harrisburg, 1946.
- Watney J.* The Enemy Within. A Personal Impression of the Invasion of Normandy. 1944. London, 1946.
- Watson M. S.* Chief of Staff: Prewar Plans and Preparations. Washington, 1950.
- Webster Ch., Frankland N.* The Strategic Air Offensive Against Germany 1939—1945, v. I—II. London, 1961.
- Welles S.* The Time for Decision. New York—London, 1944.
- Westphal S.* The German Army in the West. London, 1951.
- Wilmot Ch.* The Struggle for Europe. London, 1950.
- Young E. P.* That Second Front (Why, How, When and Where). The Survey of the Strategical and Political Factors. London, 1942.

Указатель имен

- Адамс У. 50
Александр Г. 178, 216, 284, 288,
444, 478, 556
Аллен Д. 26
Антонов А. И. 562, 564, 565, 608,
609, 612
Арнольд Г. 25, 105, 126, 156, 157,
164, 185, 216, 217, 294, 442
Ассман К. 63, 335, 336
- Бадольо П. 252
Байерлейн Ф. 263, 327
Бауди М. 25, 236, 257, 294
Баратынский С. 218
Баркер Р. 220, 292
Барстоу 137
Бате 46
Батлер Д. 59, 62, 69, 71, 72, 79, 87,
146
Батт 97
Батчер Г. 395, 396, 406, 415, 441
Бек Л. 273, 274, 406
Белфилд Э. 38
Бенеш Э. 193
Бернадотт Ф. 613
Бессел 255
Бетуар А. 533
Бласковиц И. 331
Бивен Э. 53
Бивербрук В. 18, 59—62, 87—91, 93,
97, 101, 139, 226, 227, 245, 246
Бломберг 45
Блуменсон М. 376, 377, 392—395,
399—403, 406, 409, 412—414, 416—
418, 420—422, 427, 428, 430, 432,
438, 454, 461, 467—469, 472
Блюментрит Г. 36, 37, 196, 263, 327,
388
Болдуин Г. 25, 27—29, 33, 34, 236
Болтин Е. А. 7
Брайант А. 25, 32—34, 36, 92, 133,
134, 138, 145—147, 165—167, 180,
190, 210, 240, 254, 288, 290, 548
Браудер Э. 193, 279
Браун 294
- Брук А. 32, 34, 101, 133, 134, 143,
145—147, 167, 168, 187, 190, 209,
210, 217, 254, 288—290, 307—309,
478, 545, 548, 555, 560
Брукс М. 68
Брадли О. 38, 190, 262, 346, 347,
349, 354, 359, 379, 382, 386—388,
390, 392, 394, 399, 400, 403, 404,
408—410, 414—416, 419, 420, 423,
428—434, 437, 438, 440, 462—465,
469, 476, 492, 494, 497, 498, 503,
504, 508, 510, 512, 517, 522, 524,
525, 529, 534, 532, 535, 536, 544,
546, 555, 566, 578—580, 582—584,
588—590, 595, 601, 603, 606, 609,
610, 612, 628
Бурже П. 400
Бэрнс Д. 206
Бэртлетт 137
- Вагенер К., фон 599
Вагнер 273
Вайнант Д. 154
Вебстер Ч. 64
Ведемейер А. 148, 149
Вейган М. 109, 154
Вейдеман А. 264
Вейнрайт У. 86
Вейс М. 193
Венк В. 614
Вестфаль Э. 263, 267, 327, 329, 332,
455, 460, 474, 496, 514, 521, 523,
546
Винцер О. 272—274
Витцлебен Э. 116
Вольский Ю. И. 10
Вольф 587
Ворошилов К. Е. 190, 308, 309
- Галактионов М. 52
Галифакс Э. 136, 218
Гальдер Ф. 45, 114, 521, 554
Гарднер Б. 90, 181
Гарриман А. 77, 91, 187—190
Гауль В. 336

- Геббельс И. 228, 554, 586
Гейвин Д. М. 368, 370
Георг VI 90
Герделер К. 273, 406
Геринг Г. 196, 228, 515
Геров 416
Гейфен 274
Герлицц В. 246, 263, 274, 333, 586, 588
Гиммлер Г. 393, 474, 503, 586, 613
Гитлер А. 27, 43, 49, 52, 53, 55, 62, 64, 69, 70, 89, 91, 101, 102, 113—116, 135—137, 139, 144, 153, 157, 159, 163, 171, 181, 183, 188, 189, 192, 195—197, 203, 204, 228, 231, 246, 247, 265, 267, 268, 273, 274, 278, 282, 285, 316, 324—327, 329, 330, 336, 343, 371, 381, 384, 385, 387, 388, 393, 399, 402, 406, 417, 424, 432, 434—436, 445, 457, 460, 474, 475, 493, 503, 513—516, 520, 521, 523, 529, 536—539, 542, 543, 546, 548, 552, 586, 608
Голл Ш., де 134, 144, 154, 185, 218, 400, 402—404, 442, 533, 543, 607
Гопкинс Г. 22, 77—79, 91, 105, 122, 126, 130, 131, 141—143, 148, 151, 153, 154, 156, 159—161, 173, 175, 177, 178, 206, 224, 233, 234, 245, 261, 294, 297
Гормли 77
Грациани Р. 406
Грейвин У. 25, 348, 349, 368, 370, 412, 414, 415, 419, 422, 427, 450, 452, 453, 632
Гринфильд К. 34
Гуайер Д. 59, 62, 79, 87, 146
Гудериан Г. 267, 457, 515, 537, 546, 586
Даллес А. 274, 406, 587
Деверс Д. 442, 479, 502, 529, 536, 568, 610
Девис К. 86, 87
Демпси 379, 384, 420
Дениц К. 268, 371, 493, 613, 614
Джонсон Х. 139
Дилл Д. 77, 101, 111, 298
Дин Д. 26, 27, 283, 284, 287, 296
Дитрих Э. 163, 424, 436, 516, 519, 523
Долглейш Д. 22, 23, 275, 276, 338
Дольман Ф. 371, 393
Доновен 105
Дэйвис Ф. 406
Дюкло Ж. 401
Елизавета 46
Еремеев Л. М. 7
Ерусалимский А. С. 52
Жиро А. 154, 218
Жуков Г. К. 601
Жуэн 528
Зайцев И. Е. 16, 247
Заукель Ф. 265
Земсков И. Н. 11, 13, 53, 89, 92, 127, 152, 186, 189, 190, 199, 281, 285
Зефков А. 272
Зиберт 431
Иден А. 49, 50, 53, 54, 57, 90, 96, 143, 195, 233, 277, 281, 283—286, 609
Ингерсолл Р. 22, 23
Иноземцев Н. Н. 14
Иодль А. 269, 275, 282, 283, 323, 327, 384, 387, 388, 401, 417, 431, 434, 437, 514—516, 523, 538, 587, 608, 609, 614
Исмей Х. 77, 283, 286, 559
Израэлян В. Л. 18, 79, 86, 226
Каммингс 182
Каннингхэм А. 349
Каррент Р. 479
Квирнгейм А. 274
Кейт Д. 25, 348, 349, 412, 414, 415, 419, 422, 427, 450, 452, 453, 632
Кейтель В. 384, 385, 393, 515, 523
Кениг 360
Керр А. 199
Кессельринг У. 448
Кессиди 200
Кёрль Г. 271
Кинг Э. 105, 123, 155, 159, 160, 164, 169, 176—178, 185, 216, 217, 294, 305, 317, 442, 445
Кист У. 626
Кицингер Ф. 399
Клайн Р. 119—121, 128, 164, 165, 235, 237, 241, 257
Кларк М. 25, 164, 443
Клюге Г., фон 273, 393, 407, 416—419, 421, 422, 424, 431, 432, 434, 435
Коллинс 386, 387, 409, 415
Колльвер Б. 540
Колосков И. А. 65
Коуль Г. 497, 498, 500, 514
Коч 461
Крамер 517
Краминон Д. 7, 362
Кранке 372
Кребс 516
Крейне В. 263, 327, 515
Крипс С. 87, 93, 138
Кузнецов Н. Г. 13, 562
Кук 256, 294

Кунина А. Е. 10, 16, 17
Кэннингхэм Э. 563

Лаваль П. 153
Лайотвелл 226
Лакретель Ш. 400
Ланза Ч. 596
Лалин Н. 7

Лебедев Н. И. 15, 16
Левицкий Н. 52
Леги У. 25, 65, 109, 153, 235, 236,
294, 298, 301, 305, 478, 479, 531,
588

Лей Р. 469
Лейтон Р. 34
Леклерк Ф. 402, 403
Лемнитцер 587
Леонтьев Н. 46, 52
Ли Р. 77
Ли-Мэллори Т. 347
Лиддел Гарт Б. 24, 25, 32, 33, 35, 36,
228, 267, 329, 331, 621

Линдемани 273
Линдсей 255
Липпман У. 29
Литвинов М. М. 106, 136, 137

Литтл У. 542
Литтл Ч. 111
Литтлтон 160
Ллойд Джордж Д. 18, 187
Лозовский С. А. 51

Лонго Л. 552
Лотиан Ф. 219
Лоутер 181
Луз А. 333
Лютвиц 600

Мадер Ю. 528
Майский И. М. 10, 12, 13, 18, 19,
44, 54, 55, 57, 58, 90, 95, 96, 136,
137, 150, 185—187, 245

Мантейфель Х. 263, 327, 514, 516,
523, 534, 540, 542, 546

Макэли У. 347, 372
Макартур Д. 155
Макартур 2-й Д. 109

Макиавелли 148
Макингайр 294
Макмиллан Р. 528
Макнейл У. 131, 217
Макнейр Л. 408, 414
Макнэрни Д. 120

Маколифф 359
Максуэлл 173, 190
Маркантонио 89, 97
Маркс К. 618
Маркс Э. 372, 393

Марушкин Б. И. 10, 16, 17
Маршалл Д. 29, 82, 83, 105, 108, 122,
123, 125, 128, 130, 131, 141—143,
145, 146, 153, 156, 159—161, 164,

168—171, 175—178, 185, 207, 211,
216—218, 241, 250, 251, 257, 288,
294, 296—298, 305, 307, 309, 429,
442—444, 511, 532, 534, 548, 557,
563

Маулер 184
Маунтбаттен Л. 132, 133, 143, 160,
164, 165, 167, 317

Мельников Д. 264, 272, 343
Меррием Ф. 510, 511, 517, 521—523,
530, 535, 539, 547, 548

Миддлтон 182
Модель В. 401, 435, 436, 455, 458,
474, 516, 523, 534, 535, 600, 601

Мологов В. М. 151, 152, 159, 160,
189

Морган Ф. 220, 247—250, 254, 256,
258, 260, 292, 317, 338—340

Моргентау Г. 428, 479
Морисон С. 30, 33, 130, 216, 248,
340, 350, 368, 378, 380, 381, 389,
441—443, 446, 452

Монтгомери Б. 36, 38, 210, 340, 344,
346—352, 359, 362, 379, 383, 385,
390, 391, 394, 395, 405, 406, 409,
419, 420, 423, 426, 428—434, 436—
438, 440, 458, 462—465, 468, 469,
475—477, 480, 482, 483, 485, 487—
490, 492—494, 496—498, 503, 505,
508, 512, 524, 530, 532—536, 540,
544, 545, 547, 550, 555, 556, 558,
566, 571—574, 578, 580, 584, 590,
592—594, 602, 607, 609, 613, 628

Мур-Брабазон 50
Мурхед А. 205
Муссолини Б. 70, 171, 175, 247, 251,
252, 270, 406, 516

Мэтлофф М. 29, 53, 66, 73—75, 82,
100, 106, 110, 119, 120, 122, 124,
126—130, 132, 141—143, 155—158,
164, 165, 168—170, 172, 176, 177,
180, 191, 207, 208, 210, 214, 216,
220, 221, 234, 237, 239, 241, 242,
246, 249, 250, 255, 256, 261

Мюллер-Гиллебрандт В. 47, 64

Натесов В. И. 7
Некряч Л. М. 15, 17
Нокс Ф. 55, 105, 126
Нордлинг Ф. 403
Норман А. 25, 26, 112, 179, 364
Ньюмен У. 156

Палмер Р. 626
Патгон Д. 419, 420, 429—431, 433,
434, 437, 438, 462, 463, 524, 529,
583, 584, 602

Паулюс Ф. 45, 601
Паунд Д. 77, 101
Пемзель М. 372
Петч 610

- Петэн Ф. 109
 Пик В. 273
 Пирсонс Г. 410
 Погью Ф. 249, 250, 254, 292, 342, 344, 349, 350, 397, 404, 414, 418, 424, 429, 430, 443, 461, 462, 464, 475, 476, 480, 489, 492, 494, 496, 515, 529, 532, 536, 544, 548, 555, 557, 571, 575, 580, 583, 584, 588, 592, 595, 596, 598, 600, 603, 604
 Поздеева Л. В. 14
 Поллит Г. 181, 277
 Попитц 273
 Портал Ч. 77, 101, 143, 160
 Притт Д. 181
 Проктор Д. М. 45
 Пэйдж 165
 Рамсей 350
 Редер Э. 113, 114, 116, 203
 Риббентроп И. 586
 Риджуэй М. 609, 610
 Ричардс Д. 62, 394, 395, 414, 423, 424, 426, 434
 Робб Д. 26
 Робертс 181
 Рокоссовский К. К. 601
 Роль-Танги А. 403
 Романовский М. 200
 Роммель Э. 172, 204, 273, 283, 326—329, 331, 332, 335, 337, 371, 380, 381, 384, 388, 393, 407
 Рузвельт Ф. 13, 22, 24, 28, 29, 37, 38, 43, 44, 48, 61, 62, 70, 76, 78, 79, 85, 89—92, 100, 105—110, 126, 127, 130, 139, 141—143, 151, 153—157, 159—161, 164, 166—169, 171, 173—180, 183, 186, 187, 191, 198, 202, 203, 206—208, 210—220, 223—225, 229, 231—237, 241—243, 252, 255, 257, 258, 261, 263, 279—282, 286, 290, 291, 294—297, 299—307, 309—311, 314, 316, 317, 326, 340, 341, 441, 443, 444, 477, 478, 514, 531, 538, 556, 557, 561, 563, 572, 588, 604, 611
 Рузвельт Э. 216, 297, 306
 Рундштедт Г., фон 25, 117, 196, 228, 267, 327—329, 331, 332, 335, 337, 372, 375, 376, 380, 381, 384, 387, 388, 392, 393, 474, 516, 518, 520, 523, 524, 529, 534, 536, 538, 546, 588
 Рупенгаль Р. 473
 Рютер А. 486
 Саймон Д. 227
 Секистов В. А. 15
 Сет Р. 467
 Симпсон 498, 574, 578, 606, 614
 Ситрин У. 278
 Скорцени О. 516, 528
 Слессор 442
 Смит Б. 38, 340, 528, 614
 Смэтс 252
 Снэлл Э. 29, 53, 66, 73—75, 82, 100, 106, 110, 119, 120, 124, 126—130, 132, 141—143, 155—158, 164, 165, 168—170, 172, 176, 177, 180, 191, 207, 208, 210, 246
 Сомервелл 157, 164, 294
 Сондерс Х. 62, 394, 395, 414, 423, 424, 426, 434
 Спаатс К. 347
 Сталин И. В. 37, 55, 87, 91, 95, 96, 100, 131, 135, 151, 159, 187, 188, 191, 200, 201, 211, 212, 231, 242—244, 262, 284, 285, 302, 303, 306, 309—314, 545, 561, 563, 588
 Старк 82, 83, 105, 185
 Стеттинкус Э. 557, 561, 564, 558
 Стилуэлл Д. 110
 Стимсон Г. 25, 29, 103, 105, 126, 168, 236, 257, 294, 297
 Страбоджи 181, 226
 Тарле Е. В. 200
 Теддер А. 187, 190, 405, 508, 512, 529, 538, 545
 Типпельскирх К. 171, 329, 331, 414, 462, 514, 614
 Тито И. 305
 Толедано Л. 194
 Толченев М. П. 6, 10
 Томпсон Р. 465, 490, 492—494, 571, 574
 Торез М. 399
 Тоулэнд Д. 515, 516, 523, 528, 531, 538—540, 543, 549
 Тренчард 227
 Тресков, фон 273
 Тротт цу Зольц А., фон 274
 Трумэн Г. 611
 Трухановский В. Г. 18, 79, 164
 Тэйлор Д. 194
 Уили Б. 626
 Уилки У. 200
 Уиллер-Беннет Д. 272
 Уилмот Ч. 483, 485, 537, 539
 Уилсон Г. 300, 341, 443, 444, 478
 Ульбрихт В. 272—274
 Уоллес Б. 334, 408, 419, 420, 595, 598
 Уорхерст А. 26
 Уотсон М. 67, 74, 80, 82—84, 294
 Уэйвелл А. 187, 188, 190
 Уэллес С. 43, 201
 Фейс Г. 30, 152, 213, 241, 537
 Филипп А. 193
 Фитцджеральд 173
 Фостер У. 193

- Фридебург Г. 613, 614
 Фридрих II 45, 523
 Франкленд Н. 64
 Фуллер Д. 349, 427
 Хавард М. 35
 Хаммерштейн, фон 274
 Харрис А. 111, 133
 Харрисон Г. 115, 117, 217, 220, 224, 228, 239, 248, 249, 256—258, 286, 287, 292, 296, 315, 329—331, 334, 335, 338—341, 346, 351, 352, 356, 360, 361, 367, 370—372, 375, 376, 387—389
 Хауссер П. 393, 421, 432, 436
 Хвостов В. М. 17
 Хельмих 387
 Хиггинс Т. 30, 31, 39, 63, 69, 70, 71, 93, 122, 132, 133, 154, 196
 Хинсли Ф. 69, 70
 Ходжес 419
 Хойзингер А. 114
 Холтиц Д. 393, 399, 401—403
 Хор С. 219
 Хорти М. 516
 Хьюстон Д. 415, 485, 488
 Хэлл Д. 255
 Хэлл К. 43, 161, 233, 281, 284, 286, 562
 Хэнди Т. 120, 294
 Цезарь Ю. 360
 Цейтцлер К. 263, 327
 Циммерман Б. 263, 267, 327, 329, 455, 459, 496
 Цырульников Н. Г. 65
 Чан Кай-ши 298, 310
 Черчилль У. 7, 10—14, 23—25, 28, 30, 31, 34, 35, 38, 39, 43, 49, 50, 54—62, 69—71, 75—80, 85—96, 99—102, 106, 108, 111, 112, 116, 126, 127, 131, 132, 134—136, 138, 140, 143—145, 147, 148, 150—154, 157, 160—178, 182—191, 195, 196, 198, 200—203, 206, 208—212, 215, 217—225, 227, 229—232, 235, 236, 239—244, 247, 249, 251—255, 258, 261, 268, 276—292, 297—307, 309—316, 326, 340, 341, 362, 377, 441—444, 451, 477, 479, 480, 485, 512, 514, 521, 532, 543, 545, 555—557, 560, 561, 563, 565, 572, 580, 588, 589, 601, 603—605, 609, 611—613
 Чиано Г. 171, 204
 Чэни Д. 77, 78
 Шабан-Дельмас Ж. 402
 Шапошников Б. М. 190
 Швешенбург Г., фон 332, 378
 Шверник Н. М. 278
 Шелленберг В. 586
 Шервуд Р. 22, 25, 29, 30, 48, 76—80, 82, 86, 91, 107, 110, 122, 124, 126—129, 131, 143, 147, 148, 153, 154, 156, 159—161, 171, 173, 177—179, 206, 217, 218, 222, 224, 233, 234, 240, 242, 245, 246, 255, 261, 292, 294, 297—299, 302, 310, 316, 560
 Ширер У. 474
 Шлибен 387, 388
 Шметгер Р. 196
 Шпеер А. 196
 Шпейдель Г. 336, 372, 388, 457—459, 472, 473
 Штауффенберг К. 273, 274
 Штейнгардт Л. 91
 Штиф 273
 Шуленбург Ф. 273
 Шульц Ф. 614
 Эбербах Г. 393, 424, 432, 435—437
 Эйзенхауэр Д. 25, 36—38, 119—125, 127, 164, 165, 168, 180, 185, 216, 218, 224, 240—242, 251, 300, 319, 338, 340—343, 348, 349, 354, 355, 360, 362—364, 376, 377, 390, 395, 399, 400, 402—407, 414, 415, 419, 423, 428—431, 433, 437, 442, 443, 457, 461, 463—470, 472, 475—480, 482, 485, 489, 492, 496, 497, 500, 502, 506, 508, 510—513, 524, 525, 528—540, 542—545, 547, 548, 553, 555—560, 564, 569, 574, 578, 580, 583, 585, 588, 596, 601—614, 628, 630
 Эйри 587
 Эллис Л. 26, 63, 334, 336, 350, 351, 354, 362, 363, 367, 370—372, 374, 376, 379—381, 384—386, 388, 390, 393, 394, 405, 406, 414, 416, 418—420, 422—424, 426, 429, 432, 434—438
 Эмтер И. 197
 Энгельс Ф. 618
 Энсти 192
 Эрман Д. 34, 239, 240, 259, 260, 282, 287—290, 296—299, 301, 309—312, 314, 316, 317, 319, 338—341, 346, 359, 360, 443, 444, 446, 452, 461, 477—479, 484, 496, 497, 512—515, 553, 555, 556, 558—560, 565, 587, 590, 604
 Эссейм Г. 38
 Эсторик Э. 87, 138
 Эттли К. 143
 Югоно Ж. 400
 Якоб А. 196
 Якобсен Г.-А. 270, 366, 377, 378, 518, 520
 Яковлев Н. Н. 10, 15, 17
 Янг Э. 194

Оглавление

	Введение	5
	Советская историография	6
	Буржуазная историография	22
	ПРЕДЫСТОРИЯ	41
Глава первая	Антифашистская коалиция и идея второго фронта (1941 г.)	43
	Рождение проблемы	43
	Начало дискуссии	51
	Возможности вторжения на континент	60
	Предпосылки второго фронта	67
	Дискуссия перерастает в борьбу	86
Глава вторая	Стратегия коалиционной войны зимой 1941/42 г.	99
	Первая Вашингтонская конференция	99
	Германская стратегия на Западе	113
	Разработка американской стратегии	119
	Реакция и маневры англичан	132
	Усиление борьбы за второй фронт	135
	Военные переговоры в Лондоне	141
Глава третья	Куда же идти: в Западную Европу или в Северную Африку?	150
	Обещания и истинные намерения	150
	Вторая Вашингтонская конференция	168
	Вторые военные переговоры в Лондоне	174
	Англо-советские переговоры в Москве	181
	Проблема второго фронта и общественность	191
Глава четвертая	Упущенные возможности. Продолжение политики обещаний и проволочек	204
	Изменение сущности проблемы второго фронта	204

	Конференция в Касабланке	213
	Проволочки и «оправдания»	221
	Третья Вашингтонская конференция	232
	Первая Квебекская конференция	247
Глава пятая	Запоздалая победа идеи второго фронта	263
	Фашистская Германия перед новым поворотом	263
	«Кончайте войну скорее!»	276
	Московская конференция	279
	Перед конференцией «Большой тройки»	287
	Начало Каирской конференции	298
	Тегеранская конференция	302
	Продолжение Каирской конференции	316
	ВТОРЖЕНИЕ	321
Глава первая	Перед вторжением	323
	Немецко-фашистские войска готовятся отразить вторжение на Западе	323
	План вторжения союзных армий	337
	Подготовка союзных армий	353
Глава вторая	Вторжение началось	366
	Высадка десанта в Нормандии и захват плацдарма	366
	Создание стратегического плацдарма	382
Глава третья	Борьба за Францию	398
	Национальное восстание	398
	Наступление союзных армий к Луаре и Сене	
	Прорыв немецкой обороны	404
	«Фалезский мешок»	421
	Ликвидация «фалезского мешка»	430
	Вторжение союзных армий на юге Франции	440
Глава четвертая	К западным границам Германии	457
	Рур — ближайшая цель союзных армий.	457
	Наступление на Рур и Саар	466
	Освобождение Южной Франции	470
	Конечная цель — Берлин	473
	Вторая Квебекская конференция	477
	Попытка обойти Рур	480
	Деблокада Антверпена	489
	Рур — снова ближайшая цель	495
Глава пятая	Последняя ставка	508
	Еще один план наступления к Рейну	508

	Немецкий план	513	
	Подготовка немецкого наступления	519	
	Наступление в Арденнах	524	
	Новые усилия немцев на Западе	538	
Глава шестая	Вторжение в Германию с запада	551	
	Накануне краха	551	
	Как наступать — на одном или двух направлениях?	555	
	Конференция в Крыму	561	
	Через позицию «Зигфрида» к Руру	566	
Глава седьмая	Наступление в Западной Германии	586	
	Захват Рура	586	
	Наступление к Эльбе	602	
	Капитуляция немецких войск	613	
Глава восьмая	Антифашистская коалиция, политика и стратегия	615	
	Вопрос о втором фронте и коалиционная стратегия	615	
	Стратегическое планирование	622	
	Определение основного театра военных действий	625	
	Коалиционные вооруженные силы	626	
	Выбор направления главного удара	628	
	Группировка сил на театре военных действий	629	
	Подготовка и оборудование театра военных действий	630	
	Способы стратегического наступления	633	
	Подготовка и ведение операций	638	
		Библиография	642
		Указатель имен	652

Василий Михайлович Кулиш

История второго фронта

Редактор В. С. Лупач. Редактор издательства Е. А. Мишакова
Художественный редактор Ю. П. Трапаков. Художник В. А. Медникова
Технический редактор Л. И. Куприянова

Сдано в набор 16/VII 1971. Подписано к печати 21/X 1971. Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 41,94. Уч.-изд. л. 45,5. Тираж 25000. Бумага № 2. Т-17216. Тип. зак. 432.
Цена 3 р. 04 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
1-я типография изд-ва «Наука», Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

**ИСТОРИЯ
ВТОРОГО
ФРОНТА**

В.М. Жулиш